

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

~~Vet. Slaw Per. 2~~

Vet. DK4. S2775 085

~~Vet. Slaw Per. 2~~

Vet. DK4, 52775 085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ .

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга девятая.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

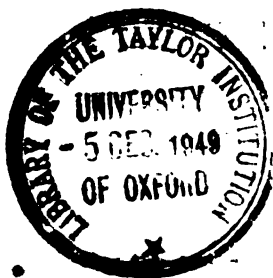
ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРИЕВА.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 20-го сентября 1850 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Ценсоръ *Н. Еламинъ.*

Редакторъ *К. Масальскій.*

Издатель *К. Жерняковъ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

Стр.

Сентябрь 27—34

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Тайный наказъ, данный при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667 и 1668 годахъ въ Испаніи и во Франціи. К. Мавальскаго. (Продолженіе). 1—24

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. 1—50
Извѣстія съ Кавказа. 51—54
Иностранныя извѣстія. 55—122

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Сцена изъ журнальной жизни. Соч. А. Н. 1—3
Соч. Н. Сулова. 4—4
Соч. Н. Сулова. 4—5
Вечеръ. Соч. Н. Чеха. 5—6
Казакъ. Соч. Его же. 7—8
Русскія пѣсни. Соч. М. Владимірова и Г. Серебрякова. 8—12
Анота. Повѣсть. Соч. П. Карбутовскаго 1—16

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Эрнестъ Мальтраверсъ. Романъ Э. Л. Вульверн. (Переводъ съ англійскаго). Книжки IV, V и VI. (Продолженіе) 1—128

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Очерки древней литературы. I. Дифирамбическая поэзія, или пѣсни Пировъ древнихъ Грековъ. Соч. С. Дамилевскаго. 1—6
Промышленность и торговля. Обзоръ дровяной торговли. М. Затѣйщикова. 7—24

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Записки Санктпетербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества. Томъ II вып. 1.—76. Mémoires de la Société Impériale d'Archéologie de St.-Pé-

tersbourg.—77. О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Историческое изслѣдованіе В. Шульгина.—78. Крушеніе корабля Невы, у береговъ Ново-Архангельскаго порта. С. Маркова.—79. Измѣренія для опредѣленія разности высотъ Чернаго и Каспійскаго морей, произведенныя гг. Фуссомъ, Савичемъ и Заблеромъ.—80. Poésies de Marie Hloroff.—Библиографическое извѣстіе. 81. Каталогъ дублетовъ Императорской Публичной Библіотеки.

1—34

С М Ъ С Ъ.

Записки переселенца. Статья г. Вивана Босе. — Парфогодово. Юмористическій очеркъ.—Волки и малютки. Истинное происшествіе.—Зданіе всемірной выставки въ Лондонѣ.

Новости ученаго міра. Императорское Археологическое Общество.—Новѣйшія усовершенствованія сдѣланныя на Французскихъ писчебумажныхъ фабрикахъ.—Бѣлый порохъ.—Новая кормовая трава.—Новый видъ злака.—Микроскопъ Годена.

Общепользное. Домашній лечебникъ: Остановка молока у женщинъ.—Отъ цынготной.—О сбереженіи волосъ у дѣтей.—Хозяйство: Значеніе хозяйки.—Сбереженіе плодовъ въ прокъ на зиму.—Четыре средства.—Сбереженіе свѣжихъ цвѣтовъ.—Варенье изъ вишенъ.—Средство чистить лайковыя перчатки.—*Совѣты матерямъ:* Обязанности матери.—Воля.—Качества.—Истина, любовь и справедливость.—Мать есть первый источникъ всѣхъ семейныхъ радостей.—Вѣрованіе въ милосердіе и могущество Божіе.

Похожденія провинціала въ столицѣ.

Русская Почта. Письмо изъ Якутска.—Замѣчаніе на статью г. Косухина, помѣщенную въ апрѣльской книгѣ «Сына Отечества».

Иностранная почта.

Мысль и улыбка.

Петербургскія моды.

Русскія книги. 1—116

Приложенія:

1. Карта Даніи и Шлезвиг-Гольштейна.
2. Наружный видъ и планъ зданія для всемірной выставки въ Лондонѣ.
3. Картичка парижскихъ модъ.

СЕНТЯБРЬ.

Сентябрь, по церковному сентебрій (30 дней) по славянски—рюсь, вресель. До Петра Великаго съ сентября начиналась нашъ старинный годъ. Имя *паофи*, которое мѣсяць этотъ носилъ у Египтянъ и *praedromion*, которымъ называли его Греки, было, какъ то, такъ и другое, аллегоріею солнечнаго равноденствія, бывающаго въ это время года. Мѣсяць этотъ былъ вторымъ въ египетскомъ году и третьимъ по афинскому календарю. Ромуль опредѣлилъ ему другое мѣсто, и сдѣлалъ его седьмымъ, давъ ему числительное названіе *september*, которое Цезарь также оставилъ; измѣнивъ римскій календарь. Онъ сдѣлался только девятымъ съ-тѣхъ-поръ какъ годъ началъ считаться съ перваго января. Вулканъ почитался его богомъ покровителемъ. Сенатъ римскій хотѣлъ дать мѣсяцу этому имя Тиверія, но тотъ воспротивился. Домиціанъ прозвалъ его своимъ проименованіемъ—Германникомъ; въ правленіе Антонина благочестиваго, сентябрь назывался именемъ этого Императора. Императоръ Коммодъ называлъ его своимъ прозвищемъ, Геркуліаномъ; Тацитъ Императоръ именовалъ его Тацитомъ. Но всѣ эти названія не удержались, и осталось только названіе сентября.

Поэтъ Авзоній олицетворяетъ сентябрь подъ образомъ нагаго человѣка, съ плащемъ на плечѣ, развѣваемомъ вѣтромъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ ящерицу, привязанную на веревкѣ, которая бьется на воздухъ; у ногъ его два чана, приготовленные для выжимки винограда. Позднѣйшіе Римляне изображаютъ сентябрь человѣкомъ, съ улыбающимся лицомъ, увѣнчаннымъ хмѣлемъ и одѣтымъ въ пурпуръ, съ вѣсами въ одной рукѣ и съ рогомъ изобилія въ другой, изъ котораго падаютъ виноградъ и разные плоды. Въ сентябрѣ дѣлается взметъ пашень и расчистка покосовъ, заросшихъ кустарникомъ. Съ половины сентября снимаютъ съ обыкновенныхъ русскихъ овецъ такъ-называемую рунную или лѣтнюю шерсть, которая лучше и вполтора раза дороже зимней. Въ этомъ мѣсяцѣ приступаютъ также къ уборкѣ овощей, какъ-то: картофеля, рѣпы, свекловицы, брюквы и т. п., изъ которыхъ первыи, особенно должно хорошо сохранять на зиму, дабы онъ не подвергался порчѣ. Для этого употребляютъ разные способы. Кому желательно, чтобы картофель сохранился долгое время не пуская ростковъ, тотъ долженъ класть его на сдои толченаго угля. Картофель сохраняется также и въ кучахъ, круглыхъ, заостренныхъ и продолговатыхъ и прикрытыхъ сверху достаточно соломою отъ мороза. Наконецъ картофель сохраняется въ иныхъ мѣстахъ въ ямахъ или просто въ четырехугольныхъ и круглыхъ котловинахъ, такъ называемыхъ *силосахъ*. Г. Курлевичъ, помѣщикъ Смоленской губерніи (Земледѣльч. Газета 1843 г. № 8) предлагалъ сохранять картофель въ *проточной водѣ*. Въ концѣ сентября домашній скотъ ставится на зимній кормъ.

Въ сентябрѣ (11 числа), ровно въ 12 часовъ средняго петербургскаго времени, солнце будетъ находиться на экваторѣ, переходя изъ сѣвернаго полушарія въ южное. Въ это время жители экваторіальныхъ странъ будетъ имѣть въ полдень солнце въ зенитѣ, или отвѣсно надъ головою, и на всей землѣ день будетъ равенъ ночи. Въ сѣверномъ полушаріи начнется при этомъ осень, а въ южномъ весна.

Точка неба, въ которой солнце будетъ находиться на экваторѣ, или, выражаясь астрономически, гдѣ эклиптика пересѣкается экваторомъ, лежитъ въ созвѣздіи Дѣвы, близко отъ созвѣздія Льва, но во время Иппархова, за полтора столѣтія до Р. Х.: она находилась въ созвѣздіи Вѣсовъ. Последнее созвѣздіе, вѣроятно, получило такое названіе, въслѣдствіе равенства и равнонощія, случавшихся повсѣмѣстно въ то время, когда въ немъ находилось солнце.

Въ сентябрѣ солнце восходитъ:

1 числа. 11 числа. 21 числа. 30 чис.

Въ С.-Петербургѣ	5 ч. 24 м.	5 ч. 47 м.	6 ч. 11 м.	6 ч. 32 м.
— Москвѣ . . .	5 — 28 —	5 — 47 —	6 — 7 —	6 — 25 —
— Архангельскѣ	5 — 16 —	5 — 45 —	6 — 16 —	6 — 42 —
— Астрахани . .	5 — 36 —	5 — 49 —	6 — 2 —	6 — 14 —
— Иркутскѣ . . .	5 — 31 —	5 — 48 —	6 — 5 —	6 — 20 —
— Казани	5 — 27 —	5 — 47 —	6 — 7 —	6 — 24 —
— Кіевѣ	5 — 33 —	5 — 48 —	6 — 4 —	6 — 18 —
— Ригѣ	5 — 26 —	5 — 47 —	6 — 7 —	6 — 27 —
— Тюльскѣ	5 — 38 —	5 — 49 —	6 — 0 —	6 — 10 —
— Тобольскѣ . . .	5 — 24 —	5 — 46 —	6 — 8 —	6 — 29 —

Въ томъ же мѣсяцѣ солнце заходитъ:

1 числа. 11 числа. 21 числа. 30 чис.

Въ С.-Петербургѣ	6 ч. 27 м.	5 ч. 57 м.	5 ч. 26 м.	5 ч. 0 м.
— Москвѣ	6 — 22 —	5 — 56 —	5 — 30 —	5 — 8 —
— Архангельскѣ	6 — 34 —	5 — 58 —	5 — 22 —	4 — 51 —
— Астрахани . . .	6 — 16 —	5 — 56 —	5 — 36 —	5 — 19 —
— Иркутскѣ	6 — 21 —	5 — 57 —	5 — 34 —	5 — 12 —
— Казани	6 — 23 —	5 — 57 —	5 — 31 —	5 — 8 —
— Кіевѣ	6 — 19 —	5 — 57 —	5 — 34 —	5 — 15 —
— Ригѣ	6 — 24 —	5 — 57 —	5 — 30 —	5 — 6 —
— Тюльскѣ	6 — 12 —	5 — 55 —	5 — 38 —	5 — 23 —
— Тобольскѣ . . .	6 — 26 —	5 — 57 —	5 — 29 —	5 — 4 —

Луна въ первой четверти 1 числа; полнолуніе 9 числа; послѣдняя четверть 16; новолуніе 23 сентября.

5-го числа случится наибольшее разстояніе Луны отъ Земли; а 14 числа представится интересное явленіе покрытія луннымъ кругомъ свѣтлой красноватой звѣзды 1 величины Алдебарана. Это явленіе весьма удобно можно наблюдать театральною зрительною трубкою.

Сентября 13, наибольшая южная широта планеты Меркурія, а 26 числа нижнее его соединеніе съ Солнцемъ. Во все это время, Меркурій находится во-время сумерекъ очень низко надъ горизонтомъ, и потому нѣтъ никакой надежды видѣть его простыми глазами въ теченіе нынѣшняго мѣсяца.

Венера движется теперь по созвѣздію Вѣсовъ, гдѣ она 24 числа достигнетъ наибольшаго восточнаго отдаленія отъ Солнца = $46\frac{1}{2}$ град. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ Венеру трудно видѣть довольно низко на юго-западномъ небѣ, вскорѣ послѣ захода солнца.

Марсъ, по близости своей къ Солнцу, исчезаетъ въ вечернихъ сумеркахъ и невидимъ для невооруженнаго глаза.

Юпитеръ погруженъ въ солнечные лучи, и потому невидимъ.

За то Сатурнъ будетъ видимъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ почти цѣлую ночь, и 29 числа, въ самую полночь, будетъ стоять на югѣ. Онъ восходитъ 1 числа, въ 8 часовъ вечера, и блещетъ въ созвѣздіи Рыбъ, немного правѣе и ниже трехъ свѣтлыхъ звѣздъ, характеризующихъ созвѣздіе Овна. Эта планета свѣтитъ нынѣ какъ звѣзда 1 величины, и въ порядочную зрительную трубу можно хорошо видѣть свѣтлое кольцо, ее окружающее. Это кольцо составляетъ одинъ изъ

звѣздныхъ и любопытнѣйшихъ небесныхъ предме-
товъ.

И Урана можно наблюдать въ текущемъ мѣсяцѣ. Только для этого, какъ обыкновенно, нужно употребить зрительную трубу, потому-что безъ нея Уранъ едва видимъ глазу,

Темнота сентябрьскихъ ночей, при ясномъ ночномъ небѣ, необыкновенно благоприятствуетъ созерпанію звѣздныхъ свѣтъ. Теперь, спустя нѣсколько времени по закатѣ солнца, при взглядѣ на звѣздное небо, млечный путь прямо кидается въ глаза, но мы видимъ теперь другую его часть, чѣмъ въ январѣ и февралѣ. Въ началѣ года, эта свѣтлая полоса видѣлась намъ въ созвѣздіяхъ Близнецовъ, Оріона, Малого и Большаго Псовъ; въ настоящемъ же мѣсяцѣ (равно какъ и въ августѣ) млечный путь станется яснѣе, шире и развоенною полосою, проходя по созвѣздіямъ Кассіопеи, Лебеда, Орла, и спускается къ эклиптикѣ. Онъ представляется намъ въ видѣ блѣдно-матовой свѣтлой полосы, идущей отъ юго-западнаго горизонта къ югу, чрезъ меридианъ, которая потомъ, поднявшись высоко къ зениту, снова спускается, на сѣверо-восточномъ небѣ, къ сѣверному горизонту.

Близъ горизонта, тамъ, гдѣ млечный путь спускается, направляясь отъ Ю. З. къ Ю. Ю. З. онъ дѣлится какъ бы на нѣсколько отдѣльныхъ полосъ. На горизонтѣ находится тутъ передняя часть Стрѣльца, замѣтнаго у насъ только слабыми звѣздами, не ярче третьей величины. Одна изъ отдѣльныхъ полосъ проходитъ чрезъ восточную ногу Фой-
уа.

Тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые бы желали узнать подробности объ этомъ кодычѣ и вообще обо всѣхъ небесныхъ тѣлахъ, астрономическимъ астрономии, мы отсылаемъ къ прекрасному сочиненію извѣстнаго нашего ученаго М. С. Хотинскаго «Астрономія для всѣхъ образованныхъ читателей». Эта общепонятно написанная книга продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Вотъ положеніе созвѣздій, имѣющее мѣсто въ началѣ сентября въ девятомъ, а во второй половинѣ мѣсяца въ восьмомъ часу вечера.

Взглянемъ сперва на ту часть зодіака, которая возвышается на сентябрьскомъ вечернемъ небѣ въ упомянутые часы. Близъ горизонта на З. Ю. З. видна еще восточная изъ двухъ свѣтлыхъ звѣздъ Вѣсовъ *. Рядомъ съ нею, на лѣвой рукѣ, созвѣздіе Скорпіона, въ которомъ ярко-красная звѣзда 1 величины, Антаресъ, уже скрывается подъ горизонтъ. Надъ Скорпіономъ, вмѣстѣ и въ зодіакѣ и въ млечномъ пути, является южная часть Офіуха или Змѣеносца. Далѣе къ В. видна сѣверная часть Стрѣльца, котораго южная половина никогда не бываетъ видимою въ нашихъ широтахъ. Еще восточнѣе, на южномъ небѣ, лежитъ Козерогъ съ своими замѣтными звѣздами на рогахъ и хвостѣ. Влѣво отъ Козерога, на Ю. В. слѣдуетъ Водолей, надъ которымъ, въ средней и южной полосахъ Россіи видна звѣзда 1 вел. Фомахандъ, на рылѣ южной Рыбы; у насъ же въ Петербургѣ, по причинѣ слишкомъ сѣвернаго положенія, эта звѣзда не восходитъ надъ горизонтомъ. Еще лѣвѣе, на Ю. В., простирается обширное, хотя и не блестящее созвѣздіе Рыбъ, въ которомъ теперь красуется свѣтлая планета Сатурнъ.

На В. С. З. поднялся Овенъ, подъ которымъ, на сѣверо-восточномъ горизонтѣ, восходитъ Телецъ съ Плеядами, Гіадами и краснымъ Алдебараномъ.

Въ млечномъ пути, на Ю. Ю. З. надъ Офіухомъ и на восточномъ краѣ блѣдно-свѣтлой полосы, блещетъ красивый Атаиръ, въ созвѣздіи Орла. Подъ Орломъ находится Антиной, вправо отъ котораго, немного книзу, видны въ млечномъ пути три звѣзды 3 вел., на одной прямой линіи: онѣ принадлежатъ къ хвосту Змѣя, держамаго Офіу-

* Ее зовутъ *Зубенешмали*.

конъ. Къ Западу отъ этихъ звѣздъ, на южномъ небѣ (сре-
ди млечнаго пути) находится созвѣдіе Щита, близъ кото-
раго, даже небольшими зрительными трубами, замѣчается
нѣсколько туманныхъ пятенъ.

Надъ Орломъ, млечный путь является самымъ широкимъ
своимъ мѣстомъ *. Здѣсь, немного къ З. отъ меридіана, сто-
ятъ Лисица съ Гусемъ и Стрѣла, надъ которыми, высоко на не-
бѣ, красуется созвѣдіе Лебеда. Далѣе млечный путь за-
ворачиваетъ влѣво, на сѣверо-восточное небо, и яркою голо-
вою касается головы Цефея. Пониже блестятъ пять яркихъ
звѣздъ Кассіонеи, похожихъ на латинскую букву W. Еще
ниже и ближе къ В. красуется Персей, съ двумя звѣздами
3 вел. Алгенибомъ и Алголемъ, а полѣвѣе Персея свѣтитъ
яркая Капелла въ созвѣдіи Возничаго.

На сѣверномъ небѣ легко найти Полярную-звѣзду, кото-
рая въ то время, какъ звѣздный сонмъ совершаетъ свое су-
точное обращеніе, постоянно остается почти на одномъ мѣ-
стѣ. Въ сентябрѣ, Полярная-звѣзда есть ярчайшее свѣти-
ло, глядя отъ зенита къ сѣверу. Влѣво отъ нея замѣтны
дѣ остальные свѣтлыя звѣзды Малой Медвѣдицы.

Ниже и влѣвѣ Полярной-звѣзды на С. С. З. стоитъ Боль-
шая Медвѣдица, такъ замѣчательная своими семью свѣт-
лыми звѣздами, а полъ ея хвостомъ, Ловчіе Псы и Малый
Левъ возвышаются еще надъ С. С. З. горизонтомъ.

Между Большою Медвѣдицею и Капеллою находится бѣд-
ное звѣздами созвѣдіе Рыси. Мѣсто между Полярною-звѣ-
здою, Персеемъ и Возничимъ занято Камелопардомъ, а меж-
ду Лирою и Полярною извивается Драконъ, голова кото-
раго ознаменована пятью звѣздами **, между Лирою и грудью
Малой Медвѣдицы.

* Около тридцати градусовъ шириною.

** Двѣ изъ нихъ третьей величины.

Вправо и повыше Лебеда блеститъ Лира, а надъ нею стелется къ З., созвѣдіе Геркулеса, котораго сѣверная половина никогда не заходитъ въ Петербургъ. Вправо отъ Геркулеса, на З., созвѣдіе Сѣвернаго Вѣнца, подъ которымъ свѣтлый Арктуръ спускается къ горизонту.

Восточное небо заято созвѣдіями Андромеды и Пегаса, подъ которымъ съ Ю. на Ю. В. стелется огромное созвѣдіе Кита. Пегасъ весьма замѣтенъ четырьмя свѣтлыми звѣздами, образующими большой правильный четырехугольникъ.

Нѣсколько восточнѣе Орла, подъ Лебедемъ, находится неблестящее, но весьма характерное расположеніемъ звѣздъ небольшое созвѣдіе Дельфина.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ,

данный при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667 и 1668 годахъ въ Испанію и во Францію.

**ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ СТОЛЬНИКУ ПЕТРУ ПОТЕМКИНУ
И ДЯКУ СЕМЕНУ РУМЯНЦОВУ.**

(Продолженіе.)

А будетъ въ которомъ городѣ удѣльные князи или въ южныхъ городахъ бурмистры и ратманы, или во французской землѣ удѣльные князи, и королевскіе совѣтники, и ближніе люди, велеть имъ быти, у себя, или кто ихъ позоветъ къ себѣ ѣсти, а они у Короля еще не были.

И имъ къ нимъ не ходить, а отговариваться противъ того жъ, какъ писано о томъ выше сего во Испанскомъ на казѣ.

Да какъ они въ тотъ городъ, гдѣ будетъ Король, придутъ и на подворье ихъ поставятъ, и имъ приказати къ королевскимъ совѣтникамъ, чтобъ они до Королевскаго Величества донесли, чтобъ Королевское Величество велѣлъ имъ быти у себя вскорѣ, и напередъ приказати съ приставы, котораго дня у Королевскаго Величества быти имъ на посольствѣ, и въ то-бъ время, у Королевскаго Величества иныхъ государствъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ никого не было.

Да какъ Король быти имъ у себя велитъ, и про то объявятъ же, что въ то время, какъ имъ быти на посольствѣ у Королевскаго Величества, иныхъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ не будетъ—и стольнику Петру и Дьяку Семену къ Королю ѣхать, а пришедъ къ Королю правити отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, поклонъ.

А молють:

Бога въ Троицѣ славнаго милостию Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, (*полный титулъ*) вамъ брату своему пресвѣтлѣйшему и всемилостивѣйшему Великому Государю Лудвигу четвертому на десять, Божію милостию Королю Французскому и Наварскому и иныхъ, велѣлъ поклонитися и свое Царскаго Величества здоровье вамъ сказать, а ваше Королевскаго Величества здоровье видѣти.

И поклонитися по обычаю рядовымъ поклономъ.

А какъ Король спроситъ про здоровье Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и Петру молють: Какъ мы поѣхали отъ Великаго Государя своего, отъ его Царскаго Величества, и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ Отчичъ и

Дядичь и Наслѣдникъ и Государь и обладатель Его Царское Величество, на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго Царствія, далъ Богъ въ добромъ здоровьи.

И подать Королю Великаго Государя грамоту, а мольбу:

И Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель, восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ, Отчичь и Дѣдичь и Наслѣдникъ и Государь и Обладатель прислалъ къ вамъ, брату своему Великому Государю, къ Вашему Королевскому Величеству своего Царскаго Величества любительную грамоту, и грамоту поднести Королю въ камкъ *.

И какъ ихъ Король позоветъ къ рукъ, и имъ къ рукъ идти.

А послѣ того говорить рѣчь о дѣлахъ, а мольбу: Божіею милостию Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ Государствъ и земель, восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ Отчичь и Дѣдичь и Наслѣдникъ и Государь и обладатель, Его Царское Величество вамъ Престѣлѣйшему и Вельможѣйшему Великому Государю брату своему, Вашему Королевскому Величеству, велѣлъ говорить: что во многомъ продолженіи братственныхъ вашихъ обязательствъ Великихъ Государей любительныхъ ссылокъ не было, зачѣмъ время военное не допустило, однако же мы Великій Государь нашъ Царское Величество незабытыя на васъ брата нашего и Великаго Государя, Ваше Королевское Величество, имѣя надежность и братственную любовь въ сердце нося, неотменно ко всякимъ благополучнымъ поступкамъ сподожение содержимъ, а изъ сего нашего добраго намѣренія довелись намъ Великому Государю любительною нашою грамотою васъ, брата нашего Великаго Государя назначать и Вашего Королевскаго Величества намъ желательное здоровье слышать и радость святаго покоя объявить, чтобъ за Божіею помощію, между насъ Великимъ Государемъ

* Тамъ имъ шелку и золота.

ремъ Нашимъ, Царскимъ Величествомъ и братомъ Нашимъ наяснѣйшимъ Великимъ Государемъ Яномъ Казимеромъ, Божіею милостию Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ отъ продолжительной войны учинился покой и учинено перемиріе, какъ о томъ святомъ покоѣ въ нашей, Великаго Государя Нашего Царскаго Величества грамотѣ вамъ брату своему Великому Государю Вашему Королевскому Величеству, пространно объявлено, и надѣмся мы Великій Государь наше Царское Величество, что вы братъ нашъ и Великій Государь, ваше Королевское Величество сіе покоя христіанскаго объявленіе въ пріятство почтете и за общую христіанскую утѣху примете, и не меньше иныхъ братьей нашей, окрестныхъ Великихъ Государей съ нами Великимъ Государемъ съ нашимъ Царскимъ Величествомъ, братственную испомочную дружбу и любовь, имѣти похочешь и доброхотственнымъ сосѣдомъ и другомъ быти.

И нынѣ послали мы, Великій Государь наше Царское Величество къ вамъ брату нашему, къ Великому Государю къ вашему Королевскому Величеству съ нашего Царскаго Величества, любительною грамотою посланниковъ нашихъ Стольника Петра Пваповича Потемкина, да Дьяка Семена Румянцова, и наказали имъ про наше Великаго Государя нашего Царскаго Величества здоровье, вамъ Великому Государю брату нашему, вашему Королевскому Величеству сказать, а ваше Великаго Государя брата нашего, вашего Королевскаго Величества здоровье видѣти, и нашу Царскаго Величества, вашему Королевскому Величеству подвижность къ любительной дружбѣ объявить, чтобы впредь между насъ обоихъ Великихъ Государей надежная дружба и любовь соблюдалась и возрастала.

А буде Королева будетъ въ той же Палатѣ при Королѣ.

И имъ отъ Великаго Государя, Царя, и отъ Великія Государыни Царицы и Великія Княгини Марьи Ильичны Королевѣ поклонъ править, и рѣчь говорить противъ того жъ, какъ писано выше сего въ Гншпанскомъ наказѣ и къ рукѣ къ Королевѣ ити.

А буде Король пришлетъ къ нимъ со столомъ и имъ на Королевскомъ жалованье бить челомъ,

А буде Король позоветъ ихъ къ себѣ ѣсть.

И имъ къ Королю за столъ ѣхати, а чинъ и учтивость во всемъ имѣть, потому какъ о томъ писано выше сего въ сепъ же наказѣ.

А буде учнуть къ нимъ королевскіе ближніе люди при-
казывать, котору они Царскаго Величества грамоту Королев-
скому Величеству подали и ту Царскаго Величества грамоту
перевести у нихъ некому, и буде у нихъ съ той грамоты
есть списокъ по латынѣ или по нѣмецки и они бы имъ къ
нимъ прислали.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену, Великаго Государя
съ грамоты къ королевскимъ думнымъ людямъ списокъ по-
слати, каковъ съ ними списокъ посланъ по латынѣ.

И послѣ того приказати съ приставомъ къ королевскимъ
думнымъ людямъ, чтобы Королевское Величество велѣлъ имъ
быти у себя на дворѣ, и у своихъ Королевскаго Величе-
ства думныхъ людей въ отвѣтѣ.

Да какъ имъ быти велеть, и имъ пришедъ Королю че-
ломъ ударить, что они были у стола или прислалъ къ нимъ
со столомъ, а послѣ того идти къ думнымъ людямъ во
отвѣтѣ.

А будучи въ отвѣтѣ съ думными людьми говорить меж-
ду Великаго Государя Его Царскаго Величества и Великаго
Государя ихъ Его Королевскаго Величества о братской
дружбѣ и любви, и о посольскихъ ссылкахъ, и о торговлѣ
противъ того жъ, какъ написано и въ Гишпанскомъ наказѣ.

А какъ имъ отвѣтъ учинять и имъ думнымъ людямъ го-
ворити, чтобъ Королевское Величество велѣлъ ихъ къ Цар-
скому Величеству отпустить, не задержавъ, и противъ Цар-
скаго Величества грамоты послалъ съ ними свою Королев-
скаго Величества грамоту.

Да какъ ихъ Французскій Король велеть отпустить и гра-
моту къ Великому Государю, велеть имъ дать при себѣ.

И Петру и Дьяку Семену, къ Королю идти и грамоту при-
яти, а напередъ того приказати къ Королевскимъ ближ-
нимъ людямъ, чтобъ въ королевской грамотѣ Царскаго Ве-
личества именованье и титула написано было сполна противъ

того, какъ писано въ его Царскаго Величества грамотѣ, и о томъ говорити противъ того жъ, какъ писано въ Гипшанскомъ наказѣ.

А буде Король быти имъ на отпускѣ у себя не велить, а пришлетъ къ нимъ грамоту на дворѣ.

И Петру и Дьяку Семену на подворьѣ грамоты не принимать, а проситься къ Королю.

А какъ имъ грамоту при Королѣ дадутъ, и имъ говорити и съ приставомъ приказывати, чтобъ имъ съ той грамоты дали списокъ по латынѣ, чтобъ имъ видѣть сполна ли Царскаго Величества титуло въ королевской грамотѣ и на подписи написано, и французскаго письма прочесть у нихъ некому, да и нынѣ Царскаго Величества съ грамоты, какова съ ними къ Королевскому Величеству прислана, списокъ присланъ писанъ по латынѣ жъ, для того, что у нихъ русскому языку напередъ сего переводчиковъ не было.

Да однолично * добиться съ грамоты списка по латынѣ, чтобъ переводчику списокъ съ грамоты, и на грамотѣ подпись умѣлъ прочесть, чтобъ было противъ того, какъ Царскаго Величества именованье и титуло написано въ Его Царскаго Величества грамотѣ.

Да буде провѣдають, что въ королевской грамотѣ и на подписи Великаго Государя, именованье и титулы написаны и будутъ несполна и имъ приказывать къ королевскимъ думцимъ людямъ, чтобъ они до Королевскаго Величества донесли, чтобъ Королевское Величество въ той грамотѣ Царскаго Величества именованье и титулы велѣлъ написать сполна, а буде что не дописано и то бъ велѣлъ приправить, и стояти о томъ накрѣпко, а говорить учтиво и остерегательно.

И буде учнуть имъ говорить, что у нихъ во французскомъ Государствѣ такъ повелось Государскихъ имянъ и титулъ въ грамотахъ не пишутъ, и Петру и Дьяку Семену говорить въ прошломъ 123 году, (1614) какъ были Его Королевскаго Величества отца высокославныя памяти у Великаго Государя у Его Королевскаго Величества, Великаго Государя

* Однимъ своимъ лицомъ, т. е., тайно, секретно.

вашего Его Царскаго Величества, отца блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Теодоровича всея Великія Россіи Самодержца посланники, Иванъ Кондыревъ, дьякъ Михайло Невѣровъ, и въ то время въ его королевской грамотѣ, какова послана была съ ними, къ Царскому Величеству, Царскаго Величества именованье написано было не сполна и они о томъ выговаривали, и въ той королевской грамотѣ Царскаго Величества именованье, что было недописано исправили.

А буде судомъ Божіимъ Французскаго Короля не стало, а на его мѣсто учинился Королемъ иной кто.

И Петру и Дьяку Семену дѣлати о томъ, примѣняясь къ тому, какъ писано въ Гишпанскомъ наказѣ.

А буде ихъ во Французской землѣ учнутъ спрашивать, какъ нынѣ Великій Государь, Его Царское Величество, съ окрестными государями, и имъ о томъ говорити, какъ у нихъ написано въ Ишпанскомъ наказѣ.

А о вѣстяхъ во Французской землѣ, провѣдывать примѣсь къ Ишпанскому наказу.

А однолично имъ вѣдучи въ Гишпанскую и во Французскую землю, Великаго Государя грамоты и наказы держати у себя, а назадъ вѣдучи, изъ Гишпанскія и изъ Французскія земли, къ Великому Государю грамоты жъ и верстовые письма, тайно, съ великимъ береженіемъ, чтобъ про то никто не вѣдалъ, и на станахъ, гдѣ случится постоять, быть осторожнымъ и лишнихъ словъ съ иноземцы не говорити и Московскихъ никакихъ мѣръ и вѣстей никому не рассказывать, а быть во всякихъ мѣрахъ остерегательнымъ и между собою совѣтнымъ, а розни между собою не чинить.

А буде королевскіе ближніе люди учнутъ говорити: объявили они посланники, что Великій Государь, Его Царское Величество, съ Великимъ Государемъ ихъ, съ его Королевскимъ Величествомъ, желаетъ братски дружбы и любви, и тобъ для того слати пословъ своихъ, и тѣмъ Его Королев-

скаго Величества, посламъ мочно ли въ Московское Государство ѣхать и прїѣздъ и отъѣздъ вольной будетъ ли, также и опасная Царскаго Величества грамота на нихъ, съ ними посланники есть ли, и буде есть и они бѣ ту Царскаго Величества опасную грамоту на пословъ имъ дали.

И посланникомъ, объявля королевскимъ ближнимъ людямъ, что посламъ ихъ въ Московское Государство прїѣздъ и отъѣздъ имъ вольной будетъ, и объявля Великаго Государя Его Царскаго Величества опасную грамоту отдать.

Да съ ними же Петромъ и Дьякомъ Семеномъ для раздачи отъ Государевыхъ дѣлъ, послано соболей на шесть-сотъ рублевъ, и гдѣ случится въ Ишпанской или во Французской землѣ, что дати отъ Государевыхъ дѣлъ и имъ давати изъ тѣхъ соболей, что съ ними послано.

А гдѣ, и сколько, и отъ чего кому въ расходъ тѣхъ соболей дадутъ, и имъ тѣ соболы записывать въ расходные книги подлинно и въ правду, а что тѣхъ соболей останется за расходнымъ, и тѣ соболы и расходные книги, привести съ собою къ Москвѣ и подать въ Посольскомъ Приказѣ боярину Леонасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, да Думнымъ Дьякамъ, Горасиину Дохтурову, да Лукьяну Голосову съ товарищи.

А товаровъ имъ Петру и Дьяку Семену и всѣмъ Великаго Государя людямъ, которые съ ними будутъ съ собою никакихъ не имать и будучи въ Ишпанской и во Французской землѣ, не торговать, а буде они какіе товары съ собою изъ Москвы повезутъ и учнутъ имъ будучи въ Ишпанской и во Французской землѣ торговать и имъ Петру и Дьяку Семену отъ Великаго Государя быти въ опалѣ безо всякія пощады, для того, что съ дѣломъ Великаго Государя будучи посланникомъ торговать къ безчестью, и бывають ссоры, отъ чужеземцовъ посмѣхъ*.

Роспись, что послано Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣ-

* Срамъ, насмѣшки.

ля Россіи Самодержца къ Великому Государю къ Филиппу Королю Испанскому впомятыхъ *:

40 соболей въ 400 рублевъ; 40 соболей въ 350 рублевъ; 2 сорока—300 рублевъ; 2—сорока 250 рублевъ; 3—сорока 200 рублевъ; 3 сорока — 150 рублевъ, 3 сорока — по 120 рублевъ, 3 сорока,—80 рублевъ, 2 сорока по 70 рублевъ; 40 къ 60 рублевъ.

Всего 24 сорока, по цѣнѣ 4000 рублевъ.

Да мягкіе рухляди исподовъ горюстайныхъ и пупковъ собольныхъ и исподовъ же бѣлыхъ, хребтовыхъ, всего на 1000 рублевъ.

А у подлиннаго наказа приписъ Дьяка Ефима Юрѣва.

Списокъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, съ грамоты какова послана къ Испанскому доль Филиппу Королю, съ посланники со Стольникомъ и Паштинникомъ Боровскимъ, съ Петромъ Ивановичемъ Потемкинымъ, да съ Дьякомъ Семеномъ Румяновымъ въ 175 (1666) году іюня въ 4-й день.

Бога всемогущаго, и во всѣхъ всяческая дѣйствующаго вездѣ сущаго и вся исполняющаго; и утѣшенія благая вѣсѣмъ чловѣкамъ дарующаго Содѣтеля нашего въ Троицѣ славнаго силою и дѣйствомъ и хотѣніемъ и благоволеніемъ утвердившаго насъ и укрѣпляющаго властію Своею всеильною избранный скипетръ въ православіи во осмотрѣніе Великаго Россійскаго Царствія, и со многими покоряющимися прибылыми государствы дѣдичнаго наслѣдства и обладательства ширно и безмятежно держати на вѣки, мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, и проч. (полный титулъ Государя) Пресвѣтлѣйшему и Веломожитѣйшему Великому Государю брату нашему Доль Филиппу, Божією милостію Королю Кастильскому, Леонскому, Арагонскому, обѣихъ Сицилій Іерусалимскому, Португальскому, Саварскому, Гранадскому, Толедскому, Вален-

* По шпалтѣйшему подарки, называемые сувенирами.

скому, Галлиційскому, Малорцному, Севилійскому, Сардинскому, Кордовскому, Мурціятскому, Алгарвскому, Алгецкому, Гибритарскому и острововъ Канарскихъ, и Индіи, восточной и западной, и острова Тара Фирма и Океана моря, Арцы—Арцуху * Аустрійскому, Арцуху Бургундскому, Брабанскому, и Миланскому, Графу Абшбургскому, Фландерскому, Тирольскому и Варселанскому, Государю Виціанскому и Малинскому, пріятелю и брату нашему любительнѣйшему здравія и пріятственнѣйшаго со множественнымъ благоприращеніемъ всегда желаемъ и просимъ дружное и любительное наше объявленіе: вѣдомо вамъ Великому Государю брату нашему, вашему Королевскому Величеству, что отъ древнихъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ на великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго Царствія были Великіе Государи прародители наши отъ рода Августа Кесаря обладававшего всею вселенною и отъ сродичей его, отъ Великаго Князя Рюрнка, отъ Великаго Князя Владиміра Святославича, отъ Великаго Государя и Великаго Князя Владиміра жъ Всеволодовича Мономаха, отъ Грекъ высокодостоинѣйшую украшеніемъ главы честь воспріимшаго, даже и до Великаго Государя, повсюду хваламъ превысокаго блаженныя памяти праѣда нашего Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Россіи Самодержца и сына его Великаго Государя дѣда нашего блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всея Россіи Самодержца и отца нашего блаженныя памяти Великаго Государя праведнаго въ милости и истиннѣ, изрядно возсіявшаго и великодостоинѣйшаго и неисчетнымъ хваламъ достойнаго греческою, вознесенною славою и честію, въ наслѣдіе отъ рода въ родъ Богомъ вѣнчаннаго, котораго пресвѣтлая царская красота имѣеть христіанскую непреоборимую всегда силу, такъ распространяетъ великую Россію въ долготу и въ широту надъ языки, яко и освѣщаетъ заблуждшихъ въ вѣрѣ народовъ Честнымъ и Животворящимъ Крестомъ Христовымъ Бога разумія правды; Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Ве-

* Эри-Герцогъ.

знія Россіи Самодержца и многихъ государствъ Государи и Обладатели и Великихъ Государей высочайшихъ предковъ нашихъ во всѣхъ великихъ государствахъ, имя слаится и Великая Россія отъ года въ годъ съ подлежащими великими государствами во благихъ вреумножается и многіе острестые Великіе Государи любительную и спомочную ссылку съ нами Великимъ Государемъ съ нашимъ Царскимъ Величествомъ имѣютъ, а съ вами Великимъ Государемъ братомъ нашимъ, съ вашимъ Королевскимъ Величествомъ любительные ссылки даже и до времени сего или за отдаленіемъ страны или по волѣ Всесильнаго Бога, строящаго вся невоистижно во ожиданіе лучшаго времени удержавши, а нынѣ по премногому Всемогущаго Бога къ Христіанскому роду милосердію подвижны есмы за преумножительной Христіанской, отъ разлитія крови святой покой того пресбычальнаго Бога нашего, милость и челоувѣколюбіе прославити повсюду, которой отъ продолжительной войны желаемый покой между насъ Великаго Государа нашего Царскаго Величества и ваяснѣйшаго Великаго Государа Яна Казимира, Короля Польскаго, брата нашего, Его Королевскаго Величества, обновленной братственной любви и между обѣими нашими Великими Государствами и многочисленными Христіанскими народы во всѣхъ домовыхъ устроенияхъ тишина и миръ учивенъ есть и имѣется добръ, якоже сіе Богухвальное Христіанскаго покоя мирное дѣло сначала войны предъ всѣми сосѣдями нашими всежелательствомъ къ миротворенію черезъ пословъ Великихъ Государей Христіанскихъ увредило дражайшихъ и любезнѣйшихъ славными памяти Фердинандуса и нынѣ на Престолѣ Отца своего, дай Боже, долготѣтствующаго Леопольдуса, Божією милостію Царей Римскихъ, братій нашихъ, во общихъ посольскихъ сѣздахъ умиреніемъ со всякимъ доброхотнѣиємъ тогда показано, и за такимъ желательнымъ Христіанскимъ изглаваніемъ между нами святаго покоя, хотя жъ въ сѣздахъ восольскихъ къ совершенію мира время военное тогда не допустило, однакожъ всеильная помощь Божія обоихъ пословъ нашихъ и безъ посредниковъ на перемиріе на тринадцать лѣтъ на шесть мѣсяцевъ привела и утвердила и

оное Богомъ спомочное Христіанское дѣло у обонхъ великихъ и полномочныхъ пословъ нашихъ и комисаровъ въ надеждѣ вѣчнаго и неразорваннаго и впрядь непопорушимаго и нескончаемаго перемирія и съ чего быти имѣсть и совершеніе вѣчнаго мира сіе договорено и утверждено, прежде объявить вамъ Великимъ Государямъ, братіи нашей, и черезъ самихъ насъ Великихъ Государей нашими особами передъ Святымъ Евангелиемъ, во всемъ сдержанъ быти вѣрою утвердить, а въ уставленные сроки впрядь черезъ пословъ нашихъ для крѣпчайшаго совершенія призвати Государей Христіанскихъ посредниковъ на умрение и съ которыми бы мы Великій Государь наше Царское Величество ближайше и усерднѣйше имѣемъ Леопольдуса Цесаря Римскаго брата нашего Его Царскаго Величества въ миротворителяхъ и никогда не отложно желаемъ быти, а надѣемся, что вамъ Великому Государю брату нашему, вашему Королевскому Величеству сіе наше любительное объявленіе, для чего Великій Государь наше Царское Величество съ Богомъ, начавъ о покоѣ Христіанскомъ съ охотою сосѣдей нашихъ поздравляти и ко всякой благодарственной вещи побуждати, а пачежъ Богопріемной и всѣмъ Христіаномъ утѣшной миръ возвѣщати въ пріятство сіе почтете и съ котораго Ваше Королевское Величество неусумнѣваемся, яко Государь Христіанскій за общую христіанскую утѣху принявъ, и не меньше оной о вѣчной дружбѣ съ нами Великимъ Государемъ нашимъ Царскимъ Величествомъ, вѣдая дружайшаго и любезнѣйшаго Великаго Государя Леопольдуса Цесаря Римскаго брата нашего его Цесарскаго Величества непремѣнную и некончаемую братственную спомочную дружбу и любовь похочешъ имѣти и добротвеннымъ сосѣдомъ и другомъ быти, и съ чего бѣ пограничные сосѣди наши, яко солтанъ Турскій и иные, увѣдавъ нашъ Христіанскій и Богоугодный совѣтъ и подвижность къ крѣпчайшей дружбѣ и къ оборонѣ насиліе и кроволитіе на Христіанъ, страхомъ Божиимъ отложатъ и въ дружбѣ сосѣдственной со всѣми Христіаны сдержательны будутъ, и нынѣ послали мы Великій Государь наше Царское Величество къ вамъ, брату нашему къ Великому Государю къ

Вашему Королевскому Величеству съ сею нашего Царскаго Величества любительною грамотою посланниковъ нашихъ, стольника и намѣстника Боровскаго Штра Ивановича Потеккина да Дьяка Семена Румянцова и наказали имъ про ваше Великаго Государя нашего Царскаго Величества здоровье вамъ Великому Государю брату нашему вашему Королевскому Величеству сказать, а ваше Великаго Государя брата нашего вашего Королевскаго Величества здоровье видѣти и нашу Царскаго Величества вашему Королевскому Величеству подвижность къ любительной дружбѣ объявить и о иныхъ належащихъ къ той же обонхъ насъ Великихъ Государей дружбѣ и любви дѣлахъ предложить, и вамъ Великому Государю брату нашему вашему Королевскому Величеству отъ нынѣшняго времени съ нами Великимъ Государемъ братомъ вашимъ съ нашимъ Царскимъ Величествомъ въ дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ яко настоятъ къ лучшему быти, а если въ сей нашей Царскаго Величества грамотѣ ваше Королевскаго Величества именованье и титуло имѣющееся написано не сполна или въ чемъ превеено, и вамъ Великому Государю брату нашему вашему Королевскому Величеству въ томъ на насъ Великаго Государя не подвигать и въ перадѣніе того намъ не почитать, понеже у насъ вашего Королевскаго Величества титуло, чтобъ съ ново-прибылыми было нынѣ неподлинно вѣдомо, и дастъ Богъ, къ намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству вышеназванныхъ посланниковъ вы Великій Государь братъ нашъ съ вашею Королевскаго Величества любительною грамотою отпустить велите, и мы Великій Государь наше Царское Величество васъ брата нашего Великаго Государя вашего Королевскаго Величества любительную грамоту выслушавъ впредь къ вамъ Великому Государю учнемъ ваше Королевскаго Величества именованіе и титуло, въ нашихъ Царскаго Величества грамотахъ писати во всемъ во вашему Королевскаго Величества достоинству съ помыслимъ вашими именованіемъ и титуломъ, какъ вы сами себя въ своихъ грамотахъ именованіемъ и титуломъ къ намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству опишете, и хотимъ мы Великій Государь наше Царское Величество съ

вами Великимъ Государемъ братомъ нашимъ съ вашимиъ Королевскимъ Величествомъ быти въ крѣпкой братской дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ постоянно и съ тѣмъ нашимъ доброхотѣніемъ васъ брата нашего Великаго Государя ваше Королевское Величество Богу Воюющему и въ сохраненіе предаемъ и добраго здравія и счастливаго пребыванія неотвѣнно желаемъ, а посланниковъ нашихъ вамъ Великому Государю брату нашему вашему Королевскому Величеству велѣти бѣ отпустить къ намъ Великому Государю къ нашему Царскому Величеству не задержавъ. Писанъ въ Государствіи нашего Дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданія мира 7175 а еже во плоти отъ Рождества Сына Слова Божія 1667 мѣсяца іюня 4 дня.

А подлинная Великаго Государя грамота писана на большомъ александрійскомъ листѣ, кайма большая и на всемъ листѣ около письма столбики, и около столбиковъ травы * писаны золотомъ и серебромъ; Богословіе и Великаго Государя именованіе Помосковского и Королевскаго Величества имя Покастильскаго писано золотомъ; подпись на загибкѣ думнаго Дьяка Лукьяна Голосова.

Другой списокъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца съ грамоты какова послана ко Французскому и Наварскому Королю съ посланники жъ Стольниковъ и Намѣстникомъ Боровскимъ съ Петромъ Ивановичемъ Потемкинымъ да съ Дьякомъ Семеномъ Румянцовымъ въ 7175 году іюня въ 4-й день.

Бога Всемогущаго и во всѣхъ всяческа дѣйствующаго вездѣсущаго и всясполняющаго и утѣшенія благая всѣмъ челоѣкамъ дарующаго Содѣтеля нашего въ Троицѣ славнаго сіюю и дѣйствіемъ и хотѣніемъ и благоволеніемъ утвердившаго насъ и укрѣпляющаго властію Своею всесильною избранимъ скипетръ въ православіи во смотрѣніе Великаго Россійскаго Царствія и со многими покоряющимися прибылыми Государствы дѣдичнаго наслѣдства и обладательства мирно и безмятежно держати на вѣки.

* Разные рисунки и украшенія.

Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и проч. (сльдуетъ полный титулъ Государя) пресвѣтлѣйшему Великому Государю брату нашему Людовику Бурбонскому четвертому надесять, Божіею милостію Королю Французскому и Наварскому и иныхъ. Царскій межъ Великихъ Государей Христіанскихъ и Богу пріятный имѣется обычай содѣвающихся въ насъ великихъ и къ общему добру належащихъ дѣлахъ другъ другу чрезъ любительныя грамоты объявлять доброхотно вѣдущимъ како добринъ дружи вселяется о дружномъ благополученіи, яко о своихъ благомъ приобрѣтеніи, между которыхъ отъ Бога многихъ похваля достойныхъ къ намъ Великому Государю къ нашему Царскому Величеству израдѣйшаго васъ брата нашего Великаго Государя ваше Королевское Величество хочемъ и нѣтъ и понеже въ прешедшихъ недавнихъ лѣтахъ за нѣкоторыя государственныя ссоры, что нерѣдко во обхожденіи всемирнаго сего корабля бываетъ, между насъ Великаго Государя нашего Царскаго Величества и брата нашего наискрѣйшаго Великаго Государя Яна Казимира Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго и между нашихъ Великихъ Государствъ война имѣлась, которой напоминая, объ успокоеніи въ предваршихъ отъ воплощенія единосущнаго бжтвному Отцу Слова 1654 года нашего Царскаго Величества съ гонцомъ Константиномъ Мачерницкимъ и 1660 лѣта нашего Королевскаго Величества и о добромъ послѣ Делюмбреса къ намъ Великому Государю къ нашему Царскому Величеству вы братъ нашъ Великій Государь, ваше Королевское Величество, любительныя и братскія Пользы исполняныя грамоты прислали есте, называменуя пріятельскія естъ ли намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству полюбится, вы братъ нашъ Великій Государь, ваше Королевское Величество межъ насъ обомхъ Великихъ Государей нашего Царскаго Величества и Его Королевскаго Величества Польскаго для утѣшенія выше названной войны поволите быть доброхотнымъ посредникомъ и со всякимъ желательствомъ общеваетесь сердцемъ радѣть о томъ добромъ дѣлѣ съ пожитка нашего Царскаго Величества и

мы Великій Государь наше Царское Величество тѣ ваши брата нашего Великаго Государя вашего Королевскаго Величества пріятельскіе помянутыя граматы любительно пріяли, яко доброе и братское о добромъ дѣлѣ напоминае и хотя во многомъ продолженіи братственныхъ нашихъ обонихъ Великихъ Государей любительныхъ ссылокъ и не было, время военное на сіе педопустило, однакожь мы Великій Государь наше Царское Величество не забытно на васъ брата нашего Великаго Государя ваше Королевское Величество надежность нѣя и братственную любовь соблюдая неотмѣнно ко всякимъ благополучнымъ поступкамъ любительную подвижность содержимъ, а изъ сего нашего добраго намѣренія довелось намъ Великому Государю пріятельскую нашу граматую васъ брата нашего Великаго Государя навѣдать вашего Королевскаго Величества намъ желательное здоровье слышать и радость святаго и Богупрїятнаго Христіанскаго покоя объявить, что въ нынѣшнемъ во 175 году по общимъ насъ обонихъ Великихъ Государей нашего Царскаго Величества и Королевскаго Величества Польскаго ссылкахъ, съѣзжались наши Царскаго Величества великіе и полномочные послы, бояринъ и намѣстникъ Шатцкій Афанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ съ товарищи его Королевскаго Величества съ великими и полномочными послы и комиссары и на тѣхъ съѣздахъ наши Царскаго Величества вышеизянованные великіе и полномочные послы съ Польскими и Литовскими великими и полномочными послы и комиссары учинили договоръ на перемиріе на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ, а въ тѣ перемирные лѣта быти намъ обонимъ Великимъ Государямъ нашему Царскому Величеству и Его Королевскому Величеству въ братской дружбѣ и любви а между себя во всякихъ мѣрахъ общаго добра хотѣли, и братъ брату лучшаго искоты и недружбамъ всѣмъ, которые отъ начала войны мечемъ или инымъ какимъ непріятельствомъ учинили, во всемъ отставленнымъ и успокоеннымъ и предъ немстительнымъ и непамятнымъ быти, и тотъ договоръ записями укрѣпили и вѣрою утвердили да нашихъ Царскаго Величества великіе и полномочные послы съ Польскими и Литовскими послы и комиссары договоръ учинили,

что въ тѣхъ перемирныхъ лѣтахъ обонхъ намъ Великихъ Государямъ ссылатись и полномочными послы съ обѣ стороны, и искати всякими способами вѣчнаго мира и по склонности насъ обонхъ Великихъ Государей постановлено, что то вышнее постоянное перемиріе для надежды, чтобъ нерушимо было къ вѣчному покою всѣмъ Великимъ окрестнымъ Государямъ въ нашихъ любительныхъ грамотахъ объявить, чтобъ то перемиріе у братья нашей Великихъ Государей окрестныхъ не безъ вѣдомости было, и надѣеся, что вамъ брату нашему Великому Государю, вашему Королевскому Величеству сіе наше любительное объявленіе въ доброе будетъ повеселіе; для чего мы Великій Государь наше Царское Величество, съ Богомъ начавъ о покой Христіанскій, съ охотою содѣйе нашихъ и поздравляти изысканіемъ и ко всякой благодарственной вещи побуждати, а паки благопріемный и всѣмъ Христіанамъ утѣшый миръ дозвѣшати въ пріятство сіе почтете, и съ котораго ваше Королевское Величество неусумиѣваемся, яко Государь Христіанскій за общую Христіанскую утѣху принимавъ и не меньше оныхъ о вѣчной дружбѣ съ нами Великимъ Государемъ съ нашимъ Царскимъ Величествомъ непремѣнную и неокончаемую братственную спомочную дружбу и любовь похочешъ имѣти и пріятнымъ и доброхотственнымъ сосѣдомъ и другомъ быти, и съ сего бѣ пограничныя сосѣди наши, яко Солтанъ Турскій и иные, увѣдавъ нашу Христіанскую и Богоудовную и братолюбную подвижность и крѣпчайшей оборогѣ соудѣ, василіе и кровопролитіе на Христіанъ страхомъ Божиимъ отложить и въ дружбѣ сосѣдственной со всѣми Христіанскими народы сдержательны будутъ, и нынѣ послали мы Великій Государь наше Царское Величество къ вамъ брату нашему къ Великому Государю къ вашему Королевскому Величеству съ сею нашею Царскаго Величества любительною грамотою посланниковъ нашихъ Стольники и Намѣстника Боровскаго Петра Ивановича Потемкина да Дьяка Семена Румицова, и наказали имъ про наше Великаго Государя нашего Царскаго Величества здравье вамъ Великому Государю брату нашему вашему Королевскому Величеству сказать, а ваше

Великаго Государя брата нашего вышнего Королевскаго Величества здоровье видѣти, и нашу Царскаго Величества подвижность изъ любительной дружбы объявить и о вышнихъ належащихъ къ той же обоимъ насъ Великихъ Государей дружбѣ и любви дѣлахъ предложить, чтобъ впредь между насъ Великаго Государя нашего Царскаго Величества и васъ брата нашего Великаго Государя нашего Королевскаго Величества надежная дружба и любовь соблюдалась и возрастала; того ради сей настоянный вышепомянутый перемирный договоръ и поставленье объявить, мы Великій Государь наше Царское Величество васъ брата нашего Великаго Государя ваше Королевское Величество дружно при поздравленіи нашемъ Богу Всемогущему Владыцѣ и Царю въ сохраненіе предаемъ и счастливаго и многожѣтнаго здравія желаемъ, а посланниковъ нашихъ къ намъ Великому Государю къ нашему Царскому Величеству вамъ брату нашему Великому Государю вашему Королевскому Величеству со своею любительною грамотою велѣть отпустить не задержавъ. Писанъ въ Государствіи нашего Дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, мѣсяца отъ созданія міру 7175, а отъ воплощенія Единороднаго Божія Слова 1667 мѣсяца июня 5 дня.

1. А подлинная Великаго Государя грамота писана на большомъ александрійскомъ листѣ; кайма съ фигуры и Богословіе и Великаго Государя имя Помосковскаго и королевское, имя Пофранцузскаго писано золотомъ; подпись дьячья на загибѣ запечатана государственною большою новою печатью на красномъ воску подъ кустодією; послана въ камкѣ въ червчатой. Камки кармазину поль-аршина.

Переводъ съ грамоты съ Латинскаго мѣсяца, что писавъ къ Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Испанской Карлусъ Король съ посланники Стольникомъ Петромъ Потемкинскимъ, да съ Дьякомъ Семеномъ

Гуадишосыль, въ нынѣшнемъ во 177. (1668) году января, въ 20 день.

Мы Карлусъ Божіею милостію Король Костинскій, Леонскій, Арагонскій и обнхъ Сицилій, Іерусалимскій, Люксембургскій, Наварскій, Гранацкій, Толецкій, Валенскій, Кастильскій, Мажорыцкій, Испанскій, Сартынскій, Кордубскій, Корсицкій, Мурційскій, Хіенискій, Алгарвійскій, Алхазрскій, Хиталгарскій и Канарійскихъ острововъ и восточныхъ и западныхъ Индій и острововъ и крѣпкіе земли Окіанскаго-моря, Арцъ-Арцухъ Аустрійскій, Арцухъ Бургундскій, Брабантскій и Медиоланскій графъ Абшпурскій, Фландерскій, Тиронскій и Пардыпонскій, Государь Виціанскій и Молевской и иныхъ и Королева Государыня Марія Анна Аустрійскаго дома мать, помещица и правительница королевскіе церсоны и обладателиница вышереченныхъ королевствъ и государствъ, пресвѣтлѣйшему и вельможнѣйшему Великому Государю брату нашему, Божіею милостію Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу. (всѣ царскій титулъ) другу и брату нашему любезнѣйшему, воздравленіе и дружба наша со умноженіемъ многихъ благъ всегда желаемъ. Пресвѣтлѣйшій и вельможнѣйшій Великій Государь другъ и любезнѣйшій братъ, мы весьма обрадовались, какъ намъ вѣдомо стало, что вашего Царскаго Величества послы въ наши страны пришли, и та радость послѣ того гораздо прещеполицалась, какъ вышереченные послы. Стольникъ и Намѣстникъ Боровскій Петръ Ивановичъ Потемкинъ и Дьякъ Селевъ Румянцовъ въ наши Королевскіе палаты вошедъ и подали намъ любезнѣйшую грамоту, которую ваше Царское Величество въ мартѣ мѣсца въ 17. день прошлаго года къ намъ послали и которая вся наполнена съ особою склонностію, дружедобіа и иныхъ признаковъ ко всякому благоволенію, и изъ той грамоты выразумѣли есмя, что не токмо ваше пресвѣтлѣйшее Царское Величество, вмѣстѣ съ пресвѣтлѣйшею своего Царскаго Величества супругою, съ Великою Государынею Царицею и Великою Княгинею Маріею Ильичною въ доброй здоровьи пребываете, но и свое благоволеніе намъ воздали надежное вѣдомо учинить про договорное и совершенное

перемиріе съ Поляками на 13 лѣтъ и на полъ-года, которыя вѣсть намъ вельми была любезна для ради великихъ благъ и добра всему Христіанству, что отъ того...* будетъ и желаніе, чтобъ то перемиріе повершилось въ постоянный вѣчный миръ, пикогда бѣ не разрывался, потому ваше пресвѣтлѣйшее Царское Величество обнадеживаемъ, что тѣ вашего пресвѣтлѣйшаго Царскаго Величества дружныя и братскія склонности нашей склонности подобны, и равно честь, которую мы къ вашему Царскому Величеству всегда безъ умаленія додержимъ и хотя по сіе число великое разстояніе нашихъ государствъ намъ къ помѣшкѣ было, что мы про межъ себя всякое благодареніе и дружелюбіе оказати не могли, однакожъ мы весьма желаемъ и хотимъ впредь такое время сыскать, въ которое бы намъ наше желаніе въ дѣлѣ объявить вашему пресвѣтлѣйшему Царскому Величеству, которое яко великаго монарха друга и сродника высоко почитаемъ, оказать мочно было, понеже вашему пресвѣтлѣйшему Царскому Величеству благодаримъ за добрую склонность, которую въ томъ ваше пресвѣтлѣйшее Царское Величество съ нами посовѣтуешь и соединяешься, присылаючи къ намъ въ оной своей грамотѣ мая въ 13 день того жъ года писано, провольной проѣздъ, для того, чтобъ наши послы, которыхъ мы для укрѣпленія совѣту добраго, къ вашему пресвѣтлѣйшему Царскому Величеству вскорѣ отъ себя посылать учнемъ безъ помѣшки и туды и сюды пропускать оныя, а до тѣхъ мѣстъ указали мы по вѣстнымъ морскимъ пристанямъ нашихъ государствъ черезъ Еуропу, чтобъ всѣ и всякіе люди вашего пресвѣтлѣйшаго Царскаго Величества, подданные къ вольному торгу припущены были также и съ такою склонностью и поболѣніемъ, яко иныхъ Государей и друзей и союзныхъ подданнымъ ихъ отъ насъ повольню, и чаемъ, что противъ того отъ вашего Пресвѣтлѣйшаго Царскаго Величества нашимъ подданнымъ отказано не будетъ, и о томъ вашего Пресвѣтлѣйшаго Царскаго Величества посламъ велѣли объявить, въ томъ оныи свидѣтели, а

* За ветхостью рукописи невозможно было разобрать написанныя здѣсь слова, и потому оны замѣнены точками. Это правило будетъ наблюдаемо нами и ниже, въ отвѣтныхъ грамотахъ королей испанскаго и французскаго, которыя здѣсь помѣщаются. *Ред.*

когда отъ вашего Царскаго Величества къ нимъ указъ пришелъ, что имъ возвратиться назадъ, и ны вашему Пресвѣтлѣйшему Царскому Величеству возвѣщаемъ, что вышереченные наши послы въ нашемъ Королевскомъ Градѣ такъ умны и чинныхъ себѣ указали, и посольство свое совершили яко надобно слугамъ такого Великаго Государя и пристойно чинъ, что ваше пресвѣтлѣйшее Царское Величество за ихъ службу пожалуешь; сверхъ того Пресвѣтлѣйшее ваше Царское Величество прибѣжно просить, чтобъ помянутымъ своимъ посланъ въ томъ изволилъ повѣрять, что они нашихъ писемъ объявлять учнутъ неточно о торговыхъ дѣлахъ, по во склонности вашего блага, въ которомъ мы зѣло хотимъ жить и въ дѣлѣ оказать, что вашему Пресвѣтлѣйшему Царскому Величеству пригодно и того жъ ради... совѣтывать Пресвѣтлѣйшиимъ Цесаремъ Леопольдусомъ первымъ съ братомъ нашимъ противъ изволенія вашего Пресвѣтлѣйшаго Царскаго Величества, что есмь изъ вашей граматы выразиши и впродъ все учнемъ чинить, что къ большой хвалѣ Господу Богу и къ прибыли всего Христіанства и ко всему мирному покою въ нашихъ государствахъ надобно будетъ, и желаемъ, чтобъ ваше Пресвѣтлѣйшее Царское Величество и ваша Царская корона отъ Превышняго Бога всякими добрыми счастьеми благословена была. Дано въ Королевскомъ нашемъ Дворѣ градѣ Мадридѣ, мая 27 числа 1668 года, а въ низу приписана рука Королевская, Карлуса Матери, а ниже того нацисано Петръ Яганъ Тенканъ Поналголо.

А въ приписи на граматѣ Великаго Государя именованье и титлы написаны сполна, какъ и выше сего.

Грамата, писана на александрійской бумагѣ, вся чернилы.

Прислана безъ обертки.

Переводъ съ граматы Французскаго письма, какову писалъ въ Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Французской Лудвикъ Король съ посланники съ

Столыцникомъ съ Петромъ Потемкинымъ да съ Дьякомъ Семеномъ Румянцовымъ, въ нынѣшнемъ въ 177 году, (1662) января въ 21 день.

Мы Людви́къ Божіею милостию Король Французскій и Наварскій высочайшему превосходительнѣйшему, вельможнѣйшему, великодушному Князю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу (полный титулъ Государя).

Высочайшій, пресвѣтлѣйшій, вельможнѣйшій zelo высокоумнѣйшій княже, братолюбезнѣйшій и преславнѣйшій пріятель.

Нашимъ особливимъ хотѣніемъ приняли есмы грамоту изъ рукъ у посланниковъ вашего Величества у Петра Ивановича Намѣстника Воровскаго и у Дьяка Семена Румянцова прошлаго года Мая 4 числа, которою грамотою ваше Величество когда насъ извѣстилъ и о своемъ къ намъ высокому пріятствію насъ благодарилъ и мысли свои объявляетъ воспоминаіе службъ показанныхъ въ прошлыхъ лѣтахъ вашему Величеству чрезъ грамоту нашу отъ любезнаго посла Антонія Делюмбрета посланную труженіе наше объявили къ вспоможенію успокоенія промежь вашего Величества и братомъ нашимъ Королемъ Польскимъ, кою выразумѣвши Ваше Величество намъ объявляете совершеніе перемирія, которое постановлено есть на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ межъ Государства и Статы вашего Величества въ государствахъ подданныхъ и королевства Польскаго, а потомъ ваше Величество насъ истинною чиниши въ Божіей милости и въ цѣлости добраго здоровья въ постановленіе и о нашемъ постановленіи спрашиваешь черезъ тѣхъ Пословъ, которые намъ о тѣхъ дѣлахъ предложили значиться вельми желати между нами, крѣпко стояти надобно и доброе разсужденіе противъ... христіанскому имени... и на то Вашему Величеству объявляемъ, что намъ любительно было пріятельское ихъ объявленіе и не меньше въ насъ есть тружаніе самымъ добрымъ совершеніемъ къ договорамъ постановити и намъ въ нынѣшнемъ времени добродѣтельство наше праведно объявляемъ, притомъ, какъ не тяготамъ, а и нашей чрезъ шное противенство также объ-

жать равно Вашему Величеству въдоио, что желанное наше
 намъ о насъ учиненное для покоя съ короною польскою въ
 совершеніе не дошло не менѣе того насъ совершеніе и утвер-
 жденіе.... на тринадцать лѣтъ и шесть мѣсяць поставленіе
 есть ли.... и пожиточно и пріятно вашему Царскому Величе-
 ству, чтобъ на продолженіе лѣтъ миреніе положить, а чтобъ
 на то есть, чтобъ вѣчной покой учиненъ былъ межъ обонми
 нашими Христіанскими государствами, и душевно объявляемъ
 вспоможеніе наше и общаемъ, что zelo крѣпко сердечною
 мыслию и въ правдѣ братственной дружатися будемъ, то и
 устроити Вашему Величеству въ томъ нынѣшнемъ повомъ дѣ-
 лѣ всякое доброе и угодное, которое праведно сами можете
 желать и достойно разсуждати, а какъ послы ваши намъ
 предложили Вашего Величества именемъ въ намѣреніи нашимъ
 быть, чтобъ могли наши подданные идти къ Архангельскому
 городу.... устья куплю дѣлати.... своими кораблями.... и вся-
 кіи торговые промыслы.... въ продажѣ и чтобъ ихъ тамъ....
 вольности постановити.... но и въ сохраненіе въ своихъ
 торговыхъ промыслахъ учиниши ихъ, но и приняти ихъ и
 отпустить добровольно, а больше которые иноземцы съ вели-
 кою радостью сіе объявленіе приняли, о которыхъ замыслахъ
 также Вашему Величеству благодаримъ сердечно и равно объ-
 явимъ подданнымъ Вашего Величества, которыя въ устья въ
 государства наши съ кораблями своими пріѣдутъ для торго-
 выхъ своихъ промысловъ и ихъ примутъ и отпустить со вся-
 кою вольностію, чтобъ ихъ пріѣздъ и отъѣздъ былъ вольный
 а что.... себѣ чего добраго желаемъ.... съ стороны вашего
 Величества.... общано, а когда намъ.... въ наши руки по-
 даль о ввозѣ.... Вашего Величества опасную грамоту для
 спасенья въ дорогѣ посламъ, которые бѣ быть могли, кото-
 рыхъ мы думали послать до Двора вашего, также о томъ сер-
 дечно челобитье Вашему Величеству доносимъ и общаемъ
 съ радостію то принять, и чрезъ опасную грамоту ниянован-
 ныхъ нашихъ пословъ послати, какъ увидимъ наилучше и
 способъ быти нашимъ подданнымъ разныхъ установленныхъ,
 которые будутъ еще пространнѣе.... справедливымъ способъ
 договоровъ.... и тѣхъ, которые водятся.... торговыхъ про-
 мыслахъ.... воспоминаемыхъ въ.... объявленіемъ великимъ....

въ которомъ то имѣнъ.... и внутренней братской дружбы...
 Бога просимъ.... и пресвѣтлѣйшій, велеможнѣйшій zelo вы
 сокоумнѣйшій Князь и братолюбительнѣйшій и превышній
 пріятель, чтобъ вамъ въ добромъ здоровьи сохранить изво
 лель.

Писано у святаго Ерманавлое 19 числа сентября 1668 г.
 Написано братъ вашъ добрый.... пріятель Людвикусъ..
 Граматѣ Великаго Государя именованье и титла на
 писано сполна.

Грамата писана французскимъ письмомъ на пергаминѣ.

Прислана безъ обертки.

Продолженіе будетъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РВСКРИПТЪ,

даннѣй на имя Г. Управляющаго Министерствомъ
Юстиціи.

Господицъ Тайный Совѣтникъ Иллчевскій! Во вниманіи къ особымъ трудамъ вашимъ по производству торговъ на литейные откупа предстоящаго съ 1851 г. четырехлѣтія, Всеншлостивѣйше жалуя вамъ препровождаемую при семъ набсерку съ Моимъ портретомъ, пребываю къ вамъ бла-
госклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества ру-
кою подписано:

.НИКОЛАЙ.

Петербургъ, 29-го іюля, 1850 года.

К. IX. — Отд. II.

1

— Въ Высочайшемъ Приказѣ по Военному Вѣдомству, августа 22-го дня, изображено: Государь Императоръ, во вниманіе къ вѣрности и преданности Престолу и всегдашней отличной и славной службѣ полковъ Лейб-Гвардіи: Преображенскаго и Семеновскаго, кои въ нынѣ исполнилось 150 лѣтъ со-дня наименованія ихъ Лейб-Гвардіею, Всемилостивѣйше жалуесть всемъ батальонамъ сихъ полковъ, въ замѣнъ имѣющихся у нихъ, новыя Георгіевскія знамена, съ надписью: «1683 — 1700 — 1850», изображающею вѣрныя основанія означенныхъ полковъ и протекшаго ста-пятидесятилѣтія съ названія ихъ Лейб-Гвардіею. При семъ сохраняется и прежняя на знаменахъ надпись, пожалованная за оказанные подвиги въ сраженіи 17-го августа 1813 года, при Кульмѣ.

Видѣвъ съ тѣмъ Его Величество, и видя въ виду, что полки Лейб-Гвардіи: Московскій и Литовскій составлены были изъ 2-го батальона Лейб-Гвардіи Преображенскаго полка, Всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ и этимъ двумъ полкамъ такія-же знамена и съ тѣми-же надписями, какія жалуются нынѣ Лейб-Гвардіи Преображенскому полку, и съ сохраненіемъ имѣющейся на знаменахъ Лейб-Гвардіи Московскаго и Литовскаго полковъ надписи: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятели изъ предѣловъ Россіи, 1812 года».

Государь Императоръ изволилъ быть въ совершенной увѣренности, что означенные полки, прослуживъ десѣтъ съ честію и славою, сохранять навсегда чувства непоколебимой преданности и вѣрности Престолу, кои и до сихъ отличалось побѣдоносное Россійское воинство.

При этомъ случаѣ Его Величество жалуесть по рублю серебромъ каждому изъ строевыхъ и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, какъ поминутыхъ четырехъ полковъ, такъ равно и Гвардейской Пѣшей Артиллеріи, въ томъ вниманіи, что основаніемъ оной была Бомбардирская рота, существовавшая въ 1700 году при Лейб-Гвардіи Преображенскомъ полку.

П Р И К А З Ъ

ПО ГВАРДЕЙСКИМЪ И ГРЕНАДЕРСКОМУ КОРПУСАМЪ.

Въ Петербургъ, 14-го августа 1850 года, № 201-й.

Государю Императору благоудно было удостоить Меня, въ 11-й день сего августа, слѣдующимъ Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ:

«Ваше Императорское Высочество! Осмотрѣвъ въ теченіе лѣтъ Гренадерскій Корпусъ и Военно-Учебныя Заведенія, а также Гвардейскіе Корпуса въ полночь ихъ сборъ, въ первый разъ по возвращеніи ихъ изъ похода и по назначеніи Вашего Высочества Главнымъ ихъ Начальникомъ, Я съ истиннымъ удовольствіемъ удостоверяюсь, что въиска сіи изходятся въ томъ-же отличнѣйшемъ устройствѣ, до коего доведены заботами Незабвеннаго ихъ Начальника, Его Императорскаго Высочества Блаженныя Памяти Великаго Князя Михаила Павловича, по всемъ частямъ воинскаго образованія. Относя сіе къ примерной и неунынной заботливости Вашего Высочества, въ-особенности-же къ постоянному стремленію Вашему исполнять все желанія Мои, Я посвящаю изъяснить Вамъ Мою живѣйшую признательность и сердечную благодарность за Ваши труды, всегда радѣвшими Моему сердцу.

На повелѣніемъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою писано:

«И И М П Е Р А Т О Р»

Превосполненный чувствъ искренняго душевнаго благоговѣнія и вѣрною благодарности за столь дѣльные Всемилостивѣйшіе отзѣвы Государя Императора, Я считаю священною обязанностію раздѣлить Мою душевную радость съ достойными сотрудниками Моими, тѣмъ болѣе, что увѣренность моя въ соревнованіи ихъ, изъясненная въ приказѣ 1849 года, за № 200-мъ, къ совершенному сердечному удовольствію Моему подтвердилась на опытѣ.

Искренно и душевно благодарю въ-особенности Командующихъ Гвардейскими Корпусами: Резервнымъ Кавалерійскимъ — Генералъ-Лейтенанта *Штрандмана*, Пехотнымъ — Генералъ-Адъютанта *Сумарокова*, Начальника Штаба Моего — Генералъ-Адъютанта *Витовтова*, Исправляющихъ должности: Начальника Гвардейской Артиллеріи и Начальника *Ижемеровъ* и всѣхъ Гг. Дивизионныхъ Начальниковъ, за ихъ единодушное, постоянное и неутомимое усердіе и ревностную дѣятельность, которыми они способствовали Миѣ къ сохраненію того благоустройства и порядка въ войскахъ, до которыхъ они доведены были заботами незабвеннаго Главнокомандовавшаго, Его Императорскаго Высочества Блаженной памяти Великаго Князя Михаила Павловича; а равно искренно благодарю Гг. Бригадныхъ, Полковыхъ и прочихъ частныхъ Начальниковъ, и всѣхъ Гг. Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, состоящихъ въ Гвардейскихъ Корпусахъ и причисленныхъ къ онымъ войскамъ.

Также повторяю особенную искреннюю благодарность Мою Г. Командующему Гренадерскимъ Корпусомъ и всѣмъ Гг. Начальникамъ и воинскимъ чинамъ сего Корпуса, объявленную въ приказъ Моемъ сего года, за № 139.

Нижніе чины Гвардейскихъ Корпусовъ, на всѣхъ ученьяхъ и въ-особенности на послѣднихъ маневрахъ и парадѣ, показали себя истинными молодцами, вполне достойными частіа служить въ Гвардіи Его Императорскаго Величества. — Радуйтесь ребята всею душою; вы заслужили высокую награду: Государь Императоръ вами доволенъ. — Примите и отъ Меня знакомое Вамъ за ваше усердіе и ревность искреннее и душевное «спасибо, ребята».

По полученіи сего приказа въ войскахъ отслужить молебны за здравіе Государя Императора, и поблагодаривъ Бога, Подателя всѣхъ благъ, за помощь, Имъ ниспосланную, помолиться и о успокоеніи души незабвеннаго Главнокомандовавшаго нашего, въ Бозѣ почивающаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, и потомъ прочитатъ приказъ сей при собраніи всѣхъ воинскихъ чиновъ.

Подписалъ: *Генералъ-Адъютантъ*

«АЛЕКСАНДРЪ».

— Государь Императоръ, разсмотрѣвъ, 1-го мая сего года, состоявшееся въ Комитетъ о разборѣ Евреевъ положеніе касательно употребленія еврейской одежды, согласно воззвутому положенію Комитета, высочайше повелѣть соизволяя: употребленіе особой еврейской одежды воспретить повсемѣстно съ 1-го января 1851 года; о чемъ и сдѣлать Министерству Внутреннихъ Дѣлъ чрезъ Генерал-Губернаторовъ распоряженіе, предоставивъ Генерал-Губернаторамъ право, въ тѣхъ случаяхъ, когда они признають нужнымъ, дозволить, за определенную плату, донашивать еврейское платье престарѣлымъ Евреямъ, кои, имѣя, не менѣе 60-ти лѣтъ отъ роду, продолжали носить его понынѣ.

— По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Особомъ Присутствіи, учрежденномъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 15 мая 1850 года, для производства торговъ на питейные съ 1851 до 1855 годъ откупа, согласно съ представленіемъ Г. Министра Финансовъ относительно сдѣланныхъ имъ поясненій нѣкоторыхъ §§ Положенія объ акцизѣ съ хлѣбнаго вина въ 16 привилегированныхъ губерніяхъ, Приказали: Поясненія эти предъять при торгахъ на акцизные и чарочные откупа, и именно: 1) Содержателямъ питейныхъ заведеній и мѣстъ раздробительной продажи вмѣняется въ обязанность—печати, кои опечатываются втулки бочекъ, сохранять въ цѣлости до распродажи изъ бочки всего показаннаго въ ярмыкѣ количества вина; определенное же въ § 178 взысканіе за поврежденіе печатей относится къ тѣмъ случаямъ, когда возникнетъ сомнѣніе о незаконной послѣ того продажѣ вина, и когда такое поврежденіе не оправдывается никакими непредвидимыми обстоятельствами. 2) Въ губерніяхъ Новороссійскихъ и Бессарабской области нынѣшніе чарочные откупщики обязаны за вино и другіе крѣпкіе напитки, которые останутся къ 1 января 1851 г. непроданными, внести акцизному откупщику дополнительный акцизъ, сколько онаго, сравнительно съ прежнимъ сборомъ, причитаться будетъ; новые содержатели чарочныхъ откуповъ, которые, на основаніи нынѣ дѣйствующихъ откупныхъ условій (§§ 22 и 66), имѣють право ввозить для откуповъ своихъ заблаговременно вино, спиртъ и другіе горячіе напитки безъ платежа пошлины нынѣшнему пошлинному откупщику, но съ воспрещеніемъ продавать оныя прежде 1 января 1851 г., обязаны сполна сдѣвующій акцизъ заплатить

новому акцизному откупщику; песену о количестве вина, водокъ и спирта, которые или заблаговременно въ откупникъ ввезены будутъ, имѣютъ она объявить въ городъ — Градской, а въ уѣздъ — Земской Полціи, которымъ и объявлены, свидѣтельствовавъ привезенные напитки, вести ихъ въ правый счетъ, и по окончаніи нынѣшняго откупа, вручить его новому содержателю акцизнаго сбора, для взысканія слѣдующаго ему акциза; на провозъ-же этихъ питей нынѣшній содержатель пошленного сбора обязанъ давать узаконенные ярлыки, означая въ оныхъ, какъ количество провозимыхъ питей, такъ и то, что за оныя, какъ заготовленные для будущаго откупа, пошлины не взыскано. Ярлыки эти содержатели чарочнаго откупа, по привозъ питей на мѣсто, обязаны отсылать въ ближайшую контору или заставу будущаго содержателя акцизнаго сбора. 3) Со стороны мѣстныхъ начальствъ имѣетъ быть наблюдаемо, чтобы до 1 января 1851 года горячіе напитки были, для собственнаго употребленія, покупаемы не иначе, какъ въ мѣсть раздробительной продажи и по нормальнымъ цѣнамъ. 4) Определенному въ 1 пунктѣ 192 § Акцизнаго Положенія денежному взысканію за потерю бланка ярлыка подвергается откупщикъ въ такомъ случаѣ, когда потеря допущена умышленно, а не произошла отъ такихъ событій и обстоятельствъ, коихъ потерявшій предвидѣть и отвратить не могъ. 5) Назначенный ст. 200 Акцизнаго Положенія срокъ для представленія въ Казенную Палату акцизными откупщиками третнихъ вѣдомостей будетъ увеличенъ до полтора мѣсяца. 6) Продажа питей въ губерніяхъ Новороссійскихъ и Бессарабской области производится по городамъ съ уѣздами, съ наблюденіемъ изъятій, въ § 99 чарочныхъ условій постановленныхъ, и за тѣмъ, назначеніе двухверстной около городовъ черты — до сихъ губерцій и области не относится.

— Государственный Советъ, въ Департаментѣ Законодательства въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ Общаго Собранія черныхъ трахъ, Департаментовъ Герольдіи Правительствующаго Сената и заключеніе Рекрутскаго Комитета, по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли продолжать рекрутской повинности Баревъ, достигшихъ 13-ти-лѣтняго возраста, но родившихся послѣ ревнцій, согласно съ симъ заключеніемъ, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ, полагая: статью 710 Устава Рекрутскаго. (Съ

Зак. г. IV) дополнить слѣдующимъ постановленіемъ: Если какое-либо очередное семейство, неимѣющее между своими родственными лицами годнаго въ рекруты, не можетъ или не согласнo дать подочередному семейству аднагражденія, опредѣляемого обществомъ по 710 статьи Свода Уставовъ Рекрутскихъ за поставку рекрута, а между членами своями, рожденными послѣ ревизіи и лично отъ рекрутства мѣсячными (Уст. Рекр. ст. 711, по Своду и Прод. V), и несть способнаго къ службѣ по лѣтамъ и здоровью (тамъ же ст. 722, 723, 725, 726), то можетъ-быть представлено въ рекруты сіе лицо, рожденное послѣ ревизіи.

— Г. бывший Министръ Юстиціи, отъ 3 апрѣля 1835 года, за № 4,261, предложилъ Правительствующему Сенату Высочайшее Государя Императора повелѣніе на счетъ правилъ, коими должно руководствоваться при принятіи въ военную службу дѣтей финляндскихъ купцовъ.

Вънѣ Г. Министръ Статс-Секретарь Великаго Княжества Финляндскаго, отъ 17 іюня, сообщилъ Г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что Его Императорскому Высочайшему благоугодно было отменить сіи правила, и вмѣстѣ оныхъ Высочайше повелѣть:

1) Чтобы сыновья финляндскихъ оптовыхъ купцовъ, въдержавшихъ установленный для нихъ экзаменъ, пользовались, при опредѣленіи въ военную службу, правами вольноопредѣляющихся, и

2) Чтобы сыновья купцовъ, пріобрѣвшихъ право оптовой торговли безъ экзамена, пользовались упомянутыми въ первомъ пунктѣ правами только въ такомъ случаѣ, когда отецъ дѣвятидцать лѣтъ сряду производитъ оптовую торговлю, не впадъ въ банкротство или поселецкаго чина.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ вѣсподаннѣйшій докладъ Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Герольдіи Правительствующаго Сената о срокахъ записки въ купечество пахатныхъ солдатъ и военныхъ поселенцевъ, одобрилъ: докладъ сей утвердить, и вѣлѣдвіе того, въ дополненіе подлежащихъ статей Свода: Законномъ постановить; что пахатные солдаты и военные поселенцы, увольняемые въ своихъ званій, могутъ просить о запискѣ ихъ въ купечество только въ ноябрь и декабрь мѣсяцахъ, со вступленіемъ въ гильдію съ начала слѣдующаго года. (Высочайше утверждено 19 іюня.)

— Въслѣдствіе положеніи Комитета Гг. Министровъ о предоставленіи Главному Совѣту Женскихъ Учебныхъ Заведеній, начертать дополнителныя правила относительно производства пенсій семействамъ лицъ, служащихъ въ заведеніяхъ Государыни Императрицы, Главный Совѣтъ, принимая въ соображеніе, что по вѣдомству Опекунскихъ Совѣтовъ существуютъ полробныя постановленія о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ семействамъ чиновниковъ, служащихъ въ семь вѣдомствъ, и что, по Высочайше-утвержденному, въ 1843 г., заключенію Комитета Гг. Министровъ, постановленія сіи распространены уже на чиновниковъ заведеній Государыни Императрицы, не счелъ нужнымъ, до изданія общаго закона о пенсіяхъ, составлять особое пенсіонное положеніе о семействахъ сихъ чиновниковъ, но полагалъ, что на этомъ же основаніи можно было бы и при назначеніи пенсій вдовамъ лицъ, служащихъ при женскихъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ Главному Совѣту, руководствоваться правилами Опекунскихъ Совѣтовъ, изложенными въ Св. Зак. т. III ст. 721—730 (изд. 1842 г.), съ производствомъ такихъ пенсій изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, изъ коихъ назначаются пенсіи увольняемымъ отъ службы чиновникамъ заведеній, и что за тѣмъ, примѣч. къ ст. 709, по 3 прод. т. III Св. Пенс. Уст., должно быть соответственно тому измѣнено. Такое положеніе Главнаго Совѣта Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 24 день минушаго іюня, удостоить Высочайшаго утвержденія.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментъ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Герольдіи Правительствующаго Сената, по вопросу о порядкѣ взысканія пенныхъ денегъ въ пользу полицейскихъ чиновниковъ по дѣламъ вексельнымъ, *мнѣніемъ положили*: въ поясненіе и дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить: 1) Взысканіе установленныхъ статьею 560 Уставовъ Торговыхъ (Свода Законовъ тома XI) пенныхъ денегъ производится съ должника не прежде, какъ по окончательномъ удовлетвореніи заимодавца, на точномъ основаніи статей 557 и 558 того же Устава. 2) Двухпроцентная въ пользу полиціи пеня взыскивается не со всего долга, но только со всей той суммы, которая дѣйствительно мэрами полиціи взыскана. (Высочайше-утверждено 26 іюня.)

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментъ Законовъ

и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Герольдіи Правительствующаго Сената по вопросу, слѣдуетъ ли по дѣламъ уголовнымъ къ рукоприкладству допускать повѣренныхъ, *мнѣніемъ положили*: въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить, что подсудимые и истцы въ дѣлахъ уголовныхъ и слѣдственныхъ могутъ дѣлать рукоприкладство подѣ записками, какъ лично сами, такъ и чрезъ повѣренныхъ, уполномочивая ихъ особыми, собственно на сей предметъ данными довѣренностями; но ни тѣ, ни другіе къ рукоприкладству не вызываются, а допускаются къ прочтенію записки только наличные подсудимые и истцы, или повѣренные ихъ, которые о семъ просить будутъ. (Высочайше-утверждено 26 іюня.)

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментъ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Военнаго Министра по вопросу: слѣдуетъ ли взимать съ казеннаго провіанта, доставляемаго въ С.-Петербургъ, двухъ-копѣечный сборъ на устройство хлѣбной пристани, и обратясь къ существу изданныхъ въ 1846 г. по сему предмету правилъ, нашелъ, что установленные съ 1847 года, вслѣдствіе ходатайства хлѣбныхъ торгонцевъ, сборы для покрытія расходовъ по устройству и содержанію хлѣбныхъ амбаровъ, пристаней и буяновъ, опредѣлены: одни за складку и бракованіе товаровъ на городскихъ буянахъ, другіе за складку хлѣба въ городскіе амбары, а сборъ, по 2 коп. положено взымать съ хлѣба и сѣмянъ, привозимыхъ на состоящую между Обводнымъ-каналомъ и дачею Барона Штиглица, хлѣбную пристань; слѣдственно, собственно за пользованіе сею пристанью. А какъ казенные поставщики заготавливаемого Военнымъ Министерствомъ хлѣба, по объясненію Военнаго Совѣта, ни означенною, ни другими городскими пристанями не пользуются, и Военное Министерство имѣетъ свои пристани, которыя и содержитъ на свой счетъ, то Государственный Совѣтъ призналъ, что вышеприведенное постановленіе не должно распространяемо быть на казенный провіантъ, привозимый на собственныя пристани Военнаго Вѣдомства, тѣмъ болѣе, что такая плата упала бы на цѣны хлѣба, въ ущербъ Государственной казны; но само собою разумѣется, что въ случаѣ причала судовъ съ казеннымъ провіантомъ къ городской пристани, поставщики обл-

заны утверждать и во вѣдѣхъ упомянутого сбора. (Высочайше-утверждено 3 июля).

Указъ Правительствующему Сенату.

Указомъ Нашимъ Правительствующему Сенату, 11 октября 1848 года, присоединивъ Управление Государственнаго Коннозаводства, какъ отрасль общаго сельскаго хозяйства къ Министерству Государственныхъ Имуществъ. Мы въ то же время повелѣли представить Намъ предположенія о ответственномъ тому преобразованіи сего Управленія.

Утвердивъ нынѣ, составленные Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и Государственнымъ Совѣтомъ разсмотрѣнные проекты Положенія о Государственномъ Коннозаводствѣ, съ слѣдующими къ оному штатами: 1) Управленія Коннозаводства при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ; 2) Управленія семи Государственныхъ конскихъ заводовъ, съ особымъ росписаніемъ числа и содержанія лошадей на заводахъ; 3) Московскихъ заведеній коннозаводства, и 4) Санктпетербургской аукціонной конюшни, и провозжаая Положеніе сіе и штаты въ Правительствующій Сенатъ. Повелѣваемъ: привести оныя въ дѣйствіе съ 1 будущаго іюля, и вмѣстѣ съ тѣмъ, упразднить существующія нынѣ Канцелярію и Департаментъ Государственнаго Коннозаводства.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Н И К О Л А Й.»

Въ Петербургѣ, 28-го іюня 1850 года.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, о порядкѣ сбора съ лошадей, принадлежавшихъ на ярмарку въ г. Харьковѣ, нѣвнѣтъ, удовлетворительнымъ въ 10-й день іюля сего года, Высочайшаго утвержденія, положилъ, въ отнѣсу § 26 изданнаго въ 1835 г. Положенія о доходахъ и расходахъ г. Харькова, постановить: Съ пригоняемыхъ и приводимыхъ въ г. Харьковѣ на

привести, для продажи, лошадей взимается, въ пользу города, по 50 коп. сереб. съ каждой лошади, за исключеніемъ крестьянскихъ лошадей, цѣною не дороже 20 р. сер., съ коихъ никакого не сбора взимается. Наблюденіе за поступленіемъ сбора возлагается на обязанность Городской Думы».

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ, по вопросу: можно ли лицъ бывшей польской шляхты, принадлежавшихъ дворянства, причислить въ купцы и мѣщане? Согласно съ заключеніемъ его, Министра, *мнѣніемъ положили*: въ поясненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить, что лица бывшей польской шляхты, неутвержденныя въ дворянствѣ и обязанныя записаться въ купцы или мѣщане, могутъ по ихъ желанію, причисляться къ городскимъ и сельскимъ сословіямъ, безъ предварительнаго вступленія въ однодворцы или граждане Западныхъ губерній; тѣ же изъ нихъ, которые поступаютъ на означенномъ основаніи, въ мѣщане, могутъ, по внесеніи установленныхъ гдѣйскихъ повинностей, записаться въ купцы. (Высочайше утверждено 10 июля).

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ: во 1-хъ, всеподданнѣйшій докладъ Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Герольдіи Правительствующаго Сената; и во 2-хъ, отзывъ Главнуправляющаго. II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярій, по вопросу относительно разрѣшенія браковъ ссыльными бродягами въ Сибири, согласно съ заключеніемъ его, Главнуправляющаго, *мнѣніемъ положили*: I. Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить, что бродягамъ, отсылаемымъ въ Сибирь не съ мѣста помѣщи ихъ, во время арестантскихъ работъ инженернаго и гражданскаго вѣдомства, зачитается время, проведенное въ сихъ работахъ, въ число пятилѣтняго срока, прежде коего, по примѣчанію въ 615 ст. Устава о паспортахъ и бѣглыхъ (Св. Зак. Том. XIV, продол. VII), не дозволяется имъ вступленіе въ бракъ на мѣстѣ ссылки. II. Предоставить Правительствующему Сенату дать знать отъ себя Генерал-Губернаторамъ Восточной и Западной Сибири, въ разрѣшеніе возникающаго вопроса о томъ, должно-ли, прежде истеченія установленнаго въ означенномъ вѣщѣ примѣчаніи пятилѣтняго срока, дозволять браки сосланнымъ въ Сибирь бродягамъ, званіе кото-

рыхъ известно, что въ 1176 статья Уложенія о наказаніяхъ и 556 статья Устава о паспортахъ и бѣглыхъ (продолж. VI постановлено ясное и положительное различіе между бродягами и бѣглыми. По смыслу сихъ узаконеній, примѣч. къ 615 ст. Уст. о паспорт. и бѣгл., конимъ запрещается бродягамъ, сосланнымъ въ Сибирь, вступать въ бракъ до истеченія пяти лѣтъ со времени ихъ туда прибытія, не можетъ относиться къ бѣглымъ, которыхъ происхожденіе известно, ибо изъ статейныхъ ихъ списковъ видно, женаты они или холосты. Сей законъ долженъ быть примѣненъ собственно къ бродягамъ, подъ кои, на основаніи 556 ст. Уст. о паспорт. и бѣгл., по продол. VI, разумются люди, немѣющіе никакихъ средствъ доказать свое званіе, или же упорно отъ того отказывающіеся, и какъ люди сіи, скрывая вообще свое состояніе, могутъ съ тѣмъ вмѣстѣ утаить и бракъ, въ коемъ состоятъ, то законъ, единственно съ цѣлію предупредить возможность многобрачія, постановилъ: для бродягъ на вступленіе въ новое супружество на мѣсть ссылки такой срокъ, съ истеченіемъ коего первое само-собою расторгается по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ. (Высочайше утверждено 10-го іюля.)

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 30 марта 1846 года, учреждены двѣ временныя Комmissiи, одна въ Тифлисъ, а другая въ Кутаисъ, для приведенія въ извѣстность всѣхъ вообще лицъ, составляющихъ княжескія и дворянскія фамиліи по Грузіи и Имеретіи, еще неутвержденныхъ Правительствомъ.

Комmissiи кончили свои дѣйствія въ 1849 году, и дѣла ихъ, по распоряженію г. Намѣстника Кавказскаго, переданы въ Совѣтъ Главнаго Управленія Закавказскимъ-краемъ, коему Намѣстникъ поручилъ рассмотреть: руководствовались-ли Комmissiи въ точности правилами, изложенными въ данныхъ имъ инструкціяхъ.

Затѣмъ Намѣстникъ Кавказскій доставилъ въ Кавказскій Комитетъ, для рассмотрѣнія и утвержденія, составленные Совѣтомъ списки, съ приложенными къ онымъ подлинными протоколами Комmissiи и другими дѣлами и свидѣніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ Князь Воронцовъ вносилъ въ Комитетъ предложеніе о порядкѣ предварительнаго рассмотрѣнія списковъ дѣлъ и о княжескихъ и дворянскихъ фамиліяхъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи.

Имя г. Генерал-Адъютантъ Князь Чернышевъ, отъ 21 июля сего года, сообщилъ г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что по всеподданнѣйшему его докладу Государю Императору какъ означеннаго предположенія г. Намѣстника Кавказскаго, такъ и мнѣній по сему предмету г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и его, г. Управляющаго Министерствомъ Юстиціи, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ повелѣть:

1) Для предварительнаго разсмотрѣнія списковъ и дѣлъ о княжескихъ и дворянскихъ фамиліяхъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, учредить здѣсь особую Временную Комиссію, подъ председательствомъ Сенатора, изъ двухъ членовъ, одного со стороны Министерства Юстиціи, а другаго со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

2) Предсѣдателемъ этой Комиссіи назначить Сенатора, Тайнаго Совѣтника Митусова, а членами со стороны Министерства: Юстиціи—Члена Консультациіи сего Министерства Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Замятинна, а Внутреннихъ Дѣлъ—Члена Совѣта этого Министерства, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Веневитинова.

3) Правителемъ Дѣлъ означенной Комиссіи быть Начальнику Отдѣленія Департамента Министерства Юстиціи, Надворному Совѣтнику Евреиннову.

4) Канцелярію Комиссіи образовать въ необходимомъ размѣрѣ, посредствомъ временной командировки состоящихъ на службѣ Чиновниковъ, по взаимному соглашенію Управляющаго дѣлами Кавказскаго Комитета съ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и имъ, г. Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи.

5) Взвѣнить Комиссіи въ обязанность поручаемое ей разсмотрѣніе списковъ и дѣлъ о княжескихъ и дворянскихъ фамиліяхъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, кончить въ самомъ непродолжительномъ времени, и общее заключеніе свое мнѣніемъ, установленнымъ порядкомъ, въ Кавказскій Комитетъ, на окончательное разсмотрѣніе.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1-е, рекрутамъ предстоющаго девятаго частнаго набора съ Западной полосы не брить лбовъ, а стричь волосы на головъ, по положенію о нижнихъ воинскихъ чинахъ. 2-е. Тѣмъ рекрутамъ, изъ артелей которыхъ будутъ бѣжавшіе шестъ набора или во время слѣдованія партій, брить лбы

немедленно послѣ побѣга и 3-е. Правила сія устаноятъ и на будущее время.

— Биржевой Комитетъ представилъ Министру Финансовъ прошеніе торгующаго поташемъ при С.-Петербургскомъ портѣ россійскаго и иностраннаго купечества, которое ходатайствуетъ объ измѣненіи § 5 инструкции на бракованіе при семь портѣ поташа, относительно раздѣленія онаго на сорты, изъясняя, что по случаю улучшенія выдѣлки травянаго поташа возникаютъ недоумѣнія въ различеніи онаго отъ древеснаго, и за сѣмъ оказывается необходимымъ постановить правиломъ, чтобы поташъ, при бракованіи онаго для отпуски изъ С.-Петербургскаго порта, раздѣляемъ былъ безъ различія изъ какой золы, древесной или травяной сдѣланъ, на два рода, крупный и мелкій, именуемые: первый *Казанскимъ*, а послѣдній *Починскимъ*, съ опредѣленіемъ для того и другаго рода поташа трехъ сортовъ, смотря по достоинству онаго. Въслѣдствіе сего, на основаніи Высочайше-утвержденнаго, 4 іюня 1828 года, ивѣстія Государственнаго Совѣта, утвердивъ вновь составленныя и въ Коммерческомъ Совѣтѣ рассмотрѣнныя правила для различенія сортовъ поташа, вмѣсто опредѣленныхъ § 5 инструкции на бракованіе онаго, съ тѣмъ, чтобы сіи новыя правила приведены были въ исполненіе по С.-Петербургскому порту съ навигаціи текущаго 1850 года, о чемъ и сдѣлано Министромъ Финансовъ, надлежащее распоряженіе, онъ г. Министръ, представилъ въ Правительствующій Сенатъ означенныя правила, для повсемѣстнаго распубликованія оныхъ. Въ приложенныхъ правилахъ постановлено: къ отвращенію недоумѣній, возникающихъ въ различеніи сортовъ поташа по роду золы, изъ которой онъ выдѣланъ, § 5-й инструкции на бракованіе поташа замѣняется слѣдующимъ: Поташъ, изъ какой-бы золы онъ ни былъ сдѣланъ, древесной или травяной, раздѣляется на два рода, именуемые: одинъ *Казанскимъ*, а другой *Починскимъ*. Поташъ Казанскій перваго сорта, долженъ быть надлежащимъ образомъ прокаленъ, въ плотныхъ кускахъ или плиткахъ, чистый, безъ всякой посторонней примѣси, сухой, цвѣтомъ бѣлый или голубой и синий. Поташъ Казанскій втораго сорта, бываетъ несовершенно прокаленный, цвѣтомъ сѣрый, сухой, иногда съ золою; но безъ всякихъ постороннихъ веществъ, т. е. безъ щены, камня и тому подобнаго. Поташъ Казанскій третьаго сорта, бываетъ непрожженный и съ углемъ, да

предельный сыростию, вообще изъ выкидкой изъ первыхъ двухъ сортовъ. Поташъ Починскій перваго сорта долженъ быть надлежащимъ образомъ прокаленный, въ желкой россыпи, чистый, безъ всякой посторонней примѣси, а только съ галочкою, которая происходитъ въ немъ отъ непрогорѣвшей сажки, цвѣтомъ бѣлый или голубой и синій. Поташъ Починскій втораго и третьяго сортовъ, браковать по ряду его, соответственно второму и третьему сортамъ Казанскаго поташа.

— Съ 1838 по 1848-й, чрезъ каждые два года Заемный Банкъ, посредствомъ публичныхъ вѣдомостей, приглашалъ всѣхъ имѣющихъ билеты онаго на внесенные для обращенія капиталы, выданные до марта 1828 года на простой бумагѣ съ сургучными печатами, предъявить Банку, для обмена на новые билеты нынѣшней формы, съ назначеніемъ для сего въ послѣдній разъ срока по 1-е іюля 1850 года.

За всѣмъ тѣмъ, нѣкоторые изъ упомянутыхъ на простой бумагѣ билетовъ остались еще непредъявленными. По сему для предъявленія ихъ назначается нынѣ новый срокъ по 1-е іюля 1852 года. Вместе съ симъ Заемный Банкъ проситъ всѣ Присутственные и другія мѣста, въ которыхъ по какимъ-либо случаямъ находятся упомянутые билеты, немедленно сообщать о томъ Банку.

— При представленіи Совѣту Государственныхъ Кредитныхъ Установленій отчетовъ сихъ Установленій за 1849 годъ, Министръ Финансовъ, въ засѣданіи Совѣта, по этому предмету, бывшемъ 29 іюля, произнесъ слѣдующую рѣчь:

Милостивые Государи!

Въ засѣданіи сего дня будутъ представлены Совѣту Государственныхъ кредитныхъ Установленій отчеты каждаго изъ сихъ Установленій за 1849 годъ.

Главнѣйшія распоряженія по кредитной части въ томъ году относились къ слѣдующимъ предметамъ.

1. По случаю движенія нашихъ войскъ за границу, для умирненія мятежныхъ Венгровъ, предстояли Государственному Казначейству необходимыя чрезвычайныя расходы, для покрытія которыхъ Высочайшимъ Указомъ 10 августа 1849 г. разрѣшенъ выпускъ билетовъ Государственнаго

Казначейства, до семи разрядовъ, въ 3 мил. р. каждый, и въ число оныхъ выпущено въ теченіе 1849 г. только четьре серіи, на 12 мил. р. сер.

II. По возложенному Высочайшимъ Указомъ 9-го декабря 1849 г. на банкирскій домъ Барона Штиглица распоряженію, открыть въ Лондонъ, посредствомъ братьевъ Бернингъ и ком., вившій заемъ на 5,500,000 ф. стерл., для покрытія расходовъ на окончательное устройство С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. По займу сему назначены интересы по 4 $\frac{1}{2}$ и 2 $\frac{0}{100}$ съ нарицательнаго капитала на погашеніе ежегодно. Заемъ сей совершенъ на условіяхъ выгодныхъ по сравненію съ займами, около того-же времени сдѣланными для нѣкоторыхъ другихъ государствъ, и реализація онаго кончена въ предназначенные сроки, безъ всякихъ затрудненій.

III. Въ 1848 году запрещенъ былъ, какъ извѣстно, вывозъ изъ Россіи за границу золотой и серебряной монеты. Поводомъ къ этой мѣрѣ было весьма значительное возвышеніе за границею цѣнъ на золото и серебро, возбудившее опасеніе, чтобы при существовавшихъ тогда здѣсь низкихъ курсовъ, вывозъ званкой монеты чрезмѣрно не усилился. Впослѣдствіи, съ постепеннымъ восстановленіемъ равновѣсія между цѣною золота и серебра за границею и курсомъ на С.-Петербургской-биржѣ, представилась возможность разрешить вновь вывозъ за границу золотой и серебряной монеты, на что и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе 11 ноября 1849 г.

IV. При учрежденіи въ 1839 г. Кіевской Конторы, дозволено было оной принимать къ учету векселя, коимъ остается срока къ платежу не болѣе 4 мѣсяцевъ. По встреченному кіевскимъ купечествомъ затрудненію, при предъявленіи къ учету векселей на столь краткій срокъ, и по уваженію, что торговые обороты въ Кіевѣ расширяются, Высочайше-утвержденнымъ, 12 декабря 1844 г. положеніемъ Комитета Гг. Министровъ, допущенъ былъ временно пріемъ въ Кіевскую Контору, по примѣру прочихъ конторъ, къ учету векселей, коимъ остается срока къ платежу не менѣе 8 дней и не болѣе 6 мѣсяцевъ. Временная мѣра эта, по уваженію пользы, которую она принесла кіевскому купечеству,

честву, Высочайше-утвержденнымъ 10 апрѣля 1850 г., мнѣнiемъ Государственнаго Совѣта обращена въ правило постоянное.

Сущность отчетовъ Государственныхъ Кредитныхъ Установленiй заключается въ слѣдующемъ:

Государственная Коммиссiя погашенiя долговъ.

Въ теченiе 1849 г. внесено въ Государственную долговую книгу:

По срочнымъ долгамъ:

Рубли.

Занятыхъ у Сохранныхъ Казенъ, для разныхъ предпрiятiй	14.232,750
Уплачено по долгамъ срочнымъ:	
Голланд. гульденами	1.584,000
Серебромъ	1.233,533
По безсрочнымъ:	
Серебромъ	2.552,697
За сими измѣненiями къ 1850 г. состоятъ долги срочныхъ вѣшнихъ:	
По старому Голландскому займу на часть Россiи Голланд. гульденами	34.600,000
По 2-му Голландск. займу Голландск. гульденовъ	27.637,000
Внутреннихъ срочныхъ. руб. сер.	68.978,000
Безсрочныхъ (вѣшнихъ и внутреннихъ).	231.766,157
<hr/>	
Всего на серебро.	336.219,492

Въ 1849 году поступило въ Коммиссiю погашенiя долговъ, для платежей по долгамъ срочнымъ и безсрочнымъ 23.978,039
которые и употреблены по назначенiю.

Въ капиталъ выкупа состоятъ по займамъ:

6%, в 1-му и 2-му 5%.	49.204,773
3-му и 4-му 5%.	162,145
4%.	262,060
Особо отложенный капиталъ заключается въ.	6.157,114

Государственный Заемный Банкъ.

Капиталы Государственнаго Заемнаго Банка подъ разными наименованіями къ 1850 г. составляютъ	8.702,62
Въ томъ числѣ резервнаго	2.952,91
Вкладовъ оставалось въ обращеніи къ 1849 году 252.082,318 рублей, а за исключеніемъ 140.226,991 р. переданныхъ изъ Коммерческаго Банка въ видѣ вклада.	111.855,32
Въ теченіе 1849 г. внесено	26.697,37
Причислено годовыхъ процентовъ на невозвратившіеся капиталы	4.301,15
Возвращено	26.832,09
Заплачено процентовъ	375,53
Остается въ обращеніи къ 1850 г.	116.021,75
Ссудъ на разныхъ казенныхъ мѣстахъ, обществахъ и частныхъ заемщикахъ состояло къ 1849 году	260.540,89
Въ теченіе оного выдано вновь и пересрочено прежнихъ займовъ	34.411,02
Поступило въ уплату капитала	10.890,61
Къ 1850 г. остается въ долгу	284.061,30

Въ залогъ состоятъ:

	душъ.
Населенныхъ имѣній	655,155
Домовъ	970
Фабрикъ, заводовъ и рыбныхъ промысловъ	84
Въ 1849 г. приобрѣтено прибылей	2.819,02

Государственный Коммерческій Банкъ.

Собственный капиталъ Банка составляетъ	\$ 571,42
Резервный капиталъ	1.863,01
Вкладовъ состояло къ 1849 г.:	
Для трансферта	2.608,87
Для обращенія изъ процентовъ	156.731,02
Вновь поступило въ 1849 г.:	
Для трансферта	25.969,54

Для обращенія изъ процентовъ	53.229,697
Возвращено и переведено трансфертныхъ вкладовъ	26.403,445
Выдано процентныхъ вкладовъ	43.050,238
Остается къ 1850 г. вкладовъ:	
Трансфертныхъ	2.174,977
Процентныхъ	166.910,488
Выдано:	
Подъ учетъ векселей	18.424,886
Подъ залогъ товаровъ, банковыхъ билетовъ, облигацій, сельскихъ произведеній и въ авансъ (по Кіевской Конторѣ) подъ залогъ недвижимыхъ имѣній	3.617,078
По квитанціямъ Алтайскаго и Уральскаго Горныхъ Правленій	2.188,578
За произведенными уплатами къ 1850 г. остается въ долгу	15.620,294
Прибыли получено	649,832

Экспедиція Государственныхъ Кредитныхъ Билетовъ.

Въ 1849 году выпущено въ народное обращеніе кредитныхъ билетовъ:

а) За поступившіе къ обмѣну депозитные билеты и ассигнаціи	55,739
б) За вклады, внесенные звонкою монетою	13.760,524
в) Въ замѣнъ одного милліона рублей, пущеннаго въ обращеніе здышнею Сохранною Казною изъ предоставленныхъ оной по Высочайшему Указу 9 марта 1849 г., шести милліоновъ руб., изъ запаснаго капитала, Высочайшимъ Манифестомъ 1 іюня 1843 г. учрежденнаго	1.000,000
д) Передано, по Высочайшему Указу 4-го февраля 1849 г., въ Главное Казначейство, въ число 3 мил. руб. за непредъявленные къ обмѣну въ срокъ ассигнаціи	2.692,267

Остальныя затымъ 307,733 р. переданы мѣдною монетою, принадлежавшею разбитному капиталу бывшаго Ассигнаціоннаго Банка.

Всего кредитныхъ билетовъ находится въ народномъ обращеніи къ 1 января 1850 г. на . 300.317,244

Къ 1-му января 1849 г. состояло размѣннаго фонда:

Въ звонкой монетѣ и слиткахъ	117.079,477
Въ приобретенныхъ покупою на счетъ его публичныхъ фондахъ	29.759,432
Къ тому поступило въ теченіе 1849 г. звонкою монетою	14.863,612
	<hr/>
	161.712,521

Изъ сего числа выдано звонкою монетою за поступившіе къ обмѣну кредитные билеты

За тѣмъ къ 1850 г. размѣннаго фонда состоятъ на лицо:

Звонкою монетою и слитками	107.333,127
Публичными фондами, за исключеніемъ 122,820 р., вышедшихъ по тиражу	29.636,612
	<hr/>
	136.969,739

Сохранныя Казны.

Количество вверенныхъ Сохраннымъ Казнамъ капиталовъ къ 1850 г., за исключеніемъ 48.844,867 руб., принадлежащихъ Воспитательнымъ Домамъ, составляетъ

Казны имѣютъ въ долгу на разныхъ мѣстахъ и лицахъ

Въ 1849 году:

Вкладовъ внесено

Возвращено и выдано процентовъ по вкладамъ

Роздано въ займы

Получено въ уплату по ссудамъ

Приобрѣтено чистой прибылн

Къ 1850 г. состоятъ въ залогъ:

Населенныхъ имѣній	5.052,984 д.
Каменныхъ домовъ	448
Въ Сберегательныхъ Кассахъ къ 1849 году оставалось въ обращеніи вкладовъ	1.116,295
Въ 1849 г. внесено вкладовъ	702,357
Возвращено оныхъ	578,010

Къ 1850 г. остается въ обращеніи капитала,
съ накопившимися процентами 1.233,346
Число книжекъ, выданныхъ вкладчикамъ,
составляетъ 20,044.

Приказы Общественнаго Призрѣнія.

Въ теченіе 1849 г. внесено вкладовъ	13.796,575
Возвращено	10.293,322
Къ 1850 г. остается въ обращеніи вкладовъ	59.394,109
Въ 1849 г. вновь произведено ссудъ и пересрочено прежнихъ	10.308,721
Поступило въ уплату капитала	7.073,605
Получено процентовъ и другихъ доходовъ	5.070,135
Къ 1850 г. остается въ долгу	61.680,720
Употреблено на содержаніе Приказовъ и заведеній, имъ подвѣдомственныхъ	4.709,989
Приобрѣтено чистой прибылн	360,146
Собственный капиталъ Приказовъ заключается въ	13.181,584
Такимъ образомъ въ Сохранныхъ Казнахъ, Земномъ и Коммерческомъ Банкахъ и Приказахъ къ 1850 г. составляютъ совокупно:	
Вклады	721.610,057
И ссуды (въ томъ числѣ учетъ векселей и тизровъ)	771.039,096
Вообще въ 1849 г. внесено вкладовъ, съ причисленными на невостребованные капиталы процентами	177.543,362
Востребовано	159.258,239
Слѣдовательно, поступило болѣе	18.285,123

Таково положеніе нашихъ Кредитныхъ Установленій. По произведеніи ревизіи ихъ операций, избраннымъ изъ среды нашей Комитетомъ, вы, Милостивые Государи, надѣюсь, удостовѣритесь, что операціи эти производимы были безъ всякаго затрудненія и съ точнымъ соблюденіемъ правилъ, для нихъ постановленныхъ.

— Извлечение изъ отчета по управленію Царствомъ Польскимъ за 1846 годъ, всеподданнѣйше представленнаго Государю Императору Намѣстникомъ Царства.

Отчетъ состоитъ изъ пяти главныхъ частей и заключаетъ въ себѣ нижеслѣдующія свѣдѣнія, изъ коихъ важнѣйшія здѣсь вкратцѣ излагаются:

I. По части Правительственной Комиссiи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ:

Народонаселеніе.

Народонаселеніе Царства Польскаго въ 1846 году прости-
ралось до 4,867,192 человекъ, въ томъ числѣ: мужчинъ—
2,388,705, женщинъ 2,478,424; дворянъ 68,685, шляхтъ
и крестьянъ 4,798,444; городскихъ жителей 1,146,676,
сельскихъ 3,721,453; родилось: христіанъ 171,327, не-
христіанъ 24,418. — Вообще же народонаселеніе царства
противъ 1845 года увеличилось 44,906 душами.

Народонаселеніе царства по вѣроисповѣданіямъ пред-
ставляется въ слѣдующемъ видѣ:

Христіанскія исповѣданія:

	мужчинъ.	женщинъ.	всѣхъ.
Римско-Католическаго.	1,856,817	1,938,070	3,794,887
Православнаго	2,388	1,911	4,299
Грекоуніатскаго. . . .	117,884	122,027	239,911
Лютеранскаго	128,566	133,931	262,497
Реформатскаго. . . .	896	827	1,723
Филипоновъ	2,058	2,032	4,090
Менонистовъ. . . .	582	579	1,161
Герингутеровъ. . . .	15	12	27

Не-Христіанскія исповѣданія:

Магометанъ	147	156	303
Евреевъ	279,184	278,711	557,895
Цыганъ. . . .	169	168	337
Итого. . . .	2,388,705	2,478,424	4,867,129

Народное здравіе.

Народное здравіе въ Царствѣ Польскомъ было вообще въ хорошемъ состояніи.

Оспа привита 80,059 младенцамъ.

Укушенныхъ бѣшенными животными было 225 чело-
вѣкъ.

Автомировано скоропостижно умершихъ 2,977 чело-
вѣкъ.

Рекрутскій наборъ.

Въ 1846 году рекрутскій наборъ опредѣленъ по 2¹/₂ че-
ловѣка съ тысячи; вслѣдствіе сего принято: изъ хри-
стіанъ 5,220 и за убылыхъ отъ побѣговъ 217, всего 5,437;
и зачетомъ же отданныхъ въ военную службу бродягъ,
контробандистовъ и арестантовъ 704, дѣйствительно посту-
вило 4,733 челоѣка. Изъ Евреевъ, съ зачетомъ поступив-
шихъ въ теченіе года 25, поступило 680 рекрутъ.

Кантонисты.

Число военныхъ кантонистовъ простиралось до 376 чело-
вѣкъ.

Число преступленій.

Въ продолженіе 1846 года открыто: смертоубійствъ 338,
братоубійствъ 1, дѣтоубійствъ 45, самоубійствъ 222; под-
жоговъ 159; дѣлателей фальшивой монеты 88; святотатствъ
10; похищеній казенныхъ суммъ 5, похищеній частной соб-
ственности 5,110.

Подъ полицейскимъ арестомъ содержалось 46,230 чело-
вѣкъ.

Тюрьмы.

Число арестантовъ, подъ слѣдствіемъ находившихся, вмѣ-
стѣ съ оставшимися отъ прошедшаго года, было 11,383;
изъ нихъ передано въ уголовныя тюрьмы 4,538, освобожде-
но 4,056, бѣжало 7, умерло 606, осталось 2,176.

Въ уголовныхъ тюрьмахъ и крѣпостяхъ содержалось 10,859; изъ нихъ освобождено по выдержаніи наказанія 5,680, помилованы 606, сослано въ Сибирь 1, бѣжало 12, умерло 1,056, осталось 3,504. Всего въ слѣдственныхъ и уголовныхъ тюрьмахъ къ 1847 году оставалось 5,680 человекъ; въ томъ числѣ было:

- а) Мужчинъ 5,125, женщинъ 555.
- б) Недостигшихъ 20-ти лѣтняго возраста 901; отъ 20—40 лѣтъ 2,723; старѣе 40 лѣтъ 2,055.
- в) Дворянъ 92, мѣщанъ 2,206, крестьянъ 3,382.
- д) Получившихъ высшее образованіе 40, умѣющихъ читать и писать 767, безграмотныхъ 4,873.

На содержаніе арестантовъ въ слѣдственныхъ и уголовныхъ тюрьмахъ и арестантскихъ ротахъ въ 1846 году израсходовано до 247,200 рублей.

Арестанты занимаемы были разными рукодѣльями. Издѣлія, ими изготовленныя, употреблены для арестантовъ, отъ чего послѣдовало сбереженіе въ расходахъ на 17,702 рубля, кромѣ стоимости оставшихся запасовъ.

Земледѣліе.

Урожай въ 1846 году можно было бы считать удовлетворительнымъ, но неурожай въ 1845 году картофеля и истощеніе всѣхъ запасовъ, послѣ предшествовавшихъ двухъ неурожаевъ, возбуждали опасеніе на счетъ достаточности продовольствія жителей, а потому вывозъ за границу ржи, ячменя, овса, гречихи, гороху, пшеницы, картофеля, сѣна и соломы по 1 іюля 1846 года былъ воспрещенъ; съ 1 ноября 1846 по 1 апрѣля 1847 года, вывозъ хотя и былъ дозволенъ, но съ уплатою пошлины; а ввозъ въ царство всякаго рода хлѣба и картофеля съ 1 ноября 1846 по 1 августа 1847 года былъ разрѣшенъ безъ пошлины и уплаты дорожнаго сбора.

Для сбереженія хлѣба, а въ особенности картофеля отъ перегонки на водку, ограниченъ былъ срокъ винокуренія, и дозволено было производить оное только по 1 февраля 1847 года.

Къ удержанію умѣренныхъ цѣнъ на хлѣбъ, дано для городовъ на покупку хлѣба, въ ссуду 16,565 р. и на приготовленіе теплой пици для нищихъ въ Августовской губерніи, въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, 10,000 руб., а для доставле-

въ бѣднѣйшему классу народа средствъ къ заработкамъ, предпринята постройка шоссе: пѣз Вильковишекъ до Курарскини, изъ Ломжи до Замброва и изъ Сувалокъ до Филлпова и до Сейнцъ. На работахъ сихъ находилось ежедневно до 6,000 человекъ.

Колоніи.

Въ 1846 году число колонистовъ туземныхъ и иностранцевъ простиралось до 9,054 семействъ, состоявшихъ изъ 43,697 душъ.

Скотскіе падежи.

Скотскій падежъ, особенно въ Радомской губерніи, распространился отъ сильныхъ жаровъ и пересыханія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воды. Падежъ сей былъ тѣмъ чувствительнѣе, что послѣдовалъ при общемъ недостаткѣ отъ неурожая.

Фабричная промышленность.

Въ 1846 году на фабрикахъ шерстяныхъ издѣлій работало 8,021 человекъ, кои на 2,254 станкахъ выработали сукна разнаго достоинства и другихъ шерстяныхъ матерій, всего на 2,048,781 руб., болѣе противъ 1845 года на 163,604 рубля.

Бумажныхъ издѣлій на 8,414 станкахъ 18,670 работниковъ выдѣлали разныхъ тканей на сумму до 2,248,275 р.; болѣе противъ 1845 года на 201,364 рубля.

Выдѣлкою льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій занимались на 4,333 станкахъ 7,088 ткачей. Выткано холста средней доброты 743,730; холста толстаго 2,429,731; другихъ тканей 1,017,474; столоваго бѣлья 31,660; тикку 31,779 локтей. Сверхъ сего, 141,063 души крестьянъ выткали въ своихъ домахъ холста для себя 10,006,825 и на продажу 3,661,683 локти.

Частныхъ горныхъ заводовъ было 38; изъ 72 рудниковъ выдѣлано желѣза 375,632 центнера; на 14 литейныхъ заводахъ отлито чугуна 41,334 центнера; на 14 мѣдныхъ заводахъ выработано 3,680 центнеровъ мѣди; свинцовой руды добыто 2,000 киблей, изъ коихъ выплавлено свицца 2,000 центнеровъ; шпіаутера 19,220 центнеровъ. Было въ дѣй-

ствии: копылевыхъ печей 8, горновъ 120, плющилень 5, пудлинговыхъ печей 12; работами занималось 4,180 человекъ; болѣе противъ 1845 года 558 человекъ. Цѣнность всего производства простаралась до 1,385,518 рублей, болѣе противъ 1845 года на 290,000 рублей.

На другихъ фабрикахъ и заводахъ выработано: шелковыхъ издѣлій на 61,220 р., сахара на 35,042 р., пива и портера на 87,787 р., арака и ликеровъ на 113,292 р., экипажей на 161,432 р., писчей бумаги на 297,817 р., кожи на 679,165 р., свѣчей на 114,599 р., машинъ на 313,777 р., стеклянной и фаянсовой посуды на 225,344 руб., жестяныхъ, бронзовыхъ и изъ накладнаго серебра издѣлій на 164,380 р., уксусу и постнаго масла на 156,338 р., химическихъ издѣлій на 70,910 руб.

На всѣхъ частныхъ фабрикахъ и заводахъ работали 46,100 человекъ; стоимость выдѣланныхъ произведеній простаралась до 9,626,519 р. Вообще въ 1846 году разныхъ ремесленниковъ было 75,892 человекъ, болѣе противъ 1845 г. 804; ремесленниками куплено сырыхъ матеріаловъ на 3,934,360 р., изъ оныхъ выдѣлано разныхъ произведеній на 7,771,520 рублей; следовательно, ремесленники получили чистой прибыли 3,836,560 рублей.

Внутренняя торговля.

Въ 1846 году привезено было на ярмарки и торги, въ Царствѣ Польскомъ бывшія, сырыхъ произведеній, товаровъ, издѣлій, хозяйственныхъ и земледѣльческихъ орудій и снарядовъ, скота и проч., по приблизительному исчисленію, всего на 9,298,983 рубля, продано на 4,540,230 рубля.

Состояніе городовъ.

Доходы городскихъ кассъ, кромѣ варшавской, составили 537,016 рублей, болѣе противъ 1845 года 4,319 руб. — Изъ нихъ употреблено на расходы по управленію, на улучшение городовъ и другія потребности 460,567 рублей, остальные 76,448 рублей, внесены въ Банкъ для приращенія процентами. — Остатокъ городскихъ суммъ, обращающихся въ банкъ и розданныхъ въ ссуду частнымъ лицамъ и городскимъ кассамъ и пр., составлялъ 888,945 р. Въ теченіе сего года, дано въ ссуду на постройку домовъ и ш

82,696 рублей, къ концу 1846 года оставалось 796,260 руб-лей. Строеній жилыхъ и фабричныхъ возведено 891.

Городъ Варшава.

Доходъ города въ 1846 году простирался до 877,269 р. (больше противъ 1845 г. 52,992 р.). Къ тому поступило: недвижимокъ 9,667 р., изъ Банка въ счетъ ссудъ 517,843 р., всего-же съ остаткомъ отъ 1845 года, было до 1,464,829 р. Изъ сей суммы израсходовано: на штатныя издержки 860, 239 р., на украшеніе города и уплату долговъ 517,843 р., всего 1.398,084 р., за тѣмъ къ концу года осталось 66,756 р.

Долги г. Варшавы, которые уплачиваются опредѣленными способамъ погашенія, къ концу 1846 года составляли до 4 мил. 635 т. р.

Для строящихся новые дома выдано въ ссуду 34,500 р.; разрешена постройка и починка 281 дома.

Народонаселеніе Варшавы состояло изъ 120,981 души Христіанъ и изъ 44,149 Евреевъ, всего изъ 165,130 душъ: противъ 1845 года больше 1,416 душами.

Страховыя учрежденія.

Недвижимыхъ имуществъ застраховано было: въ городахъ на 44.171,797 р., въ деревняхъ на 65.136,200 р., всего на 109.307,997 р., больше противъ 1845 года на 5.547,878 р. Пожарныхъ случаевъ было: въ городахъ 200, въ деревняхъ 1,380. Въ вознагражденіе повнесенныхъ убытковъ выдано 450,772 р. Товаровъ и другихъ предметовъ, отправленныхъ водою и сухимъ путемъ, застраховано было на 2.296,923 р., премій получено 17,153 р.

Стоимость застрахованныхъ движимыхъ имуществъ къ концу 1845 г. составляла 8.994,020 р., въ 1846 году прибыло на 11.356,881 р., всего было на 20.350,901 р.; изъ того выбыло на 7.412,273 р., осталось застрахованныхъ предметовъ на 12.938,628 р., больше противъ 1845 года на 3.944,608 р. Доходъ отъ застрахованій сего рода простирался до 135,740 р.

Отъ застрахованій пожизненныхъ доходовъ и капиталовъ 33-ля лицами, доходъ простирался до 6,565 р.

Сберегательныя Кассы.

Въ Сберегательныхъ Кассахъ въ 1846 году было 6,471 вкладчикъ; изъ нихъ въ Варшавѣ 5,885 и въ Плоцкѣ 583 человѣка; внесенная ими сумма простиралась до 219 т. р.

Блаотворительныя заведенія, состоящія подъ главнымъ надзоромъ Попечительнаго Совѣта.

Въ 46-ти больницахъ пользовались 46,380 человѣкъ; изъ того числа въ Варшавѣ 30,633 и по губерніямъ 15,747, болѣе нежели въ 1845 году 11,248 человѣкъ. Выздоровѣло въ Варшавѣ 24,970, по губерніямъ 12,899; выбыло до выздоровленія 1,013, умерло: въ Варшавѣ 3,162, въ губерніяхъ 1,698. Осталось къ 1847 году: въ Варшавѣ 1,572 и въ губерніяхъ 1,066. Смертность къ числу больныхъ относилась: въ Варшавѣ какъ 1:11,4, по губерніямъ какъ 1:10,3.

Сверхъ-того, въ приютахъ, устроенныхъ при варшавскихъ больницахъ, оказано было медицинское пособіе и роздано бесплатно лекарствъ 15,446 больнымъ.

Въ богадѣльняхъ и рабочихъ домахъ находилось 2,663 человѣка; изъ нихъ выбыло по желанію 1,037, отдано въ службу 116, отправлено въ больницы 244, убыло по другимъ случаямъ 51, умерло 204, осталось къ 1847-году 1,011. Во временномъ зимнемъ приютѣ, при больницѣ Младенца Иисуса, призрѣваемы были бѣдные и пользовались пищею.

Дѣтей—подкидышей, воспитывавшихся подъ покровительствомъ больницы Младенца Иисуса, состояло, вмѣстѣ съ оставшимися отъ прошедшаго года, въ больницѣ: мальчиковъ 1,075, дѣвочекъ 1,009, по деревнямъ: мальчиковъ 1,763 и дѣвочекъ 1,758, всего 5,605; изъ того числа роздано по деревнямъ, возвращено родителямъ, отдано въ ученіе ремесламъ, отослано въ больницу и умерло: мальчиковъ 1,332, дѣвочекъ 1,272, оставалось къ 1847 году дѣтей обою пола 3,001.

Въ Институтѣ Св. Казимира состояло: сестеръ милосердія 58, сиротъ дѣвочекъ 154; изъ нихъ назначено въ другія заведенія: сестеръ милосердія 20, дѣтей отдано родственникамъ 26, умерло 1, осталось въ Институтѣ семь къ концу 1846 года: сестеръ 38, а дѣтей 127.

Въ Институтѣ глухо-нѣмыхъ находилось мальчиковъ 56,

дѣвочекъ 29, и слѣпыхъ мальчиковъ 10, всего-же 95, изъ нихъ убыло 12, осталось 83.

Дѣтскихъ пріютовъ находилось: въ Варшавѣ 7 и въ Калишѣ 1; среднимъ числомъ, ежедневно имѣли пріютъ въ Варшавѣ 436, а въ Калишѣ 49 дѣтей. Кромѣ-того въ пріютъ для сиротъ, состоящемъ подъ попечительствомъ варшавскаго Общества Благотворительности, было: мальчиковъ 94; изъ нихъ отдано: въ больницы 46, въ службу и родильн. 5, въ ученіе ремесламъ 6, въ рабочій домъ 3, убыло во другимъ случаямъ 6, осталось мальчиковъ 28.

Попеченіе о нищихъ было поручено приходскимъ управлѣн., и подъ надзоромъ ихъ состояло 642 богадельни.

Варшавское Благотворительное Общество въ 1846 году оказало пособіе 30 т. бѣднымъ деньгами, жизненными припасами и дровами.

Почтовое управленіе.

Почтовый доходъ въ 1846 году составлялъ 462,581 р., а расходы простирались до 230 т. р.

Управленіе Путей Сообщенія. Мостовыя и шоссе.

На счетъ казны Царства Польскаго содержалось: городскихъ мостовыхъ 27 верстъ; шоссе съ двумя подстилками по способу Мак-Адама 2,033 версты; второстепенныхъ шоссе-сейныхъ дорогъ было 144 версты. Издержки по содержанию, управленію, устройству и починкѣ дорогъ, составляли 490,611 р.; ремонтное содержаніе каждой версты шоссе обошлось въ 232 р.; а шарварковой повинности вообще отбыто 860,271 день.

Водяныя сообщенія.

Очищеніе судоходныхъ рѣкъ и гидравлическія работы для укрѣпленія береговъ, съ содержаніемъ служащихъ, обошлись въ 22,340 р.

Для охраненія прибрежныхъ жителей отъ разливовъ Вислы, городъ Варшава обнесенъ валомъ на протяженіи 144 версты; расходъ по сей части составлялъ до 61,176 р.

На устройство въ Варшавѣ сѣзда къ Вислѣ употреблено

220,632 р., настилка новой мостовой, плитныхъ тротуаровъ ремонтъ улицъ и площадей обошлись въ 43,400 р.; городскихъ подземныхъ трубъ въ 3,756 р., моста на рѣкѣ Вислѣ въ 25,750 р.; вообще по г. Варшавѣ на инженерныя работы употреблено до 89,502 руб.

На работы по Августовскому-каналу издержано 13,066 р.

Железные дороги.

Въ 1846 году открыта ѣзда на 2-й дистанціи Варшавско-Вѣнской железной дороги, отъ Скерневицъ до Петрикова на 73 версты, всего-же для ѣзды открыто 234 версты, кромѣ поперечныхъ перевозовъ.

За работы, начатыя въ 1845 и произведенныя въ 1846 году, выдано 862,083 р., а за сямъ отъ ассигнованной на устройство дороги суммы осталось 238,828 р.

II. По части народнаго просвѣщенія.

Въ отчетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1846 годъ, представленномъ Государю Императору, и изданномъ ко всеобщему свѣдѣнію, подробно изложены какъ состояніе учебныхъ заведеній Варшавскаго Учебнаго Округа, такъ и занятія Ценсурнаго Комитета, а потому здѣсь излагаются невошедшія только въ тотъ отчетъ свѣдѣнія о состоящемъ подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ Александринскомъ Институтѣ для образованія благородныхъ дѣвицъ.

Въ Институтѣ семь воспитывалось 215 дѣвицъ; въ томъ числѣ на иждивеніи Императорской Фамиліи 20. Намѣстника Царства 3, Ловичскаго пѣвня 1, города Варшавы 8 на казенномъ иждивеніи 100, на собственномъ 76, приходскомъ 7.

Изъ числа воспитанницъ было: римско-католическаго исповѣданія 174, православнаго 34 и протестантскаго 7.

Содержаніе Института обошлось въ 79,620 руб.

III. По части Правительственной Комиссіи Юстиціи.

Мировые суды.

Въ 1846 году мировыми судами окончено примиреніемъ

сторонъ 345 дѣлъ, отослано въ высшія судилища, по непримиренію намъ по нелвкѣ тяжущихся сторонъ 2,613, произведено фамилныхъ совѣтовъ 1,638.

Спорными отдѣленіями мировыхъ судовъ постановлено рѣшеній 22,998; окончено примиреніемъ 598 и рѣшено ипотечныхъ 2,334 дѣла.

Гражданскіе суды.

Гражданскими судами 1-й степени постановлено рѣшеній 17,865, рѣшено дѣлъ ипотечныхъ 15,688, распорядительныхъ 44,881, осталось къ 1847 году 474.

Коммерческій судъ.

По Коммерческому Суду постановлено рѣшеній 4,57; окончено дѣлъ о массахъ несостоятельныхъ лицъ 11, распорядительныхъ 1,273, осталось 27.

Апелляціонный судъ.

Апелляціоннымъ судомъ рѣшено тяжebныхъ 2,585, распорядительныхъ 2,651, осталось 706 дѣлъ.

9-й Сената Департаментъ.

9-мъ Департаментомъ Правительствующаго Сената рѣшено апелляціонныхъ дѣлъ 370, частныхъ 90, осталось къ 1847 году 26 дѣлъ.

Общій итогъ.

Вообще гражданскими судилищами и 9-мъ Департаментомъ Правительствующаго Сената рѣшено дѣлъ: гражданскихъ 51,971, ипотечныхъ 18,032, по фамилнымъ совѣтамъ 1,638, о массахъ несостоятельныхъ лицъ 12, по общимъ предметамъ 90, распорядительныхъ 117,836, всего 189,579 дѣлъ, болѣе противъ 1845 г. 4,228 дѣлами.

Уголовное судопроизводство.

Въ уголовныхъ судилищахъ Царства, сверхъ распорядительныхъ, производились 114,988 уголовныхъ дѣлъ. Изъ того числа рѣшено судами: простой полиціи 51,890, ис-

правительной полиціи 35,641, уголовными 11,130, Апелляціоннымъ 2,930 и 10-мъ Департаментомъ Правительствующаго Сената 255; къ 1847 году во всѣхъ инстанціяхъ осталось нерѣшенныхъ 13,142 дѣла. Въ сихъ-же инстанціяхъ производилось распорядительныхъ дѣлъ 597,713, исполнено 592,903, осталось къ исполненію 4,810. Противъ 1845 года рѣшено болѣе: уголовныхъ 2,806 и распорядительныхъ 31,154 дѣла.

Правительственная Коммиссія Юстиціи представляла къ помилованію 2,140 преступниковъ, въ числѣ коихъ было 4 приговоренныхъ къ смертной казни, 1 къ пожизненному строгому заключенію и 6 къ лишенію дворянства.

Государю Императору благоугодно было наказаніе приговоренныхъ къ смертной казни, одному замѣнить на пожизненное заключеніе, а тремъ заключеніемъ на определенное время. Сверхъ-того, по Высочайше-одобреннымъ постановленіямъ Совѣта Управленія Царства, освобождено отъ наказанія 29, облегчено наказаніе 1,174.

Прокураторія Царства.

Въ Прокураторіи Царства, занимающейся защитою дѣлъ казны, гминъ и общественныхъ заведеній, производилось 6,446 дѣлъ, изъ нихъ рѣшено 774, въ томъ числѣ выиграно 249 на 154,161 р., прекращено 184 дѣла, передано административному вѣдомству 29, окончено примиреніемъ сторонъ 272, проиграно 40 на 22,158 р., осталось 5,672 дѣла.

Герольдія.

Герольдіею Царства въ теченіе 1846 года рѣшено дѣлъ по просьбамъ: о признаніи въ почетныхъ титулахъ 10, въ дворянскомъ достоинствѣ 315, и по другимъ предметамъ 2,625, осталось нерѣшенныхъ къ 1847 году 332 дѣла.

Общее Собраніе Правительствующаго Сената.

Въ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената Варшавскихъ департаментовъ рассмотрѣно и постановлено окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ, внесеннымъ а) Приготовительною Коммиссіею, по спорамъ о принадлежности дѣлъ 3, по спорамъ между административными вѣдомствами 9,

по дѣламъ льготнымъ 14; и б) Герольдіею, объ утвержденіи въ потомственномъ дворянствѣ 328. Исполнено текущихъ дѣлъ 842.

IV. По части Правительственной Коммиссіи Финансовъ и Казначействъ.

Сверхъ подробностей, до финансовъ относящихся, въ отчетъ за 1846 годъ изложены слѣдующія по части сей сѣднія:

Торговля;

а) Привозная.

Въ 1846 году привезено въ Царство товаровъ:

въ Россіи на	2.644,291 руб.
— Пруссіи.	3.802,694 «
— Австріи и Кракова . . .	1.041,072 «
	<hr/>
	7.488,057 «

(Больше противъ 1845 года на 106,000 р.)

Важнѣйшія статьи привоза составляли: лошади и рогатый скотъ на 812,967 р., хлопчатая бумага на 156,581 р., бушлатная пряжа и ткани на 613,000 р., чай на 153,350 р., пряные коренья, сахаръ и кофе на 800,095 р., напитки на 503,144 р., мясо, сало топленое и сырое на 288,424 р., кожи сырыя и выдѣланныя на 183,264 р., рыба на 318,140 р., растительныя масла на 90,282 р., плоды на 199,450 р., соль на 383,158 р., хлѣбъ въ зернѣ на 438,251 р., краски на 154,471 р., мѣха на 133,740 р., шолкъ и издѣлія изъ оного на 612,142 р., льняныя и пеньковыя на 219,461 р., шерстяныя на 217,427 р., и металлическія на 171,509 р.

б) Отпускная.

Изъ Царства отпущено разныхъ произведеній:

Въ Россію на	1.066,318 руб.
— Пруссію.	4.223,919 «
— Австрію и Краковъ . . .	678,951 «
	<hr/>
	5.968,188 р.

(Больше противъ 1845 года на 89,556 р.)

Въ статьяхъ отпуска за границу было: скота на 518,740 р., дровъ и лѣсу на 1.853,311 р., шпіаутера на 235,144 р., металловъ и издѣлій изъ оныхъ на 240,657 р., масличныхъ сѣмянъ на 248,537 р., шерсти и издѣлій изъ оной на 1.174,585 р., хлѣба на 1.037,674 р.

Неурожай хлѣба и падежъ скота имѣли неблагопріятно вліяніе на отпускную торговлю края, такъ что за границу поступило меньше противъ 1845 г., скота на 71,741 р., шерсти на 436,165 р., хлѣба на 36,048 р., масличныхъ растеній на 190,302 р. и шпіаутера на 204,983 р.

Очищеніе крестьянъ.

Устроено и очищено 43 казенныя селенія, имѣющія 1,565 усадебъ, и въ пожалованныхъ въ частную собственность имѣніяхъ 4,064 усадьбы.

Межеваніе.

Сдѣлана триангуляція 6,340 уделовъ; подробно размежено 3,359, и раздѣлено между фольварками и поселеніямъ 6,926.

Эмеритальное Общество.

Лицъ, вносящихъ въ 1846 году składки на составленіе эмеритальнаго капитала, было 16,013, больше противъ 1845 года 2,296. Капиталь Общества простирается до 1.916,832 р. больше противъ 1845 года на 57,363 р. Выдано пенсій чиновникамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ, всего 6,666 лицамъ, на казны 716,029 р. и отъ Эмеритальнаго Общества 323,520 р. всего 1.039,550 р. Кроме-того отпускалось изъ инвалиднаго капитала 429 уволеннымъ отъ службы нижнимъ военнымъ чинамъ, урожденцамъ Царства, въ пособіе по 10 руб. въ сутки, и на сей предметъ израсходовано до 15,700 руб.

Польскій Банкъ.

Дѣйствія Банка заключаются преимущественно въ уплатѣ государственнаго долга и въ распространеніи кредита. Основнй капиталъ Банка состоятъ, какъ и въ прежи

годы, изъ 8 мил. руб. Но фондъ сей, по случаю сдѣланныхъ Банкомъ значительныхъ авансовъ къ распространению промышленности, усиленъ былъ доходами съ имѣній, процентами съ капиталовъ, розданныхъ казною въ ссуду, прибылями отъ монетнаго двора, конверсіи государственныхъ бумагъ, и проч.

Банкъ въ 1846 году имѣлъ, вмѣстѣ съ оставшимися отъ прошедшаго года, запечатанныхъ вкладовъ на 73.303,256 р. Изъ сего въ теченіе года возвращено 24.139,578 р., осталось въ 1848 году 48.163,678 р.

Другихъ вкладовъ, незапечатанныхъ, состояло на 7.086,842 р., изъ нихъ возвращено 1,665,769 р., осталось на 5.421,062 р.

Капиталовъ, принадлежащихъ разнымъ учрежденіямъ, съ остаткомъ отъ прошлаго года было 5 201,903 р., возвращено 1.280,508 р., осталось 3.921,396 р.

Частныхъ капиталовъ поступило въ 1846 году 1.131,651 р., а съ оставшимися отъ прошедшаго года составляло всего 4.511,284 р., изъ нихъ возвращено по востребованію 1.070,522 р., осталось 3.440,761 р.

Трансфертныхъ суммъ оставалось 2.858,941 р., въ 1846 году прибыло 7.767,618 р., всего было 10.626,559 р., изъ нихъ передано по назначенію 7.822,424 р., къ 1847 году осталось 2.804,135 р.

По купонамъ и вышедшимъ въ тиражахъ облигаціямъ, Банкъ уплатилъ 2.909,766 р., осталось невыданными 323,849 р.

На покупку векселей и вышедшихъ въ тиражахъ Государственныхъ бумагъ употреблено Банкомъ 4.387,175 р., въ возвратъ того поступило 3.543,100 р., за сямъ къ 1847 году оставалось 794,074 р.

На покупку и продажу заграничныхъ векселей употреблено 2.234,742 р., выручено 2.169,423 р., осталось 65,249 р.

Предназначенный на покупку и продажу публичныхъ фондовъ капиталъ, съ оставшимся отъ 1845 года, простирался до 9.288,597 р., изъ сего израсходовано 1.070,985 р., въ 1847 году оставалось 8.217,612 р.

Выданныхъ въ ссуду на промышленныя заведенія состояло 1.097,976 р., въ возвратъ поступило 88,515 р., осталось къ 1847 году въ долгъ 1.009,461 р.

Ссудъ подъ залоги состояло 1.124,590 р., въ счетъ того уплачено 571,315 р., осталось 553,274 р.

Городу Варшавѣ на устройство спуска къ Вислѣ и другія надобности выдано 1.200,000 р., за уплатою на первый срокъ оставалось 1.192,490 р.

Кредитное Земское Общество.

Долгъ Обществу, обеспеченный ипотечнымъ порядкомъ на имѣніяхъ, простирался до 50.956,710 р., въ 1846 г., за произведенными тиражами, оставалось въ обращеніи кредитными листами 38.816,700 р., въ томъ числѣ закладныхъ листовъ съ срокомъ погашенія въ 1845 году на 5.687,595 р. и въ 1846 г. на 33.129,105 р.

Срочные платежи поступали исправно, и потому Общество не нуждалось въ подкрѣпленіи дозволенными по уставу авансами со стороны Банка, и уплата по вышедшимъ въ тиражахъ листамъ производилась безостановочно. По изъятымъ изъ обращенія закладнымъ листамъ и купонамъ, въ 1846 году слѣдовало заплатить 4.369,360 р., въ то число лицамъ, явившимся за полученіемъ, выдано 3.493,766 р., осталось къ уплатѣ неявившимся 875,604 р. Такимъ образомъ закладные листы въ теченіе 21 года, со времени выпуска ихъ въ обращеніе, приобрѣли всеобщее довѣріе и постоянно удерживаются въ своей нарицательной цѣнности. Сумма, составившаяся изъ пеней и прочихъ непредвидѣнныхъ доходовъ, принадлежащая Обществу, простирается до 1.390,252 р.

V: По части Высшей Счетной Палаты.

Въ 1846 году подлежало обревизованію Палаты, вмѣстѣ съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ, 7,342 отчета, изъ нихъ обревизовано 4,095, осталось къ 1847 году 3,247.

=

— Въ прошедшемъ іюнѣ мѣсяцѣ, отъ Духовно-Учебнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ опубликовано было о конкурсѣ на составленіе Спеціальнаго Сельскаго Лечебника для лицъ духовнаго званія, съ назначеніемъ за вполне удовлетворительное сочиненіе преміи въ 1,500 руб. серебромъ. Въ дополненіе къ сей публикаціи, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, Духовно-Учебное Управленіе объявляетъ,

что премія за означенный Лечебникъ, по случаю сдѣланнаго пожертвованія на ея увеличеніе, назначается, вмѣсто прежней суммы, въ три тысячи пятьсотъ рублей серебромъ.

— 28 іюля 1850 года въ Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи было торжественное собраніе по случаю выпуска изъ оной студентовъ, окончившихъ курсъ академическаго ученія и удостоенныхъ первыхъ ученыхъ званій по части медицинской, фармацевтической и ветеринарной. Для сего Президентъ Академіи, члены и чиновники ея, также нѣкоторые главные начальствующія медицинскія лица, а равно и предназначенные къ выпуску студенты и прочіе учащіеся, въ 10 часовъ утра собрались въ большомъ Конференц-залѣ, и исправляющій должность Ученаго Секретаря прочиталъ предписаніе г. Посчителя Академіи объ утвержденіи, по представленію Конференціи, всѣхъ выпущенныхъ изъ Академіи студентовъ, въ тѣхъ ученыхъ званіяхъ, которыхъ они оказались достойными по экзамену, продолжавшемуся съ 1-го іюня по 15-е іюля. При этомъ поименованы были всѣ студенты, назначенные къ выпуску, и объявлено, кто изъ нихъ и какой ученой степени и награды удостоенъ и куда на службу назначенъ.

Затѣмъ всѣ отправились въ академическую церковь, гдѣ во совершеніи Божественной литургіи и благодарственного Господу Богу молебствія, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему Дому, вновь выпускаемые изъ Академіи лекаря, фармацевты и ветеринары приведены были къ присягѣ на вѣрность службы Его Императорскому Величеству.

Послѣ сего, все собраніе возвратилось въ Конференц-залъ, всѣ посвятители, члены и воспитанники Академіи заняли приготовленные мѣста, при звукахъ полковой музыки. Сначала Президентъ Академіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Шлегель, произнесъ къ выпускнымъ изъ Академіи приличную торжеству рѣчь, въ которой въ краткихъ, но убѣдительныхъ выраженіяхъ изобразилъ всю важность даруемаго имъ званія, и изложилъ подробно все то, чѣмъ они обязаны правительству и чего отъ нихъ ожидаетъ отечество и наука. Потомъ исправляющій должность Ученаго Секретаря читалъ отчетъ о состояніи Академіи вообще, о наличности и перемѣнахъ между учащимися, о трудахъ

ученаго сословія ея въ теченіе прошлаго учебнаго года, посвященныхъ образованію учащихся и усовершенствованію медицинскихъ и естественныхъ наукъ, объ учебныхъ пособияхъ, о переменахъ, происшедшихъ между членами ея, и наконецъ, о Высочайшихъ и начальственныхъ распоряженіяхъ.

Послѣ того г. Попечитель Академіи, Генерал-Адъютантъ *Игнатьевъ* привѣтствовалъ выпускаемыхъ изъ Академіи краткою назидательною рѣчью, въ коей, изложивъ значеніе врача въ обществѣ, ясно изобразилъ всю необходимость для него моральныхъ и религіозныхъ достоинствъ.

Затѣмъ г. Попечителемъ Академіи розданы были по назначенію медали, а Президентомъ Академіи похвальные листы, дипломы на разныя званія, и воспитавшимся на казенномъ содержаніи карманные наборы хирургическихъ инструментовъ, а вольнослушателямъ одни дипломы. Во все время раздачи, хоромъ музыки исполненъ былъ концертъ.

Въ заключеніе акта исполненъ былъ кантатъ: «Боже, Царя храни».

Вообще выпущено въ нынѣшнемъ году изъ Академіи студентовъ: лекарями казенныхъ 38, пансіонеровъ 2, стипендіатъ 1, и вольнослушателей 4; ветеринарами: казенныхъ 6, стипендіатовъ 2; провизоромъ: вольнослушатель 1; аптекарскимъ помощникомъ: вольнослушатель 1; ветеринарными помощниками: казенныхъ 3, стипендіатовъ 4, вольнослушателей 4. За отличные успѣхи въ наукахъ и всегдашнее похвальное поведеніе получили въ награду: казенно-коштный студентъ *Черторовъ*—процентныя деньги 300 р. асс. изъ капитала, положеннаго на вѣчныя времена, въ честь покойнаго Заслуженнаго Профессора Академика *Буша*, во-время празднованія 50-ти-лѣтіяго юбилея его.

Казенно-коштные медицинскіе студенты — *Богольповъ*, *Клодницкій*, *Степановскій*, *Крышинскій*, ветеринарные — *Стрежданскій* и *Гейдингеръ*, получили похвальные листы.

Казенно-коштный студентъ *Конъ* и вольнослушатель *Ковальскій*—золотыя медали; а казенно-коштный, *Гришановъ*—серебряную, за представленные ими разсужденія на заданную тему.

— Въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» напечатаны слѣдующія официальные свѣдѣнія о движеніи хлѣбной торговли въ Рыбинскѣ, за первую половину текущаго года.

Судовъ на зимовкѣ въ Рыбинскѣ отъ 1849 къ 1850 году оставалось 333; а именпо: пароходовъ 5, конномашинныхъ 2, гусянокъ 5, подчалковъ 2, барокъ 18, коломенокъ 40, лодокъ 263. Съ открытія же навигаціи въ текущемъ году по 1-е іюля, прибыло вновь съ разныхъ низовыхъ пристаней: пароходовъ 11, конномашинныхъ судовъ 5, гусянокъ 179, подчалковъ 22, расшивъ 541, барокъ 17, полубарокъ 60, коломенокъ 16, лодокъ 270, и того 1,121 судно. Въ теченіе того же періода времени (по 1-е іюля) отправилось изъ Рыбинска въ С.-Петербургу и другія мѣста, лежащія вверхъ по Волгѣ, Мологѣ и Шекснѣ: гусянокъ 2, расшивъ 8, барокъ 945, коломенокъ 18, полубарокъ 2, каюковъ 31, баржъ 2, лодокъ 2,261; всего 3,260 судовъ. На прибывшихъ и отошедшихъ судахъ, грузъ, кромѣ хлѣбныхъ товаровъ, заключался преимущественно въ соли, спиртъ, саль, мѣди, желѣзъ, чугуны, личномъ товаръ, поташъ, лицахъ и разныхъ съѣстныхъ припасахъ.

Отъ прошлогоднихъ доставокъ, на складъ къ зимѣ 1849—1850 года, оставалось въ Рыбинскѣ (въ нижеслѣдующихъ суммахъ количество казеннаго хлѣба показано вмѣстѣ съ частнымъ) 524,775 кулей ржаной муки, 417,897 четвертей разнаго хлѣба, въ томъ числѣ пшеницы 131,345 четвертей, овса 161,755, ржи 101,889 четвертей и 410 пудовъ ржаного солода. Въ сравненіи съ количествомъ зимовавшихъ въ Рыбинскѣ въ 1848—1849 году хлѣбныхъ припасовъ, это количество 427,972 кулями, 862,937 четвертями и 23,023 пудами менше, не въ счетъ муки пшеничной, которой нѣтъ въ зиму на складъ не имѣлось, тогда-какъ позапрошлую оставалось 3,508 мѣшковъ. Впрочемъ, огромный складъ 1848—1849 года не можетъ идти въ сравненіе съ зимними запасами Рыбинска ни въ какіе другіе годы: это было исключеніе, неизмѣвшее примѣра въ прошломъ времени. Съ разныхъ пристаней, по низовью Волги и по впадающимъ въ нее рѣкамъ, доставлены были къ Рыбинску вновь, съ открытія навигаціи по 1-е іюля, 736,374 кулей ржаной муки, 742,528 четвертей разнаго хлѣба, въ томъ числѣ пшеницы 139,175, овса 257,518, крупъ гречневыхъ 204,027 четвертей, 9,981 мѣшокъ и 85,761 пудъ разной муки и солода ржаного. Это, въ сравненіи съ привозомъ прошлаго года, въ теченіе всей его навигаціи, составляетъ 187,173 четвертями и 41,549 пудами болѣе, и только 81,500 кулями и 8,757 мѣшками менше. Впрочемъ, привозъ 1849

года былъ, по причинѣ огромныхъ зимнихъ запасовъ отъ предшествовашаго 1848 года и другихъ обстоятельствъ, весьма малъ.

Съ открытія судоходства по 1-е іюля отправлено было изъ Рыбинска въ С.-Петербургъ и другія ближайшія мѣста 903,173 куля ржаной муки, 700,893 четверти разнаго хлѣба, въ томъ числѣ пшеницы 135,014, овса 313,749, крупы гречневой 162,017 четвертей, 18,927 мѣшковъ и 74,469 пудовъ разной муки, крупы и проч.,—что, сравнительно съ отпускомъ 1849 года, за всю его навигацію, даетъ: 253,549 кулями, 332,863¹/₂ четвертями и 14,597 мѣшками меньше, а 465 пудами болѣе.

Тѣмъ-образомъ, послѣ показаннаго отпуска, на пристани Рыбинской должно было оставаться частныхъ хлѣбныхъ запасовъ, между прочимъ муки ржаной 357,666 кулей, ржи 117,018 четвертей, пшеницы 135,506 четвертей, овса 105,524 четверти, крупы гречневыхъ 58,030.

— Обороты Одесской заграничной торговли въ первую половину текущаго года, сравнительно съ оборотами первыхъ шести мѣсяцовъ минувшаго 1849 года, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	1849 г.	1850 г.
	Серебрѣмъ.	
Цѣнность отпуска за границу.	7,664,685	4,542,221
Цѣнность привоза въ Одессу изъ за границы	5,355,964	3,911,729
Цѣнность вывоза иностранныхъ товаровъ изъ Одессы внутрь Имперіи.	1,819,385	1,617,797
Прибыло судовъ.	383	282
Отошло	340	229

Изъ приведенныхъ здѣсь цифръ оказывается, что въ нынѣшнемъ году заграничная торговля при одесскомъ портѣ въ весьма-незавидномъ положеніи.—Отпускъ за границу въ минувшее полугодіе, сравнительно съ первымъ полугодіемъ предшествовашаго года, уменьшился, какъ въ общей цѣнности, такъ и по количеству главныхъ отвозныхъ продуктовъ. Огромные запасы хлѣба, накопившіеся въ прошломъ году

на главныхъ рынкахъ Европы, и достаточный урожай въ большей части западныхъ европейскихъ государствъ, чрезвычайно уменьшили тамъ цѣны, и ослабили требованія на пшеницу и другіе сорта зерноваго хлѣба; чрезъ то, вывозъ хлѣба отсюда уменьшился до такого количества, какого давно уже не представляли здѣшніе торговые отчеты. Здѣсь, на мѣсть, цѣны на пшеницу, особенно высшаго качества, держались, не-смотря на то, довольно хорошо, какъ по недостаточности урожая въ Южной Россіи, такъ и по необходимости снабжать грузами приходившія суда. Льнянаго сѣмени и шерсти также вывезено гораздо менѣе, нежели въ 1849 году, перваго по недостаточному урожаю, хотя цѣны были довольно высоки, а послѣдней по слабости требованій. Въ вывозъ сала не было ощутительной перемены. Привозная торговля въ минувшую половину года была довольно удовлетворительна. Хотя цѣнность ея и была слабѣе, нежели въ первую половину 1849 года, но это слѣдуетъ приписать особеннымъ обстоятельствамъ прошедшаго года, т. е. необыкновенному усиленію тогда привоза, вслѣдствіе сближенія срока существованію порто-франко въ Одессѣ. Сравнительно же съ 1848 и предшествовавшими годами, привозъ первой половины нынѣшняго года былъ сильнѣе, не смотря на послѣдовавшее съ конца прошлаго года возвышеніе привозныхъ пошлинъ, и вообще эта отрасль торговли видимо усиливается при нашемъ портѣ.

— Рѣка Луза, протекающая по Устьесысольскому узду, составляетъ одинъ изъ притоковъ рѣки Юга, съ правой ея стороны. Отличительный характеръ этой рѣки составляетъ извилистое теченіе, при весьма значительномъ паденіи воды, отъ чего рѣка такъ быстра, что суда весною могутъ плыть отъ 8 до 12 верстъ въ часъ.

Значеніе этой рѣки, способной къ судоходству только весною, важно для насъ по отпуску товаровъ съ Ношумьской-пристанн, главнѣйшей пристани этой рѣки, равно какъ и всей здѣшней губерніи, по торговлѣ съ Архангельскомъ, хотя большая часть отпускныхъ товаровъ составляетъ избытокъ не Вологодской, а преимущественно смежныхъ съ нею губерній, въ особенности Вятской.

Вскрытіе рѣки Лузы въ настоящемъ году послѣдовало 17 апрѣля; самый большій разливъ ея былъ 20 числа. Подобно всемъ быстрымъ и извилистымъ рѣкамъ, весьма скоро наполняющимся отъ таянія снѣговъ на окрестныхъ возвы-

шенностяхъ и также скоро спускающимъ воду, Луза, едва только успѣетъ освободиться отъ льда, какъ начинаетъ измѣнять горизонтъ воды, который безпрестанно то поднимается, то понижается; такъ 17 апрѣля вода стояла на высотѣ 5 арш. 1 вер., къ 20 числу она поднялась до 5-ти арш. $4\frac{1}{2}$ вер., а съ 20 на 21 число упала на 1 арш. 11 в., слѣдовательно, глубина рѣки въ это время была 3 арш. $2\frac{1}{2}$ верш. По этому надлежитъ, не теряя времени, завлечь отправкаю судовъ, и первый спускъ ихъ съ пристани начался 18 апрѣля. Отпльвающимъ судамъ предстояло не мало затрудненій, потому-что рѣка, недостигшая полноводія, могла угрожать обмеленіемъ, сверхъ-того, надлежало плыть по дну, еще покрытому льдомъ, встрѣчаясь безпрестанно съ ледяными напорами, и избѣгая ударовъ о замерзшіе берега. Но этихъ затрудненій, къ счастью, избѣгли благополучно проплывшія суда. Остальныя барки отпльли 26, 27 и 28 числа апрѣля, по возвысившейся водѣ отъ перепадавшихъ дождей. Изъ числа послѣднихъ отправившихся судовъ пострадало судно слободскаго купца Гусева, нагруженное насыпнымъ товаромъ. Управляемое лоцманомъ не изъ туземцевъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностію рѣки, судно купца Гусева быстротою воды было увлечено въ одно изъ опасныхъ мѣстъ, въ такъ-называемую промону (между Ношульской-пристанью и Объячевскимъ-селеніемъ), узкую и съ крутымъ поворотомъ, гдѣ и разбилось о берега ея. Убытокъ простирается на 13,300 р. с.

Всѣхъ барокъ, отпльвающихъ къ Архангельску, было 90. Главнѣйшіе роды товаровъ были слѣдующіе: мука, рожь, овесъ, льняное сѣмя, крупа, горохъ, пшеница, ленъ, куделька, сало, рогожи, сальныя свѣчи, желѣзо, спиртъ и проч., всего на сумму 1,342,417 руб. 15 коп. Достоинно замѣчанія, что въ настоящемъ году изъ Ношульской-пристанн, въ первый разъ, въ видѣ опыта, было отправлено къ Архангельскому-порту желѣзо, по подряду вятскаго купца Микулина. Прежде желѣзо шло по Камъ и Волгѣ, и приходило въ Архангельскъ не ранѣе октября мѣсяца, между-тѣмъ, какъ настоящій путь изъ пристани гораздо короче и дешевле.

Товаровъ, застрахованныхъ въ Обществахъ *Надежда* и *Россійскомъ Страховомъ Обществѣ* было въ каждомъ на 79,236 руб., страховой преміи съ этой суммы получено 1,589 р. 34 коп. сер. Въ *Архангельскую Страховую Компанію* по-

стувало на страхъ суммою на 570,339 р., получено преміи 4,540 р. 95 к. сер.; во всѣхъ же трехъ обществахъ застраховано товаровъ на 728,812 руб., получено премій 6,130 р. 29 коп.

Всѣхъ купцовъ, лично посѣтившихъ Ношульскую приставь, было 30, и кромѣ того два агента компаній: Россійскаго морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страховаго общества *Надежда* и Архангельской морской и рѣчной страховаго компаніи.

Число рабочихъ простиралось до 7,000 человекъ.

Въ отвращеніе болѣзни, для рабочаго класса, ежегодно открывался въ Ношуль, на счетъ торгующаго купечества, больница, состоявшая нынѣ въ завѣдываніи Устьысольскаго Узданаго Врача Римашевскаго. Число больныхъ въ настоящую весну было 73 человекъ, изъ коихъ приходящихъ было 27 человекъ, пользующихся на домахъ 20 и собственно въ больницу 26 человекъ; изъ этого числа умерло только 2. Господствующими болѣзнями были: горьчка и лихорадка.

— Призры безкорыстныхъ пожертвованій нерѣдки въ Россіи; хотя они никогда не остаются безъ награды со стороны отеческаго правительства, но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ дѣлать ихъ общеизвѣстными. Зданіе Феодосійскаго Музея съ давняго времени, по неизмѣннѣю средствъ къ его вочникъ, было въ весьма запущенномъ и обрушенномъ видѣ; крыша его была повреждена, стѣны растрескались, и вода могла проникать въ него отвсюду. Здѣшній карантискій купецъ *Шебете-Хаджи-Симовичъ* взялъ на себя испранить его на свой счетъ, и издержалъ на этотъ предметъ 204 р. сер. Г. Симовичъ не въ первый разъ ознаменовалъ себя здѣсь щедрымъ пожертвованіемъ на пользу общую; въ 1830 году онъ издержалъ 20,000 руб. и въ 1833-мъ 40,000 руб. асс. для снабженія войскъ водою, за что онъ и награжденъ былъ золотыми медалями на Аннинской и на Владимирской лентахъ; въ прошломъ году онъ употребилъ 900 руб. сер. на очистку канавы, окружающей нашъ городъ.

— По указу Святѣйшаго Синода разрѣшено устроить въ Самарѣ женскую общину, и тамъ явились соревнователи пому благому дѣлу: кто пожертвовалъ необходимое количество земли, кто часть матеріаловъ; открыта была также подписка; но собранная до-сихъ-поръ сумма весьма значительна. Одна надежда на иногородныхъ жертвова-

телей, которые всякое приношеніе могут пересылать в Самару, на имя попечителей и распорядителей этой общины. Въ оныя избраны: тамошняго собора Протоіерей Халколвановъ, Почтмейстеръ Г. П. Богородицкій и Уездный Землемѣръ М. И. Федоровъ. Попечители рѣшились въ нынѣшнемъ году положить на имѣющіяся средства основаніе общины, и первоначально соорудить на берегу Волги храмъ во имя «Божія Матери Иверскія», икона коей принесена въ даръ здѣшней купеческою вдовою Е. С. Морейхиною. Молебствіе по сему случаю происходило 17 іюля.

— Изъ Симферополя извѣщаютъ: «Іюль мѣсяць, одинъ изъ самыхъ знойныхъ, начался проливными дождями, бурями и ознаменовалъ себя зноемъ, достигавшимъ выше 40° по Рене-смотря на ливни и вынавший мѣстами градъ. Пролитые дожди, дѣйствуя съ одной стороны благоприятно на произрастаніе проса, имѣли вредное вліяніе, какъ на уборный въ копны, такъ и на оставшіяся на корнѣ хлѣба; первый началъ было проростать; послѣдній во многихъ местахъ ломало и, такъ-сказать, вбило въ грязь (я говорю о тѣхъ мѣстахъ степной части Крыма, которыя пощажены саранчей, жучками, хрущами и множествомъ другихъ насѣкомыхъ).—Ко всему этому присоединились и градобитія. Не обыкновенный градъ, выпавшій 14-го іюля въ Перекопскомъ уездѣ, въ д. *Самавъ* (во 2-мъ станѣ), заслуживаетъ того, чтобы о немъ было упомянуто особо. Въ 3 часа по полудни, когда жаръ достигъ высшей степени (40° по Рене) съ сѣверозапада показались черныя тучи; вѣтеръ сталъ утихать, и воздухъ такъ сгустился, что тяжело было дышать. Въ самое короткое время, среди бѣлаго дня, отъ набѣгавшихъ тучъ сдѣлалось такъ темно, какъ въ самую мрачную ночь; но эта темнота продолжалась не болѣе 10 минутъ. Вслѣдъ за этимъ послышались непрерывные удары грома съ ужасною молніею. Поднялся штормъ. Вѣтеръ былъ столь порывистъ, что копны хлѣба уносились за 5 и за версты. Пошелъ градъ, продолжавшійся 26 минутъ, но въ такомъ ужасномъ количествѣ, что на пространство 400 сажень въ длину и 80 въ ширину, на 6 вершковъ покрылъ землю и истребилъ посѣянные на этомъ пространствѣ хлѣба оставшіяся на корнѣ. Самыя градины были въ воложскій орѣхъ, а наибольшія въ куриное яйцо. Градъ этотъ лежалъ до другаго дня, и исчезъ совершенно только въ 11½ часовъ по-полудни. Старожилы не запомнятъ

подобнаго явленія. Къ счастью, выпавшій въ другихъ мѣстахъ, въ іюль мѣсяцъ, градъ не былъ столь опустошительнъ; въ деревнѣ-же Самавъ имъ истреблено хлѣба на корнъ болѣе чѣмъ на 600 рублей серебромъ.»

— Изъ Тифлиса извѣщаютъ: «Мы постоянно жаловались на дождливое лѣто; но теперь обратимъ жалобы свои на дождь или ливень, бывшій съ грозой 26 іюля, въ 5 часовъ вечера; прочесть дождь шелъ всю ночь, идетъ и теперь почти безостановочно; самый же ливень продолжался только одинъ часъ, и то надѣлалъ много бѣдъ. Гроза была сильна, удары часты, и одинъ упалъ въ городъ, на Авлабаръ, и разбилъ ворота. Къ счастью, гроза случилась днемъ, и потому изъ людей никто не погибъ. Вотъ поврежденія, причиненныя въ городѣ этимъ страшнымъ ливнемъ: *Въ 1-й Части.* Въ Салалакахъ, домъ гражданина *Рапинова* и флигель губернскаго секретаря *Шитова* снесло.—Въ Колочей-балкѣ, въ трехъ солдатскихъ домикахъ военно-рабочей роты стѣны обрушились.—На Вельяминовской-улицѣ обрушилась часть стѣны сада гражданина *Тамамтева*.—На Мухранскомъ-оврагѣ залло три погреба г. *Гамбарова* и подвалъ *Картвелова*.—Унесено три быка отъ временнаго моста.—Снесены вновь устроенный мостикъ на острову. *Во 2-й Части.* Обрушилась часть стѣны бойни; снесены деревянный мостикъ, устроенный княгинею *Сумбатовою* чрезъ Дабаханскій-оврагъ.—Обрушились двѣ сакли, принадлежащія церкви, близъ старой Полиціи и чиновнику *Султанову*.—Унесено до 20 плотовъ строеваго лѣса.—Салалакская кацава сильно разрыта и завалена камнями, снесенными съ горъ водою.—Пронесло изъ Салалакъ одну корову въ подземную трубу чрезъ Эриванскую-площадь, и выкинуло ее на Мухранскій-оврагъ, гдѣ она была остановлена и находится въ изътушенъ здоровьи.—Молніею отбита часть воротъ авлабарскаго жителя *Шакара Аветисова*.—Снесена водою значительная часть мебели изъ домовъ *Рапинова* и *Пишова*.

Особенныхъ несчастныхъ случаевъ не было.

— Въ «Земледѣльческой Газетѣ» напечатана статья «Даурская весна», Г. Зензинова, изъ которой мы извлекаемъ нижеслѣдующее: «Необыкновенно глубокіе снѣга, выпавшіе въ февралѣ и въ мартѣ, произвели здѣсь жестокой уронъ въ стадахъ, какого едва ли кто запомнить. Многіе стадоводы лишились почти всего скота, иные на половину, а нѣкоторые

на треть; даже хозяева, имѣющіе 20 и 30 головъ разнаго скота, потерпѣли при томъ болѣе или меньше. Въ Нерчинскій возъ сѣна доходилъ до 8 р. сер., а пудъ до 40 к. сер., да того взять было не гдѣ. Кое-кто пропитывался скотъ тальниковыми прутьями; скормлена была старая солома, служащая крышею на сараяхъ скотскихъ. Возъ соломы продавался 1½ р. сер. Словомъ, бѣдствіе было невѣроятное. Доли горы занесло глубокимъ снѣгомъ: скота не было возможности пустить на волю, а дома кормить было нечѣмъ. Кто отдавалъ кормить на зиму коровъ въ окрестныя селенія, тому привозили коровъ обратно на саняхъ; овецъ привозили со степи подъ войлоками во дворъ ихъ хозяевамъ. Буряты и Тунгусы съ береговъ Онона, укрѣпившіеся осенью къ степямъ Аргуни, воротились многіе безъ стадъ, съ однимъ юртами; все погибло въ приграничныхъ степяхъ. Около рудника Клиньки, одинъ домохозяинъ, имѣвшій 2,000 овецъ, едва сберегъ 200. Многіе богачи стадами обнѣжились. Таковы бѣдствія, постигшія Нерчинскій край въ нынѣшнюю весну! Мѣстность края очень разнородна, глубокіе снѣга выпали не ровно, а потому вершины Онона, Ингоды, Нерчи, вполне сберегли стада; тутъ повсюду было малоснѣжье, а все бѣдствіе разразилось отъ крѣпости Чинданта, на границѣ Китайской, къ Цурухайтую, въ степляхъ рѣчекъ Борзей, Турги, Урулензуя, и отъ самой рѣки Аргуня. Кто проникъ со скотомъ въ эти обширныя равнины тотъ и пострадалъ до-нельзя; гибель въ стадахъ достигла за 90 верстъ отъ Чинданта по Онону вверхъ, на половинѣ пути къ крѣпости Акшѣ. Пострадали также окрестности Нерчинска и самый городъ. Этотъ годъ будетъ надолго здѣсь памятенъ по своимъ потерямъ стадъ. Но отчаяваться не должно; были и прежде уроны, похожіе на нынѣшній: исчезали въ глазахъ богатые владѣльцы стадъ, и исходилъ въ рядъ посредственности, возникали новые, неизвѣстные черезъ нѣсколько лѣтъ, и все позабывалось. Кто, и примѣръ, знаетъ, что въ 1790 годахъ кочевалъ по Агтѣ, и Пади Могай-туѣ, Буряты Замданъ, обладавшій трехъ-тысячнымъ табуномъ коннымъ, двумя тысячами рогатаго скота и 1,500 овецъ; Буряты Улжинтуй, имѣвшій 2,000 коней и кобылицъ, и Дабилгирь съ 1,000 рогатаго скота и 1,500 коней и кобылицъ? Быки въ стадахъ ихъ были совершенно одичавшіе, и если кто ихъ покупалъ, то отлучить ихъ могли отъ стада только съ помощью самихъ хозяевъ, к

торыхъ они всегда пидьли; иначе, стрѣляли въ нихъ изъ ружей на мѣсть и убивали; не видя другаго средства взять купленныхъ и угнать живыми на ногахъ. Теперь уже июнь мѣсяцъ; термометръ Реомюра показываетъ тридцать градусовъ жара на солнцѣ. Новая зелень развилась быстро отъ повсемѣстной сырости въ почвѣ; снѣга, упавшіе весною, привели свое благо для растительности. Вчера былъ сплный первый дождь, и хорошо промочилъ землю. Это добрый знакъ для урожаявъ. Черемуха цвѣла необыкновенно густо, что, по замчанію людей опытныхъ, обѣщаетъ хлѣбородіе.»

— Въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» за августъ мѣсяцъ, сообщены слѣдующія происшествія:

Таврической губерніи въ Днѣпровскомъ уездѣ, на кордонѣ № 38, жена объѣздчика Савельева уронила стоящее въ углу балагана заряженное ружье: послѣдовавшимъ отъ того выстрѣломъ убило малолѣтнаго ея сына. (18 апрѣля).

Шемахинской губерніи, въ Шушинскомъ уездѣ, двухлѣтняя дочь русскаго поселенина села Борисы, стащила, по неразумію, висѣвшее на стѣнѣ ружье, заряженное дробью: послѣдовавшимъ притомъ, отъ неисправности замка, выстрѣломъ ранило ее въ животъ, и малютка тутъ же умерла. (Въ апрѣлѣ).

Казанской губерніи Свѣжскаго уезда, въ деревнѣ Бурдулакъ, Татаринъ Бикиулла Рахматулинъ, выстрѣливъ нечаянно, на перевозѣ у рѣки Свѣяги, изъ имѣвшагося при немъ ружья, попалъ въ лежавшаго тутъ же на берегу другаго Татарина той же деревни, Мендыбасъ Кильшаева, и убилъ его до смерти. (2 мая).

Вятской губерніи Слободскаго уезда, на Холупицкомъ заводѣ, крѣпостной мастеровой Савва Новиковъ, занявшись исправленіемъ принесеннаго къ нему, неизвѣстно кѣмъ, для починки ружейнаго ствола, положилъ его, чтобы разогрѣть, въ топившуюся печь: изъ ствола послѣдовалъ выстрѣлъ, который повалилъ мастерового на мѣсть. (8 мая).

Екатеринославскій мѣщанинъ, изъ Евреевъ Лейба Аингоръ, вошелъ въ домъ у государственнаго крестьянина Павлоградскаго уезда, Тараса Люлькина, взялъ, въ присутствіи хозяина, находившееся у него ружье, не зная, что оно зарезано, и какъ-то упустилъ изъ рукъ: происшедшимъ отъ

того выстрѣломъ ранило десятилѣтнюю крестьянскую девочку. (12 мая).

Курляндской губерніи въ Гольдингенскомъ уездѣ, Франценбургскій почтальонъ Алексѣй Якимовъ, помогая служакамъ Почтмейстера при чисткѣ комнатъ, взялъ находившееся въ нихъ заряженное ружье, и нечаянно дотронувшись до курка, выстрѣлилъ: выстрѣлъ попалъ въ грудь служака Жени Шеслевицъ, и убилъ ее на повалъ. (25 мая).

Витебской губерніи въ Себежскомъ уездѣ, крестьянскій мальчикъ помѣщичьяго имѣнія Липняго, Илья Савельевъ, выгоняя скоть на пастбище, взялъ изъ избы заряженное ружье, и по неумѣнью обращаться съ нимъ, нечаянно застрѣлилъ родную свою сестру, которая вмѣстѣ съ нимъ пасла скоть. (28 мая).

Казанской губерніи въ Цивильскомъ уездѣ, двухъ-недѣльная дочь крещенаго Чуваша, деревни Алксаръ, Игнатія Ларіонова, привезена была для погребенія въ приходскую церковь, въ село Шигали, въ одномъ гробѣ съ матерью ея, умершею за два дня передъ тѣмъ отъ долговременной болѣзни; младенецъ же признанъ былъ умершимъ только наканунѣ того дня. Во-время отпванія, священникъ и бывшіе въ церкви вдругъ услышали плачь, выходившій изъ гроба. Оказалось, что младенецъ былъ еще живъ; впрочемъ послѣ этого онъ прожилъ у отца всего одну только сутки. (14 марта).

— *Херсонскіе канатные заводы.* — Въ Херсонѣ находятся два канатные заводы: одинъ казенный, Черноморскаго вѣдомства, помѣщается въ такъ называемой сѣверной части, на площади, занимаетъ каменное зданіе съ деревянною крышею и имѣетъ въ длину 225 сажени; другой, частный, принадлежитъ Брянскому 2-й гильдіи купцу Чамову, помѣщается въ деревянномъ зданіи, имѣющемъ въ длину 200 сажени, и находится на осушенномъ мѣстѣ болота, которое простиралось прежде параллельно Кошевой, протоку Днѣпра.—До постройки настоящаго зданія казеннаго канатнаго завода, долгое время существовалъ въ Херсонѣ, до 1805 года, другой канатный заводъ; для работъ на немъ Князь Потемкинъ-Тавричскій присылалъ людей изъ своихъ Великороссійскихъ имѣній. Въ настоящее время казенный заводъ опредѣлено перевести въ Николаевъ, гдѣ уже устраивается для сего зданіе, на берегу Ингула: въ немъ машины, приводимыя здѣсь въ движеніе лошадьми

и люди, будутъ замѣнены паровыми.—Въ прошломъ 1849 году употреблено было на немъ пеньки, для выдѣлки различнаго рода такелажа, на сумму 140,095 руб. серебромъ. Пенька доставляется съ верховьевъ Днѣпра водою; она готовится въ Орловской губерніи, преимущественно въ Брянскъ, Трубчевскъ и селѣ Почепъ, частными подрядчиками и казенными комиссіонерами, среднимъ числомъ 60,000 пудъ, бывало и 90,000 пудъ. Въ послѣдніи нѣсколько лѣтъ пенька сплавляется по Днѣпру только до Кременчуга, по причинѣ мелководія въ порогахъ, а оттуда до Херсона идетъ сухимъ путемъ. Количество вырабатываемаго такелажа въ послѣдніе три года простиралось среднимъ числомъ отъ 60,000 до 70,000 пудовъ.—Заводъ имѣетъ шесть большихъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе 24-мя лошадьми. Вообще занято работою болѣе 370 человекъ, кромѣ того къ работамъ на заводъ высылаются поочередно каждые три мѣсяца до 120 человекъ адмиралтейскихъ полевыхъ Черноморскаго вѣдомства, изъ колоній: Богоявленска, Ковшевой, Березневатой, Высуня, и др. Всѣ люди, принадлежащіе къ заводу, съ ихъ семействами, живутъ въ части города, называемой сѣверною. Въ искусственномъ отношеніи канатный заводъ управляется однимъ только канатнымъ мастеромъ, Англичаниномъ Криспомъ. Начальство надъ заведеніемъ поручено управляющему двѣми Херсонскаго порта.

Заводъ г. Чамова основанъ за двадцать лѣтъ предъ симъ. Ему привозится водою прямо до 20,000 пудовъ. Такелажъ выдѣлывается для херсонскихъ лодокъ и для сбыта чрезъ Одессу за границу; для сей цѣли сынъ владѣльца живетъ въ Константинополь. Рабочіе — вольнонаемные отъ 20 до 60 человекъ. На заводѣ дѣйствуютъ двѣ конныя машины и 8 ручныхъ съ принадлежностями.

Пожалованіе въ званіе къ Высочайшему Двору.

Августа 8. Пажі: Экстернъ *Адамъ Олсуфьевъ*, Александръ *Пушкинъ*, Алексѣй *Хатовъ*, Иванъ *Лексъ*, баронъ Иванъ *Притвицъ* 1-й, Александръ *Мирковичъ*, Владиславъ *Клюфель*, графъ *Юсифъ Гауке* 2-й, Алексѣй *Полторацкій*, экстернъ Александръ *Ортенбергъ* 1-й, Александръ *Эмагуель*,

Михаилъ Тучковъ, Дмитрій Шрадеръ 1-й, баронъ Александръ Корфъ 1-й и Владиміръ Квитницкій Всемилостивѣйше пожалованы въ Камер-Пажи Двора Его Императорскаго Величества.

ОПРЕДЕЛЕНІЯ И НАЗНАЧЕНІЯ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Юля 30. Директоръ Варшавско-вѣнской желѣзной дороги состоящій при Начальникѣ Инженеровъ дѣйствующе арміи, по строительной части, Генерал-Маіоръ **Герстфалдъ** назначенъ Товарищемъ Главноуправляющаго Путями Сообщенія и Публичными Зданіями.

ПРОИЗВЕДЕННЫ:

Августа 2. Чрезвычайный посланникъ и Полномочный Министръ при Португальскомъ Дворѣ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Ломоносовъ**—въ Тайные Совѣтники.

ПОЖАЛОВАНЫ ОРДЕНАМИ:

Св. Станислава 1-й степени.

Юля 29. Главный Надзиратель С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, Дѣйствительный Статскій-Совѣтникъ баронъ **Штакельбергъ**. Августа 5. Командиръ Кавказской резервной гренадерской бригады, Генерал-Маіоръ **Бельгардъ 1-й**. Августа 8. Вице-Президентъ Императорской Академіи Художествъ, Тайный Совѣтникъ, графъ **Толстой**.

ИЗВѢСТІЯ СЪ КАВКАЗА.

Пробываніе войскъ нашихъ вышшимъ лѣтомъ у с. Лу-
чка, гдѣ они возводятъ укрѣпленіе, и с. Кяллаи, отсюда
особый резервъ угрожаетъ с. Ирибу,—сильно встревожи-
ло Шамилъ и Даніель-Бека, и чтобы отвлечь наше внима-
ніе и силы, они собрали значительныя партіи въ Джурму-
тъ и Акратль, противъ Лезгинской линіи, подъ предво-
дительствомъ Наибова: Адалова, Муллы-Шабана и Баке-
ръ-Али.

Во временно-командующій войсками на Лезгинской ле-
ніи, Генерал-Маіоръ Бельгардъ, чтобы не дать неприятелю
времени занять главные горныя проходы и тревожить Бе-
локанскій округъ, рѣшился предупредить его и разстроилъ
его замыслы быстрымъ движеніемъ, въ двухъ колоннахъ,
къ урочищу Маалъ-расу, одному изъ важнѣйшихъ проходовъ
на главный хребетъ, овладѣлъ онымъ, и отбросилъ на урочъ
Табалу горцевъ, уже подходившихъ къ этому подъему.

15 іюня сосредоточились здѣсь 2 $\frac{1}{2}$ батальона Гренадер-
скаго Его Высочества Константина Николаевича и Тис-
манскаго Егерскаго полковъ, рота саперъ, заводъ стрѣ-
локъ, команда съ крепостными ружьями, сотня пѣшей Гру-
зинской дружины, $\frac{1}{2}$ сотни казаковъ и 4 горныхъ орудія.
Сильная вьюга, буря, снѣгъ, дождь и туманъ, встрѣтившіе
отрядъ на вершинѣ главнаго хребта, не дозволили ему въ
теченіе двухъ дней продолжать наступленіе по тропинкамъ,
сдѣлавшимся совершенно непроходимыми. Но съ прекрат-
ченіемъ непогоды, 18 числа, Генерал-Маіоръ Бельгардъ
выступилъ со всеми войсками къ сильной и заранее укрѣ-
пленной позиціи у с. Бехельды, на утесистыхъ и дѣситъ-
стыхъ высотахъ, при слияніи рѣкъ Джурмутъ-чая и Рогно-

ора, которую заняло сборище, простиравшееся до 4-хъ т. человекъ, т. е. почти вчетверо превосходившее численность отряда.

Рекогносцировка произведенная весьма смѣло и удачно Генеральнаго Штаба Подполковникомъ Маркомъ, убѣдила, что позиція эта совершенно недоступна съ фронта, а потому часть войскъ, (лѣвая колонна) подъ командою Маіора Сусловскаго, направлена была, 21 числа, по трудной тропинкѣ, пролегающей чрезъ три высокіе отрога главнаго хребта, по лѣвому берегу Рогно-ора, чтобы обойти правый флангъ, и явиться въ тылу горцевъ; правая колонна, подъ начальствомъ Полковника Князя Андроникова, для отвлеченія вниманія сборища, двинулась противъ лѣваго его фланга, а Маіоръ Князь Шаликовъ, съ среднею колонною, при коей находился Генераль Бельгардъ, слѣдовалъ по Тамалдинскому хребту къ высотамъ, командующимъ центромъ непріятельскаго расположенія.

Соображеніе это было вѣрно. Пока непріятель, озабоченный наступленіемъ правой и средней колоннъ, устремлялъ противъ нихъ свои силы, Маіоръ Суловскій, успѣлъ совершить смѣлое движеніе по мѣстности, гдѣ Лезгины могли бы задерживать его на всякомъ шагу. Въ самое то время, когда Князь Андрониковъ, переправясь на правый берегъ Джурмут-чая, началъ занимать съ бою Бехельдинскій хребетъ, а войска Князя Шаликова содѣйствовали ему удачнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, колонна Маіора Сусловскаго, быстро занявъ штыками всѣ устроенныя на дорогѣ завалы, появилась на высотахъ, откуда она угрожала пути отступленія горцевъ, и тѣмъ рѣшила дѣло. Правая колонна, по пятамъ непріятеля ворвалась въ с. Бехельду, и взяла оное штурмомъ. Опрокинутое на всѣхъ пунктахъ сборище бѣжало въ совершенномъ безпорядкѣ и столь носившю, что когда всѣ три колонны соединились, на высотахъ, за четверть часа предъ тѣмъ усѣянными толпами, не осталось ни одного человека.

Вслѣдъ за этимъ пораженіемъ Джурмутцы, ближайшіе и наиболѣе тревожные сосѣди Лезгійской линіи, принимавшіе участіе во всѣхъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствіяхъ, были примѣрно наказаны: шесть главныхъ ихъ селеній со всѣми прилежащими хуторами были разорены и преданы пламени.

Въ этомъ столь успѣшномъ дѣлѣ, атака была ведена такъ

быстро и рѣшительно, что мы не дали неприятелю времени опомниться. Оттого потеря наша ограничивается: 2-мя убитыми нижними чинами, 1 раненымъ обер-офицеромъ и 18 ранеными и контужеными нижними чинами. По словамъ лазутчиковъ, Лезгины потеряли до 320 человекъ убитыми и вдвое болѣе ранеными, оставивъ въ рукахъ нашихъ 87 тѣлъ и множество оружія. Итакъ, здѣсь уже успѣли въ первый разъ храбрецы Лезгинскаго отряда отомстить за потерю товарищей своихъ въ отрядѣ Капитана Кобулова, 8 мая.

Столь полный успѣхъ, пріобрѣтенный съ самою малою потерей, должно въ особенности приписать хорошо рассчитаннымъ распоряженіямъ Генерал-Маіора Бельгарда, который, смѣлительствуя о примѣрной неустрашимости и неутомимыхъ трудахъ всѣхъ чиновъ вѣранныхъ ему войскъ, упоминаетъ съ особенною похвалою о заслугахъ и отличіяхъ: Командира Тифлисскаго Егерскаго полка, Полковника Князя Андроникова, Генеральнаго Штаба Подполковника Марка, Гренадерскаго Его Высочества Константина Николаевича сына Маіоровъ: Сусловскаго и Князя Шаликова, Эриванскаго Карабинернаго полка Маіора Шатилова и адъютанта Начальника Главнаго Штаба, Маіора Штемпеля.

На другихъ пунктахъ нашего расположенія въ это время ничего особеннаго не случилось. Главкомадующій, изъ гр. Воздвиженской осмотрѣвъ новое укрѣпленіе Тепликичу, нѣмъ случай судить о военныхъ и благопріятныхъ для насъ послѣдствіяхъ зимней экспедиціи Генерала Нестерова и весенняго движенія Генерала Козловскаго; потомъ проѣхалъ по Сунженской линіи и вмѣстѣ съ Генераломъ Ильинскимъ и Полковникомъ Слѣпцовымъ осмотрѣвъ мѣста, гдѣ они такъ удачно и рѣшительно дѣйствовали въ ноябрѣ и декабрѣ прошедшаго года. Галашевцы и Карабулаки, бывшіе столь долгое время самыми злыми неприятелями нашими на этой линіи, не только покорились, но сами конвоировали Главкомадующаго въ ихъ землѣ, по Ассинской долинь, просили о постройкѣ нами въ двухъ мѣстахъ укрѣпленій, и сами, безъ всякой платы, расчищаютъ дороги, ведущія отъ насъ въ ихъ землю. Въ уроч. Алгуз-Али разрѣшили немедленно востроить башню.

Умирненіе этихъ двухъ обществъ и удаленіе въ Черныя горы тѣхъ жителей Малой Чечни, которые еще не покорились, совершенно успокоили всю Малую Чечню, отъ Рус-

кой дороги до Сунжи, и прочно обезпечили Военно-Грузинскую дорогу, даже отъ малыхъ партій.

На правомъ флангѣ теперь все спокойно; Магомет-Аминъ, послѣ неудачныхъ попытокъ на наши линіи, занимается усиліями соединить подъ свою власть племена, которыя по сіе время его не слушаются, и находитъ большое сопротивленіе между Шапсугами и Убыхами, даже до того, что между ними и этимъ агентомъ Шамиля были стычки и что они безпрестанно обращаются къ намъ съ просьбами о помощи.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДАНІЯ и ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТЕЙНЪ.

Съ картою.

Шлезвиг-Гольштейнскій вопросъ. — Миръ, заключенный между Пруссіею и Даніею, былъ знакомъ возобновленія мира между Даніею и Герцогствами; въ ней первымъ и до-воль единственнымъ явленіемъ было сраженіе при Идште-тѣ, но такъ-какъ оно важныхъ послѣдствій, ни для побѣди-телей, ни для побѣжденныхъ, до-сихъ-поръ не имѣло, то весьма еще предвидѣть, каково будетъ его вліяніе на судьбу войны. Любопытнѣе въ настоящее время положеніе Герма-ніи въ отношеніи къ воюющимъ Герцогствамъ, въ которое привелъ ее сказанный миръ. Въ его 4-мъ параграфѣ Король Датскій обязуется, прежде чѣмъ онъ вступитъ въ Голь-штейнъ, обратиться къ Германскому Союзу, чтобъ этотъ по-средничествомъ своимъ заставилъ Гольштейнцевъ положить оружіе. Только въ случаѣ отказа или безуспѣшности посред-ничества, онъ имѣетъ право собственными силами присту-пить къ усмиренію Гольштейнцевъ. Тутъ съ перваго взгля-да представляется невозможность: Пруссія требуетъ, чтобъ Датскій Король вошелъ въ отношенія съ Германскимъ Сою-зомъ, между-тѣмъ, какъ на дѣлѣ такой союзъ теперь не бу-

щества, и Пруссія всеми средствами противится политикѣ Австріи, которой цѣль возстановить его; это обстоятельство уже было причиною затрудненій, встрѣтившихся, когда Германіи должно было приступить къ ратификаціи мира.

Война между Гольштейнцами и Королемъ Датскимъ имѣетъ двойной характеръ: въ ней можно видѣть войну или между нѣмецкимъ государствомъ и иностраннымъ, или между Нѣмецкимъ Княземъ (Король Датскій, какъ Герцогъ Гольштейнскій, есть членъ Нѣмецкаго Союза), и возмущившимися его подданными. Съ какой изъ этихъ точекъ зрѣнія ни станемъ разсматривать войну, все дойдемъ до заключенія, что Германскій Союзъ долженъ въ нее вступить, и не можетъ допустить, чтобъ Гольштейнцы воевали одни противъ Датчанъ.

Уложеніе Германскаго Союза на каждого его члена возлагаетъ обязанность защищать, какъ всю Германію, такъ и каждую часть ея, отъ внѣшнихъ враговъ. Въ случаѣ спора между германскимъ государствомъ и иностраннымъ, последнее съ требованіями своими должно обратиться къ Союзу, который, если найдетъ ихъ справедливыми, заставляетъ первое удовлетворить ихъ, а въ противномъ случаѣ заступаетъ за него. По этому, если Гольштейнцы въ своемъ правѣ, то вся Германія должна защищать ихъ, если же нѣтъ, то обязана заставить ихъ положить оружіе. Если, съ другой стороны смотрѣть на эту войну, какъ на возстаніе подданныхъ противъ законнаго ихъ государя, то Союзъ еще болѣе обязанъ принять надлежащія мѣры, чтобъ укротить мятежниковъ; ибо въ случаѣ возмущенія въ какой-нибудь части Германіи, Уложеніе Союза предписываетъ всѣмъ членамъ заботиться о возстановленіи законнаго порядка слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ они должны бы заставить Гольштейнцевъ покориться своему Герцогу.

Не менѣе странно и то, что миръ, предоставляя Герцогствамъ вести войну по своему произволу, оправдываетъ ихъ возмущеніе противъ своего законнаго Государя; изъ этого обстоятельства демократы могутъ вывести слѣдующее, весьма опасное заключеніе: если Гольштейнцы имѣютъ право встать противъ своего Герцога, какъ скоро имъ кажется, что онъ нарушилъ ихъ уложеніе, то отчего же не могутъ

ннть такое право и другіе народы Германіи? Къ подтвержденію, что эта война незаконная, болѣе сказаннаго служать еще слѣдующія обстоятельства. Въ послѣдніе два года вся Германія была одна изъ воюющихъ сторонъ; отъ этого шлезвигскій вопросъ, сдѣлался германскимъ; въ глазахъ не только республиканской партіи, но и консервативной, Германія сражалась болѣе за свою честь и за свое право, чѣмъ за требованія Гольштейнцевъ. Тельръ правительства отказались отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ; болѣе всего побудило ихъ къ этому желаніе возвратиться къ благоразумной политикѣ, и уничтожить у себя послѣдніе революціонные элементы, которые оставила имъ въ наследство буря 1848 года. Но нація, ослѣпленная чувствомъ національной гордости, не такъ себѣ объяснить это; ова поступокъ своихъ князей припишетъ недостатку патриотизма; разыгрывающаяся предъ ней война все болѣе будетъ возбуждать въ ней соучастіе къ братьямъ, сражающимся за честь Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣетъ между нею и ея князьями сѣмена недоувѣрчивости и ненависти, плодами которыхъ воспользуются демократы. Но еще пагубнѣйшія послѣдствія война можетъ имѣть для нѣмецкаго войска; привязанность его къ князьямъ болѣе всего содѣйствовала къ спасенію Германіи отъ опасностей, грозившихъ ей вслѣдствіе революцій, и преимущественно по той причинѣ, что въ немъ революціонеры своимъ ученіемъ наши менѣе всего послѣдователей, между тѣмъ какъ прочіе органы государственной жизни болѣе или менѣе преклонились предъ новыми идеями.

Между нѣмецкими войсками и шлезвиг-гольштейнскими два года сряду существовали самыя тѣсныя связи: они вмѣстѣ сражались противъ общаго врага, и вмѣстѣ проливали кровь свою на томъ же полѣ битвы; послѣ этого весьма естественно, что не только солдатъ, но и офицеръ видитъ въ Гольштейнцахъ не мятежниковъ, но товарищей и братьевъ; онъ будетъ роптать противъ тѣхъ, которые принудили его въ бездѣйствіи смотрѣть на побѣды и успѣхи прежнихъ враговъ. Винить его за то нельзя; ему трудно отдать себѣ отчетъ, почему война, въ которой онъ въ теченіе двухъ лѣтъ принималъ участіе, какъ въ законной, вдругъ перестала быть таковою, между тѣмъ какъ обстоятельства еще тѣ же, какъ въ 1848 году. Это на нравственность солдата будетъ имѣть весьма вредное вліяніе, и если настоящія сму-

ты продлятся еще некоторое время, понятія его объ обязанности войны измѣнятся, привязанность его къ престолу ослабнетъ, а съ ней и оплотъ, который спасъ Германію отъ всеразрушающей анархіи:

Участіе, которое Германія принимаетъ въ судьбѣ Гольштейнцевъ, не менѣе упомянутыхъ обстоятельствъ возлагаетъ на нее обязанность принять мѣры къ прекращенію войны: ибо для Герцогствъ только одно средство спасенія, отказаться отъ незаконнаго пути, который они избрали для достиженія своей цѣли; только тогда имъ можно будетъ надѣяться, что права ихъ не будутъ нарушены; самыя законныя требованія перестаютъ быть таковыми, какъ скоро для защиты ихъ прибѣгаютъ къ средствамъ непозволеннымъ. Достоинно вниманія еще и то, что причина, изъ которой возникла война, перестала изъ некоторымъ образомъ существовать; извѣстно, что Гольштейнцы, основываясь на какомъ-то старинномъ законѣ, въ которомъ сказано, что оба Герцогства должны навсегда остаться нераздѣльными, возстали въ 1848 году, вслѣдствіе манифеста, въ которомъ Король объявлялъ намѣреніе соединить Шлезвигъ съ Даніею, и обомъ гесударствамъ дать одно и тоже уможеніе; въ послѣднее же время, предъ возобновленіемъ войны, Король издалъ новый манифестъ, въ которомъ отказывается отъ намѣренія присоединить Герцогство Шлезвигское къ Даніи. Еслибъ Гольштейнцы не были ослаблены въ высшей степени, они бы вняли голосу своего Герцога, и видя его готовность примириться съ ними, поспѣшили бы сознаться въ своихъ заблужденіяхъ, и отказаться отъ нихъ.

Въ послѣднее время главнѣйшія европейскія державы обратили все свое вниманіе на шлезвигскій вопросъ, и сдѣлали шагъ, доказывающій, какую важность онъ ему приписываютъ. Онъ, 2 августа, подписали въ Лондонѣ протоколъ, въ коемъ изъявили единогласно желаніе, чтобъ Датская монархія не была измѣнена въ настоящемъ своемъ составѣ, и чтобъ порядокъ престолонаслѣдія въ Даніи былъ назначенъ сообразно съ этимъ, не нарушая притомъ отношеній, существующихъ между Гольштейнскимъ Герцогствомъ и Германіею.—Вопросъ о престолонаслѣдіи въ Даніи вѣташомъ дѣлъ весьма важенъ; въ немъ отчасти заключался зародышъ, изъ коего возгорѣлась война; если онъ будетъ рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ, то исчезнетъ и

новый предлогъ опасенія, что онъ снова послужитъ поводомъ къ нарушенію мира. Вопросъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: по смерти настоящаго Короля Фридриха VII, который, какъ извѣстно, безъ дѣтей, ему наследуетъ его дядя Фридрихъ Фердинандъ, родившійся въ 1792 году, и тоже вѣнчающій дѣтей; съ нимъ пресѣчется мужское колено датскаго королевскаго дома; но по закону 1665 года въ Даніи можетъ царствовать и женское колено; по этому послѣ Фридриха Фердинанда, Королемъ Датскимъ и Герцогомъ Шлезвигскимъ долженъ быть Фридрихъ Гессен-Кассельскій, сынъ сестры умершаго Короля Датскаго. Въ Гольштейнѣ же существуетъ законъ салическій, исключавшій женское колено отъ престола; по пресѣченіи мужской линіи, это Герцогство совершенно бы отделилось отъ Даніи и Шлезвига, и перешло бы въ другія руки. Гольштейнцы, основываясь на законѣ 1648 года, изданномъ Христианомъ I-мъ, по которому оба Герцогства составляютъ одно нераздельное цѣлое, требуютъ, чтобъ и въ этомъ случаѣ связь между ними и Шлезвигцами не была нарушена. Цѣль Ландовскаго протокола найти для Даніи и Шлезвига наследника, который имѣлъ бы то же право на Гольштейнъ; этихъ были бы соблюдены интересы Даніи и Германіи.

По новѣйшимъ событіямъ должно ожидать, что Германскій Союзъ скоро будетъ возстановленъ въ прежней своей силѣ; вѣроятно, что онъ немедленно, въ смыслѣ лондонскаго протокола, приступитъ къ прекращенію шлезвиг-гольштейнскихъ смуть, и не только своими посредническими издѣіями избавитъ Гольштейнцевъ отъ несчастныхъ послѣдствій, которыя могутъ возникнуть для нихъ изъ войны, но и вмѣстѣ съ европейскими державами употребитъ всю свою усилія, чтобъ миръ былъ упроченъ и на будущее время.

Копенгагенъ, 3 августа.—Военное министерство объявило, что, считая шлезвиг-гольштейнскую армію мятежническою, возмущившеюся противъ законнаго своего государя, датскія власти будутъ обходиться со всеми не шлезвиг-гольштейнскими уроженцами, которые будутъ взяты въ плѣнъ въ числѣ шлезвиг-гольштейнскихъ воиновъ, какъ съ неподлежащими праву народовъ.

Альтна.—Подробности о судѣ надъ 3 и 13 батальонами. Капитанъ 13 батальона Бландовскій пріѣхалъ въ статскомъ платьѣ, послѣ сраженія, въ Рендсбургъ, и сказалъ, что все

погибло: онъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни. Оба батальона обвинены въ томъ, что не хотѣли идти въ дѣло; аудиторіатъ приговорилъ предать наказанію десятого; но это замѣнено переводомъ ихъ въ авангардъ, въ сѣрыхъ льняныхъ курткахъ и шапкахъ. 5 офицеровъ, и между ними майоръ, находятся еще подъ свѣдѣніемъ.

Копенгагенъ.—Главнокомандующій датскою арміею въ герцогствахъ, генераль *Крогъ*, отдалъ слѣдующій приказъ:.

Воины, вы осуществили мои надежды. Послѣ форсированнаго марша, и утомленные битвою, бывшею наканунѣ, вы превозмогли энергическое сопротивленіе, и отбросили непрітеля изъ его крѣпкой позиціи по ту сторону Шлен. Воины, вы снова ступаете по старой почвѣ Даніи. Но васъ ожидаютъ новыя битвы, новые труды. Вы перенесете ихъ, восторжествуете надъ ними съ тѣмъ же мужествомъ, какое вы обнаруживали до-сихъ-поръ. Дисциплина и примѣрный порядокъ ознаменовали занятіе Шлезвига. Надѣюсь, что вы будете поддерживать ихъ попрежнему. Благодарю васъ, воины!»

«Главная квартира Шлезвигъ, 26 іюля. Крогъ.»

* Четыре или пять датскихъ яхтъ, остановившихся у Листа, высадили, 1 числа, войска, которыя безъ сопротивленія овладѣли островомъ Сильтомъ; онъ былъ защищенъ нѣсколькими канонерскими лодками, стоявшими у Ферра, которыя схватили, 2 числа, прускаго консула *Номменсена*, за расположеніе къ Датчанамъ, и привезли его въ Рендсбургъ. Такъ какъ Фризскій берегъ до Дагезрюлла въ рукахъ Датчанъ, то, вѣроятно, они скоро займутъ всѣ близлежащіе острова.

Рендсбургъ. Четвертый рапортъ генерала *Виллизена*, въ дополненіе къ предъидущимъ отчетамъ. Генераль указываетъ на значительную потерю офицеровъ, что служитъ доказательствомъ ихъ мужества, и высчитываетъ подвиги нѣкоторыхъ изъ нихъ.

«Я ничего не могу сказать о происшествіяхъ послѣ 27 числа»,—говоритъ онъ,—«ротмистръ *Зорге* сдѣлалъ съ 2 эскадронами рекогносцировку до самаго Шлезвига, и напалъ на два непріятельскіе эскадрона, но потомъ отступилъ согласно съ полученными приказаніями; непріятель не преслѣ-

доль его. Армія оправилась и отдохнула; она стоитъ на шлезвигской землѣ, и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ возобновленія сраженія. Будучи въ прямомъ и непосредственномъ сношеніи съ Рендсбургомъ, армія сильнѣе, чѣмъ была при Иштедтѣ. Слѣдовательно, только второе или третье сраженіе можетъ вытѣснить насъ изъ Шлезвига; они будутъ кровопролитнѣе, чѣмъ первое.»

Въ «Альтонскомъ Меркуріѣ» помѣщено извѣстіе о взрывѣ пороха въ химической лабораторіи, и объявленіе генерала *Виллизема* по этому поводу; потеря пороха весьма незначительна, потому-что главные запасы въ совершенно безопасномъ мѣстѣ, а истребленъ только тотъ порохъ, который былъ въ лабораторіи. Вредъ, причиненный взрывомъ окружающимъ зданіямъ, тоже незначителенъ; впрочемъ при этомъ погибло нѣсколько человекъ.

Journal des Débats указываетъ на причины, по которымъ доселѣ не утвержденъ мирный трактатъ, заключенный между Пруссіею и Даніею; очевидно ихъ должно искать въ отсутствіи центральной власти въ Германіи. Мы сказали, что датскій законъ 1666 о престолонаслѣдіи не можетъ быть приложенъ къ Гольштейну, какъ члену Германскаго Союза; многіе утверждали, что въ такомъ же положеніи находятся в Шлезвигъ; вотъ что говоритъ по этому поводу корреспондентъ *Journal des Débats*, въ письмѣ изъ Копенгагена отъ 29 іюля. «Теперь, когда такъ называемые германскіе патріоты повсемѣстно разбиты, они стараются доказать, что Данія, на основаніи трактатовъ, должна согласиться на соединеніе Шлезвига и Гольштейна.» Основаніемъ этого мнѣнія служитъ привиллегія, данная Христіаномъ I Датскимъ, въ которой сказано, что «эти двѣ страны не будутъ никогда раздѣлены». Очевидно, это значило только, что никогда Шлезвигъ и Гольштейнъ не будутъ принадлежать разнымъ государямъ. Это доказывается тѣмъ, что уже Христіанъ I установилъ различное управленіе въ обоихъ Герцогствахъ. Въ продолженіе долгаго времени Гольштейномъ управлялъ маршалъ, Шлезвигомъ другой сановникъ датскій; даже формально запрещено ссылаться, въ судебныхъ дѣлахъ на римскіе или германскіе законы; наконецъ въ Гольштейнѣ дѣла производятся на нѣмецкомъ языкѣ, кромѣ того, когда въ 1820 г. восстановлена Германскій Сеймомъ цензура, въ Шлезвигѣ попрежнему книгопечатаніе было свободно.

Въ этой же газетѣ напечатано другое письмо, изъ Кля отъ 31 іюля: «Читая объявленія и возгласы нѣмецкихъ газетъ, старающихся увеличить подписку въ пользу Герцогствъ, можно бы подумать, что мы должны получить милліоны. А между тѣмъ мы получили очень немного, сравнительно съ обширностію Германіи. Если общества (для подписки) не будутъ въ состояніи собирать 200,000 талеровъ въ мѣсяць, то они потеряютъ всякое вліяніе на рѣшеніе вопроса.» Расходы Герцогствъ, по расчету корреспондента, въ-самомъ-дѣлѣ очень велики: одно жалованье солдатамъ составляетъ почти 200,000 тал. въ мѣсяць. Шлевигъ не можетъ ничего доставить въ армію, потому-что Датчане никого не пускаютъ на югъ. Сборъ съ Гольштейна тоже не можетъ быть великъ, потому-что богатство его состоитъ въ промышленности, а онъ уже поставилъ 40,000 человекъ войска. Если считать, что жителей въ Германіи интересующихся судьбою Герцогствъ, 20,000,000, то каждому изъ нихъ нужно ежемѣсячно жертвовать 1 пфеннигъ.

Пополненіе шлезвиг-гольштейнской арміи Германскими офицерами и солдатами продолжается; изъ Рендсбурга придутъ отъ 5 числа, что до-сихъ-поръ прибыло въ армію около 70 офицеровъ изъ различныхъ государствъ Германіи теперь нѣтъ недостатка во врачахъ и артиллерійскихъ офицерахъ; но комплектъ пѣхотныхъ офицеровъ и унтер-офицеровъ еще далеко неполонъ. Укрѣпленія въ самомъ Рендсбургѣ уже окончены; теперь укрѣпляются еще Фридрихсбургъ и Зеештадтъ и мѣстность, лежащая даде къ северу. Армія отдохнула и готова къ бою; газеты тоже требуютъ, чтобы сдѣлано было нападеніе на Датчанъ. Но генералъ Виллизенъ не намѣренъ самъ начинать сраженія и ждетъ нападенія Датчанъ по ту сторону Эйдера, гдѣ и приметъ бой. «Въ Journal de St. Pétersbourg» находимъ извѣстія съ Нижней Эльбы, отъ 7 и 8 числа: сраженіе, повидимому, неизбежно. Датчане строятъ укрѣпленія у Кронца и на дорогѣ изъ этого города въ Экерифёрде. Утромъ 7 числа они произвели усиленную рекогносцировку по всей линіи; въ двухъ мѣстахъ, на правомъ и на лѣвомъ крылахъ были аванпостныя стычки у Гроссъ-Виттензее и Золдбрюка, онѣ впрочемъ ничѣмъ не кончились, потому-что Датчане отстояли въ свою позицію.

* Съ нѣкотораго времени въ Альтонаѣ замѣтно сопря-

мши главному правительству Герцогства; 4 числа по городу ходили сильные патрули: въ этотъ день назначено было собраніе народа, которое было тотчасъ же запрещено полиціею. Если, говорятъ «Новыя Прусс. Вад.» демократическій духъ распространится въ Гольштейнъ, то изъ Рендсбурга нужна выслать гарнизоны въ различные города. Говорятъ даже, что около Рендсбурга оставлены лучшія войска, а прочіе отряды разосланы во внутрь страны, для возмущенія. Съ этимъ нельзя согласить предположенія, сообщенныя однимъ прусскимъ офицеромъ, принятымъ въ гольштейнскую армию, что генераль *Виллигемъ* думаетъ идти на Датчанъ, чтобы не дать имъ времени укрѣпиться на Шлеа и у Данневерка.

Петра датской арміи простирается до 3,000 челов. убитыми, ранеными и пленными. Четыре батареи, стоявшія противъ Алебійскаго лѣса, выдерживали непріятельскій огонь въ продолженіе шести часовъ; одна изъ нихъ сделала болѣе 700 выстрѣловъ. Въ числѣ убитыхъ находится старшій генераль *Шлептегрель*, полковники *Траукъ* и *Леско* и капитанъ *Кромольдъ*. Крестьяне нападали на Датчанъ и въ другихъ мѣстахъ; такъ съ береговъ Шлеа они стрѣляли по датскимъ канонерскимъ лодкамъ. Троюродныя победы служатъ болѣе 1000 пленныхъ, размѣщенныхъ теперь въ г. Шлезвигъ и Колдвигъ; въ числѣ тѣхъ, которые теперь въ Копенгагенъ, находится 8 прусскихъ унтер-офицеровъ; взятъ былъ также въ пленъ одинъ австрійскій офицеръ, бывший въ мундирѣ полка Императора Франца. Шлезвиг-Гольштейнцы при отступленіи сожгли 11 деревень и все магазины, изъ которыхъ въ одномъ было 9000 бочекъ пшеницы. Архивы главнаго правительства, перенесенные изъ Кля въ Готторпъ, захвачены Датчанами. Военно-пленнымъ считаютъ главнаго врача шлезвиг-гольштейнской арміи, *Д-ра Штроемера* изъ Кля, который остался въ Шлезвигъ при больныхъ, послѣ выхода арміи. При Идштатѣ Герцогства потеряли 70 офицеровъ убитыми, ранеными и пленными. Прежде на 60 солдатъ приходилось по одному офицеру; если бы не прибыли офицеры изъ Германіи, то отношеніе это было бы еще болѣе невыгодно.

6-го.—Датчане заняли Лузумъ; въ числѣ 600 челов. показались они на Трейской дорогѣ; большая часть чинцевъ и многіе бражладе опасались бѣгства. Въ Фридрихе-

штадтъ они встрѣтили слабое сопротивленіе со стороны егерей, которые отступили не за Ейдеръ, а на востокъ къ Зюдерштапелю, согласно съ полученнымъ прежде приказаніемъ; отрядъ, перешедшій чрезъ Ейдеръ, есть, повидимому, только обсервационный.

Рендсбургъ 8-го. Сегодня утромъ происходило погребеніе жертвъ, погибшихъ отъ взрыва лабораторій. На каждой деревенской телегѣ стояло по два черныхъ гроба. Девять кадетъ, которые спаслись отъ гибели и теперь слѣдовали за погребальною процессіей, живо напоминали собою своихъ юныхъ товарищей, похищенныхъ безжалостнымъ рокомъ. Непріятельскія пушки, которыхъ гулъ долеталъ отъ Зоргбрюна, отдали послѣднюю честь умершимъ. По счастью, одна колонна, которой наканунѣ приказано было идти за запасомъ въ лабораторію въ 11 часовъ, получила потомъ приказаніе отправиться за нимъ ранѣе, именно въ 5 часовъ утра. Такимъ-образомъ несчастіе, уже весьма большое само по себѣ, по возможности уменьшилось. Иначе взлетѣло бы на воздухъ еще нѣсколько центнеровъ пороха. Новая лабораторія почти уже готова; потому-что важнѣйшія машины и большой запасъ бомбъ, гранатъ, и проч. уцѣляли въ погребахъ.

Копенгагенъ, 13-го. Въ «*Berlingsche Zeitung*» напечатана «благодарность Короля войску». Приказъ этотъ посланъ въ Шлезвигъ 5 числа; «Во имя Е. В. Короля и по его приказанію объявляю всемъ войскамъ дѣйствующей арміи, начальникамъ и подчиненнымъ, благодарность его за одержанную арміею побѣду. Король доволенъ своими полками; онъ гордится своимъ войскомъ; онъ знаетъ, что храбрость его воиновъ и любовь его подданныхъ служатъ непоколебимою защитою его престола. Солдаты! вы были достойны себя въ часъ опасности; вы узнали свою собственную силу; вы имѣете довѣріе къ самимъ себѣ и къ вашимъ геройскимъ офицерамъ! Но предстоятъ новыя сраженія, при которыхъ глаза Европы будутъ устремлены на васъ. И такъ! Покажите себя тѣмъ же, чѣмъ вы были при Шлезвигѣ, при Фридеріци, при Идштедтѣ, и побѣда послѣдуетъ за вами!» Главный командиръ дѣйствующей арміи, генерал-майоръ фонъ-Крогъ, произведенъ въ генерал-лейтенанты.

Видъ Рендсбурга очень замѣчателенъ въ настоящую минуту. Пройдите по любой улицѣ, и едва-ли найдете домъ, въ которомъ бы кровля и окна совершенно уцѣляли. Раз-

рушение это произошло отъ взрыва пороха. Замѣчательно, что въ домахъ и на улицахъ города пострадало очень немногихъ людей отъ пожара лабораторіи. Такъ, напримѣръ, бомба метъла въ окно, какъ разъ позади стола, за которымъ писалъ конторщикъ, сорвала дверь, и вылетѣла изъ противоположнаго окна на дворъ, не повредивъ никому. Чтобы составить какое-нибудь понятіе объ ужасѣ разрушенія, надо посмотреть на площадь, гдѣ стояла лабораторія, и ея окрестности. Деревья отъ двухъ до трехъ футовъ позелены, какъ трава; мертвая рыба лежитъ на поверхности всей гавани, потрясенной тяжелымъ взрывомъ. О числѣ убитыхъ и раненыхъ еще неизвѣстно положительно. Сегодня, 9-го, подъ развалинами открыто еще нѣсколько труповъ. Впрочемъ, число это не должно быть очень велико, потому-что въ лабораторіи было запасено пороху только на двѣнадцать часовъ употребленія. Въ самой лабораторіи удивительный случай также спасъ нѣсколько чело-вѣкъ.

Киль, 17-го. Въ «Altonaer Mercur» напечатанъ рапортъ о сраженіи, бывшемъ 16 числа. Послѣ полудня вышелъ буксирный пароходъ «Löwe» съ двумя канонерскими лодками. №№ 7 и 10, изъ Голтеннау, для рекогносцировки. Въ 5 часовъ 45 минутъ подошли эти суда на пушечный выстрѣлъ къ датскому пароходу «Geisler», шедшему близъ Бюлка, недалеко отъ датскаго линейнаго корабля «Skjold». На «Löwe» было только одно 18-фунтовое орудіе. Суда тотчасъ открыли огонь; линейный корабль старался подойти къ сражающимся, и поднялъ паруса. Двѣ шлезвиг-гольштейнскія лодки №№ 3 и 9 стояли у Бюлка, чтобы въ случаѣ нужды идти на помощь пароходу; но онѣ не могли отойти далеко отъ берега, не бывъ отрѣзанными линейнымъ кораблемъ или пароходомъ, по этому не могли принять дѣятельнаго участія въ сраженіи. Лодка № 12, стоявшая на стражѣ у Фридрихсорта, подошла на веслахъ къ кораблю «Skjold», и завязала съ нимъ перестрѣлку. Пароходъ «Vorn», который везъ строевой матеріалъ для укрѣпленія Мелленорта, выбросилъ его у Белльвию, едва только на немъ услышаны были выстрѣлы, и прибылъ на мѣсто сраженія въ 7 часовъ 15 мин. Датскій пароходъ постоянно держался между шлезвиг-гольштейнскими судами и линейнымъ кораблемъ, такъ-что лодки не могли подойти къ нему не становясь

подъ выстрѣлы послѣдняго. Скоро на «Löwe» и буксирныхъ имъ лодкахъ истощились артиллерійскіе снаряды; люди были крайне утомлены; съ своей стороны датскій пароходъ отошелъ къ линейному кораблю, и сраженіе продолжалось въ видѣ слабой перестрѣлки. Въ 8 ч. 15 м. старшимъ офицеромъ былъ поданъ знакъ къ отступленію; сраженіе продолжалось 2 $\frac{1}{2}$ часа. Со стороны Шлезвигъ-Гольштейнцевъ убито 2, ранено 3, но одинъ только раненъ опасно. О потерѣ Датчанъ еще нѣтъ извѣстій. Пароходъ «Löwe» и обѣ канонерскія лодки, 7 и 10, были повреждены выстрѣлами, но къ 19 числу поврежденія будутъ исправлены.

20-го. Слѣды несчастія, произведеннаго взрывомъ пороховой лабораторіи, мало-по-малу сглаживаются. Улицы очищены отъ развалинъ, дома починены; невознаградимъ только потеря около 100 человекъ.

Рендсбургъ, 27-го. Здѣсь было небольшое форпостное сраженіе на лѣвомъ флангѣ, у Зюдерштапеля; аванпосты егерскаго корпуса были отброшены датскою пѣхотою на деревню, но потомъ, получивъ подкрѣпленіе, егеря овладѣли своею позиціею. Вообще ничто не предвѣщаетъ скорого начала военныхъ дѣйствій. Датчане расположились въ лагерь на долгое время, и даже начали строить для офицеровъ и солдатъ деревянные шалаши, намѣреваясь, вероятно провести въ лагерь зиму.

У Датчанъ теперь подъ ружьемъ 35,000 чел.; у Шлезвигъ-Гольштейнцевъ — 24—25,000 человекъ.

29-го. Въ Екернферде скрыты земляные валы съ южной стороны. Форпостная линія Датчанъ идетъ отъ къльокъ экернфердскаго шоссе чрезъ Ваудебъи, Остербъи и т. д. и за провіантомъ отправляются они далѣе, за линію. Западная часть Шлезвига затоплена водою, напущенною изъ Тренне; Датчане сильно охраняютъ всѣ переходныя мѣста на этой рѣкѣ.

Альтона, 31-го. Въ «Altonaer Mercur» напечатано объявленіе военнаго департамента, извѣщающее, что артиллерія герцогства находится въ полномъ составѣ, и по этому выхъ артиллерійскихъ офицеровъ, унтер-офицеровъ и солдатъ принимаемо не будетъ.

Рендсбургъ, 1-го сентября. Въ послѣднее время лѣвое крыло Датчанъ, выдвинутое довольно сильно впередъ, вынесло нѣсколько нападній со стороны арміи Герцогства; такъ

чи, между Шнеллмаркергольцомъ, Кронпомъ и Фридрихс-штадтомъ было небольшое сраженіе. Отрядъ изъ 50 егерей собралъ датскій кавалерскій аванпостъ между Голторфомъ и Бресендорфомъ, и напалъ на него съ тылу. Укрѣпленіе, воздвигнутое саими Датчанами, служило имъ важнымъ неудобствомъ, и они должны были отступить; одинъ тяжело раненный драгунъ, нѣсколько оружія и снарядовъ остались въ частъ. Результатомъ подобныхъ мелкихъ нападеній было то, что Датчане отодвинули свои аванпосты назадъ со стороны укрѣпленія; 31 числа войска Герцогствъ были въ сильномъ движеніи, но Датчане не приняли боя. Съ утра начались аванпостныя стычки; датскіе патрули были значительно усилены, противъ прежнихъ дней, у Кронпа и Гозельда. У Кроннербуша съ урономъ отряженъ былъ датскій отрядъ, преслѣдовавшій голштейнскую патруль. У Гозельда Датчане одержали перевѣсъ, но дѣло было вообще незначительно.

Г Е Р М А Н І Я .

Несогласіе Пруссіи и Австріи. Наконецъ въ дѣлахъ Германіи послѣдовалъ оборотъ, который если и не подастъ еще надежды на окончательное устройство ихъ, то, по крайней мѣрѣ, подчинитъ ихъ болѣе правильному ходу. Внѣшній кабинетъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ впередъ: циркулярною депешою 14 августа онъ приглашаетъ всѣхъ членовъ Германскаго Союза прислать полномочныхъ къ Собору, который 1 сентября откроетъ свои засѣданія во Франкфуртѣ. Не менѣе важны для судьбы Германіи будутъ и мѣры, которыя въ слѣдствіе этого приметъ Пруссія; опредѣлительнаго о нихъ сказать еще нельзя ничего, хотя ключемъ къ разгаданію этого вопроса могъ бы, по видимому, служить министерскій кризисъ, случившійся было недавно въ Берлинѣ. Онъ возникъ изъ спора между Пруссіею и Австріею по поводу перехода баденскихъ войскъ чрезъ союзную крѣпость Майницъ; тому содѣйствовало еще и несогласіе между министрами и г. *Радвицемъ*, который, какъ извѣстно, имѣетъ очень большое вліяніе на политику берлинскаго кабинета. Г. *Мантгофель* и съ нимъ другіе изъ прежнихъ горячихъ защитниковъ Прусскаго Союза, не-

терявши свои блистательныя надежды на успѣхъ, начинали убѣждаться къ необходимости измѣнить свою политику и привести ее въ болѣе согласіе съ австрійскою; но на это не соглашался г. Радовицъ; онъ требовалъ, чтобъ Пруссія попрежнему продолжала напрягать всѣ усилія къ осуществленію своего союза; это мнѣніе превозмогло; а министры, убѣдившись, что при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ министерскій кризисъ могъ бы имѣть для Пруссіи весьма невыгодныя послѣдствія, рѣшились остаться въ своихъ должностяхъ.

Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, для Пруссіи открываются только двѣ дороги: или согласиться на предложенія Австріи, или настаивать на своемъ, и для этого прибѣгнуть къ самымъ отчаяннымъ средствамъ, слѣдствіемъ которыхъ могла бы даже быть междоусобная война въ Германіи. Въ такое трудное положеніе Пруссія сама привела себя своею политикою; еще мѣсяць тому назадъ единственно отъ нея зависѣло примириться съ Австріею на такихъ основаніяхъ, которыя позволили бы ей въ дѣлахъ Германіи играть важную роль: Австрія предлагала ей учредить центральную власть, въ коей онъ объ имѣли бы равное участіе, и кромѣ-того не настаивала на томъ, чтобъ право предсѣдательства принадлежало исключительно ей; въ заглавіи этого требовала, чтобъ Пруссія отъ своего Союза отказалась только въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ находятся противурѣчія съ уложеніемъ Германскаго Союза. Но Пруссія не согласилась, и этимъ принудила Австрію къ возстановленію прежняго Сейма. Если Пруссія наконецъ уступить, то это хотя и нанесетъ ей честолюбивой политикѣ довольно чувствительный ударъ, но въ сущности она ничего не потеряетъ; она возвратится въ то же положеніе, въ какомъ находилась до 1848 года; она сохранитъ все свое вліяніе на рѣшенія Сейма, гдѣ голосъ ея будетъ имѣть прежній свой значительный вѣсъ. Политики ея это знаютъ, но именно потому и продолжаютъ борьбу съ Австріею, говоря себѣ, что все еще будетъ время возвратиться къ Сейму, что къ этому послѣднему средству спасенія, которое у нихъ никакъ не можетъ быть отнято, имъ только тогда должно будетъ прибѣгнуть, когда всѣ другія попытки останутся безъ успѣха. Но эта надежда не основательна и легко можетъ-быть обманута; привѣръ послѣднихъ мѣсяцевъ доказываетъ, что только политика Пруссіи

побудила Австрію идти впередъ столь быстрыми и рѣшительными шагами; дальнейшее сопротивленіе Пруссіи будетъ благоприятствовать только стеченію тѣхъ обстоятельствъ, при коихъ Австрія легко будетъ занять исключительно первое мѣсто между германскими гусударствами.

Баденъ, 9-го. Здѣсь собрались уже многіе легитимисты: гр. Барантъ, герцогъ Коле-Бриссакъ, князь Шале, баронъ Дюдонъ, виконтъ Вальшъ, герцогъ Шорзель. Гг. Беррье и Сен-При встрѣтятъ графа въ Кельмъ; вмѣсто г. Фаллу, пріѣхалъ одинъ изъ родственниковъ его, вмѣсто графа Моле — его зять, графъ де-Лаферте, и многіе другіе. Между легитимистами до-сихъ-поръ сильное разногласіе: одни хотятъ полного возстановленія неограниченной монархіи, другіе напротивъ проповѣдуютъ политику примиренія съ партій.

Висбаденъ, 10-го августа. — Герцогъ Бордосскій пріѣхалъ сюда сегодня, послѣ полудня. Нѣсколько французскихъ легитимистовъ отправились навстрѣчу къ нему до Бабриха. Герцогъ остановился въ Hôtel Düringer. Полагаютъ, что конгрессъ легитимистовъ разойдется чрезъ нѣсколько дней, можетъ-быть, потому, что нассауское правительство считаетъ неудобнымъ дѣлать изъ Висбадена второй Кобленцъ, даже въ миниатюрѣ. По этому случаю были адресованы отъ берлинскаго двора представленія къ правительству Герцогства.

14-го. Со вчерашняго дня начались обѣды и большіе вечера у Герцога Бордосскаго. На вечеръ было слишкомъ сто-сорокъ человекъ. Въ платановой аллеѣ былъ устроенъ оркестръ изъ ниже-пиренейцевъ, который исполнялъ старинныя французскія народныя пѣсни, и въ томъ числѣ любимую пастораль Генриха IV. Графу Шанбору поднесена картина живописца Рамбрюна, представляющая наследственный замокъ Шанборовъ, построенный Францискомъ I въ департаментъ Лоары-и-Шеры. Картина исполнена отлѣчно, и вставлена въ богато вызолоченную раму, украшенную гербомъ Франціи и вензелемъ графа.

18-го. Число пріѣзжающихъ сюда Французовъ увеличивается въ каждый день, такъ что оказалось необходимымъ избѣгать комиссара о числѣ ихъ; до-сихъ-поръ пріѣзжали только люди высшаго и средняго сословія, теперь же г. де-Барракъ далъ знать полиціи, что съ сегод-

пешными пароходами прїѣдетъ около 100 посѣтителей, принадлежащихъ болѣею частію къ классу парижскихъ работниковъ. Изъ официальныхъ списковъ видно, что на третьяго дня прїѣхало сюда собственно придворныхъ гостей 10,349.

Отъѣздъ маркиза *Ларошжаклена* подалъ поводъ къ слуху о разьединеніи въ его партіи.

Для облегченія перевѣзда въ Висбаденъ составились компаніи: за провѣздъ изъ Парижа сюда и обратно и содержаніе здѣсь въ теченіе 3 дней платится 80 франк. Въ числѣ посѣтителей находятся нѣсколько Бретонцевъ въ національныхъ костюмахъ; *Графъ Шамборъ* принялъ ихъ чрезвычайно ласково; обѣдали они сегодня въ гостинницѣ *Орла*, герцогу *де-Леву* поручено было отъ имени *Графа Шамбора* позаботиться, чтобы путешественникамъ ни въ чемъ не было недостатка. — Торговецъ картинъ, *Жаннъ*, подарилъ въ которомъ дамѣ портретъ *Графа Шамбора*, съ надписью: *Le petit fils de St. Louis n'est pas un prétendant, c'est un prince*. Вечеромъ *Графъ Шамборъ* былъ въ театрѣ, окруженный блестящей свитой; давали Гугенотовъ. Въ галереѣ замѣтилъ крестьянку изъ Вандеи, которая потомъ была приглашена на обѣдъ къ *Графу Шамбору*, вмѣстѣ съ двумя парижскими работниками.

23-го. — Вчера утромъ *Герцогъ Бордосскій* принималъ бретонскихъ крестьянъ; на завтракъ они были приглашены въ графинѣ *Вальшъ*, а на обѣдъ къ герцогу; рядомъ съ нимъ сидѣлъ старшій изъ нихъ; онъ участвовалъ въ высадкѣ *Французовъ* и *Англичанъ* при *Киберонѣ*, въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія.

24-го. — Почти всѣ бретонскіе крестьяне оставили сегодня Висбаденъ; *Графъ Шамборъ* роздалъ имъ серебряныя медали съ собственнымъ портретомъ и надписью: «*Богъ хранитъ Францію*». На оборотѣ медали изображенъ вѣнокъ.

30-го. — Сегодня *Графъ Шамборъ* приказалъ отслужить обѣдню въ память *Алдолика-Филиппа*; въ церкви присутствовалъ *Графъ* и всѣ живущіе здѣсь Французы.

31-го. — Сегодня, въ 6 часовъ утра, *Графъ Шамборъ* выѣхалъ отсюда во Франкфуртъ. Вчера, въ 4 часа вечера, принималъ онъ оставшихся здѣсь легитимистовъ.

— Друзья мои, сказалъ онъ, я прощаюсь съ вами, которые для меня оставили дома и семейства. Благодарю васъ за всѣ

рационами ваши чувства. Вы знаете людей, которые пользуются коимъ доверіемъ; путь нашъ опредѣленъ, мы должны слѣдить по нему съ твердостью и миролюбіемъ. (Да, да!) Когда Франція и общественному порядку будетъ угрожать опасность, когда имъ нуженъ будетъ человекъ, котораго вы называете своимъ королемъ и который всѣмъ вамъ другъ (да здравствуетъ король!), то мы должны быть готовы. Прощайте, друзья мои, прощайте!

Фрэнкфуртъ на Майнъ. — Засѣданія мирнаго конгресса. — Сюда съѣхались многія извѣстные лица Франціи, Англіи, Германіи и Америки для совѣщаній о водвореніи общаго мира. Въ первое засѣданіе прочитано было письмо г. *Виктора Гюго*; соболѣзнуя о нездоровьи, вслѣдствіе котораго врачи предписали ему совершенное спокойствіе во-время ваканцій, назначенный президентъ конгресса говоритъ между прочимъ: «Счастливы будутъ люди, которые скажутъ: я видѣлъ послѣдній знамятъ и послѣднюю войну! Они увидятъ въ то же время и послѣднюю революцію». Въ числѣ многихъ посѣтителей, замѣтилъ барона *Гайнау*. Во второмъ засѣданіи прочтены имена новыхъ членовъ конгресса: первымъ въ спискѣ стоитъ *Юстусъ Либихъ*. Наконецъ было третье и послѣднее засѣданіе; конгрессъ принялъ между прочимъ постановленіе, вслѣдствіе котораго членамъ его не только запрещается дѣлать на дуели, но виѣстѣ съ тѣмъ имъ виѣняется въ обязанность препятствовать всякой дуели. Г. *Ричардъ Кобденъ*, встрѣченный съ такимъ энтузіазмомъ при открытіи вѣрхаго засѣданія, получилъ новый знакъ всеобщаго уваженія своихъ товарищей: послѣднее засѣданіе было закрыто троекратнымъ «ура!» — обращеннымъ къ нему. — Сначала мѣстомъ конгресса на будущій годъ предложенъ былъ Берлинъ, но потомъ назначенъ Лондонъ, гдѣ къ тому времени собирается много иностранцевъ, по случаю выставки.

27-го. — Оставшіеся здѣсь члены мирнаго конгресса, преимущественно тѣ, которые принадлежатъ въ то же время къ обществамъ противъ невольничества, виѣли вчера чрезвычайное засѣданіе, и положили, согласно съ предложеніемъ г. *Гейдера*, чтобы Германцы съ своей стороны содѣйствовали уничтоженію невольничества, удаляя съ рынковъ своихъ продукты, добытые трудами невольниковъ, и тѣмъ доставляя поощреніе работѣ людей свободныхъ.

Веймаръ. Саксен-веймарское правительство учредило, подѣ именемъ «Гётевой преміи», ежегодную премію въ 6000 та-

леровъ, на соискательство которой приглашаются писатели и художники всей Европы. Этотъ вѣчный конкурсъ расиредѣляется такимъ образомъ: въ первый годъ—поэмы;—второй—картины во всѣхъ родахъ живописи; въ третій—скульптура, и наконецъ въ четвертый годъ—музыка свѣтская или духовная, опера или ораторія. По совершеши этого круга, начинается новый конкурсъ, въ томъ же порядкѣ: сначала литература, потомъ живопись, и т. д. Увѣнчанное произведение, остается полною собственностью автора. Присяжные для ври сужденія преміи будутъ составлять два комитета, одинъ въ Веймарѣ, другой въ Берлинѣ, потому-что Пруссійскій Король также участвуетъ въ этомъ учрежденіи. Уставъ о преміи будетъ окончательно утвержденъ въ Веймарѣ, 25-го августа. Приглашенія на соисканіе преміи будутъ разосланы къ ученымъ и писателямъ всѣхъ государствъ.

Баварія. — *Мюнхенъ, 7-го августа.* Голова статуи «Баварія», колосъ вѣсомъ въ 200 центнеровъ, привезена сегодня на Терезіополь, двѣнадцатью лошадыи, запряженными въ роскошно убранную колесницу. Члены заѣзжняго общества пѣпія провожали шествіе. За колосомъ слѣдовалъ, въ другой роскошной колесницѣ, бюстъ Шванталера, изваявшаго это удивительное произведение. Несмотря на дурную погоду—дождь не переставалъ въ продолженіе всей процессіи—на полѣ собралось множество народу. Когда колосъ достигъ до назначеннаго ему мѣста раздалось тоекратное «ура!» въ честь основателя Баваріи, Короля Лудвига, потомъ *Шванталера* и *Стигльмайра*, и наконецъ въ честь директора королевской литейной. Тридцать литейщиковъ вошли во внутренность головы «Баварія» и потомъ, когда колосъ былъ поднятъ на пѣсколько футовъ, выпли изъ нея, одинъ за другимъ по лѣстницѣ. Зрители выразили свое удивленіе громкими «браво!»

Ратисбонъ.—Зоологическій и минералогическій музей этого города приобрѣлъ два чрезвычайно замѣчательные предмета—именно двѣ муміи, которыя баварскій докторъ *Ридъ*, живущій въ Вальпарайзо (Хили), нашелъ въ пескахъ пустыни Атакана, въ сѣверномъ Перу. Эти муміи, одна мужщины, другая жевщины, американскаго племени. Мужчина сидитъ скорчившись, опирается локтями о колѣна, и поддерживаеъ голову руками; въ лицѣ его выражается глубокая печаль, заставляющая предполагать, что человекъ этотъ умеръ жестокою смертію. Кожа на немъ очень натянута и плотно срослась со скелетомъ.

летом. Женщина лежитъ вытянувшись во всю длину; руки сжаты крестомъ на груди; тѣло мягкое и въ большихъ эластическихъ складкахъ; ноги и руки сохранились превосходно, же вѣтъ у первой муміи. У обѣихъ мумій голова покрыта длинными черными и шелковистыми волосами, раздѣленными на множество чрезвычайно тонкихъ косъ. Когда г. Ридъ открылъ эти муміи, у нихъ обѣихъ были цѣлы всѣ зубы; по юрения перевозки изъ Америки въ Европу, многіе зубы вывали и найдены на двѣ ящиковъ, въ которыхъ были привезены эти драгоценные остатки американской древности.

Саксонія.—*Дрезденъ, 28-го августа.* Дрезденскій журналъ говоритъ, что съ 1-го сентября произведено будетъ значительное уменьшеніе арміи; изъ каждаго пѣхотнаго батальона предполагается отпустить въ чистую отставку 300 человекъ; кромѣ-того половинѣ состоящаго теперь на службѣ войска даъ будетъ отпускъ. Артиллерія и кавалерія останутся въ настоящемъ своемъ составѣ до 1 октября, а тогда на службѣ удержано будетъ только такое число, какое признано будетъ рѣшительно необходимымъ. Сообразно съ этимъ уменьшеніемъ арміи предполагается измѣнить расположеніе ея въ различныхъ частяхъ королевства.

30-го.—Сообщаеиъ въ сокращеніи описаніе бури, бывшей въ Гальштаатѣ: 28 ч., вечеромъ, поднялся въ этой долинѣ вихрь, сорвалъ съ окружающихъ ее горъ нѣсколько деревьевъ, и разрушилъ подмости у одного изъ устоевъ путепровода. Къ счастью, работники въ это время были въ другомъ мѣстѣ; впрочемъ тѣ даже, которые были на подмосткахъ, нисколько не пострадали, кромѣ одного рабочаго, который былъ однако спасенъ; ушибъ его незначителенъ; работники, бывшіе на другой сторонѣ устья, ничего не замѣтили сначала, какъ вдругъ товарищи закричали имъ, чтобы они спасались. Это происшествіе отсрочить окончаніе работъ нѣсколькими неделями; если бы путепроводъ былъ конченъ, то вихрь не могъ бы нисколько повредить его, потому-что готовые устои нисколько не пострадали.

П Р У С С І Я.

* Народонаселеніе Королевства состояло, по 30 іюня изъ 16,330,186 душъ, которыя распредѣлялись слѣдующимъ обра-

зомъ между различными областями: въ Силезіи 3,061,493; въ Рейнскихъ областяхъ 2,811,171; въ Западной Пруссіи 1,461,580; въ Восточной Пруссіи 1,025,712; въ Бранденбургѣ 2,129,022; въ Саксоніи 1,781,297; въ Вестфаліи 1,464,921; въ Великомъ Герцогствѣ Поленскомъ 1,352,014; въ Помераніи 2,242,976.

Магдебургъ, 15-го.—Переходъ баденскихъ войскъ въ Пруссію производится не-смотря на возраженія Австріи. Въ «*Neue Preussische Zeitung*» читаемъ, что чрезъ Магдебургъ прошло третье отдѣленіе баденской артиллеріи.

А В С Т Р І Я.

2-го августа. По примѣру Праги, въ Вѣнѣ также хотять основать общество переселенцевъ. Члены его будутъ ежедневно платить въ кассу по одному крейцеру, а по прошествіи года, многіе изъ нихъ будутъ отправляться, по жребію, въ Америку, получая изъ общественной кассы деньги на путешествіе и первоначальное обзаведеніе.

5-го. *Краковъ.* Исслѣдованіе о пожарѣ уже приводится къ концу, но до-сихъ-поръ нѣтъ причинъ подозрѣвать поджога; неизвѣстно даже, можно ли обвинить кого-нибудь въ нерадивости за истребленіе королевской мельницы. Нѣтъ также причинъ подозрѣвать поджога при пожарѣ 26 іюля въ Клешартѣ, не-смотря на самыя строгіе розыски. Министерство финансовъ уполномочило краковскую губернскую комиссію выдать 50,000 фл. на необходимыя перестройки городскихъ зданій; такая же сумма выдана будетъ бѣднѣйшимъ жителямъ, пострадавшимъ отъ пожара. Во многихъ городахъ Европы открыта уже въ пользу Кракова подписка, а въ самомъ Краковѣ образовался съ этою цѣлю комитетъ.

8-го. Эрцгерцогъ *Іоаннъ* избранъ общиною Штайнца въ бургомистры; вотъ отвѣтъ Эрцгерцога на просьбу о принятіи этого званія:

«Любезные граждане Штайнца! Меня чрезвычайно обрадовало избраніе мое въ правителя вашей общины, какъ доказательство вашего довѣрія ко мнѣ. Не колеблясь ни минуты, я принимаю на себя это званіе. Переменна обстоятельство не могла измѣнить моего намѣренія, заботиться, какъ другъ, о вашемъ благосостояніи, теперь, когда я членъ вашей общины, также какъ и въ то время, когда я былъ въ ней землевладѣльцемъ.

Мы должны тщательно, добросовѣстно и твердо заняться рѣшеніемъ вопроса, предложеннаго намъ нашимъ Императоромъ и его правительствомъ, какъ и чѣмъ должна быть община. Совокупными усиліями, путемъ вѣрности и порядка, должны мы достигнуть, для вашего собственнаго блага и блага всего любимаго отечества, того мира, безъ котораго ни въ чемъ не можетъ быть успѣха.»

9-го. Утверждено Императоромъ предложеніе министерства относительно судовъ въ Далмаціи: страна эта (востранство, которой 222 квадрат. нѣмецкихъ миль, а населеніе 418,600 душъ) раздѣлена на 32 судебныхъ округа (Praeturen); ворядокъ суда остается въ нихъ тотъ же, который существуетъ четыре года, съ нѣкоторыми измѣненіями. Мѣстныхъ обстоятельства не позволяютъ въ Далмаціи подчинить нѣсколько окружныхъ судовъ вѣдомству одного коллегіальнаго суда, какъ это сдѣлано въ прочихъ частяхъ Имперіи; поэтому учреждено 6 коллегіальныхъ судовъ для уголовныхъ дѣлъ. Изъ остальныхъ 26 претуръ 14 составляютъ 2 классъ, 12 третій. Земскихъ судовъ четыре; въ Зарѣ, Спалато, Рагузѣ и Каттаро; первые два перваго, остальные втораго класса. Учрежденіе особенныхъ торговыхъ, вексельныхъ и морскихъ судовъ оказалось излишнимъ въ Далмаціи. Спорныя дѣла по горному вѣдомству совершенно отдѣлены отъ горнаго управленія. Высшую инстанцію надъ всѣми судами составляетъ высшій земскій судъ: неизвѣстно еще, гдѣ онъ будетъ находиться; сначала онъ будетъ, вѣроятно, въ Зарѣ, гдѣ пребываетъ теперь губернаторъ; въ случаѣ нужды онъ будетъ, вмѣстѣ съ генерал-прокуратуріей, переведенъ въ другое мѣсто.

Постановленіе объ устройствѣ Галиціи уже составлено, и представлено Императору на утвержденіе; Галиція раздѣляется на 3 части, въ которыхъ главными городами будутъ; Станиславовъ, Лембергъ и Краковъ; первый округъ населенъ Русскими, третій Поляками; народонаселеніе втораго округа сѣшанное; въ каждомъ изъ нихъ будетъ президентъ и окружный совѣтъ, вѣдомство которыхъ будетъ здѣсь обширнѣе, чѣмъ въ прочихъ земляхъ Имперіи; совѣты будутъ избирать членовъ земской комиссіи, которая будетъ посылать депутатовъ въ государственный совѣтъ. Высшее начальство надъ справою поручено будетъ губернатору.

7-го. Пишутъ изъ Арада: «Плѣнные говведскіе офицеры живутъ въ Арадѣ, въ крѣпости, въ такъ называемомъ монастырѣ; коннаты ихъ составляютъ длинный рядъ. На каждой дветъ

ри написаны двѣ фамиліи заключенныхъ, потому-что они живутъ по двое въ каждой комнатѣ. Повидимому, они очень довольны и очень хвалятъ коменданта *Кастильоне*, который дѣйствительно обращается съ ними истинно по-человѣчески. Они могутъ гулять въ паркѣ, гдѣ вечеромъ собирается лучшее общество, и гдѣ подаютъ мороженное. Имъ позволено присоединяться къ гуляющимъ. Еженедѣльно отпускаютъ каждого изъ нихъ, по-крайней-мѣрѣ, одинъ разъ въ городъ; но часто бываютъ они тамъ раза по два и по три. Многие получаютъ пособія изъ дому, держатъ слугъ, и живутъ очень весело; даже и тѣ, которые должны довольствоваться казенными 40 крейцерами въ день, устроиваются очень удобно. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ амнистіи».

18-го. Отопленіе вагоновъ уже введено на многихъ иностранныхъ желѣзныхъ дорогахъ, хотя употребляемыя для него желѣзныя печи не удовлетворяютъ своему назначенію и не представляютъ полной безопасности. Теперь газета «*Austria*» сообщаетъ, что министръ торговли, который уже съ давняго времени обращаетъ вниманіе на усовершенствованіе австрійскихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, обратился къ знаменитому профессору химіи, г. *Мейсснеру*, съ предложеніемъ примѣнить открытія, сдѣланныя въ этой наукѣ, къ отопленію вагоновъ въ зимнее время, и изобрѣсти приборъ для этой цѣли. Профессоръ принялся за дѣло, и труды его, по единогласному мнѣнію людей, основательно понимающихъ предметъ, вполне достигаютъ желаемыхъ послѣдствій. Согревательный приборъ г. *Мейсснера*, который придумалъ онъ для австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и предложилъ безденежно, (съ условіемъ, чтобы внутреннее устройство печей оставалось до времени тайною) занимаетъ 18 квадр. дюймовъ, то-есть, пространство, занимаемое однимъ пассажиромъ. Первый опытъ надъ Мейсснеровыми печами былъ произведенъ 3-го іюня, въ каретахъ съ окнами, третьяго класса, на сѣверной желѣзной дорогѣ, идущей изъ Праги въ Брюннъ. Печь была согрѣта каменнымъ углемъ, и на пространствѣ изъ Падибрада въ Брюннъ (28 миль) сожжено, въ продолженіе девяти съ половиною часовъ, только пять фунтовъ угля. Теплота распространилась въ вагонѣ ровно, безъ сильнаго прилива, и обшивка печи оставалась совершенно холодною. Въ нынѣшнюю зиму всѣ вагоны на австрійскихъ желѣзныхъ дорогахъ будутъ согрѣваемы по способу *Мейсснера*; впрочемъ, введеніе этой методы и топлена будетъ зависѣть отъ того, какое дѣйствіе будетъ

вить новый теплоемкій и воздухоочистительный снарядъ въ вагозахъ, болѣе или менѣе наполненныхъ людьми, и при различныхъ условіяхъ температуры.

18-го. Тринадцать тысячъ иностранцевъ живутъ теперь въ Венеціи. Всѣ гостиницы заняты; желѣзная дорога, гондолы, проводники наживаютъ въ одну недѣлю больше, чѣмъ прежде выручали они въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Купальни, въ которыхъ не было ни души въ прошломъ году, теперь сдѣлались тѣсны для пріѣхавшихъ сюда пользоваться водами. Вчера, наканунѣ дня рожденія Императора, генералъ отъ кавалеріи *Гориковскій* устроилъ пріятный, увеселительный вечеръ. По большому каналу разъѣзжали двѣ связанныя между собою барки, на которыхъ игралъ оркестръ полка Эрц-Герцога *Эрнста*. Факелы, освѣщавшіе этотъ зеркальный путь гондолажъ, слывали свой блескъ съ теплыми лучами лѣтняго иѣска. Военная музыка дробилась подъ историческими сводами города дожей. Наконецъ, лодки стали у площади Св. Марка, и на ней откликнулись, какъ живое эхо, звуки втораго венскаго оркестра. Очаровательная тихая ночь увеличивала наслажденіе. Какъ ни велико было стеченіе пароду, который слѣдовалъ отъ *Пицетты* до *Мола* за плавающимъ оркестромъ, однакожъ Венеціанцы не прогуливались, какъ бывало прежде, въ безчисленныхъ гондолахъ по лагунамъ, и очень немного лоджъ, съ военными, служащими лицами и иностранцами, слѣдовали за гондолой губернатора. Половина народонаселенія толпилась на площади, очарованная пѣснями сиренъ. Сегодня, на разсвѣтѣ, громъ орудій встрѣтилъ съ окрестныхъ фортовъ день рожденія Императора. Брандвахтенное судно подняло праздничные флаги, и вмѣстѣ съ прочими военными кораблями, грянуло изъ всѣхъ пушекъ, при пѣніи *Te Deum* и при тостѣ, провозглашенномъ за столомъ у губернатора, у котораго собрались въ этотъ день на обѣдъ всѣ первыя военныя и гражданскія начальства города. Вечеромъ также раздался громъ изъ всѣхъ орудій.

27-го. Сбереженіе издержекъ на содержаніе придворнаго штата въ Вѣнѣ очень значительно; въ прежніе годы онѣ простирались до 7 милліоновъ флоринновъ, а въ 1849 году только 4,796,389 фл.; въ текущемъ году онѣ стали еще меньше.

А н г л і я .

1-го августа.—*Ниж. Пал.* Въ началѣ засѣданія, подучено много прошеній о допущеніи въ парламентъ Евреевъ. Потомъ занялись продолженіемъ преній о биллѣ, относительно устройства колоній въ Австралію, и приняли измѣненія, предложенныя Верхнею Палатою. Лордъ *Додлей Стюартъ* объявилъ, что завтра онъ сдѣлаетъ нѣсколько возраженій государственному секретарю по внутреннимъ дѣламъ, относительно выдачи одному изъ германскихъ государствъ политическихъ преступниковъ. Г. *Юмъ* спросилъ, какого рода требованія предложены тосканскому правительству относительно потерь, попесенныхъ Англичанами во время возмущенія въ Ливорно. Лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ, что эти требованія простираются до 1,530 фунт. Билль объ уничтоженіи почтовой службы по воскресеньямъ взятъ назадъ.

Съ 5-го января 1848 г. по 5-е января 1849 г., въ Лондонскомъ почтамтѣ оставалось перазосланными 1,476,456 писемъ, на сумму въ 10,681 ф. ст. Одни изъ этихъ писемъ все безъ адреса, на другихъ не возможно разобрать адрессовъ; на нѣкоторыя не явилось требователей, или же тѣ, на чье имя отправлены эти письма, умерли или уѣхали. Изъ огромнаго числа залежавшихся писемъ, въ 10,972 вложены деньги, на сумму около 500,000 ф. ст., изъ которыхъ болѣе 400,000 банковыми билетами. Во многихъ письмахъ, безъ адреса, вложены суммы болѣе 10,000 ф. ст. Для вскрытія нерозданныхъ писемъ назначены тридцать два чиновника, которые работаютъ въ день по шести часовъ.

2-го. По поводу требованій лорда *Пальмерстона* съ тосканскаго правительства, газета «Times» говоритъ: «Хотя требованія лорда *Пальмерстона*, представленныя тосканскому и папскому правительствамъ, не таковы, чтобы, поддерживать ихъ британскимъ флотомъ, какъ въ греческомъ вопросѣ; однако жъ вопросъ объ основномъ началѣ, съ точки зрѣнія публичнаго права, возникшій вслѣдствіе этихъ требованій, достаточно касается британскихъ интересовъ, для того, чтобы мы глубже вникли въ него. Народной гордости, которая можетъ быть вызвана съ нашей стороны сознаніемъ собственной силы и превосходства, нѣчего входить въ этотъ вопросъ, котрый принадлежитъ къ области права и, слѣдо-

вательно, долженъ быть разсматриваемъ спокойно, безъ всякаго пристрастія и личнаго интереса, какъ слѣдуетъ разсматривать вопросы этого рода. Начало, защищаемое лордомъ *Пальмерстономъ*, есть начало общаго права, и потому должно быть одинаково принѣняемо къ сильной и къ слабой державѣ, и допустивъ это начало, мы должны быть готовы признать его даже въ томъ случаѣ, когда бы оно было обращено противъ насъ.

«Еще остается разсмотрѣть, могутъ ли иностранные подданные, живущіе въ государствѣ, законно требовать вознагражденія за потери, происшедшія отъ причинъ, которыя нисколько не зависятъ отъ правительства той страны; гдѣ понесены эти потери?»

«Въ 1848 г. владѣнія Великаго Герцога Тосканскаго, включая сюда вольную гавань Ливорно и городъ Римъ, были въ рукахъ мятежниковъ. Въ Тосканѣ, какъ и въ Римѣ, законное правительство было возстановлено только при помощи чужеземнаго оружія: въ Тосканѣ—Австрійцами, въ Римѣ—Французами. Слѣдовательно, правительства эти были первыми жертвами мятежа, и сами понесли потери, столь же огромныя, какъ и потери, понесенныя собственными ихъ подданными и иностранными негоціантами, какъ отъ самаго переворота, такъ и отъ военныхъ мѣръ, которыя были приняты, чтобы подавить его. Первѣнный вопросъ заключается въ томъ, могутъ ли эти иностранцы законно требовать вознагражденія за потери отъ упомянутыхъ правительствъ, сначала испробованныхъ, а потомъ возстановленныхъ силою оружія, или же иностранцы эти должны раздѣлять участь жителей страны, въ которой происходили перевороты?»

«По нашему мнѣнію, подобное требованіе нельзя поддерживать ни началами правосудія, ни началами международныхъ законовъ, ни обычаями. Какъ только доказано, что правительство было въ невозможности защищать собственность иностранцевъ, то уже невозможно требовать ответственности у правительства. Требовать отъ Піа IX вознагражденія за то, что въ его отсутствіе и въ-продолженіе революціоннаго правительства, Гарибальди вздумалъ отвѣтъ у одного Англичанина лошадь для общественной службы, — значитъ бы принимать мѣры, несообразныя съ самыми простыми познаніями о правосудіи. Пока правительство существуетъ, оно обязано охранять собственность своихъ подданныхъ и иностранцевъ, живущихъ въ его государствѣ; но какъ-только

правительство перестаетъ существовать на-дѣлѣ, какъ-только оно пало-уже, ему нѣтъ возможности содержать ихъ подъ своей защитой, потому-что у него отняты средства для этого, и съ-этихъ-поръ оно уже не отвѣтствуетъ за дѣйствія, падѣ которыми не можетъ имѣть контроля. Въ противномъ случаѣ, также справедливо было бы возлагать на правительство отвѣтственность за убытки, причиненные громомъ, бурей или наводненіемъ. Требовать же вознагражденія у правительства, въ первомъ случаѣ, основываясь единственно на томъ, что ему бы должно было предупредить беспорядки, значить говорить, что правительство также могло бы отвести грозу, остановить наводненіе, и проч. Гораздо справедливѣе было бы упрекнуть англійскія начальства, находившіяся въ Ливорно, въ томъ, что они въ отсутствіе законныхъ властей страны не приняли рѣшительныхъ мѣръ для защиты своихъ соотечественниковъ. Что бы сказало наше правительство, еслибъ во-время пожара, бывшаго въ мѣстопробываніи лорда Манфильда, въ 1780 г., сгорѣлъ домъ французскаго епископа, и французское правительство потребовало бы вознагражденія? Что сказало бы наше правительство, еслибъ американскій грузъ погвбъ во время смутъ, бывшихъ въ 1831 г. въ Бристолѣ, и правительство Соединенныхъ-Штатовъ потребовало бы вознагражденія за эту потерю, угрожая въ противномъ случаѣ войною? Куда повели бы насъ подобныя пачала, и попавъ разъ на эту извилистую дорогу, на чемъ бы мы остановились? Гдѣ былъ бы предѣлъ подобнымъ требованіямъ?»

Одинъ изъ многихъ англійскихъ путешественниковъ, которые странствуютъ по Египту и по берегамъ Нила для изученія тамошнихъ древностей, пишетъ, что сынъ *Ибрагимаша* разрушаетъ прекраснѣйшіе храмы и древніе памятники, и употребляетъ камень этихъ образцовыхъ произведеній на постройку сахарныхъ заводовъ. Такое неуваженіе къ памятникамъ искусства приводитъ въ ужасъ образованныхъ путешественниковъ. Еще недавно, великолѣпные барельефы Карнакскаго храма, прекраснѣйшаго изъ всѣхъ египетскихъ храмовъ, сняты для того же практическаго употребленія. Храмы города Гоу, древняго Диосполя, не избѣгъ общей участи. Корреспондентъ приходитъ въ ужасъ отъ подобнаго вандализма, непостижимаго въ нашъ вѣкъ, и представляя отчаяніе любителей древности и знаменитыхъ ученыхъ, которые жертвовали жизнью и состояніемъ для открытія и изученія этихъ памятниковъ, возстаетъ противъ страсти путешественниковъ,

которые расхищают по камню эти древности, и такимъ образомъ отнимаютъ у искусства и науки возможность—изучать древности на мѣстѣ. Англійскій антикварій хвалитъ нынѣшнюю нашу, запретившаго вывозить древности; но мѣра эта не спасла-таки произведеній искусства, и если теперь ихъ не вывозятъ изъ Египта, за-то ломаютъ и строятъ изъ нихъ сарайные заводы!

7-го.—*Ниж. Пал.* Серъ Р. Инглисъ и другіе члены представили множество прошеній противъ допущенія Евреевъ въ члены Парламента. Г. Смитъ спросилъ у президента, почему присяга г. Ротшильда не внесена въ протоколъ? Президентъ отвѣчалъ, что она дана несогласно съ правилами. Затѣмъ генерал-прокуроръ прочелъ двѣ резолюціи, касающіяся г. Ротшильда и уже предложенныя въ прежнихъ засѣданіяхъ: въ первой, что барону Лионелю-Нафану Ротшильду не дозволяется ни подавать голоса, ни засѣдать въ Палатѣ при какихъ-бы то ни было преніяхъ, до-тѣхъ-поръ, пока онъ не дастъ присяги по формѣ, установленной закономъ, и во-вторыхъ, что Палата при первомъ случаѣ, въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій, приметъ во вниманіе форму присяги, для того, чтобы вѣданные Е. В., исповѣдующіе еврейскую религію, могли пользоваться своими правами. Оба эти предложенія совершенно отдѣльны одно отъ другаго, и Палата можетъ разсматривать ихъ или порознь, или оба вмѣстѣ. Не-смотря на то, однакожъ, мѣсто г. Ротшильда въ Палатѣ не считается вакантнымъ, потому-что онъ можетъ присягнуть, когда ему угодно. Генерал-прокуроръ замѣтилъ, что ни съ чѣмъ несообразно отнимать у законно-избраннаго депутата право засѣдать въ Палатѣ потому только, что онъ не исполнилъ формулы, и что по этой причинѣ Палата должна въ возможно скорѣйшемъ времени измѣнить законъ. Г. Юмъ доказывалъ, что баронъ Ротшильдъ имѣетъ право засѣдать въ Палатѣ, потому-что онъ далъ присягу въ такихъ выраженіяхъ, которыя наиболее связываютъ его совѣсть, и требовалъ у Палаты согласія всѣ формы присяги съ переменами, которыми подверглись онъ въ теченіе времени. Г. Енстой соглашался съ предложеніемъ Юма.

Г. д'Израэли: Не думаю, чтобы Израильтяне могли жаловаться на законодательство. Еще не прошло четверти столѣтія съ того времени, какъ они не имѣли никакихъ политическихъ правъ. Въ короткое время, положеніе это измѣнилось, улучшилось, и это еще не причина, чтобы лондонскіе жабиратели

такъ сѣбѣшліи отнимать новыя права. Законодательная Палата должна поступать спокойно, и употреблять время на обсужденіе вопросовъ болѣе важности. Притомъ же, избиратели лондонскаго Сити должны обращаться не къ Палатамъ, но къ министрамъ, которые ставятъ ихъ въ незавидное положеніе. Резолюціи, предложенныя генерал-прокуроромъ, противны, одна—уложенію, другая—политикѣ, такъ что я и подалъ бы голоса ни за одну изъ нихъ. Пусть лучше законъ остается, каковъ онъ есть; если же необходимо измѣнить его, то пускай само министерство предложитъ исправить недостатки: это его право, его обязанность. Если измѣненія эти были возможны въ 1848 г., то тѣмъ болѣе возможны они въ 1850-мъ. Не давая совѣта, я позволю себѣ сказать, что напрасно ждать поясненій дѣлу отъ специальныхъ комитетовъ. Отчего же министерство не стоитъ за свое мнѣніе? Не ставъ отвѣчать... Что же касается меня—у меня было всегда одно мнѣніе, которое не измѣнялось и не измѣнится. Мы народъ христіанскій, и, какъ всѣ христіане, обязаны христіанствомъ дому Израилеву. Поэтому, система, которой слѣдуетъ англіиское законодательство, противна справедливости.

Послѣ продолжительнаго пренія, въ которомъ участвовали серъ Р. Инлисъ, Рёбукъ, Рейнольдсъ, Вудъ, лордъ Россель и другіе, предложеніе г. Юма отвергнуто (163-мъ гол. пр. 101-го), а двѣ резолюціи генерал-прокурора приняты (первая 166-ю пр. 92-хъ, а вторая 142-мъ пр. 116-мъ голо. совъ).

9-го.—Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій *Ниж. Палаты* былъ посѣтитель, обратившій на себя общее вниманіе. Это—*Конвей*, иначе *Ка-е-га-Га-Бу*, американскій предводитель, который отправляется во Франкфуртъ, на мирный конгрессъ, и на-пути заѣхалъ въ Англію. Назадъ тому двѣнадцать лѣтъ, *Конвей* былъ вождемъ дикаго племени, и жилъ въ лѣсѣ. Въ 1839 г., прибывъ въ Иллиной, онъ встрѣтилъ благочестивыхъ людей, которые приняли его, воспитали на свой счетъ и обратили въ христіанскую вѣру. Цѣль нынѣшняго его путешествія, выпросить для своихъ соотечественниковъ земли величиною въ полтораста кв. миль, лежащую между водопадами Св. Антонія и западную часть Миннотата, и познать дикарей съ благодѣяніями гражданственности. Правительство Соединенныхъ Штатовъ благопріятствуетъ прекрасному плану для котораго этотъ образованный дикарь—мужчина благора-

ной верности, отлично владѣющій англійскимъ языкомъ, прибылъ въ Европу, чтобы искать себѣ содѣйствія.

Смертность въ Лондонѣ постоянно увеличивается. Въ продолженіе трехъ послѣднихъ недѣль умерло отъ 761 до 881 и 898 человекъ, въ возрастающей постепенности; въ послѣднюю же недѣлю умерло 917 челов. Въ соответствующія десять недѣль 1840—1849 годовъ, наименьшее число смертныхъ случаевъ было въ 1841 г., именно 759. Въ 1846 г. умерло 1,086, а въ минувшемъ году, когда была холера, смерть постигла 1,967 челов. Среднее число умирающихъ въ соответствующія десять недѣль было 1,081. Значитъ, сравнительно съ этимъ числомъ, итогъ за прошлую недѣлю уменьшился 197 смертными случаями. Возрастающая смертность, отъ которой страдаетъ лондонское народонаселеніе, замѣтна преимущественно между дѣтьми. На прошлой недѣлѣ умерло ихъ 736; въ томъ числѣ 123 ниже трехлѣтняго возраста. Холерныхъ случаевъ было 11. Въ продолженіе послѣдней недѣли родившихся было 1,484.

Недавній левъ Лондона, непальскій посланникъ генераль-Амунгъ Базадуръ, откланялся Королевѣ вмѣстѣ съ своими братьями.

15-го.—Сегодня, въ 2 часа по-полудни, Королева лично закрыла засѣданія Парламента. По этому случаю Е. В. произнесла слѣдующую рѣчь:

«Милорды и господа!

Мнѣ пріятно освободить васъ отъ обязанностей утомительнаго засѣданія. Усердіе и заботливость, съ которыми вы обсуживали дѣла, представленныя вамъ на разсмотрѣніе, заслуживаютъ мое искреннее одобреніе.

Надѣюсь, что билль, имѣющій цѣлю улучшить управленіе нашими австралійскими колоніями, увеличитъ благосостояніе этихъ возникающихъ заведеній. Мнѣ пріятно распространять выгоды представительныхъ учреждений, составляющихъ славу и счастье моего народа, на колоніи, населенныя людьми, которые могутъ съ пользою для себя пользоваться преимуществами людей свободныхъ.

«Съ живѣйшимъ удовольствіемъ я утвердила принятый нами билль объ улучшеніи купеческаго флота этой страны. Надѣюсь, что билль этотъ послужитъ къ увеличенію богатства классовъ народа, занимающихся этою важною отраслюю народнои дѣятельности.

Билль о постепенномъ прекращеніи погребенія тѣлъ въ

предѣлахъ столицы соотвѣтствуетъ просвѣщеннымъ видамъ о сохраненіи общественнаго здоровья; я буду внимательнѣе слѣдить за успѣхомъ мѣръ, касающихся этого важнаго предмета.

«Я изъявила свое искреннее согласіе на биль о расширеніи избирательнаго права въ Ирландіи; жду самыхъ благотворныхъ послѣдствій отъ этой мѣры, цѣль которой — доставить моему ирландскому народу справедливое участіе въ благодѣяніяхъ нашей представительной системы.

«Я замѣтила, съ совершеннымъ удовольствіемъ, мѣры, принятыя для усовершенствованія различныхъ отраслей судебного управленія, и жду съ полной увѣренностью, что онѣ самымъ полезнымъ образомъ будутъ дѣйствовать на общество.

«Господа Нижней Палаты!

«Увеличеніе доходовъ и сокращеніе издержекъ по различнымъ отраслямъ содѣйствовали упроченію и безопасности нашихъ финансовъ. Мнѣ пріятно видѣть, что вы имѣли возможность сократить нѣкоторые налоги моихъ подданныхъ безъ ущерба доходамъ, которые должны соотвѣтствовать потребностямъ для конхъ они назначены.

«Милорды и господа!

«Я вполне надѣсь, что договоръ между Германіей и Давіей, заключенный въ Берлинѣ при моемъ посредничествѣ, не замедлитъ возстановить миръ на сѣверѣ Европы. Съ моей стороны не будетъ упущено ничего для достиженія этой благодѣтельной цѣли.

Я продолжаю находиться въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ иностранными державами, и надѣюсь, что не произойдетъ никакого событія, могущаго нарушить общій миръ.

«Я вполне благодарна за правдивость и привязанность моего народа, и поставляя себя долгомъ трудиться для поддержанія и улучшенія нашихъ учрежденій, вѣрю себя благославленною Всемогущаго Провидѣнія, да увѣнчаетъ Оно успѣхомъ моихъ стараній, и руководитъ судьбами моего народа.»

Церемонія распушенія Парламента совершена въ точности по существующему обычаю, и дѣйствительно, прекрасное зрѣлище представлялъ Сен-Джемскій дворъ, окруженный представителями иностранныхъ державъ и блистательною аристократіей. Англійскіе мундиры славятся своими богатствами, достаточно было нѣсколькихъ, даже младшихъ офицеровъ Horse-Guards, (конной гвардіи) чтобы увеличить блескъ и

ремоніи. Великолѣпенъ былъ видъ Палаты-лордовъ. Въ глубѣи залы, прямо противъ дверей Палаты, стоялъ тронъ, или вѣрѣе, кресло Королевы. Другое кресло, по лѣвую руку отъ Е. В., было назначено для Принца Альберта. Кресло по правую сторону отъ Королевы, поставленное для Принца Валлійскаго, оставалось незанятымъ. На скамьяхъ, по обѣимъ сторонамъ Палаты, сидѣли веры, въ роскошныхъ мундирахъ, между-тѣмъ какъ галереи были заняты супругами ихъ и нѣсколькими избранными лицами, которыя получили входъ въ залу для этой поразительной и рѣдкой церемоніи. Королева произвела рѣчь голосомъ твердымъ и такъ внятно, что даже тѣ, которые стояли очень далеко отъ Е. В., могли слышать каждое слово.

20-го. Вчера, съ вечернимъ поѣздомъ желѣзной дороги, отправилось на материкъ около пяти-сотъ человекъ, которые хотѣли присутствовать на франкфуртскомъ мирномъ конгрессѣ. Между нами находились краснокожій Индѣецъ, бывшій за двѣнадцать лѣтъ передъ симъ стрѣлкомъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, и Негръ еѳіонскаго племени.

Робертъ Пиль оставилъ послѣ себя «Записки», назначивъ въ своемъ завѣщаніи издать ихъ въ возможно скорѣйшемъ времени, и употребить сумму, вырученную отъ продажи ихъ, на основаніе школы для бѣдныхъ. Друзья покойнаго, лордъ *Мазонъ* и *Коудвель*, будутъ заботиться объ изданіи.

Женни Линдъ находится теперь въ Ливерпулѣ. Филармоническое общество поднесетъ ей адрессъ, а Соутерновъ-госпиталь серебряный чайный приборъ. Въ Нью-Йоркѣ, куда теперь отправляется знаменитая пѣвица, строятъ собственно для нея концертную залу на шесть тысячъ человекъ; на каждый концертъ ея въ Америкѣ уже абонировалось тридцать тысячъ меломановъ.

21-го. Между Великобританіей и Соединенными Штатами заключенъ трактатъ о давно предполагаемомъ соединеніи Атлантическаго-Океана съ Тихимъ-моремъ посредствомъ канала. Трактатъ этотъ, подписанный 19 апрѣля въ Вашингтонѣ, съ одной стороны Серомъ *Генрихомъ Больверомъ*, а съ другой статс-секретаремъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, г. *Вейстономъ*, и ратификованный 4-го іюля, сегодня напечатанъ въ здѣшнихъ газетахъ. По этому трактату Великобританія и Сѣверная-Америка обязываются никогда не присвоить себѣ односторонняго, исключительнаго владѣнія каналомъ, но вѣроятно имѣть надъ нимъ контроль обѣимъ вмѣстѣ; не стро-

ить никакихъ укрѣпленій для господства надъ вѣнъ, и не стремиться къ распространенію своего владычества надъ Парагвуй, Коста-Рикой, берегами Москитосовъ или другою какою-либо частью Средней-Америки. Въ случаѣ войны между обоими договорившимися государствами, какъ британскіе, такъ и сѣверо-американскіе купеческіе корабли будутъ ходить по каналу свободно, и не подвергаются ни блокадѣ, ни задержанію. Немедленно по окончаніи канала должна быть обезпечена его неисправность. Наконецъ оба правительства обѣщаютъ хранить и поддерживать это огромное предпріятіе, равно какъ и всѣхъ лицъ, которыя будутъ трудиться надъ его исполненіемъ.

— *Женни Линдъ* оправилась вчера, на пароходѣ «Atlantic» въ Сѣверную Америку. Отъѣздъ ея былъ настоящимъ триумфомъ. Весь большой свѣтъ Ливерпуля провожалъ знаменитую пѣвицу. Два пообѣдніе концерта ея доставили сбору 3,000 ф., ст., изъ которыхъ взяла она только тысячу, пожертвовавъ остальную сумму въ пользу новаго городского госпиталя.

ЛЮДОВИКЪ ФИЛИППЪ СКОНЧАЛСЯ!

Уже нѣсколько разъ носились ложные слухи о его смерти; на этотъ разъ вѣсть о ней истинна.

Утромъ 26 августа получено въ Лондонѣ извѣстіе, что Людовикъ Филиппъ скончался во временной резиденціи своей, гдѣ онъ жилъ съ нѣкоторыхъ поръ съ своимъ семействомъ. Со времени прибытія своего въ Англію, онъ страдалъ сильнымъ разслабленіемъ нервъ, происшедшимъ, вѣроятно, отъ потрясеній, произведенныхъ въ немъ февральскимъ переворотомъ. 23 августа ему сдѣлалось гораздо хуже, такъ что сочли за нужное собрать вокругъ него членовъ его семейства. Несмотря на полныя любви заботы, которыми его окружали, несмотря на старанія науки, высокой больной угасала, и скончался сегодня утромъ, въ половинѣ девятаго. Извѣстіе о его смерти получено въ Лондонѣ сегодня же утромъ; оно возбуждало самое глубокое сожалѣніе.

Вотъ что пишетъ Journal des Débats:

Король Людовикъ Филиппъ умеръ окруженный своими семействами, въ полномъ сознаниі; приближеніе смерти не имѣло ни малѣйшаго вліянія на обычную ясность его ума.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду здоровье его видимо слабло, хотя ни въ одномъ изъ органовъ не было замѣтно особеннаго разстройства, которое могло бы допустить предположеніе, что постепенное ослабленіе происходитъ не отъ потрясеній, произведенныхъ на него февральскимъ переворотомъ, не благодарностію Франціи и грустью изгнанія. Пребываніе Людовика Филиппа, въ прошедшемъ іюнѣ мѣсяцѣ, въ С. Леонардѣ, привело его на путь къ выздоровленію. Его посѣтили нѣкоторые прибывшія изъ Франціи лица, и ихъ посѣщенія привели ему живѣйшее удовольствіе. Въ іюль мѣсяцѣ здоровье его, казалось, еще болѣе поправилось. Но недѣли двѣ тому назадъ болѣзнь стала усиливаться, и въ послѣдніе два дня общее разслабленіе больного до такой степени усилилось, что уничтожило всякую надежду, даже въ Королевѣ. Отиѣнили предложенныя поѣздки и поселеніе въ Ричмондѣ, противъ воли самаго Короля, вслѣдствіе дознанной невозможности перевезти его туда, не подвергая опасности. Съ той минуты медицина объявила себя безсильною.

23 августа Людовикъ Филиппъ гулялъ въ экипажѣ, проѣхавъ четыре мили, и возвратясь съ прогулки, обѣдалъ за общимъ столомъ. 24 августа онъ былъ слабѣе, обѣдалъ одинъ, но все еще съ аппетитомъ. Онъ просидѣлъ въ гостинной почти до 11 часовъ, поддерживая разговоръ. 25 августа утромъ пульсъ его совершалъ 84 біенія, какъ обыкновенно. Онъ чувствовалъ себя очень хорошо. Въ полдень сдѣлалась съ нимъ сильная дрожь, продолжавшаяся болѣе часа, и возвѣстившая о близости кончины. Оживляющія и спиртные средства возвратили ему нѣсколько силы, и въ продолженіе ночи пульсъ его снова возвысился. Напрасно прибѣгали къ помощи доктора Шомеля. Принуждены были объявить Королю неминуемость опасности.

Король выслушалъ съ твердостію, ни на минуту непокидающею его во все продолженіе этого тяжкаго испытанія, вѣстіе о близости смерти. Это было въ воскресенье, утромъ, 25 августа. Онъ имѣлъ силу продиктовать нѣсколько распоряженій, которыя хотѣлъ присоединить къ своему завѣщанію, и послѣднюю страницу Записокъ о своей жизни, которыми онъ иногда занимался въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ.

«Потомъ, призвавъ къ себѣ Герцогиню Орлеанскую, онъ разговаривалъ съ нею болѣе получаса.

«Когда вошелъ въ комнату Короля аббатъ Гелль, духовникъ Королевы, Король исполнилъ обязанности христіанина, въ присутствіи всего своего семейства, просто, благородно и съ непоколебимую покорностію. Королева, Герцогиня Орлеанская, Графъ Парижскій, Герцогъ Шартрскій, Герцогъ и Герцогиня Немурскіе, Принцъ и Принцесса Жуанвильскіе, Герцогъ и Герцогиня Омальскіе и Герцогиня Саксен-Кобургская, преклонили колѣна вокругъ его постели. Офицеры и служители Короля также присутствовали при этой трогательной сценѣ.

«Вечеромъ открылась сильная лихорадка, уменьшившаяся ночью, которая прошла относительно спокойно. Утромъ Король чувствовалъ себя лучше. Въ 7 часовъ, т. е., за часъ до смерти, онъ еще былъ въ совершенномъ сознаніи, и говорилъ доктору, «что ему лучше». Въ 8 часовъ онъ отдавалъ душу Богу, среди слезъ и лобзаній своего семейства, безъ конвульсій, безъ страданій, съ удивительнымъ спокойствіемъ, умирая какъ праведникъ, оплакиваемый всѣми, какъ нѣжнѣйшій изъ супруговъ, лучшій изъ отцовъ, какъ снисходительнѣйшій господинъ, самый разумный, самый кроткій!»

Людовикъ Филиппъ родился 6 октября 1773 года. Онъ умеръ 76 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ и 20 дней отъ роду.

Отецъ его былъ знаменитый Philippe Egalité. Юность молодого Герцога протекла среди семейства, и обозначилась поведеніемъ, возвѣщавшимъ благородный характеръ: оно дѣлало честь знаменитой *г-жѣ Жанлисъ*, система образованія которой вполнѣ развивала всѣ добрыя качества ея воспитанниковъ. Записки Герцога Шартрскаго показываютъ, что онъ былъ нечуждъ революціонныхъ идей, и что отношеній его къ Якобинцамъ подавить силою было невозможно. Въ 1791 году онъ былъ назначенъ полковникомъ 14 драгунскаго полка; первымъ шагомъ его на этомъ поприщѣ было спасеніе отъ разъяренной толпы двухъ священниковъ, которые вмѣстѣ съ многими другими, не хотѣли дать присяги, предписанной уложеніемъ. Распорядительность и личная храбрость, оказанныя имъ при этомъ, помогли ему скоро въ другомъ случаѣ, когда онъ спасъ утопавшаго г. *Сире*. Городъ Вандомъ поднесъ ему тогда вѣнокъ (*couronne civile*). Въ августѣ 1791 г. Герцогъ Шартрскій переведенъ съ полкомъ своимъ изъ Вандома въ Валенсіеннъ, а въ 1792 г., въ походѣ противъ Австріи, въ первый разъ участвовалъ въ сраженіи; онъ сражался при Вальми,

подъ начальствомъ *Келлерманна*, а потомъ при *Жиманнѣ*, подъ командою *Дюмурье*. Между-тѣмъ революція въ Парижѣ достигла высшей степени развитія. Декретъ, вслѣдствіе котораго изгонялись изъ Франціи потомки *Гуго Капета* и который скоро былъ отмененъ, сильно обезпокоилъ Герцога, который убѣждалъ своего отца выѣхать изъ Франціи, чтобы не быть въ числѣ судей *Людовика XVI*. Просьба эта не была исполнена, и Герцогъ возвратился въ армию; скоро казнь Герцога Орлеанскаго (6 ноября 1793 г.) доказала основательность его опасеній. Ровно шесть мѣсяцевъ спустя, Комитетъ Общественной Безопасности вызвалъ къ себѣ Герцога Шартрскаго и генерала *Дюмурье*; зная характеръ этого кроваваго судьи, оба они бѣжали за границу, въ Бельгію, которая тогда принадлежала Австріи, вѣсть съ Нидерландами. Австрийцы предлагали Герцогу Шартрскому командованіе надъ одною изъ частей имперской армии; но, отказавшись воевать противъ своего отечества, *Людовикъ Филиппъ*, тогда уже Герцогъ Орлеанскій, удалился къ частной жизни, и среди безпрестанныхъ опасностей пробрался чрезъ *Аахенъ* и *Кобленцъ* въ Швейцарію. *Аделаида Орлеанская*, вѣсть съ г-жею *Жанлисъ*, соединилась съ нимъ въ *Шаффаузенѣ*, а младшіе братья, послѣ трехлѣтняго заключенія, должны были удалиться въ Соединенные-Штаты.

При пріѣздѣ въ Цюрихъ, Герцогъ Орлеанскій увидѣлъ, что всѣ французскіе эмигранты нерасположены къ Орлеанской фамиліи; правительство кантона, опасаясь мнѣнія Франціи, не рѣшалось принять изгнанниковъ; они тайно переѣхали въ Цугъ, и паняли тамъ небольшой домикъ; но скоро были узаны, и только благодаря содѣйствію г. *Монтекию*, Герцогиня Орлеанская и г-жа *Жанлисъ* получили позволеніе поселиться въ монастырѣ *Сен-Клерскомъ*, близъ *Баумгартена*. Герцогъ Шартрскій объѣзжалъ многія страны Европы. Терпя недостатокъ въ средствахъ, онъ долженъ былъ трудами обезпечить свое существованіе. Въ *Базелѣ* онъ продалъ своихъ лошадей; оттуда проѣхалъ чрезъ Швейцарію, въ сопровожденіи вѣрнаго слуги своего *Бодуена*. Средства его совершенно истощились и онъ не зналъ, что предпринять, какъ вдругъ г. *Монтекию* извѣстилъ его, что, по его старанію, онъ назначенъ профессоромъ въ школѣ, въ городѣ *Рейхенау*. Тамъ онъ выдержалъ экзаменъ, и получилъ обѣщанное мѣсто, имѣя только 20 лѣтъ отъ роду. Онъ принялъ имя *Шабо-Латуръ*, и здѣсь въ первый разъ узналъ о несчастной участи отца. Вслѣдствіе различныхъ безо-

койствъ, *Аделаида Орлеанская* переѣхала изъ монастыря къ теткѣ своей, Припцессѣ *Комти*, въ Венгрію. Почти въ то же время г. *Монтескю* предложилъ Герцогу убѣжище въ своемъ домѣ, въ Баумгартенѣ, гдѣ онъ и жилъ до конца 1794 г., подъ именемъ *Кобри*; тогда онъ былъ узнавъ, и долженъ былъ снова пачать скитальческую жизнь. Надѣясь уѣхать въ Америку, онъ прибылъ, въ началѣ 1795 г., въ Гамбургъ; недостаткомъ въ деньгахъ заставилъ его отказаться отъ этого намѣренія. Получивъ вексель на одного изъ копенгагенскихъ банкировъ, онъ пѣшкомъ прошелъ Норвегію и Швецію, и въ августѣ 1795 г. былъ у Сѣвернаго-мыса; потомъ чрезъ Торнео и Або прибылъ въ Стокгольмъ, былъ узнавъ и подѣ чужимъ именемъ бѣжалъ въ Давію. Напрасно Директорія старалась открыть убѣжище молодого Герцога, продолжая между-тѣмъ вести съ нимъ переговоры, увѣщевая его ѣхать въ Америку и обѣщая улучшить участь *Аделаиды Орлеанской*, и доволѣти младшимъ братьямъ его пріѣхать къ нему. Письмо это передано было Герцогу г. *Вестфортомъ*, изъ Гамбурга; условія были тотъ часъ же приняты, и 24 сентября 1796 г., онъ съѣхал на «*Americain*», въ устьѣ Ельбы, вмѣстѣ съ вѣрными своими *Бодуеномъ*. Спустя 27 дней, онъ былъ въ Филадельфіи. Братья его, выѣхавъ изъ Марселя, присоединились къ нему въ ноябрѣ; всѣ трое пробыли зиму въ Филадельфіи, подружались въ Монт-Вернонѣ съ генераломъ *Вашингтономъ*, потомъ объѣхали западныя провинціи Союза, возвратились въ Филадельфію и наконецъ на англійскомъ кораблѣ прибыли въ Гавану. Негостепріимство испанскихъ чиновниковъ заставило ихъ скоро оставить Кубу; они переѣхали на Багамскіе острова, гдѣ очень хорошо были приняты Герцогомъ *Кентскимъ*, который однако не рѣшился дать имъ позволеніе переѣхать въ Англію на англійскомъ фрегатѣ; по этому они возвратились въ Нью-Йоркъ, и на купеческомъ суднѣ достигли Фальмута въ февралѣ 1800. Не останавливаясь въ Лондонѣ, они поселились въ Тукингемѣ. Недолго продолжалось ихъ минутное спокойствіе. Узнавъ о плѣнѣ Герцогини Орлеанской въ Испаніи, они исходатайствовали у англійскаго правительства позволеніе переправиться на англійскомъ фрегатѣ въ Минорку цѣли своей впрочемъ они не достигли: такъ велики были въ то время безпорядки въ Испаніи. Утомленные путешествіемъ возвратились они въ Тукингемъ и здѣсь посвятили время свое наукамъ. Въ маѣ 1807 г., скончался Герцогъ Монтпансье; скоро заболѣлъ и Графъ Божолс, и ему велѣно было по

решить въ болѣе теплый климатъ; братья поселились въ Мальтѣ, гдѣ въ 1808 умеръ Графъ Божоле. Герцогъ Орлеанскій оставилъ Мальту, и по приглашенію Короля Фердинанда прибылъ въ Сицилію. Во время пребыванія въ Палермо, онъ приобрѣлъ любовь Принцессы *Амалии*, и вступилъ съ нею, въ 1809, въ бракъ, съ разрѣшенія Короля и Герцогини Орлеанской. Жизнь молодыхъ супруговъ протекла спокойно до 1814, когда въ Палермо пришло извѣстіе объ отреченіи Наполеона и о возстановленіи династии Бурбоновъ. Герцогъ Орлеанскій тотчасъ отправился въ Парижъ, и прибылъ туда 18 мая; здѣсь возвратили ему почести, которыя принадлежали ему по его сану и личнымъ достоинствамъ. По возвращеніи Наполеона, въ 1815 г., отправилъ онъ семейство свое въ Англію, а самъ, по повелѣнію Людовика XVIII, принялъ команду надъ сѣвернымъ корпусомъ; въ мартѣ 1815 г, сдавъ команду Герцогу Тревизскому, онъ снова отправился въ Тукингенъ. Послѣ ста дней, Герцогъ Орлеанскій возвратился во Францію, слѣдуя приказанію Людовика XVIII, который хотѣлъ, чтобы всѣ Принцы его дома застѣдали въ Палатѣ Перовъ, но навлекши на себя неудовольствіе правительства своими убѣжденіями, Герцогъ снова отправился въ Англію, гдѣ и жилъ до 1817. Возвратясь потомъ во Францію, онъ не вмѣшивался въ политическія дѣла до 1830. Безполезно напоминать происшествія этой эпохи, окончившіяся призваніемъ Людовика Филиппа на престолъ. Его правленіе и послѣдующія событія—слишкомъ живы въ памяти всѣхъ, чтобы нужно было ихъ рассказывать.»

Лондонскія газеты напечатали распоряженіе, по которому мѣсяцъ надѣветъ съ 1 по 11 сентября трауръ, по случаю смерти Людовика Филиппа.

Тѣло умершаго короля заключено въ четыре гроба, первый изъ краснаго дерева, обитый бѣлымъ атласомъ; онъ обитъ толстыми свинцовыми листами; четвертый, дубовый, обитъ чернымъ бархатомъ, съ серебряными гвоздями и ручками.

Въ англійскомъ адмиралтействѣ получены довольно неблагоприятныя извѣстія объ экспедиціи, посланной въ арктическое море, для отысканія сѣра *Джона Франклина*. Суда заперты льдами. Часть экипажа вышла на берегъ. Въ провинціи у нихъ оказался недостатокъ, льды препятствовали сообщенію съ судами, и потому путешественники принуждены были питаться нѣсколько дней рыбою, которую ловили въ таинныхъ во льду прорубяхъ.

*Народонаселеніе Англіи и Ирландіи въ 1785 году состояло изъ 12,336,932, въ 1849 году изъ 29,105,822 душъ;— то-есть увеличилось на 125°. Въ 1849 году оно распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: въ Англіи и Валлисѣ 17,759,412; въ Ирландіи 8,505,812; въ Шотландіи 2,840,598. Въ это число не включены ни войско, ни жители острововъ. Въ 1841 году число послѣднихъ было 123,492 души.

29-го. Королева и Принцъ Альбертъ, выѣхавшіе изъ Лондона 27 ч., вечеромъ въ 5 часовъ 29 ч. были въ Единбургѣ, гдѣ заняли они дворецъ Голиродъ, въ которомъ жила Марія Стюартъ. Путешествіе Королевы вызвало со стороны жителей самый пламенный энтузіазмъ.

30-го. Принцъ Альбертъ положилъ въ Единбургѣ основной камень зданія, въ которомъ будетъ помѣщаться національная галерея.

Ф Р А Н Ц І Я .

1-го. *Августа.* — *Зак. Соб.* Не-смотря на постоянное уменьшеніе числа представителей, сегодня продолжались пренія о неровной разкладкѣ между различными частями Франціи убавки (77 с.) поземельной подати. За него подано было только 168 гол. пр. 358. Слѣдовательно, уменьшеніе поземельной подати будетъ одинаково для всѣхъ департаментовъ. Затѣмъ Собраніе разсматривало предложеніе многихъ членовъ Горы, объ уничтоженіи, съ 1 января, налога на вино. Уже въ началѣ преній было ясно, что это предложеніе принято не будетъ; но по поводу собиранія голосовъ, произошло большое разногласіе между правою и лѣвою сторонами, которая требовала раздѣльнаго подаванія голосовъ: операція уже началась, но большинство хотѣло подавать голоса скрытно. Цѣлый часъ продолжались по этому поводу крики и возгласы, наконецъ Президентъ *Люпенъ* удовлетворилъ желанію большинства, и предложеніе было отвергнуто (339 гол. пр. 166); а вслѣдъ за тѣмъ отвергнуто и другое подобное же предложеніе, отличавшееся отъ перваго тѣмъ, что предлагало уничтожить налогъ три мѣсяца спустя послѣ 1-го января.

Въ Собраніи былъ князь *Канино*. Онъ сидѣлъ на трибунѣ Президента, и потому нѣкоторые догадливые люди рѣшили, что двоюродные братья помирились, не-смотря даже на пере-

нѣму политическихъ дѣйствій *Людвика Бонапарте*. Но на-
сакомъ-дѣлѣ вопросъ рѣшается гораздо проще: Князь *Казино*
получилъ позволеніе остаться на нѣсколько времени въ Пари-
жѣ, а г. *Буле*, который занимаетъ трибуну вмѣстѣ съ Пре-
зидентомъ Республики, предложилъ на этотъ разъ свое мѣсто
князю.

По новому закону о національной гвардіи, ни одинъ фран-
цузскій гражданинъ не освобождается отъ службы; префектъ
назначаетъ совѣтъ, состоящій на половину изъ членовъ мунци-
палитета и записанныхъ уже національныхъ гвардейцевъ.
Ему принадлежитъ внутренній распорядокъ въ войскѣ и вы-
боръ офицеровъ при недостаткѣ лицъ, получившихъ въ горо-
дахъ, которые выставляютъ нѣсколько легионовъ, половину,
а въ городахъ съ однимъ легиономъ—одну треть голосовъ.
Штаб-офицеры назначаются непрямимъ избраніемъ. Офице-
ры, лишенные этого званія правительствомъ, могутъ быть
снова избраны только при всеобщихъ выборахъ; извѣстное
число оштрафованій подвергаетъ гражданина исключенію изъ
савскова на два года. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ
теперь національная гвардія распущена, преобразование ея
можетъ-быть сдѣлано только черезъ годъ по изданіи этого
закона.

Президентъ Республики пожаловалъ г. *Друену де Луи*
большой крестъ почетнаго легиона, а г. *Тувенелю* командор-
скій крестъ того же ордена, за услуги, оказанныя ими въ
греческомъ дѣлѣ.

Г. *Тьеръ* отправляется въ Германію, и заѣдетъ въ Меклен-
бургъ, къ Герцогинѣ Орлеанской.

Съ 28-го мая 1849 г. по 31-е июля 1850 г. *Зак. Соб.*
представлено было 317 проектовъ законовъ или предложеній
въ 2,061 просьба; 93 проекта и предложенія еще находятся
въ комиссіяхъ, и почти уже готовы къ докладу, 158 еще
не рассмотрѣны. Собраніе рѣшило 404 просьбы.

Электрическій телеграфъ между Калѣ и Дувромъ будетъ
оконченъ дней черезъ десять. Въ Парижѣ составила компанія
англійскихъ акціонеровъ; акціи всѣ раскуплены, и проволока,
которая должна проходить черезъ каналъ Па-де-Калѣ, совер-
шенно готова; остается только утвердить ее. Надѣются, что
телеграфъ будетъ передавать по 100 буквъ въ минуту.

2-го. — *Зак. Соб.* Занялось бюджетомъ доходовъ. Г. *Гю-
женъ*, членъ Горы, предложилъ, во второй разъ, умень-
шить жалованье чиновниковъ; ему возразили, что статья

объ этомъ предметѣ уже утверждена. Отвергнуто было также предложеніе г. *Аделсварда*, о налогѣ на промышленныя обороты. По возобновленіи преній о желѣзныхъ дорогахъ г. *Дюко* укорялъ въ грабительствѣ одного изъ министровъ временнаго правленія; на это обвиненіе отвѣчалъ г. *Виктор Лефранкъ*, который въ то же время поддерживалъ проектъ. Впрочемъ, измѣненіе, предложенное *Горю*, было отвергнуто.

* Въ «*Indépendance Belge*» помѣщены два очень интересные письма изъ Марселя; извлекаемъ изъ нихъ разсказъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Марсели 30 и 31 іюля:

Съ нѣкотораго времени холера появилась въ *Туннѣ*, перешла въ *Бонъ* и *Мальту*, гдѣ умираетъ ежедневно до 100 чело-вѣкъ; корабли, пришедшіе оттуда, были подвергнуты 3-хъ и 5-ти дневному карантину (для пароходовъ). Противъ этой мѣры протестовали начальства англійскихъ и французскихъ пароходовъ; но комитетъ общественнаго здоровья не имѣлъ своего рѣшенія. Тогда министръ потребовалъ, чтобы члены вышли въ отставку; они посовѣтовались съ президентомъ своимъ, и отказали въ этомъ; отказъ очень раздражилъ г. *Фульда*, и 30 ч., вечеромъ, явился въ комитетъ генеральный секретарь, исправляющій должность префекта, который извѣстилъ членовъ, что они всѣ отставлены, и что комитетъ замѣненъ особеннымъ комиссаромъ, пріѣхавшимъ изъ Парижа. Онъ снабженъ былъ декретомъ, узаконяющимъ мѣры принятія комитетомъ.

На другой день члены комитета протестовали противъ рас-поряженій министра; президентъ его сообщилъ газетамъ письмо, полученное отъ г. *Беррье*, въ которомъ тотъ обѣщаетъ отъ имени своихъ товарищей, употребить всѣ старанія, чтобы заставить министерство уважать древнія права Марселя и здравъ обсудить ея коммерческіе интересы. Коммерческая палата собралась и хотѣла подать въ отставку, на то же рѣшили и другія Палаты. Скоро разгорячились даже спокойные умы; биржа и потомъ префектура наполнились толпою негодяевъ и постороннихъ зрителей. Къ счастью, безпокойство не достигло еще старыхъ частей города; на площадѣ была только жители новой части. Генеральный секретарь началъ было говорить, но голосъ его былъ покрытъ криками; толпа требовала, чтобы марсельскимъ гражданамъ предоставлено было попеченіе объ ихъ здоровьи и выгодахъ. На балконѣ взошелъ какой-то ораторъ, и сталъ говорить противъ распоряженій г. *Фульда*; народъ громко одобрялъ его слова.

При отходѣ почты войска и жандармы окружали префектуру; всѣ боится движенія въ старыхъ кварталахъ: тамъ сильнѣе, чѣмъ въ новой части, преданіе о вредныхъ привилегіяхъ Марсема. Партія крайнихъ республиканцевъ не принимаетъ участія въ этихъ происшествіяхъ; можетъ-быть, она только выжидаетъ болѣе удобнаго времени, когда умѣренные граждане еще больше будутъ возбуждены.

5-го.—*Зак. Соб.* По поводу прекращенія привилегіи Французскаго-банка, на основаніи которой билеты его имѣли обязательное обращеніе въ государствѣ, г. *Сотейра* представилъ предложеніе съ цѣлю увеличить выпускъ мелкихъ билетовъ; предложеніе это было принято къ разсмотрѣнію, поэтому можно было ожидать, что Собраніе утвердитъ эту полезную мѣру. Но на другой день оно отвергло ее. Тогда же былъ принятъ проектъ закона о желѣзныхъ дорогахъ, о которомъ такъ долго толкулись пренія, (298 гол. пр. 288). Предъ этимъ утвержденіемъ было распоряженіе, которымъ вѣняется въ обязанность компаніямъ желѣзныхъ дорогъ покрыть вагоны 3 класса крышею, а съ боковъ рамками со стеклами; нѣкоторые члены, желая облегчить для компаній исполненіе этого распоряженія, предложили продлить время владѣнія дорогами еще на 5 лѣтъ; предложеніе это было отвергнуто большинствомъ 13 голосовъ.

7-го.—*Зал. Соб.* Преній не было. Собраніе съ какимъ то анорадоющимъ безпокойствомъ утвердило отъ двѣнадцати до пятнадцати проектовъ. Въ концѣ засѣданія принять былъ проектъ закона о колоніальномъ книгопечатаніи, съ значительными однако измѣненіями. Бюджетъ расходовъ утвержденъ (420 гол. пр. 162.)

По новому закону о театральной ценсурѣ, принятому въ концѣ іюля, каждый театръ долженъ имѣть, въ двухъ экземплярахъ, списокъ всѣхъ иггранныхъ на немъ піесъ; каждая новая піеса должна быть доставляема въ министерство, по крайней-мѣрѣ, за двѣ недѣли до представленія; дозволенная піеса должна оставаться подъ тѣмъ заглавіемъ, какое одобрено министромъ. Надзоръ за представленіями поручается двумъ инспекторамъ, которые обязаны присутствовать при двухъ послѣднихъ репетиціяхъ каждой піесы, и видѣть ее со всѣми декораціями, костюмами, обстановкой, и проч.

Въ Парижѣ льетъ сильный дождь; улицы, лежащія ниже прочихъ, затоплены водою; подземные водопроводы оказались недостаточными; залты были дворы и нижніе этажи

домовъ; около 4 часовъ вода начала сбывать, какъ вдругъ пошелъ снова дождь, при сильной грозѣ; она начала уменьшаться часамъ къ семи. Незвѣстно еще, какъ велика потеря причиненная этимъ наводненіемъ; вода поднялась на 2 метра надъ землю; всѣ погреба и магазины закрыты; булочники не имѣютъ возможности работать. Съ трудомъ пробирались по улицамъ экипажи, наполненные водою. «Я видѣлъ», говоритъ корреспондентъ *Indépendance Belge*, порядочно одѣтыхъ женщинъ, которыхъ просили войти въ домъ, но которыя отправлялись, по поясъ въ водѣ, отыскивать дѣтей мужей своихъ. Къ вечеру вода значительно спала; пѣкоторыя улицы освободились отъ воды отчасти уже въ 7½ часовъ на нихъ оставался слой чорнаго илу. Многіе желаютъ новаго дождя, который бы смылъ эту грязь.

По извѣстіямъ, собраннымъ префектурою полиціи, число иностранцевъ въ Парижѣ значительно, чѣмъ когда-либо по этому числу чиновниковъ, служащихъ «въ отдѣленіи иностранцевъ», значительно увеличено.

* Надвяхъ вышелъ въ свѣтъ первый номеръ газеты «*Non IV, journal de la réconciliation*». Этотъ листокъ, органъ лгитимистовъ, желающихъ соединенія двухъ линій Бурбонскаго дома, издается еженедѣльно, какъ покойный «*Napoléon*» и пока въ Руанѣ, потому-что залогъ, требуемый отъ журнловъ, не такъ великъ въ этомъ городѣ, какъ въ Парижѣ.

* Президентъ Республики отправился одинъ, пѣшкомъ, заслуженному воину временъ Имперіи, который, въ крайнюю нуждѣ, обратился къ нему съ просьбою о помощи. *Людовикъ Бонапартъ* долго разговаривалъ со старикомъ, записалъ подробныя свѣдѣнія о своей жизни, и оставивъ денежное пособіе ветерану, обѣщалъ позаботиться объ его участіи.

* Генералъ *Граммонъ* снова предложилъ перевести, съ 1-яя 1851 года, мѣстопробываніе Президента и Законодательнаго Собранія въ Версаль.

* Князю *Канино* запрещенъ входъ въ Законодательное Собраніе, потому-что недавнее появленіе его въ залѣ засѣданія не понравилось большинству.

* Изъ Ниццы пишутъ, что *Поль Деларошъ* окончилъ большую картину, справедливо возбуждающую удивленіе въ каждомъ, кто удостоился видѣть ее. Картина представляетъ переходъ Перваго Консула черезъ гору Сен-Бернаръ. Произведеніе это, совершенно отличное отъ картины г. *Давидъ* столько же естественно, сколько та удаляется отъ истины

Г. Деларошъ представилъ своего героя не на бурномъ конѣ, но просто на мулѣ, котораго ведутъ два проводника. Только двое сопутствуютъ Первому Консулу, Дюрокъ и Буррвель. По срединѣ тревоги, на краю пропасти, Первый Консуль, впередъ глядя въ будущее, кажется, переносится мыслію на другую сторону Альповъ, и такъ мало думаетъ объ окружающихъ его опасностяхъ, какъ будто двѣсти миль отдѣляютъ его отъ Св-Бернара. Лучъ безсмертія уже озарилъ лицо героя; рука его свистнула поводья мула; знаменитый стѣрый сюртукъ, едва застегнутый, показываетъ, что глубокія размышленія совершенно удалили героя отъ вещественнаго міра, и сдѣлали неуязвимымъ даже къ дѣйствию холода. Никогда г. Деларошъ не являлся такимъ вдохновеннымъ, какъ въ этомъ прекрасномъ произведеніи, котораго поэзія становится еще выше отъ вещественной истины. Это образцовая картина живописца для Лондона.

7-го. Франція имѣетъ теперь 12,000 пушекъ и 5 милліоновъ огнестрѣльнаго оружія, 8 милліоновъ килограммовъ металлическихъ снарядовъ и 18 милліоновъ килограммовъ пороха.

Въ одномъ письмѣ изъ Смирны, путешественникъ, видѣвшій земли, которыя Султанъ пожаловалъ Ламартину, говорить:

Колонія г. Ламартина занимаетъ отъ 28 до 30 миль въ окружности, съ горами и горы, окружающія это помѣстье, плодородныя и прекрасныя, какъ равнины. Богатство является здѣсь въ сорока или пятидесяти формахъ. Тутъ уже есть семь деревень и арабскій домъ, гдѣ прежде помѣщался гаремъ. Г. Ламартинъ хочетъ начать строенія на мысѣ, гдѣ нѣкогда входился храмъ, въ трехъ миляхъ отъ Эфеса. Воздухъ здѣсь самый чистый, видъ прекрасный, ключи и вѣчная прохлада съ моря. Дѣйствительно, дивный подарокъ. Здѣсь легко развести стада Евмея. Тридцать пять тысячъ животныхъ уже пасутся безъ хозяина. Султанъ принялъ знаменитаго путешественника чрезвычайно ласково, и провелъ съ нимъ около восьми часовъ, сначала въ кіоскѣ, въ глубинѣ лѣса, а потомъ на экзаментъ въ Военной-школѣ.» Въ другомъ письмѣ говорятъ, что г. Ламартинъ съ супругою прибыли, 7-го, августа, изъ Мальты въ Марсель, и находятся въ карантинѣ этого города.

Планъ устроить въ Версали лагерь окончательно оставленъ правительствомъ; вотъ исторія его: по возвращеніи изъ Рима, генералъ Баргае д'Алье приобрѣлъ сильное значеніе въ Елизе;

полагали, что онъ въ состояніи будетъ служить противодѣйствіемъ вліянію г. *Шангарнье*. Версальскій лагерь былъ одною изъ тѣхъ нѣръ, которыя разстроиваютъ централизацию арміи; чтобы исполнительная власть не была вѣрни оставлена въ этой борьбѣ, генералъ *Бараге д'Илье* совѣтовалъ президенту избрать въ адъютанты не простыхъ офицеровъ, и нѣсколькихъ генераловъ, и указалъ на г. *Гезилье*; этотъ генералъ соглашался принять на себя званіе адъютанта, только подъ условіемъ удаленія изъ Елизе нѣсколькихъ «четвертичныхъ», которыхъ вліянія онъ опасался. Условіе это принято не было, и нетерпѣливые поняли, что присутствіе значительныхъ лицъ, которыя должны служить противодѣйствіемъ власти начальника 1-й военной дивизіи, будетъ неблагопріятно имъ самимъ. Тогда они стали противиться раздѣленію арміи. За версальскій лагерь заступались слабо. Скоро признали не считать его необходимымъ. Уступка, сдѣланная генералу *Шангарнье*, тѣмъ, что ему предоставленъ былъ выборъ генераловъ, которые должны начальствовать въ лагерѣ еще болѣе уменьшила въ глазахъ Елизе важность, которую оначала приписывали лагерю, и поэтому генералъ *д'Ону* возражалъ такъ слабо на доводы комиссіи Собранія.

9-го. — *Зак. Соб.* Сегодня было послѣднее засѣданіе. Президентъ объявилъ, что такъ какъ представителей налицо только 230, то засѣданіе не имѣетъ законной силы, потому что для этого необходимо присутствіе 376 членовъ.

Вчера еще выѣхали изъ Парижа по ліонской дорогѣ экипажи Президента Республики; префектъ полиціи послалъ въ Тоннеръ многихъ волицейскихъ офицеровъ и комиссаръ; они будутъ предшествовать Президенту въ его поѣздѣ. Кроме того, въ Дижонъ отправится генералъ *Кастеллакъ* съ своимъ отрядомъ; тамъ онъ подойдетъ Президента, и проведетъ его до Страсбурга.

11-го. Французская Академія имѣла вчера, подъ предѣтельствомъ г. *Сальванди*, публичныя засѣданія для раздачи Монтионовыхъ наградъ. Главная премія, въ десять тысячъ франковъ, назначенная за лучшее драматическое сочиненіе, раздѣлена между *Эмилемъ Ожье*, авторомъ драмы *Габриель*, и *Отракомъ*, написавшимъ *Дочь Есхила*. Первый получилъ семь тысячъ фран., второй медаль въ три тысячи. Награда за самое краснорѣчивое сочиненіе объ исторіи Франціи, основанная барономъ *Гоберомъ*, присуждена *Огюстену Тьерри*, а вторая премія *Базену*.

Г. де-Ларошжакленъ издалъ на-дняхъ брошюру, подъ заглавіемъ: «Три вопроса, предложенные народу», которая еще до выхода своего въ свѣтъ возбудила много толковъ и ожиданій въ журналахъ. Она состоитъ изъ трехъ главъ: — о положеніи партій, раздѣляющихъ Францію; — объ уваженіи сената; о пересмотрѣ выборовъ». Газета «la Presse», разбирая сочиненіе г. де-Ларошжаклена, говоритъ: «Бросаясь во всё пусты, даже самый плохой охотникъ усмѣиваетъ выгнать тысячу зайцовъ. То же случилось и съ авторомъ. Изъ задрота его книги вылетаютъ варагу, совершенною неожиданію, прекрасныя истины. Невозможно, напримѣръ, не согласиться съ поразительною очевидностію слѣдующаго заключенія, которое выводитъ г. де-Ларошжакленъ:» Большинство Собранія не республиканское, но Собраніе можетъ тѣмъ или инымъ большинствомъ противъ легитимистовъ, противъ бонапартистовъ, противъ орлеанистовъ, потому-что разными партіями немедленно соединились бы съ республиканцами». Совершенноя истина. Прибавимъ еще, что большинство тако-какъ оно не республиканское, объявило бы себя тако-же и противъ республики, еслибъ дѣло шло о республикѣ основательной и прочной, а не минутной». Такая чистосердечная откровенность журнала, который считается полуофициальнымъ органомъ республиканскаго правительства, не можетъ не показаться довольно жесткою.

Бывшій министръ Тестъ выпущенъ изъ тюрьмы, въ которой онъ содержался три года, по приговору Палаты-петровъ.

Съ нѣкотораго времени въ Тюильрійскомъ саду разведось такое множество воронъ, что на-дняхъ присланъ былъ изъ Венсена цѣлый батальонъ егерей, чтобы перестрѣлать это хищное племя. Охота началась утромъ; пятьсотъ воронъ были застрѣлены, ощипаны, и явились подъ соусомъ за обѣдомъ.

14-го. Президентъ выѣхалъ изъ Парижа по лионской желѣзной дорогѣ, 12 числа, въ 7 часовъ утра, и остановился въ Меленѣ, гдѣ слѣлалъ смотръ 7 уланскому полку, а въ Монтеро; здѣсь встрѣченъ онъ былъ мѣстными чиновниками и многочисленною толпою народа. Въ 9 часовъ онъ былъ уже въ Сансе (департаментъ Роны), въ 30 миль отъ Парижа. Здѣсь его ожидали на станціи архіепископъ, префектъ и нѣсколько окрестныхъ меровъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ національною гвардіею своихъ общинъ. Женщины

усыпалъ. нѣтъмиа дорогу, по которой онъ проходилъ. Пожаловавъ архіепископу орденъ почетнаго легіона, Президентъ снова сѣлъ въ вагонъ, и доѣхалъ до Жуаньи, гдѣ сдѣлалъ смотръ національной гвардіи и драгунскому полку. Въ 11 часовъ поѣздъ остановился въ Тоннерѣ; многочисленная толпа привѣтствовала путешественника криками: «да здравствуетъ Президентъ!» «да здравствуетъ Наполеонъ!» Кое гдѣ слышны были восклицанія «да здравствуетъ Императоръ!» и «да здравствуетъ Республика!» На всѣхъ станціяхъ Президентъ принималъ прошенія, и выслушивалъ изустныя жалобы; мѣстные чиновники представляли ему нѣкоторыхъ жителей, преимущественно старыхъ солдатъ; въ Тоннерѣ разговаривалъ онъ съ четырьмя братьями, служившими въ войскахъ Императора. Въ Тоннерѣ оканчивается желѣзная дорога; Президентъ сѣлъ въ карету, и отправился въ Дижонъ.

Нѣсколько времени тому назадъ *Лола-Монтессъ* наняла въ кварталѣ Божень великолѣпный отель и роскошно отдала его. За мебель не было тотчасъ заплачено, и третьяго дня пріѣхалъ за деньгами поставщикъ: мебель была уложена въ ящики и отсылалась въ Англію. Когда онъ потребовалъ уплаты, *Лола-Монтессъ* просила подождать нѣсколько дней, увѣряя, что мужъ ея уѣхалъ, взявъ съ собою ключъ отъ шкатулки; тотъ настаивалъ, и она обѣщала тотчасъ же послать за слесаремъ, чтобы отпереть замокъ. Вышедши изъ дому, она завернула за уголъ, сѣла въ ожидавшую ее карету и уѣхала.

Въ одномъ частномъ письмѣ изъ Дижона сказано, что пріемъ Президента былъ обыкновенный, офиціальныи. Легитимисты вовсе не участвовали въ этомъ празднествѣ; толпа бросалась всюду за Президентомъ и окружающими его чиновниками; раздавались громкіе крики: «да здравствуетъ республика!» Говорятъ, что монбарскіе жители приняли не съ полнымъ радушіемъ путешественника, который, разумѣется, не обратилъ на нихъ вниманія. Пребываніе Президента въ Дижонѣ обозначилось особенно отвѣтомъ его г-ну *Ноаза*, который въ Фиксенѣ воздвигнулъ статую Наполеону. Поблагодаривъ Президента за честь, оказанную ему его посѣщеніемъ, онъ просилъ объ освобожденіи осужденнаго Верховнымъ Судомъ *Гинара*. Эта просьба произвела непріятное впечатлѣніе на присутствующихъ. Президентъ отвѣчалъ:

— Я прїѣхалъ сюда, чтобы поблагодарить васъ за пощель, оказанную вами Императору воздвиженіемъ этой статуи. Вы дѣлаете мнѣ упрекъ, котораго я никакъ не ожидаю. Люди, о которыхъ вы говорите мнѣ, осуждены Верховнымъ Судомъ, ихъ поразило законъ, и всѣ мы обязаны уважать его. Когда пробьетъ часъ амнистіи, не я, а Национальное Собраніе рѣшитъ участь ихъ.

Вечеромъ, въ концѣ обѣда, Президентъ, отвѣчая на рѣчь мѣра, благодарилъ его и весь городъ за оказанный ему прїемъ.

— На правительства, слѣдующія за революціями, сказалъ онъ, возлагается очень тяжолая обязанность: они должны угнетать, чтобы улучшать впоследствии, должны разрушать пагубныя заблужденія, и замѣнить языкомъ холоднаго разсудка беспорядочные возгласы страстей. Многія правительства утратили свою популярность въ этомъ великомъ и трудномъ предпріятіи, и когда я вижу, что имя мое сохранило вліяніе надъ массами, вліяніе, которымъ я одолженъ знаменитой главѣ моего семейства, я поздравляю съ этимъ не себя, но васъ, но Францію, но Европу. Цѣю за городъ Дижонъ!

Нѣсколько дней тому назадъ, станція сѣверной желѣзной дороги была загромождена ящиками, на которыхъ было написано одно и то же имя г. *Виллемессанъ*. Естественно было предполагать, что вся эта тяжелая поклажа принадлежитъ какому-нибудь купцу, ѣдущему съ Бокерской ярмарки или переселяющемуся въ Калифорнію; а между тѣмъ этотъ г. *Виллемессанъ* не кто иной, какъ бывший сотрудникъ орлеанистскаго журнала «Сильфида», перешедшій въ легитимистскій журналъ «Хроника»; онъ отпратился въ Висбаденъ, представится графу Шанбору. А вотъ каково происхожденіе его клади: г. *Виллемессанъ*, какъ редакторъ, былъ знакомъ со многими парижскими мастерами: брильянтщиками, часовщиками, шляпными и фарфоровыми обрикантами, переплетчиками, словомъ со всѣми заведеніями и мастерскими; намѣреваясь ѣхать въ Висбаденъ, онъ обошелъ своихъ пріятелей, и сказалъ имъ: если вы поручите мнѣ образчикъ вашихъ издѣлій, я поднесу его *Графу Шанбору*. Всѣ, разумѣется, согласились, и нагроутили г. *Виллемессана* своими произведеніями. Интересна будетъ сцена, когда путешественникъ начнетъ опораживать передъ Прин-

цель ащики, и передавать ему легитимистскія и социальныя щедроты парижской торговли».

21-го. Путешествіе Президента Республики продолжаетъ служить главнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ и журнальныхъ толковъ, и надо замѣтить, что эти толки довольно противорѣчащи: 19 августа говорили о прекрасной приѣмъ, сдѣланномъ Президенту въ Лионѣ, и о необыкновенно выгодномъ впечатлѣніи, произведенномъ произнесенной имъ рѣчью; журналы 20 числа утверждали уже, что приѣмъ, сдѣланный Президенту въ Лионѣ, былъ дѣйствительно смѣшаченъ, но далеко отъ энтузіазма, который ему сначала приписывали; журналы же отъ 21 августа рассказываютъ, что въ Безансонѣ, куда онъ отправился изъ Лиона, онъ былъ окруженъ, на данномъ въ честь его балѣ, толпою демагоговъ, противъ которыхъ защитилъ его генералъ *Кастелланъ*, вынужденный для этого обнажить свою шпагу. Говорили, что противъ Президента былъ составленъ заговоръ; этому заговору приписывали нѣсколько цѣлей, но самая вѣроятная изъ нихъ сдѣлать враждебную демонстрацію и болѣе ничего. Впрочемъ должно замѣтить, что рѣчь, произнесенная Президентомъ въ Лионѣ, въ которой онъ откровенно высказалъ свои мысли и убѣжденія, произвела вообще весьма выгодное впечатлѣніе, и на поступокъ Безансонскихъ демагоговъ должно смотрѣть, какъ на дѣйствіе отдѣльной части демагогической партіи, известной своимъ буйствомъ, какъ на дѣйствіе, которое, вслѣдствіе этого, не имѣетъ важнаго значенія и не относится ко всему населенію Безансона.

Президентъ рѣдко произноситъ свои рѣчи наяву, а болѣею частію читаетъ ихъ; это обстоятельство заставляетъ предполагать, что Президентъ, не утѣмаясь при произнесеніи рѣчи пыломъ импровизаціи, и заранѣе обдумывая каждое ея слово, произноситъ ее съ полнымъ сомнѣніемъ всего произносимаго, и тѣмъ самымъ придаетъ ей особенную важность и значеніе.

Второе мѣсто въ журнальныхъ толкахъ занимаетъ всесѣдвискій легитимистскій конгрессъ. Известно, что до снѣпоръ въ лагерѣ легитимистовъ существовало двѣ партіи; политика первой изъ нихъ, которою предводительствуетъ г. *Веррье*, основывается на выжиданіи, уступкахъ, сближеніи съ орлеанистами; политика второй, главнѣе дѣятель которой г. *Ларожаккленъ*, *Лео де Лаварде* и другіе, осно-

вана на совершенно противоположныхъ началахъ: эта партія желала бы дѣйствовать немедленно и рѣшительно. Теперь образовалась средняя партія, подъ предводительствомъ генерала *Сен-При*, старающаяся примирить между собой двѣ первыя; говорятъ, что принято окончательное рѣшеніе, всѣми силами противиться продолженію президентской власти Людовика Бонапарте, потому-что это продолженіе власти дастъ возможность Графу Парижскому (сыну Герцога Орлеанскаго и внуку Людовика Филиппа), достигнуть совершеннолѣтія, и тогда съ большою силою оспаривать права Герцога Бордосскаго. Висбаденскій конгрессъ очень беспокоитъ Президента Республики.

Газета *Le Renvoie* говоритъ, что 28 легитимистовъ, собравшихся у Графа *Шанбора*, послѣ трехъ часового совѣщанія положили:

1) Что легитимисты впредь должны оставить всякую мысль о примиреніи, слѣдовать во всемъ своему главному принципу, и составить особенную партію,

2) Что они должны всѣми силами противиться продолженію срока президентства, потому-что совершеннолѣтіе Графа Парижскаго можетъ повредить Герцогу Бордосскому.

3) Что г. *Беррае* остается главою партіи; ему должны подчиняться всѣ вѣрные легитимисты. При чемъ прямо высказано было неодобреніе дѣйствій *Gazette de France*, органа г. *Ларошжакяна*.

4) Что слитія линий еще нѣтъ на дѣлѣ, но что «если глава Орлеанскаго дома сдѣлаетъ къ тому одинъ шагъ, то Графъ *Шанборъ* сдѣлаетъ десять шаговъ». Это рѣшеніе принято единогласно, и утверждено графомъ *Шанборомъ*.

Renvoie сильно возстаетъ противъ 1 и 2 пункта, говоря, что они совершенно противны желанію, выраженному Франціей 10 декабря.

Evénement увѣряетъ, что въ нѣсколько дней полиція конфисковала болѣе 2,000 портретовъ Графа *Шанбора*.

22-го Былъ дуэль, на пистолетахъ, представителя *Шаста* съ бывшимъ членомъ Учредительнаго Собранія *Дюлонъ*. *Дюлонъ* убитъ; *Шаста* арестованъ.

23-го Министерскія газеты приводятъ слова страсбургскаго мера, сказанныя при выходѣ Президента Республики изъ вагона (21 августа, въ 3 часа).

«Господинъ Президентъ! попеченіе объ интересахъ и бла-

госостояніи нашей страны привело васъ въ вашъ городъ. Мы радуемся вашему посѣщенію. Въ гостепримствѣ, которое вы видите, господинъ Президентъ, залогъ нашего глубокаго уваженія къ нашимъ установленіямъ и къ первому сановнику республики».

Вотъ отвѣтъ Президента:

«Благодарю васъ, господинъ меръ, за сказанныя вами слова; я пріѣхалъ сюда не за тѣмъ, чтобы принимать пріѣтствія. Моя первая обязанность возстановить въ государствѣ порядокъ. При постоянствѣ и содѣйствіи добрыхъ гражданъ, мнѣ удастся утвердить его».

Президентъ прибавилъ, что онъ воспользуется пребываніемъ въ Страсбургѣ, чтобы изучить потребности и желанія этой вѣрной страны. За тѣмъ онъ сѣлъ на коня, для него приготовленнаго, и поѣхалъ на площадь, гдѣ стояли артиллерія національной гвардіи, пожарная команда и эскадронъ конной національной гвардіи. За тѣмъ поѣздъ проѣхалъ нѣсколько улицъ, по дорогѣ къ ратушѣ. По одной сторонѣ стояла національная гвардія, по другой—войска и публика, стоявшая за обѣими рядами, молчала. Когда при представленіи Президенту, передъ нимъ проходила Коммерческая-палата, одинъ изъ членовъ ея выразилъ Президенту надежду, что присутствіе его въ столицѣ Альзаса будетъ знакомъ освобожденія всѣхъ политическихъ заключенныхъ, принадлежащихъ къ ниже-рейнскому департаменту. Прииць отвѣчалъ ему:

«Если вы хотите, чтобы политическіе заключенные этого департамента внушили къ себѣ участіе, то постарайтесь, чтобы свободные жители его были благоразумнѣе, уважали бы порядокъ и законы; тогда я почту счастіемъ, если Государственный совѣтъ согласится на освобожденіе ихъ.»

Эти слова произвели счастливое впечатлѣніе. Официальныя газеты показываютъ, что по всей дорогѣ изъ Безансона въ Страсбургъ Президентъ былъ встрѣчаемъ съ живымъ энтузіазмомъ и восторженными криками: «да здравствуетъ Президентъ, да здравствуетъ Наполеонъ, и да здравствуетъ республика!» Замѣтили между прочимъ толпу, прозгласившую съ особеннымъ единствомъ здравіе республики, всякій разъ какъ предъ нею проходилъ новый отрядъ.

23-го. Былъ большой пріемъ ветерановъ временъ Имперіи; Президентъ, въ сопровожденіи министровъ, принималъ отъ

нить прошенія, и былъ съ ними очень ласковъ; адъютантъ его раздавалъ многимъ деньги, по его указанію.

Восклицанія: «да здравствуетъ Наполеонъ, да здравствуетъ Императоръ, да здравствуетъ спаситель Франціи!» раздавались ежеминутно. На такъ-называемомъ Многоугольни-кѣ былъ потомъ смотръ національной гвардіи и линей-ныхъ войскъ: они стояли лицомъ къ лицу. Въ 7 часовъ былъ въ Ратушѣ обѣдъ, данный здѣшними купцами и ма-нуфактуристами, по подпискѣ. Президентъ Коммерческой-па-латы провозгласилъ тостъ за здравіе Президента. Отвѣ-тилъ на это привѣтствіе, Президентъ сказалъ между про-чимъ:

До моего отъѣзда, меня старались отклонить отъ поѣзди-ки въ Ельзасъ. Мнѣ повторяли: «Васъ дурно примутъ тамъ. Эта страна, увлеченная иностранными эмиссарами, не знаетъ болѣе благородныхъ словъ чести и отечества, которыя на-зываютъ ваше имя, и отъ которыхъ въ продолженіе че-тырехъ лѣтъ трепетали сердца тамошнихъ жителей. Пора-бощенные людьми, употребляющими во зло ихъ довѣріе, и сами того не зная, Ельзасцы не хотятъ видѣть въ избранни-кѣ націи законнаго представителя всѣхъ правъ и интере-совъ». Но я сказалъ себѣ: «Я долженъ быть вездѣ, гдѣ нужно разрушить опасныя заблужденія и подкрѣпить до-брыхъ гражданъ. Старый Ельзасъ оклеветанъ. Въ этой странѣ славныхъ воспоминаній и патріотическихъ жертвъ, я найду, я въ этомъ увѣренъ, сердца, которыя поймутъ мое замеченіе и мою преданность государству (да, да!). Нѣсколь-ко мѣсяцевъ не могутъ сдѣлать изъ націи, глубоко проник-нутой прочными военными и домашними добродѣтелями, враговъ религіи, порядка и собственности (долгія рукопле-сканія)». Далѣе Президентъ указалъ, что со времени своего избранія онъ постоянно исполнялъ долгъ свой. «Если я востуналъ такъ, то это потому, что самый лестный титулъ, котораго я нищу, есть названіе честнаго человѣка. Я не знаю ничего выше долга».

24. Президентъ пріѣхалъ въ Мецъ, гдѣ народонаселеніе приняло его съ восторгомъ, говорить Bulletin de Paris..

Первое путешествіе Президента кончилось, и 29 числа онъ воротится въ Парижъ. Изъ Страсбурга онъ выѣхалъ въ Сарребургъ. Прощаніе его съ Страсбургомъ было холодно; въ Сарребургѣ напротивъ приѣмъ былъ блестящій; тоже можно сказать о Люневиллѣ и Нанси, которые Президентъ

посѣтилъ по выѣздѣ изъ Сарребурга. При всемъ томъ нельзя не замѣтить, что начало путешествія было гораздо благопріятнѣе для бонапартистовъ, чѣмъ конецъ; даже органы Елизе соглашаются съ тѣмъ, что въ последнее время большинство гражданъ встрѣчаетъ Президента холодно, а демократы напротивъ выражаются рѣзче, чѣмъ въ началѣ. Le Patrie объясняетъ холодность желаніемъ жителей ознакомиться съ Президентомъ, не высказывая пока никакого сужденія о немъ. Въ Нанси и Мецѣ между національною гвардіею и линейными войсками произошло то же разногласіе какое было въ Страсбургѣ. У первой главный крикъ былъ «республика», у вторыхъ «Наполеонъ». Нельзя, впрочемъ, принимать оба крика въ ихъ буквальномъ значеніи: первый означаетъ собственно не приверженность къ республикѣ, только оппозицію бонапартистамъ; второй — оппозицію республикѣ. Люди, провозглашающіе теперь республику; выражаютъ этимъ, что не хотятъ переворотовъ въ государствѣ, не хотятъ ни имперіи, ни пожизненнаго президентства ни даже продолженія законнаго срока на десять лѣтъ. Издается, это понято министерскими газетами; потому-что онѣ измѣнили съ нѣкотораго времени свое направленіе. В Мецѣ при представленіи Президенту, нѣкоторыя особы, поднявъ руки, воскликнули «да здравствуетъ республика, только республика!» другіе отвѣчали на это: «да здравствуетъ Наполеонъ!» Президентъ остановилъ тѣхъ и другихъ с кладнокровіемъ и достоинствомъ:

— Потрудитесь замолчать, господа, сказалъ онъ. Неприятно дѣлать восклицанія при представленіи начальникамъ между-тѣмъ многіе изъ васъ закричали: «да здравствуетъ республика!» нѣкоторые отвѣчали на это другимъ крикомъ. Если вы хотите этихъ давать мнѣ совѣты, то я въ нихъ нуждаюсь,—поступки мои говорятъ довольно громко; если это уроки, то я ихъ ни отъ кого не принимаю.

Дурное впечатлѣніе, которое произвели на Президента жители Меца, было нѣсколько изглажено пріемомъ въ Шлонъ-на-Марнѣ.

28-го. Въ газетѣ Evénement напечатано: «Извѣстно, что король Людовикъ-Филиппъ требовалъ отъ республики муз Стандиншъ, какъ своей частной собственности, и что вслѣдствіе этого требованія начался процессъ; вопросъ былъ переданъ на рѣшеніе Государственнаго-совѣта, который рѣшилъ дѣло въ пользу Людовика-Филиппа. Клермонскій

государствѣ отвѣчать на это справедливое рѣшеніе поступившаго, полнымъ благородства. Государственный-совѣтъ возвратилъ драгоценный музей Людовику-Филиппу. Людовикъ-Филиппъ подарилъ его государству. Мы записываемъ этотъ фактъ, служащій къ чести бывшаго Короля Французовъ».

Людовикъ-Наполеонъ велѣлъ увеличить ко времени своего возвращенія число служащихъ въ Елизе. До-сихъ-порѣ на поѣздку его израсходовано болѣе 400,000 фр.

Газетѣ «Ogdre» пишутъ изъ Висбадена слѣдующее; «Въ прошломъ году, въ Елизе, поведеніе г. Ларошжаклена возбуждало неудовольствіе Графа Шанбора. Въ этомъ году г. Ларошжакленъ, въ которомъ преданность монархіи не исключаетъ нѣсколько республиканской откровенности, и который знаетъ себѣ цѣну, захотѣлъ играть первую роль. Съ прибытіемъ Принца онъ отдаленъ былъ на второй планъ. Въ Елизе Дюрингеръ наняты были комнаты, по приказанію Графа Шанбора, для г. Беррье, и нѣкоторыхъ другихъ значительныхъ легитимистовъ. Г. Ларошжакленъ былъ забытъ. Онъ хотѣлъ потомъ, не узнавъ предварительно мнѣніе Графа Шанбора, начать совѣщаніе о политикѣ, которой должны слѣдовать легитимисты. Ему дали понять, что онъ слишкомъ нетерпѣливъ. Наконецъ онъ не былъ избранъ въ число членовъ Совѣта, составленнаго Графомъ Шанборомъ для рассмотрѣнія настоящаго положенія дѣлъ. Совѣтъ состоялъ изъ гг. Беррье, генерала Сен-При, Ватеменилл, Бенуа д'Ази и герцога Ноальскаго. Г. Ларошжакленъ былъ глубоко огорченъ этимъ, выразилъ публично свое неудовольствіе, и выѣхалъ изъ Висбадена. Графъ Шанборъ сказалъ послѣ того нѣсколькимъ близкимъ къ нему лицамъ:

— Жалью г. Ларошжаклена, что онъ такъ уѣхалъ.

30-го. Вечеромъ 29 ч. Президентъ Республики выѣхалъ изъ Еперне, и въ 8 часовъ былъ въ Парижѣ; на станціи ожидали его министры внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія и генералъ Шангарнье. Общество десятаго декабря хотѣло было прежде образовать при этомъ чрезвычайно громкую демонстрацію, но потомъ измѣнило намѣреніе, узнавъ, что демагоги приготовились отвѣчать ему. Въ толпахъ народа замѣтно было нѣсколько кружковъ въ сильномъ волненіи, которое продолжалось и послѣ въѣзда Президента въ Елизе. Впрочемъ порядокъ не былъ нарушенъ.

Президентъ Республики выразилъ глубокое сожалѣніе о кончинѣ Людовика-Филиппа, и вспоминая блестящее тожество по случаю перенесенія праха Наполеона въ Парижъ хотѣлъ предложить орлеанскимъ принцамъ погребсти тѣ покойнаго въ Дрѣ; многіе полагаютъ, что законъ объ этомъ примѣняется и къ мертвымъ; другіе напротивъ указываютъ на примѣръ 1840 года, когда г. *Тьеръ* опровергнулъ подобныя выраженія противъ погребенія Наполеона.

Г. *Ламартинъ* избранъ единогласно президентомъ съѣзда въ департаментѣ Соны и Лоары.

Ш в е ц я .

Стокгольмъ. Одинъ рыбакъ нашелъ у гавани Сканёръ кусокъ янтаря вѣсомъ въ шесть съ половиною фунтовъ, продалъ его за 430 рейхсталеровъ купцу, который успѣлъ перепродать эту находку въ столицѣ за 750 рейхсталеровъ одному брильянтщику. До-сихъ-поръ еще не случалось находить янтарь въ такой большой глыбѣ.

Б е л ѣ г і я .

Брюссель 19-го августа. Вся нижняя часть города былъ третьяго-дня затоплена наводненіемъ; каналы, переполненные водою, отъ проливныхъ дождей, выступили изъ береговъ. Отъ полудня до полуночи, вода постоянно прибывала и на нѣкоторыхъ улицахъ достигла высоты отъ 5 до 6 футовъ; только вчера, съ четырехъ часовъ пополудни, вода начала убывать, и упала въ полдень до полутора фута. Вредъ причиненный наводненіемъ, очень значителенъ; много людей потонуло. Въ окрестностяхъ города вода также произвела большія опустошенія; множество скота погибло, и сообщеніе на желѣзныхъ дорогахъ прервано въ разныхъ мѣстахъ. На южной желѣзной дорогѣ, рельсы затоплены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на три фута; парижскій поѣздъ долженъ былъ остановиться, и только съ трудомъ могли доставить въ Брюссель почту и депеши. Вчера вечеромъ опять шелъ сильный дождь; но сегодня погода прояснилась, и вода скоро убываетъ.

И Т А Л И Я.

Сардинія. Туринъ 28-го июля. Вчерашнею ночью отправилось 4 отряда въ Супергу, гдѣ была церемонія въ воспоминаніе о Карлѣ-Альбертѣ. Обѣдня была совершена аббатомъ *Камперони*, президентомъ эмиграціоннаго комитета; эмигранты прислали къ этому дню многихъ депутатовъ. Подобное торжество было и въ туринскомъ соборѣ. Флорентинскія газеты *Nazionale* и *Constitutionale* появились съ черной рамкой.

1-го августа. Въ началѣ нынѣшняго года Сардинскій Король поручилъ особой комиссіи ученыхъ представить статистику кретинизма въ Сардинскихъ-Штатахъ, и изслѣдовать его причины. Комиссія окончила свой трудъ, и представила любопытныя подробности объ этой непостижимой болѣзни, бросающей печальную тѣнь на прекрасныя долины Верхнихъ-Альповъ. Сардинскіе ученые свидѣтельствуютъ, что кретинизмъ почти всегда соединенъ съ недостаточнымъ развитіемъ черепа, отсутствіемъ силы мускуловъ и нравственною тупостью. Наблюденія надъ трупными вѣдоторыхъ кретиновъ доказали, что у этихъ бѣдныхъ существъ гораздо менѣе мозгу, нежели у прочихъ людей. Комиссія полагаетъ, что зобы не составляютъ необходимой принадлежности кретинизма, и подтверждаетъ это народоисчисленіемъ альпійскихъ долинъ Пиемонта. Несчастныя созданія, какъ будто чувствуя, что они производятъ тягостное впечатлѣніе на другихъ, выбираютъ для себя мѣста самыя мрачныя, прячутся въ разсѣлинахъ утесовъ и около болотъ, окруженныхъ деревьями. Для нихъ довольно самаго дикаго убѣжища; они неспособны чувствовать, и вмѣсто разсудка надѣлены слабою степенью инстинкта. На 2,650,905 человекъ, составляющихъ народонаселеніе Сардиніи, 5,073 кретина съ зобами, и 2,014 кретиновъ безъ зобовъ. Изъ этихъ несчастныхъ 2,165 не имѣютъ никакихъ душевныхъ способностей, 3,518 кое-какъ говорятъ, но разумъ ихъ ограничивается только тѣлесными потребностями; наконецъ 1,114 нѣсколько совершеннѣе въ нравственномъ и тѣлесномъ отношеніи, и при большомъ трудѣ даже можно считать ихъ ремеслу. До-сихъ-поръ, думали согласно съ мнѣніемъ Соссюра, что кретинизмъ не встрѣчается въ мѣстѣхъ, возвышающихся на 1,000 метровъ надъ уровнемъ моря; но нынѣ это опровергнуто сардинскою комиссіей, ко-

торая наша, что на высотѣ 1,600 метровъ зобастые кротины составляютъ 9 процентовъ народонаселенія.

7-го. Умеръ министръ торговли *Санта Роза*; духовство отказало ему въ причащеніи за то, что онъ не хотѣлъ отрѣшиться отъ мѣста одного чиновника. Сегодня около 21 чедовѣкъ ворвались въ монастырь, и требовали выдачи священника, призваннаго къ покойнику.

8-го. Разрывъ между адъшнимъ правительствомъ и папскимъ дворомъ обозначился между прочимъ тѣмъ, что, противъ обыкновенія, Папѣ въ этомъ году не была послана золотая чаша, какъ это всегда дѣлалось. Духовенство открыло подписку для поднесенія золотой чаши архіерископу *Францони*: это новая демонстрація противъ закона *Саккарди Г. д'Азелца* готовить отвѣтъ римскому двору на его посланію ноту относительно суда надъ духовными лицами.

10-го. Братья служители (*Servites*), которымъ отвѣда была церковь св. Карла, уже прежде, при недавней отставкѣ министра *Санта-Роза*, хотѣли его заставить отказаться отъ участія въ законѣ относительно отчужденія церковныхъ имѣній; теперь они снова повторили это, и *Санта-Роза*, не согласившись на ихъ требованіе, долженъ былъ умереть не исполнивъ христіанскаго долга. Это обстоятельство, а равно и прежнее поведеніе прелата, при доносѣ правительству, что онъ руководствуется не однимъ религіознымъ принципомъ, Министръ *Санта-Роза* не хотѣлъ быть поводомъ къ новому столкновенію его съ кабинетомъ, и только послѣ его смерти узнали, что онъ былъ лишенъ причащенія. Это было тѣмъ болѣе важно, что еще недавно монашноръ *Францони* предписалъ священникамъ разлучать всѣхъ, которые считаютъ себя виновными за содѣяніе новому закону; между-тѣмъ только это и могло дать поводъ къ поведенію служителей въ отношеніи къ *Санта-Роза*, не смотря на противодѣйствіе духовника университета профессора д-ра *Гирингелли*, Правительство, опасаясь дальнѣйшихъ послѣдствій упорства министра *Францони*, и не желая по возможности, стѣснять свободу, просило его сложить съ себя званіе; онъ отказался, правительство должно было принять болѣе рѣшительныя мѣры. Что же касается сервитовъ, то, такъ какъ поведеніе ихъ было не самовольное, они удачены, со всѣми возможными предосторожностями, въ другіе монастыри ихъ ор-

11-го. Спеціальныя газеты продолжаютъ заниматься

деи монсеньора *Францони*. Одна изъ нихъ говоритъ, что, вѣроятно, римское правительство въ своемъ спорѣ съ Сардиніею надѣется на постороннюю помощь; значительные люди духовной партіи рассчитываютъ на содѣйствіе, не только Австріи, но и Франціи, благодаря неусыпнымъ стараніямъ г. *Монмаламбера* и товарищей. Въ предыдущей нотѣ, по дѣлу монсеньора *Варезина*, кардиналъ *Антонелли* сказалъ, что римское правительство употребить всѣ зависящія отъ него средства, чтобы восторжествовать надъ сардинскимъ королевствомъ, если оно будетъ продолжать преслѣдованіе духовныхъ лицъ. «Государство, говоритъ *Gazetta* въ заключеніе, которое на столько право, какъ Сардинія, во всякое время найдетъ себѣ защитниковъ и союзниковъ. Голосъ Англіи очень важенъ, а она объявила себя на сторонѣ Сардиніи еще недавно, также какъ и при прежнихъ обстоятельствахъ».

14-го. Отпѣваніе тѣла г. *Санта-Роза* совершенно было сервитами, не-смотря на запрещеніе монсеньора *Францони*. Вообще прелату не удалось увлечь за собою все духовенство; конечно большая часть членовъ держатся его стороны, но нѣкоторые гласно порицаютъ поведеніе его. Многіе достойные священники сожалеютъ о раздорѣ, возникшемъ между духовенствомъ и правительствомъ.

Вслѣдствіе обыска, сдѣланнаго у доминиканцевъ, взяты надъ арестъ многія духовныя и частныя лица. Результаты обыска, произведеннаго въ генуезскомъ монастырѣ сервитовъ, еще неизвѣстны. Въ Туринѣ многимъ горячимъ приверженцамъ монсеньора *Францони* запрещено проповѣдывать въ будущее воскресенье. Монсеньоръ *Францони* содержится подъ строгимъ арестомъ; только въ присутствіи карабинера (жандарма) позволяется ему говорить съ однимъ духовнымъ лицомъ и собственнымъ секретаремъ.

Г. *Б. Джіованни*, редакторъ газеты «*Opinione*» выѣхалъ изъ Турина, по секретному требованію Австріи. Онъ намѣренъ отправиться въ Лондонъ, и съ англійскимъ паспортомъ возвратиться назадъ; онъ остается редакторомъ *Opinione*.

Г. *д'Азеліо* порицалъ несговорчивость г. *Сиккарди*. Видя, что разрывъ съ Римомъ будетъ имѣть вредное вліяніе на спокойствіе въ Пиемонтѣ, онъ очень желалъ посредничества Франціи; онъ согласенъ на уступки монсеньору *Францони* и сервитамъ, если Пана согласится на утвержденіе закона *Сиккарди*.

Римъ. Здѣсь былъ великолѣпный праздникъ въ воспоминаніе объ Игнатіи Лойлѣ, основателѣ ордена Іезуитовъ.

29-го *юля.* Генералъ *Жемо* отдалъ приказъ, чтобы всѣ французскіе офицеры, будутъ ли они въ военномъ или партикулярномъ платьѣ, преклоняли колѣна передъ Папою вездѣ, гдѣ только они встрѣтятъ Его Святѣйшество.

Сицилія. 24 *юля.*—Генерал-прокуроръ *Шинелли* осудилъ на смерть 56 лицъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ сицилійскомъ возстаніи.

25-го. Здѣсь снова арестовано много лицъ. По улицамъ ходили вчера патрули; въ разныхъ мѣстахъ полуострова разставлены обсервационные лагеря; изъ Неаполя постоянно приходятъ новыя подкрѣпленія.

Модена. По декрету 24 *юля* іезуиты опять допущены сюда; имъ возвращены имѣнія, и даже дано позволеніе открыть съ 1-го ноября школы въ Моденѣ, Реджіо и Массѣ.

Г р е ц і я .

Афины, 30 *юля.* Прибылъ сюда г. *Ламартинъ*; онъ тотчасъ же отправился въ Марсель.

13 *августа.* Въ рѣчи, которою, въ засѣданіи 9 *августа,* закрыты были Палата Депутатовъ и Сенатъ, Король указалъ на утвержденіе бюджета 1851 года и установленіе самостоятельности Греческой Церкви и возобновленіе сношеній съ Вселенской Константинопольскою Церковью: двѣ мѣры, обезпечивающія спокойствіе государства. Въ заключеніе онъ уломянулъ о своемъ отъѣздѣ, и объ учрежденіи правительства, подъ предсѣдательствомъ Королевы. Королева въ этомъ же засѣданіи дала присягу, при восторженныхъ крикахъ присутствующихъ.

Ш в е й ц а р і я .

Въ имѣніи г. *Виттембахъ*, неподалеку отъ Берна, цвѣтеть пшеница, сѣмяна которой найдены въ Каирѣ (въ Египтѣ), въ гробницѣ муміи. Эти немногія зерна хлѣба, которымъ, быть-можетъ, уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, дали ростки, сверхъ всякаго ожиданія, и до того размножились, что изъ одного зерна вышло на полѣ растеніе, имѣющее около сорока стеблей, вышиною въ человѣчeskій ростъ и толщиной въ стволъ гусиного пера. Колосья имѣ-

ить въ длину отъ 4 до 5 дюймовъ, тогдашнюю въ дюймъ, и содержать въ себѣ каждый по меньшей мѣрѣ, зеренъ 100, такъ, что изъ одного сѣмени родится 4,000 зеренъ. Такая растительная сила не заставляетъ ли предполагать, что хлебъ выродился со времени древнихъ Египтянъ?

Бернъ, 4-го. Генераль *Лагитта* отправилъ къ швейцарскому правительству ноту, въ которой объявилъ, что Франція беретъ подъ свое покровительство монаховъ горы Св. Бернарда.

Базель, 3-го. Въ послѣднее время дождь шелъ такъ часто, что рѣки и озера выстудили изъ береговъ и затопили окрестность; на желѣзной дорогѣ изъ Базеля въ Фрибургъ даже затопленъ мостъ и сообщеніе прекращено. Между Ефрингеномъ и Кирхеномъ, въ почтовой каретѣ, потонула жена одного аптекаря съ сыномъ; почтальонъ спасся только тѣмъ, что схватился за сундучокъ, а потомъ добрался до нвы.

Лозанна, 3-го. Въ собраніи Верховнаго Совѣта, г. *Ейшель*, который было упалъ духомъ вслѣдствіе неудачи своей партіи на послѣднихъ выборахъ, предложилъ уменьшить число членовъ Верховнаго и Государственнаго Совѣтовъ, и число мирныхъ судовъ въ кантонахъ; онъ требовалъ также, чтобы впредь чиновники избираемы были народомъ. Докладчикъ Комиссіи, которой поручено разсмотрѣть предложеніе г. *Ейшеля*, объявилъ, что она окончитъ свои занятія только къ октябрю.

Бернъ, 10-го. Въ Базелѣ, Бернѣ, Люцернѣ, Цюрихѣ, Шафгаузенѣ и Альторфѣ продолжаютъ вербовать, въ большомъ количествѣ, охотниковъ для неаполитанской службы. Они выбираютъ преимущественно изъ Швейцарцевъ и Нѣмцевъ. Австрійцы и Французы не допускаются вербовщиками.

Женева. Братъ *Амедеа Фамі*, Президента Союза, купилъ старинный замокъ Вольтера, *les Délices*, который почти совершенно развалился и уже никуда не годится, какъ «Философскій Словарь» его основателя. Братья *Физи* намѣрены сдѣлать изъ этого замка богадельню для престарѣлыхъ, и предложили Женевскому кантону купить у нихъ эту собственность за 160,000 фр., тогда-какъ замокъ надо сломать до основанія, чтобы извлечь какую-нибудь пользу изъ его обломковъ. Большой-Совѣтъ позволилъ себѣ отказаться отъ этой невѣроятной услужливости.

Бернъ, 21-го. Послѣ долгихъ преній за и противъ, Совѣтъ Союза рѣшилъ не высылать на швейцарскую границу депутаціи къ Президенту Французской Республики.

«Федеральная газета» сообщаетъ за вѣрное, что Президентъ, г. *Дрюдъ*, предложилъ Совѣту Союза пригласить кантоны: во 1-хъ, требовать обезпеченія, матеріальнаго или же личнаго, отъ бѣглецовъ, которые пожелаютъ продлить свое пребываніе въ Швейцаріи, если не окажется къ тому никакихъ препятствій, и во-2-хъ, сдѣлать все зависящія отъ правительства кантоновъ распоряженія, чтобы бѣглецы удалились изъ Швейцаріи, или въ свое отечество, или въ другія государства.

Совѣтъ Союза утвердилъ, 12-го августа, рѣшеніе относительно политическихъ бѣглецовъ. Главныя статьи этого рѣшенія слѣдующія:

- 1) Съ 20-го августа бѣглецы будутъ снова водворены по кантонамъ, смотря по ихъ народонаселенію.
- 2) Особый чиновникъ удостовѣрится о состояніи каждаго изъ переселенцевъ.
- 3) Семейства бѣглецовъ будутъ подчинены полицейскимъ законамъ кантоновъ.
- 4) Кантоны обязаны въ продолженіе четырехъ недѣль сообщить Совѣту Союза о бѣглецахъ, которые жили въ нихъ безъ положительнаго на то позволенія.
- 5) Начиная съ 1-го сентября, Союзъ прекращаетъ выдачу пособій бѣглецамъ.
- 6) Бѣглецы, способные работать и невмѣющіе средствъ, получать работу. Работники лѣнивые и дурнаго поведенія могутъ быть лишены права на убѣжище.
- 7) На это требуется разрѣшеніе Совѣта Союза.
- 8) Кантоны обязаны внимательно слѣдить за бѣглецами.
- 9) Итальянскіе бѣглецы, находящіеся въ Тессинскомъ кантонѣ, останутся на этой территоріи.

Рѣшенія сіи относятся только къ бѣглецамъ, скрывающимся въ Швейцаріи вслѣдствіе политическихъ событій прошлаго года; тѣ-же, которые могутъ прибыть сюда впоследствии, будутъ подчинены распоряженіемъ кантоновъ.

Т у р ц и я.

4-го августа. *Ниша*: «Едва *Омер-паша* съ пятью батальонами пѣхоты, однимъ кавалерійскимъ полкомъ и

шестью орудіями вступилъ въ здѣшній городъ, какъ тотчасъ согласился съ сербскими начальствами защищать границы ихъ Княжества отъ вторженія мятежныхъ Булгаръ. Въ то же время, онъ отправилъ къ симъ послѣднимъ энергическое увѣщаніе, напоминалъ имъ о чувствѣ долга, и приглашалъ ихъ питать довѣріе къ установленнымъ властямъ, которыя будутъ исполнять свою должность согласно съ великодушными желаніями Монарха. Въ этомъ духѣ отданы строжайшія и самыя ясныя приказанія войскамъ и начальствамъ; кротость и осмотрительность вмѣнены имъ въ обязанность, и предписано употреблять строгость только противъ тѣхъ, которые будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ. Копія съ этихъ приказаній сообщена виддинскому губернатору, *Циа-паша*. При такой осторожности *Омер-паша*, булгарскіе безпорядки можно считать теперь совершенно оконченными. Въ Албаніи, именно въ округѣ Куршимли, также обнаружилось волненіе. *Омер-паша* приказалъ заключить только тѣхъ, которыхъ вина доказана несомнѣннымъ образомъ. Войска идутъ въ величайшемъ порядкѣ, и платятъ чистыми деньгами за весь провіантъ и съѣстные припасы. По приказанію *Омера-паша*, въ Ени-Базарѣ остается *Ибрагим-паша* съ восьмью батальонами и шестью орудіями. Осман-ага 3-го пѣхотнаго корпуса поѣхалъ сегодня въ Константинополь, съ извѣстіемъ, что всякое противозаконное движеніе въ Босніи, Булгаріи и Албаніи совершенно прекратилось.

Бейрутъ, 23-го іюля. Турецкое правительство отказывается отъ намѣренія произвести въ Сиріи рекрутскій наборъ, чтобы не дать повода къ безпорядкамъ.

Австрійскому генеральному консулу г. *Гедделю* удалось наконецъ освободить 36 австрійскихъ работниковъ, которыхъ силою заставили вступить въ военную службу. Говорятъ, что ихъ насильно хотѣли обратить въ магометанство. Одному изъ нихъ удалось бѣжать, и извѣстить о судьбѣ своихъ товарищей вице-консула въ Дамаскѣ, который съ своей стороны далъ знать о томъ генеральному-консулу.

Константинополь, съ 9 по 12 августа н. ст. происходила здѣсь, съ обычною торжественностью, празднества байрама. Въ первый день байрама, Султанъ выѣзжалъ съ пышнымъ поѣздомъ въ мечеть Султана Ахмета, а потомъ въ Топ-Канусскомъ дворцѣ принималъ поздравленія высшихъ сановниковъ. Во-второй день байрама скончалась

здѣсь, на 27 году своей жизни, ѣстра Е. В. Султана, Султанша *Аміе*, супруга фельдцейхмейстера *Ахмета-Фетишаши*. Похороны ея совершены съ большою пышностію; и тѣло ея предано землѣ въ тюребеке или мавзолеѣ отца ея, Султана Махмуда. Послѣ нея остались двѣ малолѣтныя дочери.

Подробности о положеніи дѣлъ въ Болгаріи: смѣшанная коммиссія, учрежденная Портою для усмиренія болгарскаго возстанія, кончила свои занятія; турецкое правительство согласно измѣнить земское управленіе Болгаріи, и учредить въ этой странѣ князя-правителя, по выбору націи. Въ отличіе отъ Сербіи, которая управляется собственными законами, управленіе Болгаріи основывается на турецкихъ законахъ; но это нисколько не стѣсняетъ правъ страны. Когда заключеніе коммиссіи было представлено на утвержденіе Дивана, то въ болгарскіе лагеря были посланы инженерторскіе коммиссары, которые должны были сообщить Болгарамъ рѣшеніе своего правительства, и потребовать отъ нихъ, чтобы они разошлись по домамъ. Сербское правительство съ своей стороны старалось увѣрить Болгаръ, что обѣщанія Порты будутъ исполнены. Болгары дѣйствительно начали расходиться, но тогда Турки, озлобленные давними имъ правами, стали нападать на нихъ изъ засадъ, и умертвили около 1,400 чел.; послѣ того сожгли и разрушили они нѣсколько сосѣднихъ деревень. Болгары снова собрались въ лагеря, и объявили, что хотятъ не уступокъ, а войны. Сербское правительство явилось опять ходатаемъ ихъ передъ Портою, которую просило возстановить порядокъ между Турками, живущими въ Болгаріи.

А М Е Р И К А .

Нью-Йоркъ, 17-го іюля. Покойный Президентъ *Телоръ* родился въ 1786 году, 24 ноября, въ Штатѣ Виргиніи, въ Оранжевомъ Графствѣ. Когда ему было нѣсколько мѣсяцевъ, отецъ его, отличившійся во-время войны за независимость, переселился въ Кентукки, гдѣ за 10 лѣтъ до того времени не появлялся еще Европейецъ; полковникъ *Телоръ* переселился туда тогда, когда нужно было ежеминутно опасаться нападеній Индійцевъ, и хищныхъ звѣрей. Такая жизнь приучила сына его къ полезной, но строгой дисциплинѣ. Но привычка къ опасности развила въ молодомъ Заха-

рѣ распорядительность, спокойствіе и храбрость. Онъ по-
мгалъ отцу въ полевыхъ работахъ и на охотѣ; онъ дол-
женъ былъ переносить всѣ перемѣны погоды, и жизнь
зналъ суровую, но за то организмъ его образовался пре-
восходно, и это помогало ему впоследствии. Зимой хо-
дилъ онъ въ училище, какъ бы далеко ни было оно отъ
дома; въ это время означились въ немъ замѣчательныя во-
енныя способности. Однажды близъ училища убитъ былъ
Индеецъ въ англійскомъ мундирѣ; одинъ изъ старшихъ уче-
никовъ застрѣлилъ въ ближайшемъ лѣсу, одного за другимъ,
4 Индійцевъ. Его звали *Утселемъ*; онъ былъ учителемъ
Телора въ военномъ дѣлѣ. Когда на западѣ появился
Аронъ Буррсъ, молодой *Телоръ* записался въ число защит-
никовъ нераздѣльности Штатовъ, и по восстановленіи спо-
койствія возвратился къ своимъ занятіямъ. По смерти стар-
шаго брата, назначенъ онъ былъ на его мѣсто, Президен-
томъ *Джефферсономъ*, благодаря ходатайству родственника
своего, *Джемса Мадисона*, поручикомъ въ армію. Это было
3 мая 1848. *Телоръ* тотчасъ же имѣлъ случай стать гру-
дью за отечество: защита форта Гаррисона отъ многочис-
леннаго непріятеля избавила отъ разоренія всю границу.
Этимъ подвигомъ началась его слава, постоянно возраста-
вшая въ продолженіе 40 лѣтъ службы; походъ въ Мексику,
результатомъ котораго было приобрѣтеніе Калифорніи, до-
ставилъ *Телору* всемірную извѣстность. Соотечественники
съ гордостію указываютъ на многіе моменты его жизни;
мы уже говорили о защитѣ полуукрѣпленнаго форта Гар-
рисона, во время войны съ Англичанами; упомянемъ еще
о войнѣ съ Индійцами на Сѣверо-Западѣ, о побѣдахъ его
во Флоридской-войнѣ, о взятіи укрѣпленнаго города Мон-
терей, наконецъ о побѣдѣ, одержанной имъ надъ 25,000
человѣкъ Мексиканцевъ, тогда какъ у него было только
4,000 волонтеровъ, никогда еще невиданныхъ сраженія, и
500 челов. правильнаго войска. Во всѣхъ войнахъ оказы-
валъ онъ отеческую заботливость о солдатахъ; готовый при
первой необходимости броситься въ опасность, онъ всегда
искалъ мира, какъ лучшей награды за свои подвиги. Раз-
сказываютъ много анекдотовъ, въ которыхъ выражается
его храбрость и эксцентрической характеръ; замѣчательнъ
въ этомъ отношеніи портретъ его, написанный въ то время:
*«Телоръ, говоритъ повѣствователь, ростомъ 5 футовъ 10
дюймовъ; замѣчательна короткость его ногъ въ сравненіи съ*

величиною туловища, это даетъ ему, подобно гомерическому Улиссу, видъ притиснутый, сильный, но невзрачный. Крѣпко сидитъ онъ, въ простой оливковой солдатской шинели, на своемъ ворономъ конѣ, и изъ-подъ его мекканской, съ широкими полями, шляпы блеститъ взглядъ соколиный; каждое движеніе лица его выражаетъ откровенную или спокойную рѣшимость». Какъ примѣръ его спокойствія рассказываютъ, что въ сраженіи при Резасѣ-де-палма врубился онъ въ средину непріятелей; полковникъ К. угваривалъ его отъѣхать назадъ.

— Дайте намъ подѣхатъ ближе, пули будутъ падать тогда за нами, отвѣчалъ *Телоръ*.

Ночью предъ сраженіемъ у Буена-Висте, Генералъ собралъ военный совѣтъ; нѣкоторые офицеры не хотѣли сраженія, и предлагали отступить или подождать подирѣлений.

— Готовы ли вы всѣ, господа? спросилъ генералъ. Болѣе говорить было некому. «Ну, такъ я прекращаю засѣданіе до завтрашняго сраженія.

— Хорошо! былъ общій отвѣтъ.

Сраженіе было выиграно. Вообще лаконическія выраженія были свойственны генералу *Телору*. По возвращеніи изъ мекканской войны, онъ былъ предложенъ кандидатомъ въ президенты. Когда онъ на это согласился, его прямой характеръ приобрѣлъ ему много приверженцевъ. Противниками его были генералъ *Кассъ* и г. *Фан-Буренъ* или собственно только первый. Въ ноябрѣ 1848 собраны были голоса: генералъ *Телоръ* получилъ 163, генералъ *Кассъ* 127, г. *Фан-Буренъ* 36. Управление его было разумно и предусмотрительно, и смерть его оплакивается всѣми партіями.

— Хотя мое призваніе—войска, но по совѣсти я чело-вѣкъ мира, сказалъ онъ, вступая въ должность.

Онъ погребенъ 13 числа въ Вашингтонѣ. Въ Капитоліи поставятъ ему памятникъ.

Преемникъ его, г. *Миллард-Фильморъ* родился 7 января 1800 г. Отецъ его—нью-іоркскій фермеръ. Онъ не могъ получить блестящаго образованія, и поступилъ въ Лиримтонъ на суконную фабрику. На 19 году познакомился онъ съ судьей *Вудомъ*, который угадалъ его способности. Тогда молодой *Фильморъ* поступилъ къ нему въ писцы, и сдѣлался скоро ловкимъ адвокатомъ и землемѣромъ. Въ 1822 по-

лучше онъ въ графствѣ Ери очень важное мѣсто; до того времени онъ давалъ уроки. Въ 1829 избранъ онъ представителемъ графства въ нью-іоркской палатѣ, и скоро приобрѣлъ большой авторитетъ. Въ 1832 г. прибылъ онъ на конгрессъ, гдѣ тоже сталъ на первомъ планѣ; онъ участвовалъ въ самыхъ важныхъ комиссіяхъ: финансовой и избирательной. Въ 1841, былъ онъ кандидатомъ виговъ на мѣстѣ нью-іоркскаго губернатора, но не былъ избранъ.

Г. *Фильморъ*, по всеобщему признанію, превосходитъ своего предѣшника государственными способностями; неизвѣстно еще, чью приметъ онъ сторону. Боятся, чтобы онъ не возвысилъ пошлинъ, а съ другой стороны думаютъ, что онъ, какъ другъ *Клая*, поддержитъ билль его о невольничествѣ. Составленная въ Америкѣ біографія выставляетъ его какъ человѣка прямодушнаго, твердаго и способнаго.

Новый кабинетъ, подъ предѣдательствомъ г. *Фильмора*, заключаетъ въ себѣ людей даровитыхъ, и составленъ изъ слѣдующихъ.

Г. *Фильморъ*, Президентъ Соединенныхъ-Штатовъ, принадлежитъ сѣверному штату (Нью-Іорку). Онъ старался уловить составъ кабинета, выбравъ трехъ министровъ изъ сѣверныхъ штатовъ и четырехъ изъ южныхъ. Къ первымъ принадлежатъ г. *Уебстеръ*, *Корвинъ* и *Далль*; ко вторымъ: г. *Пирсъ*, *Бетсъ*, *Гремъ* и *Криттенденъ*. Почти всѣ эти министры уже занимали важныя должности.

Г. *Уебстеръ* былъ статс-секретаремъ при генералѣ *Гаррисонѣ* и *Телорѣ*. По выходѣ въ отставку, онъ былъ выбранъ Массачуссетомъ въ сенаторы Соединенныхъ-Штатовъ, и занималъ этотъ постъ по настоящее время.

Г. *Корвинъ*, изъ Охіо, былъ вигскимъ кандидатомъ для должности губернатора этого штата, и выбранъ въ члены сената Соединенныхъ-Штатовъ. Онъ рѣшительно объявилъ себя противъ невольничества, и долгое время былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ ораторовъ западныхъ штатовъ.

Г. *Пирсъ*, изъ Мариланда, знаменитый вигъ этого штата, былъ выбранъ, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, Мариландомъ въ сенатъ Соединенныхъ-Штатовъ, для занятія мѣста, оставшагося вакантнымъ послѣ *Джонсона*, бывшаго генерал-прокуроромъ при генералѣ *Телорѣ*. Это человѣкъ очень опытный. Извѣстно, что онъ отказался отъ званія статс-секретаря внутреннихъ дѣлъ.

Г. *Бетсъ*, изъ Миссури, секретарь военнаго министерства,

отличный членъ суда Сен-Луи, пользуется большою популярностью; человекъ чрезвычайно-честный, и принадлежитъ въ крайней-охранительной партіи.

Г. *Гремъ*, изъ Сѣверной-Каролины, былъ прежде губернаторомъ этого штата, и дѣятельнымъ вигомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Человекъ съ сильнымъ характеромъ и большими способностями.

Г. *Галль*, изъ Нью-Йорка, главный почт-директоръ, былъ нѣсколько лѣтъ товарищемъ Президента Соединенныхъ Штатовъ, *Фильмора*, и членомъ конгресса. Человекъ большими способностями. Онъ былъ судьейю.

Г. *Криттендентъ*, изъ Кентуки, одинъ изъ лучшихъ друзей генерала *Телора*, генерал-прокуроръ, былъ выбранъ, прошлымъ году огромнымъ большинствомъ голосовъ въ губернаторы этого штата. Съ политической точки зрѣнія это одинъ изъ сильнѣйшихъ людей своей націи, и если онъ будетъ живъ при слѣдующихъ выборахъ президента, то виги, вероятно, предложатъ его въ кандидаты на этотъ постъ. Нима, рѣши, посланія *Криттендента* считаются отличными атомъ родѣ. Опасаются впрочемъ, что онъ не приметъ выбора.

Назначеніе этихъ министровъ благопріятствуетъ конвенціи г. *Клая*, или всякой другой подобный мѣрѣ, если предложенная г. *Клаемъ* не будетъ отвергнута.

Пять членовъ кабинета стоятъ за конвенцію г. *Клая*.

* Путешественникъ, прибывшій изъ Калифорніи, сообщаетъ, что эта страна состоитъ подъ управленіемъ простыхъ положительныхъ законовъ. Колоніей править лицо, въ ралькада, соединяющее въ своихъ рукахъ тройную власть. Виненнаго приводятъ къ алькаду и подвергаютъ допросу; если онъ оказывается виновнымъ—стрѣляютъ изъ пушки, и преступника вѣшаютъ на мачтѣ корабля, стоящаго въ гавани. Въ Сан-Франциско издаются три газеты, двѣ на англійскомъ языкѣ, одна на испанскомъ; впрочемъ здѣсь помѣщаются только извѣстія о приходѣ и отходѣ кораблей. Французы пробовали—было основать здѣсь листокъ демократическо-тастическаго содержанія; но алькадъ тотчасъ пригласилъ себѣ редактора, принявъ его очень ласково, а потомъ, узявъ на гавань, покрытую судами, объявилъ ему, что въ чаѣ выхода втораго нумера газеты, онъ велитъ выстрѣлить изъ пушки, и пошлетъ его, редактора, на корветту. Редакторъ сообщилъ сотрудникамъ результатъ своего свиданія.

злагодомъ—и злосчастный листокъ окончилъ существованіе на первомъ номерѣ.

Извѣстія изъ Шагреса до 28-го іюня. Пароходъ «Дее», съ которымъ получены эти извѣстія, привезъ изъ Тихаго-океана 1,265,000 долларовъ чистыми деньгами и золотымъ пескомъ.—Новости изъ Вальпарайзо благопріятны; тамошнее правительство обѣщало принять всѣ мѣры для удовлетворенія требованіямъ торговли. Для разсмотрѣнія таможеннаго тарифа назначена коммиссія изъ иностранныхъ и туземныхъ купцовъ. Изъ Перу пишутъ, что желѣзная дорога изъ Каллао въ Ану скоро будетъ начата.—Серебряная руда, открытая въ Конакко, обѣщаетъ блистательныя выгоды.—Въ Республикѣ Боливіи еще продолжалось сильное волненіе.—Въ Штатѣ, попрежнему, очень много пассажировъ, которые отправляются къ золотымъ приискамъ.—На сѣверныхъ Английскихъ островахъ былъ 12-го и 13-го іюня страшный ураганъ.

Изъ Соединенныхъ-Штатовъ получено съ пароходомъ важное извѣстіе, которое произвело сильное впечатлѣніе во всей Американскомъ Союзѣ, именно, посланіе, адресованное новымъ Президентомъ, г. Филльморомъ, къ конгрессу по поводу спора, возникшаго между Новою-Мехикой и Техасомъ. Последняя изъ этихъ областей отдѣлилась отъ Мексики въ 1836 г., и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ независимаго существованія, была включена въ Американскій Союзъ. Въслѣдъ за тѣмъ въ ней введено невольничество, и уничтоженіе его формально запрещено уложеніемъ.

По окончаніи послѣдней войны, Соединеннымъ-Штатамъ уступлено обширное пространство земли, названное Новою-Мехикой. Техасъ немедленно объявилъ право собственности на эту область, какъ на отпавшую часть своихъ прежнихъ владѣній. Но это требованіе было только предлогомъ. На самомъ дѣлѣ, Техасъ только хотѣлъ обезпечить введеніе невольничества по всей странѣ, лежащей къ сѣверу отъ Мексики. Но невольничество не существуетъ въ Ново-Мехикѣ, и какъ народонаселеніе ея, испанскаго происхожденія, заключаетъ въ себѣ много метисовъ, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ невольничества было бы низведеніе значительнаго числа старыхъ жителей на степень паріи. Между-тѣмъ старинные жители Ново-Мехики постоянно отвергали притязанія Техаса, и чтобы кончить

дѣло разомъ, назначили себѣ независимое правительство особое уложеніе.

Техасъ тотчасъ объявилъ себя противъ такого дѣйствія и послалъ корпусъ изъ 1,500 человекъ, чтобы обратитъ жителей Новой-Мехики къ повиновенію. Такимъ образомъ возникла въ Союзѣ междоусобная война. Техасу тайно помогаютъ Штаты, допускающіе невольничество; съ другой же стороны попытка его можетъ быть признана оскорбительною для федеральной власти и уложенія Союза.

Президентъ *Филльморъ* не остановился на опасеніи нарушить интересы и возбудить страсти южныхъ штатовъ, въ своемъ посланіи рѣшительно возстаеъ противъ притязаній Техаса, напоминаетъ, что Новая-Мехика принадлежала Мехикѣ и была вполне уступлена торжественнымъ договоромъ; что управляли ею, какъ пограничною областью представители власти Союза; что, слѣдовательно, она имѣетъ совершенное право на независимое существованіе, и что Техасъ не можетъ присвоивать себѣ эту область, не принадлежащую ему ни по праву побѣды, ни по смыслу договоровъ. Президентъ проситъ позволенія заставить, хотя бы даже силою, уважать власть Союза, и отвергнуть вооруженною рукою всякое притязаніе Техаса на Новую-Мехику.

Должно ожидать, что посланіе это возбудитъ большія волненія во всѣхъ штатахъ, допускающихъ невольничество. Пренія конгресса начнутся съ большою яростью, и кажется, что трудно будетъ принять какую-либо мѣру противъ нынѣшней разьединеніи партій. Нѣтъ сомнѣній, что многіе штаты открыто ли, тайно ли захотятъ увлечь Техасъ въ борьбу съ центральною властью, и станутъ поддерживать его.

А з і я.

Китай.—*Хонг-Конгъ*, 22 іюня. Извѣщаютъ что новый Китайскій Императоръ приказалъ оказывать христіанамъ въротерпимость на всемъ пространствѣ Небесной Имперіи

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

L

СЦЕНА ИЗЪ ЖУРНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(Кабинетъ журналиста; онъ сидитъ передъ столомъ, заваленнымъ бумагами и читаетъ. Молодой человекъ съ смиреннымъ видомъ входитъ и кланяется.)

ЖУРНАЛИСТЪ.

Что вамъ угодно? *(Върно вздорный поэтъ!... Прочестъ нельзя главы!...)*

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕКЪ.

Пришелъ я васъ просить покорно,
Сказать, что думаете вы
Объ опытахъ смиренной музы?

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Признаться вамъ: читаемъ мы
 Стихотвореній груды, грузы,
 И потому мнѣ мудро
 Произведенья ваши помнить.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Изъ нихъ доставлено одно
 Къ вамъ, сколько я могу припомнить,
 Въ началѣ мая, при письмѣ;
 Потому отправлены другія.

ЖУРНАЛИСТЪ.

А! Помню. Вы въ письмѣ такіа
 Причины приводили мнѣ,
 Порывовъ пылкихъ вдохновенья!...
 Я вспышки въ нихъ нашель однѣ
 Холоднаго воображенья.
 И если вы меня послушать захотите,
 То посоветоваль бы я,
 (За правду впрочемъ извините,)
 Вамъ, посвятить всего себя
 Тому занятію, къ которому съ рожденья
 Вы предназначены судьбой;
 Повѣрьте мнѣ: ребяческимъ волненьямъ
 Смѣшно дать волю надъ собой;
 Пройдетъ мгновенно жаръ тревожный,
 Волненье крови молодой,
 И путь себѣ избравши ложный,
 Вы, наконецъ, въ тоскѣ съ душой
 Разочарованный съ надеждой,
 Напрасно станете скучать,
 И счастьемъ будете завидовать невѣжды,
 И жизнь пустую упрекать.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Благодарю васъ за совѣты,
Но смѣю думать, что Творцомъ
Мнѣ для того данъ умъ на свѣтѣ,
Чтобы ученьемъ и трудомъ,
Я всѣ живыя мысли эти,
И этотъ даръ благихъ небесъ
На степень высшую вознесъ;
Чтобъ всѣ развитія въ борьбѣ
Начала разума и чувства,
На перекоръ слѣпой судьбѣ,
Я перевелъ въ созданія искусства;
И эта мысль вошла глубоко
Мнѣ въ голову;—не заглушить
Судьбѣ порывъ ея высокой
Нѣтъ силъ во мнѣ ее забыть!

ЖУРНАЛИСТЪ.

Мое вы мнѣнѣ знать желали,
Но голосъ правды грубъ, жестокъ;
Быть—можетъ, вы хвалы искали,
Но—похвалить я васъ не могъ.
И такъ за мой совѣтъ мнѣ не пеняйте
Я васъ предостерегъ—простите!... и прощайте!...

А. Н.

II

* * *

Нѣтъ! насъ съ тобою, въ мирѣ стройномъ,
 Не свяжутъ клятва и законъ:
 Ты родилась на югѣ знойномъ,
 А я на сѣверѣ рождень...
 Для насъ съ тобою нѣтъ дороги
 Къ обѣту брачнаго вѣнца:
 Ты любишь пылкія тревоги,
 Я—пѣсни мирныя нѣвца...
 Ты цѣнишь дорого страданья,
 А мнѣ наскучилъ бредъ;
 Я имъ, въ началѣ испытанья,
 Страдалъ жестоко много лѣтъ.
 Я не забылъ былую муку
 Ипохондрической тоски....
 И не даю на гибель руку,
 И не приму твоей руки.

III

* * *

Не вѣрь, не вѣрь... не намъ дано
 Страдать любовью безотрадной, —
 Не намъ съ тобою суждено
 Бороться съ злобой міра жадной.

И не замѣтить насъ она,
Толпа причудливая свѣта:
Намъ участь тяжкая дана:
Любить другъ друга безъ отвѣта.

Пуškai готовить намъ молва
Укоръ неправеднаго мнѣнья;
Мы заглушимъ ея слова
Улыбкой фыркаго презрѣнья.

Не назовемъ вражды людской
Ни злою, ни глупою тревогой...
Но какъ друзья, рука съ рукой,
Пойдемъ знакомою дорогою.

Н. СУСЛОВЪ.

IV.

ВЕЧЕРЪ.

За темной, дальнею дубровою
Заря вечерняя взошла;
Природа дышетъ жизнью новой —
Красою новой расцвѣла.

Съ луною звѣзды загорѣлись
 На небосклонѣ голубомъ;
 Дымяся облака слетѣлись,
 И на горы легли кругомъ.

* *

При отблескѣ зари румяной
 Плыли къ ночлегу рыбаки;
 Въ долины хлынули туманы,
 Отъ отуманенной рѣки.

* *

Ночной покрылся темнотою
 И черный и высокій лѣсъ,
 И горы отблестѣвъ съ зарею
 Пропали въ темнотѣ небесъ.

* *

Уснуло все.... На небѣ мутномъ
 Погасли звѣзды, рѣже тѣнь....
 А за рѣкой въ сѣнѣ чуждомъ,
 Встаетъ съ зарею новый день....

И. ЧЕХЪ.

V.

ВАЗАВЪ.

« Что мнѣ дѣлать молодцу
Разудалому,
Въ полѣ, сиротинушкѣ
Одинокому?
Знать мнѣ горемычному
Умирать пришлось
Не въ родной сторонущкѣ —
Въ басурманщинѣ.
Постоялъ за родину,
За Украину я,
За Царя—за батюшку,
За Господень храмъ.
Грустно разставаться мнѣ
Съ службой царскою,
Тяжко покидать войну
Молодецкую.
Кровь изъ ранъ горячая
Вытекаетъ вонъ, —
Съ нею жизнь могучая
Выливается.
Чу! пальба ружейная
Завязалася —
Козаки Украинцы
Ужъ разсыпались.
Эхъ! не вночь подняться мнѣ...
Грустно молодцу...
Такъ бы и понесся въ бой
На лихою конѣ!...

Тяжело! смерть лютая
 Ужь приблизилась...
 Такъ прости, родимый край
 Навсегда прости... »

И. ЧЕХЪ.

VI.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

Не люби его, душа дѣвица;
 Пожалѣй себя—ненаглядная!
 На твою любовь сильно—страстную,
 Не отвѣтитъ онъ такъ-какъ слѣдуетъ;
 Твое пылкое сердце дѣвичье,
 Заморозится его холодомъ;
 Очи свѣтлыя, нѣги полныя,
 Затуманятся слезой горькою;
 Снѣговую грудь, лебединый пухъ —
 Вздохи тяжкіе крушатъ всю;
 Вся краса твоя ненаглядная
 Отпѣтеть, какъ цвѣтъ—прежде времени...
 Не любви твоей ищетъ суженный:
 Золотой казны и богатства;
 Не жена нужна и не другъ ему —
 А работница безотвѣтная;
 Не въ душѣ твоей его счастье, —
 А въ казнѣ твоей для него оно;
 Не увидишь съ нимъ ты веселыхъ дней;
 Не узнаешь вѣкъ любви сладостной.
 Вспомнишь молодость—пригорюнишься;

Съ грустью тайною тяжело вздохнешь
 И украдкою много слёзъ прольёшь...
 Но ничѣмъ, никѣмъ не утѣшишься!
 Не люби жь его, душа дѣвнца!
 Пожалѣй себя, ненаглядная!

VII.

Летить пуля прямо въ сердце;
 Вражья сабля черепъ рубить,—
 Закрывъ очи храбрый воинъ,
 Съ коня долу упадаетъ.
 Земля рада гостя встрѣтить:
 Стелеть въ полѣ ему саванъ. —
 Конь ретивый зарываетъ
 Удалаго подъ курганомъ...
 На курганѣ сидятъ: птичка,
 Да хозяйка горемычка...
 Одна плачетъ—рѣкой льется,
 А другая поетъ пѣсню:
 «Люди, люди! Помолитесь!
 «Здѣсь спитъ воинъ, храбрый витязъ.»

VIII.

Скучно, грустно мнѣ....
 Но.... не вѣдаю отчего болить
 Сердце бѣдное!

Люди добрые
 Меня жалуютъ; красны дѣвушки—
 Дарятъ ласками.

* *

Сотскій, выборный
 И бояринъ самъ—мною молодцемъ
 Не нахвалятся.

* *

Хата—теплая
 Лошадь—добрая; поле вспахано,
 И засѣяно...

* *

Ужъ чего бѣ желать
 Добру молодцу? Отъ чего бѣ скучать
 Ему день и ночь?

* *

А межъ тѣмъ, съ тоски,
 Сохнетъ, вянетъ онъ, какъ цвѣтокъ въ глуши
 Лѣса темнаго.

* *

Къ хороводу ли
 Выдетъ вечеромъ—слушать пѣсенки
 Красныхъ дѣвушекъ;

* *

Въ посидѣлкахъ ли
 Онъ послушаетъ сказки—вымыслы
 Старины былой;

* *

Въ балайку ли
 При немъ брякнетъ кто; на рожкѣ ль пастухъ
 Разыграется.

..

То въ его душѣ
 Зарождаются пѣсни чудныя,
 Звуки стройныя....

..

Но нѣтъ высказать,
 Передать друзьямъ такъ, какъ чувствуетъ,
 Не умѣетъ онъ.

..

Не далась ему
 Наша грамота; уму—разуму
 Не училъ никто.

..

Хоть и есть въ душѣ
 Искра чудная, но раздуть ее
 Было некому...

..

Пропадетъ она —
 Безъ участія; захирѣетъ онъ—
 Отъ безсилія.

..

Отъ того-то, знать,
 Добрый молодець вянетъ цвѣтикомъ,
 Сохнетъ—травкою!...

М. ВЛАДИМИРОВЪ.

IX.

Быстро мчался я
 На, лихою коню,
 Изъ за-тучь глядѣль
 Мѣсяць въ очи мнѣ.
 Вѣтерокъ шумѣль
 Въ полѣ весело,
 Вихремъ пыль клубилъ
 По дороженькѣ...
 Сыръ-дремучій боръ
 На горѣ чернѣль...
 Громко свиснулъ я,
 Шпоры далъ коню,
 И какъ буйный вѣтръ,
 Полетѣль я въ боръ.
 Сыръ дремучій боръ
 Грозно выль, гудѣль;
 Онъ неласково
 На меня глядѣль.
 «Что ты грозно такъ
 Предо мной шумишь,
 Словно не другъ мой—
 На меня глядишь?

Г. СЕРЕВЯКОВЪ.

А Н Ю Т А .

Повѣсть.

I.

Въ тотъ годъ снѣгъ поздно выпалъ, едва ли не въ концѣ декабря. Холодная, осенняя ночь захватила меня въ незнакомомъ лѣсу. Было до того темно, что я, ощупывая рукави деревья, кое-какъ, по памяти, пробирался въ ту сторону, откуда, казалось мнѣ, пошелъ я въ лѣсъ; но прошло больше часа, а лѣсу не было конца. Я наконецъ утѣрился, что заблудился.

Какая-то особенная грусть овладѣла мною. Поднимался вѣтеръ, и глухо, однообразно зашумѣлъ сосновый лѣсъ. Со всѣхъ сторонъ, изъ каждаго куста сотнями глазъ смотрѣла непроницаемая темнота. Въ воздухѣ, что ни дальше, гудѣло холоднѣе; казалось, хотѣлъ идти снѣгъ.

Скрывая сердце, шелъ я впередъ, и вдругъ наткнулся на дерево. Изъ-подъ моихъ ногъ выскочилъ заяцъ, мелькнулъ бѣлымъ пятномъ на ближнемъ темномъ кустѣ, и исчезъ. Вследъ затѣмъ въ сторонѣ зажглись двѣ огненные искры, вероятно, глаза волка.... Я немного оробѣлъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, досталъ я изъ кармана оляжку съ рожкомъ и усѣлся подъ деревомъ; но не успѣлъ я еще проглотить ни одной капли, какъ саженахъ въ пятидесяти по-

слышался пронзительный визгъ. Игривое эхо со всевозможными переливами понесло его по лѣсу, и казалось, кругомъ все завизжало.... Я бросился въ ту сторону.

Визгъ то на минуту затихалъ, то снова раздавался, и что ни дальше, дѣлался громче и отчаяннѣе. Последнее обстоятельство заставило меня подумать, что съ кричавшимъ временемъ случилось какое-нибудь несчастіе.

Черезъ нѣсколько минутъ я подбѣжалъ къ тремъ елкамъ, за которыми что-то бѣлое рвалось и визжало. Я выстрѣлилъ по немъ и потомъ ошупалъ зайца, попавшаго въ капканъ.

Вѣроятно встревоженная мойми выстрѣломъ, недалеко гдѣ-то, громко залаяла дворовая собака. Это меня обрадовало. Черезъ нѣсколько шаговъ лѣсъ кончился, и едва замѣтною темною массою обрисовался онъ на темномъ небѣ, а впереди засинѣлъ непроицаемый мракъ; собака на минуту смолкла; до меня долетѣлъ глухой шумъ воды.

Нога за ногу началъ я спускаться подъ гору. Сильный порывъ вѣтра ударилъ мнѣ въ лицо дождемъ, и вслѣдъ за тѣмъ явственно зашумѣли впереди меня волны. Я догадался, что нахожусь или на берегу озера, или на берегу широкой рѣки.

— Кто идетъ? Вдругъ спросилъ меня хрипалый голосъ.

— Охотникъ! Отвѣчалъ я.

— А кто просилъ тебя застрѣлить моего зайца? Для тебя чтоль, поставилъ я капканъ?

— Зайца твоего я тебѣ отдамъ, а ты, если можно,пусти меня переночевать къ себѣ.

— А откуда ты?

Я сказалъ ему. Незнакомецъ повелъ меня за руку.

— Здѣсь озеро? Спросилъ я у него.

— Озеро, знаешь малость! Отвѣчалъ проводникъ, раздѣланъ румянн кустарникъ. А вѣтеръ разыгрывается, не дастъ ли Господи изъ утру связка! прибавилъ онъ чрезъ нѣсколько шаговъ.

— Здѣсь деревня? спросилъ я.

— Кака тебѣ деревня, почитай одинъ-одинехонекъ живу.

Молча перелѣзли мы черезъ плетень; взобрались на крыльцо и вошли въ избу. Крестьянская изба вездѣ одинакова, и потому я не счелъ за нужное даже и разсматривать ее. У стола, поставленнаго подъ образами, стоялъ свѣецъ, въ который воткнута была горящая лучина.

При ея свѣтѣ я успѣлъ рассмотреть своего провожатаго. Это былъ старикъ лѣтъ восьмидесяти. Длинное лицо его со всѣхъ сторонъ окружено было сѣдыми волосами. Высокій ростъ, широкія плечи, длинные, почти до коленъ сапоги и сѣрый армякъ на распашку — придавали старику что-то величественное. Вошедши въ избу, онъ мнѣ поклонился, отодвинулъ столъ, и просилъ садиться въ передней уголъ.

— Ты рыбакъ? Спросилъ я, взглянувъ на его сапоги.

— А кабы не рыба, такъ мнѣ и жить-бы нечѣмъ было; вѣдь я здѣсь хлѣба не сѣю.

— У тебя есть жена?

— Нѣ, сударь, и женать никогда не бывалъ!

— Ты ужь давно одинъ здѣсь живешь?

— Да лѣтъ съ тридцать никакъ есть. Здѣсь вѣдь, сударь, цѣлая деревня прежде была, и всѣ жители, почитай, рыбаки были.

— А куда же лѣзлась эта деревня?

— Да вишь показалось нашимъ рыбакамъ, что будто рыбы здѣсь мало, ну, и переселились они на другой берегъ озера. Оно вѣстимо, старики-то перемерли, а остались все молодые ребята, еще молоко на губахъ не обсохло. Махнулъ я на нихъ, и остался одинъ здѣсь. За то бывало и не вускалъ никогда ихъ сюда ловить. А на новомъ-то мѣствѣ и еще хуже ловилось у нихъ, даже и оброку барину нечѣмъ было заплатить. Перевели ихъ въ другую барскую усадьбу, а я-то откупился на волю — и остался здѣсь. Отецъ съ матерью мои здѣсь и родились, и умерли, такъ не пристало мнѣ покинуть ихъ мѣста. Одинъ-одинехонекъ

остался; — оно, кажись, и недавно, а льсть-то вонь ужь кругомъ всей избежки разросся....

Старикъ облокотился руками на колѣни и засмотрѣлся на полъ.

— Сперва было поселился со мной внукъ, да хилъ онъ здоровьемъ-то былъ, черезъ годъ померъ—и опять я одинъ остался.

Старикъ приостановился.

— А потомъ Аниота со мной жила, продолжалъ онъ тише прежняго, да и ту Богъ отнял. Дѣвка она славная была у меня.

— Кто-жъ она такая? Спросилъ я.

— А Богъ ее знаетъ! Отвѣчалъ старикъ, поглядывая въ окошко: тогда вотъ тоже была буря на озеръ. Я сижу здѣсь у окошка, да почиваю старую сѣть, а вѣтеръ-то такъ и рветъ.... Шумъ такой на озеръ, что ажъ гулы идутъ по льсу. Вдругъ послышалось мнѣ, кто-то кричитъ на озеръ. Думаю, ужь не тонетъ-ли кто. Лодка-то у меня у берега стояла. Дай выйду, посмотрю. Вышелъ, прислушался; никто не кричитъ. Только молынья, почитай, такъ и сыплется въ озеро.... Лѣто тогда было, сударь, и туча пребогшущая была зашедши отъ туда, изъ-за озера. Такъ-таки вотъ какъ освѣтитъ, такъ всѣ горы видны на другомъ берегу, и даже вода-то на серединѣ озера словно огнемъ обольется. Послушалъ, послушалъ я, перекрестился и пошелъ въ избу. Вяжу-себѣ опять сѣть. Только вдругъ подъ окошкомъ кто-то стучь-стукъ. Я къ окошку. Кому думаю, стучаться ко мнѣ въ такую пору, развѣ не охотникъ-ли какой, какъ вотъ и ваша милость сегодня. Нѣтъ, смотрю къ окошку припала какая-то дѣвочка. Дождь-то льетъ по стеклу и слезы-то у нея изъ глазенекъ ручьями текутъ. Кричитъ дѣвочка.

— А чтó тебѣ голубушка, отъ куда ты? Спрашиваю.

Говоритъ чтó-то дѣвочка, да не разобрать только. Обернется голубушка назадъ, какъ молынья все озеро освѣтитъ, покажетъ туда пальчикомъ и опять кричитъ мнѣ въ окош-

ко. Я вышелъ и привелъ ее въ избу. Дѣвочка она небольшая была, лѣтъ двухъ всего и повсему я замѣтилъ, что она боярское дитя была. Дрожить вся, перезябла бѣдная!

— Чья-ты? спрашиваю.

— Маменькина, говорить.

— Да кто твоя маменька?

— Да она, вмѣстѣ съ папенькой, вѣхали по озеру. Насъ, дѣдушка, вѣтеръ такъ вотъ подхватить, подхватить да и опрокинулъ. А маменька одной рукой меня схватила, другой схватилась за лодку и вбросила меня въ лодку. А папенька-то, когда огонь по небу пробѣжалъ, поднялся на волну, посмотрѣлъ на насъ и спрятался опять! Дѣдушка, а чѣмъ-же скажи, это онъ отъ меня спрятался, и маменька это тожъ куда дѣвалась?

Дѣвочка заплакала. Я ну ее утѣшать, уговаривать: грѣдутъ, дескать, за тобой, твой папенька съ маменькой, а теперь лягъ на печку, погрѣйся; да принесть ей молочка. А дѣвочка взяла было ложку въ ротъ, да потомъ какъ вскрикнетъ и соскочила съ лавки,—и въ дверь опять.

— Маменька, голубушка, возьми меня къ себѣ, кричитъ она на дворъ. Я за дѣвочкой, а она къ озеру, да въ это время какъ подкатится волна къ ея ногамъ, и повалила ее, и внесла, наслу я ее поймалъ и принесть въ избу.

Старикъ приостановился.

— Ну, чтожь дальше, какъ жила съ тобой дѣвочка? Спросилъ я, увлеченный рассказомъ.

— Да вамъ сударь, можетъ, спать пора, пойду-ка запрю проклятую собаку въ чуланъ, а то она покою намъ не дастъ.

Старикъ вышелъ. Я засмотрѣлся на окно. Мнѣ такъ и казалось, что вотъ-вотъ подойдетъ къ нему дѣвочка, но никто не подходилъ. На темное стекло крупными хлопьями вѣдалъ снѣгъ, а за стѣнами избы глухо шумѣло озеро....

II.

Старикъ воротился и сталъ собирать къ ужину. Я налилъ ему рому изъ своей походной фляжки. За ужиномъ мы ее всю опорожнили. Старикъ мой сдвлялся веселѣе и разговорчивѣе.

— Какъ зовутъ тебя? Спросилъ я.

— Андреемъ, батюшка. Была у меня еще сестра, Аннон прозывали, да съ мужемъ уехала она въ другую господскую усадьбу. Любилъ я ее больше всѣхъ изъ моихъ родственникововъ, и даже ту дѣвочку, что принесло въ лодкѣ ко мнѣ ночью, прозвалъ я Анной.

— И долго жила съ тобой Анюта? Спросилъ я.

— Да лѣтъ съ пятнадцать будетъ, коли не больше. Какъ теперь помню, голубушка моя, проснулась она на другой день, свѣсила голову съ печки и смотритъ въ окно, и гляжу на нее. Заплакала моя дѣвочка.

— Дѣдушка, а маменька скоро прѣдетъ?

— Скоро, говорю, къ вечеру безпремѣнно прѣдетъ. теперь, говорю, пойдемъ погуляемъ. День тогда такой сильный разгулялся, сударь. Вышли мы съ ней къ озеру.

— Откуда-жъ вы ѣхали вчера? Спрашиваю.

— Оттуда вонъ! Показала мнѣ она рукой. Но я зналъ, что въ той сторонѣ и жилья никакого не было. Къ вечеру хотѣлъ было я перевзять съ ней черезъ озеро въ ближнюю деревню, да разспросить тамъ, не видѣлъ-ли кто провзажшихъ господъ вчера по озеру, да куды!—моя дѣвочка къ лодкѣ близко не подходитъ.

— Боюсь озера! кричитъ она и бросаетъ въ него камнями.

Мнѣ было скучно одному жить, я и оставилъ у себѣ Анюту; пусть, думаю, живетъ, покуда кто-нибудь прѣдетъ за нею. Года три прошло, никто не прѣзжалъ. Дѣвочка росла. И полюбилъ я ее, словно собственное дитя. Ничего я съ ней не хуже родной матери, да за то ужъ и полюбилъ-жъ какая она была, и любила-то какъ она меня!

Поискеть бывало на шею мнѣ и такъ-таки-вотъ и обща-
луетъ всего! Създалъ я зимой въ городѣ, продать тамъ
нѣкій возъ рыбы, и нарядилъ мою Аниуту, какъ дитя бер-
ское. Рада она, нешалюбуется на свое красное платьице,
вошла къ ручью и ну въ него смотрятся! Послѣ я даже
сталъ побаиваться, чтобъ не пришли за ней родные и не
отняли бы ее у меня.

Дочь ото дня Аниута становилась игривѣе. Влезать
бывало на самый верхъ березы, что вотъ здѣсь у окна
споты, покачивается на сучьяхъ и хохочетъ во все горло,
и какъ поетъ, просто такъ-себя, безъ словъ, причитъ томъ-
то. А скажешь, Аниута, полно тебѣ, слезай дамой!—и сей-
часъ-же слезетъ, голубушка, слезетъ въ уголь и молчитъ,
никуда съ ней самъ не заговоривъ. Ну, просто, берское
дитя была—и только. А то ляжешь бывало споты, хотѣ
бы гуляла она! Подзоветь къ себѣ собаку и играть
тихохонько съ ней въ углу.

Выросла моя Аниута, — такъ одѣлалась такой хозяй-
кой, что мнѣ бывало самому и дѣлать было нечего въ
дѣбъ. Весь обѣдъ она приготовить. И все это у шой, су-
ларь, скоро такъ дѣлается, ажъ раскрасивется, запылаетъ
са, моя дѣвчонка. Ну, просто, души я въ ней не слы-
шалъ!

Сперва думалъ я было, что какъ станеть она подро-
стать, такъ можетъ, всгруснется ей безъ людей; аиъ нѣтъ,
ничего не бывало. Пойдетъ бывало по лѣсу гулять, набѣ-
ретъ ягодъ, и кормить меня. Люби припустится выбѣгать на
гору, что тутъ вотъ не далеко отъ избы поднимается, оста-
новится тамъ наверху и смотреть на озеро, и долго смѣ-
рять, а потомъ и бѣжить во весь духъ назадъ.

— Пойдемъ дѣдушка на гору, тамъ землянички то кэкая
прохвата! Кричитъ она, схвативъ меня за руку.—Ну, и най-
дешь иногда за ней, хотъ и поясница болитъ. А она не-
погаетъ и камни кладетъ на дорогѣ, нтебѣ можна было
ниъ обереться ногами. Вберусь я туда, и ну она кормить
меня ягодами, всю гору выбѣгаетъ, умучается жъ нещадно,

и посажу я ее себѣ на плечи, и привесу домой. Такая она была, право, потышная; такого ребенка отродясь я не видывала!

И старикъ закрывши руками лицо, на минуту задумался. Длинная тѣнь отъ него на стѣнѣ, то горбилась, то дрожала.

— Лучина вся догорѣла, ложитесь спать, сударь, скажешь онъ мнѣ, чрезъ нѣсколько минутъ: я тоже лягу, да коли угодно такъ съ печки и рассказывать намъ буду.

Чрезъ минуту я улегся. Старикъ полезъ на печку. Свѣрая кошка туда же всырыгнула за нимъ. Лучина догорѣла до конца, задымилась, щелкнула и погасла.

— Годовъ шестнадцать ужъ было моею Анютѣ. Разъ какъ-то послалъ я ее, помню, за грибами. Не пришла она отъ чего-то къ обѣду. Я и ну поглядывать въ окошко поджидаю ее;—нѣтъ, неидетъ! Думаю: ужъ не заблудилась ли она въ лѣсу, либо не зверь-ли на нее какой напалъ,—и вышелъ я за ворота. Анъ смотрю, бѣжитъ моя Анюта и кричитъ во все горло. За ней выскочилъ изъ лѣса охотникъ съ ружьемъ въ рукахъ.

— Дядушка, вотъ этотъ все говляется за мной! кричитъ Анюта:—страшный такой, никогда я его не видала!

— Пойдемъ, дурочка, въ избу, не ходи, говорю, къ нему. Да гдѣ онъ тебѣ встрѣлся?

— Недалеко отъ сюда, я и не слыхала какъ онъ ко мнѣ подкрался. Испугалась я до смерти и бѣгу отъ него, а онъ скорый меня бѣжитъ. Я бросила корзину, да на самую верхушку березы и влезла. Онъ было тоже полезъ, да оборвался и свалился въ низъ.

Посмотрѣвъ на меня да и пошелъ прочь.

Я посиживала, посиживала, и слезла съ дерева. Думаю, что ужъ давно онъ ушелъ, анъ не успѣла я добѣжать до ручья какъ смотрю онъ опять за мной идетъ. Я припустилась изо всей мочи и приближала къ дому.

— Глуна она еще, сударь, была: ничего она не понимала. На другой день ходилъ я рыбу ловить, и принодала

знаете, ужъ заря покраснѣлась надъ озеромъ, когда стала я подходить къ дому. Бѣжить этакъ кустарникъ передо мной, а слезы-то него, съ горы, гдѣ Анюта меня земляничкой кормила, огонь просвѣчивается. Вотъ-те на, думаю, ктожъ это развелъ его тамъ? Я и поднялся на гору. Смотрю, у огня стоитъ вчерашній охотникъ, что говорилъ съ Анютой.

— Да выйди же ко мнѣ, красавица, полно тебѣ въ запертой избѣ-то сидѣть! Закричалъ онъ. Я глядѣ изъ-за кустарника на свою избу:—Анюта у окна сидитъ; я и припѣхъ, дай, думаю, посмотрю, что отъ нихъ будетъ.

— Зачѣмъ ты это здѣсь огонь развелъ? Придетъ уже дѣдушка, пугнетъ онъ тебя отъ сюда! Кричитъ Анюта изъ окошка.

— Не придетъ твой дѣдушка, не бойся; выйди ко мнѣ! отвѣчаетъ ей охотникъ.

— А не застрѣлишь ты меня?

— Нѣтъ, не застрѣлю, да коли хочешь, поди, и тебя выучу стрѣлять.

— Хорошо, приду, да смотри жъ, только выучи стрѣлять! отвѣчаетъ неразумная, и прибѣжала на гору. Зарядилъ онъ ружье, и давай ее учить, какъ стрѣлять изъ него, а ей и ружья-то не сдержатъ въ рукахъ. Наконецъ-таки кое-какъ выстрѣлили они вдвоемъ.

— Заряди опять, говоритъ Анюта: теперь сама я выстрѣлю.

— Хорошо, заряджу пожалуй.

Къ этому времени я подошелъ къ нимъ; охотникъ востоялъ, да и пошелъ подъ гору. Огонь-то я потушилъ, пришли мы съ Анютой въ избу и легли спать. Я то на печкѣ легъ, а она навсегда у окошка спала. Дни три Анюта не ходила съ двора.

Дни черезъ четыре я и говорю ей:

— Теперь Анюта и опять тебѣ можно гулять по лѣсу, никто за тобой больше не станетъ гоняться.

— Нѣтъ, дѣдушка, не пойду я отъ тебя, говоритъ она

мнѣ!—отчего мнѣ стало такъ грустно, жалко тебя! И Анюта ни съ того ни съ сего расплакалась. Я молчу.

— Дядушка! говоритъ она потомъ, жарко мнѣ здѣсь, пойдѣмъ лучше на дворъ сидѣть!—Мы съ часъ просидѣли съ ней на крыльцѣ. А небо тогда такое было пасмурное!.. Самъ не знаю, отчего-то и мнѣ взгрустнулось. Пришли мы въ избу. Я сѣлъ въ ноги у Анюты, и все смотрѣлъ на нее, покуда она не уснула, а какъ уснула, я вышелъ на крыльцо. Стало темнѣть; на краю неба зарницы бѣгали. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то глядитъ на меня изъ-за избы... Я всматриваться, нѣтъ, никого не видно! Обошелъ 'я кругомъ избы и опять присѣлъ на крыльцѣ. Не спится мнѣ, да и только, и грустно таково!.. Часа черезъ два уже пришелъ я въ избу, легъ на печку, смотрѣлъ, смотрѣлъ на потолокъ и заснулъ наконецъ. А Анюта-то у окна спала!..

— Что сударь, небойсь уснули? спросилъ у меня старикъ.

— Нѣтъ, не сплю, Андрей, рассказывай!

— Грустно, сударь, и теперь мнѣ становится, какъ только вспомню я про ту проклятую ночь!..

Старикъ слезъ съ печки и прошелся раза три по избѣ.

III.

— Мудреный, право, сонъ приснился мнѣ тогда на печкѣ продолжалъ старикъ, вѣкъ мнѣ его не позабыть! Вижу будто Анюта выбѣжала изъ избы, да и прыгнула въ озеро а я изъ окошка и кричу ей, утонешь ты, смотри, попрыгунья! Анъ нѣтъ, Анюта бѣжитъ по водѣ, словно по полу, и что и дальше, то шибче припускается, такъ что полъ ковецъ птицы не поспѣваютъ за ней летѣть на другой берегъ. Дѣбжалась она до середины озера, обернулась, и ну мнѣ махаетъ рукой. Большая она мнѣ такая кажется, словно привидѣнья какое стоитъ посреди озера. Я какъ будто испугался, что

она совсемъ не ушла отъ меня — и бросился изъ избы, да на бѣгу и смотрю въ окошко, а Анюта пуше прежняго припустилась бѣжать къ другому берегу. Около нее стая журавлей кричатъ, собаки откуда-то взялись и также гонятся. Выбѣжалъ я безъ памяти на дворъ, а на дворъ-то будто такая темень, сударь, что зги Божьей невидно! Хочу я продраться къ озеру, и силъ нѣтъ; просто глаза слипаются отъ темноты. Стою я какъ шальной и кричу во все горло: Анюта! Анюта!... И проснулся я, а все кричу....

Опомнился наконецъ; слышу, сердце такъ и колотить, а на дворъ ужъ день, и солнце смотритъ въ окошко. Я выла на лавку, гдѣ легла вчера спать Анюта, пуста лавка, вѣтъ на ней Анюты! Я на дворъ выскочилъ, кричу тамъ во все горло, никто не откликается; одна только собака сидитъ передъ запертыми воротами. Я за ворота, собака тожь за ивой. Прибѣжалъ я на озеро, смотрю, — нѣтъ моей лодки! Плыветъ она ужъ около другаго берега, а въ ней сидитъ Анюта съ охотникомъ.

Сложилъ я руки на груди и смотрю на лодку. А на томъ берегу озера, знаете, сударь, горы стоятъ все; воть ужъ поутру и вы ихъ увидите, — все этакъ горы стоятъ, а посреди ихъ самая большая, песчаная такая гора, а по ней идетъ дорога въ городъ. Смотрю, причалила лодка къ берегу; пересѣла изъ нея моя Анюта вмѣстѣ съ баринкомъ въ подвѣхавшую коляску — и стала коляска подниматься на песчаную гору. А день-то, сударь, солнечный такой былъ, все это явственно я вижу — и печѣмъ помочь: ни лодки, ни лошади нѣтъ. И долго коляска вѣзжала на песчаную гору, вѣзжала наконецъ на самый верхъ — и спряталась. Только небо синее, да еще желтыя горы остались!... Я такъ со всего размаха и повалился на берегъ.

Оно то есть, сударь, не то, чтобъ Анюта сродни мнѣ приходилась, нѣтъ, попала она ко мнѣ въ избу, Богъ вѣсть откуда, — а жаль мнѣ ее, смерть какъ жаль! Да воамни лучше этотъ басурманъ отъ меня послѣднюю эту избенку, всѣ сѣи, неводъ, что отъ отца остался, да отдай дѣвку, а то про-

пала она за ништо, сердечная! Я для нее и денегъ скопилъ цѣлую кубышку, что теперь вотъ здѣсь подъ поломъ стоить; и платья нашилъ ей, а вышло, что и помянуть меня некому будетъ, когда умру!... Пытался я и искать мою Аnięту. Верстъ на сорокъ обошелъ всѣ деревни по той дорогѣ, гдѣ они поѣхали, и никто не видалъ коляски!

Старикъ, тяжело вздыхая, босикомъ ходилъ по избѣ.

— Христось знаетъ, сударь, прибавилъ онъ потомъ: откуда взялся въ нашемъ лѣсу этотъ охотникъ!

— А давно онъ увезъ твою Аnięту? Спросилъ я.

— Ужъ шестой годъ пошелъ.

Разказчикъ сѣлъ у окошка и засмотрѣлся на озеро. Начи-
нало разсвѣтать. На противоположномъ берегу тянулись
желтыя горы; на одну изъ нихъ поднималась знакомая ему
дорога....

Черезъ часъ я уснулъ.

IV.

Вполдень старикъ разбудилъ меня къ обѣду и, вмѣстѣ
съ тѣмъ, какъ будто на развязку своего ночнаго разказа.
Вотъ какъ это случилось. Мы сѣли за столъ какъ кто-то
пріѣхалъ верхомъ, и чрезъ минуту въ избу вошелъ лакей.

— Гдѣ хозяинъ дома? Спросилъ онъ.

— Я хозяинъ, а что тебѣ?

— Тебя Андреемъ зовутъ?

— Андреемъ, родимый!

— У тебя жила наша барыня, которую называлъ ты
Анютотой?

— Анюта? Произнесъ старикъ дрожащимъ голосомъ.

— Да, у тебя жила она? Повторилъ лакей.

— У меня, а что тебѣ?

— Сегодня къ вечеру она пріѣдетъ къ тебѣ въ гости,
вмѣстѣ съ тѣмъ охотникомъ, который увезъ ее изъ твоей
избы.

— Да ты почему это знаешь? спросил старикъ, у котораго водломились ноги.

— Меня прислала барыня, предъувѣдомить тебя о своемъ приѣздѣ.

Я не спускалъ глазъ со старика. Лицо его быстро измѣнилось. Онъ смотрѣлъ то на меня, то на лакея, то начиналъ ходить.

— Полно, не морочишь-ли ты меня, любезный! Грѣхъ тебѣ смѣяться надъ старикомъ, сказалъ онъ чрезъ минуту.

Лакей принялся объяснять ему всѣ подробности; но не желая утомлять снисходительнаго читателя, я вкратцѣ передаю здѣсь своими словами все, что узналъ старикъ о своей Аниютѣ.

Барвара Андреевна, названная старикомъ Аниютой, была дочь Андрея Степановича, богатаго помѣщика, постоянно жившаго въ Петербургѣ. Отцу ея принадлежало огромное помѣстье верстахъ въ шестидесяти отъ избушки нашего рассказчика. Помѣстье прозывалось: Зеленые-Луга. Въ тотъ годъ, когда Аниута попала въ избу старика, Андрей Степановичъ вмѣстѣ съ женой и съ Аниутой приѣзжалъ на лѣто осмотрѣть свое помѣстье, а къ осени хотѣлъ опять вернуться въ Петербургъ. Назначили день отъѣзда, и положено было, для сокращенія пути, на своихъ лошадяхъ дохватъ только до озера, потомъ сѣсть въ лодку, и, переѣхавъ на другой берегъ озера, отправиться дальше на перемѣнныхъ.

Кое-какъ, на деревенскихъ лошадяхъ, дотащилось семейство помѣщика до озера и съ двумя лакеями сѣло въ лодку. А въ ту ночь случилась буря, отъ которой спаслась одна только Аниута. Между-тѣмъ, остававшіеся въ Петербургѣ, братъ Аниуты и еще старая тетка ихъ, не-смотря на полученіе письма о томъ, что Андрей Степановичъ давно уже выѣхалъ изъ деревни, цѣлый мѣсяцъ не могли дожидаться его приѣзда. Тетка писала въ деревню Зеленыхъ-Луга, а оттуда три раза отвѣчалъ ей приказчикъ со всею подробностію о выѣздѣ господъ въ Петербургъ. Тетка сама повхала на розыски. Дала знать Исправнику. Приводили они

къ присягъ всѣхъ кучеро́въ, которые везли семейство помѣщика до озера, но они всѣ единогласно утверждали, что благомучно довезли господъ до озера, гдѣ при ихъ глазахъ свали они въ лодку и хотѣли пристать на другомъ берегу къ такой-то деревнѣ. Послали я въ ту деревню, но тамъ ни кто не видалъ господъ, прїѣхавшихъ къ нимъ въ означенное время съ озера.. Искали, искали, и порѣшили, наконецъ что Андрей Степановичъ, вмѣстѣ со всѣми, вѣхавшими с нимъ, утонулъ во-время бури, бывшей въ день его переезда черезъ озеро.

Тетка вернулась въ Петербургъ и вскорѣ умерла. Упривлеченіе всѣми помѣстьями покойнаго Андрея Степановича, перешло въ руки его сына, оставшагося въ Петербургъ. Александръ Андреевичъ, какъ молодой человекъ вдругъ оставшійся на свободѣ, принялся прокучивать бытюшкино достояніе, сперва въ Петербургъ, а потомъ, пристрастившись къ охотѣ съ собаками, переезжалъ оцъ изъ одного отцовскаго имѣнія въ другое. Въ тотъ годъ, когда у старика пропала изъ избы Анята, Александръ Андреевичъ жилъ въ помѣстьѣ «Зеленые-Луга». Здѣсь его охотъ простиралась на большое пространство. Разъ онъ съ нѣсколькими изъ знакомыхъ помѣщиковъ переехалъ на цѣлый мѣсяцъ въ тотъ самый лѣсъ, гдѣ плуталъ я прошлую ночь... Здѣсь одинъ изъ охотниковъ увидѣлъ Анята она ему сильно понравилась; онъ увезъ ее изъ избы стрика и когда Анята все, что только помнила, пересказала ему о своемъ рожденіи, только тогда молодого охотника поразило сходство лица Аняты съ лицомъ Александра Андреевича. Радость его была сильная.

Немедленно отвезъ онъ Аняту къ брату ея и молодая дѣвушка была принята съ неописанною радостью. Необычайный поступокъ молодого охотника былъ ему прощенъ потому что имѣлъ такіа счастливыя послѣдствія.

Братъ позаботился о будущности своей дочери, далъ ей приличное званію ея воспитаніе и чрезъ три года она і

шла ж-нужь за молодого человека, полюбившаго ее истинною любовію.

Нѣсколько лѣтъ мужъ ея купилъ именно то имѣніе, въ которомъ Аниота провела свое дѣтство. Тамъ она рѣшилась выстроить дачу и жить въ ней. Аниота рада была случаю побывать въ сторонѣ, гдѣ она выросла, и вместе съ братомъ, впередъ мужа, оставшагося по дѣлажь еще на нѣсколько дней въ Петербургѣ, поехала въ свое новое имѣніе. По просьбѣ брата она на нѣсколько дней остановилась въ «Зеленыхъ-Лугахъ» и послала камеръ-дѣловца старика о своемъ къ нему пріѣздѣ.

Старикъ, выслушавъ разсказъ лакея, не зналъ куда поехать, чѣмъ угостить дорогаго гостя. Казалось, отъ радости онъ совсѣмъ растерялся. Я собрался идти домой, но онъ ухватился за меня руками и ногами, упрашивая подождать пріѣзда его дорогаго гостя. Вытащилъ онъ на крыльцо столъ изъ избы, покрылъ его скатертью, положилъ на него хлѣбъ съ солью; потомъ принялся выметать избу, обтирать вездѣ пыль, мыть лавки.

Къ вечеру небо прояснилось. Озеро отъ широкой зари (на небѣ до половины казалось розовымъ). Старикъ потащилъ меня на гору, гдѣ, бывало, Аниота, нарманила его землемѣрою...

— А что, сударь, не-ужь-то Аниота и въ-самомъ-дѣлѣ пріѣдетъ? Спросилъ онъ, полный сомнѣнія.

Прозябнувъ, я пришелъ въ избу и черезъ окошко долго долго смотрѣлъ на старика, оставшагося на горѣ. Онъ тамъ словно часовой ходилъ, по временамъ отогрѣвая дыханіемъ свои руки.

Раскраснѣлся осенній вечеръ. Надъ озеромъ кружились стаи воронъ. Прижавъ уши, смотрѣла на нихъ съ берега собака, изрѣдка гамкая. Въ снѣгахъ ужъ раза три хлопнула отъ мороза деревянная дверь, а старикъ все еще ходилъ на гору... Я надѣлъ шинель и вышелъ къ нему.

— Нѣтъ, сударь, знать обманулъ меня этотъ лакей: не

идеть Анюта. Да и что тутъ, сказалъ онъ, махнувъ рукой, можетъ ужъ давно ее и на свѣтъ цѣтъ!

А между-тѣмъ, опять засмотрѣлся старикъ на дорогу. Я наконецъ насильно увелъ его домой. Въ избѣ онъ опять принялся разспрашивать лакея. Тотъ наконецъ повернулся отъ него къ стѣнѣ и захрапѣлъ. Вышелъ мой старикъ на крыльцо и я ужъ не могъ его дожидаться оттуда. Утромъ я его увидѣлъ опять на горѣ. Я торопился домой и ушелъ, не прощаясь съ нимъ. Подходя къ лѣсу я обернулся назадъ. Смотрю, засуетился мой старикъ, забѣгалъ во все стороны. Недалеко гдѣ-то по мерзлой землѣ стучалъ тяжелый экипажъ... Черезъ минуту къ воротамъ избы подвѣхала дорожная бричка. Въ ней сидѣла прехорошенькая женщина и махала платкомъ старику, а онъ, цѣпляясь руками за кустарникъ, во весь духъ бѣжалъ внизъ....

Годъ спустя случилось мнѣ опять зайти къ старику, но его избы я ужъ не нашелъ. На ея мѣстѣ закладывался каменный, дошъ, вездѣ суетились рабочіе, а старикъ сидѣлъ на пригоркѣ, да любовался на постройку.

И. КОРВУТОВСКІЙ.

Муромо, 1850.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЭРНЕСТЪ МАЛЬТРАВЕРСЪ.

Романъ Э. М. Бульвера.

(Переводъ съ англійскаго.)

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Прослѣдивъ постепенно безшумные успѣхи умственнаго развитія Эрнеста Мальтраверса, мы должны теперь обратиться назадъ, и обозрѣть испытанія, черезъ которыя суждено было пройти Алисъ Дарвилъ. Поэзія не разсыпала цвѣтовъ по ее одинокому пути, и ея уединенные шаги, направленные къ отдаленной цѣли, гдѣ должно было кончиться это странствіе, не были освѣщены таинственною лампою науки, или сопровождаемы тысячами звѣздъ, безпрестанно сіяющихъ въ не-

бесахъ для тѣхъ избранныхъ глазъ, съ которыхъ геній воображеніе сняли часть земной оболочки. Нѣтъ, не по чуднымъ горнымъ предѣламъ, что возносятся надъ жилищами и заботами обыкновенныхъ смертныхъ — уединеннымъ Аліамъ высшей философіи — скиталось дитя бѣдности и горя по избитой и жесткой большой дорогѣ обыкновенной жизни продолжала она свое печальное путешествіе, съ разстерзаннымъ сердцемъ и окровавленными ногами. Но цѣль, этотъ великой секретъ жизни, этотъ summa summaumъ всей философіи какъ практической, такъ и идеальной, была, можетъ быть, не менѣе доступна для этой покорной дѣвушки, какъ и для быстрыхъ шаговъ человѣка, ищущаго чего-то великаго, и вѣршаго почти въ невозможное.

Возвратимся къ той ужасной ночи, въ которую Аліса была исторгнута изъ своего уединеннаго жилища, наполненнаго мечтами о милонѣ. Прошло много времени, прежде чѣмъ она пришла въ себя, и цѣлѣмъ, какая страшная церемія произошла въ судьбѣ ея. Начинало свѣтать; сѣрыя тучи какъ будто висѣли надъ землею; грубая, покрытая фура, везшая ее, прыгала по глубокимъ колеямъ не слишкомъ битой дороги, извищающейся по гористымъ долинамъ, проявленіе которыхъ въ Англіи пока вызываетъ близость моря. Аліса съ ужасомъ осматривалась вокругъ Уальтерсъ, сообщникъ Дарвила, лежалъ, растянувшись у ногъ ея, и его громкое сопѣніе показывало, что онъ крѣпко спалъ. Дарвилъ же сидѣлъ въ Алісѣ спиною, и прогонялъ несчастную утомленную лошадь; хотя фура была съ навѣсомъ, но въ этомъ мѣстѣ онъ не могъ защищать его отъ дождя, однообразно капаваго съ огромныхъ полей его нахлобученной шляпы. Когда онъ, осматрѣвшись кругомъ, остановилъ свои ужасные мрачные глаза на Алісѣ, ея зловѣщая физиономія, казавшаяся еще страшнѣе отъ синеватаго отблеска печальной зари, представила отвратительную картину нисколько нескрываемой безстыдной низости.

— Ого! Аллей, такъ ты пришла въ чувство, сказалъ онъ съ дѣловымъ ужасною гримасою.— Я этимъ очень доволенъ, потому что я не могу же вести съ собою прекрасную даму въ обморокъ! Ты долго праздновала, Аллей; теперь опять надобно будетъ учиться работать для меня. А, ты страшная плутовка! Ну что прошло, то прошло.... Я все забываю.... Но теперь ты не должна нигде ходить безъ моего позволенія; и не имѣть никакихъ тайнъ отъ своего стараго воспитателя.... не такъ ли, Аллей?

Аліса не могла болѣе слушать; она закрыла лицо салопомъ

который былъ брошенъ на нее, и хотя она несовершенно потеряла чувства, но членъ ея были какъ бы поражены; ей казалось, что она была жертвою страшнаго сна. Въ эту самую минуту Уальтерсъ проснулся, и два злодѣя, не обращая вниманія на ея присутствіе, начали разговаривать о своихъ дальнѣйшихъ планахъ. Мало-по-малу она собралась съ силами столько, что могла подслушивать, въ инстинктивной надеждѣ, что, можетъ-быть, этотъ самый планъ послужитъ ей средствомъ къ побѣгу. Но все, что она могла понять изъ различныхъ и несвязныхъ предположеній, о которыхъ они толковали едва понятнымъ ей нарѣчіемъ, и спорили о каждомъ съ ужасными проклятіями, было то, что, во всякомъ случаѣ, они рѣшились уѣхать изъ провинціи, въ которой находились теперь, но сами не знали куда отправятся. Наконецъ фура осталась у полуразвалившейся съ виду хижины; но вывѣска показывала, что это былъ постоялый дворъ, который обѣщала хорошій ночлегъ путешественникамъ; на этой вывѣскѣ въ числѣ прочаго находилось слѣдующее анграмматическое двуставіе: —

«Old Tom, he is best of gin;
Prink him once, and you' ll drink him agin!»

Старый Томъ есть самая лучшая западня: посите его разъ, и вы будете пить его еще!

Эта хижина стояла далеко отъ всякаго жилья, и безплодная земля, окружающая ее, была совершенно обнажена; ни одного деревца, ни даже кустарника, не было видно на большомъ разстояніи. Алиса съ отчаяніемъ въ душѣ увидѣла, что вся надежда убраться изъ такого открытаго мѣста было невозможно. Не смотря на то, Дарвилъ, для большей вѣрности, самъ высадилъ ее въ фуры, провелъ по несчащливой, развалившейся лестницѣ въ комнату, которую скорѣе можно было назвать чердакомъ, и грубо втолкнувъ ее туда, заперъ дверь ключомъ, а самъ сошелъ внизъ. На дворѣ было холодно, и синеватыя капли дрожали на почернѣвшихъ стѣнахъ, а въ комнатѣ не было огня, ни каминна; но какъ ни легко была Алиса одѣта, потому что сапогъ и плащъ составляли главную ея одежду, все-таки она испытывала холода; сердце ея въ эту минуту было холоднѣе, чѣмъ воздухъ. Въ поддень какая-то старуха принесла ей обѣдъ, состоявшій изъ рыбы и дичи; такого обѣда трудно было ожидать отъ подобнаго постоялага двора, и онъ могъ

бы показаться пиршествомъ подъ кровлею Дарвиля. Старуха пригласительнымъ взглядомъ показала ей на оловянную фляжку, наполненную сѣрватою водкою, принесенную вмѣстѣ съ обѣдомъ, и увѣряла хриплымъ и дребезжащимъ голосомъ, что «Старый Томъ» былъ лучшей другъ, чѣмъ всѣ молодые волкиты! Окончивъ эту интермедію, она вышла, и Алиса осталась одна до самой ночи; тогда вошелъ Дарвиль, съ узломъ въ рукахъ, заключавшемъ въ себѣ разное платье, какое было въ употребленіи у крестьянокъ этой отдаленной провинціи Англіи.

— Ну, Аллей, сказалъ онъ: надѣнь-ка это тепленькое платье; наряды теперь не къ мѣсту. Мы не должны оставлять слѣда за собой, гончія съ тонкимъ чутьемъ слѣдуютъ за нами. Тутъ есть хорошенькое шерстяное платьице для тебя, моя капризница, красный клочекъ, который въ состояніи испугать индѣйскаго пѣтуха. Что касается до твоего самопа и шали, не бойся, они уйдутъ въ ветошный рядъ; мы ихъ прибережемъ до какого-нибудь большаго города, тамъ есть молодые весельчаки, у которыхъ деньги звенятъ въ карманахъ, Аллей.... Ну же, торопись, мы должны были бы уже улетѣть. Я приду за тобой черезъ десять минутъ.... Ну, фу! не сантиментальничай; вотъ, въ пей «старого Тома», вышей, говорятъ тебѣ. Какъ, ты не хочешь? Хорошо, такъ за твое здоровье, и желаю тебѣ въ другой разъ лучшаго аппетита!

Теперь, когда дверь снова захлопнулась за Дарвилемъ, утешительныя слезы въ первый разъ хлынули изъ глазъ Алисы. Женственная слабость доставила Алисѣ это женственное утѣшеніе. Этотъ нарядъ былъ выборъ и подарокъ Эрнеста; былъ послѣднимъ напоминаніемъ той прекрасной жизни, которая, казалось, улетала въ эту минуту навсегда. Не оставалось никакого слѣда той жизни, его, существа любящаго, кровителемъ ея и обожаемаго ею, даже ее самой, томъ видѣ, какъ она была пересоздана любовью; все должно было исчезнуть навсегда. Она еще рыдала въ припадкѣ страсти своего горя и непреодолимой страсти, когда Дарвиль вошелъ въ комнату.

— Какъ, еще не одѣта? воскликнулъ онъ голосомъ, въ которомъ выразилось нетерпѣливое бѣшенство: — послушай, эти капризы къ чему не поведутъ. Если въ двѣ минуты ты не будешь готова, то я позову Джона Уальтерса помочь тебѣ, а у него рука тяжела, я предупреждаю тебя.

Эта угроза привела Алису въ себя.

— Я слылаю все, что вамъ угодно, сказала она кротко.

— Хорошо, такъ поспѣши же, сказалъ Дарвилъ: они уже закладываютъ лошадь. Но помни, дѣвочка, что воспитатель твой бѣжитъ отъ висѣлицы, а эта мысль дѣлаетъ человѣка слишкомъ подозрительнымъ. Если ты попробуешь бѣжать, или что нибудь сдѣлаешь, или скажешь, что можетъ навести на насъ говчихъ, то дорого съ нами за это расплатишься.

Таковъ былъ Дарвилъ, и въ такомъ положеніи находилась та, которой ухо въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ не слышало ничего другаго, кромѣ шопота любви и журчанія страсти, выходящихъ изъ устъ поэзіи.

Она продолжала свой путь до полночи, и тогда пристала на восточный дворъ, почти ничѣмъ неотличавшійся отъ перваго.

II.

Испытанія твои были многочисленны, бѣдное дитя; такъ многочисленны, что ихъ невозможно было бы описать, хотя бы эту книгу распространить хоть на сто томовъ. Мы можемъ говорить о вѣрности печатныхъ книгъ, но есть ли хоть одинъ мигъ, написавшій даже собственную свою біографію, который не выпустилъ бы, по-крайней-мѣрѣ, девять десятыхъ изъ самыхъ важныхъ матеріаловъ? Что такое три тома, что такое шесть томовъ? Мы живемъ шесть томовъ въ день! Мысль, душевное движеніе, радость, печаль, надежда, страхъ, какъ они были бы пространны, если бы могли рассказать свою собственную исторію, слѣдя часъ за часомъ! Но жизнь человѣка есть не что иное, какъ сокращеніе той жизни, которая называется вѣчнымъ, вѣчною, и самая аккуратныя его признанія суть не что иное, какъ сокращеніе сокращенія....

Прошло три мѣсяца или болѣе съ той ночи, въ которую Агнеса усыпила себя слезами, посреди своихъ дикихъ собесѣдованій, до той минуты, когда она наконецъ успѣла ускользнуть отъ зоркихъ глазъ своего воспитателя. Въ это время она находилась на берегахъ Ирландіи. Дарвилъ разстался съ Уальтерсомъ и съ другими своими товарищами контрабандистами;

онъ спустилъ почти всё деньги, которые доставалъ съ ними вмѣстѣ, посредствомъ различныхъ преступлений

Напившись разъ пьянъ, онъ вытолкая изъ дома Алису, а самъ сталъ наблюдать за каждымъ ея движеніемъ. Это происходило въ предмѣстіи города Корки. Она въ одну секунду рѣшилась на побѣгъ, и повернувъ вдругъ въ узкій переулокъ, полетѣла, какъ на крыльяхъ. Напрасно Дарвиэль старался догнать ее; глаза его помутнѣли, а ноги отяжелѣли отъ ошарашенія. Она слышала его послѣднюю брань, раздающуюся издали по воздуху, и страхъ еще болѣе ускорилъ ея шаги; наконецъ она остановилась, очутившись на краю города; она остановилась выбившись изъ силъ отъ смертельной усталости.

Была лѣтняя ночь. Она сѣла на большой камень. Съ одной стороны находился городъ съ своими огнями и фонарями; съ другой, вдали виднѣлось бѣловатое поле, а сверху свѣтила луна, и яркія звѣзды были разсыпаны по небу; она мысленно возвела свои глаза, наполненные слезами, выше луны и звѣздъ и молила, чтобъ Богъ Покровитель спасъ ее. Итакъ послѣ краткаго отдохновенія и безмолвной молитвы, она встала и отправилась опять въ путь. Наконецъ, когда силы ея начали опять отказываться, она пошла на дворъ одной фермы, и тамъ подъ навѣсомъ, въ первый разъ въ продолженіе многихъ недѣль, уснула спокойнымъ сномъ безопасности и надежды.

III.

Прошло ровно два года съ тѣхъ поръ, какъ Алиса была похищена изъ уединенной хижины; и въ то самое время, какъ Мальтраверсъ считался посреди разваливъ древняго Вѣнста, въ той самой долины, по которой Алиса и любовникъ думи прохаживались такъ часто рука объ руку. Собралась веселая толпа дѣтей и молодыхъ людей. Домикъ купилъ одинъ богатый, но славнѣе уже свои дѣла фабрикантъ. Онъ надстроилъ на немъ еще довольно высвкій этажъ; свѣтлѣе и вѣнстѣ имень зашпанилъ солому на крышѣ; прекрасныя галереи, напѣченныя вьющившия растенія, были сняты, потому что и стрижъ Гэббсъ находила, что отъ нихъ комнаты прѣстѣ.

вратный видъ; четыре оштукатуренныя колонны іоническаго ордена замѣнили прежнее сельское крылечко; новая столовая въ двадцать два фута длиною и въ восемнадцать шириною и вся гостиная надъ нею, составляли особенное крыло. Одинакъ словомъ, бѣдная хижина теперь казалась великолѣпною шлоу. Фонтанъ былъ закрытъ навсегда, потому-что находили, что отъ него заводилась сырость въ дошѣ, а отъ воротъ къ дому была проложена широкая дорога для проѣзда экипажей. Ворота были уже не тѣ скромныя, деревянныя, выкрашенныя зеленою краскою и всегда готовыя отвориться на своихъ слабыхъ петляхъ, но высокія чугунныя, великолѣпныя и крѣпко затворенныя ворота, висящія на двухъ соответствующихъ фрыльду колоннахъ. На одной изъ колоннъ была прибита мѣдная доска, на которой была слѣдующая надпись: «Гоббсъ—Позвоните въ колокольчикъ».

Гоббсы, и большіе и маленькіе, всѣ были на лугу; многие изъ нихъ только что пришли изъ школы, потому-что это былъ уже полупраздникъ—суббота послѣ полуночи. Тутъ-то было и радость, и шумъ, и крикъ, а почтенная старая чета смотрѣла на все спокойно. Гоббсъ отецъ курилъ трубку; (увы это былъ не прежній милый meergschaum!) мистрисъ Гоббсъ рассказывала своей старшей дочери (молодой и прекрасной женщинѣ, три мѣсяца тому назадъ вышедшей замужъ по любви за бѣднаго челоука), сколько дней можетъ служить нога барянины (вѣсомъ въ десять фунтовъ).

— Всегда, моя милая, покупай большіе куски, они гораздо выдоятъ. Посмотримъ, что это шальчики такъ расшумѣлись! Нѣтъ, моя душенька, твоего мячика здѣсь нѣтъ.

— Ахъ, мама, онъ подъ вашими платьями.

— Ахъ дитя, какъ ты надеждаешь!

— Эи, вы, серъ, теперь моя очередь начинать. Види, погоди. Дѣвочки никогда не начинаютъ, да вамъ и не прилично мѣшаться въ игры шальчиковъ.

— Бобъ, ты плутуешь.

— Папа, Недъ говоритъ, что я плутую.

— Очень вѣроятно, мой милый, вѣдь тебѣ пречать въ адвокаты.

— На чемъ бишь я остановилась, моя милая? начала опять мистрисъ Гоббсъ, садясь и выправляя свои помятыя юбки.

— Да, на бараньей ногѣ! Да, большіе куски гораздо лучше; на другой день можно сдѣлать вкусное битое съ поджаренными корочками; на третій день кости, поджаренныя на рострѣ;—шумъ

твой, вѣрно, любить это блюдо! а остатки мяса можно прибегнуть къ субботѣ на пироги; ты знаешь, моя милая, что мы съ отцемъ начинали свою жизнь гораздо бѣднѣе, чѣмъ вы теперь. Но теперь мы пьемъ все, что только пожелаемъ; все прекрасное окружаетъ насъ... ничто не можетъ сравниться съ бережливостью и порядкомъ. Въ субботу пироги, это очень хорошая вещь, а къ воскресенью кусокъ и оконченъ. Хорошая жена, какъ ты, никогда не должна пренебрегать суботними пирогами!

— Да, сказала молодая супруга съ грустью: но мистеръ Гидди не любитъ пироговъ.

— Не любить пироговъ! это очень странно. Мистеръ Гоббсъ очень любитъ пироги. Но, можетъ-быть, ты корку дѣлаешь не довольно мягко? Но отъ чего бы это не происходило, ты все-таки можешь приготовить ему это мясо въ пуддингѣ: я увѣрена, что мистеръ Гидди любитъ пуддингъ; жена всегда должна изучать вкусъ своего мужа; что значитъ для мужчины домашній бытъ безъ любви? Но я должна сказать, что весьма неблагоприятно не любить субботніе пироги.

— Ахъ! мама, видите ли вы эту цыганку? Я пойду къ ней и буду гадать.

— И я... и я!

— Боже мой, тамъ въ-самомъ-дѣлѣ стоитъ одна изъ этихъ шатающихся плутовокъ, закричалъ мистеръ Гоббсъ, вскочивъ съ гнѣвомъ съ своего мѣста:—о чемъ же думаетъ староста?

Мининая цыганка, обратившая на себя вниманіе, какъ отца, такъ и дѣтей, была молодая женщина въ чрезвычайно изношенномъ клоукѣ; она приложила лицо свое къ рѣшеткѣ, и внимательно, напряженно внимательно! смотрѣла во внутренность двора. Дѣти съ чрезвычайною поспѣшностью побѣжали къ ней, но они невольнo пріостановили шаги свои, когда, подбѣжавши поближе, увидѣли, что ошиблись въ своемъ предположеніи. Ея блѣдныя и нѣжныя щеки совсѣмъ не были похожи на обыкновенный загорѣлый цвѣтъ лица цыганокъ; ея большіе голубые глаза, наполненные слезами, не имѣли ничего общаго съ плутовскими глазами цыганокъ, и цыганское безстыдство не затемняло ея невинное и почти дѣтское выраженіе лица. Между-тѣмъ, какъ она судорожно прижимала свое лицо къ холодному чугуну, дѣти, какъ бы заразившись ея невыразимою и боязливою печалью, подошли къ ней съ невольнымъ уваженіемъ.

— Вамъ что нибудь нужно здѣсь? спросилъ самый старшій и самый смѣлый изъ мальчиковъ.

— Я... я... Кажется это Дэль-Котеджъ?

— Да, это мѣсто называлось прежде Дель-Котеджъ, а теперь Гоббсъ-Лоджъ; развѣ вы не умѣете читать? сказалъ наследникъ чести дома Гоббсовъ.

— А... а... Мистеръ Бутлеръ, вѣрно, также уѣхалъ?

Бѣдное дитя! она выражалась такъ, какъ будто прежняя, неуукрашенная хижина уѣхала; портики и колонны ионическаго ордена не составляли для нея никакой прелести!

— Бутлеръ? такого нѣтъ здѣсь. Папа, вы знаете, гдѣ живетъ мистеръ Бутлеръ?

Гоббсъ въ эту минуту уже направился къ мѣсту конференціи закъ тяжелая артиллерія.

— Бутлеръ? не знаю такой фамиліи, сказалъ онъ: никакого мистера Бутлера здѣсь не живетъ. Идв себѣ.

— Здѣсь нѣтъ мистера Бутлера! сказала молодая женщина, едм дыша, и хваталась за рѣшетку, чтобы не упасть. Но увѣрены ли въ этомъ, серъ?

— Увѣренъ, да. На что онъ тебѣ нуженъ?

— О, папа, она, кажется изнемогаетъ, сказала одна изъ дѣвочекъ, съ большимъ чувствомъ, позвольте велѣть ее накормить, я увѣрена, что она очень голодна.

Войди, дочь моя, тебя здѣсь накормятъ.

Дѣвушка, казалось, не слыхала его словъ, и онъ, повторяя свое приглашеніе, отперъ ворота.

— Нѣтъ, серъ, сказала она наконецъ: нѣтъ, благодарю васъ. Я теперь не могу сюда войти. Я не могу здѣсь ѣсть. Но умоляю васъ, скажите мнѣ, серъ, гдѣ мнѣ найти мистера Бутлера?

— Бутлера! сказала мистрисъ Гоббсъ, которую любопытство привлекло къ этому же мѣсту. Я припоминаю, что эта фамилія того самаго господина, который прежде насъ-нанималъ этотъ домъ, и котораго обокрали.

— Обокрали! вскрикнулъ мистеръ Гоббсъ, пошатываясь назадъ и запирая опять ворота. А новый-то чайникъ, только что привесли, пробормоталъ онъ.

Молодая женщина дико посмотрѣла ему въ лицо, и бросивъ быстрый взглядъ на перемѣнившееся мѣсто, судорожно накинула свой плащъ на плечи, какъ-будто въ эту минуту сильный вѣтеръ дунулъ на ея delicate члены, и пошла прочь, не сказавъ болѣе ни одного слова. Остатокъ семейства смо-

трѣло ей вслѣдъ, когда она неровными шагами спускалась подъ гору по дорогѣ, и всѣ почувствовали то угрызение совѣсти, которое свойственно человѣческому сердцу, при видѣ несчастнаго, которому не старались подать помощи. Путница остановилась, и съ особеннымъ выраженіемъ нѣжности смотрѣла назадъ. Даже и на такомъ разстояніи, какое отдѣляло ее уже отъ дома, можно было видѣть отчаяніе. Потомъ она повернула по дорогѣ, и исчезла изъ виду....

Алиса поддерживала свои силы и свое мужество во-время страшной и медленной болѣзни, которая продержала ее, какъ въ карантинѣ, нѣсколько мѣсяцевъ на крестьянской постелѣ (предметъ грубой, но дружеской благотворительности врандскаго крестьянина); она всякій день наговаривала себѣ, чтобъ поддержать упадающую надежду: какъ только выздоровлю, то пойду, и буду просить, чтобы мнѣ показали дорогу къ хижинѣ; вѣрно, найду его тамъ, и жизнь опять разцвѣтетъ для меня. Вотъ для чего она пошла въ далекую сторону, какъ скоро только могла ходить безъ помощи другаго; для этого она, алчущая и жаждущая, по холоду и жару, направляла свои уединенные шаги, почти съ собачьимъ чутьемъ къ жилищу своего прежняго хозяина! потому-что она не знала въ какую сторону идти, въ какомъ мѣстѣ находилась хижина; она только знала названіе ближайшаго города; хотя онъ былъ чрезвычайно многолюдный, но названіе его странно звучало въ ушахъ тѣхъ, къ кому она обращалась, и очень часто ее посылали совсѣмъ въ другую сторону. Три раза она истощала продолжительною ходьбою свои силы, и три раза была обязана унижительному сожалѣнію постелью, на которой могла успокоить свои лихорадочные, разбитые члены.

И такъ много, много прошло мѣсяцевъ съ того дня, какъ она пустилась въ путь, до-тѣхъ-поръ, какъ она думала достигнуть своей цѣли. Но никогда она не отчаявалась, напротивъ—сердце ея билось постоянною надеждою. Она всегда думала, что увидитъ опять Эрнеста. А теперь.... нѣтъ.... я не могу выразить дѣйствіе этого оглушительнаго для нея удара! Она не имѣла понятія о нѣжныхъ предосторожностяхъ Мальтраверса, и онъ не сообразилъ хорошенько ея совершенное незнаніе свѣта, и что по этому она не могла воспользоваться его заботливостью. Какъ она могла догадаться, что въ одной милѣ отъ хижины жилъ судья отъ котораго она могла бы узнать все, что пожелала! Еслибы она встрѣтила садовника, или старую служанку, вслѣдъ устроилось бы тогда иначе. Ей, въ-самомъ-дѣлѣ, пришло

на мысль поговорить съ нимъ. Но старуха умерла, а садовникъ былъ катъ въ услуженіи къ какому-то господину въ отдаленную провинцію. Такимъ-образомъ погасъ и послѣдній лучъ ея надежды. Если бы хоть одинъ человѣкъ, вспомнивши розыскъ Мальтраверса, встрѣтилъ бы и узналъ Алису! Но ее видѣли слишкомъ немногіе, и къ тому же прежняя блестящая и свѣтлая хлѣбушка такъ измѣнилась въ продолженіе своего страшнаго странствія! Но ея путешествіе еще не кончилось, и много еще страшныхъ вѣтровъ на бурныхъ моряхъ должна была выправить ее утлая ладья, прежде достиженія до своей пристани...

IV.

«Терпѣніе и печаль борются, кто лучше выразитъ ея доброту».

Шекспиръ.

«Я жалѣю ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ и же ее подпора».

Теперь Алиса почувствовала, что она была одна въ цѣломъ мірѣ, не имѣя надежды на чье-либо покровительство. Понятно, въ началѣ дѣлѣй странной мучилъ новый духъ, но не надежды, а терпѣнія, проявился въ ней. Ея удивительныя странствія, въ которыхъ Единный Богъ былъ ея путеводителемъ, много способствовали къ факрѣленію души ея. Она твердо убовала на таинственное милосердіе Творца. Оставленная въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ на собственный произволъ и собственныя силы, она должна была обискивать себѣ насущный хлѣбъ, отъ чего умственныя ея понятія незамѣтно наострились, а характеръ, отъ природы застѣчивый и женственно нѣжный, получалъ необыкновенную твердость. Она рѣшилась отпривиться въ другую провинцію, потому-что не могла переносить тѣхъ призраковъ, какія порождало въ ней сосѣдство этой хлѣбушки, ни думать безъ ужаса о возможности возвращенія Дарвиала. Вслѣдствіе этого, она въ одно утро снова начала свое странствіе, и

послѣ недѣльной ходьбы очутилась въ одномъ небольшомъ селеніи. Благотворительность такъ обыкновенна въ Англии, она такъ добровольно выказывается вездѣ, подобно доброму зерну на краяхъ большой дороги, что Алиса рѣдко нуждалась въ чемъ необходимомъ для существованія. Ея скромный видъ и тихій мелодическій голосъ, столь различный отъ обыкновенныхъ жалобныхъ криковъ нищихъ, обыкновенно дѣйствовали даже на самыхъ грубыхъ. Такимъ-образомъ она всякій день до ставала столько, что могла купить себѣ хлѣба и заплатить за ночлегъ, а если иногда у ней и недоставало денегъ, то она умѣла выносить голодъ, и не боялась провести ночь подъ какимъ-нибудь навѣсомъ, а если это случалось на берегу моря, то въ какой-нибудь скрытой пещерѣ.

Случилось такъ, что Алиса, тащась изнеможенная къ околицѣ одного селенія, въ которомъ думала найти пріютъ послѣ дневнаго путешествія, встрѣтила одну леди, которая казалась нѣсколько старѣе зрѣлаго возраста, и въ чертахъ которой страданіе было такъ видимо, что Алиса не рѣшилась просить ея милостыни. Въ ней была странная деликатность, или гордость, или какъ хотите назовите проявленіе этого чувства, и она скорѣе обращалась за милостынею къ холоднымъ и суровымъ, чѣмъ къ тѣмъ, которые смотрѣли на нее съ участіемъ. Ей больно было унижаться въ глазахъ послѣднихъ.

Леди остановилась.

— Куда ты идешь, бѣдняжка?

— Куда Богу угодно, сударыня, отвѣчала Алиса.

— Ты еще кажешься ребенкомъ, а ведешь скитальческую жизнь!

— Вотъ мой кровъ, сударыня, сказала Алиса, взглянувъ на небо: вотъ все, что я имѣю.

— Ты не замужемъ? спросила леди.

— Замужемъ! о нѣтъ, сударыня, отвѣчала Алиса просто душно: но желала бы найти того, къ кому влечетъ меня мое сердце!

Леди тихонько подалась назадъ, но не съ ужасомъ, нѣтъ, опять-таки съ глубокимъ состраданіемъ.

— Это очень жаль, сказала она, однакожь съ бѣльшею важностью въ голосъ. Но гдѣ же ты думаешь найти его?

— Ахъ, сударыня, мнѣ кажется, что я уже больше не увижу его, и Алиса зарыдала.

— Какъ!... онъ бросилъ тебя?... такую молодую, вскричала леди, такую прекрасную... прибавила она сама для себя.

— Бросягъ меня! о нѣтъ, сударыня; но это длинная исторія. *Добрый вечеръ.... благодарю васъ за состраданіе.*

Глаза леди наполнились слезами.

— Постой, сказала она: расскажи мнѣ откровенно, куда ты идешь, в какія твои намѣренія?

— Увы! я иду, куда глаза глядятъ; у меня нѣтъ дома, сударыня; но я желала бы жить работой, чтобъ имѣть насущный хлѣбъ. Я желала бы добывать деньги трудами; *она* часто говаривала мнѣ, что я могу это сдѣлать.

— Онь! но вашъ разговоръ и ваши манеры показываютъ, что вы совсѣмъ не крестьянка? Что же вы можете дѣлать?... что вы знаете?

— Музыку и разныя работы, и.... и....

— Музыку!... это страшно! Кто же ваши родители?

Алиса вздрогнула и закрыла лицо руками.

Это еще болѣе заинтересовало сострадательную леди.

— Она не должна быть брошена на произволь судьбы, одна въ дѣломъ мірѣ, сказала сама себѣ леди. Слѣдуйте за мною, продолжала она, послѣ нѣкотораго размышленія: и знайте, что вы нашли во мнѣ друга.

Съ этими словами леди своротила съ большой дороги и спустилась въ зеленую аллею, которая вела въ сторожевой домикъ парка. Она вошла въ этотъ домикъ, и послѣ краткаго разговора съ живущею въ немъ особою, сдѣлала Алисѣ знакъ рукою, чтобъ она приблизилась.

— Джанетъ, сказала новая покровительница Алисы, вышедшей изъ сторожки и весело смотрящей женщиной: вотъ съ этою молодою особою я прошу тебя обращаться съ величайшимъ вниманіемъ и вѣжливостью. Завтра утромъ я пришлю ей приличное платье, и обдумую хорошенько, что можно будетъ сдѣлать лучшаго для ея будущности.

Съ этими словами она благосклонно улыбулась бѣдной Алисе, сердце которой было такъ переполнено, что она не могла произнести ни одного слова. Когда дверь хижины затворилась за нею, Алисѣ показалось, что день сталъ гораздо пасмурнѣе.

У.

«Повѣрите мнѣ, она очень меня растрогала, и заставила жалѣть себя. Увы! ея ли деликатной натурѣ было бороться съ несчастіями?»

Роу.

«Съ раннихъ лѣтъ онъ былъ скромнѣе и благороднѣе заботливѣе къ формамъ; но еще болѣе внимателенъ къ истинамъ; онъ всегда былъ одѣтъ въ приличное, но скромнаго покроя платье, а свѣтлый взоръ его выражалъ спокойствіе духа.... Однажды въ его сверкающихъ глазахъ можно было замѣтить нѣкоторое лукавство и зоркость, походящую на шпионство; друзья считали его проницательнымъ, а враги хитрецомъ; но ни друзья, ни враги не могли бы обвинить его ни въ какомъ преступленіи его поступки, равно какъ и разговоръ, были ясны и чисты. Его считали человекомъ строгихъ правилъ, благороднымъ, сдержаннымъ, и набожнымъ, и онъ дѣйствительно былъ таковъ, и не прасія выказывала себѣ, что былъ.»

Крэддокъ.

«Я пойду далѣе, и развѣдаю эту тайну.»

Веллингтъ и Флетчеръ.

Мистрисъ Лесли, дама, введенная въ предыдущую главу была женщина твердаго, здраваго и разсчетливаго ума, но имѣла съ тѣмъ и чувствительнаго сердца (это соединеніе встрѣчается очень нерѣдко). Она выслушала исторію Алисы съ удивленіемъ и состраданіемъ. Природная невнимательность и честность молодой дѣвушки такъ краснорѣчиво высказывались въ ея словахъ и взорѣ, что мистрисъ Лесли, выслушавъ ея исторію, нашла Алису совсѣмъ не такою, чѣмъ ожидала. Но все таки она сочла необходимымъ растошовать Алису о неумѣстности ея поисковъ, но въ этомъ случаѣ Алиса была необыкновенно безтолкова, она кротко и терпѣливо выслушала урокъ мистрисъ Лесли, но видно было, что онъ не сдѣлалъ на нее почти никакого вліянія. Она такъ мало знала законъ общежитія, и потому въ ней трудно было изгладить первое впечатлѣніе природы. Вотъ все, что она могла сказать въ отвѣтъ мистрисъ Лесли:

— Все, что вы говорите, сударыня, можетъ-быть истинная правда, но съ-тѣхъ-поръ, какъ я люблю его, мнѣ кажется, что я стала гораздо лучше!

Хотя Алиса съ покорностью принимала всякое замѣчаніе насчетъ себя, но никакъ не хотѣла слышать ни одного укорительнаго слова противъ Мальтраверса. Онъ былъ кумиръ души ея, который, по ея мнѣнію, одинъ стоялъ какъ бы на pedestalъ между небомъ и землею. Съ трудомъ мистрисъ Лесли могла успокоивать ее, а еще съ болѣющимъ трудомъ утѣшать; мистрисъ Лесли привязывалась къ ней своими женственными сердцемъ всякой день все болѣе и болѣе. Чѣмъ больше она видѣла Алису, тѣмъ лучше понимала ея исторію и ея характеръ, и тѣмъ больше терялась въ удивленіи отъ романа, въ которомъ это прекрасное дитя играло роль героини, и тѣмъ больше безцокондась о ея будущности.

Наконецъ, когда она узнала музыкальный талантъ Алисы, задантъ истинно необыкновенный, новая и свѣтлая мысль мелькнула въ головѣ ея. Въ немъ былъ источникъ ея будущей независимости. Надобно вспомнить, что Мальтраверсъ былъ отличный музыкантъ, и соединялъ познаніе со вкусомъ, а природная способность Алисы къ этому искусству поставила ее въ нѣсколько мѣсяцевъ на такую степень совершенства, для которой отъ другихъ, даже и отъ самаго Мальтраверса, требовались упражненія многихъ лѣтъ. Но мы такъ скоро научаемся всему отъ тѣхъ, кого любимъ! Къ тому же надобно замѣтить, что чѣмъ тѣснѣе кругъ нашихъ познаній, чѣмъ меньше мы одарены умственными способностями, тѣмъ восприимчивѣе мы бываемъ къ музыкѣ, этой истинно ровной образовательницѣ ума. Мистрисъ Лесли рѣшилась дать Алисѣ возможность усовершенствоватъ этотъ талантъ, для того, чтобы впоследствии она могла давать уроки.

Въ томъ же самомъ графствѣ, въ городѣ С... милахъ въ тридцати отъ жилища мистрисъ Лесли, было многочисленное общество богатыхъ и образованныхъ людей; въ городѣ находилась соборная церковь, и присутствующее въ ней духовенство собирало вокругъ себя всю провинціальную аристократію. Здѣсь, какъ и въ болѣеи части рекоммерческихъ городовъ Англіи, музыкѣ учили какъ въ высшемъ классѣ, такъ и въ среднемъ. Въ немъ давались концерты, составленные изъ аматѣровъ, были устроены музыкальные клубы, подписки на духовные концерты, и каждая пятъ лѣтъ былъ огромный музыкальный праздникъ. Въ этомъ-то городѣ мистрисъ Лесли помѣстна

Алису къ одному бывшему профессору музыки, который, удалившись съ поприща своего занятія, не боялся уже болѣе соперниковъ, и который на довольно выгодныхъ условіяхъ согласился окончить музыкальное образованіе Алисы. Это было спокойное и достойное выбора жилище, потому-что музыкальный учитель и жена его были люди добраго и небрюзгливаго нрава.

Достаточно было трехъ мѣсяцевъ рѣшительнаго и безпрестаннаго упражненія, соединяаго съ необыкновеннымъ послушаніемъ и врожденною способностью Алисы, чтобы поставить ее выше всѣхъ настоящихъ и бывшихъ ученицъ этого добраго учителя. А еще три мѣсяца спустя мистрисъ Лесли ввела ее во многія семейства, какъ преподавательницу музыки. Алиса могла уже устроиться въ своей собственной квартирѣ; постоянные уроки и участіе, принимаемое ею во временныхъ концертахъ, доставили ей то, что благоразумно предсказывалъ ей первый ея преподаватель музыки—«честную независимость.»

Мистрисъ Лесли была необыкновенно осторожная женщина, и потому не хотѣла взять всю отвѣтственность этого дѣла на себя; и послѣ многихъ соображеній рѣшилась довѣрить его одному человѣку, котораго высокая нравственность и религіозная набожность были извѣстны всему городу.

То былъ богатый, недавно овдовѣвшій банкиръ, который жилъ въ окрестностяхъ города, выбраннаго для будущаго пребыванія Алисы; въ это самое время онъ прїѣзжалъ съ визитомъ къ сосѣдямъ мистрисъ Лесли. Онъ былъ когда-то представителемъ города С^{***} въ парламентъ, но удалился отъ законодательнаго сословія, находя, что эти занятія, даже до преобразованія палаты, были ему не подъ-силу, а бессонныя ночи страшно вредили здоровью; однакожъ до-сихъ-поръ онъ еще сохранилъ такое вліяніе, что могъ рѣшать избраніе если не обонхъ, то, по-крайней-мѣрѣ, одного депутата города С^{***}. Это вліяніе онъ умѣлъ употреблять въ пользу собственнаго интереса, который, по его мнѣнію, скорѣе долженъ былъ подвинуть впередъ нѣкоторые его честолюбивые замыслы, (потому-что онъ былъ и хвастливый и честолюбивый человѣкъ на избранной имъ дорогѣ), чѣмъ всѣ мнѣнія и голоса парламента, поприще, на которомъ звѣзда его свѣтилась не слишкомъ ярко. Съ такою удивительною ловкостью банкиръ успѣвалъ въ одно и тоже время и поддерживать министерство, и сохранять благорасположеніе виговъ и диссентеровъ своей провинціи. Во всемъ графѣ

ствѣ не было ни одного человѣка, котораго уважали бы такъ, какъ этого могучаго банкира; а между-тѣмъ онъ не обладалъ никакими блестящими талантами, хотя и былъ чело-вѣкъ дѣловой и энергическій. Своимъ положеніемъ въ обществѣ онъ единственно былъ обязанъ силѣ своего нравственнаго характера. Онъ чувствовалъ это, и гордился своимъ превосходствомъ. Онъ чрезвычайно дорожилъ малѣйшимъ атомомъ своего отличія, сохраненіе котораго требовало большой осторожности и непрестаннаго наблюденія за собою. Это былъ весьма замѣчательный характеръ, но, можетъ-быть, мы нашли бы его не слишкомъ необыкновеннымъ, если бы могли про-смотреть во всѣ сердца. Онъ возвысился, говоря сравнительно, изъ низкаго происхожденія и изъ ничтожнаго состоянія, и былъ единственно обязанъ точной и непоколебимой акку-ратности своего наружнаго поведенія; по этому онъ всѣ свои мысли о житейскомъ счастьи и чести связывалъ нераздѣльно съ правдичіемъ и неупречностью внѣшней жизни. Такимъ обра-зомъ, не будучи злымъ человѣкомъ, онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ лицемеря. Годъ отъ году онъ становился строже, какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ. Онъ былъ, такъ-сказать, храни-льщикъ совѣсти всего города, и казалось бы неслыханномъ дѣломъ, еслибъ кто-нибудь осмѣлился написать духовную, или внести свое имя въ какую-нибудь благотворительную подписку, не спросивши его мнѣнія. Такъ какъ онъ былъ чело-вѣкъ про-видательный и хитрый то въ совѣтахъ своихъ онъ старался всегда помирить совѣсть съ интересомъ. Но нашъ банкиръ былъ истинно благотворительный и снисходительный чело-вѣкъ, и благочестіе его было искренно. Въ чемъ же состояло его лицемеріе? Въ томъ только, что онъ старался казаться благо-творительнѣе, чело-вѣколюбивѣе и набожнѣе, чѣмъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Его репутація дошла въ настоящее время до та-кой степени чистоты и лоску, что малѣйшая тусклость, неза-мѣтная на репутаціи другаго чело-вѣка, оставила бы на имени банкира неизгладимое пятно. Весьма естественно, что у него было много завистниковъ, которые наблюдали за малѣйшими под-робностями его поведенія. Съ другой стороны, великое ува-женіе его послѣдователей, доводило его доброту до усилий, ес-ли не выше всей чело-вѣческой власти, то, по-крайней-мѣрѣ, выше его собственной. Природа же надѣлила банкира порядоч-нымъ количествомъ животныхъ побужденій, сильными страстями и чувственнымъ темпераментомъ. Онъ любилъ хорошіи столы и доброе вино.

Банкиръ женился на женщинѣ гораздо старѣе себя, потому что богатство ея должно было служить первымъ краеугольнымъ камнемъ для его будущей карьеры. Его примѣрное поведение съ женою, которая была какъ стара, такъ и дурна собою, прибавило много лоску его безукоризненной репутаціи. Она умерла послѣ продолжительной перемежающейся лихорадки, и вдовецъ не выказывалъ такого отчаяннаго горя, которое могло бы показаться невѣроятнымъ.

— Буди воля Его святая! сказалъ онъ: — она была добра женщиной, но земля есть и въ землю пойте!

Вотъ все, что отъ него услышали по этому предмету. Онъ взялъ къ себѣ дальнюю свою родственницу, пожилую женщину, которая должна была управлять всѣмъ хозяйствомъ и занимать за обѣдомъ мѣсто хозяйки дома; и хотя ему стукнуло уже пятьдесятъ лѣтъ, многіе однакожь считали невозможнымъ что вдовецъ женится въ другой разъ.

Вотъ человекъ, котораго мистрисъ Леслий знала съ давняго времени, и уважая его, пригласила рѣшить участь Алисы.

Такъ какъ этотъ человекъ имѣлъ немалое и неминуемое вліяніе на будущую судьбу Алисы Дарвилль, то мы передадимъ здѣсь изъ слова въ слова совѣты, подаваемые имъ на этотъ счетъ мистрисъ Леслий.

— И такъ, сказала мистрисъ Леслий, окончивъ исторію Алисы: теперь вы видите, сэръ, что это бѣдное созданіе достойно всякаго состраданія. Судя по ея чрезвычайнымъ усиліямъ въ музыкѣ и въ такое короткое время, я полагаю, что ея покровитель, Бутлеръ, былъ артистъ по ремеслу. Весьма возможно, что они встрѣтятся еще разъ, и такъ какъ въ эволюціи не будетъ никакой разницы, то онъ можетъ жениться на ней. И я увѣрена, что онъ поступилъ бы весьма благородно, потому-что она любитъ его безъ памяти. Въ такихъ обстоятельствахъ можно ли назвать... преступнымъ... отступленіемъ... отъ правды, если мы скроемъ прежнюю ея зависимость отъ покровительства Дарвилля, — который, можетъ-быть, увидѣвъ въ околдовкѣ своими негодными дѣлами, и назове ее именемъ ея благодѣтеля? Безъ этой предосторожности, сами знаете, сэръ, мы не должны имѣть никакой надежды, утвердить ея доброе имя, ни доставить ей независимую будущность. Такова моя дилемма. Какое ваше мнѣніе?... во всякомъ случаѣ, я послѣдую ему.

При этомъ вопросъ важная и угрюмая физиономія банки

выразила легкое замѣшательство. Онъ полою своего чорнаго фрака началъ отряхивать малѣйшія пылинки, насквѣшія на его нижнее платье, и послѣ вѣкотораго молчанія сказалъ:

— По истинѣ, это очень щекотливый вопросъ, мистрисъ Леслай, и я сомнѣваюсь, чтобы мужчина могъ быть хорошимъ судьей въ этомъ дѣлѣ; тактъ и инстинктъ вашего пола въ подобныхъ случаяхъ бываютъ лучше, гораздо лучше всей нашей провинциальности. Въ этомъ случаѣ сердце ваше можетъ подсказать вамъ то, что вы должны дѣлать.

— Если такъ, серъ, то это дѣло рѣшеное, потому-что сердце мѣ говоритъ, что это отступленіе отъ истины не такъ преступно, какъ то, если бы мы выбросили въ свѣтъ это молодое и невинное созданіе подъ страшнымъ именемъ ея воспитателя. Ваше мнѣніе будетъ служить защитою моего поведенія.

— По истинѣ, я едва ли хотѣлъ сказать столько, сказалъ банкиръ, слегка улыбнувшись. — Отступленіе отъ истины не можетъ быть безъ погрѣшенія противъ долга совѣсти.

— Безъ всякаго исключенія? Увы, этого только я и боялась! сказала съ грустью мистрисъ Леслай.

— О! нѣтъ, иногда могутъ быть исключенія! Но не лучше ли мнѣ повидаться съ этою молодою женщиною, и увѣриться самому, что доброе ваше сердце не обмануло васъ?

— Этого только я и желала сказала мистрисъ Леслай:—она теперь дома. Я сейчасъ пошлю за нею.

— Можемъ мы ли остаться одни?

— Разумѣется; я васъ оставляю съ нею вмѣстѣ.

Позвали Алису, и она явилась.

— Дитя мое, сказала мистрисъ Леслай: этотъ благотворительный господинъ хочетъ поговорить съ вами. Не пугайтесь; онъ благороднѣйшій изъ людей.

Сказавши эти ободрительныя слова, добрая леди ушла въ другую комнату. Алиса увидѣла передъ собою высокаго смуглаго мужчину съ лысиной на головѣ, которая была сдвлена спереди и значительно расширялась къ затылку, съ плутовскими и провинциальными глазами, выглядывавшими сквозь очки, и съ чертами лица, показывающими, что въ молодости онъ былъ прекрасенъ собою.

— Другъ мой, сказалъ банкиръ, садясь и пристально смотря на прекрасное лицо Алисы, которая вспыхнула отъ этихъ взглядовъ.—Мы съ мистрисъ Леслай сейчасъ разсуждали о вашемъ благосостояніи. Вы были очень несчастливы, дитя мое?

— Ахъ, да.

— Хорошо, оставимъ это, но вы еще такъ молоды, такъ хороши собою...

— О чемъ вы изволите говорить?

— Какъ о чемъ! Я хочу сказать, что вы должны вести себя такъ осторожно, такъ строго... Вамъ предстоятъ большія опасности. Мужчины такіе обманщики, съ ними надобно быть чрезвычайно осторожною. Вы хороши собою, дитя мое, слишкомъ хороши... тѣмъ хуже....

И банкиръ взялъ руку Алисы и пожалъ ее съ особеннымъ жаромъ.

Алиса посмотрѣла на него съ важностью, и какъ бы инстинктивно отняла руку.

Банкиръ снялъ очки и взглянулъ на нее еще пристальнѣе прежняго; глаза его до-сихъ-поръ еще были хороши и выразительны.

— Какъ ваше имя? спросилъ онъ.

— Алиса... Алиса Дарвилъ, серъ.

— Хорошо, Алиса. И такъ мы разсуждали о томъ, какъ бы устроить васъ. Вы желаете сами зарабатывать себѣ хлѣбъ, и, въ послѣдствіи, можете-быть выдти замужъ за какого-нибудь честнаго человѣка?

— Выдти замужъ, серъ; никогда, сказала Алиса съ необыкновеннымъ жаромъ, и глаза ея наполнились слезами.

— Отчего же?

— Потому, серъ, что я уже не увижу его болѣе здѣсь на землѣ...

Банкиръ былъ тронутъ, потому-что онъ не былъ хуже другихъ, хотя и старался казаться лучше всѣхъ.

— Хорошо, объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить послѣ; но между прочимъ, вы желали бы имѣть возможность крѣпиться своими трудами?

— Да, серъ. Я никому не желаю быть въ тягость.

— Но какой родъ жизни вы предпочитаете? Желаете ли вы поступить въ какое-нибудь семейство, чтобъ исправлять какую-либо должность, разумѣется, не служанки; вы слишкомъ нѣжны для этого.

— О, нѣтъ... нѣтъ!

— Отчего же? спросилъ банкиръ кротко, но съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Потому-что, сказала Алиса почти торжественно: есть минуты, въ которыя я чувствую, что я непременно должна быть

одна. Иногда я думаю, что у меня здѣсь не все въ порядкѣ, сказала она, дотрогиваясь рукою до лба.—Прежде, чѣмъ я узнала ея, меня называли идиоткою!... Нѣтъ, я не могу жить съ другими, потому-что я могу плакать только тогда, когда я одна съ своимъ горемъ.

Все это было сказано съ такою бессознательною и вмѣстѣ съ такою патетическою простотою, что банкиръ былъ тронутъ до глубины души. Онъ всталъ, поправилъ огонь въ каминѣ, взошелъ опять сълѣ, и послѣ нѣкотораго молчанія, сказалъ съ вѣдливимъ напряженіемъ:

— Алиса, я буду вашимъ другомъ. И я увѣренъ, что вы будете достойны этого.

Алиса склонила свою прекрасную головку, и увидѣвъ, что онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости, разсудила, что ей пора удалиться.

— Она по истинѣ прекрасна, сказалъ банкиръ почти громко, когда остался одинъ: и мистрисъ Лесли справедлива, она немалѣйшее созданіе въ мірѣ. Я удивляюсь... Тутъ вдругъ онъ остановился и подошелъ къ зеркалу, стоявшему надъ каминомъ. Онъ продолжалъ еще смотрѣться въ зеркало, когда мистрисъ Лесли вошла въ комнату.

— Чтѣ вы мнѣ скажете, серъ? спросила она, немало удивившись тѣмъ, что нашла этого степеннаго человѣка передъ зеркаломъ.

Банкиръ вздрогнулъ.

— Мистрисъ Лесли, я уважаю сколько вашу проникательность, столько же и благотворительность; я думаю, что было бы весьма неприлично открывать всему свѣту о прошедшемъ жизни этой женщины. Итакъ, хотя я не смѣю совѣтовать вамъ, но также не могу и осуждать васъ за то, что вы хотите скрыть это.

— Но слова ваши, серъ, глубоко вѣзались въ моемъ сердцѣ; вы сказали, что всякое отступленіе отъ истины не можетъ быть безъ погрѣшенія противъ долга совѣсти.

— Разумѣется, но да проститъ насъ Богъ за наше прегрѣшеніе! Итакъ, мистрисъ Лесли, я похлопочу о этомъ бѣдномъ существѣ, она не будетъ нуждаться въ путеводителѣ.

— Да вознаградитъ васъ небо. О какъ несправедливы нѣкоторые люди, называвъ васъ строгимъ!

— Я могу переносить эту напраслину съ смиреніемъ, сударыня. Добраго дня.

— Прощайте, серъ. Вы, вѣрно, не забудете, что нашъ теперешній разговоръ долженъ быть тайною для всѣхъ.

— Никто не услышитъ отъ меня ни полслова о немъ, да и дыханіе мое не измѣнитъ ему. Богъ да благословитъ васъ!

Преодолевъ это затрудненіе, мистрисъ Леслии, къ своему удивленію, увидѣла, что ей предстояло еще бороться съ самою Алисою. Потому-что, во-первыхъ, Алиса поняла, что переименованіемъ и скрывать свое настоящее положеніе значило стыдиться самое-себя, а во-вторыхъ, присвоить себѣ фамилію Эрнеста, слыть его женою, казалось ей величайшею дерзостью, и онъ во всей справедливости, могъ этимъ обидѣться! Отъ такихъ разсужденій мистрисъ Леслии чуть-чуть не потеряла терпѣнія и банниръ, къ величайшему его удивленію, былъ призванъ снова на совѣщаніе. Мы уже сказали, что онъ былъ опытенъ и весьма искусный совѣтникъ, что доказывало въ немъ необыкновенный даръ убѣжденія. Онъ тотчасъ же началъ отыскивать слабую струну, чрезъ которую можно было поколебать и стойчивость Алисы, и можетъ-быть, одно обстоятельство, случайно попавшееся ему на языкъ, въ числѣ прочихъ доказательствъ, убѣдило ее болѣе, чѣмъ все остальное:

— Если этотъ мистеръ Бутлеръ еще въ Англіи, скажи, онъ, то онъ можетъ проѣхать чрезъ нашъ городъ... посетитъ наше общество... и услышать, въ разговорѣ, о женщинѣ носящей его фамилію; любопытство завлечетъ его, и онъ и старается отыскать васъ. Принявъ его фамилію, вы получите хотя единственное средство быть когда-либо признанными. Къ тому же, когда другіе будутъ уважать васъ и любить, и вы будете жить собственными трудами, не завися ни отъ кого, то онъ, можетъ-быть, сочтетъ за особенное счастье и жить на васъ. Но если вы останетесь подъ фамиліей Дарви и разгласите всѣмъ о вашихъ приключеніяхъ, то мало то что вы будете вѣчно изгнанницею изъ порядочнаго общества, вы будете довольствоваться тѣмъ, если кто-нибудь приметъ въ васъ въ услуженіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы должны будете навсегда потерять надежду отыскать предметъ вашей истинной привязанности.

Такимъ-образомъ Алиса была убѣждена. Съ этого времени она начала удаляться отъ всякаго сношенія съ людьми. Мистрисъ Леслии очень благоразумно избрала для нея городъ, находящійся въ довольно дальнемъ разстояніи отъ собственнаго мѣстопробыванія, чтобъ предупредить всякую неосторожность со стороны своихъ служителей; итакъ подъ именемъ мистрисъ

Бутлеръ Алиса въ скоромъ времени пріобрѣла всеобщее уваженіе и любовь посредствомъ своего необыкновеннаго таланта, присоединя къ нему самое безукоризненное поведеніе, чрезвычайную кротость и благородство манеръ. Какъ только она изучила науку скрытности, то сдѣлала величайшій шагъ въ познаніи свѣта. Хотя праздная молодежь города С*** и старалась оказывать ей особенное вниманіе и ухаживать за нею, но она такъ благоразумно вела себя, что ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался преслѣдовать ее. Потому-что мало такихъ молодыхъ людей въ свѣтѣ, которые ухаживали бы долго за женщиною, неодолющею имъ никакой надежды.

Подъ именемъ же Алисы Дарвилъ эта самая молодая женщина, будь она такъ же добра, такъ же кротка и скромна, умерла бы въ востовой, безъ всякаго призрѣнія!

Банкиръ наблюдалъ за ея поведеніемъ съ безмолвною близостью. Онъ часто встрѣчался съ нею и часто посѣщалъ ее. Онъ сблизился со всѣми домами, гдѣ Алиса только думала дать уроки или участвовать въ концертѣ. Онъ доставлялъ ей хорошія книги, и подавалъ добрые совѣты. Алиса мало-по-малу начала питать къ нему довѣренность, любить и уважать его, какъ дѣвушка уважаетъ добраго и кроткаго наставника. А какая была его цѣль? Въ настоящее время еще нельзя было отгадать этого; но онъ становился задумчивъ и разсѣянъ.

Разъ на большой улицѣ города С*** встрѣтились старій холстякъ и старая дѣва.

— А какъ вы поживаете, сударыня? сказалъ старикъ:— какъ нѣтъ ревматизмъ?

— Лучше, благодарю васъ, серъ. Чтѣ новенькаго?

Старикъ улыбнулся; казалось, чтѣ-то шевелилось на его губахъ, но онъ старался удержаться.

— Выли ли вы на послѣднемъ вечерѣ мистрисъ Макнабъ? подхватила опять старая дѣва.— Превосходная музыка.

— Чудесная. А какая хорошенькая эта мистрисъ Бутлеръ! такая скромная! Она вездѣ знаетъ свое мѣсто, это такъ рѣдко у артистовъ.

— Да, ваша правда! А какъ внимателенъ къ ней нашъ знаменитый банкиръ!

— Хе!... хе!... хе!... да, да онъ внимателенъ, какъ отецъ...!

— Можетъ-быть, онъ хочетъ еще разъ жениться; онъ безпреставно толкуетъ о счастіи брачнаго состоянія... можетъ-

быть оно и такъ... но Богъ знаетъ, его покойная жена, блданая женщина, кажется, не слишкомъ-то наслаждалась брачною жизнью.

— На это, можетъ-быть, есть много причинъ, о которыхъ мы тогда не могли догадаться, сказалъ старикъ таинственно.— Не хочу говорить дурно о ближнемъ, но...

— Но что?

— О, когда онъ былъ молодъ, я полагаю, что онъ былъ человѣкъ не такой строгой жизни, какъ теперь.

— Я то же слышала; объ этомъ поговариваютъ въ тихомолку, но никто не знаетъ ничего положительнаго.

— Гм.... странно!

— Что странно?

— Какъ?... это тайна... но смѣю увѣрить, что все, что я знаю, сущая правда!

— О, будьте увѣрены, я не проговорюсь ни въ одномъ словѣ. Вы идете по дѣлу? Я не буду васъ задерживать, я пойду съ вами. Теперь, если вамъ угодно продолжать?

— Ну хорошо; вчера мнѣ нужно было ѣхать по дѣламъ въ одно селеніе, отстоящее отсюда болѣе, нежели на двадцать миль. Исполнивъ свою обязанность, я остался въ этомъ же селеніи пообѣдать, и потомъ, пока кормили мою лошадь, я пошелъ погулять по лугу.

— Хорошо... хорошо?

— Тутъ, у дверей одной хижины, я увидѣлъ какого-то мужчину, тщательно закутаннаго въ плащъ, и съ шляпою, надвинутою на глаза. Онъ разговаривалъ съ какою-то молодою женщиною, на которую смотрѣлъ гораздо нѣжнѣе, чѣмъ обыкновенно смотрятъ на знакомыхъ. Я не могъ сначала рассмотреть лица этой женщины, потому-что она стояла въ тѣни за полуотворенною дверью. Окончивъ разговоръ, мужчина вскочилъ на лошадь, которая была привязана къ забору, и проѣхалъ въ двухъ шагахъ отъ меня. И какъ вы думаете, кто бы это былъ?

— Не выводите меня изъ терпѣнія, я не могу никакъ догадаться!

— Такъ знайте же: это былъ нашъ безукоризненный банкиръ. Я поклонился ему, и увѣряю васъ, сударыня, что онъ сталъ такой красный, какъ ваши ленты.

— Какъ мои ленты?...

— Какъ только онъ скрылся изъ виду, я тотчасъ же пошелъ въ хижину, чтобъ попросить стаканъ воды, и увидѣлъ моло-

дую особу. Увѣряю васъ, я не желаю говорить дурно о ближнихъ, но я нашелъ ее варварски похожую.... вы знаете на кого!

— Милосердый Боже! вы не сказали мнѣ этого...

— Я спросилъ женщину, кто была эта дама? она отвѣчала, что не знаетъ фамиліи, и по ея отрывчатымъ словамъ я увидѣлъ, что отъ нея больше ничего и не добьешься.

— Боже мой, но я должна непременно разузнать это! Какъ называется селеніе?

— Ковдель.

— О, знаю... знаю!

— Ни полслова объ этомъ; смѣю сказать, что тутъ ничего нѣтъ несправедливаго. Но я и то уже не въ милости у этого живаго просвѣтителя.

— И я также. Терпѣть не могу лицемѣровъ!

— Чувства ваши дѣлаютъ вамъ честь, сударыня. Итакъ, вы не расскажете никому о нашей тайнѣ?

— Ни одного звука.

Два дня спустя послѣ этого разговора, три старыя дѣвы отправились въ деревню Ковдель; и, о удивленіе! вышешисанная женщина была заколочена досками, а молодая особа и крестьянка исчезли. Жители этого селенія ничего не знали о нихъ... и не знали въ нихъ ничего особеннаго, а джентльменъ, въ которомъ старый холостякъ предполагалъ узнать банкира, пріѣзжалъ только одинъ разъ въ эту деревню.

— Злой старикъ, сказала самая старшая изъ дѣвъ: наклеветать на такога добраго и прекраснаго человѣка.... а исторія-то съ проѣздомъ стояла намъ фунтъ стерлинговъ и два шиллинга!

VI.

Я находился въ такомъ расположеніи духа, какъ разъ, выглянувши въ окно, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, и увидѣлъ человѣка въ довольно странной одеждѣ, который смотрѣлъ на меня очень пристально.

Лѣтній вечеръ въ отдаленномъ городкѣ какой-нибудь провинціи заключаетъ въ себѣ что-то меланхолическое. Здѣсь такіе

же улицы, какъ и въ столицѣ, но въ нихъ нѣтъ того шумнаго движенія; здѣсь все также спокойно, какъ въ деревнѣ, но передъ вашими глазами не пролетитъ ни одна птичка, не распутится ни одинъ цвѣтокъ. Пусть читатель вообразитъ себя въ настоящую минуту на тихой улицѣ тихаго провинціального городка С*** въ тихій юньскій вечеръ. Картина передъ его глазами неслишкомъ увлекательная: двѣ молодыя собаченки играютъ по серединѣ улицы, а старая караулитъ только-что въ крашенные ворота. Нѣсколько леди, неопредѣленныхъ лѣтъ возвращаются домой къ чаю, скользя по мостовой безъ всякаго шума; онѣ всѣ въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ съ зелеными довольно поношенными спенсерами, въ сшитыхъ соломенныхъ шляпахъ, съ зелеными, или кофейными газowymi вуалами. И двѣ, или по три онѣ исчезаютъ въ сѣняхъ маленькихъ, но чистенькихъ домиковъ съ рѣшотками, окружающими крошечные садики. Сѣни, домики, рѣшотки и садики были всѣ какъ бы одну выкройку.

По улицѣ прошла корова, а за нею молочница; два молодые и веселые прикащика выбѣжали, надѣясь встрѣтить покупателя и возвратились домой въ отчаяніи. На дворѣ смеркалось, и весьма медленно, и хотя нѣсколько звѣздочекъ сверкали уже въ небѣ, но было еще почти совершенно свѣтло. У открытаго окна одного изъ этихъ однообразныхъ домиковъ сидѣла Алиса Давиль. Она что-то работала (это обыкновенное занятіе женщннъ, когда они хотятъ о чемъ-нибудь мечтать), и какъ мысли овладѣли ея душою, а на дворѣ между-тѣмъ совершенно смеркалось, то ея хорошенькія ручки вмѣстѣ и съ работными машинально упали на колѣни. Она сидѣла бокомъ къ окну, поворачивая головы и не перемѣняя положенія. По временамъ глаза Алисы наполнялись слезами; тогда она тяжело вздыхала какъ бы желая вздохомъ разогнать слезы. Бѣдная Алиса, если она страдала, то страданія ея были теперь безмолвны!

Улица почти совершенно опустѣла, какъ вдругъ какой-то мужчина прошелъ вдоль мостовой на противоположной сторонѣ Алисиной квартиры. Его грубая и неопрятная одежда была чѣмъ-то среднимъ между одеждою крестьянина и фермера, въ его костюмѣ была особенно замѣчательна смѣшная претензія на щегольство. Ярко-красный шелковый платокъ, повязанный на его мускулисте шеѣ, на манеръ матросовъ или контрабандистовъ, шляпа, нарочито надѣтая на бекрень, и часовая цѣпочка съ печатками, висавшая гораздо ниже его свѣтло-полосатаго жилета, составляли подозрительную противоположность съ общимъ видомъ всей его пары

вѣсти. Прохожіи былъ съ ногъ до головы покрытъ пылью, и такъ-какъ эта улица оканчивалась заставою, и вела на большую дорогу, то, вѣроятно, онъ, вая изъ дальнаго путешествія, думалъ остановиться въ этомъ городѣ на ночлегѣ. Онъ казался чрезвычайно безпокойнымъ и озирался во всѣ стороны. Въ его осанкѣ и походкѣ была замѣтна безпечность балагура, но въ озабоченныхъ и озирающихся глазахъ выражалось чувство страха бѣшеной собаки. Этотъ человекъ, на лицо котораго порокъ вложилъ свое клеймо, казалось, однимъ глазомъ слѣдилъ за кошелькомъ, а другимъ за висѣлицею. Алиса не замѣчала этого незнакомца до-тѣхъ-поръ, пока сама не привлекла на себя все его вниманіе. Увидѣвъ лицо ея, онъ вдругъ остановился, прикрылъ глаза, прикрывъ ихъ рукою, чтобы разсмотрѣть хорошенько, и наконецъ разразился восклицаніемъ удивленія и удовольствія. Въ эту минуту Алиса обернулась и глаза ихъ встрѣтились. Страшный взглядъ василиска едва-ли могъ произвести такое дѣйствіе на свою жертву, какое произвелъ на Алису взоръ того незнакомца. Ее обдало ужасомъ. Она вдругъ какъ бы ослѣпѣла, губы ея сдѣлались блѣдны, какъ мраморъ, глаза почти выкатились, руки конвульсивно сжимались и вздрагивали, но она не могла сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Незнакомецъ дѣлалъ ей разные знаки и гримасы, потомъ смѣло перешелъ черезъ улицу, подошелъ къ двери, и началъ громко стучать. Алиса все еще не могла сдвинуться съ мѣста; казалось, она совершенно потеряла чувство. Сначала хриплый голосъ незнакомца послышался вверху, въ то время какъ онъ отвѣчалъ на разные вопросы единственной женщины, которую Алиса держала у себя въ услуженіи; потомъ деревянная дѣстница закричала и затряслась подъ его твердыми и тяжелыми шагами. Тутъ Алиса встала какъ бы по инстинкту, сирестила руки и устремила на дверь неподвижные взоры. Дверь отворилась, и—она и Дарвиэль очутились опять съ глазу на глазъ, подъ одною кровлею.

— Ну, Аллей, какъ поживаешь, мой цвѣточикъ? Чтѣ, довольна, что опять увидѣлась съ своимъ старымъ воспитателемъ? О, удѣренъ въ этомъ. Безъ церемоніи, садись. Ха, ха! здѣсь чистенько... хорошо... мы заживемъ здѣсь выѣстѣ пречудесно. Торгуи на свой собственный счетъ... плутовка!.. хорошо, только не вздумай опять бросить стараго Дарвиэля; велика подать тебѣ чего-нибудь поѣсть и попить.

Говоря это, Дарвиэль растянулся съ ногами на маленькомъ персидскомъ диванѣ, съ видомъ человека, который желаетъ расположиться какъ дома.

Алиса смотрѣла на него пристально, дрожала всѣмъ тѣломъ и все-таки не могла произнести ни одного слова.

— Ну, что жъ ты не сдвинешься съ мѣста? Кажется, я до женъ угощать самъ себя... прекрасныя манеры! Но хо, хо, х что я вижу? Колокольчикъ... клянусь адомъ! это ужъ слищкомъ на большую ногу... ну, пусть... я имѣю привычку за ставлять дѣлать то, что мнѣ нужно.

Пронзительный звонъ раздался по всему дому и даже на по ловину улицы, а тонкій шуурокъ остался въ рукахъ Дарвила.

Явилась служанка, аккуратная и очень почтенная старая жен щина.

— Слушай, старая дѣва! сказалъ онъ:—принеси все, что вась есть лучшаго поѣсть... не слишкомъ изысканнаго... не чтобъ было всего вдоволь... А въ особенности не забудь бутылку водки. Ну, что жъ ты стоишь и таращишь на меня гл за, какъ замороженный поросенокъ? Адъ и фурія! Раскрахма ленная кукла, не слышишь, что ли?

Служанка побѣжала такъ, какъ будто дуло пистолета былъ приставлено ко лбу ея, а Дарвилъ, захохотавъ во все горло онять растянулся на софѣ. Алиса посмотрѣла на него еще разъ но все-таки не сказала ни одного слова, и ускользнула изъ ком наты. Она спустилась съ лѣстницы, и въ залѣ встрѣтилась съ служанкою; старуха была къ ней очень привязана и пришла въ отчаяніе, видя свою госпожу, готовою убѣжать изъ дома.

— Какъ, сударыня, куда же вы уходите? Сердценько мое вѣдь вы безъ шляпы. Что это все значить? Кто это такой?

— О, Боже мой! Боже мой! вскричала Алиса въ отчаяніи: что мнѣ дѣлать? Куда мнѣ скрыться?

Дверь на верху скрипнула. Алиса услышала это, вздрогнула и въ одно мгновеніе была уже на улицѣ. Она бѣжала, задыхаясь, и совершенно какъ безумная, и еслибъ въ это время е попалась на дорогѣ рѣка, то она, вѣрно, не задумавшись бро силась бы въ нее, чтобъ избавиться отъ этого міра, который казалось, былъ слишкомъ тѣсенъ, и не могъ вмѣстить въ себ и ее и Дарвила.

Но возвращивая за уголъ одного переулка, который велъ въ многолюднѣйшую часть города, она почувствовала, что кто-то тронулъ ее за руку, и окликнулъ по имени удивленнымъ и испуганнымъ голосомъ.

— О, небо, мистриссъ Бутлеръ! Алиса! Что я вижу? Что это значитъ?

— О, серъ, спасите меня!.. вы добрый... великодушный человекъ... спасите меня... вѣдь онъ возвратился!

— Кто онъ?... Мистеръ Бутлеръ? сказалъ банкиръ, (потому что это былъ онъ) дрожащимъ и измѣнившимся голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не онъ!.. Я не сказала, что онъ... я сказала, что это Дарвилъ... мой, мой... ахъ... посмотрите назадъ... не видите ли онъ?

— Успокойтесь, мой другъ... никого нѣтъ. Я пойду и уговорю вашего воспитателя. Никто не сдѣлаетъ вамъ зла. Я буду защищать васъ. Ступайте домой, ступайте... я пойду вслѣдъ за вами... васъ не должны видѣть вмѣстѣ.

И высокій банкиръ, казалось, желалъ бы въ эту минуту погнѣстись въ орѣховую скорлупу.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала Алиса, поблѣднѣвъ еще болѣе.—Я не могу возвратиться домой.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ, идите за мною только до вашего подъезда, тамъ служанка вынесетъ вамъ шляпу и проведетъ васъ до моей квартиры, гдѣ вы посидите, пока я возвратюсь. Между-прочимъ, я увижу вашего Дарвила, и надѣюсь, что избавлю васъ отъ его присутствія.

Банкиръ проговорилъ все это очень скоро и даже съ нетерпѣнностью, и не дождавшись отвѣта, направилъ шаги свои къ дому Алисы. Алиса же не шла за нимъ, но дождалась на этомъ мѣстѣ своей служанки, которая и проводила ее до жилища богача... Но разсудокъ Алисы былъ тронутъ и мысли ея страшно блуждали.

VII.

Мирамонтъ.—Постоянно ли они ссорятся?

Андрѣй.— Да, сержъ, они какъ-будъ подмазаны мыломъ. То начинаютъ громко клясться, то вдругъ стонаютъ, и добно колоколамъ, гулъ которыхъ разносится по вѣтру, потомъ совѣтуются и вѣстѣ, что имъ дѣлать, и споръ возновляется о всякомъ предложенномъ совѣтѣ предметъ.

Болонкы и Флетчеръ.

О! какая картина человѣческой природы: банкиръ и бродягъ сидящіе вмѣстѣ въ маленькой гостиной, одинъ въ креслахъ, другой на софѣ. Дарвилъ старался еще надъ блюдомъ холоднаго говядины, и дѣлалъ ужасныя гримасы, прилабывая дурную водку, за которою церемонная старушка должна была столѣть въ ближайшій кабакъ. А напротивъ его, почтенный, высокопочтенный банкиръ, человѣкъ чинный, степенный и наблюдающій приличія, смотрѣлъ съ важностью на этого низкаго дерзкаго, мошенника:—богачъ и презрѣнный негодай — человѣкъ, который располагалъ милліонами, и человѣкъ, у котораго не было ничего на свѣтѣ, кромѣ его вредной и презрѣнной жизни, украденныхъ наканунѣ золотыхъ часовъ, цѣпочки печатокъ, и тринацати шиллинговъ, трехъ пенсовъ и полпенни, находившихся въ лѣвомъ карманѣ его брюкъ.

Банкиръ никакъ не могъ представить себѣ, какого развѣръ находился передъ нимъ. Онъ слышалъ отъ мистрисъ Лесли (какъ мы можемъ себѣ припомнить) главные очертанія исторіи Алисы, и зналъ, что Дарвилъ былъ страшный негодай, но онъ ожидалъ найти въ Дарвилѣ закоренѣлаго, грубаго простолудина, глупаго мошенника, и невинющаго даже той наглости, которая иногда можетъ замѣнить умъ. Но Люкъ Дарвилъ былъ очень ловкій старикъ, получившій нѣкоторое воспитаніе. Онъ имѣлъ довольно ума, чтобъ составить себѣ дурныя правила, и былъ такъ развязенъ, что какъ будто всю жизнь сво-

правль въ лучшемъ обществѣ. Его не испугали ни черное платье, ни почтенный видъ, ни собственная персона банкира.

Банкиръ, сказать простыми словами, «спонятился назадъ».

— Вы видите теперь, мистеръ, фамилія вашей не имѣю чести звать: вы видите, что вы меня не проведете, сказалъ Дарвилль, проглатывая стаканъ водки, какъ будто бы это была вода. — Какое вамъ дѣло до репутаціи моей дочери, ея быта, а можетъ и еще чего-нибудь... нѣтъ, старый звѣрь! ты, кажется, разглагользаешь свою старую бороду на мою Алису!.. А, по правдѣ сказать, она прехорошенькая дѣвушка... очень хорошица... но капризна, какъ луна. Вы скорѣе сойдетесь со мною, чѣмъ съ нею.

Банкиръ сдѣлался пурпурный, началъ кусать губы, и мѣрлялъ шаркая глазами съ головы до ногъ въ то время, какъ тотъ потыкивался на софѣ, какъ бы прихвѣнаясь, нельзя ли сбросить это пинжани съ лѣстницы. Но Люкъ Дарвилль повалилъ бы сапога банкира, да и всѣхъ его писцовъ въ придачу. Онъ весь былъ какъ стволъ, а мускулы его были словно желѣзные, природа же одарила его такимъ крѣпкимъ сложеніемъ, что самый удалый кулачный боецъ призадумался бы два раза, прежде, чѣмъ вышелъ бы на драку съ такимъ страшнымъ противникомъ.

Банкиръ же былъ благоразуменъ до невозможности, и потому, по окончаніи осмотра, отодвинулъ свой стулъ на шесть дюймовъ назадъ.

— Серъ, сказалъ онъ очень учтиво не будемъ притворяться, что мы не понимаемъ другъ друга. Воспитанница ваша не состоитъ болѣе подлѣ вашей онекою... если вы будете обижать ее, законъ заступится за нее...

— Она несовершеннолѣтняя, сказалъ Дарвилль. — Ваше здоровье, старый холостякъ.

— Для меня рѣшительно все-равно, совершеннолѣтняя она или нѣтъ, отвѣчалъ банкиръ, не замѣчая смѣшной вѣжливости Дарвилля, заключавшейся въ его послѣдней фразѣ. — Я знаю законы такъ, какъ каждый гражданинъ ихъ знать долженъ, и знаю еще то, что если у нея есть въ этомъ городѣ друзья, а у васъ ничего, такъ она найдетъ защиту, а васъ отведутъ въ тюрьму.

— Вотъ что называется говорить такъ, какъ должны все-гда говорить люди съ толкомъ и чувствомъ, сказалъ Дарвилль, въ первый разъ еще въ его словахъ и манерахъ замѣтно было уваженіе: — вы смотрите на вещи съ практической точки зрѣнія, какъ выражаются въ нашихъ шумныхъ клубахъ.

— Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, мистеръ Дарвилъ, сказалъ банкиръ: знаете ли, чтобы я сдѣлалъ? Я завтра же у трюмъ оставилъ бы и воспитанницу и этотъ городъ, общаюсь никогда не возвращаться въ него и не тревожить воспитанницу съ условіемъ, что она должна положить мнѣ извѣстную сумму которую и выплачивать по третямъ изъ собственныхъ своихъ доходовъ.

— А если я предпочелъ бы жить у нея?

— Въ такомъ случаѣ, я, какъ бургомистръ этого города, велѣлъ бы васъ выгнать, какъ бродягу, или схватить.

— А!

— Да, остановить по подозрѣнію въ покражѣ этой золотой цѣпочка и печатокъ, которые вы развѣсили съ такимъ чванствомъ.

— Клянусь адомъ, вы человекъ смѣтливый, проговорилъ Дарвилъ невольно: вы знаете человеческую натуру.

Банкиръ улыбнулся, и, странно сказать, но онъ былъ доволенъ этимъ лестнымъ отзывомъ.

— Но, продолжалъ Дарвилъ, отрѣзывая себѣ еще кусокъ говядины: вы очень ошибаетесь.... вы поворачиваете въ Странную-улицу, какъ говорятъ у насъ въ Лондонѣ; потому-что если вы такъ хлопчете о репутаціи моей дочери, то, вѣрно, никогда не выдадите ея воспитателя по подозрѣнію въ воровствѣ.. Итакъ плата тою же монетой, мой старій джентльменъ!

— Но я скажу, что вы лжете, мистеръ Дарвилъ, что вы всѣмъ не воспитатель, и я думаю, что вамъ трудненько будетъ доказать противное.

— Ахъ, какую бы славную штуку вы выкинули! Вы остры какъ буравчикъ. Вы, вѣрно, воспитывались въ Ольдъ-Бэйли!

— Мистеръ Дарвилъ, позвольте мнѣ все это устроить. Вамъ кажется, такой человекъ, который понимаетъ резонъ, и я васъ спрашиваю, что можете сдѣлать, въ какомъ бы то ни было городѣ нашего королевства, человекъ неизвѣстный и вмѣстѣ съ тѣмъ въ подозрительныхъ обстоятельствахъ, противъ того, репутація котораго уже извѣстна во всемъ околдкѣ? Говоря вообще, вы, можете-быть, и справедливы, и я объ этомъ не спорю. Но я увѣряю васъ, что черезъ полчаса васъ въ этомъ дѣлѣ уже не будетъ, и вы войдете въ него не иначе, какъ съ опасностью вашей жизни, потому-что черезъ десять минутъ спустя послѣ вашего прихода, вы очутитесь въ городской тюрьмѣ. Теперь уже дѣло идетъ не между воспитателемъ и его бывшею воспитанницею, а между....

— А между пѣшеходомъ въ бумазейныхъ лохмотьяхъ п чело-
вѣкомъ, который ѣздитъ въ каретѣ, прервалъ его Дарвилъ, съ
сѣномъ, въ которомъ отзывались и горечь и безпечность:—
хорошо, хорошо!

— Нѣтъ; между бродягою и честнымъ челоувѣкомъ, на сторо-
гѣ котораго законъ.

Съ этими словами банкиръ всталъ.

— Я нахожу, что вы очень благоразумно все окончили, про-
молгалъ онъ.—Полчаса.... вы помните.... добрый вечеръ.

— Пойдите, сказалъ Дарвилъ:—уже много лѣтъ мнѣ никто
такъ не нравился, какъ вы. Присядайте, присядьте, говорю я, по-
танусь капельку, и мы какъ разъ сойдемся;—смѣю вастъ увѣ-
рить, что это истинная правда.

— Оставьте этотъ домъ безъ дальнѣйшихъ споровъ, безъ
дуу, и безъ рассказовъ кому-либо о правахъ на его владѣ-
льницу....

— Хорошо, и въ замѣнъ этого?

— Десять гиней теперь, и такую же сумму каждые три мѣ-
сца въ продолженіе всего времени, пока молодая дѣвушка бу-
детъ жить въ этомъ городѣ, а вы не будете преслѣдовать ея
личными посѣщеніями, ни даже письмами.

— Это значить сорокъ гиней въ годъ. Я не могу этимъ
жить.

— Въ исправительномъ домѣ содержаніе ваше будетъ стоить
десяте, мистеръ Дарвилъ.

— Ну, положите ужъ сто гиней: Аллей стоить дороже.

— Ни одной полушки больше, сказалъ банкиръ, застегивая
сюртукъ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Хорошо, выньте-ка свѣтлячки.

— Общаете или нѣтъ?

— Общаю.

— Вотъ десять гиней. И если въ полчаса вы не уйдете отъ
сюда.... то....

— То что?

— Какъ что? тогда, значить, вы украли у меня эти десять
гиней, и подвергаетесь должному наказанію за воровство.

— Если бы вы были такъ бѣдны, какъ я, ахъ, какой бы
въ васъ вышелъ плутъ!

— Я не думаю этого, сказалъ банкиръ: я нахожу, что мо-
щеничество недостойно челоувѣка. Можетъ-быть, я былъ когда-
то такъ же бѣденъ, какъ вы, но не обратился къ мошенниче-
ству.

— Я сынъ джентльмена продолжалъ Дарвиль.... Постойте вы сейчасъ услышите мою исторію. Отецъ мой былъ хорошаго званія, но женился на служанкѣ; родные отrekliсь отъ него, оставили его на произволъ судьбы. Онъ умеръ въ страшную борьбу съ нищетою, для которой не былъ рожденъ, а мать моя пошла опять въ услуженіе къ одному холостяку, а меня отослала въ школу. Вскорѣ она взяла меня опять изъ школы и отдала въ ученіе. Меня всѣ ненавидѣли, потому-что я былъ очень дерзень собою! Я обокралъ холостяка.... за что былъ посаженъ въ тюрьму. Мать умерла.... я остался совершенно безъ поддержки. Свѣтъ былъ мой врагъ.... Я женился на бѣдной, но прекрасной дѣвушкѣ.... и началъ ревновать жену, потому-что научился подозрѣвать всѣхъ и все. У насъ не было дѣтей; мы взяли дѣтя на воспитаніе: это Алиса. Она была сирота. Мать ея умерла родами, а отецъ съ горя. Они были благородные. Разъ вечеромъ, я напился пьянъ... ударилъ жену въ грудь... спустя три дня дѣля она умерла.... меня осудили.... но я убѣжалъ. Я перемѣнилъ мѣсто жительства.... и какъ я былъ не глупъ и къ тому же получилъ кой-какое образованіе, то скоро могъ достать работу, какъ поденщикъ. Но я никогда не былъ прилеженъ, а въ слѣдствіи просто возненавидѣлъ работу. Алиса росла, и я сталъ смотрѣть на нее какъ на дочь. Ну вотъ и все. Исторія моя кончена?

— Вы были, просто, безумецъ, сказалъ банкиръ, — и мнѣ кажется, что въ вашихъ рукахъ были прекрасныя карты, если бы вы только умѣли управлять игрою. Впрочемъ, вамъ еще остался одинъ путь ко спасенію... Еще не поздно раскаяться... вы слышите.... Подумайте, что есть другой міръ!

Послѣднія слова банкиръ проговорилъ торжественнымъ и почти повелительнымъ тономъ.

— Вы такъ думаете? сказалъ Дарвиль, смотря на него удивленіемъ.

— Клянусь вамъ моею душою, что я такъ думаю, но мнѣ некогда, а такъ еще разъ, добрый вечеръ.

— Но вы еще не рѣшили, откуда я буду получать мое жалованье.

— Ахъ! правда; я вамъ ручаюсь за исправность платежей. Мое имя, я полагаю, служить достаточнымъ обезпеченіемъ?

— Да, за неизмѣнимъ лучшаго, я могу допустить и это, сказалъ Дарвиль небрежно: къ тому же для одного дня очень хорошаго вырочка. Но право, я не могу сказать, куда

высчитать деньги, и, не зная человека, который, получивъ деньги, не заграбилъ бы ихъ себѣ.

— Очень хорошо, въ такомъ случаѣ лучше и вѣрнѣе всего вамъ (я говорю какъ человекъ дѣловой) перевести этотъ долгъ на депозитъ. И гдѣ бы вы ни были, всякій банкиръ заплатитъ вамъ деньги менѣе десяти гиней каждыя три мѣсяца. Но помните, какъ скоро вы превзойдете условленную сумму, платежъ прекратится.

— Понимаю, сказалъ Дарвилль: — какъ только осушу эту бутылку, то тотчасъ уйду.

— Это самое лучшее, что вы можете сдѣлать, отвѣчалъ банкиръ, когда тотъ отворилъ уже дверь.

Банкиръ послѣдно возвратился домой.

— Итакъ все-таки въ жилахъ Алисы течетъ благородная кровь, думалъ онъ. — Но этотъ воспитатель.... нѣтъ! онъ не идетъ къ дѣлу. Я желалъ бы, чтобъ его повѣсили, ничего не было бы лучше благороднаго. Лучше бы устроить это дѣло безъ шума.... а то скандалъ.... скандалъ.... скандалъ. Но кажется еще бы лучше, если бы я выкинулъ изъ головы всѣ мысли о ней. Но она невыразимо хороша, и такъ.... гм.... я, кажется, никогда не состарѣюсь!...

VIII.

Онъ началъ гнѣдъ, что ощущалъ досадный взглядъ на ея красоту и трогательныя качества души, и вглядывался въ нихъ до-тѣхъ-поръ, пока они не сдѣлались необходимою пищею его сердца!

Лей Гуинта.

Вѣрно, въ Алисъ Дарвилль была какая-нибудь особенная прелесть, потому-что, не-смотря на молодость, проведенную въ сообществѣ съ страшнымъ и порочнымъ Дарвиллемъ, она казалась чистою и прекрасною, какъ въ глазахъ поэтическаго

Эрнеста Мальтраверса, такъ и въ глазахъ хитраго банкир поклонника самомагнѣйшихъ приличій свѣта. Этотъ прекрасный цвѣтокъ выросъ между сорными и ядовитыми травами, какъ-бы для того, чтобы сохранить грацію человѣческой природы и такихъ сценахъ, гдѣ она наиболѣе унижена употребленіемъ во зло человѣческаго достоинства. Подобныя противоположности хотя слишкомъ рѣдки, но могутъ иногда случайно встрѣтятся тому, кто тщательно изучалъ дикія пустыни жизни. Я списа. Аليسѣ съ натуры, и могу сказать утвердительно, что въ этомъ портретѣ я не измѣнилъ ни одного оттѣнка, ни одной черты. Опытъ научаетъ насъ, что природа сама образуетъ много одно лицо, въ тѣло и душу котораго влагаетъ столько красоты или безобразія, что впоследствии ни что не можетъ совершенно уничтожить первобытныхъ элементовъ характера. Углубляясь часто въ психологическую исторію Алисы Дарвилъ, я полагаю, что самая главная причина, отчего она избѣжала разврата, окружавшаго ее съ раннихъ лѣтъ, заключалась въ ея позднемъ и медленномъ умственномъ развитіи.

Не знаю, было ли это слѣдствіе жестокаго обращенія Дарвилъ съ нею въ дѣтствѣ, подѣйствовавшаго на ея мозговые нервы, вѣрно то, что пока она не знала Мальтраверса, пока не любила и не была любима, умъ ея, казалось, былъ въ оцѣпненіи. Правда, Дарвилъ не училъ ее ничему, и не позволялъ ей даже учиться, но это совершенное невѣжество не могло бы быть охраненіемъ для пылакаго и наблюдательнаго ума. Тупость нравственныхъ способностей и огрубѣлость самыхъ чувствъ были какъ бы щитомъ, охранявшимъ ее отъ низкаго разврата окружавшаго ее. Она была подобна куколкѣ, которая выноситъ жестокія непогоды и вѣтры для того, чтобы въ свое время изъ нея могла вылетѣть бабочка, расправивши свои блестящія крылышки. При такихъ обстоятельствахъ будь Алиса живая и смышленная въ дѣтствѣ, она, можетъ-быть, впоследствии сдѣлалась бы самою безпорядочною женщиною; но она понимала мало, или совсѣмъ не понимала до-тѣхъ-поръ, пока не шла вдохновеніе въ вѣжности,

Банкиръ очень уважалъ Алису, и чрезвычайно огорчился, гдѣ, возвратившись домой, узналъ, что съ Алисою была сильная лихорадка. Она провела эту ночь подъ его кровлею, и его сестра родственница и, вмѣстѣ съ тѣмъ, домоправительница не ходила отъ ея постели. Банкиръ также почти не спалъ ночь, и на другой день былъ необыкновенно блѣденъ.

Одно разсѣта Алиса заснула спокойно, а когда, проснувшись, узнала изъ записки своего хозяина, что Дарвилъ остался дожъ ея, и что она можетъ возвратиться въ него безъ болни, тогда потоки слезъ полились изъ глазъ ея, а горячая благодарственная молитва привела ея разумокъ и нервы въ нормальное положеніе. Хотя понятія ея о добрѣ и злѣ были далеко несовершенны, но она понимала права воспитателя (хотя и короткаго) на ребенка, котораго онъ призрѣлъ въ младенчествѣ; Она знала, что не можетъ жить подъ одною кровлею съ такимъ ужаснымъ челоѣкомъ, но все-таки ощущала нѣчто въ родѣ упрека собою, при мысли, что онъ былъ выгнанъ изъ ея дома, чтобъ скитаться въ нищетѣ по свѣту. Она поспѣшила одѣться, и просила поженія видѣть своего благодѣтеля; банкиръ съ удивленіемъ и удовольствіемъ увидѣлъ, что онъ нечаянно поступилъ по желанію Алисы, назначивъ Дарвилю жалованье. Онъ разсказалъ ей всѣ подробности этого условія; она плакала, цѣловала его руку и искренно дала себѣ слово работать сколько хватитъ силъ ея, чтобъ по возможности увеличивать назначенную сумму. О, еслибъ ея прилежаніе къ работѣ могло отучить Дарвила отъ страсти прабѣгать къ низкимъ средствамъ для существованія! Но увы! гдѣ пороки обратились въ привычку, какъ въ игрѣ или пьянствѣ, — тамъ раздражительныя средства необходимы; и сдѣлався Люкъ Дарвилъ вдругъ наследникомъ несметнаго богатства Ротшильда, и тогда онъ все-таки остался бы жоненникомъ въ какомъ-нибудь родѣ.

Банкиръ нашъ, казалось, былъ еще болѣе пораженъ душевными качествами Алисы, чѣмъ ея физическою красотою. Напротивъ, ея любовь къ дѣтямъ производила на него глубокое впечатлѣніе; онъ всегда смотрѣлъ на нее съ особенною нѣжностью, когда она ласкала какую-нибудь маленькую свротку. Трудно объяснить, былъ ли онъ точно влюбленъ въ Алису или нѣтъ; ни ораза покажется, можетъ-быть, слишкомъ рѣзкою, когда дѣло идетъ о челоѣкѣ, которому было уже за пятьдесятъ, и второй испыталъ въ своей жизни слишкомъ многое, чтобъ сопротивляться до этихъ лѣтъ свѣжести сердца. Его чувства къ Алисѣ и намѣренія, которыя онъ имѣлъ касательно ея, были чрезвычайно сложны; и пройдетъ, можетъ-быть, много времени прежде, чѣмъ читатель пойметъ ихъ совершенно.

Въ этотъ день онъ проводилъ Алису домой, но дорогою говорилъ очень мало, можетъ-быть отъ того, что его стѣсняло присутствіе его родственницы, которую онъ пригласилъ съ собою на приличія. Однакожъ онъ все-таки въ короткихъ словахъ

посоветовала Алисъ не сообщать никому, что посетитель был ее воспитатель; но она так сильно вздрагивала при одном воспоминании, что невозможно было подумать, чтобы она когда-нибудь захотела завести рѣчь о немъ. Банкиръ нашелъ такъ нужнымъ сообщить по секрету Алисиной служанкѣ, что ползательный гость, посетившій ихъ наканунѣ вечеромъ, былъ дальній родственникъ маистрисъ Бутлеръ, который отъ пьянства впалъ въ нищету, и велъ такую беспорядочную жизнь. Потомъ онъ прибавилъ торжественнымъ тономъ, что онъ надѣется, что послѣдній разговоръ ихъ наведетъ этого несчастнаго человека на лучшую жизнь, и что старикъ пошелъ домой, расположенный остаться въ своемъ семействѣ.

— Я знаю, моя добрая Ганна, что вы стоите выше обыкновенныхъ женскихъ сплетней, сказалъ онъ: и потому никому ни слова о томъ, что здѣсь произошло; это не послужитъ лучшему для маистрисъ Бутлеръ, а можетъ очень повредить бѣдному старику, который, сказать по правдѣ, въ сущности гордо лучше, чѣмъ кажется, и который, я надѣюсь, по милости Іудей, современемъ раскается, и къ тому же, хотя это самое послѣднее дѣло, такая огласка огорчила бы меня серьезно. Кстати, Ганна, я могу въ настоящее время помѣстить вашего внука въ безденежную школу.

Банкиръ былъ очень ловокъ, и потому тотчасъ же замѣтилъ, что на этомъ пунктѣ онъ успѣлъ; а возвращаясь домой, довольный тѣмъ, какъ вся эта исторія устроилась, онъ встрѣтился своимъ товарищемъ по магистрату.

— А! какъ вы поживаете, мой добрый серъ? сказалъ послѣдній банкиру. Знаете ли, что здѣсь теперь полицейскіе сыщики въ Лондонѣ? они ищутъ одного отъявленнаго плута, убивавшаго изъ тюрьмы. Это самый знаменитый и самый ловкій воръ всей Англіи, и сыщики гнались за нимъ до самаго нашего рода. Его дерзкое воровство служило имъ слѣдомъ по дороге. Онъ третьяго-дня ограбилъ одного господина, отнялъ у него золотыя часы, и оставилъ его полумертвымъ на большой дороге.... это случилось не болѣе какъ въ тридцати миляхъ отсюда.

— Господи помилуй! сказалъ банкиръ съ нѣкоторымъ сценіемъ: а какъ зовутъ этого разбойника?

— Какъ? именъ у него также много, какъ у испанскаго гранда; но кажется послѣднее время онъ назывался Питъ Уаттсъ.

— О! сказалъ нашъ пріятель, нѣсколько успокоенный. Хорошо, а нашли ли его сыщики?

— Нѣтъ, но они напали уже на его слѣдъ; сегодня на зарѣ видѣли человѣка, подходящаго подъ его описаніе, у заставы, гдѣ сбавится пошлина за проѣздъ, по большой дорогѣ въ Ф. Сыщики уже преслѣдуютъ его.

— Я надѣюсь, онъ получитъ то, что заслуживаетъ... преступленіе не остается никогда безъ наказанія, даже и въ этомъ свѣтѣ. Мое нижайшее почтеніе супругѣ вашей... Какъ здоровье маленькаго Джака? Надѣюсь хорошо? очень радъ слышать.....

— Мое почтеніе, мой добрый серъ.... Вотъ достойный человѣкъ.

IX.

На слѣдующее утро послѣ завтрака, банкиръ сѣлъ на своего короткоухаго рысака-иноходца, и сказавъ дома, что онъ ѣдетъ по дѣламъ въ окрестности города С*** и не возвратится къ обѣду, выѣхалъ за заставу.

Онъ ѣхалъ тихо, потому-что день былъ жаркій. Прекрасный и улыбающійся видъ окрестностей, вѣрно, соблазнилъ бы всякаго другаго остановиться на дорогѣ; но нашъ практичный свѣтъ обращалъ болѣе, вниманія на погоду, чѣмъ на красоту пейзажа. Онъ не смотрѣлъ на природу взоромъ воображенія, и желѣзная дорога, существуя она тогда въ этомъ мѣстѣ, понравилась бы, можетъ-быть, ему гораздо болѣе, чѣмъ высокій гѣсъ, превосходныя долины и извивающаяся рѣка, которая по-временамъ украшала ландшафтъ, показываясь, то съ той, то съ другой стороны дороги. Но, по правдѣ сказать, есть много лицемѣрія въ восхищеніи природою, и я думаю, найдется ли изъ ста человѣкъ одинъ, который заботился бы о томъ, что находится по сторонамъ дороги, пока эта дорога хорошо скатана подъ его ногами.

Было половина двѣнадцатаго, когда нашъ банкиръ, проѣхавъ много миль, вдругъ свернулъ съ большой дороги по просѣкѣ зеленѣющаго лѣса, и ускорилъ шаги своей лошади. Про-

ѣхавъ по этой дорогѣ около часа, онъ наконецъ остановился небольшого уединеннаго постоялаго двора, подъ вывѣскою «Рыбака», привязалъ свою лошадь, заказалъ обѣдъ къ шести часамъ, выпросилъ корзину. куда можно было бы скласти пойманную рыбу, и можно было догадаться, что длинная трость, привезенная имъ изъ города, при случаѣ надобности, легко можетъ превратиться въ удочку. Онъ тщательно осматривалъ инструментъ по всѣмъ составамъ, какъ бы для того, чтобы увѣриться, не случилось ли чего съ ними во время дороги, со вниманіемъ заглянулъ въ черный ящикъ, заключавшій въ себѣ крючки и притраву, накинулъ корзину на спину, и пока его лошадь виляла хвостомъ, опуская морду внизъ, въ изъясненіе того невыразимаго кокетства, которымъ умныя лошади умѣютъ задабривать конюховъ, нашъ охотникъ до рыбной ловли шелъ быстрыми шагами по зеленому полю, достигъ до рѣчки и началъ ловить рыбу съ такимъ вниманіемъ, какъ-будто это занятіе интересовало его въ высочайшей степени. Онъ поймалъ одну сельдь, и то, кажется, случайно, потому-что рыба попалась на крючокъ, не внутреннею, а наружною стороною челюсти, и вѣроятно въ то время, какъ она клевала червячка, а когда она, удивленная глядѣла на него. Онъ всталъ, недовольный выборомъ своего мѣста, и осмотрѣвшись кругомъ, какъ бы для того, чтобы убедиться, что за нимъ никто не слѣдитъ и никто ему не помѣшаетъ, (мысль ненавистная рыболовной братіи) быстро пошелъ вдоль по берегу, потомъ повернулъ въ сторону по тропинкѣ по которой шелъ около часу, и которая довела его до двери какой-то хижины. Онъ постучался два раза, и вслѣдъ за тѣмъ самъ отворилъ дверь....

И лѣтнее солнце начало уже склоняться къ западу, когда банкиръ возвратился опять на постоялый дворъ. Скромный обѣдъ, который содержатель постоялаго двора оставилъ въ сторону, удивляясь долговому отсутствію рыболова, и рыба которую тотъ принесъ, для того, чтобы изжарить, были тотчасъ же отданы и съѣдены въ нѣсколько минутъ; осѣдланная лошадь стояла уже у крыльца; розовыя, облака на западѣ показывали, что день уже кончился, когда банкиръ только что тронулся съ мѣста на своемъ рысакѣ-иноходцѣ такимъ шагомъ, которымъ можно было бы проѣхать четырнадцать миль въ часъ.

— Въ этомъ господивѣ кровь кипитъ, сказалъ содержатель постоялаго двора, почесывая за ухомъ.

— Кто онъ такой? спросилъ конюхъ.

— Не знаю. Онъ былъ здѣсь прежде два раза, и никогда н

бралъ ничего цѣннаго... онъ, должно-быть, помѣшанъ на рыбной ловлѣ.

Въ это время банкиръ все ускорялъ шаги своей лошади; столбы, означающіе млиа, быстро мелькали передъ нимъ; добрый иноходецъ бѣжалъ, не взмахнувши ни разу гривую. Но на дворѣ темнѣло, и начиналъ идти дождь, тотъ мелкій дождь, который промочить до костей, прежде чѣмъ его замѣтишь. Въ пятьдесятъ лѣтъ мужчина, занимающійся еще собою, не очень-то жалуетъ, когда его мочитъ дождь, и этотъ самый дождь внушилъ банкиру, подверженному ревматизму, мысль сократить свой путь, и проѣхать по полямъ. По дорогѣ должны были встрѣтиться одинъ или два забора, но банкиръ былъ въ этихъ мѣстахъ веселъ, и звалъ всякій шагъ навзустъ. Къ тому же лошадка перепрыгивала черезъ заборъ довольно ловко, а банкиръ былъ довольно искусный наѣздникъ: проѣхать же въ такое время двумя вилами меньше, можетъ-быть, значило предупредить ревматизмъ. Такимъ-образомъ нашъ пріятель отворилъ ворота своей загородки, и поѣхалъ по полю, не думая ни о чемъ другомъ, какъ о благоразумномъ своемъ рѣшеніи. Онъ дѣлалъ до перваго забора, вершины котораго едва можно было отличать въ темнотѣ. На другой сторонѣ забора, направо стоялъ стогъ сѣна, а мѣсто, находящееся подъ нимъ было самое удобное для того, чтобы перескочить. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ банкиръ проѣзжалъ этою дорогою, за заборомъ вырыли глубокой ровъ для стока воды, котораго ни лошадь, ни сѣдокъ совсѣмъ не ожидали, и такъ скачекъ въ сущности былъ гораздо опаснѣе, чѣмъ казалось. Не зная этого новаго препятствія, банкиръ поступилъ по всѣмъ правиламъ наѣздническаго искусства: онъ пустилъ лошадь въ галопъ, нѣсколько приподнялся, согнулся впередъ, распустилъ поводья, и съ видомъ знатока поднялъ правую руку вверхъ.... Въ эту самую минуту лошадь испугалась чего-то, лежащаго возлѣ стога, бро-силась въ сторону, и до половины погрузилась въ ровъ, подбросивъ сѣдока на два или на три фута выше своей головы. Банкиръ опомнился скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, и чувствуя себя цѣлымъ и невредимымъ, хотя нѣсколько разбитымъ, подбѣжалъ къ своей лошади; но бѣдное животное совершило свое путешествіе не такъ счастливо, какъ его хозяинъ, плечо у него было сломано или вывихнуто. Оно выкарабкалось изъ рва, и совершенно ошеломленное, остановилось у забора.

Замѣтивъ всю непріятность своего приключенія, банкиръ началъ беспокоиться серьезно; дождь все усиливался, а онъ

былъ еще въ нѣсколькихъ миляхъ отъ дома, посреди поля на которомъ не было ни одного жилья, и къ тому же ему надобно было опять перескакивать черезъ заборъ, потому что другаго выхода на большую дорогу онъ не зналъ. Пока всё эти обстоятельства вертѣлись въ головѣ его, онъ вдругъ замѣтилъ, что былъ не одинъ. Темный предметъ; испуганная лошадь банкира, тихонько всталъ изъ-за сѣна; и грубый голосъ, заставившій банкира вздрогнуть, закричалъ:

— Гей! кто ты такой?

Забывъ о несчастномъ положеніи своей лошади, банкиръ; в одну секунду вложилъ ногу въ стремя, но не успѣлъ еще вскочить на лошадь, какъ тяжелая рука упала на его плечо... обеснувшись гордо назадъ, онъ увидѣлъ то, что давно уже узналъ по голосу—страшныя черты Люка Дарвиля.

— Ага, господинъ капиталистъ, благоразумный философъ, хорошевыи старичокъ, какъ вы поживаете? Пожалуйте вашу руку. Кто бы думалъ встрѣтить васъ въ такомъ мѣстѣ; въ дливную ночь... куча сѣна съ одной стороны, глубокий рѣвъ съ другой, и ни одного жилья въ виду!... Итакъ, старый товарищъ и Люкъ Дарвиль... бродяга, котораго вы хотѣли препроводить въ тюрьму;

Говоря это Дарвиль, который былъ ниже средняго роста какъ будто выросъ, и казался на полголовы выше съѣжившагося банкира; въ которомъ было пять футовъ двѣнадцать дюймовъ.

— Гм, сказалъ банкиръ, стараясь откашляться, потому-что ему казалось, что онъ вдругъ охрипъ:—очень радъ встрѣтить васъ, милый мой мистеръ Дарвиль, но погода слишкомъ дурна, чтобъ останавливаться и разговаривать... прошу васъ, позвольте мнѣ вскочить на лошадь и...

— Не время разговаривать! прервалъ его Дарвиль съ гнѣвомъ:—а по моему теперь самое настоящее время: постоитъ дайте мнѣ вспомнить...

— Что вы ко мнѣ придираетесь? сказалъ банкиръ ласково. — Я никогда не желалъ вамъ зла, и увѣренъ, что и то же не можете мнѣ желать его.

— Нѣтъ!... а почему? спросилъ Дарвиль холодно:—отъ чего вы думаете, что я не могу желать вамъ зла?

— Потому-что вы будете получать отъ меня деньги.

— Да, очень кстати сказано... потолкуемъ объ этомъ предметѣ. Жизнь моя слишкомъ дурна, и для меня ничего не стоитъ; много если я протянусь еще съ годъ; и такъ, предположимъ, что съ вами есть болѣе сорока гиней, следовательно, гораздо лучше вытащить ихъ изъ вашего кармана сейчасъ же, чѣмъ выжидать сроки и получать десять гиней черезъ три мѣсяца. Вы видите, что у меня все основано на расчетѣ, мой милый мистеръ... Какъ бышь ваша фамилія?

— Но со мною нѣтъ сорока гиней; сказалъ банкиръ и зубы его застучали.

— Почему я знаю?... Вы такъ говорите; но вѣдь это не въ шутку, здѣсь я могу вамъ и не повѣрить, не такъ ли? И если я говорю, что вы должны имѣть, что съ вами есть сорокъ гиней....

— Предположимъ, что вы ограбите и убьете меня; не думаете ли вы, что моя смерть уменьшитъ жаръ въ сыщикахъ? Что вы! Напротивъ: вся страна возмется за оружіе, и въ продолженіе двухъ сутокъ, какъ васъ загоняютъ словно бѣшеную собаку.

Дарвилъ молчалъ нѣсколько времени, какъ бы въ раздумьѣ; потомъ отвѣчалъ:

— Хорошо, надобно сказать, что вы хитрецъ не послѣдней руки. Ну что у васъ есть въ карманахъ? Вы сами знаете, наединѣ вы заставили же меня согласиться на невыгодный договоръ... теперь моя очередь.

— Я отдамъ вамъ все, что со мною есть, сказалъ банкиръ торопливо.

— Ну, такъ давайте же.

— Вотъ! сказалъ банкиръ, кладя въ руки Дарвила и кошелекъ и бумажникъ.

— А часы?

— Часы... хорошо, вотъ она!

— Что это такое!...

Слухъ банкира хотя очень наострился отъ страха, но далеко не былъ такъ тонокъ какъ у Дарвила, и онъ не слышалъ ничего, кромѣ дождя, падающаго на листья и потоковъ воды, съ шумомъ льющихся въ ровъ.

Дарвилъ притаялъ дыханіе, стоялъ и прислушивался, но потомъ вдругъ вздохнулъ свободно, и сказалъ:

— Миѣ кажется, что подѣ этимъ стогомъ водятся крысы; онѣ побѣгаютъ по миѣ во-время моего сна, но онѣ презабавныя животныя, я ихъ очень люблю. Вдругъ красный свѣтъ озарилъ обонхъ изъ-за сѣна, и въ тоже мгновеніе Дарвилъ былъ схваченъ сзади и боролся почти съ такимъ же сильнымъ человѣкомъ, какъ и онъ самъ. Потайной фонарь, поставленный на землю, освѣтилъ крестьянина въ блузѣ и еще двухъ крѣпко-сложенныхъ смѣльчаковъ, вооруженныхъ пистолетами, кромѣ того, который держалъ Дарвила.

Вся сцена измѣнилась какъ-бы по театральному свистку или переѣною фантазмагоріи передъ удивленными глазами банкира. Онъ стоялъ, какъ бы очарованный, держа поводья и завеся ногу въ стремя. Еще мгновеніе, и Дарвилъ, поваливъ своего противника на землю, стоялъ уже въ нѣкоторомъ разстояніи. На его лицѣ, на которомъ обыкновенно выражалась лютость болѣе, чѣмъ у какого-либо дикаго звѣря, теперь, при красноватомъ свѣтѣ фонаря, видно было отчаяніе и готовность на все! Глаза его сверкали изъ подѣ нависшихъ бровей и онъ странно поводилъ ихъ съ одного непріятеля на другаго, держа въ каждой рукѣ по пистолету... Наконецъ эти глаза остановились на невольномъ товарищѣ его удивленія.

— И такъ вы выдали меня, сказалъ онъ очень протяжно, и прицѣлился пистолетомъ въ голову спѣшившагося наѣзника.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ одинъ изъ сыщиковъ, потому что преслѣдователи Дарвила были полицейскіе сыщики.— Дуло прочь съ этого направленія, господинъ этотъ не товарищъ нашего дѣла!

— Не товарищъ, клянусь Богомъ!... вскричалъ банкиръ.

— Въ такомъ случаѣ я приберегу пулю, сказалъ Дарвилъ,— но помните, кто первый подойдетъ ко миѣ, будетъ положенъ на мѣстѣ.

Случилось такъ, что разбойникъ и сыщики находились другъ отъ друга въ такомъ разстояніи, что невозможно было вѣрно цѣлить, и потому и съ той и съ другой стороны чувствовали необходимость въ осторожности.

— Часть твоей пробилъ, моя кормленая птичка, вскричалъ начальникъ отряда:—кажется, ты довольно долго покружился въ воздухѣ... пора подрѣзать тебѣ крылышки. Брось пистолеты, или мы изрубимъ тебя, какъ баранину, и такимъ образомъ украдемъ у висѣльщицы ея добычу!

Дарвилъ не отвѣчалъ ни слова, а полицейскіе подвинулись къ нему съ заряженными и наведенными на него пистолетами.

Дарвилъ выстрѣлилъ; одинъ изъ отряда зашатался и упалъ. Какъ бы по инстинкту онъ положилъ того самаго, съ которымъ боролся передъ тѣмъ на смерть, и не ожидая другихъ, повернулся и побѣжалъ по полямъ.

— Онъ убѣжалъ! вскричали два другіе, и побѣжали за нимъ въ погоню.... Все смолкло.... раздакъ выстрѣлъ.... другой.... стои.... и все стало спокойно.

— Все кончено теперь, сказалъ одинъ изъ сыщиковъ въ вѣкторомъ разстояніи: — онъ умираетъ на мѣстѣ.

При этихъ словахъ, крестьянинъ притаившійся за сѣномъ, схватилъ съ земли фонарь и побѣжалъ на мѣсто схватки. Банкиръ невольнo послѣдовалъ за нимъ.

Глазѣмъ ихъ представилась ужасная картина. На травѣ лежалъ Люкъ Дарвилъ. Одна пуля пробилѣ ему грудь, а другая створала челюсть. Глаза его страшно блуждали, и онъ хватался за траву руками, вырывая ее съ корнемъ.

Сыщики посмотрѣли на него холодно.

— Онъ такъ надѣлалъ намъ хлопотъ, сказалъ одинъ изъ нихъ: но посмотримъ нашего бѣднаго Уилла.

— Но разбойникъ еще живъ, сказалъ банкиръ, вздрагивая.

— Онъ не проживетъ больше одной минуты, серъ.

Дарвилъ вдругъ приподнялся, погрозилъ кулакомъ своимъ побдителямъ, и страшное мычаніе, которое, по роду своей раны, онъ не могъ докончить, вылетѣло изъ груди его; вслѣдъ за тѣмъ онъ упалъ на спину.

— Я думаю, что вамъ бы не уйти отъ него, сказалъ старшій офицеръ, возвращаясь вмѣстѣ съ банкиромъ: но какъ вы сюда попали?

— Лучше скажите, какъ вы сюда попали?

— Честный Ходжъ, что стоитъ тамъ съ фонаремъ, замѣтилъ его, прячущагося за сѣно въ то время, какъ онъ самъ пришелъ разставлять западню на кроликовъ. Онъ читалъ описаніе призывъ Уаттса, и зная, что мы въ нѣсколькихъ миляхъ отъ сюда, пришелъ къ намъ и привелъ насъ на мѣсто.... мы услышали голоса.... приоткрыли фонарь, и увидѣли того самого, кого намъ было нужно.

Прошло много дней, прежде чѣмъ бывшій депутатъ сореда С... собрался совершенно съ силами, чтобы подумать оцѣнѣ Аллсъ; когда онъ вспомнилъ оцѣнѣ, тогда вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ подумалъ и о томъ, что Дарвина уже не было на свѣтѣ и что злодѣй этотъ нагнѣстенъ былъ въ околоскѣ только подъ именемъ Питера Уаттса

КНИГА ПЯТАЯ.

Герой моего романа, сделавшись авторомъ, остается безъ дѣйствія въ этой части книги. Если вамъ надоели размышленія, вы можете пропустить эти страницы, но если вы любите музу, то остановитесь, читайте сколько можете, и засыпайте, когда вамъ вздумается.

Феофритъ.

.....Мой геній, расправивъ свои крылья, летитъ туда, гдѣ Бретонецъ поклоняется восточной веснѣ

Гелдсмицъ.

I.

Съ какою пріятнымъ чувствомъ самодовольствія возвращается каждый Англичанинъ въ Лондонъ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ! Правда, публичныхъ здавій въ немъ мало и по большей части они посредственны; памятники древности нельзя сравнить даже съ тѣми, которые встрѣчаешь въ самыхъ маленькихъ городахъ Италіи; дворцы мрачны; дома веревъ ни что иное, какъ безобразная масса кирпичей. Но что до этого? Жизнь Лондона на его улицахъ, въ его помещениях! Какое богатство, какая чистота, какой порядокъ, какое одушевленіе! Какъ величественна, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ дѣтальна жизнь, текущая по мириадамъ жилищъ его. Какъ ночью, съ яркимъ свѣтомъ одного фонаря, и улица за улицю всё ровно, въ симметриіи, убѣгаютъ изъ-подъ вашихъ колесъ!

Да, сердце Мальтраверса сильно билось, когда почтовые лошади мчали его разбитую карету по Устминстерскому-мосту, по Уейтхальской и по Регентской улицамъ къ одной спокойной гостинницѣ, весьма похожей на частный домъ; такими гостинницами окруженъ Гросвеноръ-Скуеръ. Въ нихъ можно взйти необходимую теплоту, комфортъ и всю услужливость англійскихъ гостинницъ! Право, Англія чудная страна для богатыхъ; но для бѣдныхъ.... «ah si vous êtes pauvre.... tant pis pour vous!»

Эрнеста ожидали. Онъ писалъ изъ Парижа къ Кливеленду, предупреждая его о своемъ прїездѣ, а Кливелендъ въ отвѣтъ увѣдомлялъ его, что занялъ для него номеръ въ гостинницѣ Миварта. Улыбающіеся слуги ввели его въ огромную и освѣженную чистымъ воздухомъ комнату; кресла были уже придвинуты къ камину. Рядъ писемъ лежалъ на столѣ, вмѣстѣ съ двумя вечерними газетами. И какъ краснорѣчиво, казалось Мальтраверсу, говорили эти вечернія газеты, о дѣлахъ Англіи! Прїѣзжій даже не замѣтилъ, что ни одинъ изъ его прїятелей не встрѣтилъ его; казалось, всякая вещь въ комнатѣ улыбалась ему и принимала его съ радушіемъ.

Мальтраверсъ приказалъ подать себѣ обѣдать, а самъ между прочимъ началъ распечатывать и пробѣгать письма. Въ нихъ не заключалось ничего важнаго; одно отъ управляющаго, другое отъ банкира, третье о курсахъ, четвертое отъ неизвѣстнаго ему человѣка, который просилъ голоса и протекціи мистера Мальтраверса на слѣдующихъ выборахъ въ графствѣ, если слухъ о раздѣленіи парламента осуществится. Б., неизвѣстный кандидатъ, увѣрялъ Мальтраверса въ своей «извѣстной репутациі» и политическихъ мнѣніяхъ. Эрнестъ съ нетерпѣніемъ отворотился отъ этихъ посланій, и тутъ только замѣтилъ маленькое письмецо, сложенное треугольничкомъ, ускользавшее до сихъ-поръ отъ его вниманія. Это письмецо было отъ Кливеленда. Онъ увѣдомлялъ Эрнеста, что находится въ городѣ, что здоровье его до-сихъ-поръ еще не позволяетъ ему выходить, но что онъ все-таки надѣется увидѣть своего милаго Эрнеста тотчасъ же по прїездѣ его.

Мальтраверсъ чрезвычайно обрадованный, что могъ такъ неожиданно прїятно провести вечеръ, велѣлъ поторопиться обѣдомъ, пробѣжалъ наскоро всѣ газетныя новости, и пошелъ пѣшкомъ, въ свѣтлую морозную ночь первый половинны декабря мѣсяца, по ярко освѣщеннымъ улицамъ Лондона, до квартиры своего друга, въ Кирзонскую-улицу. Кливелендъ занималъ маленькую, холостую квартиру безъ особенныхъ затѣй, пото-

ну-что все свое состояніе, хотя не огромное, но весьма-достаточное, онъ употребляетъ на свою подгородную виллу. Знакомое лицо стараго слуги встрѣтило Эрнеста у подѣзда; онъ остановился съ нимъ, чтобъ освѣдомиться о здоровьи своего воспитателя, и узнавъ, что онъ почти совсѣмъ выздоровѣлъ, вѣнчалъ въ уютную гостинную, и такъ какъ Англичане не целуются, то дружески пожалъ руку Кливеленда.

— Итакъ, мой милый Эрнестъ, сказалъ Кливелендъ, разбѣжавшіе обыкновенными въ такомъ случаѣ вопросаи и огнѣнныя: наконецъ ты опять въ Англїи: слава Богу! Да какъ ты выглядишь, какой у тебя здоровый видъ! Теперь самое лучшее время года, для твоего *дебюта* въ Лондонѣ. Миѣ еще остается довольно времени свести тебя съ обществомъ, прежде чѣмъ вычтется суматоха веселостей.

— А я думалъ было отправиться на свою родину въ Бюрлей, которую я не видалъ съ дѣтства.

— Нѣтъ, нѣтъ! судя по твоимъ письмамъ ты уже довольно выжишь въ удивленїи, на озерѣ Комо; теперь ты долженъ явиться въ большой лондонскїй свѣтъ; а въ Бюрлей гораздо прїятнѣе провести лѣто.

— А я думаю, что большой лондонскїй свѣтъ не доставитъ тебѣ большаго удовольствїя; онъ можетъ правиться молодому человеку, только что вышедшему изъ школы; но ваши балы, навазненные толпою народа, ваши монотонные клубы покажутся глупыми для того, кто состарѣлся прежде времени. *J'ai vécu sans plaisir dans peu d'années.* Я вынулъ слишкомъ большой кусокъ изъ капитала жизни во-время моей молодости, чтобъ могъ теперь восхищаться чванливою бережливостью, съ какою наши знатные бары пользуются удовольствїями.

— Не суди такъ прежде, чѣмъ будешь имѣть на то вѣрныя показательства, сказалъ Кливелендъ: есть что-то такое, что горитъ выше всякаго презрѣнїя, какъ въ расточительной пышности, такъ и въ прочномъ вкусѣ этихъ путеводелителей англїйской аристократїи, что они умѣютъ выказывать даже въ самыхъ незамысловатыхъ удовольствїяхъ. Къ тому же ты перестанешь непременно находиться въ обществѣ мотыльковъ; въ Лондонѣ есть много пчелъ, которыя сочтутъ за особенное счастье познакомиться съ тобою. Прибавь къ этому, мой милый Эрнестъ, удовольствїе жить осязательно и быть важнымъ человекомъ въ своемъ отечествѣ. Ты молодъ, знатенъ и довольно красивъ, для того, чтобъ заинтересовать и заставить вздыхать по

себя не одну хорошенькую миссъ высшаго общества; а ты, состояніе и значеніе въ обществѣ заставляютъ забѣгать тебѣ тѣхъ изъ господъ кавалеровъ, которымъ понадобится взять у тебя денегъ, или выпросить твой голосъ на выборахъ Нѣтъ, Мальтраверсъ, оставайся въ Лондонѣ, повеселись хорошенько первый годъ твоего здѣсь пребыванія, а на будущій займешься своею карьерою; узнай прежде хорошенько мѣстность, а потомъ начинай атаку.

Мальтраверсъ безъ труда согласился послѣдовать совѣту своего друга, потому-что, согласившись на это, онъ надѣялся уговорить своего воспитателя остаться также въ Лондонѣ, и направлять его на дальнѣйшія предпріятія. Сверхъ-того онъ думалъ, что поступитъ благоразумно, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ прославившимися людьми Англій, съ которыми, по обѣщанію, данному имъ де-Монтеню, онъ впоследствии долженъ былъ войти въ соперничество. Такимъ-образомъ, онъ согласился исполнѣть на всѣ предложенія Кляксенда.

— А не слышали ли вы чего-нибудь, сказалъ Эрнестъ, вставая, и подходя къ двери въ то время, какъ часы, пробивъ полночь, напомнили ему, что пора отправляться домой, — слышали ли вы чего-нибудь о моей... о моей... несчастной Алисъ Дарвилъ?

— О комъ? Ахъ да, помню; о той бѣдной молодой дѣвушкѣ, нѣтъ, ни слова.

Мальтраверсъ тяжело вздохнулъ и вышелъ.

II.

Je trouve que c'est une folie de
étudier le monde en simple spectateur...
l'école du monde comme dans celle de l'école
il faut commencer par pratiquer ce qu'on
apprendre.

Теперь Эрнестъ Мальтраверсъ со всего размаху бросился въ океанъ лондонской аристократіи. Въ числѣ прочихъ

шизжностей, онъ имѣлъ собственный домъ въ Симоръ-Плесъ, въ этой спокойной, хотя находящейся въ среднѣ города улицѣ, жители которой наслаждаются постоянно свѣжимъ воздухомъ, а не глотаютъ пыль, какъ это приходится на долю живущихъ въ паркахъ. Прежде этотъ домъ отдавался въ-наемъ; но теперь, весьма кстати, жилецъ изъ него выѣхалъ, и Мальтраверсъ былъ чрезвычайно доволенъ, что могъ занять такое приятное жилище, потому-что онъ до-сихъ-поръ еще былъ востъ въ душѣ и желалъ лучше смотрѣть на деревья и зелень, нежели на высокіе каменные дома. Онъ допустилъ у себя роскошь только въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, сильная любовь къ музыкѣ побудила его взять ложу въ оперѣ, а во-вторыхъ, онъ, какъ и всякій другой Англичанинъ, желалъ имѣть отличныхъ лошадей, и въ этомъ случаѣ его странное влеченіе шло эту роскошь до того, что ему завидовали даже многіе, которые были гораздо богаче. Но четыре тысячи гиней годового дохода прекрасное достояніе для холостаго человѣка, который не ведетъ большой игры, и имѣетъ слишкомъ философскій взглядъ на вещи, чтобъ желать чего-нибудь излишняго.

Свѣтъ удвоилъ его доходы, превратилъ его подгородное имѣніе въ великолѣпный замокъ, и открылъ, что его старшій братъ, (который былъ старѣ Эрнеста не болѣе какъ тремя или четырьмя годами), былъ бездѣтенъ. Однимъ-словомъ, свѣтъ былъ чрезвычайно внимателенъ къ Эрнесту Мальтраверсу.

Вступила та самая эпоха, какъ сказалъ Кливелендъ, когда общество имѣло свободное время заводить новыя знакомства. Немногіе дома, въ которыхъ приличія доведены были до высочайшей степени, и знакомство съ которыми было сопряжено съ величайшими затрудненіями, были открыты, но и въ нихъ гримозный и во-всѣхъ отношеніяхъ прекрасный воспитанникъ сына любимаго Кливеленда былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Авторамъ, дипломатамъ, ораторамъ, философамъ—къ онъ былъ представленъ, и всѣми хорошо принятъ, Эрнестъ вошелъ въ моду, прежде чѣмъ самъ замѣтилъ свое значеніе. Но онъ справедливо замѣтилъ прежде, что слишкомъ рано началъ жить, и потому былъ уже совершенно развращенъ. Онъ нашелъ многихъ, которымъ могъ удивляться, которые ему нравились, но не нашелъ ни одного человѣка, къ которымъ могъ бы подружиться, или въ которомъ онъ могъ занять истинное участіе. Ни сердце, ни воображеніе его не были тронуты; все въ глазахъ его походило на искусственную маску, и онъ былъ чрезвычайно недоволенъ автоматами, въ

а
 которыхъ, по его мнѣнію, не доставало жизни. Въ это-то время онъ, больше чѣмъ когда-либо, припоминалъ чудную прелесть Валеріи де Сент-Вянтадуръ, которая разливала свое очарованіе на самый непостоянный кругъ,—не давая замѣтить его суетность; даже ему какъ будто не доставало страннаго и фантастическаго тщеславія Кастручіо. Посредственный поэтъ стоялъ въ глазахъ его все-таки гораздо выше посредственности свѣта, которые окружали его. Скажемъ еще болѣе, разсчетливый умъ и сухая ловкость Люмлея Феррерса казались ему сноснѣе тѣлолага, утѣваго и неутѣшительнаго эгоизма завистливыхъ умовъ и политическихъ партій.

— Если это лучшіе цвѣты общества, каковы же тѣ, которыхъ считаютъ сорными травами? говорилъ самъ себѣ Мальтраверсъ, возвращаясь съ одного вечера, гдѣ онъ встрѣтилъ съ десятокъ самыхъ отчаянныхъ львовъ.

Съ этого времени онъ началъ ощущать страшный недугъ прощепенія.

Но зима прошла; началось время удовольствій, и Мальтраверсъ былъ увлеченъ вмѣстѣ со всѣми въ шумный вихрь свѣта.

III.

«Когда толпа начинаетъ надоедать намъ, тогда уединеніе простираетъ намъ свои объятія.»

Шенкманъ.

Я увѣренъ, что ливъ считаетъ большимъ свѣтомъ садокъ, въ которомъ онъ проживаетъ. Нѣтъ ни одного мѣста, какъ глухо оно ни было, которое не считалось бы большимъ свѣтомъ тѣмъ, которые движутся въ немъ и вокругъ него. Люди, прожившіе вѣкъ свой въ деревнѣ, толкуютъ такъ же легко о большомъ свѣтѣ, какъ будто онъ былъ всегда передъ ихъ глазами. Ни одна старуха не высунетъ въ воскресенье своего носа за дверь своей хижины, не подумавъ, что она будетъ

между блескомъ и тщеславіемъ большаго свѣта. Ergo, для каждаго изъ насъ маленькій кругъ, въ которомъ мы живемъ, есть большой свѣтъ. Но такъ какъ богатые и образованные люди учреждаютъ моды, то и кругъ ихъ называется большой свѣтъ *par excellence*. И чѣмъ больше мы вникаемъ въ него, тѣмъ лучше онъ нравится намъ. Но въ молодости нашей, называемой *beaux jours*, мы едва ли понимаемъ, какъ большой свѣтъ, такъ и многое другое; и чѣмъ прекраснѣе эти дни молодости, тѣмъ печальнѣе и бесполезнѣе они для нашей жизни. Мальтраверсъ до сихъ-поръ еще не нашелъ для себя ни общества, которое интересовало бы его; ни удовольствія, которое дѣйствительно развлекало бы его. Вотъ почему, не-смотря на то, что онъ бывалъ по этой пучинѣ, находя на каждомъ шагу толпу друзей и посѣдая всевозможные балы и обѣды, друзья, балы и обѣды надѣлали ему, какъ человѣку, котораго ничто не интересуетъ въ обществѣ. Кто хочетъ наслаждаться въ обществѣ, тотъ долженъ имѣть или цѣль, или какое-нибудь занятіе, и вникаться въ свѣтъ или для того, чтобы обратитъ свою цѣль въ общественную принадлежность, или отдохнуть въ немъ отъ утомительныхъ занятій. Напримѣръ, если вы политикъ, то политика составляетъ предметъ вашихъ занятій въ кабинетѣ, и жена, соединяющее васъ съ обществомъ. То же можно сказать и о литературѣ, хотя въ мѣньшихъ размѣрахъ; потому-что хотя литературою занимается гораздо мѣньшее число людей, чѣмъ политикою, но все-таки васъ будетъ занимать мысль, что товарищи ваши могутъ быть избранными писателями. Если вы очень молоды, то, вѣрно, любите танцы. Если вы чужды безразличному, то, можетъ-быть васъ, займетъ волонтерство. Послѣднія два обстоятельства тоже цѣли въ своемъ родѣ, но онѣ не могутъ быть продолжительны даже для самыхъ кипреныхъ, потому-что не могутъ наполнить ни ума, ни сердца, въ которыхъ есть всегда стремленіе къ чему-нибудь полезному. Не одно тщеславіе заставляетъ моднаго льва выдумать какую-нибудь новую уздечку, или дать свое имя какому-нибудь новому роду тильбюри; нѣтъ, тутъ есть то таинственное влеченіе къ полезному, которое составляетъ главное звено между честолюбіемъ и родомъ человѣческимъ.

Мальтраверсъ не былъ несчастливъ,—это весьма обыкновенный хребтъ,—но его ничто не занимало,—вотъ положеніе невыносимое. Его дружба къ Кливеленду какъ-будто уменьшилась, потому-что ему казалось страннымъ, и даже не нравилось, то, что писатель его наслаждался жизнью вполне. Онъ вообразилъ,

что ихъ всѣхъ занимають мелочи, которыя его мудрость должна презирать. Кливелендъ былъ тѣхъ лѣтъ, когда человѣкъ дѣлается наиболѣе общежителенъ, потому-что, находясь долго и часто въ соприкосновеніи съ магнетическимъ камнемъ общества, мы воспринимаемъ отъ него, въ тысячѣ незримыхъ случаевъ, силу притяженія, общую съ нашими ближними. Ихъ маленькія печали, ихъ крошечныя радости, ихъ цѣль и интереса и занятій были когда-то нашими собственными. Въ продолженіе нашей жизни мы собираемъ огромную коллекцію тяжести, какъ нравственной, такъ и умственной, которую мы желали бы съ кѣмъ-нибудь подѣлиться, и едва ли найдется хоть одинъ человѣкъ въ мірѣ, въ которомъ не было бы ничего общаго съ нами. Но въ молодости мы бываемъ по большаго части мечтательными эгоистами, а Мальтраверсъ принадлежалъ къ числу людей, у которыхъ предается.

«Сердце страсти, а голова поэзія».

Но въ то самое время, какъ Лондонъ достигъ высшей степени занимательности, когда волокитства стали настойчивѣе, прогулки по Темзѣ умножились, а соловьи начали свистать въ тѣнистыхъ рощахъ Ричмонда, Мальтраверсъ вдругъ скрылся изъ оживленной столицы, и въ одинъ прекрасный іюльскій вечеръ очутился въ своемъ Бюрлеѣ передъ крыльцомъ, обросшимъ темнозеленымъ плющомъ.

О, какой ясный, тихій и умиротворенный былъ этотъ вечеръ! Эрнестъ вышелъ изъ экипажа у околицы, и пошелъ одинъ гулять въ паркъ небольшого, но живописнаго парка. Съ самаго дѣтства онъ не видѣлъ этого мѣста, и оно почти совсѣмъ изгладилось изъ его памяти.

Но въ эту минуту онъ удивлялся самъ-себѣ, какъ могъ онъ жить доселѣ гдѣ-либо, кромѣ Бюрлея. Тутъ не было ни прекрасныхъ стриженныхъ аллей, ни дремучаго лѣса, наполненнаго дикими лавьями, и возвышающагося надъ темнымъ панорамникомъ; видно было, что это жилище принадлежало не знатному барину, а старинному сельскому аворянину. Древность была на была во всѣхъ частяхъ этого замка, и въ частоколѣ, и въ росшемъ мохомъ, и въ тѣнистыхъ рощахъ, и въ острокопанныхъ зубцахъ башенъ, и въ тяжелыхъ карнизахъ дома, то что показавшагося у подножія холма, покрытаго мѣстами мхомъ, а мѣстами кустарникомъ, росшимъ безъ всякаго призора.

Заброшенный садъ отдѣлялся отъ парка едва замѣтнымъ ровомъ. Въ одномъ мѣстѣ сверкала при сумрачномъ свѣтѣ блестящая поверхность продолговатаго пруда, на каждомъ углу котораго, была, по старинному обыкновению, посажена сосна; въ другомъ стояли солнечные часы, устроенные на полированныхъ стѣромъ камнѣхъ; далѣе длинная терраса для гулянья, украшенная полированными и разбитыми вазами, которыя въ честь прѣзда своего господина садовникъ наполнялъ померанцовыми деревьями и алоями, взятыми изъ полуразрушившейся оранжереи. Дикая трава, поросшая на дорожкахъ, и слишкомъ разительная зашумелность во всемъ, пробудили въ Эрнестѣ, какъ бы упреки совѣсти и жалость къ этому спокойному и заброшенному шалашу. Послѣ этого онъ уже не обычною своею гордою поступью, а съ поникшею головою прошелъ отъ крыльца до уединенной библіотеки, мимо толпы слугъ, изъ которыхъ только двое или трое, самые старыя, знавали его когда-то ребенкомъ, но и они не могли привѣтливо улыбнуться господину, почти совершенно имъ неизвѣстному.

 IV.

Прошло ровно два года послѣ провѣщевія, описаннаго въ предыдущей главѣ, когда Мальтраверсъ явился опять въ общество. Этихъ двухъ лѣтъ было весьма достаточно, чтобъ произвѣсть перемѣну въ его судьбѣ. Эрнестъ Мальтраверсъ потерялъ счастливое право самобытнаго человѣка; онъ отдалъ самъ себя публикѣ, продалъ свое имя людскимъ толкамъ, и сдѣлался существомъ, которое всякій имѣлъ право хвалить, осуждать, разбирать и подстергать. Однимъ словомъ Эрнестъ Мальтраверсъ сдѣлался авторомъ.

Люди, удержитесь отъ соблазна помѣщать свои статьи въ ююны журналовъ, прежде чѣмъ хорошо взвѣсите всѣ послѣдствія этого испытанія!... Кто издалъ книгу съ нѣкоторымъ успѣхомъ, тотъ сдѣлалъ великій шагъ. Онъ часто будетъ оборачиваться назадъ, и со вздохомъ сожалѣнія смотрѣть на то мѣсто, которое покинулъ уже навсегда. Прекрасная и скромная неженственность его домашняго быта исчезла. Теперь онъ уже не мо-

жетъ, выказать справедливаго негодованія если видятъ, что хотятъ унижить его, или выставить въ смѣшномъ видѣ. Онъ простился уже съ неизвѣстностью прежней жизни. Его идеи могутъ быть перетолкованы, репутація оклеветана, манеры, собственная персона, одежда, даже походка могутъ быть порочною пищею для толковъ и карикатуръ. Онъ не можетъ уже ни возвратиться назадъ, ни даже остановиться; онъ уже избралъ себѣ дорогу, и чувства самыя натуральныя, чувства, заставляющія нервы и мускулы дѣйствовать, побуждаютъ его двигаться впередъ. Остановиться, значитъ сознать себя неспособнымъ. Онъ объявилъ свѣту, что хочетъ прославить свое имя, и долженъ, или сознаться, что онъ замыслилъ невозможное, или продолжать свои усилія до-тѣхъ-поръ, пока успѣетъ въ своемъ предпріятіи!...

Но такія мысли не приходили Мальтраверсу въ голову, когда онъ, побужденный своими грезами и влеченіемъ, захотѣлъ сдѣлать свѣтъ своимъ повѣреннымъ, и когда, соединивъ размышленія съ наблюденіями, книжныя познанія съ сколками съ натуры, онъ старался извлечь изъ этой смѣси что-нибудь, что могло бы поставить имя его въ сношеніе съ пріятнымъ обществомъ ему подобныхъ. Хорошее состояніе и холостая жизнь позволяли ему предаваться вполне своимъ размышленіямъ; они переполнили его умъ, и наконецъ излились на страницы, которыя должны были служить каналомъ между уединеннымъ источникомъ и огромнымъ океаномъ человѣческихъ познаній. Мальтраверсъ, какъ мы уже видѣли, не былъ ни раздражителемъ, ни боязливымъ. Онъ сформировалъ самъ себя, подобно скульптору, который лѣпитъ свои фигуры, имѣя модель передъ глазами и идеалъ въ сердцѣ. Онъ старался посредствомъ труда и терпѣнія приближаться съ каждымъ новымъ усиліемъ ближе и ближе къ степени превосходства, и надѣлся, не безъ основанія, когда-нибудь достигнуть его; наконецъ, когда ему казалось, что онъ достигъ совершенства, тогда онъ съ спокойною довѣрчивостью отдалъ свое произведеніе на судъ безпристрастнаго трибунала.

Первый трудъ его имѣлъ успѣхъ, можетъ-быть потому, что онъ носилъ на себѣ отпечатокъ чести и истины. Онъ никогда не принимался за перо, чтобъ описывать то, чего отъ роду не видалъ, или передавать то, чего никогда не чувствовалъ. Такъ какъ онъ былъ спокойный и благоразумный наблюдатель жизни человѣческой, то описанія его были тѣмъ живѣе, потому что онъ набрасывалъ ихъ всегда подъ первымъ впечатлѣніемъ.

Онъ почерпалъ свою опытность не съ безплодной поверхности зрѣлыхъ лѣтъ, а изъ свѣжаго колодца молодыхъ волненій. Другая причина его успѣха была, можетъ-быть, та, что его познанія были гораздо разнообразнѣе и обработаннѣе, чѣмъ у большей части молодыхъ авторовъ. Онъ не старался, подобно Цезариву, дѣлать въ своихъ сочиненіяхъ простой наборъ словъ, не имѣя никакой основной идеи; и если слогъ его былъ въ одно время и краснорѣчивъ и простъ, то это потому, что онъ твердо выражалъ хорошо обдуманная и со всѣхъ сторонъ осматрѣныя мысли. Третья причина—и я останавливаюсь на этомъ, не столько для того, чтобъ объяснить карьеру Мальтраверса, сколько для того, чтобъ намекнуть на то, что можетъ быть полезно другимъ — третья причина, говорю, отъ чего сочиненія Мальтраверса имѣли такой единодушно благопріятный пріемъ публики, была та, что онъ не послѣдовалъ самой дурной изъ методовъ для литературныхъ новичковъ, то есть—не помѣстилъ свои сочиненія, преисполненныя и особенныхъ мыслей и особенныхъ выраженій, въ колонны какого-нибудь періодическаго изданія. Періодическія изданія составляютъ хорошее сообщеніе между публикою и авторомъ, уже извѣстнымъ своими сочиненіями, который, потерявъ прелесть новизны, приобрѣлъ уже достаточный вѣсъ для своей репутаціи; и который старается имѣть частыя и безпрестанныя сношенія съ публикою, издавая одно за другимъ свои политическія или критическія сочиненія. Но что касается до молодаго писателя, то подобный родъ сообщенія, если онъ продолжается долго, равно вредитъ, какъ будущей его извѣстности, такъ и настоящему вкусу и слогу. Извѣстности онъ вредитъ потому, что рано заставляетъ публику свыкаться съ его методою, (всякой писатель, достойный того, чтобъ его творенія были прочитаны, имѣетъ свою методу) въ томъ видѣ, которому сказанная публика не дастъ никакого вѣса. И такимъ образомъ, онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ доходить до той точки, до которой должно было бы достигать годами, то есть заставляетъ соскучившуюся публику сказать: *toujours perdrix*. Вкусу же и слогу онъ вредитъ потому, что заставляетъ автора писать подъ минутнымъ вліяніемъ, изучать фальшивую падуемость слога и сужденій, ограничивать свои наклонности и честолюбіе только послѣдними днями каждаго мѣсяца, востать и тотчасъ же собирать жатву, отказаться отъ серьезныхъ занятій, потому-что сужденія о нихъ составляются медленно, и надежда на успѣхъ не скоро осуществляется. У чело-вѣка съ такимъ талантомъ, начавшаго свою карьеру этимъ чу-

темъ, и шедшаго по нему долго, есть какая-то недозрѣлость, какъ въ сочиненіяхъ, такъ и въ извѣстности. Онъ становится оракуломъ маленькихъ партій, и мы рѣдко можемъ избавиться отъ убѣжденія, что все, что онъ пишетъ, не есть условіе съ партіею. Хазлиттъ и другіе его современники страшно обманулись, заложивъ въ періодическія изданія свое пожизненное право на извѣстность на литературномъ поприщѣ. Но прежде сказать, такое сужленіе нельзя примѣнить ко всѣмъ вообще; въ некоторыхъ обстоятельствахъ не позволяютъ дѣлать выбора. Аристотель справедливо выразился въ своей греческой пословицѣ: не всѣ могутъ валять, какъ въ Дельфахъ.

Второе сочиненіе Мальтраверса, выпущенное имъ въ свѣтъ черезъ восемнадцать мѣсяцевъ послѣ перваго, было высшаго и болѣе важнаго рода, и оно послужило къ тому, чтобъ совершенно утвердить его литературную извѣстность, а это слишкомъ для втораго сочиненія, которое обыкновенно есть *срота асиотима* для авторовъ. Кто послѣ славнаго успѣха перваго своего творенія не разочаровываетъ публику вторымъ, тотъ имѣетъ вѣрный шансъ занять почетное мѣсто въ литературѣ. Но съ этого времени начинаются всѣ муки и опасности.

Первымъ твореніемъ авторъ не наживаетъ себѣ враговъ. Его товарищи сочинителя еще не смотрятъ на него какъ на соперника; и если онъ довольно богатъ, то они безсознательно надѣются, что онъ не будетъ постояннымъ писателемъ, или какъ они выражаются, писателемъ «по ремеслу»; онъ написалъ одно что-нибудь, чтобъ заставить говорить о себѣ, и больше писать не долженъ, въ противномъ случаѣ, вторая книга его должна пасть. Но когда эта вторая книга явилась въ свѣтъ, не падаетъ, то они начинаютъ осматриваться, зависть пробуждается, а злость начинаетъ дѣйствовать. Вся старая школа, господа сочинители, получившіе уже изъ нее пансіонъ извѣстности, смотрятъ на него какъ на пришельца; и тутъ-то на новичка-сочинителя начинаютъ сыпаться градомъ: пожатіе плечами... нахмуреніе бровей... колкая иронія... тщательные и насмѣшливые разборы и унижительныя похвалы, такъ, что онъ находитъ себя гораздо далѣе отъ своей цѣли, чѣмъ въ то время, когда еще не попалъ въ это общество.

Мальтраверсъ имѣлъ прекрасный характеръ, но надобно признаться, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень гордъ, храбръ, честенъ и точенъ.

Разъ вечеромъ въ началѣ лѣта, Эрнестъ, погруженный въ грустныя и неопредѣленныя мысли, тихо ходилъ взадъ и спе-

редъ во террасѣ своего дома, «внимательно наблюдая за заходящимъ солнцемъ»; вдругъ онъ замѣтилъ запыленную дорожную карету, катающуюся черезъ мостикъ къ дому, и чья-то рука, выскунувшись изъ открытаго окна экипажа, махала ему въ знакъ привѣта. Гости къ Мальтраверсу ѣздили такъ рѣдко, и онъ имѣлъ такъ мало друзей, что рѣшительно не могъ догадаться, кто былъ его посѣтитель. Братъ его, онъ зналъ, былъ гъ Лондонѣ. Клявелендъ, отъ котораго онъ въ этотъ самый день получалъ письмо, жилъ въ своей виллѣ. Феррерсъ веселился гъ Вѣнѣ. Кто бы это могъ быть? Мы можемъ говорить о удивленіи, что намъ угодно, но послѣ двухъ-годоваго отшельничества посѣтитель есть пріятное возбуждательное средство. Мальтраверсъ повернулъ назадъ, и вошелъ въ комнаты въ то самое время, когда де-Монтень почти бросился въ его объятья.

V.

«..... duid tam dextro pede concipis ut
te Conatus non poeniteat, vaticque peracti?»

Иив.

— Да, сказалъ де-Монтень: я съ своей стороны тоже выполняю свое назначеніе. Я теперь членъ палаты депутатовъ и пріѣхалъ гъ Англію по нѣкоторымъ коммерческимъ дѣламъ. Находясь у васъ въ сосѣдствѣ, я не могъ воспротивиться искушенію, и какъ-бы по дорогѣ заѣхалъ къ вамъ. Итакъ, вы должны принять меня на нѣсколько дней, какъ гостя.

— Отъ души поздравляю васъ съ вашей новой должностью. Я уже много слышалъ о вашей возрастающей извѣстности.

— Я возвращаю вамъ поздравленіе съ немѣньшею ревностью. Вы превзошли мои предсказанія. Я прочелъ ваши творенія, и теперь еще болѣе горжусь вашей дружбою.

Мальтраверсъ незамѣтно вздохнулъ и отвернулся.

— Жажда славы, сказалъ онъ послѣ нѣ котораго молчанія:

ростеть въ насъ до-тѣхъ-поръ, пока превращается въ болѣзнь. Сначала мы довольствуемся нѣкоторою похвалою, и думаемъ только присоединить свою лепту въ общую сокровищницу; но какъ скоро это сдѣлано, возстаютъ новыя видѣнія! Намъ кажется, что мертвые выходятъ изъ-за тѣни прошедшаго, и мы мечтаемъ занять вакантное мѣсто въ великомъ пантеонѣ. Тутъ въ первый разъ только мы замѣчаемъ разницу между извѣстностью и славою.... между настоящимъ днемъ и вѣчностью.

— Это правда, отвѣчалъ де-Монтень: но не думаете ли вы, что умершія знаменитости не чувствовали то же самое, когда они переходили дорогу, ведущую выше обыкновенной жизни? Продолжайте обрабатывать вашъ умъ, изощрять упражненіями ваши способности, старайтесь пріятно занимать или научать человѣчество, и предположимъ, что вы станете нѣсколько ниже образца, выбраннаго вами—предположимъ даже, что имя ваше исчезнетъ вмѣстѣ съ вашимъ прахомъ, и тогда вы провели свою жизнь гораздо благороднѣе праздної толпы. Предположимъ, что вы не достигнете этой случайности, «славы на землѣ», но и тогда вы не можете сказать про себя, что вы неспособны къ высокому назначенію? Вы только должны будете дѣйствовать въ мірѣ умовъ.— Стяжаніе ума идетъ съ нами рука объ руку въ вѣчный прогрессъ; и въ будущности мы можемъ стать на высшую или низшую степень, смотря потому, болѣе или менѣе мы прилагали старанія изощрить нашъ разумъ, чтобъ понять и исполнить Божеское предназначеніе.

— Но мы можемъ лишиться истинныхъ и чистыхъ радостей дѣйствительной жизни, гоняясь за надеждою, которую вы сами объявили «невѣрною» и, можетъ-быть, всѣ наши познанія ни къ чему не поведутъ.

— Очень хорошо, сказалъ де-Монтень, улыбаясь: но отвѣчайте мнѣ по чистой совѣсти. Предаваясь честолюбію ума, развѣ вы разрушаете тѣмъ истинныя радости своей жизни? Если такъ, то вы слѣдуете этой системѣ безразсудно. Такія занятія, напротивъ, должны располагать къ нѣкоторымъ удовольствіямъ, которыя можно считать истиннымъ отдохновеніемъ въ жизни. И васъ-то болѣе, чѣмъ кого-либо, потому-что вы довольно богаты, чтобы не зависѣть отъ литературы; о, еслибъ это было иначе, то я скорѣе посоветывалъ бы вамъ быть столаромъ, чѣмъ авторомъ. Человѣкъ не долженъ смотрѣть на высокіе пути ума и искусства, какъ на средство доставать насущный хлѣбъ; и эта истина служить не только для одной литературы, но для всего, что стоитъ нѣсколько выше обыкновен-

изго. Не должно дѣлаться ни челоѣкомъ государственнымъ, ни ораторомъ, ни философомъ за деньги; и обыкновенно всѣ, исключая бѣднаго поэта, постепенно узнають эту истину.

— Все это прекрасно въ рѣчи, сказалъ Мальтраверсъ: но вы можете быть увѣрены, что жизнь литератора есть совсѣмъ другая, тѣмъ жизнь обыкновенная, и потому нельзя соединить вмѣстѣ радости той и другой.

— Я думаю иначе, сказалъ де-Монтень: но не въ загородномъ домѣ, въ восьмидесяти миляхъ отъ столицы, безъ жены, безъ друзей и безъ гостей, я могу доказать вамъ слова мои на опытѣ. Не отчаивайтесь, Мальтраверсъ, вамъ предстоитъ благородная карьера, и я не позволю вамъ отступить отъ нея при самомъ преступѣ.

— Стало-быть, вы не знаете всей клеветы, возведенной на меня, не говоря уже о томъ, что многіе умные люди увѣряють, что я не имѣю никакихъ способностей и не общаю ничего въ булуцень.

— Денсъ былъ умный челоѣкъ, но говорилъ тоже самое о вшемъ Попѣ. Мадамъ де-Севинье была умная женщина, но ова думала, что Расинъ никогда не будетъ знаменитымъ писателемъ. Мильтонъ видѣлъ въ Драйденѣ простаго рифмача. Аристотель былъ хорошии судья въ поэзи, но какъ дурно судилъ онъ о Эврипидѣ! Все это общія мѣста, но въ этихъ общихъ мѣстахъ вы находите противное вашему убѣжденію.

— Но весьма неприятно не отвѣчать на атаку.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчайте на атаку.

— Но благоразумно ли это?

— Благоразумно, или нѣтъ; но это можетъ нравиться; что касается до меня, мнѣ не доставило бы это удовольствія.

— Но, де-Монтень, вы разсуждаете, какъ Сократъ. Я спрашиваю васъ просто, откровенно, посовѣтывали ли бы вы автору открыть войну своимъ литературнымъ нападателямъ, или презрѣть ихъ?

— И то, и другое. Пусть онъ нападаетъ на немногихъ, и то рѣдко. Но попытка его должна состоять въ томъ, чтобъ показать нападающимъ, что онъ такой челоѣкъ, котораго лучше не дразнить долго. Свѣтъ всегда на сторонѣ автора противъ критики, если онъ умѣетъ выбрать на то удобныя минуты. Онъ долженъ всегда помнить, что иногда ведутъ войну для того, чтобъ водворить спокойствіе. Выборъ минуты войны и мирнаго времени предоставляется политикѣ и благоразумію.

— Вы хотите дѣлать изъ насъ политическія машины.

— Кто-жъ никогда не предается гнѣву! Но нехорошо ссориться не во-время и не у мѣста, и къ тому же съ такимъ чело-вѣкомъ, съ которымъ, надобно было бы жить въ ладу. Но до-вольно объ этомъ, уже познано.

— А когда мадамъ де-Монтень посѣтитъ Англію?

— О, я боюсь, что не такъ еще скоро. Но Чезарини вы уви-дите въ этомъ или въ слѣдующемъ году. Онъ увѣренъ, что вы не отдаете должной справедливости его поэмамъ, и пріѣдетъ сюда, какъ скоро освободится отъ своей лѣви, чтобъ обнародо-вать ваше мнѣніе въ колкомъ предисловіи къ какой-нибудь без-зубой сатирѣ.

— Въ сатирѣ!

— Да; многіе изъ вашихъ поэтовъ открыли себѣ путь сати-рою, и Чезарини увѣренъ, что онъ слѣдуетъ тоже самое. Ка-струччіо не такъ дальновиденъ, какъ его теска князь Люкки. Покойной ночи, мой милый Эрнестъ.

VI.

• Когда послѣ многихъ трудовъ на-конецъ достигнешь до учености, такъ всѣмъ восхваляемой, тогда тѣ, которые не имѣютъ ее, считаютъ себя обман-ными.

Черчилль, Докторъ.

Было что-то въ разговорѣ де-Монтеня, что, не лѣзя прямо, умѣло помирить Мальтраверса и съ самимъ собою и съ его карье-рою. Разговорами своими де-Монтень старался не возбуждать, а укрощать и, такъ-сказать, сцентрировать умъ Мальтраверса. Сво-ими совѣтами онъ не могъ возродить въ чело-вѣкѣ смѣлости, но энергію и твердость. Дна друга имѣли въ себѣ много общаго, но натура Мальтраверса была роскошнѣе и заключала въ се-бѣ болѣе страстей — болѣе плоти и крови съ ихъ недостат-ками и превосходствомъ. Де-Монтень такъ держался своего лю-

бываго правила— нравственнаго равновѣсія, что во многихъ случаяхъ онъ былъ подобенъ часовому маятнику. Такъ какъ побужденіями управляютъ привычки, то правильность привычекъ де-Монтеня дѣлала его побужденія справедливыми и онъ уступалъ имъ такъ часто, какъ только можетъ это сдѣлать пылкой характеръ; но эти побужденія никогда не породили въ немъ ни одной смѣлой спекуляціи. Де-Монтень никогда не могъ выйти изъ круга обыкновенныхъ дѣйствій. Онъ не чувствовалъ никакой симпатіи къ умствованіямъ, основаннымъ чисто на гипотезахъ воображенія; онъ терпѣть не могъ Платона, и былъ глухъ къ краснорѣчивому шопоту всего, что клонилось къ утонченности въ поэзіи, или къ мистицизму въ философіи.

Мальтраверсъ, напротивъ, не презирая разсудка, всегда стараясь дополнить его силой воображенія, и считалъ всякую философію неполною и неудовлетворительною, которая заключается въ границахъ извѣстнаго и положительнаго. Онъ любилъ способъ заключенія, но онъ велъ его какъ по фактамъ, такъ и по предположеніямъ. Онъ утверждалъ, что всѣ славныя открытія наукъ и искусствъ были обязаны подобной смѣлости, и что ни Ньютонъ, ни Коперникъ не сдѣлали бы ничего, если бы воображеніе ихъ было не также хорошо развито, какъ и умственныя способности, и еслибъ они не могли такъ же хорошо предполагать, какъ и доказывать. Онъ очень полагался на дѣйствія ума и сердца, прилично организованныхъ, и думалъ, что чрезмѣрность душевныхъ волненій и мысли въ людяхъ, руководимыхъ опытомъ и наукою, есть ни что иное, какъ проводникъ къ полезнымъ и великимъ заключеніямъ. Но лѣта и необыкновенно положительный взглядъ на вещи, давали де-Монтеню преимущество надъ Мальтраверсомъ во всѣхъ ихъ ученыхъ диспутахъ, которому однакожъ Мальтраверсъ подчинялся неохотно. Съ другой же стороны, де-Монтень сознавался въ глубинѣ своей души, что доказательства его молодого друга стояли на болѣе обширныхъ фундаментахъ и охватывали болѣе пространный кругъ, нежели его собственныя, и что если онъ былъ подверженъ большому заблужденію, то въ замѣнъ того оказывалъ большую способность къ новымъ открытіямъ и умственнымъ усовершенствованіямъ. Но такъ какъ дороги, избранныя ими, были совершенно различны, и они не могли никакъ на нихъ столкнуться, то де-Монтень, принимавшій искреннее участіе въ судьбѣ Эрнеста, находилъ особенное удовольствіе ободрять умъ своего друга противъ препятствій, встрѣча-

ющихся на пути каждого, а остальное предоставлялъ опытности.

Они возвратились въ Лондонъ вмѣстѣ; но де-Монтень тотчасъ же уѣхалъ въ Парижъ. Мальтраверсъ снова явился въ веселыхъ салонахъ большаго свѣта. Онъ чувствовалъ, что избранное имъ новое поприще совершенно измѣнило его положеніе. За нимъ уже не ухаживали, какъ прежде, за обыкновенныя въ глазахъ свѣта достоинства — богатство, знатное происхожденіе и связи; теперь его осыпали ласкательствами за достоинства другаго рода, которыя казались ему не болѣе дѣльными, какъ и первые. Теперь бросилась всѣмъ въ глаза его настоящая слава, а не достоинство, не умъ, не таланты. Онъ сталъ моднымъ писателемъ, и за нимъ гонялись, какъ гоняются за всѣмъ, что въ модѣ. Его приглашали не для того, чтобы поговорить съ нимъ, но чтобы вытаращить на него глаза. Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы пошлая лесть, какъ знатныхъ людей, такъ и пишущей братіи, могла льстить его истинному честолюбію. Вслѣдствіе этого, онъ оттолкнулъ отъ себя всѣ искаательства, сталъ остороженъ и надѣненъ съ дамами высшаго круга, и разошелся со всѣми избранниками литературы. Тогда они начали нападать на его творенія, потому-что были недовольны авторомъ. Но Мальтраверсъ утвердилъ свои опыты на болѣе массѣ публики, которая была его слушателемъ и судьей, и никакія партіи въ свѣтѣ не могли сдѣлать ему вреда. Онъ избралъ для себя общество по своему вкусу, любилъ разсуждать о предметахъ большой важности и интереса, изострил свои наблюденія и увеличилъ свою сферу, какъ автора, смѣшиваясь со всѣми классами народа. Литература сдѣлалась для него, какъ искусство для артиста, величайшею, со дня на день увеличивающеюся отрадою. Она была для него высокимъ ремесломъ; онъ посвятилъ ей трудомъ свои почести, молодость, заботы, мечты, умъ, сердце и душу. Онъ былъ молчаливый, но живой энтузіастъ. Литературѣ онъ приписывалъ все просвѣщеніе. Онъ любилъ литературу за то, что отличія ея были совершенно непохожи на отличія свѣта. Имя, произносимое съ восхищеніемъ и благодарностью устами дѣлаго поколѣнія, и даже потомства, вотъ титулъ, котораго онъ жаждалъ. Де-Монтень старался сдѣлать его нечувствительнымъ къ терніямъ, встрѣчающимся подъ ногами, и къ грозамъ, застигающимъ человѣка на пути. Онъ научился презирать вражду, которую вызывалъ своими сочиненіями, и осаждавшую его клевету. По-временамъ онъ молчалъ, а по-временамъ приво-

для всѣхъ въ тупикъ собственными же ихъ словами. Какъ человѣкъ защищающій правую сторону, онъ думалъ, что если эта правая сторона оскорблена въ лицѣ его, то оружіе, можетъ быть приведено въ дѣйствіе безъ страха и безъ упрека. Такии образомъ имя его сдѣлалось сколько извѣстнымъ, столько же и страшнымъ; и хотя многіе еще оскорбляли его, но никто не могъ презирать.

Въ планѣ этого сочиненія не входитъ слѣдованіе за Мальтраверсомъ шагъ за шагомъ въ теченіе всей его жизни. Я описываю только главныя происшествія, а не мельчайшія подробности его умственного существованія. Довольно сказать въ сочиненіяхъ, что, не-смотря на нѣкоторые ихъ недостатки, они имѣли въ себѣ много оригинальности, они были его собственныя. Онъ былъ не копійстъ, не компилаторъ, а авторъ, это правда; но самъ геній не есть ли искусство? но его законы, порядокъ и гармонія были взяты изъ кодекса природы, кодексъ, который требуетъ постояннаго и глубокаго изученія, хотя первыя его правила просты и ясны; Мальтраверсъ отшатнулся назадъ отъ этого изученія. Любовь къ истинѣ съими его подробнымъ и проникательнымъ изслѣдователямъ тѣмъ предметовъ, которые въ глазахъ поверхностнаго свѣта кажутся столь маловажными; онъ зналъ, что въ литературѣ нѣтъ ничего маловажнаго, и что часто самая обыкновенная фраза отстоитъ на волосъ отъ истины, нетребующей доказательства. Онъ былъ тѣмъ оригинальнѣе, что искалъ во всемъ не новизну, а истину. Нѣтъ двухъ умовъ, совершенно похожихъ одинъ на другой; и потому всякій человѣкъ, который дѣлаетъ откровенный отчетъ своихъ впечатлѣній, не поддаваясь выражанію, будетъ всегда оригиналенъ. Однако жъ не одна оригинальность прославила Мальтраверса, потому-что эта оригинальность была не изъ тѣхъ, которыя поражаютъ обыкновенныхъ людей, въ ней не было ничего ни сумасброднаго, ни страннаго; онъ не придерживался никакой системы и никакой школы. Многіе изъ современныхъ ему писателей кажутся въ глазахъ людей поверхностныхъ болѣе новыми и болѣе оригинальными. Важныя изобрѣтенія проходятъ едва замѣтныя постепенности, и не имѣютъ ничего общаго съ тѣми скачками конвульсивными подергиваніями, которые обозначаютъ не мощь и силу, а страшную болѣзнь литературы.

VII.

«Выѣхать изъ города, перемѣнить лонъ монитъ было, пустить моего и обыкновенными его шагами».

Хотя Мальтраверсъ сталъ гораздо степеннѣе и разсудительнѣе, хотя умъ его совершенно утвердился и онъ былъ уже тотъ дикій и сумасбродный молодой человѣкъ, который воображеніемъ своимъ превращалъ хижину Алисы въ воздушный замокъ, наполненный повзисю, однакоже онъ сохранилъ еще много изъ своихъ привычекъ; онъ любилъ повременамъ вырваться изъ большаго свѣта и отъ друзей, отбросить книги, роскошное богатство, и блуждать одному, иногда пѣшкомъ, а иногда на конькомъ, по прекраснымъ садамъ Англіи.

Былъ тихій и ясный майскій день; Мальтраверсъ, предпринявъ одну изъ вышесказанныхъ прогулокъ, тихо пробѣжалъ по опушкѣ зеленѣющаго лѣса широкаго шира. Плащъ и котомка составляли все его багажъ, а цѣлый свѣтъ былъ впереди его, гдѣ онъ могъ выбрать мѣсто для своего успокоенія. Наконецъ тропинка, которой онъ ѣхалъ, своротила на большую дорогу, и едва лошади его сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ съ нимъ повстрѣчалась веселая кавалькада, состоявшая изъ дамъ и мужчинъ.

Впереди этой кавалькады ѣхала дама въ темнозеленомъ платьѣ на прекрасной лошади англійской породы, которою она управляла съ такимъ искусствомъ и граціею, что Мальтраверсъ остановился въ зевольномъ удивленіи. Онъ самъ былъ хорошимъ ѣздникомъ, и потому вполнѣ сочувствовалъ тѣмъ, кто обладаетъ этимъ искусствомъ въ совершенствѣ.

Смотря на эту прекрасную амазонку, онъ подумалъ, что долѣтъ во всю жизнь свою въ одной только женщинѣ соединено такой граціи, такого невыразимаго изящества, и той самоупокоительности, которую даетъ искусство и отважность,—это въ Валеріи де-Сент-Ваантадуръ. Ну въ ту же минуту къ величайшему удивленію Мальтраверса, амазонка опередила своихъ спутниковъ, подѣхала къ нему, и сказала:

— Возможно ли! васъ ли я вижу, мистеръ Мальтраверсъ!

Сначала звуки этого голоса показались ему совершенно знакомыми.

Анна по молчала съ минуту, потомъ откинула вуаль, и вскорѣ Мальтраверса представилось прекрасное лицо мадамъ де-Сент-Вантадуръ! Въ это время къ Французенкѣ пролѣхалъ какой-то высокій и тонкій джентльменъ.

— Вѣрно, вы встрѣтили знакомаго? сказалъ онъ:— въ такомъ случаѣ позвольте и мнѣ раздѣлить удовольствіе вашей встрѣчи. Явленіе новаго лица, казалось, успокоило Валерію, она улыбнулась и покраснѣла.

— Позвольте мнѣ представить вамъ мистера Мальтраверса, сказала она.— Мистеръ Мальтраверсъ, лордъ Данингдель, нашъ гостеприимный хозяинъ.

Два джентельмена поклонились другъ другу. Остальные участники кавалькады окружили это трію, и лордъ Данингдель съ достоинствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ откровенною учтивостію, предложилъ Мальтраверса принять участіе въ ихъ удовольствіи, и вмѣстѣ съ ними вмѣстѣ въ его помѣстье, которое находилось въ четырехъ отъ того мѣста, гдѣ они встрѣтились. Тотчасъ же пришелъ приглашеніе, что можно было и принять. Кавалькада тронулась, и Мальтраверсъ поспѣшилъ съ Валерію объясненія на счетъ ихъ встрѣчи. Она тотчасъ же все рассказала ему. Младшая сестра ея только что вышла замужъ за сына лорда Данингделя. Свадьбу правили въ Парижѣ, а теперь мосье и мадамъ де-Сент-Вантадуръ пріѣхали на недѣлю въ Англію, чтобъ отплатить визитъ англійскому двору.

Встрѣча была такъ внезапна и такъ неожиданна, что ни тотъ, ни другая не могли придти въ себя, и начать обыкновенный разговоръ. Объяснившись, Валерія впала въ задумчивость. Мальтраверсъ вѣхалъ подлѣ нея также въ молчаніи, рассуждая о странномъ случаѣ, который свелъ ихъ опять по роковости столькокхъ лѣтъ.

Лордъ Данингдель, поговоривъ нѣкоторое время съ другими людьми, теперь подлѣхалъ опять къ нимъ. Мальтраверсъ былъ пораженъ его благородными манерами и необыкновенною, даже сколько изысканною вѣжливостію въ его тонѣ и выраженіи. Они вѣхали въ паркъ, воздѣланный съ особеннымъ тщаніемъ и заботою, чѣмъ обыкновенно прилагаютъ къ такого рода мѣдвнїямъ, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ всего англійскаго. Молодые растенія росли повсюду, какъ бы въ присутствіе возможности вѣковыми деревьями. Новые, чрезвычайно живописные домики красовались по окраинамъ парка, а колонны белая, едва вышедшіе изъ-подъ рѣзца артиста, открыва-

лись взорамъ ихъ, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ дому, огромному зданію, въ которомъ архитектурный вкусъ времени королевы Анны былъ испорченъ смѣшеніемъ съ совершенно другимъ стилемъ. Кровля и окна этого зданія были выстроены на манеръ Тюилерійскаго дворца.

— Я увѣренъ, лордъ, что вы большую часть года проводите въ вашемъ помѣстьѣ, сказалъ Мальтраверсъ.

— Да, отвѣчалъ лордъ Данингдель съ какою-то грустью: это мѣсто для меня слишкомъ дорого. Здѣсь каждый годъ Его Величество Людовикъ XVIII удостоивалъ меня своимъ пощениемъ. Въ угожденіе ему я старался, какъ только могъ, придать сходство моему бѣданому жилищу съ его дворцомъ, и тѣмъ заставить хотя на время забыть его, что онъ не въ Парижѣ. Его собственные покои были убраны точно такъ, какъ и которые онъ занималъ въ Тюилерійскомъ дворцѣ. Да, это мѣсто для меня очень дорого; я съ гордостью помышляю о прошедшемъ времени. Великая честь принимать у себя Бурбона несчастнаго!

— Я думаю, лордъ, что передѣлка эта стояла вамъ огромныхъ суммъ, сказала мадамъ де-Сент-Вантадуръ, взглянувши на Мальтраверса.

— Ахъ, да! сказалъ лордъ, и лицо его, сіявшее радостью, вдругъ вытянулось.—Около трехъ сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ; но что до этого.... *Les souvenirs, madame, sont en prix!*

Мальтраверсу отвели огромный кабинетъ, и камердинеръ сказалъ ему, что въ деревнѣ лордъ обѣдаетъ въ шесть часовъ, что первый звонокъ послѣдуетъ черезъ нѣсколько минутъ. Какъ камердинеръ говорилъ, въ комнату вошелъ самъ лордъ Данингдель. Его милость узнала, что Мальтраверсъ принадлежитъ къ хорошей древней фамиліи, представителемъ которой былъ его братъ, и что къ тому же онъ былъ тотъ самый Мальтраверсъ, о сочиненіяхъ котораго такъ много говорили хороши и дурнаго. Лордъ Данингдель имѣлъ двѣ характеристическія черты хорошо воспитаннаго джентльмена и старой школы: уваженіе къ званію, и уваженіе къ талантамъ; и потому онъ былъ болѣе, нежели вѣжливъ съ Эрнестомъ, и просилъ его погостить у себя, съ такимъ чистосердечнымъ радушіемъ, что Мальтраверсъ не могъ не принять его приглашенія. Дорожный туалетъ его былъ не очень пышенъ, но Эрнестъ мало думалъ о костюмѣ, да къ тому же въ самой простой блузѣ поденщика, и

...тѣмъ казался бы тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно былъ, потому-
что мышлей аристократіи въ Англіи. Но онъ былъ обязанъ
... величественнымъ видомъ не званію, а уму.

VIII.

«Одна душа видитъ. Наружные глаза
представляютъ предметы, а умъ опи-
сываетъ ихъ, и изъ этого описанія раж-
даются восхищеніе, отвращеніе или
холодное равнодушіе.

Краббъ.

... въ огромную гостиную, обитую штофными обоями и
украшенную великолѣпнѣмъ временемъ Людовика XIV, Эрнестъ
... въ ней общество, состоявшее изъ шестнадцати человѣкъ.
... дома пошелъ къ нему на встрѣчу, и по формѣ представилъ
... новаго гостя всему обществу. Мальтраверса поразило сход-
... сестры Валеріи съ самою Валерією; но младшая сестра
... не такъ прекрасна, и лицо ея было не такъ выразительно.
... Эрнестъ Джоржъ Хербертъ (это была ея настоящая фамилія)
... хорошенькая, застѣчивая, нелюдимая дамочка, любя-
... до невозможности своего мужа, и покорная своему све-
... Мальтраверсъ сѣлъ возлѣ нея, и началъ съ нею разгова-
... . Онъ не могъ не пожалѣть бѣдную женщину, когда
... , что она, вдали отъ друзей и отъ привычекъ своего дѣт-
... , должна постоянно оставаться въ данингдельскомъ царкѣ;
... , относительно привязанности, потому-что мужъ страстно
... охоту, и въ головѣ его больше всего были собаки
... . Весьма непріятное положеніе для молодой и живой
... муженки—попасть въ англійское семейство, живущее по-
... въ деревнѣ! Но вниманіе Эрнеста было скоро отвлечено
... младшей сестры приходомъ самой Валеріи. Она вошла въ
... , опираясь на руку своего мужа.
... сяхъ-портъ Эрнестъ не всматривался внимательно въ пе-

рѣшны ея лица, произведенныя временемъ; можетъ-быть, и боялся этого. Но теперь онъ взглянулъ на нее съ особенныя любопытствомъ. Валерія была все еще прекрасна, но черты лица ея не были уже округлены полнотою молодости, формы были уже такъ пышны; а во взорѣ ея и въ движеніи губъ было что-то недовольное, неспокойное и почти сердитое; такъ выраженіе свойственно тѣмъ, которыхъ натура способна быть, между тѣмъ какъ они осуждены на вѣчное равнодушіе.

Младшая изъ сестеръ была все-таки счастливаѣе. Будь, что будетъ, но она любила своего мужа такимъ, каковъ онъ былъ, и хотя сердце ея болѣло, но въ немъ, по-крайней-мѣрѣ, не было пустоты.

Мосье де-Вантадуръ тотчасъ же подошелъ къ Мальтраверсу, восторгъ его, казалось, еще болѣе вытянулся.

— Гм, гм! какъ вы поживаете... какъ вы поживаете? очень радъ васъ видѣть... вы видѣлись уже съ Валерією... гм... гм... у меня свой взглядъ на вещи... у меня свой взглядъ....

— Мистеръ Мальтраверсъ, не угодно ли вамъ предложить вашу руку мадамъ де Сент-Вантадуръ? сказалъ лордъ Даниель, ведя въ столовую какую-то герцогиню.

— И вы уѣхали изъ Неаполя, сказалъ Мальтраверсъ: — долго ли?

— Мы не думаемъ возвратиться туда.

— Съ какимъ восторгомъ я вспоминаю о моемъ пребываніи въ Неаполь! Какъ я люблю этотъ городъ!

Съ нѣкотораго времени Эрнестъ говорилъ съ особеннымъ съживленіемъ, это было общее замѣчаніе.

Валерія тихо издохнула.

Впродолженіе обѣда разговоръ между Мальтраверсомъ и дамъ де-Сент-Вантадуръ не вязался; они чувствовали какое-то замѣшательство. Эрнестъ не былъ уже влюбленъ въ Валерію, хотя и влеченъ былъ отъ этой болѣзни молодого воображенія. Онъ вѣдалъ когда-то на него вліяніе, но онъ создалъ для себя новые идеалы, которые изгнали ея образъ изъ его сердца. Такъ жила. Долгое отсутствіе гаситъ искусственный свѣтъ, но истинный встаетъ вѣчнымъ. Свѣтъ лампы исчезаетъ на другой день праздника, а сіяніе звѣздъ, которымъ вы любовались нынче вечеромъ, такъ же ясно будетъ и черезъ тысячу лѣтъ. Мальтраверсъ не любилъ болѣе Валерію. А Валерія... Увы! любовь, можетъ-быть, была истинная!

Начавъ разбирать свои чувства, Мальтраверсъ удивлялся, почему его не забилъ сильнѣе отъ прикосновенія къ той,

тѣмъ прежде одинъ взглядъ проникалъ въ самую глубину души ея, онъ удивился, но вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовался. Теперь онъ старался не отыскивать, а избѣгать сильныхъ ощущеній, и онъ сталъ лучшимъ и высшимъ существомъ, чѣмъ былъ въ Наволь.

IX.

«Откуда взялся этотъ тихій и пріятный голосъ, шепчущій изъ глубины сердца, о давно-прошедшихъ дняхъ.

Уордсвортъ.

Эрнестъ пробылъ нѣсколько дней въ помѣстьѣ лорда Донглена. Всякій день онъ ѣздилъ нататься съ Валерією, но нѣтъ и съ цѣлою кавальадою, всякій вечеръ онъ разговаривалъ съ нею, но цѣлый свѣтъ могъ слышать слова его. Въ юности-дѣлѣ сочувствіе, существовавшее между молодымъ мечтателемъ и тордою, недовольною своею судьбою женщиною, почти совершенно исчезло. Прелавшись своему натуральному влеченію и обратившись къ болѣе серьезнымъ предметамъ, Мальтраверсъ не былъ уже мечтателемъ. Разставшись съ свѣтскою жизнью, которую она всегда ненавидѣла, Валерія снизошла къ бытиямъ и мыслямъ обыкновеннаго свѣта; она уже не имѣла притязанія ума надъ Мальтраверсомъ; а голосъ его не вырвалъ уже той краснорѣчивой страсти, какъ прежде. Но все-таки Мальтраверсъ принималъ живое участіе въ Валеріи, а Валерія какъ бы гордилась его новыми успѣхами.

Въ вечерошъ Эрнестъ пошелъ къ кружку, въ которомъ сидѣли де-Сент-Вантедуръ ораторствовала съ необыкновенною живостью, переходя съ своею пріятною, женственною грацією, и съ невыразимою легкостью, свойственною Французкамъ, отъ философіи къ поэзіи, отъ поэзіи къ китайскому фарфору, въ политическимъ дѣламъ Европы и такъ далѣе. Эрнестъ слушалъ съ удовольствіемъ, но не съ востергомъ. Однакожъ, въ этотъ

вечеръ выраженіе Валеріи было не натуральное, живость ея была напряженная.

— Но, сказала она, наконецъ, соскучившись, можетъ-быть, ролью, которую только-что разыгрывала, и прервавъ вдругъ краснорѣчивое описаніе Французскаго двора: мы должны стыдиться нашей неучтивости; разговоръ нашъ заставилъ прервать музыку. Видѣли ли вы, какъ лордъ Давингдэль остановилъ музыкантовъ, поклонившись мнѣ, какъ бы желая этимъ сказать мнѣ съ вѣжливымъ упрекомъ: «Васъ не будутъ больше беспокоить, сударыня». Я не хочу быть участницею преступленія противъ хорошаго тона!

Съ этими словами Француженка встала, вышла изъ круга и сѣла совсѣмъ на другомъ концѣ залы. Эрнестъ послѣдовалъ за нею глазами, она сдѣлала ему знакъ, и онъ тотчасъ же подошелъ къ ней.

— Мистеръ Мальтраверсъ, сказала ему Валерія, съ необыкновенною сладостью въ голосѣ: я еще не говорила вамъ о томъ удовольствіи, которое приносилъ мнѣ ваши сочиненія. Я разговаривала съ вами въ вашемъ отсутствіи, книги ваши были моими лучшими друзьями. Такъ какъ мы опять скоро разстанемся, то позвольте мнѣ сказать вамъ объ этомъ откровенно, не принимайте это за комплиментъ.

Это начало открыло дорогу къ разговору, который болѣе, чѣмъ какой-либо предидущій, напоминалъ прошедшее. Но Мальтраверсъ остерегался, а Валерія наблюдала за его словами, за его взорами съ участіемъ, смѣшаннымъ съ обманутымъ ожиданіемъ.

— Взбираться на гору, сказала Валерія: всегда пріятно, хотя и утомительно; и если иногда облака скрываютъ отъ взоровъ нашихъ лавшафтъ, который мы могли бы видѣть съ вершины ея, то одно это движеніе доставляетъ удовольствіе, потому-что всякій человѣкъ по инстинкту желаетъ подниматься и стать выше обыкновеннаго уровня жизни. Подобное удовольствіе есть результатъ умственнаго честолюбія.

— Не честолюбіе доставляетъ удовольствіе, возразилъ Мальтраверсъ: но сначала радуешься тому, что можешь слѣдовать по пути, избранному по своему вкусу, а потомъ это обращается въ привычку. Минуты, въ которыя мы смотримъ изъ-за нашихъ твореній, и воображаемъ себя сидящими подъ вѣчными лаврами—эти минуты рѣдки. Работа сама-по-себѣ занимаетъ и развлекаетъ насъ. Сухость труда обращается наконецъ въ пріятную привычку. Но въ умственномъ трудѣ есть особенная прелесть:

это то, что мы познаемъ ближе нашу собственную натуру. Сердце и душа дѣлаются друзьями, а привязанность и влеченіе соединяются. Такимъ-образомъ мы никогда не бываемъ одинъ, все, что мы читали, учили, и открыли, все это составляетъ наше общество. Это весьма пріятно для тѣхъ, нравившя Мальтраверсъ: кто не имѣетъ никакой пріязни въ обыкновенномъ свѣтѣ.

— Не таково ли и ваше положеніе? сказала Валерія съ застѣливою улыбкою.

— Увы! да. Съ-тѣхъ-поръ. какъ я побѣдилъ одну привязанность, надамъ де-Сент-Вантадуръ, мнѣ кажется, что я потерялъ даже способность любить, и мнѣ кажется, когда мы принимаемся за серьезную разработку ума и воображенія, то теряемъ почти всякую чувствительность молодости къ прекраснымъ впечатлѣніямъ дѣйствительной жизни. Пламя любви, сказалъ какой-то древній римскій поэтъ, поддерживается праздностью.

— Въ ваши лѣта вы не должны были бы говорить такимъ образомъ.

— Я говорю то, что чувствую.

Валерія не сказала болѣе ни слова.

Вскорѣ послѣ этого къ нимъ подошелъ лордъ Данингделъ, и предложилъ на слѣдующій день прогулку къ развалинамъ одного стараго аббатства, находившагося въ недалекомъ разстояніи отъ его помѣстья.

Х.

«Еслибъ я опять увидѣлъ тебя послѣ
столькихъ лѣтъ разлуки; о! какъ бы я
благословилъ твое возвращеніе!

Байронъ.

Кавалькада слѣдующаго дня была немногочисленна, какъ обыкновенно, она состояла только изъ лорда Данингдела, его сына Джоржа Херберта, Валеріи и Эрнеста. Они возвращались уже съ прогулки домой. Заходящее солнце золотило своими

косвенными лучами сады и дома красиваго городка, или, лучше сказать, селенія, стоящаго у большой сѣверной дороги. Этот городокъ, или селеніе есть одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ Англїи, и славится своею гостинницею въ древнемъ стилѣ огромнымъ публичнымъ садомъ. Наше маленькое общество немедленно пробиралось по длинной, худо-вымощенной улицѣ этого городка или селенія, какъ вдругъ небо покрылось тучами, и несколько крупныхъ градинъ, упавшихъ на землю, возгнѣтили приближенія грозы.

— Я говорилъ вамъ, что сегодня не обойдется безъ дождя, сказалъ Джоржъ Хербертъ.—Теперь мы завязнемъ по уши и грязь.

— Джоржъ, какія у тебя странныя выраженія, сказалъ лордъ Данингдэль, застегивая свой сюртукъ.

При этихъ словахъ яркая молнія блеснула почти надъ головами ихъ, а небо становилось все темнѣе и темнѣе.

— Не остановиться ли намъ въ гостинницѣ? сказалъ въ свою очередь Мальтраверсъ.—Гроза быстро приближается, и мадам де-Сент-Вантадуръ ..

— Ваша правда, прервалъ его лордъ Данингдэль, и пустивъ свою лошадь во весь галопъ.

Векорѣ вся кавалькада была у подъѣзда старой гостинницы. Колокольчикъ зазвенѣлъ, собаки залаяли, слуги засуетились. Темная, двумѣстная почтовая карета стояла у воротъ ея. Привлеченная, вѣроятно, этимъ шумомъ, какая-то дама выставила изъ окна втораго нумера перваго этажа. Дорожная карета принадлежала ей; она была одна въ комнатѣ. Взглянувъ разсѣяно на подъѣхавшую кавалькаду, взоры ея вдругъ остановились на одномъ лицѣ.... она поблѣднѣла.... вскрикнула.... и безчувствъ упала на полъ.

Между-тѣмъ, лорду Данингдэлю и его компаніи отвели комнату смежную съ той, которую занимала вышеописанная леди. Лучше сказать, эти двѣ комнаты были ни что иное, какъ одна большая зала, служившая для баловъ и политическихъ собраній графства, и раздѣленная теперь самою тоненькою перегородкою, которую можно было снимать по мѣрѣ надобности. Сильный крупный градъ шумѣлъ по крышѣ, деревья трещали, изгибаясь отъ вѣтра, громъ грохоталъ по небу; видъ этой большой и мрачной комнаты, какъ бы увеличивалъ холодъ, который ощущали при входѣ въ нея Валерія дрожала, развели огонь, и Француженка прильнула къ камину.

— Вы смѣлки, моя милая мадамъ де-Сент-Вантадуръ, сказалъ

лордъ Данингдэль.—Вамъ должно было бы снять вашу ямазонку и велѣть просушить ее.

— О! нѣтъ, это ничего не значитъ, сказала Валерія горько и нѣсколько отрывистымъ голосомъ.

— Нѣтъ, это весьма важно, сказалъ Эрнестъ: прошу васъ, послушайте совѣту лорда.

— А вы развѣ тоже безпокоитесь обо мнѣ? прошептала Валерія едва слышимымъ голосомъ.

— Можете ли вы дѣлать мнѣ подобные вопросы? отвѣчалъ Эрнестъ тоже шепотомъ и съ дружескою вѣжностью въ голосѣ.

Между-тѣмъ, добрый старый лордъ велѣлъ позвать служанку и съ вѣжкою властью отца заставилъ Валерію выйти въ другую комнату и переодѣться. Оставшись одни, три джентльмена начали толковать о грозѣ, удивляясь, что она такъ долго продолжается, и разсуждали о томъ, какъ бы послать въ Данингдэль за каретою. Пока они разговаривали, градъ пересталъ, эти отдаленные облака грозили повторить тоже самое. Джоржъ Хербертъ, самый нетерпѣливѣйшій изъ смертныхъ, особенно въ дождливую погоду и въ постороннемъ мѣстѣ, воспользовался этимъ случаемъ, и настаивалъ, чтобъ ему позволяли ѣхать въ Данингдэль, и прислать оставшимся карету.

— Это можетъ исполнить грумъ такъ же хорошо, какъ и ты, сказалъ ему отецъ.

— Нѣтъ, малый батюшка, позвольте мнѣ самому ѣхать, я слишкомъ буду завидовать участи этого грума. Я умираю здѣсь со скуки. Марія будетъ безпокоиться о насъ. Гиблой Бессъ повеситъ меня въ двадцать минутъ до Данингдэля. Вы знаете, что я порялочный смѣльчакъ. Прощайте!

И молодой любитель охоты стрѣлою высочилъ изъ комнаты, а двѣ минуты спустя, онъ весело выѣзжалъ изъ воротъ гостиницы.

— Страшно, что у меня такой сынъ, сказалъ лордъ Данингдэль съ задумчивымъ видомъ: сынъ, который не можетъ просидѣть двухъ минутъ сряду въ одной комнатѣ. Однакожъ его воспитаніе стоило мнѣ большихъ трудовъ и заботъ. Страшно, что есть такіе люди, которые неспособны предаться размышленію, даже на нѣсколько минутъ, и для которыхъ проливной дождь единственное прибѣжище ихъ мыслей, кажется, страшнымъ несчастіемъ; право, это очень странно. Но, говоря правду, каинтъ здѣшній невыносимъ. Когда же разойдутся тучи?...

Говоря это, лордъ Данингдэль ходилъ взадъ и впередъ по ком-

натъ, руки его были спрятаны въ карманы, изъ праваго торчалъ перпендикулярно хлыстъ. Въ эту минуту вошелъ трактирный слуга, и доложилъ его милости, что грумъ желаетъ переговорить съ нимъ о чемъ-то очень важномъ. Лордъ Данингделъ имѣлъ удовольствіе узвать отъ него, что любимая его лошадь на которой онъ пятнадцать лѣтъ сряду ѣздилъ и зимою и лѣтомъ, вдругъ захворала; говоря словами грума, у ней сдѣлалася холера въ кишкахъ.

Лордъ Данингдель повернулся, и не сказавъ ни одного слова, поспѣшилъ въ конюшню.

Мальтраверсъ, погруженный въ размышленіе, не слышалъ ни одного слова изъ краткаго разговора между лордомъ и конюхомъ; онъ сидѣлъ одинъ возлѣ камина, скрестивъ руки и опустивъ голову на грудь.

Между-тѣмъ, дама, занимавшая сосѣднюю комнату, мало-помалу пришла въ себя. Она приложила руки къ вискамъ, какъ бы для того, чтобъ собраться съ мыслями и припомнить, что такое случилось. Лицо ея было прекрасно, и носило на себѣ отпечатокъ кротости, невинности и почти дѣтскаго выраженія; въ эту минуту улыбка озаряла его, но въ этой радости было столько нѣжнаго и трогательнаго, что, смотря на эту женщину въ душѣ раждалось невольное участіе и вмѣстѣ съ тѣмъ жалость. Можно было замѣтить, что улыбка эта была выраженіемъ сердца, которое знало, горе.... Вдругъ она встала и сказала:

— Нѣтъ, это не мечта! Онъ возвратился... онъ здѣсь... все можетъ быть опять прекрасно! А! это его голосъ. О! да благословить его небо! это его голосъ!...

Она замолчала; приложила палецъ къ губамъ, опустила голову и прислушивалась. Тихій говоръ долеталъ до ея ушей черезъ тонкую дверь, которая отдѣляла ее отъ Мальтраверса. Она прислушивалась внимательно, но не могла разобрать ни одного слова! Сердце ея сильно билось.

— Онъ не одинъ! сказала она печально.— Подожду, пока все смокнетъ, и потомъ рѣшусь выйти къ нему.

О чемъ же говорили въ этой комнатѣ? Чтобъ узнать то, мы должны возвратиться къ Эрнесту. Онъ сидѣлъ въ томъ же самомъ задумчивомъ положеніи, когда мадамъ де-Сент-Вантадуръ возвратилась въ эту комнату. Француженка покраснѣла, замѣтивъ, что она была съ глазу на глазъ съ Эрнестомъ, и Эрнесту было какъ-то неловко.

— Хербертъ уѣхалъ домой за каретой, а лордъ Данингдель

спрыска, я даже не знаю куда. Я надѣюсь, что дождикъ не сдѣлалъ вамъ никакого вреда?

— Нѣтъ, сказала Валерія.

— Не угодно ли вамъ дать мнѣ какое-нибудь порученіе въ Лондонъ? сказалъ Мальтраверсъ.—Я завтра ѣду.

— Такъ скоро! сказала Валерія и вздохнула. Ахъ! прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія: можетъ-быть мы опять не увидимся нѣсколько лѣтъ. Мосье де-Сент-Вантадуръ назначенъ посланникомъ при дворѣ, и такъ... в такъ... Но что до этого! Что сдѣлалось съ дружбою, въ которой мы клялись когда-то другъ другу?

— Она здѣсь, сказалъ Мальтраверсъ, приложивъ руку на сердце. Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, покоится часть нашей дружбы, доставшаяся на мою долю; и болѣе, чѣмъ дружба, Валерія, уваженіе, удивленіе и благодарность. Въ эпоху моей жизни, когда страсти и воображеніе, слишкомъ сильныя, могли сдѣлать изъ меня лѣниваго и бесполезнаго сластолюбца, въ эту эпоху вы показали мнѣ, что въ свѣтѣ есть добродѣтель, и что женщина стоитъ слишкомъ высоко, чтобъ быть нашею игрушкою — сегодня кумиромъ, а завтра жертвою. Ваше вліяніе, Валерія, сдѣлало меня гораздо умнѣе, надѣюсь и лучше.

— О! сказала мадамъ де-Сент-Вантадуръ, растроганная до глубины души: я благословляю васъ за то, что вы говорите мнѣ; вы не можете знать, вы не можете отгадать, какъ пріятно мнѣ слышать это. Теперь я опять узнаю васъ. Все... все... чего стоила мнѣ моя рѣшительность, заплачено мнѣ въ эту минуту!

Эрнесть былъ тронуть ея волненіемъ и своими собственными воспоминаніями; онъ взялъ ея руку и пожалъ ее съ чисто-сердечною и почтительною нѣжностью.

— Я не думалъ, Валерія, сказалъ онъ, обращая взоръ на прошедшее: я не думалъ, чтобы вы любили меня; въ голову мою не приходила такая тщеславная мысль; но если это такъ, какъ возвысились вы въ глазахъ моихъ, сколько въ васъ добродѣтели! Настоящія наши чувства гораздо лучше, гораздо счастливѣе для насъ обоихъ, чѣмъ если бы мы уступили минутной иллюзіи, увлекательной, но преступной. Теперь...

— Теперь! прервала съ живостью Валерія, устремивъ на него свои черные глаза: теперь вы меня уже не любите! Пусть будетъ такъ, можетъ-быть это лучше.

— Ахъ, Валерія! милая, уважаемая, и все еще любимая Валерія, хотя не съ прежнимъ пламенемъ срасти, но съ глубокою нѣжностью, не говорите такимъ образомъ. О! позвольте мнѣ ду-

мать, что природа одарила васъ щедромъ умомъ, разсудкомъ и проникательностью, что вы употребили дары ея на то, чтобы примириться съ вашею участью. Оставьте мнѣ утѣшеніе смотрѣть на васъ тогда, когда я буду покушаться презирать кругъ въ которомъ мы живемъ, и сказать самому себѣ: Вотъ предъ мной сталь, на которомъ стоитъ сама добродѣтель, передъ которою сердце должно благоговѣть.

— Напрасно... напрасно я стараюсь побѣдить себя, сказала Валерія, почти задыхаясь отъ волненія. Эрнестъ, я все еще люблю васъ, и меня терзаетъ мысль, что вы уже не любите меня; я не хочу ничѣмъ жертвовать, а отъ васъ требую нечеловѣческаго. Молодость моя проходитъ, красота исчезаетъ, умственные способности гаснутъ отъ негѣпой жизни, которую я веду, а я все-таки требую отъ васъ того, что когда-то ваше молодое сердце чувствовало ко мнѣ. Презирайте меня, Эрнестъ, но я не хочу, чтобы вы старались казаться... я лицемерка... презирайте меня...

— Нѣтъ, сказалъ Эрнестъ, взявъ опять ея руку и укладывая ее на колѣно. — Нѣтъ, незабвенная и вѣчно уважаемая Валерія, вы выслушаете меня...

Говоря это, онъ поцаловалъ ея руку, которую держалъ въ своей рукѣ, другою же Валерія закрыла лицо свое, и горько, но тихо рыдала. Эрнестъ смолкъ, ожидая, пока Валерія немного успокоится и будетъ въ состояніи выслушать его; рука ея все еще покоилась въ его рукѣ, и онъ повременами покрывалъ ее поцалунями, но съ такимъ чувствомъ, съ какою сыновья поцаловалъ бы руку матери.

Въ самое это время дверь сосѣдней комнаты тихонько открылась, и изъ-за нея показалось существо прекрасное, гораздо прекраснѣе и моложе самой Валеріи де Сент-Вантадуръ. Мечтаніе обмануло ее, она думала, что Мальтравергъ остался одинъ. Она вошла съ улыбкою любви на устахъ; съ любовію страшною и полною надежды во всемъ существѣ ея и во всѣхъ ея мысленіяхъ; она вошла, мечтая, что за этимъ порогомъ жизни ея обрѣтется, и будетъ похожа на ту, когда обыкновенный воздухъ казался ей упоительнымъ блаженствомъ. Съ такими чувствами, она переступила за порогъ, но вдругъ остановилась, какъ бы очарованная, пораженная ужасомъ, блѣдная какъ смерть... жизнь ея превратилась въ камень... молодость... надежда... счастье... навсегда улетали отъ нея! Эрнестъ на колѣняхъ передъ другою—вотъ все, что она увидѣла!

Они не замѣтили ея присутствія; не услышали, не увидѣли.

из Эрнста, который пошелъ бы босыми ногами на край свѣта, чтобъ отыскать ее, былъ съ нею въ одной комнатѣ, и не жаль этого!

— Назовите меня еще разъ многолюбимая, сказала Валерія съ нѣжностью.

— Многолюбимая Валерія, выслушайте меня!

Этихъ словъ было достаточно для слушающей; она вернулась въ свою комнату, не сдѣлавъ никакого шума, и никакъ не извѣщенная. Какъ ни было сердце ея покорно, но въ немъ прощилась гордость. Дверь снова затворилась за нею. Небо услышало молитву ея, она достигла единственнаго желанія всей своей жизни, она еще разъ увидѣла предметъ своей любви; теперь же все стало для нея ночь и мракъ. Что нужды, что случится съ нею?... Какое дѣйствіе производитъ иногда одно мгновеніе, на цѣлый рядъ годовъ! Одно мгновеніе! слава, похоть, несчастіе и блаженство зависятъ отъ одного мгновенія! Сама смерть не есть ли одно мгновеніе?... Однакожъ за этимъ мгновеніемъ слѣдуетъ вѣчность!

— Выслушайте меня, продолжалъ Мальтраверсъ, не подумывая того, что произошло возлѣ его: выслушайте меня; будемъ тѣми рѣдкими исключеніями человѣческой натуры и сферъ свѣта—будемъ друзьями между собою, не переставая въ то же время быть друзьями добродѣтели; будемъ друзьями на тоу времени и отсутствію, будемъ друзьями не-смотря на все вѣстоанство жизни, будемъ любить другъ друга тою чистою привязанностью, на которую ни стыдъ, ни упрекъ не могутъ забросить ни малѣйшей тѣни, будемъ помнить, что мы должны встрѣтиться въ лучшемъ мірѣ. О! какая привязанность можетъ сравниться съ той, которая основана на древней честности рыцарства, и которая могла бы быть любовію, еслибъ слабая плоть не была оболочкою души и сердца.

Въ лицѣ Эрнста было такое благородное выраженіе, голосъ его былъ такъ трогателенъ, что Валерія, подавленная на минуту шестолетною слабостью, тотчасъ пришла въ себя. Она взглянула на него съ удивленіемъ и признательностью, и сказала тихимъ, но спокойнымъ голосомъ:

— Эрнстъ, я понимаю васъ; да, дружба ваша для меня дороже любви!

Въ эту самую минуту голосъ лорда Данингдея послышался на лестницѣ. Валерія отвернулась. Вставая Мальтраверсъ протянулъ ей руку, которою она пожала съ нѣжностью. Очарованіе исчезло, искушеніе побѣждено, испытаніе кончилось. Пока

лордъ дошелъ до комнаты, Хербертъ въ каретѣ подѣхалъ къ крыльцу. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ четверо были уже пути къ старому замку пера. Въ то время, какъ они отъѣзжали, въ темнозеленую почтовую карету запрягали лошадей. Изъ окна перваго этажа втораго нумера чей-то грустный взоръ провожалъ блестящій экипажъ лорда Данингдела, взоръ, встрѣчу съ которымъ Мальтраверсъ отдалъ бы половину своего состоянія.... Но онъ ни разу не взглянулъ на верхъ; и Ада са Дарвилль отошла отъ окна, и судьба ея была рѣшена на всю жизнь!

XI.

«Я испыталъ странные припадки страстей,
смыло могу говорить о нихъ.»

«Надежда питается размышленіемъ.»

Уардсуортъ.

На слѣдующій день Мальтраверсъ уѣхалъ изъ Данингдела. Онъ не имѣлъ другаго разговора съ Валеріею; но прощаясь съ нею, она вложила въ его руку письмо, которое онъ прочелъ пробѣгая тихо по буковой аллеѣ парка. Оно заключало въ себѣ слѣдующее:

«Другіе стали бы презирать меня за слабость, которую выказала вчера, но вы не сдѣлаете этого, я знаю! Это единственная слабость во всей моей жизни. Никто не можетъ знать, что я вытерпѣла, сколько часовъ провела я въ тоскѣ и уныніи, я, которой всѣ завидуютъ! Васъ, Эрнестъ, я не могла забыть и въ отсутствіи, образъ вашъ заставлялъ меня находить холоднымъ и скучнымъ все, окружающее меня. Прішло нѣсколько лѣтъ, и вдругъ имя ваше прогремѣло по всей Англіи и другимъ странамъ. Оно слышалось мнѣ повсюду, куда ни пріѣзжала; я не могла убѣжать отъ васъ. Слава ваша ставила васъ въ сношеніе со мною. Наконецъ мы встрѣтились внезапно, неожиданно. Я поняла, что вы меня уже не любите и эта мысль низвергла всю мою твердость; печаль ослабила силу ума, какъ болѣзнь силу тѣла. Такимъ образомъ я заблудилась, унизилась, и могла бы погубить себя! Но теперь лучшіе и чистѣйшіе мысли пробудились въ душѣ моей, и когда я

увидѣлся еще разъ, я буду достойна вашего уваженія. Я вижу, какъ опасны мысли, порождаемыя праздностью, какъ опасно то ведованіе, которое я не старалась побѣдить въ себѣ. Я возвращаюсь къ жизни, рѣшившись преодолѣть всѣ препятствія, которыя станутъ между мною и моимъ долгомъ. Богъ да сохранитъ васъ, Эрнестъ!

Думайте объ мнѣ какъ о женщинѣ, любовь къ которой не оставитъ покраснѣть васъ, и которую вы, не краснѣя, можете представить будущей женѣ вашей. Съ такими прекрасными и благородными качествами вы не будете жить, подобно мнѣ.... въ одиночествѣ.

До свиданія!

Мальтраверсъ читалъ и перечитывалъ письмо это; возвратясь домой, онъ положилъ его между тѣми вещами, которыя въ глазахъ его имѣли болѣе цѣны противъ другихъ. Локонъ Алесандровыхъ волосъ лежалъ подлѣ этого письма; Эрнестъ не подумалъ, что то, или другое было унижено этимъ прикосновениемъ.

Онъ съ трудомъ возвратился къ важнымъ и высокимъ отношеніямъ литературы, къ дѣйствительной жизни. Можетъ-быть, сердечное безпокойство заставило его съ большимъ усердіемъ отдаться умственнымъ занятіямъ. Этотъ годъ былъ самымъ плодотворнымъ годомъ его жизни, въ этотъ годъ онъ прославился еще болѣе, и тѣмъ возбудилъ еще большую зависть.

XII.

Онъ дѣйствительно вошелъ въ мою комнату.

Я удивляюсь, сказалъ онъ, капризамъ фортуны, которая иногда находитъ удовольствіе осмѣять счастьемъ бездарнаго сочинителя, тогда какъ хорошаго оставляетъ умирать съ голоду.

Прошло года три со времени послѣдняго свиданія Эрнеста съ Амрією де Сент-Вантадуръ, которая давно уже уѣхала изъ

Англія. Онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, когда ему доложили о приходѣ Каструччіо Чезарини.

— А, добро пожаловать, любезный Каструччіо, какъ вы поживаете? вскричалъ Мальтраверсъ съ живостью, когда подошелъ Итальянецъ показавшись въ отворенную дверь.

— Серъ, сказалъ Каструччіо съ какимъ-то жеманствомъ, говоря по-французски, что онъ обыкновенно дѣлалъ, когда не хотѣлъ сходитья съ человѣкомъ близко: — я не затѣмъ пришелъ къ вамъ, чтобы возобновить наше старое знакомство; мы прославились (за этимъ послѣдовала презрительная гримаса) и я все тотъ же неизвѣстный Итальянецъ (тутъ Каструччіо выспрямился). — Я пришелъ только заплатить вамъ долгъ, о которомъ прежде совсѣмъ не зналъ.

— Какой тонъ, какое выраженіе, Каструччіо! О какомъ долгѣ говорите вы?

— Приѣхавъ вчера вечеромъ въ Лондонъ, сказалъ поэтъ торжественнымъ голосомъ: я пошелъ къ человѣку, которому вы нѣсколько лѣтъ тому назадъ поручили изданіе моей книги, чтобы спросить его объ успѣхѣ ея; отъ него я узналъ, что изданіе стоило сто двадцать фунтовъ стерлинговъ, высчитавъ срокъ девять экземпляровъ проданныхъ. Ваши книжки, говорятъ продаются тысячами. Все было прекрасно устроено; мои книги едва показавшись въ свѣтъ, потому-что никто не взялъ на себя труда поддержать ихъ; но нѣтъ нужды до этого, (тутъ онъ сдѣлалъ презрительный жестъ рукою). Вы заплатили этотъ долгъ, а теперь я хочу расплатиться съ вами. Вотъ билетъ на вышеозначенную сумму. Серъ, я кончилъ; желаю вамъ добраго дня и здоровья, чтобъ наслаждаться вашею извѣстностью.

— Какъ, Чезарини!... Но это глупо.

— Серъ...

— Да, глупо, потому-что нѣтъ ничего глупѣе, какъ разорвать дружбу въ нынѣшнемъ свѣтъ, въ которомъ она встрѣчается такъ рѣдко. Вы, кажется, хотѣли упрекнуть меня и вѣрабѣнн о вашемъ сочиненіи. Но вашъ издатель можетъ сказать вамъ, что я гораздо болѣе старался о вашей книгѣ, чѣмъ о моихъ собственныхъ.

— Доказательствомъ атому служить то, что продано сорокъ девять экземпляровъ!

— Сядьте, Каструччіо, сядьте и выслушайте. И Мальтраверсъ старался успокоить и утѣшить его. Онъ напомнилъ бѣднаго поэту, что стихи его были писаны на иностранномъ языкѣ, тогда какъ даже англійскіе новѣйшіе поэты пользуются

лса очень ограниченной продажей своихъ сочиненій; что невозможно было заставить публику покупать то, чего она не вѣдала; однимъ-словомъ онъ привелъ въ дѣйствіе всѣ докитательства, которыя, по его мнѣнію, должны были убѣдить и успокоить Чезарини. Въ этомъ успѣли было столько участія, столько искренней привязанности, что молодой Итальянецъ не имѣлъ духу болѣе досадовать на него. За этимъ послѣдовало признаніе, искреннее со стороны Эрнеста, и сомнительное со стороны Каструччіо; авторъ, обманутый въ своихъ надеждахъ, не могъ простить автору съ огромнымъ успѣхомъ.

— Долго ли вы останетесь въ Лондонѣ, Каструччіо?

— Нѣсколько мѣсяцевъ.

— Пошлите за вашими чемоданами, и будьте моимъ гостемъ.

— Нѣтъ; я нанялъ уже себѣ квартиру, которая мнѣ очень нравится. Я привыкъ къ уединенію.

— Однакожъ пока вы пробудете здѣсь, вы, вѣрно, будете посѣщать общество.

— Да, у меня есть рекомендательныя письма, и я слышалъ, что Англичане умѣютъ отличать достоинства, даже и въ Итальянцахъ.

— Это правда, и къ тому же вы, вѣрно, захотите видѣть всѣхъ вѣстныхъ людей Англій. Они примутъ васъ радушно, и вѣрно сию васъ увѣрить. Позвольте мнѣ быть вашимъ членомъ.

— О! ваше драгоценное время...

— Оно къ вашимъ услугамъ; но куда вы собираетесь сегодня утромъ?

— Сегодня воскресенье, и я хотѣлъ идти слушать знаменитого проповѣдника мистера***, о которомъ, теперь говорятъ въ Лондонѣ болѣе, чѣмъ о какомъ-либо извѣстнѣйшемъ авторѣ.

— Вамъ сказали правду... Я тоже пойду съ вами... Я еще не слышалъ его; но собирался идти именно сегодня.

— Неужели вы не завидуете человѣку, который надѣлалъ столько шуму?

— Завидовать, но я никогда не имѣлъ въ виду быть проповѣдникомъ! *ce n'est pas mon métier.*

— Если бы я былъ извѣстный писатель, я завидовалъ бы даже танцующимъ собакамъ, еслибъ о нихъ говорили болѣе, чѣмъ надобно.

— Нѣтъ, любезный Чезарини, я увѣренъ, что вы не слышали бы этого. Теперь вы немножко раздражены несбывшеюся

надеждою, это очень натурально; но человекъ, достигшій заслуженнаго успѣха, никогда не завидуетъ своимъ соперникамъ, даже одного съ нимъ званія. Неудачныя попытки раздражаютъ насъ, но лучъ солнца разгоняетъ туманъ. Однакожь пойденте, намъ нельзя терять время.

Мальтраверсъ взялъ шляпу, и молодые люди направили свои шаги къ *** церкви. Чезарини все еще носилъ свою странную одежду, хотя теперь она была сдѣлана изъ лучшихъ матерій и надѣта съ большою претензіею на изящество. Онъ очень похорошѣлъ. Въ Парижѣ его превозносили, и говорили, что онъ имѣетъ видъ гениальнаго человѣка; разумѣется чорные, вьющіеся до плечъ волосы, длинные усы, испанская съ огромными полями шляпа и странный покрой платья придавали его наружности что-то особенное, и онъ казался не такимъ, какъ всѣ люди. Онъ презрительно улыбнулся, замѣтя простой и обыкновенный нарядъ своего собесѣдника.

— Я вижу, что вы слѣдуете за модою, сказалъ онъ. — Можно подумать, что вы проводите время между блестящими волегами, а не между учеными. Я удивляюсь, что вы занимаетесь такими пустяками, новымъ покроемъ платья, новою формою шляпы.

— А мнѣ кажется, что придерживаться оригинальности въ костюмѣ гораздо смѣшнѣе, нежели слѣдовать модѣ. По-крайней-мѣрѣ, такъ думаютъ у насъ въ Англіи. Я отъ природы джентльменъ, и одѣваюсь также, какъ одѣваются всѣ принадлежащіе къ этому классу. Если я писатель, то неужели для этого я долженъ казаться не такимъ, какъ всѣ люди!

— Я вижу, что вы имѣете такую же слабость, какъ и вашъ соотечественникъ Конгревъ, сказалъ Чезарини, — который хвастался болѣе званіемъ джентльмена, нежели званіемъ автора.

— Я всегда думалъ, что этотъ анекдотъ дурно перетолкованъ. Конгревъ, по моему, выказалъ справедливую и мужественную гордость, отвергнувъ всѣхъ посѣтителей, которые приходили смотрѣть на него, какъ на рѣдкость.

— Но благоразумно ли допустить думать, что авторъ не различествуетъ ни въ чемъ отъ другихъ людей? Не возбудитъ ли онъ большее участіе, если будетъ отличаться отъ толпы даже въ самой матеріальности? Онъ долженъ рѣдко показываться въ обществѣ, чтобы присутствіе его не сдѣлалось обыкновеннымъ однимъ-словомъ, онъ долженъ прибѣгать къ хитрости, которая принадлежитъ столько же уму, какъ и знатности происхожденія

— Я согласенъ, что авторъ, предавшись этого рода шарлатанству, заставить, можетъ-быть, говорить о себѣ болѣе, чѣмъ тогда, если бы онъ велъ себя просто, заставить обожать себя въ салонахъ и школахъ, и представить собою интереснѣйшій портретъ на выставкѣ великихъ людей!... Но я думаю однако, если онъ человекъ съ достоинствомъ и сердцемъ, то подобное плутовство заставить его потерять уваженіе къ самому себѣ. А по моему самоуваженіе стоитъ всѣхъ извѣстностей свѣта.

Чезарини усмѣхнулся и пожалъ плечами; видно было по всему, что эти два автора не сочувствовали другъ другу.

Наконецъ они достигли до церкви, и съ трудомъ нашли себѣ мѣсто.

По выходѣ изъ церкви, глаза Эрнста вдругъ остановились на одной женщинѣ; возлѣ нея съ одной стороны шелъ пожилой джентльменъ, съ другой прекрасная маленькая дѣвочка съ длинными бѣлокурыми локонами.

— Это она... это... о! Боже... это Алиса! пробормоталъ онъ. Все закружилось передъ его глазами.

XIII.

Скажите мнѣ, сэръ, выдали ли вы когда-нибудь вашу собственность, оцѣнили ли ваши земли, и увѣрены ли вы, что онѣ могутъ вынести переѣзду?

Благородный джентльменъ.

По мѣрѣ того, какъ Мальтраверсъ приходилъ въ себя отъ перваго потрясенія этой неожиданной встрѣчи и продолжительныхъ, бесполезныхъ поисковъ, онъ, къ удивленію своему, началъ ощущать въ своемъ сердцѣ родъ какого-то страннаго удовольствія и даже счастья. Алиса была не въ нищетѣ; для своего пропитанія она не должна была прибѣгать къ тяжкимъ трудамъ. Она, повидимому, была окружена довольствомъ, даже

пышностью. Ирачное видѣніе, давившее его грудь посреда удовольствій молодости и успѣховъ на литературномъ поприщѣ теперь совершенно разсѣялось. Онъ примирялся самъ съ собою, и пошелъ впередъ твердымъ шагомъ и съ поднятою головою. Онъ увѣрялъ себя, что этотъ степенный и пожилой чело­вѣкъ, котораго онъ видѣлъ возлѣ Алисы, былъ ея мужъ, ребенокъ былъ плодъ ихъ союза, и радовался этому, потому что въ настоящее время онъ любилъ ее, какъ сестру. Бѣдна Алиса! думала ли она прежде, сидя у ногъ кумира сердца своего, смотрѣвшаго на нее съ любовію, что придетъ время, когда Мальтраверсъ возблагодаритъ небо, при мысли, что она счастлива съ другимъ?

Эрнестъ Мальтраверсъ совершенно переродился. Успокоенная совѣсть имѣла большое вліяніе на его сочиненія. Въ нихъ проявилась какая-то особенная живость и упругость; они дышали второю молодостью.

Въ продолженіе этого времени Чезарини бросился въ большую свѣтъ, гдѣ, къ его собственному удивленію, его ласкали и чтили. Въ самомъ дѣлѣ Каструччіо соединялъ въ себѣ все, чтобы прослыть рѣдкостью того времени. Рекомендательныя письма, привезенныя имъ изъ Парижа, были отъ великихъ людей Франціи къ великимъ людямъ Англій, для которыхъ политика составляетъ мостъ соединенія. Съ одной стороны, его принимали какъ образованнаго молодого чело­вѣка, и шуринъ знаменитаго члена палаты депутатовъ Франціи, съ другой же Мальтраверсъ представилъ его своимъ друзьямъ, дилетантамъ литературы, которые всегда готовы хвалить писателя, котораго не можетъ быть ихъ соперникомъ. Станный нарядъ Чезарини, который нашли бы всѣ смѣшнымъ на Англичанинѣ, казался необыкновенно граціознымъ на Итальянцѣ. Всѣ находили, что онъ имѣлъ видъ гениальнаго поэта. Дамы приходили въ восхищеніе, когда онъ посвящалъ имъ стихи; и если Чезарини малъ говорилъ, за-то безпрестанно кропалъ вирши. Голова молодого чело­вѣка вскорѣ наполнилась сравненіемъ своего положенія въ Лондонѣ съ положеніемъ Петрарки въ Авиньонѣ. Такъ какъ онъ всегда думалъ, что слава находится въ рукахъ лордовъ и знатныхъ дамъ, то и вообразилъ себя уже прославленнымъ поэтомъ. И такъ какъ преобладающее чувство въ немъ была зависть къ Мальтраверсу, то онъ пришелъ въ восхищеніе, когда поклонники увѣрили его, что онъ былъ въ тысячу разъ интереснѣе того высокочернаго писателя, который повязывалъ галстухъ какъ обыкновенные люди и не имѣлъ даже необходимыхъ при-

надлежностей гениа: черныхъ, вьющихся волосъ и меланхолической и насмѣшливой улыбки.

Высшее общество, говорить мадамъ де-Сталь, утверждая энергическій умъ, совершенно сбиваетъ съ толку поверхностный. И такъ высшее общество уничтожило все, что было человѣчнаго въ понятіяхъ Чезарини. Вскорѣ его желанія ограничались эфектомъ, произведеннымъ въ нѣсколькихъ раззолоченныхъ салонахъ, и его тщеславіе довольствовалось кусками и крошками, отъ которыхъ истинное честолюбіе отвернулось бы съ презрѣніемъ. Но этимъ не кончилось. Чезарини началъ завидовать богатству Мальтраверса. Его собственное состояніе заключалось въ восемь или девяти тысячахъ фунтовъ стерлинговъ капитала; но брошенный посреди самаго богатѣйшаго общества Европы, онъ никакъ не хотѣлъ показаться бѣднѣе другихъ, и тѣмъ потерять хоть частицу уваженія. Онъ началъ говорить о пресыщеніи и тщетѣ богатства. Молодые дѣвѣнцы слушали его съ большимъ участіемъ, когда онъ говорилъ такъ образомъ; всѣ начали думать, что онъ очень богатъ, а дѣль, во своей суетности, восхищался этимъ, и старался поддерживать это мнѣніе, подражая сумасбродной расточительности того времени. Онъ накупилъ лошадей и драгоценныхъ вещей, началъ волочиться за сорока-двуухлѣтнею маркизою, которая любила его нѣжно и сходила съ ума отъ экарте. Онъ тоже предлся игрѣ, и шелъ быстрыми шагами къ разоренію.

КНИГА ШЕСТАЯ.

I.

Можетъ-быть вы говорите, что золотомъ горжествуешь надъ всѣмъ, и что прѣятно быть богатымъ.

Зеркильдъ.

Нужно ли свертывать съ дороги, чтобы давать мѣсто плутамъ, выносить ли это?

Зеркильдъ.

«L'adresse et l'artifice ont passé dans mon coeur sous cet habit et d'esprit et du reste!»

Regnard.

Въ одно прекрасное июльское утро какой-то джентльменъ, только что возвратившійся въ Англію послѣ продолжительнаго пребыванія за границею, шелъ тихо, погруженный въ размышленіе по прекрасной аллеѣ, соединяющей Регентскій-паркъ съ Сентъ-Джемскимъ.

Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ природа одарила умственными способностями въ высочайшей степени, но которые расточаютъ свою молодость въ праздной, скитальческой жизни; но съ нѣкотораго времени онъ, какъ бы пристыдился удовольствія, и чувство честолюбія начинало пробуждаться въ душѣ его.

— Удивительно, какъ городъ этотъ улучшился, сказалъ онъ самъ себѣ.— Съ небольшою энергіею и дѣятельностью все улучшается въ этомъ мірѣ, какъ люди, такъ и вещи. Всѣ мои школьные товарищи, которые совсѣмъ не такъ умны, какъ я,

сдѣлаи себѣ отличныя карьеры. Напримѣръ Томъ Стевенсъ, это пияточество, которе находилось подъ моимъ покровительствомъ въ Этонѣ, сдѣлавъ помощникомъ государственнаго секретаря. Пирсонъ, за котораго я всегда дѣлалъ и длинныя сочиненія и краткія извлеченія, теперь директоръ длинныхъ сочиненій и краткихъ извлеченій въ какой-то публичной школѣ высшихъ наукъ, издающій греческія трагедіи, и мѣтающій на эпископство. Калле судья, и я видѣлъ изъ газетъ, что онъ поѣхалъ для засѣданій по провинціальнымъ городамъ. А Эрнестъ Мальтраверсъ (ну, этотъ хоть не безъ таланта!) прибрѣлъ громкое имя. Словомъ—сказать, они всѣ вѣстѣ не стоятъ меня одного, а я только и сдѣлалъ, что, не-смотря на всю мою экономя, растратилъ половину моего состоянія. Это должно же доняться. Пора мнѣ подумать о существенной пользѣ. Однажды въ то самое время, какъ я нуждаюсь въ посторонней помощи, мой любезнѣйшій дядюшка выдумалъ жениться на другой. Гм! я слишкомъ хорошъ для этого свѣта.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ столкнулся съ какимъ то дивнымъ джентльменомъ, который шелъ, поднимая голову, и, казалось не замѣтилъ, что едва не сшибъ съ ногъ нашего разъяреннаго самохвала.

— Помилуйте, серъ, о чемъ вы думаете? вскричалъ послѣдній.

— Извините.... началъ было высокій джентльменъ, когда ближній схватилъ его за руку, и вскричалъ опять:

— Боже мой! васъ ли я вижу?

— А! Люмліи.

— Я самый; какъ вы поживаете, милый дядюшка? Я не зналъ, что вы въ Лондонѣ, я пріѣхалъ только вчера вечеромъ. Но какой у васъ здоровый видъ!

— Да, благодаря Бога, я здоровъ.

— И счастливы въ вашей новой жизни... вы должны представить меня мистрису Темпльтонъ.

Мистеръ Темпльтонъ кашлянулъ, какъ бы для очищенія голоса, и сказалъ, улыбаясь, но съ замѣшательствомъ:

— Я никогда не думалъ, что я жениюсь въ другой разъ.

— *L'homme propose et Dieu dispose!* замѣтилъ Люмліи Ферреръ, потому-что это былъ онъ.

— Потихе, любезный племянникъ, возразилъ мистеръ Темпльтонъ важнымъ голосомъ:—эта фраза мнѣ не нравится. Ты знаешь, я человекъ стариннаго покроя.

— Десять тысячъ извиненій, дядюшка!

— Весьма достаточно одного; такіа преувеличенныя браз неумѣстны.

— Старый педантъ, подумалъ Феррерсъ; но онъ поклонилъсь видомъ челоуѣка, сознающаго свои ошибки.— Милый дяука, продолжалъ онъ громко: я былъ большой внутренникъ (молодости, но съ лѣтами челоуѣкъ дѣлается разсудительнѣе, подѣ вашими руководствомъ, если я только смѣю на него и дѣяться, вѣрно, я сдѣлаюсь гораздо умнѣе и лучше.

— Это очень хорошо, Люмій, возразилъ дяука: и я очень доволенъ, что ты возвратился въ свое отечество. Не хочешь ли ты завтра у меня обѣдать? Я живу близъ Фульгена. Ты прекрасно бы сдѣлалъ, еслибы перевезъ свои чемоданы ко мнѣ пробылъ у меня нѣсколько дней... я былъ бы тебѣ сердечен радъ, особенно если ты можешь обойтись безъ иностранна прислуги. Я имѣю большое состраданіе къ папистамъ, но...

— Будьте спокойны, милый дяушка; я не довольно богат чтобы имѣть при себѣ слугу иностранца, и объѣхавъ почти четверти земнаго шара, я научился обходиться безъ лакея.

— Что касается до твоего состоянія, сказалъ мистеръ Теннатовъ съ такимъ видомъ, какъ будто въ головѣ его дѣлалась какая нибудь огромная смѣта, — то отъ семи сотъ девятидесяти пяти фунтовъ стерлинговъ и десяти шиллинговъ годоваго дохода можно имѣть двухъ лакеевъ если угодно. Но во всякомъ случаѣ я очень радъ что ты, по-крайней-мѣрѣ, не расточителенъ. такъ до завтра; въ шесть часовъ мы увидимся.

— Au revoir. Да сохранить васъ небо! скучный старикъ, пробормоталъ Феррерсъ: и совсѣмъ не такъ откровененъ, какъ былъ прежде; можетъ быть жена его беременна, и онъ хочетъ сдѣлать мнѣ несправедливость, то есть, лишить меня наследства. Объ этомъ надобно поразузнать, потому-что, не имѣя надежды на состояніе, я лучше опять возвращусь въ Парижъ, буду проживать въ своемъ пятомъ этажѣ.

Заключивъ такимъ образомъ свои размышленія, Люмій ускорилъ шаги, и скоро достигъ до Саморской-площади. Спустивъ нѣсколько минутъ, онъ былъ уже въ библиотекѣ, наполненной книгами и украшенной мраморными бюстами и изображениями вышедшими изъ мастерскихъ Кановы и Флаксивана.

— Баринъ сейчасъ придетъ, серъ, сказалъ лакей, вводя его, который бросился на софу и началъ осматривать комнату съ полу-завистливымъ и полу-насмѣшливымъ видомъ.

Вскорѣ дверь отворилась и за тѣмъ послѣдовали восклицанія:

и прѣзвѣтствіа: А, милый Феррерсъ! А! топ шер Эрнесть, какъ вы поживаете?

Послѣ обыкновенныхъ изъявленій радости прѣзжаемому гостю, похвалений и распросовъ, наконецъ очистился путь болѣе общему разговору.

— Вотъ, Мальтраверсъ, сказалъ Феррерсъ, мы опять имѣемъ, во прѣзвѣтствіа столькихъ лѣтъ! Оба мы стали гораздо старѣе чувствуется, а вы, какъ я полагаю, и гораздо умнѣе. По-крайней-мѣрѣ такъ говорятъ, а это главное. Но, правду сказать, мы совсѣмъ не постарѣли, только нѣсколько поблѣднѣли и поухабѣли; но взгляните на меня, мнѣ съ небольшимъ тридцать лѣтъ, а я смотрю совсѣмъ старикомъ... плѣшивые виски... желтая подагра... Ахъ! праздность чрезвычайно старѣетъ молодика!

— Полноте, Феррерсъ, вы никогда не казались моложе и здоровѣе теперешняго. Но правда ли, что вы хотите навсегда поселиться въ Англіи?

— Да, если я устрою дѣла свои. Въ мои лѣта, и видѣвъ такъ много разныхъ разностей, жизнь праздничатающагося и даже невзначуаго холостяка не можетъ уже удовлетворить меня. Я чувствую, что мнѣнїе свѣта, которое я привыкъ прѣдпринимать, теперь для меня необходимо. Я желаю быть чѣмъ-нибудь; но чѣмъ, не знаю! Не бойтесь, я не буду соперничать съ ни. Свѣто сказать, литературная извѣстность прекрасная вещь, но я желаю пріобрѣсть извѣстность болѣе существенную, болѣе современную. Вы знаете свое отечество, покажите мнѣ дорогу, ведущія къ почетному званію.

— Къ почетному званію! О! болѣе ничего, какъ знаніе правъ, политика и богатство.

— Для изученія правъ я уже старъ; политика, можетъ-быть еще имѣетъ мнѣ; а богатство, милый Эрнесть! ахъ, какъ бы я желалъ посчитаться за него съ моимъ банкиромъ!

— Терпите, и надѣйтесь, сказалъ Мальтраверсъ: не наследуетъ ли вы богатаго дяди?

— Не знаю, сказалъ Феррерсъ съ большимъ прискорбіемъ:— старикъ женился въ другой разъ, и можетъ имѣть своихъ дѣтей.

— Женился... на комъ?

— На какой-то вдовѣ, я слышалъ; больше я ничего не знаю. И такъ весьма вѣроятно, что у нея будутъ еще дѣти; и тому времени, какъ мнѣ стукнетъ сорокъ, я, можетъ-быть буду имѣть счастье видѣть цѣлый рой дѣтей, для которыхъ также нужны огромныя богатства мистера Темплтона!

— Ха! ха! ха! отчаяніе изощряетъ вашу дальновидность, Люмліи; но для чего бы вамъ не подражать первой половинѣ исторіи вашего дядюшки? Женитесь по расчету, возьмите гатую наследницу, если ужъ не можете быть сами наследникомъ.

— Умно сказано, даже умнѣе, нежели бы я ожидалъ отъ ловѣка, сочиняющаго книги, особенно стихи; в такой совѣтъ нельзя оставить безъ вниманія; потому-что я хочу быть богатымъ, а какъ старинные люди говорятъ: первое дѣло захотѣть быть богатымъ, а второе уже подумать, какъ достигнуть этого.

— Но пока вы будете моимъ гостемъ, Феррерсъ.

— Сегодня я обѣдаю у васъ; а завтра отправляюсь Фульгемъ, представляться моей новой тетускѣ. Не можете вы представить ее себѣ? Я какъ сей часъ смотрю на нее: красивая женщина въ сѣромъ гроднаплевомъ платьѣ съ лорнетомъ на золотой цѣпочкѣ, а возлѣ нея двѣ обезьяны и попугай! Но не пугайтесь: это воображаемый эскизъ! Я еще не видѣлъ моей почтенной родственницы моими физическими очами. Но что у насъ будетъ къ обѣду? Позвольте мнѣ брать блюда, вы всегда были несправный дворецкій.

Мальтраверсъ какъ бы помолодѣлъ, слушая эту веселую болтовню Феррерса. Все прошедшее столпилось въ головѣ его, два пріятеля провели день самымъ пріятнымъ образомъ. Только на другое утро, вспомнивъ всѣ разговоры своего бывшего сопутника, Мальтраверсъ сознался почти противъ себя, что прежній бездѣйственный эгоизмъ Феррерса превратился въ систематическую и положительную безнравственность, которая могла сдѣлать его хитрымъ и опаснымъ врагомъ, еслибы обстоятельства заставили столкнуться съ нимъ на пути.

II.

«Да. Вы должны меня выслушать, серъ. Я долго былъ презираемъ вами.

Мирозъ. О! какъ тебѣ угодно, племянникъ.»

Элисенъ.

«Ея молчаніе есть удовлетворительное приданое: она сочла бы себя слишкомъ расточительною, еслибъ позволила себѣ произносить по шести словъ въ день самымъ тихимъ голосомъ.»

Элисенъ.

Публичная карета выпустила Феррерса у воротъ виллы, миль въ трехъ отъ города. Привратникъ понесъ чемоданъ, а Феррерсъ послѣдовалъ за нимъ, заложивъ руки на спину, (это вышло ему самымъ удобнымъ мѣстомъ для нихъ), по прекрасно воздѣланному саду.

— Хорошенькій, миниатюрный, но, кажется очень удобный ящикъ! Я полагаю, это принадлежность тетюшки. Ахъ, я и не подумалъ бы объ немъ, слибъ смѣлъ надѣяться получить наследство. Но здѣсь-то именно будетъ жить фамилія Темпльтоновъ.

Это послѣднее разсужденіе Феррерса было прервано появленіемъ прекрасной дѣвочки, которая подбѣжала къ нему, подпрыгивая, какъ избалованный и смѣлый ребенокъ, и посмотрѣвъ на него пристально, сказала:

— Вамъ нужно видѣться съ папою, серъ?

— Съ папою, подумалъ Люмліи:—а кто вашъ папа, моя мамма?

— Какъ кто? мой папа, мамнинъ мужъ. Развѣ онъ мнѣ не папа?

— Разумѣется папа, моя душенька, теперь я понимаю васъ. И Феррерса обдало холодомъ.

— Чтò?

— Мнѣ нужно видѣть вашего папа... мистера Темпльтона. И Феррерсъ едва могъ выговорить эти слова; сомнѣнія его осуществились, надежды разлетѣлись, какъ дымъ.

- Въ такомъ случаѣ ступайте по этой дорожкѣ.
- Вы очень любезна мистера Темпльтона, милое дитя?
- О! разумеется, любезна! А видѣли ли вы лошадку съ машиной, которую онъ недавно мнѣ подарилъ?
- Нѣтъ еще, милое дитя!... А какъ здоровье мама?
- О! бѣдная, милая мама, сказала дѣвочка, и голосъ ея внезапно зміѣнился и на глазахъ навернулись слезы.—Ахъ! она же такъ здорова!

— Не ожидается ли еще прибавленія семейства! пробормотал Феррерсъ со вздохомъ:—но вотъ и дядя; неприятное названіе дяди съ-поконъ-вѣку были злые люди. Мой любезный старшій родственникъ грабятъ меня, стакнувшись со своею вдовою Старшій Тартюсъ, старшій сатиръ... старшій... Любезный сердечный оцень радъ видѣть васъ!

Мистеръ Темпльтонъ, человѣкъ чрезвычайно холоднаго обращенія, смотрѣлъ всегда или черезъ головы тѣхъ, съ кѣмъ разговаривалъ, или себѣ подъ ноги. Онъ пожалъ протянутую ему руку племянника, изъявляя ему свое удовольствіе на счетъ его посѣщенія, и тотчасъ же замѣтилъ, что погода прекрасная.

— Точно прекрасная; и это мѣсто очень пріятное; но вы видите, я по дорогѣ уже познакомился съ моею прекрасною кузиною. Право, она прехорошенькая!

— Да, она въ-самомъ-дѣлѣ прелестное созданіе, сказала мистрисъ Темпльтонъ съ жаромъ, и смотря съ вѣжностью на дѣвочку, которая гонялась за бабочками, стараясь поймать ихъ. Мистеръ Феррерсъ пожелалъ въ душѣ своей, чтобъ бабочки эти превратились въ камни!

— Похожа ли она на мать? спросилъ племянникъ.

— Похожа на кого, серъ?

— На свою мать, мистрисъ Темпльтонъ.

— Нѣтъ, не очень; есть фамильное сходство, можетъ-быть но не разительное. Но не хочешь ли пойти въ свою комнату передъ обѣдомъ?

— Благодарю васъ. Не могу ли я прежде быть представленъ мистрисъ Темплт...

— Въ настоящую минуту она въ моленную, мистеръ Люмъ сказалъ мистеръ Темпльтонъ угрюмо.

— О! я въ восхищеніи, что ваше набожное сердце отыскало себѣ подругу, которая сочувствуетъ вамъ во всемъ.

— Да, это истинное благословеніе Божіе, и я долженъ бла

дарить Ею за великое милосердіе, Вотъ эта дорожка ведетъ въ докъ.

Важно для неволею Люмліи очутился въ довольно мрачной комнатѣ, предназначенной ему для спальни, на окнахъ которой были развѣшены канѳасные занавѣсы, а стѣны украшены тещекоричневыми обоями съ свѣтло-коричневыми арѣзанами.

Феррерсъ бросился въ огромныя кресла, потомъ звѣнулъ и потянулся съ такимъ усердіемъ, какъ бы онъ звѣнулъ и потянулся въ то время, когда пріѣхалъ бы сюда принимать во вѣдѣніе всѣ богатства своего дяди. Потомъ онъ медленно началъ раздѣлываться свое утреннее платье на довольно скромный фракъ, благодаря свою звѣзду, что ко многимъ его недостаткамъ она ему показала присоединиться щегольству, что въ глазахъ его для показалось бы страшнымъ преступленіемъ и вооружило его противъ племянника окончательно. Онъ оставался въ своей комнатѣ до-тѣхъ-поръ, пока второй звонокъ не возвѣстилъ объ обѣдѣ; послѣ этого онъ сошелъ въ гостинную, въ которой даже въ июль мѣсяцъ, какъ-будто обдавало холодомъ. Мистеръ Темпльтонъ стоялъ у камина, стройная и прекрасная молодая женщина сидѣла, полускрытая въ огромномъ, но не споконной вѣствѣ креслѣ.

— Твоя тетка, мистриссъ Темпльтонъ; дяди, мой племянникъ, мистеръ Люмліи Феррерсъ, сказалъ мистеръ Темпльтонъ, дѣлая движеніе рукою. Джемсъ, обѣдать!

— Надѣюсь, что я не заставилъ себя ждать....

— Нѣтъ, сказалъ мистеръ Темпльтонъ довольно ласковымъ тономъ, потому-что онъ всегда любилъ своего племянника, а теперь къ тому же еще былъ тронутъ притворнымъ равнодушіемъ Люмліи къ новому положенію семейныхъ дѣлъ. Нѣтъ, дѣла мое, нѣтъ; но, по моему, аккуратность и точность главныхъ добродѣтели хорошо устроеннаго семейства.

— Кушанье готрво! сказалъ дворецкій, отворивъ настежь обѣ половинки двери, находившейся въ концѣ комнаты.

— Позвольте мнѣ проводить васъ сказалъ Люмліи, продавая руку теткѣ. Какаа у васъ прекрасная ашала!

Мистриссъ Темпльтонъ сказала что-то въ отвѣтъ, но что именно, того Феррерсъ не могъ разобрать, такъ голосъ ея былъ тихъ и беззвученъ.

— Она застѣнчива, это странно для вдовы! подумалъ Феррерсъ. Но такимъ-то образомъ и ловятъ мужей въ западни.

Какъ ни было просто убранство комнатъ, но врожденное чванство мистера Темпльтона все-таки выказывалось въ доро-

гомъ столовомъ приборѣ и въ огромномъ количествѣ слугъ. Онъ былъ богатъ, и гордился своимъ богатствомъ. Онъ зналъ, что богатство уважается всѣми, и считалъ самымъ главнымъ дѣломъ заставить уважать себя. Что касается до обѣда, Люмліи, зная вкусъ своего дяди, предвидѣлъ, что кушанья и вина подадутъ такія, что даже онъ, записный лакомка, не найдетъ ничего сказать противъ нихъ.

Въ антрактахъ между кушаньями, мистеръ Феррерсъ старался завести разговоръ съ своею теткою, но всѣ его замыслы были попытки остались безъ успѣха. На лицѣ мистриссъ Темпльтонъ выражалась тихая, спокойная, но глубокая грусть, которая казалась особенно трогательною въ такой молодой и прекрасной женщинѣ. Видимо было, что не застѣчивость и не скрытность были главною причиною ея молчаливости и угрюмости, и даже въ молчаніи ея было столько природной красоты и пріятности, что Феррерсъ не могъ отвести ея манеру обхожденія къ высокомубрю или нелюдимости. Это подстрекало его любопытство.

— Потому-что, говорилъ онъ самъ себѣ: дядя мой, хотя уже и не молодъ, но за то очень богатъ, какъ же молодая вдова, вышедшая замужъ за стараго богача, можетъ быть грустною?... это превосходитъ мое понятіе.

Темпльтонъ, вѣроятно, для того, чтобы отвлечь вниманіе Люмліи отъ молчаливости своей жены, былъ говорливѣе обыкновеннаго. Онъ пустился толковать о политикѣ, и жалѣлъ, что не засѣдаетъ въ парламентѣ.

— Будь я молодъ и здоровъ, какъ ты, Люмліи, я не пренебрегалъ бы моими обязанностями къ отечеству.

— Я самъ бы очень желалъ быть членомъ парламента, сказалъ Феррерсъ съ особенною живостью.

— Я вѣрю этому, возразилъ дядя сухо. Парламентъ очень обширенъ, но только для богатыхъ людей... Шампанскаго мистеру Феррерсу.

Люмліи прикусилъ съ досады губы, и говорилъ мало во все остальное время обѣда. Однакожъ, мистеръ Темпльтонъ сталъ еще любезнѣе, когда на столъ подали десертъ, и, разрѣзывая ананасъ, онъ увѣрялъ Люмліи, что сады были бы ничто, есмь въ нихъ не росли ананасы.

— Если ты со временемъ поселишься въ деревнѣ, племянникъ, то не забудь завести теплицу.

— О! непременно, сказалъ Феррерсъ съ горькою усмѣшкою:

в тешицы, в псарню, и французскаго повара; все это чинитъ вѣсть къ моему состоянію.

— Ты занимаешься теперь денежными разсчетами горюдо бѣде, чѣмъ прежде.

— Серъ, возразилъ Феррерсъ торжественнымъ голосомъ: я уже не мальчикъ, скоро мнѣ стукнетъ сорокъ лѣтъ.

— Гм! пробормоталъ хозяинъ.

За этимъ послѣдовало молчаніе. Люмліи Феррерсъ, какъ мы уже говорили, или лучше сказать, показывали нашимъ читателямъ, зналъ въ совершенствѣ человѣческую натуру, по крайней мѣрѣ подъ ея обыкновенною формою, и потому онъ теперь обдумывалъ планъ, какъ бы поддѣлаться къ своему богатому родственнику. Люмліи предвидѣлъ, что, попадая на дядю слегка, онъ никогда ничего не успѣетъ, потому-что своимъ достоинствомъ, своею скрытностью банкиръ имѣлъ всегда надъ нимъ такое преимущество, какое имѣетъ высокій ростъ передъ низкимъ въ драгѣ на шпагахъ, гдѣ высокій человѣкъ, просто защищаясь, можетъ держать своего противника въ отдаленіи. Итакъ, онъ рѣшился на новую игру, съ которою удивительно согласовались его развязность и откровенность въ обращеніи. Въ ту самую минуту, какъ онъ обдумалъ свой новый планъ, мистрисъ Темпльтоунъ встала, граціозно поклонилась, и съ кроткою, но томною улыбкою вышла изъ комнаты.

Для джентльмена устали снова, и мистеръ Темпльтоунъ, поднявъ бутылку къ Феррерсу, сказалъ:

— Наливай себѣ, Люмліи. Путешествія твои, кажется, лишили тебя прежней веселости... ты сталъ задумчивъ.

— Серъ, сказалъ Феррерсъ отрывисто: я желалъ бы посоветоваться съ вами.

— О! молодой человѣкъ, ты чувствуешь себя виноватымъ въ какомъ-нибудь отступленіи отъ правилъ аккуратности... ты, вѣрно, игралъ... ты вѣрно...

— Я ничего такого не сдѣлалъ, серъ, что могло бы лишитъ меня вашего уваженія. Повторяю вамъ, я желалъ бы посоветоваться съ вами; я отжилъ кипучую молодость; теперь я чувствую въ себѣ стремленіе къ свѣтскимъ обязанностямъ чело-вѣка. Я полагаю, что у меня есть способности; и знаю на-вѣрное, что у меня есть твердость. Я желалъ бы занять мѣ-сто въ свѣтѣ, которое могло бы выкупить мою прежнюю без-

мечность и сделать честь моему званію. Серъ, вы ждѣте при-
нѣръ для меня, и въ настоящее время, я прошу вашего согѣ-
та, имѣть твердое намѣреніе послѣдовать ему.

Темпльтонъ вздрогнулъ отъ удивленія; прикрывъ лицо ру-
кою, онъ пристально, проникательно посмотрѣлъ на открытый
лобъ и смѣлые глаза своего швейцарца.

— Я могу надѣяться, что ты говоришь чистосердечно, ска-
залъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Вы можете, и даже должны вѣрить мнѣ, серъ.

— Хорошо, я объ этомъ подумаю. Я люблю достойное, но
не чрезмѣрно честолюбіе; послѣднее есть великій грѣхъ; вся-
кому человѣку свойственно желаніе занять почетное мѣсто
въ обществѣ, а богатство есть благословеніе Божіе; потому-
что оно даетъ намъ средство быть полезнымъ нашему бла-
женію.

— Въ такомъ случаѣ, серъ, сказалъ Феррерсъ съ возрастаю-
щаю живостью: въ такомъ случаѣ мое честолюбіе именно тако-
го свойства, о которомъ вы говорите. Я человѣкъ неизвѣстный,
я желаю прославиться честнымъ образомъ; состояніе мое по-
средственное, а я желаю разбогатѣть. Я ничего не прошу у
васъ..... Я знаю ваше благородное сердце; но желалъ бы незави-
симо отъ другихъ устроить свою карьеру.

— Любилъ, сказалъ швейцаръ Темпльтонъ: теперь я уважаю
тебя болѣе, чѣмъ когда-либо. Выслушай меня... я хочу тебя
довѣриться. Я думаю, что правительство обязано мнѣ нѣкото-
рою благодарностью.

— Я знаю это, вскричалъ Феррерсъ, глаза котораго засвер-
кали при мысли о доходѣ безъ должности, потому-что тогда
еще существовали доходы безъ должностей!

— И я имѣю намѣреніе просить объ одной милости въ бла-
годарность за мои услуги.

— О! серъ!

— Да, я думаю, слушай меня внимательно, что употребитъ
ловкость и осторожность, я могу..

— Хорошо, милый серъ, хорошо!

— Выхлопотать баронство себѣ и своимъ наследникамъ. Я
надѣюсь, что у меня скоро будетъ семейство!

Еслибъ въ эту минуту Феррерсъ получалъ пощочину, она не

привела бы на него такого дѣйствіи, какъ эти честолюбивые замыслы, которыми дава его заключилъ рѣчь свою. Нижняя челюсть его отпала, глаза расширились на цѣлый дюймъ, и онъ какъ-будто ошѣмѣлъ.

— Да, продолжалъ мистеръ Темпльтонъ: я давно мечтаю объ этомъ. Репутація моя незапятнана... богатства неисчислимы. Я всегда употреблялъ свое парламентское вліяніе въ пользу министровъ, а въ странѣ коммерческой никто не имѣетъ болѣе неоспоримыхъ правъ на званіе добродѣтельнаго, честнаго и религіознаго члена правительства, какъ Ричардъ Темпльтонъ. Да, мое дѣтя, мнѣ нравится твое честолюбіе, потому-что я сочувствую ему; и если ты точно желаешь слѣдовать по стопамъ отца, то я полагаю, что могу помочь тебѣ вступить въ компанію въ какой-нибудь извѣстный коммерческій домъ. Посмотрѣть, какъ великъ твой капиталъ.

— Прошу васъ извинить меня, серъ, прервалъ Люмліи, вѣжливо покраснѣвъ отъ негодованія: я чрезвычайно уважаю компанію, но родственники мои со стороны отца никогда не допустятъ меня избрать эту карьеру. И позвольте мнѣ прибавить еще, продолжалъ онъ, дотрогиваясь искусно до чувствительной струны, которую только-что открылъ въ своемъ сердцѣ: позвольте мнѣ прибавить, что эти же самые родственники, которые всегда оказывали мнѣ свое расположеніе, могутъ, если только умственно подвести дѣло, много споспѣшествовать успѣху вашихъ дѣланъ возвышенія; и такъ для вашего же интереса я не долженъ спориться съ ними. Лордъ Саксингемъ все еще министръ, и къ тому же засѣдаетъ въ кабинетѣ.

— Г-м... Люмліи... г-м! сказалъ мистеръ Темпльтонъ залучиво: — мы объ этомъ поразмыслимъ.... Мы объ этомъ поразмыслимъ. Еще вѣнца?

— Нѣтъ, благодарю васъ, серъ.

— Въ такомъ случаѣ я пойду погуляю, что я ивѣю обыкновеніе дѣлать каждый вечеръ, и подумаю хорошенько объ всѣхъ вашихъ дѣлахъ. Ты можешь пойти къ мистрассъ Темпльтонъ. И надобно тебѣ знать, Люмліи, что ровно въ девять часовъ у насъ читаются вечернія молитвы! Не забывайте Творца Небесаго, и Онъ не забудетъ васъ. А баронство-то прекрасная штука.... а?... англійское перство.... да.... англійское перство!... Не то, что ваше континентальное баронство!

Говоря это, мистеръ Темпльтонъ позвонилъ, приказалъ вившемуся слугѣ подать шляпу и палку, и пошелъ по длиннѣ разстлавшейся подъ самыми окнами столовой.

— Свѣтская устрица, пробормоталъ Феррерсъ: Я сдѣлаю изъ этого стараго эгонста все, что мнѣ угодно; потому—что если у меня нѣтъ особенной способности писать, или необыкновеннаго краснорѣчія говорить, по—крайней—мѣрѣ, хватитъ столько ума, чтобы повести искусно свои дѣла, и столько духа, чтобы дѣйствовать. Поведеніе.... поведеніе.... поведеніе.... вотъ мои таланты; а что такое поведеніе, для меня, если вѣрная и твердая дорога отъ плана къ его исполненію?

Съ такими мыслями Феррерсъ пошелъ къ мистриссъ Темпльтонъ. Онъ тиховько отворилъ дверь въ гостиную, (потому что всѣ его движенія были живы, но не шумны) и увидѣлъ, что мистриссъ Темпльтонъ сидитъ у окна, повидимому погруженная въ чтеніе какой-то книги, которая лежала передъ нею развернутая на маленькомъ рабочемъ столѣ.

— Бьюсь объ закладъ, что это «Совѣты молодой жемчужинки только что вышедшей за мужъ» Фордайса!.... Однакожъ я и долженъ возстановлять ее противъ себя.

Онъ подошелъ ближе; мистриссъ Темпльтонъ все—таки не замѣтила его; онъ взглянулъ на нее, и тутъ только замѣтилъ, что слезы крупными каплями падали изъ глазъ ея на открытыя страницы книги.

Онъ нѣсколько смѣшался, отвернувшись къ окну кашинулъ, и сказалъ, не смотря на мистриссъ Темпльтонъ:

— Я боюсь, не обезпокоилъ ли я васъ?

— Нѣтъ, сказалъ тотъ же тихій и беззвучный голосъ, который отвѣчалъ уже односложными словами Люмлію на ея тщетныя усилія завести разговоръ:—нѣтъ; это было грустное занятіе, и, можетъ—быть, не хорошо предаваться ему.

— Могу ли я спросить, какой авторъ такъ растрогалъ васъ?

— Это стихи, а я не смѣю судить о поэзіи; но въ нихъ есть мысли, которыя.... которыя.... мистриссъ Темпльтонъ вдругъ остановилась, а Люмлій спокойно взялъ книгу.

— Ахъ! сказалъ онъ, смотря на заглавный листъ; это должно—быть чрезвычайно лестно для моего пріятеля.

— Вашего пріятеля?

— Да, эта книга сочиненія Эрнеста Мальтраверса, одного изъ моихъ задушевныхъ друзей.

— Ахъ, какъ я желала бы видѣть его! вскричала мистриссъ Темпльтонъ почти съ одушевленіемъ. — Я мало читаю; эта книга печально попала въ руки, и читая ее, мнѣ кажется, что я слушаю друга, разговаривающаго со мною. Ахъ, какъ бы я желала видѣть его!

— Увѣряю васъ, сударыня, сказалъ голосъ третьяго человѣка, какъ бы съ упрекомъ: увѣряю васъ, что я не вижу ничего хорошаго для вашей души въ томъ, если вы увидали бы человѣка, пишущаго бесполезныя стихи, которые къ тому же нѣтъ какутся совершенно безнравственными. Я еще сегодня утромъ пробѣгалъ эту книгу, и не нашелъ въ ней ничего другаго, какъ разный вздоръ, любовныя сонеты и тому подобныя глупости.

Мистриссъ Темпльтонъ не отвѣчала ни слова, а Люмліи, желая переимѣнить разговоръ, который приходился не по его вкусу, сказалъ довольно некстати:

— Вы очень скоро возвратились, серъ.

— Боже мой! дождь идетъ, а я и не замѣтилъ....

— Не промокли ли вы, серъ? Не лучше ли бы вамъ.... начала было жена застѣнчиво.

— Нѣтъ, сударыня, я не промокъ, благодарю васъ. Да кстати племянникъ, этотъ новый сочинитель пріятель твой? Я удивляюсь, что человѣкъ такой фамиліи могъ снизойти до авторства. Это не доведетъ его ни до чего добраго. Я надѣюсь, что ты прервешь это знакомство.... авторы весьма бесполезныя пріятели увѣряю тебя. И я надѣюсь что не увижу болѣе въ моемъ домѣ книгъ сочиненія мистера Мальтраверса.

— Однакожъ, серъ, объ немъ всѣ хорошаго мнѣнія, и онъ не маловажное лицо въ свѣтѣ, сказалъ Люмліи смѣло, потому что онъ ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ былъ жертвовать пріятелемъ, который могъ быть ему полезенъ также какъ и самъ мистеръ Темпльтонъ.

— Важное или не важное, для меня все равно.... Я рѣдко нѣтъ дѣла съ авторами, да когда и нѣтъ, то всегда послѣ рассказывался. Ничего постоянного.... серъ... ничего звучнаго... всѣ эти головы съ трещинами.... Мистриссъ Темпльтонъ, будьте такъ добры, надобно передѣлать мою подушку, она пронзаетъ мнѣ страшную боль въ колѣняхъ. Люмліи, потрудитесь воззвонитесь! Тетка твоя очень грустна: Мы прочтемъ поученіе о спокойствіи духа.

— Хорошо, хорошо, говорилъ самъ себѣ Феррерсъ, раздѣваясь въ этотъ вечеръ, чтобъ лечь спать.—Я вижу, что для меня не очень доволенъ задумчивымъ лицомъ жены своей и нѣсколько ревнуетъ ее за то, что она думаетъ не о немъ одномъ. Тѣмъ лучше.... Я долженъ поработать надъ этимъ открытіемъ; для меня было бы не очень хорошо, еслибы она жила очень счастливо другъ съ другомъ. И этимъ рычагомъ, и съ его честолюбивыми замыслами, мнѣ кажется, я вижу уже средство придвинуть все хорошее этого міра поближе къ Люмию Феррерсу.

III.

«По ея гордой поступи, легкой какъ свѣтъ, разстилающейся надъ землею, ее можно принять за существо высшей сферы.»

«Можетъ ли быть, чтобъ такіа благородныя побужденія, такіа высокія идеи, зажигающіяся собственнымъ огнемъ, да ны мнѣ были для того, чтобы сдѣлать меня презрѣвою работою тшеславія?»

Эринна.

«Не слышимъ ли она прекрасна, что даже кроткія женщины заботятся о ней?»

Эринна.

Два или три дня спустя послѣ происшествія, описаннаго въ предыдущей главѣ, было, какъ выражаются журналисты, блестящее собраніе въ одномъ изъ благороднѣйшихъ и знатнѣйшихъ домовъ Англіи. Молодая дѣвица, на которой останавливались взоры всѣхъ присутствующихъ, проходила мимо толпы, которая сыпала похвалы по сдѣламъ ея. Красота ея, величественная не во лѣтамъ, была классическою правильности, столической совершенной, что придавала ея благороднымъ чертамъ нѣчто-

ную изюдность превосходнаго мраморнаго изваянiя, а для живописи она могла бы служить моделью Семирамиды, или Зевобии. Эта дѣвица была Флоренса Лиссельсъ, дочь знатнаго родственника Люмлія, графа Саксингемъ, и самая богатѣйшая изсланица во всей Англiи. Самъ лордъ Саксингемъ именовалъ своей дочери, въ то время, какъ она проходила салу.

— Флоренса, сказалъ онъ ей шопотомъ, — герцогъ *** первая изъ твоею красотою.... Будь съ нимъ вѣрлива.... и хочешь представить его тебѣ.

Съ этими словами онъ повернулся назадъ, и представилъ леди Флоренсъ Лиссельсъ герцога ***, маленькаго черненькаго шотландца лѣтъ двадцати восьми, который стоялъ, вытанувшись. Герцогъ былъ не женатъ. Такимъ-образомъ самый знатный вельможа Англiи былъ представленъ самой богатѣйшей невѣстѣ.

— Леди Флоренса любить такъ же страстно лошадей, какъ вы, герцогъ, сказалъ лордъ Саксингемъ: хотя не можете считатья такимъ же знатокомъ.

— Да, признаюсь, я очень люблю лошадей, сказалъ герцогъ живо.

Лордъ Саксингемъ отошелъ.

Леди Флоренса молчала; невыразимое презрѣніе свернуло въ гнѣвъ ея; она надула нѣсколько губни, отвернулаась и, казаясь, забыла о существованіи своего новаго знакомаго.

Его милость желалъ, чтобы леди Флоренса начала разговору; потому-что, не будучи застѣнчивымъ, онъ вообще говорилъ мало, не имѣя привычки поддерживать бесѣду. После нѣкотораго молчанiя, видя, что леди Флоренса все-таки остается безмолвною, онъ сказалъ:

— Гуляете ли вы иногда въ паркъ, леди Флоренса?

— Очень рѣдко.

— Но надобно сказать, что въ настоящее время слишкомъ жарко и утомительно ѣздить верхомъ.

— Я не скажу этого.

— Гм, а мнѣ показалось, что вы сказали.

Опять молчаніе.

— Вы, кажется, что-то сказали, леди Флоренса?

— Нѣтъ.

— Ахъ, извините.... Лордъ Саксингемъ, повидимому, очень-много себя чувствуетъ?

— Очень рада, что самъ такъ поживаетъ.

— Ваши поргратъ, что на выставкѣ, далеко не такъ хороши какъ вы сами, леди Флоренса, хата Дуренсъ обыкновенно счастливы.

— Вы льстите мнѣ, герцогъ, сказала леди Флоренса съ злымъ и невернымъ въ голосъ и въ манерахъ.

Юная красавица была чрезвычайно забалована, и теперь пришла въ негодование, замѣтивъ, что взоры толпы были устремлены на ту, которую герцогъ ^{****} удостоивалъ своимъ разговоромъ. Она обладала блестящимъ даромъ слова, но ни въ чемъ въ мірѣ не хотѣла въ настоящую минуту поддерживать разговора съ своимъ собесѣдникомъ. Она была аристократка болѣе уму, нежели по рожденію, и забрала себя въ голову, что герцогъ былъ идиотъ. Но она очень ошибалась.

Если бы она захотѣла разбить ледъ, составлявшій какъ с оболочку, надъ ея умственными понятіями, то нашла бы по яннъ глубокой молодежь, наполненный прозрачною водою. В самомъ дѣлѣ герцогъ, подобно многимъ другимъ Англичанамъ, не любилъ блеснуть ни умомъ ни изящными манерами, хотя онъ получилъ прекрасное образованіе, а природа одарила его здравыми понятіями и благородными чувствами; онъ и тогда не любилъ и не имѣлъ никакихъ желаній, былъ чрезвычайно доволенъ своею судьбою и даже чувствовалъ нѣкоторое пресыщеніе; а апатія есть слѣдствіе довольства и пресыщенія.

Во всякомъ случаѣ леди Флоренса судила о немъ, какъ обыкновенно челоѣкъ живаго темперамента судить о челоѣкѣ по ложителннентъ и холодноств; въ тому же ей хотѣлось показать и ему и всему свѣту, какъ мало она дорожитъ и герцогами всѣми другими внаменитыми партіями; вслѣдствіе чего, славъ едва замѣтный поклонъ, она удалилась отъ герцога, протянула руку, какому-то смуглому молодому челоѣку, глн котораго были устремлены на нее съ тѣмъ почтительным но явно высказывающимся удивленіемъ, которому самая гонлая женщина не способна оказать презрѣніе.

— Ахъ, сннноръ, сказала она по-итальянски: какъ я рада что вижу васъ; право, истинное наслажденіе встрѣтить гоніаго челоѣка.

Съ этими словами богатая наследница сѣла на покойный диванъ, на которомъ могли помѣститься только двое, и знакою пригласила Итальянца сѣсть возлѣ себя. О! какъ забилось сердце тщеславнаго Кастручіо Чезарини! Какія видѣнія любви, величія и богатства заронились въ его воображеніи!

— Намъ думается, сказалъ онъ: что возвратились древніе времена рыцарства, когда прекрасная царица оставляла привидѣть в вонновъ для того, чтобы послушать смиреннаго трубадура.

— Трубадуры встрѣчаются теперь гораздо рѣже, сказала Флоренса съ оживленною веселостью, которая вислолько не походила на строгую холодность, выказанную ею герцогу ***: — и потому я не вижу особенной заслуги со стороны царицы, которая промѣняетъ епѣсь на умъ и поэзію.

— Ахъ, не говорите объ умѣ, сказалъ Каструччіо: умъ не можетъ быть совмѣстивъ съ важностью глубокихъ чувствъ.... съ энтузіазмомъ.... съ удивленіемъ.... съ мечтами, которыя могутъ возбудить леди Флоренса Лиссельсъ.

Флоренса вспыхнула и слегка нахмурила брови; но огромная разница между ея положеніемъ и положеніемъ молодого ипохондрика, ея совершенное незнаніе, какъ дѣйствительной жизни, такъ и надменныхъ притязаній людей тщеславныхъ, заставили ея тотчасъ же забыть пустую лесть, которую она сочла бы едвою отъ всякаго другаго. Однако же она все-таки перемѣнила разговоръ и заговорила о итальянской поэзіи съ жаромъ и прискорбчїемъ, достойнымъ этого предмета. Впродолженіе ихъ разговора въ залу вошелъ новый посѣтитель; онъ остановился, разговаривая съ лордомъ Саксннгемомъ, и бросалъ по-прежнему внимательные и испытующіе взоры на Флоренсу и Каструччіо.

— Какъ похорошѣла леди Флоренса, сказалъ онъ лорду Саксннгему: я никогда не подумалъ бы, чтобы Англія могла помѣститься такую совершенною красавицею.

— Она поистинѣ прекрасна, любезный Люмліи, отвѣчала лордъ Саксннгемъ: Лиссельсы отличаются наружностью; а какъ умна! Ее можно назвать ученою.... совершенно *has bleu*. Я содрогался при мысли о великомъ количествѣ повтовъ и художниковъ, которые составляютъ состояніе на счетъ ея энтузіазма. Между нами, Люмліи, я желалъ бы выдать ее замужъ за чело-вѣка положительнаго, подобно герцогу ***; потому-что положительности ей только и не достаетъ. Замѣйте, вотъ уже съ полчаса она любезничаетъ съ этимъ страннымъ авантюристомъ, снѣворомъ Чезарини, именно потому только, что онъ пишетъ сонеты и одѣвается какъ комедіантъ!

— Это обыкновенная слабость женщинъ, любезный лордъ, сказалъ Люмліи: онѣ любятъ покровительствовать, и восхи-

щаются всѣми странностями, начиная съ фарсоровыхъ Китайцевъ до безумныхъ повтовъ. Но я замѣчаю по безнокѣйшимъ ея взорамъ, блуждающимъ по временамъ вокругъ комнатъ, что моя прекрасная кухня совершенно освобождена отъ небольшой примѣси кокетства.

— Что правда, то правда, Люмліи, отвѣчалъ лордъ Сандригемъ, засмѣявшись: но я не противорѣчу ей въ этомъ и не зволю разбивать сердца в отказывающаго женихамъ сколько ея угодно, въ надеждѣ, что она одѣлается наконецъ разсудительнѣе, и выдетъ замужъ за герцога ***.

— За герцога ***! повторилъ разсѣянно Люмліи:—хорошо, пойду и представлюсь моей прелестной кухнѣ. Я вижу, что этотъ синьоръ уже надѣлъ ей. Я поразузнаю о впечатлѣніи сдѣланномъ на нее герцогомъ, любезный лордъ.

— Попробуйте, а я не рѣшаюсь, отвѣчалъ отецъ:—она ирская красная дѣвушка, но богатые наследницы всегда нѣсколько кпризны. Большая нецѣпность, что меня лишила всякаго контроля надъ ея состояніемъ. Ну, ступайте, а потомъ опять приходите поговорить со мною, Я полагаю, что вы скоро опять уѣдете за границу?

— Нѣтъ, я хочу уже остаться въ Англіи; но о моихъ планахъ и надеждахъ поговоримъ когда-нибудь послѣ.

Съ этими словами Люмліи спокойно пошелъ къ Флоренсѣ. Было что-то особенно замѣчательное въ изящномъ, но выѣстѣ съ тѣмъ простомъ обращеніи Ферерса. Тонкія, но выразительныя черты лица его, коротко подстриженные волосы, высклнй лобъ, самая простая одежда, ровность характера и ирская самоувѣренность составляли разительную противоположность съ театральною наружностью Итальянца, взглядъ котораго он оставивилъ. Флоренса взглянула на него, какъ бы удивляясь его приближенію.

— А, вы не узнаете меня! сказалъ Люмліи шутивымъ тономъ. Невѣрная Имогена, послѣ всѣхъ твоихъ клятвъ въ постоянствѣ, взгляни на своего Алонзо! Неужели вы забыли какъ мы сиживали на свѣжемъ дернѣ, и вы дрожали, слушая мои рассказы объ этомъ истинномъ прорѣшествіи?

— Ахъ! вскричала Флоренса: это вы, кузень, милый Люмліи! Сколько вѣковъ не видались мы!

— Не говорите о вѣкахъ.... это слово непріятно звучитъ ушахъ человека моихъ лѣтъ. Извините, синьоръ, если я покою васъ.

Тутъ Люмліи, сдѣлавъ довольно низкій поклонъ, спокойно сѣлъ на мѣсто Кастручіо, который всталъ, какъ бы не-хотя, и казался разстроеннымъ; но Флоренса уже забыла его, восхищенная свиданіемъ съ Люмліемъ. Чезарини удался съ довольнымъ видомъ, и сѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи.

— Наконецъ и я возвратился, продолжалъ Люмліи: в нахо-
ду васъ совершенною красавицею и кокеткою по ремеслу. Не
красівѣте!

— Неужели меня называютъ кокеткою?

— О да, и въ этомъ случаѣ свѣтъ правъ.

— Можетъ-быть, я заслужила этотъ упрекъ. О! Люмліи,
я презираю все, что вижу и слышу!

— Какъ! даже герцога ***?

— Да, мнѣ кажется, что и герцогъ *** не составляетъ исклю-
ченія.

— Вашъ батюшка страшно разсердился бы, еслибъ слышалъ,
что вы сейчасъ сказали.

— Батюшка!... бѣдный батюшка!... да, онъ думаетъ, что я,
Флоренса Лиссельсъ, создана не для чего инаго, какъ носить
герцогскую корону и давать самыя блестящія балы въ Лондонѣ.

— А позвольте узнать, для чего создана Флоренса Лис-
сельсъ?

— Ахъ! я не могу отвѣчать на этотъ вопросъ. Я боюсь не-
довольства и презрѣнія.

— Вы загадка.... но я возьму на себя трудъ, и не успокоюсь
до тѣхъ-поръ, пока не разгадаю васъ.

— Я разсержусь на васъ.

— Благодарю васъ.... лучше гнѣвъ, нежели презрѣніе.

— О! вамъ нужно было бы совершенно измѣниться, чтобы я
могла презирать васъ.

— Право?... но что вы помните объ мнѣ?

— Я помню, вы были всегда откровенны, смѣлы и смѣ-
лостно, я полагаю чистосердечны; что вы разстались съ нѣ-
которыми родными, презирая двуличность искусственной жизни.
О, нѣтъ! я не могу презирать васъ.

Люмліи посмотрѣлъ пристально въ глаза Флоренсы. Онъ
смотрѣлъ на нее долго и страстно.... в честолюбивыя надежды
пробудившись въ душѣ его.

— Я вижу, прекрасная кузина, сказалъ онъ совершенно дру-

гимъ противъ прежняго тономъ: что въ направленіи умовъ нашихъ есть нѣкоторое сходство, и я очень радъ, что вы не выйдя, по возвращеніи моемъ въ дѣловую Англію, подаете голову въ пользу моихъ новыхъ напѣреній!

— А въ чемъ заключаются эти напѣренія?...

— Въ энергическомъ честолюбіи Англичанина.

— Увы, честолюбіе! Сколько фальшивыхъ копій было сделано съ этого оригинала!

Люмліи подумалъ, что нашелъ ключъ къ сердцу своей прекрасной кузины, и потому распространился объ этомъ предметѣ съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Флоренса слушала его внимательно, но безъ сочувствія. Люмліи обманулся. Не такъ честолюбіе могло привлечь сердце возвышенной, хотя мечтательной идеалистки. Эгонизмъ проглядывалъ во всѣхъ чувствахъ которыхъ, по мнѣнію Люмліи, должны были показаться молодому дѣвушкѣ самыми возвышенными и благородными. Мѣста, властичины казались предметами, слишкомъ обыкновенными для той которая ежедневно видѣла ихъ у ногъ своихъ.

Герцогъ "..., стоя въ нѣкоторомъ разстояніи, продолжалъ въ временахъ устремлять на Флоренсу свои холодные взоры. Она нравилась ему, не смотря на то, что обошлась съ нимъ сурово. Онъ имѣлъ благородное сердце и могъ понимать ее. Наконецъ онъ уѣхалъ, думая о Флоренсѣ серьезно.

Изъ другаго угла той же самой залы Кастрюччіо Чезарини голова котораго наполнилась болѣе дерзкими и тщеславными мечтами, поглядывалъ также на прекрасное чело богатой слѣдницы.

— О! въ ней есть душа, думалъ онъ: у ней достанетъ духу презрѣть высокое званіе и отдать справедливость гениальному таланту! Какое торжество надъ де-Монтенемъ, надъ Мальтревсомъ, палъ всѣмъ свѣтомъ, если я, никѣмъ незамѣчаемый поэтъ, получу руку той, о которой самые могущественные и гваты Англій вздыхаютъ понапрасну!

И хотя, по мнѣнію Чезарини, виды его были совершенно пусты и безкорыстны, однако же богатство и знатное происхожденіе Флоренсы нравились ему всего болѣе.

Люмліи же, находясь, можетъ-быть, ближе того и другаго цѣли, но еще слишкомъ далеко отъ ея настоящаго достиженія продолжалъ разговаривать съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и сверкающими глазами; тогда какъ холодное сердце подсказывало ему каждое слово и рассчитывало каждый взглядъ, блистате-

ный путь къ счастью и богатству рисовался уже въ его воображеніи, потому-что самые свѣтскіе люди бываютъ иногда самые сильные мечтатели. А Флоренса Лассальсъ, оставшись одна въ своей уединенной комнатѣ, когда толпа гостей разошлась во дворъ, забыла всѣхъ трехъ, и предалась своимъ дѣйствительнымъ мечтамъ; большое ея воображеніе, столь свойственное людямъ, которымъ судьба постоянно улыбается, начало рисовать идеальнѣйшій образъ того, кого она могла бы любить!

IV.

«О! если бы можно было читать въ моемъ сердцѣ, сколько тысячъ томовъ напечаталось бы съ этой нескончаемой рукописи».

Графъ Стерлинъ.

Эрнестъ Мальтраверсъ достигъ самой высшей степени извѣстности. Сочиненіе, которое, по его мнѣнію, должно было или прославить, или убить его, имѣло болѣе блистательный успѣхъ, нежели всѣ прежніе, изданные имъ на судъ публики. Разумѣется, случай способствовалъ успѣху также много, какъ и доверенность сочиненія, какъ это обыкновенно происходитъ со всѣми твореніями, которыя въ самое короткое время становятся модными. Мы можемъ быть изъ всей ночи тяжелымъ молодымъ человекомъ по суду, съ намѣреніемъ открыть его, но все бываетъ безопасно, тогда какъ въ другой разъ едва дотрогиваемся до нажимающей пружины, крышка открывается, и кладъ падаетъ въ наши руки!

Въ это самое время, въ цвѣтъ молодости, богатый, любимый, уважаемый, пользующійся славою, Эрнестъ Мальтраверсъ вдругъ становится опасно. Болѣзнь его была не что иное, какъ сильное расстройство нервовъ и совершенное истощеніе силъ. Можетъ-быть, сильныя занятія становились ему вредны. Въ юности

Эрнестъ былъ дѣятеленъ, какъ охотникъ на верблюдовъ, въ престанная подвижность тѣла какъ бы подавляла дѣйствія ваго и безпокойнаго ума. Но переходъ отъ атлетической сидячей жизни, безпрестанное напряженіе мозга, страсть наукамъ, въ которыя были погружены всѣ его умственныя способности, сдѣлали страшное потрясеніе въ комплекціи, которую природа одарила необыкновенною силою. Бѣдный авторъ Какъ мало людей понимаютъ, извиняютъ и жалѣютъ его! Онъ мѣняетъ свое здоровье, свою молодость на неблагодарное ремесло, а неблагодарный свѣтъ требуетъ отъ него, чтобы онъ былъ всегда одинаково веселъ и забавенъ, какъ-будто онъ постоянно слѣдуетъ пріятному и полезному правилу, которое предписываетъ удовольствіе, чтобы сгладить морщины ума, или изобрѣтастъ медицина для укрѣпленія нервовъ. Кроме всего этого, была еще другая причина, которая дѣйствовала разстройству здоровья прославившагося автора. Сердце его было слишкомъ одиноко. Онъ не имѣлъ ни одного истиннаго друга, кому могъ бы иногда перелить всю свою душу. Знакомство и пріатели свѣта развлекали его на минуту, не имѣли довольно силы ни утѣшить, ни успокоить его. Клеменсъ жилъ по большей части въ деревнѣ; природа одарила его слишкомъ спокойнымъ умомъ, и онъ былъ слишкомъ суровъ Эрнесту, такъ, что не-смотря на постоянную дружбу и между ними не могли существовать тотъ ежеминутный обменъ довѣренности и то сочувствіе, которыя составляютъ какъ бы душу людей, одаренныхъ высокими чувствами. Съ братомъ Эрнестъ видался рѣдко, (какъ читатели могутъ догадываться уже потому, что онъ не былъ до-сихъ-поръ представителемъ по всей формѣ). Полковникъ Мальтраверсъ, самый веселый и самый красивый мужчина своего времени, женился на знатной и богатой дѣвушкѣ, жилъ по большей части въ Парижѣ, и сѣзжалъ въ свое помѣстье только на нѣсколько недѣль, на пріохоты, съ толпою пріателей, съ которыми Эрнестъ не имѣлъ ничего общаго. Братья исправно переписывались каждыя двѣ недѣли, и видался разъ въ годъ—вотъ въ чемъ состояли ихъ отношенія. Эрнестъ Мальтраверсъ былъ одинъ въ цѣломъ мірѣ, съ холоднымъ и мучительнымъ призракомъ—славою.

Было поздно вечеромъ. Перелъ столомъ, заваленнымъ пампиками учености и мысли, сидѣлъ молодой человекъ съ блѣднымъ и изнуреннымъ лицомъ. Часы, находившіеся въ этой комнатѣ, показывали съ такою точностью каждую минуту, сообщавшую путь къ могилѣ. На лицѣ ученаго выражалось тоска

во ожиданіе; отъ времени до времени онъ взглядывалъ на часы и что-то бормоталъ про себя. Чего же ожидалъ молодой съ такою истеричіемъ? письма ли отъ любимой женщины или ласкаго посланія отъ какого-нибудь могущественнаго лица въ мірѣ учености и искусства? Нѣтъ, слава уступила мѣсто растрепанному здоровью. Эрнестъ Мальтраверсъ ожидалъ доктора, котораго онъ, тревожимый одною мыслью, рѣшился потревожить въ такой поздній часъ ночи. Наконецъ раздался хорошо знакомый стукъ, и черезъ нѣсколько секундъ въ комнату вошелъ докторъ. Онъ былъ въ особенности хорошо знакомъ съ психологіею людей, предавшихся умственнымъ занятіямъ, и прожилъ столько же своимъ прекраснымъ сердцемъ, сколько и испугалъ своего дѣла.

— Любезный мистеръ Мальтраверсъ, что съ вами? какъ вы себя чувствуете?.. Надѣюсь, нѣтъ ничего особеннаго; болѣзнь не должна была возобновиться... Пульсъ слабъ и неровенъ, правды... но лихорадки нѣтъ. У васъ нервы расстроены.

— Докторъ, сказалъ литераторъ: я просилъ васъ пожаловать въ такой поздній часъ не изъ пустаго страха, или сумасброднаго припадка больного. Нѣтъ! но сегодня утромъ, когда я васъ взглянулъ, вы проронили какъ бы нечаянно нѣсколько словъ, которыя съ-тѣхъ-поръ не выходятъ у меня изъ головы. Многое, и даже совѣсть повелѣваетъ мнѣ позаботиться, не теряя времени, повисать отъ точнаго знанія моего настоящаго положенія, для я хорошо понимаю васъ, мнѣ недолго остается жить... что же?

— По истинѣ, сказалъ докторъ, отворачиваясь: вы преувеличили смыслъ словъ моихъ. Я не сказалъ, что вы находитесь въ опасности, вы выражаетесь технически, въ опасности.

— Стало-быть, вы полагаете, что я проживу еще долго?

Докторъ началъ кашлять.

— На это тоже нельзя отвѣчать положительно, другъ мой, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Будьте со мною откровенны. Планы жизни должны быть основаны на вѣрномъ и здоровомъ вычетѣ ея долговѣчности. Не считайте меня слабудушнымъ трусомъ, который съ ужасомъ испугается отъ бездны, дойдя до нея безсознательно. Прошу... умоляю васъ... даже требую отъ васъ, объяснитесь.

Было что-то торжественное въ голосѣ и движеніяхъ больнаго, что тронуло до глубины души добраго доктора.

— Я буду отвѣчать вамъ откровенно, сказалъ онъ: вы измѣряете ваши нервы и мозгъ чрезвычайнымъ трудомъ. Если вы дадите имъ отдыха, то за разстройствомъ нервовъ послѣдуетъ положительная болѣзнь и преждевременная смерть. Вы должны совершенно оставить литературныя занятія на нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ-быть и на нѣсколько лѣтъ. Подумайте, разужъ это такой тяжелый приговоръ? Вы молоды, богаты, веселитесь, пока можете!

Мальтраверсъ, казалось, былъ доволенъ отвѣтомъ... перемѣнилъ разговоръ... и нѣсколько минутъ говорилъ очень свободно, совершенно о другихъ предметахъ, и только по отъѣздѣ доктора далъ полную свободу мыслямъ, которыя жгли мозгъ его.

— О! вскричалъ онъ громкимъ голосомъ, вставъ съ своего мѣста, и начавъ ходить быстрыми шагами по комнатѣ: теперь, когда я вижу передъ собою такой широкой и свѣтлый путь, меня принуждаютъ остановиться и обратиться назадъ. Обширное царство раскрывается моимъ взорамъ, въ душахъ людей, котораго само время не въ состояніи разрушить, а смеетъ идти со мною рядомъ, и ея костлявая рука тянетъ меня назадъ къ ничтожеству.....

Онъ остановился подлѣ окна, отворилъ его, и высунулся изъ него, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Небо было чистое, воздухъ тихъ; звѣзды начинали блѣднѣть передъ наступленіемъ прозрачнаго, но холоднаго утра; улицы, еще недавно наполнены народомъ, стремящимся то къ работамъ, то къ праздничнымъ удовольствіямъ, были пусты и безмолвны. Все спало, крѣпко природы.

— О! звѣзды, шепталъ Мальтраверсъ, и слова его, казалось, выходили прямо изъ глубины его сердца: еслибы я былъ чувствителенъ къ величественной красотѣ вашей... еслибы небо и земля были для меня не что иное, какъ воздухъ и песокъ и глина, еслибы я принадлежалъ къ числу бессмысленныхъ и близорукихъ людей, я могъ бы жить долго, и со временемъ могъ бы отъ преклонности лѣтъ, проведенныхъ безъ пользы. Жизнь моя сокращается и корчится, какъ свернутый листъ бумаги, потому только, что я стремился къ великимъ цѣлямъ бессмертнаго существа! Прочь мрачныя мысли; я не хочу думать этихъ внушеній слабой плоти, и ставить жизнь дорѣзанныхъ высокаихъ цѣлей, для которыхъ я желалъ бы жить. Борьба моя сдѣлалась: слава убѣдительнѣе могилы.

Онъ съ восторженіемъ отошелъ отъ окна. Глаза его горели, грудь вздымалась. Онъ горлою по тушью прошелъ по комнатамъ. Въ расчеты благоразумія, которыми онъ отъ времени до времени старался превратить пылкаго человѣка въ скромную послушную машину, рухнули передъ бурнымъ и стремительнымъ вихоромъ страстей, которыя овладѣли его душою. Скажите челоѣку, когда онъ стоитъ на высотѣ самыхъ блестящихъ успѣховъ, что онъ носить въ себѣ зародышъ смерти, и что можетъ быть ужаснѣе того кризиса мыслей, который послѣдуетъ изъ этого извѣщеніемъ!

Мальтраверсъ, какъ мы видѣли, мало заботился о славѣ, по славѣ не далась ему сама; тутъ на каждомъ шагу начинали вставать новыя преграды. Каждое новое предположеніе бросало свѣтъ на новую истину, которая требовала новыхъ усилій и доказательствъ. Соперничество и соревнованіе горячили его и держали въ постоянномъ напряженіи всѣ его умственныя способности. Онъ шелъ, шелъ, не останавливаясь, подталкиваемый насмѣшками враговъ, а еще болѣе похвалами друзей, и жажда славы сдѣлалась потребностью его жизни. Когда выступалъ на какое-нибудь поприще, что можетъ остановить его, промѣ смерти? Гдѣ предѣлъ этому честолюбію, которое подобно баснословной птицѣ востока, которая, кажется, всегда летитъ, и никогда не опускается на землю? Слава наша не упрощается до нашей смерти; тѣни нашихъ прошлыхъ дѣяній слѣдуютъ намъ, какъ привидѣнія, чтобы показать намъ, что мы должны еще сдѣлать, и не даютъ намъ покоя, если мы не хотимъ остановиться, или сдѣлаемъ что-нибудь не столь совершенное, какъ прежде. Остановиться, значитъ предать себя бездѣлю, значитъ истребить полотно, сотканное нами въ продолженіе нашей жизни, и надъ которымъ мы должны трудиться, и которая не сокроетъ прахъ нашъ, а человечество увидитъ, что уже будетъ слишкомъ поздно, нами заслуги и задолжки, и соперниковъ, и измѣритъ насъ не по худшему, а по лучшему и успѣшнѣйшему изъ нашихъ твореній. О! какое мучительное чувство безсилія овладѣваетъ нами, когда мы начинаемъ замѣчать, что тѣло не выноситъ силы ума, что рука не можетъ исполнить того, чего жаждетъ душа, дѣятельная по-прежнему; что жизнь душа, полная силы, прикована къ мертвому тѣлу; что мысли, свѣжія, текуція богатыхъ, золотыхъ каменьями, а нервы разстроены, тѣло разбито болѣзнію, глаза чинуются, а духъ, стремящійся къ небу, соединяется съ тяжкими

сознавшимъ, что ему не вырваться изъ темницы, которая должна служить ему могилею!

Мальтраверсъ наконецъ остановился и бросился на софу изнеможенный, унычтоженный. Невольно, почти безсознательно и какъ бы по инстинкту, стараясь отвлечь себя отъ этихъ безполезныхъ и раздражающихъ душу волненій, онъ началъ разбирать письма, которыя уже нѣсколько часовъ лежали на столѣ распечатанныя. Каждое письмо, которое онъ распечатывалъ и пробѣгалъ, казалось насмѣшкою надъ его настоящимъ состояніемъ, потому что каждое свидѣтельствовало о его предпологаемомъ счастьи. Нѣкоторыя выражали глубокое сочувствіе высокихъ представителей учености; въ одномъ предлагали ему вступить на блестящемъ поприщѣ общественной службы; другое (и это было отъ Кливеленда) было наполнено восторженными похвалами предсказателя, котораго предсказанія наконецъ сбылись отъ слова до слова. Читая это письмо, Мальтраверсъ тяжело вздохнулъ и остановился въ нѣкоторомъ размышленіи прежде чѣмъ перешелъ къ другимъ. Самое послѣднее, которое онъ распечаталъ, было написано совершенно незнакомою рукою и безъ подписи. Мальтраверсъ, какъ и всѣ извѣстные диктаторы, часто получалъ безименныя письма, наполненные похвалами или строгою критикою, совѣтами или убѣжденіями по большей частіи отъ молоденькихъ паціонерокъ или отъ стирыхъ провинціальныхъ дѣвицъ. Но самыя первыя фразы этого письма, которое онъ развернулъ съ такою небрежностью обратили на себя его вниманіе. Оно было написано мелкою но красивымъ почеркомъ, и въ буквахъ его было гораздо больше отчетливости и смѣлости, чѣмъ обыкновенно встрѣчается въ женской каллиграфіи.

«Врѣность Мальтраверсъ, поняли ли вы себя? (такъ начиналась это странное похваліе). Сознали ли вы вполне свои способности? Чувствуете ли вы, что есть слава болѣе приложительная и болѣе ослѣпительная, чѣмъ та, которою вы, какъ теперь довольствуетесь? Вамъ ли, проинкинутому въ махѣише вѣтъ бы человеческого сердца и изучившему природу будто самоувеличительное стекло, вамъ ли, чьи помыслы защищаютъ истину подобно свѣлой, непобѣдимой арміи безъ малѣйшаго пятна на блестящемъ оружіи, вамъ ли въ ваши лѣта и отъ вашихъ способностей зарыться въ книги и манускрипты? Развѣ вы забыли, что жизнь дѣйствія есть великое поприще, достоинство людей, которые мыслить, какъ вы? Неужели извѣшаваніи

словъ, рисованіе перомъ бездушныхъ, ничего невыражающихъ картинъ, голыя одобренія педантовъ и бессмысленныя похвалы прядной литературной братіи, могутъ удовлетворить вѣщныя порывы вашего честолюбія? Вы созданы не для одной кабинетной работы. Грезы Пиндуса и Аовіанскихъ дѣвъ несвойственны вѣщному возрасту. Въ васъ слишкомъ много положительности, то быть единственно поэтомъ, и слишкомъ много поэзіи, тобы поддаться мрачной и безцвѣтной жизни ученаго. Я никогда не видала васъ, однакоже знаю васъ... читаю душу вашу въ вашихъ сочиненіяхъ. Стремленіе ко всему великому и блистательному, выражающееся во всѣхъ вашихъ страстныхъ изложеніяхъ о самомъ себѣ и о другихъ, не можетъ довольствоваться ничемъ идеальными призраками. Для васъ недостаточно, по крайней части поэтовъ и историковъ, сдѣлаться великимъ, посредствомъ одного описанія великихъ людей, изображенія великихъ событій и великой эпохи. Не лучше ли вамъ быть истиннымъ поэтомъ, что вы создаете своимъ воображеніемъ и разсказываете? Проснитесь, Мальтраверсъ, проснитесь! Загляните въ ваше собственное сердце, и поймите ваше настоящее назначеніе. А кто изъ васъ, говорящая съ вами такимъ образомъ? Женщина, которой душа наполнена вами! Женщина, въ которой ваше краснорѣчіе, ваша сила и пустоты общества, пробудило сознаніе новой жизни. Женщина, которая желала бы сдѣлать васъ самихъ воплощеніемъ идеаломъ вашихъ собственныхъ мыслей и мечтаній, и которая не просила бы для себя на землѣ другой доли, какъ только слѣдовать за вами на пути славы очами своего сердца. Не перетолковывайте мои чувства; повторяю вамъ, я никогда васъ не видала и не желаю видѣть; вы, можетъ-быть, совсѣмъ не такой, какимъ создало васъ мое воображеніе, и тогда я утратила бы кумирь, которому поклоняюсь.. Вотъ видите ли, я была мечтательница, и потому хочу поклоняться духу, а не телесному существу, подобному мнѣ самой. Вы, можетъ-быть, думаете, что я имѣю какіе-нибудь корыстные виды... нѣтъ, мое воображеніе мысли подстрекать ваше тщесловіе... и мнѣ кажется, что этимъ письмомъ можно гордиться, не красясь. Ахъ! желаніе, пронстекающее не изъ чистаго источника чувства, приводитъ только тоску и отвращеніе! На мою долю также досталась частица людскихъ похвалъ, но онѣ дали мнѣ только сильнѣе почувствовать мое одиночество. Я гораздо богаче... Я молода... и какъ другіе говорятъ, очень красива собой. Но ни богатство, ни молодость, ни красота не доставляютъ мнѣ того невыразимаго и глубокаго счастья, которое

я ощущаю, думая о васъ. Это такая дань удивленія, которую, повторяю вамъ еще разъ, могли бы возгордиться да вы. Помните эти слова, умоляю васъ. Будьте достойны мыслей моихъ, но того образа, въ которомъ онѣ представляю васъ, и каждый лучъ славы, который освѣтитъ васъ, освѣтитъ и мой путь и вдохновитъ дружескимъ соревнованіемъ. Прощайте. Я, можетъ-быть, буду писать къ вамъ еще, но вы не когда не узнаете, кто я; а въ жизни я молю объ одномъ, чтобы намъ никогда не встрѣтиться.»

V.

— Ума не приложу, говорилъ кто-то въ толпѣ молодыхъ людей, стоявшихъ на ступеняхъ клуба, находящагося въ Сен-Джемской улицѣ: ума не приложу, что сдѣлалось съ Малъверсомъ. Посмотрите, вотъ онъ идетъ по той сторонѣ улицы замѣтите, какъ онъ перемѣнился? Идетъ, сгорбившись, какъ старикъ, и почти не поднимаетъ глазъ отъ земли. Онъ, развѣется, или боленъ, или чѣмъ-нибудь огорченъ.

— Вѣрно сочиняетъ какую-нибудь книгу.

— Или тайно женился.

— Или разбогатѣлъ; богатые люди почти всѣ кажутся несчастливыми.

— А, Феррерсъ, какъ поживаете?

— Хорошо! хорошо! Чтò новенькаго? отвѣчалъ Люмліи.

— Раттлеръ проигралъ пари.

— Нѣтъ, въ политическомъ мѣрѣ?

— Провались она политика!... Ужъ не сдѣлались ли въ политикомъ?

— Въ мои лѣта... чтò же остается еще дѣлать?

— Я таки подумалъ объ этомъ, глядя на вашу шляпу; политики щеголяютъ въ какихъ-то необыкновенныхъ шляпахъ это странно, но это первый признакъ этой болѣзни.

— У меня необыкновенная шляпа? сказалъ Феррерсъ, снявъ съ головы шляпу и разсматривая ее съ большимъ вниманіемъ.

— Да какъ же, выдалъ ли кто-нибудь такіа поля?

— Очень радъ, что вы такъ думаете.

— Почему, Феррерсъ?

— Потому-что въ нашемъ отечествѣ благоразуміе повелѣ-
метъ каждому изъ насъ предать какую-нибудь частицу цѣлаго
общему посмѣянію. И такъ если люди могутъ смѣяться надъ
вашею шляпою, вашимъ экипажемъ, формою вашего носа, или
выдакою на щекѣ, то, безъ сомнѣнія, оставятъ въ покоѣ
всѣ предметы гораздо важнѣйшихъ. Это мудрость погон-
щика верблюдовъ, который бросаетъ въ ноги разъяренному
льву свой кафтанъ, чтобы онъ не растерзалъ его самого.

— Вы всегда забавны, Феррерсъ! Я пойду читать газеты,
ды?

— Я пойду съ визитами, и буду радоваться моей необыкно-
венной шляпѣ!

— *Ah bravo!*... Да кстати, другъ вашъ Мальтраверсъ сейчасъ
пошелъ, такой пасмурный и бормочетъ что-то про себя! Что
съ нимъ такое случилось?

— Можетъ-быть беспокоится о томъ, что у него нѣтъ такой
необыкновенной шляпы какъ у меня, чтобы молодымъ лю-
дямъ, какъ вы, можно было смѣяться надъ нею, и оставить
въ покоѣ его самого. До свиданія.

Феррерсъ пошелъ далѣе, и вскорѣ очутился въ паркѣ. Тутъ
его нагналъ мистеръ Темпльтонъ.

— Ну, Люмліи, сказалъ послѣдній, (тутъ надобно замѣтить,
что мистеръ Темпльтонъ съ нѣкотораго времени сталъ обра-
щаться съ своимъ племянникомъ съ уваженіемъ, котораго пре-
жде не считалъ нужнымъ выказывать): ну, Люмліи, видѣлся
ли ты съ лордомъ Саксингемомъ?

— Видѣлся, серъ, и съ вприскорбіемъ долженъ сказать...

— Я такъ и думалъ, я такъ и думалъ, перебилъ мистеръ
Темпльтонъ.—Какая благодарность въ людяхъ, которые стоятъ
высоко... что имъ за охота награждать добродѣтель!

— Совсѣмъ не то, серъ. Лордъ Саксингемъ сказалъ, что по-
считалъ бы себя за особенное удовольствіе содѣйствовать за-

шимъ видамъ, и не знаетъ человѣка, который былъ бы дѣстой вѣе васъ получать званіе пера, но...

— О, да; всегда это но!

— Но что въ настоящее время столько претендентовъ на это званіе, что невозможно удовлетворить всѣхъ; а... а... но мнѣ кажется, я не долженъ договаривать!

— Продолжайте, серъ, прошу васъ.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ сказать все откровенно. Лордъ Саксингемъ принимаетъ живое участіе въ выгодахъ своихъ родныхъ. Ваша женитба, милый дядюшка, которая дѣлала мнѣ истинное удовольствіе, уничтожила всякую вѣрность, чтобы ваше состояніе и титуло, если вы его достигнете, перешли къ...

— Къ тебѣ! подхватилъ сухо Темпльтонъ!—Твой родственникъ, кажется, впервые только понялъ, что онъ долженъ принимать въ тебѣ живое участіе.

— Обо мнѣ лично, серъ, мой родственникъ не заботится ни на волосъ, но онъ очень хлопочетъ, чтобы каждый членъ его фамиліи былъ богатъ, и занималъ высокое положеніе въ свѣтѣ. Это увеличиваетъ число и силу его связей, а лордъ Саксингемъ только и держится на своемъ почетномъ мѣстѣ связи ми. Однимъ словомъ, надобно сказать вамъ откровенно, что лордъ Саксингемъ не тронется съ мѣста по этому дѣлу, потому что не видитъ изъ него никакой пользы ни для своего родственника, ни для собственнаго своего дома.

— А заслуги! вскричалъ Темпльтонъ.

— Заслуга, любезный дядюшка, женскаго рода, а вы сами знаете, женщина прекрасна, пока держитъ себя скромно, а какъ только начнетъ подкрашивать свои достоинства, то ужъ вѣкуда не годится.

— Фу! проворчалъ Темпльтонъ; онъ былъ взбѣшенъ до крайности, и потому не могъ прочесть своему племяннику правоученія, которое онъ не преминулъ бы сдѣлать въ другое время за неумѣстное срабненіе. Мистеръ Темпльтонъ былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ чрезвычайно оскорбляло, когда кто называлъ вещи настоящимъ ихъ именемъ.

— Нѣтъ ли у мистрисъ Темпльтонъ родственниковъ или хорошихъ знакомыхъ, которые могли бы вамъ быть полезны въ этомъ дѣлѣ?

— Нетъ, серж! вѣрнѣе для громовымъ голосомъ.

— Очень жаль!... Но нельзя же требовать всего; вы женились по любви; наслаждаетесь семейнымъ счастьемъ, имѣете прелестную жену... это лучше всякихъ почестей и жены знатаго происхожденія.

— Мистеръ Люмлей Феррерсъ, вы можете избавить меня отъ этихъ утѣшеній. Моя жена...

— Любить васъ истинно, я въ этомъ увѣрен! сказалъ неурядный племянникъ.—Въ ней такъ много чувства, она такъ любитъ поэзію. О! да, она не можетъ не любить того, кто такъ много для нея сдѣлалъ.

— Много сдѣлалъ... что ты хочешь этимъ выразить?

— Какъ что? Съ вашимъ богатствомъ... съ вашимъ положеніемъ въ свѣтѣ... и вашимъ честолюбіемъ вы могли бы составить блестящую партію; мало того, оставаясь вдовцомъ, вы могли бы примириться съ моею корыстолюбивою роднею. А... вы женились на женщинѣ невѣстной, безъ связей; что еще вы могли сдѣлать для нея?

— Хорошо, хорошо, ты еще не знаешь всего!...

Тутъ Темпльтонъ вдругъ остановился, какъ бы опомнившись, что сказалъ уже слишкомъ много, нахмурилъ брови, и послѣ втораго молчанія продолжалъ:

— Да, Люмлей, я женился, это правда! Ты, можетъ-быть, уже не будешь моимъ наследникомъ, но я вознагражу тебя за эту потерю, если ты только будешь заслуживать мое расположеніе.

— Любезный дядя...

— Не прерывай меня. У меня есть виды на тебя. Я желаю бы, чтобы мы могли дѣйствовать за-одно. Титуло еще можетъ перейти къ тебѣ. У меня, можетъ-быть, и не будетъ потомства мужескаго пола... а между прочимъ я позволяю тебѣ дать на меня векселя, только не на безразсудную сумму... молодымъ людямъ нужны деньги... только будь благоразуменъ... если хочешь выйти въ люди, то не дай людямъ замѣтить, что ты бѣденъ. Теперь, прощай!

— Благодарю васъ отъ искренняго сердца.

— Полно! постарайся еще какъ-нибудь завести рѣчь объ этомъ съ лордомъ Саксингемомъ; я хочу, я непременно должна имѣть эту почесть, она задѣла меня за-живое.

Говоря это, Темпльтонъ нахнулъ шляпшю рукою, и задумавъ продолжать свой путь до угла Гайд-парка, гдѣ ожидалъ его экипажъ. Возвратясь домой, онъ увидѣлъ дочь свою, которая бѣжала къ нему на встрѣчу по лугу. Сердце его забилось сильнѣе; онъ велѣлъ остановиться и вышелъ изъ кареты; онъ ласкалъ ее, игралъ съ нею и смѣялся, какъ она... Однимъ словомъ, судя по обыкновенно холодному обращенію Темпльтона, никогда нельзя было бы подумать, что съ нимъ можетъ иногда происходить такая перемѣна.

— Люмій Феррерсъ человѣкъ неглупый и могъ бы сдѣлать мнѣ честь, сказалъ онъ самъ себѣ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ: но онъ, кажется, очень шаткихъ правилъ. Впрочемъ откровенность его признакъ добраго сердца!

Между тѣмъ Феррерсъ, полный надежды, направилъ свои шаги къ дому Эрнеста. Пріятеля его не было дома, но Феррерсъ никогда не нуждался въ присутствіи хозяина, чтобы быть вездѣ какъ дома. Книги были разбросаны повсюду, и Феррерсъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые читають для забавы. Онъ бросился въ покойныя кресла, и началъ задумывать новые планы честолюбія и натригъ. Наконецъ дверь отворилась и въ нее вошелъ Мальтраверсъ.

— Что съ вами, Эрнестъ, какъ вы перемѣнились!

— Я былъ очень боленъ, но теперь выздоравливаю. Такъ какъ медики обыкновенно предписываютъ больнымъ перемѣну воздуха, то я хочу перемѣнить образъ жизни. Дѣятельность мнѣ необходима, она для меня первое условіе жизни; а съ книгами я долженъ на время разстаться. Вы видите меня въ новой роли.

— Какъ?

— Да въ роли должностнаго человѣка... Я вступилъ въ парламентъ.

— Вы удаляете меня!... Я сегодня еще утромъ читалъ газеты, и не видѣлъ ни одной ваканціи, а еще менѣе объявленій объ избраніи.

— Это все устроено стряпчимъ и банкротомъ. Въ другихъ словахъ, я засѣдаю не по избраніямъ.

— Стало-быть, не знаете цытки избираемыхъ. Поздравляю васъ и вмѣстѣ съ тѣмъ завидую вамъ. Я также желалъ бы поступать въ парламентъ.

— Вы! я никогда не полагалъ бы, чтобы васъ постигла не-

инициатива. Мнѣ кажется, прежде вы не такъ думали; я считалъ васъ полу-бентамистомъ, по вашимъ доводамъ: наибольшая доля наибольшаго числа.

— Говоря серьезно, какъ можете вы смѣшивать правило инѣннн съ правиломъ дѣйствнл. Я бентамистъ и беневолистъ и что вамъ угодно, какъ логикъ, а какъ скоро выхожу изъ своего кабинета и являюсь въ свѣтъ, то предоставляю умуствованнмъ другимъ, и дѣйствую самъ за себя.

— Признанне искренно, если не совсѣмъ благоразумно.

— Будьте откровенны на словахъ, и никто не будетъ подомннть лицемѣрнл въ вашихъ намѣреннлхъ.

Мальтраверсъ посмотрѣлъ пристально на Феррерса. Тутъ только онъ почувствовалъ почти въ первый разъ, что Феррерсъ изъ тѣхъ людей, которые успѣваютъ въ свѣтъ, и вздохнулъ... вѣроятно изъ любви къ свѣту!

Друзья еще разговаривали нѣсколько минутъ о разныхъ предметахъ, когда доложили о прнѣздѣ Кливеленда; Феррерсъ, не успѣвъ извлечь изъ Кливеленда никакой для себя пользы, тотчасъ же удалился. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ дорожить своимъ временемъ.

— Милый Эрнестъ, сказалъ Кливелендъ, когда они остались одни: какъ я радъ видѣть тебя, чтобы порадоваться съ тобою ннѣтъ расширенню твоей сферы дѣятельности на пользу ближняго.

— На пользу ближняго... ахъ! желалъ бы я, чтобы это было такъ! Жизнь такъ неопредѣленна, такъ коротка, что мы иногда, какъ не спнншимъ, а все-таки не успѣваемъ принести лепту въ великую массу прекраснаго и благаго, а они то и составляютъ полезное. Но на политическомъ поприщѣ и при такомъ искусственномъ развитнмъ дѣлъ, какнл сомнѣннл, какой мракъ окружаютъ насъ! А что можетъ сдѣлать одинъ человекъ, котораго способности могутъ быть бездѣйственны на этомъ трудномъ пути.

— Онъ можетъ сдѣлать многое, даже безъ дара краснорѣчнл и безъ особенныхъ усилнл; онъ можетъ сдѣлать многое, если представить собою, среди толпы эгонстическихъ честолюбцевъ, дннѣръ честнаго и безпристрастнаго человека. Онъ сдѣлаетъ еще болѣе какъ представитель литературы, которая до сихъ поръ не имѣла никогда представителей, если сумѣетъ доказать, что

отелеченныя мышленія неразъединены отъ практическаго умѣна и поддержать славу безкорыстія, которая должна принадлежатъ ученымъ. Но нравственная цѣль науки заключается не въ одно пользѣ ближняго, а въ возможномъ совершенствованіи самого себя. Ты распространяешь свое знаніе человѣческихъ побужденій и все, что ты прибавишь къ прежней своей мудрости, равно раскроется и принесетъ пользу, проявится ли оно въ книгахъ или въ дѣйствіи. Но довольно объ этомъ, мой милый Эрнестъ! Я пришелъ отобѣдать съ тобою, а вечеромъ повести тебя въ одинъ домъ, гдѣ очень желаютъ съ тобою познакомиться, и гдѣ надѣюсь, и тебѣ будетъ не скучно. Безъ отговорокъ. Я обѣщалъ лорду Летимеру познакомить его съ тобою, а онъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, съ которыми политика поставитъ тебя въ сношенія.

И такъ разстроенное здоровье Эрнеста Мальтраверса принудило его перемѣнить образъ жизни и выступить изъ кабинета ученаго на общественную службу, тогда какъ для многихъ оно послужило бы благимъ предлогомъ къ праздности. Правдымъ оказываться онъ не могъ. Онъ справедливо говорилъ Феррерсу: чинъ дѣятельность была первымъ условіемъ его жизни. Если дѣятельность мысли съ своимъ лихорадочнымъ напряженіемъ была слишкомъ тяжелая работа для его нервовъ и мозга, то практическая и какъ бы машинальная занятія должны были успокоить его умъ и воображеніе, развивая въ то же время другія способности, дѣятельность которыхъ одушевляетъ, а не изурядитъ человѣка. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, надѣялся Мальтраверсъ. Онъ помнилъ глубокомысленныя слова, сказанныя однимъ изъ его любимыхъ нѣмецкихъ писателей: «чтобы сохранить въ совершенномъ здоровьи умъ и тѣло, необходимо съ молодыхъ лѣтъ не чуждаться дѣлъ людскихъ.» А безименная совѣтница? Имѣла ли ея увѣщанія какое-нибудь вліяніе на его рѣшеніе? Не знаю. Но когда Клифелендъ вышелъ, Мальтраверсъ открылъ свою конторку, и прочелъ снова послѣднее письмо, полученное имъ отъ незнакомки. *Послѣднее!* Да; эти посланія стали повторяться очень часто.

VI.

«.....Le brillant de votre esprit donne un si grand éclat à votre teint et à vos yeux, que quoiqu' il semble que l'esprit ne doit toucher que les oreilles, il est pourtant certain que le votre éblouit les yeux.»

Lettre de Madame de Sévig.

Въ домѣ лорда Летимера собралось нѣсколько сотъ человѣкъ, въ которыхъ рѣдко можно встрѣтить вмѣстѣ въ лондонскомъ обществѣ. Дѣла, политика и литература захватываютъ всѣхъ замѣтныхъ людей, а домамъ, открытымъ для пріемовъ, остается не больше, какъ праздную знать и сѣсивыхъ богачей. Молодые люди, жаждущіе удовольствія, въ настоящее время избѣгаютъ вечеровъ, какъ западни, приготовленной скукою. Не есть людина или двѣ домовъ, хозяева которыхъ стоятъ выше моды, и гдѣ иностранецъ можетъ видѣть подлѣ одного французъ много изъ замѣчательнѣйшихъ людей дѣятельной, мыслящей в Англіи.

Лордъ Летимеръ самъ былъ нѣкогда кабинет-министромъ. Онъ удалился отъ дѣлъ подлѣ предлогомъ разстроеннаго здоровья, но въ-самомъ-дѣлѣ потому, что бурныя пренія парламента были несродны его образованному, но лѣнивому уму, въ которомъ не было ни малѣйшей энергіи. Извѣстность и отличная поварь доставили ему уваженіе, не только собственной его партіи, но и всего лондонскаго общества; домъ его составлялъ какъ бы центръ немногочисленнаго, но отборнаго круга свѣдѣющихъ, которые пили вина Летимера, повторяли слова, сказанныя Летимеромъ, и, можетъ-быть, любили его тѣмъ болѣе, что онъ не былъ ни авторъ, ни министръ, и слѣдовательно, не могъ быть ихъ соперникомъ.

Лордъ Летимеръ принялъ Мальтраверса съ особенною внимательностью, даже съ уваженіемъ, и предложилъ ему участвовать въ собственной партіи виста, что было наилестнымъ complimentомъ уму новаго знакомаго со стороны знатнаго лорда. Когда же гость отказался отъ сдѣланной ему чести, графъ не-

редалъ его съ рукъ на руки графинѣ, какъ принадлежность женщины, а самъ тотчасъ же погрузился въ расчеты своей любимой игры.

Разговаривая съ леди Лестимеръ, Мальтраверсъ случайно поднѣлъ глаза, и увидѣлъ передъ собою молодую леди, такой замѣчательной красоты, что едва могъ удержаться отъ восклицанія, вызваннаго удивленіемъ.

— Кто эта молодая леди спросилъ онъ, приидя въ себя. — Странно, что я, являясь такъ рѣдко въ обществѣ, желаю знать имя той, которой красота, вѣроятно, прославилла уже ее повсюду.

— А, это леди Флоренса Лиссельсъ; она начала выѣзжать въ свѣтъ только съ прошлаго года. Она въ-самомъ-дѣлѣ необыкновенно хороша, но образованіе и умъ ея превосходятъ красоту. Я должна представить васъ ей!

При этомъ предложеніи какая то странная робость и какъ бы отталкивающее недовѣріе—родъ предчувствія опасности и замохватили Мальтраверса! Онъ отступилъ назадъ и прискивалъ какую-нибудь извинительную причину для отказа, но леди Лестимеръ не замѣтила его смущенія, и была уже подлѣ леди Флоренсы Лиссельсъ. Еще мгновеніе, графиня сдѣлала знакъ Мальтраверсу, чтобы онъ приблизился, и представила его. Поклонившись и сѣвъ подлѣ новой знакомой, Эрнестъ не могъ не замѣтить, что щеки ея покрылись внезапнымъ яркимъ румянцемъ, и что она пріяла его съ такимъ смущеніемъ, которое было бы свойственно дѣвицѣ, только что вывезенной въ свѣтъ, которой представили перваго льва. Это смущеніе, которое было какъ бы отголоскомъ его собственнаго замѣчательства, скорѣе разстроивало его еще болѣе, нежели льстило его самолюбію, и потому первыя фразы ихъ разговора были пронесены съ какою то непонятною неловкостью и принужденіемъ. Но въ эту самую минуту, къ удивленію, а можетъ-быть, и къ великой радости Эрнеста, къ нимъ подошелъ Люмій Феррерсъ.

— А, леди Флоренса, цалую ваши ручки... Мнѣ очень пріятно, что вы познакомились съ моимъ пріателемъ Мальтраверсомъ.

— А вы отчего такъ поздно, мистеръ Феррерсъ? спросила прекрасная Флоренса съ внезапною развязностью, которая очень удивила Мальтраверса.

— Былъ на скучномъ обѣдѣ, *voilà tout!* Другаго извиненія не имѣется.

И Феррерсъ, усѣвшись на порожній стулъ по другую сторону

леди Флоренсы, началъ говорить такъ словоохотно, какъ будто хотѣлъ одинъ завладѣть всѣмъ ея вниманіемъ.

Обращеніе Флоренсы не произвело на Эрнеста такого впечатлѣнія, какое произвела красота ея; улучивъ минуту, въ которую, повидимому, Феррерсъ наиболѣе увлекъ ее своимъ разговоромъ, онъ всталъ и спокойно удалился. Скоро вокругъ него собралось нѣсколько человѣкъ, которые толковали о вопросахъ, восторженно вставшихъ въ самой этотъ день и занимавшихъ собою все вниманіе полковниковъ; мало-по-малу занимательность предмета разсѣвела его врожденное краснорѣчіе и энергическія чувства, и говорящіе сдѣлались слушателями, число ихъ увеличилось, и Мальтраверсъ незамѣтно сдѣлался предметомъ общаго почтительнаго вниманія.

— А какого вы мнѣнія о мистерѣ Мальтраверсѣ? спросилъ Феррерсъ небрежно: оправдалъ ли онъ ваши ожиданія?

— Если Флоренса была погружена въ глубокую задумчивость, и Феррерсъ долженъ былъ повторить свой вопросъ.

— Онъ гораздо моложе, чѣмъ я думала... и... и...

— Красивѣе, вѣроятно, хотите вы сказать.

— Нѣтъ, не то! спокойнѣе, и въ немъ нѣтъ нѣсколько одушевленія.

— Въ эту минуту вы не сказали бы этого, посмотрите на него, сказалъ Феррерсъ. Видно ваша женственная бесѣда не могла возжечь Прометееву искру. Вылейте этотъ успокоительный бальзамъ на вашу оскорбленную душу.

— Ахъ, вы правы... я должна была показаться ему...

— Красавицею, безъ сомнѣнія.

— Красавицею!... я ненавижу это слово, Люмліи. Я желала бы быть дурною, и тогда, можетъ-быть, приобрѣла бы какой нибудь вѣсъ своимъ умомъ.

— Гы! сказалъ Феррерсъ значительно.

— Какъ, вы не вѣрите этому, скептикъ, сказала Флоренса, покачивая грустно головою, но вслѣдствіе тѣмъ улыбаясь.

— Кому какое дѣло, чему я вѣрю и что думаю? сказалъ Феррерсъ, стараясь принять сентиментальный тонъ: когда лорды и графы и всѣ знаменитости этого міра стараются проложить дорогу къ вашему сердцу и отбить у меня мою завидную монополию.

Въ-самомъ-дѣлѣ, между-тѣмъ какъ Феррерсъ изъяснялъ свое негодованіе, многіе изъ гостей окружили Флоренсу, и разговоръ, которому она служила полярною звѣздою, сталъ живъ и веселъ. О! какъ она была остроумна, эта неераненная Фло-

ренса! Съ такою увлекательною и сверхающею граціею спался умъ, и даже геній съ этихъ рубиновыхъ губокъ! Да! Феррерсъ, не-смотря на свою самоувѣренность, чувствуетъ валь, что его извѣженный умъ былъ тяжелъ и грубъ въ сравненіи съ умомъ его кузины, и не-хота удалится отъ острыхъ стрѣлъ небрежныхъ и обильныхъ возраженій. Въ характеръ Флоренсы Лессельсъ было много колкости, и остроуміе ея часто оскорбляло, нежели забавляло. Образованная до учености, и устрашавшая до отсутствія женственности, она приходила въ восторгъ, если могла насмѣхаться надъ неумѣствомъ и притязательностью, не разбирая, къ какому званію принадлежала жертва. Смѣхъ, возбуждаемый ею, былъ какъ молнія — вы не могли угадать, на чью голову обрушится онъ черезъ мгновеніе.

Однакоже, не-смотря на то, что Флоренса отодкивала отъ себя всѣхъ, заставляя бояться своихъ колючихъ выносокъ, ей ухаживали, льстили ей, однимъ-словомъ, она приходила въ восторгъ. Этому было двѣ причины: во-первыхъ, она была кокетка, а во-вторыхъ, богатая наследница.

Такимъ-образомъ разговаривающіе раздѣлились на двѣ главные группы, изъ которыхъ въ одной первое мѣсто занималъ Мальтраверсъ, а въ другой Флоренса. Когда первая группа разошлась, къ Эрнесту подошелъ Кливелендъ.

— Любезный Дюмліи, шепнула Флоренса, вдругъ обративши къ Феррерсу:—вашъ пріятель говоритъ объ мнѣ, а ввиду этого Подите, умоляю васъ, и передайте мнѣ потомъ все, что онъ скажетъ!

— Порученіе не очень лестное, сказалъ Феррерсъ почти доизлаю.

— Напротивъ, комиссія, выѣзжающая цѣлю удовлетворить любопытство женщины, есть самое лестное порученіе, которое можно только возложить на искуснаго дипломата.

— Хорошо, я исполню ваше приказаніе, но не считаю его особенною милостью.

И Феррерсъ пошелъ къ Кливеленду и Мальтраверсу.

— Она точно удивительно хороша.... говорилъ Мальтраверсъ.—Я никогда не видалъ совершеннѣе этой красоты; е единственная женщина, которой черты лица также классически правильны, если еще не болѣе, какъ у древнихъ греческихъ жемчужинъ.

— Такъ вотъ ваше мнѣніе о моей прекрасной кузинѣ, вскричалъ Феррерсъ. Вы попались!

— Я желалъ бы, чтобъ это такъ случилось, .сказалъ Клан-
винъ.— Эриестъ теперь въ такнхъ лѣтахъ, что пора думать
о женитьбѣ; а во всей Англіи не найдется болѣе блестящей и
сильной партіи: богата, хороша, образована и знатнаго про-
исхожденія.

— А вы что скажете на это? спросилъ Люмліи у Мальтра-
верса съ некоторымъ нетерпѣніемъ.

— Скажу, что я въ жизнь свою не видалъ ни одной женщи-
ны, которая болѣе поразила бы меня своею красотой, и кото-
рой была бы менѣе способна внушить мнѣ любовь, отыскалъ
любовь, и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты.

Феррерсъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, и пробормоталъ что то
о себѣ; потомъ отправился къ леди Флоренсѣ, которая въ
кувшину встала, чтобы отправляться домой.

— Я вижу, что батюшка шцетъ меня глазами, сказала она
люмліи подъ руку.— На этотъ разъ я предупрежу его
шцею. Пойдемте къ нему, Люмліи, я знаю, что ему нужно
сказать съ вами. Ну? продолжала Флоренса, вспыхнувъ и
почти задыхаясь, въ то время, какъ они проходили по полуопу-
щенной заламъ.

— Что прикажете, милая кузина?

— Вы бѣсите меня... что же сказалъ вашъ пріятель обо
мнѣ?

— Что вы превзошли его ожиданія своею красотой, но что
никакая красота ваша не въ его вкусъ. Мальтраверсъ влюбленъ,
вы это знаете?

— Влюбленъ!

— Да, въ хорошенькую Француженку! это настоящій романъ...
правдивость нѣсколькихъ лѣтъ.

Флоренса отвернулась и не произнесла болѣе ни одного
слова.

— Люмліи преисправный малой, сказалъ лордъ Саксингемъ: —
никогда Флоренса не доставляетъ мнѣ такого удовольствія сво-
имъ присутствіемъ, какъ въ половниѣ втораго ночи, когда по-
мѣненіе ея есть знакъ моего собственнаго успокоенія и моихъ
несчастныхъ лошадей. Кстати, Феррерсъ, я желалъ бы, чтобы
вы обѣдали у насъ въ слѣдующую субботу.

— Въ субботу, по несчастію, я далъ уже слово обѣдать у
леди.

— О! онъ славно поступилъ съ вами.

— Да.

— А мистрисъ Темпльтонъ здорова?

— Полаг ю.

— Если бы старикъ назначилъ васъ своимъ наследникомъ, мы подумали бы еще о тятѣ.

— Любезный лордъ, постойте на минутку! слышите ли одну милость, напишите нѣсколько строкъ, намекнувши слегка объ этомъ.

— Нѣтъ! писать, ни за что; письма какъ-то всегда попадаютъ въ газеты.

— Но можно вложить съ величайшею осторожностью, я тогда уже нечего бояться напечатанія, увѣрю васъ честью.

— Я подумаю объ этомъ... покойной ночи.

Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

ДИОРАМБИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ, ИЛИ ИЪСНИ ПИРОВЪ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.

Драма, — идоль древнихъ образованныхъ народовъ, — такъ возомъ себѣ право отражать всѣ мысли и чувства аттическаго народа въ зеркалѣ поэзіи, что всѣ другіе роды послѣдней были почти совершенно оставлены; для большей части они служили скорѣе минутнымъ развлеченіемъ, чѣмъ поэтическимъ изображеніемъ господствующихъ мыслей и чувствъ. Одна только *эпическая* поэзія совершенствовалась своимъ чередомъ; въ ней также отразился духъ времени; ея звуки полны извѣстнаго и *патриотическаго*. Чтобы подтвердить наше мнѣніе, рассмотримъ древніе *диорамбы*, колыбелью и родиною которыхъ исключительно — *между* всѣми городами Греціи — были Аѳины, если даже поэты были уроженцы другихъ странъ.

— *Лазарь* Герліонскій, соперникъ Симонида, учитель Пиндара, первый ввелъ свои шумные, великолѣпные диорамбы въ поэзію; при немъ уже диорамбическіе ритмы приняли это *необходимое* теченіе, которымъ славятся донынѣ. Диорамбы *его* ученика также изящны и граціозны; *Пиндаръ* оставилъ намъ прелестный отрывокъ въ честь весеннихъ аѳинскихъ *Діонисіевъ*; его *неовицескій* размахъ, — у древнихъ извѣстный подъ именемъ *прекраснаго*, весь блеститъ и благоухаетъ всеюю. Въ

немъ царствуетъ сильное, почти бурное движеніе, сильный богатый размѣръ; но все цѣлое подчинено опредѣленному закону; каждая отдѣльная часть его художественно отдѣлана.

Дионрабъ придаетъ свой характеръ съ *Мелодидомъ* Мелосскаго, внука стараго Мелонипеда, который жилъ въ оно время съ Пиндаромъ (520 лѣтъ до Рождества Христово). Младшій Мелонипедъ, жившій при македонскомъ царѣ Пердикѣ, слѣдовательно, во-время Пелопонезской-войны, былъ тотъ самый, съ котораго, по словамъ Ферекрата, началась порча музыки: — ея простота, черта древнихъ нравовъ, ея тоническій размѣръ — потеряли свой вѣсъ. Вотъ почему съ Мелонипедомъ флейщики забыты въ похвалахъ поэтовъ, какъ лица совершенно лишнія; ихъ награждаютъ только щедрые учредители торжественныхъ игръ.

За Мелонипедомъ явился *Филоксенъ* Цитерскій, сначала рабъ, потомъ ученикъ перваго; онъ также былъ осмѣянъ Аристофаномъ, въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Високаго дѣтства онъ былъ у Діонизія I; тамъ онъ познавалъ себя много вольностей и много враговъ, и властители часто заключали его въ кандалы. Онъ умеръ 55 лѣтъ отъ рѣду (въ 380 г. до Р. Х.) и Дионрабъ получилъ громкую славу почти во всѣхъ странах. Самъ Аристофанъ, называя его сильнымъ, держимъ повелеваніе, музыку его, считаетъ совершенствомъ, а самаго Филоксена богомъ между людьми. Онъ говоритъ, что «музыка въ римскія времена — цвѣтущее существо, уроченное чужою мелодіею».

Въ числѣ идеателей древней музыки былъ *Клизеій*; Аристофанъ, уже въ срединѣ Пелопонезской-войны, порицаетъ вѣстѣ съ Мелонипедомъ, за его громшій, но пустой и несвязный ходъ рѣчи, за его римчическія повелѣванія. «Язвѣ дионрабовъ», говоритъ онъ, «должны быть легки, могутъ додѣлать сердце какъ сталь, порхать словно на крыльяхъ Платона въ безъ основанія называетъ его поэтомъ, который вѣтъ дѣла до облагораживанія своихъ слушателей, который вѣрается только похвалитъ большаю часть; онъ шутя замѣчаетъ что его отецъ, цитаристъ Мелесъ, заботился, вѣроятно, о пѣвномъ, терая вѣтъ уши....»

Послѣ Клизеія, еще болѣе упрямая *Фриниса*, какъ самъ отчаяннаго доводителя въ музыкѣ; но замѣчаніе Ферекра

онъ, бросаясь отъ одного предмета къ другому, совершенно ее уничтожилъ, составляя на пяти страницахъ по 12 родовъ тона. Этотъ Фригисъ, митилеяскій цитаристъ, былъ позднѣйшій италомъ лезбосской школы, и впервые прославился побѣдой на музыкальномъ состязаніи, введенномъ Перикломъ во время Пантенеискихъ-праздниковъ. Знаменитость его распространилась къ самую Целононезскую-войну. Въ особенности ему приписываютъ преобразование пѣнія съ цитарой, употреблявшегося въ лезбосской школѣ, на основаніи древняго положенія

(Мелосъ) Терпандра.

Поль его вліяніемъ образовался Тимотей Милетскій, который скоро на музыкальныхъ состязаніяхъ побѣждалъ уже своего учителя, и возвысился до первыхъ писателей диемрамбовъ. Онъ уже послѣдній изъ музыкальныхъ артистовъ, которыхъ упоминаетъ Ферекрытъ; умеръ онъ 97 лѣтъ отъ роду, за 357 г. до Р. X.

Премія съ большимъ одобреніемъ приняла его нововведенія и пунтъ, несмотря на то, что эфоры каждый разъ отрубали у него по 4 изъ 9 отростъ его цитры... Онъ принадлежалъ къ знаменитѣйшимъ своего времени. Роды поэзіи, основанные на въ духъ времени, мало отличаются отъ прочихъ, которые за IV вѣка до него установлены Терпандромъ, помы, премія дикими. Онъ же упрочилъ за нонами гекзаметръ. Но диемрамбы, которые составляютъ у него господствующій родъ поэзіи.

Тимотей нашелъ себѣ соперника и побѣдителя въ любимѣйшихъ, Полийдосъ, ученикъ котораго, Филопосъ, со славою побѣдилъ Тимотея на музыкальномъ состязаніи. Но на Полийдоса также смотрѣли, какъ на нововводителя въ музыкѣ, хотя онъ превосходилъ божествомъ славнаго у Даллиновъ. Ни что такъ не весело, не радовало толпящуюся въ театрахъ массу народа, какъ разгульные, сладострастные диемрамбы Тимотея и Полийдоса. Съ послѣднимъ не должно смѣшивать трагическаго поэта Полийдоса, упоминаемаго въ Аристотелевой пѣникѣ; диемрамбическаго поэта, вліявшаго всѣхъ легкими звуками музыки, Аристотель не называлъ бы софистомъ.

Наряду съ этими поэтами-музыкантами стоятъ еще многіе; изъ нихъ нѣтъ названъ болѣе известнаго. Такъ Ионъ Эфесскій, Диаверъ Милоссскій, известный вольнодумецъ, влочно-поэтикъ Алкратъ Хиосскій, Крексосъ, одинъ изъ наиболѣе почтительныхъ

таемых нововводителей, и *Телестъ Селинскій*, соперникъ Мелопеда въ поэзи, — составляютъ славное созвѣдіе поэтовъ. Эпикуреецъ *Федросъ* оставилъ намъ значительныя отрывки греческихъ піесъ Іона Хиоскаго, въ геркуланскихъ спискахъ. Посмотримъ теперь, какой родъ поэзи назывался у Грековъ димрамбомъ и въ чемъ состоялъ онъ.

Во-первыхъ, что касается до того, какъ исполнялись димрамбы, мы знаемъ, что въ Афинахъ, во-время Пелопонезско войнны, они были исполняемы хорами десяти колѣнъ, какъ праздникахъ въ честь Вакха, (Діонисія) и самые поэты назывались циклическими начальниками хоровъ. Но тѣмъ не менѣе достоверно, что чѣмъ разнообразнѣе былъ размѣръ ихъ стиховъ, чѣмъ свободнѣе были ритмическія измѣненія, тѣмъ труднѣе исполняли хоры, тѣмъ обыкновеннѣе было исполнять въ отдѣльнымъ лицамъ. Димрамбъ въ конецъ уничтожилъ авторство, употреблявшіяся въ трагедіяхъ; ритмъ его совершенно зависѣлъ отъ страсти и расположенія поэта, и кнѣжскую жизнь.

Особенно отличались характерическіе переливы голоса, да и уже любимыя *анобалы*, которые такъ пугали сухихъ, строгихъ критиковъ; публика ихъ боготворила. Ничто не препятствовало переходить изъ одного тона въ другой, даже въ прстой тонъ дорическій, и въ одной піесѣ соединять всѣ рода ритма; къ концу піесы повужденіе и всякая связь, кажется исчезали, и поэзія, въ живомъ полетѣ, становилась обыкновенною разговорною рѣчью....

Въ то же время димрамбъ получилъ характеръ живописности, какъ выражается Аристотель, характеръ миѣнки. Явленія природы и дѣйствія, которыя онъ описываетъ, были подраздѣлены различными родами тоновъ и ритма, пантомимами представляющихъ, даже огромнымъ оркестромъ музыки, которая громовыхъ тонахъ изображаетъ, то бурю стихій, то голыя звѣрей....

Что же касается до содержанія или предмета димрамбической поэзи, то, судя по Ксенофону, Симониду и другимъ стариннымъ поэтамъ, можно заключить, что предметы для димрамбовъ заимствовались изъ героической мѣлологіи. Одни главы димрамбовъ Мелопеда уже подтверждаютъ это мнѣніе такъ-сказался *Марсіасъ* (мифъ, о томъ, какъ Афина изобѣ

такъ олеиты, оставляетъ ихъ, и какъ ихъ возобновляетъ (Мираисъ) *Перзефона, Данаида* и др. Не менѣе славенъ Филлоксенъ *Циклопъ*, въ которъ этотъ поэтъ пластически рисуетъ мнѣ, какъ Циклопъ Полидемъ полюбилъ нимфу Галатею, и какъ презрѣнный ею, любившею прекраснаго Ациса, Циклопъ подъ конецъ отмщаетъ своему счастливому врагу. Изъ этого Циклопа, пародированнаго Аристофаномъ, видно, въ какомъ духѣ онъ былъ написанъ. Циклопъ представляется безобразнымъ уродомъ, добрякомъ, на подобіе шекспировскаго Калибана, который рыскаетъ по горамъ съ своими блѣющими псами и прыгающими козами, — собираетъ овощи въ свой потничій карманъ, и въ сладкой лѣни покоится межъ своєю стадою. Въ любовной страсти онъ дѣлается почти пономаремъ, и утѣшается пѣснями объ отверженіи; даже овцы смѣляютъ его горести и нетерпѣливо блѣвуютъ, ласкаясь къ вихотливой Галатей. Древніе видятъ во всей пьесѣ, сюжетъ которой Феокритъ взялъ и передѣлалъ съ лучшимъ вкусомъ въ идилію, — тайные намеки на отношенія Филоксена къ Дионизию, который у Филоксена отнялъ его возлюбленную... Если мы прибавимъ, что диметрамбъ Тимотѣевъ, *Роды Семели*, стался въ древности тривіальнымъ, лишеннымъ идеальности и изящества, то мы составимъ удовлетворительное понятіе о диметрамбѣ. Никакого единства въ мысли какъ въ пиндаровомъ лиризмѣ; никакого господствующаго тона въ цѣломъ твореніи, который бы давалъ ему твердость и стройность; никакого подчиненія идеи эпической идее; — словомъ, здѣсь нѣтъ даже разнѣра, основаннаго на твердыхъ, классическихъ правилахъ искусства: — здѣсь роскошная игра чувства лирическаго, возбужденнаго случайнымъ стремленіемъ, — эта игра принимаетъ то тутъ, то другой тонъ, останавливается, по прихоти, на такихъ пунктахъ, которые даютъ мѣсто подражанію въ звукамъ и живописи, роскошной, полной чувственныхъ прелестей. Въ позднѣйшихъ трагедіяхъ Эврипида, осмѣянныхъ Аристофаномъ (въ его *Лягушкахъ*), вслѣдствіе этой чувственной живописи и недостатка единства, совершенно господствуетъ характеръ современнаго диметрамба, что можетъ дать о немъ впрочемъ самое поверхностное понятіе. Обратимъ вниманіе на похвальные пѣсан, въ формѣ *панозъ*; ихъ предметами дѣлается даже зловоше, что, было въ свое время въ большой модѣ! Въ пѣанѣ

«Арифона» лучшей прихвѣрь этому; тамъ, — конечно очень справедливо, — но не менѣ вяло, скучно, толкуется о томъ, что мы не можемъ вкушать истинныхъ радостей, безъ вождѣльнаго здоровья, что безъ него все ничтожно, и богатства, и почести, и всякое счастье... *Добродѣтель*, певецъ великаго Аристотеля, не походитъ впрочемъ на подобныя произведенія другихъ писателей; здѣсь теплота чувствъ, вдохновенная красота; за добродѣтель, — въ этомъ певцѣ, — такъ и хочется умереть, стать противъ всего міра за ея сверкающій образъ. Певецъ заключается обращеніемъ съ похвалою къ гостеприимному властителю Гермейосу.

Кстати вспомнить, что въ это же золотое время любимицею народа была древняя *элегія*, всегда вѣрная своему назначенію — увеселять пиры, и на нихъ же подчинять наслажденія пирующихъ тихому созерцанію поэтическаго духа... Элегіи Іона Хиоскаго много говорятъ о винѣ, о правильномъ образѣ питья его, о танцахъ и пѣніи на пирахъ, объ игрѣ *коттабость*, которою тогда такъ увлекались пылкіе юноши. «Нѣтъ ничего веселѣе, какъ пить и шутить и отъ добраго сердца смѣяться!» — говоритъ Іонъ. — Но какъ отъ сытнаго стола мысли легко переносятся къ общественному интересу, что составляло тогда основаніе беззаботной веселости, такъ и элегія часто получала у древнихъ это направленіе. Діонизій такъ взываетъ въ этихъ скромныхъ элегіяхъ: «Кончайте ваши сраженія на буквахъ, слушайте добрую вѣсть, обратите ко мнѣ весь разумъ вашъ!...» Въ элегіяхъ Критія, въ этомъ твердомъ патриотѣ, легко усматривается замыселъ Лакедемонца противъ Аѳинъ.

Наконецъ упомянемъ объ элогіи Антимаха, этого воскресителя древней поэзии, духъ которой, не оставляя своихъ удивительныхъ занятій, мало-по-малу удаляется отъ направленія новаго образованія и мало находитъ сочувствія въ своемъ вѣкѣ. Такъ, при чтеніи его Тебанса разошлись всѣ слушатели. — оставался только одинъ Платонъ. Его элегія подъ названіемъ *Лиды*, была посвящена памяти одной лидійской дѣвушки, которую Антимахъ страстно любилъ, и потерялъ преждевременно. По этому вся піеса — одна жалоба на ея утрату; во въ ней вѣтъ тоскливыхъ слезъ и приторныхъ возгласовъ; въ ней все проникнуто жизнью и теплотою, отрадными воспоминаваніями.

ГР. ДАНИЛЕВСКІЙ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

ОБЗОРЪ

ДРОВЯНОЙ ТОРГОВЛИ.

Хлѣбъ и дрова—двѣ важнѣйшія потребности въ нашей матеріальной жизни.

Трудно опредѣлить, который изъ этихъ двухъ продуктовъ необходимѣе человѣчеству, особенно человѣчеству сѣверному. Зависимость ихъ отъ природы показываетъ намъ между ними большую разницу: хлѣбъ замѣнить болѣе или менѣе отъ труда человѣческихъ; при хорошемъ урожаѣ и при отсутствіи неблагоприятныхъ причинъ, мы въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ получаемъ хорошую жатву; лѣсныя же произрастенія, употребляемыя на дрова, трудамъ человѣческимъ вовсе не поддаются, и плодъ ихъ растетъ, по крайней мѣрѣ пятнадцать разъ медленнѣе въ сравненіи съ хлѣбомъ. Следовательно, въ такомъ отношеніи дрова должны быть нѣсколько важнѣе.

Зачѣмъ же мы, такъ тщательно и рачительно убирая хлѣбъ, обходимся такъ небрежливо съ лѣсомъ? Отчего, напримѣръ, употребляемъ мы лѣса, очерта, какъ говорится, голову, безъ необходимости системы?... То, что лѣса истребляются, хотя медленно, но постепенно, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Въ началѣ основанія Петербурга, онъ имѣлъ продовольствіе дровами изъ ближайшихъ окрестностей; впослѣдствіи время опустошенія заставили промышленниковъ проникнуть въ сѣверныя двѣ губерніи, Псковскую и Новгородскую, весьма споспѣшныя и выгодныя по сообщенію водянымъ путемъ; но цѣны на дрова вѣстѣ съ тѣмъ повышались постепенно. Это происходило отъ того, что лѣса были истребляемы, и вывозка на берега сплавныхъ рѣкъ, по причинѣ удаченія отъ нихъ мѣста рубки становилась дороже. По этой причинѣ и здѣсь цѣны на дрова повысились, и въ настоящее время достигли такой степени, что промышленники падаютъ выгоднымъ доставлять дрова на судахъ съ третьяго пункта, и именно, съ приморскихъ береговъ Финляндіи, и едва ли не съ послѣдняго, суда по удобной и дешевой доставкѣ.—Этотъ пунктъ, навѣрное, будетъ имѣть равную участь съ прежними обильными лѣсомъ губерніями. Какая же тому причина? Не столько увеличеніе потребности, сколько прихоть торговаго характера или укоренѣлой привычки въ дровяной промышленности, которая имѣла свой основательный порядокъ въ то время, когда лѣса были въ изобильномъ положеніи; но нынѣ ни состояніе лѣсовъ, ни огромное количество требующихся дровъ, никакъ не могутъ удовлетворительно соответствовать однажды принятымъ правиламъ.

Что, напримѣръ, было 20 лѣтъ тому назадъ?... Это время еще многіе помнятъ. Тогда дрова стоили вдвое дешевле.

Навольте же рассчитать по этимъ же даннымъ, что будутъ стоить дрова еще черезъ двадцать лѣтъ.

Поговоримъ же серьезно. Я хочу изложить вамъ вкратцѣ по ный ходъ нынѣ существующей дровяной торговли, въ головную операціи.

Начиается эта торговля купцами, покупкою лѣсныхъ дачъ отъ гг. помѣщиковъ. Это условіе рѣшается такимъ образомъ въ дачахъ покупается лѣсъ на срубку такимъ образомъ, что бы онъ обходился промышленникамъ около 10 коп. серебра за сажень, т. е. еще не рубленный. Дача для этого выбираютъ такія, въ которыхъ было бы болѣе березоваго дерева. Съ такимъ выгоднымъ соображеніемъ, купившій дачу начинаетъ рубить дрова по извѣстной торговой системѣ, соблюдая се

тщательности. На примѣръ: покупщикъ какъ можно старается, чтобы дрова были толстые, что дѣлаетъ ихъ удобнѣе и полезнѣе для сбыта; но вмѣстѣ съ тѣмъ эти-то условія и суть причиною уничтоженія лѣсовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Этотъ порядокъ показываетъ небрежное лѣсное хозяйство: дерево срубаютъ съ корня и отрубаютъ отъ него вершину, не топя ее двухъ вершковъ; остальную же вершину бросаютъ безъ употребленія, какъ за толкость, такъ и потому, что она не годна по цѣнѣ; по той же причинѣ оставляются и деревья той же толкости, растущія на корнѣ. Кроме-того каждый дикій лѣсъ имѣетъ огромное количество валежнику—деревъ, опрокинутыхъ вѣтромъ. Всѣ эти причины, взятая вмѣстѣ, весьма вредны, не только въ отношеніи временнаго убытка, но и потому, что всѣ онѣ значительно препятствуютъ росту молодаго лѣса.

Теперь возьмемъ во вниманіе сравнительное количество брошеннаго лѣса съ употребленнымъ: на примѣръ, одна сажень лѣта на употребленіе, а около двухъ сажень брошено безъ всякой пользы, изъ-за одной мимолетной негодности,—вотъ и причина повышенія цѣнъ. Истребленіе лѣса на нѣсколько тысячъ верстъ на протяженіи судоходныхъ рѣкъ и около 100 верстъ въ глубину лѣсовъ, затрудняетъ доставку и повышаетъ расходы. По этой причинѣ промышленники нынѣ сплаваютъ дрова во всѣхъ ручейкамъ и рѣчкамъ, плывающимъ въ судоходныя рѣки, что и дѣлаетъ крайне сомнительною выгоду въ доставкѣ на берегъ дровъ, въ сравненіи съ конной подвозкой, которая была принята въ свое время, и мѣстами въ употребленіи и нынѣ. Прежде была конная вывозка дровъ прямо на судоходныя рѣки и въ самомъ близкомъ разстояніи; теперь же не на судоходныя рѣки, а къ маленькимъ ручьямъ и рѣчкамъ, по которымъ дрова сплавляются розсылью до судоходныхъ рѣкъ, что производитъ излишніе расходы. Слѣдовательно, по такимъ причинамъ вывозка на берега судоходныхъ рѣкъ, со сплавомъ и съ конной подвозкой, составитъ въ круговой цѣнѣ 90 коп. сер. за сажень дровъ однополѣнныхъ. По окончаніи вывоза, промышленники нагружаютъ дрова въ барки, для доставленія въ Петербургъ, что и составляетъ также расходъ 1 р. сер. за сажень; слѣдовательно, промышленнику дрова будутъ стоить съ оставкою въ Петербургъ:

За самый лёсъ	10 к. сер. за сажень.
за вывозу на берегъ	90 — — — —
за доставку въ С.-Петербургъ на баркахъ	1 р. — — — —

Что и составитъ 2 р. сер. за сажень.

или цѣлая барка съ дровами будетъ стоить промышленникъ собственно себѣ 600 рублей.

Барочная доставка производится преимущественно изъ дву упомянутыхъ губерній, Псковской и Новгородской. Изъ Финляндіи же подобная доставка невозможна, отъ перехода морскому заливу, и промышленники вынуждены вывозить отъ да дрова на судахъ, годныхъ къ морскому плаванію. Впрочемъ финляндскій пунктъ дровяной торговли оставяю исключеніемъ потому что дровяная торговля приналась тамъ съ недавня еще времени, и, слѣдовательно, нельзя еще имѣть правильнаго изображенія, между тѣмъ какъ необходимо имѣть положительныя свѣдѣнія, для опредѣленія какъ среднихъ цѣнъ, такъ средняго числа процентовъ дровяного товара. Ограничимся губерніями Псковскою и Новгородскою.

Ежегодная рубка лѣса такъ далеко подвинула дровяную заготовку, что на нее дѣлаетъ вліяніе постоляство зимъ, въ отшеніи вывозокъ, и количество воды мелководныхъ рѣчекъ время сплава; вслѣдствіе чего нужна самая неутомимая дѣтельность для сплава дровъ, такъ чтобы вѣсть со льдомъ при открытіи рѣкъ, поспѣвать окончить сплавку, чѣмъ тогда можно избѣжать мелководія. Промышленники, ловко уклоняясь отъ убытковъ, знаютъ, какъ распорядиться; они начинаютъ сплавъ быстро и въ одно время по всѣмъ рѣкамъ, что и приводитъ общій приходъ барокъ въ Петербургъ къ одному мѣсяцу: отъ іюня до августа.

Вслѣдствіе этого и въ столицѣ установилось обыкновеніе закупать въ это время дрова на годовое употребленіе, при чемъ основываются положительныя цѣны покупкою казенными домоствами, для годового же столенія здавій. Начинаютъ идти образомъ, что вызываютъ подрядчиковъ, и обьезжали

ить нужное количество сажень дровъ изъ разнаго званія, начали опредѣлительно не тонѣе 2-хъ вершковъ не расколу полна, при томъ бѣлаго вида и сухаго качества. По такимъ помятымъ рѣшаются цѣны на доставку дровъ.

Это, повидимому, очень хорошо, но въ сущности ошибочно, именно потому, что дрова требуются бѣлаго вида и сухаго качества. Извольте видѣть: полна недавно срублено; какъ же ему не быть бѣлымъ? А такъ какъ оно бѣло, слѣдовательно оно давно срублено съ корня — какъ же ему быть сухимъ? Высушите дерево, и оно непременно почернѣетъ. Подобноитструйтъ полна сами на вазанскихъ дворахъ: тамъ полнаницы складываются плотно и тѣсно, и нѣсколько времени спустя чернѣютъ и срабнутъ, хотя-бы были куплены самага бѣлаго вида.

Тоже можно сказать и о другомъ условіи: непременно требуетъ береза. Зачѣмъ? Какое вамъ дѣло до того, какими дровами топится печь? Было бы тепло! Тутъ дѣло не въ качествѣ, а въ количествѣ; въ цѣнѣ же непременно будетъ барышъ. Извольте купить сажень березовыхъ дровъ, а я куплю двѣ сажени другихъ. Вы заплатите за одну 4 руб., а я за двѣ. Знаете ли тѣмъ кончится? Тѣмъ, что вы у меня же займете нѣсколько полна, или же придете погрѣться ко мнѣ.

Повѣрьте мнѣ, наши русскія пословицы никогда не лгутъ: «Голь хитра на выдумки», говоритъ одна изъ нихъ, и весьма справедливо. Отчего бѣдняки покупаютъ сосновый и еловый лѣсъ? Должно быть они видятъ въ томъ свою выгоду. Повѣрьте, если бы березовые дрова были выгоднѣе, такъ человѣкъ безащиточный купилъ бы скорѣе одну сажень ихъ, нежели двѣ сосновыхъ, а у насъ—благодаря Бога — на святой Руси ни съ голоду, ни съ холоду никто еще не умираетъ на своей квартирѣ.

Слашу вамъ также нѣсколько словъ на счетъ толщины дерева, употребленнаго на дрова. Загляните на заасный дворъ, и вы увидите, съ какою точностью продавцы соблюдаютъ, чтобы дрова никакъ не были тонѣе 2 вершковъ *. Зачѣмъ? Видѣть, чтобы власть дрова въ печь, надобно же велоть ихъ? Такъ; но

* Вотъ по какой причинѣ бросаются въ лѣсу дрова тонше этой мѣры.

туть есть другіе виды, другія выгоды. Тутъ, извольте видѣть, есть своего рода учтець.

Для сплавленія барокъ особенно отличается заготовкою рѣшатовъ, которая соперничествуетъ съ прочими заготовками относительно пониженія цѣнъ; это-то пониженіе цѣнъ и привлекаетъ болѣе покупателей, и чрезъ то обить производится здѣсь скорѣе; но выгоды покупателю дѣйствительно нимало тутъ не видно, потому-что цѣны точно ниже прочихъ заготовокъ, и дрова соразмѣрно короче въ отношеніи къ заготовкамъ другихъ рѣшатовъ. Покупателю это трудно замѣтить. При договорѣ цѣны можно основываться одною поверхностною взглядою на цѣлую барку, гдѣ обыкновенно соблюдается правило торговцевъ: *чтобы товаръ искусно подобралъ*; на верху знаете, товаръ повиднѣе внутренняго. Эта торговая уловка можетъ ввести въ ошибку покупателя, но ни въ какомъ случаѣ не въ пользу продавца. Вся главная выгода продажи относится къ сильнымъ заготовщикамъ, именно потому, что огромныя количества разнаго званія дровъ требуютъ казенныя зданія отъ одного подрядчика; мелочные промышленники не могутъ быть допускаемы къ торговлѣ, сильные же продавцы тѣмъ-то и пользуются, составляя компаніи между собою, на самомъ выгодномъ основаніи цѣны на этотъ предметъ.

Общество торгующихъ дровами состоитъ изъ двухъ родовъ: производящихъ торговлю здѣсь, на мѣстѣ, и заготовщиковъ. Первые подвержены различнымъ превратностямъ, и между прочими, прихотливому непостоянству петербургскаго климата. Случись теплая зима? Бѣда, да и только! Сиди себе гляди на полѣнья, да расходуѣ то, что приобрѣлъ. Это и вѣдьворю, впрочемъ, только такъ, примѣрно, и не въ обиду нашъ кормилецъ — зимѣ. Она насъ, родная, не оставляетъ. Дѣйствительно Богъ здравствовать. Но производящимъ торговлю приходится еще плохо отъ заготовщиковъ, которые стараются свои дрянные товары продать въ казенныя мѣста и на палачья дѣла, а здѣшнимъ торговцамъ оставляютъ самое малое количество, да и то продаютъ имъ съ большими натяжками во случаѣ кредита, что особенно отяготительно по необходимому расходу, какъ-то: вайну дворовъ, лошадей, работяковъ и пр.

Заготовщики владѣютъ самымъ корнемъ дровяной торговли, и могутъ ею располагать по произволу, которымъ они и руководствуются, пригоняя суда и барки, съ коихъ и производятъ продажу. Отъ этого выгоднаго обстоятельства они всѣ въ одно и то же время составляютъ огромные капиталы, вслѣдствіе чего могутъ поддерживать цѣны въ ровномъ положеніи; слѣдовательно, и обая подчиняется не общей желаемой выгодѣ, а частной.

Вообще, при обзорѣ этой торговли, видны вездѣ ея недостатки, съ самаго начала до конца, въ годовомъ оборотѣ, какъ въ прошломъ, такъ въ настоящемъ и въ будущихъ. Это обнаруживается потому болѣе, что почти всѣ торговли перемѣнили свое направленіе, улучшая положеніе свое; подобному приѣму должна послѣдовать и дровяная торговля, имѣя на то средствъ самыхъ удобныхъ. Она должна перемѣниться, и перемѣниться сама собою, но не безъ пожертвованій. Такъ не лучше ли предупредить эти пожертвованія, и заблаговременно начать перемѣну торговли?

Осѣлываюсь предложить нѣсколько мною-обдуманыхъ соображеній, для людей, причастныхъ дѣлу.

ЗАГОТОВКА.

I.

Покупка дачь.

Заготовку и рубку лѣса на дрова произвезетъ вновь, не тѣмъ же дачамъ, гдѣ уже было рублено, но той причинѣ, что та рубка производилась по выбору дерева и уже нѣсколько лѣтъ назадъ, и потому и составились въ рубленыхъ дачахъ полезныя виды и слѣдующія предпріятія. Во-первыхъ, отъ давности времени лѣса были нѣсколько подрости, въ особенности тѣ, которые были оставлены, хотя въ рѣдкомъ разстояніи и тонкомъ видѣ, на корняхъ;

во-вторыхъ, отъ вышеоименованныхъ причинъ составляетъ значительное количество дровянаго лѣса, въ пространствѣ полу-вырубленныхъ дачъ, которое, по нынѣшней формѣ дровъ, признано негоднымъ, и потому оставлено базъ всякой пользы. По этой-то причинѣ и должно вновь произвести рубку лѣсовъ въ этихъ оставленныхъ дачахъ, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ нихъ было вырублено всякое дерево безъ исключенія. Черезъ эту чистую вырубку владѣльцы бесполезныхъ доселѣ дачъ будутъ имѣть въ виду совершенную разчистку земель, которыми легко можно будетъ обработать на какой-нибудь другой предметъ сельскаго хозяйства; слѣдовательно, помѣщики не только не возмуть за очистку платы, но съ удовольствіемъ согласятся отдавать лѣсъ на вырубку безъ всякаго условія, за то только, чтобы дачи были вырубены до чиста.

II.

Вывозъ.

Вывозка подобнаго приготовленія дровъ требуетъ строгой осмотрительности въ отношеніи цѣнности, потому что успѣхъ будетъ основанъ на выгодѣ вывозокъ. Слѣдовательно, должно обратить все вниманіе на средства, могущія побудить вывозчиковъ къ пониженію цѣны.

Напримѣръ, прибрежные жители имѣли первѣйшій промыселъ изъ своихъ лѣсныхъ дачъ; въ настоящее же время, хотя и есть еще лѣса, но уже неспособные къ сбыту. Крестьяне должны уже обращаться въ отдаленныя лѣсныя дачи, т. е. заѣзжать въ самый верхъ текущихъ рѣкъ, куда отъ времени двинулось опустошеніе лѣса. Теперь можно замѣтить, насколько стѣсняется промышленный крестьянинъ. Во-первыхъ, дачу онъ долженъ купить; во-вторыхъ, тратитъ время и силы; заѣзжать въ далекое мѣсто семействомъ онъ не можетъ; удешевить работу или не можетъ отъ негодныхъ силъ одиночка, и отъ притѣтливый, представляемый хозяину, живущему далеко отъ своего добра, зливымъ и ласковымъ приемомъ. Едва ли не всѣ

крестине, занимающаяся этимъ промысломъ, который простирается далѣе Пензенской губерніи, находится въ такомъ затруднительномъ положеніи. Еще замѣтить должно, что на такомъ пространстве сколько находится селеній, которыя стѣснены въ привычномъ промыслѣ, а между-тѣмъ и безъ него продовольствоваться никакъ не могутъ.

Когда купцы объявляютъ крестьянамъ, что они принимаютъ дрова безъ всякаго условія, на берегахъ, но однакожь по цѣнѣ, сообразнымъ съ достоинствомъ дровъ, то крестьяне не видятъ увидѣть сами представляющуюся имъ выгоду. Имъ неудобно будетъ терять времени, въ ожиданіи злыяго пути отъѣзда въ дальнія лѣсныя дачи; они займутся дрова рубкою, конечно въ ненастное время года, весной и осенью; да еще и съ тою выгодою, что дрова изъ мелкаго лѣса можно рубить всѣ члены семейства, что значительно облегчаетъ и ускоритъ работу, между-тѣмъ, какъ по существующимъ условіямъ, рубкою занимаются самые здоровые и лучшіе рабочіе, не взирая на крупицы лѣса. И такъ, несмотря на номинальную цѣну, крестьянинъ, въ общемъ, получитъ ту же выгоду; а при-того онъ будетъ рассчитывать, что отъ этой условной рубки земля его будутъ расшищаться.

Конечно, чтобы исполнѣе разрѣшить этотъ вопросъ, нужно обратить вниманіе на то, что будутъ стоить дрова новой заготовки на берегахъ и что въ Петербургѣ. Отъ вѣрнаго соображенія зависитъ успѣхъ всего дѣла.

Посмотримъ на цѣны, нынѣ существующія.

Соединивъ подъ однимъ итогомъ покупку дачъ и рубку лѣса на дрова, составителю въ нынѣшней цѣнѣ около 1 р. сер.; по лѣсной вывозкѣ, которая болѣею частью соединяется въ дачахъ вмѣстѣ съ рубкою, по общему обыкновенію, платится по 90 коп. за сажень. По приѣмѣ на берега, означенная цѣна полагается за разстояніе около 18 верстъ, по 5 д. за версту; но когда рубка дровъ повторится на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, въ такомъ случаѣ и разстояніе въ перевозѣ обратится; она должна начаться отъ самыхъ береговъ и не далѣе 4

верстѣ. Значитъ, по существующей цѣнѣ, дрова будутъ стоить на берегахъ около 20 коп. сер. Хотя точно дрова эти и могутъ быть такого вида, какъ нынѣ приготовляемые, но надобно замѣтить, что въ употребленіи главная надобность состоитъ въ пропорціи и теплѣ, а не въ видѣ.

Съ береговъ производится доставка до Петербурга на баржахъ, на которыхъ провозъ дровъ обыкновенно составляетъ расхода около 300 руб. сер., а выѣстимость барки полагается обыкновенно 350 саж., но болѣе въ 300 сажень, выѣстимости заготовки дровъ; но если заготовка эта будетъ мельче, то барка должна поднимать не 300, а 500 саж. Это легко повѣрить, если взять тѣ же 300 сажень, и переколоть ихъ, то изъ нихъ вѣрно выйдеть около 400 сажень. Замѣтить же должно еще то, что грузъ барки будетъ тотъ же самый, а количество в саженьяхъ будетъ показывать прибылой счетъ, но все еще и дополнить предполагаемаго счета; это отъ того, что сравненіе сдѣланы въ сырыхъ и тяжелыхъ дровахъ; если же это сравненіе сдѣлать въ полагаемой заготовкѣ, то, навѣрное, выколотите самое то количество, которое предполагается; именно потому что дрова новой заготовки будутъ переколоты на мѣстѣ рубки и отъ дешевизны будутъ оставляемы на берегахъ на годовое время, и по этой причинѣ высохнуть до такой степени, какъ нельзя и ожидать отъ нынѣшнихъ дровъ, потому что послѣдніе очень толсты и дерево колется только пополамъ; значитъ, его не крываетъ кора вокругъ и препятствуетъ воздуху проникать какъ должно; чрезъ это они скорѣе могутъ сдрябнуть, нежели высохнуть; когда же дерево расколото на четыре части, или овальное, хотя и круглое, но не толще вершка, то въ такомъ случаѣ воздухъ на такое дерево дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, не допускаетъ до гніенія, и высушиваетъ его совершенно; чрезъ то и можетъ исполниться предполагаемое количество выѣстимости барки, т. е. 500 саж. Этотъ принципъ можно подтвердить практическимъ образомъ, въ нынѣ существующей торговлѣ: выберите двѣ бар

• Не отнеся эту вывозку на 18 верстѣ—въ томъ можетъ теряться и вода.

• Болѣе или менѣе, это зависитъ отъ постройки барки и отъ сукна дровъ.

ни, погруженные въ равной мѣрѣ осадкою въ воду; количество дровъ изъ покажетъ значительную разницу; напримеръ, въ одной баркѣ окажется 280 саж. а въ другой около 450, а на видѣ дрова будутъ почти одинаковы. Такая разниця произойдетъ ни отъ чего болѣе, какъ отъ сухости дровъ. При этихъ обстоятельствахъ можетъ родиться вопросъ: почему бы не привозить всѣхъ такихъ многоподъемныхъ въ баркахъ дровъ? Потому-что какъ отъ той, такъ и отъ другой, польза при продажѣ будетъ равная. Но почему бы не возить одного какого-нибудь сорта? Потому, что однообразный сортъ привозить не позволяетъ привычный мастеръ торговца, который можетъ стѣснить продажу, да и въ настоящее время не можетъ быть однообразно. Во всякомъ случаѣ барка можетъ поднимать сухихъ и легкихъ дровъ до 500 саж., а провозъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ увеличить провозовъ; именно отъ того, что барка нагружается, смотря по глубинѣ воды, что и зависитъ отъ тяжести нагруженнаго товара. Но чтобы облегчить тяжесть нынѣшнихъ дровъ, промышленникамъ слѣдовало бы оставить старую привычку, то есть: нагружать дрова сухія, а не сырыя. Но этого они не хотятъ дѣлать, потому-что сухія дрова принимаютъ черный видъ; если же заготовить дровъ мелкихъ, удобныхъ для сушки, то изъ за лишнюю негодность нестанутъ покупать. Слѣдовательно, влажность и наружный видъ препятствуютъ приобретению пользы, обоюдныхъ выгодъ.

Новая же заготовка на этотъ предметъ получить и новое направление. Напримеръ, качество зависитъ пропорціей; незнательная цѣна дастъ всю возможность промышленнику распорядиться выгодой на счетъ барочныхъ провозовъ, и этотъ новый путь торговли достаточно объясняетъ справедливость предположений, показывающихъ видъ ея въ будущихъ успѣхахъ.

Промышленникъ получаетъ съ сажени дровъ чистаго барыша 10 коп. сер.; ему самому сажень стоитъ 2 руб. сер., а барка вмѣщаетъ до 300 саж.; слѣдовательно за всю барку торговцу остается барыша 150 руб. сер. Не упуская изъ виду, ни выгоды покупателя, ни выгоды продавца, должно стараться, чтобы барышъ остался тотъ же. Это достигается само собою.

Вмѣсто 300 саж. промышленникъ нагружаетъ барку 500-и мелкихъ. Ему все-равно. Вмѣсто 2 руб. онъ продаетъ сажень за 1 руб. 50 коп. Покупателю большая выгода. Барышъ и промышленникъ получаетъ одинъ и тотъ же.

Подтверждаю мое мнѣніе положительными числами:

Цѣны существующія,
полагая за цѣлую барку
или за 300 саж., стоящія
промышленнику себѣ въ
С.-Петербургѣ 600 р.
По продажѣ выручает-
ся за барку. 750 »
Слѣдовательно пользы
50 коп. на сажень или
за цѣлую барку сереб. 150 »

Цѣны предполагае-
мыя, за цѣлую барку или
за 500 саж., стоящія
промышленнику себѣ въ
С.-Петербургѣ 400
По продажѣ выручает-
ся за барку. 550
Слѣдовательно пользы
30 коп. на сажень или
за цѣлую барку. 150 »

III.

Покупка дровъ въ С.-Петербургѣ.

Сообразивъ всѣ подробности дровяной заготовки, какъ въ существующемъ порядкѣ, такъ и во вновь предполагаемомъ, къ которому отнесаются всѣ выгоды, осмѣлюсь предложить и новый оборотъ въ образѣ покупки, которой правила необходимо измѣнить. Для исполненія этого не требуется никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, нарушающихъ коренныя правила. Новыя правила покупки дровъ могутъ начаться обыкновеннымъ порядкомъ, какъ это и дѣлается казенными вѣдомствами: вызываютъ подрядчиковъ на торги для поставки дровъ на годовое отопленіе зданій при чемъ объявляютъ количество сажени и разнаго званія дровъ, кондиціи и толщину полѣна. Такимъ же образомъ въ установленномъ законномъ порядкѣ нужно вызвать подрядчиковъ и объявить имъ—не требуемое количество дровъ, а предложить: неужгодно ли имъ будетъ взять на годовое отопленіе казенныя зданія, ограничиваясь при семъ условіи капитальной

суммой за годъ, среднее число которой можно видѣть въ отчетныхъ казенныхъ управленіяхъ нѣсколькихъ годовъ. Напримѣръ: на годовое отопленіе ассигновано ремонтной суммой 20 т. руб. сереб. Объявить это подрядчикамъ. При такомъ объявленіи казенныхъ вѣдомствъ аукціонный торгъ между подрядчиками будетъ приводить цѣну въ настоящую пропорцію; и тогда, напротивъ, подрядчики согласятся взять не 20 т. руб. а около 15 т. руб. сереб.; потому-что чрезъ это могутъ устраниться всѣ споры, случающіеся при сачѣ дровъ, и уничтожатся всѣ конспіи, весьма отяготительныя въ настоящее время. Промышленнику дается свобода производить дрова всѣ безъ исключенія, а особености тѣ, которыя были бы какъ можно дешевле. Которая, до того, какими дровами топятъ, нѣтъ дѣла: держатъ бы тепло. Теперь употребляемыя дрова покупаются около 3 руб. сер. за сажень, а по новой заготовкѣ они будутъ стоить болѣе одного рубля за сажень, слѣдовательно, въ такомъ случаѣ подрядчики будутъ основываться на выгодахъ продажи топлива, которая по оцѣнкѣ увеличивается втрое на мѣсто одной, т. е. три топлива вмѣсто одного.

Земли оттого не потерпятъ, а напротивъ получаютъ выгоду; промышленникъ то же; но главную выгоду получаютъ крестьяне, занимающіеся этимъ промысломъ, и землевладѣльцы, земли которыхъ будутъ очищены.

Само собою разумѣется, что всѣ пожелающіе отапливать своимъ образомъ свои дома, должны принять надлежащія охранительныя мѣры, которыя должны быть выставлены въ контрактахъ; напримѣръ: содержаніе прикащиковъ, смотрителей, сторожниковъ; помѣщеніе повѣрительныхъ термометровъ въ отапливаемыхъ покояхъ, и т. п. Вообще, отъ какой бы то ни было возможности можно обезпечиться залогомъ, взятымъ со снявшаго подрядъ отопленія.

Очень понятно, что установленіе такого новаго порядка встрѣтитъ сильныхъ противниковъ и, вообще, съ разу принять его не можетъ. Такова участь всякаго нововведенія. Въ та-

* Теперь на торгахъ цѣну объявляютъ подрядчики и одинъ противъ другого уменьшаютъ цѣну, чѣмъ и приводятъ ее въ умѣренную пропорцію.

** И въ томъ казенныхъ зданіяхъ нисколько не теряютъ, потому-что заплачено за отопленіе, какъ и прежде платилось.

комъ случаѣ можно достигнуть этихъ самыхъ послѣдствій другимъ путемъ, а именно: покупкою большаго количества дровъ безъ ограниченія торговъ. Это преимущественно относится къ казеннымъ вѣдомствамъ. Они могутъ начать покупку такъ же аукціоннымъ порядкомъ, но умалчивая о пропорціи цѣнъ заванія дерева, принимая все за равенство, по состоящимъ цѣнамъ, т. е. дешевыя и дорогія дрова, а ограничивая пропорцію покупки средней многолѣтней ассигнованной суммой; если же къ концу года окажется какой бы ни былъ остатокъ, то на будущій годъ стѣтъ только принудить къ этому остатку. Очевидно, что при такомъ порядкѣ образуется новая экономическая сумма.

Выгоды этого новаго порядка слѣдующія: совершенное устраненіе стѣснительной монополіи, которою владѣютъ сильные заготовщики.

Есть требованія, которыя простираются до 12 т. саж., а дрова должны быть разнаго сорта. Отъ такихъ-то требованій и богатѣютъ сильные заготовщики. Въ удобномъ случаѣ они составляютъ между собой условія, и чрезъ то держатъ цѣну на самомъ выгодномъ счету. Хотя и были примѣры противоположнаго, но это происходило отъ соперничества на торгахъ; слѣдственно, это исключеніе.

Сильные заготовщики владѣютъ всѣми удобными источниками сырья существующей торговли, а болѣе тѣми удобствами, что малосильные заготовщики не могутъ соперничать съ ними на торгахъ, собственно отъ того, что ихъ партіи малы и для составленія компаніи невозможны, ибо на полную поставку нужно очень много товарищей; а гдѣ много товарищей, тамъ труднѣе согласиться. Слѣдовательно, главнѣйшая причина невыгодъ малосильныхъ заготовщиковъ та, что отъ нихъ казенныя вѣдомства не покупаютъ по разницѣ, раздробительно. Устраненіе этого обстоятельства доставитъ общую выгоду:

Казеннымъ вѣдомствамъ—тѣмъ, что на торгахъ будутъ участвовать всѣ желающіе промышленники, и преимущественно крестьяне, которые, заготовивъ собственными силами и пригнавши суда, лишены выгодной и скорой продажи тѣмъ, что не скоро пріискриваютъ сбытъ, и часто должны довольствоваться предлагаемыми цѣнами. Если же они узнаютъ, что казенныя

иства покупаютъ дрова отъ всѣхъ, то въ такомъ случаѣ не надо имъ долго прожваться для отысканія сбыта; они будутъ продавать съ уступкою, для того только, чтобы не держать суда на волѣ, что бываетъ не безъ опасности, не говоря уже о лишнѣхъ расходахъ; скорая продажа и вѣрная получка денегъ еще сдѣлаетъ то, что увеличеніе количества промышленниковъ на торгахъ поставитъ самыя цѣны въ болѣе умѣренное положеніе. Сильный торговецъ, имѣя огромныя партіи, и обладая большими средствами, можетъ легко выжидать повышенія цѣнъ; для него расходы не могутъ быть такъ отяготительны, какъ для малого торговца, который имѣетъ одну барку или одну лодку. Когда малыхъ торговцевъ заключается еще въ томъ, что при какомъ порядкѣ вещей они могутъ сдѣлать лишнюю поѣздку. Напримеръ: теперь они привозили въ лѣто четыре раза, тогда могутъ сдѣлать пять поѣздокъ, потому-что, по прибытіи на берегъ, могутъ скоро продать товаръ въ казенныя вѣдомства, и отправиться обратно, для привоза новаго товару. Вотъ отчего, даже при значительномъ пониженіи цѣнъ торговцы не останутся въ накладѣ. Такимъ образомъ отъ уравненія продажи, у малыхъ торговцевъ будутъ оставаться значительныя партіи, которыя они, по неволѣ, будутъ продавать здѣшнимъ торговцамъ, по цѣнамъ болѣе умѣреннымъ, чѣмъ, разумѣется, воспользуются и одиночныя покупатели, потребители.

Недальновидные противники могутъ сдѣлать мнѣ возраженіе, что эти экономическія соображенія излишни, потому-что, слава Богу, матушка Россія еще богата лѣсомъ. Дѣйствительно такъ, а дровами у насъ еще дѣло не станетъ. Но дѣло въ томъ, что Петербургъ-то не имѣетъ водяныхъ сообщеній изъ-всѣхъ российскихъ лѣсныхъ областей; если бы эти пути были изъ-всѣхъ лѣсовъ, то, конечно, подобныя соображенія были бы излишни; но когда это ограничено такими пунктами, которыя начинаютъ стѣснять жителей Петербурга, для чего же доводить до дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій, когда это устроить нетрудно?... Пусть пройдетъ еще нѣсколько времени, лѣса истребятся, и тогда, по неволѣ, повезутъ всякое дерево, лишь бы оно носило названіе дерева. Стало-быть, выйдетъ на то же; только тогда не надо будетъ ожидать тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которыя предстоятъ теперь, если заранѣе принять благоразумныя мѣры.

ЛѢСОВОДСТВО.

Еслибы новая система дровяной торговли приняла выше предложенный ходъ, то вліяніе его могло бы быть весьма благодѣтельно, какъ лѣсоводству, такъ и хлѣбопашеству, и преимущественно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской губерніи извѣстной по своимъ скуднымъ урожаямъ, причина которыхъ немало заключается и въ тамошнемъ лѣсномъ промыслѣ. Если этой губерніи доведены теперь до того, что при взглядѣ на нихъ мудрено заключить, извлечена ли изъ лѣсовъ какая-нибудь польза или нѣтъ? Напримѣръ, отрубленные верхушки упавшія деревья и въ рѣдкомъ разстояніи растущій лѣсъ, составляютъ неизбежные заломы на самую почву земли. Въ этихъ заламахъ рождаются такія растенія, которыя усиливаютъ глушь и препятствуютъ росту молодому лѣсу*. Владѣльцы этихъ земель хотя и видятъ и понимаютъ это, знаютъ и средства, которыми можно поправить дѣло, но расходы требующіеся на это поправленіе такъ велики, что вовсе невозможно ничего предпринять; напримѣръ, если этотъ лѣсъ собрать въ кучи и сжечь, а землю обратить потомъ на какой-нибудь предметъ сельскаго хозяйства, то выйдетъ, что расходы за расчистку будутъ превышать въ нѣсколько разъ доходы расчищенной земли. Если это сдѣлать иначе, т. е. собственными силами какой-нибудь вотчины, то чрезъ это должно остановиться настоящее хлѣбопашество этой вотчины. Гдѣ же послѣ этого одинокому крестьянину приняться за такой трудъ?... Какія же послѣдствія этого порядка вещей? Земли бросаются безъ всякой пользы владѣльцами, хотя не на вѣчно. Но, по-крайней-мѣрѣ, на значительное продолженіе лѣтъ, въ которое весь этотъ ломъ перегниетъ. Тогда, дѣйствительно, земля будетъ гораздо чище; зародыши дерева одолѣютъ прочія растенія, заглушавшія ихъ прежде, они усилятся въ теченіе лѣтняго времени, и выдержатъ зиму безъ вреда, а наконецъ силеются дружно верхушками, воспрепятствуютъ солнцу зарож-

* Это замѣчаніе относится къ самымъ зародышамъ дерева, которыя въ лѣто не могутъ столько получить силы, чтобы выдержать зиму.

дать новыя безполезныя растенія, и дѣтъ въ десять выростутъ деревья такія, что почти будутъ уже годны на дрова. Все это такъ, и прекрасно, но сколько надо владѣльцу ждать, чтобы получить вновь доходы съ лѣсныхъ областей?... Зачѣмъ будутъ земли лежать безъ пользы дѣтъ двадцать и болѣе?...

Пасторлемъ, все это происходитъ отъ неправильнаго характера торговли и отъ ложной экономической идеи самихъ промышленниковъ, заключающейся напимѣръ въ томъ, чтобы не рубить совершенно лѣса, но оставлять молодой лѣсъ, съ тою цѣлью, чтобы онъ скорѣе приходилъ въ толстый видъ. Конечно, это предположеніе съ виду хорошо! Какъ не согласиться съ тѣмъ, что деревья, произрастающія изъ сѣмени, на чистой землѣ, могутъ скорѣе придти въ толстый видъ, чѣмъ оставленные на корню? Ясно кажется? А между тѣмъ несправедливо. Вотъ чему научаетъ практика: когда рубятъ лѣсъ, то паденіемъ ломаются самыя мелкія деревья, а если которыя крупныя и остаются, то они тутъ въ рѣдкомъ разстояніи и оттого не могутъ расти побѣжисто, а раскидываются въ стороны; соковы-то они получаютъ столько же, сколько получаетъ дерево растущее въ рощѣ, но разница въ томъ, что дерево, выросшее въ рощѣ, будетъ имѣть штамбы хоть въ 30 футовъ; значитъ отдѣльное дерево и которое росло почти на полѣ, болѣе 10 футовъ штамбы имѣть не будетъ, и должно быть непременно рубить. Такъ дѣлалось повинѣ, съ цѣлю весьма благовидною и экономической, но никогда недостигаемою. Не было примѣръ, чтобы дачи рублены были во второй разъ, по крайней мѣрѣ, по прошествіи предполагаемаго срока; слѣдовательно, наше мнѣніе не оправдалось успѣхомъ на практикѣ. Слѣдовательно, можно сказать утвердительно, что вырубить дачи какъ можно чище, не только можно, но даже нужно и полезно. Это относится не ко всѣмъ вообще губерніямъ, но преимущественно къ Псковской, ибо въ ней расчистка земель необходима. Хотя нынѣ полагаютъ, что тамъ разработанной земли гораздо болѣе, чѣмъ силъ, ея разрабатывающихъ, но все-таки умноженіе это не дѣлаетъ вреда, ибо на чистой землѣ лѣса, по крайней мѣрѣ, растутъ правильно; опытомъ дознаю, что оставленные лѣсы заростали быстро и дружно молодымъ лѣсомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Я увѣренъ, что на всѣ мои замѣчанія и совѣты, вооружате промышленники, для которыхъ всякая новизна не нравится хотя бы польза ея была несомнѣнна. Увѣренъ я и въ томъ что найдутся люди, которые задумаются и скажутъ про себя Дѣло-то не глупое!

Последнимъ отвѣчаю:

— Испытайте, и увидите.

М. ЗАТЪЙЩИКОВЪ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1076 года.

75. *Записки Санктпетербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества.* Томъ II, вып. 1. Спб. 1850. Въ типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, стр. 190 в 8°.

76. *Mémoires de la Société Impériale d'Archéologie de St.-Petersbourg.* Publiés sous les auspices de la société par Koehne. Vol. IV № 1. St.-Petersbourg 1850, dans l'imprimerie de la confection des papiers de la couronne, pp. 212 in 8°.

Въ послѣднее время Общество, существовавшее въ-теченіе первыхъ трехъ, четырехъ лѣтъ со времени учрежденія подъ именемъ Археологическо-Нумизматическаго, и нынѣ, по уставу, Высочайше-утвержденному 26 октября 1849 года, называющееся Императорскимъ Археологическимъ, принимаетъ всѣ мѣры, чтобы расширить кругъ своей дѣятельности. Три преміи, Обществомъ установленныя, и въ особенности объявленія, которыми Общество указываетъ на цѣль и на предметъ розысканій, равно какъ на средства, какъ ближе и удобнѣе достигнуть цѣли въ этомъ случаѣ, принесутъ пользу: многое лежитъ подъ спудомъ и остается неизвѣстнымъ потому, что не у всякаго есть

возможность обнародовать то, что у него есть под руками. Это препятствие устранило теперь Археологическое Общество, и желая принести пользу наукъ и дорогому отечеству, оно приглашаетъ каждого къ участию въ общемъ дѣлѣ по мѣрѣ силъ и возможности. Всему хорошему общано мѣсто въ «Запискахъ» Общества и въ другихъ предположенныхъ или осуществившихся уже изданіяхъ его. Благодаря этимъ стараніямъ Общества, сношенія его съ разными концами Россіи расширились, и оно на будущее время будетъ обращать особенное вниманіе на изданіе сводхъ *Записокъ*, сообразно зрѣло-обдуманному плану, чтобы онѣ могли быть постоянно мѣряюми тогда, до какой степени развитія достигла въ настоящее время наука отечественной археологіи, и чтобы въ нихъ нашло себѣ приютъ все собранное у насъ по этой части. Надобно желать только чтобы Записки Общества и по цѣнѣ были доступные, и, еще болѣе, чтобы содержаніе ихъ, по возможности, сколько того можно требовать отъ ученаго изданія, было занимательно для большинства, а это возможно тогда только, когда въ нихъ будутъ, если не исключительно, то преимущественно, по-крайней-мѣрѣ, помещаться статьи, до русскихъ древностей относящіяся, и когда самая отдѣлка статей будетъ не слишкомъ учена, а напротивъ онѣ станутъ понятны и для читателей, неспеціально посвятившихъ себя археологіи.

Общество, стремится, сколько то отъ него зависитъ, къ осуществленію этого *prim desiderium*. Последняя книжка *Записокъ*, и страницяхъ которой мы встрѣчаемъ преимущественно статьи, до русской археологіи касающіяся, служатъ подтвержденіемъ тому, что Общество стремится къ такой отрадной цѣли, и что призывъ его понятъ людьми, готовыми споспѣшествовать полезному дѣлу. Въ доказательство словъ нашихъ мы позволимъ себѣ изложить содержаніе 1-го выпуска втораго тома «*Записокъ* Археологическаго Общества» — и остановиться на тѣхъ преимущественно статьяхъ, которыя касаются отечественной древности.

Въ главѣ ихъ стоитъ принадлежащее извѣстному нашему ориенталисту В. В. Григорьеву описаніе клада изъ золотоордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1848 году, близъ развалинъ Сарая. Открытіемъ этого въ глазахъ археолога драгоценнаго клада наука, какъ это бываетъ часто, обязана случаю. Четверо крестьянъ изъ села Верхне-Ахтубинскаго (въ Царевскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи), прогоняя рогатый скотъ по дорогѣ изъ города Царева къ Саратову, нашли, на совершенно ровномъ мѣстѣ, между селъ Верхне-Ахтубинскаго и Средне-Погромнаго

значительное число «татарскихъ» монетъ. Кладъ этотъ оказался состоящимъ исключительно изъ золотоордынскихъ монетъ, битыхъ съ 710 по 767 годъ гиджры (1310—1366—7 по Р. X). Между монетами этими много новыхъ вариантовъ извѣстныхъ уже видовъ, но кромѣ-того нашлись экземпляры, доселѣ вовсе неизвѣстные и видѣ неописанные. Какъ тѣ, такъ и другіе, Г. Григорьевъ описываетъ во всей подробности, и располагаетъ монеты по Ханамъ, при которыхъ онѣ биты. Къ описанію приложены изображенія монетъ, что придаетъ еще больше достоинства изслѣдованію, важному само-по-себѣ.

Также объясненію древностей мусульманскихъ провинцій, входящихъ нынѣ въ составъ Россіи, посвящена статья г. Березина—*Арабскія надписи въ Дербентѣ*. Онъ разбираетъ в объясняетъ надпись, находящуюся на двухъ сторонахъ древняго надгробнаго камня къ югу отъ крѣпости (Дербендской) *Нарымъ-Каля*. На поверхности этого камня, замѣтна также какая-то надпись, отъ которой сохранились лишь неразбираемые слѣды. Поэтому объясненіе надписи породило между учеными толки и споры, разрѣшить которые желалъ г. Березинъ, видѣвшій эти надписи на мѣстѣ и представившій въ *Запискахъ* изображеніе ихъ; но г. Савельевъ опровергаетъ и мнѣніе г. Березина. Чье убѣжденіе правильнѣе, предоставляемъ судить другимъ, болѣе насъ знающимъ это дѣло; а мы переходимъ къ статьѣ г. Дорджи Банзарова, имѣющей интересъ для русской собственно исторіи въ періодъ обладанія отечествомъ нашимъ Татаро-Монголами. Мы говоримъ о *Паизе* или о металлическихъ дощечкахъ съ повелѣніями монгольскихъ хановъ. Въ 1846 году, купецъ Аваньянъ нашелъ въ Минусинскомъ Округѣ Енисейской губерніи серебряную дощечку съ монгольской надписью четверугольными вызолоченными буквами. Объясненія надписи отцемъ Аввакумомъ, г. Григорьевымъ и Шмидтомъ породили въ любителяхъ исторіи неопредѣленность относительно значенія этихъ металлическихъ дощечекъ. Мы не приводимъ подробностей, за которыя читателя могли бы поспѣвать на насъ, и прямо переходимъ къ изслѣдованію объ этомъ предметѣ ученаго буддиста Банзарова; который, разобравъ существовавшія уже и вновь открытыя металлические дощечки этого рода, и сравнивъ свои выводы съ свѣдѣтельствами историковъ восточныхъ и европейскихъ, исчерпалъ свой предметъ. *Паизе* писаны заимствованными Монголами уйгурскими письменами, и имѣли значеніе, какъ внѣшніе знаки власти, даваемой монгольскими ханами ихъ чиновникамъ. Споръ былъ только о томъ, какого рода власть предоставлялась

этими дощечками. Долго думали, что онѣ давались чиновникамъ на дорогу, какъ открытые листы; но и это оказалось неполнѣ удовлетворительнымъ. Дѣло разрѣшилось давно извѣстнымъ свидѣтельствомъ въ путешествіи Марко-Полло, который хотя не упоминаетъ о названіи *Пайзе*, но такъ подробно и отчетливо описываетъ ихъ, что онъ, безъ сомнѣнія, говоритъ о нихъ. Вотъ его слова, важныя, какъ мы увидимъ, и для отечественной исторіи: «Великій Ханъ» (Монгольскій,—въ его время Хубилай), «назначаетъ 12 самыхъ мудрыхъ изъ своихъ князей для того, чтобы они узнавали о подвигахъ офицеровъ и начальниковъ его армій, въ-особенности во-время походовъ и сраженій, и доносили ему объ этомъ, чтобы Ханъ, извѣщенный о ихъ заслугахъ, возвышалъ ихъ по достоинствамъ. Такъ производитъ онъ сотниковъ въ тысячники, жалуетъ имъ много серебряныхъ вещей и обычные дощечки или значки, показывающіе приказъ или благородство. Дощечки, которыя даются сотникамъ, бываютъ серебряныя, тысячникамъ золотыя или серебряныя позолоченныя, а темники получаютъ золотыя дощечки съ изображеніемъ львиной головы. Надписи на нихъ начинаются слѣдующими словами (которыя разобраны и на открытыхъ дощечкахъ): «силою и могуществомъ Великаго Бога, и милостью, которою Онъ намъ даровалъ наше царство, да будетъ имя Хана благословенно, и веѣ тѣ, которые не повинуются приказу (вырѣзанному) на дощечкѣ, должны претерпѣть смерть и уничтоженіе.»—Начальники, у которыхъ есть эти дощечки, пользуются сопряженными съ ними привилегіями, и въ надписи прописывается, какія именно обязанности лежатъ на нихъ, и какая власть вручена имъ. Начальникъ ста тысячъ войска или главнокомандующій надъ большою арміею имѣетъ золотую дощечку; на ней находятся вышеприведенныя слова, а сверху изображены левъ, солнце и луна. Онъ пользуется преимуществами своего высокаго званія, какъ онъ дарованы ему на его великолѣпной дощечкѣ. Когда онъ выѣдетъ, надъ его головою держатъ зонтъ, знакъ его власти и сана; когда онъ сядетъ, то сидитъ въ серебряныхъ креслахъ. Великій Ханъ жалуетъ нѣкоторыхъ вельможъ своего царства дощечками, на которыхъ изображенъ кречетъ; въ силу этихъ дощечекъ нѣкоторые важные князья водятъ за собою, какъ стражу своей особы, цѣлыя арміи и т. д.» Когда дядя и отецъ Марко-Полло поѣхали въ Европу съ порученіемъ отъ Хана, то онъ велѣлъ имъ дать золотую дощечку, на которой былъ вырѣзанъ ханскій знакъ: тотъ, кому она дана, долженъ быть безопасно провожаемъ, вмѣстѣ съ своею свитою, отъ станціи до

станціи, губернаторамъ всѣхъ мѣстъ въ ханскихъ земляхъ, и во время своего пребыванія въ какомъ-либо городѣ, замкѣ или дортѣ имѣеть право требовать жизненныхъ припасовъ и всякую вещь, необходимую для его удобства. Изъ сказаннаго открывается, что *пайзе* были двухъ родовъ: одни были знаки отличія, и давались за важныя заслуги, другіе же—простые документы, охранныя грамоты для чиновниковъ, посланныхъ куда-нибудь отъ Хана. По изысканіямъ ориенталистовъ, самое слово это, которое находятъ у персидскихъ писателей, пришло въ Персію вмѣстѣ съ Монголами изъ Восточной Азіи, и есть не то иное, какъ китайское *пай-дзы*, дощечка, табличка. Изъ китайскихъ памятниконъ видно, что употребленіе въ Китаѣ значковъ, болѣе или менѣе похожихъ на пайзе, восходитъ до глубочайшей древности. — Окончательный въ этомъ предметѣ вопросъ—давались ли пайзе Русскимъ Князьямъ и сановникамъ отъ Джучидовъ? «Бывали они (Русскіе Князья), говорить г-нъ Базаровъ», въ Ордѣ въ великой милости у Хановъ, получали ярлыки, слѣдовательно, и пайзе, но я нашелъ одинъ только примѣръ полученія пайзе русскимъ человѣкомъ. Въ рукописномъ переводѣ ярлыка, даннаго Бердибекомъ Алексѣю, Митрополиту Русскому и всея Россіи Чудотворцу, сказано: «*байсу*, да ярлыкъ съ аюю тамзою далъ есьмы на утверженіе вамъ.» Передѣлка, *пайзе* въ *байсу* показываетъ, что это слово было въ употребленіи у Русскихъ, и самая вещь была хорошо извѣстна имъ.—Повторяемъ чрезвычайно благодарны за объясненіе этого слова, которое безъ такого добросовѣстнаго розысканія было бы непонятно.

Не менѣе любопытно изслѣдованіе г. *Лакіера* о знакахъ отличія за службу въ Россіи до Петра Великаго. Объ этомъ предметѣ до-сихъ-поръ не было еще у насъ писано въ такомъ большомъ объемѣ, и тѣмъ отраднѣе намъ было встрѣтить это интересное разсужденіе, что оно состоитъ въ связи съ другимъ изслѣдованіемъ того же автора, напечатаннымъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», (1850 г. № 3) и обративши на себя заслуженное вниманіе любителей и знатоковъ отечественной исторіи. Авторъ разсматриваетъ подробно вопросъ о значеніи у насъ золотыхъ гривнъ, о монетахъ разнаго рода, въ награду служившимъ людямъ раздававшихся, и наконецъ говоритъ нѣсколько словъ о кавалерскихъ орденахъ, введенныхъ Петромъ I и существующихъ до настоящаго времени. Мысли автора о послѣднемъ предметѣ такъ новы и правильны, что мы не можемъ не подѣлиться ими съ нашими читателями. «Первый представляющійся при этомъ вопросъ состоитъ въ томъ, почему

именно со временем Петра начинается существенная въ этомъ отношеніи реформа и почему выборъ палъ на ордена? Намъ кажется вообще, говорить г. Лакиеръ, «что многія преобразованія, произведенныя Петромъ Великимъ, должны быть объясняемы не случаемъ, не какимъ-то слѣпымъ увлеченіемъ, не безотчетнымъ духомъ подражанія чужеземному; многія изъ этихъ перемѣнъ были условлены самою необходимостью и тѣмъ отношеніемъ, въ которое государство пришло къ иностранцамъ, какъ жившимъ уже въ Россіи, такъ и къ прибывшимъ изъ-за границы. Обращаясь къ нашему предмету, мы должны замѣтить, что благоволеніемъ Государевымъ иностранные служилые люди очевидно не могли дорожить въ такой мѣрѣ, въ какой его цѣнили Рускіе. Поэтому *золотыя* и другія награды, которыя по ихъ понятіямъ и въ ихъ глазахъ, или совсѣмъ не имѣли никакого значенія, или, по крайней-мѣрѣ не пользовались такимъ почетомъ, какъ у насъ, неволиѣ вознаграждали ихъ. Необходимо было найти новое мѣрило для вознагражденія заслугъ, мѣрило, подобное тѣмъ, которыя употреблялись въ другихъ Государствахъ. По необходимости остановились на орденскихъ знакахъ. На западѣ они имѣли чисто историческое значеніе, какъ внѣшнія украшенія, которыми отличались разные монашескіе и рыцарскіе ордена среднихъ вѣковъ. Съ каждымъ изъ нихъ, кромѣ обязанности защищать отечество отъ нападенія невѣрныхъ, служить справедливости и оборонять невинныхъ отъ притѣсненій сильнѣйшихъ, распространять христіанство и т. д., были соединяемы еще различныя чисто-нравственныя обязанности—быть покровителями вдовъ, сиротъ, бѣдныхъ, заводить больницы, печась о призрѣніи несчастныхъ, и т. д. Чтобы самый внѣшній знакъ ордена напоминалъ кавалерамъ его, какія обязанности вслѣдствіе того лежатъ на нихъ, означалось на орденскихъ знакахъ, въ самыхъ краткихъ выраженіяхъ, въ чемъ состоятъ деиствія ордена. Всѣ эти атрибуты орденовъ западной Европы, съ ихъ командорствами и гросмейстерствами, были перенесены и къ намъ, и сохранились до настоящаго времени безъ всякихъ почти перемѣнъ. Но если идея орденовъ не отечественная, а изъ чужа заимствованная, то образованіе въ Россіи определеннаго числа ихъ; раздѣленіе ихъ на степени, опредѣленіе, какія заслуги награждаются какимъ орденомъ и т. д., все это явленія чисто-историческія, изъ которыхъ каждое связано съ какии-нибудь важнымъ въ отечествѣ нашемъ событіемъ». Въ справедливости подобнаго вывода нельзя сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что онъ основанъ на положительномъ свидѣтельствѣ нашего законо-

дательства, а именно: Государь Императоръ Павелъ Петровичъ, въ указѣ 1797 года апрѣля 5 (№ 17908) выразился объ этомъ предметѣ такъ: «Вскорѣ послѣ того времени, когда свѣтъ Евангелскаго ученія озарилъ вселенную, и когда истинная вѣра побѣдила заблужденіе, основались общества рыцарскія въ заступу благочестія, въ охраненіе невинности, въ распространеніе дѣлъ, Богу угодныхъ и роду человѣческому полезныхъ, которыя по временамъ и обстоятельствамъ, бывъ верховною властью покровительствуемы, дагѣе и дагѣе умножались». Жаль, что авторъ не рассмотрѣлъ ближе исторіи каждаго изъ кавалерскихъ, въ Россіи существующихъ орденовъ. Недостатокъ этотъ впрочемъ выкупается многими достоинствами. Въ заключеніи своей статьи, г. Лакіеръ, изложивъ подробно какія вещи—кубы, одѣянія, бархаты и т. п. давались въ награду, совершенно справедливо замѣчаетъ, что цѣль при этомъ была та, чтобы въ воднемъ потомствѣ увѣковѣчить память о заслугахъ предковъ. Награда давалась для памяти роду, и цѣль эта достигнута: отъ радно смотрѣть, какъ въ фамильныхъ архивахъ нашихъ древнихъ родовъ, князей Голицыныхъ, Долгоруковыхъ, графовъ Шереметевыхъ и др., сохраняются грамоты о пожалованіи награды, съ какимъ благоговѣніемъ потомки смотрятъ на дорогія пожалованныя имъ предкамъ пуговицы, запонки, наплечники отъ кафтановъ. Вещи эти прожили столѣтія, и будутъ всегда свидѣтельствовать, что служба за Государемъ не пропадаетъ, и что напротивъ государство всегда съ любовью слѣдило за дѣятельностью каждаго, посвятившаго себя служенію общей пользы; щедро награждало заслуги соразимѣрно ихъ важности».

За тѣмъ мы упомянемъ еще о статьѣ г. *Муральта: Древнія монеты на северъ-западномъ берегу Чернаго-моря, отъ Дуная до Вула*. Она отличается чрезвычайною ученостью, и на основаніи греческихъ и римскихъ историковъ авторъ исчерпываетъ свой предметъ.

Кромѣ-того помѣщены въ Запискахъ Общества статьи: 1) г. Бертоломелъ—неизданная драхма Артавазда, Царя Арменіи, 2) Сабатье—о ходѣ монетнаго искусства въ Римѣ и Византіи, и 3) купическія монеты, найденныя въ Псковской губерніи. Въ послѣдней своей къ П. С. Савельеву, г. Григорьевъ обозначаетъ въ хронологическомъ порядкѣ и описываетъ, какъ нумизматы, четыре восточныхъ монеты — халифскіе дармеи, — изъ которыхъ одна цѣлая и три половинчатая, — найденныя въ 1845 г. въ Псковской губерніи, близъ древняго Изборска. Наконецъ Общество, въ разбираемой намъ книжкѣ «Записокъ», представило пер-

чень засѣданій своихъ въ 1849 году, и въ нихъ особенно интересны разсужденія по случаю утвержденія уваровской преміи. Результатъ ихъ былъ обнародованъ въ Вѣдомостяхъ.

Издаваемые на иностранныхъ (французскомъ и нѣмецкомъ) языкахъ Мемоары Общества Археологій имѣютъ другое назначеніе и другой интересъ: они хотятъ знакомить иностранныхъ ученыхъ нумизматовъ съ успѣхами, которые наука эта дѣлаетъ въ отечествѣ нашемъ, и въ этомъ отношеніи достигаютъ своего назначенія. Нельзя не признаться, что содержаніе «Мемоаровъ» строго нумизматическое и разработка этого предмета дѣлаетъ честь нашимъ археологамъ и Секретарю Общества, г. Кёне. Мы исчислимъ статьи, въ 1-й книгѣ IV тома «Мемоаровъ» помѣщенные, и остановимся на важнѣйшихъ.

Книга начинается описаніемъ неизданныхъ медалей *Fulvius Plautianus* босфорской, принадлежащимъ г. Сабатье. За тѣмъ слѣдуетъ его же статья о монетѣ Византійскаго Императора Алексѣя I-го Комнена, съ двумя знаками изъ арабско-куническихъ буквъ. Любопытнѣе статья г. *Муральта*—хронологическій обзоръ гробницъ съ обѣихъ сторонъ Босфора Киммерійскаго. Поэтому поводу авторъ подробно излагаетъ, на основаніи дошедшихъ до насъ отъ древнѣйшихъ временъ свидѣтельствъ, какъ производилось погребеніе въ Греціи и Римѣ, какія въ гробницы клались вещи, и по этимъ даннымъ, равно какъ по оказавшемуся вслѣдствіе произведенныхъ въ новѣйшее преимущественно время раскопокъ, г. Муральтъ старается опредѣлить время, къ которому принадлежитъ каждая изъ босфорскихъ могилъ. Не знаемъ, вѣрны ли эти розысканія: послѣднюю вѣсть въ этомъ дѣлѣ скоро принесетъ графъ А. С. Уваровъ, бывшій по порученію Общества на мѣстѣ, и описанія его путешествія, съ ученою цѣлью предпринятаго и съ успѣхомъ совершеннаго, знатоки отечественной археологій ждуть съ нетерпѣніемъ.

Выше всѣхъ этихъ статей конечно стѣитъ принадлежащее г. Кёне описаніе западныхъ монетъ X, XI и XII столѣтій, найденныхъ въ Россіи. Извѣстно, что въ русской почвѣ отыскиваются монеты иностранныя, какъ восточныя, преимущественно арабскія, такъ и чеканенныя въ государствахъ западной Европы. Слѣдя за открытіями этими, можно найти на слѣдъ, какии путемъ производились наши сношенія съ иноплеменными странами. *Мухамеданская нумизматика* г. *Савельева* разрѣшила вопросъ этотъ для странъ востока, г. Кёне дѣлаетъ тоже для запада. Теперь онъ представляетъ пока матеріалы, описываетъ отыскиваемыя у насъ монеты запада, объясняетъ ихъ значеніе

и т. д., и конечно не оставить своего труда безъ тѣхъ выводовъ, которые должны будутъ связать эти факты въ одно цѣлое. По окончаніи этого труда мы дадимъ о немъ подробный отчетъ, а въ настоящее время замѣтимъ, что у насъ отрываются нѣрѣдко иностранныя монеты, бывшія до-сихъ-поръ неизвѣстными даже въ тѣхъ странахъ, которымъ они обязаны своимъ существованіемъ. Отъ подобнаго труда ждетъ поэтому много, какъ обще-европейская, такъ и наша отечественная литература.

Наконецъ отдѣлъ смѣси посвященъ разнымъ мелкимъ, археологическаго содержанія, замѣткамъ и описанію медалей и монетъ, выбитыхъ въ послѣднее время въ память или вслѣдствіе важныхъ событій западной Европы.

Самое юное изъ нашихъ ученыхъ обществъ не отстаетъ отъ старшихъ братій, и такъ же усердно преслѣдуетъ избранную имъ цѣль. Наука — археологія — у насъ еще въ зародкѣ, и этому-то Обществу суждено, какъ кажется, распространить у насъ любовь къ родной старинѣ и дать ей надлежащее направленіе. Въ добрый часъ! Труда много, но за то и плоды будутъ пріятны. За это можно поручиться.

17. О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Историческое изслѣдованіе Виталія Шульгина. Выпускъ 1-й. Кіевъ. Въ типографіи Вальнера. 1850. in. 8° стр. XXVII. 106.

Хотя мы неохотно говоримъ о книгахъ, которыхъ окончаніе не предвидится, тѣмъ неменѣе рѣшаемся дать отчетъ о содержаніи сочиненія г. Шульгина, по двумъ причинамъ—во-первыхъ, предметъ перваго выпуска его труда обнимаетъ отдѣльное пространство времени—періодъ языческой, и во-вторыхъ, предметъ, о которомъ говоритъ авторъ, слишкомъ важенъ для того, чтобы не побесѣдовать о немъ.

Вліяніе женщины на общество, въ которомъ она поставлена, неопровержимо, какъ и то, что положеніе женщины въ обществѣ зависитъ чрезвычайно много отъ коренныхъ правилъ, которыми руководствуются люди въ ихъ сожитіи, что оно зависитъ отъ образа воззрѣнія человѣка на жизнь, отъ исторіи, культуры и т. д. Вышняя, такъ, сказать, обстановка, въ которой является женщина въ разныхъ странахъ и у различныхъ народовъ, не есть что нибудь произвольное, объясняется не прихотью, а причинами существенными. Поэтому она дошла до такихъ нормъ, при помощи которыхъ положеніе женщины въ обществѣ легко опредѣляется и объясняется

изъ исторіи народа и его быта. Поэтому возможно философски разсмотрѣніе вопроса о состояніи женщинъ въ разныхъ странахъ, что для востока, древней Греціи, для Рима и запада Европы уже сдѣлано. Вопросъ же объ образѣ возрѣнія Славянъ вообще, и нашихъ предковъ въ особенности, на женщинъ остается, или вѣрнѣе, оставался до сочиненія г. Шульгина обшечнымъ исполнѣн, и потому у лучшіе дѣятели по части отечественной исторіи, говоря мимоходомъ о состояніи женщинъ оставляя, слѣдственно, безъ вниманія общій о нихъ вопросъ выпадали въ ошибки и промахи, блестящее опроверженіе которыхъ, во многихъ, по-крайней-мѣрѣ, отношеніяхъ, принадлежатъ г. Шульгину.

Два слова о бытѣ женщины въ древнемъ мірѣ объяснитъ до: «Взгляните», говоритъ авторъ, «на жизнь восточныхъ родовъ: Востокъ унижилъ женщину до вещи, служащей удовлетворенію чувственности ея властелина — мужчины. Востокъ закрылъ лицо ея покрываломъ, заперъ ее въ гаремъ, обжилъ евнухами; но она, существо безмячное въ общественномъ бытѣ и въ правѣ,—она въ дѣйствительной жизни изъ Египта являлась то Семипирамидою, то Клеопатрою, то Роксанною, и раслагала судьбою царствъ восточныхъ. Перенеситесь въ Афины. Предъ вами блестящій вѣкъ Перикла: законъ заперъ женщину въ гинекеи; она поневолѣ являлась въ обществѣ гетерою; но будучи Лансы и Аспазіи вы встрѣчаете Сократа, Перикла, Алкивиада, Исократу и Никію,—всѣ тѣ знаменитости, которые красна и свѣтла жизнь афинская, Периклова вѣка. Въ Римѣ женщинами тяготѣла вѣчная опека; а между тѣмъ благодарила, спасенная ими республика воздвигаетъ храмъ Божественнаго счастья; а всемірная Имперія своими нравственными паденіями отчасти обязана сильному превратному вліянію вѣй, Агриппинѣ и Месалинѣ на общество.—Между многими характеристическими чертами, отличающими общество въ новохристіанскомъ мірѣ отъ общества древняго, восточнаго и западнаго, особенно замѣчательнъ перевѣсъ жизни домашней семейной надъ публичною. Кому же мы обязаны этимъ преимуществомъ европейскаго общества? Если мы отвѣтимъ — рыцарству,—то въ нашемъ отвѣтѣ скрывается новый вопросъ: кому именно рыцарству?

Въ отечествѣ нашемъ, руководствовавшемся родовыми понятиями и началами, и вообще у Славянъ, семейство было моею важною стихіею, и потому женщина имѣетъ у насъ значеніе не болѣе, какъ необходимая представительница семьи,

оторой ей суждено дѣйствовать. Въ разныя времена образъ жизни на нее въ Россіи измѣнялся, и авторъ находитъ въ судьбѣ ея три періода, а именно: «въ языческомъ быту Славянъ и Руссовъ мы находимъ, что всѣ сферы жизни открыты для нея, она пользуется свободою въ первобытномъ, еще не разложившемся обществѣ. — Съ принятіемъ христіанства изъ жизни начинается мало-по-малу разлученіе половъ: женщина постепенно исключается отъ мужскаго общества. Это исключеніе продолжается до Петра Великаго, съ слѣдующими видоизмѣненіями: а) въ до-татарскій періодъ жизни русской оно еще установилось въ строгомъ смыслѣ какъ обычай, но является въ видѣ добровольнаго религіознаго уединенія женщины отъ соблазновъ и тревоженій мірскихъ; в) въ XIV, XV, XVI и XVII вѣкахъ: въ сѣверовосточной Руси исключеніе женщины отъ общества обращается въ обычай, чуть замѣтно ослабѣвая съ начала XVII вѣка; въ югозападной Руси напротивъ исключеніе вовсе не существуетъ. Наконецъ и въ сѣверной Россіи Петръ снова соединяетъ въ обществѣ оба пола, возвращаетъ женщинѣ ея мѣсто, права и значеніе въ обществѣ, ея свободу въ новыхъ формахъ, очищенныхъ, непохожихъ на прежнія, полудикія проявленія».

Въ такъ, заключаетъ авторъ «постепенное исключеніе женщины отъ участія въ обществѣ, и потомъ постепенное возвращеніе ея къ обществу, и потомъ постепенное приобращеніе ея къ общественной дѣятельности—вотъ главное явленіе въ исторіи русской женщины, отъ котораго зависѣли всѣ другіе частныя отклоненія и перемѣны въ судьбѣ ея».

Въ настоящей книгѣ авторъ говоритъ только о состояніи женщины въ языческой Руси. Первый при этомъ вопросъ объ истинности фактовъ, которыми занимается исследователь можетъ и долженъ руководствоваться при развитіи своего предмета. Это важно между прочимъ и для того, чтобы, зная источники, можно было сообщать о томъ опредѣлить степень достовѣрности сообщаемыхъ фактовъ.

Главнѣйшій источникъ нашей исторіи — лѣтопись Нестора и его продолжателей, писанная монахомъ, въ отдаленной отъ свѣта кельи, не можетъ содержать въ себѣ много любопытныхъ фактовъ о дѣятельности и значеніи женщины, съ которою онъ приходилъ ни въ какія соотношенія, и потому отзывы о ней Нестора чрезвычайно кратки, сдѣланы мимоходомъ, и хотя они кратки, потому-что достовѣрность ихъ не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе они слишкомъ недостаточны.

Иностранные историки, прїѣзжавшіе въ Россію, видѣшіе и записывавшіе безъ разбора все, что ихъ занимало, или вѣе, что отходило отъ ихъ собственнаго мѣрила, въ этъ отношеніи любопытны; но свѣдѣніями, ими сообщаемыми, и по пользоваться не иначе, какъ съ крайнею осторожностію кромѣ пристрастія, они верѣлко впадали въ ошибку, сравни нашъ бытъ съ своимъ, и порицая все то, что не подходило къ ихъ мѣрку. Строгая критика должна служить при этомъ измѣннымъ руководителемъ.

Неменѣе важный въ этомъ случаѣ источникъ составленъ древнія наши народныя пѣсни, равно какъ поговорки, и словицы, былины и преданія. Въ нихъ такъ часто и такъ метко высказывается истина, что исторія не усомнится и строить на нихъ тотъ или другой выводъ, но подъ этъ только условіемъ, чтобы пѣсня была, такъ-сказать, очищена отъ поэтическихъ украшеній и чтобы за тѣмъ то только въ область исторіи, что дѣйствительно подтверждается другими источниками, и за тѣмъ не подлежить сомнѣнію. Важная статья, чтобы сказанія пѣсни носили на себѣ несомнѣныя слѣды происхожденія древняго, чтобы они не были слѣды въ позднѣйшее время, на манеръ стародавнихъ, чтобы они были однимъ-словомъ, изліяніемъ души и убѣжденій тѣхъ людей этъ времени, которымъ они приписываются. При этомъ только увиди можно навѣрное положиться на содержаніе такихъ источниковъ, и быть убѣжденнымъ, что они не введутъ въ ошибку.

Наконецъ немалымъ пособіемъ при раскрытіи древняго быта за возрѣнія на женщину должны служить теперешніе обычаи простаго класса народонаселенія, который съ древнѣйшихъ временъ такъ мало измѣнилъ свои нравы и убѣжденія, который такъ непреложно слѣдуетъ образу жизни и нравовъ. Начиная отъ одежды простолюдина и постройки домовъ, до образа мышленія и выраженія думы, все напоминающее давно минувшее, что въ другихъ классахъ жителей давно утрачено и замѣнено новымъ, по нашему лучшимъ. Войдите въ домъ крестьянина—все древнее оживаетъ въ вашемъ воображеніи, срисовывайте съ этога быта, и при природномъ такъ при познаніи отечественной исторіи, никогда не ошибетесь въ выводѣ. Есть даже цѣлыя племена и области въ нашемъ обширномъ отечествѣ, которыя, или по отдаленности своей отъ центра Россіи, или по самому характеру народонаселенія, остались чуждыми всѣхъ перемѣнъ въ домашнемъ и семейномъ пріемѣ.

просто бытъ. Пользоваться этимъ источникомъ, какъ видите, очень легко и удобно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не отвергаемъ, иногда опасно, потому что въ отечествѣ нашемъ такъ много различій самаго различнаго происхожденія и характера, на столько чисто русскій они имѣли такъ много вліянія, что, видя или другой обычай, зная о существованіи какого-либо подобнаго, необходимо еще провѣрить, нашъ ли онъ, и если въ сущности русскій, то сохранился ли онъ цѣлымъ столѣтія въ первоначальной простотѣ и чистотѣ, и наконецъ что имѣло вліяніе на его измѣненіе въ той или другой формѣ. Признаемся, что сдѣлать это не всегда такъ легко, какъ кажется; тѣмъ не менѣе сдѣлать это нерѣдко необходимо для вѣрности резуль-

татъ. Если исчисленными источниками и пособіями авторъ воспользовался, и потому трудъ его представляется не сухимъ перечнемъ фактовъ, а очень нагляднымъ изображеніемъ древней быта славянской вообще и русской въ особенности женщины въ языческой періодъ исторіи.

Главная среда дѣятельности женщины есть семейство, и такъ какъ исходный для составленія его пунктъ есть бракъ, то авторъ прежде всего смотритъ на образъ заключенія его у различныхъ славянскихъ племенъ, сообразно сказаніямъ Нестора о характеру племенъ, древною Россію населявшихъ. Древляне браки діаметрально противоположно смотрѣли на браки: у первыхъ они заключались въ похищеніи, съ согласія впрочемъ невѣсты, (какъ, усомни), а у вторыхъ это было *веденіе* жены въ домъ мужа. Подъ вліяніемъ норманской и вообще воинственной стихіи, древняя форма заключенія браковъ была довольно обща у славянъ; но не смотря на то, и безъ похищенія совершались браки, въ такомъ случаѣ имѣло мѣсто приданое. Это вполне подтверждается словами летописи: «не хожаше женихъ по невѣсту, а приводитъ вечеръ, а завтра привошаху, что по ней владуче.» Это мѣсто замѣчательно какъ потому, что оно чуть ли не единственное въ своемъ родѣ, такъ и потому, что ученые наши вывели изъ него выводъ, будто женихъ платилъ за невѣсту выкупъ, и утверждали, что въ древней языческой Руси существовала купля невѣсты. Напротивъ, сравнивая это мѣсто съ сказаніями другихъ древнѣйшихъ памятниковъ славянской письменности, оказывается, что здѣсь дѣло идетъ о приданомъ, которое давалось невѣстѣ ея родомъ, и что какъ-бы въ замѣнъ этого, или вѣрнѣе, для уравненія выгодъ обѣихъ сторонъ мужъ со своей стороны давалъ *вѣно* для обезпеченія личности и са-

мостоятельности невесты и ея собственности, отъ всякаго разрушенія ихъ со стороны мужа.—Эти понятія, болѣе христіскія, свидѣтельствуютъ о нравственномъ до извѣстной степеніи развитіи того народа, среди котораго подобное учрежденіе имѣеть мѣсто; бракъ же по праву скандинавскому требовалъ платы за жену, платы, количество которой было даже оцѣнено законами Скандинавіи. Въ частныхъ случаяхъ она нашла себѣ примѣненіе у насъ: ими можно объяснить вѣно заплаченное Владиміромъ Грекамъ, и вѣно, принятое Ярославомъ отъ Казимира, хотя оба эти поступка (забудьте—одна стѣна въ обоихъ случаяхъ были—Христіане) могутъ быть объяснены съ большою вѣроятностью не обычаемъ, а желаніемъ угнѣбленнаго, съ кѣмъ вступали въ родство. — Неопровержимо то, что дѣвушка, какъ младшій, безгласный, такъ—слабый членъ семейства и рода, при сговорахъ, *смотринахъ*, была и будто второстепеннымъ лицомъ: за нею разсуждали другіе, и потому въ свадебныхъ пѣсняхъ, на проводахъ дѣвушки изъ-подъ родительскаго крова въ родъ новый, какъ *съ малясь*, выражается вся тоска разлуки съ родимымъ. Видно многими современными русскими учеными, мы полагаемъ, если не всѣ, то многіе изъ свадебныхъ обрядовъ, изъ условій, которыя при этомъ имѣли мѣсто, объясняются совершенно естественно тѣмъ, что отъ семьи, къ которой принадлежитъ дѣвушка по физическому родству, которою она вскормлена и воспитана, отрывается она и переходитъ въ другой родъ, котораго матеріальныя силы тѣмъ увеличиваются. Доброю женою и теперь крестьянши преимущественно живутъ какъ *хозяйкою*, и потому множество свадебныхъ обрядовъ имѣютъ внутреннее значеніе то, чтобы привязать жену къ мужу, показавъ ей, что она оторвана отъ прежняго семейства, что отрѣзанный ломоть. Это ничуть не доказываетъ, что будто женщина вмѣстѣ съ тѣмъ становилась рабою мужа, что она утрачивала собственную свободу; напротивъ, такія понятія сколько не согласны съ древне-славянскими преданіями о женщинахъ, вступавшихъ даже въ открытую борьбу съ мужчинами и съ тѣмъ, что жена имѣла свою собственность, свое данное.

Этотъ образъ возрѣнія на бракъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, на *веденіе жены*, какъ на правило, и на *ложивъ ея*, какъ на исключеніе, несомнѣтенъ съ существовавшимъ будто у насъ въ древнеязыческомъ бракѣ, какъ то полагаютъ авторы, *князяго*: Положительныхъ въ подтвержденіе такой

или доказательствъ ни авторъ не приводитъ, ни мы не знаемъ; напротивъ, сомнѣнія, что это была одна изъ даней, или вѣрнѣе одна изъ поборовъ и кормовъ, которые имѣли мѣсто при какомъ гражданскомъ дѣйствіи, и впоследствии исчислены какъ законы, такъ и памятниками нашей древней практической юриспруденціи.

Очеркомъ жизни В. Княгини Ольги авторъ доканчиваетъ свой трудъ, о которомъ мы распространились болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, потому что она напечатана съ умѣньемъ, и по отсутствію претензій и схоластической формы, равно какъ по ясности изложенія, заслуживаетъ вниманія. Обо всемъ трудѣ данъ общій отчетъ по окончаніи сочиненія, которому жаль отъ души уснѣха. Чѣмъ дальше, тѣмъ предметъ долженъ казаться занимательнѣе. Особенно удачны сближенія нашихъ памятниковъ съ другими славянскими пособіями.

А. ДРЪ.

78. Крушеніе корабля *Нева*, у береговъ Ново-Архангельскаго порта. А. Маркова. С. Петербургъ. 1850 года.

Въ нашемъ мореходствѣ, благодаря предусмотрительности и дружной дѣятельности, рѣдко когда случаются случаи гибели для большаго несчастія. Такихъ катастрофъ, каковую представляеть намъ гибель корабля Ингерманландъ, едвали можно считать въ продолженіе болѣе полустолѣтія въ хроникахъ русской морской исторіи. Корабль *Нева*, купцовый въ Донгъ, построенный изъ лучшаго дуба и совершившій самое счастливое путешествіе вокругъ свѣта, претерпѣлъ наконецъ крушеніе почти у самыхъ береговъ своего отечества. Бродяга, напечатанная г. Марковымъ, очень занимательно передаетъ это печальное и непредвидѣнное событіе. Изъ 156 членовъ экипажа, только 28 остались въ живыхъ, и тѣ изуродованы до крайности, и тѣмъ угрожала голодная смерть. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ очевидецъ:

Вдругъ корабль нашъ высоко подняло набѣжавшею волною, и всю массу ударило о каменный рифъ. Передняя часть корабля разошлась, лопнули штанги съ вантами, мачты зашатались и стѣны рушились въ волны, таща за собою рангоутъ. Во всю жизнь не забыть мнѣ этого невыравимо страшнаго мгновенія, полтоваго въ себѣ всѣ мысли, всѣ чувства. Я помню, какъ жена капитана, съ младенцемъ сыномъ, въ отчаяніи просила спасти ея,

предлагая кошелекъ съ золотомъ. Сорвавшійся газель раздробилъ ей голову, и вкатившаяся волна сдернула трупъ ея въ проломный бортъ, вмѣстѣ съ другими жертвами. Многіе въ безпачетности бросились внутрь корабля, но тамъ ожидала ихъ необходимая смерть, ибо трюмъ и кубрикъ наполнились водою, которая съ ударами въ проломленные мѣста, и высокими каскаломъ была таща съ собою доски разломанныхъ перегородокъ, бочки, ящики, тюки и трупы людей. Лейтенантъ не терялъ присутствія духа; его оторвало волной отъ шпигла, и онъ уже былъ въ морю, но сверхъестественнымъ усиленіемъ схватился за руслень, и вскарабкался на палубу. Несчастный думалъ найти на кораблѣ жену сына, не зная, что они давно уже были жертвою мучительной смерти, и что чрезъ минуту долженъ былъ и онъ соединиться съ ними. Оторванная съ бокацевъ шлюбка опять была введена волною на корабль, и ударившись объ то мѣсто палубы, гдѣ лежалъ онъ, раздробилась въ щепки; съ осколками ея былъ унесенъ въ море и обезображенный трупъ лейтенанта.... Люди были разбросаны по морю; нѣкоторые изъ нихъ захлебывались соленою водою, другіе гибли подъ ударами плавающего рангоута и обломковъ корабля, и разбивались о скалы. Морскіе свинки собирались толпами и съ жадностію хватали раздробленные человѣческіе трупы.

Судьба спасла отважныхъ путешественниковъ, и они, отыскавъ, между разбросанными боченками и тюками нѣсколько ящиковъ съ размокшими сухарями, куски солонины и еще что-то, рѣшились взойти на пустынный островъ и кое-какъ дознаться о себѣ въ Новоархангельскій-портъ, который, по соображеніямъ, долженъ былъ находиться недалеко. Нѣкоторые смѣльчаки, не-смотря на опасность попасться въ руки карамъ, которыхъ варварство было уже извѣстно по разсказамъ, рѣшились предпринять опасный походъ, и пробраться въ портъ. Авторъ очень занимательно разсказываетъ встрѣчу двинки, и ихъ поступки съ ними, когда тѣ, желая вывѣдать истину, прикладывали къ ногамъ путешественниковъ горячіе головки, заглушая пѣснями крики страданія. Наконецъ послѣ многихъ испытаній они достигли Ново-Архангельскаго порта. Совѣтуемъ прочесть эту книгу.

79. *Измѣренія для опредѣленія разности высотъ Чернаго Каспійскаго морей, произведенныя и. Фуссомъ, Савичемъ и Злеромъ, въ 1836 и 1837 г., и изданныя по порученію С.-Императорской Академіи Наукъ г. Струве, Директора*

Вулканской Главной Астрономической Обсерваторіи. С.-П.-б. 1847 в 4, CXVIII и 408, съ таблицю и картою. (Messungen zur Bestimmung des Höhenunterschiedes zwischen dem Schwarzen und Caspischen Meere ausgeführt von Fuss, Sawitsch und Sabler in 1836—1837. Im Auftrag der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von Struve, director des Hauptsternwarte. S.-P.-B. 1847 in 4, CXVIII и 408 mit 1 Tafel и 1 Karte).

«Смысл Отечества, считая своею обязанностию знакомить читателей со всѣми хотя нѣсколько замѣчательными произведеніями нашей литературы, не можетъ умолчать объ интересныхъ работахъ нашей Академіи Наукъ, хотя они, для общеевропейской доступности, излагаются и не на русскомъ языкѣ. Къ числу такихъ важныхъ по цѣли, содержанию и изложению книгъ принадлежитъ лежащее теперь предъ нами описаніе измѣреній, произведенныхъ въ 1836 и 1837 годахъ, по Высочайшему повелѣнію и распоряженію Императорской Академіи Наукъ, гг. Фусса, Заблеромъ и Савичемъ, для излѣдованія вопроса о разности высотъ Чернаго и Каспійскаго морей: это описаніе обработано по журналамъ и вычисленіямъ наблюдателей, однимъ изъ нихъ, астрономомъ г. Заблеромъ. Можно по справедливости сказать, что это сочиненіе, какъ выразился о немъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ, свидѣтельствуетъ одновременно и о той исключительнейшей заботливости, съ которою Августѣйшій Императоръ наукъ споспѣшествуетъ всѣму истинно полезному въ дѣлѣ просвѣщенія, и о томъ усердіи и искусствѣ, въ которыхъ наши ученые стремятся къ оправданію Высочайшихъ милостей трудами, заслуживающими вниманіе и уваженіе всего просвѣщеннаго міра. Описаніе трудовъ Каспійской экспедиціи, безспорно, принадлежитъ къ числу весьма важныхъ ученыхъ сочиненій, разрѣшая любопытный физико-географическій вопросъ, и обогащая науку новыми данными и новыми утвержденіями.

Вопросъ объ относительномъ уровнѣ водъ Каспійскаго-моря давно занимаетъ землеѣдовъ: неоднократно было изложено мнѣніе что Каспій находится ниже уровня Океана. Многіе ученые дѣлали попытки измѣрить разность уровней Каспійскаго и Чернаго морей помощію барометра; но всякій знакомый съ опредѣленіями высотъ помощію этого инструмента, знаетъ, какъ ненадежны получаемые такимъ путемъ выводы, въ такихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о весьма незначительныхъ разностяхъ. А весьма естественно было думать, что, если

Дѣйствительно существуетъ разность въ упомянутыхъ уровняхъ, но она должна ограничиваться нѣсколькими десятками футовъ. Вотъ почему результаты барометрическихъ измѣреній Энгелгардта, Паррота, Вишневекаго, Ленца и Гебеля не привели къ положительно надежному выводу.

Разности высотъ двухъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго пунктовъ могутъ быть однакожь опредѣлены весьма-вѣрно, именно путемъ геодезическимъ, дающимъ несравненно точнѣйшій результатъ, чѣмъ барометръ. Поэтому при ненадежности барометрическихъ выводовъ слѣдовало прибѣгнуть къ геодезическимъ измѣреніямъ. Въ апрѣлѣ 1836 г., Академики Парротъ, Ленцъ и Струве представили Академіи проектъ точнаго геодезическаго опредѣленія разности уровней двухъ упомянутыхъ морей, и вслѣдствіе ходатайства Академіи Государь Императоръ Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать 50 тысячъ руб. асс., изъ Государственнаго Казначейства, съ цѣлю снарядить особую Экспедицію для рѣшенія упомянутаго физико-географическаго вопроса.

Для начертанія плана такой экспедиціи и нужной инструкціи составлена болѣе особая коммиссія изъ Академиковъ Кавлиса, Паррота, Остроградскаго, Ленца и Струве. Первымъ дѣломъ этой коммиссіи было опредѣлить — какинъ изъ двухъ геодезическихъ способовъ — геометрическимъ или тригонометрическимъ — должно быть совершенно предположенное измѣреніе. Геометрический способъ состоитъ въ *нивелированіи*: здѣсь слѣдующія разности высотъ отдѣльныхъ горизонтальныхъ зрительныхъ линій непосредственно опредѣляются измѣреніемъ помощью отвѣсныхъ масштабовъ. При тригонометрическомъ же способѣ, отдѣльныя разности высотъ послѣдовательныхъ станцій выводятся изъ ихъ взаимныхъ отдаленій и наблюдений зенитныхъ разстояній. Второй способъ представляетъ возможность весьма точныхъ повѣрокъ, и потому онъ былъ избранъ коммиссіею; тѣмъ болѣе, что приведеніемъ его въ исполненіе можно было связать операцію опредѣленія разности уровней двухъ морей съ геодезическою съемкою операціонной линіи, которой будутъ нѣться нѣсколько астрономически-опредѣленныхъ пунктовъ. Подобнаго рода результатъ весьма важенъ для будущихъ географическихъ работъ въ томъ краю.

Послѣ рѣшенія основныхъ вопросовъ касательно операціи, о которой идетъ рѣчь, были избраны для производства тригонометрическихъ работъ астрономы Фуссъ, Савичъ и Забѣла. Изъ нихъ первый находится теперь директоромъ виленьской

астрономической обсерваторіи, второй профессоромъ въ С-Петербургскомъ Университетѣ, а третій астрономомъ въ Пулковѣ. Издѣланіе инструкцій, снабженіе экспедиціи нужными инструментами, главное руководство всей операціи, и наконецъ обработаніе и обнародованіе полученныхъ результатовъ, поручены знаменитому Директору Пулковской-Обсерваторіи.

Послѣ предварительныхъ пробныхъ измѣреній, совершенныхъ въ окрестностяхъ Дерпта, и по снабженіи экспедиціи инструментами и всѣмъ нужнымъ, она отправилась къ мѣсту своего назначенія. Прибывъ въ Новочеркасскъ, наши астрономы опредѣлили сперва астрономически положеніе этого города, соединивъ его, помощію хронометровъ, съ Кагальникомъ на Азовскомъ морѣ, и установили постоянные барометры. Затѣмъ собственно полевая работа началась 20 октября ст. ст. (1 ноября нов. ст.) близъ Кагальника, и продолжалась по $\frac{1}{2}$, ноября, то-есть до наступленія зимняго времени.

Въ 1837 году, вновь было приступлено къ полевымъ занятіямъ 25 марта ст. ст. (6 апрѣля нов. ст.). Затѣмъ работы продолжались до $\frac{1}{2}$, октября, съ перемежкой отъ $\frac{1}{4}$, іюня до 20 іюля (10 августа).

Въ теченіе 209 дней собственно полевыхъ занятій была геодезически снята и нивелирована операціонная линія въ 118 географическихъ миль въ $823\frac{3}{10}$ версты длиною. По этой линіи было установлено 124 сигнала, между которыми 123 промежутка составляли бока сомкнутаго многоугольника. Принимая въ расчетъ дни, потерянные по причинѣ неблагоприятной погоды или по случаю переѣздовъ, найдемъ, что въ каждый рабочій день было измѣряемо по одному промежутку. Для ихъ распредѣленія измѣренія 122 малыхъ основныя линіи, а сумма ихъ боковъ упомянутаго многоугольника, составляетъ длину той упомянутой линіи отъ Кагальника на Азовскомъ-морѣ до Чернаго-Рынка на Каспій. Эта линія идетъ отъ Кагальника къ Ю. В. на продолженіе 524 версты; далѣе, южнѣе Георгіевска тянется она 213 версты на востокъ, и близъ Кизляра поворачиваетъ подъ острымъ угломъ къ С. З.

Эта линія измѣняющая слишкомъ $823\frac{3}{10}$ версты не есть кратчайшій путь отъ Кагальника до Чернаго-Рынка, между которыми, по прямой линіи лежитъ разстояніе только въ 600 версты. Но между обоими морями есть еще кратчайшій путь, отъ Кагальника, вдоль рѣки Маныча до деревни Блюверской и затѣмъ, по почтовому тракту изъ Кизляра въ Астрахань, къ С. отъ истока къ Куны: всего 566 версты. Должайшая линія въ $823,6$ вер-

сты избрава преимущественно по разнымъ причинамъ, и представляеть два важныхъ приобрѣтенія. Избравъ ее, можно было опредѣлить положеніе и высоты горы Бештау и еще трехъ высочайшихъ пунктовъ кавказскаго хребта, и сверхъ-того, изъ соединенія астрономическихъ наблюдений съ тригонометрическими измѣреніями опредѣлены еще съ совершенною точностію 28 пунктовъ, лежащихъ на операціонной линіи, что составляетъ главное и неизблемое основаніе для будущихъ въ томъ краю географическихъ работъ.

По окончаніи всѣхъ упомянутыхъ занятій экспедиція возвратилась въ Дерптъ для вычисленія сдѣланныхъ наблюдений, а между-тѣмъ въ засѣданіи Академіи Наукъ 24 ноября 1837 года г. Струве имѣлъ удовольствіе донести этому ученому сословію о приблизительномъ результатѣ, показывающемъ, что *уровень Каспія лежитъ около ста англійскихъ футовъ ниже уровня Чerno-моря*.

Каждый изъ членовъ экспедиціи занялся отдѣльною обработкою собственныхъ наблюдений. По вычисленіямъ г. Савича разность уровней составляетъ.

80,3 англ. фута, съ вѣроятною ошибкою $\pm 3,5$ фут.

По вычисленіямъ же г. Заблера.

82,8 англ. фут., съ вѣр. ошиб. $\pm 2,0$ фут.

Средній выводъ изъ обоихъ.

82,2 англ. фут. съ вѣр. ошиб. $\pm 2,0$ фут.

разнится только на 3,3 футовъ отъ окончательнаго вывода, полученнаго академикомъ В. Я. Струве изъ строжайшей обработки всѣхъ собранныхъ экспедиціею матеріаловъ.

Окончательная обработка и изданіе трудовъ экспедиціи замедлились по многимъ уважительнымъ обстоятельствамъ. Впрочемъ наши астрономы удѣляли свои свободные часы для переработки прежнихъ собственныхъ вычисленій, и вслѣдъ за тѣмъ г. Фуссъ принялъ на себя дальнѣйшую обработку матеріаловъ геодезическихъ и барометрическихъ наблюдений, достигая полныхъ численныхъ результатовъ. Наконецъ самъ г. Струве принялъ на себя приведеніе въ однообразіе конечныхъ выводовъ, а г. Заблеръ составилъ историческій обзоръ трудовъ экспедиціи, и подготовилъ къ печати всѣ собранные матеріалы. Плодомъ всѣхъ этихъ трудовъ есть лежащая предъ нами книга.

Скажемъ нѣсколько словъ о планѣ и распредѣленіи предметовъ въ этомъ сочиненіи. Но прежде всего должно упомянуть, что оно украшено превосходнымъ критическимъ обзоромъ г.

Струве, руководствовавшаго, какъ мы выше упомянули, занятіи экспедиціи. Этотъ обзоръ, составляющій какъ бы предисловіе къ книгѣ, самъ есть скорѣе отдѣльное образцовое сочиненіе и образецъ ученой, добросовѣстной критики.

Обзоръ г. Струве дѣлится на шесть главъ. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ ¹ — планъ экспедиціи, мѣтвеніе академической комиссіи, выборъ и пробныя занятія наблюдателей, дающую инструкцію и наконецъ общій взглядъ на ходъ и результаты занятій. Во-второй главѣ ² разсматриваются точность произведенныхъ экспедиціею геодезическихъ горизонтальныхъ мѣръ. Въ третьей ³ говорится о геодезическихъ опредѣленіяхъ высотъ на операционной линіи. Предметъ четвертой ⁴ главы есть обзоръ высотъ главныхъ вершинъ Кавказа. Пятая глава ⁵ разбираетъ географическія опредѣленія мѣстностей; и наконецъ, шестая ⁶ занимается изысканіями касательно земнаго рефракціоннаго преломленія.

Вслѣдъ за этими шестью главами, раздѣленными на 73 параграфы и занимающими 108 страницъ въ большую четверть тома, начинается самое описаніе мѣреній и сводъ результатовъ вычисленій, составленный г. Заблеромъ.

Во введеніи ⁷, упомянутый астрономъ представляетъ историческій очеркъ начала и хода трудовъ каспійской экспедиціи: здѣсь описана мѣстность, на которой совершались геодезическія работы, а также распредѣленіе самыхъ работъ, методы наблюденій и мѣренія основныхъ линій, горизонтальныхъ угловъ и зенитныхъ разстояній. Вслѣдъ за введеніемъ, авторъ занимается матеріалами наблюденій, посвящая на это три главы ⁸. Въ первой изъ нихъ говорится объ мѣреніяхъ угловъ: здѣсь разсмотрѣны горизонтальныя направленія между сигналами и некоторыми изъ близъ лежащихъ пунктовъ, опредѣленные по способу универсальнаго инструмента; также длины основныхъ линій, горизонтальныя ихъ направленія къ некоторымъ изъ вер-

¹ Страницы 1—VIII.

² Страница IX—XVI.

³ Стр. XVII—XLI.

⁴ Стр. XLII—LXV.

⁵ Стр. LXVI—LXVII.

⁶ Стр. LXVIII—CXVIII.

⁷ Стр. 1—17.

⁸ Стр. 18—192.

шинъ Кавказскаго горнаго хребта и опредѣленные бусольныя азимуты нѣкоторыхъ пунктовъ, лежащихъ недалеко отъ операціонной линіи. Во второй главѣ помѣщены наблюденія зенитныхъ разстояній; а въ-третьей, астрономическія наблюденія всѣхъ трехъ астрономовъ, участвовавшихъ въ экспедиціи.

Предметъ втораго и послѣдняго отдѣленія составляетъ вычисленіе сдѣланныхъ наблюденій. Это отдѣленіе состоитъ изъ четырехъ главъ. Первая ¹ представляетъ намъ вычисленіе треугольниковъ и не только главныхъ между сигналами, но и побочныхъ между сигналами и близъ лежащими окрестными пунктами. Во второй главѣ ² находимъ вычисления опредѣленныхъ высотъ, взаимныя зенитныя разстоянія наблюдателей, изысканія надъ земнымъ лучепреломленіемъ, вычисленіе зенитныхъ разстояній съ вѣроятнѣйшими рефракціями, опредѣленія высотъ по зенитнымъ разстояніямъ, и наконецъ послѣдній результатъ всѣхъ наблюденій и вычисленій—разность уровней обеихъ морей. Въ этой же главѣ помѣщены вычисления нѣкоторыхъ вершинъ кавказскаго хребта надъ морскимъ уровнемъ. Въ третьей главѣ ³ заключаются географическія опредѣленія мѣстъ по астрономическимъ наблюденіямъ членовъ экспедиціи и географическія положенія постоянныхъ пунктовъ Кавказскаго края, вошедшихъ въ сѣть треугольниковъ. Четвертая глава представляетъ барометрическія наблюденія ⁴.

Мѣсто не позволяетъ намъ дать подробный отчетъ обо всемъ, заключающемся въ этомъ обширномъ сочиненіи, и мы по необходимости ограничимся разсмотрѣніемъ только немногихъ отдѣльныхъ статей.

Посмотримъ сперва на геодезическое соединеніе сигнальныхъ пунктовъ и на степень точности, имъ представляемую.

Между крайними сигналами операціонной линіи P^1 и P^{12} заключается рядъ четырехугольниковъ, изъ которыхъ каждый лежитъ между двумя, ему сопредѣльными P^n и P^{n+1} ; четырехугольники раздѣляются пополамъ на два треугольника основною линіею A^1B^1 ⁵. Если сложить всѣ послѣдовательныя разстоянія P , то получится сумма = 34245610 дюймовъ; а съ прила-

¹ Стр. 193—221.

² Стр. 222—378.

³ Стр. 379—396.

⁴ Стр. 397—408.

⁵ Смори въ разбираемомъ сочиненіи фиг. 3 на таблицѣ.

что разницей линій между сигналами P^{100} и P^{104} (≈ 347350 дюймовъ) вся операционная линія будетъ

$$= 34592960 \text{ дюймовъ,}$$

$$= 2882747 \text{ футовъ,}$$

$$= 823,6 \text{ верстъ.}$$

$$= 118 \text{ географическихъ миль.}$$

Сумма всехъ измѣренныхъ основныхъ линій составляетъ одинаковую 1716311 дюймовъ. Слѣдовательно, средняя длина основной линіи $A^{\alpha}B^{\alpha}$.

$$G = 1172 \text{ футовъ} = 0,3949 \text{ верстъ.}$$

Длина главной діагонали $P^{\alpha} P^{\alpha+1}$

$$E = 23392 \text{ фут.} = 6,6834 \text{ верст.}$$

$$E \sin 1'' = 1,360 \text{ дюйм.}$$

Длина стороны треугольника $P^{\alpha} A^{\alpha}$.

$$S = 11,711 \text{ фут.} = 3,3460 \text{ верст.}$$

$$S \sin 1'' = 0,680 \text{ дюйм.}$$

Слѣдовательно, среднее будетъ:

$$S = 9,989 \text{ G;}$$

$$E = 19,953 \text{ G.}$$

Отсюда видно, что среднимъ числомъ, основная линія $A^{\alpha} B^{\alpha}$, изъ обонхъ ея главныхъ пунктовъ $P^{\alpha} P^{\alpha+1}$ видна подъ углами

$$W = 5^{\circ} 44' 4''.$$

Замѣтимъ при этомъ, что инструкціею, данною членамъ экспедиціи было предложено

$$E = 24500 \text{ фут.}$$

$$G = 1400 \text{ фут.};$$

а слѣдовательно,

$$W = 6^{\circ} 32'$$

Въ каждомъ изъ угловъ такого четырехугольника должно было наблюдать по три направленія, что для цѣлой фигуры составить 12 направленій или 8 угловъ. При этомъ были наблюдаемы направленія на окрестные замѣтные пункты, и при основныхъ линіяхъ $A^{\alpha} B^{\alpha}$ всѣ горизонтальные углы измѣрены въ центрѣ.

Изъ весьма подробныхъ и глубокомысленныхъ соображеній, какъ знаменитый академикъ В. Я. Струве заключаетъ, что упомянутыя измѣренія угловъ имѣютъ весьма различную точность. Наблюдатели приняли, что точность острого угла четырехугольника въ P относится къ точности острого угла при базисѣ, какъ 1:3. Допустивъ это, легко будетъ можно вывести

вѣроятную ошибку обонхъ угловъ. Въ 116 четырехугольника были въ-самомъ-дѣлѣ наблюдаемы всѣ четыре угла, и такъ-какъ общее ихъ число 122, то мы видимъ, что только въ 6 четырехугольникахъ не достаетъ по одному острому углу. Г. Стру находить вѣроятную ошибку каждаго, измѣреннаго треугольника $= 6''85$. Следовательно, допустивъ приведенное выше отношеніе точностей (1: 3), найдемъ вѣроятную ошибку наблюдаемаго угла въ Р

$$e=1'', 53$$

и такую же ошибку въ А и В

$$f=4'', 59$$

Когда же сумму всѣхъ угловъ четырехугольника привести равнѣ 360°, такъ что если

$$A^{\circ} + B^{\circ} + P^{\circ} + P^{\circ} + e = 360^{\circ} - c,$$

то поправка двухъ первыхъ будетъ

$$+ \frac{5}{8} c,$$

а двухъ послѣднихъ

$$+ \frac{1}{8} c,$$

и мы получимъ вѣроятныя ошибки уравненнаго угла

$$\text{въ Р, } (e)=1'', 53 \sqrt{\frac{5}{4}}=1'', 33$$

$$\text{въ А и В } (f)=4'', 59 \sqrt{\frac{5}{4}}=3, 98$$

Нельзя сомнѣваться, что отношеніе точностей (1: 3) весьма близко подходитъ къ истинѣ. Оно подтверждается также «нландскимъ измѣреніемъ градусовъ меридіана, гдѣ, при совершенно подобныхъ же обстоятельствахъ, получена вѣроятная ошибка горизонтальнаго угла

$$e=1'', 32$$

что весьма близко подходитъ къ найденной нами

$$e=1'', 53$$

Принявъ уравненные углы четырехугольника за окончателныя, оставалось еще уравнить частныя углы, измѣренныя при базисахъ, въ каждомъ остроугольномъ треугольникѣ. На астрономы получили вѣроятныя ошибки измѣр. угла при базисѣ

$$h=5'' 71,$$

а послѣ уравненія:

$$h=5, 71 \sqrt{\frac{5}{4}}=4'', 66$$

Зная эти вѣроятныя ошибки, немудрено вывести неточности

расстояній сигнальныхъ пунктовъ отъ базиса, простирающіяся въ незначительности въ измѣреніи угловъ. Такъ какъ

$$e=1'', 33$$

$$h=4'', 66,$$

то получимъ:

$$dS=S. \sin 1'' \cdot \sqrt{[(h^2) \cot A^2 + (e)^2 \cot P^2]}$$

$$=S. \sin 1'' \cdot \sqrt{(21, 72 \cot A^2 + 1, 77 \cot P^2)}$$

А извъ за основаніе нормальную форму треугольниковъ, въ

второй

$$A=87^\circ 8',$$

$$P=5^\circ 44',$$

получимъ:

$$ds=S. \sin 1'' \sqrt{(0,05+13, 25^2)}$$

$$=13, 25. \sin 1''. S$$

А мы знаемъ, что

$$S=140528 \text{ дюйм.},$$

то и получимъ вѣроятную ошибку каждой стороны $P=9,02$ д., которая будетъ весьма приблизительною, и вѣроятную же ошибку между двумя ближайшими сигналами $=12,76$ дюйма.

Нѣкоторые треугольники представляютъ ошибку значительную (отъ 30 до 88 дюймовъ). Среднимъ числомъ вся ломаная линія, лежащая между сигналами P' и P'' представляетъ вѣроятную ошибку въ 191,1 дюймовъ или въ 15,92 фута.

Методъ, употребленныйъ астрономами экспедиціи для уравненія, не есть строго точная. Г. Струве изъ своихъ критическихъ изображеній выводитъ, что всѣ линейныя величины, найденныя извѣдшіею, должны быть уменьшены на

$$\frac{1}{100000},$$

что для цѣлой линіи составляетъ

$$62 \text{ фута } 3 \text{ дюйма.}$$

Вторая ошибка происходитъ отъ незначительности измѣренныхъ базисовъ, простирающейся до 5 дюймовъ на каждый бокъ треугольника и до 10 дюймовъ для средняго разстоянія между двумя сигналами. Это составитъ для цѣлой операціонной линіи между P' и P'' вѣроятную ошибку въ

$$110,5 \text{ дюймовъ.}$$

Наконецъ, незначительности, происходящія отъ несовершенной точности желѣзнаго масштаба и переноски циркулемъ на деревянный масштабъ, допускаютъ ошибку въ

$$\frac{1}{25000}$$

всѣхъ данныхъ.

Принявъ въ соображеніе всѣ эти невѣрности, выведемъ для цѣлой ломаной линіи между 1 и 123 сигналами длину въ 342455610 дюймовъ, съ вѣроятною ошибкою въ 1002 дюйма и $\frac{1}{44000}$.

По заключенію г. Струве, горизонтальныя разстоянія, взятые на операціонной линіи между двумя любыми сигналами, точны до $\frac{1}{300000}$. Но такъ какъ неточность самой основной мѣры простирается до $\frac{1}{339000}$, то ясно, несовершенство измѣренія угловъ можетъ увеличить ошибку только весьма незначительнымъ образомъ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что при измѣреніи большаго количества независимыхъ между собою линій, ошибка въ одной не имѣетъ никакого вліянія на другую.

Замѣтимъ при этомъ, что г. Заблеръ допускаетъ во всей длинѣ операціонной линіи ошибку только въ 12 футовъ или $\frac{1}{210000}$, на что г. Струве не соглашается, хотя и отдаетъ полную справедливость отличной точности измѣреній.

Также относительно угла направленія между соседними диагоналями, г. Струве выводитъ результаты, чрезвычайно близкіе къ выводу астрономовъ экваторіи.

Но украшеніе цѣлой книги, по словамъ самаго положительнаго изъ судей въ этомъ дѣлѣ — Академика Струве, составляетъ изысканія г. Заблера надъ лучепреломленіемъ, эти изысканія являются важнымъ элементомъ неточностей при геодезическихъ операціяхъ. Известно, что всякій день, и особенно по-полудни, около $\frac{1}{2}$ промежутка между симъ послѣднимъ и закатомъ солнца наступаетъ то время, когда земные предметы, разсматриваемые въ зрительную трубу представляютъ совершенно спокойныя изображенія. Продолжительность такого спокойствія изображеній бываетъ различная, зависящая отъ многихъ мѣстныхъ теллурическихъ и атмосферныхъ обстоятельствъ. Во всякое другое время дня, какъ прежде, такъ и послѣ, изображенія предметовъ въ зрительной трубѣ бываютъ менѣе спокойны и представляются дрожащими и мутными. Вообще замѣчено, чѣмъ далѣе отстоитъ время наблюденія отъ середины эпохи совершеннаго спокойствія, тѣмъ изображенія бываютъ хуже и неотчетливѣе. Впрочемъ такое спокойствіе бываетъ различно, смотря потому, ранѣе ли оно или позже эпохи спокойныхъ изображеній. При безпокойномъ состояніи изображеній, случающемся ранѣе эпохи спокойствія, лучепреломленіе бываетъ менѣе, чѣмъ при послѣдующихъ обстоятельствахъ; такое безпокойство называется отрицательнымъ. Послѣ эпохи спокойствія наступаетъ положительное безпокойство, при которомъ лучепреломленіе бываетъ сильнѣе,

вѣдъ при спокойствіи. По изысканіямъ г. Заблера, должно думать пять степеней безпокойнаго состоянія изображенія рѣки и столько же позже эпохи совершеннаго спокойствія; такъ что всего получится 11 степеней, именно:

5 степ. отрицательнаго безпокойства,

1 степ. совершеннаго спокойствія и

5 степ. положительнаго безпокойства.

Явленія этого рода происходятъ отъ неровной степени нагрѣнія земной поверхности. Наблюденія членовъ каспійской экспедиціи и изысканія г. Заблера много пояснили сложную и многотрудную теорію этихъ явленій. Такъ напримѣръ, г. Заблеръ нашелъ, что во-время совершеннаго спокойствія озеръ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, при всѣхъ возвышеніяхъ зрительнаго линія, существуетъ одинаковый средній коэффициентъ лучепреломленія, который должно всегда редуцировать на самое низкое наблюденіе, принимая въ соображеніе высоты барометра и термометра, такъ какъ и при астрономическомъ лучепреломленіи. Этотъ коэффициентъ $\mu = 0,088$, для предметовъ въ одинаковомъ и двойномъ разстояніи.

Подобнымъ образомъ г. Заблеръ составилъ таблицу коэффициентовъ преломленія и для остальныхъ 10 характеристичныхъ степеней состоянія изображеній, нами выше исчисленныхъ; при этомъ приведены даже вѣроятныя ошибки каждаго зенитнаго разстоянія, вслѣдствіе лучепреломленія, и относительная ихъ правдивость по различію характеристичныхъ степеней. Таблица г. Заблера составитъ весьма важное пособіе для всѣхъ занимающихся геодезическими операціями, за что всѣ мы должны быть ему чрезвычайно благодарны. Ученая Европа не преминетъ воздать за это нашему отличному пулковскому астроному высшаго заслуженнаго уваженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ интересующіеся геодезію и вообще предметомъ изысканій членовъ каспійской экспедиціи приобрѣтутъ прекрасное сочиненіе, съ которымъ мы старались познакомить нашихъ читателей. Тѣ же, которымъ недоступенъ этотъ специальный предметъ, могутъ получить поверхностное свѣдѣніе о книгѣ изъ нашей короткой рецензіи, которую мы заключимъ окончательнымъ выводомъ г. Струве изъ частныхъ разсужденій высотъ обѣихъ морей, вычисленныхъ каждымъ изъ астрономовъ экспедиціи отдѣльно.

При совершенномъ спокойствіи изображеній.

«Уровень Каспійскаго моря лежитъ на 1024, 1 дюйма ниже уровня Чернаго, и этотъ результатъ допускаетъ вѣроятную ошибку не болѣе какъ на 10, 62 дюйма».

80. Poésies de *Marie Hlopoff*. — Moscou. Imprimerie d'Alexandre Semen, Rue s-te Sophie. 1850.

Вотъ что говоритъ M-elle Hlopoff въ своей préface:

«Si jamais du bouquet de la gloire, une feuille vient tomber sur mon front, c'est à Lamartin que je la retournerai....»

C'est extrêmement joli, ce que vous dites là, mademoiselle, mais — pardonnez moi ma franchise — c'est un peu indiscret: le bouquet de la gloire est bien capricieux.... il ne laisse tomber ses feuilles que sur les fronts, qui ne s'y attendent guère....

Далѣе говоритъ mademoiselle Hlopoff:

«Que ceux qui voudront bien me lire soient indulgens, je ne suis que poète dans l'âme; (*pardon! poète que dans l'âme*) puissent-ils se rendre à mes prières et ne juger que mes pensées.

Mademoiselle Hlopoff желаетъ, чтобы читатели (*снисходительные*) судили только мысли ея, а не слогъ. Критикамъ же она предоставляет обижать рѣчь и стиль.

Исполнимъ же сперва обязанность критика.

Mademoiselle Hlopoff, такъ хорошо изучившей французскій диалектъ, вѣроятно извѣстно что такое значить *un iatus*; она должна знать это тѣмъ болѣе, что питаетъ къ нему особенное расположение. Начнемъ съ первой страницы, и будемъ продолжать до-тѣхъ-поръ, пока нужно будетъ.

1.donné avec (ea) la vie....
2.Qui a (ia) su m'ennoblir....
3.fera aussi (ao) le reste.
4. Qui enfanta (ia)....
5.vers toi un (yaë)....
6.aussi à (ia)....
7. Là où (ay)....
8. Et toi, Océan (yao)....
9. L'amour qui en (ia) noblît, et qui é (ie) lève au Ciel,

Les chants de l'âme auxquels la nature se prête.....

Temple en l'honneur du beau, et (oe) et du Dieu Jm (iëi)
mortel.

Вот что называется des iatus si vous ne le saviez pas, made-
moiselle.

Арте:

Et toi, Océan bleu,
Jusqu' époux de la terre,
Qu'importe en moi le feu
Du désespoir ferre.

А ты, синій океанъ,
Юный супругъ земли, (??)
Оживи во мнѣ огонь,
Отчаяньемъ подкованный (!)

Можетъ-быть по-французски можно подковать огонь, но ужъ
русски, — воля ваша! — c'est impossible.

Quand me souririe,
Accorder ma lyre
.....
Comme elle s'éteint,
Quelle vous implore.

Вернитесь мнѣ улыбнуться,
Вновь настроить мою лиру
.....
Потому-что она угасаетъ,
И васъ умоляетъ.

Ара гаснетъ? Что бы подковать ее огнемъ надежды?

Les plumes, armes de ma muse
Que par forêts si vite elle use....

Перья, оружія моей музы,
Которыя цѣлыми лѣсами она
живо расходуетъ....

Вотъ еще маленькое стихотвореніе, для желающихъ учиться
французскимъ вокабуламъ:

Mes amours,
De toujours,

— Мон любви.
— Всегдашнія.

Espérance,	—	Надежда.
Jouissance,	—	Наслажденеіе.
O Zina,	—	О Зина.
Carina,	—	Карина (т. е. <i>серденко</i>).
Je t'appelle,	—	Я тебя зову.
O ma belle,	—	О моя красавица.
C'est minuit	—	Уже полночь.
Et tout luit	—	И все свѣтится (?)
Toi qui brille	—	Ты блестящая.
Jeune fille	—	Молодая дѣвушка.
Al'oeil noir	—	Съ чернымъ глазомъ.
Beau à voir	—	Прекраснымъ на видъ.
Mon étoile	—	Моя звѣзда.
Au blanc voile	—	Съ бѣлымъ вуалемъ.
O mon coeur,	—	О мое сердце.
O ma fleur,	—	О мой цвѣтокъ.
O mon âme	—	О моя душа.
O ma flamme	—	О мой пламень.
O mon bien	—	О мое добро.
O mon lien	—	О мой союзъ.
O ma vie	—	О моя жизнь.
Mon envie,	—	Мое желаніе.
O mes jours	—	О мои дни.
Mes amours	—	Моя любви.
O mon ange	—	О мой ангелъ.
Ma louange	—	Моя хвала.
Je t'attends	—	Жду тебя.
Il est tems!	—	Ужъ пора!

Это цѣлое стихотвореніе. Чтѣ въ немъ заключается? Пра-
не знаемъ. Явствуемъ только, что это поетъ Пино, *сважисіа*
бецъ (le frais gameur), вызывая на свиданіе свою красави-
Зинетту, *огонь дня и вечера* (feu du jour et du soir). Можетъ
быть оно и въ-самомъ-дѣлѣ такъ въ Италіи. У насъ иначе

Какъ у насъ въ околицѣ,
Какъ у насъ во свѣтлицѣ,
Подъ окномъ дѣвица сидѣла
Подъ краснымъ, косящетымъ,
Вуину голову чесала,
Свою русу абсу плела,

Къ себѣ друга милого ждала.
 Погляжу млада въ окошко:
 Ужъ, не идетъ ли милый другъ?
 Ужъ какъ мой миль идетъ,
 Что ясенъ соколъ летитъ,
 Шапочку оторашиваетъ,
 Бѣлыми руками помахиваетъ,
 Черными мудрами потряхиваетъ.

.....

Если г-жѣ Хлоповой не поправится наши замѣчанія, то на-
 предъ просимъ извиненія. Мы хотѣли только высказать ей
 нашу мѣду.

Окончивъ расчетъ съ книгой, рецензентъ обращается къ
 автору.

У г-жи Хлоповой много теплаго, жепственнаго чувства; но
 подобно, не только вполне владѣть языкомъ, но имѣть даръ
 Хюго или Ламартина, чтобы выразить это чувство въ тѣхъ
 сверкающихъ, искрящихся, феерверочныхъ формахъ, которы-
 мъ такъ богата французская поэзія. Иначе выйдетъ наборъ
 словъ, подавляющій самое теплое чувство и лишаящій его пер-
 ваго достоинства — истины.

Мы выказали нѣкоторые недостатки стихотвореній г-жи Хло-
 повой; теперь скажемъ, что есть между ними и такія, которыя
 можно назвать прекрасными.

Таковы: *A une mère*, — *Le petit Savoyard*, — *Les Bijoux d'une
 femme*, — и другія.

Выписываемъ одно изъ нихъ:

Les Bijoux d'une femme.

A une mère.

Oh! pourquoi vous vêtir de ces vaines parures,
 Orner votre beau front de bijoux si brillants;
 D'opales, de rubis et ces perles pures
 Qui perdent leur éclat auprès de vos enfans.

..

C'est l'or qui vous fit don des pierres précieuses
 Que votre goût se plaît à changer chaque jour,

Tandis que ces enfans aux têtes radieuses,
Vous ont été donnés par le ciel et l'amour.

* * *

Le monde vous adore, oui, laissez-moi le dire,
Louant votre beauté, vos riches diamans;
Et quand sur vos genoux, vous baisiez vos enfans, —
Madame, c'est alors le ciel qui vous admire!

* * *

Прекрасно; но неужели для выражения этой мысли необходимо французскій языкъ? Неужели этого нельзя сказать по-русски?...

Послушайте, вотъ какъ бы мы сказали то же самое:

Зачѣмъ ридить себя въ напрасные уборы,
Чело прекрасное алмазами вѣнчать?
Ихъ блескъ ничто, когда людскіе взоры
Твоихъ дѣтей съ тобою увидать, — мать!

* * *

Рубины, яхонты, тѣ куплены тобою;
Ихъ каждый день мѣнять ты можешь вновь.
Малютокъ же твоихъ, съ кудрявой головою,
Дали тебѣ лишь небо — и любовь.

* * *

Твоей красѣ, камней твоихъ сіянью,
Пускай дивится громко свѣтъ пустой!
Когда же ты дѣтей зовешь къ лобзанью, —
Поэвърь, самъ Богъ любитъ тебя!

* * *

Надѣемся что г-жа Хлопова не истолкуетъ нашихъ замѣчаній въ дурную сторону.

Мы не сказали бы ничего о ея стихотвореніяхъ, еслибы не нашли въ нихъ ничего хорошаго.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

81. Недавно вышелъ изъ печати:

Каталогъ дублетовъ Императорской Публичной Библіотеки. Часть 1. Отдѣленіе книгъ историческихъ, на иностранныхъ языкахъ. С. Петербургъ. 1850.

Въ предисловіи сказано:

«При окончательномъ устройствѣ Императорской Публичной Библіотеки, и составленіи по разнымъ ея частямъ каталоговъ, оказалось значительное число дублетовъ, или однихъ и тѣхъ же книгъ въ двухъ, трехъ и болѣе экземплярахъ, разумѣя здѣсь также и нѣкоторые дефекты, или экземпляры неполные.

Эти дублеты предназначаются теперь къ обращенію въ продажу, дабы открыть ученымъ и учебнымъ заведеніямъ, книгопродавцамъ, владѣльцамъ частныхъ библіотекъ, библіографамъ и всѣмъ вообще любителямъ книгъ и наукъ, возможность приобрести многія драгоценныя и, частію, очень рѣдкія сочиненія, давно уже вышедшія изъ книжной торговли, въ особенности же обильное собраніе почти всего примѣчательнѣйшаго, то когда либо напечатано было о Россіи.

Таковую продажу начальство Библіотеки опредѣлило начать съ историческаго ея отдѣленія на иностранныхъ языкахъ, издавъ сперва во всеобщее свѣдѣніе каталогъ дублетамъ этого отдѣленія.

При составленіи настоящаго каталога приняты слѣдующія главныя начала:

1. Какъ историческое отдѣленіе Императорской Библіотеки объемлетъ въ себѣ не только собственно исторію, но и всѣ предварительныя и вспомогательныя къ ней науки, именно: географію (кромя, однакожъ, атласовъ и ландкартъ), статистику, хронологію, записки, біографіи, путешествія, археологію, нумизматику, дипломатику, и пр., то и каталогъ содержитъ въ себѣ дублеты по всѣмъ означеннымъ предметамъ.

2. Каталогъ раздѣленъ на два отдѣла. Въ первый входятъ книги, изданныя съ именами авторовъ, во второй — тѣ, которыхъ авторы неизвѣстны, или названы, сборники, и пр.

(анонуса). Каждый отдѣлъ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ.

3. Заглавія книгъ напечатаны въ каталогѣ со всею подробностію и съ поименованіемъ содержащихся, иногда, въ одномъ и томъ же переплетѣ нѣсколькихъ раздѣльныхъ сочиненій. Вездѣ означены годъ и мѣсто печати, и даже типографія, извѣстность которой, при встрѣчающихся между дублетами многочисленныхъ изданійхъ Эдзировскихъ, Платинскихъ, Джунтовскихъ и пр., имѣетъ особенную важность для любителей. Различныя изданія одного и того же сочиненія также указаны вездѣ отдѣльно. Наконецъ при дефектахъ объяснено, которые есть томы и которыхъ нѣтъ, какихъ не достаетъ листовъ, и пр.

4. Нумерація книгъ означена при каждомъ новомъ по каталогу десяткѣ.

О времени и порядкѣ продажи помѣщенныхъ въ настоящемъ каталогѣ дублетовъ объявится особо.

Каждая проданная книга, если на ней есть означеніе принадлежности ея Императорской Публичной Библиотекѣ, будетъ отмѣчена особымъ штемпелемъ, доказывающимъ что она перестала составлять собственность Библиотеки.»

Всѣ библиофилы, любители рѣдкихъ изданій, вѣроятно, не замедлятъ пріобрѣсти этотъ любопытный каталогъ, и просмотрѣвъ его внимательно, пополнятъ свои библиотеки замѣчательными изданіями, сдѣлавшимся весьма рѣдкими, не говоримъ уже у насъ, но и въ цѣлой Европѣ.

Мы знаемъ любителей, которые съ радостію покупаютъ всякую книгу, лишь бы она была *очень давно* напечатана. Но этого мало: надобно чтобы книга была замѣчательна и по своему содержанію, а такихъ вы найдете въ каталогѣ весьма много.

СМѢСЬ.

ИЗВѢСТІИ ПЕРЕСЕЛЕНЦА. — *Статья 1. Визана Босет.*

Любезный Арманъ,

Помнишь ли ты тотъ день, когда въ дыму двухъ трубокъ, другъ нашъ Лаббэ рассказывалъ намъ слѣдующій анекдотъ, выкачиваясь на ногахъ и сообщая головѣ и плечамъ выраженіе, вполне соотвѣтствующее идее рассказа.

«Два мужика проходили поле, засѣянное пшеницею; одинъ изъ нихъ сильно толкнувъ товарища локтемъ, закричалъ:

— А! сосѣдъ, глянь-ко, во, лихая пшеница!

Другой, не отвѣчая, будто не слышитъ, продолжалъ идти, вымахивая сплошною кизилевою палкою, привязанною къ рукамъ засаженнымъ отъ частаго употребленія кожанымъ шнуромъ.

По приходѣ въ городъ, каждый занялся своими дѣлами; вечеромъ они встрѣтились, и продолжали дорогу вмѣстѣ.

Проходя извѣстное вамъ поле, владѣлецъ кизилевой палки, въ свою очередь, закричалъ, указывая тростью на послѣдніе колосья:

— И, впрямь, сосѣдъ пшеница-то больно хороша!!!

Сосѣдъ принялъ къ свѣдѣнію этотъ запоздалый отвѣтъ, и, возвратясь домой, пожелавши доброй ночи товарищу, сказалъ ему лукавымъ, вкрадчивымъ тономъ:

К. IX. — Отд. VII.

— Пшеница-то хороша, сосѣдушка, да явилась-то она не въ время.»

Я потому такъ тяжело ударилъ молоткомъ въ дверь твоихъ воспоминаній, что промежутокъ времени между первымъ письмомъ, которое я послалъ тебѣ, и этимъ дѣлаетъ меня очень похожимъ на хозяина кизилевой палки, и что при томъ я люблю мысленно возвращаться въ кружокъ друзей и вообще ко всему, что напоминаетъ намъ лучшія времена.

Уважь эту побудительную причину, выкинь изъ письма это сравненіе, если оно кажется тебѣ несправедливымъ, и прости мнѣ этотъ новый родъ предисловія.

Гдѣ я остановился въ своемъ разсказѣ, гдѣ я тебя оставилъ?

Если не ошибаясь передъ Шершелемъ, кажется такъ. Пушечный выстрѣлъ изъ порта насъ привѣтствовалъ. Дѣло было утромъ.

Надъ головами у насъ блестящее солнце, голубое, безоблачное небо; у ногъ нашихъ спокойное, ровное море; передъ нами безцвѣтныя и вовсе невеличественныя горы, къ подошвамъ которыхъ лѣпятся развалившіяся хижинки, въ родѣ тѣхъ, которыхъ такъ много въ жидевскомъ городѣ (Villejuif). Это Африка представилось изумленнымъ глазамъ нашимъ, Африка, такъ сказать, принадлежащая намъ, колонистомъ двѣнадцатаго отряда.

О, какъ далекъ былъ этотъ печальный и сумрачный видъ отъ образовъ, начерченныхъ моимъ подготовленнымъ воображеніемъ.

Вмѣсто изящныхъ пальмъ, такъ хорошо намъ извѣстныхъ по описаніямъ Марилльота, — бѣдная, захирѣлая растительность вмѣсто правильныхъ линій, очерчивающихъ грандіозную, величественною физіономію горъ, какъ создала ихъ суровая ита Декампа, — однообразныя возвышенности безъ малѣйшаго живописнаго оттѣнка, безъ малѣйшаго характеризующаго ихъ свойства колорита; вмѣсто куполовъ, бѣлыхъ дворцовъ съ террасами, гордыхъ минаретовъ, я видѣлъ только прозаическіе, красныя черепичныя навѣсы, приличные развѣ для конюшенъ.

И вотъ чего искалъ я, когда говорилъ своимъ друзьямъ, страшнымъ моимъ рѣшеніемъ: «нравственно я и тамъ могу быть несчастнымъ; красоты природы будутъ доступны мнѣ, чѣмъ моимъ товарищамъ, потому-что искусство не учило меня любить ихъ. Я составляю себѣ блаженство искать чистое, одному мнѣ понятное; я одушевлю печальный и пустыни; голыя скалы въ извѣстныхъ минуты будутъ мнѣ мнѣ

равнины никогда не будутъ однообразны, горы—высоки, водорезы—глубоки; природа такъ богата и прекрасна всегда и всегда для артиста!

А стинилъ, можетъ-быть, мой послѣдній карандашъ, но сердце еще не разу не забилось отъ красотъ искусства и природы; восохъ въ руку—я найду средства любить, изучать ее.

При видѣ этого порта, при видѣ этого города, вожделѣнно-го конца нашего долгаго путешествія, единственный, громадный крикъ вылетѣлъ изъ тысячи грудей: наконецъ-то!!! Въ этотъ этотъ словъ сосредоточивались и будущность и надежды наши.

Всѣ пассажиры столпились въ одну сторону, чтобы ознамениться съ этой новой обѣтованной землею; потомъ всѣ вошли въ семействахъ своихъ, механически сдѣлая одну сторону, создали къ себѣ женъ, дѣтей, и принялись собирать свои личные принадлежности. Можно было подумать, что каждый изъ насъ принужденъ спасаться бѣгствомъ отъ своего сосѣда.

Каждое семейство составило отдѣльную группу, сдѣлало свой кругъ своимъ вещамъ; но такъ какъ до порта было еще недалеко,—должно было ждать въ бездѣйствіи. И теперь такъ же, какъ въ Марсели, кажется, хаосъ противоположныхъ вытѣсей омрачилъ моихъ спутниковъ; нѣкоторое колебаніе обнаружилось местами, противорѣчивыми словамъ; магнетическая сила повернула всѣ головы въ сторону противоположную теченію.

Грустные переселенцы! Чего ищете вы за безграничностью моря? Бѣдныя женщины, чего ищутъ ваши влажные глаза за этими сѣрыми волнами, приближающимися къ горизонту?

Неба Франціи—не правда ли? Богъ и отечество—не пустые слова; въ нихъ дерзаютъ иногда сомнѣваться—но въ нихъ вѣрять.

Я также смотрѣлъ вдаль, и мучительныя сожалѣнія наполнили мое сердце, холодный потъ струями катился по лицу моему, и когда я подалъ руку женѣ чтобы выдти на площадку, я чувствовалъ, что рука моя трепетала, и что, я такъ-же, какъ и она, имѣлъ необходимость во внѣшней опорѣ.

Когда я сказалъ ей, что мы вѣрѣхали, заглушенное рыданіе взволновало ее грудь. Подобно всѣмъ, она бросила послѣдній взглядъ въ сторону Франціи. И для нея, какъ для всѣхъ, слово всегда было начертано скорѣе въ прошедшемъ, чѣмъ въ будущемъ, и простые слова ее обнаружили смущеніе, влажное лицо, которое до-вѣдь-порѣ я старался скрывать отъ нея.

— Мы ее снова увидимъ, не правда-ли?

Вы знаете другъ мой, бываютъ минуты, когда слово самое простое въ тоже время и самое краснорѣчивое, а (я говорю увѣренности, что вы не будете смѣяться) въ эту минуту я имѣлъ силы отвѣчать ей. Мы стояли другъ противъ друга, Шарль между нами, и мы оба плакали, какъ дѣти, толп что осиротѣвшія.

Однако нравственная энергія воротилась ко мнѣ. Здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, я долженъ былъ предаваться своей обильной чувствительности, чувствительности, впрочемъ, согласись, весьма извинительной въ подобномъ случаѣ. Я хотѣлъ показать женѣ землю, усыновившую насъ, но она, обративъ взглядъ къ порту, толковала мнѣ о Франціи. Я показалъ ей нашего ребенка, напомнилъ ей, что для него и для его брата приносимъ мы эту жертву, что они заплатятъ намъ это въ будущемъ; но мои неловкія утѣшенія вызвали только слезы на глазахъ бѣдной матери.

— Мы оставили тамъ самаго маленькаго изъ дѣтей нашихъ сказала она: Богъ знаетъ, увидимъ ли мы его, Богъ знаетъ тоже, не оставимъ-ли мы здѣсь старшаго, въ этой землѣ, гдѣ гибнетъ все, что молодо.....

И дважды поцаловавъ Шарля, какъ бы объясняя эти слова, она продолжала:

— Бѣдныя братья! Можетъ-быть, вы никогда не увидите. Эти слова уязвили мое сердце; они были для меня прежвременнымъ упрекомъ. Жена поняла это, и сжимая мою руку, взглядомъ просила у меня прощенія.

Впрочемъ не мы одни плакали; кругомъ насъ всѣ утирали слезы. Я замѣтилъ бѣдную мать, въ тишинѣ упивавшуюся крупными слезами, которыя текли одна за другою по ея отцушему лицу. У груди она держала ребенка, и судорожно прижимала его къ себѣ, время отъ времени покрывая его порывистыми поцалуями.

Я вспомнилъ, что это та самая бѣдная мать, которая лилась одного изъ кровныхъ въ необитаемой землѣ между Монтарьи и Роньи.

Между дѣтками происходила не менѣе трогательная сцена женщина съ четырьмя дѣтьми, охватившими ея руки и шею, хотѣли вступить на декъ; необходима была сила, чтобы придать ее къ этому. Женщина эта и ея дѣти испускали про-

тѣмъ крики. Мнѣ сказали, что эта несчастная мать,—жена Нан, утопленнаго въ колодезь, не доѣзжая Шомона *.

Г. де-Меноръ очень кстати явился переимѣнить направлѣніе нашей шлюпки. Я искренно поблагодарилъ его за его обязательную предупредительность во-время перенравы, и предложилъ ему весьма незначительный рисунокъ съ натуры въ Сен-Жерменскомъ лѣсу. Онъ принялъ подарокъ, предложенный безъ кривови и отъ чистаго сердца, и взаменъ нагрузилъ мои шкатулки французскими сигарами. Мы закурили. Я показавъ жену, и онъ понявъ знакъ мой съ тою утонченностью такта, которая встрѣчается только у людей съ душою, повелѣлъ къ корабельной обшивкѣ, и сообщилъ, все, что самъ зналъ о Шершелѣ, видѣвшемся передъ нами.

Ближе всего къ намъ, началъ онъ, на этой скалѣ — фортъ Шершель, сзади скалы — новый строящійся портъ и портъ Шершель. Минаретъ прямо передъ нами; съ крестомъ на вершинѣ — церковь. Нѣсколько далѣе это бѣлое строеніе съ красными флагами — морской корпусъ. Лѣвѣе трапеція, составленная изъ камней, обросшихъ мохомъ, у подножія которой развалины лафетовъ безъ орудій — фортъ Шершель. Еще далѣе это высокое, огромное квадратное строеніе, снабженное куполомъ, гордо возвышающимся — караванъ-серай, зданіе, о которомъ вы видите по чистотѣ отдѣлки, въ новомъ вкусѣ.

Потомъ больницы марабутовъ Сиди-Брахамы и Гхобринны, съ массивными колоннами и зубчатыми крышами. Вправо эта квадратная башня съ колокольнею — древняя мечеть, нынѣ госпиталь; потомъ эта менѣе возвышенная башня, нынѣшняя мечеть, и наконецъ мастерскія и городскія учрежденія.

Выше всего огромный паралеллограммъ, симметрически расположенный, мрачный, правильный, холодный — казармы; наконецъ этотъ укрѣпленный поясъ, стягивающій городъ съ востока на западъ — крѣпостная стѣна съ тремя воротами.

Вотъ все, что видно въ Шершелѣ съ моря, все, что мнѣ сообщилъ г. де-Менонъ.

Во въ это время на кораблѣ произошло общее движеніе, и г. де-Менонъ оставилъ насъ. Ботикъ Мофог привезъ съ берега мѣстное гражданское и военное начальство; нѣсколько минутъ у меня рябило въ глазахъ отъ трепѣтанныхъ шарфовъ, золотыхъ золотомъ и серебромъ мундировъ, золотыхъ эполетъ

* Потомъ узналъ я, что и мать и дѣти умерли отъ голода или отъ лихорадки въ шершельскомъ госпиталѣ.

и пр. Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ вамъ, что при насъ была шлюпка; я спустился въ нее, но жону довольно трудно было уговорить рискнуть на переправу въ этомъ утломъ чнокѣ, тѣмъ болѣе что веслами управляли арабы, а арабы по понятіямъ сиционимъ дикаго звѣря. Нашего Шарля вся эта матоха очень занимала.

Съ помощію отважныхъ гребцовъ мы быстрее причалили берегу; море было покрыто подобными нашему небольшимъ судамъ, наполненнымъ тоже колонистами.

Съ берега я увидѣлъ нашего капитана; знамя дрожало рукъ его подъ легкимъ морскимъ вѣтеркомъ. Мы вступили африканскую пѣчу въ четверть двѣнадцатаго.

Потомъ тѣмъ же порядкомъ, какъ при переправѣ, мы орались подъ знамя, и слѣдуя за нарочными указывавши намъ дорогу, напѣвали старую пѣсню:

Составимъ одно семейство и пр.

и взбирались по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ, которыя ли къ морской отели.

Тамъ нѣсколько стульевъ, лавокъ, дубовыхъ скамеекъ, прилагали намъ отдохновеніе, прежде чѣмъ идти въ казармы, гдѣ насъ должно было ожидать приказаніе отправиться въ ревню.

Прежде всего усѣлись женщины, съ любопытствомъ и удивленіемъ озиравшіяся; едва стулья были заняты, тогда же, со стороны городскихъ дамъ, теплое молоко съ сахаромъ было подано дѣтямъ, бульонъ больнымъ, а остальнымъ чаемъ.

Въ это время капитанъ Шаниъ отправился съ рапортомъ къ коменданту. Толпа озабоченныхъ наблюдали за нами, стараясь уловить жестъ, слово, чтобы потомъ, не-смотря на ихъ неопрятныя одежды и утомленныя фізіономіи; по этимъ случайнымъ признакамъ заключить о истинномъ характерѣ каждаго изъ насъ, и вообще о нравственности отряда. Для нѣкоторыхъ это дѣйствительно было счатіе, встрѣтиться съ людьми изъ рижска, съ своими единовѣрцами; но для всѣхъ это было скучное развлеченіе въ монотонной, провинціальной жизни; торую и въ Шершели проводятъ тоже какъ и въ другіхъ провинціяхъ.

Послѣ завтрака намъ объявили, что шершельскій священникъ желаетъ сказать намъ слово и дать необходимыя совѣты.

Дѣйствительно онъ явился и произнесъ небольшую рѣчь въ которой выхвалялъ нашу рѣшимость, и предлагалъ

нуждаться необходимымъ мужествомъ, чтобы перенести затрудненія, сопряженныя съ нашимъ новымъ общественнымъ положеніемъ.

«Матъ тяжестью часто смертельнаго климата, говорили оны, которые изъ насъ падутъ.— Не плачьте объ нихъ долго.

«Воспитывайте въ страхѣ Божіемъ дѣтей вашихъ, которыхъ ожидаетъ рука смерти; внушайте имъ смолоду это божественное зарѣченіе: возлюбимъ другъ друга, и главное, показывайте имъ спасительный примѣръ. Очи всей Европы устремлены на васъ, Франція вамъ сочувствуетъ и вамъ удивляется; будьте достойны этого сочувствія, помните, что мать отчаянна выжидаетъ на ваши силы, и не забывайте, что отъ воспитанія, которое вы дадите въ вашимъ дѣтямъ, зависитъ ихъ будущее благодостояніе и судьба возраждающейся колоніи.

«Постоянно примѣняя къ жизни слова св. писанія, вы достигнете благополучія, котораго ваша преданность заслуживаетъ. Въ второго я желаю вамъ отъ чистаго сердца. Аминь.»

Это желаніе въ устахъ служителя Христова, это благословеніе, данное дрожащею рукою и взволнованнымъ голосомъ, казалось, пробудило во всѣхъ сердцахъ забытыя воспоминанія, возвышенныя чувства.

Хотя не во всѣхъ отношеніяхъ рѣчь была совершенно ктати, и не выражала глубиною идеи, каждый изъ насъ былъ глубоко проникнутъ ею; вмѣстѣ съ пасторомъ всѣ перекрестились, женщины мали на колѣни. Ни что не приближаетъ такъ къ Богу, какъ несчастіе.

Приказаніе было отдано слѣдовать въ назармы, гдѣ насъ встрѣтила мѣстная національная гвардія. Знамя колонистовъ развѣвалось долаѣ знамени обывательнаго войска, и мы съ бароншинымъ боемъ вступили въ городъ.

Уже прежде я предпринялъ описаніе этой древней римской колоніи; впрочемъ, вы поймете, любезный Артуръ, что въ эту минуту возмѣненіе препятствовало мнѣ наблюдать методически. И такъ, вы подождете, подобно мнѣ, произнести рѣшительное сужденіе объ Шершеелѣ, пока я тщательно не изучу его.

Больше всего привлекали мое вниманіе туземцы. Вы видите, любезный, знаете, что это такое, и какъ они поражаютъ съ перваго взгляда; вы помните этотъ рѣзкій, энергическій, вѣскомаго индійскій типъ, встрѣчаемый въ горныхъ Кабилахъ.

По этому, откровенно признаюсь вамъ, они болѣе всего меня привлекали. Они сидѣли на ступеняхъ скалы, гордо удерживая въ себѣ, важныя и молчаливыя, ведическаго драпидура

своими мантиями изъ лохмотьевъ, блестящими отъ южнаго солнца. Нѣкоторые изъ нихъ, должно-быть изъ простыхъ, прикрывались только плащами; ноги и руки у нихъ были обнажены, а на головахъ красовались грубыя, красныя чепчи; нѣкоторые держали въ рукахъ странническій посохъ, и имѣли на ремнѣ множество талисмановъ, заключенныхъ въ кожаныхъ мѣшечкахъ или въ всякихъ портфеляхъ, называемыхъ *джбетика*. Все оружіе ихъ состояло въ дурно отдѣланныхъ пикахъ, которыми они брѣютъ себѣ головы. Вообще богатые или бѣдные, сидя или бродя, они васъ поражаютъ сознаниемъ своего достоинства, этимъ суровымъ спокойствіемъ, о которомъ упоминаетъ Гомеръ.

Каждая группа этихъ щедро-одаренныхъ физически людей, величественно закутанныхъ въ свои лохмотья, съ простою и гордою осанкою, составляли для меня цѣлыя страницы произведеній Флакманна, и даже иногда еще лучше.

Взятый отдѣльно и рассмотрѣнный со всѣхъ сторонъ, каждый Арабъ—превосходная статуя; древность не производила ничего подобнаго.

Правда, что костюмъ много способствуетъ очарованію; малѣйшее движеніе измѣняетъ складки одежды, а это измѣненіе всегда прекрасно обрисовываетъ безукоризненно-правильныя линіи.

Я говорю не о городскихъ Маврахъ, т. е., о собственно Шершельцахъ: они одѣваются богаче Кабиловъ, но съ артистической точки зрѣнія, они мнѣ менѣе нравятся и напоминаютъ Турокъ изъ Санкту или Бабина.

Между-тѣмъ, мы все шли, сопровождаемые горожанами и множествомъ гарнизонныхъ офицеровъ. Наконецъ, мы прибыли въ казармы, построенныя на обширной площади, окруженной грубою стѣною, снабженною бойницами. Казарма — это огромное, длинное, квадратное зданіе, съ тремя воротами на главномъ фасадѣ, за которыми находятся лѣстницы, ведущія въ комнаты. 26 окошекъ, расположенныхъ въ два этажа, и считая подваловъ, вырублено на улицу. Лѣвѣе главнаго корпуса, во флигелѣ, три павильона занимаютъ унтер-офицерыми. Эти павильоны соединяются съ зданіемъ посредствомъ стѣны, которая служитъ имъ чертою соединенія, оставляя ихъ уединенными.

Правѣе есть еще павильонъ, въ который проникаютъ черезъ причудливый подъездъ; павильонъ этотъ назначенъ офице-

ривъ, которые, предпочитая городъ, никогда здѣсь не живутъ.

Передъ за ограду, мы ожидали прибытія обозовъ съ нашимъ багажемъ; въ это время сформировались группы, завязались разговоры между колонистами и любопытными гражданскими и военными чиновниками, потомъ я видѣлъ нѣсколько семействъ, которымъ удалось собрать свой небольшой багажъ и которые съ удивленнымъ видомъ наблюдали за другими.

Наконецъ, обозы прибыли, и такъ же, какъ въ Марсели, при выгрузкѣ каждый началъ отыскивать свое.

Вѣщи были очень плохо сбережены, многіе сундуки открыты, ящики сломаны, нѣкоторые тюфяки потеряли даже и самый остатокъ шерсти.

Начальную картину представляла эта груда распоротыхъ тюфяковъ, до такой степени замаранныхъ грязью, что хозяинъ вещей не могъ отличить ея отъ другихъ. Все это было перепутано одно на другомъ, одно въ другомъ, и производило смущеніе, дѣлавшее рѣшительно невозможнымъ признаніе вещей своею собственностью.

До прибытія втораго обоза, г. де-Менонъ пришелъ проститься съ нами; я старался какъ можно долѣе удержать его. Рука этого превосходнаго человѣка, которую я не выпускалъ изъ себя, казалось мнѣ послѣднимъ звеномъ цѣпи, связывавшей насъ съ Франціей; я почти удивился за нея.

Но обязанности службы призывали его; мы разстались.

Съ большимъ трудомъ я могъ наконецъ собрать свои главные ящики; и ожидая прибытія новыхъ обозовъ съ остальными, вознамѣрился осмотрѣть помѣщеніе, назначенное для моего капральства. Нѣкоторыя семейства почти совсѣмъ устроены; тюфяки были разбросаны по полу; кузовы, коробки, различныя утварь обременяла полки, придѣланныя въ стѣнѣ.

Дѣти бѣгали взадъ и впередъ со смѣхомъ и любопытствомъ; мужчины бились, женщины старались поправить свои растрепанные прически.

Около кухни струились фонтаны. Съ наслаженіемъ бросилъ я совершать слишкомъ необходимое омовеніе. Однако мнѣ пришлось долго ждать мѣста у крановъ. Широкая лѣстница, ведущая въ комнаты, была постоянно завалена колонистами, изъ которыхъ одни тащили ящики, другіе тюфяки, тюки, кузовы и проч.

Тщательный осмотръ нашего новаго помѣщенія, довольно чистаго и обширнаго, далъ мнѣ однако поводъ опасаться, чтобы

вторженіе 850 человекъ, числящихся въ нынѣшъ отрядѣ, произвело, по долговременности пребыванія, заразительныя болѣзней.

На дворѣ была въ полномъ смыслѣ суматоха, разногласія разговоровъ, криковъ, стука отъ молотковъ и падающихъ досокъ. Жена моя, усѣвшись на своемъ сундукѣ, ожидала ерди этого шума полного прибытія нашего багажа. Бѣдная женщина, давно ли ты была такъ весела, и куда нечеловѣка теперь уоя рѣзвость? Она сидѣла грустная, задумчивая, и видѣ этой бѣдности, которую выгружали со всѣхъ сторонъ, кажется дѣлалъ ее еще бѣднѣе.

Начальники командъ въ трехцвѣтныхъ шарфахъ опрашивали людей для распредѣленія квартиръ, между-тѣмъ, какъ старшіими офицерамъ милиція былъ устроенъ общій обѣдъ.

На насъ все время было устремлено снисходительное вниманіе, и это участіе тѣмъ болѣе намъ нравилось, что мы еще не совсѣмъ свыклись съ новымъ нашимъ положеніемъ.

Соблюдая экономію, я продолжалъ курить сигару, которая уже давно жгла мнѣ пальцы, когда молодой человекъ, отдѣляясь отъ группы офицеровъ, вопрошалъ у меня огни.

Пока онъ закуривалъ папиреску, я разглядѣлъ его мундиръ, и прочелъ на пуговицахъ «Interprète militaire», т. е. *военный толмачъ*.

— Не знавали ли вы R? сирочилъ я безъ околичностей у моего незнакомца, и получивъ отъ него удовлетворительный отвѣтъ, сообщилъ ему самыя живоотрешущія новости объ R, тоже прикомандированномъ къ арабской канцеляріи; я видѣлъ его въ Парижѣ за нѣсколько дней до моего отправленія, онъ былъ тамъ въ отпуску. Разговоръ тотчасъ ваяздался обо всемъ, что могло интересовать его во Франціи, мѣля въ Алжирѣ.

Наконецъ, тщательно удостовѣрившись въ моемъ характерѣ и прошлой жизни, онъ ознаменовалъ наше новое знакомство приглашеніемъ обѣдать.

— Я бы желалъ, весело сказалъ онъ: первый предложеніе вамъ кускусу гостепріимства и кофлетку уваженія, которымъ я къ вамъ проникнуть.

Не-смотря на живѣйшее мое желаніе начать изученіе арабскихъ нравовъ со стороны кулиарной, я отказался отъ приглашенія, возражалъ, что я не одинъ, что у меня жена, ребенокъ, и что поэтому я не могу безукоризненно усадить за его гостепріимный столъ трехъ гостей.

— Что за пустяки, отвѣчалъ онъ. Я вѣдь тоже не одинъ;

у насъ тоже трие мѣхикъ малыхъ съ добрыми сердцами и
мѣхикъ желудками; мы три раза въ день садимся за столъ,
гдѣ въ случаѣ необходимости могутъ быть и двѣнадцать че-
ловѣкъ. У насъ стульевъ кватаетъ на восьмерыхъ, тарелокъ
еще на мѣсяць. Вы меня очень обяжете принявъ про-
стой обѣдъ, который я безъ церемоніи вамъ предлагаю. Мы
обѣдимъ въ 6 часовъ. Рѣшено, въ 20 минутъ 6-го я приду за
вами на это самое мѣсто. Представьте меня господамъ....

Бесѣ, примолвилъ я, оканчивая его фразу.

— Идемте, сказали онъ; мы взяли за руки и пошли на до-
воръ двора, гдѣ сидѣла пригорюнившись моя жена.

— Другъ мой, сказалъ я ей, когда они раскланялись, реко-
меную тебѣ.....

— Фараонъ де-Бальбакъ, прибавилъ онъ въ свою очередь.

— Другъ В..., продолжалъ я. М. де-Бальбакъ былъ такъ
интересенъ, что изъявилъ желаніе быть нашимъ чичороне въ
этомъ краю, гдѣ намъ неизвѣстны ни дороги, ни обычаи, и кро-
мѣ того удостоилъ насъ пригласить сегодня обѣдать.

— Вы очень добры, отвѣчала она: но я не могу показаться
въ порядочное общество въ этомъ видѣ....

— Я предвидѣлъ это возраженіе, отвѣчалъ нашъ молодой че-
ловѣкъ, и увѣдомляю васъ, что у меня вы найдете все необ-
ходимое для туалета; моя комната къ вашимъ услугамъ, и пока
я буду показывать городъ вашему супругу, вы успѣете опра-
титься. Итакъ, вы согласны, не правда ли?

И раскланявшись съ нами, онъ догналъ своихъ друзей, ко-
торыхъ для насъ оставилъ.

Вы видите, любезный Арманъ, ваше предвѣщаніе начинается.
Бываться: вы тутъ въ самомъ скоромъ времени заведете зна-
чительства, которыя будутъ вамъ полезны или, по-крайней-мѣрѣ,
дадутъ возможность проводить пріятнѣе долгіе годы удаленія
отъ родины, чѣмъ вы предполагали.

Дѣйствительно, едва прибывъ, я свелъ сношенія съ юно-
шей, который, кажется, добрый малый (это пріятное) и по сво-
ему общественному положенію можетъ быть мнѣ полезнымъ въ
нѣкоторыхъ мѣхикъ занятіяхъ, и даже, можетъ-быть, въ
моей карьерѣ колониста (это полезное).

Это служить подкрѣпленіемъ тому, что я уже говорилъ въ
своихъ прежнихъ писъмахъ: «Вездѣ есть добрые люди».

Каждый день, который прибавится къ моей жизни, эти добрые
люди будутъ имѣть право на мою признательность: въ несча-
стіи, и дружеское пожатіе гостепріимной руки оставляетъ

неизгладимый слѣдъ. Итакъ, спасибо добрымъ людямъ, протянувшимъ мнѣ свои руки, особенно вамъ г. Фараонъ, потому что вы первый утѣшили меня своимъ радушиемъ гостепріимствомъ; будьте увѣрены, близко ли, далеко ли, я отъ васъ буду—я васъ не забуду никогда.

Наконецъ послѣдній обозъ привезъ мое остальное имущество; я ничего не потерялъ; одинъ только ящикъ былъ испорченъ; но это мелочь; другіе имѣютъ болѣе меня причинъ жаловаться....

Одинъ ищетъ свой чемоданъ, другому остался только матрацъ, третій потерялъ свое единственное одѣяло, четвертый изъ всей своей посуды находитъ только черепки, и проч. и проч.

Я наконецъ спрашиваю, какъ можетъ растеряться что нибудь? Неужели между нами есть люди, которые всегда находятъ и никогда объ этомъ не говорятъ, которые находятъ именно то, что другіе случайно теряютъ? Къ чему же послѣ этого служить многочисленныя свидѣтельства въ доброй нравственности, требуемая коммиссіею?..

Кто-то меня ударилъ по плечу. Я оглянулся— это былъ г. Фараонъ, который искалъ насъ.

— Вы готовы? спросилъ онъ.

— Готовы.

— Такъ идемте!

Не даромъ все меня поражало въ этихъ почти пустынныхъ улицахъ, наполненныхъ развалинами. При видѣ этихъ разрушившихся стѣнъ, воротъ изсѣченныхъ жестокостью, расколотыхъ, продыравленныхъ, сквозящихъ со всѣхъ сторонъ, при видѣ этихъ паразитовъ свободно растущихъ на щеляхъ, проскурняка, возвышающаго свои широкія листья посреди безчисленныхъ чертополоховъ, грубо охватывающихъ его своими иглистыми объятіями, этихъ большихъ ящерицъ, выжидающихъ въ тишинѣ свои невинныя жертвы—невольню угадывается, что война оставила здѣсь свои опустошительныя слѣды. И если бы не встрѣчались здѣсь Мавритянки, тяжело выступающія и почти спеленатыя своими грубыми санками которые изъ всей наружности женщины дозволяютъ только видѣть загноившіеся глаза и отвратительныя ноги, еслибы у каждаго воротъ не визжали и не копошились грязныя, сопливыя, почти нагіе дѣти—можно бы подумать, что городъ усыпленъ какою-то сверхъестественною силою.

Каждый шагъ на этой пустынной дорогѣ звучитъ будто на каменщѣ.

И однако въ Шершелѣ считается болѣе 2000 жителей, включая гарнизонъ, изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ туземцы.

Наконецъ мы прибыли къ нашему хозяину. Г. Фараонъ привалъ насъ съ восхительнымъ радушіемъ. Красивенькій домикъ воеводаго челоуѣка нѣсколько поразилъ своею внутреннею обстановкою насъ, привыкшихъ къ блестящей парижской мебелировке. Но какъ бы то ни было, это былъ домъ, въ немъ можно было найти стулья, даже диванъ, а согласитесь, что для людей дѣль долго сидѣвшихъ и лежавшихъ на деревянныхъ 18-дюймовыхъ скамейкахъ—это даже роскошь.

Послѣ небольшого отдыха и освѣжительнаго умыванія, мы вышли на террасу, взглянуть съ этой стороны на городъ и море.

Долодъ обладаетъ сердце, сжимающееся при этомъ видѣ; нужно привыкнуть къ этому печальному зрѣлищу, чтобы оставаться безчувственнымъ: со всѣхъ сторонъ опустошенные дома, мусоръ, да развалины.

Пока я разсматривалъ во внутренности необитаемаго дома арки галерей, поддерживаемой небольшими, прелестными колоннами, носившими слѣды огня и меча, жена моя, вытянувъ шею, не отводя глазъ отъ горизонта, слѣдила за движеніемъ черной точки, мало-по-малу исчезающей въ туманѣ, и наконецъ совершенно слившейся съ безграничностью моря.

Это кацикъ возвращался во Францію.... Подъ неотравнымъ вѣніемъ еще долго мы смотрѣли, пока совершенно не потеряли его изъ виду....

Фараонъ, замѣтивъ, что глаза наши влажны отъ сдерживаемыхъ слезъ, предложилъ намъ разсѣяться прогулкою. Но жена предпочла остаться съ утомленнымъ отъ продолжительнаго путешествія Шарлемъ.

Мы отправились въ городъ, и прошли улицу Миліунахъ, которую я еще утромъ видѣлъ мимоходомъ. Только эта улица еще нѣсколько сохранила свой первобытный характеръ.

Навѣсы, устроенные при переднихъ галереяхъ, подъ которыми никогда не проникаетъ солнце, служатъ вмѣсто лавокъ. Здѣсь помѣщаются арабскіе сапожники (Шершелъ славится обувью и глиняною посудой); туземцы—продавцы платковъ, вѣсовъ, *гайковъ*, *футасовъ* и проч.; далѣе продавцы сигаръ—и мавританскія кофейни, грязныя и закуренные углубленія, вну-

три мотора въ стоятъ печи, довольно живописная на фарм по подробностямъ.

Передъ этой печкой, въ которой готовится кофе (кофе), постоянно стоитъ хозяинъ *кабуадамъ* съ длинною трубою себѣ въ одной, а въ другой держитъ ложку, которую кладетъ въ чашку *мерсерфе*, когда разливаетъ кофе.

На полу, во всю длину стѣны, разостланы пальмовыя цицки, на которыхъ намъ сидѣть скрестивши ноги, или лежать тѣмные потребители.

Мы тоже обѣли на короточки, какъ португальцы, и намъ подали длинной набитой и закуреной трубкѣ, и кофе въ крещичны чашкахъ.

Вы, другъ мой, нѣсколько путешествовали, стало-быть должны знать, что, малая осмотрѣть все, почти ничего не видишь и такъ я надѣюсь, что вы позволите мнѣ не произносить и рѣшительное мнѣніе объ мавританскихъ кофейняхъ, пока я не осмотрю ихъ еще. Эти новыя нравы и обычаи такъ поражаютъ меня, что я едва имѣю время поверхностно разсмотрѣть что-нибудь замѣчательное. М. Фараонъ обѣщался мнѣ также познать другія подобныя учрежденія, въ разныхъ отношеніяхъ интересныя.

Все, что могу я теперь утвердительно сказать вамъ, это то, что хозяинъ показался мнѣ неопрятнымъ, чаинки грязными, кофе слишкомъ горячимъ и интатальнымъ, чтобы быть вкуснымъ и чистымъ.

По словамъ моего проводника, мнѣ недостаетъ привычки, чтобы находить мавританскій кофе вкуснымъ. Нужно нѣкоторое умѣніе употреблять его, и это умѣніе пріобрѣтается практикою.

Г. Фараонъ увѣряетъ, что чрезъ нѣсколько времени кофе приготовленный по-французски, будетъ казаться мнѣ отвратительнымъ, приторнымъ напиткомъ.

Пробѣжавъ, въ буквальномъ смыслѣ, городъ, остановили нѣсколько разъ моего обязательнаго чичероне передъ маленькими, очень красивыми фонтанами, взглянувъ на церковь расположенную въ маленькой плохой мечети, мы вошли въ вечерній клубъ, вынуть рюмку польной передъ обѣдомъ.

Этотъ клубъ не что-иное, какъ довольно печальный французскій кафе-ресторанъ, въ который имѣютъ доступъ только гарнизонныя офицеры, высшіе чины военного управления старшіе гражданскіе чиновники, но и каждый *фимашскій*, пр

дѣло одобренъ и представленный однимъ изъ членовъ, охотно зѣе принимается.

Въ клубѣ есть биллиардная зала, зала для чтенія (общество изучаетъ почти всѣ журналы) двѣ залы игорныя, библіотека и, наконецъ, садъ.

Я узнавалъ тамъ молодыхъ людей, которыхъ видѣлъ при высадкѣ; эти господа толковали съ нѣкоторымъ одушевленіемъ и, мнѣ мнѣ казалось, нѣсколько по рыцарски, не объ колонизаціи, не о впечатлѣніяхъ, какія могло произвести на нихъ чувства пребываніе отряда, нѣтъ, они толковали о хорошихъ колонистахъ, которыхъ мнѣ удалось встрѣтить.

— Ге! Ге! кричали они, хлопая въ ладоши: ге, ге, берегись!

Эти дем-шуановскія воззванія, эта самоувѣренность тяжело отпавали въ моихъ ушахъ, я слышалъ знакъ г. Фараону, въ мысляхъ.

— Я вамъ чаю, сказалъ я ему на улицѣ: что эти господа пытаются искать сердечныхъ приключеній.

— Да, это правда, отвѣчалъ онъ: вѣдь много радуются вашему прибытію.

— Это грустно, очень грустно, продолжалъ я:

Обѣдъ былъ готовъ. Одною изъ хозяевъ, офицера гвардейской національной артиллеріи, не было дома, онъ присутствовалъ на празднествѣ, учрежденномъ для нашего товарища.

Другой былъ молодой человекъ, котораго утромъ я видѣлъ послѣднимъ муниципальнымъ шарфомъ и съ фязіогномією, показавшею важность, сообразно обстоятельствамъ.

Сядя за столъ, господинъ этотъ, стѣснявшійся своею важностью столько же, какъ и трехцвѣтнымъ шарфомъ, спряталъ это и другое въ карманъ.

Фамилія его Хелю, онъ былъ секретаремъ 1-го класса и исполнялъ обязанности гражданскаго комиссара въ отсутствіи почетнаго комиссара г. Оттена:

Вы видите, другъ мой, что мой первый дебютъ удаченъ, то я попалъ въ довольно хорошее общество.

Кускуссу мнѣ не понравилось. Это что-то въ родѣ зеренъ въ полубѣлаго теста, разваренныхъ отдѣльно одно отъ другаго въ масле.

Кушанье это, составляющее фундаментъ арабской гастрономіи, употребляется или сухое или съ соусомъ изъ индійскаго перца. Иногда прибавляютъ къ нему жареную баранину и курицу, приговаривая на разные манеры; это очень печальная вища;

когда въшь ее, кажется, ротъ намолненъ просомъ, которое мы даемъ канарейкамъ.

За обѣдомъ эти господа показали себя съ самой хорошей стороны, они были сколько возможно любезны и предупредительны, короче я думаю, что поболтавъ еще нѣсколько времени послѣ кофе, мы разстались очень довольные другъ другомъ.

Пробило 10 часовъ. Г. Фараонъ пошелъ провожать насъ. Въ первый разъ въ жизни услышали мы мрачные и пронзительные крики шакала. Жена въ испугѣ прижалась ко мнѣ, но чичероне нашъ увѣрилъ ее въ мирныхъ привычкахъ животнаго, привязаннаго на колъ къ городской стѣнѣ.

У воротъ казармъ мы простились съ г. Фараономъ. Часовой пропустилъ насъ на дворъ, только по предъявленію мною колонистскаго билета. Дойдя до площадки на лѣстницѣ, я хотѣлъ взять свои тюфяки, чтобы устроить въ комнатѣ постель на мѣстѣ, которое, вѣроятно, сбережено для меня, но едва взялся за первый тюкъ, другой часовой, котораго я не замѣтилъ, закричалъ:

— Не трогать, товарищъ!

— Но вѣдь я беру только свое, возразилъ я.

— Мнѣ все-равно, я исполняю свою обязанность.

Я не зная, что дѣлать, когда сержантъ гвардіи, выйдя изъ своей комнаты, спросилъ, что мнѣ нужно.

Я объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Часовой знаетъ только свои обязанности, отвѣчалъ онъ: впрочемъ дѣло можно поправить; я не могу приказать перевести ваши постели, но въ моей комнатѣ есть нѣсколько свободныхъ тюфяковъ. Если хотите, я вамъ дамъ по одному тюфяку, по простынѣ и большой мѣшокъ, который замѣнитъ вамъ одѣло. Вы влѣзете въ него по шею, укутаетесь простынею; супругъ вашей, можетъ-быть, будетъ не совсѣмъ ловко, за то ночь кое-какъ пройдетъ; завтра вы возьмете свои предосторожности, и утромъ все мнѣ расскажете. Я помогъ женѣ войти въ комнату, и самъ тотчасъ догналъ ее, обремененный ночнымъ приборомъ.

Исключая госпитальныхъ залъ, я не знаю ничего печальнѣе этихъ огромныхъ спаленъ, пустота которыхъ дѣлаетъ ихъ еще огромнѣе. Свѣтъ никогда не проникаетъ въ отдаленные углы; продолжительное эхо отвѣчаетъ малѣйшему шуму; гигантскія тѣни исчезаютъ, снова появляются, растутъ, танцуютъ, слѣдуютъ колебаніямъ трепещущаго, сомнительнаго свѣта. Тамъ раздаются храпѣніе спящихъ, адсья неясныя звуки желающихъ за-

спать или больныхъ — все это располагаетъ къ грусти, внушаетъ панической страхъ. Здѣсь говорятъ вполголоса, ходятъ на цыпочкахъ, сдерживаютъ голосъ и движенія.

Я испыталъ эти ощущенія, войдя въ комнату, гдѣ жена уже ждала меня. Всѣ или спали, или казались спящими. Четыре капральства совершенно устроились для долгаго пребыванія; въ другой комнатѣ, повыше нашей, спали еще четыре капральства. Дверь съ шумомъ захлопнулась за мною, и своды гѣстницы далимъ эхомъ воздѣйствили мое прибытіе.

При слабомъ мерцаніи лампы, я съ грустью началъ готовить ваше ложе почти у самыхъ дверей, потому-что другіе солдаты сострадательно заняли каждый для себя всѣ мѣста, и только можно было расположиться. Я никого не хотѣлъ тревожить, и положивши на полъ тюфякъ, которымъ насъ обласалъ сержантъ, и съ обѣихъ сторонъ по мѣшку, накрытому войлокомъ, устроилъ такимъ образомъ двѣ постели. Мы улеглись въ мѣшки, уложили Шарля между нами, и каждый нѣсколько предавался размышленіямъ о впечатлѣніяхъ перваго длиннаго дня, проведеннаго на африканской землѣ.

Признаюсь, что мои мысли были вовсе не веселы. Сколько времени въ теченіе 21 дня! Ни разу не спали мы какъ слѣдуетъ, подъ своею кровлею. Привыкнувъ къ осѣлости, какую цыганскую жизнь принужденъ я вести теперь съ своимъ семействомъ! Когда же мы будемъ въ своей деревнѣ, устроимся, обзаведемъ хозяйствомъ, будемъ наконецъ дома? Увы! еще долго ждать. Намъ предстоятъ намъ ночлеги въ шалашахъ, гдѣ говорятъ 24 семейства помѣстятся, едва отдѣленные одно отъ другаго нѣсколькими досками. Въ этой продолжительной общительности жить что-то утомительно-несносное, каждый составляетъ звѣно въ общей цѣли, многіе готовы оторваться, и даже отречься отъ цѣли. И всѣ одного мнѣнія со мною, всѣ соглашаются, что подобное существованіе—пытка: когда же наконецъ будемъ мы дома?

Ахъ, когда кончится это испытаніе! Первый годъ, какъ бы тамъ ни былъ худъ, пройдетъ скоро. Тогда новая жизнь наша будетъ обезпечена.... только бы болѣзни не отяготили наше положеніе. Но мы молоды, мы одолѣемъ, будемъ сильнѣе болѣзней.... Я одаренъ физическою бодростью, нравственною твердію, я почерпну въ своихъ побужденіяхъ постоянство — въ преслѣдованіи цѣли.

Словко новаго для глаза! Наша деревня расположена, можетъ-быть, среди прекрасной страны. Я буду изучать глазами, памятью, составлю альбомъ.

Также, если климатъ здѣсь здоровъ, если я увижу, что здѣсь можно жить плугомъ, лучше чѣмъ тамъ карандашемъ, я пошлю за маленькимъ Арманомъ; отецъ и мать тоже прїѣдутъ-и намъ и все семейство, каждый вечеръ будетъ соединено кругомъ вина; мы будемъ говорить объ родинѣ, объ оставленныхъ друзьяхъ—тогда жена моя будетъ счастлива.

Наконецъ, кто знаетъ, можетъ-быть богатство, дѣла или удовольствїя, время отъ времени будутъ посылать сюда тѣхъ, которые тамъ не хотѣли сказать мнѣ: прости, и повторили только: до свиданїя. О какая радость, какія минуты!

И я заснулъ подъ обаяніемъ этой утѣшительной мысли.

Не удивляйтесь, мой другъ, если въ будущихъ своихъ разсказахъ, я не буду слѣдовать, какъ прежде, строгому хронологическому порядку. Протекло множество дней, неознаменательныхъ замѣчательными событіями. Эти бездѣльные дни составляютъ для моей исторїи и для лѣтописи колонїи ничего невыражающїя числа, и только безъ пользы обременяютъ разсказъ. Итакъ, я буду продолжать свой разсказъ, упоминая только о главныхъ, замѣчательныхъ событіяхъ и сохраняя ихъ историческое мѣсто. Это будетъ вѣрная сумма впечатлѣній, произведенныхъ на меня фактами, которыхъ настоящее и будущее значеніе будетъ по возможности вѣрно оцѣнено.

Поступая такимъ образомъ, я надѣюсь не измѣнить своему заглавію: *Записки*. Я буду дѣйствовать какъ человекъ, ведущій памятную книжку, и оставляющій бѣлыми многія страницы, проходящїяся въ тѣ дни, когда нечего было писать.

Всѣ мы очень плохо профели ночь, улегшись, большею частью, какъ понало: у однихъ не было ничего, что обусловливаетъ мало-мальски сносную постель, другіе, изнуренные двадцатидневнымъ путешествїемъ, напрасно призывали вождѣмъ сонъ. Дѣти были большы отъ усталости, а бѣдныя утомленные матери могли только предложить имъ груди, истощенныя огорченїями и лихорадкою.

Ко всему этому присоединялись еще вспыльчивыя эгоистическія выходки разбуженныхъ сонливцевъ, плохія остроты людей, смѣющихся надо всѣмъ, начиная отъ своего единственнаго тощаго тюфяка, и сновидѣнія несвоевременно прерываемаго, до спящихъ и напрасно желающихъ заснуть товарищей....

ПАРГОЛОВО.—*Юмористическій очеркъ.* Выборгская дорога въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, почти съ 1827 года, медленно и мало измѣнилась: кое гдѣ выстроились небольшія деревянные дачки за новою заставою, а за прежнею, на дачѣ г. Новосильцевой, сооружена каменная, небольшая, впрочемъ замѣчательной архитектуры церковь, во имя св. Равноапостольнаго Князя Владимира, и около нея, три каменные дома; но большая часть этой дороги, вплоть до Перваго-Парголова (Суздальской-слободы), осталась почти въ томъ-же видѣ. Новая застава отнесена на 8-ю версту, къ дачѣ г. Ланскаго, откуда уже начинается поворотъ на проселочную дорогу, на Чернорыбскую-набережную, которая выводитъ чрезъ Строгоновскій мѣстъ на Каменноостровское шоссе. Бывшій у прежней заставы, нѣкогда, трактиръ Полтава замѣнился какою-то харчешною. Вотъ почти всѣ измѣненія въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ. О Земледѣльческомъ Училищѣ и другихъ отдаленныхъ мѣстъ дороги постройкахъ мы не говоримъ, потому-что одно выходитъ въ сосѣдствѣ съ деревнею Коломагами, а другія близъ Лѣснаго Института и Спасской-мѣззы. Прибавивъ также къ этому узенькую мостовую; по правой сторонѣ большой дороги, которая очень полезна, въ особенности на Поклонной-горѣ, гдѣ, бывало, безъ этой мостовой, запряженные въ нѣсколько тяжеловатые экипажи бѣдные лошади надсаживались, утопая почти по колѣна въ сыпучемъ песку, и, частенько, на половинѣ возвышенія выбивались изъ силъ и падали, ожидая помощи изъ Парголова. Нерѣдко, путешественникъ платилъ рубли три за каждую лошадь, которая припрягалась къ его экипажу, для подмоги втащить его на остальную половину горы. Мужичкамъ это было, безспорно, выгодно, они ждали этой благостыни частенько, но каково было путешественникамъ, неимѣвшимъ удовольствія ѣхать въ двухколесной чухонской таратайкѣ, простой телегѣ или въ какомъ-либо легкомъ экипажѣ? Поднявшись на гору, нѣтъ мостовой; она продолжается опять уже въ виду Парголова, у вновь нынѣ строящихся крестьянскихъ домиковъ на новомъ мѣстѣ.

Мы должны упомянуть также, что со времени учрежденія, такъ-называемыхъ Спасскихъ-дилижансовъ сдѣлалась извѣстною другая проселочная, впрочемъ мощная дорога до мѣззы Спасской, по просту называемой Беклешовкою, гдѣ очень-здоровый воздухъ. Жить на этихъ дачахъ впрочемъ довольно скучно, оттого, что у насъ вообще на такъ называемыхъ дачахъ многіе дачники хотятъ увѣрить другихъ, что всякой изъ нихъ съ пре-

зовскимъ состояніемъ; недостатки или нѣкоторую бѣдность скрываютъ они какъ величайшій изъ пороковъ, а между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ, что подобные дачники едва въ состояніи тянуться изъ всѣхъ силъ за модою. Есть люди, которые ѣдятъ супъ чуть не безъ соли и крупъ, сваренный въ воскресенье и растягиваемый въ теченіе чуть не цѣлой недѣли, а къ этому супу, въ резервъ, командуются молочко, картофель въ полной аммуниціи и еще переварочка въ видѣ кофе; и эти-то люди выходятъ изъ своихъ дачъ на дорогу прогуливаться, раздраженные какъ на свадьбу, и тутъ-то поднимаютъ носъ въ уровень съ парголовскимъ парнасомъ или, по особому только снихожденію, съ Поклонною-горою; на всѣхъ смотрятъ съ полупрезрѣніемъ, и много-много, если при особомъ случаѣ другъ съ-другомъ кланяются, а потомъ, сидя дома, отъ бездѣлья и скуки, сплетничаютъ и сочиняютъ на досугъ такія исторіи, какихъ не придумать никакому памфлетисту. И это называется жить для здоровья и удовольствія на дачѣ?! Даже тѣ изъ жителей дачъ, которые всякой день ѣздятъ въ городъ и назадъ въ дилижансѣ, все время ѣзды играютъ въ пріятную *молчанку*, и рѣдко рѣшаются рискнуть вступить въ разговоръ съ лицомъ, неизвѣстнымъ имъ съ какой-нибудь заманчивой стороны; съ нѣкоторыми впрочемъ путниками они чрезвычайно рады пуститься въ разговоры, и *ищутъ* тотчасъ случай рассказать о своей удивительно-привлекательной жизни, полной огромныхъ надеждъ и мѣстами, вотрутъ словечко о *своемъ* состояніи. Случается, что получающій пару тысячъ на ассигнаціи жалованья, смѣло увѣряетъ, что имѣетъ около 50 тыс. руб., и живетъ отъ нихъ процентами, а если,—Боже упаси, у его бабушки есть свой клочекъ какой ни на есть земли, онъ рассказываетъ, нисколько не конфузясь, что у него есть свой собственный конскій заводъ, гдѣ плодятся, какъ брусника, превосходныя *иностранныя* лошади. Вотъ простыя причины, отчего на дачахъ скучно. Стоило-бы рѣшиться быть со всѣми безъ претензій, важничанья, дѣло пошло-бы какъ нельзя проще и лучше, всѣ-бы незамѣтно сблизились, нашли-быобразныхъ своему понятію и, пожалуй, вкусу, собесѣдниковъ, зашли-бы по просту, не по состоянію роскошь и замаскированная бѣдность сами-собою истребились бы, и всѣ, вкушая простую, но здоровую пищу, дѣйствительно были-бы здоровы и даже счастливы. Но нынѣшнѣшнѣ и никакъ не вразумишь. Довольно! Поклонъ *Беклешовкѣ!* Прибавимъ только для вѣрности, что со *Спасской-мызы* дилижансы *медленно слышатъ* въ Парголово,

особою проселочною дорогою, которая не мощена, безлюдна, листва, и оканчивается на возвышенности Поклонной-горы, слияясь здѣсь съ Выборгскою-дорогою.

Довольно и о Выборгской (Парголовской) дорогѣ; вся окружающая ее мѣстность, съ каждымъ шагомъ въ прекрасную Финляндію, общаетъ многое для души, любящей разнообразное видоизмѣненіе прелестной природы, роскошную растительность, легкой пахучій воздухъ, проникающій въ грудь съ какою-то успокоительною сладостію.... Впрочемъ, дорога къ Поклонной-горѣ, при внимательномъ наблюденіи, замѣтно ичннаетъ повышаться назадъ къ Парголову; всюду видны склога горы и пригорки, превосходно-окаймляющія горизонтъ. Съ боковъ направо и налево, чернѣютъ боры однолѣтнихъ сосенъ, поднявшихъ къ небу свои иглы и разливающихъ кругомъ смолистое благовопіе...

Не доѣзжая Парголова съ версту, влѣвъ, лежитъ первое изъ Петербурга, *безыменное озеро*, замѣчательной глубины, вода котораго такъ же чѣста, прозрачна и даже вкусна, какъ невская. Нѣсколько далѣе лежитъ другое озеро, *среднее*, на иловатой и топкой почвѣ, соединяющееся съ третьимъ, *парголовскимъ* озеромъ, небольшою, мелкою рѣчкою, въ концѣ которой, у *парголовскаго* озера, нѣкогда была устроена плотина, которая, около 1825 года, сильнымъ напоромъ водъ *средняго* озера, была сорвана, размыта, и теперь воды обоихъ озеръ свободно соединяются. Въ этихъ двухъ озерахъ было очень-много превкусной рыбы: окуней, ершей, щукъ, плотвы, лещей и особенно превосходныхъ и сладкихъ раковъ, но года три тому назадъ оба озера отданы какому-то промышленнику на откупъ, за довольно-значительную сумму, и тотъ *благодѣтель* выловилъ почти всю рыбу. Досаднѣе всего, что вылавливается даже самая мелкая рыба, продающаяся крестьянамъ ковшемъ, по три копѣйки за ковшъ, тогда какъ вышуская ее изъ невода обратно въ озеро, она росла-бы, плодилась и доставляла откупщику постоянный доходъ; а теперь рыбаки почти по пустому кидаютъ неводъ; туда попадаютъ двѣ-три небольшія щучки и нѣсколько десятковъ снѣтковъ. Это равносильно поговоркѣ: *игра не стоитъ свѣчь*. Рыбъ исчезнуть легко; она не овесъ, ее не поѣшь!

Поднявшись на Поклонную-гору и минуя немощеную дорогу, по правой ея сторонѣ, противъ *средняго* озера, съ прошлаго года начали строить новыя крестьянскія избы, для бѣднѣ-

шихъ парголовскихъ крестьянъ. Въ настоящее время уже стоятъ три новенькіе домика, изъ которыхъ въ одномъ уже жили въ минувшее лѣто дачники. Нѣмецъ безъ зелени не проживетъ и одного лѣта.

Но вотъ, съ 13 версты начинается Парголово. Съ правой стороны тянутся маленькіе крестьянскіе домики, кое-гдѣ обшитые тесомъ и размазанные дикою краской, обнесенные маленькими палисадниками изъ частоколу, или, изрѣдка, плотничной работы, и въ такомъ случаѣ выкрашенные зеленою краскою. Въ этихъ садикахъ насажены березки, рябина, черемуха, изрѣдка акація, и очень рѣдко сирень. Въ нѣкоторыхъ изъ садишковъ мелькаютъ собственныхъ воздѣлываній и разсадокъ почтенныхъ дачницъ клумбочки съ парюю георгинъ, душистымъ горошкомъ, настурціей, ноготками, левкоемъ и резедой; все это растетъ въ чахлому видѣ, явно доказывающемъ незнаніе садоводства создательницъ этихъ импровизированныхъ садишковъ, и полное невниманіе къ растеніямъ послѣ ихъ посадки въ грунтъ; они, бѣдняжки, гложутъ, опутанные дикою травою, страдаютъ отъ пыли и постоянной засухи, отъ непбливокъ по вечерамъ, или отъ поливокъ днемъ, при яркихъ лучахъ солнца. Однакожъ, мѣстами, есть съ полдесятка чистенькихъ дачекъ, построенныхъ дачниковъ, которые берутъ у крестьянъ на двѣнадцать лѣтъ землю, строятъ на ней дачку, разводятъ садикъ, устраиваютъ и огораживаютъ дворъ и, кромѣ-того, по условію, ежегодно платятъ нѣкоторую сумму денегъ, въ видѣ наемной платы, меньше однакоже 60 р. сер., хозяину земли, и по прошествіи 12 лѣтъ отдають всю дачку въ полное владѣніе хозяина-крестьянина.

Взглянемъ теперь на лѣвую сторону. Пройдя лазаретъ загороднаго батальона Л. Г. Финляндскаго полка, въ парголовскихъ и окрестныхъ селеніяхъ расположеннаго, и частную, очень хорошеющую дачку, встрѣтите большой одноэтажный каменный домъ, съ большимъ позади его садомъ, принадлежащій мѣстному священнику съ причтомъ, состоящимъ при сельской парголовской церкви во имя Спаса Нерукотвореннаго Образа, которая, за домомъ и садомъ, на значительной высотѣ горы, красуется своею простою, но привлекательною архитектурою. Вокругъ церкви и далеко по скатамъ мшистой горы видны памятники и деревянныя кресты на могилахъ усопшихъ дачниковъ и мѣстныхъ жителей. Видъ съ этой горы, и особенно съ боковой паперти церкви, болѣе нежели прекрасный. Отъ подошвы этой обросшей горы широко раскинуты воды

Большаго *Парголово* озера, окаймленнаго съ лѣва ровнымъ сосновымъ лѣсомъ, постоянно изобилующимъ бѣлыми грибами (боровиками); вправо, по песчаному и зарытому буераками берегу, на далекомъ пространствѣ, стоитъ особнякомъ красненькій домикъ, ресторація, гдѣ, въ нынѣшнее время, въ мезивѣ можно найти нѣсколько отдѣльныхъ комнатокъ, обратное и чисто меблированныхъ, проворную прислугу и очень-снотливый обѣдъ, чай, кофе и вина. Эта ресторація, недавно здѣсь устроенная, сущее благодѣаніе для холостяковъ и пріѣзжающихъ на день-другой погостить горожанъ. Около этой рестораціи рѣдко когда не найдете у колоды извожичныхъ экипажей, ожидающихъ обратнаго въ городъ найма, и особенно бытуетъ тутъ ихъ много по субботамъ, когда, послѣ недѣльнаго отсутствія, пріѣзжаютъ къ своимъ семействамъ дачники, обильнѣе будни проводить въ городѣ, по своимъ обязанностямъ и занятіямъ. Съ четверть версты далѣе, за рестораціею, бѣжитъ застроенъ крестьянскими домиками и дачками, густо сливающимися въ перспективѣ съ зеленою мѣстныхъ садиковъ. Вправо, вся боковая часть дороги, на протяженіи почти двухъ верствъ, застроена такими-же домиками и дачками, и каждый изъ этихъ домиковъ и дачекъ, съ церковной горы, имѣетъ свой особенный видъ и даже свою отдѣльную, довольно-пріятную фizioномію. За этимъ почти непрерывнымъ рядомъ домиковъ, вдали видны обработанныя поля, потомъ опушка сосноваго лѣса, и наконецъ гряды живописныхъ горъ, мѣстами обстроенныхъ деревецками. Видъ этихъ живописныхъ горъ необыкновенно-привлекателенъ, особенно для тѣхъ изъ городскихъ жителей, которые безвыѣздно живутъ въ городѣ, и далѣе Павловска и Петергофа, никуда не заѣзжали. По лѣвой сторонѣ этихъ горъ, рѣзко отдѣляющихся отъ горизонта неба, стройно рисуется темнымъ силуэтомъ зелень огромнаго сада графовъ Шуваловыхъ и другихъ окрестныхъ селеній помѣщиковъ;—еще лѣвѣе, къ водамъ озера, видны пригорки, на которыхъ раскинуты второе и третье *Парголово*. Вотъ та чудная панорама, которая представится взору съ паперти церковной. Панорама истинно-очаровательная, особенно вечеромъ, когда заходитъ за горизонтъ солнце, и своими золотистыми лучами окрашиваетъ кой-гдѣ поверхность едва дышущихъ водъ озера....

Сзади церковной горы, къ деревнѣ Коломягамъ, есть еще двѣ горы; съ послѣдней изъ нихъ раскидывается также чудная панорама: внизу, между изумрудныхъ полей и темныхъ

сосновыхъ лѣсовъ, какъ въ великолѣпныхъ рамкахъ, лежатъ рядомъ три озера, и въ ихъ дремлющихъ водахъ отражаютъ лѣсные виды, въ какомъ-то очарованномъ вѣчномъ снѣ. Нѣсколько лѣвѣй, живописно раскинута деревня Коломага, вь срединѣ которой возвышается большой и красивый каменный домъ графини Орловой; отъ него идетъ садъ, въ срединѣ котораго есть небольшой овальный прудъ. Еще лѣвѣе видятъ стройные домики, съ ярко-зелеными крышами, Земледѣльческаго Училища, а за ними, далеко у горизонта, высятся купола стлчныхъ церквей и нѣкоторыя возвышенности зданій; далѣ влѣво, рисуется по голубому полю неба силуэтъ высокихъ главъ Смольнаго-монастыря, а правѣй, за Петербургомъ, видны Шульковская и даже Дудергофская горы, и потомъ сибирь воды Финскаго-залива и надъ поверхностью ихъ почти всегдѣ вьется сѣрая длинная струйка дыма парохоловъ. Въ ясное утро эта панорама такъ ярка и хороша, что трудно оторваться отъ нея. Такихъ роскошныхъ видовъ немного и на каутипахъ.

Теперь спустимся внизъ и посмотримъ на Парголово, такъ какъ они есть.—Начнемъ съ перваго.

Первое-Парголово, или какъ удостовѣряетъ находящійся вь концѣ селенія столбъ, съ надписью: *Слобода большая Суздальская*, принадлежитъ, какъ и двѣ другія съ окрестными деревнями,—графамъ Шуваловымъ, имѣетъ 220 мужеск. пола душъ находится отъ Петербурга въ 13 верстахъ. Почти отъ 13 верствъ вплоть до моста, близъ котораго стоитъ верстовой столбъ сь надписью 15 версты, тянется эта большая слобода, оканчивающаяся мостомъ, а вправо дорожками, ведущими въ садъ и на мызу графовъ Шуваловыхъ. Изъ этихъ дорожекъ приплдущая поворачиваетъ на прямую, длинную, около верствъ аллею, которая выводитъ въ садъ къ Парнасской лѣстницѣобразной гигантской террасѣ, прекраснымъ прудамъ, роскошнымъ купамъ деревьевъ, великолѣпнымъ, разнообразнымъ видамъ гористыхъ и низменныхъ мѣстностей. Другая-же дорожка, въ родѣ проселочной дороги, съ боковою, около небольшой рѣчки Каболовки, дорожкою, всегда находящаяся вь прохладной тѣни отъ боковыхъ деревьевъ и кустарниковъ которыми густо засажена, названная *Философскою*, ведетъ также въ садъ, къ самымъ прудамъ, откуда видъ прекрасенъ на Парнасъ, его террасу и чудныя боковыя группы деревьевъ и долины. Здѣсь почти никогда не найдете гуляющихъ, развѣ изрѣдка пройдетъ какое-нибудь длинное пальто

прикрытое сѣро-бѣлою фуражкой, изъ-подъ которой вылезаютъ пряди длинныхъ сѣрыхъ-же волосъ, обрамляющихъ блѣдое, тощее лицо какого-нибудь непонятаго поэта, съ досады на людей, непонимающихъ его бездарности, пишущаго прощальныя на скамейкахъ пошлыя стишки, надъ которыми смеются тѣшатся потомъ школьники, добавляя тутъ-же свои, живые и часто нелишенные остроты.

Здѣсь-же встрѣчаются разные другіе герои, отыскивающіе въ жизни дороги вдохновеніе для созданія какой-нибудь жалкой поэмки, и въ досадѣ дергающіе себя за усы или, за немнѣніемъ, за какой-нибудь красной шерстяной галстухъ.

Философская дорога съ лѣвой стороны, какъ мы уже говорили, окаймляется рѣчкой Каболовкою. Вся лѣвая сторона, за рѣчкою, представляетъ низменные дуга, примыкающіе къ ро-машинскому саду Шуваловыхъ. Съ правой стороны, на далекое пространство стелятся поля, засѣяныя хлѣбомъ и картофелемъ. Дорожка эта оканчивается у красивенькой уединенной дачки, за которой находится обширный огородъ; далѣе находится довольно большой прудъ, а за нимъ, съ лѣвой стороны, въ этомъ саду, стоитъ большой каменный домъ, рѣдко занятый или-либо изъ дачниковъ; за этимъ домомъ, чрезъ дорогу, окружающую садъ, роскошною декорациею высится по живописности пригоркамъ большая березовая роща, а за нею уже горы теряются за полями, пригорками и лѣсомъ. Близъ уединенной-же дачи, съ *философской* дорожки, за перекинутымъ чрезъ Каболовку мостикомъ, прямо лежитъ дорожка въ садъ Шуваловыхъ, а по пересѣкающей ее дорогѣ,—о которой мы только что говорили,—можно выйти на другую дорогу, перерѣзывающую садъ на двѣ половины. Здѣсь, съ лѣвой стороны, находятся: большой деревянный и малый каменный, двухэтажные дома самихъ Шуваловыхъ, а съ правой, стоятъ домики садовыхъ работниковъ и оранжерей. Прямо по дорогѣ, къ выѣзду на большую Выборгскую-дорогу, находятся строенія: управляющаго имѣніями Шуваловыхъ и садовника; и все это называется собственно мызою. Правѣе, за домиками садовыхъ работниковъ, начинается другая половина сада, гдѣ, на высокомъ пригоркѣ, красуется легкая, готической архитектуры церковь, во имя св. Апостолъ Петра и Павла; за нею, вверху пригорка, въ тиши уединенія, обставленный цвѣтами, находится гротъ, съ прахомъ графа Полье; отъ грота тянется длинная, прямая, *Адольфова* аллея, оканчивающаяся сосновою, ювелирно-высокою горою, гдѣ стоитъ пара скамеекъ. Отсюда

видъ очень милъ на озеро; за нимъ, прямо, *Осиновал*—река и койнаго графа Левашева; направо деревня Ижора; лѣва видны крыши домиковъ второго и третьяго Парголово. (сосновой горы есть особыя двѣ дорожки, одна изъ нихъ, лѣва, ведетъ мимо озера, во Второе-Парголово, а другая, направо, чрезъ низменное поле, на высоты, гдѣ расположены деревни: Ижора и Заманиловка. Изъ нихъ, особенно-хорошо обстроена дачками первая, и видъ изъ оконъ каждаго дома предельно красивый. Заманиловка-же, напротивъ, находится въ тѣни за садомъ Шуваловыхъ, имѣетъ постоянно грязную или пыльную немощенную дорогу, и поэтому, тамъ постоянно сыро, скучно и слишкомъ удлиненно. Впрочемъ, дорога, съ правой стороны, оканчивается прекраснымъ видомъ на горы; но и изъ этого единственнаго вида надо идти на самый конецъ рога.

Теперь пора намъ вернуться въ Первое-Парголово и докзать общій очеркъ этой слободы, лучшей во всѣхъ отношеніяхъ: по обширности селенія, многолюдности дѣтскихъ игръ, вѣчному движенію проѣзжихъ и пѣшеходовъ по большимъ дорогамъ, и общей шумолюбивой жизни даже ночью...

Въ Первомъ-Парголовѣ каждое лѣто живутъ почти одни тѣ же дачники, и очень немного такихъ, которые поселяются здѣсь въ первый разъ; на этихъ послѣднихъ старожилы и смотриваютъ не совсемъ ласково; а изъ постоянныхъ жителей не являются вновь на лѣтнее жительство только тѣ, которымъ важныя обстоятельства препятствуютъ явиться на прежнее мѣстопребываніе. И это очень естественно; тотъ, кто прожилъ въ Первомъ-Парголовѣ одно лѣто, непремѣнно будетъ жить здѣсь всегда, по той простой причинѣ, что лучшаго лѣтняго жилья нигдѣ въ окрестностяхъ Петербурга нѣтъ, не-смотря на то, что здѣсь дачки, или правды крестьянскіе домики неказисты, дурно построены и даже безъ малѣйшихъ слѣдовъ удобства или комфорта, а за всѣмъ-тѣмъ наемъ ихъ очень дорогъ: отъ 500 р. до 400 р. сер. за небольшой домикъ въ лѣто, рѣдко съ конюшнями, которыя не ужали-бы паденіемъ, но за-то вездѣ съ хорошими леднями. Воздухъ вездѣ чистый, смолисто-душистый и совершенно здоровый. Одно неотвратимое неудобство для всѣхъ живущихъ на правой сторонѣ дороги заключается въ томъ, что рѣка день не дуетъ съ озера довольно рѣзкій и постоянный до

чере штеръ, поднимающій съ дороги и даже съ берега пыль и мелкія песоки, и все это летитъ въ садки и открытыя окна домовъ; тѣ-же, которые живутъ по лѣвой сторонѣ, задомъ къ озеру, этого неудобства почти не замѣчаютъ, если не садятся въ садкахъ, обращенныхъ къ озеру.

Дѣйствіе дачники, болѣею частію, люди чиновные, ученые и частію литераторы, съ примѣсю воображающихъ себя литераторами. Купечества и Нѣмцевъ немного; здѣсь тихо, мирно и довольно, даже иногда забавно тамъ, гдѣ живетъ какой-нибудь сочинитель, который корчитъ изъ себя современнаго поэта, встающаго въ часъ по-полудни, пьющаго чуть не на каждой улицѣ чай, когда всѣ почти обѣдаютъ, читающаго всенародно газеты, для того, чтобы всѣ видѣли, какъ онъ занятъ, держащаго малиновый цвѣтокъ въ петличкѣ.... За исключеніемъ этихъ маленькиихъ, довольно забавныхъ и дешевыхъ вещей, между жителями особенной чопорности и чванства нѣтъ, или почти нѣтъ. *Львицы* и *львовы* положительно нѣтъ, а *лѣвы*, тоже для удовольствія только дачниковъ, немножко *шакалы* и *огагровы*. Первые тѣшатъ мѣстную публику своими недешевыми продѣлками и ѣздою верхомъ съ самыми уморительными позами и претензіями на наѣздничество, а послѣдніе, говорятъ непрерывнымъ говоромъ по-французски, съ примѣсю акцента говорунговъ Петербургскихъ Новыхъ-мѣстъ

Дни въ Парголово однообразны и тихи до невѣроятности; почти цѣлый день наличные дачники сидятъ до 7 часовъ вечера дома, и рѣдко, рѣдко увидите кого-либо гуляющаго, кромя навскъ съ дѣтьми, лакеекъ и кухарокъ, путешествующихъ въ молочную лавку, къ возу огородника, булочника, мясника или кому подобнае; но въ 7 часовъ рѣшительно всѣ, точно по знаку, высыпаютъ на заканавную часть дороги, и открываютъ гулянье, кто по Парголову, другіе въ общемъ саду; въ вечернемъ, болѣею частію, разгуливаютъ окрестные Нѣмцы. Иногда, часу съ 10-го, домахъ въ трехъ слышите сперва нѣсколько аккордовъ на фортепьяно, рѣдко разстроенномъ; по тому-то настройщикъ живетъ въ Парголовѣ даже съ вывѣскою, — а потомъ начинается дѣвнѣе любительницъ поѣтъ такъ громко, чтобы ихъ слышали, по-крайней-мѣрѣ, на пол-Парголово. У оконъ, конечно открытыхъ, этихъ наивныхъ пѣвицъ, что жестоко итальянствующихъ, и разумѣется, при этомъ пущающихся въ рулады и ныря презабавныя украшенія, соби-

рается препорядочная гора разношерстныхъ слушателей, и ча вслушивающихся въ эту, быть-можетъ, никогда неслых ную роскошь необыкновеннаго, во весь голосъ, крика и шис. Вся эта ватага расходится только тогда, когда явно окончи дешевый концертъ и запрутся окна; но если подобное нѣ еще продолжается въ другомъ домикѣ, то всѣ дилетанты, ч не бѣгомъ, отправляются туда, и своею массою пополняютъ число отчаянныхъ любителей самороднаго таланта дѣлать и вихи пѣнія какимъ-то удивительно-печально-однообразнымъ рѣзкими вскрикиваніями голосомъ. Но и этихъ продѣлокъ Парголовъ немного.

Говоря о заканавныхъ прогулкахъ, намъ было-бы странно упомянуть о нѣкотораго рода *заставахъ*, придуманныхъ тѣми дачниками, которые самі строили свои дачки. Эти ставы заключаются въ томъ, что почтенные хозяева дачъ, ди видимаго доказательства своихъ безспорныхъ правъ на дачу и землю, при нихъ состоящую, огораживаютъ все пространство передъ дачкою, вплоть до канавы, довольно толстыми полубревенчатыми перекладинами, оставляя для прохода только узкія и только нѣсколько свободныя для одного человѣка и ста, и тѣ, спереди, заслоняютъ такими-же, только меньшими перекладинами. Этихъ импровизированныхъ баррикадъ на первой сторонѣ очень немало, что чрезвычайно затрудняетъ ляющія пары; но хозяева этихъ баррикадъ восхищаются сими выдумками, не думая, что они препятствуютъ удовольствію прогулокъ. Странные люди!

Такъ, или почти такъ проводятся въ Парголовѣ будничны дни; но въ праздникъ все оживаетъ; прѣзжаютъ почти всякой домикъ множество горожанъ—гостей; большая дорога покрывается съ обѣихъ сторонъ гуляющими, а середина забита ѣздоками и наѣздницами, скачущими чуть не во всю прыть на крестьянскихъ лошаденкахъ; иногда эти *кавалеристы* являются въ большія и всегда до слезъ забавныя кавалеристы, которыхъ многіе дачники ждуть, какъ самаго превосходнаго юмористическаго представленія. Являются бродячіе музыканты, шарманщики, савояры съ обезьянами и другими животными и даже наѣдомыми; всюду слышенъ громкій веселый говоръ, все отъ души веселится и поздно вечеромъ или поздно вильнѣе, ночью, начинается стпхать Парголово, и съ раздумьемъ гостей, водворяется опять недѣльная тишина и спок

сти, рѣдко нарушаемое какими-нибудь особенностями; развѣ, когда, гаркнетъ гдѣ-либо молодецкая русская пѣсенка, ее надо подхватывать мужички, и она, прогремѣвъ нѣсколько времени зиреть въ отдаленіи, или вдругъ смолкнетъ, отъ расхожденія въ разныя стороны пѣвуновъ. Кстати о пѣсняхъ: особенно въ дни воскресные и праздничные, въ нелагерное время, солдаты Л. Г. Финляндскаго-полка часто утѣшаютъ дачниковъ своими пѣснями.

Для большаго поясненія нашего очерка, нелишнимъ считаемъ сказать, что въ Парголово, кромѣ рестораціи, есть довольно-сносный погребъ Шварцкопфа, мелочная обширная лавчонька, находящаяся въ большомъ деревянномъ домѣ съ огромною колонадою изъ тонкихъ бревенъ и террасою, а противъ нея, въ большемъ же домѣ, существуетъ питейный домъ съ многочисленными вывѣсками. Въ мелочной лавкѣ почти всѣ товары первой доброты, не исключая сахара, кофе и даже чая. Замѣтьте, это есть нѣчто въ родѣ деревенскаго магазина, гдѣ продаются сингазовскія папирсы и разныя галантерейныя вещи; въ башмачникѣ, по-прозванію *Радиоля*; онъ, какъ гласитъ вывѣска, проживаетъ здѣсь съ 1822 года и, вѣроятно, за многолѣтнимъ работъ, снабжаетъ кухарокъ рыночными башмаками по тройной противу рыночной цѣны; потомъ, за зданіемъ фелоточія Парголово — питейнаго дома, въ уголкѣ, помещается сапожникъ, какъ увѣряютъ, для починки и нашиванія и старыхъ сапогахъ заплатокъ, но еще неизвѣстно, кому и какъ шьющій сапоги; а въ заключеніе всего этого, проживаетъ здѣсь повивальная бабка, на мызѣ же графовъ Шуваловыхъ вывѣшнымъ дѣломъ открыта аптека, довольно-исправно наполненная принадлежащими ей припасами. Есть также тутъ временное отдѣленіе Почтамта и тѣльнаго цвѣта, у котораго останавливаются Спасскіе-дилижансы. Вотъ все! Неужели спросить насъ, въ такомъ огромномъ селеніи нѣтъ булочной? Мы съ прискорбіемъ отвѣтимъ, — положительно нѣтъ! Былъ прежде здѣсь Нѣмецъ булочникъ, но онъ уже не поселится здѣсь по причинѣ дорогихъ платежей за квартиру и право торговать въ Парголово; а чрезъ это всѣ дачники должны питаться булками и другими хлѣбами отъ пѣшеходовъ-булочниковъ-торгашей, покупающихъ въ городѣ булки и приносящихъ ихъ въ Парголово часу въ 9-мъ утра, часто начавшие уже черствѣть и отмякать, отъ дальняго пути на откры-

томъ воздухѣ, что, очень-естественно, неуклюжо и нечисто.

Парголовскіе крестьяне народъ довольно-зажиточный. Естественно для себя они мало занимаются сельскими работами, большею частію имѣютъ деньги отъ дачниковъ, за насѣдниковъ и продажу: молока, сливокъ, яицъ, хлѣба и ягодъ; частыя отвозки въ телегахъ такихъ дачниковъ въ городъ которые по многимъ причинамъ не любятъ и не могутъ ѣздить въ дилижансахъ; за отдачу лошадей подъ верховую ѣзду, — этихъ охотниковъ здѣсь очень много, и особенно молодых. Потомъ весьма-важный, постоянный у крестьянъ доходъ, отъ нѣкотораго рода торговыхъ сношеній съ столицею, гдѣ они имѣютъ такъ называемыя *мѣста*, куда поставляютъ круглый годъ кувшинами молоко, очищаютъ по контрактамъ съ дворомъ нечистоты, продаютъ на площадяхъ воевое сѣно и, наконецъ зимой возятъ, на мѣста-же, извѣстный въ городѣ парголовскій песокъ.

Парголовскія крестьянки всѣ страшныя щеголхи. Въ и скресный или праздничный день любо глядѣть на богатые штофныя, шерстяныя и, рѣдко, бумажныя матеріи ихъ сарафановъ и душегрѣекъ. Кокошники ихъ, а у двушекъ вальтенныя въ косы ленты, — всегда изъ дорогихъ матеріаловъ богато украшены и съ замѣтнымъ кокетливымъ вкусомъ. Слѣдство города!

Между нравами и обычаями этихъ крестьянъ сохранилось много стариннаго. Для примѣра скажемъ о тѣхъ, которые больше другихъ замѣтны.

Всякая родильница, послѣ родовъ, переносится съ ребенкомъ немедленно въ баню, и обязана пролежать тамъ, по обычаю, нѣсколько дней, а потомъ уже, послѣ данной ребенку священникомъ молитвы, *бабка* переноситъ ребенка въ избу, а родильница, позади ее, переходитъ туда же. Послѣ чего обычнымъ порядкомъ совершаются крестины, гдѣ всѣ присутствующіе по окончаніи священнодѣйствія, угощаются водкою пирогами, ватрушками и другими съѣстными припасами, иномъ и коемъ.

Сватобы совершаются такимъ образомъ, что послѣ обыкновеннаго сватанья, невеста обязана цѣлую недѣлю *вить*,

если можетъ, дѣйствительно плакать, для того, чтобы *до свадьбы заплакаться, уже замужемъ не горевать*. За тѣмъ въ назначенный день запрягаютъ тройками, рѣдко парами, телеги, на дугу вѣшаютъ колокольчики, усаживаются и отправляются въ церковь, въ такомъ однакожъ порядкѣ, что впереди ѣдетъ посаженный отецъ съ ассистентомъ изъ родственниковъ жениха или невесты, за нимъ ѣдетъ закутанная съ головы до ногъ въ бѣлое покрывало невеста, вмѣстѣ съ свахою, потомъ идутъ въ слѣдующей телѣгѣ женихъ съ сватомъ, и за тѣмъ сватане. Все это несется благимъ-матомъ, какъ на пожаръ, старая пруть, въ огромныхъ облакахъ густой пыли. По приѣздѣ къ церкви, всѣ слезаютъ съ телегъ, вводятъ въ преддверіе храма невесту, у которой волосы на головѣ должны быть совершенно распущены и раскиданы по плечамъ; потомъ входятъ женихъ со всѣми своими гостями, а за тѣмъ совершается обрядъ вѣнчанія. Съ окончаніемъ его, у невесты заплетаютъ косы въ косы, и всѣ выходятъ изъ церкви, угощаются виномъ и пирогами, немедленно садятся въ свои телѣги, съ тою только разницею, что *молодой* сажаетъ уже къ себѣ молодую свату. По приѣздѣ домой осыпаютъ молодыхъ овсомъ, въ знакъ будущаго ихъ благоденствія и богатства, а потомъ поднимается пиръ, гдѣ выпивается многое-множество вина и пива, съѣдаются все, что приготовлено съѣстнаго.

Похороны имѣютъ также свои особенные обряды. Жена, погребая своего мужа, *обязана*, идучи за его гробомъ, вѣть всю дорогу самымъ страннымъ голосомъ, и непрерывно плакать, а потомъ, послѣ похоронъ, нѣсколько времени посѣщать его могилу, и на ней вѣть сколь можно громче, протяжиѣ и промолитальѣ. Почти тоже дѣлаютъ при погребеніи и другихъ родственниковъ. Вой и плачь совершаются по степени родства, то есть, громче, протяжиѣ или потише.

Заключимъ нашъ очеркъ Парголова сказавъ два-три слова о двухъ другихъ Парголовахъ: второмъ и третьемъ, и селеніяхъ, раскинутыхъ въ ихъ окрестностяхъ, идущихъ почти по прямому направленію Выборгской дороги.

Оба селенія Парголовыхъ, то есть второе и третье, иначе—*Малое Вологодское* и *Большое Вологодское*, имѣютъ полное, но только миниатюрное сходство съ первымъ Парголовымъ; толь-

ко дачники тамъ совершенно иные: почти одни Нѣмцы. Второ Парголово отстоитъ отъ Петербурга почти на 17 верстѣ; въ немъ числится 56 муж. и женск. пола душъ. Рядомъ со вторымъ на 18 верстѣ, начинается третье Парголово, въ немъ 203 муж. и 240 женск. пола душъ. Селеніе оканчивается у 19 версты.

Въ окрестностяхъ Парголовыхъ находятся слѣдующія деревни:

	Число верстъ отъ Петерб.	Число душъ муж. жен.
Кабаловка	19.	23. 28.
Ижора (она же Старояшльская и старая деревня)	18.	Неизвѣстн.
Заманиловка	17.	20. 28.
Новоселки	29.	39. 49.
Коломяги, два участка:		
въ 1-мъ	} 10.	94. 98.
во 2-мъ		80. 96.
Мыза Осиновая-роща	21.	
Станція Драничникова	24 1/2.	

Принимаетъ дружнаго
помѣщика: Колыма-
ти Никитинъ, а Оси-
повъ роша покойному
графу Левашову.

Вотъ все, что мы успѣли узнать и замѣтить во-время весьма недолгаго пребыванія нашего въ Парголовыхъ; это конечно только легкій, почти поверхностный, чисто фельетонный очеркъ этой превосходной стороны петербургскихъ окрестностей.

ВОЛКИ И МАЛЮТКА. *Истинное происшествіе.* — Пріятель мой, отставной капитанъ Григорьевъ, давно уже покойся въ землѣ, но личность его еще живо помнится мнѣ. Онъ былъ прекраснѣйшій, благороднѣйшій человекъ. Я думаю, что въ жизнь свою онъ никого не обидѣлъ, и такъ же твердо убѣжденъ, что онъ въ жизнь свою не произнесъ ни одной неправды: это-то убѣжденіе и даетъ мнѣ смѣлость ручаться въ истинѣ событія, рассказаннаго мнѣ покойникомъ, и котораго онъ былъ не только очевидцемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ.

Волынская, Подольская и Кіевская губерніи изобильны лѣсами, и мѣста эти считаются охотниками эдемомъ, по множеству звѣрей, населяющихъ лѣса.

— Помню, говорилъ капитанъ: это было въ 1838 году, послѣ Рождества.

Въ тихій и ясный, но холодный вечеръ, 25 градусный морозъ хрустѣлъ подъ копытами охотничьихъ лошадей, и блѣдная луна, величественно скользя по голубому пространству неба, усыпанному яркими, какъ потѣшныя огни, звѣздами, какъ будто нарочито освѣщала для охотниковъ кой-гдѣ заглохшія мѣста.

Было не болѣе одиннадцати часовъ вечера. Поохотившись немало, мы до того продрогли, что рѣшили общимъ сеймомъ, поочевать въ корчмѣ, находившейся въ двухъ верстахъ отъ насъ, гдѣ мы совѣщались.

Моя ватага охотниковъ выбралась изъ чащи, и скоро дошла до корчмы.

Въ то самое время, когда мы подъѣзжали, у корчмы же оставались сани, запряженные волами, которыми правилъ малороссъ. Въ саняхъ была женщина, которую возница взялъ съ собою до селенія за чарку.

Ярившаясь съ санями, мы услышали голосъ возницы, призвавшаго женщину, чтобы она зашла въ корчму купить обыкновенную чарку. Малороссъ самъ держалъ уже на готовѣ торбу, въ которой были кнись и сало.

Женщина проснулась, осмотрѣлась, и хотѣла уже выдти; но вдругъ, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, обернулась и стала шагать въ саняхъ.

Мы въ это время сходили съ лошадей.

Вдругъ насъ поразилъ страшный вопль. Крестьянка, съ дикимъ отчаяніемъ выкидывала сѣно изъ саней, ощупывала каждый уголокъ, испуская страшные вопли.

— Что сдѣлалось? спросили мы съ участіемъ.

— Господь наказалъ меня!... Кричала женщина, ломая руки. Я несчастна! погубила родное дѣтище!...

— Да что случилось?

— Батюшки, родные! согрѣшила, соснула на минутку, а онъ, живыи, вѣрно, и вывалился!... Охти, пропала моя головуш- Погубила, погубила!

• Парогъ. •

— Да кого, кого!

— Въ кожухъ балъ завернуть! кричала женщина, продолжая съ отчаяніемъ рыться въ солому.

— Кто же, говори!

— Ребенокъ, отцы родные! грудной ребенокъ!...

Раздался общій крикъ ужаса. Какъ бы стоворившись, мы, хотя и не произнесли ни одного слова, вскочили на лошадей, и не смотря на сильный морозъ, вызвали малоросса, чтобы онъ проводилъ насъ по той дорогѣ, по которой онъ везъ несчастную мать. Малороссъ покрихтѣвъ, почесалъ затылокъ, завѣсилъ свою торбу, и отправился съ нами.

Насъ было всѣкъ около тридцати человекъ, кто верхомъ, кто въ парнявъ саняхъ.

Каждый захватилъ лямпынъ шестенъ, на которомъ былъ вкнутъ снопъ ржаной соломы.

Выѣхавъ въ лѣсъ, по которому пролетала дорога, всѣ сонны съ коней, экипажи и верховые лошади были въ мигъ поставлены въ рядъ мажнвлаго укрѣпленія, подлѣ присмотрѣвъ въ скомяхъ дичеровъ.

Снопы въ минуту затылали, и путь нашъ былъ освѣщенъ какъ днемъ.

Мы не успѣли еще сдѣлать и ста шаговъ, какъ насъ поразило чудное и величественное зрѣлище, достойное кисти лучшаго художника.

Стая изъ 12 или 15 рослыхъ волковъ, полукруженъ лежала посреди дороги, внутри же полукружія, одинъ волкъ, но заданю му самка, лежала на кожухѣ* въ которомъ, по словамъ ватери, былъ завернуть малютка.

Мы и не думали, чтобы малютка былъ живъ; стали, однако же совѣщаться, что дѣлать?...

Представьте себѣ наше изумленіе, когда мы вдругъ услышали плачь малютки....

Присутствующіе вздрогнули, всѣ набожно перекрестились и стали творить протосѣ молитвы!...

Какъ вкопанные страши мы и не знали, что дѣлать. Мы находились разстояніемъ отъ немовѣрнаго зрѣлища не болѣе какъ въ тридцати шагахъ, и не-смотря на то, не знали, на что рѣшиться. Малютка былъ живъ, въ томъ не было никакого сомнѣнія, потому-что мы поминутно слышали плачь его. Но какъ тутъ поступить? Стрѣлять?... Правда, у насъ были ружья, и

* Тулупъ.

можно было положить на мѣстѣ или разогнать волковъ; но кто бы поручился, что одинъ какъ-нибудь не захватитъ ребенка, и уйдетъ съ нимъ въ лѣсъ или разтерзаетъ его на мѣстѣ.

Чужда и торжественна была эта минута.... Живо и ясно, какъ будто это случилось вчера, помню, какъ мы стояли какъ будто прикованные тайною силою.... Милосердіе Создателя какъ бы приковало къ мѣсту стадо голодныхъ хищныхъ звѣрей, служившихъ оградой, защитою малюткѣ.... Ясно стало мнѣ въ ту минуту, какъ неограничена милость Творца Вселенной, милость, видимая по всему созданію и проявляющаяся въ известные моменты, которые, по всей справедливости, слѣдуетъ называть великими....

Въ этомъ мѣстѣ своего разказа, капитанъ обыкновенно умолялся, крестился, и по движенію губъ его видно было, что онъ шепталъ тихую, но сердечную молитву.

— Да-съ, продолжалъ онъ взволнованнымъ голосомъ: удивительный былъ случай. Я, признаться сказать, вовсе потерялся. Думаю себѣ, какъ безумный какой, на волковъ и не могу нагадаться. Иной разъ на охотѣ, какъ только увидишь сѣраго-ухъ, такъ сердце и дрогнетъ! а тамъ смотришь и свинцомъ летитъ за нимъ.... Теперь было совсѣмъ не то. Я бы мѣшъ не простилъ тому, кто бы хоть пинкомъ обидѣлъ одного изъ волковъ; а самому—ей-ей!—самому такъ-вотъ и хотѣлось полезть впередъ.... Не за себя, за крошку!... Тамъ вы скажите что ни толкуйте, а и у звѣря есть сердце!

Но извольте прослушать далѣе.

Постоявъ минуту съ двадцать въ молчаніи, волки встали и подняли такой вой, что эхо разнеслось по всему лѣсу. Потомъ мѣшъ дорогу самкѣ, волки потянулись гуськомъ за нею въ чащу.

Ребенокъ остался.

Мы подняли малютку, который былъ не только живъ и не вредимъ, но до того тепелъ, какъ будто бы лежалъ на печи.

О радости матери нечего и говорить....

Вотъ что мнѣ и многимъ другимъ нѣсколько разъ рассказывалъ самъ Григорьевъ.

Отъ невѣрующихъ, скептиковъ, ограждаю моего добраго и честнаго знакомаго извѣстною пословицею, что: о покойникахъ можно рассказывать либо хорошее, либо ничего не говорить.

De mortibus aut bene, aut nihil.

А. КРЕСИНЪ.

ЗДАНИЕ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКИ ВЪ ЛОНДОНѢ. Мы постоянно сообщали нашимъ читателямъ извѣстія о колоссальномъ пріятіи, задуманномъ Англичанами. Теперь прилагаемъ рисунокъ одобреннаго на конкурсѣ проекта зданія для выставки.

Мѣсто для зданія избрано самое удобное въ цѣломъ Лондонѣ, а именно часть Гейде-парка, наименѣе посѣщаемая въ настоящее время гуляющими.

Зданіе будетъ колоссальное, длиною въ 2,200 фут. (314 саж. и 1 арш.), ширина 450 фут. (64 саж. и 1 арш.); слѣдовательно оно займетъ пространство въ 990,000 \square фут. (141,428 саж.).

Въ срединѣ зданія находится обширная ротонда, въ которой будутъ выставлены произведенія скульптуры и пластики. Ротонда, имѣющая почти 29 саж. (200 фут.) въ діаметрѣ, покрыта куполомъ, крытымъ жезью. Этотъ куполь, по своему діаметру будетъ величайшій въ мірѣ. Скажемъ для сравненія что куполь собора св. Павла въ Лондонѣ имѣетъ только 10 саж., собора св. Петра въ Римѣ около 20, а Пантеона въ Римѣ же только 22 саж. въ діаметрѣ. Вышина купола $14 \frac{1}{2}$ саж. стѣны ротонды, вышиною въ $8 \frac{1}{2}$ саж. будутъ выстроены изъ кирпича. Вокругъ всего зданія крыша будетъ образовываться вѣсь на столбахъ. Въ самомъ зданіи будетъ поставлена огромная паровая машина, для приведенія въ дѣйствіе выставленныхъ машинъ. Деревья, находящіяся на мѣстѣ, избранномъ для постройки, не будутъ срублены. Они будутъ окружены дорожками, и составятъ внутри самаго зданія красивыя сады для отдыха посѣтителей. О прочихъ подробностяхъ читатели могутъ справиться на приложенномъ рисункѣ.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

Императорское Археологическое Общество.—Новѣйшія усовершенствованія
сдѣланы на французскихъ писче-бумажныхъ фабрикахъ.—Бѣлый порохъ.—
Новая кормовая трава.—Новый видъ злака.—Микроскопъ Годена.

ИМПЕРАТОРСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1850 ГОДУ.

1-е ЗАСѢДАНІЕ, 10 ЯНВАРЯ.

Присутствовали: Его Высочество Принцъ *Александръ Гессенскій*,
А. А. Жиль, *Б. В. Кёне*, *А. Б. Лакіеръ*, *Я. Я. Рейхель*, *П. С. Са-
виль*, *Н. П. Сахаровъ*, *Ф. Ф. Сегенъ* и графъ *А. С. Уваровъ*.

I. Вице-Президентъ Общества *Я. Я. Рейхель* объявляетъ,
что отношеніемъ отъ 19 декабря 1849 года, господиномъ Управля-
ющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія уведомиль его,
что Государь Императоръ въ 26 день октября 1849 года, Вы-
сочайше соизволиль утвердить мнѣніе Государственнаго Совѣта
о новомъ Уставѣ Общества, равно какъ и самый Уставъ, про-
ектъ котораго препровожденъ былъ въ мартъ того же года Пре-
зидентомъ Общества, Его Императорскимъ Высочествомъ *Гер-
цогомъ Лейхтенбергскимъ*, бывшему господицу Министру Народо-
наго Просвѣщенія, для поднесенія на Высочайшее утвержденіе.

По прочтеніи новаго Устава, Общество положило принять
его къ должному руководству.

II. Казначей Общества *Ф. Ф. Сегенъ* представляетъ общій
отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ Общества, отъ основанія
его въ 1846 году по 31 декабря 1849 года включительно.

III. Избранъ въ члены-корреспонденты предложенный въ по-
слѣднее засѣданіе королевскій референдарій въ Берлинѣ *Г. Дан-
ленбергъ*, доставившій уже Обществу нѣсколько нумизматическихъ
статей.

IV. *Б. В. Кёне* сообщаетъ свѣдѣнія о металлическихъ печа-
тахъ, называемыхъ обыкновенно «буллами». Онъ доказываетъ,
что употребленіе ихъ пришло съ Востока, гдѣ палачій зной не
позволяль употребленія для нихъ воску. Золотыя буллы упо-

треблялись Императорами Восточной Имперіи, начиная съ Юстиніана I (527—565) и потомъ Карловингами, Королями Франціи, Германіи, Англіи, Испаніи, Даніи, Швеціи, Венгріи, Булгар Герцогами Лотарингскими, имѣвшими притязаніе на королевскіи титулъ, впоследствии также папами, венеціанскими дукатами, другими князьями Италіи, и наконецъ Султанами Иконійскими. Но эти буллы прилагались лишь къ самымъ важнымъ документамъ.

Серебряныя буллы чрезвычайно рѣдки: ихъ извѣстно лишь нѣсколько отъ Византійскихъ Императоровъ и Роберта II, вѣдльца Капуи (1128). Г. Кёне присовокупляетъ къ нимъ еще буллу Христіана V, Короля Даніи, принадлежащую къ соборіи г. Рейхела.

Свинецъ всего чаще служилъ для этихъ печатей. Всѣ употребыя государя, прилагавшіе золотыя буллы къ важнѣйшимъ документамъ, употребляли въ то же время свинецъ для актовъ меньшей важности. Самыя печати незначительныхъ князей и владѣтелей были свинцовыя: таковы и до-сихъ-поръ вѣнциславскія и венеціанскія. Таковы были печати Крестоносцевъ, которые и ввели ихъ въ употребленіе въ западной Европѣ, и Пруссій, Оранскіе и другіе, также многіе епископы, аббаты, духовныя, прилагали къ дипломамъ свинцовыя печати.

Бронзовыя буллы чрезвычайно рѣдки: онѣ сохранились отъ нѣкоторыхъ королей Даніи, Алексини Монферратской, суверена Наполеона Орсини (1328) и друг.

Восковыя буллы суть оттиски металлическихъ печатей двухъ сторонъ, и встрѣчаются рѣдко. Онѣ употреблялись въ Пруссіи Тевтоническимъ орденомъ.

V. Для бібліотеки Общества присланы книги отъ Королевской Академіи въ Мюнхенѣ, отъ графа Евстафія Тышкевича изъ Минска, и Гг. Собыщанскаго и Липинскаго, изъ Варшавы. Положено благодарить приносителей.

II-е ЗАСѢДАНІЕ, 14 ФЕВРАЛЯ.

Присутствовали: князь С. В. Долгоруковъ, графъ В. А. Соллогубъ, графъ А. С. Строгановъ, графъ А. С. Уваровъ, князь Джафаръ Татаришвили, Ф. А. Жиль, Б. В. Кіевъ, А. Б. Лекіеръ, Э. Г. Муромъ, А. Ф. Прейса, Я. Я. Рейхель, П. С. Сахаровъ, Н. П. Сахаровъ, Ф. Сошкинъ, членъ-сотрудникъ Н. Т. Яковлевъ и посторонній посетитель г. Беккеръ.

I. Балотированы и избраны въ члены-корреспонденты Общества:

Статскій совѣтникъ *Н. И. Надеждинъ*;

Профессоры Московской Духовной Академіи *А. В. Горскій* и *В. С. Казанскій*;

Профессоръ *П. И. Савваитовъ*;

А. И. Пысаревъ Магистръ Богословія;

А. И. Артемьевъ, Библіотекаръ Императорскаго Казанскаго Университета;

В. П. Боричевскій;

В. А. Голубинскій, въ Москвѣ;

К. П. Зеленецкій, Профессоръ Ришельевского Лицея, въ Одессѣ;

Просвященный *Филаретъ*, Епископъ Харьковскій и Ахтырскій;

Архимандритъ *Макарій*, Профессоръ Санктпетербургской Духовной Академіи,

и Иеромонахъ *Макарій*, Профессоръ Нижегородской Семинаріи.

II. Представлены присланныя въ даръ Обществу книги и брошюры отъ *П. И. Келлема*, *Ш. Н. Муражескича*, *Ф. И. Эрлана* и *З. Ф. Леонтьевскаго*.

III. Представлены присланныя въ даръ Обществу отъ коммисіонера Императорской Публичной Библіотеки *С. Еремьева* 17 русскихъ серебряныхъ и нѣдныхъ монетъ, и отъ член-сотрудника *Леонтьевскаго* 26 монетъ китайскихъ, корейскихъ и японскихъ.

IV. Членъ-основатель графъ *А. С. Уваровъ* показываетъ Обществу рисунки древностей, изготовленные для археологическаго сочиненія, которымъ онъ занимается.

V. Членъ-основатель *П. С. Савельевъ* сообщаетъ для помѣщенія въ Запискахъ Общества: 1) статью ученаго Монгола *Дорджи Ванзарова*: «о восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій», и 2) рисунокъ любовитвой китайской медали, съ описаніемъ ея, составленнымъ членомъ-сотрудникомъ *З. Ф. Леонтьевскимъ*. — Опредѣлено: помѣстить эти статьи въ «Запискахъ».

VI. Нѣкоторые изъ Гг. членовъ изъявляютъ желаніе, чтобы для сужденій объ устройствѣ Правленія Общества и редакціи «Записокъ» назначено было чрезвычайное собраніе. — Положено: назначить чрезвычайное собраніе Общества въ субботу, 18 февраля.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

РУССКІЯ МОНЕТЫ, ПРИНЕСЕННЫЯ ВЪ ДАРЪ ОБЩЕСТВУ г. БРЕМЪ-
ВЫМЪ.

I. *Монеты городовъ*: Великаго Новгорода, серебр. 1; деньги псковскія, сер. 2; пулы тверскія, 2.

II. *Монеты Великихъ Князей*: Василья Васильевича 1, Ивана III Васильевича 1, Ивана IV Васильевича 1 (сер.).

III. *Монеты царей*: Ивана IV Васильевича 2 сер., Ѳедора Ивановича 5 сер., Бориса Ѳедоровича 4 сер., Димитрія Ивановича 1 сер., Василія Ивановича, 2 сер., Михаила Ѳедоровича 2 с., Алексѣя Михайловича 2 сер. и 2 мѣдн., Ѳедора Алексѣевича 1 сер., Юсупа Алексѣевича 2 сер., Петра Алексѣевича 5 сер.

IV. Мѣдный медальонъ съ изображеніемъ Св. Георгія на конѣ 1, русско-татарскія монеты 5, фальшивыя 2.

V. *Монеты Императорскія*: 1) *Петра I*: алтынъ 1704 года, копейка и левъга того же года, копейки, деньги и полушки годовъ 1705 по 1716, указная полтина 1720, полушки 1720 и 1721, и пять копѣекъ 1725 г.; 2) *Екатерины I*: пять копѣекъ 1725 и 1727 г.; 3) *Петра II*: пять копѣекъ и копейки 1728, 29 и 30 годовъ; 4) *Анны Иоанновны*: деньги и полушки 1730, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40 годовъ, гривенникъ 1733 и полуполтинникъ 1739 г.; 5) *Юлиана Антоновича*: гривенникъ 1741 г.; 6) *Елисаветы Петровны*: пять копѣекъ, двѣ копейки, копейки и деньги 1743—1744, 1747—1751, 1753—1760 и 1762 годовъ; 7) *Петра III*: десять копѣекъ, четыре копейки и двѣ копейки 1762; 8) *Екатерины II*: 37 мѣдныхъ монетъ 1763—1773, 1776, 1778, 1781—1782, 1788—89, 1782—1796 годовъ; 9) *Павла I*: 12 мѣдныхъ монетъ, 1747—1801; 10) *Александра I*: 17 мѣдныхъ монетъ, 1802, 4, 5, 7, 10 по 14, 18, 19 и 24 годовъ; 11) *Николая I*: 19 мѣдныхъ монетъ.

Всего 217 экземпляровъ (46 серебр. и 171 мѣдныхъ).

II.

МОНЕТЫ, ПРИНЕСЕННЫЯ ВЪ ДАРЪ Ч. С. ЛЕОНТЬЕВСКИМЪ.

А. Китайскія:

- 1) Династіи Хань (204—118 годъ до Р. Х.) 1;
- 2) — — Тань (621—846 по Р. Х.), 1.
- 3) — — Сунь, 995—1085 годовъ, разныхъ штемпелей 9 монеть,
1085—1130 годовъ, 1 экз.
- 4) Второй династіи Сунь (1004—1119), 1.
- 5) Династіи Дай-Цинь, 1644—1721 годовъ 1, 1662—1795 годовъ
и 1736—1740 годовъ, 5 экз.
- 6) Корейскія монеты, 2 экз. (ар. Chaudoir, planche XXVI N° 18,
- 7) Японскія, — — 1 — (Chaudoir, pl. XXXI N° 33).
- 8) Непознана — 1 — (Chaud., pl. XLV VIII N° 44).

III ЗАСѢДАНІЕ (ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ), 18 ФЕВРАЛЯ.

Присутствовали: Его Высочество Принцъ Александръ Гессенскій,
С. В. Долгоруковъ, графъ А. С. Строгановъ, графъ А. С. Уевъ,
и князь Джафаръ Топчибашиевъ, А. Ф. Бычковъ, П. Н. Демезонъ,
А. Жиль, Д. Н. Заматинъ, Б. В. Кёле, А. Б. Жакиръ, А. Ф.
Жисъ, Г. Пиккаръ, Я. Я. Рейхель, П. С. Савельевъ и Ф. Ф. Семеновъ.

Въ некоторыя изъ Гг. членовъ, по поводу утвержденія новаго
статута для Общества, предлагали на обсужденіе разные вопро-
сы касательно выбора должностныхъ лицъ Правленія Обще-
ства и усиленія средствъ для изданія на отечественномъ язы-
кѣ «Записокъ» Общества.

Положено: отложивъ выборъ членовъ Правленія до возвра-
щенія изъ-за границы Августѣйшаго Предсѣдателя Общества,
вступить медленно къ избранію секретаря для русской пере-
писки, на котораго возложить и редакцію «Записокъ».

По балотированіи, въ секретаря Общества и редакторы «За-
писокъ» избранъ единогласно членъ-основатель П. С. Савельевъ.

IV ЗАСѢДАНІЕ, 14. МАРТА.

Присутствовали: Его Высочество Принцъ Александръ Гессенскій князь С. В. Долгоруковъ, Б. В. Кёле, Я. Я. Рейхоль, П. П. Сабанъ, П. С. Саволловъ, И. П. Сахаровъ, Ф. Ф. Семеновъ и графъ А. С. Уваровъ.

I. Представлены полученные въ даръ для библіотеки Общества книги: отъ берлинскаго Археологическаго Общества, редакціи Журнала «Министерства Народнаго Просвѣщенія», отъ дѣятельнаго члена Ф. Ф. Семенова, и членовъ-корреспондентовъ А. Мартынова, П. И. Савваитова и г. Гергарда, изъ Берлина.

II. Читано письмо члена-корреспондента А. И. Пискарева найденныхъ въ прошедшемъ году, въ Торопецкомъ уѣздѣ Псковской губерніи серебряныхъ монетахъ Великаго Князя Ивана Васильевича.

III. Читано предложеніе члена-сотрудника З. О. Леонтьева, слѣдующаго содержанія:

«Изучая Китай тридцать лѣтъ, я не малою время занимался и древностями, столь высоко цѣнимыми въ кругу образованныхъ китайцевъ. Баронъ С. И. Шодуаръ обратилъ особенное вниманіе на нумизматику китайскую и государствъ, смежныхъ съ Китаемъ; руководствуясь преимущественно моимъ пособіемъ, издалъ особое сочиненіе, къ которому по возможности приложилъ рисунки монетъ и медалей. Получивъ изъ Китая вновь изданную китайскую нумизматическую, и описавъ коллекцію монетъ и медалей китайскихъ, принадлежащихъ Его Величеству графу С. Г. Строганову, я нашелъ много такихъ монетъ и медалей, которыя не помѣщены въ сочиненіи барона Шодуара, и потому прошу Археологическое Общество напечатать мой трудъ, относящійся до монетъ и медалей китайскихъ на русскомъ языкѣ, съ приложеніемъ рисунковъ еще неизданныхъ монетъ и медалей. Сочиненіе мое еще вчера, и требуетъ обработки и пополненія. Я по частямъ буду представлять Обществу свой трудъ на разсмотрѣніе, одобреніе и напечатаніе, и своими трудами нежелая послужить Обществу и сообщить любителямъ нумизматики то, что можетъ-быть, имъ еще неизвѣстно; во состояніи мое не дозволяя мнѣ издать его. Надѣюсь, что Археологическое Общество не оставитъ безъ вниманія мое предложеніе, и благосклонно согласится на сдѣлать «Запискахъ» помѣстить мой трудъ и напечатать меня съ экземпляромъ, отдѣльно напечатаннымъ. Матеріалы у меня под рукой, какъ въ переводѣ на русскій языкъ, такъ и въ подлинникѣ на китайскомъ языкѣ».

Общество возложило: принять предложеніе г. *Левинского*, и поручить редактору «Записокъ» помѣщать описаніе новонайденныхъ китайскихъ монетъ, по частямъ, въ Запискахъ, отпечатывая этотъ трудъ въ пользу автора отдѣльными оттисками.

IV. Читано предложеніе члена-корреспондента *М. П. Погодина*, слѣдующаго содержанія:

«Въ библіотекѣ московской Синодальной Типографіи хранится большая харатейная рукопись конца XIII или начала XIV вѣка, въ коей между разными статьями духовнаго содержанія помѣщено житіе *Св. Бориса и Глѣба*, съ живописными изображеніями всѣхъ происшествій. Этою честью представить оныя въ вѣрныхъ и точныхъ спискахъ, хотя и не вполне отчетливыхъ, что касается до мелочей исполненія. Общество увидитъ, что эти изображенія, представляя древнюю нашу живопись почти во всѣхъ ея явленіяхъ, составляютъ наибольшую драгоцѣнность для нашей исторіи, не только для исторіи искусства, — драгоцѣнность, которая равняется знаменитымъ *Матильдянымъ ковчегамъ Бабе*. Здѣсь открываются передъ нашими глазами древнія зданія, церкви съ образами и крестами, дверями, окнами, крышами, обрашеніями; одежда княжеская, боярская, воинская, простолюдинская, одежда епископовъ, священниковъ и діаконовъ, — ризы, эпитрахили, подризники, корзна, ферязи, броня, нижнія порты, сорочки, веротяжки, шапки, сапога, пояса, оружіе, шляпы, щиты, мечи, сабли, колья, топоры, стяги заволоченные; утвари: стулья, столы, скамьи; посуда: сосуды, чаши, чары, рога (турьи). Кромѣ того, шатры, сани, кола, сѣдла, узды, возжи, носилки, насады съ веслами, колоды, свавы, и проч.

«Не угодно ли будетъ Обществу издать эти изображенія? Издержки изданія были бы покрыты, я увѣренъ, продажею экземпляровъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Къ рисункамъ я присоединяю свое наследованіе объ авторѣ этого житія, современникѣ *Нестора*, коихъ *Іаковъ*, котораго имя до 1840 года было неизвѣстно, и вѣрный списокъ съ его сочиненій, мною найденныхъ въ 1840 году, памятникъ XI вѣка. Все изданіе могло бы имѣть такое заглавіе: «*Житіе Іакова и его сочиненіе, съ приложеніемъ современныхъ рисунковъ и картинъ Святыхъ Бориса и Глѣба, въ рукописи XIII вѣка*». Изданіе я готовъ принять на себя, такъ какъ рукопись находится въ Москвѣ. Рисунки можно сдѣлать вновь, отчетливыми до послѣднихъ мелочей, и литографировать, какъ *Древности Россійскаго Государства...*»

Положено: благодарить автора за предложеніе, и имѣть въ виду это изданіе на будущее время, такъ какъ средства Общества не позволяютъ ему, въ настоящее время, принять на себя по-

требныхъ за то значительныхъ издержекъ, исчисленныхъ Погодными отъ 1500 до 2000 рублей серебромъ.

V. Действительный членъ *Н. П. Сахаровъ* представляе Обществу слѣдующее предложеніе объ изданіи Собранія русскихъ надписей:

Русскія надписи, сохранившіяся на разныхъ памятникахъ, по дѣтописей и актовъ, составляютъ самый важный источникъ нашей исторіи. Древнѣйшія изъ нихъ восходятъ до XII вѣка. Полное собраніе всѣхъ русскихъ надписей будетъ главнымъ основаніемъ объясненію русскихъ древностей. Онѣ дополнятъ наши родословныя книги, объяснятъ время основанія церквей и монастырей, обозначатъ собою періодъ выливанія пушекъ и колоколовъ, откроютъ имена и дожинокъ, занимавшихся въ Россіи искусствами и художествами. Надписи вышивныя откроютъ намъ особенный родъ занятій въ уединенной жизни великихъ княгинь, царицъ, царевенъ и боярынь. Надписямъ узнаемъ вклады нашихъ великихъ князей, царей, бояръ и простыхъ людей. Надписи объяснятъ частную жизнь русскаго народа, которой не найдемъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ. Всѣ доселѣ издаваемые надписи были помѣщаемы или въ книгахъ и журналахъ, или каталогахъ книгъ; повторяю, что все доселѣ напечатанное не составляетъ и тысячной доли. Между-тѣмъ памятники съ надписями истребляются, а съ потерю ихъ исторія лишается нужныхъ пособій.

Изданіемъ полнаго собранія русскихъ надписей мы приготовимъ важное пособіе для настоящихъ и будущихъ дѣлателей. Нашему Археологическому Обществу, основанному для объясненія русскихъ древностей, предстоитъ завидный подвигъ увѣковѣчить свое главное основаніе занятіями, окончить всѣ приготовленныя работы по русской археологій.

Затѣмъ г. Сахаровъ представилъ проектъ изданія русскихъ надписей.

Общество, съ благодарностію принявъ предложеніе г. Сахарова, положило: съ будущаго 1851 года печатать Собраніе русскихъ древнихъ надписей, ежегодными выпусками, около 12 печатныхъ листовъ въ большую 8-ю долю листа, въ числѣ 60 виземцларовъ, а о доставленіи въ Общество списковъ съ древнихъ надписей, какія могутъ еще оставаться неизвѣстными, и печатать приглашеніе въ столичныхъ и губернскихъ вѣдомствахъ.

VI. Читаны два предложенія: г. члена-сотрудника *Н. Яковлева* и санктпетербургскаго купца *Г. С. Кузьмина*, слѣдующаго содержанія:

I. Предложеніе И. Т. Яковлева.

Мнѣ честь представить на благоуваженіе гг. членовъ Археологическаго Общества проектъ о сонсаніи премій по предполагаемой задачѣ, на слѣдующихъ основаніяхъ.

1. Представляю отъ себя единовременно четыреста рублей, серебря за оригинальное сочиненіе, написанное по объявленной задачѣ на русскомъ языкѣ, и удостоенное одобренія Общества.

2. Предметомъ для задачи избираю: *Описаніе русскихъ народнаго быта до конца XVII вѣка.*

Для обсужденія моего проекта, составленія программы и объявленія задачи во всеобщее извѣстіе, испрашиваю назначенія оной комиссіи изъ пяти членовъ, извѣстныхъ по своимъ познаніямъ въ русскихъ древностяхъ.

Назначенная мною премія выдается вполнѣ за сочиненіе, признанное достойнымъ по программѣ, или раздѣляется на двѣ части, каждая изъ нихъ выдается за сочиненіе, не вполнѣ соответствующее предложенной задачѣ, но лучшее по исполненію и описанію предмета.

3. Сочиненіе, удостоенное преміи, печатается въ первый разъ въ *Извѣстіяхъ* Общества.

4. Срокъ на представленіе сочиненій по объявленной задачѣ для назначенія преміи прошу назначить двухгодовой.

5. Для разсмотрѣнія сочиненій, могущихъ поступить въ Общество по истеченіи двухгодоваго срока, испрашиваю назначенія особой комиссіи изъ дѣйствительныхъ членовъ, извѣстныхъ по своимъ познаніямъ въ русскихъ древностяхъ. Этой комиссіи поручаю: разсматривать присланные сочиненія, одобживать достойныя изъ нихъ къ полученію преміи, и представлять ихъ съ своимъ мнѣніемъ на утвержденіе Общества. Общество же окончательно рѣшаетъ удостоеніе преміи большинствомъ голосовъ.

6. Если въ двухгодовой срокъ не будетъ прислано сочиненій по объявленной задачѣ, или изъ присланныхъ ни одно не будетъ соответствовать своему назначенію, тогда объявить задачу вторично въ двухгодовой срокъ для присылки сочиненій по объявленной программѣ. Если и за вторымъ срокомъ не будетъ доставлено достойныхъ сочиненій по объявленной задачѣ, то моя обязанность на выданіе преміи прекращается.

II. Предложеніи Г. С. Кузьмина:

«Вулучи увѣренъ въ пользу, приносимой Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ для отечественнаго просвѣщенія вообще и желая содѣйствовать успѣхамъ его, имѣю честь предложить членамъ Общества: не благоугодно ли имъ будетъ принять отъ меня четыреста рублей серебромъ для объявленія задачи во всеобщее и вѣстіе по предмету русскихъ древностей.

Я бы желалъ, если Общество удостоитъ мое предложеніе своимъ вниманіемъ, избрать для задачи или исторію русскаго книгопечатанія, или исторію русскаго иконописанія, съ тѣмъ, чтобы сочиненіе было написано на русскомъ языкѣ и изложено общедоступнымъ образомъ.»

Общество, одобривъ предложенія гг. *Яковлева* и *Кузьмина* положило благодарить ихъ за усердіе къ наукѣ, и вмѣстѣ назначить комиссію изъ пяти членовъ, для обсужденія обихъ предложеній и представленія донесенія о назначаемихъ для соисканія премій задачахъ.

Въ члены комиссіи избраны большинствомъ голосовъ: князь *С. В. Долгоруковъ*, *Я. Я. Рейхель*, *П. С. Савельевъ*, *И. П. Схаровъ* и *А. С. Уваровъ*.

VII. Сообщено предложеніе отправляющагося по дѣламъ службы изъ Казани въ Иркутскъ члена-корреспондента Общества *Дорджи Банзарова* о предполагаемомъ имъ изслѣдованіи древностей Восточной Сибири, «если Общество окажетъ ему въ томъ содѣйствіе.—Общество, по представленію *П. С. Савельева*, положило: просить господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири о поощреніи *Г. Банзарова* въ ученыхъ его занятіяхъ отъ которыхъ можно ожидать многого для разъясненія древностей Сибири, и о дарованіи ему средствъ, въ свободное отъ службы время, изслѣдовать древности, столь обильныя въ томъ краѣ и столь мало еще объясненныя.

VIII. Г. Кёне сообщилъ замѣчанія свои о изображеніяхъ Герцога и Леандра на древнихъ памятникѣхъ. Въ послѣднее время много нумизматы принимала изображенное на нѣкоторыхъ древнихъ монетахъ, (въ томъ числѣ на денаріи римской императрицы Сперетисы, выбитомъ въ 710 году отъ основанія Рима), изображеніе морской богини. Г. Кёне, основываясь на слѣдствіи изслѣданій этой монеты, принадлежаща въ Императорскому Эрмитажу, доказываетъ, что изображенная на монетѣ фигура—не ба

гиза, и икона, именно Леопольдъ, племянно любимый мужъ Гёро. Изображенія ихъ встрѣчаются на монетахъ Сестера и Аббаса, на римскихъ конторціатахъ, въ номидейской стѣнной живописи и на многихъ рѣзныхъ камняхъ.

V ЗАСѢДАНІЕ, 11 АПРѢЛЯ.

Присутствовали: *И. А. Бартоломей, князь С. В. Домаруковъ, Б. Кай, А. В. Лакіоръ, Э. Г. Муралте, А. Ф. Прейс, Я. Я. Рейнъ, П. С. Савельевъ, Н. П. Сахаровъ, Ф. Ф. Савель, широкъ Давидъ Голубашевъ, графъ А. С. Угаровъ и Г. Ш. Фридрици, и членъ-корреспондентъ И. А. Коряковъ.*

Чтано донесеніе комиссіи, назначенной для разсмотрѣнія предложеній о преміяхъ гг. *Яковлева* и *Кузьмина*.

Комиссія, при разсмотрѣніи предложеній о назначеніи за-
дѣлъ 1) отъ г. Яковлева: *описать русскія народныя одесды до конца XVII вѣка*, 2) отъ г. Кузьмина: *написать исторію русскаго права законодательства до конца XVII вѣка*, нашли, что предложенія эти соотвѣтствуютъ цѣли учрежденія Общества, и приведеніемъ ихъ въ исполненіе Общество призоветъ ученыхъ къ изслѣдованію русскихъ древностей, находящихся въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, а отъ исполненія этихъ задачъ наука приобрететъ новые источники для исторіи русскихъ искусствъ и художествъ. Признавъ оба предложенія о назначеніи задачъ на преміи полезными въ настоящее время, комиссія предлагаетъ привести ихъ въ исполненіе обнародованіемъ въ имени Общества двухъ отдѣльныхъ задачъ на совозаніе членовъ.

Общество, одобрявъ вышній доносеніе комиссіи, утвердило постановленіемъ особаго протокола маѣше и заключеніе ея о предложеніяхъ гг. Яковлева и Кузьмина.

II. Поступило для библіютеки Общества:

1. Отъ Ч. О. князя *С. В. Домарукова*: 18 снимковъ рисунковъ, приложенныхъ къ рукописи *Житія Св. Бориса в Глѣбѣ*, хранящейся въ библіютекѣ Московской Синодальной Типографіи:

2. Отъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ книга о трудахъ его за 1849 годъ;

3. Отъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: 5-я книга «Временника»;

4. Отъ Дерптскаго Эстонскаго Общества, сочиненіе: *Kathische Volkslieder*;

5. Отъ Ч. К. Паукера, его сочиненіе: *de Sophocle*, 1850;

6. Отъ Ч. С. М. А. Коркунова, его брошюра, подъ заглавіемъ: «Картина военныхъ дѣйствій между Рускими и Поляками въ 1579 году», съ 8 табл. рисунковъ, 1837, и книга: «Библиотека Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россіи», 1845;

7. Отъ г. Тайнаго Совѣтника П. Г. Буткова, (черезъ Ч. Коркунова), его сочиненіе: Оборона Лѣтописи Несторовой съ наѣтовъ скептиковъ», 1840.

III. Представлено въ даръ для минцабинета Общества:

1. Отъ Ч. О. Графа А. С. Уварова, 68 серебряныхъ и медныхъ Золотой Орды, 710—762 годовъ гнѣзды (1310—1350) изъ числа найденныхъ Оренбургской губерніи Бузулукскаго уѣзда, въ селѣ Ключевки;

2. Отъ Ч. К. Графа Евст. Тышкевича, 17 серебряныхъ медныхъ монетъ Яна-Казимира и Яна Собѣскаго, изъ числа найденныхъ въ Борисовскомъ уѣздѣ Мѣвской губерніи;

3. Отъ Коллежскаго Ассессора А. А. Мацкевича, (черезъ Ч. С. Коркунова), 50 медныхъ монетъ Царя Алексѣя Михайловича.

IV. П. С. Сагелъевъ сообщилъ:

1) Прислать въ Общество изъ Чебоксаръ, отъ священника *Василія Громова*, копию съ межевой выписки 1670 года изъ Чебоксарскаго уѣзда Ишаковской волости сотнику Исаеву съ товарищи на принадлежавшій имъ лѣсъ

и 2) отъ А. В. Терещенки, рисунка металлическаго зеркала съ арабскою надписью, найденнаго въ развалинахъ Сарая, найденной въ прошломъ году Пермской губерніи въ Нижнекамскомъ заводѣ, Гофмейстера Н. В. Всеволодскаго, фероньернаго надбровника, татарскаго надѣлія, со вѣлѣнною въ печатию съ арабскою надписью.

Г. Сагелъевъ полагаетъ: копию съ межевой выписки, такъ какъ содержаніе ея не относится къ предметамъ занятій Общества, передать въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, а рисунки и описанія зеркала и надбровника дать по накопленіи въ Обществѣ большаго количества подобныхъ съ подобными надѣліями.— Одобрено.

V. Балотированъ въ члены-сотрудники и избранъ единогласно учредитель третьей археологической преміи, Г. С. Кукинъ.

VI. *Н. А. Бартоломей* сообщилъ соображенія свои о числахъ на монетахъ послѣднихъ Сасанидовъ и о правописаніи восточныхъ численныхъ словъ, въ которыхъ означаютъ суть семитическія, а десятки персидскія. Изъ восточныхъ писателей, сообщающихъ извѣстія о времени царствованія Сасанидовъ, извѣстія Мирхонда почти вполнѣ совпадаютъ съ византийскими данными. Въ заключеніе г. Бартоломей сообщилъ поправки къ представленному имъ же, въ запискѣ 1847 года, первому опыту классификаціи Сасанидскихъ царей по монетамъ *. Поправки касаются годовъ царствованія Кобда, монеты котораго начинаются 13-мъ, а не 12-мъ годомъ, и кончаются 41, а не 43-мъ годомъ: эти поправки легко могли вкратъся при трудности отличать греческое «три» въ соединеніи этого числительнаго имени десятками, какъ-то 11, 13, 41 и 43.

VII. Дѣйствительный членъ *И. П. Сахаровъ* читалъ извлеченіе изъ разсужденія своего о значеніи и содержаніи отечественной археологіи.

Въ область русской археологіи могутъ входить памятники нашей семи вѣковъ русской исторической жизни, начиная съ XI вѣка. Памятники русской языческой жизни исчезли съ лица земли, и вѣрныя данныя для нашей археологіи накоплены лишь въ русской христіанской жизни. По мнѣнію г. Сахарова, русскія древности перешли три эпохи. Первая началась съ водворенія въ Россіи христіанской вѣры. Эта эпоха была византийская; когда стемнѣлась въ Россію искусства и культуры изъ образованной Греціи. Вторая эпоха начинается съ водворенія въ Россію Татаръ, съ половины XIII вѣка. Третья эпоха залегаетъ съ половины XV вѣка, съ водворенія въ Россію европейскихъ искусствъ и художествъ. Разсмотрѣвъ сносочиносно положенія русской археологіи, г. Сахаровъ сообщаетъ подробное исчисленіе предметовъ, входящихъ въ составъ русской археологіи, и обзоръ литературы русской археологіи и трудовъ русскихъ ученыхъ въ изученіи отечественныхъ древностей.

Статья *И. П. Сахарова* помѣщена будетъ въ «Запискахъ» Общества.

* Записки Археолог.-Нумизм. Общ. I, 106.

Новѣйшія усовершенствованія, сдѣланныя на французскіи писмо-бумажныя фабрикахъ. Можно безъ преувеличенія сказати что писчая бумага принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ веществъ, безъ которыхъ невозможно развитіе просвѣщенія вообще. Въ-самомъ-дѣлѣ, чѣмъ выше гражданственность, обрѣтаетъ и промышленная дѣятельность какого-либо народа, тѣмъ болѣе долженъ онъ потреблять бумаги, и большая часть чужеземной дѣятельности развивается не прежде, чѣмъ когда эти средства и порядокъ этого развитія будутъ изложены на бумагѣ; и на бумагѣ же сохраняются протоколы человѣческихъ дѣяній и ихъ конечные результаты. Такъ какъ нѣкогда Фаллопий сказалъ весьма справедливо, что

• Nihil est in intellectu, quod non prius fuerat in sensu •

точно также справедливо можемъ сказать, что *человѣкъ не на дѣлалъ, чтобы прежде и даже послѣ не было многого на бумагѣ. Просвѣщеніе невозможно безъ писемъ, употребленіе которыхъ осталось бы навсегда ограниченнымъ безъ мощи бумаги.*

Намъ пожалуй скажутъ, что можно писать и не на однихъ бумагѣхъ; но и въ тѣ матеріалы, которыми помышлѣть заміны бумагу, никакъ не могутъ идти съ нею въ параллель ни по удобствѣ, ни въ дешевизнѣ. Правда, что и бумага представляетъ еще довольно несовершенный матеріалъ для хранения чужеземной мысли, выраженной фигурными знаками, и смотря на постоянное свое усовершенствованіе, все еще не становится много недостатковъ. Главнѣйшій изъ этихъ недостатковъ, состоитъ въ непрочности бумаги, такъ что весьма сомнительно, просуществуютъ ли наши теперешнія книги и рукописи такъ долго, какъ существовали пергаменные свитки древности. Да и что значить прочность самаго пергамона предъ разрушительнымъ вліаніемъ нѣсколькихъ тысячелѣтій? Для вѣковъ не пишутъ на вѣчныхъ матеріалахъ—на гранитѣ и бронзѣ; а кто легко пойметъ, какъ удобно писать манускрипты того рода. Наконецъ, даже ервантъ и бронза не вѣчны и такъ корруются всеразрушающему дѣйствию времени: гранитъ трескается и разсыпается пескомъ, а бронза ржавѣетъ и превращается въ окисель, легко раздробляемый механическими атмосферными силами. Здраво разсмотрѣвъ предметъ со всѣхъ сторонъ, все-таки окажется, что бумага есть наилучшій матеріалъ для начертанія и храненія писемъ, и что просвѣщеніе

дѣтельность должна стремиться къ усовершенствованію этого матеріала.

Въ прошедшемъ столѣтіи бумага приготовлялась весьма недорого, хотя и обходилась дорого. Да что говорить о томъ, что было въ прошломъ столѣтіи: стоитъ только взглянуть на рукописи и книги, изданныя ранѣе тридцатыхъ годовъ нашего вѣка. Ранѣе прочихъ занялись усовершенствованіемъ бумаги Англичане, и начало этого усовершенствованія относится къ эпохѣ извѣренія Наполеона и окончанію общей европейской войны. Французы принялись за такое усовершенствованіе около десяти лѣтъ позже, но истинно хорошую и дешевую бумагу стали дѣлать во Франціи только около 1830 года. Нѣмцы въ этой отрасли фабрикаціи далеко отстали отъ Французовъ и Англичанъ во всѣхъ отношеніяхъ, и еще не прошло тому 10 лѣтъ, какъ гладкую книгу стыдно было взять въ руки: на такой грязной и желтой бумагѣ онѣ печатались. У насъ въ Россіи бумагоделаніе быстро усовершенствовалось въ теченіе минувшаго десятилѣтія, чему особенно способствовала превосходная Императорская Петергофская бумажная фабрика. Конечно русская бумага не выдержитъ соперничества съ французской и англійской ни въ добротѣ, ни въ дешевизнѣ; но бумажная промышленность живо идетъ у насъ впередъ быстрыми шагами; грязная желтая бумага замѣняется постепенно бѣлою и гладкою, цѣны постепенно понижаются, хотя намъ еще далеко до непонятной дешевизны прелестной атласистой бумаги французскихъ и бельгійскихъ фабрикъ.

Мы намѣрены познакомить нашихъ читателей съ успѣхами фабрикаціи писчей бумаги въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. Первенство въ этомъ отношеніи остается покуда за Франціею, и мы, на первый случай, поговоримъ о производствѣ французской писчей бумаги.

Если сравнить французскую бумагу съ англійскою, то мы увидимъ, что первая бѣлѣе и прозрачѣе послѣдней. Это происходитъ оттого, что въ Англіи вообще бѣлится бумагу, не такъ сильно, какъ во Франціи, боясь повредить прочноста массы мгновеннымъ дѣйствіемъ хлорнаго газа. Сверхъ-того, бѣлитъ англійской бумаги вредитъ проклейка ея животными клеями и обыкновеніе подсинивать бумагу. Прозрачность французской бумаги зависитъ оттого, что во Франціи фабриканты выкупаютъ веточки гораздо торѣе, чѣмъ въ Англіи, гдѣ крупный уголь ветошекъ придаетъ бумагѣ что-то мутное. Но за-то

англійская бумага прочѣе французской, хотя и не такъ крава, какъ послѣдняя.

Одна изъ важныхъ операций бумагодѣланія есть *сарка велшекъ*. Уже издавна заведено на французскихъ фабрикахъ и рить безразлично и безысключительно всѣ сорта ветошекъ въ новѣйшее время начали производить эту выварку паромъ усиленнаго давленія, до трехъ и даже болѣе атмосферъ, что представляетъ несомнѣнную выгоду въ сравненіи съ варкою двумя парами обыкновеннаго давленія. Бумажная жидкость переливается изъ одного чана въ другой, помощію трубъ, такъ какъ это устроивается при бѣленіи полотенецъ. Должно однакожь признаться, что бѣленіе этимъ не значительно увеличивается, да и времени сберегается песьма немного.

Перейдемъ теперь къ выжимкѣ *полумассы*.

На послѣднюю парижскую выставку мануфактурныхъ произведеній была представлена новая, прекрасно устроенная машина для прессовки полумассы. Въ ней полумасса вытекаетъ изъ особо-устроеннаго съ мѣшалами чана на грубую металлическую сѣтку, которая медленно подвигаясь по извѣстному направлению приводитъ полумассу къ двумъ тяжелымъ цилиндрамъ: прои между ними, полумасса выжимается именно до той степени, какъ то нужно.

Машина о которой мы теперь говоримъ, очень походитъ устройствомъ своимъ на переднюю часть машинъ, употребляемыхъ для дѣланія безконечной бумаги. Она введена теперь только во Франціи, но даже и въ сосѣднихъ государствахъ выжимка бумажной полумассы помощію ея гораздо совершеннѣе чѣмъ помощію гидравлическихъ или винтовыхъ прессовъ. Тому-же, полученную изъ новой машины полумассу, горд легче бѣлить, чѣмъ всякую другую.*

Бывало, на французскихъ бумажныхъ фабрикахъ бѣлили полумассу по два и даже по три раза, сперва хлоромъ, а потомъ хлористою известью. Теперь же, когда ветошки начинаютъ вываривать парами усиленнаго давленія, полумасса бѣлится одинокъ разъ лучше, чѣмъ прежде въ три; слѣдовательно, значительно сберегаются и время и расходы. Дѣйствительно, если выварка ветошекъ въ закрытыхъ кипательникахъ и отмывка, раздробленіе и выжимка полумассы исполнены съ надлежащею тщательностью, то совершенно достаточно бѣлитъ одною банею изъ хлористой извести.

* Новая машина длиною въ сажень, а тканъ шириною почти въ сажень съ четвертью.

Если начать говорить объ усовершенствованіи фабрикаціи лучшей бумаги во Франціи, то вѣтъ возможности пройти молчаніемъ знаменитую фабрику братьевъ Кансонъ въ Анноне. На ней проклеиваніе бумаги въ чанахъ доведено до высшей степени совершенства; но преимущественнаго вниманія заслуживаетъ машинная бумага, изготовляемая на этой фабрикѣ для черченія и рисованія. До-сихъ-поръ, ни одна фабрика не можетъ приготовить безъ просушки на воздухѣ и вторичной проклейки, такую прочной и толстой машинной бумаги, которая могла бы выдерживать соперничество съ рисовальною бумагою, приготовленною черпальнымъ способомъ и проклеенною животнымъ клеемъ; такая только бумага можетъ выдерживать подчистку, удобно принимаетъ краски, и позволяетъ смывать нарисованное. Несмотря на то, положительно извѣстно, что рисовальная бумага готовится на фабрикѣ братьевъ Кансонъ, въ чанѣ съ мыломъ, и просушивается на цилиндрахъ, нагрѣваемыхъ водянымъ паромъ. Необходимыя условія для приготовленія такой бумаги—мягкость массы и выборъ матеріала—эти достигаются на фабрикѣ гг. Кансонъ.*

Такъ, кромѣ чертежной и рисовальной бумаги, приготовляетъ еще искусственный пергаментъ, издѣліе исключительно—своеобразное этой фабрики. Онъ готовится изъ цѣпковыхъ шнурковъ и ветошекъ, которые мелются въ такую тонкую массу, что ее можно обрабатывать только въ кипящемъ состояніи при усиленномъ давленіи пропускается для нагрѣванія въ чанъ, въ которомъ собираются всѣ недостаточно-тонко размолотые шкурки шнурковъ и кусочки ветошекъ. Листы бумаги съ сульфида цинка, проходятъ между парю другихъ цилиндровъ, изъ которыхъ нижній погруженъ частію въ клеевой растворъ, проникающій такимъ образомъ въ полувысушенный листъ и покрывающій его гладкимъ, блестящимъ слоемъ. За тѣмъ проклеенный листъ поступаетъ въ сушило и наконецъ высушивается.

Искусственный пергаментъ выдѣлывается также ручнымъ способомъ, но въ такомъ случаѣ, онъ проклеивается обыкновеннымъ образомъ.

Если всѣ упомянутыя работы произведены тщательно, то получившіе листы чрезвычайно похожи на настоящій пергаментъ, и на ощупь, такъ и по наружному виду. Особенно красивы,

* На этихъ фабрикахъ ножи ролиной машины состоятъ изъ тупыхъ металлическихъ полосокъ.

впрочны и плотны листы, выдѣланные черпальнымъ способомъ они почти не хуже настоящаго пергамена, выдѣланнаго изъ кожи.

Высушиваніе на свободномъ воздухѣ такъ сильно стягиваетъ и сѣживаетъ искусственный пергамень, что его нельзя послѣ того распрямить и растянуть ни прессовкою, ни ложеніемъ. Онъ въ большомъ количествѣ употребляется во Франціи для писемъ важныхъ документовъ; бракъ же и низшіе сорта ездутъ на упаковку вещей, посылаемыхъ въ дальнія страны вообще тамъ, гдѣ тщательная укладка составляетъ важное словіе.

Искусственный пергамень продается во Франціи на фунтъ его стóитъ около 50-ти коп. сер.

Непосредственно за фабрикою братьевъ Кансонъ, должно упомянуть о бумажной фабрикѣ братьевъ Жоанно. На издѣльяхъ обѣихъ наводятся теперь сквозные водяные знаки, которые выдавливаются не на каждомъ листѣ отдѣльно, при ложеніи, какъ это понынѣ дѣлается во многихъ фабрикахъ, но выдавливаются на самой машинѣ. Условные знаки и клейма сѣрки вырѣзываются на поверхности небольшихъ роликковъ, когда листъ пройдя первую пару сушильных цилиндровъ, проходитъ между рамками, то послѣдніе тиснятъ выгравированный клеймо на влажной еще массѣ листа. Эти рамки такъ соединены съ насосомъ или съ цилиндромъ рѣзальной машины, что они оборачиваются однажды во-время прохожденія наждаго листа такъ какъ при наживаніи безкомечнаго листа, диаметръ и вода постепенно увеличивается, то послѣ разрѣзки листовъ клеймы оказываются вытисненными не на одномъ листѣ. Конечно въ этомъ нѣтъ никакой бѣды, но теперь стараются устранить даже и этотъ недостатокъ.

Гораздо существеннѣе то обстоятельство, что гравированный клейма на роликѣ обходится довольно дорого, и притомъ далеко не всегда оттискивается съ одинаковою ясностью.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о причинахъ волнистости толстой машинной бумаги.

Во всѣхъ сортахъ толстой, а особенно цвѣтной машинной бумаги, представленной на бышшую въ прошедшемъ году Царскій выставку мануфактурныхъ произведеній, замѣчается общій недостатокъ, на который фабриканты, повидимому, обращаютъ должнаго вниманія. Этотъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что если смотрѣть на бумагу сбоку, то можно сейча на ней замѣтить поперечныя полосы, и какъ бы волны; это

вертатокъ преимущественно выказывается въ синей и зеленой бумагахъ. Обыкновенно полагаютъ, что эти полосы происходятъ отъ тѣхъ роликковъ, которыя поддерживаютъ съ низу тѣхъ изымаемую форму или сѣтку машины. Но если допустить справедливость подобнаго объясненія, то полосы должны бы были равно отстоять одна отъ другой, чего однакожь не замѣчается. Кажется, скорѣе можно допустить, что настоящая причина происхожденія такихъ поперечныхъ полосокъ заключается въ упругости самой формы и зависящемъ оттого сотрясеніи массы, попавшей уже на металлическую ткань. Форма приносится въ движеніе главнымъ валомъ, на которомъ находится зубчатое колесо; зацѣпъ каждого зуба, производя маленькій прыгъ, сотрясаетъ имъ сѣтку, а слѣдовательно, и находящуюся на ней бумажную массу. Само-собою разумѣется, что чѣмъ толще выдѣлываемый листъ, тѣмъ слой массы будетъ толще, сотрясеніе сильнѣе, и полосы явственнѣе. Лучшія изъ французскихъ бумажныхъ фабрикъ придумали нынѣ, для отвращенія такихъ сотрясеній, замѣнить зубчатое колесо перваго движущаго шкивомъ, приводимымъ въ дѣйствіе ремнемъ отъ главнаго двигателя.

Странно, что до сихъ поръ во Франціи писче-бумажные фабриканты не употребляютъ въ дѣло оческовъ отъ хлопчатой бумаги, доставляемыхъ въ большомъ количествѣ бумагопрядильни. Въ этомъ случаѣ Англичане далеко ушли впередъ, и близъ Манчестера очески или *упаль* съ бумагопрядильнъ передѣлываются въ писчую бумагу, и это производство развилось нынѣ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что въ однихъ окрестностяхъ Манчестера имъ занимаются 50 писчебумажныхъ фабрикъ, съ тремястами рольными машинами. Выдѣлываемая изъ оческовъ бумага красива на видъ, но непрочна, почему и употребляется преимущественно для печатанія объявленій, афишъ и большей части дешевыхъ газетъ: тутъ ненужно прочности, лишь бы только была сносная наружность и дешевизна; а тамъ бумага обходится чрезвычайно дешево.

Бумага, на которой печатаются огромныя англійская и американская газеты, вся готовится изъ оческовъ хлопчатой бумаги, съ прибавкою десяти процентовъ льняныхъ оческовъ. Такая бумага бездѣльцею дороже, но значительно прочнѣе приготовленной безъ примѣся льна.

Въ другой статьѣ мы поговоримъ о новѣйшихъ усовершенствованіяхъ писчебумажнаго производства въ Англіи.

Блѣзый порохъ.—Въ 1848 году, г. Ожандръ, пробиреръ къ стантинопольскаго монетнаго двора, желая повѣрить фактъ, повѣданный въ одномъ извѣстномъ курсѣ химіи, о превращеніи двойнаго синеродистаго соединенія желѣза и потассія въ синеродокислый кали, чрезъ плавленіе съ селитрою, былъ пораженъ неожиданнымъ взрывомъ, бросившимъ ему расплавленную смѣсь въ лицо. Излечившись отъ обжога, онъ повторилъ нѣсколько разъ этотъ опытъ (съ должными предосторожностями), и каждый разъ образовался взрывъ. Размышляя объ этомъ явленіи, онъ придумалъ цѣлый рядъ опытовъ, слѣдствіемъ которыхъ было познаніе факта, что обыкновенное *желтое* и, еще лучше *красное* синильнокислосе кали въ смѣшеніи съ селитрою образуютъ гремучія смѣси, воспламеняющіяся со взрывомъ, отъ прикосновенія раскаленнаго тѣла. Но взрывъ происходилъ только въ точкѣ прикосновенія и не распространялся по всей гремучей смѣси.

Вислѣдствіи времени, именно въ концѣ явнущаго 1848 года, г. Ожандръ издумалъ замѣнить селитру (азотнокислосе кали бертолеттовою солью (хлорвокислымъ кали), и результатъ былъ самый удовлетворительный. Онъ смѣшивалъ въ агатовой ступкѣ одну часть желтаго синильнокислаго кали, превращеннаго въ порошокъ, съ одною, двумя и тремя частями хлорвокислаго кали, и получалъ смѣси, воспламеняющіяся отъ прикосновенія раскаленнаго тѣла, наподобіе обыкновеннаго ружейнаго пороха. Самая выгодная пропорція состояла изъ одной части синильнокислаго кали на двѣ части бертолеттовой соли. Взрывъ былъ чрезвычайно силенъ, даже на открытомъ воздухѣ, и составъ сгоралъ совершенно, безъ-остатка, развивая огромное количество газовъ.

Этотъ гремучій составъ, несмотря на свою силу, имѣлъ нѣкоторые недостатки, и особенно слишкомъ быстро воспламенялся. Послеъ многихъ опытовъ, г. Ожандру удалось наконецъ, уже въ настоящемъ году, найти составъ пороха, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ. Вотъ какъ должно поступать для его приготовленія.

беруть по ѡбсу:

кристаллизованнаго желтаго синильнокислаго кали	1 часть,
бѣлаго сахара	1 »
хлорвокислаго кали	2 »

и превративъ каждое изъ этихъ веществъ отдѣльно въ тонкій порошокъ, перемѣшиваютъ ихъ между собою деревянною лопаточкою. Если же хотять приготовить этотъ составъ въ боль-

мень количества, то, смочивъ его предварительно двумя или тремя процентами воды, растираютъ его въ мѣдной ступѣ деревяннымъ пестомъ или мѣднымъ пестомъ въ деревянной ступѣ, для чего достаточно одной четверти часа. Порошокъ превращается въ зернышки обыкновеннымъ способомъ, какъ ружейный порохъ, и затѣмъ хорошемыко просушивается на вольномъ воздухѣ.

Изъ опытовъ, произведенныхъ изобрѣтателемъ, видно, что такой порохъ дѣйствуетъ втрое сильнѣе обыкновеннаго. По его расчету фунтъ *блѣтаго пороха* обойдется около 40 или 42 фунтъ серебра, и съ успѣхомъ замѣнитъ три фунта ружейнаго пороха. Къ тому же онъ весьма трудно припимаетъ сыпучесть и отличается другими хорошими качествами.

Этотъ порохъ будетъ изслѣдованъ особою комиссіею изъ членовъ Парижской Академіи Наукъ.

Китайская кормовая трава.—Магистръ Казанскаго Унив. г. *Васильевъ*, находившійся при нашей пекинской миссіи, выслалъ отсюда, въ 1846 году, сѣмена китайской кормовой травы, называемой *му-суй-цао-цзы*. Этотъ видъ *мелассы* или *луцерны*, былъ акклиматизированъ помѣщикомъ *Васильевскаго* уѣзда г. *Каратаевымъ*, и представленъ имъ на продовольственную выставку сельскихъ произведеній, бывшую въ Нижнемъ-Новгородѣ. Вотъ перечень свѣдѣній, которыя мы находимъ объ этой новой кормовой травѣ, въ одномъ изъ русскихъ журналовъ.

Для посѣва одной десятины нужно около фунта сѣмянъ *му-суй-цао-цзы*. Переноситъ весьма хорошо осенніе непогоды, зимніе холода и весенніе морозы, она даетъ два скоса въ одно лѣто: въ началѣ іюня и въ сентябрѣ. По мнѣнію г. *Каратаева*, эта трава можетъ вполне замѣнить для скота кормовую пшеницу. Представленные пять сѣмянъ этой травы розданы хозяевамъ Нижегородской, Ярославской, Саратовской, Орловской и Черняговской губерній, чрезъ что получится возможность судить впоследствии объ успѣхѣ урожая новой кормовой травы и приложеніи ея къ скотоводству, въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, столь разнообразныхъ, какъ по климату, такъ и по качеству почвы. Будемъ надѣяться благихъ послѣдствій отъ этого дѣла.

Такъ называлъ г. *Ожандръ* изобрѣтенный имъ порохъ, для отличія отъ обыкновеннаго ружейнаго: первый, въ-самомъ-дѣлѣ, имѣетъ бѣлый, слегка желтый цвѣтъ, а послѣдній, какъ всякому извѣстно, темносѣрый.

Новый видъ злака.—На соленомъ побережьи Средиземнаго моря, въ Южной-Франціи, и особенно въ окрестностяхъ Нарбонна, попадается въ большомъ количествѣ прекрасное растеніе, принадлежащее къ роду *злаковъ*, (*Gramineae*) и донынѣ незамѣченное ботаниками. Открытіе его принадлежитъ г. Эспру Фабру, который сообщилъ о немъ Академіи Наукъ въ Монпелье запискою, читанною въ засѣданіи 15 минувшаго марта.

Новый злакъ есть видъ *Spartina*, и названъ г. Фабромъ *Spartina versicolor* (спартина разноцвѣтная), по той причинѣ, что стебель его и листья въ различныя эпохи возрастанія бываютъ окрашены различными цвѣтами. Скотъ очень любитъ ее свѣжен, вѣроятно, она бы дала превосходное сѣно. Такъ какъ это растеніе любитъ песчаную солончаковую почву, то его весьма легко развести на песчаныхъ солончакахъ, негодныхъ для всякой другой растительности.

Подробное описаніе этого растенія вмѣстѣ съ его изображеніемъ можно найти въ «*Annales des Sciences naturelles*» за 1833 годъ. Что же касается до того, что оно столь долгое время укрывалось отъ вниманія ботаниковъ, не-смотря на высоту и волутора аршина, то должно сказать, что *Spartina versicolor* растетъ въ мѣстахъ, мало посѣщаемыхъ любителями флоры, и причинѣ крайней бѣдности растительности, и притомъ цвѣтеть рѣдко, и всегда въ зимнее время. Это одна изъ замѣчательныхъ особенностей новооткрытаго злака.

Микроскопъ Годеня.—Извѣстный французскій физикъ г. Годень (*Gaudin*) изобрѣлъ весьма простой, уютный и дешевый микроскопъ, чрезвычайно удобный при обыкновенныхъ ежедневныхъ изслѣдованіяхъ.

Употребленіе сплавленныхъ стеклянныхъ шариковъ для микроскоповъ уже давно извѣстно: такого рода оптическіе инструменты находились еще въ рукахъ Лавенхука, Лебайльера Амичи, и приготавливались или плавленіемъ стекла на продырявленной металлической пластинкѣ, или плавленіемъ стеклянныхъ нитей мелкаго калибра. Г. Годень доказалъ, что первымъ способомъ нельзя получить ни большихъ увеличеній, ни правильнаго изгиба поверхности; но вторымъ способомъ можно получить хорошіе шары, увеличивающіе до 300 и даже до 400 діаметровъ. Казалось бы ничто не мѣшало идти еще далѣе, и если увеличивать шары еще болѣе, то поверхность его при

имѣть неправильную кривизну, и результатъ бываетъ неудовлетворительный. Годеню удалось получить такимъ образомъ шарикъ изъ стекла и горнаго хрустала совершенно сферическiе и безъ всякаго слѣда хвостика.

Для сферичности, есть еще три главныхъ условiя, выполнения которыхъ необходимо для полученiя хорошаго микроскопическаго шарика, именно—однородность массы, зеркальная гладкость поверхности и отсутствiе воздушныхъ пузырьковъ. Два изъ этихъ условiя трудно выполнимы если работать надъ стекломъ, а третьего составъ измѣняется сообразно температурѣ; но горнаго хрустала при всѣхъ степеняхъ жара остается неизмѣннымъ въ своемъ составѣ, и потому поверхность его бываетъ равномерно гладкая, какъ зеркало. Одного только жаль, что естественная вязкость массы горнаго хрустала не позволяетъ приготовить шариковъ, совершенно свободныхъ отъ присутствiя воздушныхъ пузырьковъ. Впрочемъ шарики, приготовленные изъ расплавленнаго горнаго хрустала, несравненно лучше другихъ, и даютъ столь яственные изображенiя, что, кажется, будто послѣднiя видны глазомъ непосредственно.

Изслѣденiя Годеневыхъ микроскоповъ разнствуютъ, начиная отъ 50 до 400-кратнаго; самыя малыя получаются чрезъ объективъ меньше одной половины шарика, такъ что онъ получаетъ одну плоско-выпуклую.

Г. Годень звалъ въ Парижѣ специальную фабрику такихъ микроскоповъ, которые и продаются отъ 2 до 10 франковъ, или отъ 50 коп. 2 р. 50 к. сер.—Мы видѣли одинъ экземпляръ, стоимостью 10 франковъ, и удивляемся какъ можно приобрести такой прекрасный и удобный инструментъ за такую ничтожную цѣну.

Парижская Академiя наукъ нарядила особую ученую комиссiю для разсмотрѣнiя Годенева микроскопа.

ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ. *Домашній лечебникъ:* Остановка молока у женщинъ. — Отъ цынготной. — О сбереженіи волосъ у дѣтей. — *Хозяйство:* знаніе хозяйки. — Сбереженіе плодовъ въ прокъ на зиму. — Четыре средства Сбереженіе свѣжихъ цвѣтовъ. — Варенье изъ вишенъ. — Средство чистыя лайковыя перчатки. — *Советы матерямъ:* Обязанности матери. — Воли Качества. — Истина, любовь и справедливость. — Мать есть первый источникъ всѣхъ семейныхъ радостей. — Вѣрованіе въ милосердіе и могущество Бога.

Остановка молока у женщинъ. Женщины, которыя кормятъ дѣтей грудью, не должны употреблять меду, ибо отъ нея медъ подаетъ молоко. Чеснокъ вмѣстѣ то же дѣйствіе. — У коровъ молоко пропадаетъ отъ ячменной соломы.

Отъ цынготной. 1) Взявъ свѣжаго ячнаго солоду, положи въ горшокъ, налить двѣ бутылки кипятку, перемѣшать, и да отстоятся; когда чисто отстоятся слить; частаго питья выдеть одна бутылка; каждый день должно пить по одной бутылкѣ сего лекарства, пока пройдетъ болѣзнь, и потому должно каждый день дѣлать свѣжее. Этимъ лекарствомъ вымечивается самая сильная, даже устарѣлая цынготная. Діеты требуются.

2) Пить хрѣновое пиво, которое дѣлается слѣдующимъ образомъ: когда разливать молодое пиво по боченкамъ, то положи въ боченокъ нѣскольکو цѣлыхъ корней хрѣну, и дать перебродить.

О сбереженіи волосъ у дѣтей. У новорожденныхъ особаго рода испарина покрываетъ голову и брови маленькими черными пятнышками, сначала почти незамѣтными, но потомъ размножающимися до того, что они образуютъ родъ бурой коры. Опасно было бы останавливать у дѣтей эту испарину; совѣтъ напротивъ, матерямъ, способствовать ей, держа голову ребенка въ теплѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и заботиться о томъ, чтобы она не вредила росту волосъ, и вообще не причиняла дѣтямъ стерпимаго зуда.

Для этого достаточно слегка напирать мягкую фланель или ванскимъ масломъ и осторожно тереть ею голову, лобъ и брови дѣтати; потомъ можно одѣвать ребенка по обыкновенному, только осушивъ тертыя части фланелью безъ масла или же

лотенцемъ, едва-едва овлаженнымъ теплою водою. Ни въ ка-
комъ-либо случаѣ не должно оставлять сырости на головѣ.
Такии образомъ черныя пятнышки сойдутъ; а кора на головѣ
не будетъ образовываться со дня на день, но не будетъ
нѣтъ времени твердѣть.

У вѣкоторыхъ дѣтей эта испарина продолжается до 3 и
нѣтъ-нѣтъ возраста; тогда надобно расчесывать волосы рѣдкимъ
ребенку и также тереть голову фланелью, напитанною прован-
скимъ масломъ. Во избѣжаніе нечистотъ, могущихъ образо-
ваться на головѣ вслѣдствіе этой операціи, должно мыть голо-
ву глубоко, напитанною теплою водою и кастильскимъ мыломъ,
а затѣмъ тереть ее полотенцемъ до-суха. Главное условіе заклю-
чается въ томъ, чтобы на головѣ не оставалось сырости.

Этотъ способъ, заимствованный частію у Бельгійцевъ, частію
Англичанъ, частію у Французовъ, значительно развиваетъ
ростъ волосъ и предохраняетъ корни ихъ отъ болѣзней зрѣла-
го возраста.

Баронъ Александръ Бодэ.

Хозяйство. Въ частной, семейной жизни нѣтъ каждаго
въ насъ, малымъ и большимъ, есть власть, которой каждый
называется безпркословно, и даже съ удовольствіемъ. Это
власть хозяйки дома, щедрою рукою распространяющая вокругъ
своего счастья и довольства. Отъ нея зависятъ тысячи бездѣ-
лныхъ, ничтожныхъ, повидному, но въ сущности, состав-
ляющихъ величайшую прелесть домашней, семейной жизни.

Хозяйка должна пользоваться малѣйшими подробностями,
чтобы изъ нихъ протекло общее довольство. На ней покоитъ
все счастье семейной жизни, счастье, удваивающее блага
богатыхъ, и утѣшающее страданія немущихъ. Умною дѣя-
тельностью хозяйки, ея распорядительстію и внимательнымъ
взоромъ маленькія состоянія увеличиваются, большія сохра-
няются.

Во чтобы съ пользою употреблять свою власть, чтобы изъ
малыхъ средствъ извлекать многое, хозяйка должна знать ты-
сячу маленькихъ секретовъ, которыми научаетъ только опыт-
ность, вѣжная мать или опытный другъ. Позвольте же мнѣ,
парушѣ опытной, быть вашею руководительницею, малыя и

заботливый хозяйки. Начнемъ, на первый случай, хотѣ того, что теперь, по времени года, болѣе всего кстати.

Сбереженіе плодовъ въ прокъ на зиму. Поэтическая пора тогдѣ прошла; наступила осень, пора матеріальная, пора плодовъ. Заботливыя хозяйки, подобно умному муравью, думаютъ уже о зимѣ, и, между прочимъ, готовятъ въ прокъ зимніе плоды; слѣдовательно, имъ, вѣроятно, не будетъ непріятно, если мы позволимъ себѣ подать имъ на этотъ счетъ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ.

На зиму, въ естественномъ видѣ, можно сберегать только плоды, которые въ нашемъ климатѣ не могутъ достигнуть на деревѣ совершенной зрѣлости. Способы, предлагаемые намъ слѣдующіе:

1. Обверните яблоки или груши клееной бумагой, свернувъ концы бумаги и завяжите ихъ ниточкой, чтобы воздуху было доступу къ плодамъ; повѣсьте ихъ въ такомъ видѣ на потолоку мало-освѣщеннаго чулана, въ которомъ бы не было печки. Если опасаетесь мороза, то повѣсьте плоды въ шкапъ или же ставьте, въ морозъ, жаровню съ угольями въ чуланѣ.

2. Закажите шкафъ съ полками, отстоящими одна отъ другой на 4 или 5 дюймовъ; покройте полки сухимъ, хорошенько битымъ мохомъ, и кладите на него плоды, разстояніемъ дюйма, по-крайней-мѣрѣ, одинъ отъ другаго.

3. Если у васъ есть чуланъ, въ который не входитъ солнечный лучъ, то законопатьте хорошенько дверь и окно; и удалите къ стѣнамъ полки, разстояніемъ на 6 дюймовъ отъ другой; покройте полки мохомъ или же бумагой, и раздвигайте на нихъ плоды такъ, чтобы одинъ другаго не касался. Въ сильные холода, покрывайте плоды бумагой, а сверху еще соломой. Спереди закройте полки парусиной, и вообще старайтесь защитить плоды отъ холода. Окна никогда не открывайте. Если одинъ плодъ испортится, то немедленно выньте его, чтобы порча не распространилась и на другіе.

4. Плоды можно сберегать и въ сухомъ подвалѣ; но въ такомъ случаѣ надобно ихъ защищать отъ крысъ, которыя грызутъ ихъ насквозь, чтобы добраться до зеренъ. Повѣсьте поперекъ подвала, на крѣпкой проволокъ, два шеста, разстояніемъ на два аршина одинъ отъ другаго, и на столько же поперекъ. Положите доски на эти шесты и располагайте на нихъ

амми. Не худо протянуть надъ досками холстину, чтобы за-
щитить плоды отъ пыли, падающей со свода. Чтобы совершен-
но преградить крысамъ путь къ плодамъ, можно надѣть на
прямую горлышка разбитыхъ бутылокъ.

Сбереженіе сельхозныхъ цѣлмогов. Отрѣзать нѣсколько почекъ,
способныхъ къ развитію, такъ какъ цвѣтотъ, которые совдво цвѣ-
тъ и скоро распускаются, оставивъ у нихъ стебелекъ, дли-
ны дойма въ три. Конецъ отрѣзаннаго стебелька немедленно
покрыть сургучемъ, потомъ расщепить почки, немного притис-
нуть ихъ, и завернувъ каждую, положить въ чистую и сухую
бутылку. Чтобы имѣть такую почку цвѣтущею въ какое угод-
ное время, хоть зимою, надобно ночью отрѣзать конецъ сте-
белька, залитый сургучемъ и опустить оставшуюся часть стеб-
ля въ воду, въ которой должно прежде распушить немного со-
ды или селитры. Почка непременно распухнетъ.

Варенье изъ вишенъ. Возьмите вишни самая сильная и хо-
рошаго сорта; выньте косточки; положите вишни въ кастрюлю;
на каждый фунтъ вишенъ положите $\frac{1}{4}$ фунта сахара; на каж-
дые 5 фунтовъ вишенъ прибавляйте по фунту смородинового
или малинового соку. Поставьте на плиту, и когда начнется ки-
пѣніе, снимайте тщательно пѣну, и убавьте жару. Продолжая
варить на огнѣ, снимите и разливайте въ горшочки или банки.
Дайте хорошенько выдохнуться, и потомъ, для черенъ три
или четыре, покрывайте горшочки или банки толстыми бу-
мажками, вырѣзанными по формѣ банокъ. Кладите эти бума-
жки на самое варенье; посыпьте ихъ мелкимъ сахаромъ.

Потомъ еще сверху прикройте банки плотной, клееной бума-
гой, приклеивъ ее къ краямъ.

Средство чистить лайковыя перчатки. Возьмите кусокъ бѣ-
лой еланели, промочите ее хорошенько въ прѣсной водѣ, по-
томъ выжмите такъ, чтобы она была только сыра. Натрите
эту еланель бѣлымъ мыломъ такъ, чтобы она была вся имъ
пропитана.

Надѣньте на руку перчатку и трите ее хорошенько этой ела-
нелю, преимущественно тамъ, гдѣ перчатка грязнѣе. Очистивъ

такимъ образомъ перчатку, снимите ее осторожно и повѣсьте въ тѣни, прицѣпивъ ее булавкой или ниточкой къ веревкѣ.

Съ другою перчаткою поступите также.

Когда перчатки высохнутъ, онѣ покажутся какъ бы полированными, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кожа была наиболѣе намочена; но это пройдетъ, если вы напалите ихъ на деревянные щипчики, которыми расширяютъ перчатки или же, просто надѣнете на руки. Въ томъ и другомъ случаѣ надобно однократно поступать очень осторожно.

Такимъ образомъ можно чистить перчатки до восьми разъ, особенно если не дать имъ совершенно замараться.

Советы матерямъ. Мы не можемъ уничтожить того, что создала природа; она во всемъ имѣетъ свою цѣль, которую мы близорукіе, не всегда видимъ. Будемъ стараться сдѣлаться достойными ея помощниками.

Чѣмъ болѣе мы будемъ изучать нашихъ дѣтей, тѣмъ болѣе мы будемъ поражены вѣрностью ихъ идей и глубокимъ понятіемъ истины, заключающимся въ нихъ. Изъ этого я заключаю, что первымъ нашимъ руководствомъ въ развитіи добрыхъ или истребленіи дурныхъ качествъ дѣтей, должны быть они-сами.

Пускай же мать изучитъ своихъ дѣтей сама, если она позволитъ такъ выразиться; она одна можетъ это сдѣлать вполне силою постоянства, которое даетъ ей ее любовь.

Открывъ наклонности дитяти, мать скажетъ ему, что хорошо, что дурно.

— Ты знаешь, дитя мое, скажетъ она: что Господу Богу все возможно; воспользуйся же лучшимъ даромъ, даннымъ Имъ человеку: *волею*. Ты молодецъ, а потому можешь ошибиться — я предостерегу, останавливаю тебя...

Поступая такимъ образомъ, мать какъ-бы возвышаетъ ребенка до-себя, давая ему его долю воли, дѣлая его лицомъ благоразумно, разсудительно дѣйствующимъ.

Вотъ какимъ образомъ мать становится первымъ наставникомъ ребенка.

Если у тебя нѣсколько дѣтей, берегись возбуждать между ними малѣйшую ревность, зависть. Это тебѣ ветрудно. Скажи имъ прямо:

— Мы, родители, любимъ насъ за то, что вы добры, умны и послушны; тотъ, кто будетъ лучшей изъ васъ, заслужить и большую любовь.

Ты ты возбудишь между ними благородное соревнованіе, а не зависть.

Скази имъ еще:

— Ваши качества неодинаковы; вотъ почему мы любимъ васъ иначе. Господь, надѣлая васъ разными качествами, научаетъ насъ, что мы должны помогать другъ-другу.

Для Бога, не говори никогда ребенку:

— Ты глупъ, ты ни на что не годишься!

Слова ложны и вредны. Способности у дѣтей бываютъ разными, кто правда, но — каждому есть свое мѣсто, каждый приноситъ собою созданіе Творца, такъ точно какъ всѣ сушья деревья, отъ самаго большаго до меньшаго, составляютъ лѣсъ.

Вамъ постановить положительныхъ правилъ для первоначальнаго воспитанія дѣтей: то, что одному полезно, другому — вредно. Но есть три начала, которыя должны быть прилагаемы ко всему, безъ исключенія.

Эти три начала — развитие

Истинны, любви и справедливости.

Не издавай въ заблужденіе тѣхъ матерей, которыя, жалуются на своихъ дѣтей, говорить:

— Этотъ хорошъ, онъ радуется меня; этотъ лѣнивъ, непоузданъ, а между тѣмъ я равно забочусь, какъ объ одномъ, такъ и о другомъ.

Въ этомъ-то и заключается главная ваша вина, что вы не стараетесь изучать характера вашихъ дѣтей, ихъ природныя наклонности. Вы поступаете несправедливо безосознательно. Если одинаково наряжаете двухъ сестеръ, хоть бы одна была блондинка, а другая брюнетка, значитъ, вы поступаете несправедливо. Точно такъ и въ нравственномъ смыслѣ. То, что вредно характеру кроткому, прилежному, раздражаетъ ребенка горячаго, рѣзкаго.

Однимъ можно управлять разумомъ, другимъ сердцемъ.

Изучай же своихъ дѣтей, изучай ихъ въ мельчайшихъ и явленіяхъ ихъ характера.

Какъ велико могущество матери! Сколько прелести въ нѣжныхъ, постоянныхъ заботахъ.... Какъ любовь ея терпима, снисходительна, изобрѣтательна, и, между тѣмъ, твоя и достойна!...

Мать есть первый источникъ всѣхъ семейныхъ радостей.

Ея доброта создаетъ сокровище нѣжныхъ воспоминаній шихъ дѣтскихъ лѣтъ; живительная теплота ея словъ бросаетъ въ сердца дѣтей зародыши религіозныхъ и прекрасныхъ идеаловъ на будущность....

Нанимай для умственнаго воспитанія твоихъ дѣтей учителя и учительницъ; но не предоставляй никому нравственнаго воспитанія твоихъ дѣтей,—объясни имъ то, чему другіе научатъ бы ихъ машинально. Разговаривай съ дѣтьми; изъ одного часа разговора съ тобою, они научатся больше, чѣмъ изъ одной книги, выученной наизусть.

Прежде всего, ты должна приобрести полную довѣренность твоихъ дѣтей: ятому не научатъ тебя никакая теорія, а исключительно твой материнскій инстинктъ.

Никогда не позволяй никому обманывать, дразнить твоихъ дѣтей. Это непростительно.

Мнѣ случилось однажды слышать, какъ одинъ господинъ рассказывалъ глупую небывальщину ребенку. Послѣдній смотрѣлъ на него пристально, слушалъ, слушалъ, но наконецъ не вытерпѣлъ, и спросилъ:

— *Взаправду вы это говорите?*

— *Какъ же, взаправду!*

— *А вотъ я пойду спрошу маменьку, она всегда говоритъ правду!...*

Первое цѣрованіе, которое должно вселить въ молодые сердца, есть вѣрованіе въ милосердіе и могущество Божіе....

Тогда трудъ матери будетъ благословенъ.

Ольга Петрова.

ПОХОЖДЕНИЯ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ СТОЛИЦѢ.

— А гдѣ же городъ-то? спросилъ Петръ Александровичъ, когда на берегъ выѣхалъ съ молодымъ человѣкомъ въ очкахъ.

— Вотъ! и вотъ еще, а тамъ еще, отвѣчалъ господинъ въ шапкѣ, указывая на шлюзы.

— То есть, какъ вы это разумѣете?

— А такъ, что это-то и есть душа, живительная сила города, такъ-сказать, главная сердцевая артерія Петербурга, питающая и согревающая столицу.

На Набережной-Невы и канала, близъ шлюзовъ, стоятъ двѣ церкви.

Одна изъ нихъ, церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, съ одною колокольнею и главою, сооружена при Екатеринѣ II въ 1764 году. Внутренность ея чрезвычайно тѣсна отъ множества колоннъ, подпирающихъ сводъ. Иконостасъ окрашенный, съ золоченою рѣзбою; образа частью новой, частью старинной живописи; изъ послѣднихъ замѣчательнъ образъ св. Дмитрія Мироточиваго, въ особой кіотѣ и драгоценной ризѣ, покрытый золотомъ. Запрестольный крестъ и двухсторонняя икона Знаменія Божіей Матери и Святителя Николая, устроенны для крестныхъ ходовъ, обложены серебряными ризами. Въ престомъ и образомъ написано, что они украшены въ 1725 году серебромъ, которое было похищено изъ храма въ 1815 году, и найдено въ 1822, на берегу Невы у шлюзовъ.

Въ этой церкви погребено нѣсколько почетныхъ лицъ.

Рядомъ съ Благовѣщенскою, построена въ 1770 году другая каменная церковь, посвященная Святителю и Чудотворцу Николаю. Она называется *теплою*, и назначена для отпращиванія грѣхъ въ зимнее время. Она покрыта деревомъ и находится въ ветхомъ положеніи.

Обѣ церкви окружены одною каменною оградой съ желѣзною решеткою.

Повалившись передъ святыми иконами, Петръ Александровичъ и товарищъ его вошли въ часовню, тутъ же недавно построенную и посвященную образу Казанской Божіей Матери, въ

честь котораго въ Шлюссельбургѣ бываетъ 8-го іюля особенно торжество.

Оттуда Мошкинъ и молодой человекъ въ очкахъ отправились на довольно красивый бульваръ, вмѣющій около версты длины и состоящій изъ нѣсколькихъ аллей, обсаженныхъ цвѣтами, кустарниками и рябиновыми деревьями. На концѣ бульвара находится павильонъ странной архитектуры, выкрашенный пестрыми красками; близъ него устроены на каменномъ пьедесталѣ солнечные часы.

Жизни въ городѣ мало. Вся дѣятельность какъ бы сосредоточилась у канала и на пристани. На бульварѣ почти никого не было. По улицамъ изрѣдка проѣзжали съ шумомъ дрожки.

При такомъ, повидимому, необыкновенномъ происшествіи, прохожіе останавливались и долго смотрѣли вслѣдъ дрожкамъ.

— Это ѣдетъ такой-то, говорилъ одинъ.

— Куды это онъ собрался въ эту пору?

— Видно къ тѣмъ-то.

— Нѣтъ, тѣ теперь обѣдаютъ.

— Такъ видно къ тому.

— Нѣтъ, тотъ вчера уѣхалъ въ Петербургъ.

— Такъ куда же это онъ?

— А, право, не знаю.

И постоявъ еще съ минуту, какъ бы прислушиваясь къ постепенно затихавшему стуку удалявшихся дрожекъ, разговаривающіе покачивали головами и расходились.

— Я здѣсь какъ-будто дома, у себя, замѣтилъ Мошкинъ.

— Вы узнаете вашу провинціальную жизнь, отвѣчалъ товарищъ его: скажите пожалуйста, отчего это есть люди, которымъ непременно нужно жить виѣшнюю жизнью сосѣда? Неужели имъ мало своей жизни, своихъ заботъ?

— Отъ бездѣлья, отвѣчалъ Петръ Александровичъ, нелюбившій философствовать.

— Да развѣ есть такіе люди на свѣтѣ, которымъ нечего дѣлать?

— А какъ же....

— Нѣтъ, перебилъ его молодой человекъ: я скорѣе думаю, что есть люди, одержимые лихорадочною потребностью постоянной, но мелочной дѣятельности.

— Есть и такіе. Но позвольте васъ попросить заглянуть въ эту книгу и сообщить мнѣ что-нибудь про Шлюссельбургъ.

Молодой человекъ поморщился.

Вотъ свѣдѣнія, почерпнутыя Петромъ Александровичемъ изъ книгъ.

Шлюссельбургъ назывался сперва Орѣховымъ, потомъ Нотебургъ, и наконецъ въ 1702 году получилъ настоящее названіе. Первобытными жителями его были русскіе крестьяне. Они преимущественно занимались рыболовствомъ. Всѣхъ жителей теперь считается до 3,500 душъ мужскаго и женскаго пола. Дворянъ проживаетъ въ городѣ — 263; духовнаго званія — 25 лицъ; торговаго сословія 1468 купцовъ и мѣщанъ; нижнихъ чиновъ до 690 человекъ, не считая кантонистовъ. Общественныя заведенія: уѣздное и приходское училища, школа кантонистовъ, больницы: городская, тюремная и военно-рабочей роты Путей Сообщенія, губернскія присутственныя мѣста и Дума, въ казенныхъ домахъ. Кромѣ-того: тюрьма, казармы инвалидовъ, казенные хлѣбные, винные и соляные магазины, пристань и Невъ, пожарная команда.

Главные предметы торга составляютъ: хлѣбъ всѣхъ родовъ, строевой и дровяной лѣсъ и другіе товары. Преимущественно въ октябрѣ и ноябрѣ, купцы скупаютъ въ большомъ количествѣ хлѣбъ съ барокъ, прибывшихъ караванами изъ низовыхъ губерній.

Мѣщане и крестьяне промышляютъ здѣсь кузнечнымъ мастерствомъ, рыбною ловлею, доставкой въ Петербургъ и окрестныя мѣста дровъ и разныхъ продуктовъ; кромѣ-того, они провадятъ суда, и собираютъ по берегамъ озера булыжникъ, для продажи въ столицѣ.

Въ Шлюссельбургѣ, на небольшомъ островѣ, называемомъ Екатерининскимъ, находится каменное зданіе, въ которомъ находится ситцевая фабрика. Императрица Екатерина II повелѣла отдать этотъ островъ въ наслѣдственное владѣніе иностранца Свирциусу и Лиману, съ тѣмъ, чтобы они построили тамъ ситцевую фабрику. Она существовала лѣтъ пятьдесятъ, и пришла въ совершенное разстройство. Тогда купилъ ее купецъ Веберъ, и началъ производить дѣло въ большихъ размѣрахъ. Черезъ двѣнадцать лѣтъ дѣла новаго фабриканта тоже пришли въ упадокъ, и фабрика, вновь продавая, поступила во владѣніе купе-

ческой жены Гордонъ. Со смертію ея фабрика перешла въ казенное завѣдываніе. Прошелъ годъ, и графъ Канкринъ, бывшій Министромъ Финансовъ, пригласивъ къ себѣ Битепажа, предложилъ ему взять шлюссельбургскую мануфактуру подъ свое управленіе.

Битепажъ согласился и фабрика уступлена ему, въ 1830 году за 200,000 руб. асс. Кромѣ-того, онъ принялъ на себя платежи пошлинъ съ оцѣночной суммы фабричныхъ строеній и земли. Этотъ особый расходъ составлялъ 20,000 руб. асс. Битепажъ перестроилъ всѣ зданія въ новомъ видѣ, и снабдилъ фабрику машинами, выписанными изъ-за границы. Фабрика пришла къ самое цвѣтущее состояніе.

Въ 1847 г. Битепажъ, по преклонности лѣтъ, передалъ мануфактуру въ наследственное владѣніе своихъ племянниковъ, господъ Шинемана и Шварцвальда.

Фабрика дѣйствуетъ двумя главными паровыми машинами: одна въ 10, а другая въ 20 лошадиныхъ силъ. Рабочихъ считается 300 человекъ; но, при полноцѣ дѣйствіи, смотря по тому, въ какой мѣрѣ поступаютъ требованія, число рабочихъ доходитъ до 700. Постоянныхъ цѣнъ на издѣлія опредѣлить невозможно; но вообще, въ нынѣшнее время ситцы Битепажской фирмы продаются по 8 и по 13 руб. 50 коп. за кусокъ, содержащій въ себѣ отъ 40 до 50 аршинъ.

При первыхъ основателяхъ, Сирициусъ и Лиманъ, находился во дворѣ фабрики деревянный дворецъ, построенный Петромъ Великимъ. При передачѣ, фабрикантамъ было вѣнчено въ обязанность содержать во дворцѣ нѣсколько покоевъ *во всегдашней готовности* для приѣзда Высочайшей Фамиліи.

Екатерина II, при посѣщеніи Шлюссельбурга, была на ситцевой фабрикѣ, и осматривала машины и работы. Въ память посѣщенія Великой Государыни, въ дворцовыхъ комнатахъ сохранился мраморный бюстъ Екатерины II.

Впоследствии Петровский-дворецъ, пришедшій въ совершенную ветхость, былъ разобранъ; теперь, для приѣма Августѣйшихъ Посѣтителей, фабриканты содержатъ на дворѣ фабрики свободное двухэтажное зданіе, съ опрятными комнатами, причисленое обмѣлированными.

Обойдя весь городъ, Мошинъ и молодой человекъ вышли

на берегъ озера, и присѣвъ на траву, стали любоваться видомъ, представлявшимся имъ.

Когда разгулялась.

Снѣсь, опускаясь уже къ горизонту, золотило грозныя стѣны вѣтрости.

Далеко растянлась синяя пелена озера, рѣзко отдѣляясь отъ блѣднаго горизонта. Вдали видѣнъ былъ маякъ. На берегу, почти болотистой, лежали раскинутыя хижинки рыбаковъ и охотниковъ; тамъ и сямъ сушились сѣти. Около берега изъ воды торчали гранитные камни.

Вдоль пролежали Мошкинъ и товарищъ его, молча.

Вконецъ Петръ Александровичъ первый прервалъ молчаніе:

— Славно! сказалъ онъ съ выраженіемъ душевнаго удоволь-

— Что славно? спросилъ молодой человекъ.

— Что?... Да какъ бы вамъ сказать?... Я и самъ не знаю....

Снѣсь славно, и воздухъ славно, и вода славно, и... да хоть-бы эта травка, и то славно! И на-сердцѣ у меня!

— Петръ Александровичъ, позвольте васъ поцаловать!

— Сдѣлайте одолженіе, будто какъ дома.

Молодой человекъ чмокнулъ его въ щочу.

— Вы, Петръ Александровичъ, сказалъ онъ, чудно вырази- невыразимос. Все славно—да и только! Бѣгаютъ же люди дорогими удовольствіями, съ фейерверками, великолѣпнымъ спектаклемъ и музыкою, между тѣмъ какъ сама природа посылаетъ имъ все это, и съ избыткомъ!...

— Позвольте, позвольте, перебилъ его Мошкинъ: природа на-по-себѣ, а и то не лишнее. Всему своя очередь, всему свое мѣсто.... Чу! викакъ звонятъ ужъ на пароходѣ.... И въ-самомъ-дѣлѣ, половина шестаго....

На возвратномъ пути случайные, однодневные пріатели не вѣщались уже ни погодою, ни красивыми видами.

Они обѣдали, и обѣдали съ аметитомъ, возбужденнымъ свѣтомъ, здоровымъ воздухомъ Шлюссельбурга.

Между-тѣмъ какъ Петръ Александровичъ путешествова- петербургскія увеселенія шли своимъ чередомъ. Разнообразное воображеніе Излера изобрѣтало и разнообразныя праздники. Чего небыло въ саду Минеральныхъ-водъ: и ночь Св. Марка въ Венеціи, и необыкновенный русскій праздникъ съ изображеніемъ знаменитыхъ лицъ въ русской исторіи, и наконецъ большой праздникъ съ алегри, въ пользу бѣдныхъ дѣтей. И настная, дождливая погода не воспрепятствовала этому торжеству; въ надеждѣ возвратиться домой въ вынгрышной каретѣ всякій пренебрегалъ дождемъ, и спѣшилъ положить рубль ребромъ въ сокровищницу минеральныхъ водъ.

Петръ Александровичъ пріѣхалъ въ то самое утро, когда было объявлено объ этомъ русскомъ праздникѣ, и не преминулъ отправиться. Зала была довольно полна, и эстрада, на которой поютъ Цыгане, убрана великолѣпно и вся уставлена вынгрышами, состоявшими изъ рояля, мебели, бронзы, часовъ и другихъ вещей, болѣе или менѣе цѣнныхъ. Напрасно Мошкинъ искалъ кареты, куда ни обращалъ онъ глаза, кареты нѣтъ, кареты нѣтъ. Кого Петръ Александровичъ не спрашивалъ, отъ всѣхъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: нѣтъ, да и только!

Одни отвѣчали, что, вѣроятно, карета по случаю дурной погоды *отмѣнена*, другіе, что карета какъ-нибудь да явится въ время фейерверка, который, не-смотря на крупный дождь, непременно долженъ быть, потому-что въ объявленіи сказано, *не-смотря* ни на какую погоду, ни одно изъ опубликованныхъ увеселеній не отмѣняется. Прочіе отвѣчали еще неудовлетворительнѣе. Мошкину по неволѣ пришлось обратиться съ вопросомъ къ Космополитскому, котораго онъ уже давно замѣтилъ, но избѣгалъ.

Францъ Францовичъ встрѣтилъ Петра Александровича распростертыми объятіями и съ возгласомъ:

— Какъ, еще ты живъ, Петруша! о *suprema felicitas!* А я думалъ, что ты провалился подъ землю.

— Я кое-куда ѣздилъ, отвѣчалъ Мошкинъ: побывалъ тамъ да сямъ; вотъ наконецъ и возвратился.

— О, моя перелетная пташечка, какъ я радъ, что ты еще не измѣнился. Непременно слѣдуетъ выпить шампанскаго въ честь твоего благополучнаго возвращенія!

Спѣшимъ въ буфетъ,
Насъ ждетъ моетъ,
Гдебы молоко,

Вдова кляко,
Лафитъ, сотернъ,
Хересь, фалернъ
И цуншъ au lait
И сильвуше,

нѣтъ Космополитскій, подхвативъ Петра Александровича
за руку.

— Ну, Францъ Францовичъ, замѣтилъ Мошкинъ: вы, мнѣ
кажется, несправимы хоть брось!

— А почему это ты думаешь, моя скромность?

— Потому-что вмѣсто того, чтобы думать дѣльное, вы сочи-
ли пустяки, стихи, да еще какіе... У меня есть охота кое-
что вамъ спросить...

— Приказывай, готовъ отвѣчать тебѣ про все, отвѣчалъ
Космополитскій.

— Во-первыхъ, скажите, гдѣ карета, которую здѣсь разыгры-
вать, потому-что многіе, не виля ее, уѣхали, увѣряя, что ихъ
аллегри впередъ калачомъ не заманять.

— За это ихъ самихъ нужно уморить голодомъ; они невѣж-
ды... Карета тамъ, wo die Citronen blühen. Если хочешь освѣ-
диться подъ дождикомъ, пойдёмъ, я тебѣ покажу ее, доба-
вилъ Космополитскій, показывая на боковую, наружную галле-
рию.

— Bravo, bravo, заговорилъ Петръ Александровичъ: право,
Излеръ премолодецъ.

— Этого мало, онъ просто Алкивиадъ по великодушію!
Представъ себѣ, что Излеръ, узнавъ, что на дачѣ Королева на-
значенъ бенефисъ Лумби, отмѣнилъ свой собственный вечеръ,
на которомъ должны были пѣть очаровательные Цыгане и и-
грать восхитительные оркестры Гунгля и Кавалергардскій. О,
въ Петербургѣ въ твое отсутствіе произошло много удивитель-
наго. Покуда не началось аллегри, присядемъ, и я расскажу те-
бѣ все, чему только былъ свидѣтель, или то, что только слы-
шалъ.

Мошкинъ и Космополитскій усѣлись; Францъ Францовичъ
промочилъ горло, и началъ:

— Во-первыхъ, Петя, самую лучшею и пріятною новостію
для тебя будетъ, вѣроятно, то, что я совершенно счастливъ.
Образы, мой Жано оказывается такимъ молодцомъ, что
даже...

— Какой Жано? я его совсѣмъ не знаю! спросилъ Петъ Александровичъ.

— Ты и недостойнъ его знать. Ну тотъ, котораго ты видишь со мною у Излера. Онъ, братъ, слѣдася у меня совершеннымъ львомъ; право, Петя, не худо тебѣ съ нимъ познакомиться онъ до того лихой, что чуть было не улетѣлъ на козлѣ за тридевять земель въ тридешатое государство; клянусь тебѣ, я (его, вѣрно, не удержалъ, еслибы козелъ не образумился.

— Что это нынче съ вами, Францъ Францовичъ? спросилъ вглядываясь въ Космополитскаго, Мошкинъ: вы какъ-будто и сильно нынче подгуляли, или воображеніе у васъ разстроено и вы нездоровы?

— Почему это тебѣ кажется?

— Потому-что, кто знаетъ, что вы такое говорите, что васъ за козла такой на умѣ?

— Человѣкъ и козелъ, Петя, поднимающіеся подлѣ облака, и изслѣдовавій. Глупое животное испугалось бездны премоу, роста и обратилось вспять. Леталъ только одинъ человекъ изслѣдовалъ упругость атмосферы, сажень пятьдесятъ надъ домами, поднялся съ четвертой версты Петергофской-дороги, и вѣрилъ метеорологическія наблюденія надъ Невскимъ-Проспектомъ, и довольный своимъ ученымъ самоотверженіемъ, спустился на Охтѣ. Мужъ, оказавшій такіа великіа услуги наукѣ, и зывается Регенти. Ты знаешь, Петя, что у меня есть кака-вврожденная страсть быть знакомымъ со всѣми необыкновенными людьми, и я тотчасъ же спѣшилъ изъявить свое полное уваженіе ученому воздухоплавателю:

— Какъ вы счастливы, началъ я: вы парили надъ облаками вы то видѣли, чего не видѣли мы. Счастливецъ!

— Кто, я счастливецъ? отвѣчалъ мнѣ Регенти: покорно въ благодарю, чувствительно благодарю.

— О, прервалъ я, по всему вижу, что вы человѣкъ необыкновенный. Чего вамъ недостаетъ?

— Сбору, милостивый государь, сбору хоть вполовину того, какой бываетъ у Излера; вѣтъ ничего хуже, какъ показывать что-нибудь такое, на которое можетъ глядѣть вслкій, платя ни гроша.

Я старался его утѣшить.

— Но за-то за вами слава, продолжалъ я: ваше имя будетъ повторяться въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ; ваши наблюденія дадутъ новый толчокъ наукѣ...

— Пропадай они совсѣмъ, ученые наблюденія!... я и самъ

новый барометръ, который взялъ съ собою, тотчасъ же и
убѣдился, какъ поднялся изъ саду.

— А знаете ли, сказалъ я ему: у меня есть вѣрное средство
сдѣлать вамъ такой сборъ, какого еще и не видывали въ Пе-
тербурѣ... вы просто озолотитесь...

— Самомъ-дѣлѣ, Петя, у меня въ ту минуту пришла ге-
ниальная мысль.

— Какое же средство? спросилъ онъ меня.

— Очень оригинальное. Объявите, что вы, для удовольствія
публики, прыгнете изъ шара безъ парашюта, и предложите,
английски, большое пари, что не убьетесь....

— Нѣтъ, слуга покорный, отвѣчалъ онъ: въ такомъ случаѣ,
я маленькая рыбка, чѣмъ большой тараканъ.

— Ну, а еще что новато? спросилъ Петръ Александровичъ:
какая часть подѣлывала музыка...

— Рудѣла, по обыкновенію, всякій день, мазурки, польки,
вальсы и марши, сочиняемые непрерывно обоими Гунглями и
и Общество раздѣлилось; одни аплодировали Гунглямъ, дру-
гую часть. Третьи аплодировали всѣмъ, даже маленькому орке-
стру Петровскаго-острова.

— Ну, не было ли какого концерта, оставленнаго изъ любви
къ вамъ? спросилъ Мошкинъ.

— Никакого. Да что наши любители! любители наши просто
любятъ, а если перечестъ, то изъ нашихъ любителей, есть
и такіе, которые обладаютъ неотъемлемымъ талантомъ.

— Только, кажется, на однихъ фортепiano, Францъ Францо-

— На всемъ, на чемъ тебѣ угодно, вихождая до знаменитости
Балайкѣ.

— Это вы изъ Крыловыхъ басенъ что-ли почерпнули, Францъ
Францовичъ?

— Изъ собственныхъ достовѣрныхъ свидѣній. Ты не слыхалъ
ни слова?

— Нѣтъ, Францъ Францовичъ.

— Ну, такъ, по-крайней-мѣрѣ, теперь узнай. Трехструнной ба-
йки онъ приводилъ въ восторгъ всю Москву; этотъ бѣд-
ный и загнанный всѣми инструментъ звучалъ подъ его паль-
цами съ сладостію нѣжной афы. Да мало ли есть какихъ ин-
струментовъ, какихъ ты не слыхалъ въ концертахъ, а между-
темъ есть знатоки и любители, которые бы могли потѣшить
тебя служъ на одномъ инструментѣ, который тоже заброшенъ

и слышенъ только въ домашнемъ обиходѣ. Для этого ин-
 мента недостаетъ у насъ немногаго, чтобы онъ вошелъ въ м
 воздуха, пропитаннаго запахомъ лимона и оливы, синей ис-
 ской ночи, да доннъ, которыя бы слушали звуки гитары из
 занавѣсокъ своихъ балконовъ. Испанія, страна прославлен-
 игрою гитаристовъ, нашла и у насъ отголосокъ. Есть любит
 которые не уступятъ ни одному изъ завернутыхъ въ па-
 гидальго, который

Исполненъ отвагой,
 Окутанъ плащомъ,
 Съ гитарой и шпагой
 Стоитъ подь окномъ.

Если хочешь, Петя, я тебѣ поименую ихъ, тѣмъ болѣе,
 по дошедшимъ до меня слухамъ, готовится концертъ на эт
 инструментахъ. Начну тебѣ съ Сихры, уже устарѣвшаго и
 шедшаго съ музыкальнаго поприща, имя котораго, къ ис-
 удивленію, извѣстно лишь только въ нотныхъ магазиннахъ; у
 мяну тебѣ о Марковѣ, переложившемъ на музыку для гит
 не только романсы, но и любимыя и самыя трудныя нот
 итальянской оперы, и наконецъ окончу Сиверсомъ и Егоровъ.
 Всѣ они обладаютъ знаніемъ контрапункта, пріятнымъ, что
 зывается въ музыкѣ, *rincé* и страстью къ своему искусству
 повѣрь, Петя, что и на этомъ инструментѣ есть фанатиче-
 поклонники. Недавно еще я имѣлъ случай удостовѣриться
 этомъ, проходя мимо какого-то, не помню, картиннаго м
 зина. Рядомъ съ портретомъ какого-то господина, закры
 віолончелью, имя котораго мнѣ удалось прочесть только
 первый разъ въ жизни, во который, между-тѣмъ, прегра
 наименованъ: *artiste contemporain*, я увидалъ и изображ
 какого-то читателя и поклонника гитарнаго музыкальнаго и
 Онъ представленъ торжественно поднимающимъ надъ голо
 узкостанную, какъ талья шмеля, рюмку, и изъ устъ его на-
 таетъ слѣдующій восторженный тостъ:

За здравіе одаренныхъ нѣжнымъ слухомъ,
 Выпиваю бокалъ сей разомъ, духомъ.

Ну, что бы еще мнѣ рассказать тебѣ такое, чтобы ты не
 думалъ, будто я даромъ хочу воспользоваться твоимъ уго-
 ніемъ. Приготовляются скачки на царско-сельскомъ гино

президентъ французскій поѣхалъ путешествовать; къ Сму привезли превосходныхъ королевскихъ сельдей; у нова-стояннаго моста чрезъ Неву очищены три арки; пригото-вится выставка сельскихъ произведеній. Жаль, что я не могу никуда сопутствовать; долгъ чести и дружбы при-зываетъ меня къ моему Жано; вотъ ужъ, братъ, шесть шампан-скихъ такъ пить; не такъ, какъ ты, велишь подать бутылку, а вылить ротъ завязывай...

Тутъ появилось общее движеніе, посѣтители столнились у Франца Францовича разстался съ Мошкинымъ, къ которому его удовольстію. Францу Францовичу удалось выиг-рать какую-то женскую наколку или что-то въ этомъ родѣ, и торжественно надѣлъ свой выигрышъ на голову. Ему мало было удовольствія въ томъ, что многіе, указывая на него пальцами, говорили довольно громко:

Вотъ чучело!

Что это, новый какой-нибудь излоровскій артистъ-фигу-

ра? Францовичъ ничего не потерялъ отъ этихъ вопро-совъ и замчаній. Онъ приобрѣлъ въ тотъ вечеръ, чрезъ свою знакомость, много новыхъ знакомствъ, много неожиданныхъ знакомствъ, и встрѣтилъ, при выходѣ, Мошкина, весь облитый и

Что это вы, спросилъ его Петръ Александровичъ: подъ какимъ именемъ вы были?

Нѣтъ, отвѣчалъ Космополитскій: подъ шампанскимъ. По-пался съ кое-какими веселыми людьми, которые такъ ме-любятъ, что при моемъ отказѣ пить болѣе, окатили меня шампанскимъ до головы, да это ничего; я человѣкъ смѣтливый, и все-гда въ экстренныхъ случаяхъ надѣваю въ такія мѣста старое пальто.

Гдѣ вы за Космополитскимъ шель и его новый другъ Жано, спросилъ Петръ Александровичъ, не стѣсняясь окружающею толпою:

Жано, Жано, ты любезный, на всякій случай, отсыпь мнѣ рублей двадцать пять; такъ какъ мы ѣдемъ жуировать, то понадобится мнѣ нѣтъ маленькій, лишній запасецъ.

Гдѣ это вы? вѣдь скоро два часа? замѣтилъ Петръ Алек-сандровичъ.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ, отвѣчалъ Космополит-

Петръ Александровичъ рѣшительно приказалъ своему слугѣ говорить при приходѣ Космополитскаго, что его нѣтъ дома, чтобы вознаграждать утрату ходящей газеты газетою печатною, узнавать о новостяхъ, подписался на Полицейскія Вѣдомости.

Болѣе всего, какъ мы уже говорили, занимали его въ это время объявленія. Онъ даже разъ вскрикнулъ отъ радости прочитавъ слѣдующее объявленіе:

Учитывая каллиграфіи постоянно извѣщаетъ всѣхъ, что онъ, по обыкновенію своему, въ 15 часовъ непрерывно пишетъ правильно, скоро и красиво писать, рѣшительно каждаго безъ исключенія.

Проустивъ безъ вниманія самый яркій составъ для щенія волось, потому-что волось-ему рѣшительно нельзя вернуть, онъ началъ слѣдить далѣе.

Болѣе всего Петра Александровича тѣшило собаколюбіе. Если бы шагъ, то кто-нибудь обѣщавъ за пропавшую или отобранную собаку, то извѣстное количество денегъ, то должную и личную благодарность.

«25 рублей серебромъ награжденія, кто доставитъ обѣщанную собаку, кличкой Мимиша, маленькая съ желтыми пятнами, чорнаго цвѣта, лѣвое ухо оборвано, на правую переднюю ногу немного прихрамываетъ».

Дни шли, приблизилось время скачекъ, и Петръ Александровичъ не преминулъ побывать на царскосельскомъ ипподромѣ Быстрота, съ которою лошади дѣлали положенную дистанцію дивила его, привыкшаго всегда ѣздить на долгихъ. Довольно Цашкова, Мосолова, Жукова, Никитина сдѣлались его друзьями скакунами, за которыхъ онъ, попеременно, готовъ былъ держать пари, къ которому охоту замѣтилъ онъ въ низшемъ классѣ зрителей.

Многіе изъ простаго народа блись объ закладъ даже о десяткѣ яблокъ, и также горевали о своей неудачѣ, какъ-будто шло о тысячахъ.

Всего же болѣе занимала Петра Александровича тройка скачка обыкновенныхъ русскихъ лошадей, болѣе приличная нашихъ степяхъ и на нашихъ широкихъ дорогахъ, на которой развертывается русская ямщицкая удаля. Народъ сочувствовалъ выигравшей тройкѣ громкими криками, но въ этотъ моментъ

до 20 августа не показывалась любимая тройка публики, почтовая тройка С.-петербургской губернии, г. Анненского.

Большинство толпы до того еще не отвыкло отъ воспомина-
нъ о тройкѣ г. Анненского, совершившей, прошелшій годъ,
верстную дистанцію въ часъ четырнадцать минутъ, что
на спросъ Петра Александровича, неимѣвшего иногда
силы, отвѣчали:

— Выиграла почтовая тройка.

Такова сила однажды заслуженной извѣстности. Но между-
тѣмъ, выигравшая призы и тройка г. Никитина,
кѣмъ управлялъ лошадиный торговецъ Холодякъ.

5-го сентября Петръ Александровичъ посѣтилъ выставку
медальческихъ и хозяйственныхъ произведеній, устроенную
въ манежѣ Конногвардейскаго-манежа, которая продолжалась до
10 сентября, такъ-что во всѣ нечетныя числа посѣтители
шлись безъ платы 5, 7, 9, 11, 13 и 15.

Объ этой выставкѣ Мошкинъ написалъ въ деревню осо-
бое письмо.

РУССКАЯ ПОЧТА. Письмо изъ Якутска.—Замѣчаніе на статью г. Косу-
хина, помѣщенную въ апрѣльской книгѣ «Сына Отечества».

Августа 26 мы получили изъ Якутска письмо. Принося
искреннюю благодарность почтенному корреспонденту, мы съ
удовольствіемъ печатаемъ это письмо, не-смотря на то, что оно
содержитъ частію возраженіемъ на статью, напечатанную въ на-
шемъ журналѣ. Мы въ этомъ случаѣ слѣдуемъ тому правилу,

De choc des opinions jaillit la vérité.

То есть, что отъ столкновенія мнѣній обнаруживается истина.

Г. Якутскъ. Юля 6 дня, 1850 г.

Апрѣльская книга «Сына Отечества» получена здѣсь только что
двухъ. Пробѣгая ея содержаніе намъ тотчасъ же бросилось

въ глаза «Письмо изъ Якутска» съ замѣчаніями на статью о Якутской Области, помѣщенную въ «Современникѣ» 1847 года г. Огородниковымъ. Не говоримъ уже о томъ, что мы съ жаждою старались узнать содержаніе этой статьи, какъ относящейся до Якутска; но еще болѣе любопытство наше было узнать кто именно писалъ эти замѣчанія на Огородникова, говорившаго много объ Якутскѣ, и на половину, — поверхностно, со сдѣховъ! Авторъ письма изъ Якутска—*Косухинъ*; но такой фамиліи въ Якутскѣ вовсе нѣтъ. Если это псевдонимъ, то и тогда это письмо, 6 ноября 1849 года, изъ Якутска писать было кому, и какъ кажется, оно составлено изъ разныхъ свидѣній, составлено далеко, далеко отъ Якутска, что мы и постараемся доказать. Но во всякомъ случаѣ мы весьма благодарны г. *Косухину* за его дѣльные замѣчанія противъ г. Огородникова, несмотря на то, что и самъ *Косухинъ* впадаетъ въ погрѣшности явныя, такъ, что всякій жившій въ послѣднее время въ Якутскѣ хотя недѣлю, скажетъ, что сообщенныя имъ свидѣнія не во всемъ справедливы.

Мы живемъ близъ полярнаго круга, въ концѣ безпредѣльной Россіи,—это правда; но европейскія новости кучами мы не получаемъ. Почта къ намъ ходитъ два раза въ мѣсяцъ, следовательно, тутъ еще не можетъ быть такихъ запоздалыхъ новостей какъ это бываетъ въ Камчаткѣ, гдѣ почта приходитъ *дважды въ годъ*. До 1849 года дѣйствительно въ Якутскѣ получалось болѣе двухъ журналовъ и экземпляровъ двухъ «Московскихъ Ведомостей»; но съ этого времени здѣсь мы уже имѣемъ достаточную бібліотеку въ пользу Уѣзднаго Училища, въ которую выписываемъ всѣ лучшіе журналы наши, газеты и разныя дѣльные книги. Кромѣ-того, нѣкоторые изъ жителей и отчасти иностранцы выписываютъ на свое имя по одному изъ журналовъ. Поэтому, не только въ ноябрѣ 1849 года, но и въ 1848 году нельзя было сказать, что жители Якутска пользуются чтеніемъ лишь давно, давно вышедшаго въ свѣтъ, и то отъ заѣзжихъ людей.

Съ многими замѣчаніями г. *Косухина* противъ г. Огородникова мы согласны, но оспаривать, что въ Вилюйскомъ Округѣ есть аметистовыя щетки, также неосновательно, какъ черную называть бѣлымъ. Намъ лично самимъ доводилось видѣть многихъ изъ жителей по Вилюю, не только щетки аметистовыя,

и не только небольшой цѣнности и малозвѣстныхъ, но даже и другіе цѣнные камни, напр. аквамарины (съ куриное лицо) смальды, голыши всѣхъ цвѣтовъ, тяжеловѣсь и др. Конечно трудно добраться истиннаго ихъ мѣсторожденія; но всѣ они отыскиваются въ Вилюйскомъ Округѣ Тунгусами, по рѣчкамъ Нѣрѣ и Артараждѣ, впадающимъ въ Вилюю. Жаль, что намъ не удалось быть на Вилюѣ, выше Сунтарскаго селенія, гдѣ уже рѣка рѣки идутъ ненаселенныя, и потому всякое путешествіе, какъ по Вилюю, такъ и по рѣчкамъ, впадающимъ въ нее едва возможно; да и сопряжено съ большимъ пожертвованіемъ. И въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ правъ г. Огонниковъ, сказавши, что царство ископаемое въ Якутской мѣсти мало изслѣдовано, но къ этому надобно было прибавить — въ отдаленныхъ частяхъ Вилюйскаго и другихъ округовъ.

По-къ касается до желѣза, то по рѣкѣ Вилюю намъ лично удалось видать цѣлыя подножія скалъ, омываемыя водою, и которыя съ перваго раза кажутся настоящимъ желѣзомъ. Такихъ мѣстъ нижегорода Вилюйска—много; но выше—Якуты собираютъ уже по берегамъ рѣки, окруженные водою камни—это такихъ же, должно думать, горъ; и потомъ уже выдѣлываютъ изъ нихъ чрезвычайно просто довольно хорошее желѣзо, которое впрочемъ содержитъ въ себѣ много чугуна.

Вотъ якутская выдѣлка желѣза:

Камни, содержащіе въ себѣ желѣзную руду, Вилюйскіе якуты собираютъ по берегамъ рѣкѣ въ кучу, которую обкладываютъ дровами, и жгутъ ихъ, отъ чего камни дѣлаются магнитными и подъ легкимъ ударомъ молота рассыпаются въ порошокъ. Разбитую на части руду сыплютъ понемногу на уголья, въ устроенныхъ для этого особыхъ глиняныхъ печахъ, напоенныхъ трубы, и накалываютъ ее до плавленія въ продолженіе времени 10 безостановочно, а иногда и еще болѣе. Тогда на днѣ печи слывается желѣзо, которое и называютъ крицами (по-якутски болго) вѣсомъ до 30 ф. По краямъ криць желѣзо бываетъ худшаго качества, и замѣняетъ у Якутовъ укладъ, котораго они иногда не употребляютъ. Изъ крицы чистаго желѣза выхолятъ мѣше, чѣмъ на половину.

Въ Якутскомъ Округѣ желѣзо выработываютъ только въ Кан-

галосскомъ Улусѣ, — по рѣчкѣ Батонъ, изъ руды красноватой цвѣта, которую и добываютъ изъ горъ, копая ямы глубоко отъ одной до двухъ сажень. Выработываніе изъ нея желѣза производится наподобіе, какъ и въ Вилюйскомъ Округѣ, съ большими отступленіями; но только руда здѣшняя въ 10 разъ хуже, т. е. нужно ея болѣе, а слѣдовательно и трудовъ, чтобъ выплавить чистаго желѣза качествомъ равнаго вилюйскому. Изъ этого желѣза Якуты производятъ всѣ подѣлки, возможныя для нихъ, и сбываютъ по всей Якутской Области, а даже иногда и въ сосѣдственныя мѣста. Нынѣ пудъ желѣза въ крайнѣйшій въ Якутскѣ стоитъ полтора рубля серебромъ.

Вотъ на скорую руку, чтѣ мы могли замѣтить по послѣднимъ письмамъ г. *Косухина*; а то оставить до слѣдующей почты, — прошло бы лишніи полмѣсяца, тогда какъ г. *Косухинъ* обещаетъ еще писать о Якутскѣ, о чемъ мы его и просимъ усердно.

ЮРІЙ ВОРОЖЕЙКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЧТА. — Давно-ли, кажется, я писалъ вамъ г. де-Бальзакъ, о его романическомъ бракѣ, о его возвращеніи въ Парижъ?...

Сегодня, съ невыразимо-грустнымъ чувствомъ, я долженъ вамъ сообщить развѣску романа его умной, прекрасной жазы.

На послѣдней страницѣ ея выставлено печальное слово *Конецъ*. Книга закрылась.

Бальзакъ умеръ.

Года полтора тому, г. де-Бальзакъ уѣхалъ изъ Парижа, убогой. Мѣсяца три тому, онъ воротился — вѣселый. Мечта жизни его осуществилась; онъ женился, въ Россіи, на той, которую любилъ давно уже. Онъ воротился, не только обогащенный матеріальными благами, но и тѣмъ духовнымъ, которое заключается въ союзѣ съ милою, любимою женщиною, служащею нравственною опорою и утѣшеніемъ человѣку, посвященному труду.

Неутомимый и глубокий мыслитель основался въ Парижѣ,

Емсейскихъ-полахъ, въ собственномъ дѣмѣ, наполненномъ чудесами и мастерскими произведеніями искусства, собраннымъ и выстроеннымъ имъ самимъ.

Такая смерть похитила его въ ночь съ 19-го на 20-е августа. Мыслитель, жившій умомъ и сердцемъ, скончался болѣзною страшною.

Долго длилась болѣзнь; то ослабляясь, то усиливаясь. Больной не утѣшался духомъ. Нѣсколько дней тому, на лѣвой ногѣ образовался нарывъ. Хирургъ, г. Ру, приступилъ къ операціи, которая удалась; и отъ которой онъ ожидалъ благотворительныхъ послѣдствій; но надежды его рухнули, когда сняли повязку. Оказалось начало антонова огня. Нужно было приступить къ другой операціи. По счастію второй перевязки, на благо-дня, оказалась красная, сухая и воспалившаяся рана. Въ этой минутѣ не оставалось никакой надежды.

Наука не могла спасти Бальзака.

Послѣ такихъ страданій, 19-го числа, утромъ въ 9 часовъ, больной пересталъ говорить. Онъ причастился Святыхъ Тайнъ, вѣнчалъ своимъ взглядомъ, на игнореніе снискившаго, благоговѣя свещенника, и какъ-бы давалъ знать, что онъ понимаетъ торжественность настоящей минуты.

Въ 11 часовъ родная сестра г. де-Бальзака пришла пожать руку въ послѣдній разъ. Онъ слегка отвѣчалъ на пожатіе руки, и это было послѣднее проявленіе самосознанія въ канваціи этого замѣчательнаго ума.

Предсмертныя страданія продолжались цѣлый день и часть ночи.

Нельзя еще вполне оцѣнить огромный трудъ этого наблюдателя и мыслителя, одного изъ замѣчательнѣйшихъ гениевъ нашего вѣка. Но, къ сожалѣнію, трудъ этотъ не конченъ.

Эта тягостная мысль терзала Бальзака, въ послѣднія, свѣтлыя минуты его, болѣе, нежели самая болѣзнь. Въ послѣдніе годы онъ собралъ множество матеріаловъ, новыхъ идей и фактовъ, которые это пропадетъ! Грустная мысль!

Еще одно обстоятельство: Бальзакъ умеръ—не бывъ членомъ Парижской Академіи.

Онъ представлялся три раза. Въ первомъ два раза въ залу былъ одинъ только голосъ:

Голосъ г. Виктора Гюго.

Въ третій разъ четыре голоса:

Г. Виктора-Гюго, де-Ламартиня, Альфреда де-Виньи и Амбруаза (Empis).

Въ этомъ случаѣ можно сказать о похоронахъ Бальзака то же, что нѣкогда Лафайеттъ сказалъ, по случаю похоронъ Бельмана-Константъ:

— Всѣ будутъ имѣть право присутствовать на нихъ, всѣ, кромѣ членовъ Академіи.

Бальзакъ родился въ Турѣ, 20 мая 1799 года. Слѣдовательно ему было отъ роду 51 годъ и три мѣсяца. Онъ былъ въ полной силѣ лѣтъ, и особенно своего генія: послѣднее сочиненіе его, *Блѣдые родственники*—гениальное произведеніе.

Онъ учился въ Вандомской Коллегіи. Съ 1821 по 1829 годъ онъ издалъ подъ разными псевдонимами двадцать или тридцать томовъ, нынѣ почти забытыхъ. Потомъ уже онъ издалъ, под собственнымъ именемъ, три совершенно разнообразныя сочиненія: «*Шуаны*», «*Физиологія Брака*» и «*Шагренева кожа*».

Это начало развитія его таланта и его извѣстности.

Съ этихъ поръ сочиненіе слѣдовало за сочиненіемъ, съ изумительною быстротою. Кромѣ «*Комедіи Человѣчества*», состоящей около двадцати компактныхъ томовъ, Бальзакъ оставилъ послѣ себя три тома «*Шуточныхъ разсказовъ*» и четыре игранныя пьесы: «*Вотренъ*», «*Ухищренія Квинолы*», «*Мачиха*» и «*Памела Жиро*».

Еще можно составить томъ изъ его прекрасныхъ предисловій и критическихъ статей, помѣщенныхъ въ *Revue parisienne*, журналъ, котораго онъ былъ редакторомъ.

Наконецъ въ портфеляхъ и картонахъ знаменитаго писателя остались очерки и начала романовъ. Дай Богъ, чтобы умная талантливая рука привела всѣ эти отрывки въ порядокъ и передала ихъ публикѣ, какъ наслѣдство генія...

Г. Викторъ Гюго, не-смотря на то, что самъ былъ такъ занятъ, что доктора запретили ему въ послѣднее время произносить рѣчи въ Законодательномъ Собраніи, пріѣхалъ со свѣдѣнiami, чтобы сказать послѣднее прощаніе другу. Родственники покойнаго просили его сказать нѣсколько словъ надъ гробомъ знаменитаго усопшаго.

Въ газетѣ La Presse напечатано слѣдующее письмо:

«Милостивый государь,

«Смерть поразила одного изъ гениальнѣйшихъ людей Франціи; Близка вѣтъ уже! Академическое товарищество отвергло его изъ своей среды. Имя его принадлежитъ Европѣ!...

«Для сооруженія ему памятникъ откроется подписка. И подписаться первый, и назначаю сходку, 20 августа 1851, годиныу Августа Бальзака, всѣмъ живописцамъ, скульпторамъ и архитекторамъ, почитателямъ его прекраснаго таланта, для конкурса, который я самъ доставлю модель, которую постараюсь сдѣлать достойною славы великаго писателя.

«Примите, в пр.

«Д. Этексъ,

«скульпторъ и живописецъ».

Августа 22-го были похороны Бальзака. Главная торжественность изъ состояла въ простотѣ. Бальзакъ не принадлежалъ въ миру officialному, а потому весь кортежъ, слѣдовавшій за гробомъ состоялъ изъ только любителей науки и литературы. Г. Барошъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ представителемъ правительства на похоронахъ Бальзака.

Начиная съ 11 часовъ, окрестности церкви Св. Филиппа du Val в часовни этой церкви, находящейся по близости дома Бальзака, были наполнены народомъ.

Изъ часовни, гдѣ были произнесены молитвы по усопшемъ, гробъ его было перенесено въ церковь.

По краямъ балдахина шли господа Викторъ Гюго, Александръ Дюма, Франсуа Ве и Барошъ. Послѣдній шелъ только до церкви, тамъ его мѣсто заступилъ г. Луи-Денойе, президентъ общества писателей, шедшій у гроба до кладбища.

Между замѣчательными людьми, слѣдовавшими за гробомъ, шли—изъ писателей: Мері, Поль-Лакроа, Огюстъ Вакері, Поль Фрессъ, Амеде Ашѣръ, Макѣ, Поль-Феваль, Пьеръ Дюпонъ, Генри Монвьѣ, Эдуардъ Тьерри; изъ живописцевъ: Кутюръ, Гюль, Курбѣ; изъ скульпторовъ: Давидъ, Пред, Дантанъ, Этенюзу; изъ музыкантовъ: Берліозъ, Фелисьенъ Давидъ; изъ предст

телей: Воловскій, Ноэль-Нарей, Луи Ребо; изъ двадцатидесяти Ротшильдъ, Шарль Блавъ, Каве; изъ актеровъ: Фредерикъ I метръ, Бокажъ и мадамъазель Бранкъ.

На инадбищѣ Отца-Ламеза присутствующіе окружающіе молча и Викторъ Гюга произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Господа,

«Человѣкъ, сошедшій въ эту могилу, былъ изъ числа тѣхъ китарныхъ провозжаеетъ общая, народная печаль. Въ наше время поэты всѣхъ обращены на мыслителей, и вся страна содрогается, когда одна изъ нихъ скончается въ могилу.... Въ наше время цѣлыя націи оплакиваютъ смерть таланта, — всѣ націи дрожатъ при смерти гевія.

Господа, имя Бальзака будетъ жертвою въ той свѣтлой и долѣ, которую наша эпоха оставитъ въ будущемъ.

Г. де-Бальзакъ принадлежалъ къ тому поколѣнію писателей девятнадцатаго вѣка, которое явилось послѣ Наполеона, такъ точно какъ знаменитая плеяда семнадцатаго вѣка явилась послѣ Риншлѣ, — точно будто-бы въ развитіи просвѣщенія существуетъ законъ, по которому одна слава вызываетъ другую.

Г. де-Бальзакъ былъ однимъ изъ первыхъ между высочайшими талантами, одинъ изъ высочайшихъ между лучшими. Здѣсь не мѣсто говорить о произведеніяхъ его свѣтлага ума. Всѣ его книги образуютъ одну книгу, живую, свѣтлую, глубокую мысленную, гдѣ живетъ и движется, въ стройномъ, естественномъ видѣ, вся наша современная цивилизація; чудная книга, которую поэтъ называлъ комедіей, но которую онъ могъ-бы назвать исторіей; книга, принимающая всѣ виды, всѣ стили, ирвосходящая Тацита, равняющаяся со Светоніемъ, Бомарше и Раде; книга наблюденій и воображеній; книга, расточающая истинное, сокровенное, домашнее, матеріальное, и по-временамъ, и казывающая самый мрачный идеалъ, сквозь смѣло разодранны покровъ истины!...

Бальзакъ идетъ прямо къ цѣли. Онъ обнажаетъ пороки, и темпируетъ аграры. Онъ вглядывается въ человека, въ душу, и сердце, въ бездну, заключающуюся въ каждомъ человѣкѣ. И въ особенному свойству одной народной и модной природы, но ея божному свойству выходятъ уровя, глубока-честерувающихся Прелатіе, Бальзакъ выводитъ на свѣтлой, своей улыбкой и

вспомнить наблюдений, свергнувших Мольера въ меланхоцію, седины Рюссо мизантропомъ.

Вотъ что сдѣлалъ Бальзакъ. Вотъ созданіе, которое онъ оставилъ намъ, созданіе высокое и прочное, твердое, какъ гранитный фундаментъ, величественное, какъ намятникъ! Созданіе, съ судьбою котораго будетъ сіять его слава. Великіе люди сами ставятъ себѣ пьедесталъ; потомство ставитъ на него статую.

Смерть его поразила Парижъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому, онъ уезжалъ во Францію. Какъ-бы предчувствуя приближеніе смерти, онъ хотѣлъ увидѣть еще родную, точно такъ, какъ передъ выѣздомъ путешественникъ сынъ еще разъ обнимаетъ свою родную мать!

Жизнь его была коротка, но полна; въ ней болѣе дѣлъ, чѣмъ въ жизни другихъ.

Умъ! этотъ труженникъ, незнавшій усталости, этотъ философъ, писатель, поэтъ, жилъ между нами жизнью борьбы, преній и страданій, свойственною во все времяа всѣмъ великимъ людямъ.

Теперь онъ покажется въ мірѣ...

Онъ освободился отъ гоненій и ненависти. Онъ вступилъ въ міръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, его осіада неоспоримая слава, Теперь онъ выше тучъ, постоянно воссяицая надъ нашими головами, онъ завладѣлъ мѣсто въ зрѣломъ мірѣ отечественной исторіи!

Вы все, здѣсь присутствующіе, скажите: кто изъ васъ не почувствуетъ ему?

Господа, какъ бы велико ни была наша горе въ виду этой потери, поборемся, не упадемъ духомъ. Примемъ мужественно эту жестокость, всю горечь этой потери. Быть-можетъ это полезно, даже необходимо въ наше время, если отъ времени до времени смерть гениа будетъ производить религіозное потрясеніе въ умахъ, пожираемыхъ сомнѣніемъ и скептицизмомъ. Провидѣніе знаетъ, что дѣлаетъ, когда ставитъ народъ лицомъ къ лицу съ высшимъ таинствомъ, когда заставляетъ его помышлять о смерти, въ которой одной заключается равенство.

Провидѣніе знаетъ, что дѣлаетъ,—и въ этомъ заключается высочайшее изъ всѣхъ поученій. Только строгія, благоговѣйныя чувства могутъ пробуждаться въ душѣ, когда великій умъ мужественно вступаетъ въ новую жизнь! Когда одно изъ су-

идея, долго парившихъ надъ толпою на видимыхъ крыльяхъ гения, внезапно распускаетъ другія крылья, невидимыя, и погружается въ вѣчность, непостижимую уму!

Нѣтъ, она не непостижима! Нѣтъ, я уже говорилъ въ другомъ горестномъ случаѣ, и не перестану повторять—нѣтъ, это не мракъ, а свѣтъ! Это не конецъ, а начало! Это не мигъ, вѣчность! Неправда ли, слушатели: подобныя могли свидѣтельствуютъ о вѣчности? Въ виду нѣкоторыхъ знаменитыхъ усопшихъ, мы яснѣе понимаемъ божественное предназначеніе ума, для котораго земная страдальческая жизнь служитъ намъ бы очищеніемъ, и мы полнѣе сознаемъ источникъ его—душу *бессмертную.*»

Затѣмъ произнесъ рѣчь г. Луи Денойе, отъ имени Общества писателей:

«Общество писателей, господа, имѣетъ двойное право присутствовать на печальной церемоніи, созвавшей сюда насъ всѣхъ родственниковъ, друзей, почитателей и собратьевъ.

Благоговѣнное уваженіе привело бы насъ къ этой могилѣ даже тогда, еслибы признательность не напомнила намъ, что имя Оноре де-Бальзака было въ числѣ основателей Общества.

Слѣдовательно, мы не могли не присоединить голоса нашей собственной горести къ послѣднему прощанію, сейчасъ такъ краснорѣчиво высказанному.

Позвольте мнѣ пожалѣть, господа, что Общество не избрало болѣе могущественнаго голоса для того, чтобы достойно выразить глубокую печаль его. Молчаливое изъясненіе сожалѣнія болѣе бы соответствовало моему характеру. Но честь, сдѣланная имъ своему президенту, такова, что даже самая неприятная скромность не можетъ отказаться отъ нея, потому что честь—обязанность. Я выражаю здѣсь не личную, а общую печаль; я говорю не отъ себя, а отъ имени всѣхъ.

Который разъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ, современная литература надѣваетъ трауръ по своимъ знаменитѣйшимъ представителямъ? Но и самое число этихъ грустныхъ торжествъ должно внушить ей, вмѣстѣ съ горькимъ сожалѣніемъ, и благородную гордость.

Велики тѣ времена, въ которыя оплакиваютъ много великихъ людей!

Наше время принадлежитъ къ этому разряду. Да, что бы ни говорили, тотъ вѣкъ великъ, который не болѣе, какъ въ одной половинѣ своей, лишился такихъ людей,—мы назовемъ только наибѣйшія потери, — такихъ писателей, каковы Фредерикъ Бюффе, Шарль де-Барнаръ, Шатобрианъ, Бальзакъ, и въ которыхъ осталось еще столько достойныхъ сообразствъ ихъ.

«Онъ былъ только романистъ!» скажетъ, быть-можетъ, кто-нибудь. Да, Бальзакъ — былъ не болѣе какъ романистъ; — романистъ, какъ Ариостъ, какъ Сервантесъ, какъ Ричардъсонъ, какъ аббатъ Превô, какъ Лесаажъ, какъ Вальтеръ Скоттъ, — въ великіе повѣствователи всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, которыхъ гениіи открыли человѣчеству его пороки и его добродѣтели, его радости и его страданія; которые изображали человечество, утѣшали его, покрывая дѣйствительность вымысломъ, — чьихъ творенія составляютъ одну изъ долей славы рода человѣческаго.

Романъ, дѣйствительно, есть одинъ изъ замѣчательныхъ видовъ искусства. Романъ стоитъ на ряду съ поэзіею, драмою и исторіею,—и по справедливости, что такое романъ, какъ исторія? какъ не исторія чувствованій, судьбъ, частныхъ случаевъ и страданій человѣчества, точно такъ, какъ исторія — романъ его страстей, общаго благоденствія и унада?

Могущественная самобытность, глубокая наблюдательность, неравненная провицательность, глубокая чувствительность, неизменно вѣрный, непреувеличенный, слогъ чудесный, плодотворность назидательная—таковы качества, которыми Бальзакъ отличился въ высшей степени, и которыми произведенія его заслуживаютъ уваженіе будущихъ поколѣній.

Знаменитый покойникъ, господа, имѣлъ и еще одно достоинство, которое я не могу забыть, потому-что говорю отъ имени литературнаго сословія. Это достоинство, весьма трудное, состоитъ въ томъ, что онъ остался по самую смерть вѣренъ труду, прославившимъ жизнь его. Въ то время, когда мы видимъ только внезапныхъ превращеній, онъ не отрекся отъ своей славы. Литтература не служила только ступенью его честолюбію: она была его поприщемъ; она не была для него избитымъ средствомъ, а благородною цѣлію. И если бы даже событія увлекли его насильно изъ сферы идей въ сферу дѣйствій, онъ безъ всякаго сомнѣнія, остался бы писателемъ и въ политической жизни;

его любимѣйшее званіе осталось бы званіе поэта, художника писателя, философа, романиста.

Сынъ словесности не отрекся бы отъ своей матери!

Подобные покойники могутъ обойтись безъ нашихъ пустыхъ почестей; но мы, пережившіе ихъ, не можемъ не отдавать имъ такъ почестей. Есть почести, которыя дѣлаютъ болѣе честнымъ, которыя имъ отдають, нежели тѣмъ, которые имъ влечутъ.

Къ нему можно приписать замѣчательный стихъ:

«На его славу нѣтъ ни одного недостатка;
«Для нашей же пользы есть его!»

Общее уваженіе къ нему доказано участіемъ, сопровождавшимъ гробъ его, почетомъ, оказаннымъ ему самимъ правительствомъ, присутствіемъ множества народа, сопровождавшаго гробъ и наконецъ, общимъ сожалѣніемъ, которое встрѣтитъ въ Англіи гробъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ!...

Будемъ гордиться, господа, — и эта гордость есть еще полостью отдаваемая Бальзаку, — будемъ гордиться, что въ средоточіи нашего отечества есть такія могилы... могилы, осѣненные божественною славой!...

Могилы Бальзака находятся между могилами Казимира Делавинья и Шарля Нодье.

Февральскій сезонъ въ Лондонѣ приближается къ концу. Городъ мало-по-малу пустѣетъ. Изъ эксцентричностей, до которыхъ Англичане большіе охотники, одна занимала къ послѣднее время всѣхъ лондонскихъ жителей.

Итакъ Манкъсъ прошелъ 1600 верстъ въ 42 дня.

Онъ началъ свое круговое странствованіе 17-го іюня, въ 11 минутъ шестого часа по-полудни, и кончилъ его 29-го іюля въ три часа въ ровцо.

Самое забавное то, что Манкъсъ выходилъ почти все это пространство отъ сидей сдальни до стѣнъ. Лѣстница, находившаяся между сдальней и стѣняи, была предварительно вымѣрена. На условію онъ долженъ былъ пройти въ часъ немного больше полутора веретъ; пройдя это пространство скорѣе, нежели въ часъ, онъ имѣлъ право отдохнуть.

Во время ходьбы Манкъсъ наклонялся нѣсколько впередъ, раздвигая положеніе тѣла своего такимъ образомъ, чтобы вся тяжесть падала на колѣни. Шагъ его коротокъ; онъ мало поднимаетъ ноги отъ земли, что ускоряетъ ходъ и менѣе утомляетъ. Онъ носилъ легкіе башмаки и шерстяные чулки. Онъ часто смрастъ тѣло масломъ и камфарнымъ спиртомъ.

Во время своего странствованія онъ питался руддьягами изъ свѣтлой говядины, котлетами и дичью; пилъ портеръ, хересъ, рѣи и молоко. Онъ отдыхалъ и крѣпко спалъ, отъ двухъ до пяти часовъ. Когда его будили, онъ немедленно вскакивалъ и шипящимъ принимался ходить.

Іюля 2-го, въ два часа утра, онъ былъ бодрѣе обыкновеннаго, и кончилъ свою *поденную работу* тѣмъ, что прошелъ послѣднюю версту въ десять минутъ и четыре секунды.

Съ этого дня онъ началъ свое странствованіе внѣ дома.

Іюля 22-го, къ величайшему удивленію зрителей, онъ прошелъ версту въ семь минутъ.

Іюля 23-го, жаръ былъ нестерпимый, и Манкъсъ страдалъ болью въ поясницѣ. Вечеромъ колѣни его подгибались, глаза выкались; но опасеніе проиграть пари поддержало его.

Іюля 25, 26 и 27 шелъ сильный дождь. Это какъ бы ослабило Манкъса.

Іюля 28, день былъ воскресный. Болѣе 8.000 человекъ любопытныхъ собралось на пути, по которому долженъ былъ пройти Манкъсъ. Въ этотъ день онъ прошелъ послѣднюю версту въ шесть минутъ и сорокъ секундъ.

Наконецъ, іюля 29-го, онъ кончилъ рѣдъ свой, и послѣднюю версту прошелъ въ шесть минутъ.

Окончивъ такимъ образомъ свой походъ, онъ прогуливался

еще вѣскольکو времени *на придачу*; потомъ воротился домой взаимной каретѣ, сопровождаемый рукоплесканіями многочислой толпы народа.

До поздней ночи, около дома, въ которомъ живетъ Манксъ не было проходу.

Отъ Манкса, перейдемъ къ англійскимъ газетамъ. Въ одной изъ первыхъ книгъ «Сына Отечества» напечатана весьма любопытная статья о составѣ лондонскихъ журналовъ. Неугоди вамъ знать, что стоитъ редакция такого журнала? Предлагаю вамъ вѣрный списокъ со счета расходной книги одной ежедневной газеты:

Фунты стерлинговъ переложены на рубли серебромъ.

Недѣльный счетъ.

Главному редактору	118 р.	в се
Помощнику главнаго редактора	78 »	— »
Второму помощнику	65 »	— »
Помощнику редактора для иностранныхъ извѣстій	52 »	— »
Четыремъ редакторамъ	156 »	— »
16 стенографамъ для парламентскихъ засѣданій	540 »	— »
10 редакторамъ для судебныхъ извѣстій	375 »	— »
Биржевыя извѣстія	45 »	— »
Рыночныя извѣстія	14 »	— »
Парижскій корреспондентъ	65 »	— »
Парижскій редакторъ для составленія отчетовъ засѣданій Законодательнаго Собранія	19 »	— »
Разные расходы въ Парижѣ, портовые, подписка, контора	145 »	— »
Агентъ въ Булонь	6 р.	50 к
» » Мадридѣ	26 »	— »
» » Римѣ	26 »	— »
» » Неаполѣ или Туринѣ	19 »	— »
» » Вѣнѣ	19 »	— »
» » Берлинѣ	32 »	50 к
» » Лиссабонѣ	19 »	— »

Въ этотъ счетъ не включены расходы по особымъ корреспонденціямъ, приходящимъ со всѣхъ концовъ свѣта, изъ Ма

т, Александрия, Петербурга, Москвы, Ашхабадъ, Константинополь, Гамбурга, Бомбея, Кантона, Сингапора, Нью-Йорка, Бомбея; придворныя извѣстія, статьи литературныя, о театрахъ, артистахъ, статьи ученые, о дѣйствіяхъ желѣзныхъ дорогъ, поданы на газеты и журналы; и наконецъ множество другихъ непредвидѣнныхъ расходовъ.

Иногда, для доставленія одной какой-либо интересной статьи или просто, любопытнаго извѣстія, изъ Ливерпуля или Манчестера, назначаютъ особый поѣздъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Такимъ образомъ часто одно извѣстіе обходится въ 300 съ лишнимъ рублей серебромъ.

Добавивъ къ этимъ расходамъ плату за бумагу, наборъ, печатаніе, разсылку и проч. выйдетъ, что годовое изданіе ежедневной газеты въ Лондонѣ стоитъ издателю — около 160,000 р. серебромъ!....

БѢСА И УЛЫБНА. Къ болѣзнямъ, безпрестанно осаждающимъ насъ, какъ къ челоуѣческой, ни одинъ еще медикъ не вздумалъ присоединить болѣзнь писанія или сочинительства.

Эта болѣзнь проявляется во всѣхъ возрастахъ, но преимущественно въ дѣтскомъ и старческомъ.

Крайности сопрягаются.

Терпя отъ этой болѣзни, не столько одержимые ею, сколько редакторы журналовъ. Будучи завалены многочисленными и разнообразными занятіями, они постоянно подвержены нападению вышеупомянутыхъ болѣзныхъ, отличающихся еще темъ особенностью, что они непременно хотятъ сами читать свои произведенія.

Какъ отдѣлаться отъ такихъ болѣзныхъ? Способовъ много, но они влекутъ за собою маленькія непріятности для редактора. Его поносятъ, обвиняютъ въ недостаткѣ вкуса, даже въ глупости (1), въ односторонности, на него клеветаютъ.

Если вы встрѣтите челоуѣка неизвѣстнаго, невышедшаго изъ школы, бранящаго какого-нибудь редактора, — будьте увѣрены,

что этотъ человекъ одержимъ болѣзнію писанья или евангелистельства.

Не знаю, думалъ ли кто-нибудь о томъ, какъ-бы избавиться отъ подобныхъ мелочныхъ неприятностей. Я думалъ, и нашелъ средство, которое считаю вѣрнымъ:

Чего домогаются люди, одержимые болѣзнію евангелистельства. Они непремѣнно хотятъ видѣть себя въ печати.

Сужденіе редактора кажется имъ невѣрнымъ, они хотятъ чтобы изъ судила публики.

Извольте.

На-дняхъ я возвратилъ одну повѣсть, и за то навелъ на себя гнѣвъ сочинителя или сочинительницы. Желаніе удовле-творить оскорбленное самолюбіе заставляетъ меня предостере-гать судъ публики отрывки изъ отвергнутой повѣсти.

Молодой Графъ Горской возвратился изъ Парижа съ здо-ровьемъ и красотою обратно.—Онъ бросился въ объятія отца который отъ восхищенія и чувствительности плакалъ.—еще молодой Графъ непристрасился къ любви и безъ всякихъ вѣ-довъ любезничать, то съ одной то съ другой занимало его хотя были минуты когда воображенію и приходили фанта-зіи о воздушныхъ замкахъ но оставаясь равнодушнымъ; имъ со всѣми заманчивыми прелестями не удалось плѣнить сердце Русскаго, онъ увидѣвши дѣвицъ своего отечества, ли-шился при первой встрѣчи съ ними своего спокойствія.

Проживши дома полгода задумалъ путешествовать по Рос-сіи еще...

Право, перо падаетъ изъ рукъ; все, рѣшительно, написано вѣ-стомъ же родѣ! Но сочли-ли этотъ отрывокъ (начало повѣ-сти) покажется недостаточнымъ, а потому продолжаю писать въ удачу.

«... гдѣ увидѣлъ онъ женщину подобную распускающейс-розы, ея горделись всѣ въ городѣ общества и была преле-томъ любви мужчинъ.»

Графъ былъ восхищенъ Г-ю С. я люблю прелѣтству ю в-вухку признался онъ однажды своему другу.

Иногда отъ восхищенія обнаруживалъ графъ душевную привязанность, сидѣвши вмѣстѣ у фортепіано, и занималъ пѣніемъ; тогда съ радостию бралъ ее руку.

Въ одинъ вечеръ, возвратившись домой нашелъ онъ письмо, уведомлявшее его о близкой кончинѣ отца; онъ полетѣлъ къ Г. С.—

• Отецъ мой при смерти!

• такъ чтожъ! вѣрно, онъ ужъ старъ?

• Я долженъ вѣхать?

• Ah! le bon fils, желаю вамъ счастливаго пути,

• А боже ничего милан?

• Для чегожъ вы хотите вѣхать! • и т. д.

Грѣхъ черезъ два дня былъ уже дома у отца своего, нашелъ его въ лучшемъ здоровьѣ нежели полеталъ; — любовь и привязанность сына укрѣпили силы отца.

• Восхищаясь тѣмъ счастьемъ, которое меня ожидаетъ; — знакомясь съ прелестною Марією и съ нею провождая время...

• Почтенный хозяинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей которые отъ несчастія, зависти и злобы; сохранили съ твердостью чувствительное сердце, и передалъ его нѣжной и сострадательной своей дочери. •

Но довольно!

Прошу прощенія у читателей за эти выписки, не выбранныя, и взятая на-удачу. Можетъ-быть онѣ послужатъ благонамѣреннымъ урокомъ и лекарствомъ тѣмъ, которые одержимы болѣзнию сочашительства, а вѣтъ, — такъ

Ridendo castigat mores.

Дѣйствіе добраго совѣта всегда зависить отъ того, какъ поведетъ этотъ совѣтъ.

Человѣкъ нескрѣпннй имѣеть весьма дурное мнѣніе о себѣ, потому-что не хочетъ показаться такимъ, какимъ онъ есть.

Человѣкъ легкомысленный защищаетъ ложное мнѣніе съ увѣренностію, а никогда не сомнѣвается; человекъ раз-

судятельный стоить за истину съ осторожностію чловѣка, но гущаго ошибаться.

Подгулявшій извозчикъ возвращался поздно домой изъ-за города. Для бѣльшаго удобства онъ сѣлъ въ коляску и—заснулъ.

Лошади шли себѣ помаленьку, и наконецъ остановились.

Извозчикъ спалъ долго. Просыпается, смотритъ, лошадей нѣтъ, какъ нѣтъ. Долго протиралъ онъ глаза и никакъ не могъ вспомнить, гдѣ онъ и что съ нимъ приключилось. Наконецъ, узнавая, радоваться ему или горевать, онъ вскричалъ:

— Тѣбу ты бѣда какая! Либо у меня лошадей украли, либо мнѣ добрый чловѣкъ коляску подарилъ!...

ДВѢ КОРОВЫ.

Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.

Русская пословица.

Комолая корова говорила

Рогастой спутницѣ своей:

«Ахъ! если бы меня природа одарила,

«Рогами, какъ твои. тогда — ей, ей! —

«Я спуску не дала бъ ни свату,

И ни брату.

На славу бы бодаться такъ пошла,

Что ты бъ сама меня героемъ назвала.

— Эхъ, ты кормилица моя, къ чему бодаться,

Привѣще въ сто разъ по полю прогуляться;

Лечь на траву рядкомъ,

Да помычать ладкомъ,

Потомъ безъ драки и содому

Вернуться на ночлегъ благополучно къ дому.

Въ болашии, право, нѣтъ пута!

За правду жъ не сердись, и ты нева прости!—

Комолая мычить: «Я вижу, что ты дура,

• И что въ тебѣ несносная натура!

• Дай мнѣ свои рога, я все переверну

• По своему! Тебя черезъ себя швырну

И возблещу все стадо!»

— Вотъ этого-то и не надо:

Болива, больно ты, мой свѣтъ,

Сейчасъ затѣла бѣ по пустякамъ тревогу!

Да, вишь, роговъ-то нѣтъ,

За чтѣ и слава Богу. —

И обѣ въ хлѣвъ пошли въ обратную дорогу.

Какая басни сей мораль?

А та, что межъ людьми комолый враль

Имѣетъ вѣчно страсть по пустякамъ бодаться.

Желаемъ всѣмъ вральмъ счастливо оставаться.

К. Масальскій.

«Сынъ Отечества», представивъ своимъ читателямъ нѣсколько
иррациональныхъ произведеній, изъ уваженія къ читателямъ, не
занимаетъ на себя сужденія о достоинствахъ тѣхъ статей и
вызываетъ произведеній въ немъ же напечатанныхъ....

Нѣтъ, мы лучше будемъ рекомендовать нашимъ читателямъ
то, что найдемъ хорошаго у—нашихъ сосѣдей.

Такъ, напримѣръ, въ послѣдней, августской книгѣ «Совре-
менника» мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочитали комедію
«Првчуды».

Не знаемъ почему авторъ, г. П. Меншиковъ назвалъ этотъ
перкъ *комедіей*, но не въ этомъ дѣло: очеркъ или комедія,
статья хороша, тѣмъ болѣе хороша, что г. Меншиковъ, сойдя

съ избитой дороги насмѣшекъ надъ провинціалами, обращаетъ умную и пріятную сатиру на смѣющихся, безъ преувеличенія и безъ односторонности.

Выпишемъ нѣсколько страницъ:

Клара, московская барышня; *Надина* и *Полина*, деревенскія. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ.

Клара. Кто же васъ тамъ (на балахъ *Дворянскаго Собранія*) убираетъ?

Полина. Свой человекъ убираетъ.

Клара. Ну, что же, у васъ съ букетами бывають?

Надина. Мало кто, да и то когда лѣтомъ развѣ. Возни много съ букетами. Съ собою взять—завянуть; а какіе вы тамъ цвѣты найдете? Шапки да бархатцы, а если и найдутся гдѣ порядочные цвѣты, такъ сейчасъ знакомые разберутъ. Я было вздумала одинъ разъ взять съ собой нѣсколько горшечковъ левкоя да гвоздики, привезли благополучно, выставили въ полвсадникъ, а утромъ пришла тудя овца....

Полина. Вы знаете, что такое овца?

Клара. Слава Богу! за кого вы насъ считаете! Овца—это мадамъ баранъ.

Надина. Ну, да. Пришла мадамъ баранъ, да и съѣла наши букеты.

Клара. Что жъ вы?

Надина. Ну, и безъ букетовъ дѣло обошлось. У васъ, я думаю, никакъ нельзя показаться на балъ безъ букета, и на гулянье, говорить, съ букетами ѣздить. Въ Петербургѣ такъ критику сочинили на это.

Полина. Да, да, вотъ что въ театрѣ представляютъ. Цвѣтобѣсіе. Вы видѣли, хорошо это?

Клара. Ну, это на счетъ того, какъ актрисамъ на сцену цвѣты бросаютъ.

Надина. Вотъ! чтожъ, эта комедія? хороша?

Клара. А не знаю, право, говорятъ хороша; мы собирались смотрѣть, да перестали давать ее.

Полина. Вы часто бываете въ театрѣ, когда Щепкинъ играетъ.

Клара. Не скажу, чтобы часто: разъ другой въ годъ съѣздимъ.

Надина. Какъ же такъ? Щепкинъ такъ хороша, говорятъ.

Клара. Времени неостанетъ на все: французскій театръ, балетъ; ну, надо же и на вечера ѣздить. Когда тутъ вашего Щепкина спо-

три? Да и кто жъ ѣздитъ въ русскій театр? Что тамъ за публика

Видна. Ну, а у Французовъ кто теперь отличается?

Полина. Вы Плесси видѣли, когда она была въ Москвѣ? Говорятъ, она такая душна.

Евпра. Я и въ Петербургѣ ее видѣла.

Полина. Вы были въ Петербургѣ?

Видна

и
и
и
и

Вы были въ Петербургѣ?

Евпра. Въ прошломъ году. У насъ дѣло было въ Сенатѣ, мамашѣ было ѣхать. Мы съ мѣсяцъ только и пробыли.

Полина. Ну, какъ вамъ понравился Петербургъ?

Евпра. Да ничего особеннаго. Слишкомъ много рассказываютъ о Петербургѣ. Я воображала лучше.

Полина. Тамъ театръ хорошъ, говорятъ. Ну, а что лучше по сравнению, Плесси или Вольнисъ?

Евпра. Вольнисъ не играла въ то время.

Полина. Говорятъ, въ молюеровскихъ комедіяхъ Плесси лучше. Какъ при васъ Молюеровы комедіи?

Евпра. Играли.

Полина. Какія же играли?

Евпра. А не помню право... L'école des vieillards...

Видна. Будто это Молюера?

Евпра. Конечно, Молюера.

Видна. Что вы, что вы! Вы спутали: это Деламина. Я помню, въ одномъ журналѣ была статья—въ «Библіотекѣ для Читанія» за-...
...ста...

Полина. Ахъ, да! скажите, говорятъ, не Сенковскій надаетъ нынче бібліотеку для Читанія,— правда это?

Евпра. Ну, ужъ вы меня не спрашивайте: я не знаю даже, когда ли ее когда Сенковскій, да и что такое это за «Библіотека для Читанія». Признаться, я мало читаю по-русски. Что тутъ читать: переводы. Я и по-французски могу прочесть все, въ подлин-
...тъ.

Полина. Ну, не все переводы. Да хоть бы и съ французскаго было: гдѣ вы у насъ достанете все?... Не при васъ ли Бальзакъ былъ въ Петербургѣ?

Евпра. Съ чего вы взяли? Когда онъ былъ въ Петербургѣ?

Полина. Былъ, былъ; мы въ газетахъ читали.

Евпра. Не помню, не слыхала.

А вотъ и характерная картинка (*tableau de genre*) изъ того же очерка:

Дементій и *Степанъ*, крестьяне. Первый сидитъ на завалинѣ и стругаетъ ножомъ палку. Степанъ прибѣгаетъ запыхавшись и осматривается.

Степанъ. Дементій Семеновичъ! Да что ты тутъ сидишь? али нѣтъ сговора? А я-то бѣгу какъ шальной, вздремнулъ-было.... Нѣту сговора, что ли?

Дементій. (*продолжая стругать*). Слышь, орутъ.

Степанъ. А сказали, ты женишься.

Дементій. Я женюсь.

Степанъ. Да что жъ ты тутъ сидишь, голова?

Дементій. Есть тамъ народу! Вишь ихъ набралось!

Степанъ. Отдохнуть что ли вышелъ: угостился, звать. Поглядѣть было—что тамъ у васъ пирожка-то осталось поди-ка, да и выпить дадутъ, пожалуй (*Хочетъ идти*).

Дементій. Пить-то вишь не даютъ больше: староста не велѣлъ. Господа, слышь, будутъ: такъ говорить, чтобы не натянулся кто, грѣхомъ. Опосля, говорить, какъ уѣдутъ.

Степанъ. Ну, опосля, такъ опосля (*Садится*). Да что, братъ, у тебя за невѣста така, что господа приѣдутъ?

Дементій. Самъ увидишь.

Степанъ. Вправду хороша дѣвка? (*Дементій махнулъ рукой*). Что-жъ, вѣдь не гуляща какая?

Дементій. Не то гуляща, — не слышать, чтобы гуляща была, да жиденька больно, братецъ. Въ кого уродилась така сухопарая?

Степанъ. Дѣтъ никакъ у Сидора. Котора это? невысочка?

Дементій. Невысочка. Нѣтъ, онъ плутъ мужикъ. Сказали господамъ ихнѣ отдать дочку, такъ саму такую и выбралъ, что не работница. Марфушка-то посильнѣе будетъ, такъ ту не отдалъ, старый хрѣтъ.

Степанъ. А Господь дастъ, и въ тѣло поидетъ она, Дементій Семеновичъ. Игнатова-то Акулина тоже въ дѣвкахъ лядища была, а теперь ево какая. Ты дѣвки-то не обижай, голова: дѣвка не причина.

Дементій. Кто ее обижалъ!

Степанъ. Да что же, вправду, произошло что ли тамъ, что ты ушелъ-то сюда?

Дамочка. Да что, братецъ, сердце взяло. Съѣли мы за столъ. Ужь, нечего сказать, все хорошо было: и щи знатныя, и пироги были, и каша, и похлебка; господа, видишь, мѣхые приказали такъ, чтобы все наилучшее было, и припасу всякаго дали, и варить-то, слышь, просвирию позвали. Вина-то, правда, маленько, — ну, что же дѣлать: господа будутъ, вправду, а тутъ иной ногъ не потащитъ. Вотъ кашу молочную поставили. Я говорю себѣ: дѣло складное; только глядь въ окошко — сивка отвязалась. Уидеть, думаю, въ овесъ, пролетая: пойти привязать было. Смотрю, доной идетъ, сударыня. Съ версту почитай сбѣжалъ за ней, да спасибо, дядя Ефимъ вѣзалъ и встращу, такъ перенялъ. Ну, извѣстно дѣло, началъ учить прокутую, да вотъ кнутовище сломалъ. Прихожу, ужъ и со стола уфрели. Вотъ я и говорю: дай-ка мнѣ кашки, Ильинишна. Ахти грѣхъ какой, а вѣдь думали, что ты не изволишь, батюшка; кашу-то, говоритъ, всю поѣли. Какъ же такъ поѣли? вишь ты за лошадей побѣгъ, лошадь ушла, овесъ потравила бы. Ну, нѣту, батюшка, кашки; вотъ пирожка не хочешь ли? а не то я баранники ѣмъ. Что мнѣ въ твоей баранникѣ! Кашу люди ѣли. Да нѣту ея больше; гдѣжь я возьму? вишь сколько набралось. Ну, нечего дѣлать, не драться стать со старухой. Что же мнѣ тутъ было, вина славетъ больше, не пѣсни же орать съ ними, за то, что кашки не оставили. Я говорю, посмотрѣть было опять, не отвязалась бы, да вухель сюда. Вотъ дубокъ срѣзалъ... какъ ты безъ кнута поѣшь... да толстой такой попался.

Жаль, что въ этомъ очеркѣ, у многаго и приличнаго, повторяется, нѣсколько вялыя и безцвѣтныя характеры нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ.

Последнія слова заставили меня задуматься. Во всемъ и во всякой крайности проявляются явственно, рѣзко, или — преувеличенное сильно выдвигается впередъ, между-тѣмъ какъ среднее, или хорошее, остается въ полусвѣтѣ.

Посмотрите сами: на словесномъ поприщѣ является Пушкинъ. Онъ увлекаетъ всѣхъ и становится *известнымъ*. На томъ же поприщѣ являются Орловы, Кузмичевы. Они возбуждаютъ негодованіе, и—становятся *известными*.

Между Пушкинымъ и Орловымъ-Кузмичевымъ, нѣсколько блѣднѣвшихъ труженниковъ, добросовѣстно и благородно дѣйствующихъ на своемъ поприщѣ, оказывающихъ огромную пользу—остаются *неизвестными*.

Нѣкто, мистеръ Черно книжниковъ издаетъ свои меморіи, разделенныя на главы подъ самыми хитросплетенными *заглавіями*—не смотря на то, что г. Черно книжниковъ самъ говоритъ, что через-чуръ хитропридуманное заглавіе доказываетъ въ авторъ *какую-то мелочность*.

Чтобы не ввести своихъ читателей въ заблужденіе, мистеръ Черно книжниковъ самъ выбралъ себѣ слѣдующій эпиграфъ:

Съ кого они портреты ищутъ,
Гдѣ разговоры эти слышатъ?

Замѣтьте, что *слушаютъ* не по-русски; но рифма выше всѣхъ правилъ.

Итакъ серъ Черно книжниковъ, прельщенный успѣхомъ «Похожденій провинціала», печатаемыхъ въ Сынѣ Отечества, рѣшился показать вышепоименованному журналу, какъ должно писать подобныя статьи, и вооружившись *строгимъ взглядомъ остроумія*, принялся писать свои меморіи.

Умалчиваю передъ его краснорѣчіемъ; пускай дѣло говоритъ само за себя.

Черно книжниковъ, Иванъ. Мнѣ показалось, что его хвалили меньше, чѣмъ въ прошлый разъ хвалили Льва Ивановича, когда онъ читалъ свою оду, и Митя *расплакался*. Отъ слабости и отъ обиженаго самолюбія смѣхъ его скоро перешелъ въ истерическій.

Берегитесь, читатель, чтобы *расплаканными* — *смысь* вашу не превелъ въ истерическій.

Двое ссорятся.

Чернокнижниковъ. Одинъ изъ ссорящихся былъ тотъ толстый господинъ, который обѣдалъ съ нами и рассказывалъ смѣшныя исторіи другой былъ долговязый франтъ съ блѣднымъ и хладнокровнымъ лицомъ, въ настоящую минуту искривленнымъ злобою и свирѣпствомъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Скакуновъ.

Соперники, неслушавшіе угрожающихъ пріятелей, однако, послушались, Скакунова.

— Онъ шелъ съ книжкой В***, началъ толстый юноша: — я съ нимъ поспорилъ, а онъ подалъ мнѣ два пальца!

— Дурно, сказалъ Скакуновъ: — такъ здороваются только... не скажу, кто. Или не давайте руки, или давайте ее всю.

— А онъ то, возразилъ высокий господинъ: — когда я подалъ ему руку...

— То есть не руку, а два пальца, запальчиво произнесъ обиденный.

— Когда я подалъ ему руку, онъ протянулъ свою и коснулся моихъ пальцевъ, сказалъ кукишь.

— То есть фигю! гордо произнесъ юноша.

— Какое право имѣли вы такъ обойтись со мной при женщинѣ?

— Какое право имѣли вы полавать мнѣ два пальца?...

Довольно, читатель, жаль мнѣ прекрасной бумаги, на которой бы можно было такъ прекрасно напечатать столько прекрасныхъ вещей!...

ЗАГАДКА.

Въ одномъ журналѣ напечатано:

— «Видишь ли ты эту старую дѣву? Мы, просто, отъ нея бѣгаемъ. То и рѣчи, что о живительномъ вліяніи весны, о средствѣ душъ, о томъ, что нужно еще любить, пока не охладѣло сердце...»

— Ну, а ты чего же зъѣаешь?

— Да что, братецъ—самъ видишь—*рожерь!*»

Признаюсь, я призадумался надъ послѣднимъ словомъ. Что за *рожерь* такой, думалъ я, какъ вдругъ получилъ записку слѣдующаго содержанія:

РАЗГЛАДКА.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь,

Не многимъ вѣроятно извѣстно, что значитъ слово *рожерь*, какъ-то странно употребленное въ странной статьѣ одного современнаго журнала, или, по вашему — ежемѣсячнаго изданія.

Я, въ литературномъ мѣрѣ, лицо, по преимуществу пассивное, страдательное, то есть—я *только читаю*; но за-то—читаю все, появляющееся у насъ на Руси; все, безъ разбора, хорошее и дурное. Долгомъ считаю, однакожъ, замѣтить, что въ опредѣленіи хорошаго или дурнаго я всегда руководствуюсь самъ, не повинуюсь вліянію журнальныхъ критикъ.

Итакъ, прочитавъ въ извѣстномъ вамъ журналѣ странное слово *рожерь*, такъ странно употребленное въ странной статьѣ, я самъ сталъ въ тупикъ, но не обративъ на него особеннаго вниманія, махнулъ рукой!

Вдругъ—въ июльской книгѣ *Пантеона* попалась мнѣ слѣдующая статейка:

Важное открытіе по части несгораемости.

Для нашего брата, читающаго, это открытіе не новость. Въ началѣ нынѣшняго года мы читали уже объ немъ во всѣхъ журналахъ. Вся новость заключается только въ томъ, что прежде изобрѣтатель назывался мосье *Бутинки*, а теперь мосье *Комъ*.

Но это дѣло не наше, а ваше—господа журналисты.

Только въ концѣ статьи, помѣщенной въ *Пантеонѣ*, я прочиталъ слѣдующее:

«Физикамъ предоставляется пояснить это странное явленіе (*несгораемости*), которое, вѣроятно, было уже за тридцать лѣтъ прелъ

самъ извѣстно итальянцу РОЖЕРУ, прославившемуся во всей Европѣ и въ настоящее время, но унесшему тайну съ собою въ могилу.

Мнѣ кажется, что я разгадалъ задачу: *рожеръ* значитъ — несомненный.

Прошу васъ напечатать это важное открытіе по части несомненности въ вашемъ журналѣ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

I.

Будуаръ, великолѣпно убранный.

Надежда Егоровна, молодая женщина, хорошенькая себе, полулежитъ въ новомодномъ креслѣ, обтянутомъ желтою шковою матеріею. Надежда Егоровна брюнетка. На ней утренній неглижѣ: бѣлый батистовый *penzoar*, украшенный спереди шитыми, въ видѣ передника, кружевами, перехваченными по срединѣ бантами изъ розовыхъ лентъ. Рукава широкіе, фасонъ *pagodes* (pagodes), обшиты по краямъ въ два ряда кружевами. Нижніе рукавчики буфами. Вышитый по батисту чепчикъ à jeupe-femte, слегка накинутъ на верхушку головы, и едва касаяся ушей. Чулки гладкіе; башмаки сафьянные, съ маленькими каблучками, цвѣта *porcogé*.

На кругломъ столѣ орѣховаго дерева лежитъ иллюстрированное изданіе покойнаго Гранвиля: *Les étoiles animées*, недавно вышедшее съ текстомъ, написаннымъ Мері.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Надежды Егоровны стоитъ модистка.

Разговоръ происходитъ по-французски. Переводимъ:

Надежда Егоровна. Но, ma chère, все это хоть ново, да красиво. Вѣдь наступила осень, сезонъ перемѣнился.

Модистка. Вы видите, madame, что и моды приваровле къ осени.

Надежда Егоровна. Я сегодня что-то разсѣянна. А про какъ вамъ нравится мой неглижѣ?

Модистка. Онъ очень милъ; но вчера я видѣла другой, у madame N., который тоже очень красивъ.

Надежда Егоровна. Какой же?

Модистка. Платье было изъ бѣлой англійской ткани basin, украшенное вышивками гладью или англійскимъ швомъ, не помню хорошенько. Кофточка была изъ той же матеріи. Туфли сѣльныя синяго цвѣта, обшитыя рюшемъ изъ кружевъ-шбрé.

Надежда Егоровна. А на головѣ?

Модистка. Чепчикъ-fanchon, очень миленькій, украшенный газонными лентами и кружевами.

Надежда Егоровна. Правда, это не дурно; только madame N. была неуклюжая; ей рѣдко что къ лицу.

Модистка улыбается.

Надежда Егоровна. Скажите же мнѣ, ma chère, что вы мнѣ посоветуете?

Модистка. О вечернемъ нарядѣ мы уже переговорили, остается до-объединный.

Надежда Егоровна. Пожалуйста, quelque chose de простенькое, только чтобъ было joli.

Модистка. Мнѣ кажется, что самое лучшее, платье изъ шелковой глѣтчатои матеріи, съ талиєю въ видѣ кофточки, открытую наперед, и изъ-подъ которой видна кружевная шемизетка.

Надежда Егоровна. А рукава?

Модистка. Сперва шолковые, а изъ-подъ нихъ бѣлые тюлевыя, обшитыя въ два ряда широкими кружевами. Позвольте мнѣ еще замѣтить, что къ этому наряду очень идутъ браслеты изъ чорнаго бархата съ золотою застежкой.

Надежда Егоровна. Правда; это мило.

Модистка. Или же шолковое, розовое платье съ тремя фалдами. Талія закрытая, съ круглымъ шнипомъ. Рукава узкія, доходящія до кости руки, оканчиваются бѣлымъ рукавчикомъ, вышитымъ буфой. Платокъ, разумѣется, кружевный. Чепчикъ въ толъ-иллюзія, съ мелкими цвѣтами, которые какъ-будто насыпаны на немъ.

Надежда Егоровна. Прекрасно; займитесь же этими нарядами; приберите только цвѣта, которые мнѣ болѣе къ лицу....

Модистка. Вамъ, сударыня, все къ лицу.

Надежда Егоровна. Счетъ пошлите къ мужу. Au revoir.

Модистка кланяется и уходитъ.

II.

Сергій Ивановичъ, мужъ Надежды Егоровны, человекъ уж не молодой. На головѣ у него шапочка темнофіолетоваго бархата, безъ кисточки. На немъ плафрокъ сѣрой шерстяной матеріи, на красной теплой же подкладкѣ.

Сергій Ивановичъ не въ духѣ.

Надежда Егоровна, протягивая къ нему руку: *Bonjour, mon ami.*

Сергій Ивановичъ, поцаловавъ руку жены, отрывисто. Доброе утро, Надинька.

Жена. Вы сегодня что-то невеселы.

Мужъ. Кто это былъ у васъ сейчасъ?

Жена. Гдѣ?

Мужъ. Гдѣ! разумѣется здѣсь.

Жена, небрежно. А! это модистка.

Мужъ. Ну такъ! я это зналъ. Видно опять новые заказы?

Жена. Да, бездѣлица.

Мужъ. Охъ, сударыня! эти бездѣлицы вотъ у меня гдѣ сидятъ!... То-то и бѣда, что получаешь бездѣлицы; а платишь-совсѣмъ не бездѣлицу.

Жена. Какъ вамъ не совѣстно вѣчно толковать о деньгахъ!

Мужъ. А вамъ какъ не совѣстно вѣчно толковать о тряпкахъ? Толковать бы еще ничего; переливайте себѣ изъ пустяка въ порожнее — это денегъ не стоитъ; а то какъ ваша мадамъ въ домъ, такъ сотняги двѣ-три изъ дому!

Жена. Вы сегодня не любезны.

Мужъ, прохаживаясь сердито по комнатѣ. Хорошо бытъ любезнымъ, когда со всѣхъ сторонъ летятъ счеы.... Извольте пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ, такъ и увидите, сколько тамъ у меня этого добра! То обойщикъ, то каретникъ, то изъ того того изъ другаго, третьяго, четвертаго магазина.... Просто отбою нѣтъ! Пристаютъ со всѣхъ сторонъ.

Жена. Заплатите, такъ и отстанутъ.

Мужъ. Неужели? А какъ я не стану платить?

Жена, небрежно. Такъ не платите.

Мужъ, разгорячаясь. Вотъ какъ-съ! Такъ и не стану же больше платить.... Извольте-ка вѣдаться сами. Я очень радъ слушаю: намъ давно уже пора объясниться. Вы меня, просто, разорвете! Бросаясь на кушетку. Объявляю вамъ рѣшительно, что

не хочу больше платить за ваши прихоти! Я самъ себя во мнѣ отказываю.... давно уже не ѣлъ ни устриць....

Жена. Съ-тѣхъ-поръ, какъ ихъ не стало въ Петербургѣ.

Мужъ. Покорнѣйше прошу васъ не шутить! *Скрестивъ руки въруди.* Тамъ вы себя вѣдайте какъ знаете, а я платить стану!

Полчаніе продолжается нѣсколько минутъ. Мужъ сердито вытаскиваетъ ногою, и ворчитъ по-временамъ:

— Что это.... ни на-что не похоже.... Прихоти.... Разореніе, и только.... Право!...

Жена. Медленно встаетъ, подходитъ къ кушеткѣ, и садится на колѣна мужа.

Жена, тихимъ, нѣжнымъ голосомъ. Кто васъ разсердилъ сегодня утромъ?

Мужъ, отрывисто. Никто не разсердилъ!... Вы разсердили.

Жена, кротко. Чѣмъ же я васъ обидѣла?

Мужъ. Непомѣрною расточительностію.

Жена. Будто бы я такъ много истратила?

Мужъ. А какъ бы вы думали?

Жена. Тысячъ пять!

Мужъ. Пять, не пять, а три-то навѣрно будетъ.

Жена. Неужели только три?

Мужъ. Только?

Жена. Моп воп амі, вы не знаете, сколько прекрасныхъ вещей я накупила.

Мужъ. Я знаю сколько я серебряныхъ рублей заплатилъ.

Жена, опираясь на его плечо. Такъ вы ужъ заплатили?

Мужъ, все еще отрывисто, но уже не такъ сердито. Заплатилъ,—въ послѣдній разъ.

Жена, кокетливо. Будто въ послѣдній?

Мужъ. Рѣшительно.

Жена. И больше платить не будешь?

Мужъ. Ни-ни!

Жена, ласкательно. Какой сердитый!

Мужъ, неволью размѣявшись. Вамъ хорошо шутить! Нѣтъ, мечка, посуди сама: вѣдъ этакъ у меня средствъ не станетъ. Знаешь....

Жена. Хорошо, хорошо.... Послушай сперва, *méchant*, что я купила. Во-первыхъ, очаровательный браслетъ. Посмотри на него.

Поставь красивый браслетъ съ цѣпочкой, на которой навѣ-

шено множество золотыкъ бездѣлушекъ-брелоковъ: Развѣ я не мило?

Мужъ. Конечно, но....

Жена. Есть ли тутъ за что сердиться?... Ахъ, мон бон аи вы еще не видѣли на мнѣ монхъ новыхъ балльныхъ нарядовъ!

Мужъ. Нѣтъ, но я видѣлъ....

Жена, зажимая ему ротъ: Сты! ни слова. Вообразите се платье изъ розоваго газа, съ пятю блондовыми фалбала того же цвѣта....

Мужъ. Ну, вотъ хоть бы тутъ! Зачѣмъ съ пятю фалбалами?

Жена. А по вашему сколько?

Мужъ. По-моему ихъ хоть и вовсе не будь! Но ужъ непремѣнно нужно, такъ парочку, да и довольно. Дешевъ стобить.

Жена. Какой ты смѣшной! Но такъ какъ ты въ этомъ знаешь столько же толку, сколько я въ твоихъ дѣлахъ, такъ слушай далѣе. Такия открытая, съ острымъ шнитоми; рукава короткія на груди у меня будетъ пришиленъ аграфъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ. На юбкѣ такіе же аграфы пришилены въ два ряда, видѣ передника.... Неужели ты будешь сердиться на это? Въ это, просто, чудо!

Мужъ. Согласенъ, но....

Жена. Но, но, но, ты долженъ сейчасъ сознаться, что и новать, и просить у меня прощенія.

Мужъ. Я же долженъ....?

Жена, отодвигаясь отъ него. Разумѣется; и если вы сейчасъ не поцалуете у меня ручки, такъ я велю сказать модисткѣ, чтобы она не шила мнѣ тѣхъ нарядовъ, которые я сейчасъ заказала.

Мужъ. Ручку-то я поцалую, а наряды-то можно бы и отказать. *Хочетъ поцаловать жену руку, но она отдергиваетъ ее.*

Жена. Fi, какой скупой!

Мужъ. Нѣтъ, душечка, ты напрасно обижаешь меня; но...

Жена. Не увидите же вы меня и въ бѣломъ тюлевомъ платьѣ въ три тюники, на шелковой юбкѣ!

Мужъ. А развѣ это очень хорошо бѣлое платье въ три тюники?

Жена. Ахъ, прелесть! Но еслибы вы знали, какія я сейчасъ прически придумала!

Мужъ. Сама придумала?

Жена. Не ваше дѣло. Вообразите себѣ букли вокругъ всей головы. Сверхъ буколь гирлянда изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, оканчивающихся вѣткой, положенной надъ ухомъ, и висящей почти до шеи. *Кокетливо.* Хорошо?

Мужъ. Гм, гм!

Жена, наклоняясь къ мужу. Серьги съ изумрудами и бриллиантами, безъ подвѣсокъ. На шеѣ будетъ у меня черная бархатная лента, застегнутая брошкой....

Мужъ. Съ изумрудами и бриллиантами тожъ?

Жена. Какіе вы догадливые! Другая прическа: напередѣ двѣ косы, положенныя одна надъ другою; назади бантъ изъ маленькихъ волосъ, прищипленный гребенкой; гирлянда изъ синихъ пунсовыхъ цвѣтовъ, положенная на лобъ по краю лба; гирлянда идетъ вокругъ всей головы и оканчивается вѣткой же.... Сердитесь же еще послѣ этого, méchant!

Мужъ, значительно смягчаясь: Я, душечка, вѣдь не сержусь, только.... А въ-самомъ-дѣлѣ, ты будешь прелестна.... Знаешь, какъ все букли.... Назади гирлянда.... спереди вѣтка.... очень можно быть мило!

Жена. Ахъ, чтó вы понимаете! Вамъ-бы только смотрѣть на мои рубли, а не на жену! Подите, я васъ не люблю.

Мужъ, приближаясь къ ней. Душечка, ты знаешь, что я тебѣ въ чемъ не отказываю....

Жена. Прекрасно! Нѣтъ дня, чтобы вы не отказали мнѣ въ чемъ-нибудь. Не я ли просила васъ сто разъ перемѣнить карету?

Мужъ. Чѣмъ же наша не хороша? На лежачихъ рессорахъ, сидѣть новая....

Жена. Высока!

Мужъ. Совсѣмъ нѣтъ....

Жена. Ахъ, подите! Вы вѣчно спорите. Не нужно мнѣ ничего вашего! Я буду ѣздить на извозникахъ и даже на дрожкахъ, или буду сидѣть дома, скучать.... *Плачетъ.* Ахъ, я несчастная!

Мужъ, торопливо. Пожалуйста, не произноси этого слова! Чтó такое — несчастная! Будто я и въ-самомъ-дѣлѣ какой-нибудь дикій звѣрь. Ну, перестань плакать, перемѣню карету.... беру такую, что какъ черепаха будетъ лежать на землѣ.

Жена, утирая глаза. Не нужно мнѣ черепахи!.. Мы и то знаемъ такъ, что, просто, стыдно.... Впрочемъ не думайте, что я просила васъ купить новыхъ лошадей.... Мнѣ отъ васъ ничего не нужно.

Мужъ. Ну, полно, пожалуйста; право, мнѣ больно смотрѣть на тебя. Дай же ручку поцаловать.

Жена. То-то! Я, конечно, ни въ чемъ не могу отказать вамъ. Вотъ, цалуйте.

Мужъ цалуетъ руку жены и смотритъ на нее съ любовью. Ты, какъ женщина, и должна быть добрѣе мужчины.

Жена. Ты не повѣришь, какъ ты меня огорчилъ сегодня...

Мужъ. Прости, прости; впередъ не буду....

Жена. То-то же, смотри!...

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ КНИГЪ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА ПОЛЯНОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛОВЪ
ОТЕЧЕСТВА, ВАЗЫ И ЖУРНАЛА ПАРИЖСКИХЪ
МОДЪ.

С.-Петербургъ, въ Гостиномъ-дворѣ, по Суконной-лицей
подъ № 47.

продаются слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро).

ГРАФЪ РАДЕЦКІЙ и его походы въ Италию въ 1848 и 1849
году. Соч. П. Лебедева. Генеральнаго Штаба Подполковника,
Императорской Военной Академіи Профессора. Съ портретомъ
графъ и двумя картами. С. П. 1850. Ц., въ отличной пап-
ке 3 р., на веленовой бумагѣ 4 р. 50 коп., въ формѣ за 4 руб.
КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ МАЛОЙ ВОЙНЫ для всѣхъ ро-
довъ оружія. Состав. Генерал-Лейтенантъ А. Е. Зигельгардтъ
и др. Въ 4 частяхъ С. П. 1850. Ц. 3 р., съ перес. 3 руб. 50 коп.
ОПЫТЫ ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ Студентовъ Императорскаго
Харьковскаго Университета, т. 1-й, Харьковъ. 1846. Ц. 1 руб.
коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КАЛИФОРНИИ, съ геологическимъ обзоромъ обѣихъ Калифорній, въ особенности вновь открытой золотоносной области. Составлено по лучшимъ и достовѣрнымъ источникамъ, г. Блокомъ. Съ подробною генеральною картою Калифорнии и девятью частными картами, главнѣйшихъ бухтъ и золотоносной области этой страны. С. П. 1850. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

ОПИСАНИЕ ВЪРНѢЙШИХЪ ПРАВИЛЪ КЪ ИЗУЧЕНЮ ШАШЕЧНОЙ ИГРЫ, составленное по лучшимъ источникамъ. 1850. Ц. 20 коп., съ перес. 50 коп.

МУЗЕЙ современной иностранной литературы. С. П. 1847 и 1848. Два тома, состояще изъ 96 листовъ компактной печати въ два столбца, въ большую 8 долю листа, болѣе 350 листовъ обыкновенной печати, изящно напечатанные на лучшей веленовой бумагѣ, новыми, четкими и убористыми шрифтомъ. Ц. за два тома 5 руб.

РАЗСУЖДЕНИЕ О ТАИНСТВѢ КРЕЩЕНІЯ Профессора Тьерской Д. Семинарин, Священника Магистра Іоанна Рубцова. С. П. 1850. Ц. на лучшей веленовой бумагѣ 75 коп., съ перес. 1 р.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СЛОВА НА ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЯ ДНИ И НА РАЗНЫЯ СЛУЧАИ, говоренныя Московскаго Боголюбленскаго Монастыря Настоятелемъ, Архимандритомъ Митрофаномъ. 1850. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

УЧЕТЪ СПИРТОВЪ, издаваемый по порученію Министерства Финансовъ г. Гессомъ. 1850. Ц. 75 коп., съ перес. 1 руб.

ПОЛНЫЙ ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ, составленный по новѣйшимъ источникамъ и посвященный Его Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, В. Эртелемъ. Въ трехъ томахъ. 1500 стр. Ц. 4 руб.

ТЕОРІЯ И МИМИКА СТРАСТЕЙ. Соч. В. Классовскаго, съ литографированною картинкою. 1849. Ц. 75 коп.

НАУКА, ИЗЛАГАЮЩАЯ ПРАВИЛА РЕЦЕПТНАГО ИСКУССТВА для врачей, соч. докт. филос. Фр. Вильгельма Фогта публичнаго ординарнаго профессора Лудвигскаго университета въ Гиссенѣ. Перев. съ нѣмец. Д. Никольскій. Съ литографированною таблицею. Харьковъ. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 р

АМЕРИКАНСКАЯ, ВСЕОБЩАЯ, ЭКСЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЪЛНИЦА, въ видѣ ручной, вѣтряной, водяной, паровой, приводящейся и проч. и проч. Новѣйшее изобрѣтеніе для городскихъ и сельскихъ хозяевъ, свеклосахарныхъ, винокуренныхъ, пивоваренныхъ и кожевенныхъ заводчиковъ, красочныхъ, крахмальныхъ, табачныхъ, шоколатныхъ и прочихъ бригантовъ и вообще для всѣхъ имѣющихъ надобность въ употребленіи мельницъ для молотія всякаго рода хлѣба, жемчужныхъ костей, дубовой коры, угля, красильныхъ деревьевъ, гипса, мрамора, известняка, разныхъ красокъ въ сухомъ и мокромъ состояніи. Съ чертежами. 1850. Ц. 75 коп., съ перес. 1 руб.

ООРУЖЕНІЕ ВОЕННЫХЪ СУДОВЪ. Составилъ Капитанъ Френантъ К. Посъетъ. С. П. 1850. Съ атласомъ рисунковъ. 3 руб., въсов. за 5 фун.

ЗОТЕРАПІЯ или руководство къ леченію домашнихъ животныхъ, для ветеринаровъ и экономовъ В. Зейберлинга. 1850. 1 руб., въсов. за 1 фун.

СОЧИНЕНІЯ АНАСТАСІЯ, Архіепископа Астраханскаго (бывшаго Могилевскаго и Витебскаго). Съ портретомъ. С. П. 1850. 1 руб. 75 коп., съ перес. 2 руб. 50 коп.

АЛЬМАНАХЪ ПРЕДСКАЗАНІЙ съ предварительнымъ объясненіемъ искусства угадывать будущее. Ц. 50 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

ПОДРОБНАЯ ПОЧТОВАЯ КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ И АЗИАТИЧЕСКОЙ РОССІИ, съ показаніемъ желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою, шоссе, всѣхъ водяныхъ путей сообщенія мелкихъ трактовъ, большихъ и малыхъ почтовыхъ дорогъ съ назначеніемъ станцій и числа верстъ между оныхъ. Издательство, тщательно исправленное по 1-е января 1851, съ планами: 1-е С.-Петербурга съ окрестностями, какъ-то Кронштадтъ, Царскимъ-Селомъ, Петергофомъ, Ораніенбаумомъ; 2, Москвы съ окрестностями; 3, Варшавы; 4, Одессы; и 5, Кіева. На большихъ листахъ, превосходно гравированная и правильно раскрашенная по послѣднему раздѣленію. Ц. 3 руб., а наклеенная на коленкоръ и въ футлярѣ 4 руб.

ИСТОРІЯ ФИНАНСОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ РОССІИ, со времени основанія Государства до кончины Императрицы Екатерины II. Сочиненіе *Графа Дмитрія Толстаго*. Книга, посвященная Государю Императору и удостоенная Императорскою Ака-

жидко: Пауки (шпидер) Демидовской премия. Цена: 1 руб.
 бумага: 3 руб.; с перес.: 2 руб. 50 коп.

КРУШЕНИЕ КОРАБЛЯ НЕВЫ у берегов Ново-Архангелскаго порта, рассказ очевидца, А. Маркова: С. Н. 1883
 30 копейк. съ перес. 60 коп.

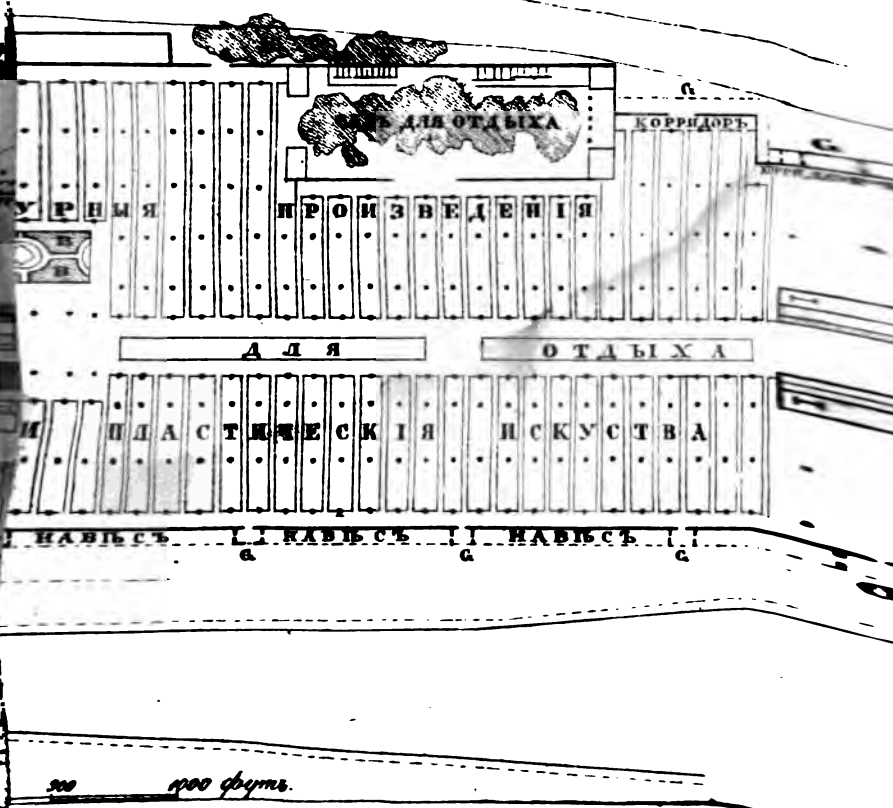
— Его ивогородныя благоволятъ адресоваться на всѣмъ какъ прежде издававшимъ, такъ и вновь выходящимъ замятныи проивведеніи русской литературы, по всѣмъ отрануау и ивазичной словесности, находящимися въ москвѣ заны, въ достаточномъ коллествѣ анземпировъ.

— Все требованія будутъ выполняемы безостановочно, съ кою, соразмѣрною достоинству и количеству требуемыхъ

— Гг. заиѣдающіе полковыми и другими библиотѣками и всымаи свои требованія съ частью причитающейся по суммы; остальное же высылать по мѣрѣ екопленія суммъ сколько не стѣснясы.

— Гг. ивогородныя, желающіе ивѣть книги въ переплетѣ, тать за каждую книгу: въ простомъ кожанномъ корешкѣ коп. сер.; въ савьянномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. и кати встрѣтятся форматомъ въ 4 д. листа или въ листѣ плата за переплетъ удваивается.

ЫН

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга десятая.

ОКТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРИЕВА.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 20-го октября 1850 года.

Ценсоръ *Н. Елаинъ.*

Редакторъ К. Масальскій.
Издатель К. Жерняковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕСЯТОЙ КНИГИ.

Октябрь	Стр. 35—36
-------------------	---------------

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Торжество на Куликовомъ полѣ. 8 сентября 1850 года. Соч. <i>И. Соколова</i>	1—12
--	------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія.	1—62
Извѣстія съ Кавказа.	63—68
Письмо съ Кавказа.	68—70
Иностранныя извѣстія.	71—132

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Блѣвѣжская пуца. Соч. <i>Е. Вердеревскаго</i>	1—8
Свѣтлый лучъ. Соч. <i>Я. Крылова</i>	8—9
Русская ѣзда. Соч. <i>В. Курочкина</i>	9—10
Незваное чувство. Повѣсть. Соч. <i>В. Курочкина</i>	1—38

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Эрнестъ Мальтраверсъ. Романъ <i>Э. Л. Бульвера</i> . (Переводъ съ англійскаго). Книжки VII, VII и IX.	1—140
---	-------

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Сельское хозяйство. О выставкѣ сельскихъ произведеній, учрежденной Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, въ С.-Петербургѣ. Статья первая. Соч. <i>Н. Матвѣевскаго</i>	1—30
Медицина. Болѣзнь соединительной оболочки глазъ (<i>Membana conjunctiva palpebrarum</i>), извѣстная подъ именемъ Египетскаго воспаления (<i>Ophthalmia Egyptiaca</i>)	31—40

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

82. Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. 6 томовъ. —83. Великій постъ или бесѣды на св. Четырдесятницу. Соч. Архіепископа <i>Инокентія</i> . —84. Элементарное ученіе о болѣзняхъ сочленій. <i>А. Нелатона</i> . Перев. съ франц. доктора <i>Я. Чистовича</i> . —85. Атласъ историческій, древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ, состав. <i>Тзелъкмейеромъ</i> . —86. Библіотека путешествій для маленькихъ читателей.	1—30
---	------

При лунномъ свѣтѣ, повѣсть *Евгенія Вестина*. — Австралія. Порт-Филиппъ. — Школы въ Америкѣ.

Новости ученаго міра. Перечень замѣчательнѣйшихъ современныхъ открытій и изобрѣтеній. — Важное усовершенствованіе въ выдѣлкѣ крахмала. — Новое приложеніе каучука или гумми-эластика. — Новѣйшій способъ очистки животныхъ и растительныхъ маселъ. — Водоподъемный кругъ.

Общеполозное. — *Домашній лечебникъ*: Отъ кроваваго поноса. — Отъ водяной болѣзни. — Отъ отека. — Отъ свѣжихъ ранъ, даже съ воспалениями. — *Хозяйство*: Что такое чистый доходъ въ хозяйствѣ? — О питательности кормовъ. — Тяжелое дѣло. — *Домоводство*: Провѣтриваніе комнатъ. — Способъ собирать сивокъ болѣе обыкновеннаго. — Средство сохранить лимоны свѣжими. — Какъ счищать съ сукна пятна отъ масляныхъ красокъ. — *Советы матерямъ*: Воспитаніе вообще. — Физическое воспитаніе. — Правственное и умственное воспитаніе. — Окончательное воспитаніе. — Благая дѣль.

Поездка въ провинціала въ столицу. Осень. — Гречи и Персіани. — Безденежные пріатели. — Художникъ Захаровъ. — Выставка по 1 руб. сер. — Коммерческій расчетъ. — Заемное письмо и честное слово. — Обязанности и ручательство. — Довѣть нуль. — Услуживый челоуѣкъ. — Самуилъ Самуиловичъ. — Сдѣлка.

Иностранная почта. — Воспоминанія о Бальзакѣ. — Письмо и книга. — Постройка дома. — Двустаницу забылъ! — Асфальтъ и анасы. — Милліонеръ безъ денегъ. — Ваза съ золотыми монетами. — Ноль и ельзевирское изданіе. — Тайнственное блюдо. — Разширьте! — Неограниченный кредитъ въ росчеркѣ. — Лондонъ. — Рекомендаціи. — Семейная и дѣловая жизнь. — Сити. — Еще милліоны безъ денегъ. — Завтракъ, полдникъ, обѣдъ. — Расположеніе дома. — Столовая. — Обѣдъ. — Тосты. — Безъ дагъ. — Троекратное ура.

Мысль и улыбка.

О модахъ вообще и модныхъ картинкахъ въ особенноти. 1—60

Домашній театръ. Капризъ. Пословица въ одномъ дѣйствіи. Соч. *Амбрета де-Мюста*. 1—38

Русскія книги.

Приложенія:

1. Чертежи четырехъ земледѣльческихъ орудій.
2. Парижская картинка ноль.
3. Объявленіе о подпискѣ на будущій годъ.

ОКТАБРЬ.

Октябрь десятый мѣсяцъ въ календарѣ древнихъ. Онъ соответствуетъ восьмому знаку зодіака, *скорпионъ*, въ который вступаетъ съ 21 на 22 число этого мѣсяца солнце; поэтому-то древніе и дали ему названіе *october—octō imbricius*, (восьмой мѣсяцъ дождей, подразумѣвая придаточное мѣсяцъ) и еще потому, что онъ считается восьмымъ мѣсяцемъ въ календарѣ Ромула, котораго годъ состоялъ только изъ десяти мѣсяцевъ. Октябрь считался десятимъ мѣсяцемъ въ календарѣ Нумы Помпilia, которымъ онъ считается и въ нашемъ календарѣ. Онъ имѣетъ 31 день. Восьмымъ дождевымъ мѣсяцемъ называется онъ не потому, чтобы за семь мѣсяцевъ до него начались дожди, но потому, что отъ сентябрьскаго равноденствія, котораго *этимологія* заимаетъ его мѣсто въ зодіакѣ, начинаются бури и непогода. 15 числа этого мѣсяца, предоставленнаго покровительству Марса, приносили въ Римѣ въ жертву этому богу лошадей, называемую *october*. Наконецъ у потомковъ Ромула—4, 12, 13, 15, 19, 28 и послѣдній день были посвящены народнымъ торжествамъ, потому-что мѣсяцъ этотъ подъ солнечнымъ небомъ былъ окончательнымъ мѣсяцемъ земныхъ работъ, собиранія винограда и лѣтнихъ удовольствій; поэтому-то древніе жидовницы представляли его въ видѣ *человѣка*, улыбающагося, увѣнчаннаго желтѣющимъ хитомъ, между листьями котораго видѣлись пурпурныя грозды. Латиняне посвятили ему день праздника, названный *pater Dionysius*, которымъ прозывался Бахусъ. Новѣйшіе Греки имѣютъ обычай танцовать въ этомъ мѣсяцѣ пляску, которую они зовутъ *валошскою*, которая подражаетъ тѣлодвиженіямъ виноградарей, топчущихъ подъ ногами виноградные плоды, соку которыхъ они почитаютъ обязанностію также безъ умѣ-

репности предаваться въ продолженіе почти цѣлыхъ сентября и октября. Древніе праздновали также въ этомъ мѣсяцѣ поминаеніе по своихъ родственницахъ, подъ именемъ Eleuthé-ries. Въ нашемъ климатѣ мѣсяць этотъ считается самымъ печальнымъ мѣсяцемъ отцвѣтанія. Полевая работы давно прекратились, земледѣльцы сидятъ дома и занимаются кто чѣмъ находить выгоднѣе; начинаются *посидѣлки*, и русская дѣва:

Прядетъ, и зимнихъ другъ ночей —
Горитъ лучина передъ ней! —

а городскія женщины и дѣвушки чаще смотрятъ на журналь-ныя картинки, на зеркало, и готовятъ, какъ свои черты, такъ и свои наряды, чтобы лучше блеснуть на предстоящихъ балахъ, раутахъ, въ оперѣ и другихъ зимнихъ удовольствіяхъ, которыя прекратили торжествующія ихъ пріятельницы, весна, лѣто и зелень деревъ съ благораствореннымъ загороднымъ воздухомъ. Блѣдныя щечки дѣлаются поневолѣ розовѣе, русскія дѣвы цвѣтутъ на морозѣ, и становятся прекраснѣе, не отъ чего другаго, какъ отъ того чудища, которое описалъ Державинъ:

Съ бѣлыми Борей власами
И сѣдою бородою,
Потряса облаками,
Небеса сжималъ рукою.

Хотя въ этихъ словахъ и мало смысла, но за неимѣніемъ лучшаго поэтическаго опредѣленія зимы, мы понево-лѣ должны оставить за ними первенство по праву давности.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ТОРЖЕСТВО НА КУЛИКОВОМЪ ПОЛѢ.

8 СЕНТЯБРЯ 1850 ГОДА.

Судьбы народовъ—судьбы Божіи. Ими зиждется царства,
прославляются народы, ими возникла, просвѣтилась и
славилась Русь.

Русь быстро росла и возвышалась, когда было въ ней
неподержавіе, когда ею управляли Вѣщіе Олеги, Святые
и Храбрые Святославы, Равноапостольные Владиміры,
и князья Ярославъ. Предѣлы ея расширились все болѣе и
еще; повсемѣстно возникали города и веси, торговля и про-
мышленность—и силы ея были грозой сосѣдей, и ладьи ея
въ водахъ Босфора приводили въ трепеть Императоровъ
въ Града.

Но когда рушилось единовластіе, когда никто не хотѣлъ слушать старшаго, ни покоряться ему, ни признавать власти его,—тогда бѣдствія посѣтили Русскую землю: возникли распри, споры и междоусобныя брани между князьями; братъ возставалъ на брата, племянникъ на дядю, сынъ на отца, и Русь обогрилась собственною своею кровью. Потомъ, какъ-бы въ наказаніе за все это, вдругъ со стороны Востока, изъ глубины дикихъ степей Азіи, выходитъ народъ *неплохой*. Духъ его: варварна жестокію и нечестіемъ, на челѣ его лежитъ печать дикости и звѣрства; силы его безчисленны,—и за нимъ слѣдуетъ ужасъ смерти и опустошенія. Подобно бурнымъ волнамъ моря, онъ разливается по всему пространству Руси Православной, истребляетъ и рушитъ все, попадающее ему на встрѣчу, грабитъ цвѣтущіе города, опустошаетъ плодоносныя пажити, убиваетъ *бесильныхъ, доложитъ, робкихъ*, и знаменуетъ путь свой неописанными злодѣйствами. Противостать смутитъ силъ, и цѣлыя поколѣнія исчезаютъ предъ свирѣпыи Монголомъ, и русскіе города пылаютъ, и русская кровь льется ручьями....

Долго страдала Русь подъ тяжкимъ игомъ татарскимъ владычествія; долго управляли ею свирѣпые Огтаи, Батыи, Сартаки, Узбеки, Чапибекы. Русь стонала, угождала своимъ властителямъ и алчнымъ баскакамъ; тебѣ бѣдствія, но страшилась даже мысли возстать противъ враговъ своихъ, столь всесильныхъ и страшныхъ. Такъ протекло полтора вѣка времени, тяжкаго, горькаго времени.

Но вотъ на престолѣ Великаго Княжества Московскаго сначала какъ данинскъ хаускій, является Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ, мужъ добрый, разумный и храбрый. Онъ почти первый изъ Князей Русскихъ смѣетъ отгнать противиться Монголамъ; онъ не хочетъ платить имъ дань, дерзаетъ возстать противъ нихъ и на берегахъ рѣки Волги истребляетъ тысячи злодѣевъ, посланныхъ на Русь грабительства и опустошенія.

Тогда съ береговъ Ахтубы, изъ кочевыхъ улусовъ, поднимается вся грозная Орда татарская, предводимая Мамаемъ, я подобно страшному чудовищу, разметавъ свои ошибки на огромное пространство, идетъ на Русь, двигаясь медленно и веся съ собою огнь и мечъ, ужасы рабства и всеобщаго истребленія. Князь Дмитрій Иоанновичъ видитъ это, призываетъ на помощь Бога и Пресвятую Богородицу, взываетъ въ Русь, указываетъ на грозную тучу враговъ, и зоветъ всѣхъ вѣрныхъ на битву. Русь отзывается на призывъ Великаго Князя и съѣбно ополчается на брань; со всѣхъ сторонъ ея съѣзжаютъ князья Серпуховскіе, Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Брянскіе; поднимаются дружины съ боярами и воеводами изъ Владиміра, Суздаля, Переяслава, Костромы, Углича, Боровска; являются Владиміры Храбрые, Дмитрія Воинскіе, литовскіе князья Ольгердовичи—и тысячи и тмы кажутся подъ знамена великокняжескія. Знаменитый и вѣрный Игуменъ Сергіи Радонезскій напутствуетъ Великаго Князя на брань своими молитвами; Коломенскій Епископъ яростно благословляетъ его на битву Святою Иконою Богородицы. Вся Русь приходитъ въ движеніе, и вѣрные сыны ея, числомъ до 200,000, облекшись въ одежды брани, преклонивъ мечъ, съ молитвами къ Богу и Пресвятой Богородицѣ, съ местию въ душѣ, съ одною мыслию—побѣдить или умереть, выступаютъ на встрѣчу Татарамъ.

И вотъ тамъ, близъ водъ Дона и Непрядвы, на славномъ мѣстѣ Куликовомъ, Русь Православная сходится съ нечестивою Ордою. Завиваетъ страшная битва, рѣдкая по своимъ качествамъ на страницахъ исторіи. Съ одной стороны превосходное число, самонадѣянность и страсть къ грабежу и захватамъ поощряютъ Татаръ къ битвѣ; съ другой—православная вѣра и святая родина, месть къ врагамъ за столько лѣтъ страданій и желаніе—сбросить съ себя тяжкія оковы рабства—заставляютъ Русскихъ искать смерти или пощаденья. Обѣ стороны яростно кидаются въ битву и съ ожесточеніемъ въ сердцахъ поражаютъ другъ друга. Тамъ, отъ

сильныхъ ударовъ ломаются копья и раздаются бранные крики отчаянія; тамъ свистятъ мечи и сабли, и слышатся послѣдніе стоны умирающихъ. Въ одномъ мѣстѣ ломаютъ Татары и берутъ верхъ многочисленностію силы; въ другомъ съ молитвами къ Пресвятой Богородицѣ кидаются русскіи дружины, и обращаютъ въ бѣгство Монголовъ. Послѣдъ раздается стукъ щитовъ и сѣкиръ, стоны раненыхъ и ржаніе коней. Смерть пожираетъ безчисленныя жертвы, и покрывается кровью, воздухъ реветъ, земля стонетъ и чувство ужаса объемлетъ Куликово-Поле, сливая всѣ гостящія на немъ звуки въ одинъ какой-то гулъ, страшный предвѣстникъ землетрясенія и разрушенія свѣта.

Болѣе трехъ часовъ, начиная съ полудня, кипѣла битва съ равнымъ ожесточеніемъ,—и была не рѣшительною, и Милосердый Богъ и Мать Пресвятая Богородица, иже которой была на Куликовомъ-Полѣ съ ратующими русскими дружинами, помогли Великому Князю Дмитрію Іоанновичу и воинству русскому. Въ самую страшную минуту сомнѣнія и нерѣшительности, когда Русскіе дѣлали послѣднія усилія, кидались въ битву съ отчаяніемъ, когда сердце ихъ сильнѣе билось и замирало отъ страха, вдругъ изъ за дубравы, лежавшей въ сторонѣ отъ битвы, раздаются побѣдные звуки трубъ, сливаясь съ кликами воиновъ. Черезъ минуту князь Волинскій съ Владиміромъ Храбрымъ, бывшіе до сего времени въ засадѣ, подобно мощнымъ орламъ летятъ къ битвѣ, налетаютъ на силы вражскія, *давятъ и бьютъ, колятъ, рубятъ....* Этотъ ударъ былъ внезапенъ и силенъ. Татары дрогнули, сбѣжались, и съ воплемъ отчаянія обратились въ бѣгство. Тогда ужасъ смерти послѣдовалъ за ними: засадный полкъ, преслѣдуя бѣгущихъ въ пространство 50 верстъ, поражалъ ихъ, билъ, топталъ опрокидывалъ, и все это пространство устлалъ несметнымъ числомъ татарскихъ тѣлъ на пищу вранамъ и дикимъ зверямъ....

Такъ кончилась знаменитая битва Куликовская. Но вотъ уже протекаетъ пятый вѣкъ съ того времени, когда полмиліона людей дралось на Куликовомъ-Поля, утучная земля ея, кровью. Давно уже умолкнулъ звукъ оружія, давно и вѣтъ не раздастся стукъ сѣкиръ и сабель, и герои его, глумившіе славу свою столь знаменитыми подвигами, давно не витаютъ въ селеніяхъ вѣчности, но краснорѣчивыя страсти исторіи живутъ и передаютъ намъ о дѣлахъ нашихъ предковъ,—и вотъ благодарное потомство, съ гордостію иная имъ и желая увѣковѣчить ихъ въ устахъ народа, вышло благою мысль соорудить памятникъ Великому Князю Дмитрію Іоанновичу Донскому и поставить его на Куликовомъ-Поля. Когда испрошено было на это Высочайшее разрѣшеніе, и собрана была сумма, добровольно пожертвованная лицами, любящими отечество, давно желаемый памятникъ поставленъ, въ прошломъ 1849 году, на красномъ холмѣ Куликова-Поля, и днемъ открытія его Государю Императору благоугодно было назначить 8 сентября сего 1850 года, въ день Куликовской битвы.

Столь радостная вѣсть для Тульской губерніи, всегда горевшей, что судьба помѣстила Куликово-Поле въ ея пределахъ, быстро разнеслась между жителями губерніи, и въ означенный день 8 сентября, съ ранняго утра народъ со всѣхъ сторонъ стремился къ Куликову-Полю, означенному битвою, всѣмъ и каждому извѣстному подъ именемъ Бнаева-побойща. Тамъ спѣшили пѣшеходы—крестьяне съ посохами въ рукахъ, и сельскія женщины, одѣтыя въ праздничное платье; тамъ ѣхали крестьяне на телегахъ, сидѣвшіе цѣлыми семьями; въ свою очередь ихъ догоняли перегоняли кареты, коляски, телѣжки и дрожки всѣхъ фактуръ. Въ 9 часовъ утра, г. Управляющій Тульской губерніей, Камергеръ Двора Е. И. В., Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ В. А. Казадаевъ, г. Губернскій Предводитель Дворянства, Статскій Совѣтникъ В. А. Норовъ, гг. Уездные Предводители Дворянства всей губерніи, прочія началь-

ствующія лица, дворяне и множество народа, уже были въ селѣ Рождественъ—Монастырщинѣ, лежащемъ въ 6 верстахъ отъ куликовскаго памятника и въ 19 отъ города Енисава. Здѣсь также неожиданно почтилъ своимъ присутствіемъ Его Высокопревосходительство, господинъ Сенаторъ Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ, одинъ изъ владѣльцевъ Куликова-Поля. Въ церкви села Рождествена — Монастаршины Пресвященнѣйшій Дамаскинъ, Епископъ Тульскій и Бѣльскій съ знатнѣйшимъ духовенствомъ Тульской Епархіи, въ присутствіи всѣхъ сказанныхъ лицъ, совершилъ божественную литургію, по окончаніи которой выступилъ крестный ходъ, направляясь къ мѣсту памятника, съ иконами, хоругвями и священнымъ пѣснопѣніемъ, сопровождаемый многими иже жествомъ народа. Возлѣ памятника было устроено особое мѣсто для священнослуженія, красиво украшенное и накрытое цвѣтною матерією. Когда пришелъ сюда крестный ходъ, тутъ отслужено было благодарственное Господу молитвеніе. Въ этомъ торжественномъ богослуженіи въ особенности высоко-умилительно было зрѣлище, когда по глаголю протодіакона, эти тысячи народа, различныхъ состояній званій, съединившись на большомъ пространствѣ Куликова-Поля, преклонили колѣни предъ Творцомъ Вездѣсущимъ, благоговѣнно молясь за Царя и православное отечество. Яркіе лучи солнца, освѣщая всю эту картину и горя огнемъ на иконахъ и одеждахъ священнослужителей, придавали ей особенную торжественность, а небольшой вѣтеръ, развѣсивъ церковныя хоругви и шелестя ими, напоминалъ амаде Великаго Князя Дмитрія Іоанновича Донскаго, развѣвавшія на полѣ брани въ день Куликовской битвы. По окончаніи молитвенія было возглаголено многогласіе Государю Императору и всему Августѣйшему Дому, а памятнику обромы святою водою. Причемъ Пресвященнѣйшій Архидіаконъ напѣлъ низаго приличное слово высокой торжеству славы отличавшееся краснорѣчіемъ и выраженіемъ мысли, къ Милосердый Богъ избавилъ насъ отъ униженія, при

варварами и губителями нашими Татарами, и долго времени виспосылаетъ счастье, миръ и благоденствіе надъ Русью подъ благодѣтельной державою Великаго Государя нашего Императора Николая Павловича. По окончаніи этого слова, которое произвелъ не малое впечатлѣніе на души слушателей, была совершена панихида по героямъ Дмитрію Іоанновичу Донскому, благовѣрнымъ князьямъ, боярамъ и воинамъ усвоившимъ братьямъ, положившимъ животъ свой за віру и отечество на Куликовомъ-Поле, и торжественно возглаголанъ вѣчная память.

За тѣмъ дворянство Тульской губерніи угостило всѣхъ присутствовавшихъ при богослуженіи, въ особо устроенныхъ вблизи памятника палаткахъ, роскошнымъ обѣдомъ, при которомъ были провозглашены тосты за здравіе Государя Императора и всей Августѣйшей Императорской Фамиліи; въ нѣкоторомъ же отдаленіи отъ палатокъ угощеніе былъ и весь православный народъ, собравшійся на Куликовомъ-Поле, для котораго были приготовлены горы пироговъ и бочки *воды веселія*. Этимъ чисто-русскимъ народнымъ угощеніемъ нѣкоторымъ образомъ воссоздались давно-минувшія времена древности, когда, при особенныхъ радостяхъ и торжествахъ, выкатывались изъ погребовъ для народа бочки *медовъ искромѣтныхъ*. Долго, долго народныя толпы, потомки куликовскихъ героевъ, поминая своихъ предковъ, разгуливали по Куликову Полю, велегласно ликуя, справляли тризну на ихъ могилахъ. Издали, прислушавшая къ ихъ веселію, можно было подумать, что на Куликовомъ-Поле, по выраженію летописи, — *аки торги снижаются, аки гради зиждутся, аки орлы клекочатъ*.

* Куликово Поле, отрывокъ изъ Историческаго обозрѣнія Тульской губерніи И. Ф. Атремова. Стр. 48 примѣч. 390. Съ этой книги почтеннаго издателя нашей губерніи, извѣстный у насъ артистъ живописи, тульскій пейзажистъ А. П. Мясоедовъ, написалъ картину Мамаева побѣща. Изъ

Такъ совершилось празднество открытія памятника Мѣховскому Великому Князю Дмитрію Іоанновичу Донскому, первоначальному русской славы и главному герою Куликовской битвы, той славной битвы, которая и теперь еще живетъ въ устахъ русскаго народа, въ которой Русскіе, купивъ каждый шагъ земли своею кровію, впервые узнали всю сладость побѣды надъ врагами, столь долгое время тяжимъ ярмомъ тяготѣвшими надъ Русью. Но напрасно любопытный путникъ, съ задумчивостію обводя взоромъ Куликово Поле, станетъ искать какихъ-либо слѣдовъ Куликовской битвы. Всѣ слѣды давно погребены въ землѣ, а на мѣстѣ битвы теперь царствуетъ глубокая тишина, разстилаются ковры полей, желтѣютъ снятыя пажити, и воды Дона и Непрядвы, одни свидѣтели битвы, обычно текутъ въ берегахъ своихъ. Только памятникъ, воздвигнутый на красномъ холмѣ Куликова Поля, на томъ холмѣ, съ высоты котораго Мамай смотрѣлъ на битву, гордо гласитъ потомству объ этой битвѣ. Онъ весь отлитъ изъ чугуна (вѣсомъ въ 52000 пуд.) на С. Петербургскомъ заводѣ г. Берда, по рисунку знаменитаго архитектора Брюллова. Огромная, четырех-угольная база его, длиною съ каждой стороны по 18 аршинъ, имѣетъ три ступени со скатомъ и украшается 12 тумбами. На этомъ основаніи поставлена высокая, стройная колонна, имѣющая форму знаменитой колокольни Ивана Великаго въ Москвѣ, и представляющая собою какъ бы пять этажей. Первый призматическій этажъ украшенъ арматурою воинскихъ доспѣховъ, изъ которыхъ въ особенности прекрасно выдаются по плечамъ изъ нишей, наши древніе шлемы, а между нихъ помѣщены копьа, повитыя лаврами подъ опрокинутой луною. Слѣдующіе три этажа состоятъ изъ сплошныхъ ко-

благородной любви къ высокому искусству и родицѣ, онъ едва ли не первый счастливо олицетворилъ кистью это знаменитое событіе и тѣмъ проложилъ дорогу будущимъ художникамъ на поприщѣ картиннаго изображенія Куликовской битвы.

юды коринфскаго ордена, съ капителями, украшенными мавтовыми листьями и волютами; пятый этажъ украшенъ арабскими и сплошными акантовыми листьями. Все это покрывается огромною, ярко позлащенной луною, фигурою шаваса; и наконецъ сквозной золотой крестъ, подпирающій полу, вѣнчаетъ куликовскую колонну. Съ одной стороны и, обращенной къ Москвѣ, помѣщена слѣдующая надпись златыми буквами: «Побѣдителю Татаръ, Великому Князю Дмитрію Іоанновичу Донскому признательное потомство. Дѣла въ Рождества Христова 1848.» Сверху этой надписи блещетъ позолоченный образъ Богоматери, а подъ нею изображена опрокинутая луна. На фризѣ же втораго колоннадаго этажа памятника, кругомъ его, начертана слѣдующая надпись тоже златыми буквами: «Богъ намъ прибѣжище и ма, помощникъ въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло. Сего дна не убояся*. Господь силъ съ нами.» Весь памятникъ, въ основаніемъ и крестомъ, имѣетъ вышины 48 аршинъ. Выражая собою элементъ византійско-русскій, онъ представляетъ такую соразмѣрность въ частяхъ, отдѣлку въ частности и гармонію въ цѣломъ, что можетъ считаться въ менѣ родъ великимъ и счастливымъ воспроизведеніемъ архитектурнаго искусства, и будучи вполне достоинъ того знаменитаго событія, которому служить представителемъ грядущему потомству, невольно пробуждаетъ умилительныя и благоговѣныя чувства въ каждомъ русскомъ сердцѣ, любящемъ свое отечество. Къ тому же рѣдко гдѣ можно найти такой прекраснѣйшій, пространнѣйшій холмъ, на которомъ воздвигнутъ памятникъ. По его соразмѣрности, круглостѣ и равнѣности формъ можно подумать, что въ изящномъ соотнѣніи холма вмѣстѣ съ природою участвовала и искусная рука челоуѣка.* Далекіе виды съ холма прекрасны, и самъ холмъ, увѣнчанный памятникомъ, далеко рисуется въ глазахъ

* Сорокъ пятый псаломъ, читанный Дмитріемъ Донскимъ предъ Куликовскою битвою.

путника, блистая въ синевѣ неба главою и крестомъ колонны, напоминающей всѣмъ и каждому о подвигахъ героевъ предковъ нашихъ въ кровавой Куликовской битвѣ, уничтожившей страшныя силы Татаръ, предводимыхъ Мамаемъ.

Конечно, Куликовская битва не избавила насъ вовсе отъ ига Татарскаго—и послѣ битвы снова являлись въ землѣ Русской Тахтамыш и Тамерланы, снова платили мы дань Ахматамъ и Гаджи-Гиреямъ; но таковы пути Божіи! Русь Провидѣнія вела Русь Святую сквозь бѣдствія и испытанія къ величію и славѣ. Свергнувъ съ себя иго татарское, Русь мало-по-малу возстановляетъ единодержавіе, этотъ квадратный камень благоденствія народовъ, незыблемый источникъ счастія и силы,—и тогда уже снова возникаютъ въ нѣдрахъ ея красивые города и селы; оживаютъ торговля и промышленность, развиваются силы и усиліи образованности. Для борьбы съ окрестными народами, для предначинаннаго расширенія ея граней и ея прославленія, ей нужны доблестные монархи... Провидѣніе испосылаетъ ихъ и Великіе Самодержцы являются на Русскомъ Престолѣ: Юаннь III свергаетъ съ Руси иго татарское и возстановляютъ единовластіе; Алексѣй издаетъ уложеніе и присоединяетъ къ Руси — древнее достояніе ея — Малороссію; Великій Петръ озаряетъ Русь просвѣщеніемъ, силою воли двигаетъ ея въ Европу, образовываетъ войска и флоты, — и грома побѣдъ ихъ раздаются на водахъ Балтики и подъ Полтавою; Великая Екатерина возвращаетъ отторженные нѣкогда русскія земли, побѣдоносною славою наполняетъ Турцію и возводитъ Русь на первую степень государствъ міра; Благословенный Александръ ополчаетъ Русь на брань, за ея свободу и независимость, съ цѣлою Европою, предводимую страшнымъ Наполеономъ; съ молитвами къ Богу ведетъ Русь противъ враговъ, встрѣчаетъ ихъ на поляхъ Бородинскихъ, Тарутинскихъ, Березинскихъ—и полки враговъ разметаны, и земля русская стала имъ могилою; съ народовъ сняты цѣпи раб-

сѣла; Евровѣ дарованна свобода и миру—данъ миръ, и миръ
 вѣщаетъ Александра безсмертною славою войны и до
 бродителю. Подѣ Богохранимою Державою Великаго Россіи
 для нашего Императора Николая Павловича, тѣже победы
 побѣды знамена, развѣваясь на высотахъ Араратскихъ и
 Балканскихъ; на стѣнахъ Ерзерума, Варшавы и на поляхъ
 Венгерскихъ; вѣщаютъ лаврами скипетръ Русскаго Само-
 держца. И теперъ Русь Святая, хранимая Провидимомъ)
 вкушаетъ всѣ дары счастья и благоденствія: поля ея бли-
 стаютъ пажитами, торговля и промышленность кипятъ бо-
 гатствами, города украшаются и цвѣтутъ благосостояніемъ,
 науки и художества развиваются.... Ведѣ работаютъ умы
 и руки, кипитъ дѣятельность, царствуетъ тишина и миръ,
 и жители, благословляя судьбу своего Монарха и его
 Августѣйшаго Дома, наслаждаются всѣми источниками на-
 роднаго благоденствія. А между-тѣмъ раскидываясь на че-
 тырех-стахъ тысячъ миль и занимая собою шестую часть
 всего свѣта, она представляетъ сильное, громадное царство
 въ мирѣ, рѣдкое явленіе на страницахъ исторіи. Ей доступ-
 ны всѣ моря и земли свѣта, отъ восхода солнца до запада,
 отъ странъ жаркихъ до льдовъ сѣвера. Побѣдоносные фло-
 ты ея развѣваютъ русскіе флаги по водамъ всѣхъ морей и
 океановъ міра—и воинственнымъ сынамъ ея—нѣсть числа.
 Они мужествомъ—льванъ подобны; закалены въ храбрости
 какъ мечъ булатный; тверды въ вѣрности—какъ льды на
 сѣверѣ. Лишь взглянетъ Русскій Самодержецъ—и полсвѣта
 двигается, и русскіе орлы летятъ, и громы гремятъ, и вра-
 говъ объемлетъ трепеть. Лишь взглянетъ онъ—и все опять
 спокойно. Побѣдные громы сыновъ ея раздавались отъ
 скалъ Швеціи до Арарата, отъ стѣнъ Китая до Парижа,
 отъ водъ Балтики до Моря Средиземнаго, и цѣлый миръ по-
 ловъ ихъ воинственною славою. Такова Русь Православная!
 По волѣ судьбы Божіихъ, теперъ она стоитъ огромнымъ,
 страшнымъ исполномъ на рубежѣ вселенной, въ главѣ
 царствъ міра, мощная, грозная, полная правды и свѣжести

силъ; обводитъ взглядомъ міръ, вперяетъ взоръ свой на Европу, видитъ въ ней волненія Запада,—и подавая руку помощи несчастнымъ, старается уротить ихъ, видитъ враждующихъ царей—и миритъ ихъ; видитъ угнѣтаемыхъ слабыхъ—и служитъ имъ опорою; видитъ неправду сильныхъ—и обличаетъ ихъ правдою—и лучи неувядаемой славы ея озаряютъ Вселенную, и дѣла ея вышутся златыми буквами на скрижаляхъ исторіи!

Н. СОКОЛОВЪ.

15 сентября 1850.

Тула.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ С.-Петербурга, 7-го сентября, въ часъ съ половиною по-полудни, по желѣзной дорогѣ до станціи Чудово, откуда Его Императорское Величество отправился далѣе по шоссе; изъ Вышняго Волочка, Государь Императоръ равномерно изволилъ ѣхать по желѣзной дорогѣ до деревни Кольцовой, за городомъ Тверью, а потомъ Его Величество продолжалъ путь по шоссе, и прибылъ въ Москву 8-го сентября, въ десять часовъ по-полудни, въ вождѣленномъ здравіи.

Государь Императоръ, въ пребываніе Свое въ Москвѣ, послѣ выхода, 9 числа, въ одиннадцать часовъ утра, въ Успенскій Соборъ, изволилъ дѣлать смотръ 2-му Учебному Караванному полку, кониъ Его Величество остался вполне довольнымъ.

Р Ъ Ч Ъ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРИЮ ИМПЕРАТОРУ
НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ,

ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

въ Успенскій Соборъ,

Сентября 9-го дня 1850 года,

ГОВОРИЩАЯ СУПОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ,

Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ.

Благочестивѣйшій Государь!

Чрезъ недолгое время послѣ предшествовавшаго Твоего вѣщенія, вновь срѣтая Тебя, Твой древнепрестольный градъ не можетъ не помыслить съ утѣшеніемъ, какъ много, въ краткое время, свидѣли чистаго, видѣли Ты въ книгу Твоей жизни и Твоего царствованія.

Великодушно и могущественно поддерживавъ потрясенный престолъ Твоего Союзника, чрезъ сіе самое Ты поддержалъ многіе престолы, законность, порядокъ, уваженіе къ вѣрѣ и правдѣ, словомъ, все, чѣмъ тверды царства, чѣмъ благодѣствуютъ народы: ибо противу всего того возстали враги, Тобою низложенные.

Чѣмъ истиннѣе едѣсь знаменіа, что Промыслие избрало Тебя охранительнымъ и благотворнымъ орудіемъ, не только для Россіи, но и для другихъ странъ образованнаго міра, угрожаемаго въ своей образованности, тѣмъ съ большимъ дерзноведіемъ и надеждою мы молимъ Бога, да продлитъ и умножитъ свои благословенія на Тебѣ, и на Твоемъ Державномъ Домѣ, и на Твоей Россіи.

По окончаніи смотра, Его Императорское Величество благоволилъ повѣстити Малолѣтнее Отдѣленіе Кадетскаго Корпуса, 1-го и 2-го Кадетскаго Корпуса, въ вновь-срѣщенный градъ Христіи-Спасителя.

10-го сентября, въ часъ по-полудни, Государь Императоръ изволилъ произвестъ смотръ 1-му Московскому Кадетскому

Корпусу, 2-й Бригады 16-й Пѣхотной Дивизіи, 1-й Бригады 17-й Дивизіи, 6-му Стрѣлковому Батальйону и Баттарейной № 3-го Баттарей 17-й Полевой Артиллерійской Бригады. Войска сіи найдены Его Величествомъ въ отличномъ и превосходномъ порядкѣ.

11-го сентября, Государь Императоръ, посѣтивъ Московскій Воспитательный Домъ и Константиновскій Можевой Институтъ, изволилъ выѣхать изъ Москвы въ 12¹/₂ часовъ по-полуудни, по тракту на г. Тулу, куда и прибылъ того же числа, въ 12 часовъ ночи.

12-го сентября, Его Императорское Величество, по отслушаніи въ соборѣ краткаго молебствія, удостоилъ посѣщеніемъ Тульскій Александровскій Кадетскій Корпусъ, и нашелъ оный въ отличномъ во всѣхъ частяхъ устройствѣ и превосходномъ порядкѣ; потомъ осматривалъ Тульскій Оружейный Заводъ, найденный Его Величествомъ въ порядкѣ и устройствѣ. — После сего, Государь Императоръ благоволилъ осмотрѣть Тульскій Внутренній Гарнизонный Батальйонъ.

Въ 12¹/₂ часовъ по-полуудни, Его Императорское Величество изволилъ выѣхать изъ Тулы по тракту на Орель, куда и прибылъ того же 12-го сентября, въ 11 часовъ вечера, въ вождѣльномъ здравіи.

13-го сентября, Государь Императоръ, по отслушаніи въ Соборѣ краткаго молебствія, удостоилъ посѣщеніемъ Орловскій-Багтина Кадетскій Корпусъ, и нашелъ оный въ отличномъ порядкѣ и устройствѣ.

Послѣ сего, Его Величество изволилъ произвести смотръ войскамъ 2-й Бригады 18-й Пѣхотной Дивизіи, Орловскому-Багтина Кадетскому Корпусу и Орловскому Внутреннему Гарнизонному Батальйону. По окончаніи смотра произведено было особо Кадетскому Корпусу батальйонное ученье, съ распыленіемъ строемъ.

Его Императорское Величество изволилъ остаться вполне довольнымъ состояніемъ всѣхъ сихъ войскъ.

Того же числа, въ 12¹/₂ часовъ по-полуудни, Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Орла, по тракту на гор. Чугуевъ, куда и прибылъ 14-го сентября, въ 7 часовъ по-полуудни, въ вождѣльномъ здравіи.

15-го сентября, въ 11 часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ произвести, на Малиновскомъ-полѣ, близъ гор. Чугуева, смотръ войскамъ 1-го Резервнаго Кавалерійскаго

Корпуса и 6-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, съ ихъ Артиллерією, и нашелъ войска сіи въ превосходномъ порядкѣ, отличнѣйшемъ, во всѣхъ отношеніяхъ, устройствѣ и въ самомъ блистательномъ видѣ.

16-го сентября, въ 10¹/₂ часовъ утра, Его Императорское Величество, производя тѣмъ же войскамъ, съ ихъ артиллерією, линейное ученье, изволилъ остаться совершенно довольнымъ превосходнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніемъ Кавалеріи.

17-го сентября, въ 10 часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ присутствовать при церковномъ парадѣ, произведенномъ на Дворцовой-площади отъ полковъ первыхъ бригадъ Кирасирской и Уланской Дивизій. Послѣ сего, Его Величество, по отслушаніи обѣдни въ Чугуевской Соборной Церкви, присутствовалъ на практической стрѣльбѣ всѣхъ конно-артиллерійскихъ батарей. Тутъ же представлены были Его Императорскому Величеству люди отъ Кавалерійскихъ полковъ, обученные артиллерійской службѣ.

Въ три часа по-полудни, Государь Императоръ изволилъ произвести ученье Кантонистеткой Артиллерійской Баттарей. За сими Его Величество осматривалъ юнкеровъ 1-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, 6-й Легкой Кавалерійской Дивизіи и Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Принца Виртембергскаго полка. По окончаніи сего, Его Величество осматрѣлъ нижнихъ чиновъ, выбранныхъ на укомплектованіе Гвардейской Кавалеріи; взводъ жандармовъ, при Корпусѣ состоящихъ, и кадры драгунскихъ полковъ, квартирующихъ въ городѣ Чугуевѣ.

18-го числа, въ 11 часовъ утра, Его Императорское Величество изволилъ произвести маневръ войскамъ 1-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, 6-й Легкой Кавалерійской Дивизіи съ ихъ артиллерією, и остался оными вполне довольнымъ.

По окончаніи маневровъ, Государь Императоръ, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, выѣхавъ изъ города Чугуева изволилъ прибыть въ городъ Харьковъ, въ шестомъ часу по-полудни того же 18-го числа, а Ихъ Императорскія Высочества, не останавливаясь въ Харьковѣ, отправились въ дальнѣйшій путь.

Государь Императоръ, въ бытность въ Харьковѣ, 19-го сентября, по отслушаніи въ Соборѣ краткаго молебствія, изволилъ посѣтить Институтъ Благородныхъ дѣвицъ; потомъ осма-

тривалъ Внутренній Гарнизонный Батальионъ, и посѣтилъ Университетъ, 1-ю и 2-ю Гимназіи и частный пансіонъ Г-жи Ларешъ.

Въ двѣнадцать часовъ дня, Его Императорское Величество изволилъ выѣхать пзъ Харькова, и отправился въ городъ Полтаву, куда и прибылъ (въ вождѣльномъ здравіи) того же числа 19-го сентября, въ девять съ половиною часовъ вечера.

Въ Полтавѣ, 20-го сентября, Его Императорское Величество, по отслушаніи въ Соборѣ краткаго молебствія, изволилъ посѣтить Институтъ Благородныхъ Дѣвщъ; потомъ осмотрѣлъ на плацѣ въ строю Петровскій-Полтавскій Кадетскій Корпусъ, и нашелъ оный въ отличномъ состояніи. За симъ Его Величество, осмотрѣвъ Внутренній Гарнизонный Батальионъ, изволилъ выѣхать пзъ Полтавы того же числа, въ часъ съ половиною по-полудни, по тракту на городъ Кіевъ, куда и прибылъ 21-го сентября, въ три часа по-полудни, въ вождѣльномъ здравіи.

Его Императорское Величество прибылъ прямо въ Кіевско-Печерскую Лавру, гдѣ и былъ встрѣченъ Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ Филаретомъ, съ духовенствомъ, со Крестомъ и святою водою, и, по выслушаніи краткаго привѣтствія Митрополита, изволилъ отправиться въ Большую Церковь, гдѣ прикладывался къ св. иконамъ и мощамъ, и слушалъ краткое молебствіе. При выходѣ изъ Лавры, Государь Императоръ, осмотрѣвъ Арсеналь, отправился въ приготовленный для Его Величества домъ.

— Ея Величество Государыня Императрица, въ сопровоженіи Ея Королевскаго Высочества, супруги Принца Фридриха Нидерландскаго, и Августѣйшей дщери Ея, Принцессы Маріи, изволила прибыть изъ Санктпетербурга въ Варшаву 15-го (27-го) сентября, въ половинѣ шестаго часа по-полудни, и встрѣчена была радостными восклицаніями собравшагося народа. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. Въ воскресенье, 17-го (29-го) сентября, Ея Величество слушала Божественную Литургію въ Церкви Св. Александра Невскаго, въ Лазенковскомъ дворцѣ. Въ третьемъ часу, Государыня Императрица изволила прогуливаться въ каретѣ по парку. Вечеромъ Ея Величество и Принцесса Нидерландская удостоили посѣщеніемъ представленіе оперы Линда и балета на Лазенковскомъ театрѣ.

— 18-го (30-го) сентября, прибыли въ Варшаву Ихъ Императорскія Высочества, Принцъ Пётръ Ольденбургскій и Прincesса, супруга его, съ дѣтьми. На другой день Его Высочество отправился въ Новую-Александрію.

— Въ Высочайшемъ Указѣ, за Собственнооручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ Государственному Совѣту, сентября 5-го, изображено:

Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу быть Членомъ Государственнаго Совѣта.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ,

1) *На имя Г. Командира 3-го Пѣхотнаго Корпуса Генерала отъ Кавалеріи Генерал-Адъютанта Графа Ридигера.*

Графъ Ѳеодоръ Васильевичъ! Съ искреннимъ сожалѣніемъ соглашаясь на увольненіе отъ занимаемой вами должности, не могу не обратить справедливаго вниманія на отличные труды ваши въ теченіе двадцати-лѣтняго командованія 4-мъ Пѣхотнымъ Корпусомъ. Войска сего Корпуса доведены, неусыпною вашею заботливостію, до примѣрнаго во всѣхъ отношеніяхъ устройства, и во-время послѣдней Венгерской-войны ознаменовали себя, подъ личнымъ вашимъ предводительствомъ, блистательными подвигами. Во изъявленіе Собственного Моего къ вамъ благоволенія, Я назначилъ васъ Членомъ Государственнаго Совѣта, оставаясь въ полной увѣренности, что и на новомъ поприщѣ вы явите ту же полезную дѣятельность, которою постоянно отличалось долговременное и ревностное служеніе ваше Престолу и Отечеству.

Пребываю навсегда къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написаво:

«Н И К О Л А Й.»

Въ Петергофѣ, 26 го августа 1850 года.

2) *На имя Главноуправляющаго Путями Сообщенія и Именинными Зданіями Генерала отъ Инфантеріи, Генерал-Адъютанта Графа Клейнмихеля.*

Графъ Пётръ Андреевичъ! Настоящее путешествіе Мое началъ съ С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги,

идеть по Сѣверной Дирекціи оной отъ С.-Петербурга до с. Чудова, а по Южной отъ Вышняго-Волочка до д. Кольцова за Тверь. — Къ искреннему Моему удовольствію, дороги эти найдены Мною въ отношеніи превосходнаго устройства, изящности отдѣлки, исправности содержанія и примѣрнаго порядка въ управленіи, въ видѣ и состояніи, превосходящемъ Мои ожиданія. Столь бластательный успѣхъ сего полезнаго, многосложнаго и труднаго предпріятія, совершающагося подѣ непосредственнымъ руководствомъ и неусыпнымъ наблюденіемъ вашимъ, налагаетъ на Мѣни обязанность объявить вамъ нынѣшнюю Мою живѣйшую и душевную признательность за всѣ труды, вами подъемлемые.

Ревность и усердіе, съ коими вы всегда приводите въ исполненіе всѣ Мои предначертанія по важной отрасли Государственнаго благоустройства, вамъ ввѣренной, служатъ Мнѣ самымъ осуществленію живѣйшаго Моего желанія — видѣть соединеніе Столицъ Моихъ желѣзною дорогою во исполненіи и приведеннымъ въ дѣйствіе къ 1-му ноября 1851 года.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На волѣнномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

Въ Москвѣ 10-го сентября, 1850 года.

На имя Главнаго Инспектора Медицинской Части по Арміи, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Баронета Якова Васильевича Сира-Вилліа.

Баронетъ Яковъ Васильевичъ! Медико-Хирургическая Академія, коимъ вы были въ продолженіе тридцати лѣтъ Президентомъ, празднуетъ сего дня полулѣтнюю юбилей со дня ея основанія. Съ признательностію къ важнымъ заслугамъ сей Академіи, постоянно снабжающей Армію свѣдущими, искусными и усердными врачами, неразрывно соединено всегда воспоминаніе о долговременной, существенно-полезной службѣ вашей, которая была назидательнымъ примѣромъ и военнымъ врачамъ, образовавшимся подѣ руководствомъ вашимъ.

Въ справедливомъ сознаніи трудовъ, подъятыхъ вами для

помощи страждущему человечеству и на пользу Медико-Хирургической Академіи. Я желаю почтить это высшее по медицинской части заведеніе, при нынѣшнемъ торжественномъ для онаго событіи, изъявленіемъ вамъ моею искренней благодарности и неизмѣняемаго благоволенія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ»

Сентября 16-го дня 1850 года.

— Московскій Военный Генерал-Губернаторъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, въ бытность Свою въ Москвѣ, изволили пожаловать тысячу рублей серебромъ для раздачи, по его усмотрѣнію, самымъ бѣднѣйшимъ изъ всѣхъ сословіи столицы.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ внесенное, по Высочайшему повелѣнію, представленіе Шефа Жапдармовъ и Министра Внутреннихъ Дѣлъ, о предупрежденіи ввоза изъ-за границы запрещенныхъ книгъ, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ поясненіе встрѣтившихся при дѣйствіи существующихъ правилъ недоумѣній, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ отвращеніе всякихъ въ ходѣ книжной нашей торговли злоупотребленій, постановить:

1) Присылаемые изъ-за-границы на имя книгопродавцевъ кипы, тюки, ящики и проч., съ иностранными книгами, во очисткѣ ихъ пошлинами, препровождаются изъ Таможенъ, съ таможенными пломбами, по ближайшему усмотрѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, или въ ценсурныя учрежденія, или прямо къ книгопродавцамъ, если сіе будетъ признано болѣе удобнымъ. *Въ первомъ случаѣ*, ценсурныя учрежденія, по доставленіи въ оныя кипъ, тюковъ, ящиковъ и проч. съ иностранными книгами, вскрываютъ ихъ въ присутствіи книгопродавца, или его уполномоченнаго, которые въ то же время обязаны представить, если сіе не сдѣлано ими еще прежде полученія книгъ фактуры, или же реестры книгамъ въ двухъ экземплярахъ. *Полѣривъ* книги съ фактурами или реестрами, ценсурныя учрежденія приступаютъ къ разбору и разсмотрѣнію книгъ, и за тѣмъ книги, извѣстныя ценсурѣ и ея уже прежде дозволенныя, передаются

книгопродавцамъ безъ замедленія: тѣ изъ новыхъ книгъ, которыя могутъ быть выпущены въ продажу безпрепятственно, препровождаются книгопродавцамъ также безъ замедленія; а книги, которыя по разсмотрѣніи ихъ ценсурною будутъ признаны подлежащими безусловному запрещенію, запечатываются и по распоряженію Главнаго Управленія ценсуры отправляются обратно въ Таможни, для храненія до отсылки за границу: о чемъ извѣщается и книгопродавецъ, съ тѣмъ, что онъ обязывается означенныя книги отправить за границу въ теченіе года, или же по прошествіи сего срока подвергнуться отправленію ихъ за границу, по распоряженію Таможни на его счетъ. Что касается книгъ, которыя будутъ дозволены съ вырѣзкою вѣсколькихъ листовъ, то ценсурныя учрежденія, по разсмотрѣніи сихъ книгъ, извѣдомляютъ о томъ книгопродавцевъ, и потомъ, согласно ихъ требованіямъ, выдаютъ имъ по столько экземпляровъ тѣхъ книгъ съ вырѣзками, сколько они пожелаютъ получить для продажи, а прочіе экземпляры и всѣ вырѣзанные листы удерживаютъ у себя, до того времени, пока книгопродавцы изъявятъ намѣреніе отправить оныя обратно за границу. Въ такомъ случаѣ означенные экземпляры, а равно и тѣ, которые могутъ быть возвращены книгопродавцами въ ценсурныя учрежденія, по вложеніи въ оныя вырѣзанныхъ листовъ, отправляются за границу тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ выше въ отношеніи книгъ запрещенныхъ. *Во второмъ случаѣ*, т. е. когда Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія признаетъ удобнѣйшимъ присланные на имя книгопродавцевъ тюки, ящики и проч. съ иностранными книгами, вскрыты у самихъ книгопродавцевъ, означенные тюки, ящики и проч., немедленно по доставленіи ихъ изъ Таможенъ къ книгопродавцамъ, вскрываются. въ присутствіи книгопродавца, Членомъ ценсурнаго вѣдомства, который, повѣривъ книги съ фактурами или реестрами, оставляетъ у книгопродавца, для выпуска въ продажу, всѣ книги, извѣстныя Ценсурѣ и ея уже прежде дозволенныя, разсмотрѣніе же прочихъ книгъ и всѣ дальнѣйшія на счетъ ихъ распоряженія дѣлаются на точномъ основаніи правилъ, предписанныхъ выше въ сей же статьѣ въ отношеніи книгъ, вынимаемыхъ изъ тюковъ, ящиковъ и проч., въ самыхъ ценсурныхъ учрежденіяхъ.

2) Правила, въ предшедшемъ пунктѣ постановленныя, распространяются во всей силѣ и на привозимыя изъ-за границы картины гравированныя и литографированныя, планы, ландшафты, ноты, съ присовокупленіемъ словъ и т. п.

3) Привозимыя изъ-за границы путешественниками книги и другіе предметы, ценсурному разсмотрѣнію подлежащіе, отправляются прямо изъ Таможенъ въ ценсурныя учрежденія, коихъ изъбраніе предоставляется самимъ путешественникамъ.

4) Относительно иностранныхъ книгъ, привозимыхъ изъ-за границы на имя высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній и дѣйствительныхъ членовъ сихъ заведеній, коимъ существующими постановленіями разрѣшалось выписывать означенныя книги безъ разсмотрѣнія Цензуры, соблюдаются слѣдующія правила: а) всѣ такія книги препровождаются изъ Таможенъ прямо въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, и разсматриваются, по распоряженію Министра, въ Комитетѣ цензуры иностранной. Затѣмъ о книгахъ, запрещенныхъ безусловно, сообщается мѣстамъ и лицамъ, на имя коихъ онѣ присланы, если нѣтъ въ виду особаго Высочайшаго повелѣнія о выдачѣ имъ тѣхъ книгъ, чтобы они сдѣлали распоряженіе о возвращеніи оныхъ за границу, въ теченіе года, и по полученіи ихъ отзывовъ, означенныя книги препровождаются чрезъ Комитетъ цензуры иностранной и за его печатью въ подлежащія таможенныя вѣдомства, для отсылки за границу. Если въ теченіе года не будетъ тѣми лицами или мѣстами учено распоряженіе объ отправленіи помянутыхъ книгъ за границу, то онѣ, по испрошеніи на то Высочайшаго соизволенія, передаются въ Императорскую Публичную Библіотеку. Что касается прочихъ книгъ, недозволенныхъ лишь ко всеобщему въ публнкѣ обращенію, то, по приложеніи къ заглавному листу каждаго тома штампа Комитета цензуры иностранной, онѣ отправляются, по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія, къ кому слѣдуетъ; при чемъ отъ лицъ, коимъ онѣ препровождаются, требуется подписка, что они будутъ держать сіи книги у себя и для собственнаго лишь употребленія, отнюдь не сообщая ихъ постороннимъ лицамъ. б) Когда членъ высшаго ученаго или учебнаго заведенія оставляетъ занимаемую имъ по сей части должность, выходя въ отставку или переходя въ другой родъ службы, то онъ обязывается всѣ выданныя ему такимъ-образомъ запрещенныя книги представить начальнику заведенія, въ коемъ состоитъ; тѣ изъ означенныхъ книгъ, которыя могутъ быть допущены къ обращенію съ вырѣзкою нѣкоторыхъ листовъ, выдаются представившему оныя, по сдѣланіи въ нихъ надлежащихъ вырѣзокъ; прочія же запрещенныя книги берутся въ библіотеку заведенія, въ коемъ состоитъ помянутый членъ, съ уплатою

за нихъ по взаимному съ тѣмъ лицомъ, отъ котораго онѣ отбираются, соглашенію; въ случаѣ же несогласія его принять предлагаемую за означенныя книги сумму, представляется о снѣ на разрѣшеніе высшаго начальства, которое по усмотрѣнію своему, опредѣляетъ уже окончательно приличную мѣру вознагражденія. Сообразно сему поступается и въ случаѣ смерти члена высшаго ученаго заведенія, также съ выдачею денегъ за отбираемыя книги наследникамъ умершаго. в) Запрещеннымъ книгамъ, отправляемымъ на означенномъ основаніи въ ученія и учебныя заведенія, а равно къ членамъ высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, велется въ Комитетѣ Ценсуры иностранной особый списокъ, съ означеніемъ, кому и когда какая книга выдана.

5) Продажа книгъ разносчиками по улицамъ или площадямъ въ столицахъ и тѣхъ городахъ, въ коихъ существуютъ книжныя лавки, запрещается. Изобличенные въ продажѣ книгъ снѣмъ образомъ подвергаются, сверхъ конфискаціи книгъ и всего найденнаго у нихъ товара, буде вмѣстѣ съ книгами они торговали и другими предметами:

Въ первый разъ взыскаіію 10 руб., во второй — 20, въ третій—30 и т. д., прибавляя за каждый разъ по 10 рублей.

Если въ числѣ снѣхъ книгъ будутъ найдены неодобренныя еще Ценсурою или уже запрещенныя, то, смотря по роду, къ коему снѣ книги принадлежатъ, виновные приговариваются къ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1314 и 1315 Ул. о Наказ. на точномъ оныхъ основаніи.

Мнѣніе сіе Высочайше утверждено 8 мая сего года.

Г. Управляющій Министерствомъ Юстиціи, представляя въ Правительствующій Сенатъ списокъ съ сего мнѣнія присовокупилъ: 1) что по особому Высочайшему повелѣнію объ исполненіи сего мнѣнія, всѣ предначертанныя по означенному предмету правила надлежитъ привести въ дѣйствіе по окончательномъ утвержденіи новыхъ штатовъ ценсурнаго вѣдомства, а между тѣмъ, о способахъ и порядкѣ исполненія, возлагаемыхъ тѣми правилами на таможенныя управленія, предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія войти въ предварительное сношеніе съ Министромъ Финансовъ, и 2) то подлинное Высочайшее повелѣніе, какъ увѣдомилъ его, Г. Управляющаго Министерствомъ Юстиціи, Государственный Секретарь, сообщено Генерал-Адъютанту Графу Орлову, а списокъ съ онаго и выписки препровождены къ Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ о назначеніи при Генерал-Губернаторахъ ученыхъ Евреевъ, для особыхъ порученій, *мнѣніемъ положили*: 1, При каждомъ Генерал-Губернаторѣ, въ предѣлахъ постоянной оубдлости Евреевъ, назначаются изъ среды ихъ одинъ или два, а гдѣ окажется пужнымъ, то, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и до трехъ, для исполненія порученій по предметамъ, требующимъ особаго знанія всѣхъ правилъ и обрядовъ еврейскаго закона. *Примѣчаніе*. Воспрещеніе Евреямъ жительства въ Кіевѣ, Харьковѣ, а шюгороднымъ въ Ригѣ, не распространяется на Евреевъ, состоящихъ при Генерал-Губернаторахъ, пока они остаются въ сей должности 2, Означенные Евреи избираются Генерал-Губернаторами, преимущественно изъ Раввиновъ, заслуживающихъ довѣрія Правительства и пользующихся хорошимъ мнѣніемъ въ своемъ обществѣ. 3, При опредѣленіи къ Генерал-Губернаторамъ, Евреи на вѣрность службы приводятся къ присягѣ въ Синагогѣ, въ губернскихъ городахъ въ присутствіи Совѣтника Губернскаго Правленія, а въ уѣздныхъ при бытности Городничаго. Они остаются въ службѣ сей безсрочно, и увольняются отъ оной или по собственнымъ ихъ прошеніямъ, на общемъ основаніи, или по усмотрѣнію Генерал-Губернатора. 4, Сии Евреи, находясь въ полной зависимости Генерал-Губернаторовъ, кои употребляютъ ихъ по непосредственному своему усмотрѣнію, ни подъ какимъ видомъ не входятъ отъ себя ни съ кѣмъ ни въ какія оффиціальныя сношенія, безъ особаго на то приказанія Генерал-Губернатора, а исполняютъ только возлагаемыя на нихъ главными Начальниками губерній порученія. 5, Упомянутые Евреи пользуются слѣдующими преимуществами: а) получаютъ жалованье изъ суммъ коробочнаго сбора, въ такомъ количествѣ, какое, по сношенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ Генерал-Губернаторами, будетъ признано необходимымъ и возможнымъ, не свыше однакоже 900 руб. сер. въ годъ; б) освобождаются лично, смотря по сословію, къ которому принадлежать, отъ всѣхъ личныхъ податей, рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей во все время нахождения ихъ въ сей должности: в) за усердную службу и оказанныя по должности отличія, приобрѣтаютъ право на награжденіе медалями и личнымъ почетнымъ гражданствомъ, но ни въ какомъ случаѣ, однакоже, прежде трехлѣтняго срока служенія. (Высочайше-утверждено въ 3-ій день іюля).

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ Общаго Собранія первыхъ 3-хъ Департаментовъ и Герольдіи Правительствующаго Сената о порядкѣ исключенія изъ сословія лицъ, лишенныхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и соглашаясь съ заключеніемъ Сената, пашелъ, что для исполненія предназначаемой въ паспортахъ и другихъ видахъ отиѣтки о понесенномъ наказаніи лицамъ, подвергшимся лишенію или ограниченію лично и по состоянію присвоенныхъ правъ, должна измѣниться и самая форма сихъ видовъ.—По сему Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*: 1) Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: 1) Въ судебныхъ приговорахъ о лишеніи правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, приводить статьи Уложенія, коими опредѣляются потеря или ограниченіе правъ, соотвѣтствующія присужденнымъ наказаніямъ.—2) Приговоры сего рода о незъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія лицахъ, подлежащихъ, по освобожденіи изъ мѣстъ задержанія, возвращенію въ прежнее мѣсто жительства, сообщать, въ отношеніи городскихъ обывателей, Городскимъ Думамъ или Магистратамъ и Ратушамъ, а въ отношеніи сельскихъ обывателей, мѣстными управленіямъ крестьянами, по принадлежности, и помѣщикамъ или управляющимъ ихъ имѣніями, для свѣдѣнія и надлежащихъ отиѣтокъ въ ревизскихъ сказкахъ и городовыхъ обывательскихъ книгахъ. 3) Сверхъ-того, о всѣхъ подвергшихся лишенію или ограниченію правъ состоянія, вести подробные списки въ Земскихъ Судахъ и Городскихъ Полиціяхъ, по ихъ вѣдомству, возобновляя отиѣтки въ установленныхъ книгахъ (ст. 2441 Общ. Учр. Губ. Св. Зак. Т. II, прилож. фор. Д.) по освобожденіи содержавшихся изъ мѣстъ задержанія. 4) Въ выдаваемыхъ симъ лицамъ видахъ на жительство и оглушки прописывать непременно, что предъявитель паспорта или билета подвергся лишенію или ограниченію лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, по такой-то статьѣ Уложенія о Наказаніяхъ. II) Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, для удобнѣйшаго исполненія правила, въ 4-мъ пунктѣ предшедшей статьи постановленнаго, войти въ соображеніе о надлежащемъ измѣненіи формы паспортовъ и билетовъ, выдаваемыхъ на жительство и оглучку. (Высочайше-утверждено въ 10-й день іюля).

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра

Внутреннихъ Дѣлъ о болѣзняхъ, препятствующихъсылнымъ слѣдовать въ Сибирь, и соглашаясь съ заключеніемъ его, Министра, *имѣнемъ положили*: 1) Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ, постановить: 1) неизлечимыми болѣзнями, по коимъ преступники не могутъ быть отправляемы пѣшкомъ въ Сибирь, признавать: 1-е, чахотку въ высшей степени, сопряженную съ изнурительной лихорадкой; 2-е, параличъ въ нижнихъ конечностяхъ; 3-е, большое расширеніе внутреннихъ или наружныхъ болевыхъ жилъ—аневризмы; 4-е, совершенную слѣпоту; 5-е, общую брюшную и грудную водяныя болѣзни (*anasarca, ascites et hydrothorax*), преимущественно, если онѣ образуются въ слѣдствіе застарѣлыхъ заваловъ во внутреннихъ; 6-е, худую болѣзнь, если припадки повторяются болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю; 7-е, грыжу природную, равно и застарѣлую, обширную и повязкою не удерживаемую; 8-е, кровохарканіе (*Haemoptysis*); 9-е, членосоставный грибокъ (*Fungus articulum*), вѣтренную остъ (*Spina ventosa*) и костоѣду (*Caries et necrosis*) нижнихъ конечностей; 10-е, сведеніе нижнихъ конечностей (*Contractura*), бедротазную и членосоставную немощь (*Coxarthrocace*); 11-е, злокачественныя язвы (*Ulcera cancerosa*) нижнихъ конечностей, сопряженныя съ худосочіемъ и изнуреніемъ всего тѣла; 12-е, противоестественное членосоединеніе (*Articulatio praeternaturalis*) въ нижнихъ конечностяхъ; 13-е, совершенное и застарѣлое выпаденіе матки; 14-е, ракъ матки или заднепроходной кишки и 15-е, недостатокъ всѣхъ или большихъ пальцевъ на обѣихъ ногахъ, съ прилегающими двумя къ нимъ пальцами или составовъ ихъ, если недостатокъ тотъ произошелъ въ слѣдствіе отмороженія, и когда при томъ будетъ краснота, опухоль и чувствительность пораженныхъ частей; 2) Арестантовъ, подлежащихъ отсылкѣ въ Сибирь, по оставленнымъ въ тюремныхъ замкахъ, по причинѣ неизлечимыхъ болѣзней, каждый годъ подвергать освидѣтельствуванію, въ установленномъ порядкѣ, Членами Врачебной Управы, и немедленно отправлять въ мѣсто назначенія тѣхъ изъ нихъ, кои, получивъ облегченіе, окажутся способными слѣдовать туда пѣшкомъ. Если-жъ одержимый неизлечимою болѣзнію арестантъ объявитъ, что чувствуетъ себя въ силахъ идти въ мѣсто ссылки, и самъ того пожелаетъ, то удовлетворять таковой его желанію, если впрочемъ въ исполненіи оного не встрѣтится какихъ-либо особыхъ затрудненій. 3. Если арестанты сіи, по прибытіи въ Тобольскъ, окажутся неспособными, ни къ работамъ, ни къ домообзаводству, то поступать: съ катор-

жными по силѣ 47 и 48 ст. положенія о распредѣленіи такихъ преступниковъ, а съ поселенцами, на основаніи 1708 статьи устава о ссыльныхъ. II) Независимо отъ сего, Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставить, нынѣ-же сдѣлать распоряженіе, чтобы содержащіеся въ настоящее время въ тюрьмахъ, по причинѣ болѣзней, арестанты, кои подлежатъ отсылкѣ въ Сибирь, были всѣ подвергнуты, установленнымъ выше порядкомъ, освидѣтельствованію, и если по оному окажется, что нѣкоторые изъ нихъ не одержимы болѣзнями, помянутыми въ изъясненномъ выше 1-мъ пунктѣ, или получили въ оныхъ достаточное облегченіе, по коему не представляется имъ препятствія слѣдовать въ дальній путь пѣшкомъ, то арестантовъ сихъ немедленно отправлять въ мѣста назначенія. (Высочайше-утвержено въ 10-й день іюля).

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ Положеніи о торговлѣ съ Финляндіею, и не находя съ своей стороны затрудненія, въ видахъ вѣдшаго развитія сельскаго хозяйства и промышленности Финляндіи, допустить ходатайствуемыя тамошнимъ Генерал-Губернаторомъ облегченія, на предполагаемомъ Министромъ Финансовъ основаніи, остановившійся лишь на двухъ, разрешаемыхъ къ привозу безъ свидѣтельствъ о происхожденіи, статьяхъ росписи, подъ названіемъ: масло и столярныя издѣлія. Относительно *первой* статьи, принявъ въ соображеніе: во-первыхъ, значительный привозъ деревяннаго масла, могущій съ разрешеніемъ впуска масла всякаго рода еще возвыситься; во-вторыхъ, высокую пошлину, которою обложень привозъ сего товара изъ-за границы; и въ-третьихъ, беспошлинный ввозъ маселъ изъ Финляндіи, Государственный Совѣтъ не можетъ не опасаться водворенія иностранныхъ маселъ контрабандою, если дозволенъ будетъ впускъ сего продукта изъ Финляндіи безъ свидѣтельствъ о мѣстномъ его происхожденіи; а потому признаетъ, что, для устраненія ущерба въ таможенномъ доходѣ, осторожнѣе было бы сохранить существующее въ семъ отношеніи правило въ своей силѣ, на счетъ собственно маселъ растительныхъ: коноплянаго, льнянаго и рѣпнаго, не встрѣчая, однако, препятствія допустить впускъ изъ Финляндіи безъ свидѣтельствъ собственно маселъ изъ березовой коры (дегтя) и терпентиннаго (скипидара), такъ какъ сіи послѣднія масла суть не жирныя, а смолистыя, не принадлежатъ къ съѣдомымъ, и относятся къ лѣс-

ными произведеніямъ, которыя составляютъ преимущественно предметъ крестьянской промышленности, наиболѣе требующей упрощенія въ порядкѣ и условіяхъ сбыта. Что принадлежитъ до второй статьи, столярныхъ издѣлій, то привозъ ихъ, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, можно было бы допустить безъ свидѣтельствъ о происхожденіи съ такимъ только, въ предполагаемомъ къ изданію списокѣ финляндскихъ произведеніямъ, разрѣшаемымъ къ привозу въ Россію безъ свидѣтельствъ о происхожденіи оныхъ, поясненіемъ, что разрѣшеніе сіе не распространяется на обдѣлаемые внутри дамскіе рабочіе и туалетные ящики, съ разными приборами, именуемые несессаами (nécessaires). Въ-слѣдствіе сего Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*: 1) Всѣ финляндскія произведенія, въ составленномъ Министромъ Финансовъ списокѣ показанныя, (за исключеніемъ трехъ маселъ и съ вышензложеннымъ посвященіемъ на счетъ столярныхъ издѣлій), разрѣшить къ привозу изъ Финляндіи въ Россію безъ свидѣтельствъ о происхожденіи, на томъ же основаніи, на коемъ пропускаются безъ сихъ свидѣтельствъ финляндскіе же товары, въ приложенной къ статьѣ 1861 Учрежд. и Уставовъ Таможенныхъ (Св. Зак., т. VI) росписи, подъ лит. А. поминованныя. 2) Списокъ сей, по сдѣланіи въ ономъ надлежащихъ измѣненій, поднести, при меморіи Государственнаго Совѣта, на Высочайшее благоусмотрѣніе. 3) Сверхъ товаровъ, дозволенныхъ нынѣ къ привозу изъ Финляндіи въ Россію по Ладожскому-озеру, со свидѣтельствами о происхожденіи, допустить равноѣрно къ привозу, симъ озеромъ, финляндскія же простыя бумажныя матеріи, для народнаго употребленія и песокъ для засыпанія, не требуя на сей послѣдній означенныхъ свидѣтельствъ, и 4) дозволить компаніи, учрежденной для разработки Питкерандскихъ мѣдныхъ и оловянныхъ рудниковъ въ Выборгской губерніи, привозить въ Санктпетербургъ, Ладожскимъ-озеромъ, мѣди до 20 тыс. пудовъ въ годъ, и олово, безъ ограниченія количества онаго, съ тѣмъ, чтобы въ удостовѣреніе, что металлы сіи выплавлены изъ финляндской руды, были представляемы на опыте, при ихъ привозѣ, установленныя свидѣтельства Финляндскаго Горнаго Начальства, утвержденныя Выборгскимъ Губернаторомъ. (Выс. утверждено 14 іюля).

Списокъ финляндскимъ произведеніямъ, разрѣшаемымъ къ привозу въ Россію безъ свидѣтельствъ о происхожденіи оныхъ.

Сверхъ товаровъ, поминованныхъ въ росписи подъ лит.

А, приложенной къ ст. 1861 Уст. Тамож. Св. Зак., т. VI (изд. 1842 г.), допускаются къ привозу въ Россію, на томъ же основаніи, безъ свидѣтельствъ о происхожденіи, слѣдующія финляндскія произведенія:

Берды и челноки ткальные.

Блоки деревянные, разной величины и разнаго вида.

Гребни деревянные, роговые и изъ простой кости, всякіе.

Дроги и оси для экипажей.

Клей.

Клѣтки птичьи.

Колеса повозочныя и экипажныя и части оныхъ, изъ финляндскаго дерева.

Корзиночныя издѣлія лучшей работы, какъ-то: хлѣбныя и другія корзинки, также плетенки для кроватей и стульевъ.

Ленты (тесмы) холщевыя и шерстяныя простыя.

Масло изъ древесной коры (деготь) и терпентинное (скипидаръ).

Мука картофельная.

Платки простыя холщевыя.

Сани и полозья санныя изъ финляндскаго дерева.

Свѣтильни льняныя.

Селитра очищенная и неочищенная.

Ситы волосяныя.

Столярныя простыя издѣлія изъ финляндскаго дерева, безъ бронзовыхъ и тому подобныхъ украшеній, какъ-то: лари и ящики, бильярдъ, столы, конторки, двери и наличники, шкапулки, шкафы, софы, стулья, пьалцы, кровати и люльки.

Примѣчаніе. Разрѣшеніе къ приговору упомянутыхъ столярныхъ издѣлій безъ свидѣтельствъ о происхожденіи не распространяется на обдѣланные внутри дамскіе рабочіе и туалетныя ящики съ разными приборами (nécessaires).

Терпентинъ.

Токарныя издѣлія изъ финляндскаго дерева, или простой кости, какъ-то: пуговицы, кегли и шары, палки, шахматныя шашки, табакерки, чашки, мотовила, веретена и чубуки.

Труть.

Трубки деревянные и глиняныя (курительныя).

Чулки и вареги простыя, льняныя и шерстяныя, крестьянскаго издѣлія.

Шапы шерстяныя, простыя, крестьянскія.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Обществу Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра На-

роднаго Просвѣщенія о преимуществахъ Ценсоровъ и о новомъ штатѣ ценсурнаго вѣдомства, и соглашаясь исполнѣ съ заключеніемъ его, Министра, мнѣніемъ положилъ: 1) Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Свода законовъ постановить 1, Главное Управленіе Ценсуры состоитъ: изъ Президентовъ Академіи Наукъ и Академіи Художествъ, изъ Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, изъ стороннихъ Членовъ отъ Духовнаго Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, опредѣляемыхъ именными Высочайшими указами, Изъ Управляющаго III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, изъ Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, и изъ другихъ лицъ, на которыхъ возложена будетъ сія обязанность по особому Высочайшему довѣрію. 2) Въ Ценсоры могутъ быть опредѣляемы только чиновники, получившіе образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или инымъ способомъ пріобрѣтшіе основательныя въ наукахъ свѣдѣнія, если они, притомъ, достаточно ознакомлены съ историческимъ развитіемъ и современнымъ движеніемъ отечественной или иностранной словесности, смотря по назначенію каждаго. Во-время занятія сей должности они не должны, вмѣстѣ съ оною, нести никакихъ другихъ обязанностей. *Примѣчаніе.* Правило сіе распространяется и на бібліотекаря, если, на основаніи § 111-го Устава о Ценсурѣ, ему поручается ценсурное разсмотрѣніе книгъ. 3, Всѣ Ценсоры, (кромѣ употребляемыхъ къ разсмотрѣнію еврейскихъ книгъ) причисляются къ 1-му разряду учебныхъ должностей Министерства Народнаго Просвѣщенія, означенныхъ въ ст. 746 Устава о службѣ по опредѣленію отъ Правительства (Св. Законовъ тома III-го) и дающихъ по статьѣ 759-й того-же Устава право на производство безъ перевода изъ одной должности въ другую, тремя чинами выше присвоеннаго должности класса. 4, Пенсіи и единовременныя пособія назначаются Ценсорамъ и семействамъ ихъ на основаніи правилъ, постановленныхъ по учебной части Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія (ст. 479—546 Устава о Пенсіяхъ, Св. Зак. Тома III-го); при чемъ время служенія въ званіи Ценсора слагается, безъ различія, съ училищною службою, если Ценсоръ проходилъ ее прежде. 5, Ценсоры, получающіе нынѣ по прежнимъ узаконеніямъ пенсіи на службѣ, продолжаютъ пользоваться ими, доколѣ не пріобрѣтутъ права на высшую пенсію. 6, Означенныя выше, въ 8 пунктѣ, пенсіи

оня преимущества распространяются и на прежнюю службу Ценсоровъ, если они сохранятъ сіе званіе при настоящемъ преобразованіи Ценсурнаго Управленія. 7, Библіотекарю Комитета Ценсуры Иностранной предоставляется одинаковое съ Ценсорамъ право на пенсію и единовременное пособіе, согласно съ 3-мъ пунктомъ, если начальство его свидѣтельствовать будетъ, что онъ въ продолженіе постановленнаго для пенсіи или пособія срока постоянно занимался, сверхъ прямой своей обязанности, ценсурнымъ разсмотрѣніемъ книгъ. 8, Секретари Ценсурнаго Комитета, также прочіе чиновники и канцелярскіе служители Ценсурнаго Управленія и семейства ихъ, пользуются пенсіями и единовременными пособіями на основаніи общихъ правилъ, существующихъ по гражданскому вѣдомству. 9, Пенсіи и единовременныя пособія по Ценсурному Управленію производятся изъ Государственнаго Казначейства. 10, Чиновники Ценсурнаго Управленія носятъ мундиры по общей формѣ, установленной для служащихъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. 11, Ценсоры еврейскихъ книгъ (въ Виленскомъ и Кіевскомъ Комитетахъ) получаютъ штатное жалованье, но не пользуются никакими служебными преимуществами. Они освобождаются лично отъ рекрутской повинности, доколѣ пребываютъ въ должности, и при вступленіи въ оную приводятся, по своему вѣроисповѣданію, къ присягѣ на вѣрность исполненія возложенной на нихъ обязанности. II) Выселенный Министромъ Народнаго Просвѣщенія проектъ штата Ценсурнаго Управленія поднести, при мѣнѣ Государственнаго Совѣта, на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе. III) Изъ числа потребной по сему штату суммы, ста четырехъ тысячъ трехъ сотъ двадцати четырехъ рублей девяноста двухъ копѣекъ, за исключеніемъ изъ оной 2000 руб. 87 коп., отпускаемыхъ изъ доходовъ города Одессы собственно на тамошній Ценсурный Комитетъ, и 1,500 руб., изъ доходовъ съ еврейскихъ типографій на содержаніе трехъ Ценсоровъ еврейскихъ книгъ, при Виленскомъ и Кіевскомъ Ценсурныхъ Комитетахъ, остальные сто тысячъ восемь-сотъ двадцать четыре рубля пять копѣекъ отпускать изъ Государственнаго Казначейства. IV) Могущіе быть, отъ положенныхъ по штату суммъ, ежегодные остатки, съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, раздавать прилежнымъ и усерднымъ чиновникамъ въ пособіе и награжденіе, и употреблять также на непредвидимые расходы. (Высочайше-утверждено въ 19 день іюня.)

— Военный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе Департамента Военныхъ Поседеній, за № 306, о правахъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній на чины при переходѣ въ гражданскую службу изъ Прапорщиковъ Гвардіи и Артиллеріи, нашелъ, что воспитанники военно-учебныхъ заведеній, при поступленіи въ гражданскую службу, не пользуются одинаковыми преимуществами. Тѣ изъ нихъ, которые выпущены офицерами въ Гвардію и Артиллерію, при переходѣ въ гражданскую службу, переименовываются: Прапорщики Гвардіи — въ Губернскіе Секретари, а Прапорщики Артиллеріи въ Провинціальныя Секретари; тѣ-же, которые, по неспособности къ военной службѣ, поступаютъ въ гражданскую службу прямо изъ заведеній, принимаются въ оную: равные по успѣхамъ и наукамъ съ выпущенными въ Гвардію — чинами Коллежскаго Секретаря, а равные съ назначенными въ Артиллерію — чинами Губернскаго Секретаря.

Военный Совѣтъ принялъ во вниманіе, что если допустить уравнианіе правъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, при поступленіи въ гражданскую службу прямо изъ заведеній и по нахожденіи въ военной службѣ, то это будетъ въ противурѣчій съ общимъ закономъ для переходящихъ изъ военной въ гражданскую службу, на основаніи котораго съ чинами Коллежскаго Секретаря принимаются Подпоручики Гвардіи и Штабс-Капитаны Арміи, — Губернскаго Секретаря — Прапорщики Гвардіи, Подпоручики Артиллеріи и Поручики Арміи.

По сему Военный Совѣтъ положилъ: воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, переходящихъ изъ военной въ гражданскую службу, переименовывать не въ тѣ классныя чины, на которые они имѣли право до поступленія въ военную службу, но на общихъ правилахъ, соотвѣтственно тѣмъ военнымъ чинамъ, въ которыхъ они состояли на дѣйствительной службѣ. (Высочайше-утверждено въ 28 день іюля.)

— По случаю неудовлетворительныхъ урожаевъ 1847 и 1848 годовъ въ Нижегородской губерніи, и въ слѣдствіе совѣщенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ Министромъ Финансовъ и Статс-Секретаремъ Гофманомъ, объ оказаніи помѣщикамъ сказанной губерніи льготы въ платежѣ долговъ, по займамъ ихъ изъ Кредитныхъ Установленій, онъ, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, входилъ съ представленіемъ по этому предмету въ Комитетъ Гг. Министровъ, по положенію коего Государь Императоръ, въ 1-й день сего августа, Высо-

чайше повелѣть соизволилъ: вносить накопившихся по 1 января 1850 г. недоимокъ по займамъ изъ Кредитныхъ Учрежденій помѣщиковъ Нижегородской губернии (кроме наследниковъ Тайной Совѣтницы Ланской), разсрочить на три года, съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобы уплата этихъ недоимокъ производилась была равными частями, ежегодно, независимо отъ текущихъ платежей, и во-вторыхъ, чтобы настоящая льгота допускаема была не иначе, какъ по представленіи помѣщика, которые пожелаютъ воспользоваться ею, свидѣтельствъ Изданныхъ Предводителей Дворянства, Начальникомъ губерніи утвержденныхъ, о томъ, что они имѣютъ дѣйствительную необходимость въ таковой разсрочкѣ, и безъ оной обойтись не могутъ. На имѣніе же наследниковъ Тайной Совѣтницы Ланской, находящееся въ залогъ Московскаго Опекунскаго Собора, какъ назначенное уже въ продажу, льготы сей не распространять.

— По положенію Комитета Министровъ, 1-го августа сего года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, предъ до общаго устройства постоянной повинности въ городахъ, разрѣшить для г. Херсона, въ видѣ временной мѣры, слѣдующее: 1) Въ замѣнъ отправленія постоянной повинности натурою, нанять въ г. Херсонѣ для воинскихъ нуждъ лишнюю общія отъ города помѣщенія, въ видѣ казармъ, и Генераламъ, Штабъ и Ober-Офицерамъ отпускать квартирные деньги, также отъ города, въ размѣрахъ, установленныхъ въ 58 прилож. къ 1442 ст. IV час. III кн. Св. Воен. Пост.; классныхъ же чиновниковъ военнаго вѣдомства сравнить въ квартирномъ довольствіи съ чинами военными, а чиновникамъ 5 класса производить квартирные деньги на точномъ основаніи 2 примѣч., къ таблицѣ, приложенной къ приведенной 1,442 ст. 2) Расходъ, до 15 т. руб. сер., покрывать, во приговору общества, посредствомъ раскладокъ на обывательскія недвижимыя имущества и на жителей, имѣющихъ въ городѣ промыслы. Раскладки эти составлять по принятому порядку, съ тѣмъ, чтобы размѣръ оцѣночнаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ не превосходилъ одного процента съ оцѣночнаго капитала, въ который всѣ имущества оцѣнены будутъ. 3) О ежегодныхъ потребностяхъ по квартирной части въ г. Херсонѣ и о средствахъ къ удовлетворенію оныхъ, составлять ежегодно росписанія, по правламъ, какія даны будутъ отъ Министрства Внутреннихъ Дѣлъ; росписанія эти, по утвержденіи губернскимъ начальствомъ, приводить въ

дѣйствіе по общему порядку. 4) Касательно обязанности Квартирной Комиссіи по сбору съ обывателей денегъ за постоянную повинность, по удовлетворенію военныхъ чиноу квартирныхъ деньгами, и отчетности по зачисляемымъ суммамъ, руководствоваться правилами, принятыми въ городахъ, для копѣй изданы уже особые, Высочайше-утвержденные положенія о постоянной повинности, по ближайшему указанію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 5) Въ случаѣ недостатка собственныхъ средствъ города на покрытие всѣхъ расходовъ по квартирной повинности, назначать оному, по представленію мѣстнаго Начальства и согласенію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ Министерствомъ Финансовъ, соразмѣрно по особіе отъ земства, на общемъ основаніи.

— Государь Императоръ, въ разрѣшеніе возникшаго вопроса о порядкѣ исчисленія срока выслуги для производства чины лицъ, перешедшихъ на службу въ Закавказскій край изъ внутреннихъ губерній, Высочайше соизволилъ повелѣть ст. 1289 т. III Св. Уст. о служ. по опред. отъ Прав. (1842 г.), на основаніи коей срокъ службы за Кавказомъ производства въ слѣдующіе чины, какъ за выслугу, такъ и за отличіе, сокращается однимъ годомъ противъ того положенія, дополнить такъ: «сокращеніе срока службы однимъ годомъ противъ общаго положенія относится къ такимъ чиновникамъ, кои выслужили за Кавказомъ полныя на чинѣ та; чиновникамъ-же, служившимъ для полученія чина и въ три Россіи и за Кавказомъ, сокращать выслугу только ту кою частію, какая причтется имъ за службу собственно за Кавказомъ, соразмѣрно годичной нормѣ дѣтъ обще-установленной выслуги.»

— Государь Императоръ, въ слѣдствіе ходатайства Г. мѣстника Кавказскаго, по положенію Кавказскаго Комитета Высочайше соизволилъ повелѣть: Главному Начальству Закавказскаго края предоставить право увольнять служащихъ отпуски на два мѣсяца, съ сохраненіемъ жалованья, и на шестъ мѣсяцевъ безъ жалованья, на томъ самомъ основаніи, какъ это представлено ст. 1258 т. III Св. Уст. о службѣ по опред. отъ Правительства (изд. 1842 г.) Главнымъ Начальствами Сибири и Кавказской Области, (нынѣ Ставропольская и Черніа) въ отношеніи чиновниковъ, служащихъ въ ихъ вѣдѣнствѣхъ.

— Высочайшимъ указомъ 1-го января 1841 года предложена была десятилѣтняя льгота въ платежѣ податей и

водворившимся въ г. Бердянскѣ, Таврической губерніи.

Въ следствие ходатайства мѣстнаго Начальства о продолженіи Бердянску еще на 10 лѣтъ означенной льготы, по случаю приближенія срока оной, для умноженія тамъ построекъ и привлеченія желающихъ селиться, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по сношеніи съ Г. Министромъ Финансовъ, вошелъ о семъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ.

Нынѣ, выпискою изъ журналовъ Комитета, 25 іюля и 8 августа сего года, сообщено ему, что Государь Императоръ, по положенію Комитета, Высочайше повелѣть соизволилъ: «Дарованную Высочайшимъ указомъ 1-го января, 1841 года, десятилѣтнюю г. Бердянску льготу въ платежѣ податей и повинностей продолжить еще на десять лѣтъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Каждый домъ, построенный въ Бердянскѣ, даетъ по строившему его право пользоваться льготою, впрочемъ узаконенными опредѣленіями, въ продолженіе десяти лѣтъ со времени его построенія; если же домъ будетъ проданъ другому лицу, то новый владѣлецъ можетъ пользоваться по сему приобрѣтенію льготою еще столько лѣтъ, сколько остается до истеченія помянутаго десятилѣтняго срока.

2) Права эти, предоставляются только тѣмъ владѣльцамъ, кои, вродѣ приписавшись и водворившись въ Бердянскѣ, приобрѣтутъ или построятъ дома, и тѣмъ которые, по водвореніи своемъ, — вовсе еще не пользовались льготою.

3) На тѣхъ, которые, пользовавшись уже льготою по выстроенному, или приобрѣтенному дому, уступятъ его другому лицу, и зачислившись въ окладные купцы или мѣшане, построятъ опять домъ въ Бердянскѣ, вышеупомянутыя права не распространяются.

— Въ следствие ходатайства Военнаго Губернатора г. Воронежа и Воронежскаго Гражданскаго Губернатора, объ оказаніи пожелавшей таковой губерніи льготы по займамъ ихъ изъ Кредитныхъ Установленій, — Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, во сношеніи съ Министромъ Финансовъ и Статс-Секретаремъ Голицынымъ, вошелъ съ представленіемъ по этому предмету въ Комитетъ Министровъ, по положенію коего Государь Императоръ, въ 8-й день минушаго августа, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Отсрочить продажу владѣльческихъ имѣній въ Воронежской губерніи, за неисправный платежъ долговъ Кредитнымъ

установленіямъ, еще на одинъ годъ, но съ тѣмъ при томъ, чтобы помѣщики, которые будутъ имѣть дѣйствительную необходимость въ таковой отсрочкѣ, предварительно представляли о семъ свидетельства Уздвыхъ Предводителей Дворянства, Начальниковъ губерній утвержденныхъ.

2) Льготу эту распространить и на владѣльцевъ незаселенныхъ земель, находящихся въ помянутой губерніи и состоящихъ въ залогъ тамошняго Приказа Общественнаго Призрѣнія.

И 3) Сложить со счетовъ пеню, насчитавшуюся по 1850 годъ, за неплатежъ въ сроки податей, съ тѣхъ помѣщичьихъ имѣній сказанной губерніи, кои дѣйствительно въ этомъ нуждались, — также по засвидѣтельствуванію о томъ мѣстныхъ Предводителей Дворянства.

— *Инструкція для руководства Палатамъ Государственныхъ Имуществъ и назначаемымъ Уполномоченнымъ по полюбовному размежеванію дачъ, состоящихъ въ общахъ и чрезполосномъ владѣніи съ государственными крестьянами.*

1) Уполномоченный, назначенный отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, съ разрѣшенія Министра, для полюбовныхъ соглашеній по тѣмъ дачамъ, во владѣніи которыхъ участвуютъ государственные крестьяне или казна, при отпращиваніи получаетъ отъ Палаты: а) вѣдомость о тѣхъ чрезполосныхъ и общихъ дачахъ, по коимъ онъ обязанъ содѣйствовать полюбовному размежеванію обще съ Уздвыми Посредниками; б) планы, документы и всѣ свѣдѣнія о земляхъ и лѣсахъ и о спорныхъ по онымъ дѣлахъ, относящихся до означенныхъ дачъ; в) особую, для руководства его, инструкцію, собственно для его только свѣдѣнія, въ которой объясняются тѣ замѣчанія, какія Палата признаетъ нужнымъ сообщить ему, для успѣшнѣйшаго достиженія предполагаемой цѣли.

2) Уполномоченные обязаны, въ отношеніи явки по вызванію Посредниковъ, представленія отзывовъ и сказокъ и постановленные сроки, исполнять тѣ-же обязанности, какъ возложены на частныхъ владѣльцевъ.

3) За пропущеніе назначенныхъ сроковъ, виновные въ томъ Уполномоченные, непредставившіе законнаго оправданія, подвергаются взысканіямъ, по усмотрѣнію ихъ начальства.

4) Уполномоченные, дѣйствуя какъ охранители правъ и выгодъ казны и государственныхъ крестьянъ, должны способствовать, всѣми законными отъ нихъ мѣрами, успѣху полюбовнаго соглашенія и размежеванія, отдавая все, что можетъ замедлить ходъ дѣла, и представляя, кому слѣдуетъ, объ устраненіи препятствій къ достиженію предполагаемой цѣли.

5) Уполномоченный обязанъ убѣждать государственныхъ крестьянъ въ пользу полюбовнаго размежеванія, объяснять предоставляемыя имъ отъ казны права, отстранять всякія несправедливыя ихъ требованія, и наблюдать, чтобы о согласіи или несогласіи ихъ на проектъ размежеванія составляемы были особые приговоры, которые представляются на разрѣшеніе Палаты, присовокупляя къ онымъ собственное свое мнѣніе, по совѣсти и справедливости.

6) Уполномоченные обязываются, прежде срока, назначеннаго Посредникомъ для общаго сѣзда владѣльцевъ, истребовать отъ Палаты и Окружнаго Начальника всѣ свѣдѣнія, планы и документы, относящіеся до межуемой дачи; собрать и мѣстѣ отъ государственныхъ крестьянъ потребныя свѣдѣнія о земляхъ казенныхъ, общественныхъ и принадлежащихъ имъ въ частную собственность, о качествахъ, положеніи тѣхъ земель, о бывшихъ о нихъ спорахъ и дѣлахъ, и окончаніи ихъ; истребовать мнѣніе мирскаго схода на счетъ полюбовнаго развода; сдѣлать распоряженіе о выборѣ схода изъ двухъ потребныхъ изъ крестьянъ, для бытности при снятіи дачи на планъ, указанія земель, въ ихъ пользованіи состоящихъ, и хотѣтайства предъ нимъ о ихъ выгодахъ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда въ подлежащей размежеванію дачѣ находятся казенныя незаселенныя земли или лѣса, отобрать письменныя мнѣнія Окружнаго Начальника и Лѣсничаго; если же земля, или самое мнѣніе состоитъ въ содержаніи или администраціи, то въ требовать письменное мнѣніе содержателя или администратора.

7) Дачи, состоящія въ общемъ владѣніи частныхъ лицъ и казны, во всякомъ случаѣ снимаются прежде полюбовнаго развода на планъ, съ означеніемъ границъ настоящаго владѣнія казны; таковая съемка производится землеѣрами Министерства Государственныхъ Имуществъ, которые получаютъ отъ владѣльцевъ задѣльную плату, по расчету, на общемъ основаніи. При недостаткѣ таковыхъ землеѣровъ могутъ быть назначаемы частные, съ общаго на то согласія Посредника и Уполномоченныхъ со стороны казны.

8) При снятіи, на основаніи предъидущей статьи, для общаго съ казною владѣнія на планѣ, Уполномоченный, или депутатъ съ казенной стороны, принимаетъ участіе въ работѣ поряженіяхъ. Посредника по сему предмету, и представляющаго Палатѣ Государственныхъ Имуществъ о командированіи для сего землебра, или топографа, а въ случаѣ недостатка казенныхъ землебровъ содѣйствуетъ къ присканію частнаго землебра, и въ заключенію съ нимъ, по согласію съ владѣльцами и Посредникомъ, условія, съ утвержденія Палаты.

9) Получивъ представленіе Уполномоченнаго или Посредника о командированіи на сей предметъ землебра или топографа, Палата, въ первое же засѣданіе, или командировати требуемыхъ межевыхъ чиновъ, или представляетъ въ Министертство, съ уведомленіемъ о томъ Уполномоченнаго, или землебравца на вольныхъ землебровъ, для сообщенія Посреднику или владѣльцамъ.

10) Для сего послѣдняго случая Палата заблаговременно заботится о присканіи багвадежскихъ вольныхъ землебровъ и о согласеніи ихъ на умѣренныя условія, на случаѣ употребленія ихъ въ дѣло.

11) Если, для снятія дачи на планѣ, командированы будутъ землебравецъ или топографъ отъ Палаты, то за снятіе и за пространство, состояща въ владѣніи частныхъ лицъ, (будетъ въ томъ представляется необходимость), владѣльцы обязаны внести Уполномоченному, для отсылки въ Палату, задѣльную плату на общемъ основаніи. Сія сумма обратится на уплату вольнымъ землебравцамъ за съемку казенныхъ земель въ другихъ дачахъ, производимую по общему участію по согласенію.

12) Суммы сіи записываются Палатами и Уполномоченными въ шнуровыя книги, и въ нихъ отдается отчетъ Министертву на законномъ основаніи.

13) При снятіи дачи на планѣ, Уполномоченный, или значенный отъ Палаты депутатъ присутствуетъ вмѣстѣ съ повѣренными отъ брестскихъ, для указанія земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи, и содѣйствуетъ къ доставленію Посреднику необходимыхъ пособій, какъ-то: разсыльныхъ, рабочихъ, и проч., въ разбѣрѣ, опредѣленномъ Посредническою Комиссіею.

14) По снятіи дачи на планѣ, Уполномоченный, на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, составляетъ проектъ отчета своего Посреднику, съ объясненіемъ въ ономъ, въ какомъ и

дностей, въ какихъ мѣстахъ и по какимъ причинамъ и уваженіямъ онъ проситъ отделить казенное владѣніе особо, стараясь, чтобы пространство, достоинство и цѣнность земель, принадлежавшихъ къ отводу казенъ, были не менѣе тѣхъ, кои она владѣеть, или на кои имѣетъ несомнѣнно-признаваемыя права, и таковой проектъ представляетъ предварительно въ разсмотрѣніе Палаты Государственныхъ Имуществъ, съ приложеніемъ отзыва повѣренныхъ отъ крестьянъ и прежде обращеннаго мнѣнія мірскаго схода, а также въ ст. 6 означенныхъ мѣстѣй Окружнаго Начальника, Лѣсничаго, содержащаго или администраторовъ.

15) Палата Государственныхъ Имуществъ разсматриваетъ представляемые отъ Уполномоченныхъ проекты объ отмежеваніи казенныхъ земель со всею подробностію, принимая пріоритетъ, по принадлежности, въ соображеніе отзывы сельскаго общества, лѣсничихъ, оброко-содержателей, администраторовъ и арендаторовъ или ихъ повѣренныхъ, и свѣдѣнія, въ Палату Палаты содержащіяся и Уполномоченнымъ собранныя, въ случаѣ охраненіе выгодъ казны и крестьянъ съ видами вышнѣйшаго достиженія цѣли полюбовнаго развода, даетъ разрѣшеніе, не пропуская установленнаго срока, разрѣшеніе на согласеніе, по вызову Посредника, съ владѣльцами по каждой изъ особъ; причемъ сообщаетъ также Уполномоченнымъ записки свои или наставленія насчетъ вышнѣйшаго для крестьянъ и казны развода земель, и тѣхъ уступокъ, кои казенно-бы сдѣлать для достиженія хозяйственныхъ цѣлей и для согласенія владѣльцевъ.

16) Получивъ разрѣшеніе Палаты, Уполномоченный обязывается непремѣнно явиться, по вызову Посредника, въ назначенный срокъ послѣднимъ срокомъ, на мѣсто совѣщанія; въ случаѣ же законныхъ препятствій, увѣдомить о томъ Посредника.

17) Въ случаѣ неявки Уполномоченнаго въ назначенный срокъ, Палата разсматриваетъ сообщенныя о томъ Посредникомъ свѣдѣнія и объясненія Уполномоченнаго, и если сіе произошло отъ болѣзни или какой другой законной причины, то Палата, по полученіи о томъ донесенія Уполномоченнаго, или увѣдомленія Посредника, дѣлаетъ немедленно распоряженіе о командированіи, вмѣсто его, другаго чиновника, съ отнесеніемъ прогонныхъ и суточныхъ денегъ на счетъ земскаго сора, а канцелярскихъ расходовъ на счетъ Уполномоченнаго. Если же причины неявки на срокъ Уполномоченнаго признаны

будутъ незаслуживающими уваженія, то Палата, не пропуская семидневнаго срока, полагаетъ рѣшеніе свое о взысканіи съ него за сіе по закону, относя, вмѣстѣ съ тѣмъ, на его счетъ и всѣ издержки, сдѣланныя на откомандированіе вмѣсто его другаго чиновника, буде таковой былъ посланъ.

18) Если по дачамъ, состоящимъ въ общемъ владѣніи казны и частныхъ лицъ, послѣдовали о размежеваніи оныхъ къ однимъ мѣстамъ окончательныя рѣшенія судебныхъ мѣстъ, то таковыя дачи подлежатъ полюбовному межеванію только тогда, когда при рѣшеніяхъ не назначены самыя нарѣзки земель, къ отмежеванію слѣдующихъ; въ семъ случаѣ Палата, истребовавъ, откуда слѣдуетъ, планъ дачи, препровождаетъ оный къ Уполномоченному, для соглашенія владѣльцевъ на нарѣзки по сему плану въ опредѣленномъ рѣшеніемъ количествѣ земель, безъ новой съемки дачи на планъ.

19) Когда, по совѣщаніи Уполномоченнаго съ владѣльцами, послѣдуетъ согласіе всѣхъ участвующихъ на выдѣлъ казеннаго участка, то по сдѣланіи землеѣромъ нарѣзокъ, Уполномоченный, вмѣстѣ съ владѣльцами и Посредникомъ подписываетъ составленный о семъ актъ, который, чрезъ Уполномоченнаго, обще съ Посредникомъ, и представляется на утвержденіе Палаты Государственныхъ Имуществъ.

20) Если владѣльцы или Посредники предложатъ измѣненія въ представленномъ Уполномоченнымъ проектѣ, и оны, вмѣстѣ съ повѣренными отъ крестьянъ, признаютъ удобными и безобидными для выгодъ казны предложенныя измѣненія, то подписываетъ нарѣзку, съ оговоркою, что согласенъ на таковыя перемѣны, если Палата, съ своей стороны, утвердитъ оныя; а равнымъ образомъ, при разногласіи его съ повѣренными отъ казенныхъ крестьянъ, или лицами, помѣнованными въ ст. 6-й, онъ доноситъ Палатѣ, и ожидаетъ ея разрѣшенія. Въ послѣднемъ случаѣ Уполномоченный представляетъ соображенія свои, вмѣстѣ съ письменными отзывами означенныхъ лицъ и мнѣніемъ повѣренныхъ, за ихъ рукоприкладствомъ.

21) По представленіи Уполномоченнымъ акта о полюбовномъ соглашеніи и плана нарѣзокъ, Палата разсматриваетъ, согласно-ли съ установленными правилами и съ разрѣшеніемъ Палаты онъ составленъ; приняты-ли въ соображеніе отзывы крестьянъ и другихъ лицъ; соблюдены-ли, всѣ предписанныя правила насчетъ обмѣновъ или уступокъ; если отступлено отъ данныхъ наставленій, то по какимъ уваженіямъ; выгодно-ли предположеніе для казны; необходимы-ли для соглашенія,

и могут ли быть допущены сдѣланныя въ первоначальномъ проектѣ измѣненія; и въ первомъ случаѣ, если актъ согласенъ съ данными предварительно отъ Палаты разрѣшеніемъ, она, не позже двухъ недѣль отъ полученія, утверждаетъ актъ и нарѣзки подписью оныхъ членовъ; а если актъ измѣняетъ предварительное предположеніе Палаты, она, или утверждаетъ, въ тотъ-же срокъ, предположенія Посредника и владѣльцевъ, и предписываетъ Уполномоченному приступить къ заключенію акта, или предполагаетъ противъ оныхъ необходимыя, по ея заключенію, перемѣны, о чемъ равнымъ образомъ сообщаетъ Уполномоченному, разрѣшая его при томъ, для соглашенія владѣльцевъ на предполагаемыя ею перемѣны, сдѣлать нѣкоторыя, по ея указанію и по мѣрѣ удобности, уступки.

22) По утвержденіи Палатою проекта, Уполномоченный составляетъ, вмѣстѣ съ Землемѣромъ и Посредникомъ, любовный актъ, который, за своею подписью, представляетъ въ Палату; при измѣненіи же составленнаго Посредникомъ и Уполномоченнымъ проекта, Уполномоченный сообщаетъ сдѣланныя Палатою измѣненія Посреднику и владѣльцамъ, которыхъ и старается согласить къ тому предоставленному ему, на основаніи предыдущей статьи, мѣрѣ.

23) Если сдѣланныя Посредникомъ предположенія объ измѣненіи составленнаго Палатою проекта превышаютъ власть Уполномоченнаго, на сей случай Палатою ему предоставленную, то сей послѣдній представляетъ оный проектъ, съ своими и потребныхъ крестьянъ замѣчаніями, Палатѣ.

24) Если Уполномоченный, не смотря на всѣ мѣры соглашенія, не найдетъ, съ своей стороны, возможности принять предложенія владѣльцевъ и Посредника, то обязанъ составить сказку о дѣйствительномъ количествѣ владѣнія казны, о причинахъ, препятствующихъ ему принять предложеніе, и о томъ, что окончательно должно быть отведено казнѣ, и какія уступки полагать бы онъ, съ своей стороны, возможнымъ сдѣлать, и по испрошеніи на сію сказку согласія Палаты, съ ея измѣненіями, представляетъ Посреднику, для поступленія тѣмъ порядкомъ, какъ выше сказано.

25) Уполномоченный, въ случаѣ несогласія владѣльцевъ, рассматриваетъ, вмѣстѣ съ Посредникомъ, поданныя сказки, выкажетъ въ причины несогласія, и содѣйствуетъ Посреднику всѣми мѣрами къ соглашенію, предлагая, съ разрѣшенія Палаты, даже нѣкоторыя уступки со стороны казны, и представляетъ обо всемъ, съ приложеніемъ полныхъ свидѣній о

причинахъ и уваженіяхъ, но конемъ владѣльцы не изъявляютъ согласія, Палатѣ.

26) Если владѣльцами или Посредниками въ представленномъ проектѣ предположены измѣненія, на кои Уполномоченный не изъявилъ согласія, то, по представленіи о томъ, съ его заключеніемъ, Палата разсматриваетъ сіи предположенія, какъ въ ст. 24-й постановлено, и даетъ разрѣшеніе въ кратчайшій срокъ, и отнюдь не позже двухъ недѣль.

27) Палата, при разрѣшеніи сихъ представлений, обязана тщательно заботиться о соглашеніи выгодъ казны съ цѣлю успѣшнаго размежеванія; и для достиженія оной, въ случаѣ необходимости, дозволяетъ Уполномоченному дѣлать уступки, безъ нарушенія предѣловъ власти, предоставляемой ей съ инструкціею.

28) Въ случаѣ необходимости, для соглашенія владѣльцевъ на такія уступки, кои превышаютъ власть Палаты, или въ случаѣ возраженій и несогласія крестьянскаго схода и дворянскихъ, Палата представляетъ все дѣло, съ мнѣніемъ своимъ, на разрѣшеніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, и даетъ знать о томъ Уполномоченному.

29) Если, не-смотря на всѣ мѣры, соглашенія не послѣдуетъ, то Палата разсматриваетъ представленія Уполномоченнаго, изыскиваетъ средства согласить участниковъ, даже съ уступками, не превышающими предѣловъ ея власти, и даетъ о семъ разрѣшеніе Уполномоченному, не позже двухъ недѣль отъ полученія представленія его, для сообщенія онаго Посреднику.

30) Если и за сие не послѣдуетъ соглашенія, и Палата не найдетъ возможности достигнуть онаго новыми уступками, хотя бы и съ разрѣшенія Министерства, то препровождаетъ дѣло въ Посредническую Комиссію, которая въ разсмотрѣніи и дальнѣйшемъ ходѣ онаго руководствуется установленными правилами; при чемъ Палата Государственныхъ Имуществъ присовокупляетъ и изложеніе причинъ, по которымъ она не могла изъявить согласія на требованія владѣльцевъ, и даетъ знать Уполномоченному о прекращеніи его дѣйствія до той датѣ.

31) Если же Палата признаетъ возможнымъ согласиться на требованіе владѣльцевъ, но такое соглашеніе превосходитъ степень данной ей власти, то представляетъ дѣло и заключеніе свое Министерству, и ожидаетъ его разрѣшенія, о чемъ и уведомляетъ Уполномоченнаго.

32) При разсмотрѣннн заключеній Уполномоченнаго, Палата, каждый разъ, соображаетъ опыа съ пишущимися въ виду ея отзывами лицъ, помменсванвыхъ въ ст. 6-й, и съ отзывами повѣренныхъ, но не стѣсняется омыми, полагаетъ заключеніе по совѣсти и справедливости; она наблюдаетъ, чтобы Уполномоченные не простирали несправедливыхъ притязаній къ частнымъ владѣльцамъ, и не дѣлали предположеній къ явному ущербу казны и крестьянъ, и въ обоихъ сихъ случаяхъ налагаетъ на нихъ различныя взысканія.

33) Когда послѣдуетъ окончательное соглашеніе на полюбовный разводъ, то Палата утверждаетъ актъ и планъ своею подписью, назначаетъ депутатами, для присутствія при исполненіи партѣи въ натурѣ, Окружнаго Начальника или другаго чиновника, и увѣдомляетъ о томъ Посредническую Комиссію, съ приложеніемъ акта и плана, для отсылки въ Уѣздный Судъ.

34) Если бы Палатѣ или Уполномоченному встрѣтилась надобность въ тѣхъ планахъ и свѣдѣніяхъ, которые относятся къ части земли, принадлежащей казнѣ, то они сносятся съ кѣмъ слѣдуетъ о доставленіи означенныхъ свѣдѣній.

35) Для соглашенія владѣльцевъ на любовный разводъ, предоставляется Палатѣ право утверждать окончательно по любовнымъ актамъ и партѣи по общимъ и чрезполоснымъ дачамъ: а) когда идетъ по обмѣновъ, по уступокъ, и отмежеваніе производится по настоящему дѣйствительному владѣнію; б) когда дѣлается обмѣвъ удобныхъ пахатныхъ, сѣнокосныхъ или выгонныхъ земель, также на удобныя, или лѣсовыя или лѣса, въ одинаковомъ пространствѣ и качествахъ; в) когда дѣлается уступка по каждой дачѣ не болѣе 5-ти процентовъ изъ всего количества казенной земли, находящагося въ дѣйствительномъ владѣніи казны или крестьянъ.

36) Правила сія не распространяются на дачи: а) по которымъ крестьяне не изъявляютъ согласія на обмѣвъ или уступку; б) по которымъ пишутся въ виду, по приговору общества, жалобы и искн крестьянъ на казну на завладѣніе землею частными лицами, окончательно неразрѣшенные судебными мѣстами; в) когда предполагается обмѣвъ удобныхъ земель на лѣса, или на оборотъ; г) когда уступка по одной дачѣ превышаетъ 50 десятинъ, и д) когда во владѣніи крестьянъ останется меньше $4\frac{1}{2}$ десятинъ на душу. Предположенія по таковымъ дачамъ представляются на разрѣшеніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, съ приложеніемъ тѣхъ данныхъ, по

конемъ нужно сдѣлать уступки, и съ приложеніемъ плана на-рѣзокъ и описанія угодій и съ присовокупленіемъ соображеній Палаты о надѣленіи крестьянъ землею, или о переселеніи желающихъ въ многоземельныя губерніи.

37) Въ случаѣ необходимости уступокъ для выгодъ казны и успѣшнаго размежеванія, Министерство можетъ окончательно разрѣшать таксы въ 10% количества земель, находящагося въ дѣйствительномъ владѣніи казны, но не болѣе, однакоже, 200 дес. по каждой дачѣ. На уступки болѣе сего количества, или на обмѣнъ земель и лѣсовъ, состоящихъ въ разныхъ дачахъ, испрашивается Высочайшее разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ.

38) Хотя въ размежеваніи земель и лѣсовъ, принадлежащихъ государственнымъ крестьянамъ въ личную крѣпостную собственность, владѣльцы ихъ, поселяне, участвуютъ наравнѣ съ прочими владѣльцами, или чрезъ повѣренныхъ, но Уполномоченный, какъ посредникъ со стороны казны и крестьянъ, содѣйствуетъ къ соглашенію ихъ на разводъ съ прочими владѣльцами, охраняя при томъ ихъ выгоды, по возможности. Онъ внушаетъ имъ всю пользу полюбовнаго размежеванія, руководствуетъ и наставляетъ ихъ въ соблюденіи установленного порядка, и убѣждаетъ въ необходимости обмѣновъ, но не стѣсняя ихъ воли при соглашеніи и не превратствуя имъ производить полюбовные разводы по собственному своему усмотрѣнію.

39) Не возбраняется Уполномоченному принимать на себя и званіе повѣреннаго отъ крестьянъ при полюбовномъ размежеваніи, по законной довѣренности, если бы они того пожелали.

40) Уполномоченный наблюдаетъ, чтобы крестьяне распоряжались при полюбовныхъ разводахъ на правѣ личной крѣпостной собственности, только тѣми землями, кои: а) пожалованы имъ или предкамъ ихъ въ вотчину. Высочайшими грамотами; б) приобрѣтены на точномъ основаніи указа 12 декабря 1801 года, и в) присуждены въ ихъ личную крѣпостную собственность окончательнымъ, вошедшимъ въ законную силу рѣшеніемъ судебныхъ мѣстъ. Прочія же присвоенныя крестьянамъ земли, до разбора ихъ правъ, должны быть нежусмы къ однимъ мѣстамъ нераздѣльно отъ казенныхъ.

41) Уполномоченный наблюдаетъ, чтобы государственные крестьяне, или повѣренные ихъ, въ отношеніи означенныхъ выше крѣпостныхъ своихъ земель, сохраняли сроки, для прочихъ владѣльцевъ по полюбовному размежеванію

назначенные, вступая имъ всѣ послѣдствія, отъ несоблюденія сроковъ для нихъ произойти могутъ.

42) Уполномоченный заступаетъ мѣсто государственнаго крестьянина владѣльца, неявившагося или неприславшаго въ срокъ повѣреннаго, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ и на тѣхъ же основаніяхъ и правахъ, какія предоставлены Посреднику въ отношеніи прочихъ владѣльцевъ отсутствующихъ.

43) Въ отношеніи земель, принадлежащихъ въ личную крѣпостную собственность государственныхъ крестьянъ, Палата, съ своей стороны, наблюдаетъ: а) чтобы таковыя участки въ дачахъ приведены были въ положительную извѣстность; б) чтобы имѣющими право отмежеваться особо, въ правахъ частныхъ владѣльцевъ, признаваемы были только тѣ крестьяне, кои владѣютъ землями на основаніяхъ, изложенныхъ въ ст. 40-й; в) чтобы прочіе, оставаясь въ пользованіи тѣми участками или такимъ-же пространствомъ земли, какимъ владѣютъ нынѣ по правамъ, неразсмотрѣннымъ еще окончательно судебными мѣстами, были межованы особо отъ частныхъ владѣльцевъ, вмѣстѣ съ прочими крестьянами; г) чтобы крестьяне, имѣющіе личное крѣпостное владѣніе, на основаніи правилъ, въ той-же 40 статьѣ упомянутыхъ, были вызваны въ узаконенный срокъ чрезъ Посредниковъ, и д) чтобы имъ объяснены были мѣры Правительства насчетъ полюбовнаго межеванія, и польза, для нихъ самихъ отъ онаго послѣдующая, и указаны порядокъ и способы сего межеванія, и чтобы они приглашены были немедленно избрать для того повѣренныхъ или подать сами сказки, и приступить къ соглашенію.

44) На основаніи сего, Уѣздные Посредники признаютъ имѣющими право подавать сказки или назначать повѣренныхъ отъ своего лица, только тѣхъ крестьянъ, дѣйствительное владѣніе коихъ будетъ удостовѣрено Палатою.

45) Предположенія о размежеваніи земель и лѣсовъ, принадлежащихъ въ личную крѣпостную собственность крестьянамъ, не восходятъ на утвержденіе Палаты; крестьяне имѣютъ право располагать ими вполне, какъ и всѣ прочіе частныя владѣльцы, исключая однако же государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, неисполнявшихъ еще обязанностей въ отношеніи къ бывшимъ своимъ помѣщикамъ; сіи послѣдніе могутъ межеваться полюбовно иначе, какъ съ согласія тѣхъ помѣщиковъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему Г. Военнаго Министра докладу просьбы отставнаго Подпоручика Фокѣева, объ отводѣ ему участка земли для прокормленія съ семействомъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Отставныхъ офицеровъ регулярныхъ войскъ, неимѣющихъ осѣдлости и средствъ къ существованію, водворять, по желанію ихъ, на земляхъ Оренбургскаго Казачьяго Войска, находящихся между старой и новой линіями, свободныхъ отъ пользованія войсковыхъ обывателей и кочующихъ тамъ Киргизъ, надѣляя ихъ поземельными участками, въ той пропорціи, какая определена будетъ офицерамъ казанскаго сословія Оренбургскаго Казачьяго Войска, но съ тѣмъ (а) чтобы таковыя отставныя офицеры, вмѣстѣ съ водвореніемъ на казанскихъ земляхъ, были причисляемы, съ семействами ихъ, къ Оренбургскому Казачьему войску, навсегда; съ потомствомъ и б) чтобы для водворенія на казанскихъ земляхъ никакихъ болѣе воспомощеній отъ правительства не испрашивали.

И 2) На этомъ основаніи разрѣшить и просьбу отставнаго Подпоручика Фокѣева объ отводѣ ему участка земли, для прокормленія съ семействомъ.

— Въ Высочайшемъ указѣ, за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ Правительствующему Сенату, сентября 3-го, изображено «Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія Нашего Иркутскому 1-й гильдіи купцу, Потомственному Почетному Гражданину Еому Кузнецову, какъ за всѣ отдѣланныя имъ до сего времени значительныя пожертвованія для общепользныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ Восточной Сибири, такъ и за изъявляемую имъ готовность сдѣлать новыя, тоже значительныя, пожертвованія на пользу этого края, Всемилостивѣйше жалуемъ его, не въ примѣръ другимъ, въ Статскіе Совѣтники, съ тѣми по этому чину правами, какія имамъ купческаго званія принадлежатъ въ обыкновенномъ порядкѣ на основаніи статьи 46-й тома IX Свода Законовъ о состоящихъ по VI-му Продолженію.»

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, ходатайства Генерал-Губернатора Восточной Сибири, о дозволеніи иркутскому обществу поставить въ домъ оного портретъ Почетнаго Гражданина

дашна Ефима Кузнецова, въ знакъ признательности за многіе подвиги благотворительности на пользу общую, и подвести ему письменное изъявленіе благодарности, изъявляя за это Высочайшее свое соизволеніе.

— По ходатайству Исправляющаго должность Нижегородскаго Губернскаго Предводителя объ утвержденіи предположенія тамошняго Дворянства, насчетъ прибавки къ состоящимъ, по Высочайше-утвержденному, въ 1 день марта 1845 г., Уставу Нижегородскаго Дворянскаго Института, 22 дворянскимъ воспитанникамъ, еще двухъ, на дворянскомъ вѣдѣніи, съ именованіемъ ихъ воспитанниками Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, въ память радостнаго посѣщенія Ихъ Высочествами Нижняго-Новгорода, Государь Императоръ, изъявивъ на сіе Высочайшее соизволеніе, изволилъ при томъ повелѣть: объявить Дворянству Нижегородской губерніи, за таковое его приношеніе и вѣрноблагочестивое усердіе, Монаршее Его Императорскаго Величества благоволеніе.

— Помѣщикъ Тульской губерніи, отставной Поручикъ Белизаровъ, предоставивъ духовнымъ завѣщаніемъ, совершеннымъ у крѣпостныхъ дѣлъ 2-го Департамента Московскіи Гражданской Палаты, Голицынской-больницы въ Москвѣ въ вѣчное владѣніе благопріобрѣтенное имѣніе свое, Крапивенскаго уѣзда, 242 души, и часть денежнаго капитала на перестройку состоящей того же уѣзда въ селѣ Панинѣ церкви, просилъ имѣніе сіе принять въ вѣдомство больницы еще при жизни его, съ сохраненіемъ права пользоваться доходами оного до смерти.

По всеподданнѣйшему о семъ докладу Статс-Секретаря Гофмана, Его Императорское Величество, изъявивъ Всемилоствѣйшее соизволеніе на принятіе въ пользу московскіи Голицынской-больницы и церкви села Панина означеннаго пожертвованія отставнаго Поручика *Белизарова*, Высочайше повелѣть изволилъ объявить ему за оное Монаршее благоволеніе.

О таковой Высочайшей волѣ, Г. Управляющіи Министерствомъ Юстиціи предложили Правительствующему Сенату, присвокупивъ, что жертвователю Белизарову умеръ 23 минушаго августа.

— Въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія о приведеніи въ всеобщую извѣстность благотвореній, которыми покой-

ный Почетный Гражданинъ Михаилъ Ивановичъ Крашениниковъ ознаменовалъ послѣдніе годы своей жизни, скрывая имя свое втайнѣ, увѣдомляемъ, что исчисленный прежде итогъ его благодѣтельныхъ пожертвованій, простиравшійся до 480,000 р. сер., надобно увеличить еще 30,000 р. сер., завѣщанными въ пользу города Юрьева, Владимірской Губерніи, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ сдѣланы были имъ пожертвованія для городовъ губерніи Московской. Такимъ-образомъ, вся сумма доселѣ извѣстныхъ благотворительныхъ пожертвованій этого достойнаго вѣчной памяти мужа, простирается по настоящее время до 510,000 р. сер.

— Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу представленія Г. Управляющаго Новороссійскимъ Краемъ, о пожертвованіи дворянствомъ Херсонскаго уѣзда 1,500 р. сер. для воспитанія въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній, двухъ малолѣтнихъ дѣтей бѣднѣйшихъ дворянъ сего уѣзда, по случаю оканчивающагося двадцати-пяти-лѣтія благополучнаго царствования Его Императорскаго Величества, повелѣть соизволилъ: объявить дворянамъ Херсонскаго уѣзда Высочайшую Его Величества благодарность, за таковое выраженіе чувствъ вѣрноподданческаго ихъ усердія и преданности.

— *С. Петербургская городская роспись на 1850 годъ.* (Изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.)

Всѣ мѣры, принимаемыя Правительствомъ по устройству общественнаго хозяйства городовъ, имѣютъ предметомъ, цѣлю и слѣдствіемъ ту или другую статью дохода или расхода; а потому, чтобы судить о вліяніи этихъ мѣръ на разныя отрасли городской дѣятельности въ отношеніяхъ административномъ, промышленномъ, правственномъ и т. д., достаточно сравнить между-собою подробные счета доходовъ и расходовъ какого-либо города за извѣстное число лѣтъ. Эти финансовыя счета, представляя, такъ-сказать, историческій перечень важнѣйшихъ событій общественной жизни городовъ, столь же полезны въ чисто-статистическомъ отношеніи, сколько необходимы для разныхъ соображеній по устройству городскихъ денежныхъ оборотовъ, какъ въ настоящее, такъ и, въ особенности, на будущее время. Поэтому нельзя не жалѣть, что эта важная часть

хозяйственно-административной статистики обратила на себя должное вниманіе лишь въ самое недавнее время *.

Впрочемъ, по здѣшней столицѣ сохранился весьма-любопытный документъ о количествѣ ея доходовъ, не только въ общей ихъ сложности, но и по отдѣльнымъ статьямъ, еще въ 1723 году, то-есть за два года до кончины Императора Петра Великаго и чрезъ двадцать лѣтъ послѣ основанія С. Петербурга. Этотъ документъ заключается въ книгѣ, нынѣ весьма рѣдкой, изданной при Правительствующемъ Сенатѣ въ 1727, подъ названіемъ «Описаніе Губерній», гдѣ, въ числѣ многихъ интересныхъ свѣдѣній, помѣщена и роспись С. Петербургскихъ доходовъ за 1723 годъ, которую мы выписываемъ слово-въ-слово.

Руб. К.

Таможенныхъ	37,920	80 ¹ / ₄
Портовыхъ, кромѣ внутреннихъ денегъ и ефимковъ, собрано	180,923	80 ¹ / ₄
Кабачныхъ	128,077	44 ³ / ₄
Табачныхъ	8,597	67 ¹ / ₄
Хомутовыхъ съ извозчиковъ	531	33 ¹ / ₄
Съ ледоколу и водопою	122	88
Съ торговыхъ бань	1,102	28 ¹ / ₄
Съ рыбныхъ ловель	118	23
Съ лавокъ и съ анбаровъ	20,837	66 ¹ / ₄
Канцелярскихъ мелочныхъ	5	28
Съ палыхъ лошадей и скотинныхъ кожъ	744	38 ³ / ₄
Съ найму извозчиковъ десятой доли	180	56 ¹ / ₄
Съ квасовъ	113	64 ¹ / ₄
Съ дегтя		55
Конныхъ пошлянъ	2,428	70 ¹ / ₄
Въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ съ дѣлъ пошлянъ	27,756	10
Печатныхъ пошлянъ въ С- Петербургѣ въ Печатномъ Приказѣ	6,971	47
Съ письма крѣпостей въ С. Петербургѣ	13,829	63

* Въ Парижѣ, напримѣръ, подробныя и обстоятельныя за каждый годъ свѣдѣнія о городскихъ финансахъ не восходятъ далѣе 1797 года.

Съ судовъ привалнаго и отвальнаго	992 28 ¹ / ₂
Партикулярной верфи съ перевозовъ	16,024
Съ почтъ почтоваго сбору	16,261 2

Итого 457,264 69¹/₂

Въ настоящее время, большая часть доходовъ этого отдѣленнаго отъ насъ времени, какъ-то: таможенные и почтовые сборы, винный откупъ, сборъ съ гербовой бумаги, акцизъ съ табаку и проч., поступаютъ въ общую Государственную Казну; нѣкоторые же изъ доходовъ того времени, какъ на-примѣръ: съ ледоколенъ и торговых бань, нынѣ вовсе не существуютъ. Впрочемъ по нѣимѣнно соотвѣстной росписи расходовъ, нельзя опредѣлить съ достовѣрностію, точно-ли всѣ вышеприведенныя и по тогдашнему времени немаловажныя статьи дохода обращались на удовлетвореніе тѣхъ мѣстныхъ надобностей которыя лежатъ нынѣ на городскомъ отчетѣ.

Въ 1724 году, по С.-Петербургу, какъ сказано въ томъ-же «Описаніи Губерній», сборовъ всякихъ было въ приходѣ 379 802 руб. 96 к.; а въ 1760, когда столичное населеніе, и всему вѣроятію, превышало уже 100,000 душъ, доходы города возрасли до 600,000 р.,—суммы чрезвычайно значительной, если принять въ соображеніе, что въ то время доходы цѣлаго Государства (исключая поголовную подать) простирались только до 4,400,000 р. Въ 1779 году, народонаселеніе С. Петербурга увеличилось до 170,000 человекъ, но объ общемъ количествѣ доходовъ и расходовъ того времени, къ сожалѣнію, свѣдѣній нѣтъ; извѣстно только, что одинъ винный откупъ приносилъ городу уже болѣе милліона рублей, а портовой доходъ съ полученія пошлинъ за привозъ и отпускъ товаровъ соотвѣтствовалъ почти такой-же суммѣ.

Нынѣшняя система городскихъ доходовъ, въ общихъ и главныхъ чертахъ ея, опредѣлена Городовымъ Положеніемъ или Грамотою 1785 года; но какъ указанные въ ономъ источники не могли удовлетворять всѣмъ мѣстнымъ надобностямъ, то для С.-Петербурга издаваемы были время-отъ-времени особыя частныя Положенія, изъ коихъ важнѣйшія суть: 19 января 1804, 7 апрѣля 1820 и 13 ноября 1836 года. Хотя вновь открытыя сими Положеніями статьи доходовъ были весьма значительны, однако надлежащее равновѣсіе въ денежныхъ оборотахъ города было достигнуто не раньше 1842 года. Мѣры, принятыя съ этою цѣлію Правител

ною Думою. и потомъ передаются въ Думу Общую, которая для подробнаго разсмотрѣнія Росписи, образуетъ изъ своихъ Членовъ, отъ всѣхъ пяти Отдѣленій, или сословія городского общества, особую Коммиссію. Соображенія сей послѣдней, вмѣстѣ съ Росписью, разсматриваются въ Общей Думѣ, по Отдѣленіямъ, и заключеніе каждаго изъ нихъ передается по принадлежности въ Думу Распорядительную, которая дополняетъ или исправляетъ Роспись согласно съ приговоромъ Общей Думы, и за тѣмъ представляетъ къ главному начальнику столицы, для разсмотрѣнія въ особомъ Губернскомъ Комитетѣ, состоящемъ изъ начальниковъ разныхъ частей губернскаго управленія (Гражданскаго Губернатора, Обер-Полицеймейстера, Начальника мѣстнаго Округа Путей Сообщенія) и Городскаго Головы съ пятнадцатью депутатами отъ Городской Общей Думы (полагая по три на каждое Отдѣленіе). Въ тотъ-же Комитетъ передаются Военнымъ Генерал-Губернаторомъ поступающія къ нему прямо изъ Строительнаго Вѣдомства исчисленія расходовъ по ремонту городскихъ устройствъ и сооруженію новыхъ. Комитетъ, постановивъ заключеніе по статьямъ, внесеннымъ Городскою Думою въ Роспись, дополняетъ ея смѣтными назначенія расходами по строительной части, и составленная такимъ образомъ Роспись представляется, чрезъ Министерство В. Д., въ Государственный Свѣтъ, для испрошенія Высочайшаго утвержденія.

По С.-Петербургской Городской Росписи на 1850 годъ, разсмотрѣнной вышеизложеннымъ порядкомъ * и удосто-

* Въ Коммиссію для подробнаго разсмотрѣнія и обсужденія Росписи избраны были Общею Думою гг. Гласные: а) отъ Отдѣленія владѣльцевъ изъ потомственныхъ дворянъ: Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ (предсѣдательствующій), Федоръ Петровичъ Лубяновскій, Александръ Федоровичъ Веймарнъ, Иванъ Григорьевичъ Желѣзовъ, Александръ Максимовичъ Княжевичъ, Василій Дмитриевичъ Коновскій и Александръ Степановичъ Джуковскій; б) отъ Отдѣленія владѣльцевъ изъ личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ: Василій Федоровичъ Набилковъ, Василій Абрамовичъ Алаеровскій и Михаилъ Федоровичъ Ильинъ; в) отъ Купческаго Отдѣленія: Кирилъ Кирилловичъ Накушкинъ, Василій Матвѣевичъ Звѣрковъ, Василій Ивановичъ Маркеловъ и Яковъ Федоровичъ Кулеминъ; г) отъ Мѣщанскаго Отдѣленія: Спиридонъ Ксаверіановичъ Копоруловъ и Алексѣй Семеновичъ Фалинъ, наконецъ; д) отъ Ремесленнаго Отдѣленія Василій Ивановичъ Комиссаровъ, Савелій Ивановичъ Малковъ и Иванъ Францовичъ Фрикъ. Затѣмъ, редакцію всѣхъ бумагъ на это-

енной Высочайшаго утвержденія 3-го іюля, исчислено:

расходовъ	2.038,466 р. 54 ¹ / ₄ к.
доходовъ	2.117,423 р. 82 ³ / ₄ к.
остатка	78,957 р. 28 ¹ / ₄ к.

сверхъ-того, расходовъ чрезвычайныхъ, насчетъ особыхъ источниковъ, 770,810 р. 94¹/₄ к.

Общая же сумма расходовъ простирается до 2.809,286 р. 49 к., а средства для покрытія оныхъ исчислены въ 2.888,243 р. 77¹/₄ к.

Роспись расходовъ (кромя одновременныхъ и чрезвычайныхъ) заключаетъ въ себѣ *восемьдесятъ-четыре* статьи, кои относятся къ нижеслѣдующимъ главнымъ отдѣленіямъ:

I. Уплата долговъ (Опекунскому Совѣту, Государственному Заемному Банку, Приказу Общественнаго Призрѣнія, Лейб-Гвардіи Семеновскому Полку и Маринскому Институту). 127.347 11 руб. коп.

II. Содержаніе мѣстъ и лицъ городского управленія (общественнаго, полицейскаго, судебного; строительнаго и тюремной части). 655,835 73¹/₄.

III. Помѣщеніе мѣстъ и лицъ городского управленія, а также содержаніе городскихъ зданій и заведеній (наемъ и содержаніе дома Военнаго Генерал-Губернатора, зданій полицейскихъ и тюремныхъ городскихъ амбаровъ, Екатерингофа и проч.) 109,027 62¹/₄

IV. Наружное благоустройство города (ремонтъ городскихъ зданій и заведеній, мостовъ, шоссе, мостовыхъ, тротуаровъ и набереж-

ну предмету занимались: А. С. Джунковскій и В. Д. Комовскій при содѣйствіи В. А. Алѣероваго, Н. Ф. Шлына, В. М. Звѣркова: В. И. Маркелова и Я. Ф. Кулемина. По разсмотрѣніи же заговленной Росписи, Общая Дума избрала для окончательнаго дополненія ея и вообще для участія въ Губернскомъ Комитетѣ, слѣдующихъ депутатовъ: а) отъ Отдѣленія владѣльцевъ изъ потомственныхъ Дворянъ: Федора Петровича Лубановскаго, Александра Федоровича Веймарна и Александра Степановича Джунковскаго; б) отъ Отдѣленія владѣльцевъ изъ личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ: Василія Федоровича Набилкова и Василія Абрамовича Алѣероваго, в) отъ Купеческаго Отдѣленія: Кирилла Кирилловича Никушкина, Василія Ивановича Маркелова и Якова Федоровича Кулемина; г) отъ Мѣщанскаго Отдѣленія: Спиридона Ксаверіановича Копорудина и Алексѣя Семеновича Фалана; д) отъ Ремесленнаго Отдѣленія: Никиту Максимовича Комарова и Ивана Фравцовича Фрика.

ныхъ, содержаніе подземныхъ трубъ, устро-
еніе мостковъ и спусковъ чрезъ Неву, содер-
жаніе садовъ и аллей, очищеніе троттуаровъ,
улицъ и площадей, освѣщеніе улицъ и проч. 345,401 45

V. Помѣщеніе войскъ (выдача квартирныхъ
денегъ, наемъ помѣщеній, содержаніе ка-
зармъ, Ордованс-Гауза, караульныхъ до-
мовъ, зданий Петропавловской-Крѣпости и п.) 225,709 61%

VI. Содержаніе учебныхъ и благотвори-
тельныхъ заведеній (народныхъ училищъ,
Дома Трудолюбія, больницъ: Обуховской,
Петропавловской, Св. Маріи-Магдалины, по-
собіе Комитету для разбора нищихъ и Обще-
ству посѣщенія бѣдныхъ, содержаніе город-
скихъ богадѣленъ и разныхъ другихъ бого-
угодныхъ заведеній 222,839 10%

VII. Пособія постороннимъ вѣдомствамъ
(содержаніе чиновниковъ по дѣламъ город-
скаго хозяйства при Министерствѣ Внутрен-
нихъ Дѣлъ и управленій Гражданскаго и Во-
еннаго Генерал-Губернаторовъ; пособіе Ко-
митету 19 августа 1814., Дирекціи Император-
скихъ театровъ и проч.) 87,452 12%

VIII. Мелочныя и непредвидимыя издержки
(заготовленіе извозчицкихъ билетовъ, печатаніе
публикацій, переплетъ журналовъ присут-
ственныхныхъ мѣстъ и т. п.) 19,190 27%

Итого 1.792,703 4

Кромѣ-того:

а) Расходы единовременные:

Содержаніе Комиссіи для введенія новаго
общественнаго управленія въ С.-Петербургѣ,
издержки по описанію недвижимыхъ иму-
ществъ Столицы, помѣщеніе долговыхъ аре-
стантовъ и проч.; а также капиталныя строи-
тельныя работы, изъ коихъ важнѣйшія суть:
перестройка Сѣважаго-дома IV Адмиралтей-
ской Части, постройка новаго Воскресенска-
го пловучаго моста, проложеніе подземныхъ
трубъ въ разныхъ частяхъ города, передѣл-

ка гранитныхъ тротуаровъ на переходахъ
 чрезъ улицы и площади, устройство набереж-
 ной рѣки Невы, отъ городской черты до
 Бѣлаго-Охтенскаго-перевоза 245,763 50' /,

б) Расходы чрезвычайные (относимые на
 счетъ особыхъ источниковъ): погашеніе дол-
 говъ по нѣкоторымъ займамъ, продолженіе ра-
 ботъ по устройству Александровскаго-парка,
 перестройка зданія Городской Думы и проч.). 770.819 94' /,

а всего 2.809,286 49

Роспись доходовъ (кромя чрезвычайныхъ) заключаетъ въ
 себѣ *шестьдесятъ четыре* статьи, кои относятся къ ниже-
 слѣдующимъ главнымъ отдѣленіямъ:

Руб. коп.

I. Доходы городскихъ общественныхъ
 имуществъ (земель, буяновъ и оброчныхъ
 статей) 182,881 66' /,

II. Прямые налоги на владѣльцевъ не-
 движимой собственности въ городѣ и на
 другихъ осѣдлыхъ обывателей Столицы (съ
 недвижимыхъ имуществъ по оцѣнкѣ, съ за-
 писки гражданъ въ Обывательскую Книгу,
 съ охтенскихъ крестьянъ за содержаніе По-
 лции и проч.) 848,110 87' /,

III. Прямые налоги на промышленниковъ
 разнаго рода (съ торговцевъ, ремесленни-
 ковъ, пивоваровъ, извозчиковъ, содержа-
 телей городскихъ дилижансовъ, слугъ и ра-
 бочихъ, съ разныхъ промышленниковъ при
 биржѣ, съ содержателей трактирныхъ и
 другихъ заведеній, а также пароходовъ и
 судовъ) 585,744 32' /,

IV. Налоги косвенные (сборы съ клей-
 менія вѣсовъ и мѣръ, и приходящихъ су-
 довъ, съ привозимаго въ здѣшнюю при-
 стань хлѣба, съ актовъ и договоровъ, съ
 аукціонныхъ продажъ и лоттерей). 211,168 70

V. Доходы вспомогательные (отъ казны,
 въ замѣнъ таможенныхъ и питейныхъ сбо-

ровъ; а также возвратъ издержекъ, за освѣщеніе Думою улицъ передъ казенными домами).

246,737 17'/

VI. Доходы случайные (штрафы и пени, трехгодичная подать съ иностранныхъ гостей при выѣздѣ ихъ изъ Россіи и проч. .

42,780 89

итого 2,117,423 82'/

Кромѣ-того:

Доходы чрезвычайные (часть городского остаточнаго капитала, предназначенная на погашеніе долговъ и на постройку зданія Городской Думы, остатокъ отъ суммъ, ассигнованныхъ на работы 1849 года, обращаеый на продолженіе работъ по устройству Александровскаго-парка, и проч.) .

770,819 94'/

а всего 2,888,243 77'/

Въ то же время состояніе городскихъ капиталовъ и долговъ было слѣдующее:

Капиталовъ, съ нарощими процентами:

а) Неприкосновенныхъ, имѣющихъ особое назначеніе (на устройство Невскаго берега, плашкоутовъ, на устройство казармъ, на урегулированіе улицъ и на выдачу пенсій)

Руб. коп.
490,752 49

б) Остаточныхъ или запасныхъ капиталовъ

1,043,656 88'/

в) Недоимочнаго.

253,960 57'/

1,788,369 75

Долговъ (по случаю устройства и улучшенія благотворительныхъ заведеній, устройства набережной рѣки Фонтанки и береговъ Обводнаго-канала, новаго чрезъ Неву моста, очищенія Фонтанки и на другіе общепользные предметы).

1,409,278 72

При разсмотрѣніи настоящей Росписи, Общая Дума, какъ

* Эта сумма, образовавшаяся отъ непоступленія городскихъ сборовъ, должна уменьшиться вслѣдствіе поступленія недоимокъ, а также сложенія тѣхъ изъ нихъ, которыя оказываются безнадлежными; поступающія же недоимки причисляются къ запасному капиталу.

и въ предшествовавшіе два года, не ограничивалась одними текущими оборотами, но входила въ подробныя соображенія по разнымъ предметамъ столичнаго хозяйства. Соображенія эти, не считая тѣхъ, по коимъ приняты нужныя мѣры самою Распорядительною Думою, въ предѣлахъ предоставленной ей власти, изложены въ *тридцати-одномъ* пунктѣ общественного приговора, и всѣ имѣють цѣлью доставленіе новыхъ выгодъ городу и его обывателямъ. По разсмотрѣніи Губернскимъ Комитетомъ и Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, сказанныя предположенія, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, удостоены Высочайшаго одобренія Государя Императора, и нынѣ приводятся уже въ дѣйствіе. Важнѣйшія изъ нихъ суть:

1) Погашеніе старыхъ долговъ города. По недостатку собственныхъ средствъ, городъ вынужденъ былъ заключать, въ разное время, займы въ Опекунскомъ Совѣтѣ, Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, Государственномъ Заемномъ Банкѣ и т. д., для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ своихъ нуждъ, именно: на исправленіе поврежденій и потерь, причиненныхъ наводненіемъ 1824 года, на учрежденіе разныхъ общепользныхъ заведеній, на перестройку Свѣзжихъ домовъ, на устройство набережной рѣки Фонтанки и береговъ Обводнаго-канала, а въ послѣднее время на окончаніе работъ по сооруженію постоянного чрезъ рѣку Неву моста и на очистку или углубленіе рѣки Фонтанки. Количество этихъ долговъ, за произведенными, въ теченіе прежнихъ лѣтъ, уплатами, составляло къ 1 мая 1849 года 1,409,278 р. 72 к. сер. Общая Дума, имѣя въ виду, что городъ, уплачивая за сдѣланные займы по 5% (всего 127,247 р. 11 к. въ годъ) и получая съ капиталовъ своихъ по 4%, ежегодно теряетъ болѣе 10,000 р. сер., признала, въ видахъ сокращенія расходовъ, необходимымъ и по состоянію запасныхъ капиталовъ возможнымъ, нынѣ же уплатить изъ нихъ 651,819 р. 94½ к., для чего и внесла эту сумму въ Роспись.

2) Лучшее и выгоднѣйшее размѣщеніе городскихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. Въ послѣднее время перестроены и значительно распространены противъ прежняго: домъ С.-Петербургскаго Обер-Полицеймейстера и Свѣзжіе дома II, III и IV Адмиралтейскихъ и Каретной частей. Посему Общая Дума, еще въ 1848 году, ходатайствовала, чтобы въ перестроенныхъ зданіяхъ, кромѣ поли-

цейскихъ частей, для коихъ собственно они предназначаются, помѣщены были, но возможности, и другія городскія учрежденія, коимъ нанимаются теперь квартиры въ частныхъ домахъ. Въслѣдствіе сего, согласно съ Высочайше-утвержденнымъ, 3 мая 1848 года, мѣшнемъ Государственнаго Совѣта, поручено было особой Коммиссіи, вмѣстѣ съ депутатами Общей Думы, обозрѣть полицейскія и вообще городскія зданія въ гдѣшней Столицѣ, и предположенія свои о размѣщеніи въ нихъ мѣстъ и чиновъ, имѣющихъ право на квартирное довольствіе отъ города, представить на утвержденіе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ. На семъ основаніи, Коммиссія произвела подробный осмотръ 43 зданій, и представила соображенія свои по сему предмету, кои приводятся нынѣ въ дѣйствіе, и должны сократить городской расходъ на 6,000 р. сер. въ годъ.

3) Устройство хлѣбной пристани. Суда и барки съ хлѣбомъ, приходяція въ столицу по вѣзмъ тремъ системамъ: Вышневолоцкой, Тихвинской и Маринской, пристають къ лѣвому берегу рѣки Большой-Невы, между Обводнымъ-каналомъ и фабрикою Барона Штиглица. Весь этотъ берегъ, коего одна часть (почти до Мало-Охтенскаго перевоза) принадлежитъ Александроневской-Лаврѣ, а другая городу, оставался до сего времени совершенно неустроеннымъ, къ крайнему стѣсненію хлѣбныхъ торговцевъ; а потому еще въ 1846 году установленъ съ нихъ особый, собственно на устройство пристани, сборъ. Сборъ этотъ составилъ уже весьма значительную сумму, и затѣмъ, согласно съ ходатайствомъ Общей Думы, въ нынѣшнемъ же году положено приступить къ обдѣлкѣ на городской землѣ набережной, которая устроена будетъ изъ булыжнаго камня, въ видѣ откоса, съ лѣстницами, причальными тумбами и перилами. На эту работу исчислено всего 92,988 р., въ число коихъ ассигновано на текущей годъ 52,988 р. сер.

4) Очистка рѣкъ и каналовъ внутри столицы. Это важнѣйшее для блага города предпріятіе съ давнихъ поръ обращало на себя особенную заботливость Правительства. Еще въ 1828 году, предположено было, для предохраненія рѣкъ и каналовъ отъ засоренія, устроить, параллельно съ Фонтанкою и Мойкою, крытые каналы въ море, для стока нечистотъ, и на то откладывать изъ городскихъ доходовъ по 50,000 р. асс. въ годъ. Такимъ-образомъ къ 1833 году составилась капиталъ въ 200,000 р. асс., кромѣ процентовъ;

но дальнейшее приращение его прежнимъ порядкомъ приостановлено, по недостаточности городскихъ доходовъ на покрытие издержекъ, нетерпѣвшихъ отлагательства. Въ то же время составлено было предположеніе объ устройствѣ для стока грязи и нечистотъ съ улицъ, дворовъ и прочихъ мѣстъ, водочистительныхъ колодцевъ при устьяхъ главныхъ городскихъ подземныхъ трубъ и тѣхъ, которыя принадлежатъ большимъ заведеніямъ, публичнымъ или заводскимъ, и торговымъ банямъ: первыхъ на счетъ городскихъ суммъ, а послѣднихъ — на счетъ заведеній или хозяевъ. На семъ основаніи произведено устройство колодцевъ по берегамъ рѣки Мойки, устройство же параллельныхъ крытыхъ каналовъ, какъ представившее неопредолимыя затрудненія по физическому положенію столицы и по соотношенію между собою рѣкъ и каналовъ, оставлено безъ исполненія, и собранный на этотъ предметъ капиталъ употребленъ былъ, въ 1843 году, на возобновленіе набережной рѣки Фонтанки, отъ Прачечнаго-моста до Аничкова. Въ такомъ положеніи дѣло это находилось до 1848 года, когда Общая Дума предположила позаймствовать немедленно потребную на очистку рѣкъ и каналовъ сумму въ Государственныхъ Кредитныхъ Установленіяхъ, съ уплатою этого займа изъ ожидаемаго приращенія городскихъ доходовъ отъ устройства разныхъ хозяйственныхъ заведеній. Велѣдствіе сего, на очистку или углубленіе всей рѣки Фонтанки

* Устройство сихъ колодцевъ слѣдующее: яма въ $8\frac{1}{2}$ арш. длины, въ $4\frac{1}{2}$ ширины, вырывается въ землѣ до 5 и болѣе аршинъ глубины, и раздѣляется тремя параллельными стѣнами, по ширинѣ своей, на четыре части, составляющія четыре бассейна. Изъ подземной трубы грязная вода втекаетъ въ первый бассейнъ, гдѣ видѣется до-тѣхъ-поръ, пока не дойдетъ до желѣзной рѣшотки въ первой стѣнѣ, на одинаковой высотѣ съ подземною трубою устроенной. Черезъ рѣшотку сію, непронускающую никакихъ крупныхъ вещей, вода, сбѣжавшая въ бассейнѣ осадку всякаго сора, входитъ уже нѣсколько очищенной во второй бассейнъ, въ которомъ такимъ-же образомъ дѣлается осадку грязи, и чрезъ рѣшотку, въ стѣнѣ устроенную, изливается въ третій бассейнъ. На дно третьяго и четвертаго бассейновъ кладутся до известной вышины булыжные камни, и отверстіе въ стѣнѣ, бассейны сіи раздѣляющей, дѣлается у самаго дна такимъ-образомъ, что вода не можетъ изъ третьяго бассейна перейти въ четвертый иначе, какъ процѣживаясь между камнями, и поднимаясь въ послѣднемъ бассейнѣ до вышины, на которой устроенъ конецъ подземной трубы, по нему она, достаточно очищенная, изливается въ рѣку или каналъ.

посредствомъ воротныхъ черпаковъ, съ устройствомъ по набережнымъ ея, при истокахъ трубъ, водочистительныхъ колодцевъ, составленъ былъ проектъ, по которому потребныя на то издержки исчислены въ 140,000 р. сер. Сумма эта отпущена въ 1849 году, и лѣтомъ того же года произведены предположенныя работы, за исключеніемъ растiski мелей въ немногихъ мѣстахъ, что дѣлается нынѣ. На очистку же прочихъ семи водяныхъ сообщеній въ С.-Петербургѣ, именно рѣкъ Мойки и Пряжки, и каналовъ Ватеринскаго, Крюкова, Новоадмиралтейскаго, Новогородскаго и около Сальнаго-буяна, также посредствомъ воротныхъ черпаковъ, составлены проекты, которые вслѣдъ за симъ будутъ приведены въ дѣйствіе, для чего потребуются, примѣрно, 107,000 р. с. Такимъ-образомъ, С.-Петербургскіе жители, согласно предназначеніямъ Общей Думы, въ самомъ скоромъ времени будутъ обеспечены въ одной изъ главнѣйшихъ жизненныхъ потребностей, и все это будетъ достигнуто безъ введенія новыхъ налоговъ въ столицѣ.

Въ-заключеніе остается присовокупить, что всѣ предположенія Общей Думы удостоены особеннаго вниманія Государственнаго Совѣта, въ Высочайше-утвержденномъ мнѣніи коего (отъ 3 іюля сего года) изображено: «Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ о С.-Петербургской Городской Росписи на 1850 годъ, не могъ не остановить вниманія своего на статьяхъ предложеній Общей Городской Думы, какъ доказывающихъ заботливость ея о городскомъ хозяйствѣ. Польза сихъ предложеній, изъ коихъ весьма многія вполне раздѣляетъ и Губернскій Комитетъ, а Министръ признаетъ подлежащими утвержденію, оправдывается тѣмъ, что—съ того времени, какъ введено новое образованіе городского управленія въ здѣшней столицѣ и Общая Дума начала, по обязанности своей, входить въ подробное соображеніе всѣхъ статей городскихъ доходовъ и расходовъ, изыскивая средства къ усиленію первыхъ, безъ новаго отягощенія жителей, и къ сокращенію послѣднихъ, безъ остановокъ въ удовлетвореніи потребностей—по Городскимъ Росписямъ не только прекратились долотѣ ежегодно открывавшіеся дефициты, но стали оказываться болѣе или менѣе значительные остатки.

— Въ сентябрѣ 1848 года оброченъ былъ слѣдовавшій изъ Бахмута въ Харьковъ чемодашъ съ корреспонденціею.

Чемоданъ этотъ найденъ возвращавшимся изъ командировки къ своему посту рядовымъ Оренбургскаго Уланскаго полка Павломъ Преснымъ, и представленъ имъ своему начальству. По осмотрѣ чемодана почтовымъ начальствомъ, все заключающееся въ немъ вложеніе, на 8,073 рубля 66³/₄ коп. сереб., оказалось въ цѣлости. Главноначальствующій надъ Почтовымъ Департаментомъ, по полученіи о семъ донесенія, входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ о награжденіи рядоваго Преснаго за похвальный его поступокъ. Государь Императоръ, по положенію Комитета, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: выдать этому рядовому, на основаніи положенія объ устройствѣ почтовой части, 807 рублей 36¹/₄ коп. сереб., то есть по 10 коп. съ рубля заключающихся въ чемоданѣ денегъ, изъ почтовыхъ доходовъ, на счетъ Государственнаго Казначейства.

— При казенныхъ и частныхъ заводахъ Уральскаго Хребта добыто въ первой половинѣ 1850 года слѣдующее количество золота и платины.

З О Л О Т А :

Заводовъ казенныхъ:

	Пуд.	Фун.	Зол.	Дол.
Екатеринбургскихъ	14	14	18	31
Златоустовскихъ	25	10	61	80
Богословскихъ	16	29	56	—
Гороблагодатскихъ	6	34	45	—
	<u>63</u>	<u>7</u>	<u>85</u>	<u>15</u>

Заводовъ частныхъ:

Верхисетскихъ, гвардіи корнета Яковлева.	27	38	69	—
Нишнетагильскихъ, гг. Демидовыхъ	13	1	27	—
Каслинскихъ и Капштымскихъ, наследникъ купца Расторгуева	8	30	41	—
Сысертскихъ, гг. наследниковъ Турчанинова	7	7	42	—
Крестовоздвиженскихъ, княгини Бутера	6	28	1	—
Шайтанскихъ, завододержателя Ярцова	3	1	55	—
Билимбаевскихъ, графини Строгоновой	1	14	65	—

Невьянскихъ, гг. наслѣдниковъ Яковлева	5 38 30 —
Верхнеуфалейскихъ, наслѣдниковъ г. Губина	— 16 88 —
Ревдинскихъ, гг. Демидовыхъ	— — 74 —
Нытвенскихъ, князей Голицыныхъ	— — 78 —
Сѣверной части, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Никиты Всеволожскаго	1 13 66 —
Южной части, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Александра Всеволожскаго	1 20 40 —
Авзянопетровскихъ, г. Губина	— — 11 —

Промысловъ:

Ильтабановскихъ, Генерал-Лейтенанта Жемчужникова и комп.	3 35 42 —
Бурзянскихъ, его же Жемчужникова и ком.	1 13 85 —
Петропавловскихъ, Титулярнаго Совѣтника Астафьева	— 26 61 —
Троицкихъ, Тайной Совѣтницы Жуковской и комп.	3 38 7 —
Шуйскаго купца и мануфактур-совѣтника Болотова	— 30 84 —
Екатеринбургскаго купца Ивана Якушева. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Камергера Рюмина	2 17 49 —
Троицкаго купца Бабакина	2 19 17 —
Наслѣдниковъ г. Ахматова и комп.	1 38 73 —
Троицкаго купца Казимирова	— 14 82 —
Троицкаго купца Казимирова	— 6 90 —
Шлиссельбургскаго купца Зотова	— 26 61 —
Екатеринбургскаго купца Ушакова	— — 80 —
	<hr/>
	96 1 90 30
	<hr/>
	159 1 79 45

П л а т и н ы:

Заводовъ частныхъ:

Верхисетскихъ	— — 23 84
Нижнетагильскихъ	1 35 95 48
Сысертскихъ	— — — 28
Балимбаевскихъ	— — 76 —
	<hr/>
	1 37 3 64

Золота смѣшаннаго съ платиною:

Южной части, г. Всеволожекаго. . . . — 4 89 —

— Въ маѣ текущаго года, въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ивановскомъ, крестьянскіе мальчишки, играя на берегу оврага, случайно нашли небольшой кладъ: глиняную кубышку съ серебряными монетами. Находкою рѣзвуну обязаны камешку, который брошенъ былъ безъ цѣли, попалъ въ обрывъ размытой дождемъ ямы, и прошибъ кубышку, прикрытую тонкимъ слоемъ земли. Звонкій ударъ привлекъ вниманіе дѣтей, и нѣсколько разсыпавшихся монетъ взяты ими какъ игрушки. Остальное взято уже послѣ, когда отъ дѣтей узнали объ этомъ въ селеніи. Монеты величиною почти съ нынѣшній серебряный пятикопѣечникъ, но нѣсколько продолговатой фигуры; на одной сторонѣ неполная надпись: «Царь и Великій Князь Михаилъ Θεодоровичъ всея Русіи», на оборотѣ, подъ гербомъ: «Москва».—Шрифтъ и орфографія на разныхъ монетахъ не одинаковы.—Сумма найденныхъ монетъ вѣситъ до 4 фунтовъ.—Это уже вторая въ нынѣшнемъ году нумизматическая находка; подобныя же монеты найдены въ Великомъ-селѣ.

— Въ нынѣшнемъ году, на Троицкой-ярмаркѣ въ г. Харьковѣ было шерсти 125,000 пуд.; цѣны платимы были: перегона отъ 9 до 11 р. сер., грязной отъ 6 до 7 руб.; покупатели одни наши фабриканты и негоціантъ Моте, бельгійскій подданный, покупающій по комиссіи (онъ три года живетъ въ г. Харьковѣ наемную мойку, гдѣ самъ перемызетъ покупаемую шерсть, и потомъ отправляетъ въ Бельгію. Нашими же фабрикантами въ Троицкую-ярмарку куплено шерсти не болѣе 48,000 пуд., сдано помѣщиками въ Харьковскую Акціонерную Компанію, для продажи, 45,000 пуд. Непроданной и несданной шерсти едва ли осталось 30,000 п. у помѣщиковъ, считая екатеринославскихъ и полтавскихъ овцеводовъ, и всѣхъ тѣхъ, которые не привозили шерсти на Троицкую-ярмарку, надѣясь продать на Екатеринославской и Роменской.

— 20 числа истекшаго іюля, по полудни въ 5-ть часовъ, была въ Полтавской губерніи сильная буря, которая прева уѣзды Золотоношскій, Лубенскій, Прилудскій и Роменскій; въ послѣднихъ двухъ выпалъ градъ величиною съ глубинное яйцо.

Буря эта причинили слѣдующія опустошенія:

Въ *Золотоношскомъ уездѣ*, въ м. Гелмязовѣ, на 90 жилыхъ домахъ разрушены крыши и другія холодныя строения, на 30-ти вѣтряныхъ мельницахъ обломаны крылья и снесены крыши, а нѣкоторыя изъ нихъ вовсе разбиты; убытка причинено на 1110 руб. сереб.

Въ *Лубенскомъ уездѣ*, въ г. Чутовкѣ, опрокинута деревянная колокольня, и разбита въ куски; на вѣтряной мельницѣ сорвана соломенная крыша съ валомъ и крыльями; многія крыши на сараяхъ и другихъ строенияхъ также сорваны, а нѣкоторыя строения вовсе разрушены; находившійся на поляхъ, снятый уже хлѣбъ, сложенный въ коши, какъ-то: ржи 3000 и ячменя 600 копенъ, разнесенъ по степи и смѣшанъ; а неснятый еще разнаго рода хлѣбъ, вѣроятно до 1200 копенъ, выбитъ, равно находившееся въ скирдахъ сѣно разнесено по степи и лугамъ, а также и въ болотистыя мѣста; убытокъ отъ сего еще не приведетъ въ извѣстность.

Въ *Прилуцкомъ уездѣ*, въ сел. Блотницѣ, Ярошовкѣ и принадлежащихъ имъ дачахъ, выпалъ градъ величиною съ куриное яйцо, неправильной формы; этимъ градомъ нанесены раны находившимся въ полѣ четыремъ крестьянамъ помещика г. Скоропадскаго, убито четыре штуки овецъ, сжато 5 гуменныхъ сараевъ; въ имѣніи же вдовы Штаб-Ротмистра Елизаветы Миницкой, ни одного строения не осталось безъ поврежденія; сорвало на домѣ кровлю, выбило въ окнахъ стекла, а также выбито яроваго хлѣба 1605, табаку 32 десятины, и обрушено 8 вѣтряныхъ мельницъ; убытка причинено на 18,000 руб. серебромъ.

Въ *Роменскомъ* выбито разнаго хлѣба на поляхъ, принадлежащихъ жителямъ того уѣзда, селеній Николаевки, Медвѣжьяго, Талалаевки и Рѣпокъ, всего до 7,275 десятинъ табаку до 145 десятинъ, и уничтожены растенія; кромѣ того разрушены до основанія двѣ вѣтряныя мельницы, а также повреждены и другія постройки; убытка понесено на 88,541 руб. 78 коп.

— Въ ночи съ 31-го іюля на 1-е августа въ г. Переяславъ Полтавской губерніи, произошелъ пожаръ, Пожаръ, этотъ начавшійся съ дома мѣщанина, Еврея Абрума Виленскаго при усилившемся вѣтрѣ, истребилъ до основанія 62 обыкновенскихъ деревянныхъ дома, въ томъ числѣ и домъ купца Новова, въ которомъ помещалась Городская Полиція с

Квартирную Комиссією, также городской домъ, занятый Ратушею и Думою, и гауптвахту.

Вѣдствіе это тѣмъ чувствительнѣе для жителей, что они не успѣли еще оправиться послѣ двухъ сильныхъ пожаровъ, уничтожившихъ, въ августѣ 1848 года, 130 домовъ.

— Нухинскій Уѣздный Начальникъ донесъ исправляющему должность Шемахинскаго Военнаго Губернатора, что 6 числа августа, по берегу рѣки Кура, начиная отъ селенія Еймиръ до Кетеванъ, на разстояніи 40 верстъ, послѣ частыхъ и сильныхъ ударовъ грома, въ продолженіе трехъ часовъ, шелъ дождь съ градомъ и кусками льда разныхъ формъ, величины и вѣсу отъ *одного до двадцати фунтовъ* и что на всемъ пространствѣ истреблены деревья, огороды и все, что было на поляхъ, такъ-что въ степяхъ и лѣсахъ не осталось даже и травы. На старыхъ же деревьяхъ разломаны всѣ вѣтви, а въ шелковичныхъ садахъ во многихъ мѣстахъ истреблены деревья до самыхъ корней.

— 6-го сентября, вниманіе жителей Ярославля было обращено на необыкновенное явленіе въ атмосферѣ. Около 10 часовъ утра, сѣверная половина неба, въ высшихъ слояхъ воздуха, задернута была тонкими сплошными облаками; по тонкости и цвѣту ихъ, зрители затруднялись сначала рѣшить, чисто ли небо, или въ облакахъ, — и только при напряженномъ вниманіи можно было убѣдиться, что оно затѣнено еще несгустившимися парами. Напротивъ, на южной половинѣ, гдѣ частію разстилалась таже прозрачная ткань паровъ, по мѣстамъ тянулись довольно густыя слоистыя облака, но въ болѣе низкихъ слояхъ атмосферы, а индѣ и вовсе было чисто. Солнце свѣтило полнымъ блескомъ, окруженное со всѣхъ сторонъ, на небольшое пространство, слоистыми облаками. — При этомъ состояніи атмосферы, въ ней отражались, въ одно и тоже время, нѣсколько правильныхъ круговъ и неполныхъ круговыхъ линій, различной величины, различныхъ центровъ и различныхъ цвѣтовъ. Первый кругъ, (отличимъ его буквою А), радужнаго цвѣта, описанъ былъ радіусомъ солнца; его периферія обнимала значительную часть южной половины неба. Второй кругъ (В), бѣловаго или дымчатаго цвѣта, простирался надъ городомъ, центръ его находился въ самомъ зенитѣ здѣшняго небосклона, а южная часть периферіи, пересѣкая въ двухъ точкахъ радужный кругъ (А), переходила чрезъ дискъ солн-

ца, по обѣ стороны котораго, въ разныхъ мѣстахъ него, въ разныхъ мѣстахъ, внутри круга А, отражались, на протяжении той периферіи, два яркія радужныя пятна, совершенно подобныя тѣмъ, которыя народъ въ зимнее время называетъ съ ночными ушами. Кругъ А и внутри его часть периферіи пересѣкались, послѣдняя въ одной, а первый въ двухъ точкахъ, двумя круговыми линиями, составляющими впрочемъ только отрѣзки или части своихъ круговъ, такъ-что тѣ и другія взаимнымъ пресѣченіемъ образовали нѣсколько сегментовъ. Одна изъ этихъ линий (С), радужнаго же цвѣта пересѣкала кругъ А и проходившую чрезъ него часть периферіи круга В, между солнцемъ и восточнымъ радужнымъ пятномъ, проходя вблизи послѣдняго; судя по ея изгибности, кругъ, радіусомъ ея описанный, былъ гораздо больше круга А, но меньше В; центръ ея представлялъ умственно на юго-западной сторонѣ, въ одной изъ точекъ периферіи круга А. Теряясь за облаками съ юго-восточной стороны, она снова являлась на югѣ яркой радужной дугой, разливая такой же блескъ на окружающихъ ее облакахъ. Другая изъ упомянутыхъ линий D, слабago радужнаго цвѣта, видимою частью своей пересѣкала круги А, В и С, тѣмъ вблизи восточнаго радужнаго пятна, но такъ, что точка пресѣченія ея съ круговою линіею В находилась внутри круга С, а съ А внѣ его; центръ ея представлялъ въ окружности А, на юго-восточной сторонѣ. Наконецъ часть круга А пересѣкалась, недалеко отъ окружности, въ двухъ точкахъ, на юго-восточной и западной сторонахъ четвертою линіею (F), которая составляла дугу обширнѣшаго круга; ея путь лучи солнца обозначали на окружающихъ облакахъ довольно яркими радужными цвѣтами; тѣ же, естественно продолженная, она должна бы пересѣкать и кругъ В.—Въ противоположной сторонѣ отъ этого явленія, въ сѣверной половинѣ небосклона, миновавъ кругъ В, на востокъ отъ него шла часть той же дуги (F), дымчатого или блѣднѣшаго, но слабago цвѣта, притомъ съ едва замѣтною изгибностью, такъ-что съ перваго взгляда казалась она прямою линіею. Начинаясь западнымъ концомъ, вблизи круговой линіи В, другимъ концомъ терялась она на восточномъ горизонтѣ. Восточная сторона этой дуги обращена была къ юго-западной половинѣ небосклона, такъ слѣдовательно и центръ ея круга, который, судя по ней, долженъ быть необъятно большого размѣра. Почти рядомъ съ этою дугою, внутри ея кр.

та, шла другая, (G) еще менѣе выгнутая и также обращенная выгнутою стороною къ юго-западу, но направление ея уклонялось нѣсколько на юго-востокъ; цвѣтъ ея такой же, какъ и первой. Пересѣкая однимъ концомъ, едва замѣтно, дугу (F) почти въ самой оконечности ея, надъ городомъ, другимъ концомъ встрѣчалась она, близъ восточнаго горизонта, съ новою дугою (H), совершенно одинаковою съ ней, какъ по цвѣту, такъ и по степени выпуклости, но имѣющею центръ въ противоположной сторонѣ, на сѣверѣ или сѣверо-западѣ,—такъ-что обѣ послѣднія дуги (G и H) представляли невольную эллиптическую фигуру. Во всѣхъ круговыхъ линіяхъ сѣверной половины бѣловатый цвѣтъ неодинаковой яркости: ярче всѣхъ линія B, дуга F слабже, G еще тусклѣе, H уступаетъ и послѣдней. Всѣ онѣ, замѣтно, находились въ разныхъ средахъ атмосферы, гораздо выше плоскостей радужныхъ круговъ. Можно было различать подлѣ нихъ и еще нѣсколько линій такого же вида, въ разныхъ направлеціяхъ, но онѣ такъ тусклы и такъ коротки, что нельзя было опредѣлять ни взаимнаго ихъ отношенія, ни широты.—Наконецъ, изъ юго-восточнаго угла небосклона поднималась еще линія (J), совершенно подобная обыкновенной радугѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что центръ ея не въ солнцѣ, а въ противоположной сторонѣ, за восточнымъ горизонтомъ.—Замѣчательно, что когда подлѣ диска солнца и около его проходили облака, радужные круги затѣнялись ими, между-тѣмъ какъ круговая линія B, бѣловатая, нисколько не теряла своей яркости.—Въ началѣ 11-го, туманные облака на сѣверной половинѣ неба постепенно стали разрѣкаться, а на южной густѣть, вмѣстѣ съ тѣмъ отраженія начали тускнеть болѣе и болѣе, и черезъ полчаса все исчезло. Долѣе всѣхъ видѣлись радужные круги, радужный пятна и бѣловатое кольцо B; послѣднее долго держалось даже при безоблачномъ небѣ. По-утру въ этотъ день былъ бѣлый морозъ, вѣтеракъ дулъ съ сѣверо-запада.

— Къ общему удивленію, въ Ярославлѣ и по уѣздамъ здѣшней губерніи, въ первыхъ числахъ сентября разцвѣли яблони,—цвѣтки полныя пѣвжіе, совершенно какъ весной. Холодный вѣтеръ и частые морозы, наступившіе съ августа, побили на деревьяхъ зелень, многія яблони почти начисто обезлиствѣли, а цвѣтки на нихъ продолжаютъ красоваться, какъ ни въ чемъ не бывало. Но же на всѣхъ безъ

исключенія деревьяхъ это явленіе; обильнѣе цвѣтомъ тѣ на которыхъ меньше листьевъ въ настоящее время и меньше было плодовъ въ обыкновенную пору, а на многихъ вовсе ни одного цвѣтка.—Глядя на яблони, готовы разцвѣсти и сирени, и при томъ самымъ обильнымъ цвѣтомъ, такъ что еслибы удалось образовавшимся цвѣточнымъ кистямъ распуститься, то и самая весна позавидовала бы теперешней осени. Наибольшее число цвѣточныхъ побѣговъ являлся на вершинахъ кустовъ сирени. Тоже явленіе на кустахъ такъ-называемаго чайнаго дерева.

Заслуживаетъ вниманія еще другое въ томъ же родѣ обстоятельство. Все лѣто нынѣшнее было негрибовое; продавались грибы на здѣшнемъ рынкѣ десятками, по цѣнѣ, и то весьма рѣдко. Но въ самыхъ послѣднихъ числахъ августа, послѣ продолжительнаго ненастья, прошелъ какъ говорятъ, большой сдой, и чѣмъ дальше, тѣмъ грибовъ больше. Съ 30 августа по 16 сентября было до 7 м. розовъ, вѣтеръ дулъ почти постоянно холодный, въ самый полдень рѣдко бываетъ температура выше $+10^{\circ}$; но на грибы это какъ-будто не дѣйствуетъ; съ каждымъ базарнымъ днемъ подвозъ ихъ увеличивается. Впрочемъ ростъ не всѣхъ грибы въ равной степени; сначала появились въ большомъ количествѣ и березовики и боровики и всѣ прочіе, но съ сентября идутъ исключительно бѣлые, и чѣмъ грибы,—малъ-мала меньше! Природа какъ-будто разсчитываетъ на краткость теплаго времени, и спѣшитъ процессомъ растительности, чтобы вознаградить потерянное время: двуплодники и тройники составляютъ самую обыкновенную находку на-дняхъ показывали бѣлый грибъ, на шляпкѣ котораго выросъ другой, совершенно правильной формы, а на Великосельскую выставку представлено было, говорятъ, какъ настоящая диковинка, цѣлое семейство единоутробныхъ грибовъ, состоящее изъ многочисленныхъ членовъ, сросшихся въ одну группу кружкомъ.

По замѣчанію нѣкоторыхъ домохозяевъ, избытокъ растительной силы въ нынѣшнюю осень оказался еще въ луковицахъ: въ одномъ огородѣ, около 15 головокъ, оставшихся случайно въ грядахъ въ обыкновенную пору сбора лука нынѣшнимъ лѣтомъ, дали отъ себя многочисленные отростки, такъ-что при разрытіи грядъ въ сентябрѣ получено до полчетверика новыхъ отборныхъ луковицъ.

— (Изъ частнаго письма). Саранча, отродившаяся весной

того года въ огромномъ числѣ по всѣмъ уѣздамъ Крымскаго полуострова, раньше обыкновеннаго успѣла окрыться, выложить сѣмена, я вновь начинается отражаться; но, какъ на явленіе небывалое, не обратили на то никакого вниманія. Извѣстно, что саранча, отрождаясь весною, съ наступленіемъ теплой погоды, окрыляется не раньше двенадцатаго дня (20 іюля,) и кладетъ сѣмена въ сентябрѣ; поэтому мы сначала никакъ не хотѣли вѣрить столь странному явленію. Вчера, однакожь, одинъ изъ нашихъ помѣщиковъ, у котораго саранча истребила всѣ посѣвы, увѣрялъ можительно, что на его дачѣ, верстахъ въ 20 отъ Симферополя (въ Перекоп. уѣздѣ), на-дняхъ вновь отродилась саранча въ значительномъ числѣ; что вторичное отрождение замѣчено и на другихъ дачахъ, смежныхъ съ его землею. Кому приписать это явленіе? Ужь не поздней ли веснѣ, заедлившей и отрождение саранчи и растительность, и поспѣвъ, съ наступленіемъ теплой погоды, быстрому развитію и другой; именно, что саранча, отродившись поздиѣ, всюду нашла и травы и хлѣбы еще очень нѣжными, не трѣпшими, и успѣвъ необыкновенно скоро, такъ сказать, поспѣвъ, успѣла и окрылиться раньше обыкновеннаго. Явленіе возможное, но все-таки необыкновенное. Если же подтвердится положительными, официальными донесеніями, то и всѣ крымскіе помѣщики, понесшіе въ этомъ году огромные убытки, виною которыхъ почти повсемѣстно была саранча, должны радоваться, благословлять Провидѣніе, потому что вновь-отродившаяся саранча, по случаю близкаго наступленія осени, не успѣетъ положить сѣмянъ, и должна погибнуть неизбежно. Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ подтвержденія столь небывалому явленію.

Фр. Домбровский.

Симферополь.

20 августа 1850 г.

(Изъ частнаго письма въ редакцію Сѣверной Пчелы отъ Доктора Зоологіи и Минералогіи Профессора П.). Въ Куртской Губерніи, Фатеевскаго Уѣзда, въ имѣніи отставнаго министра К. И. Ушакова, въ селѣ Ушаковкѣ, открыты недавно минеральные источники, необыкновенно полезные при леченіи золотушныхъ болѣзней, какъ внутреннихъ, такъ и наружныхъ. Если приначивать водою изъ этихъ

источникомъ зловонныхъ паръ, послѣднѣе заживаешь въ продолженіе недѣль, такъ сильно дѣйствіе эфиръ водъ. Вода бьетъ изъ крана пятью отверстіями; температура ея равняется тремъ градусамъ по Реомюру. При кипяченіи этой воды я получилъ на днѣ голубоватыя кристаллы сѣрно-соленого вкуса, величиною съ обыкновенную поваренную соль. Вода холоднаго сѣрносоленого колодезя необыкновенно помогаетъ въ геморроидальныхъ болѣзняхъ. Сегодня я отправлюсь въ Харьковъ, для дальнѣйшихъ изслѣдованій этихъ водъ, которыхъ описаніе пришло вамъ въ скоромъ времени.

— 25-го іюля настоящаго года, Тамбовскаго уѣзда, дворянинъ Ахматовой, крестьянинъ Князя Волконскаго Есашъ Котовъ съ другими товарищами, въ числѣ двадцати пяти человекъ, пасъ ночью лошадей въ полѣ. Во-время сна пастухи своихъ, Котовъ обходя табуны, увидѣлъ, что въ сторонѣ отъ него, и полагая, что это жеребенокъ, пошелъ къ тому мѣсту, съ намѣреніемъ погнать его къ табуну; но вмѣсто жеребенка былъ волкъ, который выскочилъ бросился на него, и передними лапами оцарапалъ ему лицо. Котовъ схватилъ волка обѣими руками за переднія ноги къ пахамъ, крикнулъ товарищамъ разъ пять; но отъ испуга онѣмѣлъ; однако же, не выпуская волка, ходилъ съ нимъ около получаса, не давая кусать себя; наконецъ они ушли далеко отъ табуна, къ оврагу, гдѣ, споткнувшись, упали оба. Тогда волкъ сумелъ царапать Котова задними лапами, но послѣдній, упираясь ногами въ волка, не поддавался. Въ этомъ положеніи наши Котова товарищи его. Волкъ, увидѣвъ народъ еще издали, рванулся такъ сильно, что Котовъ не удержалъ его, укусилъ Котова за валецъ руки, прокусилъ одинъ сапогъ, не повредивъ ноги, и ушелъ. Котовъ средняго роста и очень крѣпкаго сложенія; врачебное пособіе ему было подано, и онъ выздоровѣлъ.

— Въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ селѣ Струпи, имѣніи супруги Генерал-Майора Елисаветы Сергѣевны Бороздиной, 1-го ноября 1843 года, было открыто училище для ученья грамотѣ и Закону Божию крестьянскихъ дѣтей женскаго пола, въ домѣ священника села Струпи, Алексѣя Надеждина, который принялъ на себя обязанность быть на ономъ наставникомъ. Дѣвочки принимаются въ училище отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ. Въ настоящее время въ немъ находится 12 дѣвочекъ и 2 мальчика. Въ училище приходятъ онѣ

жедуще, кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ которые всѣ онѣ ходятъ въ церковь, къ богослужению. На юль и августъ мѣсяцы онѣ увольняются для занятія домашними или полевыми работами. Въ короткіе зимніе дни не приходятъ въ училище одинъ разъ, и учатся три часа: 0, 11 и 12-й, а послѣ обѣда два часа: 4-й и 5-й. Классы начинаютъ и оканчиваютъ они обычными молитвами, которыми читаютъ всѣ единогласно. Курсъ ученія оканчивается въ два или три года, смотря по способностямъ; обучаются чтенію по церковной и гражданской печати, Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завета, Закону Божию, первому правилу, а нѣкоторые, по назначенію помѣщика, исторіи, арифметикѣ и грамматикѣ. Азбукѣ начинаютъ учиться и учатся дѣвочки приблизительно къ методѣ заманутаго обученія. Священной Исторіи дѣвочки обучаются въ разсказа учителя. Первоначально разсказываетъ онѣ имъ какую-либо исторію простымъ и удобопонятнымъ для нихъ языкомъ, и повторяетъ имъ разсказанное раза два или три. Послѣ него разсказываетъ ту-же исторію одна изъ ученицъ, также раза два или три, за нею другая, третья и всѣ по-очередно. Такіе разсказы продолжаютъ онѣ до тѣхъ поръ, пока каждая ученица можетъ разсказать оную безъ разсказыванія и поправки учителя. Полученное въ училищѣ христіанское образованіе, дѣвочки распространяютъ и на другихъ. Каждой выученной дѣвочкѣ дается по два и по три ученика мальчика. Сии мальчики осенью и зимою, въ чернее время, въ которое они свободны отъ работъ, ходятъ къ своимъ учительницамъ на домъ. Это домашнее, устное обученіе дѣвочекъ-учительницъ произвело то, что теперь въ селѣ Струни нѣтъ ни одного мальчика отъ 7-ми до 15-ти лѣтъ, который не умѣлъ-бы прочесть Символь Крѣ, Заповѣдей Господнихъ, потребныхъ молитвъ, и не имѣлъ бы понятія о главныхъ истинахъ Христіанства. Лучшимъ доказательствомъ процвѣтанія этого училища служатъ следующие слова, подписанныя Прасковіею Гавриіловою, Архіепископомъ Рязанскимъ въ концѣ сего описанія. Приличномъ подѣщеніи: мольбѣ струнскаго училища, слышавъ, въ присутствіи управителейъ оного, дѣвочки, рещьмоу ея, въ званіи молитвъ, Закона Божія, Священной Исторіи и церковной дѣвнн, а съ удовольствіемъ слушать въ дѣтствѣ, простымъ языкомъ, съ понятіемъ и чувствомъ выражаемые отрывы, и вполнѣ остался оными

удовлетвореннымъ и утѣшеннымъ. Даруй Боже, чтобы подобныя училища болѣе и болѣе распространялись въ Богохранимомъ нашемъ отечествѣ.»

— Въ сентябрьской книжкѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ показаны, между прочимъ, слѣдующіе несчастные случаи:

Подольской губерніи въ Ямпольскомъ уѣздѣ, крестьянинъ села Клембовки, Никифоръ Бадикъ, съ женою Анастасіемъ и малолѣтними сыновьями Емельяномъ и Демьяномъ, наѣвшись недоваренныхъ грибовъ, заболѣли, и въ тотъ-же день всѣ четверо умерли. (9 іюня).

Мѣщанскій сынъ Абрамъ Проскураковъ, 18 лѣтъ отъ роду—убить наповаль, выстрѣломъ изъ ружья, которое укладывалъ въ брику. (15 іюня, въ Новгородской губерніи). Деньщикъ Ковальчукъ—убить выстрѣломъ изъ ружья, у котораго семнадцатилѣтній дворянинъ Станиславъ Яблонскій спустилъ курокъ, не зная, что оно заряжено (20 іюня, въ губерніи Подольской). Дворянинъ Адамъ Павловскій, 23 лѣтъ отъ роду—застрѣлилъ самъ себя, потянувъ съ воза за стволъ заряженное ружье свое (27 іюня, въ Могилевской губерніи). Крестьянскій мальчикъ Афанасій Гавриловъ—получилъ въ високъ весь зарядъ ружья, которое онъ и его товарищи, добывъ гдѣ то, положили возлѣ себя со взведеннымъ куркомъ, который какъ-то спустился (20 іюля, въ Тверской губерніи). Десятилѣтній крестьянскій мальчикъ Василій Ивановъ—застрѣленъ семилѣтнимъ крестьянскимъ же мальчикомъ Федоромъ Ивановымъ, въ то время, какъ они оба возились съ заряженнымъ ружьемъ въ темныхъ сѣняхъ (31 іюля, въ губерніи Новгородской).

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Августа 24: Настоятелю Рижской Римско-Католической церкви, священнику Фердинанду Кану, Всемилостивѣйше повелѣно быть Епископомъ Херсонской Епархіи.—Августа 25. Командиръ 3-го Пѣхотнаго Корпуса, Генералъ отъ Кавалеріи Графъ Ридигеръ, назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ званіи Генерал-Адъютанта.—Августа 29-го. Состоящій по кавалеріи Генерал-Маіоръ Козалосичъ—комендантомъ въ крѣпость Кибуркъ, съ оста-

мненіемъ по кавалеріи.—Комендантъ Квинбургской крѣпости, состоящій по артиллеріи Генерал-Маіоръ *Цебриковъ*, комендантомъ въ крѣпость Измаиль.—Августа 31: Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ въ Берлинѣ, Тайный Совѣтникъ Баронъ *Мейендорфъ* назначенъ въ томъ же качествѣ при дворѣ Его Величества Императора Австрійскаго, на мѣсто Тайнаго Совѣтника Графа *Медема*, отозваннаго отъ сего поста по прошенію, съ оставленіемъ его въ Відомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—Сентября 2-го: Состоящій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Бурачковъ* переименованъ въ Генерал-Маіоры и назначенъ Исправляющимъ должность Военнаго Губернатора г. Новгорода и Новгородскаго Гражданскаго Губернатора.—Сентября 2-го. Директору Департамента Министерства Юстиціи, Тайному Совѣтнику *Каріодикъ-Пинскому*, повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ.—Сентября 5-го. Состоящій за Обер-Прокурорскимъ Столомъ въ 1-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената и Членъ Комитета Общества Попечительнаго о тюрьмахъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Камергеръ, Баронъ *Иксуль*, назначенъ Членомъ Комитета, Высочайше-учрежденнаго для разбора и призрѣнія нищихъ, съ оставленіемъ при занимаемыхъ должностяхъ.

Увольненіе отъ должности.

Августа 27. Генеральный Консулъ въ Сербіи, состоящій по кавалеріи Генерал-Маіоръ *Данилевскій 3-й*, уволенъ, за болѣзнію, съ пенсіономъ полнаго жалованья.—Сентября 2-го. По прошенію: Новгородскій Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Васьковъ*.

Пожалованы орденами.

Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени.

Сентября 3. Управляющій Петергофскимъ Дворцовымъ Правленіемъ и фонтанною частію, Генерал-Лейтенантъ Кор-

пуса Инженеровъ Путей Сообщенія *Лихардовъ*.—Сентября 16-го. Президентъ Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Шлегель*.—Сентября 27. Непременный Членъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета, Двора Его Императорскаго Величества почетный Лейб-Медикъ, Докторъ Медицины и Хурургіи, Тайный Совѣтникъ *Гавескій*.

Св. Анны 1-й степени.

Сентября 1-го. Управляющій Московскаго Государственнаго Коммерческаго Банка Контороу, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Смирновъ*.

Св. Станислава 1-й степени.

Сентября 1-го. Товарищъ Управляющаго Коммерческаго Банкомъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Юрсовъ*.—Совѣтникъ Правленія Заемнаго Банка, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Кобеко*.—Состоящій при Министерствѣ Финансовъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Аргамаковъ*.—Предсѣдатель Оренбургской Казенной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Случевскій*.—Сентября 10-го: Начальникъ Сѣверной Дирекціи Сибурго-Московской желѣзной дороги, Корнуса Путей Сообщенія Инженеръ Генерал-Маіоръ *Мельниковъ*.—Начальникъ Южной Дирекціи Сибурго-Московской Желѣзной Дороги, Корнуса Путей Сообщенія Инженеръ Генерал-Маіоръ *Крафтъ*.

Пожалованы медалями.

16 Августа. Золотыми, съ надписью: «за усердіе» для пошенія на шеѣ: на Александровской лентѣ: Биржевый Маклеръ, С.-Петербургскій 3-й гильдіи купецъ *Безцвальный*; на Владимірской лентѣ: Фридрихсгамскій Первостатейный купецъ *Иванъ Вавиловъ*.

ИЗВѢСТІЯ СЪ КАВКАЗА.

Мы уже извѣщали о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Джурмутѣ, — сообщаемъ теперь о новыхъ успѣхахъ, какъ на Лезгинской, такъ и на другихъ частяхъ нашей передовой линіи.

Послѣ пораженія, 21-го іюня, скопищъ горцевъ въ Джурмутѣ, войсками Лезгинскаго отряда, необходимо было воспользоваться благоприятными послѣдствіями столь успѣшнаго дѣла, и показать сосѣднее съ Джурмутомъ и Гебельдой общество Канодальское, жители коего постоянно принимали участіе во всѣхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ беспокойныхъ сосѣдей Лезгинской-линіи, в огражденные громаднымъ и скалистымъ хребтомъ Арабихкаль, за предѣлы котораго еще не проникло наше оружіе, почитали себя до сего времени въ безопасности отъ нашихъ войскъ.

Для исполненія этого предпріятія, командующей Лезгинскимъ-отрядомъ Генерал-Маіоръ Бельгардъ, оставивъ на позиціи на уроч. Тамальдѣ всѣ тяжести отряда подъ прикрытіемъ одного батальйона, при двухъ орудіяхъ, съ остальными войсками въ числѣ 3¼ батальйоновъ пѣхоты, роты саперъ, взвода стрѣлковъ, двухъ сотенъ Грузинской дружины, 1-й сотни Донскихъ казаковъ, при шести горныхъ орудіяхъ, взводѣ боевыхъ ракетъ и 2-хъ взводахъ крѣпостныхъ ружей, двинулся, 6-го іюля, чрезъ Джурмутъ въ Канодальское общество.

Для развлеченія непріятеля, который при движеніи войскъ одною колонною по мѣстности, представляющей на каждомъ шагѣ значительныя препятствія, могъ бы сосредоточить свои силы, и тѣмъ представить болѣе упорное сопротивленіе, отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ колонны, и направленъ по двумъ различнымъ дорогамъ, ведущимъ къ главному канодальскому селенію Колобъ, гдѣ обѣ колонны должны были соединиться въ одно время.

Не взирая на чрезвычайно затруднительное движеніе по высокимъ горамъ и глубокимъ ущельямъ, обѣ колонны, опрѣкшувъ на пути горцевъ, намѣревавшихся было остановить ихъ движенія, прибыли, 7-го іюля, къ назначенному

мѣсту. Въ сел. Колобъ непріятель сосредоточился, и намѣренъ былъ держаться, а потому по приближеніи авангарда лѣвой колонны завязалась сильная перестрѣлка; но прибытіе въ тоже время правой колонны и быстрое нападеніе ея на противоположную сторону селенія, заставили горцевъ обратиться въ бѣгство, и успѣшно спастись семейства и скоть.

При этомъ занятіи селенія отбитъ былъ значокъ канодальскаго Наиба Махма Омара, и захвачено значительное число скота и разнаго имущества. Горцы преслѣдуемы были до вершинъ хребта, находящагося по другую сторону ущелья, въ которомъ расположено сел. Колобъ.

Отрядъ, достигнувъ вполнѣ предположенной цѣли, 8-го іюля предпринялъ обратное движеніе на уроч. Тамалду. Селенія Канодальскаго общества Колобъ, Хахобъ, Огохъ и Цымгу, а равно и селенія Нижняго-Джурмута, были разорены и преданы пламени.

Этотъ новый успѣхъ Лезгинскаго-отряда, по рѣшительнымъ дѣйствіямъ и благоразумно принятымъ мѣрамъ, стоилъ намъ весьма малой потери: всего раненыхъ и контуженныхъ 16-тъ нижнихъ чиновъ. Непріятель же, по словамъ лазутчиковъ, при одномъ занятіи сел. Колоба потерялъ до 60 убитыми.

Таковыя дѣйствія Лезгинскаго-отряда заставили ближайшія общества Дагестана опасаться подобныхъ предпріятій. Даніель Бекъ, не получивъ отъ Шамиля никакого удовлетворительнаго отвѣта на всѣ его просьбы объ усиленіи, а страшась дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій Лезгинскаго-отряда, и желая вызвать наши войска на плоскость, собралъ значительную партію, и направилъ ее, подъ предводительствомъ Ирибскаго Наиба Тамам-Аги, черезъ горныя магалы и Мухахское ущелье.

По полученіи объ этомъ извѣстія, временно исправлявшій должность Начальника Джаро-Бѣлоканскаго Военнаго Округа, Командиръ Эриванскаго Карабинернаго полка, Полковникъ Князь Багратіонъ-Мухранскій, немедленно выступилъ изъ Закаталъ, 20-го іюля, для удержанія хищниковъ, съ двумя ротами, 50 казаками и двумя орудіями, и приказалъ обратиться милиціи изъ сел. Таль и Енгилойскаго участка. Быстрымъ движеніемъ къ сел. Гулмокъ, Полковникъ Князь Багратіонъ-Мухранскій предупредилъ вездѣ непріятеля, и

ободрить жителей, вооружившихся также для отпора горцевъ.

Между-тѣмъ, по первымъ свѣдѣнiямъ о спускѣ партiи въ горныя магалы, отдѣлены были отъ Лезгинскаго-отряда два батальйона пѣхоты, двѣ сотни Грузинской дружины, при 4-хъ орудiяхъ, и направлены на плоскость, подъ начальствомъ Полковника Давыдова. Эти войска прибыли къ селу Мухару. 20-го же iюля Горцы, освѣдомясь о движенiи этой колонны отступили въ Сувагильское ущелье. 21-го iюля Полковникъ Давыдовъ двинулся далѣе, для преслѣдованiя хищниковъ. При сел. Маломъ-Суванслѣ милиция, собранная изъ жителей Бѣлоканскаго округа, находившаяся въ числѣ колонны, сильно атакована была горцами, но подоспѣвшая пѣхота обратила ихъ въ бѣгство, и преслѣдовала до Дидидагскаго подъема, а 22 iюля непрiятель принужденъ былъ оставить Дидидагъ, и войска наши, занявъ горныя магалы, расположились на позицiи при сел. Кяляло. Такими быстрыми и рѣшительными движенiями сильная партiя горцевъ была отражена и опрокинута, а замыслы Данiель Бека разрушены. Эти результаты достигнуты съ весьма малою для насъ потерею: контуженъ Прапорщикъ милицiи Князь Микеладзе, нижнихъ чиновъ ранено и контужено 13-ть; изъ числа жителей убитъ 1. ранено 2.

Горцы оставили на мѣстѣ около 50 тѣлъ; въ томъ числѣ тѣло одного наиба; въ плѣнъ взято 7 человекъ, отбито 2 значка, одинъ наибскiй знакъ, 30 лошадей и почти весь заграбленный скотъ.

Съ такимъ же успѣхомъ, какъ здѣсь на Лезгинской линiи, отражены были значительныя хищническiя партiи на Кумыкской плоскости и въ Мехтулинскомъ владѣнiи. Дѣла эти произошли слѣдующимъ образомъ:

11-го iюля главный Кумыкскiй Приставъ получилъ извѣстiе, что непрiятельская партiя, состоящая изъ Гумбетовцевъ и Авдiйцевъ, въ числѣ 800 человекъ, спустилась ночью, между крѣпостями Внезапною и Хасавъ-Юртомъ, по Воровской-балкѣ, а вслѣдъ за тѣмъ другое извѣстiе, что эта партiя захватила у жителей Байрам-аула до 1 т. рогатаго скота и такое же число барановъ. Полковникъ Комковъ, собравъ всѣхъ конныхъ наличныхъ Андреевцевъ, поскакалъ съ ними наперерѣзъ партiи, къ урочищу Чапчакъ, какъ къ такому мѣсту, гдѣ партiя непременно должна была слѣдо-

вать. Дня прогы пѣхоты, при одновомъ орудіи, вышедъ изъ гарнизона крѣпости Внезапной, выступили немедленно по тому же направленію. Хищники были предупреджены; вѣли предъ собой Андреевцевъ, а также и прискакавшихъ жителей ближайшихъ ауловъ, а въ тылу пѣхоту, они снѣшались, и слѣдствіемъ сего было совершенное ихъ пораженіе. Кромѣ 25-ти человекъ, изрубленныхъ пашками и кинжалами, въ числѣ коихъ былъ и пятисотенный начальникъ съ двумя серебряными медалями, и 23 убитыхъ лошадей, осталось въ рукахъ у Кумыкъ 8 плѣнныхъ, 31 лошадь съ сѣдлами и множество оружія. Сверхъ-того смертельно раненъ предводитель партіи, Гумбетовскій Наибъ Курман-Али. Со стороны же Кумыкъ потеря самая незначительная: 4 человека ранено и 11-ть лошадей убито.

Въ Мехтулинскомъ владѣніи, въ ночь съ 17 на 18 июля, непріятельскому скопищу, отъ 1500 до 2000 человекъ конныхъ, подъ главнымъ начальствомъ Хаджи-Мурата, удалось пробраться къ Губденскимъ высотамъ и захватить до 14 т. барановъ мехтулинскихъ жителей. Но первому изступленію объ этомъ прорывѣ, полученному на разсвѣтѣ командующимъ двумя ротами Дагестанскаго пѣхотнаго полка Капитаномъ Тихоновымъ, онъ двинулся изъ Огловъ на Кутишинскія высоты, съ намѣреніемъ преградить непріятелю путь отступленія. Съ своей стороны, управляющій Мехтулинскимъ владѣніемъ, Штабс-Капитанъ Лазаревъ, собралъ 300 человекъ конныхъ жителей, поспѣвалъ туда же. Передовая толпа непріятеля, гнавшая барановъ, неожиданно встрѣченная нашей пѣхотой, снѣшалась, разсѣялась, и тѣмъ дала возможность овладѣть добычей. Между-тѣмъ прибыла и главная часть силъ Хаджи Мурата, и всею силою бросилась на наши роты. Въ эту минуту Штабс-Капитанъ Лазаревъ, подоспѣвшій съ Мехтулинцами, вѣзлся въ толпы непріятеля. Завязался рукопашный бой, къ которому подошла и Акушинская милиція изъ окрестныхъ деревень. Горцы не устояли, и бросивъ всѣхъ барановъ, въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство. Въ этомъ отличномъ дѣлѣ отбиты у непріятеля всѣ захваченныя имъ 14 т. барановъ, значка, 5-ть плѣнныхъ, 49 лошадей и множество оружія, утраченнаго во-время боя и снѣшнаго отступленія. Мы потеряли убитыми: 1-го рядоваго, раненными и контужеными 4 рядовыхъ и 5 милиціонеровъ. Потеря непріятеля.

куда во исторіи ихъ лошадей, оружія и значковъ, должна быть весьма значительна.

Такимъ образомъ, почти одновременно въ трехъ различныхъ пунктахъ Кавказа, замыслы непріятеля были уничтожены, а совершенная неудача и значительная потеря, имъ понесенная, послужить ему полезнымъ урокомъ, а жителямъ нашихъ пограничныхъ селеній новымъ доказательствомъ, что при единодушій и готовности отражать хищниковъ, партіи горцевъ рѣдко могутъ имѣть успѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ.

(Изъ Корпуснаго Приказа, іюля 27-го дня 1850 года, въ Кисловодскѣ).

Въ началѣ іюня, партія въ нѣсколько сотъ Шапсуговъ и Натухайцевъ собралась въ окрестностяхъ Анапы, съ намѣреніемъ произвести набѣгъ на наши поселенія со стороны Черноморской береговой линіи.

8 числа, утромъ, былъ высланъ изъ ст. Суворовской скотъ на пастбу, подъ прикрытіемъ 40 человекъ пѣхоты и 40 казаковъ, при одномъ орудіи, подъ командою Корунжаго *Киселева*. При осмотрѣ имъ, съ развѣздомъ, окружающей мѣстности, упомянутая партія, скрывавшаяся въ засадѣ, внезапно атаковала его со всѣхъ сторонъ. Видя превосходство силъ непріятеля, и зная, что отступление придадо бы ему еще болѣе дерзости, Корунжіи *Киселевъ* спѣшилъ казаковъ, и построивъ ихъ въ родѣ застрѣльщицей кучки, храбро отразилъ четыре атаки. Между-тѣмъ, по первой тревогѣ, посыпали къ нимъ на помощь, и постепенно прибывали, резервы Донскаго № 3 полка изъ ст. Суворовской и Витязевой (всего 200 чел.) съ полковымъ командиромъ, Подполковникомъ *Михлевимъ*, Войсковымъ Старшиною *Дукласовымъ*, Есаулами: *Афанасьевымъ* и *Шаминымъ*, и Сотникомъ *Араканцовымъ*. Съ прибытіемъ перваго резерва, партія была отбита, но когда подошли остальные, то казаки дружною и молодецкою атакою въ пяки, опрокинули горцевъ на всѣхъ пунктахъ, и преслѣдовали ихъ неутомимо, на разстояніи 9 верстъ, при чемъ Есауль *Шаминъ*, подавая примѣръ прочимъ, самъ изрубилъ двухъ человекъ. Непріятель, обращенный въ бѣгство, совершенно разсѣлся

и скрылся въ прилежащихъ лѣсахъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ 9 тѣлъ. Въ этомъ блистательномъ дѣлѣ, продолжавшемся съ 6 и до 12 часовъ утра, съ нашей стороны ранено казаковъ 7 и контужено 2.

Г. Главнокомандующій, дѣлая извѣстнымъ по войскамъ вѣреннаго ему Корпуса объ этомъ поражениі горцевъ, изъявляетъ сопершенную признательность Командиру Донскаго № 3 полка, Подполковнику *Михлеву*, всѣмъ поименованнымъ Гг. Офицерамъ, въ особенности Есаулу *Шамилу*, и всѣмъ чинамъ сего храбраго полка, ознаменовавшаго себя этимъ новымъ подвигомъ, предъ возвращеніемъ на родину.

ПИСЬМО СЪ КАВКАЗА.

Укрѣпленіе Петровское, 25 іюня 1850 г.

Вѣрный слову, я пишу къ тебѣ, любезный другъ, изъ Дагестана, и начинаю, съ того, что знакомяю тебя съ Петровскимъ-укрѣпленіемъ.

На Дагестанскомъ берегу Каспія, на высотѣ, гдѣ 128 лѣтъ назадъ, былъ ставъ Императора Петра I, стоятъ нынѣ красивое и сильное укрѣпленіе, наименованное, въ память Великаго, Петровскимъ; а на рейдѣ, гдѣ качалась десяти-весельная лодка отважнаго Вѣнценоснаго мореплавателя, пристають уже купеческіе корабли, да военные пароходы, и рейдъ кипитъ жизнью, на пользу При-Каспійскаго края.

Военное положеніе Дагестана не мѣшаетъ нисколько развитію въ немъ торговой дѣятельности. Оружіе наше покровительствуетъ торговлѣ, а торговля помогаетъ оружію. Такимъ-образомъ, война и гражданственность идутъ здѣсь рука-объ-руку къ совершенству, по предначертанному Килземъ Намѣстникомъ Кавказскимъ пути.

Промышленное русское купечество, Персіяне, Армяне и туземные Татары составляютъ въ Петровскомъ торговое общество, которое, пользуясь особымъ покровительствомъ мѣстнаго начальства, сбываетъ свои товары безопасно, во всѣхъ пунктахъ Дагестана. Надо надѣяться, что туземцы,

сближаясь мало-по-малу съ Русскими чрезъ торговля сношенія, утратить вражду къ намъ, особенно, когда почувствуютъ необходимость бросить грубую жизнь и усвоить предметы роскоши, къ которымъ они теперь уже не совершенно равнодушны. Желательно, чтобы просвѣщенное купечество рускбе посѣщало еще болѣе Петровское Укрѣпленіе, и изъ него, какъ главнаго складочнаго мѣста во всемъ При-Каспійскомъ-краѣ, распространяло торговлю, для блага края и для блага своего, ибо въ Дагестанѣ есть много предметовъ къ обогащенію.

Здѣсь воюють, торгуютъ и даже веселятся по-русски. Сегодня, на-примѣръ, жители Петровскаго торжествуютъ, и вотъ по какому случаю: Государь Императоръ, во всегдашнемъ вниманіи къ воинамъ-защитникамъ Престола и Отечества, соблагволилъ пожаловать расположенному тамъ Грузинскому Линейному № 4-го батальону знамя за сто-пятидесяти-лѣтнее служеніе его.

Для объявленія этой Монаршей милости батальону и для освященія знамени прибылъ въ Петровское Бригадный Командиръ, Генерал-Маіоръ Кокумъ. Въ присутствіи его, въ тотъ же вечеръ, совершенъ обрядъ прибавки знамени къ древку. Въ 10 часовъ утра другаго дня, батальонъ въ полномъ парадѣ стоялъ на площади, имѣя знамя предъ наоємъ. Съ чувствомъ особеннаго благоговѣнія выслушали солдаты содержаніе Высочайшаго рескрипта, присягу и молебень, отдали честь вновь-освященному знамени, и съ восторженными криками приняли его въ ряды свои изъ рукъ Генерала, который сказалъ батальону: «Вручаю вамъ ребята, Святыню! Государь Императоръ даровалъ вамъ ее, эту великую награду, за военныя доблести. Старайтесь сдѣлаться вполне достойными милостей Царя,—честною службою и исполненіемъ своего долга. Помните, что знамя есть глава, есть честь и жизнь вашего батальона! Для защиты его, воинъ не долженъ щадить живота своего, а дурной солдатъ не можетъ быть терпимъ между вѣрными защитниками знамени».

За рѣчью Генерала, священникъ провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору и всему Его Августѣйшему Дому! На крѣпостныхъ веркахъ и на судахъ, стоявшихъ на рейдѣ, захохотали орудія, возвѣщая горцамъ, что Рускіе твердою ногою стоятъ на мѣстѣ временнаго стана Великаго Петра и что русскій двуглавый орелъ паритъ надъ горами Кавказа. Жители окрестныхъ и даже отдаленныхъ ауловъ во множе-

ствѣ стекались къ Петровскому-укрѣпленію, чтобъ быть свидѣтелями военнаго торжества.

Батальонъ парадировалъ въ стройномъ порядкѣ, съ гордо-стію неся свое знамя! По окончаніи церемоніи, началось празднество и общественныя увеселенія, измѣнившія обычную всенедельную жизнь петровскихъ жителей. При обѣдномъ столѣ, приготовленномъ для всего батальона, провозглашены были тосты: первый—за здравіе и долголетіе Государя Императора и всего Царствующаго Дома, и второй—за честь, славу и непобѣдимость всего русскаго воинства.

ИНОСТРАННЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

Данія и Шлезвиг-Гольштейнъ.

Чтобы возмущать читателей съ несомненною пользой, въ которое повергнуто возмущеніемъ Германское Гольштейнское, представляю письмо изъ Киль, напечатанное въ «Нюрнбергер-Самсонской газетѣ»—органъ, который некогда былъ пламеннымъ защитникомъ всего, что происходило въ Герцогствѣ, но теперь отпалъ отъ поддержки требованій матежинцовъ, какъ дьявола несправедливое и противное выгоды самой Германіи. Вотъ это письмо:

«Киль, 10-го сентября».

«Мы живемъ здѣсь въ величайшемъ страхѣ за будущее, и всѣ наши мольбы обращены къ германскимъ правительствомъ, о томъ, чтобы они забыли насъ отъ несправедливаго ига, которымъ главное намѣстничество гнететъ нашу страну. Ужаса, господствующій въ сельскихъ общинахъ Гольштейна, выводитъ изъ предѣловъ. Тучи полицейскихъ агентовъ и жандармовъ разсыпаны по всему пресвятому нашей несчастной земли, будто бы съ цѣлю—поддерживать порядокъ и спокойствіе и охранять берега отъ нападенія Данцка, которые, какъ известно, думаютъ только о вторженіи въ Гольштейнское Герцогство; между-тѣмъ—какъ тайное, но настоящее назначеніе этихъ агентовъ и жандармовъ—держать въ рукахъ значительныхъ владѣльцевъ собственности и поселянъ, которые, будучи выведены изъ

терпѣнія всѣми возможными притѣсненіями, могли бы осмѣлиться возвысить голосъ противъ нашихъ правителей, и воспротивиться системѣ лихоимства, отнимающей у нихъ всѣ средства существованія. Горе тѣмъ, которые посмѣли бы поступить такимъ образомъ! Ихъ тотчасъ бы захватили, какъ предателей отечества, и лишили всего имущества. Вотъ какими средствами главное намѣстничество заглушаетъ жалобы, и удерживаетъ Германію, что Гольштейнцы готовы жертвовать всѣмъ, даже раззориться въ концѣ, чтобы поддержать возмущеніе, возбуждаемое главнымъ намѣстничествомъ противъ законнаго монарха. Къ счастью, этого нѣтъ на дѣлѣ.

«Девять-десятыхъ народонаселенія умоляютъ о ширѣ и скорѣйшемъ возстановленіи законной власти, очень хорошо понимая, что только этихъ средствъ они могли бы спасти малость, которую еще остается спасти. Если же—что весьма сомнительно—Давія нарушила въ Гольштейнѣ права, принадлежащія Германіи, то у Германіи есть довольно силъ защищать права мирными средствами, не покровительствуя, какъ дѣлала она до-сихъ-поръ, возмущенію. Великія державы обязаны заставить мятежниковъ покориться аффилированнаго Фридриха VІІ, и освободивъ нашу страну отъ партіи, которая населила въ ней господство ужаса, и которая сдѣлала службу только мерушкой Готской партіи, употребляющей ее, какъ прежде, для выгодъ вовсе не Шлезвиг-Гольштейна. Готская партія, наводивъ нашу землю волонтерами и нанятыми войсками, которые опустошаютъ ее, какъ саранча, еще имѣла дерзость побуждать насъ къ рѣшительной битвѣ за ея честь, которую она осмѣливается называть честью цѣлой Германіи. Къ несчастію, либеральныя и демократическія газеты въ рукахъ у этой партіи, и истина не можетъ обнаружиться; потому-что листы этого цѣта выбираютъ преимущественно ложь и преувеличенія. Такимъ-образомъ, не только въ гамбургскихъ, но также въ франкфуртскихъ и рейнскихъ газетахъ помѣщались множество статей, въ которыхъ превозносили мужество Гольштейнцевъ, выставляли аресты, конфискаціи собственности и разныя жестокости, будто бы произведенныя Датчанами въ Гольштейнскомъ-Герцогствѣ; между-тѣмъ-какъ тѣ же газеты Готской партіи не упоминаютъ о налогахъ, займахъ, всѣхъ возможныхъ податяхъ натурою, которыми главное намѣстничество гнететъ гольштейнское народона-

селеніе; не говорятъ объ изгнаніи и зрѣсть лицъ, нерасположенныхъ къ мятежному правительству; объ увольненіи чиновниковъ и духовныхъ, вѣрныхъ Королю; не пробуждаютъ тягостныхъ воспоминаній, оставленныхъ волонтерами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стояли, и проч.

«Безъ этой системы устрашенія, безъ военныхъ судовъ и жестокихъ понужденій, Гольштейнцы не внесли бы ни одного чрезвычайнаго налога. Мнѣніе это подтверждается тѣмъ, что никто не предложилъ суммы въ счетъ добровольнаго займа, открытаго главнымъ намѣстничествомъ, никто не явился на зовъ о всеобщемъ вооруженіи.

«Прямые налоги, подати натурой и принужденные займы, въ Гольштейнѣ, составляютъ теперь три четверти дохода жителей. Германскія государства, которыя въ настоящее время платятъ главному намѣстничеству деньги, съдѣлюющія Гольштейну за содержаніе ихъ войскъ, дѣлаютъ тѣмъ самымъ великую несправедливость; потому-что деньги эти не доходятъ до крестьянъ, которымъ онѣ принадлежатъ, а остаются въ рукахъ намѣстничества, которое удерживаетъ ихъ для продолженія бесполезной войны, и довершаетъ паденіе Герцогства.

«Теперь собрался въ Киль советъ. Вѣроятно, онъ только увеличить существующіе налоги, и, если возможно, назначить новые, потому-что только слабое меньшинство представителей добровольно платитъ подати; другіе же вовсе не содѣйствуютъ потребностямъ страны, а напротивъ, еще извлекаютъ большія выгоды изъ общаго разрушенія, такъ что собственная польза заставляетъ ихъ поддерживать такое запущенное положеніе дѣлъ.

«Такимъ образомъ Гольштейнъ—на одинъ палецъ отъ гибели; онъ неизбежно упадетъ въ пропасть, если германскія правительства замедлятъ положить предѣлъ борьбѣ, которую поддерживаетъ революція противъ самыхъ священныхъ правъ».

Киль, 1-го сентября. Три члена мирнаго конгресса, бывшіе въ этотъ городъ, стараются всеми силами склонить герцогства къ тому, чтобы они предоставили рѣшеніе своего спора съ Даніей третейскому суду. Въ случаѣ, если попытка этихъ служителей мира будетъ принята здѣсь, они отправятся съ тою же цѣлью въ Копенгагенъ.

Копенгагенъ. — Едва прошелъ мѣсяць послѣ того, какъ Датчане цѣною крови искупили Шлезвигъ изъ рукъ мятеж-

никакъ, и уже Король даруетъ Шлезвигцамъ знаки своего милосердія. Е. В. повелѣвъ вѣсти въ Шлезвигъ тѣ же самодѣйныя права, какия существуютъ въ Дании. Такое усиленіе таможеннаго тарифа, весьма значительное, придастъ новую силу шлезвигской промышленности и торговлѣ; матежное правительство, тяготѣвшее чужь неучастіемъ Шлезвигомъ, не думало доставить ему эту выгоду. Въслѣдъ за темъ Король издалъ указъ, которымъ пронаводился, временно, наборъ войскъ въ Шлезвигъ. Указъ этотъ, какъ въ Дании, не исключаетъ никого отъ обязанности вступать въ военную службу и, такимъ-образомъ, исполняетъ давнишнее желаніе Шлезвигцевъ.

Киль, 8-го. — Утромъ было три сраженія: при Эггерстепель, Брекендорфъ и близъ Екернфердской гавани. Первое дѣло кончилось въ пользу Шлезвиг-Гольштейнцевъ, о которомъ не получено извѣстій, а третье, не имѣло никакихъ послѣдствій.

— Что было въ Киль первое засѣданіе правительнаго Земскаго Собранія; по совершеніи молебствія, члены собрались въ назначенную для нихъ залу въ Кильскомъ замкѣ, и членъ правительства, графъ Ревентловъ, открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой кратко изложилъ положеніе дѣлъ.

— Съ иностранными правительствами, сказалъ онъ между прочимъ, департаментъ иностранныхъ дѣлъ не имѣетъ общіяявныхъ сношеній.

Г. Ревентловъ уверялъ также, что финансы Герцогствъ не истощены, а армія бодря и готова къ бою.

13-го. Извѣстія съ поля сраженія: 2 часа по-полудни. Сраженіе, какъ кажется, идетъ сильно по всей линіи. Екернферде занятъ, почти безъ боя, Гольштейнцами. Датскій лагерь изъ шалашей, близъ Козеля, на Мисзундской дорогѣ, горитъ.

9-ть часовъ вечера. Генералъ Виллизенъ сдѣлалъ движеніе на Мисзунде, и хотѣлъ пробиться впередъ, но Датчане дали ему, близъ Козеля, сильный отпоръ, и отбросили его назадъ. Онъ отступилъ по сю сторону Екернферде.

Копенгагенъ, 16-го. Военное министерство издало вчера слѣдующее официальное извѣстіе: 12-го числа село ишпа, послѣ полудня, непріятель началъ во множествѣ мѣстѣхъ на наши форпосты. Непріятельскія войска, шедшія на Доршtedтъ, Беннебекъ, Кропцъ и Брекендорфъ, отступили,

послѣ короткой стычки съ нашими форпостами, неизмѣннѣ никакихъ послѣдствій. Напротивъ того, при Кохендорфѣ 10-й легкій батальонъ принужденъ былъ, послѣ боя, продолжавшагося нѣсколько часовъ, отступить черезъ Козель, гдѣ 3-й егерскій корпусъ принялъ сраженіе до Мисзунда. Непріятель съ четырьмя батальйонами, двумя эскадронами и тремя баттарейми напалъ на позицію при Мисзунда, которую занялъ 3-й резервный батальйонъ съ четырьмя пушками, и съ сѣверной стороны р. Шле защищали шесть пушекъ баттарей *Динесена*, 3-й егерскій корпусъ и 10-й легкій батальйонъ, но послѣ двухъ-часовой битвы долженъ былъ отступить. Преслѣдуемый двумя батальйонами, непріятель устремился изъ Козеля къ Кохендорфу, гдѣ темнота ночи прекратила сраженіе. 140 человекъ плѣнныхъ доставъ въ наши руки. Мы лишились трехъ капитановъ и четырехъ поручиковъ. Унтер-офицеровъ и рядовыхъ ранено 80 человекъ. Военное министерство, 15-го сѣнтября 1850. Глудъ, адъютантъ военнаго министра.

22-го. — Морское министерство издало отчетъ о сраженіи между датскимъ пароходомъ «Geiseg» и шлезвиг-гольштейнскими канонерскими лодками. Пароходъ стоялъ въ устьѣ Геверы, чтобы отрезать лодкамъ путь къ отступленію на югъ; 17 числа, въ 10 часовъ утра, замѣтили идущій къ югу пароходъ «Kiel», съ тремя лодками на буксирѣ. «Geiseg» тотчасъ вышелъ въ море, и началъ сильную перестрѣлку съ инсургентами; чрезъ три четверти часа послѣ начала сраженія, онъ долженъ былъ прекратить преслѣдованіе, потому-что два орудія (одно для бомбъ) не могли болѣе служить; онъ продолжалъ впрочемъ перестрѣлку, пока лодки было довольно близко отъ него. Тогда же увидѣли на сѣверъ дымъ, и капитанъ *Вульдъ* (командиръ парохода «Geiseg»), рассчитывая, что къ нему приближается датскій пароходъ съ канонерскими лодками, рѣшился соединиться съ ними, и продолжать потомъ преслѣдованіе; этого однако сдѣлать ему не удалось, потому-что лодки подошли къ «Geiseg» тогда уже, когда шлезвиг-гольштейнскія суда ушли на очень далекое разстояніе. Поврежденія пароходомъ въ этомъ сраженіи поврежденія могутъ быть исправлены въ одинъ день; раненныхъ было 10 человекъ, изъ которыхъ умеръ одинъ. У Шлезвиг-Гольштейнцевъ потеря должна быть значительна, потому-что сраженіе происходило на очень близкомъ разстояніи.

Рендсбургъ, 29-го.—Въ 11 часовъ получено извѣстiе, что Гольштейнцы вступили въ жаркое сраженiе съ Датчанами, во всѣхъ окрестностяхъ Фридрихштадта. Лежащiя къ югу отъ Фридрихштадта гольштейнскiя канонерскiя лодки, вооруженныя тяжелыми орудiями, начали нападенiе, и къ 12 часамъ разрушили находившееся противъ нихъ непрiятельское укрѣпленiе, и нанесли непрiятелю значительную потерю, потому-что стрѣляли картечами. Послѣ полудня началась пальба. До полудня городъ еще не былъ бомбардированъ, хотя употреблены были всевозможныя средства, чтобы вытѣснить оттуда Датчанъ. Лунденскiй почтовый ботъ привезъ извѣстiе, что Теннингенъ занятъ, послѣ двухъ-часоваго боя, двумя ротами Гольштейнцевъ противъ 1,200 Датчанъ. Въ Лунденъ привезено 54 павшихъ.

Датчане отошли къ Гардингу (10 часовъ вечера). Все еще продолжается бомбардировка. Въ Лунденъ прибыло еще 163 павшихъ и между прочимъ 4 офицера.

Гамбургъ, 30-го.—Вечеромъ получено слѣдующее извѣстiе: «Гольштейнцы взяли приступомъ две шанцовыя при Фридрихштадтѣ, и овладѣли четырнадцатю заклепанными орудiями. Гарнизонъ Теннингена, состоявшiй изъ 150 челов., частiю палъ въ битвѣ, частiю попался въ плѣнъ.

* Съ 3-хъ часовъ утра сдѣлано нападенiе на Фридрихштадтъ; теперь (въ 6 ч.) получено извѣстiе, что всѣ внѣшнiя укрѣпленiя уже заняты. Гольштейнцы перешли Ейдеръ при Реймерсбуде, и взяли въ Теннингенъ и Гардингъ въ плѣнъ около 100 Датчанъ, которые уже привезены сюда. Фридрихштадтъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, и гарнизону данъ на обдумыванiе срокъ до 2-хъ час. по-полудни; если онъ не сдастся, то городъ будетъ бомбардированъ. Жители не вышли изъ него. Отвѣтъ былъ отрицательный.

1-го октября.—Гонецъ привезъ въ Рендсбургъ извѣстiе, что парламентаръ, посланный въ Фридрихштадтъ, получилъ отъ гарнизона отвѣтъ, что онъ сдаваться не намѣренъ; поэтому Гольштейнцы начали атаку. Генералъ *Виллизетъ* приготовился отразить главными силами всякую помѣшь, которая можетъ быть подана съ сѣвера. Въ Фридрихштадтъ командуетъ, въроятно, г. *Литуръ дю Пенъ*.

— Послѣ того, какъ датскiй гарнизонъ отказался сдаться, снова началось бомбардированiе Фридрихштадта; Датчане отвѣчали сильнымъ огнемъ, и нѣсколько времени раздалась страшная пальба изъ самыхъ тяжелыхъ орудiй; такъ

какъ Гольштейнцы подошли къ городу на очень близкое разстояніе, то онъ чрезвычайно страдаетъ отъ ихъ выстрѣловъ.

Вечеръ. Полученныя сегодня съ запада извѣстія показываютъ, что дѣла Шлезвиг-Гольштейнцовъ идутъ плохо: Датчане не только снова завладѣли занятой ими прежде мѣстностью, но даже заставили ихъ отступить. Когда утромъ возобновлено было сраженіе, Датчане сдѣлали изъ Фридрихштаата и близлежащихъ укрѣпленій вылазку на Гузумское шоссе, и отбросили Гольштейнцевъ на другую сторону Байдера. Только съ огромными усиліями удалось канонерскимъ лодкамъ, которыхъ выстрѣлы достигали до укрѣпленій, снова завладѣть тѣмъ, что было занято вчера. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлано было нападеніе отъ Гузумскаго шоссе на Тенингенъ, изъ котораго Гольштейнцы вытѣснены. Около 10 ч. утра они отступили на прежнюю позицію, но потомъ отчаяннымъ натискомъ 1 корпуса егерей Тенингенъ снова былъ отбитъ у Датчанъ. Тогда опять возобновилось бомбардированіе Фридрихштаата, но уже издали, и кажется, оно не привело ни къ какимъ невыгоднымъ для Датчанъ результатамъ.

2-го. Предшествующія сраженія еще не измѣнили положенія воюющихъ сторонъ: Фридрихштаатъ находится въ рукахъ Датчанъ, которые воспользовались промежутками между нападеніями, чтобы набросить нѣсколько новыхъ окоповъ. Выстрѣлы Гольштейнцевъ не нанесли Датчанамъ почти никакого вреда, потому-что дома, лежащіе у Байдера, обращены въ укрѣпленія. Гольштейнцы хотѣли овладѣть штурмомъ передовою линіею окоповъ, но первая попытка стоила имъ очень дорого; Датчанъ стараются вытѣснить изъ города пушечными выстрѣлами; но они очень сильны въ своихъ окопахъ, и кромѣ-того могутъ притянуть къ себѣ помощь по Гузумскому шоссе, особенно потому, что Тенингенъ снова отнятъ у Гольштейнцевъ. Слѣдовательно, четырех-дневный бой единственнымъ результатомъ имѣлъ истребленіе большаго числа людей.

3 го. Вотъ положеніе гольштейнской арміи: генералъ *Видленкъ* съ главными силами въ центрѣ между Бренендорфомъ и Виттензее, и ожидаетъ Датчанъ, если бы они выступили изъ своихъ укрѣпленій; полковникъ *фон-Гергардтъ*—на часъ ходьбы южнѣе Гемлингштедта, съ авангардною бригадою, наблюдаетъ за противниками, на случай движенія ихъ къ западу.

ГЕРМАНИЯ.

Германія не скоро еще, повидимому, успокоится отъ своихъ тревоженій. Конечно, она стала спокойнѣе и уже раскаявается во многихъ безумствахъ своихъ, но ей предстоитъ еще сдѣлать многое, чтобы достигнуть мира и благосостоянія. Есть въ ней люди благомыслящіе, безпрестанно указывающіе ей на порядокъ и благополучіе соседней ей Россіи, ставящіе ей въ примѣръ устройство могущественной Имперіи, но эти люди не составляютъ еще большинства, и не въ силахъ вполне усмирить Германію. Должно надѣяться за Германію, что они возьмутъ наконецъ верхъ.

Въ последнее время все взоры были обращены на Берлинъ, Вѣну и Франкфуртъ, какъ на единственные пункты, въ коихъ обнаружилась политическая жизнь Германіи; каждое новое явленіе въ одномъ изъ этихъ центровъ давало новый оборотъ и несогласіямъ между Австріею и Пруссіею, и то увеличивало, то уменьшало надежду на скорое и успѣшное окончаніе ихъ. Теперь повѣшшія событія въ Касселѣ тоже стали привлекать на себя всеобщее вниманіе. Вотъ въ немногихъ словахъ ходъ этихъ событій. Съ 1 сентября настоящаго года въ Гессен-Касселѣ истекъ срокъ, до котораго, по рѣшенію прежней палаты, министерство имѣло право собирать подати и налоги; оно требовало отъ новой, только что собраншейся, палаты полномочія взимать налоги и на будущее время; но большинство депутатовъ, повинувшись единственно чувству ненависти, которую она питаетъ противъ главнаго министра г. *Гассенфлуга*, и забывъ, что люди, призванные участвовать въ законодательномъ собраніи, должны имѣть предъ глазами только благо государства, отвергло требованіе министровъ; этимъ послѣдніе были лишены не только возможности дѣйствовать, но и главнѣйшаго средства существованія. Уложенія даютъ законодательнымъ собраніямъ право, по разсмотрѣніи предложеннаго министрами бюджета, составленнаго на основаніи государственныхъ доходовъ и расходовъ, принять его или подвергнуть какимъ-нибудь измѣненіямъ; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы они могли остановить

ная вося прекратить сборъ податей. Кассельское министерство, опасаясь послѣдствій рѣшенія палаты, распустило ее, и повѣдало, чтобъ подати были собираемы попрежнему и безъ дозволенія палаты. Гессен-кассельское уложение предписываетъ, чтобъ во-время отсутствія Законодательнаго Собранія, оставался въ дѣятельности комитетъ, составленный изъ известнаго числа его членовъ. Этотъ комитетъ издавъ прокламацію, въ коей, объявляя мѣры, принятыя министрами, незаконными, подтвердилъ запрещеніе платить имъ подати. Вслѣдъ за тѣмъ министерство, опасаясь, чтобъ волненіе въ умахъ, причиненное повсюду прокламаціею комитета, не преобразовалось вдругъ въ важные безпорядки, и чтобъ въ этомъ случаѣ быть готовымъ противустать имъ съ надлежащими силами, объявило все Курфиршество въ осадномъ положеніи.—Въ отвѣтъ на это комитетъ рѣшилъ, чтобъ министры были преданы суду, за то, что ихъ поступки противны уложенію и стремятся уничтожить его. Генералъ, которому было поручено начальство надъ Касселемъ, во-время осаднаго положенія, не рѣшался принять мѣръ, соответствующихъ положенію государства. Курфирстъ и министры оставили столицу; не трудно представить себѣ, какою замѣшательство тѣмъ распространилось повсюду. Возбужденныя въ насъ страсти могутъ вдругъ дать этому спору нѣмой оборотъ, и преобразовать его въ одно изъ тѣхъ возстаній, которыя иногда оставляютъ послѣ себя чрезвычайно плачевныя послѣдствія; такое опасеніе покажется еще основательнѣе, если принять въ расчетъ, что обитатели части Германіи, въ которой находится Курфиршество Гессен-Кассельское, болѣею частию весьма горячіе послѣдователи демократическихъ началъ. Очень печальный свѣтъ бросаетъ на все это еще личность министра Гассенфлуга, котораго преслѣдуютъ многіе, даже консервативные журналисты; онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, позволивъ себѣ поступокъ не совсѣмъ законный; находясь въ прусской службѣ, онъ незначительную сумму, назначенную на известные расходы, употребилъ не на то, для чего она была опредѣлена. Произведенное по этому поводу судебное слѣдствіе, и приговоръ, произнесенный надъ нимъ въ то время, когда онъ уже былъ министромъ въ Кассель, придали всему делу гораздо большую важность, чѣмъ оно само по себѣ заслуживало, и противникамъ его дали въ руки оружіе, которымъ они по

своему произволу могли наносить ему чувствительные удары. Уже при вступленіи своемъ въ министерство, *Гессен-флуэгъ* вообще былъ нелюбимъ; когда же стала известна произнесенный надъ нимъ судебный приговоръ, повалилъ къ нему сдѣлалась всеобщая; благодаря стараніямъ демократическихъ журналовъ, въ челоука, призванномъ управлять дѣлами государства, стали видѣть преступника; большая часть консерваторовъ, которые безъ этого обстоятельства всегда бы остались защитниками министерства, оставили его и перешли на сторону оппозиціи.

Во многихъ газетахъ, особливо защищающихъ прусскую политику, паходятся довольно ясныя намеки, будто Курфирсть Гессен-Кассельскій слѣдовалъ внушеніямъ Австріи и Франкфуртскаго-Сейма, и что конституціонная партія надеется найти себѣ опору въ Пруссіи; но за вѣрность этихъ предположеній ручаться нельзя; вообще трудно сказать положительнымъ образомъ, имѣютъ ли событія въ Кассель какую-нибудь связь, хотя и отдаленную, съ соперничествомъ между Австріею и Пруссіею. Должно однакожъ замѣтить, что послѣдняя, повидимому, скорѣе готова выступить за гессен-кассельскую палату, нежели за Курфирста, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время г. *Гессенфлуэгъ* сдѣлался явнымъ противникомъ берлинскаго кабинета, и что отдаленіе Гессен-Касселя отъ Прусскаго Союза было единственно результатомъ его политики. Но этого отъ Пруссіи ожидать бы не должно, если вспомнить, что два года тому назадъ министерство *Мантейфель-Бранденбургъ* было точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится теперь г. *Гессенфлуэгъ*: прусская палата тогда тоже вздумала отказать министерству въ правѣ собирать подати, но оно прибѣгнуло къ силѣ оружія, и только такимъ образомъ удалось ему отвратить опасности, угрожавшія государству; еще въ настоящемъ году производились слѣдствія противъ членовъ тогдашняго берлинскаго Законодательнаго Собранія. Хотя и говорятъ, что Курфирсть ожидаетъ помощи отъ Ганновера или Баваріи, но до-сихъ-поръ это предложеніе еще не оправдалось; при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Кассель, отъ такого вмѣшательства большой пользы ожидать нельзя, ибо конституціонная партія дониндѣ ограничивала свое сопротивленіе одними прокламаціями и протѣстами, стараясь по возможности окружить свои поступки видоу законности. Должно напротивъ опасаться, что всту-

длеши войскъ въ Кассель до того увеличить броженіе умовъ, что изъ настоящаго кризиса возникнутъ плачевныя беспорядки.

Въ Брауншвейгѣ произошелъ министерскій кризисъ, потому-что Герцогъ отказывается ратифицировать миръ; который Пруссія заключила съ Данією.

Австрія намѣрена помочь Курфирсту Гессен-Кассельскому; Франкфуртскій Сеймъ немедленно займется разсмотрѣніемъ положенія Гессен-Касселя.

На приглашеніе Австріи участвовать въ Франкфуртскомъ Сеймѣ, Пруссія отвѣтила отказомъ; нетрудно угадать причину, побудившую ее въ этому поступку; она такъ далеко удалена идеальной своею политикою, что ей теперь трудно отъ нея отказаться. Хотя г. Радовицъ, вѣроятно, убеждаетъ въ томъ, что его планы, которые прусское министерство до-сихъ-поръ напрасно старалось осуществить, не могутъ быть выполнены; хотя ему ясно, что необходимо дать политикѣ берлинскаго кабинета основу болѣе практическую и соответствующую настоящему положенію Германіи, тѣмъ не менѣе онъ все еще повинуется не внутреннему своему убѣжденію, но честолюбивой надеждѣ, какими-нибудь другими средствами привести Германію въ исключительную зависимость отъ Пруссіи. Онъ бы, вѣроятно, согласился на предложенія Австріи, еслибы они ему были сдѣланы на сю, и еслибы не казалось, что, принимая ихъ, онъ преклоняется предъ небившимъ его врагомъ. Еслибы Пруссія, когда она впервые возникла мысль о своемъ союзѣ, могла предвидѣть неблагоприятный исходъ, предстоявшій ему, она бы, навѣрно, тогда приняла тѣ же самыя мѣры, которыя теперь принимаетъ Австрія, и еслибы другіи германскія государства не согласились на ея предложенія, она бы стала защищать ихъ съ такою же твердостью, съ какою теперь настаиваетъ на своемъ союзѣ. Она въ то время, когда Австрія у себя была занята тайною, приняла въ исключительное свое распоряженіе дѣла всей Германіи, и повсюду старалась распространить веру, что только подъ ея руководствомъ можно было дойти до цѣли, которую вся нація имѣла предъ глазами, то есть до единства; когда Австрія избавилась отъ внутреннихъ своихъ враговъ, она опять начала принимать участіе въ германскихъ дѣлахъ, чтобъ вновь пріобрѣсти свое прежнее вліяніе на нихъ; при этомъ естественно, что Прус-

сія неохотно хотеть дать возлѣ себя мѣсто своей могучей соперницѣ

Въ дипломатической нотѣ, содержащей ея отвѣтъ на предложеніи Австріи, довольно замѣчательны причины, которыми она старается оправдать свой отказъ. Она утверждаетъ, что прежній Франкфуртскій-Сеймъ въ 1848 г. прекратилъ свою дѣятельность съ общаго согласія всѣхъ его членовъ, и что когда исполнительная власть Германскаго-Союза была передана Эри-Герцогу Іоанну, ни одно изъ немецкихъ правительствъ, вѣроятно, и не думало, чтобъ Сеймъ когда-нибудь могъ быть восстановленъ въ прежней своей формѣ. Предположеніе это справедливо; но самою собою разумѣется, что при этомъ все были убѣждены, что сдѣланными Франкфуртскаго парламента будутъ созданы новыя уложеніе для Германіи, и что такимъ образомъ сеймъ будетъ замѣненъ другими органами; потому естественно, что никто не думалъ о возможности его восстановления; еслибъ правительства могли предвидѣть, какіе невыгодные результаты должны были имѣть засѣданія Национальнаго Собранія въ Франкфуртѣ, они бы единогласно объявили, что прежнее уложеніе Германскаго-Союза должно остаться въ своей силѣ, пока оно не будетъ замѣнено новымъ. Отказъ свой Пруссія основываетъ еще и на томъ, что, по ея словамъ, сеймъ, въ прежнемъ своемъ составѣ не соответствуетъ настоящимъ потребностямъ націи; но не только Пруссія, все правительства убѣждены въ томъ, что въ уложеніи Германіи необходимо многое преобразовать; въ сеймѣ они видятъ только средство, которымъ, соблюдая путь права и законности, можно приступить къ этимъ реформамъ. Что прежнее уложеніе недостаточно, о томъ никто не споритъ; все видитъ необходимость измѣнить его какими-то нововведеніями; но въ чемъ они должны состоять, объ этомъ мнѣнія еще различны; рѣшить это—будетъ дѣло сейма.

Пруссія почитаетъ этотъ путь неудобнымъ, потому что перемѣны въ уложеніи могутъ быть произведены только съ общаго согласія всѣхъ членовъ Германскаго-Союза; такимъ-образомъ самое незначительное герцогство или княжество можетъ остановить рѣшенія сейма, даже въ случаѣ согласія всѣхъ прочихъ членовъ. Она, вмѣсто этого, предлагаетъ, чтобъ переговоры о преобразованіи Германіи, производились на такъ называемыхъ вольныхъ конференціяхъ; отъ собственнаго произвола каждаго немецкаго государства

будеть заисать принять въ нихъ участіе; но ничто не по-
дастъ надежду, что здѣсь скорѣе, чѣмъ въ себѣ, можно бу-
детъ достигнуть единогласія; и здѣсь каждому по усмотрѣ-
нію своему можно будетъ не согласиться на предложенія, ко-
торыя онъ сочтетъ для себя невыгодными. Последствія та-
кихъ вольныхъ конференцій легко предвидѣть: государства,
которые, по ихъ географическому положенію или другими
какими-либо причинами, имѣютъ съ Пруссіею общіе инте-
ресы, согласятся на все ея предложенія и соединятся съ
ней; а изъ этого образуется не-что иное, какъ тотъ же са-
мый союзъ, который до-сихъ-поръ составлялъ основу по-
литики Берлинскаго кабинета. Другія государства въ этомъ
случаѣ принужденны будутъ соединиться съ Австріею; та-
кимъ-образомъ, вся Германія раздѣлится на двѣ части, въ
одной изъ которыхъ исключительно будетъ господствовать
Пруссія.

Въ газетахъ пишутъ теперь о новомъ, сообразномъ съ
этимъ проектъ г. Радовица, который былъ одобренъ и на-
министрами. Австрія и ея союзники образуютъ особую систе-
му, которая, какъ отдельное цѣлое, будетъ имѣть свою по-
литику, независимую отъ политики прочей Германіи. Пру-
ссія, съ своей стороны, соединится столь же тѣсно съ госу-
дарствами, оставшимися до-сихъ-поръ въ ея союзѣ. Объ-
единены заключать между собою союза, который ни въ
чемъ не будетъ препятствовать внутреннему развитію каж-
дой изъ нихъ. Что въ Пруссіи питаютъ надежду на прижи-
реніе съ Австріею, доказываетъ еще и слѣдующее обстоя-
тельство. На-дняхъ предъ прусскимъ Королемъ явилась кон-
сервативная депутація, которая просила, чтобъ при настоя-
щихъ критическихъ обстоятельствахъ были созваны пала-
ты; въ отвѣтъ своемъ Король сказалъ, что онъ въ необхо-
димость такой мѣры не убѣжденъ, между прочимъ и по
тому, что есть надежда на скорое и удовлетворительное
окончаніе несогласій, раздѣлявшихъ Германію.

Говорятъ, что Австрія, съ своей стороны, для преобразо-
ванія Германскаго-Сюза, намѣрена сдѣлать сейму слѣду-
ющія предложенія: исполнительная, а частію и законода-
тельная власть будутъ находиться въ рукахъ директоріи,
въ коей попеременно будутъ предсѣдательствовать Австрія и
Пруссія; изъ другихъ государствъ, сообразно съ ихъ зна-
чимостью, будутъ составлены группы, которыя будутъ
имѣть предсѣдателей въ директоріи; волея нея будетъ су-

ществовать в парламентъ, коего члены будутъ избираемы не на непосредственныхъ народныхъ выборахъ, но въ палатахъ каждаго государства, притомъ съ содѣйствиемъ правительства; въ союзъ Австрія намарена вступить со всѣми своими и не-измецкими владѣніями, исключая италіанскую провинцію.

Франкфуртъ-на-Майнѣ. 2-го сентября. — Было засѣданіе Тьснаго-Совета германскаго сейма. Государства, составляющія Пруссій-Союзъ, отказались участвовать въ немъ, въ той надеждѣ, вѣроятно, что Австрія согласится съ доводами послѣдней прусской ноты, и дѣла Германіи разсмотрѣны будутъ въ свободномъ собраніи германскихъ государствъ.

Сообщаемъ перечень государствъ, представители которыхъ участвовали въ первомъ засѣданіи Тьснаго-Совета: Австрія, Баварія, Саксонія, Ганноверъ, Виртембергъ, Гессен-Кассель, Гессен-Дармштадтъ, Люксембургъ и Лимбургъ, Дания, какъ владѣтельница Гольштейна, Мекленбург-Стрелицъ, Липпе, Лихтенштейнъ и Гессен-Гомбургъ. Въ этомъ первомъ засѣданіи разсмотрѣны были слѣдующіе вопросы: графъ Туль, какъ представитель председательствующаго государства, предложилъ совету признать подлежащихъ его разсмотрѣнію трактатъ между Пруссією и Данією; — принято; за тѣмъ представитель Гольштейна и Лауенбурга, датскій посланникъ *Бюловъ*, предложилъ, чтобы Германскій-Союзъ вступился въ дѣла герцогствъ, для прекращенія кровопролитія; предложеніе это тоже принято, и тотчасъ же составлена комиссія для опредѣленія мѣръ, которыя должны быть приняты для достиженія этой цѣли. Наконецъ, Советъ разсмотрѣлъ предложеніе, сдѣланное Австріи Пруссією, относительно управления союзными имуществами, и передалъ его на обсужденіе особой комиссіи.

Гессен-Кассель. 5-го сентября. — Положеніе дѣлъ въ Гессен-Кассель становится день ото дня затруднительнѣе; Собраніе штатовъ, распущенное 2-го сентября, дало постоянной комиссіи инструкцію, по которой она не должна соглашаться на сборъ податей. Кельнская газета полагаетъ, что г. Гессенфлугъ отважится на переворотъ.

7-го. — Всѣ вѣдомства отказались привести въ исполненіе распоряженіе министерства отъ 4 сентября, относительно продолженія собранія податей, и представили Курфюрсту записку объ этомъ.

• Въ *Deutsche Reform* напечатано: «Среди совершеннаго спокойствія въ городѣ, объявлено осадное положеніе».

10-го.—Каждый день приноситъ съ собою новыя отрѣшенія чиновниковъ, сопротивляющихся приказаніямъ высшаго начальника, генерала *Бауера*; это сопротивление замѣтно во всѣхъ вѣдомствахъ; такъ, напримѣръ, финансовыя чиновники отказываются выдать хранящіяся въ государственныхъ кассахъ суммы. Войска повсемѣстно стягиваются къ городамъ; кассельскій гарнизонъ будетъ усиленъ 2000 человекъ.

• На основаніи рѣшенія верховнаго суда, книгопечатанію возвращены прежнія права.

• Въ одной газетѣ напечатано предписаніе государственнаго генерал-прокурора государственному прокурору, подвергнуть на разсмотрѣніе Верховнаго-Суда жалобу постоянной комиссіи Национальнаго Собранія противъ министровъ *Гассенпфлуа*, *Гейнау* и *Баумбаха*; но Верховный Судъ не счелъ это дѣло подлежащимъ своему вѣдомству, и оно перенесено въ Высшій Апелляціонный-Судъ. Рѣшеніе этого дѣла чрезвычайно важно: оно опредѣлитъ характеръ будущихъ поступковъ министерства.

12-го.—Высшій Апелляціонный-Судъ призналъ распоряженіе Министерства отъ 4 сентября, касательно сбора податей, противозаконнымъ. Генералъ *Бауеръ* подалъ прошеніе объ отставкѣ.

• Министръ *Гассенпфлугъ* отвѣчалъ на протестъ Городскаго-Совета очень длинной запиской, въ которой благодарилъ гражданъ за спокойствіе ихъ въ послѣдніе дни; строгія мѣры были взяты не противъ нихъ, а противъ Собранія, и въ этомъ министерство руководствовалось обязанностями своими въ отношеніи къ Германскому-Союзу.

13-го. Сегодня Курфюрстъ выѣхалъ изъ Касселя въ Ганноверъ; въ 7 часовъ вечера онъ былъ въ Винденъ. Министры отправились въ Ганау. Маіоръ *Гейнау* извѣстилъ генерала *Бауера*, что осадное положеніе снято, но что ему предлагается по-прежнему управлять государственной полиціею впредь до приказанія. Резиденція правительства будетъ перенесена въ провинцію Ганау, въ городъ Бокенгеймъ.

14-го.—Сегодня, въ 11 часовъ утра, получено извѣстіе что Курфюрстъ прибылъ въ Дрансфельдъ, въ сопровожденіи

ни гг. *Гассенфлуца*, *Баумбаха* и *Гейнау*; Курфюрстъ принявъ имя *графа Штейнау*; министры его называютъ себя бременскими купцами. По отправленіи эстафеты въ Кассель, курфюрстъ продолжалъ путешествіе; въ 10 часовъ вечера прибылъ въ Ганноверъ, и тотчасъ-же повзвалъ къ королю; вывѣтъ въ гг. *Баумбахомъ* и *Гейнау*; на слѣдующій день, въ 9 часовъ утра, отправился отъ дѣл въ Нельнъ.

Курфюрстъ выѣхалъ изъ Миндена въ полдень, съ министрами *Баумбахомъ* и *Гейнау*, оставивъ поѣздъ у *Легенфельда*, по совету одного высшаго полицейскаго чиновника изъ Дюссельдорфа, и отправился во Франкфуртъ на почтовыхъ лошадейхъ.

* Въ первое время по выѣздъ Курфюрста, дипломатическій корпусъ находился въ недоумѣніи, гдѣ ему оставаться, потому-что сначала просто объявлено было, что правительство переносится въ пров. Ганау; австрійскій посланникъ, только-что воротившійся изъ отпуска, отправился даже во Франкфуртъ, надеясь найти тамъ министровъ.

* Курфюрстъ прибылъ во Франкфуртъ, откуда переезжаетъ въ Филиппсруе. Гг. *Гейнау* и *Баумбахъ* отправятся въ Ганау, а г. *Гассенфлуцъ* будетъ переезжать изъ Филиппсруе во Франкфуртъ, потому-что онъ исправляетъ дѣла должности—министра въ Гессен-Кассель и уполномоченнаго отъ Курфюрста въ Твскомъ-Советѣ.

19-го. — Ганноверъ отказалъ Курфюрсту въ помощи, и предложилъ ему обратиться къ Твскому-Совету; это действительно было сдѣлано г. *Гассенфлуцомъ*, но г. *Тв* отвергнулъ его ходатайство, и замѣтилъ, что въ настоящее время Курфюрсту необходимо переименовать министерство. Съ своей стороны, Комиссія Национальнаго Собранія намерена еще разъ попытаться склонить Курфюрста образовать министерство изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ гражданъ.

* Казначейство будетъ выплачивать, въ продолженіе сентября, только половину жалованья и пенсій, намерено доплатить остальную половину 1 октября, для чего и сдѣланъ будетъ заемъ у административнаго банка.

20-го. Вчера выступилъ въ пров. Ганау 1, а сегодня 2 батальоны лейб-гвардіи. Генералъ *Бауеръ* очень бѣденъ и по этому неизвестно, прибудетъ-ли онъ въ Ганау.

Вассий. Антверпенский Судъ, рассмотрѣвъ вопросъ, можетъ ли Палатинъ Коммиссія Собранія отдать власть суду министерство, въ случаѣ нарушенія уложенія. Хотя Судъ согласенъ съ тѣмъ, что министерство нарушило уложеніе, однако на предложенный вопросъ онъ намеренъ дать отрицательный отвѣтъ.

25-го.—Главное государственное казначейство получило отъ министра финансовъ г. Гессенблуга предписаніе не производить ввѣдь до приказанія никакихъ платежей.

Но дошедши въ Гамбу новостіями, баварскій корпусъ, стоящій близъ вассельской границы, будетъ скоро усиленъ павловъ-варшавинъ и двумя батальонами. Расположеніе курфирстовыхъ войскъ таково, что они въ одинъ день могутъ соединиться съ баварскими.

26-го.—Присланы были у дома придворнаго и государственнаго казначействъ караулъ изъ 15 человекъ; ввѣдь въ замкѣ охраняется однако значительный отрядомъ. Вобщемъ въ городѣ все совершенно спокойно. Сегодня вечеромъ происходили выборы председателя и представителя новой гражданской комиссіи; г. Шварценбергъ, членъ Верховнаго Суда, избранъ предъдѣляемъ 44 гол. противъ Г.

27-го. Министръ Гессенблугъ приказалъ государственному казначейству отпустить для военнаго министерства 40,000 тал. Въ тоже время дирекціи майно-везерской дороги поручено имѣть наготовѣ экстренный воззвъ въ Гамбу, до 3-го октября, для доставленія туда батальона войскъ.

28-го.—Въ «Новой Гессенской-газетѣ» напечатано объявленіе объ образованіи комитета, для собранія суммы, потребной на выдачу жалованья чиновникамъ, лишившимся собранія власти послѣднихъ происшествій. Комитетъ обращается ко всемъ гражданамъ съ просьбою о содѣйствіи, и намеренъ, по возможности, распространить свою дѣятельность на все курфирнство.

Въ издаваемой съ нынѣшняго времени «Casseler Zeitung» напечатанъ циркуляръ гессен-кассельскаго министерства ко всемъ правительствомъ, касательно смуть въ курфирнствѣ; циркуляръ этотъ занимаетъ, съ прибавленіями, около 17 листовъ, и министерство ускорило его напечатаніе между прочимъ потому, что до-сихъ-поръ за границей знат-

ли о событіяхъ въ Гессен-Кассель только нѣтъ оппозиціонныхъ газетъ, и не могли имѣть правильного понятія о нихъ.

Всѣ арестанты, содержащіеся уже нѣсколько лѣтъ въ Кассельскомъ замкѣ, выведены теперь оттуда; говорятъ, что замокъ назначенъ для заключенія тѣхъ лицъ, и преимущественно чиновниковъ, которые сопротивляются введенію осаднаго положенія въ курфиршество.

1-го октября. Указомъ курфирста отъ 28 сентября, званіе главнаго начальства на время осаднаго положенія слѣдуетъ съ генерал-лейтенанта *Бауера*, согласно прошенію его, по болѣзни, и передается генерал-лейтенанту *Гайнау*.

Въ *Neue Hessische Zeitung* напечатанъ указъ Курфирста, отъ того же числа, относительно чиновниковъ, противящихся, вопреки долгу присяги, приведенію въ исполненіе постановленій правительства; на основаніи этого указа всѣ акты ихъ, равно какъ козвенно клонящіеся къ нарушенію, считаются недействительными, а виновные подлежатъ суду главнаго начальника.

Комитетъ для вспомошествованія отставленнымъ чиновникамъ объявилъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ, служащимъ въ Кассель, онъ теперь въ состояніи выдавать за октябрь содержаніе, которое они прежде получали.

По случаю вступленія своего въ званіе главнаго начальника, генерал-лейтенантъ *Гайнау*, издалъ слѣдующую прокламацію:

«Три года тому назадъ оставилъ я военную службу, и жилъ какъ частный человекъ, наблюдая спокойно, съ грустію върнаго Гессенца, за политическимъ движеніемъ съ марта 1848; теперь, совершенно неожиданно для меня, назначенъ я Е. К. В. Курфирстомъ, на время осаднаго положенія, главнымъ начальникомъ въ нашемъ отечествѣ, и облеченъ обширной властью, съ тѣмъ, чтобы возстановить законный порядокъ въ государствѣ, и прекратить неповиновеніе законнымъ распоряженіямъ Государя, возникшее вслѣдствіе забвенія Национальнымъ Собраніемъ своихъ обязанностей и запрещенія имъ вносить необходимыя для государственныхъ потребностей подати, а также вслѣдствіе своеволія и мятежничества Постоянной Комиссіи. Въ толь-
что я, 71-лѣтній старецъ, отвѣчая охотно на зовъ моего

посидителя, перемятую, избранную мною самимъ спокойную жизнь на труды и усилія, сопряженныя съ званіемъ, по-стыднымъ по мнѣнію обольстителей и обольщенныхъ, — каждый можетъ видѣть, не только ясное доказательство тому, что я вполне убежденъ въ правотѣ и законности сдѣланныхъ Е. К. В. распоряженій, но вмѣстѣ и свидѣтельство того, что возложенное на меня повелителемъ моимъ порученіе исполню я не страшась никого, съ такимъ рвеніемъ и силою, которыя покажутъ всѣмъ непокорнымъ, что, несмотря на старческія лѣта мои, съ полною надеждою на помощь Всемогущаго Бога, я въ состояніи еще выдѣлать данную мнѣ обязанность и съ твердостью держать вѣсть начальника.»

1-го. Ежеминутно ожидаютъ арестованія нѣсколькихъ высшихъ чиновниковъ и Комиссіи Национальнаго Собранія, которая недавно собралась для преданія суду генерала *Гайнау*.

2-го. — Двѣлельность генерала *Гайнау* началась съ того, что вслѣдствіе одного обнародованнаго вчера документа, онъ призывалъ къ себѣ командира гражданской гвардіи, г. *Зейдлера*, который однако къ нему не пришелъ, и отвѣтилъ адъютанту его, что нѣтъ никакого постановленія, на основаніи котораго главный начальникъ могъ бы требовать къ себѣ командира гражданской гвардіи по дѣламъ службы. За такое непослушаніе, онъ былъ тотчасъ же отставленъ отъ должности.

3-го. — Въ Telegraphische Correspondenz-Bureau напечатаны двѣ слѣдующія депеши:

2-го октября, 8 часовъ вечера. Окружные директоры, кассельскій и ганаускій, замѣнены другими лицами. Постоянный военный судъ уже образованъ, Командиръ гражданской гвардіи отставленъ генераломъ *Гайнау* отъ мѣста; по этому случаю, сегодня вечеромъ должно быть собраніе офицеровъ гражданской гвардіи.

3-го октября, 3 числа по-полудни. Начальникъ гражданской гвардіи не оставилъ должности (т. е. не хочетъ повиноваться генералу *Гайнау*); офицеры не явились къ г. *Гайнау*. На завтра назначенъ большой военный парадъ.

4-го. Гражданская гвардія распушена; сегодня, въ 6 час. по-полудни, у нея будетъ отобрано оружіе.

Задние обраны государственных чинов заняты леб-гвардіей, которой поручено арестовать члена этого сосло-вля Демисля; спортъ того задние выперто высты съ сто-данными въ жемъ членами комитета. Трехдневская гвардія, во избежаніе столкновений съ войскою, не занимаетъ на-ружать.

Мекленбург-Шверинъ, 25 сентября. — Вслѣдствіе рѣ-шенія третейскаго суда, уложеніе 10 октября 1849 потеря-ло силу закона; между-тѣмъ, 24 сентября, на основаніи этого уложенія, должны были собраться члены Палаты Де-путатовъ. Министерство предвѣряло ихъ, что если они съѣзжаютъ это, то оно немедленно вышлетъ ихъ изъ Шверина; но бывший Президентъ Палаты г. *Вазерсъ* соедалъ своихъ товарищей, и они действительно призвали съѣзжанъ 22 числа. Полиція потребовала, чтобы они явились въ ар-судствіе ея; члены правой стороны тотчасъ исполняли это распоряженіе, и должны были объявить, что пріѣхали въ Шверинъ не какъ депутаты, а какъ частные люди; ле-шократовъ же, напротивъ, привели въ полицію, силою, и такъ какъ они не хотѣли объявить о цели своего пріѣзда, и сначала сказали даже, что собрались въ качествѣ депу-татовъ, то имъ было предписано немедленно оставить го-родъ, и они переехали въ Остдорфъ. 26 числа правая сто-рона собралась въ *Hôtel du Nord*, гдѣ присутствовали ми-нистръ *Люцовъ* и два прежніе министра *Либегерръ* и *Медеръ*, которые объявили, что считаютъ уложеніе 10 октября у-праздненнымъ. Члены бывшей Палаты намѣрены однако об-ратиться къ министерству съ протестомъ. Собранныя въ Остдорфъ депутаты составили записку, въ которой обя-вили, что, по ихъ мнѣнію, уложеніе 10 октября закономъ своей силы не утратило.

Дармштадтъ, 27 сентября. — Въ концѣ сегоднешняго засѣданія своего, Палата Депутатовъ положила отвергнуть проектъ закона о взносѣ податей за остальную четверть 1850 года, и составить проектъ противъ нарушенія министр-ствомъ уложенія. Вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ, директоръ министерства двора и иностранныхъ дѣлъ, г. *Дальбергъ*, прочелъ указъ В. Герцога о распущеніи Палаты и о назна-ченіи новыхъ выборовъ при первой возможности.

ЖЕЛЕЗНЫЕ

7-го сентября. Отчет о состояніи желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи по концѣ 1849 г., и ихъ доходовъ: Къ 31-му числу декабря 1849 въ Пруссіи было открыто для общественнаго употребленія 365 1/2 миль желѣзныхъ дорогъ, считая въ томъ числѣ дороги Магдебургско-Виттенбергскую и Туррогт—Кресельдскую, открытыя въ теченіе 1849 г., на прострѣанствѣ 10 1/2 миль. Устройство всѣхъ этихъ дорогъ стоило 44,440,000 талеровъ, то-есть по 379,253 тал. на милю. По этимъ дорогамъ ходило 490 паровозовъ, 1,298 пассажирскихъ каретъ и 6,578 вагоновъ для перевозки товаровъ. По этимъ различнымъ дорогамъ (за исключеніемъ открытыхъ въ теченіе 1849 г.) провхало 8,407,948 чело-вѣкъ, и перевезено 33,313,795 центнеровъ товаровъ. Сборъ на двѣдцать одной мили, которыя были открыты въ 1849, простирался, въ сложности, до 10,782,907 талеровъ, или по 29,621 талеру на милю.

13-го сентября. Король принималъ въ Берлинѣ депутатовъ Охранительнаго Общества. Е. В. отвѣчалъ, что касательно германскаго вопроса, онъ будетъ слѣдовать по прежнему пути, и стоять за честь Пруссіи, наляясь въ этомъ случаѣ на содѣйствіе Палаты. Кроме того, Король хотѣлъ перенести свое мѣстопробываніе въ Берлинъ, вслѣдствіе результата общинныхъ выборовъ. Впрочемъ, здоровье Королевы, не позволяеть Е. В. жить постоянно въ столицѣ.

16-го—Въ сегодняшнемъ, 29-мъ, засѣданіи Временнаго Конгресса Князей ему были сообщены извѣщенія вскри-снаго посланника при прусскомъ дворѣ объ открытіи за-сѣданія Тѣснаго Совѣта, видѣть съ протоколомъ перваго засѣданія (2 сентября), и отпять графа Бранденбургъ, въ которомъ изъяснено, что замѣчаніе австрійскаго послан-ника относительно возможности приступить къ протополу-тѣль государствамъ, которыя уполномоченные не прису-ствовали на первомъ засѣданіи совѣта,—не касается Пруссіи, которая уже прежде объявила, что не принуждаетъ сей-момъ собраніи уполномоченныхъ нѣкоторыхъ германскихъ государствъ.

28-го—Въ официальной части Preussischer Staats-Anzeiger

напечатано: «Его Величество Король Высочайше повелѣть соизволилъ: Государственнаго министра барона *Фон-Шлейхца*, съ пожалованіемъ его въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, уволить отъ управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и назначить министромъ иностранныхъ дѣлъ генерал-лейтенанта *Фон-Радовица*».

* Въ Дюссельдорфской газетѣ помѣщенъ слѣдующій рескриптъ Короля на имя городского правленія и депутатовъ отъ общины, въ отвѣтъ на адресъ ихъ отъ 16 іюля:

«Мнѣ было пріятно усмотрѣть изъ адреса городского правленія и депутатовъ отъ общины города Дюссельдорфа, что новые городскіе чиновники признали долгомъ своимъ обозначить многознаменательный актъ вступленія своего въ должности немедленнымъ обращеніемъ ко мнѣ, съ изъявленіемъ благодарности и преданности. Я доверяю этимъ изъявленіямъ, и охотно принимаю ихъ за выраженіе мнѣнія, одушевляющаго значительное большинство гражданъ Дюссельдорфа. Надѣюсь, что общинные чиновники будутъ руководимы этимъ благимъ духомъ въ ихъ совокупной служебной дѣятельности, и убѣжденъ, что тогда дѣла ихъ принесутъ плоды, благотворные для важныхъ интересовъ, мнѣ порученныхъ. Сансуси, 14 сентября 1850».

30-го Было первое засѣданіе берлинскаго Общиннаго Совѣта; оно было открыто рѣчью бюргермейстера, изъ которой заимствуемъ слѣдующія числа, касающіяся статистики города Берлина: къ 1806 г. на городъ числилось долговъ 36.920 р. т.; доходъ простирался до 164,400 р. т., расходъ—161,440 р. т. Въ теченіе войны долгъ возросъ къ 1809 г. до 5.088,000, который, помощію различныхъ сбереженій, къ 1829 г. уменьшенъ до 3.895,000 р. т.; наконецъ къ 1840 году сумма эта уменьшена на 2.300.000 т.; кромѣ того погашенъ былъ заемъ въ 252,000 р. т., сдѣланный во-время холеры въ 1831—32 г. Но къ помянутому долгу должно еще причислить заемъ, употребленный на освѣщеніе города газомъ и на различныя чрезвычайныя нужды въ 1847—49 г., такъ что весь долгъ составляетъ 4.800,000 р. т., который будетъ погашенъ къ 1 января 1889 г. Имущество города представляетъ цѣнность въ 5,500.000 р. т. Жителей было въ 1809—144,360; въ 1850—404,000, домовъ и строеній въ 1840—7.352, въ 1850—17,211.

5-го—Всѣ газеты заняты исключительно двумя вопросами: смутами въ Гессен-Кассель и будущей политикой новаго

министра иностранных дѣлъ Г. Радовица. Вотъ что говорятъ между прочимъ Neue Preussische Zeitung о министръ иностранныхъ дѣлъ:

Политика, которой намѣренъ держаться новый министр иностранныхъ дѣлъ, совершенно неизвѣстна; скоро однако же, по случаю прекращенія срока Прусскаго Союза, 15 октября, она необходимо должна будетъ выказаться. 15 октября, не только представляетъ создавшему этотъ Союзъ возможность, но даже возлагаетъ на него обязанность показать, въ какомъ онъ находится къ нему отношеніи въ настоящее время, и полагаетъ ли онъ, что «границы возможнаго» уже достигнуты. Эта неизвѣстность тѣмъ болѣе озабочиваетъ многихъ, что Г. Радовицъ уже нѣсколько разъ перемѣнялъ политику.

— Холера въ Берлинѣ еще не прекратилась; съ 30 сентября по 1 октября заболѣло 15, умерло 6 чел.; съ начала эпидеміи заболѣло 1,042, изъ нихъ выздоровѣло 341, умерло 588, осталось больныхъ 113 человекъ.

А В С Т Р І Я .

5-го сентября.—Недавно появился въ свѣтъ мѣсячный отчетъ о состояніи національнаго банка: капиталъ его состоитъ изъ 31,413,179 фл., а билетовъ въ обращеніи находится на 249,015,640 фл.

— 8-го Е. В. Императоръ отправился съ особымъ поѣздомъ, по сѣверной желѣзной дорогѣ, въ Теплицъ, дѣлать смотръ ойскамъ, и остановится въ главной квартирѣ Ерц-Герцога Альбрехта. Императора сопровождаетъ фельдмаршал-лейтенантъ графъ Брюнне.

Капитанъ Гуггенбергеръ, въ Грецѣ, дѣлалъ удачныя попытки скорого осушенія сырыхъ жилищъ и влажныхъ прогнать высокою температурой. Г. Гуггенбергеръ изобрѣлъ для этой цѣли сильно дѣйствующую и сберегающую рова печь, небольшого размѣра, сильный проводникъ распространяющихся испареній, газовъ, и проч. и особаго устройства трубу, которая даже при переменномъ вѣтрѣ дѣйствительно устраняетъ всякое сгущеніе дыма, и способствуетъ къ выходу, постоянно поддерживаетъ гореніе. Опыты этой сушки будутъ продолжаемы еще въ болѣемъ размѣрѣ, и

когда изобретатель получить привилегію, печь эта будет введена въ старыхъ и новыхъ строенияхъ. Изобретатель намыренъ просушивать жилища бѣдныхъ безденежно, и брать съ нихъ только то, во сколько она обходится ему самому, а издержки эти очень незначительны, потому что при опытъ, продолжавшемся двадцать-семь часовъ, въ часъ сожигали только три фунта угля, чтобы въ небольшой комнатѣ довести температуру до 45 градусова.

“ Въ австрійской арміи обнаружилась глазная болѣзнь, которую постигнуто уже двѣсти пятьдесятъ человекъ. Военно-медицинская коммисія составила брошюру объ этой болѣзни, и разослала ее по всемъ полковымъ врачамъ.”)

15-го Е. В. Императоръ помиловалъ еще пятнадцать лѣтъ духовныхъ и свѣтскихъ, приговоренныхъ къ смерти военнымъ судомъ Темешвара.

“ Передъ отъездомъ на маневры въ Богемію, Императоръ утвердилъ законъ о политическомъ устройствѣ Венгріи. Область эта, отдѣленная отъ Кроаціи, Трансильваніи, Славоніи, Воеводства и Темешварскаго Баната, раздѣлена на пять правительственныхъ округовъ. Границы комитатовъ остаются прежнія; только самыя большіе изъ нихъ раздѣляются на два или на три округа, относительно управленія. Названія обер-гешпана (губернатора) для областей вице-гешпана (вице-губернатора) для комитатовъ, и штудрихтеровъ (судей) для окружныхъ коммиссій, сохранены въ уваженія къ историческимъ воспоминаніямъ; также оставлено и намѣстничество въ Будѣ.

“ Железныя дороги Австрійской Имперіи устроены теперь на пространствѣ 298 австр. миль. Въ 1849 г. въ пять проѣхало 4,256,361 пассажирь, и провезено 17,880,800 центнеровъ товаровъ. Другія дороги еще строятся.

“ Въ настоящее время, телеграфы Австрійской Имперіи занимаютъ 428 нем. миль; въ этомъ числѣ на 100 миль устроены электрическіе, 230 миль уже проектированы и будутъ проведены въ слѣдующемъ году. Телеграфы существуютъ теперь на линіи изъ Кракова въ Триестъ (4 миль) и на линіяхъ изъ Аграма къ прусской границѣ. Между Австріей, Пруссіей, Баваріей и Саксоніей уже заключенъ договоръ о телеграфическихъ сообщеніяхъ, который

*) Просимъ читателей обратить вниманіе на статью, помѣщенную въ этой книгѣ въ отдѣлѣ Науки и Художества.

вступая съ 4-го октября, и доставить публике такъ большія выгоды, что тарифъ будетъ уменьшенъ въ половину.

Посылая слухъ, что австрійское правительство требуетъ отъ англійскаго правительства удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное г. Гайнау въ Лондонѣ; но газета Morning-Post формально опровергаетъ этотъ слухъ и говоритъ только, что баронъ Коллеръ, австрійскій поверенный въ дѣлахъ, требовалъ, чтобы произвели объ этомъ дѣль судостре.

А н г л и я :

Англійская газета Morning-Post, сообщаетъ любопытныя извѣстія объ учрежденіи подводнаго телеграфа между Кале и Дувромъ.

«Погруженіе въ море проводника, говоритъ эта газета, началось сегодня утромъ. Пароходъ «Голіафъ», отчаливъ отъ набережной, разматывалъ металлическую цѣпь, толщину въ $\frac{1}{10}$ вершка, заключающуюся въ футляръ изъ гутта-перчи. Та часть проволоки, метровъ въ 300 длиною, которая не должна погружаться въ море, содержится въ свинцовой трубкѣ, предохраняющей ее отъ тренія. Пароходъ совершалъ погруженіе проволоки довольно быстро, пробѣгая отъ трехъ до четырехъ миль въ часъ, въ прямомъ направленіи къ мысу Грине (Grinez). Къ восьми часамъ вечера сообщеніе было уже устроено, что видно, между прочимъ, изъ сѣдующей депеши, сообщенной въ Дувръ посредствомъ вновь устроеннаго телеграфа:

«Мысъ Грине, на берегу Франціи, половина депятатаго по-полудни.

«Голіафъ» прибылъ цѣль и невредимъ, а подводный проводникъ (т. е. проволока) доведена до берега. Франція и Англія могутъ въ верный разъ обмѣняться участіями въ водоплавающемъ путешествіи».

Итакъ, когда установится правильное сообщеніе, парижскія политическія, биржевыя и другія извѣстія будутъ приходить въ Лондонъ во всякое время, не смотря на дурную

погоду, земледельческую прежде ходъ пароходовъ, отъ чего вѣсти очень часто заваздывали.

Вопросъ объ отношеніяхъ между земледѣльцами и арендаторами или наемщиками, кажется, получилъ въ Ирландіи большую важность, потому-что «Times» посвящаетъ этому предмету подробную статью, въ которой разсматриваетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, и предлагаетъ основныя начала, долженствующія опредѣлить отношеніе между этими двумя классами землевладѣльцевъ. По мнѣнію этой газеты, ирландское духовенство, образовавшее союзъ, называемый *лигою арендаторовъ*, доказало этимъ самымъ, что оно имѣетъ очень поверхностныя понятія о свѣтскихъ дѣлахъ. «Times» говоритъ, что отношенія между владѣльцами земли и фермерами сообразуются въ Ирландіи съ англійскимъ закономъ, который предоставляетъ обѣимъ сторонамъ полную свободу заключать между собою контракты, опредѣляя сумму, которую фермеръ долженъ платить хозяину за наемъ земли, срокъ контракта, и проч., но что прочія условія, необозначенныя въ законѣ, сообразуются съ правомъ обычая. Что можетъ быть естественнѣе, проще подобныхъ условій: А владѣетъ землею, которую онъ не хочетъ или не можетъ обрабатывать самъ, и уступаетъ пользование этой землею, на опредѣленное время, другому, напр. В, съ условіемъ, чтобы сей послѣдній воздѣлывалъ ее, и платилъ ему ежегодно известную сумму. Все это обозначено, опредѣлено и укрѣплено въ актѣ, заключенномъ двумя договаривающимися сторонами. Дѣйствительность этого акта признается закономъ, который, въ случаѣ надобности, побуждаетъ исполнять его условія. Что же теперь предлагаетъ Ирландія вмѣсто этого порядка вещей? Она хочетъ, чтобы впрямь сами фермеры не заключали контрактовъ и не назначали суммы, платимой земледѣльцемъ, но чтобы въ это дѣло вступалась лига, называемая лигою фермеровъ, и чтобы она, смотря по количеству земли, опредѣляла, какую сумму долженъ платить фермеръ. Такимъ-образомъ эта лига становится посредникомъ между хозяиномъ и наемщикомъ, и потому только, что урожай не всегда бываетъ вѣрный, что цѣна и доходъ земли измѣняются, какъ-будто бы самъ фермеръ былъ не въ состояніи сообразить этихъ обстоятельствъ; словомъ, она отнимаетъ надзоръ за контрактами изъ рукъ тѣхъ, которые ихъ заключили. «Times» преоставляетъ всю несообразность и опасность подобныхъ

соображений. «Во-первыхъ, говорить этотъ журналъ: такой контроль отнимаетъ у фермера побудительныя причины, которые могли бы подстрекать его трудолюбіе, его предпримчивость; отнимаетъ у него всякую заботу о будущемъ, следовательно, дѣлаетъ его непредусмотрительнымъ, лѣнивымъ, и производитъ бѣдность и пороки. Съ другой же стороны, доходы съ земель и, следовательно, доходы земледѣльцевъ могутъ только уменьшиться отъ подобнаго надзора. Если мѣра эта будетъ введена въ Ирландію, то страдна сія, и безъ того бѣдная, придетъ въ самое жалкое состояніе, потому что хозяева и наемщики будутъ повергнуты въ нищету. Но здѣсь еще не конецъ печальнымъ послѣдствіямъ такого соображенія: законъ, опредѣляющій сумму, платимую фермеромъ, и обезпечивающій его доходы, естественно возбудилъ бы и въ простомъ земледѣльцѣ желаніе искать тѣхъ же выгодъ. Установивъ право фермера, должно будетъ установить право земледѣльца, и следовательно, подвести весь ирландскій народъ подъ одинъ общій уровень нищеты. И однакожь, билль объ этой лѣгѣ фермеровъ, говорятъ, будетъ представленъ на утвержденіе Парламента при открытіи засѣданій.» Въ заключеніе статьи, «Times» говорить: «Если бы Ирландцы, вмѣсто того, чтобы жаловаться и протестовать, употребили свои силы на трудъ и участіе своей участи, то Ирландія была бы въ цвѣтущемъ состояніи.»

Кларемонтъ, 2-го сентября. Заимствуемъ изъ письма къ *Journal des Débats* подробности о погребеніи *Людвика Фишпа*.

Съ восьми часовъ, многочисленныя толпы Французовъ заняли паркъ и залы въ замкѣ. Въ девять часовъ, Королева и прочіе члены семейства вошли въ часовню. Туда же введены были посланники бельгійскій, неаполитанскій, испанскій, бразильскій и португальскій, которыхъ пріездъ былъ совершенно неожиданнымъ, равно всѣ, состоявшіе при свѣтѣ Короля, Королевы и Принцевъ, и нѣсколько другихъ лицъ. Старые адъютанты Короля стали позади катафалка; всѣ прочіе помѣстившись въ залѣ, смежной съ часовней. После были прочтены часы и совершена малая мисса, докторомъ *Вайтомъ*, исправляющимъ должность Лондонскаго Епископа, аббатами *Турзелемъ* и *Левассеромъ*, состоящими при юндонской французской капеллѣ, аббатами *Геллемъ* и *Красе*, духовникомъ и капелляномъ Короля, аббатомъ *Кокеро*,

каморыю сед-деиескимъ.. После священниковъ, Карло-
ла, праче илены чамилли и все присутствующиe акротли
гробъ покойнаго святаю водою. Въ десять часовъ гробъ
былъ вынесемъ изъ часовни, и поставленъ на колесницу.
Лошадн были покрывы покрывалами, украшенными во бо-
камъ вензелями Короля и королево. За камерницю шли
Графъ Парижскій, Герцогъ Нормурскій, Принцъ Жуанн-
скій и Герцогъ Омальскій; за ними—все присутствующиe,
по сторонамъ колесницы шли шесть адъютантовъ Короля,
бывшиe въ то время въ Кларемонъ. У воротъ парка, калря и
прочиe члены поезда сѣли въ кареты, въ томъ же порядкѣ.
Поездъ проѣхалъ чрезъ Еперъ и Герванъ въ Уайбрантъ,
куда прибылъ въ 11 1/2 час.; тамъ встрѣтило его много
духованство; все вышли изъ каретъ и отправидсь въ ло-
сонъ, миссъ Телморъ, гдѣ назначено было погребеніе. Не-
часъ спустя, послѣ отправленія поезда изъ Кларемона, оту-
да выѣхали Королева, Принцесса и все дамы, и прибыл въ
часовню нѣсколько прежде поезда. Гробъ перенесенъ былъ
въ часовню, и носенъ миссы опушенъ въ склепъ, гдѣ сто-
нетер до-тѣхъ-поръ, пока Франція откроетъ своея врата Ор-
леанскому семейству, и возвратитъ сыновьямъ Короля врата
перенести останки отца ихъ въ гробницу, или самими ко-
двигнутую, между гробницами сына и сестры, въ часовнѣ
города Дре. Принцы проводили гробъ до склепа, и до от-
крытія могилы стали передъ нею на колѣно, и въ благо-
вѣйномъ молчаніи облобызали гробъ, заключающій брв-
ные останки ихъ отца. По уходѣ ихъ, гробъ была задви-
танъ, въ присутствіи четырехъ адъютантовъ Короля: Гер-
цога Монморанси, Графовъ д'Удето, Дюма и Шабана.
Гробница, въ которой поставленъ гробъ, очень проста; она
покрыта плитою, опирающеюся съ передней стороны на
стѣну, а съ другой поддерживаемою двумя колоннами. Надъ
головною, близъ стѣны, вырѣзанъ гербъ Короля, надъ нимъ
корона; а внизу латинская надпись: «Тудъ снмъ князю
покоитсѣ, до-тѣхъ-поръ, пока съ помощію Божіею, будутъ
перенесены въ отечество, къ праху отцовъ, останки Людо-
вика Филиппа-Перваго, Короля Французевъ, умершаго въ
Кларемонъ, въ Британіи, августа 26 дня 1850 года во Р. X.
на 76-мъ году жизни. Миръ праху твоему!» По исполненіи
печальной обязанности, Королева, Принцы и Принцесса вы-
ѣхали въ Кларемонъ въ 2 1/2 часа.

3-го.—Лондонская адресная книга, представляетъ карт

ну огромнаго раздѣленія работъ по всемъ отраслямъ промышленности; такъ на-пр., въ Лондонѣ находится три мастера искусственныхъ глазъ; 14 мастеровъ искусственныхъ ногъ и рукъ, 28 парикмахеровъ и только одинъ мастеръ пружинъ для париковъ; 173 зубныхъ работника, которые изготовляютъ только опредѣленные зубы, а не цѣлыя челюсти.

Вотъ еще нѣсколько статистическихъ свѣдѣній: въ Лондонѣ живутъ 2500 гдѣбниковъ, которые потребляютъ въ годъ около 2,600,000 шеффелей (болѣе 5,200,000 четверт.) муки; масла доставляется 11,000 тоннъ, и 13,000 сыровъ; чайныхъ магазиновъ въ Лондонѣ 3,576; они продаютъ и сахаръ. Содержателей коровъ 903, мясниковъ 1710; они убиваютъ въ годъ 1,701,000 штукъ быковъ, овецъ и проч. Винныхъ магазиновъ 1125, портныхъ 2880, модистовъ 1080, торговцевъ бѣльемъ 1400, сапожниковъ и башмачниковъ 2160. Раздѣленіе работъ особенно сильно въ производствѣ часовъ; оно раздѣлено на 25 частей, которыя изготовляютъ 968 мастеровъ.

4-го.—Проволокъ между Англіею и Франціею разорвалась въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается свинцовая оболочка; все будетъ скоро исправлено, а на будущее время положено будетъ нѣсколько проволокъ вмѣсто одной, и остановки въ передачѣ извѣстій тогда быть не можетъ.

Вотъ сравненіе между англійскимъ и французскимъ флотомъ, которое дѣлаетъ Morning-Herald: въ концѣ марта французскій флотъ состоялъ изъ 26 линейныхъ кораблей, 39 фрегатовъ, 34 корветъ и 47 бриговъ; въ докахъ лежало 23 лин. кор., 19 фрегат., 2 корветы и 5 бриговъ. Паровой флотъ состоялъ изъ 1 винтоваго линейнаго корабля, 21 фр.; 8 шлюпокъ (sloops) и 60 лодокъ; на постройкѣ было еще 1 меньшихъ пароходовъ. Англійскій флотъ состоитъ (считая тѣ суда, которыя скоро будутъ окончены) изъ 31 линейнаго корабля, 14 первоклассныхъ (50 пуц.) и второклассныхъ фрегатовъ, 12 корветъ и 23 меньшихъ судовъ; паровыхъ судовъ было: 1 винтовой линейный корабль, 4 винтовыхъ фрегата, 13 винтовыхъ и колесныхъ фрегатовъ, 18 шлюпокъ и 9 меньшихъ судовъ. Ни въ одной, впрочемъ, англійской газетѣ нѣтъ въ настоящее время флота, который бы хотя нѣсколько приближался къ шербуртскому.

9-го. Съ прошлой недѣли дѣятельно начались приготовительныя работы для постройки зданія въ Гейд-Паркѣ,

назначеннаго для промышленной выставки. Между-тѣмъ уже построено нѣсколько большихъ сарезвъ, изъ которыхъ одинъ, длиною въ двѣсти футовъ, будетъ мастерской, а другой, въ шестьдесятъ футовъ, построенъ для служащихъ лицъ. На послѣднемъ такая же кровля, какая назначена для главнаго зданія выставки, и онъ будетъ освѣщаться сверху, стеклянными окнами. На-дняхъ уже привезены бревна и столбы. Кровля будетъ поддерживаться на 3,200 столбахъ которыя въ тоже время будутъ служить сточными дождевыми трубами, а также проводить воду на верхъ зданія. Для послѣдней цѣли будетъ употреблено не менѣе тридцати четырехъ миль желѣзныхъ трубъ. Для настилки пола пойдетъ до 52,000 досокъ; большая часть изъ нихъ уже привезена, также доставленъ и строевой лѣсъ для стѣнъ и кровли. Полъ займетъ поверхность почти въ одну милю, и будетъ сдѣланъ изъ 5,000 досокъ, такъ хорошо сплоченныхъ одна съ другою, что при настилкѣ его не употребятъ ни одного гвоздя. До-сихъ-поръ различные лондонскіе округи объявили требованія на 27,774 квадр. фута пола и 24,243 фута стѣнъ, для постановки своихъ зданий. 10,000 кв. футовъ отдѣлено для Манчестера и 80,000 кв. ф. для Америки. Вся поверхность зданія, считая и галереи, на которую уже поступили требованія, займетъ 855,360 кв. футовъ. Требованія на мѣста принимаются только до 31-го октября.

16-го. Самымъ примѣчательнымъ событіемъ послѣдней недѣли было отправленіе кораблей съ переселенцами въ Новую-Зеландію. Больше шести-сотъ человекъ, въ томъ числѣ сыновья перовъ, родственники самыхъ значительныхъ фамилій, лица, принадлежація къ разнымъ сословіямъ—духовные, адвокаты, купцы, ремесленники и земледѣльцы—оставили навсегда свою родину, и сѣли на корабли Кентерберійской компаніи. Но эти переселенцы составляютъ только часть гораздо большаго числа зажиточныхъ семействъ, которыя хотятъ основать въ Новомъ-Свѣтѣ, именно на островѣ Новой-Зеландіи, новую Англію.

* Брюссельская газета «l'Europe Monarchique» сообщаетъ слѣдующія подробности о вѣсѣднихъ минутахъ Короля Людовика-Филиппа: «Многія парижскія газеты утверждаютъ, что Людовикъ-Филиппъ вручилъ Герцогу Немурскому менуаръ, заключающій въ себѣ послѣдніе совѣты Короля своему семейству. Извѣстіе справедливо, но подробности о немъ

невзвѣстны. Покойный Король Французовъ, за нѣсколько часовъ до своей кончины, и послѣ продолжительнаго разговора съ королевой *Маріей-Амалией* и потомъ съ своимъ духовникомъ, позвалъ *Герцога Немурскаго*, и продиктовалъ ему эти отеческіе совѣты, подѣ которыми собственноручно подписалъ свое имя и число. Послѣ этого, *Людвигъ-Филиппъ* пожелалъ, чтобы вокругъ его постели собрались его дѣти и внуки, и съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и ясностью души далъ имъ трогательныя наставленія. Въ эту торжественную минуту былъ поставленъ *Графъ Парижскій* *князь Герцога Немурскаго*. *Людвигъ-Филиппъ* держалъ въ правой рукѣ руку Королевы *Маріи-Амалии*, а въ левой—руку *Герцога Немурскаго* и своего внука. Въ этомъ положеніи Король произнесъ послѣднія слова, которыя будутъ помнить *Герцогъ Немурскій* и *Графъ Парижскій*. *Герцогиня Орлеанская* была очень растрогана, и, можетъ-быть, этимъ впечатлѣніемъ должно приписать холодность, которую *Герцогиня* обнаружилла, когда г. *Тьеръ*, узнавъ о кончинѣ Короля, счелъ должнымъ предложить свои услуги. Въ *Кларемонъ* немедленно сообщено, что *Графъ Шанборъ* приказалъ отслужить панихиду по *Людвигъ-Филиппу*, и наложивъ на себя трауръ, советовалъ сдѣлать тоже и всемъ Французамъ, находившимся въ *Висбаденѣ*. Королева *Марія-Амалия*, *Герцогиня Орлеанская*, *Герцогъ Немурскій*, *Принцъ Жуансильскій*, *Герцогъ Омальскій* и *Графъ Парижскій* были растроганы такимъ поступкомъ, и выразили чувства признательности.

21-го. Въ одной французской газетѣ напечатано допленіе къ завѣщанію сира *Роберта-Пилля*, въ которомъ этотъ государственный человекъ назначаетъ душеприкащиковъ, для изданія оставшихся послѣ него политическихъ бумагъ и писемъ. Вотъ это завѣщаніе:

«Я отдаю и предоставляю почтенному *Филиппу Генриху Стензону*, иначе *Виконту Мезону* и *Эдварду Кердуелю*, изъ *Чайль-Галля*, члену парламента—исполнителямъ моего завѣщанія, администраторамъ или повереннымъ—всѣ незаданныя письма, бумаги и документы, имѣющія публичный или частный характеръ, напечатанныя или рукописныя, которыя могутъ принадлежать мнѣ, послѣ моей смерти. Принимая въ соображеніе, что въ этихъ бумагахъ и письмахъ заключаются всѣ отношенія мои, начинающіеся съ 1812 года, что въ-теченіе значительной части этого періода

времени я наводился на государственной службе, и потому, не занимая общественных должностей, принимал деятельное участие въ делахъ парламента, что, весьма вероятно, перешла эта бросить нѣкоторый свѣтъ на поведеніе и характеръ людей и на событія той эпохи — и даю моимъ душеприкащикамъ полную власть выбрать изъ этихъ писемъ то, что найдутъ они удобнымъ для напечатанія; предоставляю имъ судить объ изданіи, будучи вполнѣ убѣждены въ ихъ привычной осторожности, и въ томъ, что ни одно откровенное признаніе, полученное мною и не совсѣмъ благоприятное, не будетъ обнаружено, что ни одно чувство не будетъ безъ нужды оскорблено, и ни одинъ общественный интересъ не пострадаетъ отъ нескромной или преждевременно публичности. Особенно обращаю вниманіе моихъ душеприкащиковъ на то, чтобы ни малѣйшая часть моихъ переписокъ съ Е. В. Королевой Викторіей и Е. В. Принцемъ Альбертомъ не была открыта публикѣ при жизни той или другой изъ сихъ особъ, безъ предварительнаго разрѣшенія Е. В. и Е. В. на изданіе всей или только части этой переписки.

«Предоставляю моимъ душеприкащикамъ издать, или даже продать, тѣ изъ сихъ документовъ, которые, по моему мнѣнію, могутъ быть интересны для публики; но съ непремѣннымъ условіемъ—соблюдать строжайшую осмотрительность, такъ, чтобы не нарушались законы честности и справедливости, и соблюдая осторожность, позволять, безъ всякаго вознагражденія, пользоваться этими документами, когда найдутъ они это удобнымъ и полезнымъ. Въ случаѣ выгодной продажи моихъ бумагъ, даю моимъ душеприкащикамъ полную власть располагать вырученными деньгами, употребить часть ихъ на покрытіе издержекъ на изданію, на вознагражденіе лицъ, которыя будутъ содѣйствовать ему, остатокъ же предоставить литераторамъ, ученымъ или художникамъ; при чемъ душеприкащики освобождаются отъ всякой ответственности и всякой отчетности кому-то ни было.

«Имѣя въ виду исполненіе этого, я желаю, чтобы мои душеприкащики собрали эти письма и документы послѣ моей смерти, и рассмотрѣли ихъ съ разборчивостью и безъ посторонняго надзора. Предоставляю имъ уничтожить бумага, которыя сочтутъ они за лучшее уничтожить. Предполагая, что самымъ удобнымъ мѣстомъ для сбора этихъ

Бумагъ будетъ городъ Лондонъ, предоставляю выбрать и нанять или приобрести приличное мѣсто для склада убитыхъ бумагъ и документовъ на столько времени, сколько будутъ они нужнымъ; составить каталоги, и нанять людей, для исправленія переписки, или изданія этихъ документовъ.

«Предоставляю сложить эти бумаги или въ государственныхъ архивахъ, или въ Британскомъ Музее, смотря по распоряженію моихъ душеприкащиковъ; остальные же хранить въ моемъ Драйтонскомъ замкѣ, и предписываю члену моего семейства, который будетъ занимать замокъ, предоставить въ распоряженіе моихъ душеприкащиковъ необходимыя залы и помѣщенія, полное право входить въ нихъ, помѣщать или перемѣщать сіи документы, и принимать необходимыя мѣры для сбереженія ихъ отъ потери и поврежденія.

«Обращаю вниманіе особенно на то, чтобы, занимая этотъ замокъ или владѣя имъ, ни одинъ членъ моего семейства не имѣлъ прямого или косвеннаго права, близкаго или отдаленнаго, ни на какой изъ этихъ документовъ, и не препятствовалъ моимъ душеприкащикамъ вполнѣ и безъ всякой ответственности располагать бумагами и документами со всею властью, которая мною предоставлена имъ въ настоящемъ исполненіи къ завѣщанію».

21-го. Первый неуспѣхъ подводнаго телеграфа между Дувромъ и Кале не отнял бодрости у изобрѣтателей; въ газетахъ напечатано письмо изобрѣтателя, г. Бретта, который объявляетъ, что разорвавшаяся проволока была положена въ море только для опыта, и поэтому заключена была въ трубку изъ гуттаперчи, отъ которой нельзя было ожидать достаточной прочноты. Въ настоящее время составилось предположеніе устроить подобное сообщеніе на пространствѣ 60 миль, поперегъ Ирландскаго-канала, между Гочингдомъ и Кингстономъ. Этотъ телеграфъ будетъ продолженъ черезъ Ирландію до Корка, и будетъ служить для непосредственнаго принятія извѣстій, привозимыхъ пароходами изъ Нью-Йорка.

* Въ лондонскихъ газетахъ напечатаны слѣдующія подробности объ англійскомъ купеческомъ флотѣ: «Флотъ этотъ состоитъ теперь изъ 33,672 кораблей, поднимающихъ 4,052,160 тоннъ, и 23069 человекъ экипажа. Корабли эти стоятъ 38 милліоновъ ф. ст. Въ продолженіе десяти по-

сладникъ лѣтъ, флотъ увеличивался ежегодно, среднимъ числомъ, шестьюстами судовъ, такъ-что всякій годъ находили себѣ занятіе около 5,000 новыхъ матросовъ. На постройку новыхъ кораблей и починку старыхъ требовалось ежегодно, въ продолженіе тѣхъ же десяти лѣтъ, 10,500,000 ф. ст. Жалованье матросамъ и содержаніе ихъ обходилось ежегодно въ 9,500,000 ф. ст.; владельцы судовъ ежегодно получали за вземъ ихъ около 29,500,000 ф. ст.—Въ 1849 г. вошло въ гавани Соединеннаго Королевства 35,000 судовъ (въ томъ числѣ 13,000 иностранныхъ), поднимающихъ 6,500,000 тоннъ, съ 350,000 человекъ экипажа. Въ этотъ же году, привозъ и вывозъ товаровъ составляли до 75 милліоновъ ф. ст. Въ лондонскую гавань вошло, въ 1849 г., 9000 судовъ, поднимающихъ до 2 милліоновъ тоннъ, т.е. есть пятьюстами судовъ болѣе, нежели въ предшествовавшемъ году.

* 24-го числа собранъ былъ въ Балмораль тайный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Королевы; рѣшено отсрочить засѣданія парламента до 14 ноября.

25-го, вечеромъ, въ 10 минутъ одиннадцатаго, астрономъ Гейзъ открылъ, на лондонской обсерваторіи, новую планету, въ созвѣздіи Пегаса. Она кажется звѣздою девятой величины и блѣдно-голубаго цвѣта. Это уже третья планета, открытая знаменитымъ астрономомъ въ продолженіе постоянныхъ его наблюденій надъ небесными свѣтилми.

* Адмиралтейство обнародовало слѣдующія извѣстія о Франклинной экспедиціи: «Assistance», кап. *Сондерсъ*, достигъ, 17-го августа 1850 г., Ланкастерскаго-пролива 75° 48 с. ш. 75° 49 в. д. море на видимомъ пространствѣ было свободно отъ льда. Ескимосы съ мыса Юрка видѣли одинъ или нѣсколько кораблей на сѣверѣ, и теперь положено убѣдиться въ справедливости ихъ показанія. Assistance нашелъ на льду документы, оставленные кораблемъ «Northstar», и слѣдуя по указанному направленію, скоро соединился съ нимъ. «Lady Victoria» прибылъ въ Ланкастерскій-проливъ 21 августа, и Ескимосы сказали капитану, что корабль сэра Джона Франклина стоитъ миляхъ въ 40 къ сѣверу, экипажъ его умерщвленъ: и то и другое оказалось не справедливымъ. Lady Victoria теперь останется на мѣстѣ во льду, а экипажъ отправится на поиски. Капитанъ *Джонъ Россъ* отправился къ Вайгеттскому проливу, и теперь присоединился къ прочимъ кораблямъ экспедиціи.

* Известно, что въ Парижѣ бульвары вымощены по системѣ Макадама, и правительство намѣрено распространить эту систему шоссе и на другія улицы города. Въ Лондонѣ же, напротивъ, хотять замѣнить ее прежней каменной мостовой, которая лучше выдерживаетъ огромное движеніе, какое бываетъ въ Сити, Страндъ и проч.

2 октября. Въ числѣ важныхъ вопросовъ, которые должны разрѣшить Парламентъ въ предстоящую сессію, видное мѣсто занимаетъ вопросъ о гражданскихъ правахъ Евреевъ, т. е. о сравненіи ихъ съ прочими Англичанами. «Палатамъ» предстоитъ также рассмотреть предполагаемыя экономіи; теперь ими занимаются спеціальныя комиссіи. Конечно, экономіи эти могутъ быть очень велики, не нарушая нисколько справедливости; однако же преобразователи, каковы Гг. Кобденъ и Брейтъ, слишкомъ опередили торопливій Парламентъ, чтобы требованія ихъ могли быть приняты.

Франція.

Число генеральныхъ совѣтовъ, которые согласны на пересмотръ уложенія простирается, по послѣднимъ извѣстіямъ, до 26.

Второе путешествіе Президента Республики началось 3 сентября. Желая устранить всякій поводъ къ демонстраціямъ, съ которой бы стороны онъ ни были сдѣланы, онъ выѣхалъ изъ Парижа никогнито въ Аньеръ, гдѣ ждалъ его вагонъ; у парижской станціи желѣзной дороги ожидали его между тѣмъ значительныя толпы народа.

Газеты довольно сильно заняты двумя письмами Парижскаго Архіепископа Сибура къ газетѣ *Univers*, въ которыхъ архіепископъ увѣщиваетъ всѣхъ истинныхъ сыновъ Церкви оставить споры, которые нарушаютъ ея святость. Въ отвѣтъ на первое письмо, *Univers* напечаталъ статью, въ которой обещалъ подчиниться требованіямъ архіепископа, въ ожиданіи рѣшенія изъ Рима. Известно, что *Univers* считается любимую газетою Пія IX, газетою, которую онъ постоянно читаетъ.

La Patrie взяла сторону ея, и обвиняетъ г. Сибура меж-

ду прочимъ за то, что онъ призрѣлъ сироту одного изъ убійцъ генерала *Брей*; она утверждаетъ также, что г. *Сибуръ* облеченъ въ настоящій санъ свой по назначенію генерала *Кавеньяка*.

1-го сентября. Сегодня, въ 11-ть часовъ утра, совершена въ Нёльи панихида по *Людвигу-Филиппу*, въ капеллѣ, построенной на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1842 г. умеръ Герцогъ Орлеанскій, послѣ паденія изъ экипажа. На панихиду собралось много прежнихъ слугъ, находившихся при дворѣ *Людвигу-Филиппа*, и чиновниковъ, служившихъ прежней монархіи.

3-го. Странное волненіе овладѣло въ воскресенье (1 числа) народонаселеніемъ парижскаго центра. На бульварѣ отъ церкви Св. Магдалины до Сен-Мартенскихъ воротъ толпа увеличивалась съ каждымъ часомъ; изъ устъ въ уста переходили слова:

Президентъ Республки умерщвленъ! Принцъ Людвигъ заколотъ кинжаломъ!

Самые покойные увѣряли, что было сдѣлано покушеніе на его жизнь, что онъ былъ даже легко раненъ, и что одинъ изъ драгуновъ его свиты пораженъ пулею, и перенесенъ въ госпиталь, гдѣ и умеръ. Къ счастью, слухъ этотъ возникъ безъ всякаго основанія. Ничто не оправдало его. Давши въ этотъ день вызвалъ Президентъ изъ Еланж, и ни разу не подвергался никакой опасности. Страшный слухъ распространился тѣмъ не менѣе между жителями предмѣстій, и работники фабрикъ повѣрили ему такъ же легко, какъ и массы народа, бывшія пахануль на бульварахъ. Въ этомъ легковѣрїи народа и буржуа заключается фактъ неприятный,—предвѣстїе, которое нельзя пропустить безъ вниманія. Ясно, что умы заволированы. Страхъ овладѣваетъ сердцами. Партіи готовятся къ бою. Въ вѣра чувствуютъ, можетъ-быть и не безъ основанія, что пересторотъ будетъ слѣдствіемъ настоящаго положенія вещей и ложные слухи, вѣчные предвозвѣстники всякаго событія распространяются легко и быстро.

* Известно, что Президентъ Республки подарилъ Генералу *Нарвагоу* шпагу Императора *Наполеона*; теперь Генералъ *Нарвагоу*, чтобы одарить Президента, прислалъ ему шпагу, принадлежавшую *Фернанду Кортезу*, котораго онъ считаетъ своимъ предкомъ..

Вотъ сходство и различіе, которыя газета «Times» наводитъ между нынѣшнимъ положеніемъ *Людвигъ Наполеона* и положеніемъ его дяди, когда онъ предпринялъ путешествіе по департаментамъ, прежде, нежели былъ названъ пожизненнымъ Консуломъ.

«За полвѣка перадъ симъ, Боноарте, первый са-воишникъ Республѣки, путешествовалъ по провинціямъ, чтобы узнатъ общественное мнѣніе страны, находился въ Лионѣ, и былъ встрѣченъ на площади Белькуръ съ тѣми же восклицаніями, съ какими встрѣченъ теперь его племянникъ. Боноарте также дѣлалъ смотръ гарнизону, присутствовалъ на балахъ, даныхъ въ честь его, и слушалъ возгласы, которыми нація приветствовала въ немъ человека, способнаго спасти страну отъ республиканской формы. Онъ, также въ первый разъ, былъ названъ Наполеономъ, въ противоположность крику:

— Да здравствуетъ республика!

Черезъ шесть мѣсяцевъ ему была вѣрена пожизненная власть, и еще спустя два мѣсяца, онъ получилъ титулъ, котораго впродъ не отдѣляли отъ его имени.

«Выгоды нынѣшняго Президента, правда, не тѣ, какія видѣлъ тогда Наполеонъ: онъ совершенно другаго свойства. Наполеонъ былъ на аренѣ одинъ, безъ соперника: будущность принадлежала ему. За нимъ были Бурбоны, совершенно устранинные Французскою націей, и республика, которой уже никто не хотѣлъ. Кромѣ-того, за Наполеона воровали ореолъ славы, которую недавно победы увѣнчали его имя, и который придавалъ ему очарованіе власти, казавсь, для него назначенной. У *Людвигъ Наполеона* нѣтъ этихъ преимуществъ, но за-то есть другія. Дорога для него проложена заранѣе, надежды его существуютъ въ вѣнціяхъ народа; ему не должно создавать, обобщать, внушать націи никакой новой мысли; ему стоить только оживить прошлое, которое еще сохранилось въ памяти Французскаго народа. Чтѣ Наполеонъ долженъ былъ заставить произшесть, то теперь на устахъ у каждаго; тогда какъ напротивъ, Первому Консулу надобно было создавать все—и мысли, и слова, и вещи. Говорять, что Фуше, видя неприязнь Французовъ къ королевскому титулу и отвращеніе къ республикѣ, первый издумалъ объ имперіи и титулъ императора, столь согласномъ съ воинскою славой, которую

молодой полководец уже снискалъ на полѣ битвы. То, что было препятствіемъ для дяди, составляетъ теперь выгоду для племянника. Изъ десяти Французовъ, по-крайней-мѣрѣ, десять убѣждены, что имперія во Франціи должна быть естественнымъ послѣдствіемъ республики. Но для Лудовика Наполеона существуютъ другія преграды—онъ не одинъ: въ послѣдствіе обстоятельствъ опять выходятъ на поприще Бурбоны, или, по-крайней-мѣрѣ, ихъ притязанія, и еслибъ Президентъ имѣлъ только одного совѣстника—Законодательное Собраніе, то ему легче было бы достигнуть своей цѣли, но у Лудовика-Наполеона двѣ невыгоды: между-тѣмъ какъ у Наполеона былъ сенатъ, которому онъ могъ приказывать, Законодательное Собраніе скорѣе расположено предписывать законы Президенту, нежели повиноваться имъ. Но справедливо и то, что шесть милліоновъ голосовъ, поданныхъ, въ 1848 г., въ пользу племянника, болѣе трехъ съ половиною милліоновъ голосовъ, поданныхъ, въ 1802 году, въ пользу дяди.

«Должно, однакожъ, согласиться, что изъ путешествія Президента можно вывести только одинъ очевидный результатъ—именно, что Франція страна нереспубликанская, и направление ея чисто монархическое. Результатъ этотъ такъ же точно подтвердился со времени путешествія Перваго Консула. Слѣдуетъ также согласиться, что если при закатѣ первой республики Францію приглашали предложить императорскій титулъ Первому Консулу, то идея монархіи сообщалась націи постепенно. Сначала были избраны пять директоровъ на пять лѣтъ, потомъ три консула на десять лѣтъ, далѣе пожизненный консулъ, и наконецъ уже провозмашена Имперія. Тогда, по-крайней-мѣрѣ, былъ промежутокъ десяти лѣтъ, въ который этотъ переходъ идей приготавлился постепенно, и онъ переходилъ не вдругъ изъ одной температуры въ другую. Исходною точкою тогда, какъ теперь, была минута, когда восклицаніе «да здравствуетъ республика!» начинали считать за крикъ возмущенія.»

* Вторая половина путешествія Президента совершается тихо, почти безъ огласки; журналы молчатъ о ней или говорятъ очень кратко. Причина этого заключается въ томъ, что общее вниманіе занято болѣе важнымъ вопросомъ, а именно вопросомъ о пересмотрѣ уложенія.

Президентъ Республики продолжаетъ свое путешествіе,

которое на этотъ разъ ознаменовано только рѣчью его въ Каснитъ (Саен). Народонаселеніе вездѣ спокойно, не-смотря на усилія двухъ группъ, встрѣчающихся повсемѣстно; въ нихъ одна кричитъ: «да здравствуетъ Президентъ, да здравствуетъ Наполеонъ!» Другая: «да здравствуетъ республика!»

Въ Шербургѣ, 6 сентября, были официальные представленія различныхъ вѣдомствъ; председатель генеральнаго совѣта, известный *Токвиль*, и президентъ коммерческой палаты, въ рѣчахъ своихъ къ Президенту, упоминали о нуждахъ города Шербурга. Объ этомъ же говорилъ за вѣдомъ и меръ.

— Вы видите, господинъ Президентъ, сказалъ онъ въ заключеніе: что мы желаемъ только исполненія высокихъ мыслей Императора, только средства увеличить могущество и славу Франціи. Мы сливаемъ въ одну мысль воспоминанія и надежды; примите же слѣдующій тостъ: въ память Императора Наполеона! За здоровье Президента Республики!

Президентъ отвѣчалъ:

— Госнода, чѣмъ болѣе путешествую я по Франціи, тѣмъ болѣе вижу, что отъ правительства требуютъ многого. Во всякомъ департаментѣ, городѣ, даже деревнѣ, чрезъ которыя я проѣзжалъ, меры, генеральные совѣты, и даже представители, требовали отъ меня то путей сообщенія, то окончанія начатыхъ работъ, вездѣ, наконецъ, мѣръ, которыя бы облегчили земледѣліе, одушевляли промышленность и торговлю. Ничто не можетъ быть естественнѣе подобныхъ желаній; повѣрьте мнѣ, я выслушиваю ихъ со вниманіемъ, но долженъ вамъ сказать, съ своей стороны, что эти результаты, которыхъ всѣ желаютъ такъ сильно, могутъ быть получены только тогда, когда вы дадите мнѣ средство исполнить ихъ, а средство это состоитъ въ вашемъ содѣйствіи къ усиленію власти и къ удаленію опасностей, которыя грозятъ въ будущемъ. (*Правда, правда! рукоплесканія*). Почему Императоръ, не-смотря на войны, покрылъ Францію этичн вѣковѣчными сооруженіями, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу и которыя здѣсь замѣчательнѣе, чѣмъ гдѣ либо? Потому-что, не говоря о его гении, онъ жилъ въ то время, когда народъ, утомленный революціями, далъ ему необходимую власть, чтобы усмирить безна-

чаліе, подавить партіи, и доставить побѣду общимъ интересамъ страны, извнѣ — славою, внутри — могучимъ толчкомъ (*рукоплексканія*). Итакъ, если есть во Франціи городъ, который долженъ бытъ по преимуществу наполеоновскимъ и охранительнымъ, то это Шербургъ (*да, да!*). Наполеоновскимъ изъ благодарности (*рукоплексканія*), охранительнымъ вслѣдствіе здравой оцѣнки своихъ настоящихъ интересовъ (*крики «да здравствуетъ Наполеонъ!»*) Что такое въ-самомъ-дѣлѣ портъ, созданный, подобно вытѣпу, такимъ громаднымъ усиліями, какъ не блестящее свидѣтельство французскаго единства, существующаго нѣсколько вѣковъ, единства, которое двлаеть изъ насъ великую націю; но не должно забывать, что великая нація поддерживается наравнѣ съ своей участью только тогда, когда учрежденія ея соответствуютъ требованіямъ ея политическаго положенія и ея матеріальнымъ интересамъ. Жители Нормандіи умѣютъ оцѣнивать подобные интересы, и доказали мнѣ это. Съ гордостью провозглашаю я сегодня тостъ за городъ Шербургъ. Я провозглашаю этотъ тостъ въ виду флота, который съ такимъ благородствомъ несъ французскій флагъ на востокъ, и который готовъ нести его со славою повсюду, гдѣ того требуетъ національная честь; въ виду этихъ иностранцевъ, нашихъ гостей; они могутъ убѣдиться, что если мы хотимъ мира, то не по слабости (*крики: да здравствуетъ Наполеонъ, да здравствуетъ Императоръ!*), а по сознанію общности интересовъ и тѣмъ чувствамъ взаимнаго уваженія, которымъ связываютъ между собою двѣ самыя образованныя въ мѣрѣ націи!

Эта рѣчь нѣсколько разъ была прерываема самыми восторженными возгласами и рукоплексканіями.

9-го. — Въ нѣмецкомъ «Франкфуртскомъ журналѣ» напечатанъ слѣдующій отзывъ о путешествіи *Графа Шанбора* въ Висбаденъ, написанный журналистомъ:

«Пребываніе *Графа Шанбора* въ Висбаденѣ естественно должно было обратить вниманіе нѣмецкихъ и французскихъ газетъ на этого Принца, представляющаго собою начало, котораго важность никто не имѣетъ права оспаривать. Мы обсуживали это явленіе съ свойственнымъ намъ безпристрастіемъ, и сознаемся, что оно имѣетъ большое политическое значеніе.

«Теперь, когда *Графъ Шанборъ* удалился, намъ позволительно прибавить, что только отъ его дѣйствій зависитъ

путешествіе это приобрѣло серьезный характеръ, и по нашему мнѣнію, этой похвалы достаточно въ то время политическихъ увлеченій, въ которое мы живемъ.

«Какова бы ни была судьба Графа Шанбора, очевидно, что онъ призванъ имѣть большое вліяніе на мнѣнія и дѣйствія своей партіи и, слѣдовательно, всѣхъ прочихъ партій Франціи.

«Сужденія Принца отличаются большою вѣрностью; умъ его спокойный, разсудокъ сильный, душа испытана въ превратностяхъ судьбы; у него больше достоинствъ, нежели сколько надо ихъ имѣть великому человеку.

«Дядо Принца свѣтлое и чистое; взоръ прекрасный, въ которомъ выражаются власть и доброта, умъ и кротость; горорить онъ громко и приятно, улыбается благосклонно: нецѣ любить эти дары въ тѣхъ, которые рождены, чтобы управлять людьми.

«Принцъ получилъ разностороннее образованіе; говоритъ прекрасно, живо проникаетъ въ предметъ, и быстро произноситъ свое сужденіе.

«Особенно замѣчательно въ немъ искусство выслушивать: въ этомъ согласны между собою и Французы и иностранцы. Онъ угадываетъ мысль, но позволяетъ ей развиваться: рассказы, совѣты, даже жалобы, выслушиваетъ терпѣливо, съ благосклонностью; нисколько непохожею на усыліе. Это уже не искусство, а врожденное достоинство, неприобрѣтаемое ни волею, ни изученіемъ — качество, которое въ Принцѣ считается добродѣтью.

«Некоторые говорили, что графу Шанбору недостаетъ предприимчивости, но онъ уже положилъ начало тѣмъ, что идетъ по дорогѣ твердо и мудро, и своею умѣренностью и достоинствомъ возбуждаетъ въ каждомъ уваженіе. Графъ Шанборъ не испытывалъ счастья сѣмствомъ. Онъ ждетъ, потому-что надѣется на Бога и на право.

«Очень немногіе знаютъ, что Принцъ, удаляя отъ себя всѣ вѣщныя принадлежности своего значенія, отличается простотою; онъ, кажется, знаетъ, что ему предшествовали тысячу лѣтъ королевской власти и славы.

«Такъ объясняются почести, получаемыя Принцемъ не только отъ легитимистовъ, но и отъ всѣхъ другихъ, и такимъ образомъ имѣетъ онъ вліяніе на политику, не вмѣшиваясь въ нее личными дѣйствіями.

«Путешествіе въ Висбаденъ служитъ кромѣ-того, доказа-

тельствомъ, что даже во-время упадка нравственнаго, мысль о наследственной власти сохраняется въ своемъ неприкосновенномъ величїи. Присовокупимъ къ этому, что Богъ не попуститъ, чтобы мысль эта, олицетворенная въ такомъ достойномъ Принцѣ, осталась бесплодною. По этому Европа можетъ впредь смотрѣть на характеръ и достоинства *Графа Шанбора*, какъ на великое предзнаменованіе.»

Въ одной газетѣ разсказываютъ происшествіе, смѣшное въ сущности, хотя плачевное по формѣ. Отъ залы Фаваръ тянулось, по направленію къ церкви Магдалины, человекъ шестнадцать, по восьми въ рядъ, одѣтыхъ въ рапуцины изъ черной бумаги, исцѣпленной бѣлыми знаками; только голова и руки проходили въ отверстія этой странной одежды, и могли дѣйствовать спокойно: это ходячія аффиши. Разносчики, закутанные въ нихъ, шли одинъ за другимъ мѣрными шагами, съ выраженїями глубокаго отчаянїя: поднимали глаза кверху, ломали себѣ руки... Вотъ разгадка печальной процессїи: на этомъ самомъ бульварѣ былъ открытъ новый магазинъ траурныхъ принадлежностей, и хозяинъ его, не зная какъ объявить о себѣ публикѣ.—потому-что извѣстїя о калифорнскихъ компанїяхъ рѣшительно завладѣли четвертыми страницами газетъ—аздумалъ послать на бульваръ дюжины полторы плакальщицъ, наряженныхъ въ черныя и бѣлыя аффиши, и представить изумленной и любопытной толпѣ зрѣлище безутѣшной печали. Но полиція нашла такую методу объявленїи непозволительною, и прервала рыданїя.

Вопросъ о пересмотрѣ уложенїя получаетъ съ каждымъ днемъ большую важность во французскихъ газетахъ, такъ что Законодательное Собранїе должно будетъ заняться имъ, къ свою очередь, не откладывая этого дѣла на дальнїй срокъ.

Людвигъ-Наполеонъ, Президентъ Республики, седьмой изъ правителей государства посѣтилъ Шербургъ. До него прїѣзжали сюда: Людвигъ Святой, въ апрѣль 1256 г.; Францискъ I, въ 1532; Людвигъ XVI, въ іюнь 1786, Наполеонъ, съ Марїей-Луизой и Принцемъ Евгенїемъ, въ маз 1811; Марїя-Луиза, Регентша Имперїи, въ 1813; Людвигъ-Филиппъ, съ Марїей Амалїей, Аделандой, Принцемъ Жуаннпльскимъ, Герцогами Немурскимъ, Омальскимъ и Монпансьерскимъ, Принцессами Амалїей и Клементїной,

въ сентябрь 1833 г. Въсѣ они оставались здѣсь отъ трехъ до семи дней.

Послѣ кончины Короля *Людвика-Филиппа*, газеты занимаютъ публику разсказами о наследствѣ, которое онъ оставилъ своимъ дѣтямъ. Разумѣется, что въ этихъ статьяхъ милліоны преувеличены; но вотъ свѣдѣнія объ имѣніяхъ Короля, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ:

Недвижимыя имѣнія, принадлежавшія *Людвигу-Филиппу*, занимаютъ поверхность въ 86,000 гектаровъ, раздѣляющихся слѣдующимъ образомъ: 45,000 гектаровъ состоятъ подъ землями, которыя Король подарилъ, 7-го августа 1830 г., своимъ дѣтямъ, оставивъ себѣ пользованіе этимъ пространствомъ. 13,000 гектаровъ составляли полную собственность Короля, а 28,000 гектаровъ завѣщаны ему, но только для пользованія, его сестрою, *Аделаидой*. Доходъ съ этихъ владѣній составлялъ, среднимъ числомъ, въ теченіе десяти лѣтъ, 3,989,000 фр.; съ 1848 г., онъ значительно уменьшился, а въ 1851 г. можетъ, по вычисленію, дойти до 2,90,000 фр.

Изъ этого дохода должно вычесть ежегодные расходы: какъ-то повинности, застрахованіе отъ пожара, издержки на содержаніе и управленіе и проч., составляющіе въ слобжности до 1,611,000 фр. Король самъ назначалъ эти расходы во-время своего царствованія; у частнаго лица они были-бы гораздо менѣе. Итакъ, чистый доходъ составлялъ 2,378,000 фр., или разсчитывая по 3 процента, весь капиталъ можно оцѣнить въ 79,000,000 фр.

Въ это число не входятъ имѣнія непродуцительныя, какъ-то замки, парки и сады, а имѣнія эти тоже значительны. Такъ, напримѣръ, паркъ Монсо, ничего не произволящій, занимаетъ около 19 гектаровъ, и стоитъ 2,000,000 фр.; замокъ и паркъ Нельви, содержащій въ себѣ до 186 гектаровъ, не приноситъ дохода, и могъ бы быть проданъ, по меньшей цѣнѣ, за 4 милліона.

Въ упомянутыя имѣнія включена и собственность *Герцога Омальскаго*, отдаданная въ пожизненное пользованіе Королевы *Маріи-Амалии*, и приносящая 137,000 фр., дохода.

Наконѣцъ, еще должно упомянуть о другихъ доходахъ Короля, какъ-то о доходахъ съ акцій каналовъ и тоннель, которые, безъ преувеличенія, можно положить въ 325,000 фр., сверхъ-того проценты съ государственнаго займа, состав-

лявшіе полную собственность *Людвика-Филиппа*, въ 100,000 фр., считая въ этомъ числѣ и 30,000 фр. пяти-процентнаго долга, предоставленныя домовымъ церквамъ Дрѣ и Мѣльи.

Положеніе, повидимому, блистательное, если бы не было, огромныхъ расходовъ, происходившихъ отъ щедрости, съ какою *Людвикъ-Филиппъ* украшалъ Версаль и королевскіе дворцы.

Исполненіе завѣщанія Король возложилъ на гг. *Монмелсѣ, Дюпена старшаго, Монжоракси, Лаплати-Барриси и Скриба* (бывшаго адвоката кассационнаго-суда.)

* Поступки «Общества десятаго декабря», при въѣздѣ Президента въ Парижъ, возбудили почти единодушное негодованіе во всѣхъ газетахъ. Изъ органовъ Елисейскаго-дворца только одинъ, именно «*Constitutionnel*», рѣшился оправдывать неистовства. «*Moniteur du Soir*» умалчивалъ о нихъ два дня, и не видя никакой возможности извинить усердіе партизановъ *Людвика-Наполеона*, съездъ за лучшее объявить выдумкою то, что случилось въ глазахъ несколькихъ тысячъ свидѣтелей, и что подтверждаетъ даже газета *la Patrie*.

* «Общество десятаго декабря» приглашаетъ всѣхъ предметъ подписывать просьбу, въ которой оно предлагаетъ: 1) пересмотрѣть уложеніе; 2) избрать *Людвика-Наполеона* Президентомъ на десять лѣтъ; 3) опредѣлить для содержанія его шесть милліоновъ франковъ и 4) назначить ему для жительства Тюильри.

16-го. Парижскій корреспондентъ газеты «*L'Indépendance Belge*» пишетъ: «едва ли вы составите себѣ понятіе о негодованіи, которое возбудили въ нашихъ предвзвѣстьяхъ неистовства, произведенныя членами «Общества десятаго декабря» на Гаврской-улицѣ. Умы раздражены до крайности. Къ-счастью, большинство осудило подобныя дерзости; а безъ этого, записные демагоги не затруднились бы, при нынѣшнемъ возбужденіи умовъ, произвести безпорядки, и поднять головы противъ декабристовъ. Единодушіе утѣренныхъ газетъ защитило власть отъ послѣдствій, которыя она сама вызвала. Впрочемъ, разсудительные ремесленники, повидимому, согласились не удаляться отъ пути благоразумія. Происшествія 12-го сентября хороши, по моему мнѣнію, въ томъ отношеніи, что многія предметъ, ко-

торыя увлекались—было «обществомъ десятаго декабря», теперь снѣжать выйти изъ его рядовъ. Могу сообщить вамъ за вѣрнѣе еще другое извѣстiе: третьяго-дня пресектъ полковникъ пригласилъ къ себѣ генерала *Миа*, и въ сильныхъ выраженiяхъ жаловаяся на непростительную выходку Общества, въ которомъ онъ считается президентомъ. Пресектъ требовалъ, или распустить эту шайку, или арестовать ее въ законныя границы. Разсужденiя о преимуществахъ разныхъ родовъ власти, и толки о государственной перемѣнѣ составляютъ, по-прежнему, ежедневную тему. Въ настоящую минуту нѣтъ никакой возможности пересчитать все предположенiя. Вы видите ихъ и въ брошюрахъ, и въ перомъ-Парижѣ, и на окнахъ магазиновъ. Тогда, когда всего болѣе толкуютъ о государственной перемѣнѣ—улицы пестрятъ портретами Наполеона, Герцога Рейхштадтскаго, *Людвика-Наполеона* и его родственниковъ. Письмо *Принца Жуаномльскаго* вызвало изъ ящиковъ картинныхъ магазиновъ тѣмъ портретовъ молодого адмирала. Повебка въ *Висбаденѣ* оклеила все углы литографированными изображенiями *Графа Шамбора*. Кончина *Людвика-Филиппа* и предполагаемое привиренiе произвели семейныя картины, на которыхъ сплетались вѣтви и цвѣты королевской фамилии.

Графическая кончина воздухоплавателя Геля.—Последнiе нумера французскихъ газетъ привезли намъ извѣстiе о смерти неутраченного воздухопавателя *Геля*, счастливо совершившаго недавно въ Парижѣ нѣсколько воздушныхъ путешествiй. Онъ прибылъ оттуда въ Бордо, намереваясь совершить тамъ воздушное путешествiе верхомъ на лошади, въ подражанiе другому воздухопавателю, г. *Путевену*, о которомъ мы также не разъ уже говорили. Приѣхавъ въ Бордо, г. *Гель* выдрессировалъ въ нѣсколько дней клепера, и объявилъ бордосской публикѣ, что полетитъ на этомъ клеперѣ изъ Венсена, близъ Бордо, 8-го сентября. *Г. Гель* поднялся въ четверть седьмаго, но замѣтивъ, что вѣтеръ несетъ шаръ его къ морю, онъ сталъ спускаться, и благополучно спустился, въ четверть восьмаго, въ общинѣ *Сестâ*, на очень узкой полянкѣ, между помѣстьями гг. *Пелока* и *Балюри*. Сбѣжалось семь или восемь человекъ крестьянъ, работавшихъ по близости, и остановили шаръ, который зацьпился въ это время якоремъ за сосну. Черезъ нѣсколь-

ко мнуть шаръ пригнули къ землѣ, и отвязали отъ него клепера. Ноги бѣдной лошади совершенно окоченѣли, такъ что она не могла стоять, и тотчасъ-же легла. Однако же, черезъ нѣсколько времени, она снова встала и прицалась щипать траву, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Дуль очень сильный вѣтеръ, такъ что поселяне съ трудомъ удерживали шаръ, порывавшійся улетѣть. Освобожденный отъ тяжести лошади, вѣсившей до 300 килограммовъ, шаръ сбывался легче и получилъ бо́льшую стремительность.

Г. Гель, отъ природы нетерпѣливый и быстрый въ движеніяхъ, командовалъ поселянами, которые съ трудомъ повиновались ему, потому что онъ говорилъ по-англійски. Отвязавъ лошадь, г. Гель влезъ въ привязанную къ шару лодку, для того, чтобы открыть клапанъ и выпустить изъ шара газъ, но этому дѣйствию помѣшала одинъ изъ канатовъ. Г. Гель вынулъ изъ кармана ножъ, чтобы перерезать изшедшій ему канатъ, а поселяне, вообразивъ, что ножъ бѣшенъ противъ нихъ, выпустили изъ рукъ веревки. Шаръ поднялся съ невѣроятною стремительностію. Якорь, который зацѣпился-было за ель, вырвалъ ее вѣствъ съ корнемъ. Г. Гель, не ожидавшій этого порыва, не устоялъ на ногахъ, упалъ въ лодку и уже не вставалъ; по-крайней-мѣрѣ, слѣдившіе за полетомъ шара не выдали его послѣ этого паденія.

Шаръ пролетѣлъ довольно значительное пространство (около двухъ километровъ). Что случилось въ это время съ находившимся на немъ путешественникомъ — этого никто не знаетъ. Одинъ сестанскій поселанинъ утверждаетъ, что видѣлъ, какъ шаръ летѣлъ надъ еловою рощей, принадлежащей гг. *Проми* и *Вердери*; г. Гель лежалъ въ это время въ лодкѣ, свѣсивъ голову и высунувъ языкъ, какъ человекъ задохшійся. Если это справедливо, то легко понять, что было достаточно самаго легкаго сотрясенія лодки, чтобы сбросить несчастнаго воздухоплателя на землю. Якорь, висѣвшій на длинномъ канатѣ, могъ легко зацѣпиться за какое-нибудь дерево, и покачнуть лодку. Такъ, вѣроятно, и случилось; и это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что лодка была устроена такимъ образомъ, что г. Гель могъ упасть изъ нея при малѣйшемъ сотрясеніи. Для того, чтобы влезать въ эту лодку съ лошади, находившейся подъ

мю, въ днѣ ея было отверстіе. Находясь въ лодкѣ, воздухоплаватель опирался спиной о наружную стѣну ея, а ноги свѣшивалъ въ отверстіе; ясно, что при сотрясеніи онъ легко могъ потерять равновѣсіе. Сверхъ-того должно замѣтить, что онъ отправился въ свое опасное путешествіе въ нетрезвомъ состояніи, и что многіе, опасаясь за него, уговаривали его отложить полетъ до другаго раза.

Около восьми часовъ вечера нашли въ полѣ бѣлое перо, которое г. Гель снялъ съ головы лошади, въ то время, какъ ее отвязали отъ шара, и пристѣгнулъ къ своей шляпѣ. Это перо послужило доказательствомъ, что г. Гель спустился недалеко отъ того мѣста, гдѣ оно найдено. Послѣ долгихъ поисковъ нашли шаръ, вполнину уже освобожденный отъ газа и нисколько неповрежденный, но самаго воздухоплателя нигдѣ не могли отыскать. На слѣдующій день, 9-го сентября, поиски также остались безъ желанныхъ послѣдствій, но 10 Сентября, прокуроръ республики получилъ письмо отъ помѣщика *Педона*, извѣщавшее объ отысканіи тѣла несчастнаго г. Геля.

Одинъ изъ окрестныхъ поселянъ погналъ въ этотъ день, на зарѣ, коровъ своихъ въ поле. Приблизившись къ опушкѣ лѣса, онъ замѣтилъ, что одна корова подошла къ кусту, и шумно что-то обнюхиваетъ; поселянинъ подошелъ къ ней, и увидѣлъ мертвое тѣло, которое онъ принялъ сначала за спящаго челоуѣка. Трупъ несчастнаго воздухоплателя былъ страшно изуродованъ: онъ лежалъ ничкомъ, руки его были изломаны и сложены на груди, животъ былъ продавленъ, бедра совершенно вывихнуты, ноги переломлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Особенно была обезображена голова, цѣпѣвшая и тѣни прежняго вида своего; она была укутана собаками или какими-нибудь другими звѣрьми.

Г. *Джорѣу Гелю* было сорокъ два года отъ роду; онъ родился въ Лондонѣ, и имѣлъ чинъ лейтенанта королевско-англійскаго флота. Г. Гель оставилъ послѣ себя вдову и девять челоуѣкъ дѣтей.

Англійскіе и французскіе рыбаки очень жалуются на проволоку подводнаго телеграфа, который, проходя въ мѣстахъ, гдѣ всего болѣе водится рыба, отнимаетъ у нихъ средства существованія. Г. *Бреттъ*, изобрѣтатель телеграфа, предлагаетъ ежегодно платитъ этимъ частнымъ промышленикамъ известную сумму, въ вознагражденіе за убытки, и

учредить въ пользу ихъ кассу, чтобы они охраняли великое предприятие, служащее для сношеній между двумя странами. Англійское адмиралтейство уже объявило запретить рыбакамъ кидать сѣти, а кораблямъ якоря на всемъ протяжении электрическаго проводника, кромѣ только случаевъ крайней необходимости. Начальства Булоня и Кале объявили, съ своей стороны, объявить ту же защиту при барьерномъ боѣ; и въ обезпеченіе командиръ назначить на кани въ семь тѣмъ, которые попытаются разорвать проволоку. Инженеры приняла новыя мѣры углубить телеграфъ, такъ, чтобы онъ не подвергался никакой опасности, и если командиръ удастся сойтись въ условіяхъ съ французскимъ правительствомъ, то она намѣревается продолжить телеграфическую линію до Марселя, главнаго торговаго порта Франціи.

На дняхъ образовалось новое бонапартистское общество, подъ названіемъ: «Военнаго Общества 15-го августа». Оно собирается у заставы Звѣзды, и будетъ дѣйствовать еще рѣшительнѣе, нежели «Общество десятаго декабря».

Въ *Événement* напечатанъ циркуляръ г. *Бартелми*, секретаря Легитимистскаго Комитета; *Événement* говоритъ, что это письмо есть выраженіе рѣшенія, принятаго въ Висбаденѣ; впрочемъ, въ письмѣ нѣтъ ничего новаго: давно уже известно, что *Графъ Шанборъ*, отвергая политику г. *Лерошжаклена*, въ тоже время потребовалъ отъ г. *Барри* бѣлшей твердости въ дѣйствіяхъ. Г. *Барри* остался главною легитимистовъ во Франціи, но впредь долженъ будетъ составить оппозицію правительству.

Повищаемъ циркуляръ г. *Бартелми* вполнѣ:
«*Висбаденъ, 30-го августа 1850 года.*

«Парижскія и департаментскія газеты вамъ уже сообщили во всѣхъ подробностяхъ путешествіе, которое, повидному, должно было имѣть большое и счастливое вліяніе.

«Теперь вамъ известно, съ какою готовностью люди всѣхъ партій и представители различныхъ сословій общества, отправились изъ всѣхъ концовъ Франціи къ внуку Генриха IV.

«При серьезныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, и подъ угрозою новыхъ затрудненій, которыми, повидному, должно ожидать, *Графъ Шанборъ* могъ близи изучить положеніе дѣлъ.

«Всѣ наши друзья Законодательнаго Собранія, которые могли остаться Францію, сочли долгомъ прибыть первыми въ Висбаденъ, и Графъ Шанборъ, какъ извѣстно вамъ изъ прошлаго, принималъ каждого изъ нихъ отдѣльно, чтобы составить объ точное понятіе о движениіи умовъ и интересахъ провозглашенній каждаго департамента.

«Въ этихъ бесѣдахъ Графъ Шанборъ постоянно обсуждалъ планы дѣйствій, котораго теперь необходимо держать въ балѣ, неколебля когда-нибудь, чтобы усилить кодъ нации и вѣрно, и въ то же время охранять основныя начала противъ всякаго покушенія.

«Графъ Шанборъ объявлялъ, что онъ предоставляетъ общее направленіе политики.

«Для предупрежденія внезапныхъ случайностей и для обеспеченія совершеннаго единства мнѣній и дѣйствій, которое одно только можетъ дать намъ силу, онъ назначилъ комитетъ, поручивъ имъ принимать свою политику во Франціи.

«Рѣшеніе это необходимо возбуждало вопросъ объ обращеніи къ націи.

«Мнѣ официально поручено сообщать вамъ, что объ этомъ, по этому поводу, Графъ Шанборъ.

«Онъ формально и рѣшительно отвергнулъ обращеніе къ націи, какъ несогласное съ великимъ основнымъ началомъ республиканской монархіи.

«Онъ отвергаетъ заранее всякое предложеніе въ этомъ родѣ, могущее отнѣнить условія стойкости, которыя составляютъ существенный характеръ нашего основнаго принципа, и на которыя должно смотреть, какъ на единственное средство исторгнуть, наконецъ, Францію изъ судорогъ возмущенія.

«Графъ Шанборъ выражается языкомъ формальнымъ, жесткимъ, не оставляя мѣста ни малѣйшему сомнѣнію.

«Это извѣстно всѣмъ, бывшимъ въ Висбаденѣ; всѣ слышали, что Графъ Шанборъ высказывался съ тою же твердостью, между-тѣмъ какъ глубокое впечатлѣніе и выраженіе истиннаго счастья, которыя онъ могъ замѣтить на лицѣ каждаго, казалось, обѣщали ему, что это извѣстіе, пришедшее изъ изгнанія, будетъ вѣредъ правиломъ для всѣхъ республиканцевъ Франціи. Положить предѣлъ всѣмъ спорамъ,

которые так терзали ее, и кончатся нашимъ надеженіемъ; возвратиться къ благороднымъ преданіямъ о повиновеніи, которыя одни только, послѣ столькихъ переворотовъ, могутъ возвысить чувство власти; остаться непоколебимыми при умѣренныхъ и примирительныхъ началахъ,—вотъ совиты, которые далъ намъ Графъ Шанборъ, и которые, мы убѣждены въ этомъ, принесутъ прекрасные плоды.

«Изъ этого неоспоримо слѣдуетъ, что направленіе политики Графъ Шанборъ представляетъ себѣ, и потому впередъ ни въ газетахъ, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, не выставятъ на первомъ планѣ никакого лица, какъ представителя этой политики. Кромѣ Графа Шанбора могутъ быть, въ глазахъ легитимистовъ, только повѣренные, имъ самимъ назначенные.

«Вы уже знаете, что повѣренные эти—герцогъ де-Лену, генераль Сен-При (представитель департамента Герд), Беррье (представитель департамента устьеви—Роны), Морницъ, де-Пасторе, и герцогъ де-Карръ.

«По возвращеніи во Францію, я буду имѣть честь представить вамъ ихъ инструкціи, и я убѣжденъ, что вы, по-прежнему, захотите поддерживать меня своимъ содѣйствіемъ, и сообщать мнѣ о положеніи вашего департамента. «*Де-Бартелеми*».

* 3-го. Г. Ларошжакленъ написалъ отвѣтъ на циркуляръ Г. Бартелеми. Онъ не позволяетъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что циркуляръ этотъ служитъ действительно выраженіемъ мнѣнія, принятаго на висбаденскомъ конгрессѣ. Г. Ларошжакленъ называетъ его официальнымъ документомъ; къ тому же и легитимистскія газеты не опровергаютъ его подлинности. Разсматривая этотъ циркуляръ, *Indépendance Belge* замѣчаетъ; что Графъ Шанборъ, если судить объ его тонѣ по циркуляру, говоритъ такъ, какъ только могъ въ ражаться Лудовикъ XIV въ версальскомъ дворцѣ, и что это совершенно незнакомо настоящее положеніе Франціи. Ларошжакленъ не хотѣлъ покориться тому исключенію изъ числа легитимистовъ, на которое обрекаетъ его циркуляръ Г. Бартелеми. Отвѣтъ его служитъ явнымъ признакомъ, въ какой степени глубоко раздробленіе между легитимистами. Нельзя конечно сказать заранее, что число приверженцевъ г. Ларошжаклена будетъ велико; но во всякомъ случаѣ онъ одинъ будетъ защитникомъ своей смѣлой политики.

24-го—Сегодня въ газетахъ явились статьи за подписью авторовъ, но каждая газета поступила по своему; такъ, въ *Ordre* подписана только первая статья, воль предлогомъ, что дѣйствіе закона начинается съ слѣдующаго дня; въ *Siccle* передъ каждою подписью слова: «за комитетъ редакціи»; въ *Débats* подписано только письмо изъ Калифорніи, за то въ *Congsaire* подписаны даже малѣйшіе анекдоты въ нѣсколькихъ строкахъ.

Г. *Ларошжакленъ* адресовалъ второе письмо къ *Union et Opinion Publique*; оно направлено преимущественно противъ тѣхъ, которые стараются уменьшить значеніе висбаденскаго циркуляра:

«Вы не сказали, что этотъ циркуляръ не официальный. Вы не имѣете права сказать этого. Объ немъ разсуждали въ Висбаденѣ, безъ вѣдома Принца, я въ этомъ увѣренъ, рано 30 августа, когда онъ обнародованъ, чтобы произвести болѣе большой эффектъ и избѣжать отвѣтственности. Г. Бартелини объявляетъ, что ему официально поручено отправить этотъ циркуляръ. Онъ неспособенъ лгать. И чтобы не ставалось никакихъ сомнѣній въ подлинности этого политическаго документа, Г. Бартелини говоритъ: По возвращеніи во Францію я буду имѣть честь, попрежнему, передать вамъ наставленія Гг. де Леви, де Сен-При, Беррье, Пасторе и де Кара.» «Повторяю, потому что это истинно, что для всѣхъ французскихъ легитимистовъ подпись Г. Бартелини заключаетъ въ себѣ подпись пяти названныхъ лицъ: это подтверждено въ самомъ циркулярѣ». Далѣе: не слѣдуетъ уменьшать важности подобной ошибки. Нудно или смѣло поддерживать, или открыто порицать ее. Какимъ виновнымъ образомъ обманули несчастнаго Принца; то обманули на счетъ желаній, на счетъ мнѣній, на счетъ участвовацій Франціи. Вотъ истина. Легитимисты должны признать свои мѣры. Тѣ, которые такъ повредили Принцу, должны объявить публично, что они приписали ему слова, которыхъ открыто онъ не говорилъ, которыхъ онъ не могъ говорить. Они должны объявить наконецъ, что Графу Сиббору совершенно неизвѣстенъ былъ этотъ официальный циркуляръ.»

Въ заключеніе Г. *Ларошжакленъ* излагаетъ снова свое знаменитое предложеніе о воззваніи къ націи, доказываетъ,

что во Франціи монархія наследственная всегда была результатомъ общаго желанія, и говорить:

«Всею силою моихъ убъжденій, съ возвышеннѣмъ чувствомъ преданности, боролся я за Францію и за ея преданія. Если я, по вашему, одинокъ, то и останусь одинокомъ».

Положеніе Г. *Ларошжаклена* опредѣлено въ этомъ письмѣ очень ясно, и такъ какъ многіе легитимисты не одобряютъ циркуляра, то при возобновленіи засѣданій Собранія онъ, вѣроятно, найдетъ себѣ приверженцевъ. Что же касается до слѣдствій, которыя можетъ имѣть этотъ циркуляръ, то *la Patrie* указываетъ на два ближайшихъ: невозможность слитія двухъ бурбонскихъ линій и окончательное разьединеніе въ Собраніи между легитимистами и орлеанистами.

26-го—Корреспондентъ газеты *l'Indépendance Belge* пишетъ:

«Много положеній измѣнится при открытіи Законодательнаго Собранія; многіи шаткія убъжденія бросятъ якоря самымъ неожиданнымъ образомъ; но должно объявить напередъ, что г. *Беррье* остается однимъ изъ великихъ людей при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, какое бы положеніе не приняла партія, которую онъ такъ блистательно олицетворяетъ собою. Немногіе хорошо знаютъ г. *Беррье*, хотя много говорятъ о немъ. Г. *Беррье* талантъ аристократическій, въ полномъ смыслѣ слова. Онъ рѣдко являлся въ Законодательномъ Собраніи, остается въ немъ не болѣе четверти часа. Если говорить онъ, то говорить не въ группѣ, но глазъ на глазъ съ какою-нибудь парламентскою значимостью, и бесѣда эта продолжается не болѣе нѣсколькихъ минутъ.

«Высокій лобъ, взоръ пламенный и глубокій, резко обрисованныя губы, важная поступь, но быстрые жесты и быстрые отвѣты, изящество одежды — въ которой долгое время игралъ главную роль знаменитый синій фракъ застѣгнутый доверху, и наконецъ тысяча признаковъ ораторскаго могущества—вотъ портретъ человека, на котораго теперь обращено вниманіе средней партіи. Громовое отлученіе, поразившее *маркиза де-Ларошжаклена*, дѣйствительно, придамо льву трибуны свободу дѣйствій, обезсильшивши вандейскаго представителя:

«Славный ораторъ исполнило дѣло провоза въ востокъ Гаити, и тамъ то заключилъ онъ съ Президентомъ Респуб-
лики узлы дружбы, основанной на взаимномъ уваженіи и
еще тѣснѣе связанной событіями и воспоминаніями.

«Дѣла, въ которыхъ г. Беррье взойдетъ на трибуну, будутъ
истиннымъ торжествомъ. Никому, кромѣ него, не дано про-
изводить такого сильнаго дѣйствія, именно потому, быть
можетъ, что онъ не ищетъ этого. Краснорѣчіе—врожден-
ное благоуханіе этой высокой личности. Ни одинъ вопросъ,
финансовый, богословскій, дипломатическій—не приводитъ
его въ затрудненіе. Г. Беррье родился ораторомъ; между-
тѣмъ какъ другіе только ходятъ ошущью, онъ всегда во
вооруженіи слова.

«Не станемъ скрывать, что условія трибуны перемѣни-
лись съ тѣхъ-поръ, какъ число представителей увеличилось
съ четырехъ-сотъ до семи-сотъ, и распространенное на всѣхъ
набирательное слово ввело въ наши собранія ярость и не-
уваженіе, составляющія отличительный характеръ нашихъ
демократовъ-законодателей. Съ этими волнами и съ гро-
момъ этихъ бурь ознакомился новѣйшій ораторъ такъ же
мало, какъ испанскій противникъ Македонянина. Завсѣмъ
тѣмъ, г. Беррье назначено играть великую роль при от-
крытіи засѣданій.»

• Съ 1783 г. когда были изобрѣтены воздушные шары,
болѣе 250 воздухоплавателей поднимались въ Европѣ на
воздухъ, увлекаемые могучими крыльями водороднаго га-
за. Въ числѣ этихъ воздушныхъ путешественниковъ было
26 Французовъ, 3 Нѣмцы, 1 Итальянецъ и 1 Англичанинъ.
Десять воздухоплавателей погибли въ этихъ полетахъ, по
большей части, жертвами собственнаго неблагоразумія. Ан-
глійскій лейтенантъ г. Гель былъ десятою жертвой.

• Изъ довольно смѣшнаго процесса, начатаго однимъ изъ
подписчиковъ на «Исторію Консульства и Имперіи», съ из-
дателемъ этого сочиненія, видно, что это превосходное со-
чиненіе г. Тьера имѣетъ 90,000 подписчиковъ во Франціи
и 60,000 за границею.

• Братья Годаръ, воздухоплаватели, устроили воздушный
шаръ, превосходящій величиною и, следовательно, силой,
въ зрѣлости, какіе только были сдѣланы по настоящее
время. Шаръ этотъ имѣетъ отъ 15 до 20 метровъ въ по-

перечникъ; наполняется двумя милліонами литровъ газа, и можетъ поднять отъ восьми до десяти человекъ, которые, въ путешествіяхъ съ воздухоплавателями, будутъ влѣтѣть имъ соразмѣрно своему вѣсу.

* Изъ Парижа пишутъ въ газету «l'Indépendance Belge»: Мы нашли чуть-что не философскій камень: здѣсь придумали удивительный инструментъ — компасъ, указывающій присутствіе золота, магнитъ для драгоценныхъ металловъ, который непременно склоняется въ ту сторону, гдѣ они находятся. Этотъ указатель сокровищъ прикрѣпленъ къ концу палочки, и какъ только приносить его въ комнату, въ которой скрыто золото, ювелирныя вещи и золотыя или серебряныя монеты, онъ тотчасъ приподнимается и потомъ падаетъ по направленію шкатулки, въ которой они хранятся: только слѣдуйте его указаніямъ. По мѣрѣ приближенія этого магнита къ золотымъ и серебрянымъ вещамъ, притягательная сила его обнаруживается чувствительнѣе, даже сквозь плотныя тѣла, такъ-что онъ самымъ точнымъ образомъ говоритъ, гдѣ скрытъ драгоценный металлъ. Понятно, какимъ удивительнымъ помощникомъ будетъ этотъ магнитъ въ Калифорніи для тѣхъ, которые хотятъ работать навѣрное, и въ другіхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Испаніи, гдѣ, по преданіямъ, зарывали сокровища во время смутъ и ужасныхъ войнъ. На-дняхъ будетъ произведенъ опытъ надъ новымъ инструментомъ въ залахъ г. Ротшильда, въ присутствіи ученыхъ и журналистовъ.

Въ первыхъ числахъ октября, будетъ спущенъ въ рошфорской гавани 120-ти-пушечный корабль «Ville de Paris», который былъ начатъ въ 1807 г., и, слѣдовательно, находится на верфи сорокъ три года. Изъ кораблей, заложенныхъ во-время Имперіи, и неспущенныхъ на воду, остается въ Рошфорѣ еще «Louis XIV», который началъ строить въ 1804 году.

1-го октября. — Газета L'Ordre, попрежнему, занимается «Обществомъ 10 декабря», внимательно слѣдитъ за всѣми дѣйствіями его, и увѣряетъ, что нѣсколько человекъ, причислявшихъ себя къ этому «Обществу», схватили одного господина, обвиненнаго ими въ неуваженіи къ Президенту, которое онъ выказалъ въ разговорѣ съ непальскимъ посланникомъ, увлекши его въ лѣсъ, и тамъ жестоко исколотивъ палками.

Въ Парижѣ учреждены будутъ, въ разныхъ кварталахъ и главныхъ улицахъ, электрическіе часы, которые, соединяясь въ одномъ центрѣ, будутъ передавать въ точности истинное время всѣмъ часамъ столицы.

2-го.—Сегодня утромъ непальскій посоль оставилъ Парижъ со всей свитой; онъ отправляется чрезъ Лионъ въ Марсель, гдѣ приготовленъ для отъезда его въ Александрію пароходъ англійскаго правительства «Growler».

И т а л і я .

Римъ.—Посольство г. *Пинелли* рѣшительно не удалось: пока г. *Сиккарди* не выйдетъ въ отставку, соглашеніе невозможно. По письмамъ изъ Рима, г. *Фердиандъ Барро*, французскій посланникъ въ Туринъ, получилъ предписаніе склонить Короля Виктора Еммануеля на удаленіе г. *Сиккарди* и на дальнѣйшія уступки Римскому-Двору. Между-тѣмъ газета *Croce di Savoia* увѣряетъ, что туринскій кабинетъ не только несогласенъ на уступки, но даже послалъ въ Чивитта-Веккію пароходъ, повезшій отзывную грамоту къ г. *Пинелли*. Туринскій-дворъ недоволенъ тѣмъ, что г. *Пинелли* не прекратилъ всякихъ переговоровъ послѣ перваго объясненія съ кардиналомъ *Антонелли*, и потомъ удовлетворился частной аудиенціей у Папы.

Между-тѣмъ въ Сардинскомъ королевствѣ антагонизмъ между гражданами и духовенствомъ силенъ попрежнему, и многіе муниципальные советы, нѣкоторые даже единогласно, выразили желаніе, чтобы имущества духовенства были отобраны въ казну. Монсеньоръ *Моранжью*, архіепископъ Кальяри, (ост. Сардинія) протестовалъ противъ приведенія въ исполненіе закона, который даетъ правительству участіе въ управленіи дѣлами общественнаго призрѣнія, отлучая отъ церкви тѣхъ, которые повинуются ему. Общественное призрѣніе подлежало, какъ извѣстно, исключительно вѣдѣнію духовенства, до распространенія на Сардинію законовъ, имѣющихъ силу на материкѣ. Этотъ горестный фактъ послужить новымъ препятствіемъ къ сближенію между туринскимъ и римскимъ дворами. Австрія требуетъ о-

чень настойчиво уступокъ со стороны туринскаго кабинета; выездъ г. *Пинелли* изъ Рима отложенъ вслѣдствіе условій, предложенныхъ ему кардиналомъ *Антонелли* предъ самымъ отъездомъ.

13-го.—Наконецъ пріемъ г. *Пинелли* произошелъ вечеромъ, въ воскресенье. Папа работалъ тогда съ секретаремъ пропаганды, который былъ свидѣтелемъ разговора между нимъ и г. *Пинелли*. Г. *Пинелли* порученъ переговорить съ Комиссіею Кардиналовъ, а о самомъ дѣлѣ Папа не сказалъ ни слова.

Сардинія, 23-го сентября.—Туринскій Апелляціонный Судъ осудилъ монсеньора *Францони* на изгнаніе, поручить правительству исполнить этотъ приговоръ; такое рѣшеніе принято было по предложенію генеральнаго адвоката г. *Персолио*, большинствомъ 13 гол. пр. 1. Въ тотъ-же день министерство отправило трехъ карабинеровъ, приказавъ имъ проводить осужденнаго отъ *Фенестреллы*, гдѣ онъ содержался, до границы *Пиемонта*. М-ръ *Францони* наизвоитъ отправиться во Францію; вѣроятнѣе однако, что онъ выйдетъ въ Римъ. Италіянскія газеты увѣряютъ, что подобному приговору подвергнулся и кальярійскій архіепископъ. Тамонный Апелляціонный Судъ, въ засѣданіи 21 числа, рассмотрѣлъ дѣло объ отлученіи архіепископомъ отъ церкви всѣхъ тѣхъ, которые участвуютъ въ исполненіи законовъ *Сиккарди*, постановилъ, что м-ръ *Моранжю* долженъ въ 24 часа или отказаться отъ произнесеннаго имъ отлученія, или оставить королевство, а имѣнія его конфискуются въ казну. Такъ какъ М-ръ *Моранжю* не уничтожилъ отлученія, то ему приказано было выѣхать изъ города; ночью 23-го числа его проводили до пристани, гдѣ онъ сѣлъ на пароходъ, и 25 числа отправился въ *Чивитта-Веккію*, гдѣ намѣренъ поселиться на нѣкоторое время. Пароходъ высадилъ его въ этомъ городѣ 26 числа, и возвратился, 27 ч., въ Геную. Папа прекратилъ сношенія съ г. *Пинелли*, едва только узнавъ объ арестованіи кальярійскаго архіепископа, и объявилъ, что не будетъ продолжать ихъ, пока г. *Сиккарди* не выйдетъ въ отставку, и пока не изданъ будетъ въ *Сардиніи* законъ о книгопечатаніи.

* Изъ *Шамуни* (*Савойя*) сообщаютъ:

«Пишу вамъ эти строки при звукѣ барабановъ и трубъ, приветствующихъ возвращеніе въ *Шамуни* двухъ сѣдыхъ

путешественниковъ, которые отважились взойти на Монбланъ. Правда, только одному изъ нихъ удалось дойти до его вершины. Это молодой человекъ, Ирландецъ; отправился съ товарищемъ и десяткомъ проводниками. Вечеромъ они остановились на востъ, называемомъ Большими-Мулами, провели здѣсь часть ночи, и снова пустились въ путь около полуночи. Но черезъ нѣсколько часовъ одинъ изъ путешественниковъ долженъ былъ отказаться отъ труднаго восхода. Утромъ, часовъ въ одиннадцать, изъ Шамуни увидѣли неподалеку Ирландца, восходившаго съ проводниками, по отлогости вершины, и черезъ нѣсколько минутъ раздались въ долину звуки, извѣщавшіе, что онъ благополучно восшелъ на чело Монблана. Путешественники сошли съ горы такъ же счастливо, и въ восемь часовъ вернулись въ Шамуни. Въ эту минуту собралось въ Шамуни множество иностранцевъ. Они встрѣтили толпою, путешественниковъ и съ торжествомъ провожали ихъ до дому. Прекрасная погода благопріятствовала этому восхожденію. Говорятъ, что съ 1847 г. еще никому не удавалось дойти до вершины этого великана Альповъ.

Неаполь.—Недавно уволены отъ службы семь генераловъ, очень много офицеровъ и 4 полицейскихъ комиссара. Недавно, посреди благо дня, на президента суда, г. *Наварро*, напали трое человекъ, которые позволили себѣ надъ нимъ самую жестокія меншества; вследствие этого случая арестовано очень много лицъ.

Повѣренный въ дѣлахъ Французской Республики, г. *Валевскій*, официально уведомилъ своихъ соотечественниковъ, что впредь имъ запрещается получать газету «La Presse». Изъ французскихъ газетъ дозволена въ Неаполь только «Journal des Débats».

Испанія.

Мадридъ. Триста лѣтъ прошло со смерти Христофора Колумба, но еще не было памятника, который бы говорилъ о немъ будущимъ поколѣніямъ. Теперь люди вздумали смыть съ себя пятно неблагодарности: стараніями г. *Сальватора Бермудеса*, поэта, члена палаты депутатовъ, и *Мартинеца де-ла-Росы*, бывшего испанскія посланника въ Парижъ, откры-

та въ Мадридѣ подписка на сооруженіе громаднаго монумента Колумбу, близъ порта Палос-де-Могерь, насупротивъ монастыря св. Клары, гдѣ знаменитый генуезскій мореплаватель сѣлъ на корабль, послѣ перваго своего путешествія. Въ числѣ подписавшихся находятся самыя знаменитыя имена Испаніи, и г. Бермудесъ взялся отвести подписной листъ въ Англію. Для рисунка монумента будетъ открытъ конкурсъ, на который приглашаются художники всѣхъ государствъ. Статуя будетъ имѣть въ вышину шесть метровъ, а группы, поддерживающія ее, двѣнадцать. Памятникъ обойдется, по вычисленію комиссаровъ подвыски, не менѣе какъ въ пять-сотъ-тысять фравковъ. Вся группа будетъ изъ флорентинской бронзы, а цоколь и пьедесталъ изъ розоваго гранита.

* Кажется, Испаніи предназначено рѣшить задачу о воздухоплаваніи, надъ которою столько бился по настоящее время. Г. *Монтмайоръ*, уже извѣстный нашимъ читателямъ, прозводилъ на дняхъ, въ присутствіи особой комиссіи, опыты, которые увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и убѣдили правительство ассигновать сумму, необходимую на устройство огромнаго воздухоплавательнаго прибора по новой системѣ. Этотъ воздушный шаръ, названный Еоломъ, говорятъ, совершенно готовъ, и будетъ 15 октября спущенъ на воздухъ. Испанскій воздухоплаватель общается, каково бы ни было направленіе вѣтра, перелетѣтъ Пиреней, Францію, и отправится въ Лондонъ, для полученія преміи, пазначенной англійскимъ правительствомъ ученому, который откроетъ средство путешествовать по воздуху противъ всѣхъ теченій атмосферы.

Г р е ц і я .

Афины, 6-го (18-го) августа. Е. В. Король Оттонъ выѣхалъ 5-го (17-го) ч. вечеромъ изъ Афинъ, въ сопровожденіи Королевы и министровъ, и прибылъ въ Цирей, откуда Е. В. отплылъ, въ тотъ же день, въ 11 часовъ вечера, въ Триестъ, на казенномъ пароходѣ «Оттонъ». Одинъ старшій и два младшихъ адъютанта и библиотекарь составляютъ свиту Е. В., который, говорятъ, пробудетъ въ отсутствіи три мѣсяца. Изъ Триеста Е. В. отправится прямо въ Мюнхенъ.

* Предъ отъѣздомъ Короля произошли нѣкоторыя замѣчательныя событія. По случаю принятія обѣднн палатанъ, 8-го

августа, новой статьи проекта закона, по которому управление государством во-время отсутствия Короля, ввѣрется Августѣйшей его супругѣ, были поднесены въ тотъ же день И. В. поздравительные адреса обѣими палатами. На другой день, 9-го ч., происходило закрытіе греческаго парламента, такъ какъ срокъ вышѣшняго собранія палатъ окончился. По прибытіи Е. В., Королева Амалия принесла присягу, въ званіи правительницы государства, съ видимымъ возмущеніемъ, по очень внятно. Затѣмъ Король лично произнесъ рѣчь на закрытіе парламента, въ которой, прощаясь съ палатами, по случаю своего отъѣзда, и благодаря ихъ за содѣйствіе, оказанное ими для охраненія чести государства въ недавнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, Е. В. изъявилъ также свою признательность за великодушное и патриотическое пріятіе бюджета 1851 года, недавно утвержденнаго палатами, и съ удовольствіемъ объявилъ о признаніи самобытности греческой церкви и о возобновеніи сношеній съ Церковью константинопольскою. Король, въ заключеніе, выразилъ благодарность палатамъ за преданность ихъ, которой они представили новое доказательство, ввѣривъ, по его желанію регентство Августѣйшей его супругѣ.

Наканунѣ отъѣзда Короля, министерство окончательно было составлено слѣдующимъ образомъ: гг. контр-адмиралъ *Криемс*—президентъ совѣта и морской министръ; *Нотара*—министръ внутреннихъ дѣлъ; *Христидисъ*—министръ финансовъ; *Деміаили*—иностранныхъ дѣлъ; *Корфиотакисъ*, духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; *Пайкосъ*—юстиціи; полковникъ *Спиро-Миліосъ*—военный министръ. По этому въ кабинетъ вступило четверо новыхъ членовъ: Гг. *Христидисъ*, *Корфиотакисъ*, *Пайкосъ* и *Спиро-Миліосъ*.

По случаю признанія самостоятельности греческой Церкви вселенскимъ патріархомъ въ Константинополь, во всѣхъ греческихъ церквахъ совершенно было, 1-го сентября, торжественное молебствіе, причемъ прочтено было посланіе патріарха къ греческому народу. Въ тотъ же день совершенно было въ Афинахъ убійство, возбуждившее всеобщее негодованіе. Г. *Корфиотакисъ*, недавно назначенный министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, возвращался вечеромъ домой, съ своей супругой и однимъ изъ своихъ друзей; едва только онъ вышелъ изъ экипажа, какъ былъ пораженъ пистолетнымъ выстрѣломъ въ грудь; онъ упалъ на руки своей жены, лишившейся при этомъ случаѣ чувствъ, и чрезъ три ча-

са умерь. Нѣсколько лицъ было арестовано, и въ томъ числѣ найновокій поручикъ *Коссонаго*, покровительствуемый славною фамилією *Масремихала*, и котораго считаютъ убійцею министра. Полагають, что причина этого преступленія имѣетъ связь съ волненіями, возмущавшими Лаконію, въ которыхъ г. *Коріотакисъ*, уроженецъ Спарты, принималъ участіе.

Шайки разбойниковъ, которыя бѣжали изъ Фокиды въ турецкія владѣнія, совершенно уничтожены турецкими войсками.

Б Е Л Г І Я .

8-го сентября. Изъ отчета о состояніи поземельной собственности въ Бельгіи, изданнаго министерствомъ финансовъ, видно, что на 4,400,000 жителей Королевства приходится не болѣе милліона отцовъ семейства. Въ этомъ числѣ владѣютъ поземельною собственностью только 738,000 человекъ, то есть 74 процента всего народонаселенія. Изъ нихъ, по кадастру, 317,462 получаютъ съ земли менѣе 100 франковъ дохода; 195,175 получаютъ отъ 100 до 1,000 фр.; 22,207—отъ 1,000 до 5,000 фр.; 978—отъ 10,000 до 25,000 фр.; 276 получаютъ болѣе 25,000 фр., въ этомъ числѣ 80 владѣльцевъ земли имѣютъ доходу отъ 30,000 до 60,000 фр.; 34—отъ 50,000 до 70,000 фр.; 20 отъ 70,000 до 100,000 фр.; и 11 получаютъ съ своей земли болѣе 100,000 франковъ доходу.

25-го происходила торжественная закладка памятника, воздвигаемаго въ честь Учредительнаго Конгресса и уложенія; Король произнесъ при этомъ рѣчь, въ которой изобразилъ, какъ благотельно вліяніе уложенія на Бельгію: мудрыя установленія его, и благоразуміе бельгійской націи доставили странѣ продолжительный двадцатилѣтній миръ.

Праздники, въ воспоминаніе провозглашенія независимости Бельгіи, продолжаются здѣсь уже нѣсколько дней.

Ш В Е Й Ц А Р Я .

Базель, 24-го сентября. До-сихъ-поръ была въ Швейцаріи только одна синагога, именно въ Женевѣ; теперь построена другая въ Базелѣ, и будетъ торжественно открыта въ присутствіи начальствъ Кантона. Синагога эта построена на мѣстѣ разрушенной въ 1398 г., когда Евреи были изгнаны

ды изъ Базеля, потому—что ихъ обвиняли въ занесеніи моровой язвы, опустошавшей въ то время Европу. Съ 1398 по 1816 г. Евреямъ было запрещено жить на всемъ пространствѣ Швейцаріи.

ТУРЦІЯ.

Константинополь, 12-го (24-го) августа.—Такъ-какъ Е. В. Султанъ изъявилъ желаніе, чтобы произведенія турецкихъ собраний и мануфактуръ были отправлены на лондонскую всемирную выставку, то по этому случаю назначена комиссия подъ предсѣдательствомъ министра торговли *Измаила-пашы*; эта комиссия состоитъ изъ пяти высшихъ чиновниковъ министерства торговли, трехъ мусульманскихъ мегоціантовъ и четырехъ негоціантовъ изъ христіанъ—Англичанина, Армянина, Грека и Молдавана.

А М Е Р И К А.

Мы уже извѣщали нашихъ читателей объ отплытіи *Женни-Линдъ* въ Америку и о приготовленіи ей тамъ приѣмъ; предлагаемъ теперь изъяснить свѣдѣнія о зданіи, нарочно для нея воздвигаемомъ въ Нью-Йоркѣ.

Постройка новой концертной залы, въ которой будетъ пѣть *Женни-Линдъ* 18 сентября, быстро подвигается впередъ. Зала должна быть окончательно отстроена къ 1 сентября; если же она къ этому времени не будетъ готова, то подрядившійся строить ее долженъ будетъ заплатить 20,000 долларовъ неустойки. Зала, составляющая главную часть всего зданія, будетъ имѣть *сто-двадцать-восемь футовъ* въ длину, *шестьдесятъ футовъ* въ вышину и *сто* въ ширину, не считая сцены, шириною въ пятьдесятъ-пять, и глубиною въ тридцать футовъ. Она будетъ освѣщаться сорока-восьмью окнами, въ четырнадцать футовъ вышнюю и въ семь шириною; половина этихъ оконъ выходитъ на улицу, другая на дворъ. Въ залѣ будетъ восемь большихъ дверей, изъ которыхъ двѣ устроится на подъѣздѣ изъ бѣлаго мрамора, остальные же будутъ выходить на широкую лѣстницу.

Внутренность залы украсится изящнѣйшимъ образомъ. Вдоль стѣнъ устроится галерея, поддерживаемая желѣзными колоннами въ итальянскомъ вкусѣ, вышнюю въ 25 футовъ. Перла галерей будутъ также изъ желѣза. Для свѣтѣля по-

ставить софы изъ полисандроваго дерева, обитыя краснымъ бархатомъ.

Нью-Йоркъ, 21-го августа.—Самое важное изъ извѣстій—окончаніе несогласій съ Португалією. Лиссабонскій кабинетъ соглашается на уплату требуемыхъ вознагражденій. Что же касается до дѣла о «General Armstrong», то оно отдается на разрѣшеніе посредника, которымъ будетъ, вѣроятно, Швеція. Засѣданія конгресса были неинтересны. Сенатъ принялъ билль о учрежденіи въ Новой-Мехикѣ особеннаго управленія. Штаты Георгія и Алабама грозятъ отделиться отъ Союза, если палата представителей приметъ Калифорнію въ число Штатовъ.

Первый концертъ, который дала въ Нью-Йоркѣ *Жани-Линдъ*, доставилъ сбору 26,258 долларовъ (около 35,500 р. с.). Билеты продавались съ аукціона, и первый билетъ купилъ одинъ шляпнымъ фабрикантомъ за 225 долларовъ, (300 руб. серебромъ).

А Ф Р И К А.

Египетъ. Александрія, 21-го августа.—Холера продолжаетъ свирѣпствовать по всей Дельтѣ; здѣсь умираютъ ея еще ежедневно около 50 человекъ, въ Каирѣ вдвое болѣе; торговля операциою очень незначительна; извѣстія объ урокахъ и жатвахъ внутри Египта очень благоприятны.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

БѢЛОВѢЖСКАЯ ПУЩА.

(Посвящается Д. Я. Долматову.)

I.

Какъ въ старыхъ сказкахъ «Лѣсъ запретный»
Жилище страха и чудесь, —
Донныя Бѣловѣжскій лѣсъ,
Цвѣтеть въ красѣ своей заветной... *
Цвѣтеть вѣтвистый исполинъ,
Прекрасный въ дикости, какъ дѣва,
И тѣню тысячей вершинъ
Широко кроетъ даль равнинъ
Быстро-бѣгущаго Нарева.

* Бѣловѣжскій лѣсъ, въ Гродненской губернии, — пріютъ литовскаго зубра, (Bison Lituanicus).

Стихотвореніе это посвящено Д. Я. Долматову, автору чрезвычайно любопытнаго сочиненія «Исторія Зубра и Бѣловѣжской пушчи.»

Чѣмъ былъ онъ прежде? Что теперь?
 Какихъ событій въ немъ тайница?
 Кругомъ молчанье... Только птица
 Шумитъ крыломъ, да рыщетъ звѣрь...

Теперь растительностью чудной
 Себя подножье онъ убралъ,
 Заглохъ, заросъ въ тиши безлюдной,
 И молчаливо задремагъ;
 Теперь—съкирь зловѣщихъ стука
 Не знаетъ онъ отъ давнихъ поръ,
 Спомнѣно смѣть, не слыша звука
 Ни кликовъ битвъ, ни лая своръ;
 И только слышится цорою,
 Какъ змѣй, разставшійся съ норю,
 Ползеть, и мохомъ шелеститъ;
 Какъ дятель, лакомясь корою,
 Железнымъ клювомъ едь долбитъ;
 Какъ стадо тuroвъ тяжело бродитъ;
 Когда-жъ луна на небо всходитъ,
 Лѣсную озаря высь,—
 Тогда во тмѣ очами блещетъ
 Голодный волкъ, и стонетъ рысь,
 А серна робкая трепещетъ....
 И, вдругъ, къ спинѣ пригнувъ рога,
 Стрѣлой помчится отъ врага....
 Порою стонъ лѣсной голубки
 Раздастся въ зелени густой,
 Или захруститъ валежникъ хрупкій
 Цодъ мягкой соболя патой;
 Порою, воронъ вѣщимъ крикомъ
 Лѣсовъ безжолвіе прерветъ;
 Порою, въ заустынь дикомъ,

Дубъ вѣтвѣй съ трескомъ упадетъ, —
 И всей громадной толщиною
 Давя кустарниковъ гурьбу,
 Свой трущъ зеленой пеленою
 Покроетъ въ лиственномъ гробу...
 Вотъ жизнь, вотъ звуки дикихъ пущей,
 Такъ тихо дремлющихъ теперь;
 И зарастаетъ гуще, гуще,
 Ихъ нѣдръ таинственная дверь!...

Но такъ ли дикъ, людьми оставленъ,
 Безмолвно-глухъ ты былъ и встарь?
 О, нѣтъ! Племень отважныхъ кличу
 Не разъ отзвуче ты давалъ;
 Въ твоихъ шатрахъ моления Знѣчу
 Не разъ Литовецъ возсылалъ.
 Ты многихъ памяталь исторій
 Живая лѣтопись: Баторій
 Здѣсь съ пышной свитой цировалъ;
 Оставя царскія заботы,
 Въ шляхѣтныхъ пиршествахъ охоты
 Здѣсь Августъ-Третій отдыхалъ;
 Здѣсь ярый Владиславъ-Ягелло,
 Вепря преслѣдовавшій сѣмью,
 Свалился за-мертво съ сѣдла;
 А вѣкомъ раньше—здѣсь была
 Съ дружиной русской наша слава:
 Романъ, и храбрый Дашинъ
 Язвинговъ хищныхъ здѣсь громада.
 Скажи, ты помнишь Ярославъ?
 Его ладей по Бугу плескъ?
 Ты помнишь, въ вѣкѣ отдаленномъ,

Какъ страшень былъ странамъ смятенымъ
Мечей Владиміровыхъ блескъ?...

Завоевателямъ всесвѣтнымъ
Не разъ препятствіемъ ты былъ:
Батяя полчищамъ несмѣтнымъ
Ты путь въ Европу заградилъ;
И, помня времена былыя,—
Среди родныхъ своихъ болотъ
Полкамъ новѣйшаго Батяя
Воздвигъ ты гибельный оплотъ...*

Но шумъ воинственной борьбы
Въ тебѣ веселіемъ сгѣнился,
Раскатъ охотничей трубы
Лѣснымъ отзвучьемъ повторялся;
Людей, собакъ, оружія шумъ,
Нежданный бивуакъ охоты,
Будили гѣнь твоей дремоты
Среди отъ вѣка-тайныхъ думъ....

Но онъ не все похоронилъ,
Не всю молву о прежнихъ годахъ:
Въ своихъ тѣнистыхъ переходахъ,
Онъ диво—зубра сохранилъ.

* Березина недалеко отъ описываемой мѣстности.

II.

Вотъ онъ, вотъ лѣсной пустыни
 Дикій житель и глава,
 Необузданный домытъ,—
 Образъ буйвола и льва....
 Левъ—хвостомъ и длинной гривой,
 Буйволъ—тяжестью шаговъ,
 Левъ—отвагой горделивой,
 Буйволъ—моцію роговъ;
 Вотъ красавецъ, туръ горбатый,
 Въ чащѣ дикой онъ лежитъ,
 Отдыхаетъ бородастый,
 Тѣню листовенной прикрыть.
 Тихъ и кротокъ онъ въ покоѣ,
 Въ стадѣ — мирный патріархъ;
 Но не тотъ онъ въ лютомъ боѣ:
 Тамъ—онъ весь гроза и страхъ;
 Тамъ ужасенъ голосъ звѣрекій—
 Рыкъ возставшаго зубра;
 Сталь твоя, охотникъ дерзкій,
 Не азвить его ребра,
 Пуля жѣткая отпрянетъ
 Отъ щитовъ желѣзныхъ лба,
 И копьѣ твое не ранить
 Гривой скрытаго горба.

Но и ты,—царь-зубръ,—потѣха
 Хитрой прихоти враговъ!
 Чу! Въ лѣсу, раскатомъ еха,
 Отразился звукъ роговъ;

Сотни шапокъ замелькали
 Тамъ, вдали, среди вѣтвей,
 И печально запылали
 Пятна красныя огней;
 Вотъ слышной отзвучья залъ,
 Повторился плень трубъ,
 Вотъ зашла гонимыхъ стая,
 Заливаясь средь гонимыхъ;
 Вотъ, доушеть приближенье
 Сокрушительныхъ гостей,
 Волкъ уложить въ стальной
 Тайныхъ кучъ, подъ прокъ вѣтвей;
 Вдаль за ними огонь разлетѣлъ,
 Чуя гибельную сталь,
 И лица, и сохаты,
 Рысь вь серна мчится вьдаль.
 Что-же туры? Цѣлится стадою
 Звѣря въ кучу обратясь;
 Грудью въ дѣсь, къ срединѣ задохъ,—
 Служокъ, взоромъ, въ даль вьдальсь,
 И съ гудимъ, зловѣщихъ боевъ
 Помѣстились вьпередъ
 Несмущаемые боевъ
 Стада старыя вожди....

Но на честный поединокъ
 Ловчій тура не зоветъ;
 Обнажить боится клинокъ,
 Не сурьязеть, и неидеть....
 Онъ ведетъ на битву—свою,
 Не героевъ, а псарейъ
 Пристужаетъ ловчій къ свору.

Съ грознымъ въ ярости зубромъ!...
 Какъ приливъ морскою,—облава
 Быстро близится, идетъ,
 Гончихъ дикая октава
 Звонко по-гбсу реветъ;
 Смахнуть туръ пальбу изъ ружей,
 Ощетинился, дрожить,
 Мечетъ прахъ ступнёю дожей
 Пудовыхъ своихъ копыть,
 Ожидаетъ, и молчить....

Псы настягли,—всё пропало!
 Ихъ огромное число,
 Оглушило, испугало:
 Стадо врозь,—и побѣгло...
 Мчится зубръ, ломая ели,
 Онъ свербить,—но нѣтъ нужды:
 Хитрый ловчій ближе къ цѣли,
 Онъ разсыпалъ ихъ ряды:
 И съ возвышенной засады,
 Приложась щекою къ ружью,
 Онъ вперилъ на жертву взгляды,
 Онъ добычу ждѣтъ свою...
 Близки жертвы—исполнны
 Отъ предательскихъ засадъ;
 Очи—красны, какъ рубины,
 Ноздри—пышутъ и дымятъ,
 Хвостъ взвился, по вѣтру грива
 Распустилась, какъ бунчугъ;
 Зубръ могучій, силы диво,—
 Ломить, давить всё вокругъ;
 Всё дрожать.... Но выстрѣлъ гранулъ;

Въ глазъ нилось ядро свинца:
 Паль.... на мгновенье лишь воспрануть,
 Прежде смертнаго конца.

И. ВЕРДЕРЕСКИЙ.

СВѢТЛЫЙ ЛУЧЬ.

Когда на грудь мою, порой,
 Тоска, какъ камень гробовой,
 Тяжелымъ гнетомъ упадетъ,
 Когда она, какъ лютый змѣй,
 Мнѣ въ душу заползеть, и въ ней
 Все смертнымъ хладомъ обольетъ,—
 Въ то время только вспомню я
 Объ васъ—и вмигъ душа моя
 Вновь встрепенется, оживетъ;
 Въ ней не останется слѣда,
 Тоски мучительной тогда:
 Она исчезнетъ, пропадетъ;
 И сердцу станетъ такъ легко,
 Въ немъ лучъ отрады глубоко
 Свой свѣтъ цѣлительный прольетъ....

Такъ въ бурю иногда порой,
Нависнутъ тучи надъ землею,
Но только солнышко взойдетъ
И миръ туманный озаритъ—
Тогда все приметъ прежній видъ,
Тогда все снова зацвѣтетъ.

ЯКОВЪ КРЫЛОВЪ.

РУССВАЯ ЪЗДА.

Бодро несетъ меня тройка лихая,
Веселыя пѣсни ящикъ мой поетъ,
На небѣ, съ тучами мѣсяцъ играя,
Вдаль безконечную тройку зоветь.
Мчимся мы, мчимся, снѣгъ лишь бѣлѣтъ,
Небо въ туманѣ слилося съ землею,
Тамъ вдалекѣ пни деревьевъ чернѣютъ,
Дальше избушекъ чернѣется строй.
А колокольчикъ, вертясь подъ дугою,
Заунывную пѣсню поетъ мнѣ свою;
Знаю ее я! Знакомъ я съ тоскою:
Грустныя пѣсни и самъ я пою.
Здѣсь-то и пѣтъ и грустить одиноко,
Все здѣсь такъ тихо.... лишь вѣтеръ порой

То по деревнямъ просищаютъ далеко,
То захохочетъ надъ темной землей.
Мчимся мы, мчимся; ржать бѣшено кони
Съ звономъ и пѣвнями катится тройка,
Много ромашъ и въ нѣсахъ и въ сѣнахъ
Русской тѣды веселой и бойкой.

В. КУРОЧКИНЪ.

ПЕРВОЕ ЧУВСТВО.

ПОВЕСТЬ.

Письмо отъ Заманды Павловны Пальмицкой къ подругѣ.

Милая, добрая моя Nathalie! Я боюсь наскучить тебѣ своимъ писемъ, такъ часто и такъ подробно описывая мое житье-бытье, но съ кѣмъ же мнѣ и быть откровенною, если не съ тобою? При томъ-же я теперь такъ счастлива, такъ довольна своимъ положеніемъ... мнѣ даже сколько страшно за будущее; говорятъ, что судьба насъ простираетъ минуты блаженства цѣлыми годами страданія; даже гдѣ-то читала—но будто можно вѣрить всему, что пишутъ? Довольно того, что я счастлива, и еще счастлива отъ радужной надежды въ будущемъ; зачѣмъ же разгонять себя грустными пророчествами, тѣмъ болѣе, если счастье непродолжительно? Гораздо лучше передать тебѣ то, что меня волнуетъ и радуетъ; я увѣрена, что мои письма тебѣ близки, и ты извинишь мою болтливость. Чемъ-къ, издѣланный счастьемъ, похожъ на рѣку, освобождающую отъ зимняго мороза живительнымъ лучомъ зивняго солнца: рѣка разливается на всю окружающую мѣ-

стность, и затопляет ее; человекъ высказывается, не обращая вниманія на то, что счастье его, можетъ—быть, удивляетъ другаго, раскрываетъ незажившія раны... Это впрочемъ къ тебѣ не относится.

Цѣлую страницу я исписала, не сказавъ ничего положительнаго. А мнѣ многое нужно поразказать тебѣ. Начну съ самаго интереснаго. Ты мнѣ объяснила въ прошломъ письмѣ мои чувства; назвала ихъ любовью. Теперь, въ исполненіе этого опредѣленія, я назову ихъ *любовью счастливою!* Папа на-дняхъ имѣлъ серьезный разговоръ съ Карамельковымъ. Ты вѣдь знаешь, что наше маленькое имѣстье было въ томъ самомъ уѣздѣ, гдѣ отецъ Александръ былъ исправникомъ, и что папа былъ съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ. Мнѣ было лѣтъ восемь, когда онъ померъ; но я очень хорошо помню этого простаго, добраго старика, который любилъ меня столько же, сколько своего сына. Я сама очень уважала его, и онъ вполнѣ былъ увѣренъ въ этомъ, и, вѣроятно, на этомъ основаніи, садясь за неокончанный бостонъ, всегда бралъ мою руку на счастье; каждый разъ, приходя къ намъ, приносилъ мнѣ въ карманѣ какіе-то ужасно сладкіе и крѣпкіе пряники, завертывая ихъ въ свой клѣтчатый платокъ. Съ сыномъ этого-то человекъ столкнула меня судьба съ самаго дѣтства; увеличивая и измѣняя каждый день мою привязанность къ нему, до послѣдней, извѣстной тебѣ степени... Еще при жизни отца, на послѣдніе скопленные тяжкими лишеніями деньги, Александръ былъ отправленъ въ Петербургскій Университетъ, и пріѣхавъ сюда, года два тому назадъ, не сталъ уже отца въ живыхъ. Этотъ добрый старикъ померъ, и хотя было некому закрыть ему глаза, послѣднее слово его было объ Александрѣ. Онъ просилъ папа не оставлять его сына, и уснуль, убаюкиваемый сладкими надеждою, которыя скоро, очень скоро осуществятся... Александръ получилъ въ нашей губерніи мѣсто, и почти все свободное время жилъ у насъ. Такимъ-образомъ, въ наслѣдство отъ старика ему досталась самая нѣжная симпатія къ нашему семейству, перешедшая въ отношеніи ко мнѣ въ извѣстное тебѣ чувство.

Да, другъ мой, онъ любитъ меня такъ нѣжно, страстно.

как мы могли только мечтать въ дружеской бесѣдѣ, какъ любить разъ въ жизни. Вижу на губахъ твоихъ неопредѣленную улыбку, слышу твой подозрительный вопросъ: откуда ялась твоя самоувѣренность, дающая тебѣ видъ женщины, же много испытавшей? и спѣшу отвѣчать тебѣ, что любовь разомъ кончила мое практическое воспитаніе. Въ нѣсколько недѣль, въ нѣсколько дней, я много прожила и проувствовала, моя внутренняя жизнь въ это время далеко отставила назади процессъ дѣвическаго развитія—ты бы не знала своей рѣзвой пансіонской подруги. Начать съ того, то онъ вовсе не походитъ на тотъ идеалъ, который мы оставили еще въ пансіонѣ, и кромѣ котораго намъ казалось ничего нельзя и любить. Это вовсе не Чайльдъ-Гарольдъ, о которомъ мы знали въ пансіонѣ по наслышкѣ, и представляли совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ представилъ его Байронъ, это же не Евгений Онѣгинъ, это скорѣе Ленскій, свѣтлая, загородная душа,

Всегда восторженная рѣчь,
И удари русыя до плечь...

Двумя годами раньше, я бы прошла мимо его, не бросивъ ему даже сочувствующаго взора, но теперь, когда я въ состояніи оцѣнить эту благородную душу, сочувствовать этимъ высокимъ порывамъ, мнѣ кажется, только такого человѣка и можно полюбить. Онъ не высокаго роста, и брюнетъ, у него нѣтъ усовъ, лицо его не изъ тѣхъ эстетически-блѣдныхъ лицъ, которыя то и дѣло грезились мнѣ; но трудно себѣ представить что-нибудь выразительнѣе этихъ задумчивыхъ голубыхъ глазъ, этого задушевного взгляда, въ которомъ просвѣчиваетъ самая благородная душа, этого меланхолическаго выраженія въ лицѣ и въ глазахъ, которое проникаетъ въ сердце, заставляя невольно жить одною жизнью съ его сердцемъ, всегда благороднымъ, всегда преисполненнымъ терпимости и саго эстетическаго сочувствія ко всему прекрасному. Вотъ мнѣ портретъ моего Александра, потому-что, какъ я уже сказала тебѣ, папа недавно серьезно разговаривалъ съ нимъ и *à tête* цѣлый часъ, и потомъ поздравилъ меня его не-

вѣстою. Нельзя описать того, что я чувствовала в это время... Составь себѣ самую прекрасную мечту, допусти возможность ея осуществленія, и твое воображаемое счастье дастъ тебѣ слабое понятіе о моемъ, на сколько мечта можетъ замѣнить дѣйствительность... Но я слишкомъ заболталась, забыла, что могу утомить тебя своимъ безсвязнымъ письмомъ, я такъ счастлива... сердце такъ и рвется высказаться...

Съ нѣкотораго времени Александръ сталъ что-то грустить. Вчера онъ особенно былъ задумчивъ, и когда я спросила его, что съ нимъ? онъ отвѣчалъ:

— Развѣ могу я не думать, когда судьба предаетъ въ мои руки ваше будущее счастье, достоинъ-ли я этого, не горькая-ли насмѣшка это надо мною?..

И въ голосъ его слышалось что-то потрясающее, страшное... «Полноте, полноте, сказала я ему: вы опять замѣтались...» Но потомъ мнѣ самой сдѣлось невыразимо грустно... Отчего это?

Прощай, другъ мой, порадуйся за меня, какъ я счастлива, твоя и пр.

Зинаида.

О процессѣ нашемъ въ Петербургѣ, ничего не слышишь.

П И С Ь М О Н.

Отъ Александра Викентьевича Каражелькова къ Григорію Ивановичу Груздеву.

Воображаю, съ какимъ неприятнымъ чувствомъ расчитываешь ты письмо мое, догадываясь по обширности оферы о пустотѣ содержанія. Дѣло въ томъ, что я, въ-самомъ-дѣлѣ, намѣренъ многое тебѣ описать, не-смотря на то, что

ты не слышишь жалуюсь «бредъ восторженный души моей большой.»

Шутка въ сторону: не-смотря на твои увѣренія, что я идеалистъ, мечтатель, что я никогда не буду счастливъ, что я всегда найду въ душѣ своей столько незваного чувства, тобы испортить даже и дѣйствительное счастье, я долженъ объявить тебѣ, что въ эту минуту нравственно я совершенно здоровъ, и что, слѣдовательно, практическія твои наблюденія надъ людьми оказались совершенно неприхвными въ практикѣ.

Не знаю, какъ подготовить тебя къ разсказу; объявить прямо, что я влюбленъ, значить быть увѣреннымъ, что письмо мое останется нечитаннымъ; до нашего свиданія, какъ какой-нибудь сантиментальный романъ; не писать объ этомъ, значить ровно ничего не писать... но я тебя знаю, ты вѣдь только прикидываешься положительнымъ материалистомъ, а въ душѣ очень добрый человекъ. Главное, ты любишь меня, твои дружескія услуги доказали мнѣ это, надѣюсь ты не отперешься?

Вотъ на этомъ-то основаніи я пишу тебѣ все, какъ было. Погорнись необходимости, и читай письмо мое, какъ рецензентъ ex-officio читаетъ плохую повѣсть. Да, мой другъ, я влюбленъ, и влюбленъ не у васъ въ Петербургѣ, а въ отдаленной скромной провинціи, и по этому ты можешь судить о степени моей любви. Я урожденный провинціалъ, ты извинишь мое пристрастіе къ провинціи и... не рѣшаюсь выговорить... нерасположеніе къ Петербургу... мнѣ какъ то душно среди этой несмолкаемой дѣятельности; среди того говора разноязычныхъ страстей... здѣсь мнѣ легче... въ рѣдкіе люди, коихъ можно здѣсь найти, въ которыхъ тежачая жизнь не остановила умственного движенія, нетребовательны; нужно снизойти къ ихъ интересамъ и въ ихъ скромномъ муравейникѣ безъ микроскопа разглядѣть страсти и чувства вовсе не муравьиныя. Я не говорю о провинціалахъ, я говорю о людяхъ, проживающихъ въ провинціи, а это разница. Люди всегда люди, любезный другъ, это и твое практическое правило.

Я писалъ тебѣ, какъ я сюда пріѣхалъ, какъ досталъ себѣ мѣсто, дающее мнѣ способы на существованіе и нѣко-

того рода дѣятельность, потому я тебѣ описывалъ свой образъ жизни и, въ теченіи двухъ лѣтъ, невозмутимое свое существованіе, которое избавляло меня отъ необходимости писать тебѣ, ради однообразія писемъ. Теперь я снова пишу тебѣ, потому-что наполнилась моя жизнь, потому-что безцвѣтность ея озарилъ свѣтлый лучъ любви, потому-что, наконецъ, я счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ моего темперамента.

Нѣсколько мѣсяцовъ тому, Зиночка пріѣхала изъ пансіона. Съ этихъ поръ началась для меня новая жизнь. Боже мой, какъ она хороша! Тебѣ извѣстно, что дѣтьми еще мы были очень дружны, конечно подѣтски, и теперь мы встрѣтились новостарые друзья. Она такъ рада была, встрѣтись со мною; первымъ движеніемъ ея было броситься мнѣ на шею, но инстинктивное чувство стыдливости заставило ее покориться талейрановскому правилу. Она вся покраснѣла, робко опустила глаза, и съ какимъ-то трепетомъ поддала мнѣ свою нѣжную руку. Патриархальность провинціаль-ныхъ правилъ дала мнѣ возможность прижать эту руку «къ своимъ пылающимъ устамъ.» Еслибы я не былъ слишкомъ смущенъ въ это время, я бы легко замѣтилъ и легкую краску, на мгновеніе подернувшую ея свѣжее личико, и судорожный трепеть, съ которымъ она отняла у меня руку. Все это было дѣломъ минуты. Она тотчасъ же отирывалась, и съ свойственною ей рѣзвостью завела разговоръ о дѣтскихъ нашихъ лѣтахъ, повела меня въ садъ, смотрѣть цвѣты, посаженные ея рукою, и при взглядѣ на нихъ, сказала съ самою дѣтскою радостью:

— Ахъ! Какъ они расцвѣли, распустились, и въ короткое время!..

— Здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго, отвѣчалъ я: это общая участь цвѣтовъ и женщинъ.

— Доведите ваше сравненіе до конца, отвѣчала она: прибавьте, что и женщинамъ, какъ цвѣтамъ, не дано долго цвѣсть, и что на этихъ пышныхъ лепесткахъ блестятъ слезы, какъ предчувствіе скорого увяданія.

— Напротивъ, это запасъ еще совершеннѣйшаго развитія. Да и можетъ-ли при взглядѣ на эти цвѣты, въ самый лучшій періодъ ихъ жизни, родиться мысль о томъ, что

они будутъ жертвою безжалостной руки времени или руки человѣка. И при взглядѣ на полуразвившіяся стороны ребенка, такъ много обещающаго въ будущемъ, при взглядѣ на черные глаза, затуманенные полугрустными, полурадостными грезами юности, развѣ можетъ явиться мысль, что формамъ этимъ не суждено развиться, что задумчивость этихъ глазъ навсегда приметъ грустный оттѣнокъ страданія, что люди сорвутъ этотъ цвѣтокъ, и надышавшись вдоволь его ароматомъ, отбросятъ отъ себя, какъ прочитанную книгу, какъ вещь никуда негодную... Нужно слишкомъ мало имѣть вѣры въ человѣка, чтобы придти къ такому заключенію, а согласитесь, что жить безъ этой вѣры, смотрѣть на людей, какъ на враговъ, слишкомъ тяжело для человѣка, если онъ не египетъ, если суровый опытъ не оставилъ молодыя, благородныя движенія души...

Я взглянулъ на нее, она слушала меня съ напряженнымъ вниманіемъ, и, казалось, рикала въ смыслъ каждаго моего слова. Что чувствовалъ, что чувствовалъ я въ это время!..

Много вужно было-бы рассказывать тебѣ, добрый другъ мой, чтобы передать все, что волнуетъ меня; если бы ты видѣлъ ее, если бы ты слышалъ этотъ мелодическій голосъ, который способенъ только передавать благородныя движенія души; если бы ты видѣлъ эти глаза, въ которыхъ отражается чистое, дѣвственное сердце... если бы ты узналъ эту душу—ты не обвинилъ бы меня въ восторженности моего письма. И тѣмъ досаднѣе, что судьба столкнула меня съ этимъ ребенкомъ, въ душѣ котораго звукъ ангельской пѣсни

остался безъ словъ, но живой,

и досаднѣе мнѣ сознавать свое ничтожество, свою бѣдность, свою крайнюю невозможность сдѣлать ее счастливою...

Генеръ только я спохватился, что забылъ тебѣ сказать кое главное: недавно отецъ ея говорилъ со мною. Этотъ добрый старикъ самую завѣтную мечтою считаетъ бракъ

мой съ его дочерью. Онъ началъ съ того, что когда оба мы были малютками, онъ и отецъ мой, полу-шутя, полу-серьезно, обязались скрѣпить свою дружбу въ потомствѣ.

— Вашъ папенька (царство ему небесное!) померъ; Вѣрочка была въ пансіонѣ, вы въ Петербургѣ, я здѣсь оставался одинъ, но вы трое никогда изъ ума не выходили у меня, я считалъ грѣхомъ противъ памяти друга нарушить его волю, и вотъ теперъ, оба здѣсь; нѣтъ здѣсь только моего Николая... моего друга, но вы здѣсь... и я счастливъ. Отъ васъ зависитъ упрочить спокойствіе всѣхъ, кто любить васъ, всѣхъ, кого любите вы, поклянитесь мнѣ передъ портретомъ вашего отца, что вы сдѣлаете счастливою Зиночку, и да благословитъ васъ Богъ, а мое благословеніе и въ могилѣ будетъ надъ вами...

Трудно передать впечатлѣнію, какое произвела на меня эта сцена. Это было часу въ пятомъ вечера, въ маленькой, тѣсной комнаткѣ, служившей Пальницкому и кабинетомъ и спальней. Было темно, старикъ сидѣлъ на диванѣ, разложивъ на столѣ свой платокъ и табакерку, глаза его какъ-то странно блестя; видно было, что въ эту минуту онъ рѣшается выговорить самую задушевную мысль, которая долго не давала ему покоя, въ которой онъ сосредоточилъ все свои надежды, мечты, страданія... И какъ-будто неувѣренный въ моемъ отвѣтѣ, онъ вперилъ въ меня свои влажные глаза, въ которыхъ видна была молитва, въ которыхъ были слезы... Я тогда только постигнулъ красоту душевныхъ движеній старости.

И среди этой обстановки, портретъ отца, его выразительныя черты рельефно выдаются въ сумракѣ изъ очерченной рамы... онъ на меня смотритъ, онъ самъ задаетъ мнѣ это же вопросъ, онъ приготовился слушать, взвѣшивать каждое мое слово... мнѣ стало страшно... тяжесть неразрѣшеннаго вопроса «могу ли я сдѣлать ее счастливою» легла мнѣ на душу... кровь бросилась въ голову, я едва устоялъ на ногахъ...

— Поклянитесь! снова повторенное, вывело меня изъ этого тяжелаго усыпленія.

Религіозность этой минуты прошла, безотчетно по-

рылъ я за старикомъ, что ему хотѣлось; онъ выразительно обмалъ меня, и уже твердымъ голосомъ проговорилъ:

— Что жь это огня намъ не подаютъ?

Огонь былъ поданъ; я тогда только взглянулъ на Пальницкаго. Лицо его приняло болѣе спокойное выраженіе, вслѣдствіе проницательности проникнулась счастьемъ, онъ призвалъ дочь, и объявилъ ей свою волю, заранѣе увѣренный въ отвѣтъ.

Но... довольно. Напиши мнѣ, что я не утомляю тебя и когда я, пожалуй, еще буду писать тебѣ.

Другъ твой А,

ПИСЬМО III.

Отъ того же къ тому же.

Благодарю тебя, другъ мой, за письмо, и за участіе, какое принимаешь въ моемъ положеніи. Ты меня поздравляешь, советуешь мнѣ не медлить, если я дѣйствительно нацѣль то, что искалъ, не идеализировать свое положеніе, а ни я сознаю свою бѣдность—трудиться и трудиться... Все это такъ, я не думаю возражать тебѣ; но какъ могу трудиться, если образъ ея не выходитъ у меня изъ головы? Вѣдь смѣшно же на дѣловыхъ бумагахъ чертить копеечную головку или объясняя мальчику статистическія яла, приводить въ примѣръ красоту женщины... Въ томъ-то и бѣда, что на меня любовь дѣйствуетъ особымъ образомъ; въ другихъ она возбуждаетъ энергію, инициативность; образъ любимой женщины, какъ путеводная звѣзда, освѣщаетъ имъ путь труда, скрадываетъ препятствія, и безпрепятственно доводитъ до благополучнаго конца, гдѣ ихъ ожидаетъ и матеріальная обезпеченность, и возможное нравственное довольство... Это сча-

стливыя организаціи!.. Я какъ-то иначе созданъ. Ужъ если я полюбилъ—цѣль жизни для меня достигнута, тутъ ужъ вся моя дѣятельность сосредоточивается въ сердцѣ или, какъ ты говоришь, въ воображеніи; я ужъ не могу думать болѣе ни о чемъ... въ практическомъ отношеніи на меня находитъ какая-то тупость, бессмысленность... Я похожъ на заживо-погребеннаго, который совершенно отдѣленъ отъ вѣшняго міра, но страдаетъ и, стало-быть, живетъ полною, могущественною жизнью...

И опять-таки я долженъ вернуться къ тому, что уже писалъ тебѣ. Меня преслѣдуетъ, мнѣ не даетъ покоя вопросъ: могу ли я сдѣлать ее счастливою? Невозможно поручиться, буду ли я, и то когда-нибудь, обезпеченъ, какъ же могу я обезпечить ея положеніе?.. А показать ей свои лохмотья и не въ силахъ—это значитъ оскорбить ея эстетическое чувство, замарать грязью ея чистую, свѣтлую душу. Я свыкъ съ бѣдностью, она не оскорбляетъ меня, но я не могу себѣ представить безъ страха нищету возлѣ любимаго существа; невозможность сдѣлать мало-мальски сноснымъ ея положеніе; видѣть, какъ страдаетъ она и какъ скрываетъ свои слезы, и, что хуже всего слѣдить за измѣненіемъ ея характера подъ вліяніемъ обстоятельствъ—вотъ что мучитъ, терзаетъ меня, не даетъ мнѣ возможности быть ни минутой счастливымъ...

Ты не думай, что я пишу это безъ всякаго основанія. Мое состояніе или, вѣрнѣе, отсутствіе всякаго состоянія тебѣ извѣстно. Отецъ ея старъ, всѣ ихъ способы къ существованію состоятъ въ небольшомъ помѣстьѣ изъ двухъ трехъ десятковъ заложенныхъ душъ. Дѣла его съ каждымъ днемъ запутываются болѣе и болѣе; онъ долженъ значительную сумму сосѣду своему, богатому помѣщику Н., который былъ столько деликатенъ, что, видя ограниченности его средствъ, никогда даже не намекалъ ему объ долгѣ, и это всегда мучило Пальницкаго. Теперь Н. померъ, неизбежно, къ кому перейдетъ его помѣстье, будетъ ли его преемникъ такъ же снисходителенъ?.. Будущее заставляетъ сильно призадуматься!

Отъ этого въ отношеніи наши вкрадывается что-то неприятное... Я не могу быть веселымъ; глядя на меня, и она

моя Зиночка, грустить и задумывается; это еще болѣе тревожить старика, а разочарованія старости должны быть мучительны! Вотъ тебѣ, въ короткихъ словахъ, завязка нашей драмы, которая еще Богъ знаетъ чѣмъ кончится...

А любовь моя все растетъ... растетъ... Препятствія ее увеличиваютъ, хотѣ и не внушаютъ мнѣ бодрости. Я могу только мечтать о томъ, какъ бы я былъ съ нею счастливъ, еслибы хотъ немного было обезпечено мое состояніе, какъ бы развилась, сформировалась она и нравственно и физически... Какое безмятежное, тихое счастье водворилось бы въ нашемъ скромномъ уголкѣ! Мы сидимъ вмѣстѣ, въ теплой, уютной, комфортабельной комнаткѣ. Зеленныя сторы спущены, маленькая лампа разливаетъ матовый свѣтъ на всѣ предметы, и очаровательно отбѣняетъ ея розовое личико; я читаю ей любимыхъ поэтовъ, и каждая высокая, вѣрная мысль, каждое удачное выраженіе, счастливый оборотъ рѣчи, отражаясь на лицѣ ея, или зажигаютъ эти глаза, или срываютъ улыбку съ этихъ устъ, а въ комнатѣ дышетъ какой-то успокоительный колоритъ... такъ легко на душѣ, какъ-то благороднѣе себя чувствуешь при одной мысли о возможности такихъ минутъ!

Вотъ канва, на которой каждую минуту появляются новые узоры въ моемъ воображеніи. Въ одну изъ этихъ минутъ, обратясь къ дѣйствительности, послѣ воображаемаго счастья, я какъ-то невольно вскрикнулъ:

— Боже мой! чѣмъ все это кончится!

Я забылъ, что я былъ въ саду и что тамъ могла быть она; это дѣйствительно такъ и случилось. Должно-быть, внутреннее страданіе рѣзко проявилось на лицѣ моемъ, потому-что она (Боже мой, какъ она меня любитъ!) она вся поблѣднѣла, и съ какимъ-то трепетомъ схвативъ мою руку, сквозь слезы едва могла выговорить:

— Ахъ, что это съ вами? отчего вы такъ печальны?

— Ничего, Зиночка, отвѣчалъ я: это пройдетъ, вы не бойтесь... на меня это часто находитъ, я самъ не помню, что я говорилъ.

— Однакожь, должна же быть какая-нибудь причина, продолжала она меня допытывать: давеча, помните, вы думали о нашей будущности, представляли ея въ какомъ-то

чорномъ видѣ, я едва могла развлечь васъ; теперь вы, вѣрно, думаете о чемъ-нибудь другомъ... не все же объ одномъ думать? Отчего-же вы не хотите сказать мнѣ?.. Стало-быть, я не достойна вашей откровенности?

— Вы недостойны?.. почти закричалъ я, такъ мила была наивность этихъ словъ... въ томъ-то и бѣда, что я недостойна васъ, что не могу я сдѣлать васъ счастливою, во всемъ свѣтѣ у меня только и есть, что вы и вашъ паншья...

— Будто этого мало? Развѣ эти привязанности не могутъ вамъ замѣнить все, а богатство... неужели же только богатые счастливы? развѣ въ блескѣ, развѣ во вѣщности состоитъ счастье? И неужели же бѣдные — такъ обижены природою, что и въ сердечныхъ привязанностяхъ, во внутреннемъ довольствѣ они не могутъ найти вознагражденія?

— А развѣ можетъ быть для меня внутреннее довольство, если я сознаю, что не могу для васъ сдѣлать сотой доли того, что хотѣлъ бы?

Она пристально смотрѣла на меня, веселость ея мало-помалу уступила мѣсто задумчивости, на глазахъ навернулись слезы; мнѣ стало жаль ея: къ чему, въ-самомъ-дѣлѣ, смутилъ я эту наивную рѣзвость, зачѣмъ заставилъ прежде времени задуматься о томъ, что рано или поздно она узнаетъ, о чемъ еще будетъ грустить?...

— Будемте счастливы, сказала она: пока у насъ есть надежды; пока мы молоды, зачѣмъ тревожно вглядываться въ будущность?...

И она права, жаль только, что я не могу последовать ея совѣтамъ, меня все мучитъ какое-то предчувствіе, чѣмъ заслужилъ я это счастье, чѣмъ все это кончится.... а вѣдь должно же чѣмъ-нибудь кончиться?...

Извини меня, другъ мой, что въ письмахъ къ тебѣ я совершенно забываюсь. Я, какъ-будто въ дневникъ вписываю сюда все, что меня волнуетъ, все, что чувствую я, все, чѣмъ живу.... Но вѣдь ты меня любишь, мнѣ не хочется въ этомъ разочароваться. Напиши мнѣ, что бы ты сдѣлалъ въ моемъ положеніи.

Другъ твой А.

III.

Мѣсяцъ спустя..

Отъ того же къ тому же.

Ты мнѣ все пишешь одно и то же: нужно трудиться, не идеализировать свое положеніе: тутъ и думать нечего, счастье рѣдко, его не нужно упускать изъ вида.... Право, если бы письма эти были не отъ тебя, я бросилъ бы ихъ недочитанными.

А затруднительность моего положенія все увеличивается. На-дняхъ въ Керезново пріѣхалъ новый помѣщикъ, дряхлый, больной, лѣтъ 50-ти старичокъ. Появленіе этого лица имѣетъ таинственную связь съ моимъ счастьемъ: отъ него зависитъ оставить Пальницкихъ въ этомъ помѣстьѣ или описать его за долгъ.... если предположить, что все кончится благополучно, что старикъ вспомнитъ близкія отношенія Пальницкаго съ своимъ братомъ, и оставитъ его здѣсь....

Раза три я разговаривалъ съ этимъ N. Тебѣ покажется страшнымъ, что 50-лѣтній старикъ едва только получаетъ наследство и вступаетъ во владѣніе, но все это очень просто объясняется.

Въ молодости своей онъ поступилъ какъ-то противъ воли матери, послѣ смерти которой наследство, вмѣсто того, чтобы перейти къ нему, какъ къ старшему, по завѣщанію поступило къ младшему брату. Теперь и этотъ померъ, и не имѣя ни дѣтей, ни родственниковъ, передалъ имѣніе брату. Онъ должно быть, добрый человекъ и много испыталъ въ своей жизни. Онъ нѣсколько странно смотритъ; вообще, какъ-то подозрителенъ, но 50 лѣтъ опыта и неприятностей должны имѣть вліяніе на человека.

Пальницкій рассказывалъ мнѣ, что Леонтьевъ согласился самъ ждать денегъ сколько угодно времени: это очень бла-

городно съ его стороны. Я былъ такъ радъ, когда это услышалъ, потому-что тебѣ извѣстно мое участіе ко всему, что соприкасается этимъ прекраснымъ людямъ. Я говорилъ Звнчкѣ, что она никогда не должна забывать этого благодѣянія, что, по обязанности дочери, она должна всѣми силами стараться угождать Леонтьеву; онъ часто бываетъ задумчивъ — она должна развеселять его, лелѣять его старость, какъ друга отца.

Съ каждымъ днемъ я замѣчаю въ этой чудной дѣвушкѣ вліяніе моихъ совѣтовъ. Она уже не бываетъ такъ просто-душно-весела, какъ прежде; но за то какъ впечатлительна, какъ воспримчива сдѣлалась она ко всему прекрасному. Она отъ всей души полюбила Леонтьева за его доброе дѣло, хотя первое ея впечатлѣніе было не въ его пользу; но она такъ успѣла побѣдить это непріязненное чувство, такъ нѣжно привязалась къ этому человѣку, что истинно удивляешься этой дѣвушкѣ!... Кажется, старикъ молодѣетъ отъ одного ея присутствія...

И неужели не достанется мнѣ это сокровище! Неужели никогда будущность моя не будетъ такъ обезпечена, что я безъ угрызений совѣсти получу ея руку? Только на этомъ условіи отецъ соглашается отдать мнѣ ее, и я самъ иначе не смѣю объ этомъ думать. Это было бы подло, недостойно благороднаго человѣка. Все это я нѣсколько разъ говорилъ ей; говорилъ что намъ, можетъ-быть, должно будетъ разстаться, что я принялъ твердое намѣреніе трудиться. Но одна мысль о разлукѣ вызывала на глаза ея слезы.

Нѣтъ, ты положительный, дѣльный человѣкъ, не можешь постигнуть всю цѣну этой дѣвушки, не можешь постигнуть все, что происходитъ въ моемъ сердцѣ... я боюсь умереть, потому-что я столько прожилъ въ это короткое время, сколько въ 50 лѣтъ немногіе проживаютъ.

Для тѣхъ, кого любить, эта рѣдкая дѣвушка готова на всякую дружбу, и я могу гордиться, что развилъ этотъ прекрасный, благородный характеръ совѣтами, которые вошли въ ней самую плодотворную почву. Понинѣ я сознаю свое ничтожество передъ нею, но мнѣ отрадно видѣть ея превосходствѣ....

Леонтьевъ все чаще и чаще у нихъ бываетъ, и такъ сра-

нились съ Пальницкимъ, будто вѣкъ они жили вмѣстѣ. По цѣлымъ днямъ они играютъ въ шашки; иногда мы составляемъ для нихъ партію въ преферансъ, вечеромъ собираемся вмѣстѣ. Леонтьевъ если въ духѣ (что бываетъ довольно рѣдко) рассказываетъ, что видѣлъ въ жизни въ свои 50 лѣтъ; иногда очень неловко любезничаетъ съ Зиночкой, но она такъ деликатна и такъ добра, что не показываетъ даже вида, какъ ей это смѣшно; она боится оскорбить сѣдины, быть неблагодарною. До свиданія, другъ мой. Не примешь ли мнѣ мѣстечка, сообразнаго съ моими способностями?

Другъ твой Карамельковъ.

ПИСЬМО IV.

Отъ Зинаиды Павловны Пальницкой къ подругѣ.

Последнее письмо мое, другъ мой, дышало радостью, и теперь обстоятельства повидимому не такъ много измѣнились, но я уже не могу быть такъ весела, какъ прежде. Александръ любитъ меня попрежнему, дѣла папеньки нѣсколько поправляются, но какое-то непобѣдимое предчувствіе терзаетъ меня. Задумчивость Александра со дня на день увеличивается; по цѣлымъ днямъ онъ груститъ, рѣдко, рѣдко вымолвить слово, и то полное грусти. Онъ такъ много меня любитъ, такъ страшится будущности, что похуль въ это время, какъ будто пролежалъ въ лихорадкѣ полгода. Какъ же не любить мнѣ этого благороднаго человѣка? Съ каждымъ днемъ, не-смотря на грустное его расположеніе, я люблю его сильнѣе и сильнѣе, потому-что съ каждымъ днемъ открываю новыя красоты его прекрасной души. Нѣтъ жертвы, на которую онъ не былъ бы способенъ! Старикъ Леонтьевъ согласился ждать неопредѣлен-

ное время деньги отъ папа, и Александръ полюбилъ его какъ роднаго, не говорить объ немъ иначе, какъ съ восторгомъ; если бы ты слышала, какъ говорить онъ! Онъ заставилъ меня полюбить этаго старика, хотя сначала онъ не очень мнѣ понравился. Теперь впрочемъ я сама вижу, что ошибалась, и что по наружности никакъ нельзя судить о человѣкѣ. Онъ такъ добръ, такъ предупредителенъ къ малѣйшему желанію, что даже какъ-то неловко, видя его постоянную заботливость, кромѣ-того, сознавать себя слишкомъ ему обязаннымъ,...

Папа боленъ, другъ мой, и очень боленъ. Если бы не было съ нами Леонтьева, мы бы не знали, что и дѣлать. Боже мой, какъ это ужасно! Намъ такъ хорошо было всѣмъ четвернымъ; правда, Александръ былъ всегда задумчивъ, во это не мѣшало намъ наслаждаться спокойствіемъ; такъ уютно было въ нашемъ маленькомъ уголкѣ, такъ мирно проходило время, и—вдругъ неожиданный ударъ!.. Неужели никогда не можетъ быть полного счастья? Едва разсѣялась одна туча, едва просвѣтлѣлъ нашъ тѣсный горизонтъ, показалась другая, мрачная, грозящая страшнымъ разрушеніемъ туча!...

Другъ мой, если бы ты знала, какъ мнѣ грустно.... Я не могу выразить эту гнетущую тоску, которая, съ каждымъ днемъ все скопляясь, томить, сжимаетъ мое бѣдное сердце. Какимъ благороднымъ человѣкомъ выказывалъ себя Леонтьевъ! Болѣзнь такъ неожиданно поразила папеньку.... во всемъ домѣ у насъ не было денегъ, у Александра то же.... Леонтьевъ далъ намъ денегъ, послалъ за докторомъ въ П—овъ, самъ и теперь просиживаетъ цѣлые часы у больнаго, а онъ самъ очень слабъ, и никакія просьбы щадить свое здоровье не могутъ заставить его отойти отъ больнаго. Другъ мой, какъ мнѣ грустно. Александръ теперь не похожъ на самага себя. Нѣсколько дней онъ не приходилъ къ намъ, потомъ былъ мраченъ, по цѣлымъ часамъ не говорилъ ни слова, наконецъ вчера случайно разговорился со мною....

Долго мы разговаривали, и этотъ вечеръ произвелъ на меня грустное, тяжелое впечатлѣніе. Александръ говорилъ что онъ уронилъ себя въ своемъ собственномъ мѣшкѣ, что

онъ поступилъ какъ лѣнтяй, какъ человѣкъ ни къ чему не способный, какъ егонистъ....

— Что съ вами? спросила я его, отчего вы такъ стараетесь чернить себя?

— Какъ, Зиночка? отвѣчалъ онъ. Неужели вы можете оправдывать человѣка, который, видя ваше бѣдственное положеніе, сидитъ, сложа руки, который, надѣясь скоро вступить въ ваше семейство, допускаетъ посторонняго человѣка оказывать вамъ помощь, который только на словахъ трудится, а на дѣлѣ мечтаетъ?...

— Но, замѣтила ему я: кому-же мѣшаютъ ваши мечты? притомъ же онѣ такъ чисты; въ нихъ уже видна надежда, что вы будете трудиться, вы еще такъ молоды....

— Это вы говорите, Зиночка, отвѣчалъ онъ. Вы это говорите потому, что меня любите и заблуждаетесь. Но при всемъ моемъ егонизмѣ, который я прежде презиралъ, и который, къ сожалѣнію, нахожу теперь въ себѣ сильно развитымъ, при всемъ этомъ пошломъ, мелочномъ егонизмѣ, я еще не столько слѣпъ, чтобы не видѣть всю нелѣпость своего положенія. Вашъ отецъ, вашъ отецъ, Зиночка, мой другъ, единственный человѣкъ послѣ васъ, который меня любитъ, — вашъ отецъ страдаетъ, мучится... и я хладнокровно смотрю на это! Полноте, полноте, Зиночка. Я вижу вы меня слишкомъ много любите, я благодарю васъ за это, но моя совѣсть запрещаетъ мнѣ признавать ваши слова справедливыми.

Боже мой, что это за человѣкъ! Даже въ разказахъ я не встрѣчала подобнаго. Прежде его, понятія о благородствѣ и чести казались мнѣ немножко рыцарскими, но теперь я сама вижу, что онъ такъ хорошо понимаетъ истинное благородство, такъ настойчиво слѣдуетъ внушеніямъ своей совѣсти, какъ не всѣмъ это удается....

Прощай, другъ мой, 12 часовъ, пора подавать папенокъ лекарство. Помолись, Наташа, за твою бѣдную подругу. Ахъ, если-бы сбылись мои мечты, если-бы разсѣялись опасенія!

ПИСЬМО V.

Отъ Александра Викентьевича Карамелькова къ Григорію Ивановичу Груздеву.

Я къ тебѣ долго не писалъ, добрѣйшій другъ мой, Гриша, потому-что не до того мнѣ было во все это время; потому-что я обдумывалъ важный шагъ въ моей жизни, и теперь безвозвратно перешагнулъ за магическую черту, которая такъ привлекательно манила меня къ себѣ.

Да, единственный другъ мой, рѣшителемъ былъ шагъ, сдѣланный мною; какъ слѣпецъ, прикованный къ одному мѣсту, долго стоялъ я, и наконецъ, прозрѣлъ не для радужныхъ картинъ счастья, а для грустной, одинокой, скитальческой жизни, чтобы видѣть и осязать свое ничтожество, свои душевныя раны, до-этихъ-поръ покрытыя пеленой эгоизма и самообольщенія.

Одно, что утѣшаетъ меня—это то, что только теперь постигнулъ я святую истину: душевное спокойствіе находимъ мы исполняя свои обязанности, дѣйствуя какъ велитъ намъ наша совѣсть. Только это поддерживаетъ меня, внушаетъ мнѣ бодрость, энергію—я поступилъ какъ благородный человѣкъ, какъ внушила мнѣ совѣсть. И пусть велика съ моей стороны жертва, пусть, не постигнувъ всю великость моего самоотверженія, назовутъ меня сумасброднымъ мечтателемъ, пусть мое сердце теперь померло для любви и сочувствія—я исполнилъ свой долгъ, я поступилъ какъ благородный человѣкъ, какъ внушила мнѣ совѣсть.

Разкажу тебѣ все, какъ было. Ты провинцателемъ; волею наружнымъ спокойствіемъ моего письма ты увидишь слезы, которые уже не выступаютъ у меня изъ глазъ. Много нужно было проработать мнѣ, чтобы дойти до этого холоднаго безстрастія; но я переломилъ свою упрямую натуру, нечеловѣческихъ усилій стоило мнѣ это!—я достигъ своей цѣли—я спокоенъ.

Зиночка болѣе не принадлежитъ мнѣ, и никогда мнѣ не будетъ принадлежать! Но она будетъ счастлива... Богъ благословитъ ее, какъ благословилъ ее я, принося эту страшную жертву для ея счастья, въ благодарность памяти ея отца, въ благодарность этому рѣдкому человѣку, Леонтьеву, который въ 50 лѣтъ сохранилъ весь пылъ, все благородное увлеченіе юноши...

Пальницкій былъ при смерти боленъ. Грустно было смотрѣть мнѣ на потухающую жизнь, но только слезами я могъ помочь ему. Явился Леонтьевъ: онъ простилъ Пальницкому долгъ, онъ одолжилъ ему денегъ, онъ прислалъ ему извѣстнаго доктора, онъ дни и ночи проводилъ у его постели... И въ то время, какъ я, въ празднои безвыходной тоскѣ томилъ живое существо, изнуривъ мою бѣдную Зиночку, Леонтьевъ возбуждалъ къ жизни ослабѣвающія силы старика своею дѣятельностью, своимъ умомъ, своими деньгами. Какъ высоко поднялся въ моихъ глазахъ этотъ человѣкъ, и какъ низко опустился я передъ нимъ. Я долго думалъ объ этомъ, сравнивалъ себя съ нимъ, и все ниже и ниже спускалъ себя въ своемъ мнѣніи. Я говорилъ объ этомъ Зиночкѣ, но она заблуждалась, она защищала меня. Старикъ все становилось хуже и хуже. Наконецъ, въ одинъ грустный вечеръ, ему какъ будто стало легче. Его вынесли въ садъ. Заходило солнце. Было такъ тихо, такъ прозрачно въ природѣ, что мнѣ слышалось замираніе жизни, что мнѣ чудился ангель смерти, зовущій въ свои объятія чистую душу старика. Не пролетитъ птица, не шелохнетъ листокъ. Старикъ сидѣлъ, погруженный въ послѣднюю, земную душу. Мы всѣ трое сидѣли около. Я какъ-то неловко себя чувствовалъ, мнѣ было стыдно смотрѣть ему въ глаза. Вопросъ, могу ли я сдѣлать Зиночку счастливою, вертѣлся у меня въ головѣ; нравственное превосходство Леонтьева заставляло собою образъ Зиночки; я хотѣлъ открыться старикъ, что я недостойнъ его дочери, что едва-ли я способенъ трудиться, и не смѣлъ, слова замирали у меня на губахъ... нѣсколько разъ въ лихорадочномъ жару я хотѣлъ подняться съ мѣста, и не могъ. Не знаю, сколько времени провелъ я въ этомъ болѣзненномъ состояніи, помню только, что я очнулся отъ какаго-то смутнаго гула. Въ саду уже никого

не было. Безотчетно пошелъ я въ спальню старика, меня встрѣтила Зиночка:

— Ради Бога, тише, сказала она, прижимая влажный платокъ къ раскраснѣвшимся глазкамъ... Боже мой, что съ нами будетъ!

Старикъ кончался. Когда я вошелъ въ комнату, онъ смутно поглядывалъ во все стороны, и устремивъ тусклые глаза на Леонтьева, протянулъ ему руку, которая трепетала отъ избытка благодарности.

— Я умираю, сказалъ онъ тихимъ, едва внятнымъ голосомъ: только молитвами могу я отблагодарить васъ, мои дѣти... онъ положилъ на наши головы руки... мои дѣти, будутъ вѣчно... Зиночка, Саша....

Назвавъ меня, онъ выразительно посмотрѣлъ на меня, хотѣлъ что-то сказать, долго собирался и наконецъ сказалъ:

— Помни... ты обѣщала...

Больше ничего онъ не могъ выговорить, и уснулъ навсегда такъ-же тихо, спокойно, какъ провелъ свою безукорыненную жизнь.

Я оставилъ Зиночку безъ чувствъ на рукахъ Леонтьева: онъ благороднѣе меня, онъ способнѣе и достойнѣе меня утѣшать бѣдную дѣвушку, подумалъ я; мнѣ было не до того, я не могъ смотрѣть на нее, ноги мои тряслись, я весь дрожалъ, прибѣжалъ домой, какъ сумашедшій, и погрузился въ мрачныя, безотрадныя думы....

Ты можешь себѣ представить, какъ провелъ я эту ночь. Я плакалъ, другъ мой, плакалъ, какъ дитя, какъ сирота, лишившійся послѣдней опоры, послѣдней надежды въ жизни... Истинная горестъ не требуетъ даже нецритворнаго участія, даже сочувствія. Можетъ-быть, я поступилъ какъ егонецъ, можетъ-быть, я бы долженъ былъ остаться, утѣнить Зиночку—но я не могъ, видъ ея горести убилъ бы меня... Я плакалъ... никто не могъ видѣть моихъ слезъ... Образъ умирающаго старика былъ передо мною. Его восковое, подернутое прозрачностью смерти лицо, тяжелый безжизненный взглядъ, блѣдныя губы, казалось, были обращены на меня... И тоскливо болѣзненно раздавались въ ушахъ

монхъ эти слова: «помни—ты обѣщаль», и безотрадная перспектива моей будущности встала передо мною живымъ обвиненіемъ. Я никакъ не могъ ни о чемъ думать: въ шумѣ вѣтра, врывавшемся въ мое окошко, въ шелестѣ листьевъ, въ жужжаніи насѣкомыхъ, во всемъ слышались мнѣ послѣднія слова умирающаго. Безъ мысли сидѣлъ я передъ фантастическимъ образомъ покойника, самъ блѣдный, какъ покойникъ, и только капли слезъ, блестящія на щекахъ, свидѣтельствовали, что я живъ...

Все тяжеле становилось мое дыханіе, мнѣ было душно... но будто прикованный, я не могъ встать съ мѣста, и задремалъ прерывисто...

Я дремалъ не болѣе двухъ часовъ. Разсвѣтало. Дождя уже не было, и обновленная природа во всей свѣжести утра на нѣсколько минутъ привлекла мое вниманіе. Солнечный лучъ, весело врываясь въ мою комнату, скользилъ по стекламъ, голубое прозрачное небо, казалось, радовалось, освобождаясь отъ мглы, и чудно гармонировало съ свѣжею, еще мокрою зеленью поствоевъ. Но хладнокровно смотрѣлъ я на все это. Мнѣ казалось, что и солнце меня болѣе не грѣетъ, вмѣсто голубаго неба, я видѣлъ огромную черную тучу, и мысли еще безотраднѣе, еще чернѣе, наполнили мой блѣдный умъ.... Покойникъ Пальницкій, Зиночка и Леонтьевъ ежеминутно меня укоряли, не отходили отъ меня....

Мало-по-малу однакожь, природа взяла свое, чудное ея спокойствіе нѣсколько утишило волненія моей души, и я предался болѣе правильнымъ мыслямъ.

— Зиночка теперь одна.... одна во всемъ свѣтѣ, думалъ я:—на меня возложена святая обязанность устроить ея счастье, на меня, а я не въ состояніи даже обезпечить свое положеніе! Но какъ-бы ни было, я обязанъ устроить ея будущность. Леонтьевъ любитъ ее, хотя и скрываетъ это, не смѣетъ обнародовать своихъ чувствъ, не смѣетъ искать ея сочувствія.... Но онъ благороднѣе меня.... Зиночка будетъ счастливѣе съ нимъ, чѣмъ съ блѣднымъ мечтателемъ. Она скоро разгадаетъ, что мечты—моя жизнь, и что моя жизнь—не болѣе какъ мечты. Притомъ-же ей нужно устроить свои дѣла по имѣнію, а я едва-ли съумѣю за это взяться; на-

конецъ, самый уголокъ, гдѣ живетъ она, не принадлежитъ ей, и малѣйшая непріятность можетъ лишить ея послѣдняго убѣжища. Леонтьевъ благороденъ, онъ не рѣшится на это... но тѣмъ болѣе должны мы быть признательны; за жертву должны платить жертвою, и чѣмъ возвышеннѣе будетъ жертва, тѣмъ честиѣ выплатимъ мы свой долгъ.

Такъ говорилъ мнѣ разсудокъ, а бѣдное сердце обливалось кровавыми слезами.... Я вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ, я рѣшилъ, что Зиночка должна принадлежать Леонтьеву, и что-то родное оторвалось отъ моего сердца....

Я отправился къ Пальничкинымъ. Тамъ все было по старому, только замѣтна была та торжественность, которую производитъ присутствіе смерти. Покойникъ лежалъ еще на столѣ, Зиночка молилась.... Леонтьевъ толковалъ съ гробовщикомъ изъ губернскаго города. Я боялся взглянуть на мертваго, боялся нарушить молитву Зиночки, и вышелъ изъ комнаты.

Пальничкаго похоронили. Дня черезъ два я увидѣлъ Зиночку въ саду; она рвала цвѣты.

— Отчего васъ такъ давно не видно? спросила она.

— Я боленъ, Зиночка—отвѣчалъ я.

Она вздохнула.

— Стало-быть, вы не пойдете со мною на могилу?

— Нѣтъ, отчего-же; это не очень далеко, а мнѣ необходимо воздохъ.

— Это вы рвете тѣ самые цвѣты, сказалъ я:—которыми прежде такъ восхищались....

— И я была права, когда говорила, что имъ не суждено долго цвѣсть. Судьбѣ остается только оправдать мое сраженіе.... оно ужъ почти оправдано, взгляните, какъ я перемѣнилась.

И въ-самомъ-дѣлѣ, узнать нельзя было мою Зиночку. Она была страшно блѣдна, щеки ея осунулись, линіи губъ были едва замѣтны, милые черные глаза блестя, очаровательно отбѣня прозрачную бѣлизну лица, за которой, кажется, сквозила ея душа.

— Не говорите объ этомъ — отвѣчалъ я, задерживая рыданіе:—вы для могилы это рвете? Какъ далеки были отъ

вась мысль и назначеніе этихъ цвѣтовъ, когда вы ихъ сажали....

— Смерть всегда близка, когда о ней не думаютъ....

Мнѣ тяжело было продолжать этотъ разговоръ, — я замолчалъ.

У могилы отца она молилась, я ходилъ взадъ и впередъ, и ждалъ ее. Часу въ первомъ мы возвратились домой. Леонтьевъ былъ уже тамъ; на окнѣ стояли два букета розъ...

Онъ ходилъ по комнатѣ съ довольнымъ видомъ.

— Это опять вы купили; вы меня балуете, сказала Зиночка.

— Ничего-съ, отвѣчалъ онъ: — папенькѣ пріятно будетъ въ могилѣ....

— Чѣмъ мнѣ благодарить васъ, сказала Зиночка: — вы такъ много для меня дѣлаете.... все, что у меня есть — ваше.... Чѣмъ мнѣ благодарить васъ?

— Дайте мнѣ поцаловать вашу руку.

Зиночка посмотрѣла на меня; я отвернулся. Добрый старикъ поцаловалъ ея руку. Онъ ее любитъ болѣе, чѣмъ я, онъ все для нея дѣлаетъ.

— Какъ любить васъ Леонтьевъ, сказалъ я ей:—когда вы остались одни.

— Больше, чѣмъ вы, отвѣчала она.

Я не замѣтилъ, что она шутить, и привязался было къ словамъ, началъ доказывать, что именно больше, что онъ ее дѣлаетъ, что у него есть деньги, а у меня только мечты.

Я говорилъ страшно-глупо, не замѣчая, что слова мои корбляютъ ее, что она можетъ подумать, что, по моему мнѣнію, она дорожитъ «выгодною партією». Это такъ и случилось. Она ничего не отвѣчала; но было видно, что глубины души она была оскорблена, и молча пошла въ свою комнату.

Только тогда спохватился я, что глупо говорилъ. Мнѣ стало и грустно и досадно. Я пошелъ за нею, и отворилъ дверь въ ея комнату, увидѣлъ ее въ слезахъ, на колѣняхъ передъ образомъ....

Это дало мнѣ сильный толчокъ. Нужно кончить, сказалъ я самому себѣ; довольно намъ мучиться и терзаться. Я пришелъ домой и тотчасъ же написалъ ей письмо.

«Последнія слова мои оскорбили васъ, писалъ я:—но вы знаете, что я неспособенъ оскорблять съ намереніемъ. Простите больному мечтателю эти слова; тѣмъ болѣе, что я долженъ съ вами разстаться....»

«Да, Зиночка, вы должны остаться здѣсь, гдѣ съ каждымъ цвѣткомъ, съ каждымъ кресломъ соединено для васъ священное воспоминаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ вы должны быть признательны къ человѣку, который все это оставляетъ вамъ.... Тяжело мнѣ писать объ этомъ....»

«Вспомните слова отца: «Только молитвами вашими могу я отблагодарить васъ, но мои дѣти... будутъ вѣчны.» Помните это—и ваша совѣсть укажетъ вамъ, что вы должны дѣлать....»

Тяжело мнѣ, другъ мой, переписывать эти строки, будить заснувшее страданіе.... Такъ начиналось письмо, и продолжалось все въ этомъ же духѣ. Послѣ того я не видалъ Зиночку. Я ѣду въ Петербургъ. Можетъ-быть, дѣятельность и развлеченіе шумнаго города убаюкають мое страданіе.

.

Передъ авторомъ лежитъ до половины прочитанное письмо старика Леонтьева къ какому-то степному приятелю. Не отказываясь отъ своихъ убѣжденій, что въ откровенныхъ дружескихъ письмахъ рельефнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь выставляется весь характеръ человѣка, мы должны однако по поводу этого письма сдѣлать кое-какія замѣчанія. Невозможно, чтобы письмо человѣка, 50 лѣтъ блуждающаго по разнымъ извилинамъ жизненнаго пути, сохранило то юное

ское, благородное увлеченіе, которымъ дышетъ письмо молодого человѣка. Невозможно также по этимъ письмамъ заключать и о характерѣ старика, потому, что для нѣкоторыхъ людей высшее достоинство опытности именно состоитъ въ томъ, чтобы, обладая вполне эгоистическими наклонностями, такъ искусно отречься для другихъ отъ своей личности, какова-бы она тамъ ни была, что говорить о себѣ, какъ о совершенно постороннемъ человѣкѣ, а о совершенно постороннемъ человѣкѣ, съ прекрасными свойствами, говорить какъ о себѣ. Стало-быть, письма старика Леонтьева, имѣя общій психологическій интересъ, никоимъ образомъ не объясняютъ нашей повѣсти, потому-что въ письмахъ своихъ, какъ и въ письмахъ Карамелькова, Леонтьевъ является вовсе не въ своемъ видѣ. Наконецъ, въ извѣстномъ возрастѣ и при извѣстныхъ условіяхъ, письма бываютъ написаны такъ неразборчиво, смазаны такими непонятными титлами, написаны такимъ заманчивымъ слогомъ и наконецъ преисполнены несмѣтнымъ количествомъ орфографическихъ ошибокъ, что авторъ надѣется болѣе выиграть во мнѣніи читателя, если не позволитъ этому письму выйти на свѣтъ Божій. Въмѣсто письма, предлагаемъ читателямъ взглянуть въ домашній бытъ Леонтьева.

Читатель очень легко догадается, что, приѣхавъ въ нѣсколько раззоренную деревню, Леонтьевъ возмѣлъ прекрасное намѣреніе поправить дѣла свои и произвести нѣкоторыя улучшения въ хозяйственномъ быту. Это очень ясно относится къ нашему разсказу. Онъ вспомнилъ также о Пальничкомъ и его домѣ, и въ одно прекрасное утро, надѣвъ темно-коричневый съ золотыми пуговицами фракъ, расчесавъ ароматныя сѣдины, отправился къ сосѣду съ визитомъ.

Дѣло было часу въ 12-мъ. Сосѣдъ былъ уже боленъ и Леонтьева, какъ пужнаго человѣка, пригласили въ спальную. Пальничкій лежалъ на кровати, онъ былъ блѣденъ, растроенъ. Грустными глазами взглянулъ онъ на Леонтьева. Это не помѣшало Сидору Леонтьевичу очень любезно раскланяться, зашутить вслухъ, что у Зиночки прекрасныя глазки, и завести разговоръ о первомъ попавшемся предметѣ. Старикъ мало и не

ловко отвѣчать на его вопросы, какъ человекъ, занятый результатомъ свиданія. Мало-по-малу и любезность Леонтьева уступила мѣсто какому-то тягостному чувству. Старикъ раза два намекнулъ о своей бѣдности. Леонтьевъ показалъ видъ, будто не понимаетъ въ чемъ дѣло; наконецъ Пальницкій ясно сказалъ ему, что у него нѣтъ денегъ, чтобы заплатить ему долгъ, что ему даже нечѣмъ жить; тогда Леонтьевъ взялъ его исхудалую руку, и крѣпко пожавъ ее, сказалъ:

— Полноте, сосѣдушка, намъ-то ужъ съ вами Богъ не велѣлъ ссориться; да и вы еще больны; ехъ, батинья, ну, были-бы деньги, такъ и отдали бы, а на нѣтъ и суда нѣтъ....

И онъ засмѣялся истерически-вынужденнымъ смѣхомъ.

— Видитъ Богъ, Сидоръ Леонтьевичъ, что, можетъ-быть, мысль, что я не въ состояніи вамъ отдать долгъ, убиваетъ меня...

— Да вѣдь я-же сказалъ вамъ... ехъ, да охота же убивать себя! Ахъ, Боже мой, что!... вдругъ отрывисто произнесъ онъ, и замахалъ рукою, будто отгонялъ отъ себя навязчиваго комара.

Пальницкій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него; черезъ нѣсколько секундъ Леонтьевъ продолжалъ:

— Вы еще больны, да и мнѣ что-то не здоровится; объ дѣлахъ потолкуемъ послѣ... времени-то еще впереди много.

Разговоръ перешелъ къ другимъ предметамъ; но какъ-то не клеился, былъ вялъ; видно было, что каждый изъ разговаривавшихъ занятъ былъ своими мыслями, и говоря объ одномъ, думалъ о постороннемъ, и отвѣчалъ не впопадъ. Разъ два Зиночка садилась за фортепіано, и грустные мелодическіе звуки заставляли обоихъ стариковъ задумываться. Было что-то чудное въ этой молодой дѣвушкѣ, руководившей чувствами двухъ стариковъ. Долго они сидѣли молча, подъ какимъ-то неотразимымъ вліяніемъ; наконецъ Леонтьевъ всталъ, взялся за шляпу, и собрался идти.

— Будьте покойны, сказалъ онъ уходя: объ этомъ нечего думать, нечего и разстроивать себя; а вы бы паненку утѣшали, не давали бы ему о пустякахъ беспокоиться.... да

къ намъ милости просимъ... мы вѣдь сосѣди... прощайте, любезнѣйшій Федоръ Николаевичъ; такъ-вотъ и не беспокойтесь о пустякахъ... прощайте, голова что-то болитъ....

Онъ ушелъ.

— Добрый человекъ, сказалъ Пальницкій Зиночкѣ.

Что-то неприятное было въ физиономіи Леонтьева для молодого, руководствующагося симпатіей и тайнымъ инстинктомъ, взгляда; но онъ оказалъ услугу отцу, и Зиночка согласилась съ Пальницкимъ; такъ воспримчиво и такъ вѣрно наблюдательно сердце дѣвушки!

Въ какомъ-то неестественномъ расположеніи духа пришелъ Леонтьевъ домой. Цѣль его визита была вовсе не та. Онъ хотѣлъ безъ церемоній вытребовать у Пальницкаго долгъ и по какому-то странному противорѣчію, почти отказался отъ долга. Чтобы понять это противорѣчіе, должно коротко познакомиться съ нашимъ старикомъ.

Биографія Леонтьева очень обыкновенна, и потому обстоятельства, развившія этотъ мнительный, эгоистическій и скрытный характеръ совпадаютъ съ невыразимо-грустными обстоятельствами тысячи подобныхъ отрицательныхъ развитій. Въ молодости Леонтьева ничего не было такого, что могло бы вызвать отрадное воспоминаніе. Привыкнувъ съ малолѣтства къ семейнымъ непріятностямъ, Леонтьевъ почти никогда не видалъ ни чьей ласки.

Мать его была властолюбивая женщина, и мелочною женскою тираниею терзала своего мужа за то, что родители ея ошиблись въ его богатствахъ. Онъ не былъ бѣденъ, но его состоянія не хватало на удовлетвореніе однихъ счетовъ изъ моднаго магазина, которые такъ щедро подписывала м-те Леонтьева. Покоряясь гнетущему вліянію жены, Леонтьевъ сосредоточился въ самомъ себѣ, и не выказывалъ ласки даже къ дѣтямъ своимъ, потому-что старшаго, Сидора, не любила жена, а меньшой, какъ любимецъ

матери, господствовавшей въ домѣ, былъ страшный баловень. По этому Сидоръ не могъ ни видѣть, ни понять любви своего отца, даже какъ-то чуждался, когда отецъ въ грустныя минуты хотѣлъ приласкать его. Однимъ словомъ, это былъ запуганный, большой ребенокъ. Въ корпусѣ, гдѣ онъ не кончилъ курса, и за болѣзнію былъ вынужденъ въ гражданскую службу, окончательно развила этотъ мнительный характеръ. Товарищи его не любили за его суровость и скрытность, учился онъ плохо, и никогда не могъ снискать расположенія начальниковъ. Самымъ счастливымъ днемъ былъ для него день выпуска изъ корпуса; но и тутъ не обошлось безъ непріятностей. Мать хотѣла непременно видѣть сына военнымъ и еще болѣе отдалилась отъ него за виц-мундиръ и перо. «Ah! Mon Dieu! ça ne va pas! У княгини Маріи Алексѣевны 6-ть сыновей и всѣ военные!» Рѣшили по исключенію опредѣлить сына юнкеромъ въ военную службу, въ тотъ самый полкъ, гдѣ младшій братъ былъ уже офицеромъ. Военная жизнь того времени нѣсколько ослабила первоначальное направленіе этого характера, и по мѣрѣ того, какъ привыкалъ онъ къ образу жизни товарищей, онъ измѣнялся, и наконецъ бросился въ противоположную крайность. Между-тѣмъ, какъ младшій братъ, привыкшій съ дѣтства къ независимости, благодаря своему ровному характеру, приобрѣлъ нѣкоторую самостоятельность, счастливо служилъ, и составилъ выгодную партію, Сидоръ Леонтьевичъ, по приѣздѣ въ полкъ, впервые почувствовалъ себя на свободѣ, и предался всѣмъ увлеченіямъ молодости. До отъѣзда донѣслись слухи о худомъ поведеніи сына, и тутъ въ первый разъ Леонтьевъ узналъ всю силу любви своего отца. Кроткіе выговоры его металивъ молодого человека обравумиться, онъ сдѣлался степеннѣе, напѣревался даже жениться, но мать не хотѣла этого и слышать. *C'est horrible*, кричала она, *elle est ravue! Mon Dieu, que je suis malheureuse!* Послѣдовала странная сцена, сопровождаемая снѣзками, истерикой. Леонтьевъ не вытерпѣлъ, въ первый разъ оказалось въ немъ чувство, не противорѣча, онъ удлился, затаивъ глубокое горе въ душѣ....

По перахнѣнію къ своимъ обязанностямъ, онъ былъ

исключенъ изъ службы. Наслѣдство послѣ отца, по внушенію матери, перешло къ младшему брату, и черезъ нѣсколько лѣтъ практическое воспитаніе принесло желанныя плоды.

Пятидесяти-лѣтній Леонтьевъ вышелъ изъ школы опыта нравственнымъ уродомъ, всегда способнымъ увлекаться добромъ и зломъ безъ различія; скрытность, эгоизмъ, селадонство и мнительность были ореоломъ, украшавшимъ его сѣдую голову. Все, что бродило въ молодомъ человѣкѣ, установилось въ 50-ти лѣтнемъ старикѣ, и не перемѣняя чувствъ къ младшему брату, Леонтьевъ успѣлъ смислать полное его расположеніе, сопряженное съ полученіемъ наследства.

Леонтьевъ пришелъ домой въ какомъ-то неестественномъ расположеніи духа. Видъ дряхлаго, большого старика, почти умирающаго возлѣ молодой, цвѣтущей здоровьемъ и жизнью дѣвушки, произвелъ на него странное впечатлѣніе. Невольно въ его памяти всталъ образъ отца, отца, который любилъ его, но не смѣлъ выказывать любви своей, который такъ кротко и любовно умолялъ его перемѣнить образъ жизни. Хотя ничего не было общаго между прежнею разгульною жизнью Леонтьева и нынѣшней спокойною его жизнью, но онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко; если бы довелось ему встать лицомъ къ лицу съ отцомъ своимъ, онъ бы и въ теперешней своей жизни нашелъ многое, за что могъ бы упрекнуть себя. Леонтьевъ былъ способенъ увлекаться. При видѣ Пальницкаго и при разговорѣ съ нимъ, подобныя размышленія тѣснились въ его головѣ. Онъ вспомнилъ свое положеніе за нѣсколько лѣтъ назадъ, нашелъ много общаго съ крѣпкими обстоятельствами Пальницкаго, вспомнилъ, что съ нимъ поступили великодушно и не давая себѣ отчета ни въ словахъ, ни въ намѣреніяхъ, успокоилъ Пальницкаго извѣстнымъ читателю образомъ.

Леонтьевъ задумчиво ходилъ по комнатѣ медленными и неровными шагами; въ отдаленіи отъ него стоялъ человекъ, ожидая приказаній.

— Что тебѣ нужно? спросилъ старикъ.

— Мнѣ послышалось, что вы изволите звать меня.

— Оставь меня въ покоѣ, я вовсе тебя не спрашивалъ.

Въ минуту человекъ не было въ комнатѣ, и Леонтьевъ опять остался одинъ съ грустными, мрачными мыслями.

— Въ 50 лѣтъ... какъ ребенокъ... и что за глупыя мысли, что за воспоминанія, потерять деньги.... деньги не щепки...

Послѣдній афоризмъ заставилъ Леонтьева призадуматься. Какъ большая часть людей, онъ дѣлалъ добро инстинктивно, и послѣ минуты увлеченія невольно сталъ изыскивать способы вознагражденія. Передъ нимъ встала отвратительно-грустная картина прошедшей его жизни. Не видалъ онъ ни любви, ни сочувствія. Только отецъ любилъ его своею сосредоточенною любовью. Въ 50 лѣтъ онъ былъ уже на краю могилы; съ братомъ онъ казался дружнымъ изъ интереса, первый призракъ любви быстро былъ стѣсненъ непріятностями, и не оставилъ по себѣ никакого воспоминанія. Леонтьевъ почувствовалъ, что и онъ въ состояніи любить. Ему казалось, что до-сихъ-поръ сердце его спало... Быстро, одна за другою стали развертываться передъ нимъ картины семейной жизни, молоденькая, хорошенькая женщина лелѣетъ его старость, онъ боленъ—его берегутъ, ходятъ за нимъ... Онъ здоровъ...

Сидоръ Леонтьевичъ зажмурилъ глаза отъ полноты блаженства. Результатомъ его размышленій было то, что если Зиночка не совсѣмъ выгодная партія, то, по-крайней-мѣрѣ, не пропадетъ его добро, его деньги, которыя безъ того, во всей вѣроятности, пропали бы.

Бѣдный Леонтьевъ! Онъ не зналъ, что источникъ любви, заключенный въ сердцѣ человекъ, если разливается встрѣчаетъ преграду, если не находитъ сочувствія—зсыхается; онъ не зналъ, что чувство—капиталъ мертвый, который растетъ только, если пустить его въ оборотъ, онъ не зналъ, что онъ потерялъ способность любить...

Или не приходило ему это на мысль; или идея супружества была—егоизмъ старика, котораго должно няичить, или деньги были его исключительнымъ двигателемъ?... Все это очень грустно, но грустнѣе всего то, что въ эту паутину впутано молодое, прекрасное созданіе!

Я ѣхалъ изъ Петербурга по дѣламъ службы въ узднй городъ N. Въ первый разъ оставлялъ я столицу, и вы можете себѣ представить, какое было составлено мною понятіе о провинціальныхъ городахъ, понятіе, исключительно построенное на авторитетѣ разныхъ повѣстей. Къ несчастью моему, когда въѣзжалъ я въ узднй городъ N., погода, какъ на зло, была самая скверная. Такимъ-образомъ, я разочаровался даже на счетъ климата. Небо было довольно мрачно; по немощнымъ улицамъ не было проѣзда.

Печально глядѣлъ я въ окно изъ единственнаго въ городѣ трактира, носившаго пышное названіе «Hôtel garni»; глядѣлъ — и ничего не видѣлъ. Впрочемъ ничего замѣчательнаго въ этой улицѣ и не было, хотя она и состояла въ аристократическомъ кварталѣ. Какъ разъ противъ моихъ оконъ часовой въ шинели ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ гауптвахты у присутственныхъ-мѣстъ. Какая-то счастливая чета застигнутая дождемъ, торопливо пробиралась лемомъ, чтобы согрѣться по русскому обычаю чаемъ. Мужъ въ камлотовой, подбитой шелкомъ шинели и въ круглой нѣмецкой шляпѣ, покрытой отъ дождя кожанымъ чехломъ, а жена въ отличномъ, самаго яркаго цвѣта, съ разводами, салопѣ, шли молча, занятые самыми печальными мыслями о неудачной прогулкѣ и испорченныхъ враздничныхъ нарядахъ. Какая-то странная фигура въ шляпѣ и шинели, не-смотря на лужи, бесѣдовала посреди улицы съ другимъ прихожимъ.

Все это имѣло на меня усыпительное вліяніе.

Я уже почти спалъ; какъ вдругъ вниманіе мое пробудилось отъ стука дрожечныхъ колесъ, кривлявшихся по грязи. Дрожки остановились у Hôtel garni, и изумленнымъ, обрадованнымъ глазамъ моимъ представилась высокая и спокойная физіономія Григорія Ивановича Груздева.

Онъ человекъ замѣчательный, и потому довольно трудно охарактеризовать его въ нѣсколькихъ чертахъ. Онъ много выстрадалъ въ жизни, и 35-ти лѣтъ вышелъ изъ житейской школы съ твердыми, прекрасными убѣжденіями, снисходительною терпимостью и умомъ, который рѣзко отличалъ его среди жителей уѣзднаго города N. Онъ зналъ меня, когда мнѣ было 10 лѣтъ, а ему 20, но не-смотря на это неравенство мы всегда были очень дружны.

Время прошло незамѣтно. Груздевъ упросилъ меня переѣхать къ нему жить; онъ пользовался, не-смотря на видимую оригинальность, уваженіемъ жителей города N. и жилъ очень хорошо.

Вечеромъ мы разговорились о N-скомъ обществѣ, и Груздевъ высказалъ много здравыхъ мыслей, которыя впрочемъ не относятся къ моему разсказу....

— Если хочешь, сказалъ онъ, я представлю тебя м-ше Леонтьевой. Такихъ дамъ и въ Петербургѣ наберется немало. Умна, мила, любезна, но къ несчастію слишкомъ много выстрадала въ свои 20 лѣтъ....

Любопытство меня подстрекнуло. Увидѣть въ провинціи женщину, такъ щедро надѣленную природою и такъ жестоко обиженную судьбою—это цѣлая пятая страница въ моемъ еще неначатомъ дневникѣ. Мы тотчасъ поѣхали. Воображеніе мое было слишкомъ подготовлено къ принятію грустныхъ впечатлѣній. Мы остановились у небольшого двухэтажнаго деревяннаго домика. Груздевъ позвонилъ. Намъ отворила старушка въ бѣломъ чепцѣ, накрахмаленномъ платьѣ—и съ приличною костюму физіономіею. Былъ часъ девятый вечера; За чайнымъ столомъ въ залѣ я увидѣлъ старика, совершенно-разбитаго параличемъ, въ теломъ ватномъ халатѣ и въ ермолкѣ. Выраженіе лица его неприятно меня поразило. Въ сѣрыхъ, налившихся, безжиз-

енныхъ глазахъ выражалась бессознательная, безмысленная подозрительность; клочки сѣдыхъ волосъ падали на лобъ, изсѣченный морщинами. Ноздри были запылены табакомъ, а съ синеватыхъ, сухихъ губъ не сходила глупая и вмѣстѣ съ тѣмъ злая усмѣшка....

Молодая женщина разливала чай. На нее было грустно взглянуть. На видъ ей казалось двадцать-пять лѣтъ, даже меньше, или бы въ каждой чертѣ ея не отражалось страданіе. Блѣзна ея кожи была необыкновенно-прозрачна, зачесанные назадъ волосы открывали умный лобъ, на которомъ рисовалась едва замѣтная морщина — цѣлая повѣсть грустнаго опыта и обманутой надежды. Большіе черные глаза выразительнѣе всего говорили о прошедшей ея жизни, и выражали больную, незамаскированную душу. Темные круги около глазъ оттеняли блѣлый, тонкій носъ; и сообразно выраженію всего лица, что-то таинственное, чудно гармонизировавшееся ея страданіемъ и неволью вызывавшее на грустные размышленія....

На дѣтскомъ высокомъ стульчикѣ сидѣлъ двухгодовой ребенокъ. Старушка, отворившая намъ, поспѣшно заняла свой обычный постъ за этимъ стуломъ.

Груздевъ отрекомендовалъ меня старику.

— Не знаю — былъ ли Леонтьевъ не въ духѣ, или онъ всегда былъ не очень радушенъ — только онъ довольно долго взглянулъ на меня.

— Въ наше время, медленно и сухо проговорилъ онъ, вы бы дѣлали по утрамъ.... Молодо, зелено.... или ужъ у васъ все по новому.... прошу садиться... и не обращая уже на меня никакого вниманія, тотчасъ же началъ дѣлать видъ, будто старушкѣ, зачѣмъ она отворяла дверь, когда на это гдѣ-то человѣкъ....

Молодая женщина привѣтливо мнѣ поклонилась. Груздевъ отрекомендовалъ меня; она слушала его со вниманіемъ, но казалось, была занята иными мыслями.

— Ребенокъ могъ обвариться.... упасть со стула.... и т. д., продолжалъ Леонтьевъ; — а вамъ бы все на уши... поглазѣть.... ребенокъ не мой.... это пріемышь,

сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—главное-то вѣдь въ томъ что обязанностей своихъ не исполняютъ, ухомъ никто и не ведеть. Ребенокъ не мой, продолжалъ онъ съ своею usualною улыбкой.... а говорятъ.... кто это Зиночка гонимый, что онъ похожъ на тебя?...

Зинаида Павловна грустно взглянула на меня....

— Другъ мой, сказала она заминаясь: — перестань... какъ тебѣ не стыдно....

— Не стыдно.... стыдиться тутъ нечего.... да и тебѣ что обижаться, я вѣдь шучу... да хоть бы и не шутилъ такъ лучше тебѣ отъ меня услышать что неприятное, чѣмъ отъ посторонняго.... мнѣ вѣдь ты всѣмъ обязана.... вѣдь она всѣмъ мнѣ обязана; вотъ и молодой человекъ скажетъ что нечѣмъ обижаться....

Груздевъ успѣшилъ переменить разговоръ. Онъ попросилъ позволенія закурить папироску. Старикъ кивнулъ головой; мы закурили.

— Я привезъ къ вамъ гостя прямо изъ Петербурга, сказалъ онъ:—я почелъ долгомъ познакомить его въ вашемъ домѣ; онъ никого не имѣетъ знакомыхъ....

— Изъ Петербурга, бормоталъ старикъ:—это видно, что изъ Петербурга.... ну, да что-жъ вы чай-то не пьете.... ахъ Господи! Ей вѣдь и дѣла нѣтъ, что гость изъ Петербурга прїехалъ.... Ужъ вы извините мою жену.... она у меня такая нетлѣнная.... вотъ-бы вы, матушка, гостя-то нести дились.... что мнѣ чаю своего что-ли жаль?... или вы берете... такъ вѣдь здѣсь все мое... помните, что я васъ извѣлъ. Къ счастью на этомъ патетическомъ мѣстѣ старикъ замолчалъ... Жена было подошла къ нему, но онъ съ сердцемъ ее оттолкнулъ, и она со слезами на глазахъ пошла въ свою комнату.

— Это все сигарки, сказалъ онъ, утираясь салфеткою платкомъ: вы ужъ меня извините; въ моемъ домѣ табакъ курять, такъ дымъ ко мнѣ не пускаютъ... гдѣ жена? Куда она ушла? Теперь-ты тутъ за стуломъ стоишь? Поди узнай, что приключилось съ барыней...

— Барынь сдѣлалось дурно, сказала нянька...

— Ей всегда дурно, когда мальчика молодого увидитъ, прибавилъ онъ обращаясь къ Груздеву: да вѣдь и мнѣ-то в хорошо...

Груздевъ посмотрѣлъ на часы, визитъ нашъ продолжался полчаса. Больше мы не въ состояніи были просидѣть. Мы раскланялись; старикъ допилъ свой чай; приказалъ нянькѣ налить еще, замѣтивъ при этомъ, что вотъ ей-дурно, а нѣтъ дѣла, что мужу надо чай пить!... удостоилъ меня жгучія руки, и просилъ не забывать, объявивъ, что у насъ понедѣльники, и на прощаньи замѣтилъ, чтобы я у него не смѣлъ волочиться за женою...

Я вспомнилъ, что понедѣльникъ у народа—тяжелый день, мысленно далъ себѣ обѣщаніе, никогда не посѣщать этого мѣсяца. Мнѣ казалось, что видѣть страданія этой женщины в равно, что присутствовать при казни невиннаго...

— Что это за ужасный человѣкъ?... спросилъ я у Груздева. Какимъ образомъ подъ одною кровлею появился этотъ враждебный цинизмъ и эта прекрасная женщина!

— Крайности сходятся, отвѣчалъ Груздевъ. Это длинная горя. Виноватѣ всѣхъ въ этомъ дѣлѣ третье лицо, одинъ изъ тѣхъ людей, которые, родясь добрыми и умными, дѣлаются глупости. Идеалистъ, фантазеръ... впрочемъ письма ко мнѣ объяснятъ тебѣ дѣло лучше меня...

Какимъ образомъ достались мнѣ извѣстныя читателю письма?

— Неужели онъ и теперь увѣренъ, что онъ поступилъ такъ ввинушила ему совѣсть? спросилъ я.

— Отвѣтъ въ этомъ письмѣ, отвѣчалъ Груздевъ, подавая мнѣ слѣдующее письмо. Оно писано полгода послѣ великаго самоотверженія, когда горячка прошла, а разумъ вступилъ въ свои права. Въ это время старикъ приревновалъ жену къ какому-то заѣзжему глупому франту; раздутся между ними ничего общаго не было. Произошла страшная сцена, совершенно сгубившая и Леонтьева и жену

Письмо начиналось такимъ образомъ:

Отъ Александра Викентьевича Карамелькова къ Григоры
Ивановичу Груздеву.

Пишу къ тебѣ, другъ мой, въ полной увѣренности, что грустное письмо мое не сорветъ насмѣшливой улыбки с лица твоего. Ты слѣдилъ за началомъ развитія моей драмы, помнишь первыя обстоятельства нашей встрѣчи, знаешь на момѣ письмамъ отъ слова до слова наши задушевные теплые разговоры, знаешь наше радужное *прошедшее*, однимъ словомъ... прослѣди-же до конца, эту драму, не брось ея недочитанною на послѣдней страницѣ, написанной кровью, слезами. Грустно вспоминать это *прошедшее*, оно такъ давно было настоящимъ, полнымъ свѣтлыхъ, юношескихъ упованій! И что хуже всего, добрый другъ мой, мнѣ негод даже упрекнуть въ своихъ страданіяхъ; не на кого свалить тяжелую ношу собственнаго заблужденія... въ моемъ сердцѣ ея начало; мой юношескій, восторженный взглядъ на жизнь погубилъ меня, и что еще хуже—погубилъ ее! это свѣтло-чистое, неопытное дитя! Двѣ жертвы принесены разомъ—и никто до нихъ не дотронулся; люди до нихъ не смѣютъ коснуться—для кого-же принесены эти жертвы? для чего пролита эта цѣнная кровь?...

Прости меня, другъ мой, я забылъ, что пишу къ тебѣ; забылъ какое тяжелое впечатлѣніе производятъ на тебя всевозможныя метафоры и фигуры; но тебѣ только я могу писать объ этомъ. Почти полгода прошло со времени этой развязки, и я все еще не могу одуматься. Кажется, цѣлыя вѣки пропеслись въ это роковое полугодіе, и между-тѣмъ прошедшее такъ свѣжо сохранилось въ моей памяти, всѣ подробности встаютъ съ такою ужасающею вѣрностью...

Память страшное дѣло! Въ одно и то же время она едѣла для меня орудіемъ пытки и источникомъ наслажденія. Цѣль роль ея выдается изъ тумана прошедшаго этого свѣтлый образъ,—напрасно я ищу успокоенія въ чудныхъ вѣткахъ чертахъ—тѣмъ дѣлительнѣе становится упреки совѣсти, яремъ приливаетъ къ головѣ, всѣ жизненные силы въ страшномъ движеніи—въ эти минуты пробуждается всѣ

ная энергія, не знаю, на что не готовъ я въ эти минуты! Ничего не остается отъ этихъ порывовъ, совершенно безсладно проходятъ они, пробуждая на мгновение духовную жизнь, и потомъ снова погружая большую душу въ ее темноту, ужасную апатію!...

Я думалъ: прошло полгода, я могу наконецъ описать тебѣ систематически послѣднія происшествія... но могу ли я писать, когда потерялъ я даже способность мыслить!... другое дѣло если бы я видѣлъ тебя. Твой спокойный взглядъ, твое безстрастное чело заставили бы меня одуматься, облегчили бы мою страданія... но писать я еще не могу; говорить бумага требуетъ спокойнаго настроенія духа... я былъ только апатически спокоенъ... Смиренія надо мною, или жалѣй обо мнѣ, какъ хочешь... я бы могъ написать вовсе не то, что чувствую, вовсе не то, что думаю... Подожду еще нѣсколько времени. Въ апрѣлѣ получишь отъ меня большое письмо. Прощай, другъ мой; пожалѣй обо мнѣ—мнѣ нужно участіе.

Твой другъ.

— Я видѣлъ потомъ Карамелькова, въ 1847 или въ 48 году, сказалъ Груздевъ. Помню только, что въ тотъ годъ была холера; онъ жилъ гдѣ-то въ Коломнѣ, и увѣрялъ меня, что теперь занять, что у него пропасть дѣла, что онъ готовитъ что-то колоссальное, что онъ забылъ Зиночку въ этой тревожной дѣятельности и что только въ сердцѣ его остался страшный пробѣлъ.

Это было зимою. Лѣтомъ я уже не могъ его найти. Говорили, что онъ умеръ отъ холеры, мнѣ кажется вѣроятнѣе, что онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Въ тотъ день я не засталъ дома многихъ знакомыхъ; въ томъ числѣ и Карамелькова—ужь такой несчастный день! Можетъ-быть это оттого, что во все лѣто въ первый разъ была хорошая погода.

Квартира его была пуста, старуха не хотя отозвалась объ немъ, что молъ не платилъ денегъ и съ желчью сказали господину, нанимавшему эту квартиру, что вотъ пусти жильца, такъ съ нимъ и бѣды не оберешься!

— Ужъ не сочинитель ли онъ, матушка былъ? спросилъ вакантный жилецъ.

— Господи Боже мой, только этого не доставало! Да я бы его тогда со свѣта Божьяго выжила, пробормотала старуха и едва не перекрестилась.

Она дала мнѣ адресъ на новую его квартиру. Но какъ не искалъ я, не нашелъ этого дома, такъ правильно передала мнѣ старуха фамилію ховяна.

Такъ я его и не видалъ. Вотъ и вся исторія.

Объщаннаго письма въ апрѣлѣ я не получилъ.

В. КУРОЧКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЭРНЕСТЪ МАЛЬТРАВЕРСЪ.

Романъ Э. М. Булвера.

(Переводъ съ англійскаго.)

КНИГА СЕДЬМАЯ.

I.

«Она была прекрасная и ласковая дѣвочка. Во взорѣ ея выражалась кротость, а въ движеніяхъ необыкновенная грація и спокойствіе.»

Шеллей.

«Онъ молодой годами, но старъ опытностью.»

Шекспиръ.

«Онъ ищетъ славы, а я любя.»

Шекспиръ.

Джонлей Феррерсъ принадлежалъ къ небольшому числу людей, которые дѣйствуютъ во всемъ систематически, по плану, нравѣе обдуманному. Онъ поступалъ такъ почти съ самаго дѣтства. Задумавъ путешествовать, за границу онъ предавался все-

возможнымъ удовольствіямъ, какимъ только позволили его умренныя доходы. Доходы эти значили гораздо болѣе на материальнѣмъ въ его собственномъ отечествѣ, и это служило достаточной причиною для продолженія его путешествія. Теперь мечты и страсти молодости улеглись, и всѣ способности ума его, вполнѣ созрѣвшія и изощренныя глубокимъ изученіемъ рода человѣческаго, развернулись и сцентрировались на честолюбіи, свойственномъ его натурѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, онъ составилъ для своихъ дѣйствій правильный и методическій планъ, отъ котораго не отступалъ ни на шагъ. Сердце его не противорѣчило его холоднымъ расчетамъ, потому что онъ былъ чело­вѣкъ безъ правилъ и безъ вкуса, а вкусъ часто раздѣляетъ большія препятствія, чѣмъ самыя правила.

Осмотрѣвшись вокругъ, Феррерсъ увидалъ, что въ его дѣла и съ его двусмысленнымъ положеніемъ, прежде всего ему важно было заняться уничтоженіемъ всѣхъ характеристическихъ признаковъ кочующаго холостяка.

— Комнаты, навимаемыя въ гостинницѣ, и кабріолетъ не могутъ никому внушить почтенія, сказалъ самъ себѣ Феррерсъ. (себя онъ всегда считалъ лучшимъ своимъ повѣреннымъ). Въ жизни такого рода нѣтъ никакой осблалости, и чело­вѣкъ, живущій такимъ-образомъ, похожъ на перелетную птицу, которая сегодня здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ. На того всегда смотрятъ безъ уваженія, кто не платитъ ни податей, ни налоговъ, и не имѣетъ никакихъ счетовъ въ лавкахъ.

Итакъ, не сказавъ никому ни одного слова, Люмлей Феррерсъ нанялъ себѣ квартиру, уже не въ гостинницѣ, а поговому контракту, въ одной изъ тѣхъ спокойныхъ улицъ, которыя всегда служатъ доказательствомъ, что жители ихъ не имѣютъ желанія блеснуть своимъ иногда минимымъ состояніемъ, помѣщаясь въ модныхъ кварталахъ города, а если и живутъ на большую ногу, то, вѣрно, имѣютъ на то всякую возможность. Феррерсъ чрезвычайно хлопоталъ о томъ, чтобы поселиться въ самомъ почтенномъ кварталѣ, и наконецъ выборъ его пал на Грит-Джорж-Уестминстерскую-улицу.

Въ просторныхъ, но нѣсколько опустѣлыхъ комнатахъ Лаклея Феррерса не было ни одной модной вещицы, ни одного дорогого украшенія, ни наборныхъ половъ, ни мебели отъ Бульи ни севрскаго фарфора, ни картинной галереи, которая такъ свойственна жилищамъ молодыхъ холостяковъ. Онъ купилъ по дешевой цѣнѣ всю старую мебель древняго жильца — чинагого цвѣта панковынъ заставы, диваны и кресла, покрытые тол-

сталии слоями пыли, до которой, вѣроятно, изъ уваженія ни-
кто не дотрогивался лѣтъ двадцать пять. Были только двѣ ве-
щн, на которыя онъ, повидимому, обратилъ особенное внима-
нiе—обѣденный столъ, за которымъ могли помѣститься сорокъ
человѣкъ и новый буфетъ краснаго дерева. Кто-то спросилъ его,
444 чего онъ особенно заботится объ этихъ двухъ предметахъ.

— Не знаю, рѣшчалъ онъ:—но я видѣлъ подобныя во всѣхъ
хорошихъ и почтенныхъ домахъ.... вѣроятно тутъ что нибудь
да заключается.... современемъ я открою эту тайну.

Въ этомъ домѣ мистеръ Люмлей Феррерсъ поселился съ дву-
мя довольно пожилыми служанками и лакеемъ безъ ливреи, ко-
торого онъ выбралъ изъ огромнаго количества кандидатовъ,
именно потому, что онъ былъ довольно жиренъ.

Устроившись такимъ-образомъ, и рассказавъ всѣмъ и каж-
дому, что квартира нанята на шестьдесятъ три года, Люмлей
Феррерсъ слѣдалъ умственный расчетъ своимъ будущимъ рас-
ходамъ, и нашелъ, что они, при всей благоразумной экономи,
должны превзойти цѣлою четвертью его годовой доходъ.

— Все что превзойдетъ головой доходъ, я буду брать изъ ка-
питала, думалъ онъ:— и этотъ опытъ будетъ продолжаться
лѣтъ лѣтъ; и если онъ мнѣ не удастся, или я не буду вознагра-
жденъ сторицею, то можно будетъ подумать, что или люди
заводы, что съ ними невозможно ужиться, или Люмлей Фер-
рерсъ глупѣе, чѣмъ онъ себя воображалъ.

Мистеръ Феррерсъ изучалъ также глубоко характеръ своего
дяди, какъ благоразумный спекуляторъ изучаетъ качества мя-
ны, на которую онъ хочетъ рискнуть своимъ капиталомъ, а на-
стоящее его рѣшенiе клонилось къ тому, чтобы произвести спе-
кулятивн какъ на дядю, такъ и на свѣтъ. Онъ зналъ напередъ,
что если онъ прослышетъ не свѣтскимъ и моднымъ щеголемъ,
а умнымъ, воздерживымъ и положительнымъ человѣкомъ, то ми-
стеръ Темпльтонъ будетъ смотрѣть на него съ большимъ ува-
женiемъ, и онъ подвигнется ближе къ вѣроятности слѣдаться
современемъ его наследникомъ, разумѣется, если прививокъ не
будетъ подавленъ натуральнымъ отпрыскомъ роскошнаго олив-
коваго дерева. Это послѣднее сомнѣнiе разсѣивалось по мѣрѣ
того, какъ время шло, а признаковъ плодородности не оказы-
валось. Итакъ Феррерсъ полагалъ, что въ настоящее время
благоразумiе требовало усилить игру, на которую онъ такъ мно-
го рассчитывалъ.

Однакожь было одно обстоятельство, которое сильно воз-
мущало его спокойствiе. Хотя мистеръ Темпльтонъ обращалъ

ся съ своею женою довольно сурово и грубо, но видно было, что онъ любилъ ее, а въ дочери своей, что называется, не слышалъ души. Онъ какъ самый вѣжливый отецъ заботился о ея здоровьѣ, о воспитаніи, о дѣтскихъ играхъ, однимъ-словомъ, сходилъ по ней съ ума. Онъ не могъ выносить, чтобы ей противорѣчали, или въ чемъ-нибудь останавливали ее. Мистеръ Темплтонъ, неспортившій въ жизнь свою ни одной вещи, даже стараго пера, (такъ онъ былъ заботливъ, точенъ и расчетливъ), употреблялъ всевозможныя средства, чтобы испортить баловствомъ этого прелестнаго ребенка, который отъ гордился по всей справедливости, думая, что современно представить ее на удивленіе всего свѣта.

Какъ кротка и ласкова была эта прелестная дѣвочка! Съ каждымъ днемъ крота ея увеличивалась, а очаровательныя дѣтскія ласки становились увлекательнѣе. Она была такъ мила и послушна, что чрезмѣрная вѣжливость и снисходительность, столь неблагоразумно выказываемыя, казалось, только возвышали цвѣта ея вѣжливой и любящей природы. Можетъ-быть, утѣренная любовь и неласковое обращеніе скорѣе испортили бы это прекрасное созданіе, котораго всѣ чувства были направлены къ тому, чтобы любить и быть любимой. Ее можно было уподобить растенію, которое безъ солнечной теплоты не можетъ расти, и пропадаетъ, но освѣщаемая солнцемъ и согрѣваемая его постоянною теплотою, она развернулась, какъ цвѣтокъ, во всей роскошной свѣжести своего чувствительнаго сердца и кротости характера.

Всѣ, кромѣ мистера Феррерса, не исключая даже и тѣхъ, которые, говоря вообще, не любили дѣтей, приходили въ восторгъ отъ этого прекраснаго созданія. Людьми зналъ, какъ часто случается, что богатый человѣкъ, пожилыхъ лѣтъ, женясь на молодой женщинѣ, передаетъ ей по смерти все свое состояніе, и чувствовалъ вполнѣ, что Темплтонъ не былъ связанъ съ нимъ ни дружбою, ни привязанностью. Вслѣдствіе чего онъ рѣшился употребить всевозможныя средства, чтобы разстроить своего дядю съ его молодою женою, утѣренный въ томъ, что какъ скоро влияние жены ослабѣетъ, то уменьшится и любовь къ ребенку, и пробудитъ въ его душѣ, посредствомъ тщеславія и честолюбія, чувство, которое могло бы замѣнить недостатокъ любви къ самому Феррерсу. Онъ слѣдовалъ этой сложной системѣ съ искусствомъ и ловкостью мастера. Первымъ дѣломъ его было снискать довѣренность и дружбу кроткой, меланхолической матери, и въ этомъ онъ

достигъ полнаго успѣха, потому-что по своей совершенной опытности, молодая женщина ничего и не подозрѣвала. Многое чистосердечіе Феррерса, его почтительная внимательность, искусство, съ которымъ онъ умѣлъ отклонять отъ недурное расположеніе и раздраженныя выходки Темпльтона, его постоянная веселость, которою онъ оживлялъ истинно мрачное состояніе ихъ домашняго быта, заставляли бѣдную молодую женщину радоваться его посѣщеніямъ, и вѣрить въ его дружбу. Можетъ-быть, посѣщенія его нравились ей и потому, что они прерывали на нѣкоторое время ея tête-à-tête съ суровымъ и холоднымъ мужемъ, который не имѣлъ никакого сочувствія къ огорченіямъ, пожирившимъ ее, какого бы рода они не были, и который ставилъ себѣ за особенную обязанность осуждать ихъ, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Вторымъ дѣломъ дипломатики Люмлей было вооружить тщеславіе Темпльтона противъ его жены, напоминая ему ежминутно о его жертвѣ, которую онъ принесъ, жениась на бѣдной и незначительной дѣвушкѣ, и о возможности достиженія желаній, еслибы выборъ сдѣланъ былъ благоразумнѣе. Этимъ безпрестаннымъ, но осторожнымъ растравленіемъ раны честолюбія, онъ породилъ въ Темпльтонѣ раздражительность, которая выказывалась во всѣхъ задушевныхъ мысляхъ и поступкахъ его, касающихся домашняго быта. Однакожь, къ великому удивленію и неудовольствію Феррерса, Темпльтонъ, охлаждаясь постепенно къ женѣ, привязывался все болѣе и болѣе къ ребенку.

Люмлей не рассчиталъ, что есть нѣкоторые люди, которые не могутъ существовать безъ привязанности, и Темпльтонъ, хотя и очень ласковый и любезный, имѣлъ много превосходныхъ качествъ. Еслибы онъ менѣе дорожилъ мнѣніемъ свѣта, онъ не имѣлъ бы надобности въ словарѣ лицемѣрія, и не тосковалъ бы перствѣ. Желаніе достигнуть славы безукоризненной репутаціи, и приобрѣсть званіе пера происходило отъ необыкновеннаго и можно сказать болѣзненнаго страха людскаго мнѣнія и отъ зависти къ временнымъ почестямъ свѣта, чувствуя, что безъ его помощи ему никогда ничего недостигнуть. Несмотря однакожь на эти слабости, мистеръ Темпльтонъ имѣлъ прерасное сердце; онъ былъ благотворителемъ къ бѣднымъ, справедливымъ къ слугамъ, и имѣлъ въ душѣ своей склонность любить и быть любиму; это влеченіе, посредствомъ котораго атомы, составляющіе вселенную, скрѣпляются и приводятся въ гармонію. Если бы мистрисъ Темпльтонъ была къ

нему поласковѣе, онъ разрушилъ бы всю дипломатію Феррерса, забылъ бы свѣтскія неудачи, и былъ бы хорошимъ, даже покорнымъ мужемъ. Но она видимо не любила его, хотя ее можно было считать рѣдкою, терпѣливою и предупредительною женою. Дочь же любила какъ его, такъ и мать свою, всѣми способностями души своей,—и этотъ постоянный поклонникъ стѣти не захотѣлъ бы пріобрѣсть царство цѣною этого чистаго и освѣжающаго источника прѣжности. Со всею своею провинцальностью, Люмлей не могъ хорошенько понять этой слабости, какъ онъ называлъ чувства отца къ дочери, потому-что кто не раздѣляетъ чувства, которымъ природа одарила человека, тотъ не можетъ вполне понять его; а Люмлей Феррерсъ былъ какъ бы выродокъ, потому-что природа отказала ему въ способности любить кого-либо, кромѣ самаго себя.

Однакожъ планъ его—пріобрѣсть уваженіе и довѣренность Темильтона, имѣлъ совершенный успѣхъ. Онъ позаботился, чтобы ничто въ его хозяйствѣ не пахло роскошью, все было положительно, скромно и хорошо устроено. Онъ увѣрилъ даже, что устроился такъ, чтобы жить на однихъ доходахъ, и Темильтонъ, не слыша даже ни одного намека о деньгахъ, которые когда-то, въ минуту щедрости, обѣщалъ ему, и не зная, что Феррерсъ прожилъ почти половину своего капитала за границею, повѣрилъ ему. Феррерсъ давалъ часто обѣды, не выбирая однакожъ въ голову той глупой идеи, которая разорила многихъ хвастающихся умвѣемъ жить, чтобы обѣдами можно было пріобрѣсть извѣстность и любовь ближняго.

Нѣтъ, хотя Феррерсъ былъ записной эпикуреецъ и предавалъ роскоши вкуса самую высокую цѣну, но друзей своихъ онъ кормилъ, что называется, прилично, а не роскошно. Кухарка его не жалѣла муки для устричныхъ соусовъ; голубы трески составляли постоянное рыбное блюдо; первыя четыре кушанья, не имѣя обыкновеннаго аромата вкусно приготовленныхъ блюдъ, были приносимы кухаркою въ достаточномъ количествѣ, и раздаваемы хозяиномъ съ необыкновенными радостями. Мистеръ Феррерсъ не старался также окружать себя блестящими умами и краснорѣчивыми говорунами. Онъ удовольствовался людьми почтенными, и обыкновенно старался быть самымъ умнымъ человѣкомъ своего общества. Онъ всегда сводилъ разговоръ на предметы важныя, принимая ихъ къ обстоятельству, какъ-то: на политикъ, денежные обороты, коммерцію и уголовныя дѣла. Удерживая веселость, но въ то же время сохраняя свою обычную откровенность, онъ желалъ пре-

былъ образованнымъ и трудолюбивымъ человекомъ, который современемъ долженъ непременно возвыситься. Его связи и ка-кая-то необъяснимая прелесть, заключающаяся особенно въ притяжныхъ чертахъ лица и въ свободномъ, но любезномъ обращеніи, совершенное отсутствіе спѣха и всякихъ притязаній давали ему возможность собирать за свой скромный столъ, который если не удовлетворялъ всѣ вкусы, то, по-крайней-мѣрѣ не оскорблялъ ни чьего самолюбія, достаточное количество извѣстныхъ политиковъ и дѣловыхъ людей, которые впоследствии должны были служить пружинами къ исполненію его замысловъ. Домъ, занимаемый имъ, находясь такъ близко отъ палаты парламента, былъ съ руки всѣмъ политикамъ, и мало-помалу огромныя и пустыя залы его квартиры сдѣлались сборищемъ государственныхъ людей, сходившихся въ нихъ, чтобы потолковать о тысячахъ тѣхъ интригъ, поередствомъ которыхъ или нападаютъ на партію или поддерживаютъ ее. Такимъ-образомъ, Феррерсъ, не будучи членомъ парламента, ознаменился почти нечувствительно, какъ съ людьми, такъ и съ дѣлами его, и министерская партія, системы которой онъ придерживался, хвалила его во всеуслышаніе и употребляла въ дѣло, имѣя нагѣреніе сдѣлать что-нибудь для него современемъ.

Въ то время, какъ карьера этого искуснаго, но безнравственнаго человека открывалась, (разумѣется это открытіе происходило не въ одинъ день) Эрвествъ Мальтраверсъ шелъ къ тому возвышенію, на которомъ строятся монументы людямъ, ставшимъ выше толпы, путемъ жесткимъ, колючимъ и почти непроходимымъ.

Его успѣхи въ жизни государственной не были ни быстры, ни блестящи, потому-что, не-смотря на то, что онъ обладалъ даромъ краснорѣчія и глубокими познаніями, онъ не хотѣлъ прибѣгать къ обыкновеннымъ ораторскимъ уловкамъ, и не-смотря на его енергію и страсти, его нельзя было назвать жаркимъ защитникомъ той или другой партіи. На пути своемъ онъ встрѣтился съ завистью и многими другими препатствіями, и ловкая общежительность характера и обращенія, дѣлавшая его въ юности куширомъ всѣхъ товарищей по школь и коллегіи, давно уже уступила свое мѣсто постоанной, холодной и гордой, хотя учтивой, скрытностію, которая не могла привлечь къ нему толпы. Хотя онъ говорилъ рѣдко, и слышалъ съ какимъ энтузіазмомъ пріяивали ораторовъ, немнѣющихся и вполонину его способностей, однакожъ и онъ не былъ лишенъ, какъ вниманія, такъ и уваженія, и хотя онъ не былъ любимцемъ партій, но

его чистыя и прямыя намѣренія, его неподкупная честь и обдуманная рѣчи были оцѣняемы большою массою народа, которую можно считать и слушателемъ и судьбою каждаго оратора. Когда онъ начиналъ говорить, все смолкало. Онъ чувствовалъ, что имя его становилось день отъ дня вѣстиемъ, хотя проценты съ этого капитала были умѣренны и выдавались довольно медленно, и потому съ терпѣніемъ выжидалъ, когда придетъ его время.

Съ каждымъ днемъ онъ болѣе и болѣе привязывался къ этой истинной философїи, по которой каждый человѣкъ составляетъ самъ для себя цѣлый міръ. Стоя на высотѣ спокойнаго и свѣтлаго самоуваженія, онъ чувствовалъ солнечный свѣтъ надъ своею головою, тогда какъ черныя и грозныя облака людской злости попирали ногами. Онъ не презиралъ мнѣніе свѣта, но и не унижался лести ему. Когда онъ видѣлъ, что свѣтъ сравадивъ, то тотчасъ-же соглашался съ нимъ, если-же послѣдній дѣлалъ что-нибудь противное его убѣжденію, то Эрнестъ не колебался ни минуты, выказывалъ свое неудовольствіе. Бываютъ случаи, въ которыхъ одинъ честный, образованный и добросердечный человѣкъ можетъ разсудить лучше, нежели цѣлая толпа, что справедливо и что вѣтъ, и въ этихъ-то случаяхъ онъ унижалъ бы себя чрезвычайно, если-бы допустилъ толпу мнѣтіе вліяніе на его мнѣніе, лестию или угрозами. Свѣтъ, если вы избалуете его, дѣлается нестерпимымъ болтуномъ, который вѣшвается тамъ, гдѣ его не спрашиваютъ, а Мальтраверсъ презиралъ всякое вниманіе дерзкаго члена дерзкаго цѣлго. Эта то смѣсь истинной любви и глубокаго уваженія къ бессмертному народу и спокойнаго безстрастнаго презрѣнія къ капривному шарлатану, минутной публикѣ, сдѣлала Эрнеста Мальтраверса страннымъ и одинокимъ мечтателемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ сущности скромнымъ и снисходительнымъ, а по виду надменнымъ и угрюмымъ.

Эрнестъ почти раззнакомился съ удовольствіями домашняго быта и съ вдохновеніемъ. Мало-по-малу онъ почти разошелся съ своимъ прежнимъ пріателемъ Феррерсомъ, потому-что образъ жизни ихъ и мыслей сталъ совершенно различенъ. Клевлендъ болѣе и болѣе жилъ въ деревнѣ, и слишкомъ довольный славою воспитанника на прежнемъ поприщѣ и возрастающее вѣстностью на настоящемъ, не безнокоилъ его ни своими увѣщаніями, ни совѣтами. Чезарини сдѣлался литературнымъ львомъ, котораго талантъ расхваливался съ великимъ жаромъ всѣми газетами, такъ-точно какъ хвалятъ пѣвцовъ, поющихъ

въ другихъ государствахъ, и умершихъ людей. Въ натурѣ человека есть потребность хвалить что-нибудь, но онъ не любитъ хвалить тѣхъ, которые могутъ еще сражаться съ нимъ. Цезарини вѣрилъ отъ всего сердца всѣмъ этимъ похваламъ, провозглашалъ вездѣ, что Англія есть единственная страна, въ которой оцѣниютъ истинные таланты, и не скрывалъ уже болѣе своего завистливаго гнѣва, возбуждаемаго въ немъ болѣе громкою славою Мальтраверса. Эрнестъ чувствовалъ къ нему состраданіе, видя, какъ онъ расточаетъ свое состояніе и свой талантъ, выказывая его на гостинныхъ пустякахъ. Онъ хотѣлъ предупредить Цезарини, но Кастрюччіо выслушалъ его съ такимъ нетерпѣніемъ, что Эрнестъ тотчасъ-же отказался отъ должности указателя. Онъ написалъ де-Монтеню, но и тотъ имѣлъ не болѣе успѣха. Цезарини предоставили вести игру по своему произволу, и онъ началъ наконецъ играть уже не въ переносномъ смыслѣ этого слова, Жажда сильныхъ ощущеній заставляла его предаваться азартнымъ играмъ, и остальные гинем его начали убывать ежедневно съ немовѣрною быстротою.

Письма де-Монтеня къ Мальтраверсу утѣшали его въ потерѣ остальныхъ пріятелей, менѣе сходныхъ съ нимъ, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ мысляхъ. Де-Монтень наслаждался уже въ это время громкою славою, и его одобреніе казалось Мальтраверсу пріятнѣе всѣхъ возгласовъ толпы. Но въ продолженіе всего этого времени честолюбіе и любопытство Эрнеста были возбуждаемы постоянными посланіями его невидимой Егеріи. Эти письменныя отношенія, если можно дать имъ такое названіе, были все отъ одного лица, и продолжались уже довольно долго, но Эрнестъ до-сихъ-поръ не могъ открыть ихъ автора. Последнее время тонъ этихъ посланій совершенно измѣнился: въ нихъ стали проявляться грусть и какая-то скрытность; теперь въ нихъ такъ-же часто упоминалось о суетѣ міра, какъ и о наградахъ, стяжасмыхъ славою, и намекалось иногда съ проблескомъ женственнаго чувства, что гораздо пріятнѣе утѣшать въ печали, нежели раздѣлять торжество. Во всѣхъ этихъ письмахъ проглядывали высокій умъ и глубокое чувство; они сильно заинтересовали Мальтраверса; но если это участіе возбуждало въ немъ желаніе узнать таинственную сочинительницу, то совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы полюбить ее. Они по большей части были переполнены горечью и ироніею сляшскомъ мужественною, и потому не могли очаровать человека, который считалъ, что кротость есть природная сила женщины. Характеръ выказывался въ нихъ не менѣе ума и сердца, но

не такой характер могъ нравиться Мальтраверсу, который любилъ женщинъ именно за ихъ женственность.

«Я часто слышу о васъ (говорилось въ одномъ изъ этихъ странныхъ посланій), и мнѣ почти равно досадно, что люди осмѣливаются хвалить или порицать васъ. Противорѣчіе слабости, женственный парадоксъ! О! лучше тысячу разъ видѣть васъ, убѣгающаго, какъ отъ его низкихъ соблазновъ, такъ и отъ бѣдныхъ наградъ! Если бы вы избрали пустыню истомъ вашего отдохновенія и если бы нуждались въ товарищѣ, я отдалась бы отъ всего... отъ богатства... лести... извѣтности, даже отъ званія женщины, чтобы слѣдовать за вами и продолжить вамъ мои пощечины».

«Когда-то я поклонялась вашему гению, но болѣзнь моя ушла, и теперь вы сами стали кумиромъ души моей. Я видѣла васъ, Эрнестъ Мальтраверсъ, видѣла очень часто, и тогда, когда вы в не подозрѣвали, что взоры мои останавливались на васъ. Теперь, какъ я увидала васъ, я понимаю васъ лучше брѣжняго. Мы не можемъ быть судьями людей, которыхъ знаемъ только по ихъ сочиненіямъ и дѣйствіямъ. Потомство не можетъ знать ничего о существахъ прошедшаго времени. Тысячи книгъ, которыя не были никогда написаны, тысячи дѣствій, которыя не были приводимы въ исполненіе, проваляются во взорахъ и на устахъ тѣхъ немногихъ людей, которые стали выше толпы. Въ этомъ холодномъ и безпечномъ взорѣ, на этомъ благородномъ и блѣдномъ челѣ я прочла презрѣніе къ прелестіямъ, которое свойственно человѣку, увѣренному въ достиженіи своей цѣли. Но глаза мои наполнились слезами, когда я смотрѣла на васъ!.. Вы печальны!.. вы одиноки!.. Если неудачи не терзаютъ васъ, то и успѣхи не приносятъ вамъ большой радости. О! Мальтраверсъ, я, женщина, живущая въ самомъ ограниченномъ кругу, даже я поняла наконецъ, что имѣть высреннія желанія и возвышеннѣйшія противъ другихъ цѣли, значить предать свою пробуждающуюся жизнь болѣзненно-начальнымъ мечтамъ».

«Являйтесь чаще въ свѣтъ, Мальтраверсъ, являйтесь чаще въ свѣтъ, или оставьте его навсегда. Вы должны оставить вашихъ непріятелей; число ихъ умножается и потому они дѣлаются смѣлѣе... вы слишкомъ спокойны, слишкомъ медленны въ вашемъ шествіи къ наградѣ, которая должна непременно принадлежать вамъ, хоть только для того, чтобы удовлетворить

и не истеричны и желаніе вашихъ друзей. Не будьте слишкомъ разборчивы въ вашемъ честолюбіи, и вы скорѣе сдѣлаетесь полезнымъ человечеству. Надобно однакожъ признаться, что скорая побѣда гораздо свойственнѣе обыкновенной толпѣ. Даже Люлей Феррерсъ опередить васъ, если вы не возьмете своихъ мѣръ:

«Итъ чего я иловочу такимъ-образомъ?.. вы... вы любите другую... однакожъ, тѣмъ не менѣе вы идеалъ, который я не-гдѣ бы любить... если когда-нибудь мнѣ пришлось бы любить. Вы любите... однакожъ... хорошо... пусть будетъ такъ!»

II.

«La musique est le seul des talens qui
 jouisse de lui même; tous les autres veu-
 lent des témoins.»

Marmontel.

Мистеръ Темпльтонъ не исходатайствовалъ себѣ званіе пера, хотя прямо и не просилъ о томъ высшее начальство и не получилъ настоящаго отказа, но тѣмъ не менѣе онъ день отъ дня становился раздражительнѣе. Онъ имѣлъ большую силу въ парламентѣ, силу не скрытую или побочную, а настоящую, законную, которую онъ приобрѣлъ помощью своего богатства, общаго къ нему уваженія, и такъ далѣе. Онъ могъ поставить, по-крайней-мѣрѣ, одного изъ двухъ депутатовъ города и даже графства; и кромѣ того съ небольшою съ его стороны дѣятельностію онъ могъ удержать или пошатнуть равновѣсіе трехъ мѣстечекъ. Министерство было сильно, но во всякомъ случаѣ оно не желало бы потерять такого ревностнаго защитника. При-мѣръ отпаденія заразителенъ. По городу, котораго Темпльтонъ былъ когда-то настоящимъ представителемъ и въ которомъ вліяніе его было, можно сказать, неограниченно, вдругъ откры-

дальше ваканція; противная партія тотчасъ же выставила кандидата, и начала уже вести интриги; къ великому же удивленію и страху лорда казначейства, Темпльтона не выставилъ никого другаго; вліяніе его какъ бы заснуло. Лордъ Саксингемъ бросился къ Люмлею.

— Любезный другъ, вскричалъ онъ: что все это значитъ?... что дѣлаетъ вашъ дядя? Мы лишимся этого города... одного изъ нашихъ ретраншаментовъ. Многіе уже держатъ пари по этому случаю.

— Вотъ видите ли, вы поступили душно съ моимъ дядей.. Миѣ очень прискорбно, но я ничего не могу сдѣлать.

— Какъ? это все званіе пера?... Не можете ли онъ позираться на чемъ-нибудь другомъ?

— Нѣтъ.

— Онъ получитъ его, клянусь Юпитеромъ.

— Но, можетъ-быть, это будетъ уже поздно.

— А! вы думаете?

— Не угодно ли вамъ поручить это дѣло миѣ?

— Разумѣется, вы чудовищно умны, и мы всѣ уважаемъ васъ.

— Въ такомъ случаѣ, любезный лордъ, не угодно ли миѣ сѣсть и написать то, что я вамъ проляктую.

— Охотно, сказалъ лордъ Саксингемъ, садясь за огромный письменный столъ Люмлея: ну, начинайте:

— Любезный мистеръ Темпльтонъ!

— Слишкомъ фамильярно, сказалъ лордъ Саксингемъ.

— Нисколько; продолжайте.

— Ну, любезный мистеръ Темпльтонъ.

— *«Намъ желательно, чтобы мѣсто по городу... досталось тому, кому оно должно принадлежать по вѣстнымъ правамъ, и не по члену вашего же семейства, въ которомъ система, удостоиваемая вашимъ содѣяствіемъ, должна найти лучшихъ своихъ защитниковъ. Выступъ съ тѣмъ желаніемъ показать вамъ открытымъ образомъ нашу довѣренность къ благонамѣренности вашего образа мыслей и нашу признательность за ваши безкорыстныя услуги.»*

— Провалился онъ, его безкорыстныя услуги! проворчалъ лордъ Саксингемъ.

— *Владѣстіе чего, продолжалъ Феррерсъ, мои отношенія съ вами даютъ миѣ смѣлость просить васъ употребить немедленно ваше вліяніе въ пользу нашего общаго родственника, мистера Феррерса.»*

Лордъ Саксингемъ бросилъ перо, и хохоталъ минуты двѣ, не нѣя силы остановиться.

— Превосходно, Люмлей, превосходно! Странно, что я не подумалъ объ этомъ прежде.

— Всякой за себя, а Богъ за всѣхъ, отвѣчалъ Люмлей съ важностью. Прошу васъ, любезный лордъ продолжайте:

«Мы увѣрены, что вы не найдете другаго представителя, который усерднѣе защищаль бы вашъ образъ мыслей и наши интересы. Еще одно слово. Производство от перы, впродолжкѣ, послѣдуетъ нынѣшнюю весною, и я увѣренъ, что имя ваше, внесенное въ списокъ со всеми прочими, Его Величество прочтетъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Титло, безъ сомнѣнія, должно перейти къ вашему сыну, а за немнѣніемъ его, вашему племяннику.»

Съ истиннымъ почитеніемъ имѣю честь быть

вашъ искренній

Саксингемъ.»

— Теперь напишите здѣсь: «въ собственныя руки, конфиденціальное» и отошлите съ нарочнымъ въ виллу моего дяди.

— Все будетъ сдѣлано. любезный Люмлей; и я доволенъ этимъ не менѣе васъ. Вы по истинѣ приносите намъ великую честь. Увѣрены ли вы, что это дѣло устроится?

— Безъ сомнѣнія.

— Итакъ, до свиданія, Люмлей. Приходите къ намъ, когда все приведетъ въ порядокъ. Флоренса всегда очень рада видѣть васъ; она говоритъ, что никто не забавляетъ ее такъ, какъ вы! Я увѣренъ, что это великая похвала, потому-что она престранная дѣвушка.

Съ этими словами лордъ Саксингемъ вышелъ.

— Флоренса рада видѣть меня! сказалъ Люмлей, заложивъ руки за спину, и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Планъ второй начинаетъ улыбаться мнѣ изъ-за тѣни плана перваго. Если бы мнѣ удалось удалить отъ моей прекрасной кухни всѣхъ другихъ искателей до-тѣхъ-поръ, пока положеніе мое въ свѣтѣ позволитъ мнѣ предложить самого себя; а что! вѣдь я могу составить самую выгоднѣйшую партію въ трехъ государствахъ! *Не унывай, храбрый Феррерсъ, не унывай!*

Въ этотъ вечеръ Феррерсъ пріѣхалъ въ виллу дяди довольно

повидно. Онъ напелъ мистриссъ Темплтонъ въ гостинной, сидящую за фортепiano. Онъ вошелъ тихо, она не услышала его шаговъ и продолжала пѣть. Голосъ ея былъ такъ чистъ и звученъ, что Феррерсъ, будучи хорошимъ знатокомъ музыки, остановился въ прiятномъ удивленiи. Хотя онъ былъ не рѣдкимъ посѣтителемъ въ домѣ дяди, и даже по прiѣздѣ изъ-за границы прожилъ у него съ недѣлю, но ему не случилось слышать, чтобы мистриссъ Темплтонъ пѣла что-нибудь, кромѣ духовныхъ кантатъ. Теперь же голосъ ея переливался въ народной, полной высокими чувствами пѣсни. Прислушиваясь, онъ замѣтилъ, что чувства начали подавлять голосъ; она вдругъ остановилась и обернулась; волненiе души такъ краснорѣчиво выражалось на ея прекрасномъ лицѣ, что Феррерсъ былъ пораженъ его выраженiемъ. Онъ былъ не такой человекъ, котораго могло бы заинтересовать что-либо некасающееся его собственной личности, но эта прекрасная и меланхолическая женщина возбудила въ немъ участiе. Въ наружности и во всѣхъ поступкахъ ея проглядывало невыразимое и глубокое смрненiе, вѣрный признакъ прошедшаго несчастiя. Сердце, разбитое преждевременно, высказывалось въ ея взорахъ, въ улыбкѣ и въ грустной и медленной походкѣ. Однакожъ, обязанности свои она исполняла съ спокойною и сознательною точностью, что доказывало, что печаль ея не касалась совѣсти. Если бремя ея было тяжело, то привычка, казалось, заставляла ее переносить его безропотно, и волненiе, замѣченное теперь Феррерсомъ въ ея кроткихъ и гармоническихъ чертахъ, напоминало ему первый день знакомства его съ нею, когда, войдя въ ея комнату, онъ напелъ ея подъ такимъ же влiянiемъ чувствительности за кантою дозвiя, которою, какъ ключомъ памяти, отворяются чертоги, посѣщаемые печальными и неясными призраками.

— Ахъ! мистриссъ Темплтонъ, сказалъ Феррерсъ, приближаясь, замѣтивъ, что молодая женщина увидала его: палюсь, что я не обезпокою васъ. Я прiѣхалъ немножко повидно, это правда, но гдѣ дядюшка?

— Онъ все утро провелъ въ городѣ, сказавъ, что не будетъ дама обѣдать; но теперь я жду его каждую минуту.

— Вы, кажется, старались сократить время его отсутствiя. Смѣю ли я просить васъ продолжать? Я рѣдко слышалъ такой прекрасный голосъ, соединенный съ такимъ совершеннымъ знанiемъ музыки. Вы, вѣроятно, пользовались уроками лучшихъ итальянскихъ учителей?

— Нѣтъ, сказала мистриссъ Темпльтоунъ, и шкряки ея покрылись едва замѣтнымъ румянцемъ. Я училась музыкѣ почти ребенкомъ; учитель мой любилъ и понималъ ее въ совершенствѣ, однажды, онъ былъ не иностранецъ.

— Постарайтесь процѣть еще эту арію; вы придаете слезамъ прелесть, которой я прежде не замѣчалъ въ нихъ. А вѣдь эти слова и музыка сочинены мной пріателемъ Мальтраверсомъ, котораго мистеръ Темпльтоунъ за что-то не жалуетъ.

— И это его же сочиненія? сказала мистриссъ Темпльтоунъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ: странно.... я не знала этого. Я услышала эту пѣню, когда ее играла на улицѣ.... она мнѣ очень понравилась... я спросила названіе... купила и.. страннот...

— Что странно?

— Что музыка и пѣснь вашего друга производитъ на меня такое же дѣйствіе, какъ слова, слышанные мною много лѣтъ тому назадъ! Молодъ онъ, этотъ мистеръ Мальтраверсъ?

— Да, онъ еще молодъ.

— И.... и....

Въ эту минуту мистриссъ Темпльтоунъ была прервана приходомъ своего мужа. Онъ держалъ въ рукѣ письмо отъ лорда Саксингема, оно было еще не распечатано. Онъ казался не въ духѣ, но это было очень обыкновенно. Онъ холодно пожалъ руку Люмлей, кивнулъ головою женѣ, нашолъ, что огонь въ каминѣ горитъ не довольно ярко, и бросившись въ свое покойное кресло, сказалъ:

— И такъ, Люмлей, кажется, я былъ великій глупецъ, что послушалъ твоего совѣта, и не отстранился отъ новыхъ выборовъ. Я читалъ сейчасъ въ вечернихъ газетахъ, что производство въ перы послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени; если бы я выказалъ себя дѣятельнымъ поборникомъ интересовъ правительства, то имѣлъ бы болѣе права на его вознагражденіе.

— Я полагаю, что я правъ, серъ, отвѣчалъ Люмлей: наши государственные люди изъявляютъ свою благодарность чаще тому, кого боятся потерять, нежели тому, кто истинно заслуживаетъ ее. Вѣрные голоса можно сравнить съ старыми друзьями, которыхъ цѣнятъ болѣе тогда, когда видать, что теряютъ ихъ. А что это за письмо у васъ въ рукѣ?

— Вѣрно просительное.

— Извините.... оно кажется оффиціальнымъ.

Темпльтоунъ надѣлъ очки, тщательно осмотрѣвъ адресъ и пе-

чать, потомъ нѣспѣшно распечаталъ его, и разразился восклицаніемъ, похожимъ на клятву, когда дочелъ его до конца.

— Дай мнѣ руку, племянникъ... дѣло улажено.... я получу званіе пера. Ты былъ правъ ... ага! милая жена, ты будешь леди.... подумай только..... развѣ ты недовольна, а?... Что же ваша милость не улыбается? Гдѣ же дочь, гдѣ она.... говорю я?

— Она ушла спать, серъ, сказала мистриссъ Темпльтонъ испуганнымъ голосомъ.

— Ушла спать! Я долженъ пойти и обнять ее.... Такъ она ушла спать? Зажги эту свѣчку, Люмлей. Тутъ мистеръ Темпльтонъ позвонилъ въ колокольчикъ. Джекъ, сказалъ онъ вожатому слугѣ: Джекъ, скажи Джейсу, чтобы завтра утромъ первымъ дѣломъ его было сходить къ Бикстеру и сказать ему, чтобы онъ не красилъ мою карету впредь до новыхъ приказаній. Но я долженъ обнять ребенка и поцаловать его.... это для меня необходимо.

— Этого ребенка! проворчалъ Люмлей, возвращаясь къ камину, подавъ дяди требуюмую свѣчку: что онъ поможетъ въ этомъ дѣлѣ? Преместная у васъ дочка, сударыня! какъ я люблю ее! Дядюшка, кажется, безъ ума отъ нея, и не удивительно!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ ее очень, очень любитъ, сказала мистриссъ Темпльтонъ со вздохомъ, который, казалось вылетѣлъ изъ глубины ея сердца.

Вслѣдъ за этимъ мистриссъ Темпльтонъ встала, зажгла свѣчку, и пожелавъ Люмлею покойной ночи, вышла изъ комнаты.

Въ комнату вошелъ Темпльтонъ: лицо его сіяло, а глаза были наполнены слезами.

— Ну, что жъ вашъ ребенокъ, серъ? спросилъ Феррерсъ.

— Она поцаловала меня, хотя я приходомъ своимъ разбудилъ ее; а дѣти всегда бываютъ капризны, когда ихъ разбудить не во-время.

— Неужели, бѣдняжка! Ну, серъ, не правъ ли я? Но позвольте мнѣ прочесть письмо.

— Вотъ оно.

Феррерсъ подвинулъ стулъ къ камину, и прочелъ свое произведеніе съ удовольствіемъ безъимяннаго автора.

— Какъ обязательно!... какая глубокая обдуманность!... какое деликатное изложеніе! двойная милость! Но, можетъ-быть, она-накожъ, это не соотвѣтствуетъ вашимъ желаніямъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Какъ... а на счетъ меня?

— Тебя! да развѣ въ этомъ письмѣ упоминается что-нибудь о тебѣ? Я этого не замѣтилъ.... дай-ка посмотрѣть.

— Дядя совсѣмъ не егонистъ! фраза, годная въ книгу подъ заглавіемъ «собраіе мыслей»! подумалъ Феррерсъ.

Прочитавъ письмо снова, дядя нахмурилъ брови.

— Этого нельзя сдѣлать, Люмлей, сказалъ онъ.

— Прямо засѣдать въ парламентъ слишкомъ великая честь; не правда ли, серъ? сказалъ Люмлей, горькимъ тономъ, хотя въ душѣ своей не чувствовалъ ни малѣйшаго оскорбленія; но по его расчету этотъ тонъ въ настоящую минуту былъ необходимъ. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы удовлетворить ваше честолюбіе, а вы не можете протянуть руку, чтобы помочь мнѣ открыть себѣ карьеру; но извините меня, серъ, я не имѣлъ никакого права ожидать отъ васъ этого.

— Люмлей! сказалъ Темпльтонъ дружескимъ голосомъ: ты не понялъ меня. Я уважаю тебя гораздо болѣе, чѣмъ когда-либо.... да, гораздо болѣе. Въ твоемъ поведеніи видны твердость и благоразумная воздержность, что весьма похвально, и ты непремѣнно поступишь въ парламентъ, если желаешь этого, только не депутатомъ города "....", на это мѣсто мнѣ хотѣлось бы выставить другаго приверженца правительства, а въ заглавіи оно должно дать тебѣ коронное мѣсто! Для тебя все равно.

Люмлей былъ пріятно удивленъ. Онъ съ жаромъ пожалъ руку дяди и благодарилъ его отъ чистаго сердца! Мистеръ Темпльтонъ продолжалъ излагать всю неумѣстность и всѣ издержки, сопряженные съ депутатствомъ въ томъ городѣ, гдѣ извѣстны всѣ связи и родство человѣка, занимающаго эту должность, а Люмлей соглашался со всѣми его доводами:

— Что же касается до званія пера, кажется, я не ошибаюсь, сказалъ Темпльтонъ, и тотчасъ же впалъ въ задумчивость, изъ которой вышелъ, вскричавъ съ какою-то необыкновенною радостью: да, я не ошибаюсь! Сколько плановъ, сколько предположеній толпится въ головѣ моей!... это примирить всѣхъ.... ничего не могло быть лучше.... по смерти моей ты получишь то званіе.... Но какое же прозвище дадимъ мы нашему титулу?

— Выберите какое-нибудь позвучивѣе; но у васъ, кажется, ма-земель во владѣніи?

— Одна земля купленная съ аукціона и приносящая двѣ ты-сячи гиней годоваго дохода.

— Какъ она называется?

— Грюблей.

— Лордъ Грюблей!... Баронъ Грюблей, де-Грюблей... о! это ужасно, кто владѣлъ этою землею передъ вами?

— Я ее купилъ отъ мистера Жипшенкса.... весьма древняя фамилія.

— Но вѣрно какой-нибудь Норманъ владѣлъ когда-либо этою землею?

— Норманъ, да! Генрихъ Второй пожаловалъ эту землю Бертрану Корвалю.

— Ну вотъ это такъ.... именно такъ,... лордъ де-Корвалъ... чудное соединеніе!... Вы должны происходить отъ этой древней фамиліи. Герольдія изложитъ все своимъ порядкомъ. Лордъ де-Корвалъ! что можетъ звучать пріятнѣе этого? На этой землѣ должно находиться селеніе или какой-нибудь развалившійся замокъ, которые должны носить названіе Корвала!

— Кажется нѣтъ. Селеніе называется Колдуль-Эндъ.

— Колдуль-Эндъ.... Колдуль-Эндъ!... но это то же самое, серъ, то же самое.... ясно, что Колдуль-Эндъ есть историческое названіе Корвала! Лордъ де-Корвалъ, де-Корвалъ!... Прощайте! но!... ха, ха, ха!

Темпльтонъ также засмѣялся, что съ нимъ не случилось съ тѣхъ-поръ, какъ ему минуло тридцать лѣтъ.

Родственники присидѣли до поздней ночи, разговаривая довольно дружески. Феррерсъ ночевалъ на виллѣ. Онъ спалъ крѣпко, потому-что не думалъ уже о планахъ, которые были составлены вполнѣ и вполовину уже исполнены; начато этой работой держало его на сторожѣ, тогда онъ спалъ до крѣпчайшей, которая чувствуетъ дичь. Не то происходило съ Темпльтономъ, который не сомкнулъ глазъ во всю ночь.

— Да, да, думалъ онъ, благоразумно приступивъ къ этому дѣлу, я могу соединить и титулъ и состояніе въ одну личію. Да Феррерсъ заслуживаетъ то, что я хочу сдѣлать для него. Обращенъ.... добръ.... чистосердеченъ.... и къ этому же войдетъ далеко.... да, да.... я это вижу.... Однакожь я хорошо сдѣлалъ, что отклонилъ его отъ депутатства въ городѣ; это могло бы возбудить толкъ о мистрисъ Темпльтонъ.... да, да, другихъ вещахъ.... что было бы весьма непріятно. О! а ты ии человекъ!....

III.

Ломей. Ну, маркизъ, это я сдѣлалъ.

Моктесана. Вы! прекрасное дѣло, нечего сказать!

Герцогиня де-ла-Валлеръ.

Ломей спѣшилъ ковать желѣзо, пока оно было горячо. На слѣдующее утро онъ поѣхалъ прямо въ казначейство, видѣлся съ секретаремъ, тонкимъ и хитрымъ человѣкомъ, который управляетъ всѣми дѣлами, и который, подобно Феррерсу, вышелъ въ свѣтъ интригами, и притворно грубымъ, безпечнымъ и прохвильнымъ обращеніемъ.

Феррерсъ объявилъ, что онъ намѣренъ предложить себя въ кандидаты свободнаго и всѣми уважаемаго города "....", въ которомъ находится до 2500 избирательныхъ голосовъ. Этотъ городъ былъ почетнымъ мѣстомъ для депутата во-время старой конституціи, и считался независимымъ на выборахъ.

Секретарь поздравилъ его и наговорилъ ему много лестнаго, — Мы послѣднее время потеряли страшныя потери на выборахъ въ большихъ городахъ, сказала Ломей.

— Да, да, въ-самомъ-дѣлѣ... въ шесть мѣсяцевъ потеряли мы три города. Члены умираютъ иногда такъ некстати!

— Имѣетъ ли городъ лордъ Стончъ? спросилъ Ломей.

Этотъ лордъ Стончъ былъ въ настоящее время такой человекъ, котораго нужно было держать на показъ, какъ артиллерійскую пушку, которая иногда и не дѣйствуетъ, а все-таки важна своею наружностью. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не занимая никакой должности, тѣмъ болѣе полагаютъ, что никому ничѣмъ необязаны. Всѣ знаютъ, что онъ отлучается отъ многихъ мѣстъ, а между-прочимъ, имѣя большой капиталъ, онъ поддерживалъ министерство во всѣхъ его критическихъ обстоятельствахъ. Лордъ Стончъ безразсудно отказался отъ короннаго мѣста, надѣясь быть депутатомъ какого-нибудь большого города, но онъ ошибся въ расчетѣ. Его неудача казалась всѣмъ предвѣстникомъ будущихъ неудачъ цѣлаго министерства.

— Выбранъ ли лордъ Стончъ? спросилъ опять Ломей.

— Онъ остался въ томъ же самомъ мѣстѣ, въ которомъ за-

сѣдалъ прежде, въ Три-Оксѣ. Три-Оксѣ прекрасное, спокойное мѣстечко, избиратели котораго были всегда самые почтенныя люди, все родственники или пріатели лорда Стонча.

— Это мѣсто какъ разъ по немъ, однакожъ очень жаль, что онъ не предложилъ себя по городу "****"; съ вліаніемъ моего дяди городъ, безъ сомнѣнія, остался бы за нимъ.

— Я самъ думалъ объ этомъ, въ то время какъ открылась ваканція. А теперь уже поздно.

— Однакожъ министерская партія могла бы восторжествовать, если-бы лордъ Стончъ могъ показать, что онъ выбранъ безъ всякихъ интригъ и издержекъ, однимъ большинствомъ голосовъ.

— Безъ всякихъ интригъ и издержекъ! Ахъ! да, въ самомъ дѣлѣ.... это доказало-бы, что справедливость въ выборахъ не химера.... что британскія установленія еще сохраняются въ первобытной чистотѣ.

— Это могло-бы устроиться, серъ....

— Какъ! а я полагалъ, что вы....

— Что я домогаюсь въ депутаты по этому городу... вы правы... и надобно признаться, что дядю трудно будетъ уговорить поступить иначе, но онъ меня очень любитъ... вы знаете, вѣдь я его наслѣдникъ.... я надѣюсь, что я уговорю его.... то-есть, если вы полагаете, что это будетъ большая выгода для партіи и большая услуга правительству.

— Дѣйствительно, мистеръ Феррерсъ, это будетъ съ руки, какъ правительству, такъ и партіи.

— А я, въ такомъ случаѣ взялъ бы мѣстечко въ Три-Оксѣ.

— Понимаю.... именно такъ.... но уступить такое важное депутатство.... это дѣйствительно жертва.

— Ни слова болѣе, все будетъ сдѣлано. Депутація немедленно отправится къ лорду Стончу, съ предложеніемъ. Я увижу между-прочимъ съ дядей, и онъ пошлетъ естафету въ городъ "****" сегодня же вечеромъ, по-крайней-мѣрѣ, а такъ надѣюсь. Нельзя слишкомъ быть увѣрену. Дядя уже старъ и одинокъ, могу изъ него что-нибудь сдѣлать.... Я сію же минуту ѣду къ нему.

— Будьте увѣрены, мистеръ Феррерсъ, что министры оценятъ благородство вашего поступка.

Люмлей крѣпко пожалъ руку секретаря и удалился.

Секретарь былъ не такъ простъ, чтобы вѣрить словамъ Феррерса, да Феррерсъ и не имѣлъ намѣренія обману-

его. Секретарь замѣтилъ (и замѣчаніе этого господина оправдано въ дѣлѣ), что Люмлей Феррерсъ желаетъ получить какое-нибудь мѣсто, в такъ какъ онъ имѣетъ сильную опору въ парламентѣ, то по этому случаю ему надобно дать дорогу.

Вскорѣ послѣ того во всѣхъ газетахъ объявлено было объ избраніи, послѣ жаркихъ преній, по большинству голосовъ лорда Стонча въ депутаты города ***. Министерскіе журналы гремѣли радостными кликами, а журналы противной стороны давали избирателямъ города *** не совсѣмъ лестныя названія, и объявляли, что мистеръ Стоутъ, сонскатель лорда Стонча, намѣренъ протестовать противъ неправильности выборовъ, чего онъ никогда не сдѣлалъ. Посреди этого шума мистеръ Люмлей Феррерсъ спокойно и незамѣтно вползъ въ депутатство мѣстечка Фри-Окса.

Въ самый день своего избранія онъ поѣхалъ вечеромъ къ лорду Саксингему; но что произошло въ салонахъ этого вельюки, заслуживаетъ новой главы).

IV.

Линдоргъ. О! мнѣ кажется, я задыхаюсь.... я долженъ говорить....

Я люблю.... Теперь молчите, молчите, говорятъ вамъ.

Дальнеръ. Вы любите!... Ха!... ха!... ха!...

Линдоргъ. А онъ смѣется.

Дальнеръ. Нѣтъ; я по истинѣ жалю васъ.

Нѣмецкая комедія.

..... Что здѣсь такое?

Золото!

Шекспиръ.

Случилось такъ, что въ этотъ самый вечеръ Мальтраверсъ въ первый разъ поѣхалъ къ лорду Саксингему, послѣ многочисленныхъ приглашеній, которыми тотъ его удостоивалъ. Его имѣность и Мальтраверсъ принадлежали къ различнымъ политическимъ партіямъ и ни подъ какимъ видомъ не могли сойтись съ другимъ. Лордъ Саксингемъ былъ умный человекъ въ своемъ родѣ, но честолюбивъ до такой степени, что често-

любіе его выказывалось рѣзко, даже въ томъ обществѣ, гдѣ оно преобладаетъ надъ всѣми чувствами. Лордъ Саксингемъ могъ опровергнуть старинную поговорку, что человекъ рожденъ ходить прямо для того, чтобы смотрѣть на зѣблы. Онъ же, кажется, рожденъ былъ изгибаться. Хотя предки его были знамениты по исторіи, и самъ онъ пользовался высшимъ званіемъ и нѣкоторою личною извѣстностью, но честолюбіе его можно было уподобить честолюбію *выходца*. Его уваженіе къ службѣ проистекло не изъ той высокой любви къ этому акивно великому дѣлу—управленію судьбами народовъ, а изъ того обыкновеннаго чувства, что она придавала важности его собственной персонѣ.

Онъ смотрѣлъ на свой министерскій мундиръ, какъ ребенокъ смотритъ на золотую погремушку. Онъ любилъ оказывать претенцію, и потому давалъ хорошіе мѣста всѣмъ своимъ, или самымъ дальнимъ родственникамъ; однимъ-словомъ, онъ любилъ наслаждаться земными благами.

Онъ не понималъ Мальтраверса, а Мальтраверсъ, гордость котораго возрастала съ каждымъ днемъ, презиралъ его. Такъ какъ о Мальтраверсѣ прошла молва, что онъ долженъ современнымъ возвыситься, то лордъ Саксингемъ почелъ за нужное быть учтывимъ съ такимъ человекомъ, къ какой бы партіи онъ не принадлежалъ. Къ тому же онъ любилъ окружать себя людьми извѣстными, потому-что это льстило его честолюбію. Онъ стоялъ слишкомъ высоко и былъ слишкомъ занятъ, и потому ему не приходило и въ голову, чтобы Мальтраверсъ могъ быть не чистосердеченъ, отвѣчая на его записки слѣдующими словами: «очень жалко», или «весьма прискорбно, что не могу воспользоваться честью обѣдать у лорда Саксингема и проч., и проч.» вслѣдствіе чего онъ повторялъ свои приглашенія лѣтъхъ-поръ, пока Мальтраверсъ согласился наконецъ воспользоваться этимъ необыкновеннымъ вниманіемъ.

Онъ пріѣхалъ поздно; гостей было, уже много. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ хозяиномъ, Эрнестъ виѣшался въ теплу и очутился какъ разъ подлѣ самой леди Флоренсы Лессельс. Она никогда не нравилась Мальтраверсу, потому-что онъ не любилъ ни мужественныхъ, ни кокетливыхъ женщинъ, а ему казалось, что леди Флоренса заслуживала оба эти названія; вслѣдствіе чего, несмотря на то, что они встрѣчались не рѣдко послѣ того дня, въ которой онъ былъ представленъ ей. Эрнестъ обыкновенно отдѣливался поклономъ, или самымъ обыкновеннымъ привѣтствіемъ. Теперь же, осмотрѣвшись и

онъ, онъ увидѣлъ ее; она, какъ бы по необыкновенному чуду смѣла одна, и на ея поразительно-благородномъ лицѣ вырешалось видимое страданіе, которое удивило и тронуло его. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ ни поразительна была красота лица и формы леди Флоренсы, однакожъ; въ необыкновенномъ блескѣ глазъ ея и слишкомъ яркомъ румянцѣ искусный врачъ видѣлъ бы дурное предназначеніе. Когда же временное нездоровье заставляло блѣднѣть эти прелестныя щеки и сгоняло улыбку съ этихъ очаровательно обрисованныхъ губокъ, то самый неопытный наблюдатель, смотря на нее, вспомнилъ бы старинную народную пословицу: «самый красивый цвѣтокъ цвѣтеть самое короткое время.» Можетъ-быть, такого рода мысли пробудили въ Мальтраверсѣ сочувствіе къ этой молодой дѣвушкѣ. Онъ сѣлъ подлѣ нея, и заговорилъ съ необыкновенною учтивостію.

— Вы, вѣроятно, были въ палатѣ, мистеръ Мальтраверс? сказала леди Флоренса.

— Да, я заѣзжалъ на короткое время; сегодня намъ не предстояло никакого сраженія, и теперь, вѣроятно, заѣданіе уже кончилось.

— Нравится ли вамъ эта жизнь?

— Въ ней есть своего рода побужденія, сказалъ Мальтраверсъ, избѣгая точнаго отвѣта.

— Я знала, что вы такъ должны чувствовать! воскликнула леди Флоренса, и щеки ея вспыхнули яркимъ румянцемъ.

— Право? сказалъ Мальтраверсъ. Эта фраза сколько удивила его, столько же и заинтересовала. — Я никогда не могъ бы вообразить, что вы удостоите отгадывать такіа незначительныя тайны.

— Въ такомъ случаѣ вы ко мнѣ несправедливы, отвѣчала леди Флоренса съ хитрою, но вѣсткѣ съ тѣмъ и грустною улыбкою: — потому-что... но я чуть не сказала вамъ дерзости.

— Ничего, сманите.

— Въ такомъ случаѣ... я хотѣла сказать... что не можетъ быть, чтобы вы не отдавали сами себѣ должной справедливости.

— О! вы считаете меня надменнымъ гордецомъ; но это общее заключеніе, и вы, можетъ-быть, правы, вѣря этимъ словамъ.

— Но есть-ли хоть одинъ человекъ въ мірѣ, который не созна-

валъ бы свои достоинства? спросила леди Флоренса гелосотъ, въ которомъ выразилась благородная гордость: — кто не дѣлаетъ себя; тотъ, вѣрно, имѣеть достаточныя на то причины.

— Вы стараетесь залечить рану, которую нанесли вы же сами, сказалъ Мальтраверсъ, улыбаясь.

— Нѣтъ; то, что я сказала, служило оправданіемъ сколько мнѣ, столько же и вамъ. Вы не нуждаетесь въ словахъ, чтобы отмстить за себя.... вы мужчины.... вы можете стоять крѣпко, не выказывая ни малѣйшей гордости, имѣя въ защиту одну царственный девизъ: «Dieu et mon droit.» Вы дѣствіями можете уничтожить всѣ притязанія; а я женщина.... это ошибка природы!

— А какое торжество мужчины можетъ сравняться съ дѣствительными наслажденіями прекрасной и всѣми любимой женщины.... которая каждую гостиную можетъ считать своимъ царствомъ и всѣ классы народа своими почитателями?

— Такое преимущество не лестно.

— Если такъ, чему же можно завидовать?

Леди Флоренса быстро повернулась къ Мальтраверсу, и устремила на него свои большіе черные глаза, какъ будто хотѣла читать въ самой глубинѣ его сердца, потомъ такъ же быстро отвернулась, покраснѣла, и нахмурила брови.

— Губы ваши выражаютъ насмѣшку, сказала она.

Прежде чѣмъ Мальтраверсъ успѣлъ отвѣчать на это, слуга доложилъ объ обѣдѣ, и какой-то иностранный посланникъ подавъ руку леди Флоренсъ. На жребій же Мальтраверса досталась молодая дама съ золотыми колосьями въ свѣтлорусыхъ волосахъ, и онъ повелъ ее въ столовую, занятый мыслью о леди Флоренсъ Лессельсъ, чего съ нимъ никогда еще не случилось.

За столомъ ему пришлось сѣсть какъ разъ напротивъ молодой хозяйки дома. Лордъ Сакснigemъ, какъ читателю уже извѣстно, былъ вдовецъ, а леди Флоренса единственная дочь его. Въ этотъ день Мальтраверсъ былъ, что называется въ уларѣ; всѣ способности его ума, которыми одарила его природа, какъ бы выплыли наверхъ, переполнены жизнью. Онъ говорилъ много и красно. Обратившись къ леди Флоренсъ, чтобы спросить ея мнѣнія о какомъ-то спорномъ предметѣ, онъ встрѣтилъ взоръ ея, устремленный на него съ такимъ жаромъ, которое тотчасъ же умѣрило его веселость, и заставило погрузиться въ безпокойную задумчивость. Въ этотъ же

рѣ выражалось такое истинно-сердечное удивленіе, но смѣшанное съ такою грустью, что оно теряло всю свою прелесть, и скорѣе, можно сказать, огорчало Мальтраверса, чѣмъ льстило ему.

Послѣ обѣда, войдя опять въ гостиныя, Мальтраверсъ нащелъ ихъ наполненными обыкновенными поствителами хорошаго общества. Въ одномъ углу онъ увидѣлъ Кастріюччіо Чезарини играющаго на гитарѣ, которая висѣла у него черезъ плечо на голубой лентѣ. Итальянецъ пѣлъ хорошо; вокругъ него собралось нѣсколько молодыхъ дѣвиць, въ числѣ которыхъ была Флоренса Лессельсъ. Какъ онъ любилъ Мальтраверсъ музыку, однакожъ это театральное представленіе Кастріюччіо казалось ему непріятнымъ самохвальствомъ. По его мнѣнію, идея о талантѣ должна была сливаться съ идеею о скромности, и хотя самъ онъ обладалъ совершеннымъ знаніемъ музыки и пріятнымъ, звучнымъ голосомъ, которые могли бы привести въ восторгъ все общество, но онъ скорѣе согласился бы носить за плечами органъ и показывать танцующихъ марьонетокъ, чѣмъ играть и пѣть для того, чтобы заслужить похвалы гостиныхъ. Мальтраверсъ былъ самый гордый человекъ въ мірѣ, и потому въ немъ не было нисколько тщеславія. Успѣхъ въ мелочахъ не занималъ его.

Чезарини же готовъ былъ собрать вокругъ себя цѣлый свѣтъ и играть передъ нимъ на варганѣ, еслябы зналъ, что такого рода концертъ ему удастся, и свѣтъ прядеть отъ него въ восторгъ.

— Прекрасно! дивно! прелесть! вскричали въ одинъ голосъ молодыя дѣвицы, когда Чезарини кончилъ, и Мальтраверсъ заиѣтилъ, что Флоренса разсыпала похвалы болѣе другихъ, что черные глаза Чезарини сверкали, а блѣдыя щеки его горѣли необыкновеннымъ румянцемъ.

Флоренса обратилась къ Мальтраверсу, взоры Итальянца послѣдовали за нею, и наружность его приняла чрезвычайно иррациональное выраженіе.

— Вы знаете синьора Чезарини? сказала Флоренса, подходя къ Мальтраверсу.—Онъ чрезвычайно интересный и талантливый молодой человекъ.

— Разумѣется, но мнѣ очень жаль, что онъ разсѣваетъ свои таланты по почвѣ, которая можетъ произвести одни кратковременныя цвѣты, и не думаетъ насадить ни одного дерева, приносящаго полезный плодъ.

— Онъ пользуется мануальными наслажденіями, мистеръ Маль-

траверсѣ, — и право, видя эскорбленія, сопровождающія видныя труды, я иногда думаю, что онъ правъ.

— Тсі сказалъ Мальтраверсѣ: — взоры его слѣдятъ за вами... онъ, затанувъ дыханіе, прислушивается къ каждому слову, произнесенному вами. Я боюсь, что вы слѣдали невольную побѣду надъ сердцемъ бѣднаго поэта, и если это такъ, то онъ заплатитъ страшную цѣною за манутое наслажденіе.

— Нѣтъ, сказала Флоренса равнодушно: — онъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ воображеніе замѣляетъ сердце, и если я вдохновляю его, онъ равно удовлетворенъ, владѣетъ ли лира его звуки надежды, или отчаянія. Сладость стиховъ вознаграждаетъ его за всю горечь дѣйствительной жизни.

— Есть два рода любви, сказалъ Мальтраверсѣ: — любовь и самолюбіе; раны послѣднейго бываютъ очень часто неизлечимы у тѣхъ, которые кажутся наименѣе чувствительными къ боли. Ахъ, леди Флоренса, еслибы мнѣ дано было право советовать вамъ, я осмѣлился бы сдѣлать вамъ одно замѣчаніе, хотя бы вы обидѣлись имъ.

— А въ чемъ состоитъ это замѣчаніе?

— Я посоветывалъ бы вамъ отказаться отъ кокетства.

Говоря это, Мальтраверсѣ улыбнулся, но сияющаго эту улыбку на лицѣ его выразилась какая-то торжественность и въ это самое время онъ медленно отошелъ; но леди Флоренса оставила его, взявъ за руку.

— Мистеръ Мальтраверсѣ, сказала она протнннѣ и трепещущимъ голосомъ: — обвините ли вы меня за то, если я скажу вамъ, что я жажду вашего добраго обо мнѣ мнѣнія? Не судите обо мнѣ строго. Нервы мои раздражены, а ничѣмъ недовольна, однимъ словомъ, я несчастна! Я не имѣю ни малѣйшаго чувства къ свѣту. Люди, окружающіе меня, что это такое? большая часть изъ нихъ безчувственныя, дурно воспитанныя агонсты, разодѣтые всегда, какъ куклы, и готовые все перетолковывать въ дурную сторону; а тѣ немногіе, которыхъ называютъ избранными... сколько личности въ ихъ мстолюбія, какъ не замысловаты, какъ не изыщны они въ своихъ искательствахъ! Достойна-ли я порицанія за то, что иногда выказываю надъ такими существами свою власть, которая скорѣе служитъ доказательствомъ моего презрѣнія, чѣмъ тѣславія?

— Я не имѣю никакого права разсуждать съ вами объ этомъ, сказалъ Мальтраверсѣ.

— Нѣтъ, прошу васъ, скажите мнѣ еще мнѣніе, поспѣй-

тебя убѣдить меня... будьте моимъ путеводемъ.... Богъ свидѣтель, какъ ни надменна, какъ ни сумасбродна кажусь я.... но я нуждаюсь въ путеводемѣ.... И глаза леди Флоренсы наполнились слезами.

Предубѣжденіе Эрнеста противъ этой молодой дѣвушки пошатнулось въ основаніи; онъ былъ пораженъ красотою ея и тронутъ неожиданною кротостію; однакожь сердце его оставалось свободно, и послѣ нѣкотораго молчанія, онъ отвѣчалъ ей почти холодно:

— Любезная леди Флоренса, осмотритесь вокругъ... кому въ свѣтѣ можно болѣе всѣхъ завидовать, если не вамъ? Какіе источники счастья и истинно благородной гордости открыты для васъ! Зачѣмъ вы создаете себѣ причины неудовольствія?... Для чего презираете вы тѣхъ, которые не преграждаютъ вамъ пути? Зачѣмъ смотрите вы не съ состраданіемъ на тѣхъ дѣтей Божіихъ, которыхъ природа не наградила столь роскошными дарами, и которыхъ судьба поставила гораздо выше насъ? Какое утѣшеніе находите вы, оскорбляя чувствительность и тщесловіе другихъ? Возвысьтесь въ вашемъ собственномъ уваженіи. Вы стараетесь стать выше вашего цоля, однакожь такой типъ женщины, который вы хотите представить собою, оказался бы вамъ заслуживающимъ презрѣнія въ другой женщинѣ! Семiramida не могла быть кокеткою! Ну, вотъ теперь я оскорбилъ васъ!.. Прізнаюсь... я былъ слишкомъ неделикатенъ!

— Нѣтъ, я не оскорбляюсь, сказала Флоренса, едва удерживая потокъ слезъ, готовый брызнуть изъ прекрасныхъ глазъ ея; потомъ прибавила, какъ бы про-себя,—ахъ, я слишкомъ счастлива!... Есть люди, изъ устъ которыхъ самая гордая женщина выслушаетъ всякое замѣчаніе, потому-что оно для нея гораздо пріятнѣе равнодушія.

Въ эту самую минуту Людей Феррерсъ, оживленный уснѣхами своихъ плановъ и замысловъ, вошелъ въ комнату. Его пронзительный взоръ тотчасъ же остановился на томъ углу, въ которомъ происходила сцена, показавшаяся ему совсѣмъ неумѣстною, между его богатою кузинею и Эрнестомъ Мальтраверсомъ. Онъ тотчасъ же подошелъ къ мѣсту дѣйствія, и съ своею обыкнutoю искренностию пожалъ руку Флоренсъ и Мальтраверсу.

— Ахъ, моя милая и прекрасная кузина, поздравьте меня, и требуйте отъ меня первую бланку, чтобъ присоединять ее къ коллекціи подлинниковъ прославившихся законодателей.... со-

временемъ это будетъ продаваться дорогою цѣною. Вашъ покорнѣйшій слуга, мистеръ Мальтраверсъ.... какъ отъ души восхищемся мы надъ всѣми политическими продѣлками, когда вы и я, лучшіе друзья въ свѣтѣ, засядемъ другъ противъ друга, защищая противоположныя партіи! Но скажите пожалуйста, леди Флоренса, отчего вы не познакомите меня съ вашимъ любимцемъ, синьоромъ Чезарини? Allons! Я съ нимъ посворю объ Алфieri, которымъ онъ, безъ сомнѣнія, иногда кланется, и котораго стихи, сказать между прочимъ, кажутся вырубленными изъ бамбуковаго дерева, самаго твердаго матеріала, къ которому едва ли можно было приложить механизмъ поэзіи.

Говоря такимъ образомъ, Феррерсъ надѣялся весьма основательно разлучить эту чету; они, по его мнѣнію, были созданы понимать одинъ другаго, чего онъ чрезвычайно боялся, и чему непремѣнно хотѣлъ помѣшать.... Къ великой его радости Мальтраверсъ вскорѣ послѣ этого уѣхалъ.

Феррерсъ, по необыкновенной гибкости своего характера, тотчасъ съумѣлъ заинтересовать Чезарини, а два или три колкія замѣчанія насчетъ Мальтраверса, сопровождаемыя преувеличенными комплиментами сочиненіямъ Кастрючіо, поработали совершенно сердце бѣднаго Итальянца. Блестящая Флоренса была печальнѣе и молчаливѣе обыкновеннаго; голосъ ея казался еще пріятнѣе, но въ немъ не было уже прежней игривости, когда она отвѣчала на краснорѣчивые вопросы Кастрючіо. Чезарини былъ, что называется, краснобай. Мало-по-малу Лилей смолкъ и началъ прислушиваться къ тому, что происходило между леди Флоренсою и молодымъ Итальянцемъ, углубившись по видимому въ разсмотрѣніе видовъ Рейна, которые были разложены на столѣ.

— Ахъ! сказалъ Итальянецъ своимъ звучнымъ нарѣчіемъ:— если бы вы знали, что я замѣчаю малѣйшія измѣненія на этомъ прекрасномъ лицѣ, которое считаю своимъ небомъ! Если оно покрыто облакомъ печали, я блуждаю какъ во мракѣ, когда же оно сіяетъ радостью, я становлюсь подобенъ Гебру, смотрящему на солнце!

— Для чего вы говорите со мною такимъ образомъ? Если бы не вы были поэтъ, я разсердилась бы не на шутку.

— Однакожь вы не разсердились, когда англійскій поэтъ, этотъ холодный Мальтраверсъ, говорилъ съ вами, можетъ-быть даже съ большею смѣлостью.

Леди Флоренса гордо подняла голову.

— Синьоръ Кастрючіо, сказала она, сдерживая однакожь свое

негодование и стараясь придать своему голосу товь снисходительности: мистеръ Мальтраверсъ не способенъ ни льстить.... ни....

— Ни забываться, хотѣли вы сказать.... сказалъ Чезарини, скрипя съ досады зубами. Положимъ такъ.... но было время, когда вы были не такъ суровы къ изъявленію моей преданности.

— Никогда, снѣворъ Чезарини, никогда.... но было время, когда я думала, что ваши слова не-что иное, какъ обыкновенная любезность вашей націи.... позвольте мнѣ и теперь оставаться при этой мысли.

— Нѣтъ, гордая женщина, нѣтъ.... сказалъ Чезарини съ скрываемою яростью: вы должны выслушать истину....

Леди Флоренса встала съ выраженіемъ негодованія.

— Выслушайте меня, продолжалъ Итальянецъ. Я.... я.... бѣдный иностранецъ.... презрѣнный, странствующій поэтъ.... я осмѣлился поднять на васъ мои взоры. Я люблю васъ!

Никогда Флоренса Лессельсъ не была такъ унижена и смущена. Хотя она позволяла себѣ забавляться надъ тщеславіемъ Чезарини, но никогда не думала, чтобы это дало ему право сдѣлать ей, благородной леди Флоренсъ, любимой и уважаемой первыми вельможами Англїи, такое странное и грубое признаніе. Первую минуту она подумала, что онъ сошелъ съ ума, но вслѣдъ за тѣмъ вспомнила предостереженіе Мальтраверса, и поняла, что наступило время наказанія за ея легкомысліе.

— Вы будете думать и говорить гораздо благоразумнѣе и спокойнѣе, серъ, сказала она наконецъ, когда мы встрѣтимся въ другой разъ. И съ этими словами она отошла.

Чезарини какъ бы приросъ къ мѣсту, на которомъ она его оставила; его мрачное лицо выражало такую страсть, какую рѣдко можно встрѣтить въ наружности образованнаго чело-вѣка.

— Гдѣ вы квартируете, снѣворъ Чезарини? спросилъ Феррерсъ своимъ вкрадчивымъ и обходительнымъ голосомъ. Мы могли бы отправиться вмѣстѣ, то есть тогда, когда вамъ надо-влять эти душныя комнаты.

Чезарини отвѣчалъ чѣмъ-то въ родѣ глухаго стона.

— Вы нездоровы, продолжалъ Феррерсъ : воздухъ освѣжить васъ.... пойдите.

И онъ ускользнулъ изъ комнаты. Итальянецъ машинально послѣдовалъ за нимъ. Ночь была тихая, ясная; полная луна ярко освѣщала землю. Нѣсколько минутъ они шли одинъ под-

лѣ другого, сохранила глубокое молчаніе; наконецъ Ферреръ прервалъ его.

— Извините меня, любезный сибьоръ, но вы, можетъ-быть уже замѣтили, что я чистосердечный оригиналь. Я вижу, вы поражены красотой моей жестокой кувшины. Не могу ли я услужить вамъ какимъ-нибудь образомъ?

Человѣкъ, знакомый короче съ свѣтомъ, въ которомъ онъ живетъ, возымѣлъ бы подозрѣніе къ такой искренности родственника богатой насидницы съ столь незавиднымъ притязателемъ; но Чезарини, подобно большей части обыкновенныхъ римачей, и даже въ некоторымъ извѣстнымъ поэтамъ, не имѣлъ здраваго смысла. Онъ находилъ весьма естественнымъ, что человѣкъ, восхищающійся его стихами, (а Люмлей постарался утѣрить его въ этомъ) принимаетъ живое участіе въ его счастьи; вслѣдствіе чего и отвѣчалъ съ великимъ жаромъ:

— О! серъ, это дѣйствительно поразило меня, какъ громомъ. Я мечталъ, что она любитъ меня. Она была всегда такъ мила, такъ привѣтлива въ разговорѣ со мною. Въ стихахъ я уже говорю о любви моей, и не получимъ на это никакого замѣчанія.

— Стихи ваши выражали любовь точную, ясную и ясное отъ вашего лица?

— Чувство, можетъ-быть, было въсколькo затемнено... вложено въ уста лица вымышленнаго, а иногда выражалось аллегорически.

— О! вскричалъ Ферреръ, думая самъ про себя, что весьма вѣроятно, что надменная, воспитанная тысячами голосами Флоренса скользнула небрежнымъ взоромъ по строкамъ, которыя стоили бѣдному Чезарини такихъ страшныхъ мучъ, и которыя внушили ему такую смѣлую надежду. О! а сегодня вечеромъ она обошлась съ вами гораздо суровѣе! Она ужасная кокетка, эта прекрасная Флоренса! Но нѣтъ ли у васъ соперника?

— Я отгадалъ.... я видѣлъ.... я знаю его!

— Кого же вы подозреваете?

— Этого проклятаго Мальтраверса. Онъ заграждаетъ мнѣ путь повсюду.... при всякой встрѣчѣ звѣзда моя блѣднѣетъ передъ его яркою звѣздой. Увида его, я прочелъ мой приговоръ.

— Если это Мальтраверсъ, сказалъ Ферреръ съ важностью: опасность не такъ еще велика. Флоренса рѣдко видѣлась съ нимъ, и онъ не слишкомъ восхищается ею, но она одна изъ лучшихъ партій Англій, а онъ честолюбивъ. Между прочимъ вы должны быть на стражѣ, потому что я не люблю Мальтра-

веря такъ же какъ и вы, и готовъ помочь вамъ отъ чистаго сердца, чтобы разрушить въ этомъ случаѣ всѣ его планы и надежды.

— Великодушный, благородный другъ! Однакожъ надобно вспомнить, что онъ богаче, знатнѣе меня.

— Положимъ и такъ; но это не будетъ мѣшать вашему искательству. Не буду говорить вамъ, что я не желалъ бы, чтобы моя кузина вышла за соотечественника, равнаго себѣ по званію.... но я люблю васъ, а Мальтраверса ненавижу. Она большая мечтательница.... любить поэзію до страсти.... кажется и сама писать стихи. Вы могли бы привязать ее къ себѣ.... но увы! какимъ образомъ вы теперь увидите съ нею?

— Увижусь съ нею! Что вы хотите сказать этимъ?

— Какъ! непривнавались ли вы ей въ любви сегодня вечеромъ! Я вѣроятно подслушалъ васъ. Не думаете ли вы, что послѣ такого признанія леди Флоренса захочетъ принять васъ къ себѣ; то есть, въ такомъ случаѣ, если искательства ваши она находитъ неумѣстными?

— Ахъ, я гаупецъ!... не вѣтъ.... она должна.... она увидитъ меня.

— Будьте увѣрены, что въ этой странѣ насиліе не въ модѣ. Примите мой совѣтъ, напишите покорное оправданіе, сознайтесь въ какой ошибкѣ, и вымолите прощеніе; объявите, что вы отказываетесь навсегда отъ роли влюбленнаго, а просите принять васъ, какъ друга. Успокойтесь и выслушайте меня до конца; я старѣе васъ, я знаю мою кузину; это уколетъ ее скромность ваша тронетъ ее, а холодность разбудитъ ее тщесловіе. Между прочимъ вы будете наблюдать за успѣхами Мальтраверса.... я буду помогать вамъ; и вдвоемъ, выражаясь по просту.... мы постараемся окончить его дѣло. Послѣ чего останется ваша пора... васъ ожидаетъ ярко освѣщенная сцена и прекрасная комедія.

Сначала Чезарини сопротивлялся, но наконецъ и онъ понял тонкость податки Люмлея, но Феррерсъ неотсталъ до-тѣхъ-поръ, пока не заставилъ Итальянца принять и олобнить его совѣты. Онъ довелъ Кастрюччіо до какого-то клуба, проинктовалъ ему письмо къ Флоренсѣ, и взялся доставить его самъ. Но этимъ сцена не кончилась.

— Вамъ необходимо также, сказалъ Люмлей, послѣ нѣкотораго размышденія, написать къ Мальтраверсу.

— Для чего это?

— На это есть своего рода причина.... спросите у него не

праву старой дружбы, его мнѣнія о леди Флоренсѣ... утѣрае его, что она любитъ насъ, и вытѣдайте, что онъ думаетъ объ этомъ союзѣ.

— Но для чего все это?

— Его отвѣтъ будетъ намъ современемъ полезенъ, сказал Люмлей задумчиво. Постойте, я продиктую вамъ и это письмо.

Удивленный Чезарини колебался, но Люмлей Ферреръ успѣлъ уже приобрести власть надъ слабымъ и страстнымъ во-этомъ. Вслѣдствіе чего онъ нависалъ то, что продиктовалъ ему Люмлей. Письмо начиналось обыкновенными сомнѣніями о счастіи брака вообще, затѣмъ слѣдовали извиненія въ недавней холодности къ Мальтраверсу, а напоследокъ спрашивалось у него дружескаго мнѣнія, какъ о характерѣ леди Флоренсы, такъ и о возможности его собственныхъ успѣховъ.

Это письмо, также какъ и первое, Люмлей запечаталъ и отправилъ по принадлежности.

— Теперь вы понимаете, сказалъ онъ потомъ Чезарини отрывисто: что дѣль этого письма заключается въ томъ, чтобы вынудить у Мальтраверса полное и откровенное признаніе въ его нерасположеніи къ леди Флоренсѣ... мы извлечемъ изъ него пользу при случаѣ... то есть, когда онъ возымѣетъ намѣреніе быть нашимъ соперникомъ... Теперь же идите домой, успокойтесь... вы, кажется, изнемогаете. Прощайте, мой другъ.

— Я давно уже имѣлъ предчувствіе, сказалъ Люмлей своему обычному повѣренному, то есть самому себѣ, продолжая путь въ свою Грит-Джорджскую улицу, что эта сумасбродная дѣвушка заберетъ въ свою мечтательную голову романическія идеи насчетъ Мальтраверса; но я не дамъ этимъ идеямъ созрѣть, и тѣмъ отстраню отъ себя всѣ непріятности. Между прочимъ, въ случаѣ надобности, я запасаюсь уже полезнымъ инструментомъ. Клянусь Юпитеромъ, этотъ поэтъ глупъ, какъ осель! Таковъ былъ и Кассіо, однакожъ Яго умѣлъ извлечь изъ него для себя пользу. А что еслибъ Яго жилъ въ наши времена и отказался бы отъ своей глупой идеи мщенія, вотъ былъ бы молодецъ... по-крайней-мѣрѣ первый министр!

Блѣдный, разстроенный, истощенный до изнеможенія Кастрочіо Чезарини послѣ продолжительной ходьбы достигъ шлюпецъ до своего бѣднаго жилища, находившагося въ предмѣстьи Чельси. Состояніе его было уже растрачено; онъ прометалъ его на то, чтобы доставить своему безумному, ненасытному тщеславію самую бѣдную пищу... чтобы прослать вопреки сво-

нѣхъ наклонностямъ и обстоятельствамъ, взятымъ Лотаріо... внимательнымъ человѣкомъ.... трубадуромъ новѣйшихъ временъ!... Онъ безразсудно тратилъ деньги на покупку лошадей... драгоценныхъ вещей.... богатой одежды.... на изданіе своихъ непроданныхъ поэмъ на веленовой бумагѣ съ золотымъ обрѣзкомъ.... игра же довершила разореніе.... а все это произошло отъ того, что Кастрюччіо Чезарини, не имѣя возможности промываться болѣе Эрнеста Мальтраверса, хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ сдѣлаться моднѣе его!

Такова участь всѣхъ несчастныхъ авантюристовъ, которые крадичиваютъ свою славу салонами и будуарами. Каждый изъ нихъ, поэтъ онъ или денди, разбогатѣвшій выходецъ или младшій сынъ аристократической фамиліи.... равно подтвердитъ собою всѣмъ извѣстное изреченіе, что ложный путь къ славѣ състанетъ обломками спокойствія, счастья, богатства, и даже иногда чести. Однакожъ этотъ бѣдный молодой человѣкъ смѣлъ еще надѣяться получить руку леди Флоренсы Лессельсъ! Онъ имѣлъ въ-которыхъ общія свѣдѣнія объ иностранцахъ, напри-мѣръ: что Англичанки выходятъ замужъ почти всегда по любви, что онѣ большія мечтательницы, — и что земля, находящаяся между тремя морями, такъ же изобильна богатыми наследствами, какъ и можжевеловникомъ. Къ тому же его тщеславіе такъ разрослось и укоренилось, что проникло наконецъ, какъ въ нравственную, такъ и въ умственную его систему.

Дойдя до своихъ воротъ, Чезарини внимательно осмотрѣлся кругомъ, потому-что онъ воображалъ, что и въ этомъ уединенномъ и неосищенномъ мѣстѣ найдутся люди, которые захотятъ взглянуть на знаменитаго поэта! Онъ тщательно скрывалъ всѣхъ мѣсто своего пребыванія, ѣлъ одну булку, когда случалось не обѣдать внѣ дома, и давалъ свой адресъ въ клубъ рѣзвѣжающихъ. Осмотрѣвшись кругомъ, какъ мы уже сказали выше, онъ увидѣлъ какую-то длинную фигуру, завернутую въ лашъ, которая слѣдовала за нимъ издалека, изъ самой многочисленной улицы города, но въ ту же самую минуту фигура порывалась и исчезла во мракѣ. Чезарини едва втащился на лѣстницу своего втораго этажа. На другой день передъ обѣдомъ ему подали пакетъ, въ которомъ былъ вложенъ билетъ на сто унцовъ стерлинговъ, завернутый въ бѣлую бумагу. Рука, писавшая адресъ, была Чезарини совершенно незнакома; гордость же была глубоко оскорблена. Несмотря на свое крайнее положеніе, онъ не хотѣлъ обратиться съ просьбою даже къ своей

родной сестрѣ. Была-ли эта помощь отъ нея или отъ де-Монтеня? Онъ совершенно терялся въ догадкахъ. Онъ отложилъ этотъ билетъ въ сторону, и не дотрогивался до него вѣсколькихъ дней, потому-что и въ этомъ бѣдномъ перѣ пробуждались и тогда возвышенные чувства! Но должники начали приставать съ росписками, и билетъ былъ раздѣленъ.

Спустя два дня, Чеварини принесъ Феррерсу свѣтъ, который онъ получилъ отъ Мальтраверса. Люмлей весьма-счастлииво предвидѣлъ, что возвышенная душа Эрнеста придетъ и негодование, узнавъ о кокетствѣ Флоренсы, которая она не родила въ головѣ бѣднаго Итальянца мечты, которыя никогда не могли осуществиться, и зналъ заранее, что онъ будетъ говорить объ этомъ открыто и съ увлеченіемъ. Такъ и случилось; однакожъ въ выраженіяхъ его было болѣе красноречія чѣмъ Феррерсъ ожидалъ.

— Это не совсѣмъ-то, что намъ нужно, сказалъ Феррерсъ прочтя письмо два раза: — однакожъ и это въ свое время будетъ хорошая карта въ нашихъ рукахъ... мы приберемъ.

Говоря это, онъ занеръ письмо въ свою конторку, а Чеварини вскорѣ забылъ о его существованіи.

V.

Она была подобна мидвію восторгу, и впервые представилась удивительной мощи и рама. Чудный подарокъ, дивный подарокъ одного мгновенія моей жизни!

Прошло вѣскольکو недѣль, прежде чѣмъ Мальтраверсъ уѣзжалъ опять съ земли Флорансою. Впродолженіе этого времени Люмлей Феррерсъ вступилъ въ парламентъ. Въсегда своему праву—дѣйствовать не иначе, какъ имѣя положительную цѣль и вѣрную надежду достигнуть ее, мастеръ Феррерсъ не поспѣдовалъ примѣру большей части иныхъ-послушавшихъ депутатовъ, на которыхъ останавливается всеобщее вниманіе.

и домогался чести говорить большую первую рѣчь. Онъ былъ чрезвычайно смѣлъ и находчивъ, но не имѣлъ дара краснорѣчія; къ тому-же онъ зналъ, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ, требующихъ большихъ рѣчей, главныя парламентскія орудія любили извергать огонь безъ всякихъ вспомогателей. Онъ избѣгалъ также тѣхъ подводныхъ камней, на которые попадаютъ самые способные молодые люди, впиваясь, какъ пиявки, въ наимощнѣйшія дѣла и разбирая ихъ въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ; въ вознагражденіе за этотъ трудъ они прослылаются скучными и неспособными къ дѣламъ большей важности. Люмлей-же говорилъ часто, коротко и смѣло, приправляя свои дѣла порядочною дозою забавной личности. Онъ былъ такой шутникъ, которому министръ поручалъ говорить то, чего не смѣли-бы сказать другіе, и его искренняя неустрашимость открывала всегда то, что могло-бы показаться нарушеніемъ порядочнаго тона. Вскорѣ онъ сдѣлался любимымъ ораторомъ тѣхъ людей, которые смотрятъ на парламентскія засѣданія, какъ на зрѣлища, и никогда не стараются узнавать о предметѣ спора. Между Феррерсомъ и Мальтраверсомъ породилась видная дружба. Эрнестъ, видя переиначивость мнѣнія бывшаго своего друга, началъ считать его политическимъ лицемеромъ безъ правилъ и безъ правилъ. Люмлей-же, зная, что Мальтраверсъ не можетъ уже принести ему никакой личной пользы, желалъ въ всей души разорвать бесполезную дружбу; къ тому-же онъ находилъ благоразумнымъ завести съ нимъ ссору, чтобы имѣть предлогъ выпроводить своего предполагаемаго соперника изъ дома своего аятнаго родственника, лорда Саксингема, но до сихъ поръ еще не представилось случая къ исполненію этого замысла, и Люмлей ежеминутно былъ на сторожѣ, готовый бросить заранѣе обдуманное острое слово, или какой-нибудь сарказмъ, въ-только откроется въ нихъ надобность.

Дѣло и парламентскія засѣданія приходили къ концу, когда Мальтраверсъ получилъ отъ Кливеленда убѣдительное приглашеніе провести нѣсколько дней въ его домѣ, гдѣ, говорилъ онъ, Эрнестъ найдетъ самое пріятное общество. Такъ какъ важныя дѣла были окончены, а новыхъ еще не предвидѣлось, то Мальтраверсъ былъ чрезвычайно доволенъ, что можетъ воспользо-ваться свѣжимъ воздухомъ и перемѣною сцены. Онъ отослалъ свой багажъ и свои любимыя книги заранѣе; вслѣдъ за тѣмъ, въ одно прекрасное утро въ концѣ августа мѣсяца, отправился одинъ по дорогѣ въ Темплъ-Гровъ. Опытъ на политическомъ поприщѣ далеко не удовлетворялъ его ожида-

нія, и даже, можетъ-быть разочаровалъ его, и онъ расхоженъ былъ прибавить къ критическому и довольно строгому обозрѣвію ошибокъ другихъ, нѣсколько замѣчаній о своемъ собственномъ поведеніи. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что слишкомъ часто уступалъ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ, осаждающимъ честнаго и чистосердечнаго человѣка при первомъ его вступленіи въ вихрь политической жизни, и увлекающимъ его отъ мѣста дѣйствія въ безграничное удлиненіе мысли. Мальтраверсъ почти незамѣтно дошелъ до тѣхъ заключеній, которые превращаютъ иногда самаго отчаяннаго теоретика, въ самаго искуснаго политическаго практика.

Прошло много недѣль, въ продолженіе которыхъ Мальтраверсъ не получалъ ни одного письма отъ своего невѣстнаго корреспондента. Онъ привыкъ къ нимъ, потому-что переписка эта продолжалась уже болѣе двухъ лѣтъ, и теперь наступилъ время, когда онъ почувствовалъ, что безъ нихъ ему какъ будто чего-то недостаетъ къ полнотѣ его жизни. Они своимъ краснорѣчивымъ смѣшеніемъ жалобъ, поученій, разочарованія, грусти и страстнаго энтузіазма часто смягчали для него неудачи и заставляли сильнѣе чувствовать торжество. Проходя умомъ всѣ подробности, касающіяся этого предмета, и покоря съ честолюбивыя мечты желанію проникнуть въ тайну невѣстной сочинительницы писемъ, Мальтраверсъ вдругъ остановился, пораженный красотой дѣвочки лѣтъ одиннадцати, вострадая прогуливалась съ нянею по аллеѣ, извивающейся вдоль большой дороги. Мы сказали, что Мальтраверса поразила красота ея; но это не совсѣмъ точное выраженіе, потому-что и правильныя и безукоризненныя черты остановили на себя взоры Мальтраверса, а необыкновенная привлекательность, разлитая по всей наружности ребенка. Можетъ-быть, другіе не замѣчали этой привлекательности, столь различной отъ обыкновеннаго очарованія блестящей красоты, но на Эрнеста она произвела-бы свое дѣйствіе и тогда, когда соединилась-бы съ самымъ обыкновеннымъ и не столь свѣжимъ личикомъ. Она заключалась въ чудной невинности и голубиной кротости выраженія. Каждый изъ насъ создаетъ себѣ идеалъ, котораго хотено считаетъ своимъ земнымъ гениемъ хранителемъ, и восхищается живыми существами, согласно съ болѣшимъ или менѣшимъ сходствомъ ихъ съ этимъ идеаломъ. Красота, посторонняя мечтамъ нашего воображенія, можетъ вырвать у насъ холодную похвалу, вотъ и все; тогда какъ одна черта, одинъ взглядъ, напоминающіе намъ видѣнія юныхъ лѣтъ, имѣютъ

взлахъ нашихъ необыкновенную прелесть, и наполняютъ душу нашу чувствомъ, которое можно уподобить пріятному восминанію. Можетъ-быть такое чувство дало Платону идею о чувствіи душъ на землѣ, потому именно, что онѣ бывають медленны заранѣе въ болѣе возвышенной сферѣ. Слѣдуя этому правилу, можно сказать, что Мальтраверсъ находилъ на томъ дѣтскомъ личикѣ неизъяснимую гармонію съ идеаломъ красоты, созданнымъ его воображеніемъ. Многія мечты дня и ночи осуществились для него въ этихъ нѣжныхъ, но веселыхъ многолубыхъ глазкахъ, въ этомъ открытомъ и спокойномъ челюсть, съ тонкими дугообразными бровями, въ этомъ носѣ, не столь правильной и безукоризненной формы, которая такъ идетъ къ мраморнымъ изваяніямъ, но которая придаетъ живому лицу слишкомъ строгое и мужественное выраженіе. Нѣтъ, и смѣтъ этотъ, котораго нельзя было назвать ни римскимъ, ни греческимъ, былъ маленькой, нѣсколько вздернутый къверху, но можно-было замѣтить въ одномъ только поворотѣ головы, служилъ какъ-бы дополненіемъ красоты прелестныхъ поджатыхъ губокъ, улыбающихся не отъ обыкновеннаго расположенія дѣтей къ безсознательной веселости, но отъ врожденнаго и постояннаго сознанія своего счастья. Вотъ типъ лица местной дѣвочки, которая какъ бы приковала къ себѣ взоръ Мальтраверса. Онъ смотрѣлъ на нее съ такимъ чувствомъ, съ какимъ художникъ смотритъ на изображеніе Богоматери Рафаэля, или на заходящее солнце Клода-Лоррена. Дѣвочка не имѣла ни малѣйшаго признака преждевременнаго кокетства и видѣла столь замѣтнаго, хотя почтительнаго удивленія Мальтраверса. Она спокойно и безъ малѣйшей робости выдержала приставшіи и краснорѣчивыи взоръ Мальтраверса, и съ дѣтскою наивностью и необыкновенною живостью обратила вниманіе своей няни на блестящую и черную, какъ смола, шерсть на граціозно выгнутую шею прекрасной арабской лошади Эрста.

Вслѣдъ затѣмъ между Мальтраверсомъ и малюткою, предметъ его восхищенія, случилось маленькое происшествіе, которое, можетъ-быть, запечатлѣло навсегда въ ея памяти эту незабвенную встрѣчу съ незнакомцемъ; вѣрно-то, что нѣсколько тѣ спустя, она живо еще помнила, какъ обстоятельства этого происшествія, такъ и черты Мальтраверса. Соломенная съ большими полями шляпка, которая всегда кажется столь граціозною головѣ ребенка, освѣтляла прелестное личико дѣвочки, но въ полдня заставилъ ее развязать ленты, придерживавшія.

шляпку на головѣ. Дорога круто поворотила въ другую сторону, мѣстность сдѣлалась открытѣе, и отъ того подвинулась впередъ, который схвативъ шляпку съ настоящей ея позиціи, бросилъ ее подъ ноги Эрнестовой лошади. Дѣвочка, какъ и подобно было и ожидать, прыгнула внизъ съ насыпи, чтобы остановить свою бѣгилку, опустилась на кочку, и испустила злобный, хотя едва слышимый стонъ. Соскочить съ лошади, поднять шляпку, и отдать ее по принадлежности, было для Эрнеста дѣломъ одного мгновенія. Бѣдная дѣвочка выжила ногу, и не могла стоять безъ помощи своей няни. Величайшій стонъ ея какъ будто пронзилъ стрѣлою сердца Эрнеста, такъ живо и необъяснимо было участіе, принимаемое имъ въ ней. Замѣтивъ безпокойство и почти исугъ на лицѣ незнакомца, она сдѣлала надъ собою усиліе, несовершенство свойственнаго ей дѣтамъ, и съ напряженною улыбкою увѣрала его, что она не ушиблась... что это ничего, пройдетъ... что она тотчасъ же будетъ дома.

— О, миссъ! сказала няня: я увѣрена, что вы очень ушиблись. Милое сердеченко, какъ баринъ рассердится. Но что это моя вина, не права ли, серъ?

— О! нѣтъ, Маргарита, это не твоя вина, не пугайся, я не буду бранить тебя. Мнѣ гораздо лучше теперь.

Съ этими словами она хотѣла идти, но усилія ея были напрасны; она вдругъ поблѣвѣла и хотя старалась удерживать стоны, но слезы текли по щекамъ.

Странно, но Мальтраверсъ никогда еще не былъ такъ глупо тронуть... у него также выступили слезы. Онъ охотно схватилъ бы ее на рукахъ, но не смотря на ея дѣтство, замѣчательная нервическая застѣнчивость удерживала его. Маргарита же, можетъ-быть, ожидала отъ него этого, она смѣло взглянула ему въ лицо, прежде, чѣмъ подняла носу, которая, вслѣдствіи ей не по силамъ, потому что она была низенькая худощавая женщина. Однакожъ, постоявъ съ минуту, она подвинула къ дѣвочкѣ, которая, устыдясь своихъ слезъ, и не могла больше выдержать страшную боль, спрятала свое личико на груди своей няни. Мальтраверсъ пошелъ съ ними рядомъ, а его вслѣдствіи разстояніи, становясь по временамъ передними, носилъ въ насыпи и срывалъ молодые листики съ разсаженныхъ въ томъ деревцевъ.

— О! Маргарита, сказала дѣвочка я не могу больше вытерпеть... право, не могу.

Въ эту минуту Мальтраверсъ замѣтилъ, что Маргаритѣ неслась малютку, не поддерживая вывихнутую ногу, что должно было причинить боль до нестерпимости. Онъ не могъ болѣе вытерпѣть.

— У васъ нѣтъ силы нести ее, сказалъ онъ съ живостью слугамъ, и черезъ минуту ребенокъ былъ уже у него на рукахъ. О, съ какою безпокойною вѣжностью Эрнестъ несъ ее! И онъ былъ такъ счастливъ, когда она, обернувъ къ нему свое улыбающееся личико, сказала ему, что теперь боль почти совсѣмъ прошла. Если бы можно было влюбиться въ одиннадцатилѣтнюю дѣвочку, то Мальтраверсъ подумалъ бы, что онъ влюбленъ. Пульсъ его сильно бился, когда ее чистое дыханіе касалось его разгорѣвшихся щекъ, а роскошные волосы, волнуемые вѣтеркомъ, разсыпались по лицу его и дотрагивались до губъ. Понизивъ голосъ, почти до шопота, онъ расточалъ ей ласковыя и утѣшительныя слова, которыя такъ свойственны друзьямъ дѣтей, а Эрнестъ Мальтраверсъ былъ кумиромъ ихъ; онъ понималъ ихъ и сочувствовалъ имъ; въ немъ самомъ было много дѣтскаго, подъ грубою корою его надменной скрытности.

Наконецъ, они дошли до сторожки, въ которой Маргарита спросила съ выраженіемъ не малаго безпокойства «дома ли баринъ и барыня», но безпокойство ее превратилось въ восторгъ, когда ей сказали, что они недавно выѣхали. Однакожъ, Эрнестъ настоялъ на томъ, чтобы донести свою ношу по долину до дому, который, подобно многимъ подгороднымъ вилламъ, отстоялъ отъ сторожки на такомъ разстояніи, что, бросивъ изъ нея камень, можно было попасть въ него. Взявъ съ няньки обѣщаніе немедленно послать за докторомъ, онъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что осторожно положилъ страдальцу на софу пріемной комнаты. Она благодарила его, и увѣряла съ протостью о уменьшеніи своихъ страданій. Дѣвочка довершила свою побѣду надъ нимъ, доказавъ, что она была выше обыкновенной дѣтской мелочности, которые любятъ преувеличить болѣзнь, чтобы возбудить состраданіе и заставить за собою ухаживать. Видно было по всему, что она была не егонетка и чрезвычайно внимательна къ другимъ. Онъ поцаловалъ ручку этого прелестнаго ребенка, и никогда еще ни одинъ кавалеръ не цаловалъ съ такимъ благоговѣніемъ руку уважаемой имъ дамы.

Образъ этой дѣвочки оставался въ его воображеніи нѣскольکو дней; но перемена сцены, развлеченія общества, серьезныя мысли челоуѣка, переходящаго отъ юности къ муже-

ству, и рядъ любопытныхъ обстоятельствъ, которыя впоследствии будутъ разсказаны, постепенно изгладили это странное и чудное впечатлѣніе. Впоследствии, однакожь, онъ узналъ, что вилла принадлежала мистеру Темпльтоу, и что дѣвочка была дочь его. Онъ писалъ къ Феррерсу объ этомъ происшествіи и просилъ его сообщить ему свѣдѣнія о бѣдной страдалицѣ. Въ свое время онъ получилъ отъ Феррерса отвѣтъ, что дѣвочка выздоровѣла и уѣхала съ мистеромъ и мистриссъ Темпльтоу въ Брайтонъ для перемѣны воздуха и для пользованія морскими ваннами.

ВИНГА ОСЬМАЯ.

• Увы! туда явилась Паллада, богиня мудрости, и Венера, гордая своимъ обольстительнымъ могуществомъ. •

Дерриидъ.

I.

Вилла Кливеленда дѣйствительно была наполнена самымъ приятнымъ обществомъ, въ числѣ котораго находилась леди Флоренса Лессельсъ. Благоразумный старикъ никогда не совѣтовалъ Мальтраверсу жениться рано, но виѣсть съ тѣмъ онъ не казалъ, чтобы Эрнестъ пропустилъ, не жениась, эпоху жизни, съ которою оканчиваются молодость сердца и волненія души. Онъ думалъ, какъ и многіе старинные законодатели, что тридцать лѣтъ самая лучшая пора для союза, въ выборѣ котораго разсудокъ мужества долженъ соединиться съ страстями юности. Онъ зналъ, что мало людей могутъ наслаждаться семейною жизнью въ такой степени, какъ Эрнестъ Мальтраверсъ. Онъ давно также понималъ, что ни одна женщина не была такъ способна понять благородныя намѣренія и оцѣнить необыкновенный характеръ Эрнеста, какъ даровитая и блестящая леди Флоренса Лессельсъ. Кливелендъ смотрѣлъ сънисхожденіемъ на эксцентричность мыслей и поведенія этой молодой дѣвушки, увѣренный, что она должна исчезнуть подъ вліяніемъ привязанности, которая обыкновенно производитъ въ женщинахъ великую перемѣну, и часто, если только она развита въ сильной степени, побуждаетъ самый неукротимый, самый удивительный характеръ, заставляя женщину соображаться, какъ съ чувствами, такъ и съ привычками любимаго предмета.

Постоянная власть Мальтраверса надъ самимъ собою давалъ Кливеленду надежду, что онъ сѣмъ управлѣть умомъ женщины, которой успѣетъ внушить привязанность; съ другой же стороны, онъ думалъ, что сильное воображеніе и живой энтузіазмъ Флоренсы направятъ честолюбіе Эрнеста къ предметамъ болѣе положительнымъ, и заставятъ его отказаться отъ равнодушія къ почестямъ свѣта. Кромѣ-того Кливелендъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые дають настоящую цѣну, какъ богатству, такъ и высокому званію. Ему казалось, что богатство и знатность Флоренсы могли поставить Мальтраверса на такую точку общественной жизни, на которой должны были развернуться вполнѣ всѣ его умственныя способности. Въ Феррерсѣ онъ видѣлъ человѣка, способнаго приобрѣсть власть, а къ Мальтраверсѣ—употребить эту власть, если, по счастію, она попадетъ въ его руки, съ достоинствомъ, на пользу человѣчества. Но надобно сказать, не одна алчность къ обыкновеннымъ интересамъ Мальтраверса, но болѣе возвышенное чувство побуждало Кливеленда, содѣйствовать къ полученію руки и сердца богатой наслѣдницы; онъ очень хорошо видѣлъ, что если и встрѣтится препятствіе къ соединенію ихъ, то, вѣрно, ужъ не со стороны самой мѣды Флоренсы.

Однакожъ онъ благоразумно рѣшился предоставить это дѣло его натуральному теченію, и не замкнулъ о немъ ни одного слова ни Флоренсѣ, ни Мальтраверсу. Ни какое мѣсто не способно такъ располагать къ любви, какъ обширный загородный домъ, а время, самое свойственное этому чувству — окончаніе лондонскаго сезона; тогда превалигированные люди общества, утомленные мелкими заботами и холодною привізною, ищутъ оныхъ ощущеній и истинной привязанности.

Случилось такъ, что спустя день, или два по сѣздѣ всѣхъ гостей въ виллу Кливеленда, Эрнестъ и Флоренса были почти постоянно одинъ возлѣ другаго. Бѣжала ли она верхомъ, Мальтраверсъ былъ ея кавалеромъ; если общество предпринимало катанье по рѣкѣ, они какъ-будто печально сажались на одну лавочку великолѣпнаго бота. Вечеромъ младшіе члены общества, соединившись съ сосѣдями Кливеленда, затѣвали танцы, которые происходили во временномъ навильонѣ, выстроенномъ для добавленія столовой. Эрнестъ не танцовалъ совсѣмъ. Флоренса танцовала первый вечеръ, но разъ, въ то самое время, какъ она разговаривала съ Мальтраверсомъ, къ ней подошелъ гвардеецъ просить ее на туръ вальса. Взглянувъ на мѣсто, она была поражена странною перемѣною его лица.

— Вы никогда не вальсируете? спросила она, пока гвардеец искалъ мѣста, гдѣ бы положить свою шляпу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мальтраверсъ:—хотя, кажется, не было бы ничего неумѣстнаго, если бы я вальсировалъ.

— А вы, вѣрно, находите неумѣстнымъ то, что я вальсирую?

— Извините... я не сказалъ этого.

— Но это все-равно, вы подумали.

— Нѣтъ, по здравому размышленію, я даже, можетъ-быть, доволенъ тѣмъ, что вы вальсируете.

— Вы загадочны.

— Дѣло въ томъ, что вы такого рода женщина, въ которую я никогда не желалъ бы влюбиться, а-я чувствую, что обязанность въ этомъ случаѣ уменьшается, когда вы разрушаете мой иллюзіи, или лучше сказать, нападаете на мои предубѣжденія.

Леди Флоренса вспыхнула, но гвардеецъ и музыканты не дали ей времени отвѣчать. Однакожъ послѣ этого вечера она уже болѣе не вальсировала. Она чувствовала себя не такъ здоровою... и объявила, что доктора запретили ей танцовать, и та-кимъ-образомъ отказалась навсегда, какъ отъ вальса, такъ и отъ кадрили.

Такое вниманіе къ мнѣнію Мальтраверса не могло не тронуть его и не польстить его самолюбію; но Флоренса, давъ своему поступку совершенно другое значеніе, преградила Эрнесту путь къ изъявленію благодарности. На слѣдующій вечеръ послѣ того, который ознаменовался такою нѣпвною выходкою Эрнеста Мальтраверса, имъ случилось встрѣтиться въ теѣлицѣ, примыкавшей къ танцевальной залѣ. Эрнестъ остановился, чтобы узнать о состояніи ея здоровья, и былъ пораженъ необыкновенною томностью и грустью, выражавшеюся, какъ на лицѣ, такъ и въ голосѣ ея.

— Милая леди Флоренса, сказалъ онъ: — мнѣ кажется, вы чувствуете себя гораздо хуже, чѣмъ показываете. Вы должны избѣгать подобныхъ шутокъ. Вы должны беречь себя, хоть только для успокоенія вашихъ друзей.

— Друзей! сказала леди Флоренса, съ горькою усмѣшкою: — у меня нѣтъ друзей! Судьба, создавая Флоренсу Лессельсъ богатою наследницею, въ замѣнъ того лишила ее братьевъ и сестеръ.... а часть ея рожденія отняла у нея даже любовь матери! Гдѣ же мнѣ найти друзей?....

Досказавъ послѣднія слова, она отвернулась къ открытому

окну, и потомъ вышла на галерею. Голосъ ея дрожалъ, и Эрнестъ понялъ, что этимъ движеніемъ она хотѣла скрыть, или удержать свои слезы.

— Однакожъ, сказалъ онъ, слѣдуя за нею:—есть другой классъ друзей, въ участіи которыхъ леди Флоренса не можетъ имѣть недостатка, если только удостоитъ обратить на нихъ свое вниманіе. Позвольте мнѣ причестъ себя къ числу самыхъ униженнѣйшихъ этого класса, а въ замѣнъ моего глубокаго уваженія я присвоиваю себѣ право высказывать иногда свое мнѣніе. Выйдите въ комнаты, вечерній воздухъ есть наслажденіе, котораго вы должны избѣгать.

— Нѣтъ, нѣтъ, это освѣжаетъ меня... успокоиваетъ... Вы не поняли меня... болѣзнь моя не такого рода, чтобы ясное небо и уснувшіе цвѣты могли увеличить ее.

Видно было по всему, что Мальтраверсъ не былъ влюбленъ въ Флоренсу, но онъ не могъ не чувствовать къ ней сильнаго и даже, можно сказать, дружескаго участія, находясь подъ вліяніемъ ея красоты и умственныхъ способностей, которыми такъ щедро ее одарила природа. Искренность, выражавшаяся постоянно въ его разговорѣ съ нею, и многіе другіе источники, которые необходимо должны были соединить его съ ея могущественнымъ отъ природы и богато обработаннымъ умомъ, поставили уже ихъ знакомство на дружескую ногу.

— Я не могу удержать васъ, леди Флоренса, сказалъ онъ, слегка улыбаясь:—но совѣсть моя запрещаетъ мнѣ быть вашимъ сообщникомъ. Я пойду и донесу на васъ лорду Саксигему.

Леди Флоренса, которой лицо было обращено совершенно въ другую сторону, казалось, не слыхала послѣднихъ словъ его.

— А у васъ, мистеръ Мальтраверсъ, есть друзья? спросила она, съ живостью поворотивъ къ нему голову:—чувствуете ли вы, что въ жизни, я не говорю въ общественной, но въ домашней, есть привязанности и отношенія, по которымъ она дѣлается уже не принадлежностью, а залогомъ?

— Нѣтъ, леди Флоренса, нѣтъ! У меня есть друзья, это правда, и первымъ изъ нихъ я считаю Кливеленда, но жизнь въ жизни... другой образъ самаго себя, которому можно вручить бразды правленія и господство надъ своимъ собственнымъ бытіемъ... это счастье мнѣ незнакомо. Однакожъ, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—кажется, это не рѣдкое лишеніе. И можетъ-быть, его можно считать благомъ. Я научился опираться на свою собственную душу, и не ищу опоры въ глѣ-

комъ тростникѣ, который можетъ сломаться при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра.

— Ахъ, это холодная философія!.. вы можете слѣдовать ея правиламъ въ свѣтѣ, въ столкновеніи съ людьми... но въ уединеніи... въ сношеніяхъ съ природою... вѣтъ!.. вѣтъ!.. Пока занять одинъ умъ, вы можете довольствоваться гордостью стоицизма... но есть минуты, въ которыя сердце просыпается какъ бы отъ глубокаго сна... просыпается, подобно испуганному ребенку, который чувствуетъ, что находится въ темнотѣ... одинъ.

Эрнестъ хранилъ глубокое молчаніе, а Флоренса продолжала измѣнившимся голосомъ:

— Это странный... разговоръ... и вы должны считать меня за сумазбродную дѣвушку, голова которой набита романами... такъ, по-крайней-мѣрѣ, думаетъ обо мнѣ свѣтъ... Но если я прожву долго... я... но нѣтъ... честолюбіе недоступно женщинамъ.

— Если такая женщина, какъ вы, леди Флоренса, могла бы полюбить когда-нибудь... то, вѣрно, уже полюбила бы такого человѣка, котораго карьера слѣдала бы ей доступнымъ самое благороднѣйшее честолюбіе... честолюбіе, свойственное женщинамъ... честолюбіе за другаго!

— Ахъ! я никогда не буду любить, сказала леди Флоренса, и щеки ея казались еще блѣднѣе при сіяніи звѣздъ, отражавшемся на нихъ въ окно:—по можетъ-быть, прибавила она съ живостью:—я могу по-крайней-мѣрѣ, узнать когда-нибудь тихія наслажденія дружбы... Отчего бы, напримѣръ, намъ, и она придвинулась къ Мальтраверсу и взяла его руку съ своею очаровательною искренностью:—отчего бы, напримѣръ, намъ не быть одинъ для другаго въ такихъ отношеніяхъ, какъ-будто любовь, какъ вы называете ее, и не существуетъ болѣе на землѣ, а дружба замѣнила ее мѣсто? Мы не можемъ влюбиться одинъ въ другаго... для насъ не существуетъ этой опасности. Съ моей стороны... вы такъ проникательны, что не можете и ожидать этого... а я кокетка... вы это знаете... Будемъ друзьями... по-крайней-мѣрѣ, до-тѣхъ-поръ, пока вы женитесь... или я передамъ право другому повѣрять мою дружбу и владѣть моими тайнами.

Мальтраверсъ вздрогнулъ. То, что говорила Флоренса, онъ когда-то почти тѣми же словами выражалъ Валеріи.

— Свѣтъ, сказалъ онъ, цалуя ручку, которая такъ граціозно лежала въ его рукѣ: свѣтъ будетъ...

→ Всѣ люди таковы!.. свѣтъ... всегда свѣтъ! Можно ли под-

вести подъ правила и мѣру свѣта все прекрасное... благородное... чистое и высокое?... Развѣ вы тоже считаете себя рабомъ свѣта? Развѣ вы не презираете его бессмысленный лепетъ.. его методическое лицемеріе?

— Отъ всего моего сердца, сказалъ Эрнестъ Мальтраверсъ почти съ гордостью. Сколько люблю я человечество въ массѣ, столько же ненавижу эту олигархію, которую создали люди, а которую они же назвали свѣтомъ!

Разгоряченный такими чувствами, столь долго и тщательно скрываемыми, и теперь вызванными наружу, этотъ человекъ, обыкновенно спокойный и скрытный, далъ теченіе своимъ глубокимъ, буйнымъ и почти страшнымъ мыслямъ, которыя росли въ каждой головѣ, болѣе или менѣе сдерживаемыя и подвѣсеныя подъ правила; эти сѣмяна вѣчной войны, человека ответственнаго съ человекомъ натуральнымъ, первобытнаго гениа условіями общества. Въ то время, какъ Мальтраверсъ говорилъ, глаза его горѣли огнемъ, котораго невозможно было выдержать, грудь вздымалась; никогда еще онъ не стоялъ такъ высоко въ глазахъ Флоренсы Лессельсъ. Можно было подумать, что цѣпи, связывающія всѣ нѣдры его могущественнаго ума, готовы были лопнуть. Душа его сбѣгалась какъ бы осязавши, и парила къ небу, вырвавшись на свободу изъ своей душной тюрьмы.

Этотъ вечеръ ознаменовался необыкновеннымъ договоромъ между прекраснымъ молодымъ мужчиною и прелестью молодой женщиною. Эрнестъ и Флоренса согласились быть друзьями и больше ничѣмъ.... Безумцы!

II.

КАРЛОСЪ... «Это письмо.

Эвели. О! я умиру. Отдайте мнѣ это сію же минуту».

Шиллеръ.

Казалось, что договоръ, сдѣланный Мальтраверсомъ и ледяною Флоренсою, уничтожилъ всякое замѣшательство и недоумѣніе.

вость, существовавшія доселѣ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ разговорѣ ихъ царствовала свобода, не совсѣмъ свойственная молодымъ людямъ разнаго пола. Мальтраверсъ, подобно большей части людей съ сильнымъ воображеніемъ и съ могущественными чувствами, былъ въ обыкновенномъ теченіи своей жизни, если не молчаливъ, то, по-крайней-мѣрѣ, чрезвычайно остороженъ. Ему казалось, что съ груди его спала величайшая таежность, когда онъ нашелъ человѣка, который понималъ его исправность. Его краснорѣчіе, повѣя и сильный, но сдерживаемый ситуациею какъ-будто ожилъ и получалъ даръ слова. Онъ могъ говорить одному лицу то, что написалъ бы для массы, читающей публики—рѣдкое счастье для насъ, пишущей братіи.

Флоренса вдругъ цвѣтла и повесѣла какъ бы по необыкновенному чуду. Она слѣдилась гораздо ласковѣе и обходительнѣе противъ прежняго; въ ней несамбитно уже было желаніе блеснуть и уколоть, не обративъ вниманія на глубину нанесенной ею раны. Люди, не видавшіе ее прежде, удивлялись, отчего ее боялись въ обществѣ. Однакожъ проявлявшіеся по временамъ расположеніе къ раздражительности, необдуманная готовность подозревать поступки окружающихъ ее людей, и непобѣдимое своеволие не ускользали отъ зорныхъ глазъ Мальтраверса и служили къ охраненію свободы его сердца. Онъ смотрѣлъ на нее взорами ума, а не страсти. Онъ думалъ о ней не какъ о женщинѣ... превосходство ее ума, величіе идей и могущество предположеній, очаровывая его впродолженіе бесѣды отъ него, отвѣдали отъ созерцанія ее физической красоты. Онъ считалъ ее существомъ необыкновеннымъ, дивнымъ созданіемъ, котораго названіе женщины, по его мнѣнію, должно было унижать. Разъ онъ сказалъ ей объ этомъ шутя, и она сочла это за комплиментъ. Бѣдная Флоренса, ея преврѣніе къ женскому полу, захитивъ ее изъ колеи природнаго назначенія, отпустило ей въ лицѣ всѣхъ женщинъ!

Кларенда, въ молчаніи наблюдалъ за уснѣхами ихъ дружбы, и съ спокойною улыбкою прислушивался къ молвѣ, которая уже улавливала на ихъ уединенныя бесѣды на террасѣ, на нѣскольکو продолжительныя прогулки по долинь, и предсказывала, чѣмъ должно все это кончатся. Лордъ Саксингема не видѣлъ ничего. Дочь его была совершеннѣйшая, и онъ привыкъ уже къ ея странностямъ. Однакожъ его милость страшно ошибался въ характерѣ ея гордости; онъ былъ убѣжденъ, что она вылетъ за-мужъ не иначе, какъ за какаго-нибудь герцога; что же касается до кокетства, онъ считалъ его самымъ цвѣтущимъ

и самымъ естественнымъ занятіемъ молодой дѣвушки. Къ тому же онъ находился очень мало въ Темплъ-Гровѣ. Позавтракавъ въ своей комнатѣ, онъ уѣзжалъ каждое утро въ Лондонъ, возвращался къ обѣду, послѣ котораго игралъ въ вистъ, а вечеромъ, возвратясь опять въ свой кабинетъ, списывалъ передавать Флоренсъ всѣ безсмыслицы, приправленные необыкновенною веселостью, въ теченіе двухъ или трехъ минутъ, которыя проходили между обычнымъ его пріемомъ стакана вина съ водою и появленіемъ камердинера. Остальные члены общества не имѣли другаго права, какъ толковать и перетолковывать, и такимъ образомъ Флоренса и Мальтраверсъ шли своею дорогою, не встрѣчая никакихъ препятствій.

Мальтраверсъ, не чувствуя любви къ Флоренсъ, думалъ, что и она не любитъ его, и что въ ихъ отношеніяхъ не могло быть ни какой опасности. Это недоумѣніе, въ которое можетъ впасть только мужчина; но женщина никогда. Женщина всегда знаетъ, когда она любима, хотя иногда ей случается подозрѣвать любовь тамъ, гдѣ она вовсе не существуетъ.

Флоренса не была счастлива. Счастіе не можетъ существовать безъ спокойствія духа, а ее тревожило какое-то неясное, уповтельное и безпокойное волненіе. Она узнала отъ Мальтраверса, что Феррерсъ сказалъ ей неправду, что въ настоящую минуту никакая другая женщина не господствовала надъ сердцемъ Эрнеста; и такъ любить ли онъ ее или нѣтъ, но въ эту минуту они замѣняли другъ для друга всю вселенную. Она жила настоящимъ, и не хотѣла помышлять о будущемъ.

Съ тѣхъ-поръ, какъ опасная болѣзнь измѣнила родъ жизни Эрнеста, онъ не выступалъ болѣе на литературное поприще. Однакожъ, съ нѣкотораго времени прежняя привычка начала оказывать свое дѣйствіе. Въ продолженіе сравнительной празности послѣднихъ лѣтъ, мысли и чувства, которыя, если только имъ дана свобода, разрастаются такъ скоро, скитались въ поэтической головѣ Мальтраверса въ такомъ количествѣ, что имъ стало душно, и онъ требовали выхода. Для нѣкоторыхъ писать не есть неясное желаніе, но неопреоборимое назначеніе. Оно запылалъ, и старается вырваться наружу; птичка расправила крылышки, и желаетъ вспорхнуть съ своего родимаго гнѣздышка. Желаніе дѣлиться съ людьми своими задушевными мыслями бываетъ врожденно, какъ инстинктъ, у тѣхъ немногихъ избранныхъ, которымъ Творецъ вручаетъ священное управленіе гениемъ. Мальтраверсъ нерѣдко совѣтывался съ Флоренсою насчетъ сочиненій, надъ которымъ онъ трудился въ настоящее

время; эта лестная съ его стороны довѣренность приводила ее въ восторгъ, она умѣла одѣвнуть ее вполне. Это сочиненіе, экстрактъ праздничной жизни, самое младшее и вмѣстѣ съ тѣмъ самое любимое дитя его умственныхъ занятій, носило на себѣ отпечатокъ оригинальности и было переполнено тибрческимъ харомъ и сильнымъ выраженіемъ страстей. По мѣрѣ того, какъ великій образъ принималъ видъ превосходнаго ландшафта, а мысли и воображеніе находили на немъ постоянное для себя убѣжище, Флоренсъ казалось, что она вронила въ чертоги гениевъ. О! какъ различны были, какъ по глубинѣ, такъ и по величію, эти умственные сношенія Эрнеста Мальтраверса съ женщиною, которая едва-ли стояла ниже его, какъ по уму, такъ и по образованію, отъ того моста неяснаго и легкаго сочувствія, построеннаго когда-то этимъ восторженнымъ молодымъ человѣкомъ между поэзіею его познаній и поэзіею Аллеванной любви!

Въ одинъ ясный день послѣдней половины сентября мѣсяца, когда солнце, совершивъ свой краткій путь, клонилось уже къ западу, леди Флоренса, проведя все утро въ своей комнатѣ, занятой, по ея словамъ, самою утомительною работою, отпращиваніемъ церемонныхъ писемъ, что она дѣлала изъ угожденія герцу Саксингену, который настоятельно требовалъ отъ нея изумительности въ обхожденіи съ роднею, даже до пятидесяти колѣна, если родня была образована, однимъ словомъ имѣла какое-нибудь значеніе въ свѣтѣ; и такъ, въ одинъ ясный день послѣдней половины сентября мѣсяца леди Флоренса, окончивъ всю работу, вышла въ садъ, гдѣ тотчасъ же встрѣтилась съ Кливелендомъ. Мужчины осматривали поля, дамы уѣхали кататься. Кливелендъ и леди Флоренса были совершенно одни.

Коснувшись недавнихъ занятій Флоренсы, разговоръ ихъ алъ на прелестный родъ литературы, въ которомъ интересъ омана соединяется съ истиною исторіи, на мемуары и письма французскихъ писателей. Этотъ родъ литературы былъ конекъ Кливеленда, и онъ, что называется, попалъ въ свою колею.

— Этотъ пріятный и изысканный лепетъ, сказалъ онъ: всего способствуетъ къ примѣненію природы къ искусству! се искусственное кажется въ этихъ письмахъ совершенно натуральнымъ. Они раскрываютъ иногда такіе изгибы сердца, которые доселѣ были неизвѣстны ему самому. Эти чудныя чувства, эта деликатная лесть, выраженная въ письмахъ мадамъ де-Севинье къ ея дочери, пріятно звучатъ въ

сердцѣ каждаго... однакожъ, мнѣ никогда не приходило въ голову, чтобы такъ могъ кто-нибудь написать, кромѣ матери. Какъ, на-примѣръ, вотъ этотъ комплиментъ идетъ къ окончанію письма матери: *«Songez que de tous les royaumes où vous régnez, il n'y en a aucun où votre empire soit si bien établi que dans le mien»*.

— Признаюсь, я желала бы, чтобы такая учтивость замѣчалась даже въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ родства.... отчего бы, на-примѣръ, не дополнить всѣ сердечныя привязанности воображеніемъ?

— Я не умѣю вамъ точно сказать отчего, возразилъ Кливелендъ:—во мнѣ кажется, что это разрушило бы дѣйствительность. Я принадлежу къ старой школѣ. Если бы у меня была дочь, и если бы мнѣ пришлось попросить ее подать мой туфель, мнѣ показалось бы чрезвычайно скучно, когда въ замѣнъ этого одолженія, я долженъ былъ бы наговорить ей кучу лести.

Продолжая этотъ разговоръ, въ которомъ леди Флоренса съ жаромъ защищала свое мнѣніе, они вошли въ комнату, за которою сверкала одинъ изъ рукавовъ ручья, служившаго украшеніемъ всего парка; эта тѣнистая роща представляла надлежащій контрастъ съ открытыми, и разнообразными цвѣтниками сада. Тутъ они внезапно встрѣтили Мальтраверса. Онъ ходилъ по берегу ручья, и казался погруженнымъ въ глубокое размышленіе.

Вздвигнувшая рука леди Флоренсы, которою она держала руку Кливеленда, заставила его замолчать среди жаркихъ преній о характерѣ кардинала Ретца, который такъ подробно описалъ Ла-Рошеуко, и осмотрѣться кругомъ.

— А! Джайкъ, глубокій изслѣдователь, сказалъ онъ:—какую нравственную идею почерпнулъ ты въ нашихъ Арденскихъ лѣсахъ?

— Очень радъ видѣть васъ, Кливелендъ. Я желалъ поособито записаться съ вами. Но прежде всего я долженъ убѣдить васъ леди Флоренса, и нашего общаго хозяина, что прогулки мои были совершенно бесполезны... примите отъ меня этотъ даръ, розу, которую я нарѣзалъ въ самой отдаленной части сада. Притомъ замѣтите, что это дикая роза. Теперь, Кливелендъ, одно слово съ вами.

* Намекъ на дѣйствующее лицо Шекспировой пьесы: As you like it.

Прим. перевод.

— Теперь, мистеръ Мальтраверсъ, я здѣсь лишняя; не правда ли? сказала леди Флоренса.

— Извините, я не имѣю секретовъ отъ васъ, говоря объ этомъ предметѣ, или лучше сказать объ этихъ предметахъ, потому-что я буду говорить о двухъ. Во-первыхъ, леди Флоренса, о бѣдномъ Чезарини... вы его знаете, и даже расположены къ нему... не краснѣйте.

— Развѣ я покраснѣла? Такъ это, вѣрно, отъ воспоминанія моего давняго упрека по этому случаю.

— Чувствую всю его справедливость, не правда ли? Но оставьте упреки въ покоѣ. Я принимала всегда самое живое участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ. Его раздражительный характеръ, его умъ, способный заблуждаться, увеличили мое бездѣйствіе на счетъ его будущей судьбы. На-дняхъ я почувствовала отъ де-Монтеня, его зятя, который тоже беспокоится о Астриючію. Онъ желаетъ, чтобы Чезарини немедленно оставилъ Англію; это, говоритъ онъ, единственное средство поправить его разстроенное состояніе. Де-Монтень имѣетъ случай свидѣться его при посольствѣ, такой случай въ другой разъ, можетъ-быть, и не представится... и... но вы знаете этого человека!... Что тутъ дѣлать? И увѣренъ, что онъ не послушаетъ меня; онъ смотритъ на меня, какъ на соперника по ремеслу и вѣстности, который желаетъ удавить его съ этого цоурища.

— Не думаешь ли ты, что мое краснорѣчіе будетъ имѣть какое успѣха? сказала Кливелендъ. Нѣтъ, я также авторъ. Но мнѣ кажется, что ваша милость была бы въ этомъ случаѣ лучшимъ посредникомъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ леди Флоренсѣ,

— Онъ не имѣетъ недостатка ни въ талантѣ, ни въ достоинствахъ, сказала Мальтраверсъ умоляющимъ голосомъ: — время опыта могли бы исцѣдить его отъ нѣкоторыхъ слабостей. Не попробуете ли вы спасти его, леди Флоренса?

— Отъего же нѣтъ! я не имѣю недостатка въ состраданіи... Но пріѣздъ въ городъ, а увижусь съ вами... Но ваше участіе къ нему достойно васъ, мистеръ Мальтраверсъ, что-то Чезарини....

— Не любите меня, вы хотите сплести... но я надеюсь, что временемъ антипатія его ко мнѣ уступитъ мѣсто самой вѣрной симпатіи. Кромѣ-того, я обязанъ ему нѣкоторую благодарность. Въ его недостаткахъ я замѣчалъ многіе, которые могутъ быть свойственны всѣмъ писателямъ, если только они стараются преодолѣть ихъ; къ тому же я долженъ прибавить

вить, что семейство де-Монтена имѣтъ особенное право на мою дружбу.

— Ты вѣришь въ доброту его сердца и непоколебимость его чести? спросилъ Кливелендъ голосомъ, въ которомъ выразалось сомнѣніе.

— Да, я вѣрю. Таковы, по-крайней-мѣрѣ, должны быть качества поэта, выкупающія его заблужденія.

Мальтраверсъ говорилъ съ жаромъ; вліяніе, производимое имъ въ это время на Флоренсу, было такъ сильно, что слова его заставили ее, увь, къ несчастію, уважать характеръ Кастріучіо, который сначала имѣлъ въ себѣ много благородства, но впоследствии упалъ подъ вліяніемъ своего собственнаго тщеславія. Она видѣла его три или четыре раза между тѣмъ временемъ, какъ онъ подъ диктовку Феррерса написалъ ей оправданіе въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, и ея отъѣздомъ къ Кливеленду, и ей казалось, что въ словахъ и во взорѣ этого молодого чело-вѣка выразалось скорѣе негодование, чѣмъ сознаніе своей вины, но она чувствовала состраданіе къ тщеславію, которое она оскорбила почти невольнымъ образомъ.

— Теперь перейдемъ къ другому предмету, продолжалъ Мальтраверсъ:—на счетъ котораго я также хотѣлъ просить вашего совѣта, но онъ касается политики; не покажется ли онъ вамъ утомительнымъ, леди Флоренса?

— О! нѣтъ, я неравнодушна къ политикѣ; она всегда поселяетъ во мнѣ или удивленіе или сожалѣніе, судя по поступкамъ тѣхъ, которые приводятъ эту великую науку въ движеніе. Прощу васъ, говорите.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Кливелендъ:—ты можешь позволить удовольствоваться однимъ довѣреннымъ лицомъ, а меня извини. Я вижу, гости мои возвратились, и идутъ сюда по долину; я постараюсь ради вашей пользы-дать имъ другое направленіе. Мы же поговоримъ объ этомъ въ другой разъ.

Съ этими словами Кливелендъ удалился, но въ короткости Мальтраверса съ Флоренсою было столько чистоты и искренности, что они, оставшись съ глазу на глазъ, не смутились ни-сколько.

— Леди Флоренса, сказалъ Эрнестъ:—нѣтъ ни одного чело-вѣка въ мірѣ, у котораго я спросилъ бы совѣта съ такимъ удовольствіемъ, какъ у васъ. Я даже доволенъ, что Кливелендъ оставилъ насъ однихъ.... потому-что, не-смотря на его превосходныя качества, онъ слишкомъ привязанъ къ свѣту, и не съ нимъ судимъ о вещахъ не по однимъ данымъ. Проститъ

мнѣ это предисловіе, но вотъ я приступаю къ дѣлу. Я получилъ письмо отъ мистера N. Этому государственному человѣку, благородный характеръ котораго никто не могъ ни понять, ни достойно оцѣнить, открывается самая блестящая карьера, какая когда-либо могла быть доступна въ нашемъ отечествѣ не аристократу по происхожденію. Онъ проситъ меня перейти въ то управленіе, въ которое онъ на-дняхъ долженъ вступить. Мѣсто, предлагаемое мнѣ, выше моихъ заслугъ, и не совсѣмъ свойственно тому, что я сдѣлалъ, хотя, можетъ-быть, будетъ свойственно тому, что я сдѣлаю впослѣдствіи: Я дѣлаю это подраздѣленіе, потому-что вы знаете, прибавилъ Эрнестъ съ гордою улыбкою:—что въ характерѣ моемъ преобладаютъ смѣлость и замонадѣянность.

— Вы приняли предложеніе?

— Нѣтъ... не долженъ ли я былъ отказаться отъ него? Въ настоящую минуту политика наша одинакова, но виды въ будущемъ совершенно различны. Служа съ мистеромъ N, я долженъ принести слишкомъ большую жертву, долженъ отказаться отъ некихъ правилъ, чтобы выдвинуть впередъ одно. Не есть ли это постыдная капитуляція этой великой цитадели—нашей общественной совѣсти? Никто не назоветъ этотъ поступокъ безраздумнымъ, потому-что согласіе на счетъ главнаго вопроса партии, вотъ все, что спрашивается въ общественной жизни; тысячи послѣдующихъ этому вопросу лежатъ темные и неразрѣшенные въ будущемъ, ихъ даже никто и не предвидитъ. Тѣмъ не менѣе, я самъ считалъ бы себя безраздумнымъ человѣкомъ. Такова моя дилемма.... Если, воспользовавшись силою этого возвышеннаго ума, чтобы достигнуть его цѣли, оставить его въ то время, какъ онъ остановится, значитъ измѣнить ему... славъ же остановиться съ нимъ, праведя въ дѣйствіе одинъ только вопросъ нашей великой системы, значитъ измѣнить самому себѣ. Вотъ мой взглядъ на этотъ предметъ. Какихъ усилій стоило мнѣ, чтобы дойти до этихъ заключеній, потому-что въ первую минуту личное честолюбіе заставило биться мое сердце сильнѣе обыкновеннаго.

— Вы правы! вы правы! вскричала Флоренса, щеки которой горѣли отъ сильнаго душевнаго волненія.—Какъ могла я сомнѣваться въ васъ?... Я понимаю великость вашей жертвы, потому-что великая слава возвысится, вопреки предсказаніямъ своихъ враговъ, на дорогѣ къ почестямъ, которую одну ищутъ завистливые глаза свѣта, и измѣряетъ холодное сердце его; но еще славнѣе чувствоваться, что вы не сдѣ-

лали ни одного шага къ цѣли вашего честолюбія, воспоминаете о которой могло бы заронить въ сердце ваше чувство раскаянія. Нѣтъ, другъ мой, подождите; вѣрьте, что придетъ время, когда совѣсть и честолюбіе пойдутъ рука объ руку, когда обширные предметы сѣвотзарной политики будутъ разложены передъ вами, какъ географическія карты, по которымъ вы считаете каждый шагъ своего пути, не предвидя опасности заблудиться. Пусть люди называютъ грезами теоретика эти великіе замыслы, эту чистоту души.... если даже это и правда.... то въ такомъ случаѣ идеалъ все-таки лучше дѣйствительности. Къ тому же ваше настоящее положеніе не такъ маловажно, чтобы промѣнять его почти на неизвѣстное. Передъ вами троихъ литераторовъ, для достиженія котораго не нужно сворачивать съ прямой дороги, а вы имѣете, какъ мнѣ кажется, довольно нравственной силы, чтобы завладѣть ими.

Въ эту минуту, какъ Флоренса Лессельсъ выражала столь возвышенныя мысли, Эрнестъ нашелъ ее прекраснѣе и обворожительнѣе обыкновеннаго.

— О! сказалъ онъ, схвативъ и поцаловавъ ее руку, какъ бы съ невольнымъ увлеченіемъ:—да будетъ благословенъ часъ, въ который вы удостоили меня своею дружною. Вы выразили то, что мнѣ необходимо было слышать изъ устъ живаго существа въ ту самую минуту, когда я готовъ былъ подумать, что патриотизмъ есть не что иное какъ химера, а добродѣтель пустая мечта.

Леди Флоренса выслушала эти слова, и все существо ее вибрировало. Это была уже не величественная сивилла, но ищущая, застѣнчивая и трепещущая, но счастливая женщина.

Въ смущеніи она уронила изъ рукъ цвѣтокъ, который только что получила отъ Мальтраверса; довольная тѣмъ, что могла скрыть свое лицо, она нагнулась за цвѣткомъ и выронила письмо, которое пополнилось на груди ея. Мальтраверсъ же, нагнувшись въ ту же самую минуту, чтобы предупредить ее движеніе, увидѣлъ, что письмо было адресовано къ нему, а въ вечеркѣ узнавъ руку своей неизвѣстной корреспондентки. Онъ схватилъ письмо и осмотрѣлъ съ пріятнымъ и невыразимымъ удивленіемъ то на посланіе, то на обнаруженнаго автора.

Флоренса поблѣднѣла, какъ смерть, и закрывъ лицо руками залилась горькими слезами.

— Глупецъ я, глупецъ! вскричалъ Эрнестъ, увлеченный минутною страстью.—Какъ не знать, какъ не чувствовать, что въ

миръ не могли быть двѣ Флоренсы! Но еслибъ эта мысль и пришла мнѣ въ голову, я не осмѣлился бы развить ее....

— Идите.... идите.... сказала Флоренса прерывающимся отъ рыданій голосомъ:—оставьте меня.... изъ состраданія оставьте меня!

— Нѣтъ, я не уйду до-тѣхъ-перъ, пока вы не прикажете мнѣ встать, сказалъ Эрнестъ, падая передъ Флоренсою на колѣна почти въ такомъ же волненіи, какъ и она сама.

Нужно ли продолжать? Когда они оставили это мѣсто, пришедшіе въ любовь были сдѣлано.... священныя обѣты произнесены.... и съ этой минуты Эрнестъ Мальтраверсъ могъ считаться набраннымъ помолвникомъ леди Флоренсы Лессельсъ.

III.

«Тысяча отцовъ, будучи на моемъ мѣстѣ, сказали бы тебѣ слѣдующее: такъ какъ ты происходишь отъ благороднаго дома, то по этому должн отдать свою руку тоже благородному. Я же не сижу этого. Я не хочу жертвовать моею дочерью никакому предразсудку».

Коцебу.

«Берегитесь, лордъ; спокойствіе всѣхъ насъ зависитъ отъ немедленнаго обузданія этого ложнаго челоуѣка».

Шекспиръ.

О! какъ эта весна любви сходна съ нещастливою предестыю апрѣльскаго дня! Вотъ солнце блеститъ во всей своей красотѣ, но мимолетитъ облако можетъ мгновенно скрыть его отъ шарованныхъ нашихъ взоровъ.

Шекспиръ.

Когда Мальтраверсъ очутился одинъ въ своей удивительной комнатѣ, ему казалось, что все, что происходило вокругъ него,

было не-что иное, как сонъ. Онъ уступилъ минутному впечатленію, можетъ-быть даже непреодолимому, но совесть его сердца не была удовлетворена. Ея невидимый голосъ шепталъ ему: «ты обманулъ и ее и себя... ты не любишь ее!...» Наврасно онъ старался приводить себѣ на память ея очаровательную красоту, ея умъ, таланты и необыкновенную и восторженную страсть къ нему, невидимый голосъ все-таки шепталъ ему: «ты не любишь ее. Скажи вѣчное прощаніе твоимъ чуднымъ мечтамъ о жизни, наполненной блаженствомъ, какимъ рѣдко пользуются смертные. Калипсо и ея золотой островъ исчезли для тебя навсегда съ бурнаго океана будущности. Ты не можешь уже набрасывать на легкой каявѣ твоихъ желаній прелестныя черты той, съ которой ты не желалъ бы расставаться ни на минуту. Ты намѣнилъ своему собственному идеалу... ты безвозвратно отдался другой... ты отказался отъ надежды.... ты будешь жить какъ въ тюрьмѣ, съ существомъ, которому ты не сочувствуешь въ любви».

— Пусть будетъ, что будетъ! вскричалъ Мальтраверсъ вздрогнувъ, испуганный этими мыслями.—Я заключилъ вѣчныя условія съ женщиною, которая любитъ меня.... и потому съ моей стороны было бы глупо и безчестно предаваться раскаянію и сожалѣніямъ. Я провелъ лучшіе годы моей молодости, не найдя своей Егерин, съ которою пещера могла бы показаться мнѣ пріятнѣе всякой роскоши и почестей. Неужели до могилы я долженъ гоняться за пустыми призраками, невидимыми подругами моей жизни? Въ дѣйствительной же жизни могъ ли я сдѣлать лучшій выборъ?

Въ то время, какъ Мальтраверсъ повѣрялъ такимъ образомъ свои собственные мысли, леди Флоренса вошла въ кабинетъ своего отца, гдѣ ожидала его возвращенія изъ Лондона. Она знала привязанность лорда Саксингема къ свѣтскимъ выгодамъ, знала также гордость своего жениха, и чувствовала, что она одна можетъ между ними быть посредницею.

Наконецъ лордъ Саксингемъ возвратился изъ Лондона, занятый, по обыкновенію, мыслью о важныхъ дѣлахъ, спѣшащій кончить ихъ и въ постоянно хорошемъ расположеніи духа.

— Что ты скажешь мнѣ, Флора?... Очень радъ видѣть тебя... свѣжа, какъ цвѣтокъ... Клянусь честью, я никогда не замѣчалъ у тебя такого цвѣта лица.... страшно похожа на меня.... какъ ты думаешь? У всѣхъ въ нашемъ семействѣ прекрасный цвѣтъ лица и выразительные глаза. Но я, кажется, немножко опоздалъ.... вотъ первый звонокъ.... а ты, *ci-devant* *jeune*

вообще, еще провозишься надъ туалетомъ... но что я вижу, и ты еще не одѣта!

— Милый батюшка, я желаю поговорить съ вами о весьма важномъ предметѣ.

— Право?... какъ, сію минуту?

— Да, батюшка.

— Ну, въ чемъ дѣло?... должно полагать о твоёмъ помѣстьѣ Слингби?

— Нѣтъ, милый батюшка, нѣтъ... прошу васъ, садитесь и выслушайте меня терпѣливо.

Эти слова заинтересовали, но вѣсть съ тѣмъ и встревожили лорда Саксингема; онъ сѣлъ молча, и смотрѣлъ съ безпокойствомъ въ лицо своей дочери.

— Вы всегда были снисходительны ко мнѣ, милый батюшка, началъ Флоренса съ полуулыбкою: — я дѣйствовала по своей волѣ, не такъ, какъ большая часть молодыхъ дѣвицъ. Повѣрите мнѣ, милый батюшка, я исполнила цѣню вашу привязанность, а еще болѣе ваше уваженіе, заключающееся въ довѣренности. Я всегда была капризная и сумасбродная дѣвушка, но теперь желаю исправиться, и первымъ моимъ шагомъ къ исправленію будетъ просьба о нашемъ согласіи дать мнѣ наставника и руководителя....

— Какъ! что? вскричалъ лордъ Саксингемъ.

— Другими словами... я.... я.... но вѣдь надобно же сказать правду.... я желаю выйти замужъ.

— Развѣ герцогъ**** былъ здѣсь сегодня?

— Нѣтъ, кажется. Но я не герцогу обѣщала свою руку.... мистеръ Мальтраверсъ....

— Мистеръ Мальтраверсъ!... мистеръ не знаю кто!... дѣвичьи бредни!... и не говори мнѣ объ этомъ, дѣтя!... Я никогда не дамъ своего согласія на подобную глупость. Правда, онъ дворянинъ.... всѣмъ уважаемый.... очень умный.... и тому подобное.... но.... но.... но бесполезно было бы договаривать.... я сказалъ мое рѣшеніе. Съ твоимъ богатствомъ!...

— Милый батюшка, я не выйду замужъ безъ вашего согласія, не-смотря на то, что я уже совершеннолѣтняя в состояніе все принадлежитъ мнѣ.

— Ты прекрасная дочь, я это знаю... теперь позволъ-же мнѣ одѣться.... а то мы опоздаемъ къ обѣду.

— Нѣтъ, нѣтъ, еще усѣдемъ, сказала леди Флоренса, обнявши ласково рукою шею своего отца. — Я выйду за мужъ за мистера Мальтраверса, только это будетъ не иначе, какъ

съ вашего полнаго согласія. Разсудите хорошенько: если я выйду за герцога****, онъ будетъ надѣяться получить мое состояніе все сполна. Десять тысячъ гиней годоваго дохода находятся въ моемъ полномъ распоряженіи, и если я выйду за мистера Мальтраверса, я передамъ ихъ вамъ.... я всегда вѣла это намѣреніе.... это будетъ служить слабымъ доказательствомъ моей признательности за всѣ ваши милости и снисходительность ко мнѣ.... вы видите, что ваша Флоренса не небогатыня.

— Не хочу ничего слушать!

— Пойдите, батюшка, выслушайте. Вы небогаты.... но званію стоите высоко.... и получите самую небольшую пенсію, когда оставите службу, а я слышала отъ васъ довольно часто, что в настоящее ваше жалованье ставитъ васъ иногда въ затруднительное положеніе. Кому дочь можетъ предложить часть своихъ избытковъ, какъ не родителямъ?... Отъ кого родители могутъ праять ихъ, какъ не отъ дѣтей, на которыхъ они любовію своею и попеченіями налагаютъ долгъ, котораго дѣти не въ состояніи выплатить во всю жизнь?... Но не въ томъ дѣло; неужели вы.... вы.... непротиворѣчившіе до сихъ поръ моймъ самамалѣйшимъ желаніямъ, захотите разрушить всѣ надежды на счастье, какія могла создать себѣ ваша Флоренса?...

Флоренса плакала; лордъ Саксингемъ, растроганный до глубины души, выронилъ также нѣсколько слезинокъ. Можетъ-быть, было бы несправедливо сказать, что денежная часть этого дѣла заставила его дать свое согласіе; но вѣрно то, что деликатность, съ какою эти деньги были ему предложены, тронула его сердце. Какъ бы то ни было, но лордъ Саксингемъ, не начавъ еще одѣваться, обѣщавъ не дѣлать съ своей стороны никакихъ пренатетній къ этой свадьбѣ, но въ замѣнъ своего согласія просилъ отложить ее хоть на три мѣсяца, (вотъ все, что обыкновенно требуютъ дѣловые люди). Вслѣдъ за этимъ Флоренса оставила его, сімущая радостью, какъ сама Флора, когда солнце весны превращаетъ весь міръ въ цвѣтушій садъ. Никогда леди Лессемъ менѣе не думала о красотѣ своей, и никогда красота ея не была столь поразительною, какъ въ этотъ счастливый вечеръ. Мальтраверсъ же былъ необыкновенно блѣденъ и задумчивъ. Напрасно Флоренса старалась истрѣтить его взоры во время обѣда, который показался ей вестерпимо продолжительнымъ. Однакожь послѣ обѣда молодые люди сошлись, разговаривали вдали отъ всего общества въ продолженіе цѣлаго вечера, и гра-

сотѣ Флоренсы начала производить на сердце Эрнестѣ свое настоящее дѣйствіе. Этотъ вечеръ!... о! съ какою восторгомъ Флоренса вспоминала впоследствии каждый часъ... каждую минуту его!...

Забавно было бы подслушать разговоръ, происходившій между лордомъ Саксингемомъ и Мальтраверсомъ, когда послѣдній явился въ тотъ же самый вечеръ въ комнату его милости. Къ великому удивленію лорда Саксингема, Мальтраверсъ не вымолвилъ ни одного слова о великой чести, соединенной съ рукою леди Флоренсы. Онъ холодно, сухо и почти надменно сдѣлалъ обыкновенное, въ такомъ случаѣ, предложеніе.

— Какъ будто, говорилъ послѣ лордъ Саксингемъ Феррероу:— вѣдь за себя мою дочь, первую лондонскую красавицу съ пятидесятью тысячами фунтовъ стерлинговъ годового дохода, стоить человекъ думать сдѣлать мнѣ же величайшую честь!

Таковъ былъ Мальтраверсъ. Если бы онъ предлагалъ свою руку дочери бѣднаго дворянина, неимѣющей ни пенса за душою, то сумѣлъ бы показать себя униженѣйшимъ изъ униженнѣйшихъ. Гордая поступь и важный видъ Мальтраверса смутали и озадачили графа, который не скавалъ своему будущему зятю объ условіи, сдѣланномъ имъ съ дочерью, отложить свадьбу на три мѣсяца. Онъ подумалъ, что лучше предоставить устройство этого дѣла самой Флоренсѣ. Они холодно пожали другъ другу руку, и расстались. Мальтраверсъ тотчасъ же пошелъ въ комнату Кливеленда и сообщилъ ему все, что случилось. Восхищенный старикъ поздравлялъ его съ такою искреннею радостью, что Мальтраверсъ почелъ бы грѣхомъ не считать себя самымъ счастливейшимъ человекомъ въ мірѣ. Въ эту же ночь онъ написалъ письмо, въ которомъ отказывался отъ предлагаемаго ему мѣста.

На слѣдующій день лордъ Саксингемъ поѣхалъ, по обыкновенію въ должность, а леди Флоренса и Эрнестъ, оставшись одни, пошли гулять по саду.

Тутъ происходили тѣ признанія, которыя такъ пріятно и приятно слышать. Флоренса рассказывала о томъ, какъ прошло ея дѣтство, какъ образовался ея умъ самъ собою, въ усиленіи, какъ юныя мечты и грезы осаждали ея восторженную голову.

Ни что окружающее ее не могло возбудить въ ней ни участія, ни удивленія; ни что не имѣло созвучія съ ея романтическими наклонностями, возвышенными и нѣжными качествами души, вслѣдствіе чего она погружалась въ созерцаніе и книги. Соеди-

неніе возвышенныхъ способностей ума и нѣжнаго сердца, удаленныхъ съ попріаца дѣйствія, производить поэзію, это изчадіе страстей и мысла. Вотъ почему, молодые люди, которыхъ природа одарила большими способностями ума, сдѣлаственно, подвергла болѣе чувствительному одиночеству, не достигши этихъ настоящихъ заботъ и попеченій о жизни, дѣлаются поэтами. Флоренса также была поэтъ въ душѣ. На умы такого рода первая книга, которая, повидимому, олицетворяетъ самыя душевные ихъ мысли и самыя любимыя мечты, производитъ впечатлѣніе, доходящее до энтузіазма, смѣшаннаго съ благоговѣніемъ: Гордая, меланхолическая и одинокая душа Мальтраверса, такъ ясно выражавшаяся во всѣхъ его твореніяхъ, была для Флоренсы, какъ бы тайнымъ отголоскомъ ея собственной природы. Она почувствовала сильное и неразгаданное участіе къ человѣку, имя котораго произвелъ на нее такое впечатлѣніе. Она собрала сдѣлкія о его занятіяхъ, о его карьерѣ... она вообразила, что пошла гармонію человѣка съ его гениемъ... она вообразила, что поняла то, что было не ясно и темно для другихъ. Онъ, котораго она никогда не видала, сдѣлался для нея вѣчно-присутствующимъ другомъ. Его честолюбіе, его извѣстность была какъ бы собственною ея принадлежностью. Такъ, наконецъ, увлеченная безумною склонностью къ романтизму, она написала ему письмо, не думая ни о какихъ послѣдствіяхъ, а не желая быть когда-либо открытою; привычка писать сдѣлалась для нея какъ-бы необходимою потребностью, подобною пріятному ощущенію писателя, который сообщивъ свои мысли свѣту, освобождаетъ тѣмъ свою голову отъ немощной тяжести. Наконецъ она увидѣла его, и онъ не разрушилъ ея мечты. Очарованіе могло исчезнуть только въ такомъ случаѣ, когда бы онъ съ перваго взгляда на нее присоединился къ числу ея поклонниковъ. Смѣсь скромности и искренности (искренность въ разговорѣ и скромность въ обращеніи были главною характеристическою чертою Мальтраверса) заинтересовала ее. Тишеглавіе много помогало ея воображенію. Наконецъ они встрѣтились въ домѣ Клявеленда, сблизились, общались бытъ друзьями, и тутъ только Флоренса поняла, какъ неблагоприятно играла своимъ счастіемъ, давая пищу своимъ грезамъ; но ей, однакожъ, казалось, что Мальтраверсъ любитъ ее, несмотря на свое глубокое молчаніе по этому предмету. Въ его обхожденіи и словахъ выражалось участіе, которое онъ принималъ въ ней, а голосъ его дѣлался всегда необыкновенно нѣженъ, когда онъ говорилъ съ женщиною, потому-что онъ рѣ-

хранить въ себѣ тѣнь древней, рыцарской, почтительной вѣж-ности къ прекрасному полу. Весьма натурально, что она отно-сила лично къ себѣ то, что относилось къ цѣлому полу, по-тому—что привыкла видѣть, что каждый шагъ ея въ свѣтъ при-носилъ ей новую побѣду. Надобно было думать, что ея огром-ное состояніе и высокое значеніе въ свѣтъ поставитъ непрео-боримую преграду между ею и гордостью Мальтраверса.... она надѣялась этого.... была увѣрена въ этомъ.... однакожь, тѣмъ не менѣе чувствовала опасность такого положенія.... и нако-нецъ гордость ея пришла въ страшную тревогу....

Въ минуту такого сомнѣнія она вспоминала о прежней роли неизвѣстной корреспондентки, написала письмо къ Мальтраверсу, адресовала его въ собственный домъ Эрнеста, думая на слѣ-дующій день ѣхать въ Лондонъ, и отправить письмо по при-надлежности. Въ этомъ письмѣ говорилось о ихъ пребываніи у Кливеленда, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Она старалась вы-звать его признаніе, въ такомъ случаѣ, если онъ любитъ ее, если же нѣтъ, то просила оставить ее. Письмо было изложено съ невмѣрнымъ искусствомъ и краснорѣчіемъ. Она старалась ускорить кризисъ своей собственной судьбы. Положивъ это письмо на грудь, она встрѣтилась съ Мальтраверсомъ въ са-ду.... Остальное читателю извѣстно. Счастливая Флоренса, кра-сивя, рассказывала нѣкоторыя подробности изъ всего нами описаннаго; когда же, кончивъ рассказъ, она выразила страхъ столь свойственный каждой женщинѣ, удивительно—ли; что Мальтраверсъ, прижавъ ее къ груди своей почувствовалъ благодарность и удовлетвореніе тщеславія, что онъ и самъ принялъ за любовь? И надобно сказать, что подобныя чувства превращаются съ невмѣрною и дивною быстротою въ лю-бовь, если только обстоятельства и судьба допустятъ до этого.

Разговаривая такимъ образомъ, они подходили къ рѣкѣ. Солнце садилось также чисто, какъ и наканунѣ. День этотъ можно было назвать прекраснѣйшимъ днемъ осени; случи-лось такъ, что и часъ былъ почти тотъ же самый, въ кото-рый наканунѣ они совершили свои обѣты. Они были одни; скать холма скрывалъ домъ отъ ихъ взоровъ. Если-бы она на-ходилась въ пустынѣ, то и тогда не были-бы такъ далеки отъ людей, какъ въ эту минуту; но нельзя сказать, чтобы вокругъ нихъ царствовала мертвая тишина, когда они, погруженные въ созерцаніе своихъ мыслей, сѣли на дерновую скамью, осѣ-ненную огромнымъ буковымъ деревомъ, листья котораго шеле-

стать едва замѣтный вѣтерокъ; напротивъ, природа была оживлена необыкновеннымъ образомъ, и ея едва внятный ропотъ былъ гораздо пріятнѣе самой тишины; въ воздухѣ раздавалось смѣшивавшееся, пѣніе птицъ... звонъ колокольчиковъ, привязанныхъ къ шеѣ вѣноторыхъ животныхъ, пасшихся на другой сторонѣ рѣки... легкое завываніе вѣтра между деревьями... и слабое журчаніе волнъ, омывавшихъ почти подъ самыми нѣжными ногами сухоніи тростникъ и водяныя лиліи. Они слыли вѣскольکو минутъ, храня глубокое молчаніе. Флоренса первая прервала его, но голосъ ея былъ необыкновенно тихъ и пріятенъ.

— Ахъ! сказала она, поворачивая къ Эрнесту свою дивную голову: — можно полагать навѣрное, что такими пріятными минутами намъ не суждено наслаждаться въ свѣтѣ, куда призываетъ насъ ваше назначеніе. Для меня честолюбіе уже не существуетъ болѣе. Всѣ надежды мои осуществились. Меня не тревожатъ уже желаніе овладѣть этимъ неопредѣленнымъ блескомъ... этимъ воображаемымъ владычествомъ, которое мы называемъ извѣстностью или могуществомъ. Одна мысль тревожить спокойствіе души моея—это страхъ потерять хоть частицу того сокровища, которымъ я завладѣла.

— Если бы вашъ страхъ могъ всегда быть такъ напрасенъ.

— Вы любите меня дѣйствительно. Я повторяю себѣ ежедневно эту единственную фразу. Когда-то во мнѣ было довольно силы перенести потерю вашей любви... но теперь это было бы причиною моей смерти. Я приходила въ отчаяніе, думая, что не могу никому вручить любовь свою собственною особю... мое богатство было для меня роковымъ даромъ судьбы... Я видѣла жадность къ богатству въ каждомъ признаніи... и свѣтскую низость въ сердцѣ каждаго моего поклонника... Но для васъ, Эрнестъ... я чувствую, золото не имѣетъ никакого вѣса... и вы... если вы любите... то любите меня... а не состояніе мое.

— И я съ каждымъ днемъ буду любить васъ все болѣе и болѣе.

— Не знаю... напротивъ, я боюсь, что любовь ваша уменьшится, когда вы узнаете меня короче. Я боюсь, что покажусь вамъ слишкомъ взыскательною... Ревность начинаетъ уже упадать въ мое сердце... Я разсердилась сегодня утромъ, увидавъ вездѣ леди Т... Я желала бы, чтобы каждый взоръ вашъ и каждое слово ваше принадлежали одной мнѣ.

Этот приманіе не понравилось Мальтраверсу, какъ могло бы оно понравится ему, если бы онъ любилъ Флоренсу истинною и глубокою любовью. Въ-самомъ дѣлѣ, ревность въ женщинѣ съ такимъ пылкимъ и неукротимымъ характеромъ была страсть, которой должно было опасаться.

— Не говорите такимъ образомъ, милая Флоренса; скажалъ онъ съ важною улыбкою:—потому-что истинная любовь должна имѣть своимъ началомъ полную довѣренность. Реальность же есть сомнѣніе, а сомнѣніе—разрушитель любви.

Облако печали мелькнуло на слишкомъ выразительномъ лицѣ Флоренсы, и глубокий вздохъ вылетѣлъ изъ груди ея.

Въ эту минуту, поднявъ глаза, Мальтраверсъ увидѣлъ Люмлея Феррерса, подходящаго къ нимъ съ другаго конца террасы. Въ это мгновеніе черная туча внезапно подернула все небо, вѣтерокъ стихъ; и почернѣвшая вода, казалось, вытекала изъ береговъ; страшное предчувствіе несчастія овладѣло сердцемъ Эриеста, потому-что онъ, какъ многіе люди, одаренные сильнымъ воображеніемъ, безсознательно вѣрилъ въ предразсудокъ предчувствія.

— Теперь мы уже не одни, сказалъ онъ, вставая:—зачѣмъ къ вамъ, вѣроятно, уже узналъ о нашихъ отношеніяхъ и лѣтъ поздравить счастливаго избранника вашего сердца. Скажите мнѣ: продолжалъ онъ задумчиво, въ то время какъ они шли на встрѣчу Феррерсу:—вы уважаете Люмлея? Какого вы мнѣнія о его характерѣ? Я почти не могу понять его. Иногда мнѣ кажется, что онъ много переиждился съ-тѣхъ-поръ, какъ я расстался съ нимъ въ Италіи.... въ другое же время я думаю, что характеръ его не измѣнился, а только созрѣлъ.

— Я знала Люмлея, будучи еще ребенкомъ, отвѣчала Флоренса:—я вижу въ немъ много качествъ, которыя достойны любви и даже удивленія. Я удивляюсь его смѣлости, его чисто-сердечію, его преврѣнью къ свѣтскому лгу и мелочности; я люблю его пріятный характеръ.... его веселость.... и вѣрю, что сердце его гораздо лучше, чѣмъ оно кажется повѣрчивому наблюдателю.

— Однакожъ я принимаю его за безнравственнаго egoиста.

— Благородное презрѣніе къ людскимъ порокамъ и глупостямъ пріучило его сообразоваться во всемъ единственно съ своею твердою, непоколебимою волею.... и, видя обманъ во всемъ, что существуетъ въ этомъ шумномъ и дѣловомъ мірѣ, онъ приравнилъ свое честолюбіе къ общепринятымъ правиламъ. Хотя природа не одарила его гнѣвъ, что называется—ге-

ниемъ, но онъ достигнетъ почестей и могущества, какими рѣдко пользуются самые гениальные люди.

— Потому что въ гениальныхъ людяхъ по большей части, честность бываетъ развита въ высочайшей степени, возразилъ Мальтраверсъ:—однакожь вы заставили меня смотрѣть на него съ лучшей точки зрѣнія. Я готовъ подозревать искренность тѣхъ людей, которые, какъ мнѣ извѣстно, являются лицемерами въ жизни политической.... но, можетъ-быть, я сужу объ немъ слишкомъ строго.

— Третій рѣдко бываетъ не кстати, сказалъ Феррерсъ, подойдя къ нимъ:—и я увѣренъ, что я, своею персоною, составлю именно то, чего не доставало къ совершенству этого прелестнаго ландшафта.

— Вы всегда очень скромны, Люмлей.

— Это моя слабая сторона, я знаю; но я исправлюсь помощью лѣтъ и благоразумія. *Se cher Maltravers! Et comment ça va-t-il?* и Феррерсъ дружески пожалъ руку Эрнеста.—Но кстати, я кажется слишкомъ фамильяренъ въ обращеніи.... я упалъ во мнѣніи свѣта. Я такой человекъ, на котораго вы, потомки древнихъ дворянскихъ фамилій, должны смотрѣть съ презрѣніемъ. Я прямой наследникъ пера, выползшаго изъ мѣщанъ.... Фу! я чувствую, что отъ меня пахнетъ нивостою...

— Какъ, развѣ мистеръ Темпльтонъ?...

— Мистеръ Темпльтонъ не существуетъ болѣе; онъ угасть... прелаясь вѣчному покою... но изъ его праха возстаетъ великій лордъ Варгревъ. Мы было придумали болѣе звучное прозвище; де-Корваль звучало очень благородно.... но ни въ крови, ни въ наружности моего дяди не обрѣлось ничего норманскаго,—и мы отказались отъ частицы де, чтобы не показаться смѣшными... Варгревъ очень благозвучная фамилія и гармонируетъ съ нашимъ положеніемъ. У дяди есть земля, носящая это названіе... Баронъ Варгревъ... де-Варгревъ.

— А... поздравляю.

— Благодарю васъ. Дядя Варгревъ можетъ еще разрушить мои надежды. Но не рискнешь и не выиграешь. Сегодня дядя будетъ помѣщенъ въ газетахъ. Бѣднякъ, онъ придетъ отъ этого въ восхищеніе; и такъ какъ этимъ всѣмъ онъ обязанъ мнѣ... то, я полагаю, что признательности его не будетъ границъ... или же онъ возненавидитъ меня впоследствии... увидимъ, чѣмъ кончится эта игра. Услуга брошена на произволъ между гордостью и благодарностью.

— Эта прелестная дѣвочка дочь мистрисъ Темпльтонъ, вы

лучше сказать леди Варгревъ? спросилъ Мальтраверсъ разсѣянно.

— Да, и удивительно, что отецъ любитъ ее безъ ума. Преступное созданіе... хотя черезъ-чуръ ужъ умна. Кстати, Мальтраверсъ, послѣднее засѣданіе мы были свидѣтелями неожиданной грозы... сильный споръ.... министры были въ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Я произнесъ чудесную рѣчь въ ихъ защиту. Однакожъ, я полагаю, что тутъ непременно послѣдуетъ кака-нибудь перемѣна... Вызовутъ умѣренныхъ. Можетъ-быть, слѣдующее засѣданіе я буду имѣть право поздравить васъ.

Говоря такимъ-образомъ, Феррерсъ смѣло устремилъ взоры на Мальтраверса; но Эрнестъ отвѣчалъ холодно и разсѣянно. Въ эту минуту къ нимъ присоединились нѣкоторые члены общества, лѣниво прогуливавшіеся по долинкамъ, во ожиданіи перваго звонка, призывающаго къ обѣду. Клавелендъ былъ въ болѣе хлопотлахъ, выбирая приличную мѣстность для новаго павильона; онъ просилъ Мальтраверса рѣшить, помѣститъ ли его въ центрѣ цвѣтника, или подъ тѣнью высокой сосны. Пока другіе разсуждали объ этомъ интересномъ предметѣ, Люмлей отвелъ свою кузину въ сторону, крѣпко пожалъ ея руку, и сказалъ ей тихимъ и нѣжнымъ голосомъ:

— Милая Флоренса... я надѣюсь, что въ эту минуту вы позволите мнѣ говорить съ вами дружески... Я узналъ отъ герцога Саксингема, котораго я видѣлъ въ Лондонѣ, что вы были слово Мальтраверсу. Несмотря на мои занятія, я не могъ утерпѣть, чтобы не явиться сюда и не передать вамъ мое искреннѣйшее желаніе всякаго счастья. Меня считаютъ всеобщимъ египетомъ, но сердце мое сохраняетъ всю свою теплоту для тѣхъ, въ комъ я принимаю истинное участіе. Никогда братъ не молился такъ усердно о спокойствіи и счастьи своей сестры, какъ бѣдный Люмлей Феррерсъ молился о Флоренсѣ Лессельсѣ.

Флоренса вдрогнула; слова Люмлея тронули ее до глубины души. Голосъ и обращеніе Феррерса были совершенно различны отъ выраженія, къ которому она привыкла. Она съ жаромъ отвѣчала на пожатіе руки его, и благодарила его въ короткихъ словахъ, но съ чувствомъ.

— Нѣтъ ни одного человѣка въ мірѣ, который стоялъ бы такъ высоко и имѣлъ бы такіа прекрасныя качества, чтобы имѣть былъ достойнымъ руки вашей... продолжалъ Феррерсъ: — ни одного... именно ни одного!.. Но я удивляюсь вашему без-

корыстному и великодушному выбору! Съ нѣкотораго времени между Мальтраверсомъ и мною дружба уже не существуетъ, но я уважаю его, сколько онъ того достоинъ. Въ немъ много прекрасныхъ и благородныхъ качествъ, и онъ чрезвычайно честолюбивъ. Кромѣ истинной и пылкой любви, которую вы, вѣроятно, уже наполнили его сердце, онъ долженъ питать къ вамъ вѣчную благодарность. Въ нашемъ аристократическомъ отечествѣ, рука ваша, доставляя ему богатство, вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ ему самую блестящую карьеру. Теперь таланты его будутъ измѣряться весьма различною отъ прежней мѣркою. Онъ не обязанъ уже будетъ идти по ступенямъ возвышенія, но однимъ скачкомъ очутится на самой высокой ступени значенія, и какъ гордость преобладаетъ въ немъ надъ честолюбіемъ, то какими благословеніями онъ долженъ осмыслить ту, которая была причиною его внезапнаго....

— О! онъ не думаетъ о такихъ свѣтскихъ выгодахъ... Чувства его слишкомъ возвышенны... слишкомъ чисты!.. сказалъ Флоренса съ живостью и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Въ его ватурѣ нѣтъ ни корыстолюбія, ни жадности!

— Я тоже самое думаю, и въ этомъ случаѣ вы отягаете ему должную справедливость... въ его характерѣ не замочается ни малѣйшей низости... и я никакъ не думалъ сказать что-нибудь подобное. Самое-то величіе его замысловъ и всепрезирающая гордость заставляютъ его смотрѣть на ваше богатство, не какъ на возможность существованія, а какъ на средство достиженія своихъ цѣлей.

— И въ этомъ случаѣ вы ошибаетесь, сказала Флоренса слегка улыбувшись; но вмѣстѣ съ тѣмъ поблѣднѣвъ, къ смерти.

— Да, продолжалъ Феррерсъ, какъ-будто не слыжавъ словъ Флоренсы, и слѣдуя за своею мыслью:—я всегда предполагалъ, что Мальтраверсъ непременно составитъ блестящую карьеру; что онъ не позволитъ себѣ любить дѣвушку бѣдную, и низкаго происхожденія. Гордость имѣетъ такое же сильное вліяніе на его привязанность, какъ и сердце. Этотъ чертъкъ во многомъ стоитъ выше другихъ... ваше сужденіе справедливо... да благословитъ васъ Богъ!

Съ этими словами Феррерсъ удалился; когда же Флоренса явилась къ обѣду, лицо ея было озабочено и подернуто облакомъ печали. Въ Темплъ-Гровѣ Феррерсъ пробылъ три дня. Онъ выказывалъ необыкновенное вниманіе къ Мальтраверсу, и какъ говорилъ съ Флоренсою, но эти немногіе слова оставили въ

аристократическая въ дунгъ ея дѣды гостки и ревности, которыя были такъ свойственны ея раздражительному характеру. Для совершеннаго же понятія Флоренсы Лессельсъ, надобно вспомнить, что, несмотря на ея блестящія качества, ее нельзя было назвать женщиною любезною особою. Какая-то жесткость въ обращеніи, замѣтная въ ней съ самаго дѣтства, мѣшала ей овладѣвать сердцами окружающихъ ее людей. Лишенная попеченій матери, не имѣя почти никакихъ сношеній съ дѣтьми своего возраста, выростая на рукахъ раскрахмаленной гувернантки и бѣдныхъ, но надменныхъ родственницъ, въ ней не могли развиться та ласковость и кротость обращенія, которыя приобретаются взаимною привязанностію въ домашней жизни. Она выросла въ удивленіи, съ однимъ твердымъ сознаніемъ своихъ истинныхъ способностей, своего знатнаго происхожденія и своего высокаго званія; достоинства, о которыхъ съ колыбели прожужжали уши, а потому она была необходима и самолюбива. Отецъ не столько любилъ ее, какъ гордился ею. Слуги ее любили. Она была слишкомъ невнимательна и слишкомъ далекова со всѣми, чтобы люди, стоявшіе ниже ея, могли быть привязаны къ ней. Она имѣла слишкомъ глубокія познанія въ наукахъ, и была слишкомъ серьезна, чтобы могла находить удовольствіе въ обществѣ молодыхъ дѣвицъ ея лѣтъ. Она не имѣла друзей, однакъжь, имѣя отъ природы сердце нѣжное и способное любить, она чувствовала все это, но не съ оптимизмомъ, а съ досадою; она жаждала быть любимою, но не хотѣла заставить любить себя... ей казалось, что судьба отказала ей во взаимной любви... и порицала за то судьбу, а не себя... Когда, увлеченная гордою, чистою и благородною искренностію своей натуры, она открылась Эрнесту въ любви, то была естественно, что въ замѣръ ея ожидала любви взаимной, страстной, увлечательной; обыкновенная любовь не могла удовлетворять ее. Но привычка и воспоминаніе прошедшаго заставляли ее вѣчно сомнѣваться въ томъ, что она любима. Она чувствовала, что Мальтраверсъ могъ смотрѣть на ея богатство и высокое званіе иначе, какъ на препятствіе, заставлявшее его скрывать свою страсть и притаванія на ея руку, точнѣе ея бѣднее сердце, какъ червь, и отравляла сладкія минуты упорной ненависти. Ей было равно досадно, жадный ли расчетъ или влеченіе къ достиженію своихъ цѣлей побуждали Эрнеста не хотѣть съ нею, если только это была не любовь—любовь чистая, безъ примѣси всякаго другаго чувства. Феррерсъ же, изучившій ея слабости, имѣлъ необыкновенный даръ хвалить Эрнес-

та такимъ-образомъ, что его похвалы возбуждали въ ней радость и сомнѣніе.

— Странно, сказалъ онъ разъ вечеромъ, продолжая разговоръ съ Флоренсою: — какъ могли вы такъ внезапно и такъ вполне побѣдить сердце Эрнеста Мальтраверса. Повѣрите ли мнѣ, что при первомъ свиданіи съ вами, онъ возмѣнилъ противъ васъ какое-то непріязненное чувство, и даже сказалъ, что вы созданы для того, чтобы поселить удивленіе, но не любовь.

— А! онъ говорилъ это?.. впрочемъ да... да... правда... онъ почти тоже самое сказалъ мнѣ въ глаза.

— А теперь, какъ сильна должна-быть любовь его! Вѣроятно, въ немъ выказываются всѣ проявленія ея!

— А въ чемъ состоятъ эти проявленія, наученѣйшій Льюисъ? сказала Флоренса, стараясь улыбнуться.

— Какъ, въ чемъ? Во-первыхъ, вы, вѣроятно, уже замѣтили, что онъ не сводитъ съ васъ глазъ, что съ кѣмъ бы онъ ни занимался, его озабоченные взоры стараются ловить ваши прелестные, хотя мимолетные взгляды....

Флоренса вздохнула и устремила взоръ на противоположный конецъ комнаты. Тамъ Эрнестъ разговаривалъ съ Клавендомъ, но взоръ его былъ совершенно спокоенъ, и онъ, казалось, забылъ о ея существованіи.

Феррерсъ, повидимому, незамѣтилъ этаго естественнаго противорѣчія его теорій, и продолжалъ:

— Потомъ, безъ сомнѣнія, характеръ его совершенно измѣнился... чело потеряло свое беззаботное величіе, а голосъ — спокойную твердость. Не видите ли вы въ немъ покорнаго, беспokoющагося и застѣнчиваго любовника, для котораго улыбка ваша есть жизнь... который готовъ упрекать васъ за каждый взоръ, брошенный на другаго... и плакать, если улыбка не озаряетъ уста ваши... любовника, душа котораго наполнена сомнѣніемъ, страхомъ и трепетнымъ волненіемъ... раба трепещущаго передъ тѣнію... не не челоука, сознающаго свои поступки... Вотъ любовь!.. вотъ любовь, какую вы способны выжить... вотъ любовь, какую Мальтраверсъ въ состояніи чувствовать... и какую онъ выказывалъ когда-то другой... Я самъ былъ тому свидѣтелемъ... Но, кажется, лордъ Саксингемъ ищетъ мѣня, чтобы составить его партію въ вистъ, прибавилъ Льюисъ, вдругъ какъ бы спохватившись, что сказалъ слишкомъ много. Я—уѣзжаю завтра, а вы когда будете въ городъ?

— На слѣдующей недѣлѣ, сказала бѣдная Флоренса машинально.

Всплѣвъ за этимъ Люмлей удаллся.

Спустя минуту, Мальтраверсъ, наблюдавшій гораздо внимательнѣе, чѣмъ думали другіе, подошелъ къ Флоренсѣ.

— Милая Флоренса, сказалъ онъ съ вѣжностью:—вы очень мѣдленны... я боюсь, что вы не такъ здоровы.

— Прошу васъ не выказывать участія, которому вы не сочувствуете нисколько, сказала Флоренса съ презрительною улыбкою, ио глаза ея въ одно мгновеніе наполнились слезами.

— Которому я не сочувствую, Флоренса?

— По-крайней-мѣрѣ, это еще первый разъ, что вы замѣтите, здорова я или нѣтъ... Но это все-равно...

— Милая Флоренса.... что за тонъ?... чѣмъ я могъ оскорбить васъ?... Не сказалъ ли вамъ Люмлей....

— Ни одного слова, которое бы не служило похвалою вамъ. И не пугайтесь, вы одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ всѣ говорятъ съ уваженіемъ. Но не заставляйте меня удерживать васъ.... пойдите къ нашему доброму хозяину.... вы оставили его одного.

И не дождавшись отвѣта, леди Флоренса пошла въ ту стожу, гдѣ стоялъ Кливелендъ; Мальтраверсъ же не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы остановить ее. Эта выходка, казалось, огорчила его; но когда Флоренса обернулась назадъ, надѣясь стрѣкнуть его взоръ, полный упрека, Эрнеста уже не было. Леди Флоренса смутилась.... тревожное безпокойство овладѣло ея нервною системою.... она говорила, не помня ни одного слова.... истерическій смѣхъ вылеталъ изъ груди ея. Однакожъ Кливеленду показалось, что она была въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Вскорѣ она встала и пошла по анфиладѣ комнатъ. Сердце ея летѣло къ Мальтраверсу, но она нигдѣ его не встрѣтила. Наконецъ она вошла въ теплицу, и сквозь отворенное окно увидала его съ сложенными на крестъ руками медленно прохаживающагося по долинь, освѣщенной луною. Въ груди ея произошла битва между гордостью и любовью женщины; послѣдняя одержала побѣду, и въ одно мгновеніе она очутилась въ объятіяхъ Эрнеста.

— Простите меня, Эрнестъ, сказала она, протягивая ему руку:—я была достойна порицанія.

Эрнестъ поцаловалъ прелестную ручку, и отвѣчалъ съ чувствомъ:

— Флоренса, вы имѣете возможность огорчать меня, но будьте сострадательны въ этомъ случаѣ. Богъ свидѣтель, что же-

ланіе господствовать надъ вами не могло бы подвинуть меня и то, чтобы причинить вамъ наибѣйшее огорченіе. Не воображайте, чтобы въ ссорахъ людей, любящихъ другъ друга, была какая-нибудь пріятность, которая могла бы вознаградить глущую тоску, происходящую отъ нихъ.

— Я говорила вамъ, Эрнестъ, что я слишкомъ взыскательна. Я говорила, что вы разлюбите меня, когда узнаете короче.

— И ваши предсказанія были ложны. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, Флоренса, я васъ люблю все болѣе и болѣе.... Любовь моя такъ усилилась, что прежде я даже не думала, чтобы могъ любить васъ такимъ образомъ.

— Стало быть, вскричала неостережливая дѣвушка, готовая ежеминутно терзать себя:—стало быть вы прежде не любили меня?

— Флоренса, я скажу вамъ всю правду.... Я не любилъ васъ. Теперь же ваше владычество надо мною распространяется съ быстротою молніи.... и такое владычество, какого разсудокъ мой не долженъ былъ бы допускать. Но будьте осторожны.... если любовь моя дѣйствительно дорога вамъ.... повторю, не восстанавливайте разсудокъ мой противъ себя. Сознаніе, что вы могли бы составить болѣе блестящую партію, удерживаетъ порывы любви моей и заставляетъ меня выказывать жесты угловливости и покорности, которыя вы, вѣроятно, замѣтили бы въ каждомъ другомъ поклонникѣ.... но я былъ бы недостойнъ васъ, еслибы потерялъ свое собственное уваженіе.

— Ахъ, сказала Флоренса, въ сердцѣ которой послѣднія слова Эрнеста нашли отголосокъ:—простите меня хоть на этотъ разъ. Я же не прошу себѣ такъ скоро.

Эрнестъ прижалъ ее къ груди своей, и почувствовалъ, что со всеми своими недостатками эта дѣвушка, счастье которой должно было равняться жертвѣмъ, принесеннымъ его любви, становилась дорога и мила его сердцу. Онъ зналъ, что она не могла составить его счастья, но это не пугало его. Ея любовь къ нему вырвала нежное еголическое чувство изъ его великодушнаго сердца. Всѣ его заботы клонились къ тому, чтобы достойно расплатиться съ нею по этому предмету.

Они въ молчаніи ходили по лугу. Флоренса была задумчива, но чувствовала себя совершенно счастливою.

— Эти люди небо, эти прекрасныя звѣзды, сказалъ священникъ Мальтраверсъ: — не проповѣдуютъ ли вамъ философію мира и спокойствія? Не научаютъ ли они насъ, что спокойствіе составляетъ частицу человѣческаго достоинства, что оно

опы не что иное, как эссенция души! Безпокойство и заботы естественна прирощь человека; доказательство тому, каких силъ требуется отъ насъ, чтобы вернуть въ нормальное по-
ложение возмущающуюся душу. Ахъ, милая Флоренса, этотъ зелье небеса, на которомъ древнiе греческiе поэты видѣли небо, парашю на крыльяхъ, показываетъ намъ, что зем-
ная любовь должна быть чиста, какъ свѣтъ... и свободна
какъ вѣчность... что она должна парить надъ грозными обла-
ками озабоченнаго свѣта, который она переживаетъ. Пусть мел-
кiе умы сближаются съ этимъ священнѣйшимъ чувствомъ уско-
рять и тревоги обыкновенной жизни! Будешь любить другъ
друга, какъ существа, которые рано или поздно надѣются быть
братателями неба!

IV.

Настоящiе черты плутовства замѣтны болѣе
тѣмъ, кто въ продолженiе своей жизни имѣлъ
частыя авешенiя отъ такого рода людямъ.

— Вотъ видите, любезный Льюлей, сказалъ лордъ Саксин-
гъ, когда на слѣдующiй день оба родственника ѣхали въ
арестъ графа въ Лондонъ:— вотъ видите, замужество Флоренсы,
о всякомъ случаѣ, не слишкомъ прiятное происшествiе.

— Да, повистнѣй, въ немъ заключаются своего рода невыго-
ды. Мальтраверсъ дворянинъ и человекъ генiальный; но дво-
жане въ нынѣшнее время не рѣдкость; что же касается до ге-
iя, онъ можетъ послужить намъ только ко вреду, потому-что
фальтраверсъ принадлежитъ не къ нашей партii.

— Именно, мужъ моей дочери будетъ подавать голосъ про-
тивъ меня!

— Благоразумный и опытный человекъ, присталъ бы въ по-
добномъ случаѣ къ нашей партii, но Мальтраверсъ не сдѣ-
лаетъ этого... и всѣ богачи... все парламентское влiявiе...
и богатство, долженствовашiе увеличить кредитъ фамилiи и

силу партіи, напротивъ отойдутъ отъ фамиліи, увеличатъ силу противной партіи. Вы совершенно справедливы, любезный лордъ, это весьма непріятное обстоятельство.

— Какъ вспомнишь, что она могла бы выдти за герцога****, который имѣетъ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода, то, право, даже становится смѣшно. Къ тому же этотъ Мальтраверсъ, кажется совсѣмъ не любезный молодой человѣкъ, не правда ли?

— Упрямъ и надмѣненъ.... Съ нѣкотораго времени отъ него переѣхался къ худшему.... въ немъ проявилось необыкновенное самолюбіе и увѣренность въ самомъ себѣ....

— Знаете ли, Люмлей, что изъ васъ двухъ я предпочелъ бы васъ имѣть своимъ зятемъ.

Люмлей вздрогнулъ.

— Неужели вы говорите не шутя, любезный лордъ? У меня нѣтъ такого состоянія, какъ у Эрнеста... и потому я не могу представить никакого обязательства въ обезпеченіе состояній жены.... къ тому же мое происхожденіе.... по-крайней-мѣрѣ, со стороны матери ведется не отъ такой древней дворянской фамиліи....

— Что касается до обезпеченія, состояніе Флоренсы не имѣетъ въ этомъ надобности, она обезпечиваетъ сама себя.... Что же касается до семейныхъ отношеній, то повѣрьте, что въ нынѣшнія времена блестящія связи цѣнятся выше норманскаго происхожденія.... вспомните остальное!... Вы, по всѣмъ вѣроятностямъ, будете наслѣдникомъ Темплтона, слѣдственно, и его перскаго достоинства.... (а порядочная сумма наличныхъ денегъ весьма полезная вещь).... получите нѣкоторую оскѣдность и вѣсь въ палатѣ.... одинъ членъ изъ нашей партіи долженъ въ скоромъ времени получить должность.... и ко всему этому, я скажу вамъ безъ всякой лести, вы чертовски умны и обидительны. О! я былъ бы въ тысячу разъ довольнѣе, если бы Флора забила себѣ въ голову влюбиться въ васъ!

Люмлей Феррерсъ опустилъ голову, но не сказалъ ни одного слова. Онъ впалъ въ глубокое размышленіе. Лордъ же Саксигемъ вынулъ свой оффиціальныи красный портфель, заваясь серьезнымъ образомъ находящимися въ немъ бумагами, и въ этомъ глубокомысленномъ занятіи забылъ все, касавшееся сватъбы дочери.

Люмлей дернулъ за шнурокъ, когда карета въѣхала въ шумныя улицы Лондона, и приказалъ кучеру остановиться у вѣзда «клуба путешественниковъ». Въ то время, какъ лордъ

Саксбургъ вѣдалъ для управленія дѣлами цѣлой націи, не будучи въ состояніи вести дѣла своего семейства, Феррерсъ зашелъ въ клубъ, чтобы узнать адрессъ Кастрюччіо Чезарини. Швейцаръ не могъ удовлетворить его желанія. Вышеупомянутый синьоръ являлся каждый день за своими письмами, но ни одна душа въ клубѣ не знала его мѣстопробыванія. Феррерсъ написалъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ просилъ Чезарини побывать у него какъ можно скорѣе, и отдалъ записку швейцару, направилъ шаги къ своему дому въ Грит-Джорджскую улицу. Пришедши домой, онъ бросился въ кабинетъ, отперъ письменный столъ, и вынулъ изъ него письмо, которое—читатель, вѣроятно, не забудетъ, — Мальтраверсъ писалъ когда-то къ Чезарини, и которое Люмлей сохранилъ у себя. Онъ съ большимъ вниманіемъ прочелъ это посланіе два раза, и когда дошелъ до конца во второй разъ, глаза его засверкали, лицо просіяло необыкновенною радостью. Теперь пора познакомить съ этимъ письмомъ читателя; вотъ его содержаніе:

«Въ собственныя руки, секретное и очень важное.

Любезный Чезарини!

Увѣренія вашей дружбы мнѣ чрезвычайно пріятны. Со многими изъ всего того, что вы сказали о супружествѣ, я, съ сожалѣнію, долженъ согласиться. Что же касается до леди Флоренсы, я скажу, что мало женщинъ, красота которыхъ была бы такъ способна прельщать и обворожать. Но можетъ ли она составить счастье домашней жизни, можетъ ли она любить и сочувствовать тогда, какъ привыкла повелѣвать, въ состояніи ли она понять вполне неровность и раздражительность характера, столь свойственнаго каждому поэту, и оказывать ему нѣкоторое свисхожденіе.... въ состояніи ли она довольствоваться любовью и уваженіемъ одного сердца? Я не довольно коротко знаю ее, чтобы рѣшить всѣ эти вопросы, но все-таки знаю ее столько, что съ безпокойствомъ и тоскою помышляю о вашемъ будущемъ счастьи, если оно зависитъ отъ этого тщеславнаго и самовластнаго существа.... Вы, можетъ-быть, напомните мнѣ о ея богатствѣ и высокомъ званіи, вы, можетъ-быть, скажете, что вотъ источникъ, посредствомъ котораго честолюбивый умъ можетъ осуществить всѣ свои великіе замыслы.... Увы! я боюсь сказать, но мнѣ кажется, что будущій супругъ леди Флоренсы долженъ будетъ

ограничить свои мечты о счастьи этою грубою и жалкою существованностью. Но не то сказалъ бы я вамъ, Ферреръ, если бы дружба наша имѣла всю свою прежнюю силу. Я сомнѣваюсь въ дѣйствительности чувствъ, которыя вы приписываете ей, и не вѣрю истинной привязанности ея къ вамъ. По всему видно, что она находитъ удовольствіе въ однихъ побѣдахъ... и любить играть своими жертвами. Ея тщеславіе забывается на вашъ счетъ... но рано или поздно она обманется на своихъ разчетахъ... не думайте однакожъ, чтобы эта минута уже настала. Позвольте мнѣ посовѣтывать вамъ быть осторожнымъ, для вашего собственнаго же спокойствія. Я не скажу мнѣ ни слова болѣе.

Вашъ,

Э. Мальтраверсъ»

— Ура! вскричалъ Ферреръ, бросивъ письмо и потирая въ восторгѣ руки.— Сберегая это письмо, я никакъ не думалъ, что оно принесетъ мнѣ такую пользу. Измѣненій потребуетъ гораздо меньше, чѣмъ я предполагалъ... самая неискusstная штопальщица стараго бѣлья могла бы приложить такого рода заплатки... Прочтемъ еще разъ... Гм... гм... вотъ первая фраза, которую должно измѣнить... «но все-таки знаю ее столько, что съ безплоднымъ и тоскою помышляю о *вашемъ* будущемъ счастьи, если оно зависить отъ этого тщеславнаго и самокастнаго существа....» выбросить о *вашемъ*, и оставить о *моихъ*... Остальное все хорошо... очень хорошо... пока дождетъ ночь до моего мѣста. «Я сомнѣваюсь въ дѣйствительности чувствъ, которыя вы приписываете ей, и не вѣрю истинной привязанности ея къ вамъ.» Тутъ, вмѣсто *къ вамъ*, должно написать *ко мнѣ*... остальное все идетъ... Теперь только остается измѣнить чело и мѣсяць... вотъ дѣльцо и обдѣлано. Хотъ бы этотъ безумный Итальянецъ пришелъ поскорѣе!.. Если бы мнѣ удалось разстроить ее съ Мальтраверсомъ... мнѣ кажется,.... я могъ бы заслушать его мѣсто.... Глѣвъ и оскорбительное самолюбіе оставить ее принять предложеніе перваго встрѣтившагося поклонника, чтобы только отпустить Мальтраверсу. Кажется (Историкомъ) если мнѣ это не удастся, (чего я никакъ не думаю) то все же ужъ лучше, если Флоренца, поирежнему, останется заведенною повѣстою для какого-нибудь герцога, принадлежащаго къ данной лерини. Такое родство прародитъ мнѣ дѣйствитель-

позволю; если же она выйдетъ за Мальтраверса, за человѣка, принадлежащаго къ противной партіи, и котораго я ненавижу, какъ чулу, то для меня одна потеря, а выгоды никакой... Но нѣтъ же стобѣсть ее у меня... Флоренса Феррерсъ! по моему мнѣнію, эти два слова должны непременно стоять вмѣстѣ; хотя какой нибудь поэтъ, можетъ-быть, и найдетъ въ нихъ нѣчто-руко двастармонію....

Джонлей важно привинулъ къ себѣ чернильницу.

— Ну вотъ, вѣтъ даже и перочиннаго ножничка... ахъ да, вѣдь я никогда не чиню перьевъ... досадно, напрасная задержка... а надобно послать купить.

Съ этими словами онъ позволилъ и приказалъ вошедшему слугѣ купить перочинный ножикъ. Слуга еще не возвратился, какъ вдругъ раздались звоночекъ, и черезъ минуту явился Чезарини.

— Ахъ, сказалъ Джонлей, принимая печальный видъ: оченъ радъ, что вы пожаловали: извините меня, что я нависала вамъ безъ великой церемоніи. Вы получили мою записку?... Прощу васъ, садитесь... какъ вы поживаете?... Вы какъ-будто не въ духѣ.. не прикажете ли чего-нибудь?

— Вина, сказалъ Чезарини отрывисто:— вина.. вамъ климатъ требуетъ, чтобы пили вино.

Въ эту минуту явился слуга съ перочиннымъ ножичкомъ, и Феррерсъ приказалъ ему подать вина и закуски. Пока вино не было отдано, Джонлей былъ остороженъ и говорилъ слепна о разныхъ предметахъ, но съ появленіемъ бутылокъ онъ крайне увлеклся, замѣтивъ, что Чезарини наивнвалъ и опораживалъ стаканы за стаканомъ, какъ бы, чувствуя потребность искусственнаго возбужденія. Наконецъ, удовлетворивъ свою венатуральную жажду, онъ устремлялъ свои большіе черные глаза на Феррерса, и сказалъ:

— Вы желаете сообщить мнѣ какую то новость... я вижу это по вашему лицу. Говорите, теперь вы готовъ выслушать все.

— Ну, такъ слушайте же. Ваши подозрѣнія были справедливы... ревность всегда самый вѣрный отгадчикъ. Я увѣренъ, что Отелло былъ совершенно правъ... а Дездемона была не лучше, чѣмъ ей слѣдовало быть. Мальтраверсъ сдѣлалъ предложеніе моей кузинѣ, и получилъ ее согласіе.

Чезарини поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ... все тѣло его дрожало какъ листъ... въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ можно было подумать, что у него отнялся языкъ.

— Да будетъ онъ проклятъ! вскричалъ онъ наконецъ, вадн-

даясь и скрежеща зубами:—да будетъ проклятъ тѣмъ сердцемъ, которое онъ разбилъ!

— И послѣ такого письма, что онъ писалъ къ вамъ... помните?... Вотъ оно. Онъ предостерегалъ васъ противъ леди Флоренсы, для того, чтобы самому воспользоваться ея рукою... не вѣроломство ли это?

— Адское... черное вѣроломство! Я Итальянецъ, вскричалъ Чезарини, вскочивъ, и всѣ жгучія страсти юга выразились на лицѣ его:—я отмщу за себя.—Состояніе мое разорено... надежды разрушены... сердце растерзано горестью... но мнѣ остается еще одно утѣшеніе... послѣднее утѣшеніе отчаянія...

— Не хотите ли вы вызвать его на дуэль? спросилъ Диний спокойно и послѣ нѣкотораго размышленія.—Увѣрены ли вы, что не промахнетесь? Если такъ, то вы еще можете подумать о дуэли, если же нѣтъ, то это больше ничего, какъ насмѣшка!... Вы промахнетесь... онъ выстрѣлитъ на воздухъ... секунданты вступятся, и вы разойдетесь, оба довольные, что такъ дешево отдѣлались... Дуэль больше ничего, какъ фарсъ.

— Мистеръ Феррерсъ, сказалъ Чезарини съ яростью:—шутки ваши неумѣстны!

— Я совсѣмъ и не думаю шутить, Чезарини, сказалъ Феррерсъ, съ необыкновенно енергію, которая смирила всю ярость Итальянца.—Тѣмъ болѣе, что я также ненавижу Матраверса... его превосходство... его холодная надмѣнность оскорбляютъ мое самолюбіе... его успѣхи бѣдятъ меня... а мысль о его ненавистномъ для меня бракѣ съ леди Флоренсою просто терзаетъ мою душу... и я готовъ былъ бы отлать руку на отсѣченіе, еслибъ это могло разстроить эту сватьбу... Я ве шучу, Чезарини, но и въ ненависти я не теряю разсудка, и дѣйствую по обдуманному заранѣе плану... таковъ у насъ, у Англичанъ, обычай.

Чезарини мрачно взглянулъ на Феррерса .. крѣпко помахалъ его руку... что то пробормоталъ и началъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ.

— Вы хотите мстить за себя... я тоже, продолжалъ Феррерсъ.—Теперь надобно подумать о средствахъ!

— Я вонжу въ его сердце кинжалъ... я...

— Оставьте въ покоѣ эти трагическія выходки. Не хмурьте бровей... не топайте ногами... но садитесь и будьте благоразумны, или оставьте меня, и дѣйствуйте за себя, какъ вамъ придетъ въ голову.

— Серъ, сказалъ Чезарини, глаза котораго сверкнули такимъ

огнемъ, что могли бы испугать всякаго другаго, кромѣ Феррерса:—вспомните, что вы оскорбляете человѣка въ несчастіи... берегитесь этого...

— Вы въ несчастіи, а не хотите принять руку помощи. Состояніе ваше разорено, а вы бредите, какъ поэтъ, когда должны бы придумывать средства къ достиженію такого несмѣтнаго богатства. Честолюбіе и мщеніе могутъ быть удовлетворены только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, надобно быть чрезвычайно осторожнымъ, а во-вторыхъ, надобно умѣть владѣть оружіемъ.

— Что же мнѣ дѣлать?... Что можетъ удовлетворить мое мщеніе, кромѣ его жизни?

— Убейте его, если можете., и если это вамъ пріятно... я на это не имѣю сказать вамъ ни одного слова... ступайте... но вспомните то, если вы промахнетесь... или если онъ, будучи сильнѣе и ловчѣе васъ, останется побѣдителемъ... васъ схватятъ и засадятъ въ домъ умалишенныхъ на годъ, или на два, по крайней-мѣрѣ; а признаюсь, я не желалъ бы провести въ такомъ мѣстѣ и одной зимы... Впрочемъ, какъ вамъ угодно.

— Вы!... вы!... Но что вамъ за дѣло до меня? Я уйду... прощайте, серъ.

— Пойдите на минутку, сказалъ Феррерсъ, видя, что Чезарини готовъ былъ выйти изъ комнаты.—Пойдите... сядьте вотъ здѣсь.. и выслушайте меня... Не лучше ли будетъ...

Чезарини колебался, потомъ, по обыкновенію, машинально повиновался и сѣлъ.

— Прочтите это письмо, которое когда-то Мальтраверсъ писалъ къ вамъ. Кончили?.. Хорошо... Теперь замѣтите... если бы Флоренса видѣла это письмо, она никогда не вышла бы, не могла бы выйти за того человѣка, который писалъ его... Вы должны показать ей это письмо.

— Теперь все ясно!... Да, въ этомъ письмѣ есть такія выраженія, которыхъ такая гордая женщина никогда не проститъ. Дайте мнѣ его... я сію же минуту отправлюсь съ нимъ...

— Ахъ! вы слишкомъ поспѣшны... вы, вѣрно, забыли, что это письмо писано—тому назадъ пять мѣсяцовъ, когда Мальтраверсъ почти совсѣмъ еще не зналъ леди Флоренсу. Онъ самъ признался ей, что тогда еще не любилъ ее... слѣдовательно, это только придастъ въ ея глазахъ цѣну побѣдѣ, которую она надъ нимъ одержала. Флоренса, прочтя это письмо, усмѣхнется и скажетъ... Теперь онъ судить обо мнѣ совершенно иначе!

— Вы, вѣрно, задумали свести меня съ ума! Что вы хотите

справить? Не сомнѣн ли вы сейчасъ сказали, что если она увидитъ это письмо, то никогда не выйдетъ за того, кто писалъ его?

— Да, да, но это письмо надо переправить, надо подчистить старое число и поставить сегодняшнее.... да, именно сегодняшнее.... Мальтраверсъ долженъ сегодня возвратиться въ городъ. Притомъ оно не должно быть отвѣтомъ на письмо, въ которомъ вы спрашиваете его мнѣнія на счетъ моего брата съ зема Флоренсою; его должно измѣнить и представить отвѣтомъ на ваше письмо, въ которомъ вы поздравляете его съ предстоящею женитьбою. Стоитъ только перемѣнить два мѣстоименія, а явлено приметъ совершенно другой видъ. Прочтите его еще разъ, и вы увидите.... выж, постойте, я прочту его вамъ вслухъ.

Тутъ Феррерсъ прочелъ письмо, которое съ сдѣланными въ немъ измѣненіями действительно соответствовало еполнѣ цѣлѣ, для которой оно было предназначено.

— Что касается до совѣта быть осторожнымъ, сказалъ Феррерсъ, кончивъ чтеніе:—его можно перетолковать такъ, будто онъ просилъ васъ сохранять въ тайнѣ все, касающееся этого письма. Теперь, понимаете ли въ чемъ дѣло? Можете ли вы взять на себя роль, которая требуетъ тонкости, осторожности, ловкости, а главное, присутствія духа?.. Эти качества, какъ бы, какъ свойственны всѣмъ важнымъ соотечественникамъ?

— Я одылаю все.... не бойтесь за меня. Оно, можетъ-быть, и низко и подло.... но я не потерплю, чтобы Мальтраверсъ преграждалъ мнѣ путь, затмивалъ меня во всемъ.

— Гдѣ вы живете?

— Гдѣ? Недалеко, за городомъ.

— Перебѣжайте ко мнѣ на нѣсколько дней. Я не долженъ терять васъ изъ виду. Пошлите за вашими вещами.... У меня есть свободная комната, которую я предлагаю къ вашему услугамъ.

Сначала Чезарини отказался, но человекъ, рѣшившійся на преступленіе, страшится одиночества и чувствуетъ необходимость быть въ обществѣ. Онъ отправился самъ за вещами, и обещалъ возвратиться къ обѣду.

— Необходимо признаться, сказалъ Люмлей, садясь опять къ своему письменному столу; что я затѣялъ такое нечестное дѣло, какого въ жизнь мою мнѣ еще не приходилось обрабатывать... Теперь принимаю исправлять ваше посланіе, гениальный мистръ Мальтраверсъ!

Въ нѣсколько минутъ, юмъ въздвнжъ помнчка шстра, полжт

ки и поправки были кончены, за исключеніемъ перемѣны числа, которую Феррерсъ, по здоровомъ размышленіи задумалъ отложить до другаго раза.

— Кажется, я мастерски поддѣлался подъ его руку, сказалъ онъ, разсматривая перемѣненныя буквы: тѣмъ болѣе, что я не учился этимъ вещамъ. Однакожъ при внимательномъ осмотрѣ можно замѣтить подчистки. Чезарини долженъ самъ прочесть ей письмо, и потомъ, если она и взглянетъ на него, то досада и смущеніе отуманятъ ея глаза. Главное—не оставлять этого письма въ ея рукахъ, и взять съ нея слово хранить эту тайну. Она женщина благородная, и умѣетъ держать данное слово.... Итакъ, вотъ дѣло и улажено. Я какъ разъ успѣю еще до обѣда съѣздить къ дядѣ и поздравить старика съ успѣшнымъ окончаніемъ давнишнихъ замысловъ — съ полученіемъ званія пера.

V.

— За тѣмъ у этого господина остается еще много кой-чего, что онъ жадалъ бы употребить въ вашу пользу.

Крabb.

Лордъ Баргревъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, занимаясь пересматриваніемъ своихъ счетныхъ книгъ. Онъ тщательно подводилъ итоги суммамъ, пушечнымъ въ разные обороты, для увеличенія дохода. Результатъ, повидимому, былъ самый удовлетворительный, потому-что богатый лордъ бросилъ перо съ торжествующимъ видомъ.

— Сто двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ употреблю на покупку земель.... только сто двадцать тысячъ. Ни за что не поддамся искушенію употребить болѣе этого. Куплю также прекрасный домъ... домъ, приличный дворянину.... великолѣпный старинный домъ Елизаветинскихъ временъ.... домъ, памятный чѣмъ-нибудь въ исторіи. При немъ должны быть дѣса.... оврага.... а главное паркъ съ оленями. Одной можно назвать бар-

скою потѣхою.... именно барскою. Клиффорды, я знаю, продаютъ свой домъ.... они дорогонько просятъ за него.... но наличныя деньги весьма соблазнительная вещь. Можно поторговать.... да поторговать.... я на это всегда былъ мастеръ. Былъ ли бы я теперь лордъ, баронъ Варгревъ, если бы платилъ всегда каждому то, что запрашиваютъ съ перваго раза? Удвою также свои пожертвованія въ пользу благотворительныхъ обществъ и другихъ богоугодныхъ заведеній. Свѣтъ не можетъ сказать, что Ричардъ Темпльтонъ не достоинъ своего высокаго званія... Я буду.... Войдите. Кто тамъ?... Войдите.

Дверь тихо отворилась, и въ ней показалось кроткое лицо супруги новаго пера.

— Я обезпокоила васъ.... Извините меня.... Я....

— Войдите, моя милая, войдите.... мнѣ нужно поговорить съ вами.... мнѣ нужно поговорить съ вами, леди.... садитесь, прошу васъ.

Леди Варгревъ повиновалась.

— Вы понимаете, сказалъ перъ, складывая ногу на ногу и поглаживая обѣими руками лѣвое колѣно, тогда какъ его новѣйшее туловище покачивалось изъ стороны въ сторону въ креслахъ:—вы понимаете, что пожалованное мнѣ титло помечетъ за собою большія перемѣны въ нашемъ образѣ жизни. мистрисъ Темпль.... то есть леди Варгревъ, хотѣлъ я сказать. Эта дача очень хороша.... мой загородный домъ также не влекъ бы нареканія на провинціального дворянина.... но мы должны теперь поддержать наше высокое званіе... Имѣніе, которое находится теперь въ моемъ владѣніи, перейдетъ вмѣстѣ съ титломъ къ Люмлею.... а я куплю другое, которымъ могъ бы располагать вполне.... и чувствовать, что оно принадлежитъ совершенно мнѣ.... Это будетъ великолѣпное имѣніе, леди Варгревъ.

— Для меня и эта вилла великолѣпна, сказала леди Варгревъ застѣнчиво.

— Эта вилла! какой вздоръ.... Вы должны приучаться къ болѣе возвышеннымъ идеямъ, леди Варгревъ.... вы молоды.... вамъ легко приучить себя къ новому образу жизни!... можетъ быть, гораздо легче чѣмъ мнѣ.... у васъ всѣ приемы знатной дамы.... хоть это можетъ быть неприлично говорить мнѣ, ну-жу.... вы женщина съ большимъ вкусомъ и тактомъ, не можете сказать не по лѣтамъ.... вы говорите вообще мало, не стараетесь выказывать своего невѣжества.... это похвально. Вы должны быть представлены ко двору, леди Варгревъ.... мы дол-

ны давать большіе обѣды, леди Варгревъ. Бѣды давать грѣш-
о... въ оперу ѣздить также, по-крайней-мѣрѣ мнѣ такъ по-
нется. .. однакомъ абонированная жожа въ итальянской, оперѣ
ожна быть необходимою принадлежностью женщины вашего
вѣка, леди Варгревъ.

— Любезный мистеръ Темплтонъ....

— Лордъ Варгревъ, хотѣла ваша милость сказать.

— Извините. Дай Богъ вамъ долго наслаждаться вашими по-
рестями, но я, любезный лордъ, я не способна раздѣлять вѣдѣ-
тъ вами.... только при спокойномъ образѣ жизни я могла еще
обывать, что и.... что я была прежде.... Вы ужасаете меня,
когда начинаете говорить о дворѣ.... о....

— Пустяки, леди Варгревъ, пустяки! Ко всему этому можно
легко привыкнуть. Ну, похожъ ли я на человѣка, который сто-
итъ когда-то за конторкой? А наша дочь, милая дочь.... милая
Евелина; о! она выростетъ на удивленіе всего Лондона.... пер-
вая красавица.... самая богатая невѣста.... она принесетъ намъ
болшую честь!

— Я увѣрена въ этомъ.... сказала леди Варгревъ, и слезы
брызнули изъ глазъ ея.

Лордъ Варгревъ былъ тронутъ.... онъ всталъ.... раздѣлъ руку
кены, и нѣжно поцаловалъ ее въ лобъ.

— Нѣтъ другой женщины, которая была бы достойнѣе васъ
имѣть такую дочь, какъ Евелина.

— Я надѣюсь, что я исполнила долгъ свой въ отношеніи къ
ней, сказала леди Варгревъ, отирая слезы.

— Папа, папа! кричалъ нетерпѣливый голосъ дѣвочки, и въ
то же время послышался стукъ въ стекло:—пойдемте играть,
папа.... пойдемте играть въ мячикъ, папа.

И въ окнѣ показалось прелестное личико дѣвочки, цвѣтущее
морозьемъ и веселостью. Ея бѣлокурые волосы развѣвались
около головки, а вроткая улыбка образовала на щекахъ
очаровательныя ямочки.

— Милая моя! поди на дугъ.... да не бѣгай слишкомъ мно-
го.... тебѣ вредно утомленіе, ты еще не совсѣмъ поправилась
послѣ того ужаснаго ушиба.... Я сейчасъ приду къ тебѣ,...
богъ съ тобою.

— Выходите же поскорѣе, папа.... нѣтъ лучше васъ не
имѣть играть въ мячки.

И счастливая дѣвочка, смѣясь и прыгая, скрылась, какъ мгно-
вѣнная фея.

Лордъ Варгревъ обратился опять къ женѣ.

— Что вы думаете о моемъ племянникѣ... о Льюисѣ? Скажите мнѣ другъ.

— Онъ, кажется, добрый человекъ, чистосердечный, и вы видите съ нимъ чрезвычайно любезенъ.

Лордъ Варгревъ задумался.

— Я тоже думаю, сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія:— и надѣюсь, что вы одобрите то, что я хочу сдѣлать. Вы знаете, что Льюисъ выросъ съ мыслью, быть моимъ наследникомъ... я долженъ дать ему что-нибудь, кромѣ бѣдлагаго имущества, которое соединено съ моимъ титуломъ, но которое не можетъ поддержать его надлежащимъ образомъ. На чужбину, на наследственное титуло должно смотреть съ уваженіемъ. Большую часть нашего состоянія я оставляю нашей младшей дочери. Нельзя ли соединить вмѣстѣ богатство и званіе? Это поставило бы его наравнѣ съ знатнѣйшими домами Англій такимъ образомъ осуществлялся бы всѣ эти желанія... я надѣюсь, и, съ своей стороны, также исполнилъ бы долгъ свой.

— Но, сказала леди Варгревъ съ виднымъ удивленіемъ:— если я хорошо поняла васъ.... разность лѣтъ....

— Что изъ этого... что изъ этого, леди Варгревъ? Разность лѣтъ въ вашихъ лѣтахъ нѣтъ разницы? Еще гораздо болѣе, чѣмъ въ лѣтахъ Льюиса и этой прелестной дѣвочки... Льюисъ еще еще молодъ... ему тринадцать пять лѣтъ... ему будетъ съ десяти-шестидесяти, когда ей придетъ пора выходить замужъ, а вы было уже за пятьдесятъ, когда я женился на васъ, леди Варгревъ... а я, кажется, былъ для васъ очень хорошимъ мужемъ.

— Да, правда; однакожъ..

— Я не люблю, когда въ супружествѣ сходятся пара ребятишекъ; мужъ всегда долженъ быть старше жены. Вы большая щепетильница, леди Варгревъ. Кромѣ-того, Льюисъ такой веселый, такой обходительный молодой человекъ и очень влюбленъ собою. Онъ, кажется, мѣтилъ-было составить другую парочку, но я надѣюсь, что теперь это уже вышло изъ головы. Они любятъ другъ друга. Вы, вѣрно, не захотите препятствовать мнѣ въ этомъ случаѣ, леди Варгревъ, и если ничего особеннаго не случится... но жизнь такъ ненадежна....

— О! не говорите этого... мой другъ, мой благодѣтель!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, возразилъ лордъ Варгревъ съ необыкновенною кротостью: я, благодаря Бога, совершенно здоровъ... я

... что я какъ-буто помолодѣлъ... но еще разъ скажу, ты такъ ненадежна... и если вы переживете меня, то, конечно, не захотите воспрепятствовать моему великому замыслу. — Я... нѣтъ, нѣтъ... вы имѣете полное право располагать ею по своему усмотрѣнью; но она такъ еще молода... у нея такое молодое сердце... если она полюбитъ кого-нибудь, равнаго себѣ по дѣл...

— Полюбитъ, какой вздоръ! Любовь никогда не приходитъ въ голову дѣвушки, если ей не натолкуютъ объ этомъ съ дѣтства. Мы простимъ ее въ мысляхъ, что она должна любить Люмлея. Но есть еще къ тому другая причина... гораздо-важнѣйшая... наша семейная тайна! Ему можно довѣрить ее... онъ не выведетъ ее наружу. Я и въ гробѣ не нашелъ бы спокойствія, еслибы хоть малѣйшее пятно омрачило репутацію моего сына.

Лордъ Варгревъ проговорилъ эти слова съ жаромъ и нѣкоторою торжественностью, потомъ пробормотавъ въ полголоса: — Я, это необходимо для общей пользы, взялъ шляпу, и вышелъ изъ комнаты. Онъ пошелъ на дугъ къ своей дочери. Этотъ важный человекъ, забывъ свою спишь, прыгалъ съ дѣвочкою, смѣялся, хохоталъ громче ея, и бѣгалъ почти также шибко. Когда же она соскучилась играми, и почти задыхалась отъ усталости, онъ вошелъ съ нею въ маленькую бесѣдку, посадилъ ее подле себя, и заботливо приглаживая ей растрепавшіеся локоны, сказалъ ей:

— Ты меня совсѣмъ измучила, дитя, и уже становлюсь старъ, чтобы играть съ тобою. Люмлей долженъ заступитъ мое мѣсто. Ты любишь Люмлея?

— О! очень люблю, онъ такой веселый, такой добрый; онъ подарилъ мнѣ такую чудную куклу съ такими глазами!

— Ты будешь современемъ его женою... хочешь быть его женою?

— Женою? Но вѣдь бѣдная мама твоя жена, а она совсѣмъ не такъ счастлива, какъ я.

— Мама все не такъ здорова, моя милая, сказалъ лордъ Варгревъ, нѣсколько смутившись. Замужемъ очень хорошо; будешь имѣть свою карету, великолѣпный домъ, много бриллиантовъ, много денегъ, и будешь сама себѣ хозяйка. Люмлей же будетъ любить тебя какъ нельзя болѣе.

— Ахъ! это все очень хорошо!

— Онъ будетъ твоимъ покровителемъ, когда меня не станетъ на свѣтѣ.

Не слова, но голосъ отца заставилъ содрогнуться сердце дѣвочки. Евелина подняла глаза, устремила на отца пристальный и вѣжливый взоръ, потомъ обвиня свои маленькія ручки вокругъ его шеи и залилась горькими слезами.

Лордъ Варгревъ также отеръ глаза, и осыпалъ ребенка поцелуями.

— Да, ты будешь женою Люмлей... знатною дамою... наследницею моего имени... моего богатства.

— Я сдѣлаю все, что вамъ будетъ угодно, папа.

— Въ такомъ случаѣ ты будешь леди Варгревъ, а Люмлей будетъ твоимъ мужемъ, сказалъ отецъ съ особеннымъ выраженіемъ. Подумай хорошенько о томъ, что я сказалъ тебѣ. Теперь пойдемъ къ маменькѣ. Но что я вижу? вотъ и Люмлей. Впрочемъ, теперь еще не время говорить ему объ этомъ... Надѣйся, что онъ не имѣетъ уже никакой надежды получить руку этой знаменитой леди Флоренсы.

VI.

.....Чудное соединеніе привязанностей, столь рѣдкихъ на землѣ.

Шекспиръ.

Между-тѣмъ женихъ и невѣста возвращались въ Лондонъ. Тихая и ясная погода и воздухъ, наполненный ароматомъ, побудили ихъ ѣхать верхомъ. Гдѣ-то сказано, что влюбленные никогда не бываютъ такъ хороши, какъ въ то время, когда они находятся въ обществѣ одинъ другаго; къ тому же, какъ Флоренса, такъ и Эрнестъ, были необыкновенно красивы на статныхъ коняхъ. Можно было замѣтить нѣкоторое сходство, какъ въ величественной осанкѣ и граціозной стройности, такъ и въ прелестныхъ, выразительныхъ чертахъ лица этихъ двухъ молодыхъ людей, хотя степень красоты ихъ была совершенно различна, потому-что необыкновенная красота леди Флоренсы въ

могла имѣть никакого сравненія. Когда они выѣзжали изъ востокъ Кливелендовой виллы, до которыхъ провожали ихъ холмистыя и нѣкоторые оставшіеся гости, всѣ были увѣрены, что эти молодые люди непременно должны быть счастливы, и всѣмъ казалось, что они, какъ по уму, такъ и по наружности, были созданы одинъ для другаго. Положеніе жениха и невѣсты всегда возбуждаетъ особенное участіе, даже въ самыхъ холодныхъ людяхъ, и потому Мальтраверсъ и Флоренса сдѣлались кумиромъ всѣхъ, кто только ихъ видѣлъ.

— Да благословить ихъ Богъ! пробормоталъ Кливелендъ, обращаясь для того, чтобъ скрыть слезы, и не было ни одного человѣка во всемъ предстоящемъ обществѣ, который не пожелалъ бы имъ въ эту минуту истиннаго счастья.

Флоренса почувствовала невзъяснимую тоску, покидая мѣста, ознаменованныя такими пріятными воспоминаніями.

— Будемъ ли мы въ послѣдствіи такъ счастливы? сказала она, обращаясь назадъ, чтобъ взглянуть еще разъ на ландшафтъ, который, казалось, улыбался имъ, разукрашенный цвѣтами, кустарниками и яркою зеленью, какою можно видѣть въ одной Англій.

— Мы постараемся, чтобы мой замокъ, съ своими вѣковыми деревьями и ихъ мрачною тѣнію, напоминалъ эти прекрасныя мѣста, моя милая Флоренса.

— Опишите мнѣ общій характеръ вашего помѣстья. Мы будемъ проводить въ немъ большую часть нашего времени, не правда ли? Я увѣрена, что оно понравится мнѣ гораздо болѣе, чѣмъ Марден-Кортъ; такъ называется замокъ, или лучше сказать, безтолковое соединеніе арокъ и колоннъ, въ тяжеломъ вандбургскомъ вкусѣ, который въ скоромъ времени будетъ принадлежать вамъ.

— Боюсь только, что въ моихъ клѣткахъ и уголкахъ, негдѣ будетъ размѣстить вашу огромную свиту лакеевъ, гайдуковъ, скороходовъ и прочаго, сказалъ Эрнестъ, улыбаясь. И онъ началъ описывать свой старый замокъ съ нѣкоторою гордостью образованнаго и опытнаго помѣщика, а Флоренса слушала, предлагала нѣкоторые перемѣны, оба вмѣстѣ составляли планъ своему будущему жилищу, измѣняли его, разсуждали о малѣйшихъ подробностяхъ, однимъ словомъ, набрасывали самыя очаровательныя картины своей будущности. Отъ этого предмета они перешли къ другому, равно интересному для Флоренсы. Последнее сочиненіе Мальтраверса было окончено и уже от-

дано въ печать, и Флоренса забавляла себя разными предположеніями на счетъ критики, которая должна была послѣдовать на это сочиненіе. Она была увѣрена заранѣе, что все, что восхищало ее въ немъ, будетъ недоступно толпѣ, потому что она никакъ не могла вообразить, чтобы кто другой, кромѣ ее, могъ понимать Мальтраверса. Разговаривая такимъ образомъ, они незамѣтно подвѣхали къ тому самому мѣсту, на которомъ Эрнестъ былъ свидѣтелемъ непріятнаго приключенія съ дочерью мистрисъ Темплтономъ. При видѣ мѣста, которое пробуждало въ душѣ его такія важныя воспоминавія, Мальтраверсъ вдругъ остановился, не договоривъ самаго краснорѣчиваго пера, и сталъ осматриваться кругомъ съ любопытствомъ и даже съ безпокойствомъ. Но прекрасное видѣніе не явилось въ этотъ разъ, и впечатлѣніе, произведенное этимъ мѣстомъ, нечеловѣко-по-шалу, когда они вѣхали въ предмѣстье шумной столицы. Двое другихъ джентльменовъ и молодая леди, лѣтъ тридцати трехъ; (я чуть было не забылъ ихъ) вѣхали вмѣстѣ съ ними; но они нѣмѣли догадливости нѣсколько отставать почти во всю дорогу, и какъ молодая леди была и умна и кокетлива, то она умѣла занять обоихъ кавалеровъ своимъ лепетомъ съ примѣсью небольшого кокетства.

— Вы будете у насъ сегодня вечеромъ? спросила Флоренса застѣнчиво.

— Я боюсь, что мнѣ не удастся заѣхать къ вамъ. Мнѣ нужно устроить нѣкоторые дѣла до отъезда моего въ Бюрлей, который я отложилъ до слѣдующей недѣли. Трехъ нѣдѣль, шала Флоренса, едва достаточно на то, чтобы привести Бюрлей въ такое положеніе, въ какомъ онъ удостоится принять свою новую госпожу. Я уже совѣтывался съ первыми волшебниками по-обойной и поволотной части, какъ бы превратить мой старый замокъ въ волшебный дворецъ Аладина, достойный быть жилищемъ его новой принцессы. Надобно также повидаться съ стряпчими!.. Однимъ-словомъ, я буду завять, какъ польза бѣдѣ. Но завтра, въ три часа я буду у васъ, и если погодитъ быть благопріятна, мы, какъ сегодня, поѣдемъ кататься.

— Нѣтъ, я не ошибаюсь, посмотрите, вѣдь это сиворъ Чезарини... какой у него странный видъ... какъ онъ переѣхивался!

Мальтраверсъ повернулъ глаза въ ту сторону, куда показывала леди Флоренса, и увидѣлъ Чезарини, выходящаго изъ переулка. За нимъ шелъ носильщикъ, который несъ нѣсколько книгъ и сундукъ. Итальянецъ страшно размахивалъ руками, и

сидящему, разсуждая самъ съ собою, и потому не замѣтилъ

Близкій Кастриччо! онъ, кажется, переживаетъ съ какою-то волною Мальтраверсъ. Онъ, вѣрно, уже истратилъ всѣ деньги, которыя я послалъ ему... надобно не забыть отыскать его новое жилище, и пополнить снова кошелекъ его... Вы же, кажется, сдѣлалъ онъ вслухъ, повидаться съ Чезарини, и убедить ее принять предлагаемое ему мѣсто?

— Нѣтъ, не забуду... Я постараюсь повидаться съ нею за вашего прихода. Однакожь надобно признаться, что это мое тайное порученіе, Эрнестъ.

— Ну! я согласенъ съ вами, Флоренса; но вы обязаны предупредить его, потому-что не совсѣмъ правы передъ Кастриччо, безъ сомнѣнія, считалъ себя нѣкогда въ правѣ питать надежду на получение руки вашей, несбыточность которыхъ онъ, какъ иностранецъ, незнакомый съ нашими обычаями, не могъ вполнѣ сообразить.

— Повѣрьте мнѣ, я никогда не давала ему права питать такіа надежды.

— Но вы и не старались показатъ ему, что онъ несбыточенъ. Ахъ, Флоренса, не думайте, чтобы мученія обманутой надежды и отвергнутой любви обходились легко....

— Нѣтъ, онъ должны быть умарны! сказала Флоренса, вздрагивая. Страшно, но врежде совѣсть не упрекала меня такъ сильно. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я люблю, я поняла, какъ преступно то существо... которое....

— Женщина кокетка! хотите вы сказать, подхватилъ Мальтраверсъ: не не будемъ безлоконть себя прошедшимъ; лучше постараемся устроить, чтобы этотъ даровитый молодой человекъ могъ посредствомъ своихъ талантовъ приобрести впоследствии честное и независимое существованіе.... Попробуемъ сдѣлать это... Мнѣ Чезарини никогда не простить; онъ заберетъ себя въ голову, что я отбилъ васъ у него.... Но женщина, которую мы нѣкогда любили, имѣетъ на насъ, мужчинъ, влияние даже и тогда, если любовь наша была отвергнута ею. Къ тому же наше краенорѣчье, которое такъ часто обновляло мои силы, когда я готовъ былъ потерять ихъ, можетъ по дѣйствию на его душу, которая еще впечатлительнѣе моей.

Разставшись съ Флоренсою у подъезда ея дома, Мальтраверсъ поѣхалъ домой, позвалъ своего довѣреннаго слугу, далъ ему адресъ Чезарини въ Тельен, приказалъ ему отыскать его новую квартиру, въ случаѣ если онъ перевхалъ, и отнести

туда, а если не узнаеть квартиры, то въ клубъ «путешественниковъ», пакетъ, въ который онъ вложилъ довольно значительную сумму денегъ, и на которомъ надпись приказалъ сдѣлать тому же самому слугѣ. Если читателю покажется страннымъ, что Мальтраверсъ принялъ на себя роль тайнаго благодѣтеля Итальянца, то въ такомъ случаѣ я скажу ему, что онъ не имѣлъ вполнѣ характера Мальтраверса. Чезарини былъ не первый литераторъ, котораго слабости возбуждали въ Эрнестѣ состраданіе, и которому онъ помогалъ въ нуждѣ. Хотя онъ не желалъ разыгрывать роль мецената и поощрителя талантовъ, но онъ понималъ глубже другихъ, что такое любовь къ ближнему, и чувствовалъ нѣкоторую благодарность къ тѣмъ, кто стремился просвѣщать или восхищать человѣчество. Будучи самъ авторомъ, онъ вполнѣ понималъ такую обязанность, налагаемую на литератора свѣтомъ, обязанность, за которую ему платить клеветою во-время жизни и сухими лаврами послѣ смерти. Любовь къ прекрасному сохранила въ сердцѣ Эрнеста любовь къ ближнему, состраданіе и многія другія благородныя наклонности.

VII.

«Донъ-Жуанъ. Кѣмъ расстроивъ ты эту свадьбу?»

«Барраціо. Не совѣтъ честнымъ образомъ, суларь, но такъ искусно, что никому не придетъ и въ голову задумывать о низости моего поступка!»

Шекспиръ.

Много шуму изъ ничего.

Феррерсъ и Чезарини сдѣлали за бутылкою вина, и оба хранили глубокое молчаніе, потому-что у нихъ былъ одинъ общій предметъ, о которомъ они могли говорить съ жаромъ, когда Люмлею подали записку отъ леди Флоренсы.

— Вотъ счастье! сказалъ онъ, прочтя записку. Леди Флоренса желаетъ васъ видѣть, и прилагаетъ здѣсь записку, которую проситъ меня передать вамъ. Вотъ она.

Чезарини схватила записку дрожащими руками. Она заключалась въ нѣсколькихъ словахъ. Леди Флоренса изъявила въ ней желаніе владѣть синьора Чезарини на слѣдующій день, въ два часа.

— Что она хочетъ сказать мнѣ? Не хочетъ ли она извиниться... оправдаться передо мною?

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ! Флоренса никогда не сдѣлаетъ этого, но изъ нѣкоторыхъ словъ, сказанныхъ мимоходомъ, я догадываюсь, что она хочетъ сдѣлать вамъ весьма выгодное предложеніе, которое должно устроить вашу будущность. А! кстати... мнѣ пришла въ голову чудесная мысль.

Дюмлей громко позвонилъ.

— Леди Флоренсы посланный ждетъ отвѣта? спросилъ онъ комеданга слугу.

— Точно такъ, серъ.

— Очень хорошо... пусть подождетъ. Чезарини, вамъ предстоитъ еще вѣрнѣйшій успѣхъ. Пойдите въ другую комнату. Садитесь къ столу и пишите къ Мальтраверсу то, что я вамъ пролиکتую.

— Мнѣ писать!

— Да! положитесь на меня... пишите... А когда напишете, тогда я вамъ все объясню.

Чезарини повиновался и написалъ письмо слѣдующаго содержания:

«Любезный Мальтраверс!

Я только что узналъ, что вы женитесь на леди Флоренсѣ Лессельсѣ. Позвольте мнѣ поздравить васъ отъ искренняго сердца. Что же касается до меня, я давно уже побѣдилъ глупую и безнадежную страсть, и могу смотрѣть на ваше счастье безъ всякой зависти.

Я много размышлялъ о моихъ прежнихъ предубѣжденіяхъ на счетъ супружества и убѣдился болѣе чѣмъ когда-либо, что счастье въ немъ зависитъ отъ совершеннаго сходства нравовъ, привычекъ и направленія умовъ... Но какъ рѣдко это сходство!... Въ вашемъ супружествѣ оно будетъ. Прекрасное существо, называемое вашею невестою, способно къ самой пламенной любви, а сердце ея принадлежитъ вамъ!

Напишите мнѣ нѣсколько строкъ, чтобы я могъ убѣдиться, что вы питаете ко мнѣ прежнее довѣріе.

Вашъ
К. Чезарини.»

— Перепишите это письмо, продолжалъ Феррети: и вышлите на коню. Теперь запечатывайте одно изъ нихъ и напишите адресъ. Хорошо слушайте въ эту, отдайте его сими ладью къ Флоренсы, и попросите его отвезти это письмо Мальтраверсу, подождавъ отвѣта и принесть его сюда. Скажите ему, что беру на себя доложить объ этомъ леди Флоренсъ, и дайте ему полпрова.

— Ноъ этого этого я не понималъ ни одного слова, сказалъ Чезарини, возвратившись къ передней: объясните ли вы мнѣ, что въ этомъ делать?

— Разумѣется, коню съ письмомъ, посланнаго Мальтраверсу, я покажу сегодня же вечеромъ леди Флоренсъ, въ доказательство вашихъ благородныхъ чувствъ и разсудительности. Завѣте, что оно написано въ такомъ тонѣ, что прежде писаннаго шервика можетъ служить ему отвѣтомъ. Завтра, вѣроятно, зайдетъ рѣчь о вашемъ письмѣ, и каждое слово, сказанное о немъ, будетъ содѣйствовать исполненію нашего плана. Если вы хотите послѣдовать моему совѣту, то не показывайте письма добровольно, какъ мы прежде думали, а притворитесь, такъ будто вы это дѣлаете въ порывѣ невольнаго великодушія; желая спасти все отъ недостойнаго мужа и несчастной удачи. Само счастье подтасовало намъ карты, и сняло подъ туза. Можно побиться объ закладъ о трехъ противъ одного, что въ дѣлѣ нашемъ мы будемъ имѣть полный успѣхъ. Мальтраверсъ теперь тоже дома. Я захождалъ къ нему, возвращаясь отъ леди, и мнѣ сказали, что онъ не выйдетъ со двора во весь вечеръ.

Спустя известное время, привнесли отвѣтъ Эрваста. Онъ былъ кратокъ и писанъ на скорую руку, но, несмотря на то, выказывалъ всю мужественную доброту его сердца. Онъ выражалъ восторгъ и удивленіе къ чувствамъ, высказаннымъ въ письмѣ Чезарини, касался прежнихъ своихъ сужденій о леди Флоренсъ, и сознавался въ своемъ заблужденіи, старался всѣми силами утѣшить Чезарини, и примириться съ нимъ, и наконецъ заключалъ весьма такими искренними увѣреніями дружбы, такими благородными предложеніями услугъ, безъ всякаго притязанія на покровительство; что даже Чезарини, обезумѣвшій отъ гнѣва и отверженной любви, былъ тронутъ. Долженъ, замѣтилъ перемѣну въ лицѣ Итальянца, вырвалъ у него изъ рукъ письмо.... прочелъ его.... бросилъ въ огонь.... и сказалъ:

— Мы должны остерегаться самолюбивѣйшихъ случаевъ, говорящихъ не въ нашу пользу. Потомъ дружески ударилъ Кестрюччіо по плечу, и прибавилъ: я отъ роду не читалъ болѣ

что вы благоразумно и великодушно отказались отъ несбыточныхъ надеждъ, и побѣдили свою страсть. Мистеръ Феррерсъ позволялъ мнѣ прочесть письмо, которое вы писали къ Эрн.... къ мистеру Мальтраверсу. Оно достойно васъ.... оно сильно тронуло меня.... и я надѣюсь, что вы когда-нибудь откажетесь отъ вашихъ предубѣжденій противъ....

— Остановитесь! вскричалъ Чезарини: стало-быть Феррерсъ показывалъ вамъ и отвѣтъ на это письмо?

— Нѣтъ.

— Ну, я очень радъ.

— Отчего?

— Нѣтъ, такъ. Да сохранить васъ Богъ.... прощайте.

— Нѣтъ... умоляю васъ, не уходите такъ скоро. Что значалось въ этомъ письмѣ, что могло бы, какъ вы думаете, огорчить меня? Люмлей тоже намекалъ о чемъ-то, но не хотѣлъ объясниться яснѣе.... будьте откровеннѣе его.

— Не могу.... это значило бы измѣнить Мальтраверсу.... и быть жестокимъ съ вами.... впрочемъ.... жестокость ли это?...

— Нѣтъ... нѣтъ... это не-что иное, какъ состраданіе... какъ дружба.... покажите мнѣ письмо.... оно съ вами?

— Вы не вынесете этого.... вы возненавидите меня за вѣсенное вамъ огорченіе.... Позвольте мнѣ удалиться.

— Несчастный молодой человѣкъ! вы клеветаете на Мальтраверса! Теперь все понимаю. Вы изъ-подтипка хотите очернить того, кого не можете ни въ чемъ упрекнуть открыто. Идите!... меня можно обвинить уже и за то, что я позволила себѣ выслушивать отъ васъ такія вещи.... Идите!

— Будьте осторожны, леди Флоренса! и помните, что вы своими упреками принудили меня вывести васъ изъ заблужденія. Вотъ письмо.... его ли рука... хотите ли прочесть?... только не совѣтую....

— Я повѣрю только собственнымъ своимъ глазамъ.... дайте мнѣ письмо.

— Извольте, я отдамъ вамъ его, только на двухъ условіяхъ. Во-первыхъ, дайте мнѣ честное слово, не говорить Мальтраверсу безъ моего согласія, что вы видѣли это письмо. На думайте, чтобы я боялся его гнѣва. Нѣтъ! но дуэль, но смерть, которая если вы измѣните мнѣ, должна послѣдовать непременно, можетъ повредить вашему доброму имени въ глазахъ свѣта, и меня, не зная всѣхъ обстоятельствъ, служащихъ въ мое управленіе, сочтутъ подлымъ доносчикомъ, а не человѣкомъ, который поступилъ по долгу чести, желая спасти, пока еще естъ

арма, существо, отдающее свою любовь низкому корыстолюбу. Общается?...

— Общаю.... клянусь всѣмъ, что есть святаго.

— Во-вторыхъ, вы не будете удерживать этого письма у себя, и возвратите мнѣ его тотчасъ же по прочтеніи.

— Общаю еще разъ. Дайте же его....

— Вотъ оно.

Флоренса схватила письмо и съ жадностью начала читать роковыя строки подчищенного письма. Голова ея кружилась.... глаза помутились.... въ ушахъ страшно звенѣло.... она едва помнила сама себя.... едва стояла на ногахъ, но все-таки продолжала читать. Можно было подумать, что письмо это служило отвѣтомъ на записку Кастрючю, писанную наканунѣ. Мальтраверсъ признавался въ немъ, что ему не нравился ея характеръ.... что она неспособна поселить любовь... и ясно высказывалъ, что онъ женится на ней только по расчету.

И такъ, даже и этотъ человѣкъ, кому она отдала свое сердце, видѣлъ въ ней не Флоренсу, милую любимицу души своей, а леди Лессельсъ, богатую и знатную невесту. Весь міръ блаженства, выстроенный ею на любви и вѣрности Мальтраверса теперь падалъ разрушенный къ ногамъ ея.

Письмо выпало изъ рукъ ея.... судорожная дрожь пробѣжала по всѣмъ ея членамъ.... зубы стиснулись.... а щеки сдѣлались блѣдны, какъ мраморъ.

— О! Боже! вскричалъ Чезарини, терзаемый угрызеніями совѣсти. Повторите мнѣ еще разъ, Флоренса, что я оклеветалъ Мальтраверса.... забудьте это ненавистное письмо.... Я солгалъ.... солгалъ....

— А, солгалъ.... повторите это слово!... Но нѣтъ.... нѣтъ... я помню.... онъ самъ говорилъ мнѣ.... а онъ такъ провицатель, такъ вѣрно судить людей!... онъ говорилъ мнѣ, что ручается за васъ, что въ вашей чести и благородствѣ вашихъ чувствъ нельзя сомнѣваться. Все это правда. Благодарю васъ... вы спасли меня отъ ужасной участи....

— О, леди Флоренса!... милая леди Флоренса.... возможно ли это... Увы! она и не слушаетъ меня... бормоталъ Кастрючю, тогда какъ Флоренса, прижавъ руки къ вискамъ, почти въ безпамятствѣ ходила взадъ и впередъ по комнатѣ; наконецъ она остановилась противъ Чезарини, посмотрѣла ему прямо въ лицо, не говоря ни слова отдала письмо, и показала на дверь.

— Нѣтъ... нѣтъ... не приказывайте мнѣ удалиться отсюда, сказалъ Чезарини, дрожа всѣмъ тѣломъ. Угрызенія совѣсти страшно

лучше его, когда въ то же время жившая любовь ея въ то сопернику наполняла его душу ревностью, доходящею до безумства.

— Идите, другъ мой, сказала Флоренса необыкновенно громкимъ и тихимъ голосомъ. Не бойтесь за меня... У меня больше гордости, чѣмъ самой любви! Но въ сердцахъ женщины происходятъ иногда битвы, которыхъ она не могла бы выдержать ни при комъ, кромѣ матери... Боже! помнишь, у меня нѣтъ матери! Идите... когда вы встрѣтитесь съ ней, я буду совершенно спокойна.

Говоря это, она простила ему руку; итальянцы умиляются нею на кофину, судорожною покачивая эту руку, чтобы замѣнить сажену себя, забывала въ кровати.

Едва она ушла, какъ Мантраверсъ повернулся въ ту сторону, гдѣ находился дѣвъ лерия Саконидема. Сдѣлавъ съ женщиной взглядъ въ окно, увидѣвъ жди Флоренсу и посланнаго допадуй, она стояла туль, въ ожиданіи ея шибала, но слышать не съ чѣмъ выслушать, къ ланамъ въ предвѣдѣтъ. Она встала и скоро пошла въ комнату.

Флоренса не трогаясь въ видѣхъ и шагахъ къ нему на встречу. Она подошла къ ней, взяла ей руку... но она оторвала ее съ судорожнымъ движениемъ.

— Не больна ли вы, Флоренса?

— Напротивъ... я совершенно излечилась.

— Что вы хотите сказать... да! чѣмъ вы отворачиваетесь отъ меня?

Дѣвъ Флоренса устремляла на него кипящую зорь. Глаза ея сверкали, какъ молнія, губы дрожали прерываемъ.

— Находясь и даю вамъ, вистерь Мантраверсъ. Наменъ я повела чувства, которыя вставили вамъ встать моей руки. Возьмите мое богатство... возьмите его, вистерь Мантраверсъ, потому что оно въ глазахъ вашихъ и живеть живую цѣну... Богъ свидѣтель... я отдаю его безъ малѣйшаго сожалѣнія... но оставьте несчастную, которую вы такъ долго обманывали... и которая при всемъ своемъ несчастіи отказывается отъ васъ и презираетъ васъ.

— Дѣвъ Флоренса, вѣрять ли мнѣ вашимъ словамъ? Кто отвѣчалъ мнѣ передъ вами?

— Никто, серж, никто... я никому бы не повѣрала! Довольно и того, что я убѣдилась, что этотъ обманъ не состоялся бы ни въ чемъ, ни моего счастья... Съ этой минуты всемыя отъ пошенія наши разрываются навсегда!

— Остановитесь, сказалъ Мальтраверсъ, съ холодною и важною торжественностью: еще одно слово, и пучина, которую вы разверзаете между нами, сдѣлается непроходимою. Радъ Бога, остановитесь.....

— Не выказывайте этого притворно-возвышеннаго превосходства!... задумывая несчастнаго мнѣшника, забывшая чизъ торжественнаго дѣла, что она принимала въ отъѣздѣ: зима: она не могла уже обмануть меня. Я была рабою ланго, пока любимаго... но теперь ономъ допущаю... Я свободна... я ненавижу и презираю: даю... низкое корыстолюбие души вашей: напоминая мнѣ и раздѣлю нашего положенія въ свѣтъ. Съ этихъ поръ, кистеръ Мальтраверсъ, вы должны знать меня только подъ именемъ леди Флоренсы Лессевиль... Подите сюда, сэр!

— Выслушайте меня, леди Флоренса, сказалъ Мальтраверсъ съ необыкновеннымъ каламбуромъ: вы произнесли такіе слова, которыя иногда повторяются въ памяти. Если бы вы были моею женою... матерью моихъ дѣтей... если бы вы произнесли эти обидныя слова по простотѣ: многихъ лѣтъ: взаимнаго супружескаго вѣстия... то и тогда они были бы въ состояніи убить душу любовь... и всякое воспоминаніе... кромѣ воспоминанія этой обиды... Если бы впоследствии вы отырыли, что вы были несправедлива... если бы вы на койбѣхъ умоляли меня о прощаніи... я не простилъ бы вамъ... Никогда Знестъ Мальтраверсъ не проститъ и не забудетъ сужденія, будущее ли оно принадлежитъ мужчанинѣ или женщину, которое полагаетъ его къ безчестному: похушкѣ. Прощайте навсегда, леди Флоренса... дѣлѣнію: словами: приоткрываютъ вамъ къ самому ужасному: макавию... къ повину: раскаянію!

Съ этихъ словъ: Мальтраверсъ моланно вышелъ изъ комнаты. Когда дверь закрывалась за ею: величественною и благородною фигурою, Флоренса уже доумствована, что послѣдніе слова его начали приходить въ воспоминаніе... Она бросилась къ окну... она увидѣла его: еще разъ, въ то время, какъ мошва уносила его съ быстротою молніи. Ахъ! когда они опять увидятся?

IX.

Часовъ въ девять того же самого вечера, Мальтраверсъ сѣлъ одинъ въ своей комнатѣ. У подъезда его дома стояла дорожная карета, слуги суетились, укладывавъ вещи; онъ въ ту же ночь отправился въ Бурлей Лондонъ, общество, съѣзъ стали ему ненавистны! Его раздраженное самолюбіе требовало удивленія. Въ эту минуту къ нему вдругъ вошелъ Люкисъ Ферреръ.

— Вы простите мое самоволіе... сказалъ онъ съ своею обыкновенною откровенностью:—но...

— Что вамъ угодно, серъ?.. Я очень занятъ...

— Я не задержу васъ, Мальтраверсъ. Мы когда-то были друзьями. Я сохранилъ мою искреннюю признательность къ вамъ, хотя различныя занятія въ послѣднее время разлучили насъ. Я пріѣхалъ къ вамъ по порученію моей кузины, леди Флоренса... между-вами произошло какое-то недоразумѣніе... Я пріиолю къ ней тотчасъ-же послѣ вашего ухода... Ея печаль растрогала меня. Я теперь прямо отъ нея. Тутъ кроются какія-нибудь слезы... какая-нибудь несбыточная исторія... женщины такъ нековѣрны... безумныя созданія... разувѣрьте се... и я могу смѣло сказать, что все опять пойдеть по прежнему.

— Ферреръ, еслибы мужчина произнесъ то, что сказала мнѣ леди Флоренса... то одинъ изъ насъ истекалъ бы уже въ эту минуту кровію. Неужели вы думаете, что слова, которыя были мнѣ сказаны, можно забыть потому только, что они были произнесены устами женщины... женщины, которую я хотѣлъ назвать своею женою?.. Никогда! никогда!

— Фуй... фуй... слова женщины не-что иное, какъ вѣтеръ. Не отказывайтесь изъ такихъ пустяковъ отъ такой выгодной партіи...

— Вы также, серъ, кажется, осмѣливаетесь приписывать мнѣ намѣренія низкому расчету?

— Боже упаси! Вы знаете, я не трусь, но по истинѣ я не желалъ бы драться съ вами. Полноте... будьте рассудительны.

— Намѣренія ваши прекрасны... но всякое увѣщеваніе было бы напрасно. Я долженъ пожелать вамъ пріятнаго вечера.

— Это ваше послѣднее рѣшеніе?

— Точно такъ.

— Если бы даже леди Флоренса заплатила вамъ *должную контрибуцію*?

— Ничто со стороны леди Флоренсы не можетъ переменить моего рѣшенія. Женщина, которую честный человекъ, дворянинъ Англіи, выбираетъ подругою своей жизни, не должна позволять произносить при себѣ ни одного слова, порицающаго его доброе имя, потому-что честь ея зависить отъ его чести... а если ея уста, которые должны были бы ограждать его отъ клеветы, стараются еще увеличить ее... такая женщина, будь она прекрасна... богата... однимъ-словомъ, одарена всѣми благами природы... такая женщина, говорю я, влечетъ за собою проклятіе на того, кто приметъ ее въ свои объятія... Этого проклятія я избѣжалъ.

— Это я долженъ передать моей кузинѣ?

— Какъ вамъ угодно. Теперь выслушайте меня, Люмлей Феррерсъ. Я не обвиняю и не подозреваю васъ. Я не желаю проникнуть въ глубину вашего сердца, и потому не могу анализировать ваши намѣренія... Но если бы такъ случилось, что вы такииъ бы то ни было образомъ, дали леди Флоренсѣ оскорбительную идею о моей чести и вѣрности, то вы впоследствии будете отвѣчать за многое... и рано или поздно придетъ день, въ который мы съ вами сочтемся...

— Мистеръ Мальтраверсъ, между нами не должно быть спора, отъ котораго пострадало бы доброе имя моей кузины... иначе мы разстались бы теперь только для того, чтобы приготовиться къ болѣе важной встрѣчѣ. Я могу перенести ваши запальчивыя слова. Я хотя и не философъ, а умѣю прощать... Послушайте... вы разгорячены... это весьма естественно... Вашу руку... разстанемся друзьями.

— Если вы можете пожалъ мнѣ руку, Люмлей, вы невинны... и я оскорбилъ васъ.

Люмлей улыбнулся, и крѣпко пожалъ руку своего прежняго друга.

Когда онъ сошелъ съ лѣстницы, Мальтраверсъ последовалъ за нимъ, и только-что Люмлей повернулъ въ Кюрзанскую-улицу, мимо его быстро промчалась карета, въ которой при свѣтѣ фонарей мелькнуло блѣдное и задумчивое лицо Мальтраверса.

Вечеръ былъ темный, на дворѣ шла изморозь. Погода была самая ужасная и самая нездоровая, которая такъ свойственна концу осени въ Лондонѣ. Однакожъ Феррерсъ, какъ-будто не замѣчая этой разрушительной погоды, шолъ, погруженный въ

размышление, медленными шагами къ дому своей прекрасной кузины... Онъ затѣялъ опасную игру, и хотя перекаса былъ на его сторонѣ, однакожъ ему было какъ-то неловко, какъ будто что-то беспокоило его. Онъ надѣялся, что свидѣнъ съ перваго плана Мальтраверса, его глубокое познаніе человѣческаго сердца и пріятная оригинальность обращенія помогутъ ему наконецъ достигъ руки леди Флоренсы, предмета своего честолюбія. Онъ не столько рассчитывалъ на ея къ себѣ привязанность, какъ на оскорбленное самолюбіе и на гнѣвъ противъ Мальтраверса.

— Когда женщина заберетъ себѣ въ голову, что тотъ, кого она любитъ, оскорбилъ ее, то надобно быть чрезвычайно глупымъ, если не съумѣешь въ такія минуты завладѣть ея рукою.

Такъ разсуждалъ Феррерсъ, но не-смотря на то, онъ былъ беспокоенъ, взводнованъ. Рано или поздно истина могла высказаться, и не смотря на всю свою смѣлость, свое презрѣніе къ другимъ, увѣренность въ самомъ-себѣ, онъ невольно сознавалъ превосходство ума Мальтраверса. Люмлей страшился востри этого льва, когда онъ, выведенный изъ терѣнія, поднимется наконецъ на заднія лапы, и бросится на предметъ своего вѣгдованія. Характеръ Феррерса имѣлъ въ себѣ большое сходство съ характеромъ женщины — женщины безп्राветливой, неслухной, но честолюбивой и одаренной величайшими способностями. Характеръ же Мальтраверса былъ простъ, мужественъ и подчиненъ самымъ строгимъ правиламъ. Люмлей сознавалъ въ Эрнестѣ достоинства сочинителя, и заранѣе ужасался мысли о ищеніи, котораго, онъ самъ чувствовалъ, былъ вполнѣ достоинъ, и которое, какъ онъ полагалъ, могло быть смертельно.

Однако жъ, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ дому лорда Саксингема, онъ приходилъ въ себя и призывалъ на помощь обыкновенную ловкость и растяжимость своего обращенія; но едва онъ повернулъ за уголь той улицы, чья-то рука судорожно схватила его, и въ невыразимому удивленію Люмлей, онъ узналъ въ этой ночной путешественницѣ леди Флоренсу Иссебль.

— Боже мой! вскричалъ онъ:—возможно ли это!.. Вы... одни... на улицѣ... въ такой часъ... и въ такую ужасную погоду! Какая неосторожность... какое неблагоразуміе!

— Не говорите мнѣ ничего.... я близка къ сумасшествію... Я не могла остановиться... я не могла вынести спокойнаго уединенія... Я не могла... я не могла... но скорѣе къ дѣлу... что

сказалъ онъ вамъ?.. въ чемъ состоятъ его извиненія?.. Разскажите мнѣ подробно... я схвачусь за соломенку...

— Вы ли та гордая леди Флоренса Лессельсъ?...

— Нѣтъ, я не гордая, а сраженная... униженная Флоренса Лессельсъ. Гордость моя исчезла... говорите... говорите!..

— Ахъ! какое сокровище такое сердце! Какъ достало у него духу отвергнуть его!

— Онъ отрекается?

— Онъ не отрекается ни отъ чего... выражаетъ необыкновенное удовольствіе, что избѣжалъ, это его собственныя слова, такого союза, въ которомъ сердце его никогда не принимало участія. Онъ недостойнъ васъ, забудьте его.

Флоренса дрожала. Феррерсъ взялъ ея руку, она была безъ перчатки и холодна какъ ледъ.

— Что подумаютъ люди? сказалъ Феррерсъ, подходя къ дому лорда Сакенгема. — Какой бы выдумать предлогъ вашему ночному путешествію?

Флоренса не отвѣчала ни слова, но въ то время, какъ онъ звонилъ, она сказала ему едва слышнымъ голосомъ:

— Мнѣ дурно... дурно!.. и повисла на рукѣ Феррерса, съ тою безжизненною тяжестью, которая предвѣщаетъ близкій обморокъ.

Свѣтъ упалъ на этотъ почти безжизненный трупъ... на лицахъ лакеевъ выразилось явное удивленіе. Флоренса сдѣлала немовѣрное усиліе, чтобы придти въ себя, потому-что гордость все-таки преобладала въ ней надъ всеми другими чувствами; прошла по передней своєю обычною величественною поступью, медленно взшла на лѣстницу, достигла до своей удивленной комнаты, и тутъ только грохнулась безъ чувствъ на полъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

I.

«Иду, я невеста Ахерона.»

София.

«Всѣ эти уснѣхи еще замеситъ отъ
будущаго.»

София.

«У меня есть свои оракулы; кото-
рыхъ также стоить послушать.»

Аристофанъ.

Не знаю, замѣтилъ ли читатель, въ чемъ заключается особенная прелесть этого романа? Кроткая Алиса — я могу говорить о тебѣ безъ всякой примѣси авторскаго тщеславія—тебя создала природа, а я сдѣлалъ съ тебя только копію.... Замѣтилъ ли читатель ту чудную, врожденную невинность, которую самый порокъ, окружавшій тебя въ молодости, не могъ свратить съ пути истиннаго? Ты, Алиса, образъ которой показался бы недоступнымъ воображенію самаго пылкаго поэта, ты, не что иное, какъ сколокъ съ живаго существа! Два года ранѣе, да, только два года, и я испортилъ бы полотно, на которомъ едва еще отражались черты твоего образа. Увлеченный энтузіазмомъ, я захотѣлъ бы прикрасить эти легкія и деликатныя черты, и тѣмъ уничтожилъ бы гармонию цѣлаго.... Но терпѣніе!... продолженіе твоихъ приключеній придетъ своимъ чередомъ. А вы, господинъ банкиръ... превосходный, почтенный господинъ банкиръ... Многимъ изъ читателей понравился бы вашъ характеръ гораздо болѣе, если бы я обрисовалъ его болѣе рѣзкими красками и выставилъ васъ отъявленнымъ лицемеромъ... Людей Феррерсъ съ манерами, мягкими какъ воскъ, и съ сер-

цемъ, твердымъ какъ мраморъ.... а Флоренса, гордая, несравненная Флоренса... а самъ Эрнестъ Мальтраверсъ, съ его прогрессивными измѣненіями и разнообразными красками?.. О! можетъ-быть, свѣтъ счелъ бы меня болѣе искуснымъ писателемъ, если бы вмѣсто всѣхъ этихъ естественныхъ сколковъ съ натуры, я представилъ бы ему карикатуры на человѣка.... небывалаго плута... неестественную добродѣтель! Къ тому же, ему, можетъ-быть, покажется, что въ Эрнестѣ Мальтраверсѣ я хотѣлъ представить свой собственный портретъ.... потому-что я также авторъ и политикъ.... Это подозрѣніе могло бы льстить мнѣ, но, къ сожалѣнію, въ насъ нѣтъ даже фамильнаго сходства. Увы! я желалъ бы имѣть возможность нарисовать свой портретъ! Но какой авторъ былъ когда-либо въ состояніи изобразить свои собственные черты? Мы слишкомъ разнообразны; слишкомъ сложны, чтобы могли быть представлены въ какомъ-либо изъ нашихъ твореній.

Нѣтъ! Эрнестъ Мальтраверсъ, ты оригиналъ, а не копія. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого ~~открытія~~ интересъ, возбужденный тобою въ читателяхъ, пропадетъ въполовину. Но что намъ до этого, Эрнестъ? Мы должны согласоваться съ духомъ времени.... если сужденія нашихъ современниковъ кажутся намъ поверхностными, и легко можетъ статься, что сужденія будущаго поколѣнія мы и не услышимъ. Увы! пышные цвѣты жизни уже увяли.... золотая чаша разбилась у самаго источника! О! прекрасные дни молодости.... дни, когда я не имѣлъ еще ни имени, ни опытности.... если бы вы могли возвратиться! Можетъ-быть, въ старости вы набросите на меня свою тѣнь, если я не буду уже въ состояніи пользоваться этимъ свѣтомъ, потому-что видѣвъ все, испытавъ все, мы возвращаемся опять къ той самой точкѣ, съ которой начали, и въ зеркалѣ нашей памяти, намъ снова кажется прелестная фигура надежды. Я жду съ нетерпѣніемъ того часа, когда, перемѣнивъ свой волшебный жезлъ и забросивъ магическія книги, я разрушу этимъ дѣйствіемъ очарованіе, и превращу прелестный ландшафтъ въ дикую и неплодную пустыню.... Съ каждымъ днемъ я дѣлаюсь болѣе и болѣе егономомъ....

— Но развѣ исторія ваша отъ этого не двинется впередъ? скажетъ мнѣ нетерпѣливый читатель.

— Простите великодушно, серъ; но все, касающееся самого автора, уясняетъ и украшаетъ его сочиненіе. Мы, писатели, всемія не такіе егомисты, какими должны бы быть! Но вы терпѣте терпѣніе!... и такъ будемъ продолжать.

«Тутъ скрывается такое дѣло, которое невозможно раскрыть....»

«Нто же послѣ этого остается дѣлать!»

«Предоставить все времени и разсужденію!»

Нессмер.

«Боюсь, чтобы онъ не умеръ до своего приѣзда.»

Нессмер.

Наступилъ декабрь мѣсяцъ; погода стояла самая ясная; было уже за полдень, когда Ломлей Феррарезъ вышелъ изъ дому Лорда Саксингема. Звонки, бѣды, обгнаны сумкомъ.... Большая часть оконъ третьяго этажа завінаны.... Видно было во всю, что страшная болѣзнь царствовала въ этомъ домѣ.

Лицо Ломлея выражало необыкновенную задумчивость, даже печаль.

— Такъ молода!... такъ прекрасна!... шепталъ онъ:—если любилъ когда-нибудь женщину... то, мнѣ кажется, что я любилъ ее.... и эта любовь должна служить мнѣ оправданіемъ.... Я раскаиваюсь въ томъ, что сдѣлалъ... но думалъ ли я, что простая стратагема влюбленнаго человѣка поведетъ за собой такія послѣдствія.... Метафизики весьма справедливы, говоря слѣдующее: «Мы можемъ понимать только тѣ чувства, которые испытали сами.» Небольшое разочарованіе въ любви не казалось бы мнѣ такого зла.... для меня удивительно, что она приняла такъ горячо.... Мнѣ какъ-то ничто не удастся.... стиркъ Темпльтонъ... ахъ, прошу его заочнаго извиненія... лордъ Варгревъ, хотѣлъ я сказать, который, сказать мимоходомъ излодитъ съ каждымъ днемъ... вотъ натура-то! И такъ, лордъ Варгревъ, кажется, сердится на меня. Ему не нравится моя мечта насчетъ брака съ леди Флоренсою... и когда я сказала ему, что надежда моя можетъ осуществиться, онъ отвѣтилъ, что это противорѣчитъ его замысламъ... но я никакъ не могу отступить, въ чемъ состоятъ эти замыслы. Къ тому же и притѣтельство предложено свое мѣсто не мнѣ, а Мальтраверсу. И-

можно сказать правду, что звезда моего счастья еще не восходить. Бедная Флоренса!... я отдалъ бы многое, еслибы былъ увѣренъ, что отъ этого ей будетъ лучше.... Должно признаться.... я поступилъ весьма низко, но мнѣ казалось, что это очень замысловато, и кончится ничѣмъ... вотъ самъ Чезарини.

Чезарини перешелъ черезъ дорогу, и сошелся лицомъ къ лицу съ Люмлей. Она была блѣдень и худъ, какъ привидѣнiе, глаза ея блуждали, шляпа была надвинута на глаза, одежда въ безпорядкѣ, а на лицѣ выражалась безумiе и ярость.

— Мы убили ее, Феррерсъ, сказалъ онъ прерывающимся голосомъ.—Тѣмъ ей будетъ являться намъ до послѣдней минуты нашей жизни.

— Говорите прозою.... вы знаете, что я не поэтъ. Что вы хотите сказать?

— Сегодня ей гораздо хуже, сказалъ Чезарини голосомъ, въ которомъ слышались глухія стenaniя.—Я блуждаю, какъ тѣнь вокругъ ея дома; я разспрашиваю каждаго, кто выходитъ отсюда.... скажите мнѣ.... о.... скажите мнѣ.... есть ли какая-нибудь надежда?

— Мнѣ кажется, что надежда не совсемъ потеряна, отвѣчалъ Люмлей съ жаромъ:—только нѣсколько дней, какъ болѣзнь приняла серьезное направленiе. Сначала оказалась небольшая простуда, вслѣдствiе того, что она безразсудно выходила пѣшкомъ въ дождливую погоду. Теперь боится одною, что простуда эта пала на легкiя, но если мы успѣемъ отвезти ее за границу, она можетъ еще поправиться..

— Вы такъ думаете? какъ честный человѣкъ?...

— Увѣрю васъ. Ободритесь, другъ мой.... не упрекайте себя, это дѣло до насъ не касается. Она, молодой человѣкъ, больна отъ простуды... а не отъ письма!

— Нѣтъ... нѣтъ... я сужу о ея сердцѣ по своему собственному. О! еслибы я могъ возвратитъ прошедшее! Посмотрите на меня.... я тѣмъ того, что былъ прежде.... угрызения совѣсти терзаютъ меня день и ночь при воспоминанiи моего низкаго поступка.

— Фуй.... мы поѣдемъ вмѣстѣ въ Италию, а въ вашей прекрасной странѣ любовь замѣнитъ любовь.

— Я уже почти рѣшился, Феррерсъ....

— А! на что?..

— Написать ей письмо, и открыть всю истину.

Свѣжее и здоровѣе лицо Люмлей вдругъ побагровѣло; брови

нахмурились, и вся наружность его приняла страшное выражение.

— Попробуйте, напишите... и на другой день вы падете от руки моей... моя пуля и не въ такомъ важномъ случаѣ никогда не летала на воздухъ.

— Вы осмѣливаетесь дѣлать мнѣ угрозы?

— А вы осмѣливаетесь измѣнить мнѣ? измѣнить тому, который если и рѣшился на низкій поступокъ, такъ только для того, чтобы услужить вамъ.... который хотѣлъ доставить вамъ самую прелестную подругу и самое колоссальное богатство въ цѣлой Англии.... и котораго вина противъ васъ состоитъ только въ томъ, что онъ не можетъ располагать жизнью и здоровьемъ!

— Простите меня, сказалъ Итальянецъ съ видимымъ волнениемъ: — простите меня.... и поймите мои слова хорошенько. Я никакъ не хотѣлъ доносить на васъ.... и у плутовъ есть своего рода лояльность. Я только признаюсь ей въ своемъ собственномъ преступленіи.... а объ вашемъ сообществѣ не скажу ни слова.... это ни къ чему не поведетъ.... въ этомъ нѣтъ никакой надобности.

— Слова ваши искренны?... вы говорите серьезно?

— Клянусь моею душою.

— Въ такомъ случаѣ вы достойны моей дружбы; вы хотите принять на себя весь обманъ... гадкое выражение... но я употребляю его для избѣжанія многословія.... вы хотите принять на себя все это дѣло?

— Да, да.

Феррерсъ подумалъ съ минутой, потомъ вдругъ проговорилъ довольно скоро:

— Поклянетесь ли вы мнѣ?

— Клянусь всѣмъ, что есть святаго.

— Въ такомъ случаѣ выслушайте меня, Чезарини.... Если завтра леди Флоренсъ будетъ легче, я не буду препятствовать вамъ сдѣлать ваше признаніе, если только вы рѣшитесь сдѣлать его. Я даже употребляю все свое вліяніе, такъ-какъ оно останется въ прежней своей силѣ, чтобы уменьшить въ глазахъ ея вашу вину и выпросить вамъ прощаніе. Однакожъ откажитесь отъ всѣхъ надеждъ.... отдать ту, которую вы любите болѣе всего на свѣтѣ, въ руки ненавистнаго вамъ человека.... это великодушно.... это благородно.... это даже выше моего понятія! Дѣйствуйте по влеченію вашего сердца.

Чезарини хотѣлъ что-то отвѣчать, но въ эту минуту изъ-

угла выѣхалъ ѣздовой. Онъ скакалъ въ галопъ, но увидя Люмлей, вдругъ остановился и слезъ съ лошади.

— О! мистеръ Феррерсъ! сказалъ онъ, почти задыхаясь:— я былъ у васъ, но мнѣ сказали, что вы поѣхали къ лорду Сакс-ингему... Я бросился туда.

— Хорошо, хорошо, въ чемъ дѣло?

— Бѣдный баринъ, серъ... лордъ, хотѣлъ я сказать....

— Что съ нимъ?

— Его разбилъ параличъ, серъ... доктора суетятся вокругъ него... барыня послала меня за вами... потому-что у лорда отвалился языкъ.

— Отдай мнѣ твою лошадь.... отпусти подлиннѣе стрелена.

Пока конюхъ поправлялъ сѣдло, Феррерсъ обратился къ Чезарину.

— Не дѣлайте ничего очертя голову, сказалъ онъ:— то есть, я хотѣлъ, если только вы позволите, сказать, не дѣлайте ничего, не посоветовавшись со мною... но помните, что во всякомъ случаѣ я полагаюсь на ваше обѣщаніе.... на вашу клятву.

— Вы можете положиться на нее, сказалъ Чезарини печально.

— Итакъ до свиданія, сказалъ Люмлей, вскочивъ на лошадь.

И спустя минуту, онъ скрылся изъ виду.

III.

«О! мнръ, ты служилъ дремучимъ лѣсомъ этой лани.»

«Здѣсь ли ты покоишься?»

Юлій Кесарь.

Сойдя съ лошади у подъезда дома дяди, Люмлей былъ пораженъ беспорядкомъ и шумомъ этого жилища, въ которомъ обыкновенно наблюдательный взоръ хозяина поддерживалъ спокой-

стало и тишину въ такомъ совершенствѣ, что всѣ дѣла ежедневной жизни шли въ мирѣ какъ бы по заведенной машинѣ.

На дощикъ перскаго дивана собралось нѣсколько старухъ, которыя обыкновенно занимались для того, чтобы вырывать сорныя травы и выметать аллеи. Онѣ стояли точною, и въ виду того, чтобы работать, покачивали своими отяжелѣвшими и, какъ свиллы, шопотомъ передавали другъ другу свои замѣчанія и ни на чемъ неоснованныя предсказанія. Въ сѣняхъ стояла служанка; Люмлей въ первый разъ еще въ жизни увидѣлъ въ этомъ домѣ служанку, такъ были скрыты и хорошо устроены всѣ машины этого семейнаго быта; и такъ въ сѣняхъ стояла служанка, и опершись на щечку, слушала, раскинувъ ротъ рассказы лакея.

— Что, какъ онъ себя чувствуетъ? спросилъ Люмлей у лакея.

— Лорду лучше, серъ; кажется, у него развязался языкъ.

Въ эту минуту прелестное личико Евелины, распухшее и покраснѣвшее отъ слезъ, выглянуло съ верху дѣвственницы, и увидѣвъ Люмлея, дѣвочка бросилась къ нему на встрѣчу.

— О! пойдемте къ нему, кузенъ Люмлей; онъ не можетъ умереть при васъ; вы умѣете разговлять печаль... вы всегда такъ веселы... такъ добры! Онъ не умретъ при васъ... какъ вы думаете, онъ не умретъ? О! возьмите меня съ собою... меня не пускаютъ къ нему!

— Те, моя милая кузина, те; слѣдуйте за мною, только тихонько... вотъ такъ...

Люмлей подошелъ къ двери комнаты больнаго, тихонько постучалъ... и вошелъ... дѣвочка вкралась также, ни кѣмъ незамѣченная, по-крайней-мѣрѣ, никто не воспротивился ея приходу. Люмлей раздвинулъ осторожно занавѣсы; новопроизведенный лордъ лежалъ въ постели, голова его покоилась на подушкахъ... глаза были открыты... взоръ мутенъ, но не безъ сознанія... черты лица его страшно измѣнились. Леди Варгревъ стояла на колѣняхъ у другаго конца кровати, одна рука ея была крѣпко сжата рукою мужа, другою она терла ему виски. Тихія, но обильныя слезы быстро текли по ея блѣдымъ, но прекраснымъ щекамъ.

Два доктора совѣщались въ амбразурѣ окна; аптекаръ составлялъ лекарьство на столѣ; а двѣ самыя старыя служанки толковались вездѣ докторовъ, чтобы подслушать, что они скажутъ на счетъ больнаго.

— Милый дядюшка, какъ вы себя чувствуете? спросилъ Люмлей.

— А! ты пришелъ, оказалъ умирающій слабымъ, но внят-нымъ голосомъ.— Это хорошо. Я желалъ бы поговорить съ то-бою о многомъ.

— Не теперь... не теперь... вы еще слишкомъ слабы! сказала княз умоляющимъ голосомъ.

Доктора подошелъ къ постели больного. Лордъ Варгревъ сдѣлалъ нѣтъ знакъ руками, и поднялъ голову.

— Господа, сказалъ онъ имъ:— я чувствую, что смерть моя приближается. Мнѣ необходимо, пока я еще въ памяти, перегово-рить съ вами племянникомъ. Скажите мнѣ откровенно, дол-жно ли я пользоваться этою минутою облегченія... и если я сло-жу мой разговоръ съ племянникомъ, надѣетесь ли вы, что я буду въ состояннн передать его ему въ другой разъ?

Доктора переглянулись.

— Лордъ, сказалъ одинъ изъ нихъ: можетъ-быть, разговоръ съ племянникомъ успокоитъ васъ, и послѣ того вы постараетесь исцелиться.

— Въ такомъ случаѣ примите вотъ это успокоительное, ска-залъ другой докторъ.

Больной повиновался. Одинъ изъ докторовъ подошелъ къ Фер-реру, и отвелъ его въ сторону.

— Нужно ли будетъ послать за нотариусомъ лорда? спросилъ докторъ.

— Я его законный наследникъ, подумалъ Люмлей.— Нѣтъ, лю-безный докторъ, нѣтъ, я полагаю ненадобно, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда онъ самъ пожелаетъ его видѣть. Нѣтъ сомнѣннн, что бѣдный дядюшка привелъ всѣ свои дѣла въ по-рядокъ. Чтѣ вы думаете о состояннн его здоровья?

Докторъ сомнительно покачалъ головою.

— Я поговорю съ вами, серъ, когда вы кончите всѣ ваши дѣла съ лордомъ.

— Ну, что тамъ такое? вскричалъ больной довольно громко и почти съ гнѣвомъ.— Выдите всѣ вонъ... оставьте меня съ вами племянникомъ.

Доктора вышли, старыя служанки неохотно послѣдовали за ними, какъ вдругъ Евелина выдвинулась впередъ, и бросилась на грудь умирающаго отца съ такими рыданннми, какъ будто сердце ея тотовѣ было лопнуть.

— Бѣдное дитя... моя милая дочь... мое сокровище, шепталъ лордъ Варгревъ замирающимъ голосомъ, обнявъ слабыми ру-

ками ребенка.— Богъ да сохранить тебя... я же благословляю... тебя... Жена, сказалъ онъ съ такою нѣжностью, какой Люмлей не замѣчалъ доселѣ въ обращеніи дяди съ леди Варгревъ:— жена, если это послѣднія слова, которые вы услышите отъ меня, то пусть они будутъ изъявленіемъ моей благодарности къ вамъ и къ долгу, который вы такъ свято хранили... вы не любили меня... это правда... и въ гордости сознанія моихъ силъ эта мысль часто дѣлала меня несправедливымъ къ вамъ... Я былъ суровый мужъ... вы много переносили отъ меня... простите меня.

— О! не говорите этого... вы были гораздо великодушнѣе... гораздо снисходительнѣе ко мнѣ, чѣмъ я заслуживала. Какъ много я обязана вамъ... и какъ мало я сдѣлала въ зачетъ столькихъ милостей!

— Нѣтъ, я не въ состояніи выносить этого... оставьте меня, моя милая... оставьте меня. Я могу еще жить... я надѣюсь, что еще проживу... я совѣмъ не желаю умереть. Можетъ-быть, въ настоящее время эта чаша пройдетъ мимо меня. Идите... идите... и ты также, дочь моя.

— Ахъ! позвольте мнѣ остаться.

Лордъ Варгревъ поцаловалъ дѣвочку, которая повисла ему на шею съ выраженіемъ страстной привязанности, потомъ отдалъ ее на руки матери и упалъ въ изнеможеніи на подушки. Люмлей, отирая платкомъ глаза, проводилъ леди Варгревъ, которая вышла, горько рыдая; потомъ тщательно притворилъ дверь, и занялъ опять свое мѣсто подлѣ постели больного.

Когда же Люмлей Феррерсъ вышелъ изъ этой комнаты, лицо его было мрачно, озабочено, но на немъ не было видно ни слѣда печали. Онъ бросился въ ту комнату, которую когда-то занималъ, и оставался въ ней нѣсколько часовъ, пока дядя его спалъ; сонъ этотъ былъ продолжителенъ и крѣпокъ. Жена же и дочь, возвратившись опять въ спальню, не оставляли его ни на минуту.

Было уже за полночь, когда докторъ вошелъ къ Люмлею.

— Дядюшка требуетъ васъ къ себѣ, мистеръ Феррерсъ, сказалъ онъ:— и я долгомъ считаю сказать вамъ, что послѣдняя минута его приближается. Мы сдѣлали все, что отъ насъ зависѣло.

— Знаетъ ли онъ, что жизнь его въ опасности?

— Да. Послѣдніе два часа онъ провелъ въ молитвѣ... это истинно христіанская кончина, серъ.

— Гм! проворчалъ Феррерсъ, слѣдуя за докторомъ.

Въ комнатѣ царствовала тишина. На столѣ горѣла одна лампа, тщательно затемненная, подлѣ которой лежала книга, проповѣдующая жизнь въ смерти; на лицахъ матери и дочери, стоявшихъ на колѣнахъ передъ постелью больного, выражалась покорность Провидѣнiю, но не скорбь.

— Поди сюда, Люмлей, сказалъ съ нѣкоторымъ усиленiемъ умирающiй.— Здѣсь никого нѣтъ, кромѣ васъ тронхъ, самыхъ близкихъ и самыхъ дорогихъ моему сердцу... хорошо. Итакъ, Люмлей, ты знаешь все... жепя, онъ знаетъ все. Дочь моя, дай руку твоему кузену... теперь она его невѣста... Когда ты выростешь, Евелина, помни, что послѣднее мое желанiе было, чтобы ты была супругою Люмлея Феррерса, и послѣдняя моя молитва къ Богу была о томъ, чтобы этотъ союзъ совершился... Люмлей, отдавая тебѣ это сокровище, я исправляю то, что показалось бы несправедливостью въ глазахъ другихъ... А тебѣ, дочь моя, сохраняю высокое званiе и почести, которыми мнѣ самому не суждено было пользоваться. Будь снисходительна къ ней, Люмлей... у тебя доброе и открытое сердце... пусть оно будетъ ей служить убѣжищемъ... она въ жизнь свою не слыхала ни одного грубаго слова. Да благословитъ васъ Господь всѣхъ... Боже, прости мнѣ!... молитесь за меня... Люмлей, завтра же ты будешь лордомъ Варгревомъ!.. а современемъ... (губы слабая, но радостная улыбка осѣнила уста умирающаго), а современемъ.... ты Евелина, будешь.... леди.... леди.... Варгревъ. Леди.... леди.... да.... да.... леди Вар.....

Слова замерли на его дрожащихъ устахъ; онъ отвернулся къ стѣнѣ, и хотя послѣ этого прожилъ еще съ часъ, но уже не произнесъ болѣе ни одного слова.

IV.

• Надежда и страхъ тревожно пробуждаются, и устремляютъ взоры за предѣлы кратковременной жизни, въ безконечное пространство. »

Юнгъ.

• Прости презрѣнiе.... прости дѣвственная гордость! »

Шекспиръ.

Рана, нанесенная Мальтраверсу, была глубока и мучительна. Правда, онъ никогда не чувствовалъ страстной любви къ леди

Флоренсъ Лессельсъ, но съ той минуты, когда удивленный, встревоженный, онъ увлекся до того, что принялъ на себя роль льваго поклонника, его истинная честность заставила его оторваться на леди Флоренсу съ самой блестящей точкой зрѣнія. Онъ старался воспламенить свое благодарное воображеніе, думая постоянно о красотѣ, о умѣ, о возвышенномъ характерѣ своей будущей подруги, а въ особенности о ея пламенной любви къ нему. Такимъ-образомъ онъ успѣлъ сосредоточить на ней свои надежды и желанія; и съ этой минуты мысль о будущемъ была уже нераздѣльна въ его умѣ съ мыслью о Флоренсъ Лессельсъ. И можетъ-быть, ея неожиданная и жгучая обвиненія, выраженные такъ рѣзко, показались ему тѣмъ обиднѣе, что они касались его чести, а не любви, и не могли быть смягчены сладкими воспоминаніями прошедшаго, въ которомъ способна одна пламенная любовь. Эта смертельная обида прищипала все существо его, потому-что въ ней сосредоточивались оскорбленія его гордости, честолюбія и чести. Къ тому же ударъ этотъ разразился надъ нимъ въ то самое время, когда избранныя имъ поприща начинали разочаровывать его. Онъ негодовалъ на мелочность главныхъ двигателей политической жизни, и начиналъ чувствовать бесплодность и еуету литературной извѣстности. Въ тридцать лѣтъ съ небольшимъ онъ уже потерялъ всю пылкость и упругость молодости, и разбилъ многія игрушки, которыя честолюбіе сохраняетъ для забавы человѣка въ зрѣломъ возрастѣ. Постоянно жаждущій чего-то болѣе изящнаго и болѣе возвышеннаго, чѣмъ обыкновенная, дѣйствительная жизнь, всякое новое доказательство ничтожности человѣка приводило его въ негодованіе, и возмущало его мыслительный умъ.

Обыкновенныя утѣшенія другихъ людей не могли имѣть своего дѣйствія на Мальтраверса. Гордый и нелюдимый поклонникъ удивленія, онъ удалился въ свое тихое помѣстье, гдѣ во цѣлымъ днямъ блуждалъ безъ цѣли, а вечеромъ принимался за чтеніе, которое тотчасъ же утомляло его. Онъ въ жизни своей столько учился, что книги не могли уже сказать ему ничего новаго. Биографія авторовъ, этихъ полупризраковъ, полулюдей, которые, кажется, не имѣли другой жизни, кромѣ несоздаваемой тѣни своей бессмертной мысли, помрачали вдохновеніе, которое онъ могъ бы почерпнуть въ ихъ страницахъ. Онъ зналъ, что эти рабы труда осуждены производить и связывать мысли, изъ которыхъ составляется общая кладовая человеческихъ понятій, исполнять эту тяжелую обязанность во вредъ

неизвѣстности, и умереть, когда не могутъ уже оказать никакой услуги. Какъ коротка жизнь этихъ литературныхъ тружениковъ, какъ мало въ ней наслажденій! При жизни и не смерти литераторъ есть не что иное, какъ ния безъ вещества, чистый призракъ, существующій въ однихъ ветлѣнныхъ мысляхъ, недоступный взорамъ смертныхъ.

Въ это время Мальтраверсу вздумалось заглянуть въ тѣнныя и полузабытыя философскія системы древности. Онъ началъ сравнивать стоиковъ съ эпикурейцами, которые согласовались во всемъ съ претитымъ, но полезнымъ ученизмъ своего наставника. Онъ спрашивалъ самъ себя, что было бы умнѣе—стараться притуплять горе, или предаваться наслажденіямъ; съ терпѣннѣе переносить все бѣдствія, или наслаждаться всѣми благами. И по обратному дѣйствию, столь естественному въ такихъ обстоятельствахъ жизни, этотъ человекъ, увлекавшійся доселѣ великими предпріятіями, не желалъ въ настоящее время болѣе ничего, кромѣ наслажденій безпечной лѣни. Онъ предпочелъ садъ Эпикура портнику Зенона, и возобновивъ древній вопросъ, предложенный греческому полубогу, онъ сталъ серьезно думать о томъ, долженъ ли онъ оставить свои славныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжкія занятія, свергнуть величественный, но суровый идеалъ своего сердца, чтобы предаться роскошнымъ удовольствіямъ тошпы, и усыпаться миртами и розами краткій путь своей молодости? Какъ волна слѣдуетъ за волною, такъ въ головѣ его одна влчн смѣнялся другою, не оставляя по себѣ никакого впечатлѣнія. Такое нравственное состояніе весьма свойственно людямъ съ живымъ воображеніемъ, послѣ тѣхъ переломовъ жизни, тѣхъ переворотовъ въ ихъ великихъ замыслахъ и надеждахъ, которые разрушаютъ гармонию ихъ чувственныхъ элементовъ, саннкомъ чувствительныхъ къ каждому вѣтшнему напору. Въ такой борьбѣ слабый изнемогаетъ, а сильный, преодолевъ страшныя, но нектѣмъ несамѣченныя страданія, воспринимаетъ снова ту гармонию, тотъ величественный порядокъ, которыми Богъ судилъ ему служить человечеству.

Отъ этой-то борьбы между двумя совершенно противоположными правилами, Эрнесть былъ отвлеченъ слѣдующимъ письмомъ леди Флоренсы Лессемъ:

«Вотъ уже три дня и три безсонныя ночи я разсуждаю сама съ собой, должна ли я писать къ вамъ, или нѣтъ? О! Эрнесть, будь я то, что была прежде, нитѣй я гордое сознаніе здоровья и молодости, я, можетъ-быть, побоалась бы, что вы, несмотря на все наше великодушіе, дадите другой смыслъ моему возъ»

ванію къ вамъ. Но теперь это невозможно. Мы не можемъ уже соединиться, и мои надежды ограничиваются сладкою, но печальною перспективою вашего прощенія, которое, какъ лучъ солнца, освѣтило бы мои послѣдніе дни, и разогнало бы мрачную и холодную тѣнь вашего справедливаго гнѣва. Насъ жестоко и предательски обманули. Вотъ уже три дня, какъ я узнала объ этомъ вѣроломствѣ. И тутъ, не-смотря на всю жгучую тоску, которой подвергается слабый человѣкъ, сознавъ слишкомъ поздно свою несправимую ошибку, (послѣднія слова ваши сбылись, Эрнестъ!) я пришла въ неописанный восторгъ. Эрнестъ Мальтраверсъ, герой моихъ сладкихъ грезъ, кумиръ души моей—чистъ и благороденъ попрежнему — онъ стоитъ моей любви... моей страшной тоски.. и даже моей жизни.. Мнѣ показали письмо вашей руки, поддѣланное, какъ оказывается теперь... но я не догадалась о подлогѣ. Вы... да вы сами были ложнымъ свидѣтелемъ противъ себя. Какое другое доказательство могло бы убѣдить меня въ низкомъ поступкѣ, въ которомъ васъ обвиняли? Вы сочли меня болѣе виновною, чѣмъ я была на самомъ дѣлѣ... но я была достойна этого. Меня обязали честнымъ словомъ держать это въ тайнѣ; печать снята съ моихъ губъ потому только, что она скоро должна занять мѣсто на моемъ гробѣ... Эрнестъ, милый, возлюбленный Эрнестъ... возлюбленный до послѣдняго моего дыханія... до послѣдняго бѣшенія моего сердца!... напишите мнѣ одно слово утѣшенія и прощенія. Вы повѣрите тому, что я такъ нестройно выразила, потому-что вы всегда вѣрили моему прямодушію, хотя и порицали мои недостатки. Сравнительно, я считаю уже себя счастливою... одно слово ваше довершитъ мое блаженство. Можетъ-быть, судьба благопріятствовала намъ гораздо болѣе, чѣмъ мы думали и чѣмъ ограниченныя взоры наши могли предвидѣть; потому-что теперь, когда тѣло мое удручено болѣзнію, въ одиночествѣ моей комнаты, я сочла долгомъ смиренно вопрошать мое сердце, вижу въ настоящемъ ихъ свѣтъ недостатка, которые я вѣкогда считала добродѣтелями... и чувствую, что если бы судьба соединила насъ... я, любя васъ постоянно всею душою и всѣми помышленіями... не могла бы составить вашего счастья.. и такимъ-образомъ узнала-бы страшное горе-потерю вашей любви. Да укрѣпите васъ Тотъ, который предназначилъ вамъ такую славную... хотя еще несовершенную судьбу... когда глаза мои уже не будутъ блестять радостью при вашемъ торжествѣ, или плакать надъ малѣйшимъ вашимъ огорченіемъ. Вы пойдете твердою стопою по широкому и свѣтлому

пути, куда ведетъ васъ ваше призваніе. Еще нѣсколько лѣтъ... и воспоминаніе обо мнѣ не болѣе будетъ какъ призракъ давно прошедшей мечты!... Но.... но... Я не могу болѣе писать.... Да сохранить васъ Богъ!

V.

«О! удержите стремительный потокъ вашего великодушія, онъ слишкомъ неожиданно поражаетъ слабѣющую душу.

Драйденъ.

Сладкорѣчивый докторъ только что сдѣлалъ свой вечерній визитъ; лордъ Саксингемъ отправился на министерскій обѣдъ, потому-что жизнь должна идти рука объ руку съ смертію, и леди Флоренса Лессельсъ осталась одна. Она сидѣла въ комнатѣ, прилегавшей къ ея спальнѣ, въ этой самой комнатѣ, гдѣ когда-то эта прекрасная, но капризная наследница несмѣтнаго богатства любила предаваться всѣмъ прихотямъ своей причудливой фантазіи. Тутъ она имѣла привычку мечтать, писать и заниматься. Тутъ она впервые была поражена новизною и величіемъ идей Эрнеста. Тутъ она впервые задумала свой дѣтственный романъ, свою безпмятную переписку. Тутъ она созналась сама себѣ, что ея мечта превратилась въ любовь. Тутъ она прошла всѣ быстро-смѣняющіяся степени любви: сомнѣніе, надежду, восторгъ; потомъ страхъ, уныніе и убійственное отчаяніе! И здѣсь же, теперь, она печально, но покорно ожидала мѣрное приближеніе неизбѣжной смерти. А книги, картины, инструменты, мраморные бюсты, полузакрытые классическими драпировками, и вся прелестная роскошь женской утонченности, попрежнему украшали комнату и придавали ей такой видъ веселости, какъ будто молодость и красота должны были вѣчно обитать въ этомъ убѣжищѣ... будто мрачная и безмолвная могла не единственная обитель всего тѣннаго....

Флоренса Лессельсъ находилась на одрѣ смерти, но не отъ одной столь обыкновенной, хотя и неразгаданной болѣзни сокрушенія сердца. Здоровье ея было всегда слабо, потому-что постоянно находилось подъ вліяніемъ безпокойнаго и раздра-

жительнаго характера; оно постепенно и незаметно начало разрушаться, еще гораздо прежде того, какъ Эрнестъ открылся ей въ любви своей. Въ необыкновенномъ блескѣ ея большаго зрачковъ, въ прозрачности ея яркаго румянца, горкій и ослепительный глазъ выслѣдилъ бы давно зародышъ смертельнаго недуга. Въ тотъ вечеръ, когда она, томимая ветерпѣніемъ и тоскою, такъ безразсудно выбѣжала навстрѣчу къ Люмлею, котораго посылала къ Мальтраверсу, почти сама не зная за чѣмъ и съ какою цѣлю, въ этотъ самый вечеръ съ ней былъ уже сильный пароксизмъ лихорадки. Дождь и холодъ вогнали болѣзнь внутрь, душевное напряженіе подливало, такъ сказать наслалъ въ огонь—послѣдовалъ бредъ. По одному изъ тѣхъ страшныхъ и пагубныхъ заблужденій медицины, которое побуждаетъ врачей отнимать у тѣла жизненную силу въ то самое время, какъ оно наиболѣе нуждается въ ней, ей тотчасъ пустили кровь, и тѣмъ доставили временное облегченіе, и свергли въ неизлечимую слабость. Чихотка схватила свою жертву. Ее лечили лучшіе доктора Лондона, и лордъ Саксингемъ былъ убѣжденъ, что болѣзнь его дочери совсѣмъ неопасна. Ему не приходило въ голову, чтобы смерть позволила себѣ подобную дерзость съ еди Флоренсою Лессельсъ. Но Флоренса знала всю опасность своего положенія, и ея высокая душа не страшилась смерти. Однако жъ, когда Чезарини, терзаемый угрызениями совѣсти, написалъ ей, и признался въ своемъ предательскомъ поступкѣ, хотя, вѣрный своему обѣщанію, онъ не упомянулъ въ своемъ письмѣ ни одного слова о своемъ сообщникѣ, тогда, о тогда! сожалѣніе овладѣло ея разбитымъ сердцемъ, и она почувствовала желаніе еще разъ взглянуть на прекрасный Божій міръ глазами любви и счастья. Но физическія страданія обнаруживаютъ обыкновенно твердость и силу души, которыхъ человекъ и не подозрѣвалъ въ себѣ въ здоровомъ состояніи. Богъ, въ милосердіи Своемъ, положилъ закономъ природы, чтобы по мѣрѣ приближенія нашего къ могилѣ, скользкій путь становился передъ нами гладкимъ и пріятнымъ, и чтобы по мѣрѣ опаденія съ нашихъ глазъ земныхъ завѣсъ, смерть съ каждымъ метромъ теряла свою ложную личину страха, такъ что мы наконецъ идемъ въ ея объятія, какъ усталый ребенокъ на грудь матери.

Леди Флоренса съ сжатымъ сердцемъ прислушивалась къ однообразному бою часовъ, который показывалъ, какъ убгали немногія и нерадостныя минуты, остававшіяся ей жить. Она сидѣла, закрывъ лицо руками, и опершись на маленькій столикъ,

стоявшій возлѣ дивана, погруженный въ грустныя думы. Не было и слѣда той гордой осанки, той величественной стройности тѣла, которые еще такъ недавно придавали ей такой повелительный, такой царственный видъ! Подлѣ нея не было ни одного человѣка, чье бы сердце билось нетившимъ участіемъ къ ней... потому-что у леди Флоренсы никогда не было друзей. Въ одиночествѣ она провела свою юность.... въ одиночествѣ протекли и ея предсмертныя часы.

Въ то время, какъ она сидѣла такимъ образомъ, погруженная въ размышленія, ступишь колесъ по мостовой; раздавшійся подъ саженныя ея окнами, заставилъ слетка задремать всю комнату. Ступишь снова... карета остановилась у подъезда... Флоренса встрепенулась и подняла голову.

— Нѣтъ! вѣтъ! это невозможно, прошептала она.

Однакожь, не-смотря на эти слова, леди румянецъ покрылъ ея блѣдныя и исхудалыя щеки, а грудь заволновалась подъ платьемъ, которое было такъ широко, что казалось сдѣланнымъ совершенно по другой талии. Вслѣдъ за тѣмъ наступила тишина, которая показалась ей безконечною; сердце ея замерло, и она отвернулася съ глубокимъ вздохомъ.

Въ эту минуту въ комнату вошла ея горничная; лицо ея выржало нѣкоторое безпокойство.

— Простите меня, леди... но...

— Что такое?

— Мистеръ Мальтраверсъ пріѣхалъ и желаетъ васъ видѣть... вотъ, миледи, мистеръ Буртонъ прислалъ за мною, но я отвѣчала, что миледи слишкомъ слаба и потому не можетъ никого принять; но мистера Мальтраверса, кажется, не убѣдишь; онъ настоятельно требовалъ, чтобы я доложила, и остался дожидать отвѣта въ библіотекѣ лорда.

Хотя рѣчь вистрисъ Шинфильдъ была не слишкомъ свизна и голосъ ея былъ не изъ самыхъ пріятныхъ, однакожь никакое краснорѣчіе никогда не производило на Флоренсу болѣе пріятнаго впечатлѣнія. Молодость, любовь, красота все ошито въ одно мгновеніе, глаза ея заблестали, щеки зардѣлись румянцемъ, все черты лица покрылись яркимъ, хотя обманчивымъ свѣтомъ.

— Хорошо, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія:—проси мистера Мальтраверса сюда.

— Сюда, леди? Боже мой!... позвольте мнѣ сначала поправить вашу прическу... вы въ такомъ неближе...

— Пусть останется, какъ есть, Шинфельдъ... онъ не взмещетъ. Поди, проси его.

Мистрисъ Шинфельдъ нежала плечами, и вышла. Нѣсколькими минутами спустя, на лѣстницѣ послышались шаги... дверь открылась.... Мальтраверсъ и Флоренса были опять вмѣстѣ. Онъ неподвижно остановился на порогѣ. Флоренса невольно встала, и такимъ образомъ они стояли другъ противъ друга; свѣтъ лампы падалъ ей прямо на лицо. О, Боже! это зрѣлище никогда не изгладится изъ сердца Мальтраверса! Никогда это искаженное страданіемъ лицо не перестанетъ являться его взорамъ, какъ припадѣніе, въ толѣхъ и въ уединеніи, среди сіянія дня и во тмѣ ночной, посреди зазвѣздъ и на землѣ, съ тѣмъ же выраженіемъ любви и тихаго укора; оно разъ заглянуло въ его сердце, и отраженіе его осталось тамъ на вѣки! Эти щеки, некогда столь граціозно округленные, превратились въ угловатые впадины, снѣговатая полоса подъ глазами, побѣлѣвшія губы, беспокойное, рѣзкое, истомленное выраженіе, замѣнили гордый и ясный взглядъ, въ которомъ просвѣчивался геній, гордое сознаніе красоты и вѣчное величіе души.

Онъ стоялъ, пораженный состраданіемъ и ужасомъ. Наконецъ тяжелый стонъ вылетѣлъ изъ груди его... онъ поднялся впередъ... бросился передъ Флоренсою на колѣна... схватилъ обѣ ея руки, и, громко рыдая, покрывалъ ихъ поцалунми. Желѣзная твердость его души была совершенно уничтожена, потокъ чувствъ, столь долго одерживаемый, хлынулъ съ немовѣримымъ стремленіемъ. Такое зрѣлище могло поразить самое холодное сердце!

— Не плачьте... не плачьте такъ, шептала Флоренса, испуганная его волненіемъ.— Я страшно измѣнилась, но я сама виновата. Эрнестъ... прекраснѣйшій... благороднѣйшій... добрѣйшій изъ людей! Какъ могла я быть такъ безразсудна... но вы прощаете меня? Я опять ваша... хоть на короткое время. О! не печальтесь... когда я такъ счастлива!

И изъ ея глазъ также текли слезы; но слезы эти имѣли своимъ источникомъ не ту жгучую тоску, которая терзала Мальтраверса; они тихо падали на его наклоненную голову и на руки, еще судорожно сжимавшія ея руки. Эрнестъ дико взглянулъ ей въ лицо, и вздрогнулъ при видѣ ея принужденной улыбки. Онъ быстро всталъ, бросился въ кресло, и закрылъ лицо руками. Онъ старался превозмочь свое волненіе, и только сильное воздыманіе груди и прерывистое дыханіе изобличали борьбу, происходившую въ душѣ его.

Флоренса съ минуту смотрѣла на него съ горькимъ, почти съ эгоистическимъ чувствомъ.

— И этотъ человекъ казался мнѣ неспособнымъ къ нѣжному сочувствію... Вотъ сердце, которое я разбила... душа, которой я не довѣряла!

Она подошла къ нему, едва передвигая слабыя и дрожащія ноги, положила руку на его плечо, но увлеченная непреоборимою любовію, она обвилась вокругъ его шеи.

— Такова наша судьба... моя судьба! прошепталъ наконецъ Мальтраверсъ глухимъ, но спокойнымъ голосомъ, какъ будто просыпаясь отъ страшнаго сна.—Мы, не что иное какъ игра случая, и его колесница разбила насъ въ дребезги. Что такое жизнь человѣческая!

Въ глухомъ голосѣ и въ мысляхъ Эрнеста выражалось какое-то ненатуральное спокойствіе, которое ужаснуло Флоренсу гораздо болѣе, чѣмъ предъидущее бурное волненіе. Онъ всталъ, и говоря что-то про себя, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ будто не замѣчая ея присутствія. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ эту минуту онъ не видѣлъ ея. Наконецъ онъ остановился, устремилъ неподвижный взоръ на леди Флоренсу, и сказалъ тихимъ, но проникающимъ въ глубину души голосомъ:

— Имя... имя предателя?...

— Нѣтъ, Эрнестъ, нѣтъ... никогда. Я скажу вамъ, но только въ такомъ случаѣ, когда вы дадите мнѣ обѣщаніе отказаться отъ намѣренія, которое я читаю въ вашемъ взорѣ. Онъ признался въ своемъ преступленіи... раскаялся... я простила его... вы сдѣлаете тоже!

— Его имя! повторилъ Мальтраверсъ, и лицо его, пылавшее доселѣ, вдругъ сдѣлалась блѣдно, какъ мраморъ.

— Обѣщаете простить его?...

— Его имя, страдальца... его имя! и Мальтраверсъ съ яростью топнулъ ногою.

— Это ли нѣжность?... это ли состраданіе?... Вы ужасаете меня... вы убьете меня! прошептала Флоренса, и въ изнеможениі упала на софу.

Слабые и раздраженные ея нервы не могли вынести запальчивости Мальтраверса. Она въ отчаяніи начала ломать себѣ руки, и залилась горькими слезами.

— Вы не хотите сказать мнѣ его имени, продолжалъ Мальтраверсъ все еще громкимъ и запальчивымъ голосомъ.—Хорошо. Я не стану больше васъ спрашивать. Я самъ открою его.

Эта мысль нѣсколько успокоила Эрнеста, и такъ какъ Флорен-

са продолжала еще плакать, то прерывъ ярости, столь несвойственный душѣ его, мало-по-малу стихъ. Онъ съѣлъ возлѣ нея, и старался всѣми средствами успокоить ее. Вскорѣ Флоренса была совершенно утѣшена. И тутъ они опять поклались другъ другу въ вѣрности, и говорили о любви съ большею вѣжностью, чѣмъ когда либо, тогда какъ смерть держала уже надъ ихъ головами свой погребальный покровъ, и потрясала своею роковою косою....

VI.

Тяжелыми стопами взбирался Мальтраверсъ въ этотъ вечеръ въ свою одинокую квартиру, и со стономъ опустился въ вервь попавшіяся кресла.

Былъ сильный морозъ. Во-время продолжительнаго его свиданія съ леди Флоренсою Лессельсъ, слуга нитѣлъ предосторожность забѣгать въ квартиру и наскоро приготовить ее къ возвращенію господина. Однакожъ снавшая была почти совершенно обнажена, и это придавало ей слишкомъ мрачный видъ; занавѣсы и ковры были сняты, мебели почти всѣ вынесены, (ключницы холоdstяковъ оказываютъ удивительную заботливость въ такихъ случаяхъ: отвернись только хозяинъ изъ дому, и онѣ уже все переставляютъ, чистятъ, приводятъ въ порядокъ или лучше сказать въ безпорядокъ, довольныя тѣмъ, что могутъ чѣмъ-нибудь распорядиться). Даже огонь въ комнатѣ сакъ то не разгорался, сырые дрова только трещали и дымались. Комната была довольно обширна, но дурно освѣщена. На столѣ были разбросаны парламентскія записки, памфлеты, счета, книги, поднесенныя молодыми авторами—свидѣтельства вѣчно кипящей дѣятельности того непрерывнаго механизма, который мы называемъ свѣтомъ. Но Мальтраверсъ не обратилъ ни на что вниманія; даже зимній морозъ не могъ охладить его ключущую кровь. (Слуга, привязанный къ нему, какъ и всѣ, кто знаетъ Мальтраверса коротко, съ безпокойствомъ ходилъ изъ угла въ уголъ, то дѣлалъ огонь въ каминѣ, то привнесъ покойный халатъ, то ставилъ бутылку вина на столъ, и дѣлалъ водросы, которые оставались безъ отвѣда, и навязывалъ свои услуги, на которыя господинъ не обращалъ вниманія. Маленькія кодеса жизни продолжаютъ дѣйствовать попрежнему, хотя главный останавливается, и разбивается въ дребезги. Мальтра-

вероятно овладѣло, если можно такъ выразиться, душевное онѣмнѣніе. Сильный напоръ чувствъ совершенно истощилъ его. Онъ впалъ въ то оцѣпеніе, которое обыкновенно сопровождается сильнымъ горе и иногда предшествуетъ ему. Наконецъ онъ остался одинъ, и удивленіе возвратило ему нѣкоторое сознаніе. Поэтому-то, должно замѣтить, когда насъ постигнетъ сильное горе, присутствіе посторонняго лица какъ-будто раздѣляетъ память в сердце; удалите это препятствіе, и поднятый молотъ мгновенно падетъ на наковальню! Какъ только слуга удался, Мальтраверсъ вскопчалъ и сбросилъ шляпу, нахлобученную до-села на самыя брови. Онъ нѣсколько времени ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, но холодный воздухъ ея, казался, давилъ его пылающую грудь.

Бываютъ случаи, когда горе какъ стрѣла вонзается въ наше сердце, и все окружающее пространство кажется намъ тѣмнымъ. Подобно раненой лани, мы хотѣли бы убѣжать... убѣжать даже отъ самихъ себя. Душа рвется вонъ... рвется улетѣть въ безпредѣльность.

Въ нетерпѣніи, Мальтраверсъ отворилъ наконецъ окно; оно выходило на балконъ, который былъ выстроенъ въ этомъ мѣстѣ именно для того, что съ него открывался прелестный видъ въ паркъ. Онъ вышелъ на балконъ, и открылъ грудь, чтобы освѣжить ее. Снѣговые облака тянулись по небу, почти сливаясь съ туманомъ, который стлался по землѣ, и окутывалъ, будто саваномъ, голыя сучья деревьевъ и поблекшую траву. Все въ эту минуту напоминало объ увяданіи земной красоты, о краткости жизни, о могилѣ. Ему казалось, будто смерть, подъ видомъ всеразрушающей зимы, обхватывала его своими костлявыми и страшными объятіями. Въ этой борьбѣ съ своими жгучими ощущеніями, то побѣждая ихъ, то поддаваясь имъ безсознательно, онъ и не слышалъ ни шуму у подъѣзда, ни шаговъ на лѣстницѣ, ни даже въ комнатѣ, какъ вдругъ чья-то рука упала ему на плечо, и обернувшись, онъ увидѣлъ передъ собою блѣдное, даже синеватое лицо Кастрюччіо Чезарини.

— Страшная ночь, торжественный часъ, Мальтраверсъ, сказалъ Итальянецъ, и лицо его искривилось гримасою вѣсто улыбки. Ночь и минута чрезвычайно благопріятны для нашего свиданія.

— Оставьте меня! возразилъ Мальтраверсъ съ нетерпѣніемъ. Я не желаю выслушивать ваши напыщенные и неумѣстные шутки....

— Право? Но вы выслушаете меня до конца. Я стерегъ ваше

возвращеніе... я считалъ всѣ минуты, пока вы были съ нею... и наконецъ послѣдовалъ за вами до вашего дому. Если у васъ были когда-нибудь человѣческія чувства, то надобно думать, что человѣчество уже высохло въ душѣ вашей, и встрѣтиться съ вами должно быть страшнѣе, чѣмъ войти въ берлогу лютаго звѣря... Однакожъ, я иду васъ и не боюсь васъ, и не боюсь вашей ярости. Молчите, и слушайте. Леди Флоренса открыла вамъ имя того, кто васъ оклеветалъ и сдѣлался явновинникомъ ея смерти?

— А! вскричалъ Мальтраверсъ, поблѣднѣвъ какъ смерть, и устремивъ на Чезарини испытующій взоръ: это не вы... мои подозрѣнія падали на другаго.

— Это я! Дѣлай со мною, что хочешь.

Едва Чезарини произнесъ эти слова, какъ Мальтраверсъ съ дикимъ воплемъ бросился на него, схватилъ его, какъ ребенка, приподнял на воздухъ, и размахивалъ имъ, какъ манекеномъ. Еще минута, и Мальтраверсъ, ослѣпленный жаждою мести, сбросилъ бы, можетъ-быть, преступника съ балкона. Но искушеніе прошло... и Чезарини цѣлъ и невредимъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, объятый ужасомъ и яростью.

Онъ стоялъ одинъ... Мальтраверсъ убѣждалъ отъ него въ свою комнату... убѣждалъ отъ самаго себя... отъ страстей человѣческаго сердца... подъ кровъ Всевидящаго и Вездѣсушаго.

— Боже! прошепталъ онъ, падая на колѣни: подкрѣпи меня... спаси меня... безъ Твоей святой помощи я погибну!...

Мало-по-малу Чезарини пришелъ въ себя, и возвратился въ комнату. Онъ былъ уже не въ полномъ умѣ, и съ мрачнымъ остервененіемъ сталъ опять дразнить льва, пощадившаго его жизнь. Мальтраверсъ уже кончилъ свою краткую молитву. Съ твердымъ и спокойнымъ выраженіемъ стоялъ онъ, сложивъ руки на груди, и смотря прямо въ лицо Итальянцу, который приближался къ нему съ яростью и угрозой въ движеніяхъ, но невольно остановился передъ холоднымъ и повелительнымъ взоромъ своего противника.

— И такъ, это вы! сказалъ наконецъ Мальтраверсъ, тихимъ и спокойнымъ голосомъ, который въ эту минуту казался почти неестественнымъ. Вы тотъ человѣкъ... Говорите же, какія средства употребили вы для этого?

— Собственное ваше письмо! Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я писалъ вамъ о своихъ надеждахъ... и просилъ вашего совѣта и вашего мнѣнія о той, которую я любилъ. Что вы отвѣчали мнѣ? Съ сомнѣніемъ... съ неприязнью и почти съ пре-

зрѣніемъ отзывались вы о той самой жѣнщинѣ, которой сердце вы въ послѣдствіи коварнымъ обманомъ похитили у моей любви, не имѣвшей предѣловъ. Я подчиталъ это письмо... сомнѣніи, которое вы изъявляли тогда насчетъ моего счастья, стали относиться къ вашему собственному. Я перемѣнилъ число... однимъ-словомъ, письмо казалось написаннымъ не при первомъ вашемъ знакомствѣ съ нею, но уже послѣ того, какъ вы просили ея руки и были объявлены ея женихомъ. Письмо вашей руки служило вашей уликою въ низкомъ корыстолюбіи и обманѣ. Вотъ средства, которые я употребилъ...

— Они были самыя благородныя. И вы находите, что вы были правы... и не рассказываете?

— Что касается до того, что я сдѣлалъ противъ тебя, я не раскаиваюсь. Даже болѣе, считаю тебя первымъ виновникомъ. Ты похитилъ у меня ту, въ которой заключался для меня цѣлый міръ.. в чѣмъ бы ты не оправдывался, я ненавижу тебя... тою неугасимую ненавистью, которой раскаяніе недоступно... я наслаждаюсь твоими страданіями. Но что касается до нея... страдальца... она умираетъ... Боже! Боже! мое мщеніе обратилось на мою же голову!

— Умираетъ!... повторилъ Мальтраверсъ глухо и съ содроганіемъ. Нѣтъ, нѣтъ... не умираетъ... Что же ты послѣ этого... убійца ея! А я долженъ быть ея мстителемъ!

Негощепный душевными волненіями, Чезарини упалъ на стулъ, в закрылъ лицо руками. Мальтраверсъ угрюмо ходилъ по комнатѣ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

Наконецъ, Мальтраверсъ остановился противъ Чезарини и сказалъ:

— Вы пришли сюда не столько для того, чтобы сознаться въ самомъ низкомъ преступленіи, какое только можетъ обезчестить человѣка, какъ для того, чтобы посмѣяться надъ моими страданіями и вызвать меня къ отищенію! Но идите, несчастный молодой человѣкъ, идите... въ настоящую минуту жизнь ваша въ безопасности. Пока она жива, я не имѣю права отдавать жизнь свою на волю случая; если она выздоровѣетъ... я могу еще пить къ вамъ состраданіе, и простить васъ.. Для меня собственно.. я нахожу, что вашъ поступокъ, какъ онъ ни низокъ, не стоитъ даже моего презрѣнія, только послѣдствія его въ отношеніи этой... благородной страдальцы могутъ возвысить его до оскорбленія, требующаго мести; они одни могутъ сдѣлать жизнь вашу достойною и необходимою жертвою, не мщенія, а правосудія. Тогда жизнь за жизнь... жертва за жертву.

— Нѣтъ, возразилъ Чезарини: я не позволю вамъ съ вами обычною холодною наивностью располагать мною по вашей произволу и присвоивать себѣ право карать и прощать. Нѣтъ, продолжалъ Чезарини, топнувъ ногою: нѣтъ, я не хочу вашей пощады, я самъ вызываю васъ. Вамъ, кажется, что я оскорбилъ васъ, а мнѣ, напротивъ, кажется, что вы меня.. Не будь васъ, она полюбила бы меня.. была бы моею. Но это еще ничего.. Если бы не вы, то, вѣрно я никогда не омрачилъ бы свою душу преступленіемъ и не смелъ бы самую прекраснѣйшую женщину изъ всего рода человѣческаго въ могилу. Если она умереть... убійцею буду я, а вы причина этого убійства... выжисный-искуситель, вовлекшій меня въ это преступленіе... я презираю васъ... Во мнѣ нѣтъ боже состраданія... кровь моя шлаетъ... сердце мое жаждетъ крови. Вамъ... вамъ... еще осталась отрада видѣть ее... утѣнать ее... ходить за нею... а я... я... любившій ее такъ страстно... готовый цаловать землю, на которой она ступала... но не въ этомъ дѣло.. я называю васъ... я оскорбляю васъ... я называю васъ трусомъ, нанеситъ чести вызываю васъ къ удовлетворенію, въ которомъ вы себя лишаетесь отказывать мнѣ!

— Иди домой, безумецъ... иди домой.. пади на колѣни... и моли небо о прощеніи... своди свой страшный расчетъ... и не ропщи на дни, которые еще оставлены тебѣ для того, чтобы смыть съ души это гнусное пятно. Потому-что я, хотя и говорилъ тебѣ о ея выздоровленіи, но я очень хорошо знаю, что дни ея сочтены, а съ ея жизнью неразрывно связана твоя. Не пройдетъ сутокъ послѣ ея смерти, и вы встрѣтитесь съ тобою... но теперь я безчувственъ, какъ ледъ... какъ камень... и ты не расшевелишь меня... Последніе дни ея жизни не должны быть помрачены зрѣлищемъ кровопролитія... ни даже мыслью о неизбежной жертвѣ, которую требуетъ смерть ея. Вонъ отсюда... или слуги вытолкаютъ тебя... ты слишкомъ гнусеешь, чтобы дышать однимъ воздухомъ съ честными людьми... Поди вонъ... говорятъ тебѣ... иди вонъ...

Не-смотря на то, что мускулы едва шевелились на спокойной лицѣ Мальтраверса... ни одна морщина не подернула его величественнаго чела.. ни одна искра не блеснула въ его твердой и прерительномъ взорѣ; однакожъ въ его осанкѣ, въ донской руки, въ смѣхъ и твердости его звучнаго голоса было столько непренлонной воли, что несчастный Чезарини, обезсиленный зрѣніемъ ея ея собственными страстями, не могъ долѣе бороться съ нимъ. Онъ старался выказать презрѣніе за презрѣніе, но гу-

бы его дрожали и голосъ замеръ въ груди, испустивъ глухой стонъ. Мальтраверсъ взглянулъ на него съ убійственнымъ презрѣнiемъ. Итальянецъ со стыдомъ и яростью въ душѣ тщето старался превозмочь себя. Холодный взоръ, устремленный на него, оковалъ его, какъ бы очарованiемъ, котораго злой духъ, таищiйся въ груди Чезарини, не могъ свергнуть, ни даже бороться съ нимъ. Маниакально пошелъ онъ къ двери... потомъ обернулся, погрозилъ Мальтраверсу стиснутымъ кулакомъ, и съ дикимъ истерическимъ хохотомъ выбѣжалъ изъ комнаты.

VII.

«Душа, готовая отлетѣть, прижимается къ возлюбленной груди.»

Грей.

Не прошло дня, въ который Мальтраверсъ не былъ бы у Флоренсы. Онъ приходилъ къ ней съ ранняго утра и сидѣлъ у ней до поздней ночи. Онъ занималъ свое прежнее мѣсто нарѣченнаго жениха, не объяснившись даже объ этомъ съ лордомъ Саксингемомъ. Эта забота была предоставлена Флоренсѣ, и вѣроятно, она устроила это дѣло искусно, потому-что лордъ казался довольнымъ; впрочемъ онъ былъ задумчивъ и даже печаленъ, чуть ли не въ первый разъ въ жизни. Мальтраверсъ не упоминалъ о причинахъ ихъ истинной размолвки, и ни разу послѣ того вечера, въ который они опять свидѣлись, не давалъ воли чувствамъ, терзавшимъ его душу и не выказывалъ безполезныхъ сожалѣнiй о предстоящей, неминуемой разлукѣ. Какихъ усилiй ему не стоило, однакожь, онъ съ стоическою твердостью по-давливалъ въ сердцѣ гнѣвъ и страданiе. У него была одна цѣль, одно желанiе, одна надежда — оградить послѣднiе часы леди Флоренсы Лессельсъ отъ всякаго огорченiя, облегчить, усладить переходъ отъ жизни къ безсмертiю. Его предусмотрительность, его присутствiе духа, его вѣжливость, не оставляли его ни на минуту; онъ переходилъ за предѣлъ, доступный обыкновенно мужчине; въ нихъ выражался тѣ неудобныя мелочи, которыя дѣлаютъ женщину ангеломъ-утѣшителемъ скорби и страданiя. Казалось, будто всѣ силы его души стремились къ исполненiю одной обязанности, которая была для него священ-

нѣе самой любви, какъ-будто онъ рѣшился заставить Флоренсу забыть, что у нея не было матери.

А Флоренса, какъ она любила его! Какъ эта благодарная нѣжность, это сладостное увлеченіе были различны противъ прежней ея любви, пылкой, но ревливой и взыскательной. Даже ея характеръ, какъ это часто случается въ такого рода болѣзняхъ, становился несравненно мягче и кротче, по мѣрѣ того, какъ смерть набрасывала на нее свое темное покрывало. Она любила, чтобъ онъ читалъ ей вслухъ, любила разговаривать съ нимъ, и поэзія ея собственныхъ мыслей воспринимала оттънокъ религіозной гармоніи. Они бесѣдовали о жизни за гробомъ, о той жизни, въ которой они должны были соединиться, чтобы уже не разлучаться никогда, и Мальтраверсъ, твердо уповающій на милосердіе Божіе, не упускалъ изъ виду ни одного источника, который могъ бы пролить неизъяснимую усладу въ ихъ души, растерзанныя горестью и страданіемъ....

— Какъ я счастлива, говорила Флоренса:—что выборъ мой палъ на такого человѣка, какъ вы. Бесѣды съ вами возвышаютъ и укрѣпляютъ мою душу. Какъ справедливы, какъ возвышенны сужденія ваши о вѣрѣ... Вотъ тотъ утѣшитель, который останется съ вами, когда меня уже не будетъ!

Флоренса говорила о будущей жизни съ особеннымъ одушевленіемъ, и въ этомъ еще высказывался ея характеръ. Тихими мыслями не останавливала на себѣ ея взора.... онъ стремился къ вѣчной славѣ, къ обновленной жизни....

Разговаривая такимъ образомъ, Эрнестъ тихимъ, но слегка дрожащимъ отъ сдерживаемаго потока чувствъ голосомъ, старался то умѣрять, то возбуждать высокія идеи Флоренсы, какъ вдругъ пмъ доложили о пріѣздѣ лорда Варгрева; и вслѣдъ за тѣмъ въ комнату вошелъ Люмлей Феррерсъ, наследовавшій это званіе послѣ дяди. Флоренса увидѣла его въ первый разъ послѣ смерти его дяди, а Мальтраверсъ послѣ того вечера, столь роковаго для Флоренсы. Оба невольно вздрогнули. Мальтраверсъ всталъ и отошелъ къ окну. Лордъ Варгревъ взялъ руку своей кузины, и молча поднесъ ее къ губамъ, тогда какъ взоръ его выражалъ глубокую горестъ, которая на этотъ разъ была неподдѣльная.

— Видите, Люмлей, я покоряюсь судьбѣ, сказала Флоренса съ кроткою улыбкою. Да, я покоряюсь судьбѣ и счастлива.

Люмлей взглянулъ на Мальтраверса; но тотъ устремилъ на него такой холодный, зоркій и испытующій взоръ, что Феррерсъ смутился и невольно обратилъ глаза въ другую сторону. Она

ложь онъ тотчасъ же оправился, и сказалъ съ нѣкоторою поспѣшностью:

— Очень радъ, милая кузина, очень радъ, что вижу здѣсь опять Мальтраверса. Теперь будемъ надѣяться, что все пойдетъ хорошо.

Мальтраверсъ медленно подошелъ къ Люмлею.

— Подадите ли вы мнѣ руку теперь? сказалъ онъ голосомъ, изобличавшимъ то, чего не договаривали слова.

— Охотнѣе, чѣмъ когда-либо, сказалъ Люмлей, и онъ даже не смутился передъ вопрошающими взорами Мальтраверса.

— Я доловень, сказалъ Мальтраверсъ послѣ нѣкотораго молчанія: и на этотъ разъ голосъ его выражалъ болѣе, чѣмъ слова.

Есть люди, въ которыхъ благородство и великодушіе преобладаютъ надъ всѣми другими чувствами и убиваютъ въ нихъ самую проникательность. Мальтраверсъ не могъ вообразить, чтобы чистосердечіе Люмлея было одною личиною; такое лицемеріе превышало его понятія. Можетъ-быть, и онъ былъ способенъ совершить преступленіе, даже въ эту минуту преступный замыселъ таился въ душѣ Мальтраверса, и страсти, кипѣвшія въ груди его, если бы только дана была имъ воля, могли поднять страшную бурю; но скорѣе онъ рѣшился бы удушить своего противника, чѣмъ подать руку человѣку, противъ котораго онъ былъ бы виновенъ въ предательствѣ.

— Мнѣ пріятно видѣть васъ друзьями, сказала Флоренса, глядя на нихъ съ нѣжностью.—По-крайней-мѣрѣ для васъ, Люмлей, эта дружба должна быть истиннымъ счастьемъ. Я всегда любила васъ, Люмлей, любила, какъ брата, несмотря на то, что мы не сходились ни въ мысляхъ, ни въ характерахъ...

Люмлей замоталъ головою.

— Прошу васъ, вскричалъ онъ: радъ всего, что вамъ дорого, не говорите со мною такъ нѣжно... я не могу вынести этого. Слышать такіа слова и думать..

— И думать, что я умираю. Послѣднія слова наши должны быть всегда словами любви и дружбы. Но оставимъ это. Я очень сожалѣю о вашей потерѣ.

— Бѣдный дялюшка! подхватилъ Люмлей, радуясь случаю перемѣнить предметъ разговора.—Ударъ былъ неожиданъ... и только эти печальныя обязанности могли помѣшать мнѣ до этого времени навѣстить васъ. Однакожъ я считалъ долгомъ узнавать о вашемъ здоровьѣ, и мнѣ пріятно было слышать, что Эрнестъ находится при васъ. Что же касается до меня, приба-

вила онъ съ двусмысленною улыбкою, — вѣсть съ почести на меня возложена весьма важная обязанность. Я назначен опекуномъ богатой наследницы и помолвленъ съ ребенкомъ.

— Что вы говорите!

— То, что бѣдный дядя такъ привязанъ былъ къ своей единственной дочери, что оставилъ ей почти все свое состояніе: только небольшое помѣстье, приносящее тысячи двѣ фунтовъ стерлинговъ годоватаго дохода, переходитъ съ лордовскимъ достоинствомъ... (и въ добавокъ новое титуло, которое требуетъ вдвое больше издержекъ, чтобы придать ему надлежащій блескъ, и чтобы современемъ оно могло замѣнить богатство). Но чтобы разомъ осуществить два плана, то вѣстъ доставить титуло своей дочери и вознаградить племянника за потерю состоянія, онъ взялъ съ меня обещаніе жениться на Есселивъ, когда ей имѣтъ восемнадцать лѣтъ, а до того времени назначилъ меня ее опекуномъ. Увы! мы тогда уже будемъ за сорокъ! Если же она не захочетъ такого переспѣлаго жениха, она теряетъ только тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ изъ своего капитала, который состоитъ изъ двухъ сотъ тысячъ. Эти тридцать тысячъ дядя вышвырнулъ мнѣ для того, чтобы усладить въсколко горечь отказа. Теперь вамъ все извѣстно. Вдова его, вѣстиме пріятная молодая женщина, получила виллу и полторы тысячи фунтовъ ежегоднаго дохода. Это нешиного, но она, вѣстиме, довольна.

Равнодушіе и легкость, съ какими говорилъ новый лордъ о смерти своего дяди, возмутили благородное сердце Мальтраверса, и онъ отвернулся съ негодованіемъ. Но лордъ Варгревъ рѣшившійся не допускать разговоръ касаться печальнымъ предметовъ, которые онъ ненавидѣлъ, обратился къ Эрнесту и сказалъ:

— Да, любезный Эрнестъ, я видѣлъ по газетамъ, что вы заняли мѣсто покойнаго Н. Поздравляю васъ отъ всего моего сердца.

— Я отказался отъ него, возразилъ Мальтраверсъ сухо.

— Неужели, зачѣмъ?

Эрнестъ закусилъ губы и нахмурилъ брови; взоръ его вольно остановился на Флоренсѣ.

Люблею показалось, что онъ угадывалъ отвѣтъ на своей вѣпросъ, и онъ замолчалъ.

Затѣмъ разговоръ какъ то уже не вязался, и Люблея удалился при первой возможности. Къ ночи леди Флоренсъ спала гораздо хуже, и она не вставала во весь слѣдующій день. Она

боролась съ болѣзнію до послѣдней крайности, но день отъ дня неизбѣжныя припадки слабости становились все чаще и чаще. Смерть приближалась съ неизмовѣрною быстротою. Самъ лордъ Сэнсигемъ наконецъ почувалъ печальную истину, занялъ мѣсто у изголовья больной дочери, и забылъ о всемъ прочемъ.

VIII.

«Идите, друзья! зачѣмъ стараться узнавать о томъ, что въ скоромъ времени вамъ укажетъ одна изъ многочисленныхъ мраморныхъ досокъ въ церкви.

Краббъ.

Нѣкоторымъ это можетъ показаться страннымъ, но Мальтраверсъ никогда не любилъ леди Флоренсу такъ, какъ въ настоящее время. Была ли то слабость человѣческой природы, которая заставляетъ насъ болѣе и болѣе привязываться къ умирающему предмету, по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ наша послѣдняя надежда? или это происходило отъ того, что красота души всегда дѣйствовала на него сильнѣе красоты тѣлесной, а душа Флоренсы разцвѣтала по мѣрѣ того, какъ тѣло ея увядало? Къ тому же существо, нуждающееся въ опорѣ, въ утѣшеніи, въ защитѣ, какъ дорого оно для гордости сердца мужчины! Гордая женщина, которая стоитъ твердо, и не ищетъ опоры въ сердцѣ мужчины, утрачиваетъ въ глазахъ его всю прелесть своего пола.

Пройду молчаніемъ всѣ степенн горестнаго процесса, которм такъ тяжело описывать, потому-что въ такихъ случаяхъ и я не могу сохранить присутствія духа, и слѣдственно, могу выпустить изъ виду послѣдовательность.

Наконецъ наступилъ день, въ который врачи могли сосчитать часы, оставшіеся до окончательнаго отрѣшенія души отъ тѣла. Мальтраверсъ каждый день нѣсколько часовъ проводилъ у постели, которую леди Флоренса Лессельсъ уже не покидала. Твердость и покорность Провидѣнію не оставляли ее ни на минуту; до послѣдней минуты она страдала, любила и надеялась.

Однажды, когда Мальтраверсъ уходилъ, она просила его торжественнѣе и убѣдительнѣе обыкновеннаго посѣтить ее вече-

ромъ. Она назвала ему часть, и по уходѣ его тяжело вздохнула. Мальтраверсъ остановился въ свѣжахъ, чтобы поговорить съ докторомъ, выходящимъ изъ кабинета лорда Саксингема. Онъ разговаривалъ очень спокойно, и когда узналъ отъ него о разговорѣ врачей, волненіе души его изобразилось однимъ дрожаніемъ губъ....

— Я не долженъ еще оплакивать ее! шепталъ онъ, выходя изъ дому.

Онъ отправился къ одному изъ своихъ знакомыхъ, который былъ съ нимъ почти однихъ лѣтъ. Этотъ господинъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми знакомство не можетъ вдругъ стать на пріятельскую ногу, но основывается на взаимномъ уваженіи, и которые нерѣдко готовы оказать услугу, чѣмъ самые задушевные пріятели.

Полковникъ Давверсъ сидѣлъ обыкновенно рядомъ съ Мальтраверсомъ въ парламентѣ. Они вмѣстѣ подавали голоса и были одинаковаго мнѣнія, какъ въ политическихъ вопросахъ, такъ и въ тѣхъ, которые касаются чести. Они повѣрили бы другъ другу на слово какую угодно сумму, не взявъ ни земного писма, ни даже расписки. И если въ присутствіи одного начинали порицать другаго, то находящійся палицо вступалъ за отсутствующаго съ такимъ жаромъ и негодованіемъ, что прошеній хулу отступалъ въ невольномъ удивленіи къ такому чувству. Однакожъ образъ жизни и привычки ихъ были совершенно различны, и встрѣясь на улицѣ, они никогда не сказали бы, какъ пріятели, уважающіе другъ друга совѣтъ не въ такой степени: проведемъ день вмѣстѣ! Такого рода знакомство не рѣдкость между людьми, которые уже опредѣлили себѣ образъ жизни и цѣль, и не могутъ жертвовать ими даже на дружбы.

Полковника Давверса не было дома; полагали, что онъ уѣхалъ въ клубъ, находящійся въ Сент-Джемской улицѣ. Мальтраверсъ отправился туда; но и тамъ не нашелъ его; онъ съ часъ какъ уѣхалъ оттуда, но скоро долженъ былъ возвратиться. Мальтраверсъ вошелъ въ залу, и повидному спокойно сѣлъ на первый попавшійся ему стулъ. Зала была полна обычными посѣлителями; но онъ не обратилъ вниманія на толпу, потому-что не замѣчалъ ея. Онъ не чувствовалъ потребности въ удивленіи, потому-что оно было въ его сердцѣ. Передъ каминомъ стояло нѣсколько важныхъ политическихъ лѣтъ и множество молодыхъ и пожилыхъ людей, которыхъ можно было назвать движущимися газетами политическихъ происшествій.

Странно то, что Мальтраверсъ, почти непонимавшій что въ эту минуту вокругъ него происходило, припомнилъ впоследствии весь разговоръ, когда, въ часы холоднаго размысленія, онъ сталъ думать о своихъ будущихъ дѣйствіяхъ, и воспоминаніе о немъ еще болѣе усилило его холодность къ встрѣтившимся случаямъ политической жизни. Они толковали о характерѣ одного политика, возвышенныя стремленія котораго были выше ихъ понятій. Ихъ грубыя подозрѣнія, ихъ низкая зависть, однимъ-словомъ все, что разоблачило эту общую принадлежность политическаго честолюбія, падало на его сердце какъ раскаленное желѣзо.

Одинъ изъ посѣтителей, съ шляпою надвинутою на глаза, увидѣвъ Мальтраверса, угрюмо сидѣвшаго въ углу, учтиво подаль ему газету, которую только что прочелъ самъ.

— Второе изданіе, сказалъ онъ. — Тутъ вы можете прочесть самыя послѣднія извѣстія изъ Франціи.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Мальтраверсъ.

И незнакомецъ содрогнулся, услышавъ этотъ короткій отвѣтъ, столько было унынія и глубокой скорби въ этомъ голосѣ.

Взоръ Мальтраверса машинально упалъ на столбцы газеты, и остановился на собственномъ его имени. Сочиненіе, которое онъ писалъ съ такимъ удовольствіемъ въ прелестномъ уединеніи Темплъ-Грова, совѣтуясь на каждой страницѣ съ Флоренсою, сочиненіе, котораго каждая строка была неразрывно связана съ ея воспоминаніемъ и украшена чуднымъ свѣтомъ ея гениальнаго ума, только что вышло въ свѣтъ. Оно давно давно уже было отпечатано, но издатель по какимъ-то своимъ особеннымъ расчетамъ задержалъ его до этого времени. Мальтраверсъ не зналъ о выходѣ этой книги. По возвращеніи въ городъ, онъ хотѣлъ дать знать издателю, чтобы онъ не выпускалъ ея въ свѣтъ, но скорбныя мысли послѣдняго времени вытѣснили это обстоятельство изъ головы его, и онъ совершенно забылъ о ея существованіи. И вотъ книга вышла въ свѣтъ со всею торжественностью новаго сочиненія извѣстнаго писателя! *Теперь... теперь*, когда появленіе ея могло почтяться неуваженіемъ къ умирающей, посмѣяніемъ... Какъ часто жизнь писателя бываетъ въ совершенномъ разладѣ съ жизнью человѣка. Минуты видимаго торжества автора могутъ быть минутами тайнаго невыносимаго страданія человѣка. Книга, писанная съ восторгомъ и любовью, можетъ явиться въ свѣтъ тогда, когда для насъ уже нѣтъ радости на землѣ. Такъ было и теперь. Это сочиненіе было любимымъ произведеніемъ Эрнеста Мальтраверса. Оно было задумано въ минуту высокаго эн-

тузіазма, и исполнено съ пламеннымъ желаніемъ истины, которая въ умѣ гениальнаго человѣка превращается въ искусство. Занимаясь въ часы удивленія, отнятые у сна, какъ мало онъ думалъ о себѣ, о той обыкновенной наградѣ труженника — о славѣ! Нѣтъ, онъ мечталъ, что распространяетъ идеи, полезныя человѣчеству! — И Флоренса... одна Флоренса, слышала біеніе его сердца на каждой страницѣ! А теперь! Случилось такъ, что въ газетѣ, которую онъ держалъ въ рукѣ, былъ разборъ этой книги, или скорѣе грубая, оскорбительная личность противъ сочинителя. Всѣ побужденія, какія только могутъ очернить писателя, были въ ней приписаны ему. Вся желчь чьей-то злой души была вылита на эти строки. Знай сочинитель этой статьи, какой ударъ долженъ обрушиться на Мальтраверса, и вѣстѣ съ выходомъ этой книги, онъ былъ бы не человѣкъ, если бы не отказался отъ своего предпріятія, но я уже сказалъ, что жизнь писателя бываетъ часто въ совершенномъ разладѣ съ жизнью человѣка. Первый всегда отданъ на произволъ публики, а о второмъ она ничего не знаетъ. Но въ эту минуту, Мальтраверсъ не могъ опущать ни презрѣнія, ни гнѣва, какіе способны возбудить эти мелкія узьявленія гордости и тщесавія. Это только увеличило его отвращеніе къ свѣту и къ зашляпымъ, которымъ онъ такъ долго предавался. Но въ эту минуту онъ и этого не чувствовалъ. Все, что происходило вокругъ него и въ глубинѣ его сердца, было словно сонъ; но какъ сны врѣзываются иногда въ памяти, такъ и онъ, пробудившись отъ этого состоянія, вынесъ отвращеніе къ прежнимъ своимъ цѣлямъ и наградамъ, недостойнымъ такихъ усмеленныхъ трудовъ. Со дня своего вступленія на литературное поприще, онъ въ первый разъ былъ чувствителенъ къ оскорбленіямъ критики, но чаша была уже полна... одна лишняя капля, и жидкость верлилась черезъ край. Колонна его прошедшаго рушилась, и обломки ея летѣли во все стороны.

Наконецъ явился полковникъ Данверсъ. Мальтраверсъ отвелъ его въ сторону, и вслѣдъ за тѣмъ они оба удалились изъ клуба.

— Данверсъ, сказалъ Мальтраверсъ:— наступаетъ то время, когда мнѣ нужно будетъ ваше содѣйствіе, какъ я говорилъ вамъ прежде. Могутъ ли я видѣть васъ сегодня вечеромъ?

— Разумѣется. До одиннадцати часовъ я буду въ палатѣ, а прямо оттуда приѣду домой.

— Благодарю васъ.

— Нельзя ли уладить дѣло мировою?

— Нѣтъ! эта ссора на жизнь и на смерть.

— Въ вашъ просвѣщенный вѣкъ эти карикатурныя койки съ старинныхъ поединковъ неумѣстны. Древнiе, прибавилъ Данверсъ съ улыбкою: — имѣли такія же страсти, какъ и мы, а обходились безъ дуелей.

— Да, потому-что они... Впрочемъ оставимъ это, возразилъ Мальтраверсъ съ нетерпѣніемъ. — Когда мы увидимся, вы узнаете все дѣло, и, можетъ-быть, согласитесь со мною. До свиданiя!

— Какъ, вы уже уходите? Мальтраверсъ, вы больны... у васъ лихорадочный пульсъ... вы должны были бы посоветываться съ докторомъ.

Мальтраверсъ улыбнулся, но эта была не та прiятная улыбка, которая когда-то озаряла его лицо... покачалъ головою; и поспѣшно удалился.

Трое лондонскихъ городскихъ часовъ пробили одинъ за другимъ девять, когда какой-то высокій мужчина съ горлою осанкою шелъ по улицѣ, къ дому лорда Сакенгема. Не доходя доновъ пять, къ улицѣ приближалъ переулокъ, на углу котораго стоялъ молодой человекъ, но молодость его казалась разрушевною страданiями и преждевременными страстями. Это было третье марта; погода стояла необыкновенно холодная, даже для этого суроваго мѣсяца. Все утро шелъ снѣгъ, и онъ лежалъ сугробами въ разныхъ мѣстахъ улицы. Вѣтеръ не имѣлъ уже спокойной остроты морозной зимы, онъ рвался, какъ ураганъ, по пустынь перекресткамъ, колебля и почти задувая огни въ фонаряхъ. Можетъ-быть, этотъ дрожащій огонь усиливалъ блѣдность и придавалъ видъ безумiя молодому человеку, о которомъ я упомянулъ. Его волосы, которые были гораздо длиннѣе, чѣмъ обыкновенно носятъ мужчины, развѣвались вокругъ его исхудалыхъ и поспѣвшихъ щекъ, а тонкій и гибкій станъ, казалось, едва могъ переносить сильный напоръ вѣтра.

Когда высокій мужчина, мужественный ростъ и величественная осанка котораго представляли разительную противоположность съ вышеописаннымъ молодымъ человекомъ, подошелъ къ перекрестку, онъ вдругъ остановился.

— Вы опять здѣсь, Кастрючiо Чезарини... сказалъ тихій, но звучный голосъ Эрнеста Мальтраверса. — Хорошо! Это, я думаю, будетъ не послѣднимъ нашимъ свиданiемъ, и нынче вечеромъ....

— Прошу васъ, серъ, сказалъ Чезарини голосомъ, въ которомъ гордость боролась съ глубокою горестью: — умоляю васъ...

сказать мнѣ, что она... известно ли вамъ?.. я не могу выговорить....

— Ваше дѣло почти кончено... отвѣчалъ Мальтраверсъ. — Еще нѣсколько часовъ... и ваша жертва... да, именно, ваша жертва... отдастъ отчетъ въ своей жизни Верховному Судіи... Убийца... трепещи... и твой часъ скоро наступитъ!

— Она умираетъ... а я не могу видѣть ее... вамъ дано счастье встрѣтить послѣдній взоръ этого совершенства рода человеческого... вамъ, нелюбившему ее никогда такъ сильно какъ я!.. Вамъ, котораго—я ненавижу... презираю! вамъ!..

Чезарини не договорилъ; голосъ его замеръ... неясные звуки вылетали изъ груди его.

Мальтраверсъ смотрѣлъ на него холоднымъ, презрительнымъ и безжалостнымъ взоромъ.

— Жалкій злодѣй! выслушай меня. Ты встрѣтилъ во мнѣ снисхожденіе, дружбу, помощь и попеченіе... Когда собственное твое безразсудство ввергло тебя въ нищету, моя невидимая рука спасла тебя отъ голодной смерти и отъ тюрьмы. Я старался спасти тебя, возвысить твою низкую душу, возбудить въ ней дѣятельность, желаніе почестей и влеченіе къ прекрасному, великому... Посредникомъ этого дѣла была леди Флоренса Лессельсъ... ты хорошо отплатилъ намъ обомъ!.. гнуснымъ подлогомъ очернилъ мою честь, и тѣмъ свелъ ее въ могилу... Свѣсть твоя наконецъ заговорила въ тебѣ... ты открылся ей въ своемъ преступленіи... искра мужества, остававшаяся въ твоемъ сердцѣ, заставила тебя открыться и мнѣ. Не-смотря на то, что я за минуту прель тѣмъ видѣлъ плоды твоего предательскаго поступка, я побѣдилъ чувство, побуждавшее меня вырвать жизнь изъ твоего гнуснаго тѣла. Я сказалъ тебѣ, что ты будешь жить столько, сколько проживетъ она; что если она выздоровѣетъ, я могу еще простить тебя, если же умретъ, я долженъ отмстить. Мы заключили это условіе... и черезъ нѣсколько часовъ настанетъ минута его исполненія... который-нибудь изъ насъ долженъ умереть... Кастрюччіо Чезарини... не обманывай себя пустою надеждою, ты падешь отъ руки моей... Когда наступитъ часъ... ты получишь обо мнѣ свидѣніе. Теперь пропусти меня... мнѣ нечего болѣе сказать тебѣ.

Каждое слово этой рѣчи было произнесено такъ звучно и выразительно, что казалось само сердце Эрнеста Мальтраверса, получило даръ слова, но Чезарини, повидимому, не понималъ въ смыслъ. Онъ схватилъ Мальтраверса за руку, и устремилъ на него грозный, безумный взоръ.

— Сказали ли вы мнѣ, что она умираетъ? пробормоталъ онъ.—Я васъ спрашивалъ объ этомъ... для чего вы не отвѣчали мнѣ? Да, кстати, вы грозили мнѣ местию... Развѣ вы не знаете, что я только того жду, чтобы сойтись съ вами лицомъ къ лицу... сразиться... на смерти!... Развѣ я не сказалъ вамъ этого?.. не я ли силлся расшевелить вашу холодную кровь... не я ли оскорбленіями старался принудить васъ къ бою, изъ котораго я выйду побѣдителемъ? Но тогда вы были какъ мраморъ!....

— Потому-что зло, причиненное мнѣ, я могъ простить... а вредъ, нанесенный ей, я не полагалъ еще неисправимымъ. Подите прочь!..

И Мальтраверсъ, оттолкнувъ Итальянца, пошелъ далѣе. Вслѣдъ за тѣмъ послышался рѣзкій, дикій крикъ отчаянія, который раздавался еще въ ухахъ его, когда онъ всходилъ по слабо освѣщенной лѣстницѣ, которая вела въ комнаты умирающей леди Флоренсы Лессельсъ.

Мальтраверсъ вошелъ въ комнату, прилегающую къ ея спальнѣ... въ ту самую роскошную и веселую комнату, гдѣ онъ имѣлъ первое свиданіе съ Флоренсою послѣ ихъ примиренія.

Тутъ онъ нашелъ доктора, дремавшаго въ креслахъ. Леди Флоренса уснула часа два тому назадъ. Лордъ Саксингемъ удалился въ свой кабинетъ, и тамъ предавался глубокой и шумной горести, потому-что всѣмъ уже извѣстно было, что леди Флоренса не переживетъ ночь.

Мальтраверсъ, сохраняя постоянное наружное спокойствіе, сѣлъ на диванъ. Передъ нимъ на столѣ лежало нѣсколько рукописныхъ книгъ въ роскошныхъ переплетахъ. Онъ машинально началъ перелистывать ихъ. Прекрасный почеркъ Флоренсы встрѣчался ему на каждой страницѣ. На каждой строкѣ проявлялись, какъ тѣни отжившей, ея высокій дѣятельный умъ... ея любовь къ поэзіи... ея жажда къ познаніямъ... и склонность къ глубокому размышленію. Въ разныхъ мѣстахъ видѣлъ онъ выписки изъ своихъ собственныхъ сочиненій, съ коротенькою отмѣткою, означавшею ея одобреніе; рядомъ съ ними собственныя ея размышленія, столь же вѣрныя и глубокия; кой-гдѣ отрывки недоконченныхъ стихотвореній, полныхъ оригинальности и силы, что рѣдко дается женщинамъ-поэтамъ; короткія, но рѣзкія сужденія о книгахъ, неходящихъ въ обыкновенный кругъ женскаго чтенія, нѣсколько сравненій дѣйствительнаго міра съ міромъ идеальнымъ. Каждая строка этихъ разнообразныхъ книжскъ свидѣтельствовала о рѣд-

никъ способностяхъ, какими была одарена эта странная дѣвушка. Это было что-то въ родѣ гербаріума, котораго зрѣніе цвѣты могли современно превратиться въ чудные плоды. Кое-гдѣ, среди этихъ палілій высокаго ума и переполненнаго сердца, встрѣчались намеки на него самого, полныя живости и любви, черты, набросанныя по памяти въ разныя положенія, воспоминаніе ихъ свиданій и бѣсѣд... при чемъ съ неистовною точностью и тщательною заботливостью былъ означенъ день и часъ! Всѣ эти свидѣтельства ея гениальнаго ума и ея страсти; казалось, говорили ему: и это существо ты утрачиваешь на вѣки! ты не умѣлъ цѣнить его до-тѣхъ-поръ, пока не пробилъ часъ неминуемой разлуки!....

Мальтраверсъ глубоко вздохнулъ; все прошедшее хлынуло на него быстрымъ потокомъ. Ея восторженная любовь къ чело-вѣку, совершенно ей незнакомому.... ея участіе къ его уны-ханью, къ жизни его жизни, къ славному, ничѣмъ неоправданно-му имени.... Ему казалось, что смерть ея уносила съ собою и славу и его высокое стремленіе, и что съ этой минуты на землѣ останутся только прахъ и мелкія побужденія.

Какъ внезапно.... какъ страшно, неожиданно обрушился на него ударъ! Правда, перемена эта произошла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсячной ихъ разлуки, но онъ не помнилъ ее.... ее какъ-будто не существовало. Онъ оставилъ ее со всѣми наруж-ными признаками здоровья, на вершѣ счастья и гордости. Когда же они свидѣлись опять.... страданіе убило ея плоть... и смир-ило гордый духъ.... она съ покорностью ожидала смерти. И эта женщина.... благородная, прелестная женщина.... какъ любила она его!... Никогда не былъ онъ такъ любить... выходя-чая того пріятнаго времени, въ которое, какъ сквозь легкій утренній сонъ, мелькнулъ кроткій образъ Алисы... Алисы, по-терянной навсегда и почти забытой. Нѣтъ! не выжить ему такой любви на землѣ въ другой разъ. Видъ и воздухъ этой комнаты становились ему невыносимы.... давили его узанное сердце. Все говорило о той.... кому принадлежала эта комната! Тутъ ара, которая напоминала о необыкновенномъ сходствѣ Флоренсы съ музами, и на которой она выражала чомныя думы своего причудливаго сердца! Тамъ картины, только что вышедшія изъ-подъ ея руки!... Вездѣ и повсюду проглядывала необыкновенная прелесть, простой и изящ-ной вѣнъ той, которая когда-то служила лучшимъ украшеніемъ этой комнаты, и воодушевляла всѣ предметы, находившіяся въ ней.

Ждать съ лихорадочнымъ нетерпѣннѣмъ, съ тревожнымъ сердцемъ послѣдняго взора той, которую вы любили больше всего на свѣтѣ.... ждать не минуты восторга, а минуты отчаяннн.... чувствовать, что время шадетъ тяжелымъ молотомъ на сердце, и въ тоже время страшиться своего собственнаго нетерпѣннн.... и желать, чтобы это предсмертное страданн могло продолжиться вѣчность.... вотъ картина сильныхъ ощущенн сердца.... картина страшной, но неизбѣжной дѣйствительности.... одного изъ самыхъ торжественныхъ моментомъ несповѣданной человеческой жизни.... которая была бы достойна гевн-поэта скорби!

Наконецъ дверь отворилась, и изъ нея выглянула любимая горячнн леди Флоренсы.

— Мистеръ Мальтраверсъ здѣсь? О! серъ, леди проснулась и желаетъ васъ видѣть.

Мальтраверсъ всталъ, но ноги его были будто прикованы къ полу.... сердце его билось.... смертельный ужасъ охватилъ всю его жизненную способность. Тяжелымъ вздохомъ онъ страшно съ себя это страшное очарованн, и пошелъ въ спальню Флоренсы.

Она сидѣла, поддерживаемая подушками. Когда же онъ, опустившись въ кресло, стоявшее возлѣ ея постели, сталъ снимать ея исхудалую, прозрачную руку, она устремила на него взоръ, полный любви и тоски.

— Вы были добры.... очень добры ко мнѣ, сказала она послѣ нѣкотораго молчанн, голосомъ, который измѣнился уже и съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ разстался съ нею утромъ: — и Богъ вознаградитъ васъ. Благодаря вамъ, послѣднн часы мои были самымъ счастливымъ временемъ моей краткой жизни.... О, мой Эрнестъ.... Богъ да благословитъ тебя!

И нѣсколько слезинокъ благодарности скатилось на его руку, которую она силилась поцаловать.

— Не здѣсь... не среди шумныхъ улицъ и жилищъ людей, заботящихся о суетѣ суетъ.... и не въ это суровое и мертвое время года желала бы я въ послѣднн разъ взглянуть на мнръ Божнй. Если бы я могла видѣть вокругъ себя неподдѣльную природу.... если бы я могла взглянуть еще разъ на лѣтнее солнце въ тѣхъ очаровательныхъ мѣстахъ, которыя мы такъ любили.... тогда смерть показалась бы мнѣ прнятнымъ ушельемъ... Но что дѣлать!... Въ присутствнн вашемъ для меня вездѣ лѣто и природа.

Мальтраверсъ подвнлъ голову, и взоры ихъ встрѣтились въ

молчаніи... но этотъ долгій, неподвижный взоръ высказывалъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ слова въ мірѣ. Голова ея тихо склонилась на его плечо, и вѣскольکو минутъ неподвижно лежала на немъ. Тихіе медленные шаги послышались въ комнатѣ... это были шаги несчастнаго отца. Онъ подошелъ съ другой стороны къ кровати дочери, и судорожно рыдалъ.

Она приподнялась, и несмотря на смертную блѣдность, легкой румянецъ пробѣжалъ по ея щекамъ.

— Добрый, милый батюшка, сказала она:—какимъ утѣшеніемъ будетъ для васъ воспоминаніе о томъ, какъ вы любил... какъ лелѣли вашу Флоренсу!

Лордъ Саксингемъ не могъ отвѣчать.... онъ сжалъ дочь въ своихъ объятіяхъ и горько рыдалъ надъ нею. Потомъ вдругъ отшатнулся назадъ, посмотрѣлъ на нее съ содроганіемъ, и вскричалъ.

— О! Боже! она умерла.... умерла!

Мальтраверсъ вздрогнулъ и съ нетерпѣніемъ махнулъ бланному старыку рукою, чтобы онъ удалился. Докторъ съ участіемъ подошелъ къ лорду Саксингему, взялъ его за руку и вывелъ изъ комнаты. Бѣдный отецъ, молча, повиновался, какъ ребенокъ.

Но борьба еще не кончилась. Флоренса еще разъ открыла глаза, и Мальтраверсъ вскрикнулъ отъ радости. Однакожъ мракъ подергивалъ уже эти глаза, которые и сквозь туманъ старался найти возлюбленный образъ, наклонявшійся надъ нею, какъ бы желая вдохнуть жизнь въ ея умирающее тѣло. Два раза уста ея силились что-то сказать, но голосъ замиралъ, и она печально покачала головою.

Мальтраверсъ поспѣшно подалъ ей успокоительное лекарство, лежавшее подлѣ нея на столѣикѣ, но едва она успѣла открыть уста, какъ тѣло ея начало тяжѣть въ его объятіяхъ. Голова ея опять опустилась на его грудь.... два три дохнула она съ большимъ усиліемъ.... наконецъ воздѣла руки къ небу, и послѣдній лучъ жизни вспыхнулъ и угасъ на ея лицѣ.

— Тамъ.... на небесахъ!... Эрнестъ.... это имя.... Эрнестъ!...

Да, это имя было послѣднимъ словомъ, которое она произнесла на землѣ. Очевидно было, что эта мысль послѣдняя мелькнула въ головѣ ея, потому-что когда голосъ ея смолкъ, улыбка... свѣтлая, неземная улыбка, какую можно только видѣть въ лицахъ умирающихъ и мертвыхъ... улыбка, въ которой просвѣчивается замогильная жизнь.... медленно озарила ея чело... и

ста... и наконецъ все лицо. Она еще дышала; но дыханіе ея становилось все слабѣе... наконецъ, безъ усклія... безъ стога... безъ малѣйшаго признака борьбы.... она испустила послѣднее дыханіе.... Голова ея скатилась съ его груди... тѣло выпало изъ его объятій.... все было кончено!

IX.

.....Это ли обѣщанный конецъ?.

Шекспиръ.

Часа два спустя, послѣ этой катастрофы, Мальтраверсъ вышелъ изъ дому лорда Саксингема. На башнѣ пробило часъ полуночи. Мальтраверсъ шелъ по улицамъ, не чувствуя ни холода, ни вѣтра, бушевавшаго вокругъ домовъ. Онъ дѣйствовалъ машинально, какъ бы вызванный изъ гроба къ жизни силою непонятныхъ чаръ. Его можно было уподобить лунатку, который живетъ неестественною, безсознательною жизнью, но движется и дѣйствуетъ, какъ бы сознавая свои поступки, и потому поступъ его была тверда и спокойна. Одна мысль проникла все существо его, мысль ужасная, мрачная, мысль о мести, азалось, слилась съ его душою. Онъ пришелъ къ дому полковника Давверса, взбѣжалъ на лѣстницу, и спокойно сказалъ другу, вышедшему къ нему навстрѣчу:

— Теперь наступилъ часъ.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Слѣдуйте за мною, и вы все узнаете.

— Хорошо, карета моя готова: Потрудитесь отдать нужныя приказанія моимъ людямъ.

Мальтраверсъ поклонился, отдалъ приказанія слугѣ, непонимавшему въ чемъ дѣло, и оба друга быстро помчались по самымъ отдаленнымъ и безлюднымъ улицамъ огромной столицы. Кордогою Мальтраверсъ въ короткихъ словахъ разсказалъ Давверсу о предательскомъ поступкѣ Чезарини.

— Теперь мы поѣдемъ къ нему, сказалъ Мальтраверсъ въ заключеніе:— Должно отдать ему справедливость, онъ не трусъ. Онъ, ни мало не колеблясь, далъ мнѣ свой адрессъ, и не станетъ уклониться отъ требуемаго удовлетворенія. Я подожду у подъезда, пока вы сговоритесь съ нимъ на счетъ дуэля, который долженъ быть нынче же, на разсвѣтѣ.

Давверсъ удивился, даже ужаснулся, выслушавъ разсказъ

Мальтраверса. Во всемъ дѣлѣ скрывалось что-то страшное, непостижимое. Но онъ не произнесъ ни одного слова, и ограничился пожатіемъ руки своего друга. Они продолжали путь въ молчаніи. Наконецъ карета остановилась въ узкомъ переулкѣ какого-то отдаленнаго предіѣстья. Хотя всѣ окружающіе дома были погружены въ глубокой мракъ, но въ верхнемъ этажѣ дома, гдѣ жила Цезарини, огни быстро перебѣгали изъ окна въ окно. Тяжелый ударъ лакея въ звонокъ еще раскатывался по пустынному переулку, какъ дверь отворилась. Данверсъ выскочилъ изъ кареты и вошелъ въ корридоръ.

— О, серъ, какъ я рада, что вы пріѣхали, сказала вышедшая къ нему навстрѣчу старуха, блѣдная и дрожа всѣмъ теломъ:—ему все хуже и хуже!

— Туда ли мы пріѣхали? спросилъ Данверсъ, остановившись:—здѣсь жаветь пріѣзжій Итальянецъ Кастрюччіо Цезарини?

— Точно такъ, серъ! Бѣдняжка! Я послала своего сына просить васъ сюда.... потому, говорю я ему.... потому.....

— Но за кого вы меня принимаете?

— Какъ за кого, серъ? за доктора.... вѣдь вы докторъ?

Данверсъ не отвѣчалъ ни слова. Возвѣтивъ не слишкомъ высокое понятіе о чести человѣка, позволившаго себѣ такой низкій поступокъ, онъ начиналъ подозрѣвать, что Цезарини хотѣлъ обманомъ уклониться отъ удовлетворенія. Вслѣдствіе чего онъ пошелъ по лѣстницѣ, приказавъ старухѣ показывать себѣ дорогу.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ возвратился опять къ каретѣ.

— Поѣдемте домой, сказалъ онъ Мальтраверсу:—онъ не въ состояніи драться.

— Какъ! вскричалъ Мальтраверсъ, нахмуривъ брови; и негодованіе, какъ оговъ пробѣжало по всѣмъ его жиламъ:—не ужъ ли онъ труситъ!

И оттолкнувъ Данверса, онъ выскочилъ изъ кареты и бросился на лѣстницу.

Данверсъ послѣдовалъ за нимъ.

Въ негодованіи, въ бѣшенствѣ ринулся Мальтраверсъ въ маленькую, грязную комнатку, угадавъ по свѣту, проплавившему сквозь щели притворенной двери, что тутъ долженъ быть Цезарини. И первый предметъ, представившійся его взорамъ, были глаза Цезарини, горѣвшіе огнемъ изступленія. Мальтраверсъ вдругъ остановился, какъ бы превратившись въ глыбу льда.

Раздался рѣзкій, взступленный смѣхъ, составлявшій ужасную противуположность съ мягкостію тосканскаго нарѣчія, на которомъ Чезарини произносилъ свои безумные слова.

— Ха, ха, ха, ха! Кто идетъ сюда въ окровавленной одеждѣ?... Вы не можете обвинять меня.... мой ударъ не издалекъ кроки.... онъ вонзился прямо въ сердце!... Мы Итальянцы... Гдѣ ты, Мальтраверсъ, гдѣ ты? Я готовъ. Что-жь ты, трусъ, войдешь?... А! ты здѣсь.... пистолеты.... пѣтъ, я не хочу драться. Я лютой звѣрь.... Мы будемъ рвать другъ друга зубами.... когтями....

Скоканный, какъ кипа безжизненныхъ, недѣйствующихъ членовъ, безумецъ валялся въ самомъ дальнемъ углу, въ ужасномъ припадкѣ бѣшенства. Два челоѣка держали его, но по прикосновенію, онъ съ немовѣрною силою стряхивалъ съ себя державшія его руки, и опять падалъ безъ чувствъ и въ совершенномъ изнеможеніи. Сверкающіе глаза его были налиты кровію и выкатывались изъ своихъ орбитъ; пѣна была изъ рта; черныя волосы стояли дыбомъ, нѣжныя и правильныя черты лица были обезображены, какъ лицо Горгоны. Ужасное и поучительное зрѣлище представляла эта встрѣча противниковъ. Съ одной стороны Мальтраверсъ, сильный, здоровый.... умный, одаренный всевозможными способностями, съ познаніемъ своего превосходства и съ жаждою мести, готовый встрѣтить противника; этотъ челоѣкъ, поднявъ руку на битву, которую онъ считалъ справедливою, не утратился бы никакой толпы враговъ, а передъ нимъ—безумный въ припадкѣ бѣшенства! Местъ его разбита въ прахъ; онъ позналъ ничтожество челоѣка и челоѣческаго гнѣва, увидѣвъ передъ собою несчастнаго, котораго постигла небесная кара.

— Да, да! вскричалъ опять Чезарини: мнѣ сказали, что она умираетъ.... а онъ возлѣ нея.... вырвите его оттуда!... Онъ не долженъ притрогиваться къ ея рукѣ.... Онъ не получитъ ея благословенія.... она моя.... если я убилъ ее.... я же вырвалъ ее у него.... она моя въ могилѣ.... Пуотите меня, говорю вамъ.... Я хочу войти къ ней.... я хочу видѣть ее.... и удушить его у ногъ ея....

Съ этими словами онъ сдѣлалъ нечелоѣческое усиліе, равнующее изъ рукъ державшихъ его людей, и однимъ прыжкомъ очутился въ другомъ концѣ комнаты, лицомъ къ лицу съ Мальтраверсомъ. Смѣлый гордецъ поблѣднѣлъ.

— Это онъ! онъ! вскричалъ безумецъ, и какъ тигръ съхватилъ своего противника за горло.

Мальтраверсъ проворно схватилъ его за руки, оттолкнулъ его и Чезарини тяжело рухнулъ на полъ безъ чувствъ и въ нѣкихъ судорогахъ.

— Святое Прозвѣдіе! шепталъ Мальтраверсъ. Ты справедливо смирило смертнаго, хотѣвшаго присвоить себѣ право ка-

ры и мести. Прости грѣшника, о Боже! какъ я прощаю его... какъ научилъ Ты прощать мое надѣнное сердце... какъ простила ему та, которая уже на небесахъ!...

Нѣсколько минутъ спустя, когда явился докторъ, за которымъ посылала старушка, голова несчастнаго страдальца лежала на колѣнахъ его противника, рука Мальтраверса утирала пѣну съ его посинѣлыхъ губъ, голосъ Мальтраверса старался успокоить его, слезы Мальтраверса падали на его разгоряченный лобъ....

— Пекитесь о немъ, серъ, пекитесь о немъ, какъ о моемъ родномъ братѣ, сказалъ Мальтраверсъ, закрывая лицо руками, сдавъ свою ношу доктору. Не шадите ничего для его излеченія и спокойствія.... перевезите его отсюда въ болѣе удобное жилище.... Созовите консилиумъ.... спасите его.... и.... и....

Онъ не могъ договорить и выбѣжалъ изъ комнаты....

Впослѣдствіи узнали, что Чезарини оставался на улицѣ, послѣ своего короткаго свиданія съ Мальтраверсомъ, что наконецъ онъ хотѣлъ ворваться въ домъ лорда Саксингема въ ту самую минуту, когда смерть похищала свою жертву на вѣки. Онъ услышалъ эту ужасную новость, хотѣлъ вломиться въ комнату, его оттуда выгнали. Что было потомъ, никто не могъ сказать; знали только то, что онъ пришелъ на свою квартиру за часъ до пріѣзда Данверса и Мальтраверса, въ страшномъ припадкѣ безумія. Можетъ-быть въ одинъ изъ свѣтлыхъ промежутковъ, которые бываютъ иногда въ сумашествіи, онъ вспомнилъ о назначенномъ свиданіи съ Мальтраверсомъ, и по инстинкту доташился до своей квартиры.

Нѣсколько дней спустя, въ газетахъ было напечатано слѣдующее:

«Извѣстный мистеръ Мальтраверсъ внезапно отказался отъ званія депутата по городу **, и вчера выбѣжалъ изъ столицы, чтобы въ скоромъ времени отправиться путешествовать на континентъ».

Такъ кончается первый отдѣлъ этого романа. Если читатель заинтересованъ, если онъ желаетъ знать еще что-нибудь о людяхъ, дѣйствовавшихъ въ этой исторіи, то въ непродолжительномъ времени, авторъ постарается пополнить вѣрный анализъ философіи человѣческой жизни, и тѣмъ удовлетворить его любопытство.

К О Н Е Ц Ъ .

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О ВЫСТАВКѢ СЕЛЬСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ, УЧРЕЖДЕННОЙ ИМПЕРАТОРСКИМЪ
ВѢЛЬНЫМЪ ЭКОНОМИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ, ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

(Посвящается Е. С. Князю В. В. Долгорукову).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Съ чертежами,

Между новыми благотѣльными учрежденіями, ведущими
наше отечество къ общему благоденствію, почетное мѣсто за-
нимаетъ выставка сельскихъ произведеній, бывшая въ Петер-
бургѣ въ прошломъ мѣсяцѣ. Выставка эта имѣла цѣлю сосре-
отеченіе замѣчательнѣйшихъ усовершенствованій по части
сельскаго хозяйства, совершавшихся въ нашемъ обширномъ
царствѣ, и ознакомленіе хозяевъ съ этими усовершенствованіями.
Тутъ каждый помѣщикъ и, вообще человѣкъ, причастный
ему, могъ обозрѣть высшія сорты продуктовъ, какъ свѣдѣ-

тельность богатой растительной силы, лучшей рациональной обработки земли и обработки сырого материала; могъ позаимствоваться этими способами, и ввести ихъ у себя, соображаясь съ цѣлю своего хозяйства. Вообще на выставку поступали и такіе продукты и машины, о которыхъ гг. помѣщики могли имѣть понятіе только по описаніямъ.

Словомъ, выставка сельскихъ произведеній въ Петербургѣ служила не только средноріемъ полного русскаго хозяйства; но и практически, нагляднымъ наставленіемъ въ дѣлѣ. Благодарственная мысль учрежденія выставки сельскихъ произведеній еще въ 1842 году родилась въ Обществѣ, но развивалась, созрѣла и осуществлялась подъ дѣятельнымъ дѣйствіемъ неутомимо трудящагося на пользу Общества, Г-на Вице-Президента Общества Князя В. В. Долгорукова. Онъ, вельможа и владѣлецъ обширныхъ имѣній, принялъ близко къ сердцу русское хозяйство, инокѣ сочувствовалъ великой мысли Общества, и жертвовалъ собственнымъ капиталомъ, какъ видно изъ всѣхъ его дѣйствій, официальныхъ и неофициальныхъ. Благодарныя послѣдствія этихъ дѣйствій извѣстны каждому, знакомому съ дѣломъ; они отозвались уже во многихъ концахъ нашего отечества.

Первоначально мысль о выставкахъ явилась за-границей, въ концѣ прошедшаго столѣтія; первая выставка была художественная; потомъ начались выставки мануфактурныя, а наконецъ и выставки сельскихъ произведеній; кои, будучи признаны полезными, начали распространяться по всей Европѣ.

Выставки въ нашемъ отечествѣ получили свое начало, когда попечительное правительство убѣдилось въ несомнѣнной пользѣ ихъ для народной промышленности. Проектъ выставки сельскихъ произведеній удостоился Высочайшаго одобренія 9-го декабря 1842 г. Первый опытъ сдѣланъ въ слѣдующемъ за тѣмъ году, въ Одессѣ, выставкою скота. Въ 1844 г. открыта была первая выставка сельскихъ произведеній: одна въ Одессѣ и другая въ селѣ Великомъ, Ярославской губерніи. Успѣхъ преуспѣлъ ожиданіе. Предметы были частью столь хороши, что царь вышлѣкъ на выставку полотно, приобрѣтено для Высочайшаго Двора 8,450 аршинъ, цѣною на 2,300 р. сереб.

Удачныя послѣдствія выставокъ повели къ расширенію этой дѣлы. Состоялось Высочайшее повелѣніе, 23 марта 1845 г. коимъ предписано: 1) Выставки сельскихъ произведеній учреждать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ состояніе сельскаго хозяйства той

требуетъ, 2) Руководство выставками поручать каждый разъ особому временному комитету. 3) Къ состязанію на выставки допускать всѣ сословія. 4) На издержки каждой выставки ассигновать по 1000 руб. сер. изъ суммъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. 5) За представленія лучшихъ произведеній выдавать по опредѣленію комитета выставки: медали, денежные преміи и похвальные листы; а равно удостоивать отличившихся публичной похвалы.—Кругъ дѣйствій выставокъ сельскихъ произведеній еще болѣе увеличился Высочайшимъ указомъ 10 января 1849 г., коимъ постановлено: 1) Допускать на таковыя выставки и мѣстные фабричныя и ремесленныя издѣлія. 2) Принять сихъ издѣлій производить на основаніи положенія о городскихъ мануфактурныхъ выставкахъ. 3) Опредѣленіе количества принимаемыхъ однородныхъ фабричныхъ издѣлій отъ одного и того же лица предоставить усмотрѣнію комитета выставки. 4) Для участія въ разищеніи фабричныхъ и ремесленныхъ издѣлій и для опредѣленія достоинства оныхъ и наградъ производителямъ, отряжать членовъ мануфактурныхъ комитетовъ и мануфактуръ-корреспондентовъ. 5) Если такого рода издѣлія потребуютъ распространенія помѣщенія выставки, то Министерству Финансовъ принять участіе въ издержкахъ. 6) Фабрикантамъ и ремесленникамъ могутъ быть присуждаемы комитетомъ выставки публичная похвала въ описаніи выставки и похвальные листы. 7) Выставки въ Лифляндской губерніи учреждаются, по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, на счетъ собственныхъ мѣстныхъ способовъ.—По распоряженію правительства открыты были съ 1843 по 1849 г. 23 выставки сельскихъ произведеній, въ равныхъ частяхъ Имперіи, а именно: въ Москвѣ, Лебеланскѣ, Казани, Екатеринославѣ, Ромнахъ, Симферополѣ, Вишневѣ, Вологдѣ, Елисаветградѣ, Гольдингѣ, и въ селахъ Велюдомъ, Ярославской, и Боголюбовѣ, Владимірской губерній.—Нынѣ Министерство Государственныхъ Имуществъ приступило къ открытію на будущее время ежегодно по 7 ми выставокъ. Въ нихъ будутъ участвовать почти всѣ губерніи, расирѣделенныя для трго на столько же округовъ. Успѣхъ бывшихъ выставокъ сельскихъ произведеній и количество присужденныхъ имъ оныхъ наградъ до 1849 г., можно видѣть изъ слѣдующихъ чиселъ;—На выставкахъ участвовали 5,802 лица, представивъ 14,076 предметовъ и удостоенныя 1,918 наградами; въ томъ числѣ 22 золотыми и 120 серебряными медалями, 32 серебряными кубками, 1,562 денежными преміями, 10 земледѣльческими орудіями, 135 похвальными листами и 137 похвальными

отзывами.—Безпривстрасное и справедливое присужденіе такихъ наградъ между прочимъ выказывается симферопольскою выставкою, на которой были присуждены только двѣ золотыя медали, и именно: одна Намѣстнику Кавказскому Князю. М. С. Воронцову, а другою удостоенъ простой земледѣлецъ—колонистъ Хейнъ. Всѣ эти выставки мѣстныя, выставка же въ Петербургѣ—общая. Мысль, конечно, новая и болѣе полезная.—Проектъ выставки былъ поднесенъ на Высочайшее утвержденіе. Государь Императоръ изволилъ отозваться: «Предположеніе сіе есть полезное дѣло», повелѣвъ отдать въ распоряженіе Комитета выставки манежъ Лейб-Гвардіи Коннаго-полка.—Такимъ образомъ Общество сохранило предназначенныя на постройку зданія для выставки 10 т. руб. сер., которыя теперь должны идти на преміи; кромѣ-того слѣдующія лица и Гг. Члены Общества пожертвовали на тотъ же предметъ: 1) Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій, Президентъ Общества, 300 р. сер., за такой предметъ, который онытомъ признанъ будетъ самымъ полезнѣйшимъ. 2) Вице-Президентъ Общества и Предсѣдатель Комитета выставки, Князь В. В. Долгорукій, 400 р. сер. за лучшаго рабочаго жеребца, который на состязаніи повезетъ не менѣе 100 пудъ тяжести. 3) Тайный Совѣтникъ Сенаторъ Графъ А. Г. Куселевъ-Безбородко 400 р. сер., за лучшую пеньку. 4) Князь С. В. Долгоруковъ 400 р. с., за лучшую дойную корову. 5) Тайный Совѣтникъ М. П. Позенъ 150 р. с., за лучшіе образцы подковъ для рабочихъ воловъ, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ способа выдѣлки оныхъ и самойковки. 6) Статскій Совѣтникъ (С. Петербургскій Уѣздный Предводитель Дворянства) Н. А. Безобразовъ 150 р. сер., за лучшія косы, выдѣланныя въ С. Петербургской или смежныхъ губерніяхъ, съ тѣмъ, чтобы косы эти не уступали въ достоинствѣ привозимымъ изъ Германіи, и съ тѣмъ, чтобы производитель доказалъ, что онъ занимается выдѣлкою такихъ косъ въ довольно значительномъ количествѣ. 7) Отъ него же, 50 р. сер., за изготовленіе отличнаго по качеству и лучшаго сравнительно съ другими сбитія. 8) Тайный Совѣтникъ А. Е. Жадовскій, 100 р. сер., за самое крупное руно улучшенныхъ овецъ въ Россіи. 9) Отъ него же 50 р. сер., за лучшее льняное крестьянское издѣліе, какъ то: рѣдники, мѣшочный холстъ и т. п. 10) Графиня М. Г. Румовская 100 р. сер., за лучшую коллекцію розановъ. 11) Действительный Статскій Совѣтникъ Н. А. Жеребцовъ 100 р. сер., за образцы обдѣльнаго наилучшаго льна, тонкой пряжи и луч-

ныхъ полотняныхъ издѣлій. 12) Дѣйствительный Стат. Совѣт. А. Н. Муравьевъ 100 р. с., за самый лучший способъ крестьянскаго освѣщенія, вмѣсто освѣщенія лучиною. 13) Витобскій помѣщикъ Гиберъ-фон-Грейфенфельсъ 100 р. с., за лучший снарядъ для обдѣлки льна. 14) Дѣйст. Стат. Совѣт. Фон-Фокъ 30 р. с., за лучшее издѣліе бочарнаго производства, выдѣланное не изъ дуба, а изъ другаго какого-либо дерева, въ особенности боченки, бочки и т. п., могущія замѣнять дубовыя. 15) Стат. Совѣт. П. А. Шторхъ 30 р. с., за простые и дешовыя часы, представленныя на выставку какимъ-либо крестьяниномъ и сдѣланныя имъ въ сельскомъ его быту. 16) Надв. Сов. М. С. Кушниковъ 50 р. с., за телегу для перевозки съ полей сжатого хлѣба, въ снопахъ, въ большемъ количествѣ и съ большою удобностію противу телегъ, нынѣ употребляемыхъ. 17) Бернгалль Гафельдеръ 20 р. с., за удачный црѣвъ листовняницы, произведенный въ 1849 или 1850 г. 18) Астраханскій помѣщикъ В. П. Копытовскій 10 р. с., для выдачи въ награду тому изъ сельскихъ жителей Астраханской губерніи, кто преимущественно будетъ имѣть на то право по шелководству и садоводству. 19) Костромской помѣщикъ, Полковникъ Макавѣевъ 3 р. с., въ число премій за усовершенствованіе земледѣльческихъ орудій.— Опредѣленные же Членами Общества: Генерал-Лейтенантомъ, Графомъ Г. Г. Куселевымъ, Коллежскимъ Совѣтникомъ В. В. Кочубеемъ, и Графомъ П. П. Шуваловымъ, первыми двумя по 300 р. сер. каждымъ, а послѣднимъ 400 р. с., получать только впоследствии свое назначеніе. — Сверхъ-того поступила премія: 20) Отъ Нижегородскаго помѣщика Левашова 10 р. с., за лучший ржаной хлѣбъ и 21) Отъ Сызранскаго Городскаго Головы Соплякова 10 р. с., за лучшіе пожарныя инструменты.— Со стороны В. Э. Общества въ награду производителямъ назначены медали: 505 золотыхъ и серебряныхъ отъ 5—100 червонныхъ, 180 бронзовыхъ, и кромѣ-того нѣсколько денежныхъ выдачь, подарковъ и похвальныхъ листовъ.

Мы нарочно выписали имена Гг. жертвователей, дабы видѣть, сколько у насъ есть лицъ, готовыхъ содѣйствовать полезному дѣлу, хотя еще новому. — Итакъ сумма премій простиралась, кромѣ медалей, до 13,563 р. (10 т. Общест. и 24 пр. 3563 р.)— А къ этой суммѣ, какъ извѣщали официально; прибавилось двѣ трети изъ сбора, за входъ посѣтителей на выставку. Изъ таковой суммы можно было Обществу опредѣлить довольно значительныя награды, и тѣмъ поощрять Гг. хозяевъ къ дальнѣйшему совершенствованію. Выставка открылась 5-го сентября, и

до закрытія ея, 19-го сентября, предметы постоянно дообла-
лись. Всѣхъ предметовъ насчитывали до 3 т. Въ первомъ ката-
логѣ обозначены №№ далеко за половину 2 т.

Не вдаваясь въ излишнія разсужденія мы постараемся позн-
комить читателей съ главнѣйшими и замѣчательнѣйшими пред-
метами, наиболѣе заслуживающими вниманія господъ хозяевъ.

Для того, чтобы нашъ обзоръ былъ яснѣе и имѣлъ смыслъ,
мы не будемъ слѣдовать каталогу, составленному не система-
тически, а въ видѣ сборника надписей, находившихся при
выставленныхъ предметахъ. Каталогъ этотъ былъ весьма удо-
бенъ и полезенъ для посѣтителей, для частнаго осмотра пред-
метовъ, но въ общемъ обзоръ овъ не можетъ служить руко-
водствомъ. Мы послѣдуемъ въ нашей статьѣ опредѣленію на-
уки сельскаго хозяйства покойнаго Теера: «Сельское хозяйство
есть промышленность, занимающаяся приобрѣтеніемъ прибыли
отъ земли и животннхъ». Земля производитъ растенія.—Отъ
животннхъ получается шерсть, молочныя и другіе скоты. —
Эти продукты помощію рукъ или машинъ обрабатываются. От-
сюда видимое раздѣленіе науки сельскаго хозяйства на три
части: 1) *Земледѣліе*, объясняющее правила воздѣлыванія раз-
личныхъ растеній, производимыхъ почвою. 2) *Скотоводство* —
излагаетъ правила, какъ разводить, воспитывать и ухаживать
за различными породами скота. 3) *Экономія* — заботится о при-
обрѣтеніи прибыли отъ сыраго и сухаго матеріала.—Экономія
есть обширнѣйшая часть сельскаго хозяйства. Ее мы раздѣ-
лимъ на два главные отдѣла: на часть *механическую* и *про-
мысла*. — Вотъ система, которой мы намѣрены придерживаться
при обзорѣ выставки: отдѣлъ 1-й — *земледѣліе*, 2-й — *ското-
водство*, 3-й — *механическая часть экономіи* или *руководствія* и
4-й — *промысла*.

I.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Почва—механическая смесь земель: кремнезема, известъ, тѣ-
возема и горькозема; съ окислами желѣза и марганца и раз-
жившимися животными и растительными веществами, съ раз-
ными соевыми, кислотными и щелочными основаніями. Отъ

качества почвы главнѣйше зависитъ обиліе жаты. Достоинство же почвы опредѣляется количествомъ органическихъ составныхъ веществъ. Но въ какой пропорціи должны находиться составныя части плодородной почвы, до сихъ поръ еще никто не опредѣлялъ. Неразумно было бы добиваться составлять искусственныя почвы, ожидая отъ нихъ одинаковаго плодородія для всѣхъ растеній. Тому противурѣчитъ законъ природы: въ природѣ встрѣчаются почвы наиблагороднѣйшія для одного рода растеній, тогда какъ на нихъ едва произрастаетъ другой родъ растеній. Каждое растеніе требуетъ свойственной себѣ почвы. Это мы видимъ на необработанныхъ мѣстахъ. Иногда цѣлыя квадратныя версты покрываются лѣсомъ, и вдругъ перестраиваются лугами и перелѣсками, поросшими дернякомъ и плоскимъ кустарничкомъ; то являются прамыя огромныя хвойныя деревья, то земля покрывается сумою бѣлою березою, то опять сивляется плакучею ивою или кустарничкомъ ольхи. Возьмите съ того и другаго мѣста земли, подвергните ее химическому разложенію, разница окажется значительная. Но ни то, ни другое растеніе, будучи пересажено со своей почвы на другую, какъ напр. береза на мѣсто ивы, а ива на почву березы, не могутъ произрастать съ прежнею силою и роскошью. — Законъ природы одинаковъ для лѣсныхъ и травяныхъ породъ. На одномъ мѣстѣ, необработанная земля роскошно покрывается дикимъ клеверомъ, еспарцегомъ, луговымъ овсомъ и другими питательными травами; тогда какъ другое — довольствуется плоскимъ клеверомъ, и зарастаетъ болотистыми травами и осокою. Все это предъ нашими глазами; точно тоже совершается и въ тѣхъ странахъ, гдѣ въ дикомъ состояніи растутъ рожь, пшеница и всѣ колосовые хлѣба, аклиматизированные и введенные въ общее употребленіе нами. Кажется, проще и яснѣе не можетъ быть доказательства, а между-тѣмъ многіе кабинетные агрономы-химики преслѣдовали химеру созданія искусственной равно-производительной почвы, которую мы безъ преувеличенія можемъ назвать тѣмъ же средневѣковымъ философскимъ камнемъ. Впрочемъ, такъ какъ алхимики оказали великія услуги химіи, такъ и кабинетные агрономы подвинули науку земледѣлія своими наблюденіями за дикорастущими растеніями и разложеніемъ почвы. Они открыли, что многія разнородныя растенія требуютъ одинаковой почвы, такъ напримѣръ, на глинистыхъ почвахъ съ успѣхомъ произрастаетъ дятлина, пшеница, ячмень, ольха, ива, осина и другія. Почвы, изобилующія пескомъ, производятъ маѣлику, бѣлую дятлину, рожь, гречу, березу, со-

сну, ель и другіе. Изобиліе извести благоприятствуетъ освещенію. Черноземъ — дубу, и особенно темнозеленымъ цвѣтамъ многихъ сортовъ дикихъ травъ. Эти наблюденія навели Теара на мысль, создать классификацію почвъ; породу произрастающихъ лучшаго качества растенія, онъ назвалъ почвами: ишеничными, ржаными и т. п. Такое подраздѣленіе почвъ намъ кажется наибудобнѣйшимъ; оно прямо обозначаетъ, какое растеніе лучше должно родиться, и какой системѣ хозяйства слѣдуетъ держаться на данномъ пространствѣ. Во всякомъ случаѣ опредѣленіе почвы названіемъ необходимо. Между тѣмъ мы видѣли на выставкѣ до 50 родовъ почвъ, съ слѣдующими обозначеніями: «Комитетъ выставки С.-Петербургской губерніи. — Спб. губ. Шлиссельбургскаго-уѣзда». — «Давыдовъ (Шав. Цар.-помѣщикъ) Астрахан. губерніи и уѣзда». — «Комит. выст. Олонца. губерніи». — «Олоонец. губер. Петр. уѣзда» и т. д. Названія почвъ или другаго какого-либо, болѣе опредѣлительнаго обозначенія мы тщетно искали. А между тѣмъ даже самый опытный глазъ можетъ отличить признаки каждой почвы только *приблизительно*. Кто, напримѣръ, изъ людей нѣсколько знакомыхъ съ дѣломъ, не знаетъ, что разрядъ глинистыхъ почвъ отличается бѣловато-темнымъ цвѣтомъ, плотностію; въ сухомъ состояніи трещинами на поверхности; *при дыханіи на нее*, она издаетъ глинистый запахъ; *будучи смочена*, сильно вбираетъ воду; *при растираніи* между пальцевъ липнетъ къ нимъ. Песчаная почва рыхлая, рассыпистая; *при растираніи на пальцахъ* ощущаются песчинки. Известковая — бѣловатая, рыхлая, и главное отдѣляютъ углекислоту *при наливаніи на нее* кислотъ. Черноземныя — отличаются темнымъ или темно-сѣрымъ цвѣтомъ; *при растираніи* прерачаются въ пыль. Изъ всего этого видно, что для вѣрнаго узнаванія почвъ необходимо производить надъ ними опыты. Возможно ли это на выставкѣ?

Какъ, кромѣ того, на глазъ отличить: тяжело-глинистую почву отъ легкой и суглинка? Песчаную — отъ средней и суглинка и т. д.? — Какъ потомъ слѣзять носынку представленныхъ на выставку почвъ къ ихъ урожаямъ? Наконецъ, какъ понять почва: «Псковской губерніи, Тороп. уѣзда» «Могилевской губерніи, Сенницкаго уѣзда» и т. п.? Почвы ли это цѣлаго уѣзда, части его, или одного какого-либо цѣвія? Намъ кажется, что образцы почвъ, выставленные такимъ образомъ, не соответствуютъ цѣли выставки; они принесли бы истинную пользу, если бъ гг. экспоненты при видѣнкахъ приложили краткую надпись: названіе рода почвы, составныя части ея, какой пре-

нужно разводится на ней хлѣбъ или лѣсная порода, наконецъ каковъ урожай. Желаетъ, чтобы наше благонашренное замѣчаніе было принято къ соображенію при послѣдующихъ выставкахъ.

Между образцами особенно были замѣчательны почвы Удѣльнаго Земледѣльческаго Учлища; онѣ были разложены въ длинномъ ящикѣ, раздѣленномъ на нѣсколько отдѣловъ; каждый изъ нихъ заключалъ особаго рода почву съ надписью, а около него находилось разводимое на той почвѣ растеніе, въ полной зрѣлости.

Въ настоящее время торфъ играетъ весьма важную роль въ хозяйствѣ; онъ, какъ извѣстно, обрабатывается на мѣстѣ, осушивается и поступаетъ подъ пашню или свозится на поля въ видѣ удобренія, или изъ него выдѣлываютъ кирпичи, которые служатъ топливомъ; наконецъ употребляютъ на постилку скоту, на обугливаніе, добываніе дегтя, и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ торфъ долженъ имѣть свое особенное достоинство, которое можно ближе узнать чрезъ разложеніе. По виду же можно судить, принимая въ соображеніе цвѣтъ и волокнистость торфа. Чѣмъ волокны менѣе истлѣли, цвѣтъ торфа свѣтлѣе, тѣмъ онъ съ болѣею пользою можетъ замѣнять топливо, подстилку и обугливаться. Сюда можно отнести торфъ: «Естляндской губерніи», и «Московской», доставленный на выставку Ст. Совѣт. *Нероновымъ*. Подобнаго торфа на выставкѣ лежало до 15 нумеровъ. Торфъ чертлѣвый темнѣе цвѣтомъ, волокны его едва замѣтны; онъ приближается къ землистому состоянію. Онъ преимущественно годится подъ лашни и на удобреніе полей. Комитетъ выставки Естляндской губерніи представилъ деревянный торфъ, соответственный послѣдному назначенію.

Къ числу горючихъ матеріаловъ относятся смолистый горючій сланецъ, доставленный Комитетомъ, изъ Естляндской губерніи.

Были разнаго рода ятари, но они не относятся прямо къ земледѣлію, а составляютъ продуктъ, весьма рѣдко входящій въ составъ сельской промышленности, въ особенности въ обработанномъ видѣ. Представленный же на выставку ятарецъ не отличался ни особенною чистотою, ни свойственною ему полиризаціею. Нѣкоторые изъ нихъ содержали залитыхъ инфузорій и васькомыхъ, а одинъ представлялъ видъ лягушки.

Наиболѣе заслуживали вниманіе сельскихъ хозяевъ каменный уголь Табессаранскій, найденный въ 60-ти верстахъ отъ Дербента, и доставленный Кавказскимъ Общ. Сельс. Хозяйства, и самородная сѣра изъ Симбирск. губер., Самар. уѣзда. Эти пред-

меты составляютъ большую важность для нашихъ заводчиковъ. Намешный уголь въ изломѣ довольно зернистъ и черенъ, что много говоритъ въ пользу его горючести. Любопытно было бы знать вліаніе его на металлъ. Самородная сѣра на видъ довольно чиста; въ ней, кажется, мало постороннихъ примѣсей и восхланившаго спутника мышьяку, о чемъ можно было догадаться по сильному сѣрному запаху, развивавшемуся отъ треска. Такая сѣра могла бы идти прямо на заводы и даже для добычши сѣрной кислоты.

Бывшія на выставкѣ руды: стекловатая, купоросная, желѣзная разныхъ видовъ, желѣзный блескъ, сѣрный кобальтъ; мѣдь самородная, мѣдная синь, мѣдный кобальтъ; мѣдная и серебряная руда, доставленныя нѣкоторыми кантатами, а по преимуществу Полковникомъ *Бутеневымъ* изъ Олонецкой и Архангельской губерній, какъ произведенія нѣдръ земли, не относятся собственно ни къ земледѣлю, ни къ сельскому хозяйству, а составляютъ предметъ заводской промышленности, а потому мы объ нихъ только упоминаемъ. Впрочемъ серебряная руда, доставленная изъ Архангельской губерніи, Мезенскаго уѣзда, достойна особеннаго замѣчанія, какъ по мѣсту нахождения, такъ и по величинѣ серебряныхъ зеренъ, разсѣянныхъ по спутнику своему, кварцевой породѣ. Нахождение такой руды еще болѣе рекомендуетъ богатства нашихъ сѣверныхъ губерній.

Равные камни, минералы и земли, доставленные по преимуществу изъ сѣверныхъ губерній, также не относятся прямо къ земледѣлю; изъ нихъ могутъ обратить вниманіе земледѣльцы углекислая известь, именуемая въ земледѣліи просто *каменю* или *известнякомъ*; сѣрно-кислая известь, *гипсъ*; соединеніе извести съ глиною и пескомъ, *мергель* или *руглякъ*. Известнякъ имѣетъ обширное употребленіе въ хозяйствѣ; необходимъ въ природномъ своемъ состояніи, идетъ на цоколя, фундаменты, да и на цѣлыя сельскія зданія; а разарожденная на мелкіе куски, или доведенная до землистаго состоянія, составляетъ превосходное удобряющее и поправляющее почву средство, — въ особенности для глиняныхъ и торфяныхъ почвъ. Обожженный и скоро испаряетъ почвы болотныя и торфяныя известнякъ, назначенный на постройки, долженъ быть плотенъ, темноватъ, въ изломѣ подходить къ лучистому или раковинному виду. Примѣръ такого известняка мы встрѣтили на выставкѣ

въ пакеточкѣ известнякѣ, доставленномъ Нолков. *Вулканомыя*, изъ Олонекской губерніи, Вытегорскаго уѣзда.

На удобреніе полей и обжигъ предпочитается зернистый известнякъ; онъ бѣлѣе, въ изломѣ оказывается шероховатость, родъ маленькаго зеренъ. Въ зернистомъ известнякѣ мѣнѣе кремнезема и желѣзнаго окисла. Онъ легче обжигается и удобнѣе дробится. Известнякъ изъ Олонекской губерніи, Вытегорскаго уѣзда вполне выдерживаетъ эти качества. *Гипсъ* своими составными частями весьма благотворно дѣйствуетъ на почву, въ особенности на сырую, избыточную кислотами. Известь гипса (кальцій) соединяется съ кислотами въ почвѣ, а сѣрная кислота еѣ со щелочами, и образуютъ легко растворимыя въ водѣ соли, поглощаемыя растеніями. Нельзя не упомянуть о посылкѣ гипсомъ широколиственныхъ травъ, — въ полномъ ихъ ростѣ, и въ особенности клевера. Урожай отъ того бываетъ изумительный. Намъ не разъ случалось испытывать это на Опытной Марьянской-фермѣ, и результаты всегда были успѣшны.

Дѣйствіе гипса на растенія старались объяснить многіе химикъ, но до-сихъ-поръ положительно не опредѣляли. Одни думали, что гипсъ поглощается листьями растеній; другіе допускали, что онъ только привлекаетъ водяные пары изъ атмосферы, и тѣмъ постоянно увлажняетъ растенія, требующія того во время роста. Нѣкоторые же приписывали гипсу свойство раздражать наружный организмъ растенія, отъ чего онъ увеличиваетъ свои поры, и болѣе всасываетъ атмосферныхъ элементовъ въ пользу своего роста. По нашему, нельзя положительно допустить ни одной изъ выставленныхъ системъ; съ одной стороны потому, что порошокъ гипса, попадая на верхнюю часть листа, испаряющую, а непоглощающую, не можетъ прямо питать растеній; — а съ другой, раздраженіе органовъ говорить болѣе въ пользу испаренія, нежели поглощенія атмосферной пищи. Ближе можно предположить гипсъ, разсыпаясь по растенію, въ значительномъ количествѣ разбѣивается и по землѣ; равно какъ и оставшіяся на листьяхъ впоследствии смываются съ нихъ росой и дождемъ въ ту же почву и оказываетъ дѣйствіе прежде на почву, а потомъ уже на растеніе. И потому результаты были бы одинаковы, посыпать ли одну землю или прямо по растенію; но какъ по заростанію пашни клеверомъ перваго сказать нельзя, а предъ посѣвомъ посыпаніе слишкомъ скоро оказываетъ дѣйствіе и можетъ послужить ко вреду, то и слѣдуетъ довольствоваться принятымъ способомъ. На выставкѣ лежалъ

гипсъ Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда, невысокаго достоинства.

Рухлякъ, доставленный на выставку изъ Естляндской губерніи, съ пользою могъ бы служить какъ поправляющее средство почвъ глинистыхъ и песчаныхъ.

Различнаго свойства *песокъ*, чистый и соединенный съ желѣзистою глиною, известью, изъ Естляндской губерніи. Кварцевый песокъ, желѣзистый песокъ; песокъ со дна рѣкъ Сожи и Вазры; жемчужный песокъ изъ Симбирской губерніи; гравій волжскій и другіе. Весь этотъ песокъ можетъ служить какъ поправляющее средство почвы, или идти на кирпичные и другіе заводы.

Глина разныхъ сортовъ; огнепостоянная, Олонецкой губерніи, Вытегорскаго уѣзда, и вытегорская глина чорнаго цвѣта, употребляемая на дѣло для огнепостоянныхъ кирпичей, весьма хорошаго качества. Глина сукновальная, доставленная изъ Симбирской губерніи и уѣзда, деревни Ундаръ, одобрялась знатоками.

За тѣмъ глины чорная, зеленая, англійская бѣлая, въ особенностяхъ горшечная, Симбирской губерніи Сызранскаго уѣзда, деревни Шемыршп, и Архангельской губерніи, Пинежскаго уѣзда;—фарфоровая, доставленная г. *Маркевичемъ*, изъ Малороссіи, и кирпичная, изъ Архангельской губерніи, Пинежскаго уѣзда, ставились высоко Гг. заводчиками, бывшими на выставкѣ.

Весьма хорошаго достоинства былъ на выставкѣ *мѣлъ*, изъ Симбирской губерніи и уѣзда, деревни Шиловки. Мѣлъ чорный, Симбирской губерніи и уѣзда, села Языкова. Андомскій мѣлъ, изъ Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда.

Къ числу предметовъ почвопознанія слѣдуетъ отнести и *соль* выварную, самосадочную и каменную. Она необходима въ хозяйствѣ, для приправы пищи человѣка; идетъ на приготовленіе въ прѣкъ мяса, рыбы, а потому не должна содержать въ себѣ постороннихъ щелочей и органическихъ веществъ, весьма вредно дѣйствующихъ на самые продукты и человѣка. Однако-жъ какъ бы ни была нечиста соль, ее всегда можно очистить посредствомъ неоднократнаго растворенія въ водѣ и вывариванія раствора, а потому полученіе соли лучшаго достоинства всегда въ рукахъ хозяевъ. Имъ интересно знать, какая соль при какихъ операціяхъ приобретаетъ лучшее достоинство, или лучше сказать, соль при первомъ выпариваніи или осадкѣ сколько и какихъ содержитъ въ себѣ щелочей; но, къ сожалѣнію, въ этотъ

отношеніи оказался на выставкѣ тотъ же недостатокъ, какъ и относительно почвъ. Соль представлена была изъ слѣдующихъ мѣстъ: соль изъ морской воды, Архангельской губерніи и уѣзда; изъ Кордуанскаго озера, Астраханской губерніи, Красноярскаго уѣзда; Новонайденаго озера, Астраханской губерніи и уѣзда; Дорминскаго озера, Астраханской губерніи и уѣзда; Бачивскаго озера, Астраханской губерніи и уѣзда; Малиновскаго озера, Астраханской губерніи и уѣзда; Курачинскаго озера, Астраханской губерніи и уѣзда; — соль изъ горы Чавчули, Астраханской губерніи Енотаевскаго уѣзда; Бессарабской области; Акерманскаго уѣзда. Близкою, прозрачною кристаллою и лучшимъ вкусомъ намъ показалась соль Курачинскаго и Дорминскаго озера.

Этимъ оканчиваемъ обзоръ предметовъ почвопознанія, и обращаемся, по порядку работъ, къ воздѣлыванію земли.

Какъ бы ни была тучна почва и хотя-бы она содержала въ себѣ всѣ необходимыя составныя части въ надлежащей пропорціи для предполагаемаго къ посѣву растенія, однакожь безъ надлежащей обработки она не въ состояніи произвести надежнаго, лучшаго урожая. Примѣры подъ руками; лучшія почвы покрываются прекрасными луговыми травами и даютъ не болѣе 100 пудъ съ десятины; тогда какъ тѣ же почвы, обработанныя надлежащимъ образомъ, и засѣяныя этими же травами, производятъ до 500 пудъ съ той же десятины. А сколько есть земель, въ началѣ необъятныхъ никакого урожая отъ засѣва, во которыя, будучи обработаны даютъ завидные съемы хлѣбовъ и кашенихъ травъ? У насъ подъ Петербургомъ разительнымъ примѣромъ служатъ Шушарскія-болота, которыя дѣтъ двадцать ваздѣ были покрыты мхомъ, осокою, болотными травами и водою; кочкарныя мѣста ихъ грозили разрушить на первомъ шагѣ всякое земледѣльческое орудіе. Теперь Шушарскія-болота составляютъ удивленіе и восхищеніе хозяевъ. На нихъ овсы рожатся до $1\frac{1}{2}$ аршина высоты; Тимофѣева-трава не ниже овса; ржи хотя разводится мало, но она родится въ изобиліи и вышшаго качества. Поля слѣдальсь гладки, какъ паркетъ. Земледѣльческія орудія, сельско-хозяйственныя строенія — заглядывайте! — Спросите Англичанина, завѣдующаго фермою, онъ вамъ отвѣтитъ:

— Полученіе такихъ урожаевъ зависѣло отъ лучшей воздѣлки земли, усовершенствованными земледѣльческими орудіями и другими способами, стоившими много трудовъ и денегъ.

Вотъ способы; которыя достигнуты такіе блестящія

результаты на почвѣ, о которой прежде крестьяне говорили:

— Не хороша, баринъ, земелька; такая упрямая, что не прivedи Господи! Ужъ ты какъ не пащи, какъ не уважай, не дастъ ничего, да и все тутъ!..

Послѣ такихъ словъ невольно рождается вопросъ: отчего почвы скываются неплодоносными? — Болотныя почвы, покрытыя водою, весьма вѣроятно, безъ удаленія воды, затопили бы посѣвы; но въ такихъ почвахъ находится прекрасный растительный матеріалъ; только онъ въ окисленномъ состояніи. Его слѣдуетъ болѣе обуглять, такъ-сказать, привести въ щелочистое, растворимое состояніе. Отъ переворачиванія и бороненія слой земли рыхлится; воздухъ проникаетъ до составныхъ частей почвы, и производитъ требуемое разложеніе. Глинистыя и тяжелыя почвы отъ частаго переворачиванія и бороненія рыхлятся, чрезъ что удаляются вредныя дѣйствія ихъ на посѣвы растений. Обработку же глинистыя почвы улучшаются въ химическомъ составѣ; слѣдуя французской системѣ пришловать плодородіе земли азоту, глянью, имѣя неопціенное свойство притягивать изъ атмосферы азотъ, въ рыхломъ состояніи еще болѣе обладаетъ этимъ качествомъ. Песчаныя почвы отъ излишней рыхлости избѣгаются укатываніемъ, наводненіемъ, удобряваніемъ собственными навозами и посѣвами нѣкоторыхъ, стелющихся корни, травъ. Известковыя почвы, вредныя своею щелочностію, отъ надлежащей обработки вывѣтриваются, и получаютъ надежнѣйшія для посѣва качества. Практика и теорія говорятъ въ пользу хорошей воздѣлки земли; намъ остается прибавить, что нѣтъ почвы въ природѣ, непроизводящей растеній, и что при тщательной воздѣлкѣ ее всегда можно довести къ желаемому результату, конечно, не безъ пожертвованія времени и труда. Тщательная воздѣлка состоитъ въ удобреніи почвы и обработываніи почвъ земледѣльческими орудіями. О нѣкоторыхъ веществахъ, поправляющихъ и утуняющихъ землю, мы упоминали выше, въ почвообразаніи; различныхъ же навозовъ, туковъ, компостовъ и удобрительныхъ порошковъ мы ни выставить, не встрѣтили, а потому перейдемъ прямо къ *Земледѣльческимъ орудіямъ*.

Земля обрабатывается орудіями для слѣдующихъ цѣлей: первыя, переворачивается растительный пластъ для того, чтобъ подвергнуть влиянію атмосферы составныя части почвы, находящіяся въ глубинѣ пласта, дабы онѣ могли разложиться и составить матеріалъ пищи будущимъ посѣвамъ, и чтобы пра-

крыть тучь; раздвигавший для поверхности почвы; Во-вторыхъ, переворачивающій пластъ рыхлится, для доставленія большой возможности пропустить вовлуду къ составнымъ частямъ почвы, и для перемѣшиванія тучей съ почвою. Въ-третьихъ, почва укатывается или уравнивается, дабы отстранить на ней застои воды, и образовать ровную поверхность для безвреднаго съема роженимъ жатвеннымъ орудіямъ; равно какъ смогнати рыхлую почву.

Будя во этомъ трети главныя цѣли, и земледѣльческія орудія раздѣляются главнѣйше на три рода: 1) На орудія переворачивающія пластъ земли или *пашущія*. 2) Орудія, рыхлящія или *боронущія* почву. 3) Орудія, *укатывающія* почву.

Къ орудіямъ, пашущимъ землю, принадлежитъ *соха*. Это орудіе распространено у насъ повсемѣстно въ Россіи; Оно состоитъ изъ деревянной *разсошки*, которая имѣетъ два рогаобразные впередъ загнутые конца, на которые надѣваются *сошники*; *велосель*, въ престонардіи называемыя *обросками*; онѣ помогаютъ верши и поперечной палки, прилепляющіяся къ верхней части разсошки; изъ *подвоевъ*, т. е. прутьевъ или веревекъ, спирающихся крестообразно, для соединенія разсошки съ оброчемъ. Въ средину палицы вкручивается рукоятка допатоцки, называемая *паллицей*, а противоположный конецъ ея упирается въ сошникъ. Рукоятки сохъ всегда бываютъ горизонтальныя, и укрѣпляются веревками въ верхней части разсошки. Соха, приспособляясь къ мѣстности, четвернула въ некоторыхъ мѣстностяхъ имѣетъ видъ двоякаго, состоящаго въ формѣ сошниковъ. Такъ въ Ливонской, Ботландской губерніяхъ и во многихъ другихъ мѣстахъ соха дѣлается съ однимъ нераздѣльнымъ сошникомъ. Въ Сибіри соха имѣетъ почти всегда одинъ сошникъ, въ которомъ прилагывается маленкій отвѣтъ. Соха, хотя древнѣйшее и повсемѣстное орудіе, имѣетъ весьма много недостатковъ, о которыхъ не разъ уже было говорено; но однако не только мы не забываемъ умѣстными упрощать ея съ видъ: 1) Соха, не имѣя ножа, не рѣжетъ землю, а раздвигаетъ ея. 2) Въ промежуткѣ между двумя сошниками остается много невспаханной земли (*арьжи*). 3) Неустойчива въ дѣлѣ, а потому не можетъ работать воздѣ ровный пластъ и на одинаковую глубину. 4) Работникъ, по неустойчивости сохи, долгие время въ продолженіи работы держитъ ее въ рукахъ, а самъ быть въ согбенномъ состояніи, что сильно утомляетъ его. 5) Палица довольно несправильно, переворачивается пластъ земли, и то незначительной толщины, а потому она не годна для мета-

дѣйствія, прикрытія навоза и глубокой вспашки. Несмотря на эти недостатки, соха въ Россіи мало еще гдѣ замѣнялась другимъ, болѣе усовершенствованнымъ орудіемъ. Причину тому можно полагать въ дешевизнѣ орудія, въ малосложности его, въ доступности устроить соху каждому крестьянину, въ незначительномъ приобрѣтеніи желѣзныхъ вещей для сохи, на сошникъ и палицу; въ примѣненіи орудія къ одной лошади и русской упряжи; наконецъ, въ большой способности пахать сохою на наемныхъ и вновь расчищенныхъ мѣстахъ, изобилующихъ ивами и кореньями; въ возможности хотя плохо отваливать пластъ на обѣ стороны, чрезъ перестановку палицы.

На выставкѣ обращали на себя вниманіе сохи разныхъ губерній (Естляндской, Курляндской, Лифляндской, Казанской, Вятской и Пермской) въ моделяхъ Экономическаго Общества и Технологическаго Института. Ихъ было достаточно число, но всѣ онѣ, какъ выше упомянуто, отличались небольшимъ измѣненіемъ сошника, палицы и оглобля. Нѣсколько сохъ было и въ настоящую величину; онѣ доставлены изъ разныхъ губерній Комитетами.

Существенные недостатки сохи обратили вниманіе некоторыхъ нашихъ крестьянъ, и преимущественно крестьянъ Ярославской, Костромской и Вологодской губерній, въ которыхъ паша, хотя ровная, но довольно плотная, требовала большой устойчивости отъ орудія, и сопротивлялась перерыванію пласта сохою. Въ этомъ случаѣ смѣтливые Ярославцы первые рѣшились помочь горю; они оковали желѣзомъ двойной сошникъ сохи въ одинъ большаго развѣтра; къ рассошникъ съ правой стороны приделали небольшой деревянный отваль (*ухо*). Въмѣсто подвеса укрѣпили деревянную уключину, упирающуюся однимъ концомъ въ рассошку, другимъ въ распорку оглобля. Одной оглобля дала направленіе прямое, другой искривленное. Помощію правой оглобли и уключины укрѣпили рукоятку ножа, лезвие котораго находилось надъ сошникомъ. Чрезъ это измѣненіе соха пришла другой видъ, болѣе удобный; земля раздѣлялась ножомъ, орудіе свободно двигалось въ полахъ, сошникъ легко подрѣзывалъ горизонтально и приводилъ пластъ, а отваль хорошо началъ переваливать землю. Ярославцы дали усовершенствованной сохѣ названіе *косули*, отъ слова *коса*, искривленное орудіе. Косуля пахать лучше, легче сохи, довольно рано, хотя имѣетъ еще много недостатковъ, какъ неустойчивость въ землѣ, и обременительность для одной лошади, однакожь скоро распространилась во многихъ крестьянскихъ

хозяйствахъ. На выставкѣ, косула Ярославской, Вологодской и Костромской губерній были въ модсляхъ Экономическаго Общества и Технологическаго Института, а въ настоящую неделю ярославская косула даже выдержала опыты. Здѣсь кстати замѣтить объ опытахъ. Императорское Вольное Экономическое Общество извѣстило чрезъ газеты, что 18 сентября будутъ происходить опыты земледѣльческими орудіямъ, въ 10-ть часовъ утра, на фермѣ Общества, на Малой-Охтѣ. Ферма находится въ распоряженіи хозяина Англичанина *Ворди*, который ведетъ свое хозяйство по правиламъ науки; у него есть чѣмъ земледѣльцу полюбоваться и что позанимствоваться въ пользу усовершенствованія хозяйства. Въ назначенный часъ на пробу орудій собралось довольно людей, знающихъ дѣло, любителей науки сельскаго хозяйства и воспитанниковъ Земледѣльческаго Института Экономическаго Общества, а потомъ явились туда же и французскій посланникъ съ своимъ адъютантомъ. Неутомимо-трудящійся на пользу Общества и просвѣщенія, Вице-Президентъ Общества, князь В. В. Долгоруковъ былъ уже тамъ. При немъ находился исправляющій должность непрежнннаго Секретаря Общества, Ст. Совѣт. Шторхъ, хорошо знакомый съ наукою сельскаго хозяйства, и гг. эксперты. Пробнымъ мѣстомъ служило не паханое поле изъ-подъ овса. Почва суглинистая. Приятно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слѣдили за орудіями любители хозяйства. Они сами принимались пахать, завѣшивали орудіе на рукахъ, если сомнѣвались въ чемъ, просили повторить опытъ, и имъ не отказывали въ этомъ. Опыты записывались гг. Шторхомъ и экспертами. Между тѣмъ, многіе отиѣчали и свои наблюденія. Ярославская косула, между прочимъ, отрѣзывала не широкій пластъ, но довольно ровно и клала его довольно правильно. Вполнѣ признавая пользу ея на легкихъ почвахъ, мы прилагаемъ здѣсь вѣрный чертежъ этой косулы.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ еще болѣе усовершенствовали косулю, пониженіемъ оглобелъ, которыя прикрѣпляли въ срединѣ разбѣжки, отъ чего орудіе еще болѣе облегчилось въ работѣ. Орудіе назвали *ораломъ*, отъ слова *орать*, пахать. Орало было усовершенствовано г. Гусятниковымъ; почему оно извѣстно въ Ярославской губерніи подъ названіемъ *Гусятниковскаго орала*. Находя это орудіе весьма полезнымъ для среднихъ почвъ и стараго паханія, мы представляемъ здѣсь и его рисунокъ.

Надо отдать справедливость крестьянамъ-Ярославцамъ. Они

не останавливались въ усовершенствованіи пахатнаго орудія, и не удовольствовались замѣною сохи оралою и косулою: имъ хотѣлось еще болѣе облегчить орудіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ достигнуть лучшаго паханія. Они въ косулѣ увеличили сошникъ, отваль; придали рассошкѣ болѣе изогнутое положеніе. Отлобли прикрѣпили къ особенной рамкѣ, въ которой утверждается ножъ. Рамку привѣсили на шалнерѣ, посрединѣ рассошки. Эта рамка замѣнила плужную гребенку; помощію ея можно орудіе установить для паханія на разную глубину. Орудіе назвали *Самолетомъ*, и оно оправдываетъ это названіе. На опытѣ, *самолетъ*, напряженный одною лошадыю, шелъ довольно скоро в отваль, власть средней величины ровно. Одинъ въ немъ недостатокъ: орудіе не имѣетъ паты, и въ продолженіи работы поддерживается пахаремъ. Въ тоже время пробовали другой *самолетъ*, усовершенствованный огорошникомъ, владѣющимъ землею у насъ на Охтѣ, въ близости съ фермою-Экономическаго Общества. Измѣненіе этого самолета состоитъ въ рамкѣ, снабженной винтами, помощію которыхъ орудіе устанавливается къ паханію на разную глубину. Съзади отвала имѣется горизонтальный винтъ, входящій въ гайку задней части рассошки, и представляетъ собою рядъ распорки между отваломъ и рассошкою. Помощію гайки, винтомъ можно стаянуть и отдалить отваль. Отъ того отваль принимаетъ разную форму: то приближается къ отвѣсной линіи, способствуя пласту ложиться самому, какъ въ глинистыхъ почвахъ, то принимаетъ болѣе наклонный видъ, чрезъ что власть прижимается отваломъ, какъ это необходимо при песчаныхъ почвахъ. Сошникъ, отваль и ножъ желѣзные, значительно увеличенные. Вообще въ этомъ *самолетѣ* китро предумано улучшение, и можетъ быть, современемъ онъ достигнетъ своей цѣли; но въ настоящее время орудіе оказывается довольно сложно, имѣетъ много желѣзныхъ вещей и главное признано не къ одной лошади. Въ него можно впрягать даже тройку. При такой силѣ, по многимъ уважительнымъ причинамъ, гораздо выгоднѣе завести двуконный плугъ. Этотъ *самолетъ* на опытѣ былъ запряженъ въ началѣ въ одну лошадь, отваль власть толщиною въ два вершка довольно хорошо; но при углубленіи, на половинѣ борозды, лошадь остановилась и не въ состояніи была продолжать путь. Впрягли еще пару, *самолетъ* выдержалъ паханіе на четыре вершка. Пласть вылезла ровно, хорошо; но орудіе лежало на рукахъ пахара. Недостатки видны. Потеря силъ неизбежна; тройка лошадей, работавъ при лошадяхъ и пахарь, а дѣйствіе еще далеко отъ плуга! За ста-

раніе и усовершенствованіе спасибо русскому мужичку, а прии́звнть къ дѣлу его самолета въ настоящемъ видѣ не посовѣтуемъ.

Говорить, русскій мужичокъ неохотно принимается за усовершенствованіе, даже бдится его. Не спорю. Стоить вспомнить иныя, которыя были яредпринимаемы ко введенію картофельнаго поля у крестьянъ, дѣланію строеній изъ мазанки и землебитнаго кирпича, введеніе травосѣванія, замѣну черной избы бѣлою, и т. п. Я самъ былъ свидѣтелемъ этой, такъ сказать тугости русскаго крестьянина къ принатію нововведенія, въ Марьинскомъ имѣніи графини Строгоновой. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ былъ въ модѣ плужокъ профессора Павлова, прии́звнный къ русской упряжкѣ, и во многихъ отношеніяхъ достойный особеннаго вниманія.

Графиня пожелала, чтобы крестьяне на барщину пахали отпять плужкомъ, вмѣсто своей сохи. Съ фермы отправили десятъ плужковъ. Крестьяне впрягли своихъ лошадей. Лошади застались, плужки на съ мѣста.

— Что олучилось?

— Да найдеть, вишь сошникъ далеко ушолъ.... да и гдѣ ему идти? вишь какаѣ махина! кричали крестьяне наперерывъ.

Я подошелъ къ первому плугу, взялся за рукоятки. Плугъ дѣйствительно глубоко вошелъ въ землю. Перетянувъ черезъ дѣльничка, я установилъ регуляторъ изъ плугъ. Плугъ, управляемый мною, пошелъ.

— Что, видишь, теперь идетъ.

Мужикъ почесалъ въ головѣ, и отвѣчалъ:

— Да, нешто, пройдетъ борозду, а тамъ....

— А тамъ, перебилъ я, что будетъ то и будетъ; исполний, какъ показано.

Тутъ я съ нимъ прошелъ полную борозду, толкая, какъ надо управлять.

— Понялъ?

— Не што, понялъ, отвѣчалъ крестьянинъ.

Туже истерію повторялъ я со вторымъ и десятымъ.

Вдругъ первый опять остановился.

— Что случилось?

— Да вишь—ты, ножъ выпалъ, надо на ферму ѣхать чинить....

— Ненужно; вотъ запасныя заклинки, укрьни рѣзакъ.

Крестьяне много научились пахать плужками. На другой день они уже съ охотою взялись за орудіе. На третій сами сознались, что плужками пахать легче сохи. Потомъ стали просить помощи у графини, чтобы ввести у себя на поляхъ эти плужки. Графиня приказала выдавать нѣкоторымъ, на время паханія, плужки съ фермы; а другіе, подостаточнѣе, завели свои. Съ-тѣхъ-поръ плужки распространились въ Марьинѣ между крестьянами, и существовали долго, покуда не вытѣснилъ ихъ изъ употребленія плугъ Полтавскаго.

Теперь обратимся къ *плугу*. Изъ предшествовавшаго мы увидѣли, какіе недостатки встрѣчались въ описанныхъ орудіяхъ; удалить ихъ было заботою многихъ агрономовъ.

Заграничные агрономы основали плугъ на правилахъ механики, и покуда довели его до значительнаго совершенства. Еслибъ прослѣдить исторію усовершенствованія плуга, мы бы могли представить рядъ весьма любопытныхъ рисунковъ, вытекающихъ одинъ изъ другаго. Замѣтимъ только, что нынѣ употребляемые плуги очень много напоминаютъ египетскія сохи, сохранившіяся на египетскихъ памятникахъ, греческіе и римскіе плуги, выбитые на медаляхъ и монетахъ. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ, съ какою медленностію подвигалось усовершенствованіе земледѣльческихъ орудій и за границею, несмотря на быстрое развитіе усовершенствованій по другимъ отраслямъ.

За образецъ въ правильности соединенія частей въ плугѣ вездѣ принимаютъ плугъ англійскаго каретника Смаля. Въ плугѣ Смаля имѣются всѣ части, какъ въ косуль, но имѣетъ форму въ изгибахъ, основанная на правилахъ механики; кромѣ того орудіе имѣетъ полозъ (*плту*), отъ чего плугъ получалъ устойчивость. Дышло, вмѣсто оглобель. Рукоятки, направленные вверхъ, взамѣнъ горизонтальныхъ. Первое обстоятельство дало возможность удобнѣе соединить силу сопротивленія съ силою влеченія, а второе облегчило пахаря управлять орудіемъ. Чтѣ слѣлалъ Смаль, то останется еще на долго. Какъ ни мудрятъ его послѣдователи, сколько ни выдумываютъ плуговъ подъ разными наименованіями, но всѣ ихъ плуги суть не что иное, какъ тотъ же Смаль плугъ съ небольшимъ измѣненіемъ.

Въ настоящее время развелось множество плуговъ. Ихъ раздѣляютъ во 1-хъ, по устройству: на плуги съ *передками* и плуги *безъ передковъ*, во 2-хъ, по цѣли отправления: на *тяжелые*, *легкіе* плуги и *плужки*. Подъ именемъ передка у плуга должно понимать ушорю дышла, ближе къ концу его. Передокъ иногда дѣлается

изъ двухъ колесъ на общей оси, на которую упирается конецъ дышла, какъ плугъ брабантскій; иногда онъ состоитъ изъ одного колеса, вращающагося въ плоскомъ брускѣ, который верхнею своею частию входитъ въ дышло, какъ плугъ Теера; а иногда передокъ состоитъ изъ бруска, на нижнемъ концѣ котораго придѣланъ полозъ, какъ у брабантскаго же плуга. Какъ бы ни былъ устроенъ передокъ, онъ долженъ увеличивать тяжесть плуга, съ одной стороны собственною своею тяжестью, съ другой треніемъ.

Кромѣ-того, онъ можетъ производить неровность въ паханіи дышло лежитъ на передкѣ; если подъ него попадетъ камень, пень или онъ найдетъ на кочку, что неизбежно при поднятій ноши, то дышло приподнимается, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сошникъ плуга. Обратно, понижается передокъ, понизится и сошникъ; отсюда неровность паханія. Выгоды же на сторонѣ передка только въ отношеніи устойчивости, твердости плуга въ землѣ. Такой плугъ много облегчаетъ пахаря въ управленіи имъ. Плугомъ съ передкомъ можетъ пахать даже неумѣющій. Плуги съ передками относятся къ тяжелымъ плугамъ, требующимъ для меченія своего болѣе двухъ лошадей или воловъ, а если и пару, то сильныхъ, мочныхъ. Эти плуги употребляются на почвахъ твердыхъ, вязкихъ, жир: глинистыхъ; на почвахъ сильно одеревявшихъ или слятихъ черноземахъ, какъ наши степныя черноземныя почвы; при поднятіи ноши изъ-подъ лѣса, и т. п. Изъ этого класса плуговъ на выставку были представлены плуги, болѣею частию въ моделяхъ Экономич. Общества и Технологическаго Института. Въ числѣ ихъ находился нашъ малороссійскій сабань, въ которой впрягаютъ до 8 воловъ; плугъ американскій тяжелый, бранденбургскій и другіе. На опыты поступилъ плугъ брабантскій Шварца; какъ наиболѣе заслуживающій одобренія. Отличіе этого плуга состоитъ въ одной ручкѣ, въ прямомъ дышлѣ, длинной пятъ и передкѣ, родъ полоза, именуемымъ *башмакомъ*. Все это, казалось бы, увеличивало тяжесть плуга и отягощало самую работу; но на противъ: одной ручкой, какъ рычагомъ, пахарь легче управляетъ орудіемъ. Башмакъ вдѣсь не столько влѣчетъ въ землѣ, сколько служитъ къ недопусканію плуга углубляться ниже установленнаго при началѣ борозды; ибо посредствомъ башмака плугъ устанавливается къ паханію на различную глубину. Длинная пятя заставляетъ плугъ идти устойчиво, правильно; а вахъ пятя окутана желѣзомъ, которое отъ земли поляруется, то и не много увеличиваетъ треніе. Плугъ Шварца на опытѣ оказался Жулачнымъ, по принадлежащему устройству. Но мы сами ра-

ботали жить, и рекомендовали его многим помещикамъ, и получали отъ нихъ весьма одобрительныя отзывы объ немъ. Скажемъ еще, что плугъ Шварца можетъ идти въ землѣ около 5 вершковъ, и отваливать пластъ шириною до $\frac{1}{4}$ аршина, ревно, легко, при двухъ мочныхъ лошадяхъ. Онъ съ пользою можетъ быть употребленъ на равнинныхъ и суглинистыхъ почвахъ. Подпишемъ наши слова еще однимъ доказательствомъ: въ началѣ ороковскихъ годовъ депо земледѣльческихъ орудій графини Строгановой, находившееся въ нашемъ владѣніи, послало плугъ Шварца въ Одессу на составленіе, и получило за него время. Если плугъ Шварца будетъ устроенъ по всемъ правиламъ науки, то, въ настоящее время, ничего не остается лучшаго желать для тяжелыхъ и среднихъ почвъ. Сознывая большую пользу въ плугѣ Шварца, представляемъ его рисунокъ.

Къ тяжелымъ плугамъ относятся и плуги, вешающіе веревки; но они массивны по устройству, и требуютъ, въ работѣ, пару мочныхъ лошадей или болѣе. Такіе плуги дѣлаются для тяжелыхъ почвъ и поднятій цѣлны. Отъ нихъ требуютъ архаическаго устройства; въ противномъ случаѣ, они будутъ неустойчивы, и при первомъ сопротивленіи станутъ высканывать изъ борозды. Наиболее удовлетворяющій цѣли плугъ английскій *Вутерварта*. Онъ есть прямой околокъ съ плуга Смалла, но гораздо массивнѣе въ размѣрахъ. На опытѣ пахала имъ двумя лошадьми. Плугъ поднималъ пластъ ровно, толщиной 4 вершка, при ширинѣ до полуаршина. Лошади влекли плугъ довольно легко. Этотъ плугъ, по нашему убѣжденію, съ надлежащею пользою можетъ быть употребленъ для глинистыхъ почвъ, при поднятій мори и для глубокаго паханія. Мы представляемъ и его рисунокъ.

Изъ числа легкихъ плуговъ, требующихъ для работы не болѣе двухъ лошадей, на тактъ сильныхъ, на первомъ планѣ былъ плугъ Смалла, котораго хорошее дѣйствіе давно извѣстно.

Плугъ смаллянской Роджера. Тотъ же Смалла плугъ, на всѣ части его желѣзные. Нѣтъ сомнѣнія, дѣйствіе рожеревскаго плуга весьма смаллескаго, но въ службѣ ломки затруднительно и чрезвычайна. Въ какомъ именно собственными, или какими средствами можно отнять по декадамъ рукоятки, и плугъ, и колесо, совмѣтъ и проч.? Однимъ словомъ, плугъ Роджера не дѣлать ни одной части дерева. Вышеописанная же часть слишкомъ громоздка и расходна. Только эти недостатки заставляютъ отвѣщаться отъ плуга Роджера, такъ хорошо возмѣняющаго свое назначеніе.

Плугъ Полтарацкаго давно извѣстенъ. Онъ отличается отъ Сماعيلскаго прямымъ, неокончаннымъ дышломъ, горизонтальною и вѣсколко иначе устроенною гребенкою (*рекулаторомъ*); размѣры частей немного менѣе смалевскихъ. Плугъ для двухъ лошадей. Пашеть хорошо. Пласть можетъ отваливать до 6 вер. ширины, а до 4 толщиной, безъ малѣйшаго усидія лошадей. Полтарацкаго плугъ былъ введенъ на опытной фирмѣ графини Строгоновой, и даже распространился между крестьянами, что много говорить въ его пользу. Въ Марьянѣ почва по преимуществу тяжело-глинистая, а плугъ Полтарацкаго вѣ тамъ работалъ удовлетворительно.

Былъ также на опытѣ *пароконный плугъ*, доставленный изъ Московской губернии, управляющимъ Учеб. Прак. Хуторомъ, Москов. Общ. Сельск. Хозяйства, *Преображенскимъ*. Онъ по устройству весьма близокъ къ смалевскому, въ дѣйстви же далеко отстоитъ отъ него. Въ началѣ плугъ не щель; потомъ началъ одна отваливать пласть; и то не ровно. Недостатки оказались на половинѣ борозды. Присутствующіе начали говорить въ слухъ о его недостаткахъ, а одинъ мужичокъ, довольно, какъ видно было, понимающій дѣло, сталъ раскрывать причины недостатковъ. Господинъ, управлявшій плугомъ, горячо защищалъ его, но неблагоприятный плугъ нисколько не входилъ въ его положеніе, не воодушевлялся, а исправлялъ свое дѣло, какъ былъ направленъ въ бороздѣ, съ флегматическою переменою: то выскакивалъ изъ борозды, то опять сошникомъ прятался въ борозду, отваливая зигзагами пласть, наконецъ, какъ бы немучепный, предъ концомъ борозды остановился.

— Гляди, какъ лошади-то зацарились! замѣтилъ кто-то.

— Шабашъ лошадямъ, впрягай другихъ, сѣжихъ, слышался чей-то распорядительный голосъ: только въ новый плугъ.

— Въ какой? спросилъ первый голосъ.

— Будемъ пробовать легкіе одноконные плуги.

Кстати о нихъ. Мысль примѣнить плуги къ силѣ одной лошади не легкая, но не менѣе того, мысль богатая. Посадить не всегда владѣютъ въ своемъ хозяйствѣ парой лошадей, это обстоятельство, надо полагать, много останавливаетъ нашихъ крестьянъ въ введеніи усовершенствованныхъ пароконныхъ орудій. Господа агрономы-механики не затруднились; они уменьшили части пароконныхъ плуговъ, думая, что тѣмъ уже достигли своей цѣли; но на практикѣ оказывается противное, и надо полагать, что задача: *создать одноконный*

плугъ для разныхъ почвъ, еще не скоро приведется къ надлежащему исполненію. Лѣтъ десять назадъ появился одноконный плугъ г. Жодейки; онъ представлялъ собою уменьшенный смалевскій плугъ, и довольно хорошо исполнял свое дѣло на легкихъ почвахъ и при второмъ паханіи. Нынѣ, на опытахъ, былъ пробованъ *одноконный плугъ* на манеръ плуга г. Жодейки, отличающійся отъ него прямымъ дышломъ. Плугъ оказался несовсѣмъ удобнымъ на опытномъ волѣ, да и не удивительно. Мы замѣтили уже, что поле было суглинистое, а плуги одноконные, при нынѣшнемъ усовершенствованіи, годятся только для почвъ легкихъ, среднихъ. Предоставленный же плугъ, имѣлъ довольно правильно устроенный отваль, сошникъ и рѣзакъ, много говорящіе въ пользу хорошей вспашки легкихъ почвъ.

Отъ легкихъ одноконныхъ плуговъ отличаютъ *плужки*. Главное отличіе ихъ состоитъ въ упряжи. Легкіе плуги влекутъ постромками, прикрепленными всегда къ концу дышла; плужки имѣютъ оглобли, приделанныя къ стану плуга; въ нихъ впрягаютъ лошадь, какъ въ телегу. Такая упряжь необходима для деревенскихъ лошадей, которыя не приучены работать въ постромкахъ. Изъ плужковъ наиболѣе заслуживаютъ одобренія *плужокъ* Профессора Павлова и Адмирала Мордвинова. Первый, довольно хорошій для легкихъ почвъ, дѣйствіемъ своимъ давно извѣстенъ. Второй, по устройству оглобель на имперъ косули, въ работѣ тяжеловатъ для одной лошади, и часто выскакиваетъ изъ борозды. Эти оба плужка были на выставкѣ; но по извѣстности ихъ дѣйствія на пробу они не поступали.

На опытахъ была пробована *соха плужная*. Она съ перваго вида сходна въ плужкомъ Мордвинова, отличается же отъ него устройствомъ стана. Станъ весь сплошной, т. е. отваль, ножъ и сошникъ составляютъ одно цѣлое. Соха плужная пахала на небольшую глубину довольно хорошо, и отваливала узкій пластъ ровно, какъ бы плужнымъ отваломъ; изъ чего можно заключить, что это орудіе можетъ быть съ большою пользою употребляемо на легкихъ почвахъ. Кроме описанныхъ нами, на выставкѣ было еще много другихъ, въ моделяхъ Экономическаго Общества и Технологическаго Института, также въ настоящую величину, доставленные некоторыми комитетами, Удѣльнымъ Земледѣл. Учлищемъ и частными лицами; но какъ они представляютъ или мѣстный интересъ, или дѣйствіе ихъ довольно уже извѣстно, то они не были на опытѣ; а потому и мы считаемъ излишнимъ объ нихъ распространяться.

Вспаханная земля заборонивается боронами. Бороны въ свою очередь дѣлятся на *тяжелыя* и *легкія*. Тяжесть бороны увеличивается качествомъ и количествомъ зубьевъ и массивностію устройства. Тяжелыя бороны предназначаются для вязкачь почвъ; онѣ влекутся двумя лошадьми. Легкія имѣютъ обратное устройство тяжелыхъ боронъ, приводятся въ дѣйствіе одною лошадыю, употребляются на легкиихъ почвахъ. Главная цѣль бороны достигается, если зубья расположены такъ, что каждый изъ нихъ дѣлаеть свою особенную борозду. Для этого боронамъ даютъ различную форму: параллелограма, трапеціи, треугольника, дугообразно изгибають брусья, и т. п. Доставленыя на выставку бороны не отличались ничѣмъ особеннымъ. Всѣ онѣ были сдѣланы правильно, но всѣ давно извѣстны; развѣ бороны Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, съ дугообразными брусками можно было принять за предметъ болѣе новый. На опытѣ пробовали составную *англійскую борону*, доставленную г. Верди. Борона эта представляетъ новый способъ изгиба брусьевъ. Зубья, немного загнутые впередъ, укрѣплены помощію гаекъ на углахъ параллелограмовъ; каждый зубъ чертитъ особую борозду. Три такихъ бороны соединяются одна съ другою цѣпью, и прицѣпляются къ общей вагѣ, къ которой припрягаютъ пару лошадей. Въ боронѣ брусья и зубья желѣзные. Не-смотря на то, три бороны легко влекутся двумя лошадьми. Эти бороны бороняють и разбивають глыбы отлично. На пробномъ, суглинистомъ полѣ, довольно сдѣлать одинъ *слѣдъ* этими боронами подъ посѣвъ. Конечно, такая борона, изготовляясь вся изъ кованаго желѣза, обходится не дешево; и потому не сподручна для многихъ хозяйствъ; однако жъ ничто не мѣшаетъ дѣлать бруски изъ дерева, тѣмъ болѣе, что форма ихъ не сложна и доступна дереву. Мы не мало любовались этою бороною, такъ чисто и широко забороняющею. Думаая доставить пользу нашимъ Гг. владѣльцамъ имѣній, помещаемъ ея рисунокъ.

Бороны складныя для *рядовой вспашки*; деревянныя и съ деревянными же зубьями разнаго рода волокуши, представленныя на выставку, болѣе занимали *публику* какъ мѣстно-употребительныя орудія, а неудлучшенныя. Онѣ на насъ наводили какую-то грусть своимъ существованіемъ въ нынѣшній вѣкъ, въ который такъ далеко шагнуло земледѣліе.

Было довольно спора въ земледѣліи, надо ли укатывать землю? Одни говорили въ пользу укатыванія, другіе противъ него. Нельзя безусловно согласиться ни съ тѣмъ, ни съ дру-

гимъ мѣнѣемъ. Укатываніе почвы составляетъ необходимость для ровныхъ всходовъ хлѣбовъ; укатываніемъ же разбиваются большія глыбы, которыхъ не въ состояніи была разрушить борова; наконецъ мелкія сѣмена многихъ травъ всходятъ гораздо лучше послѣ укатыванія, нежели забороненія ихъ. Коса по укатанному полю влѣтъ лучше; косецъ въ меньшей опасности испортить свою косу по укатанному полю, чѣмъ по забороненному. Для укатыванія употребляется *катокъ*. Катокъ въ хозяйствѣ дѣлается самаго простаго устройства: изъ чурбана, къ которому прибиваются оглобли. Машинисты катку придаютъ болѣе благообразный видъ; они изготовляютъ надъ въ видѣ пустаго цилиндра, иногда до $1\frac{1}{2}$ аршина въ діаметръ, помѣщаютъ его въ раму, къ которой прибиваются оглобли; рама служитъ мѣстомъ сидѣнія управляющему лошадыю. Нынѣшніе катки не утруждаютъ работниковъ. Катки на выставкѣ были изъ Олонцкой и Тамбовской губерній. Катки заграничнаго устройства съ сидѣнками, отъ которыхъ можно чуже, что отъ простаго катка, мы встрѣтили въ залахъ Эксп. Общ. и Техн. Института.

Иностранцы не довольствовались орудіями, предназначенными для одной спеціальной цѣли, они хотѣли составить орудіе, замѣняющее вдругъ двѣ, пожалуй, три цѣли. Попытки ихъ отчасти увѣнчались успѣхомъ. Они составили орудіа, подъ названіемъ *культиваторовъ*, т. е. орудіа, прямо обрабатывающія землю. Эти орудіа они раздѣляли на *екстирпаторы* и *скрификаторы*. Оба эти орудіа всегда состоятъ изъ рамы, какъ въ боронахъ, въ которыя вставляютъ *сошники* или *ножи*. Рама съ сошниками называется *екстирпаторомъ*; а съ ножами *скрификаторомъ*.

Екстирпаторъ пускается по вспаханному полю; его горизонтальною частію сошниковъ подрѣзываетъ землю, а вертикальною мѣшаетъ, боронитъ и отчасти переворачиваетъ землю. Такимъ образомъ екстирпаторъ замѣняетъ отчасти плугъ и борону; но далеко не достигаетъ ихъ спеціальной цѣли. Екстирпаторъ съ большою пользою можетъ употребляться вмѣстѣ втораго назначенія, при которомъ не требуется переворачивать пластъ. Онъ въ этомъ случаѣ ускоряетъ дѣло, и заѣзжаетъ третье паханіе; также для истребленія сорныхъ травъ. Екстирпаторы различаются числомъ сошниковъ; ихъ бываетъ отъ 3—11; а отъ того и орудіе увеличивается, требуется отъ одной до 6-ти лошадей. Это орудіе въ большомъ употребленіи въ Германіи, Франціи и Англии. У насъ оно еще мало

распространено, а если и попадается, то слишкомъ съ англійскаго Вильсоновскаго екстиратора. На выставку были представлены разнаго устройства екстираторы въ моделяхъ Экон. Общ. и Технологическаго Института. На опытахъ же пробовали екстираторъ о 5-ти сошникахъ, на манеръ Вильсоновскаго, приспособенный для рыхленія подъ почвы. Онъ исполнялъ свое дѣло довольно удовлетворительно. Вообще екстираторами работа идетъ очень успешно; причину же медленнаго распространенія ихъ въ нашихъ имѣнιάхъ должно полагать въ дороговизнѣ орудія и употребленіи для работы большаго числа лошадей.

Упрощеніе орудій могло бы имѣть вліяніе на введеніе ихъ въ имѣнιάхъ; разительнымъ тому примѣромъ служитъ бывшее Дѣпо земледѣльч. орудій гр. Строгоновой, въ которомъ екстираторы приготовлялись безъ колесъ, въ видѣ бороны, приспособенныя къ силѣ двухъ лошадей. Въ 1839 году, такихъ екстираторовъ было продано 2, въ 1840—6, въ 1841—10, 1842—19-ть.

Скарификаторъ употребляется для разрѣзыванія земли, перерѣзыванія корней, сорныхъ травъ и отчасти для рыхленія земли. Это орудіе еще менѣе распространено въ нашихъ имѣнιάхъ. Оно преимущественно употребляется въ Англій, откуда г. Ворди написалъ одинъ, и представлялъ на пробу. Скарификаторъ этотъ, изобрѣтенный Англичаниномъ *Филлейсдонъ*, имѣетъ видъ треугольной рамы, снабженной по угламъ колесами. Рама раздѣлена двумя параллельными брусками, изъ нихъ въ заднемъ укрѣплены 5, а въ переднемъ 3 плоско изогнутыхъ сошника. Надъ рамою устроенъ рычагъ, для углубленія въ землю скарификатора. Скарификаторъ подрѣзывалъ и рыхлилъ землю очень хорошо. Нѣтъ сомнѣнія, что съ упрощеніемъ орудія, скарификаторъ тоже войдетъ въ общес употребленіе, въ особенности на паровыхъ поляхъ.

О другихъ культиваторахъ, равно какъ о расплодившихся въ послѣднее время *скоропашникахъ*, вовсе неподдерживающихъ свое назначеніе, представленныхъ на выставку въ моделяхъ и въ дѣйствительной величинѣ, мы умалчиваемъ по многимъ причинамъ, въ особенности по невозможности ввести ихъ въ нашихъ селеніяхъ, при ихъ настоящемъ устройствѣ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, потрудятся побольше далъ, этими орудіями механики, агрономы, и, можетъ-быть, составятъ намъ нѣхъ орудія, наиболѣе сподручныя для русскаго хозяйства.

Земля вспаханная, взбороненная и укатанная раздѣляется боронами, или маленькими наваами, для стока жесменей и осад-

ней воды. Въ протѣхъ хозяйствахъ эта операція совершается обыкновенными лопатами, т. е. расчищаютъ крайнія борозды лопатами, а тѣмъ заканчивается полевая работа. Ручная работа, какъ извѣстно, мѣшкотва и требуетъ много силъ; для избѣжанія этого неудобства изобрѣтенъ канавный плугъ. Онъ имѣетъ треугольную форму. Нижняя часть его съ одной стороны выгнута, наподобіе откосовъ у канавъ. Внизу узкій полозъ, оканчивающійся коническимъ сошникомъ. Нижняя часть плуга окована желѣзомъ, а самый плугъ составляетъ въ деревянныхъ досокъ. Срединна плуга значать пустая, а не сплошная.

Плугъ этотъ пробовали на опытѣ. Онъ двумя лошадями довольно легко проводилъ канавы въ $4\frac{1}{2}$ вершка глубины и полтора аршина ширины. Помощію гребенки плуга, можно канавы проводить мельче и уже. Такой плугъ весьма много содействуетъ выигрышу времени, труда и правильности работы. Проведенныя борозды канавнымъ плугомъ бывають вездѣ равны, имѣють одинаковый склонъ, отъ чего вода по нимъ стекаетъ хорошо и не застаивается. Канавный плугъ имѣетъ въ хозяйствѣ, мы считаемъ необходимостію. Этимъ же плугомъ можно проводить канавы и на лугахъ, въ особенности, если вставить рѣзакъ. Иногда канавы на поляхъ проводятъ *распашникомъ* или неправильно называемымъ *картофельнымъ плугомъ*. Распашникъ, правильнѣе *окучникъ* (онъ преимущественно употребляется для окучивания корнеплодныхъ растений) состоитъ изъ стана, имѣющаго по обѣ стороны отвалы, движущіеся на шарнирахъ. Верхніе концы отваловъ снабжены плоскими желѣзными распорками; помощію ихъ, отвалы или крылья плуга можно притянуть къ станку плуга и отдалить, отъ чего зависитъ ширина проводимой канавы. Окучникъ употребляется преимущественно Теэра; и хотя онъ примѣненъ къ двумъ лошадямъ, но въ настоящее время изготавливается такъ легко, что можно проводить канавы, а въ особенности окучивать растенія, на одной лошади.

На опытахъ пробовали еще канавный плугъ съ тремя колесами, устроенными впереди стана плуга, на одной линіи, на четверть аршина разстояніемъ одинъ отъ другаго. Станъ плуга имѣлъ два отвала. Плугъ видимо предназначался для проведения канавъ на лугахъ и на неспаханномъ полѣ. Его пробовали въ двѣ лошади, на неспаханномъ мѣстѣ; онъ оказался неудобнымъ: во-1-хъ тяжелъ для двухъ лошадей, во-2-хъ,

власть, отрубанный ножом, сжимается имъ, и не передается отваломъ, отъ чего орудіе остававлпвается.

Вотъ перечень пробованнымъ орудіямъ на фермѣ Экономическаго Общества. Которое изъ нихъ слѣдуетъ завести въ хозяйство, в которому изъ нихъ дать предпочтеніе? Это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, главнѣйше: въ-1-хъ) Отъ качества почвы.—Во-2-хъ) Отъ рода растений, входящихъ въ систему хозяйства.—Въ-3-хъ) Отъ средствъ хозяйства.—Въ-4-хъ) Отъ сложности орудій.—Въ-5-хъ) Отъ умѣнья обращаться съ земледѣльческими орудіями, и наконецъ,—Въ-6-хъ) Отъ способовъ приобрѣтенія орудій. Принявъ все это въ соображеніе, каждый легко можетъ оцѣнить орудіе и примѣнить къ дѣлу. Разъяснить здѣсь считаемъ неумѣстнымъ, потому-что пишемъ обзоръ, а не излагаемъ правила науки; и такъ доскажемъ объ орудіяхъ.

Къ числу земледѣльчающихъ орудій слѣдуетъ отнести *кочкорѣзъ и пневмодержательную машину*. Для обонхъ этихъ орудій механика мало еще создала новаго и полезнаго. Кочкорѣзъ мы встрѣтили на выставкѣ тотъ же самый, о которомъ нѣтъ уже понятіе 15 лѣтъ тому, а именно представляющій большую доску, окруженную съ трехъ сторонъ рамкою, съ большою ручкою, для управленія орудіемъ. Передня часть доски окончана заостреннымъ желѣзомъ. Правда, есть улучшеніе: прежде орудіе привязывалось къ лошади постромками, отъ чего лошадь обрѣзывала копыта; а теперь постромки замѣнились оглоблями, навѣшивающимися на крючки кочкорѣза, отчего, конечно, увеличился упоръ кочкорѣза. Это орудіе на практикѣ оказывается неудобнымъ. Лугъ не ломберный столъ, кочкорѣзъ не подведешь подъ основаніе кочки, а если подвелъ, то нѣтъ возможности подхватить горизонтально кочку. Случалось передъ нашими глазами, что работникъ, держась за рукоятку кочкорѣза, направленного подъ кочку, отъ перваго движенія лошади, получалъ толчокъ и летѣлъ на нѣсколько сажень отъ орудія. Желѣзная часть кочкорѣза скоро тупится. Для одной лошади орудіе тяжело, а двухъ въпречъ нѣтъ возможности, да и тогда лучше, удобнѣе и полезнѣе распахать кочки двуконнымъ плугомъ. Вообще, снимать кочки на лугахъ, и въ особенности кочкорѣчомъ, есть идея безъ исполненія. *Машины для выдериванія пней* тоже ожидаютъ механиковъ для своего улучшенія. Онѣ до-сихъ-поръ показывались въ видѣ *козловъ* съ канатами и валомъ, какъ машина г. Диго, которая разочаровывала при первомъ опытѣ, по множеству неудобствъ, или представляла со-

бою рычагъ съ цѣпами, какъ мы видѣли въ модели, которой цѣпы на практикѣ поминутно рвались. Доскѣ-портмеханика очень мало придумала для выдерживанія пневм., и намъ кажется, излишне ей надъ этимъ и трудиться. Что можетъ быть лучше и легче, для пневм., простаго мотора и *амбулы*? Посмотрите, съ какими умѣемъ наши мужики, помощію этихъ орудій, выворачиваютъ изъ земли огромныя пни. Конечно, иногда мужичокъ *сидѣла сидѣлъ* цѣпый дѣлъ надъ однимъ пневмъ съ *рыбскою*; за-то надъ ними на мѣсте бы потрудилась и машина, если бы не сломалась. Впрочемъ вѣдывать огромныя пни не есть еще необходимость; ихъ можно саживать и предоставлять времени, съ теченіемъ котораго пень вѣтъ разрушится; а всего лучше большія деревья не дозволятъ *рубить*, а приказывать *валить*, т. е. подрубать корни, и за вершину дерева валить; оно упадетъ вѣсть съ пневмъ. О небольшихъ же пняхъ и говорить нечего, они легко выпадаются плугомъ, если при нихъ есть работникъ съ топоромъ, который подрубаетъ пень у рѣзка, лишь только плугъ достигаетъ пня.

Были на выставкѣ еще модели земледѣльческихъ орудій, но мы о нихъ умалчиваемъ, потому-что, по нашему убѣжденію, не считаемъ ихъ ни полезными, ни удобными для введенія въ нашихъ хозяйствахъ.

Н. МАТВѢЕВСКІЙ.

МЕДИЦИНА.

БОЛЕЗНЬ СОЕДИНИТЕЛЬНОЙ ОБОЛОЧКИ ГЛАЗЪ (MEMBRANACONJUNCTIVA PALPEBRARUM),

ИЗВѢСТНАЯ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ

ЕГИПЕТСКАГО ВОСПАЛЕНІЯ

(Ophthalmia Egiptiaca) *.

Явленіе *зернистости* (granulatio) соединительной оболочки вѣкъ, существовавшее долгое время мѣстно (эндемически) въ Великомъ Герцогствѣ Тосканскомъ и Папскихъ-владѣніяхъ, приняло наконецъ, въ послѣднихъ мѣсяцахъ прошедшаго года,

* Замѣчательная статья эта прислана въ Редакцію изъ Флоренціи, приписанъ, изъ котораго, для поясненія дѣла, извлекаемъ слѣдующее:

«Мнѣ кажется, что именно въ журналѣ, носящемъ благородное имя «*Смыслъ Отечества*», должны быть помѣщаемы статьи, клонящіяся къ благу ближнихъ нашихъ. Вотъ вкратцѣ цѣль этой статьи: докторъ Хейнрихъ лечитъ египетскія-воспаленія посредствомъ котеризаціи азотно-кислымъ серебромъ, за которую слѣдуетъ приложить гидрата хлористо-водородной соды. Въ этомъ заключается все улучшеніе, имъ введенное. Мнѣ писали изъ Франціи, Бельгіи и Россіи, что уже болѣе двадцати лѣтъ медики употребляютъ котеризацію посредствомъ азотно-кислаго серебра; это очень можетъ быть, но такъ-какъ это, нѣсколько энергическое, средство ничѣмъ не смягается, то имѣетъ иногда весьма вредныя послѣдствія. Больные перестаютъ страдать глазами, потому-что — слѣпнуть, или, по-крайней-мѣрѣ, кривяють. Изъ этого вы сами можете усмотрѣть, что докторъ Хейнрихъ оказалъ великую услугу. Лекарство, доселѣ употребляемое, изъ опаснаго сдѣлалось безвреднымъ. Болѣе 4000 примѣровъ

характеръ эпидемическій, повальный, между австрійскими войсками, занимающими Флоренцію. Всѣмъ извѣстно, что болѣзы эта носятъ различныя наименованія; ее называютъ то *Египетскимъ* или *азиатскимъ воспаленіемъ глазъ*, то *заразительною* или *инойною Офтальміей*, то *хронической бленореею*, то *военнымъ глазнымъ воспаленіемъ*; но ни одно изъ названій этихъ не точно, и, не опредѣляя положительно существенный характеръ болѣзни они могутъ служить поводомъ къ сбивчивымъ и невѣрнымъ показаніямъ. Свойство разсматриваемаго нами недуга состоитъ въ образованіи *зернистости* на соединительной оболочкѣ вѣкъ.

Причиною этой *зернистости*, я полагаю, не-что-иное, какъ скопленіе (agglomeratio) еще неизслѣдованныхъ существъ, высшей степени органическаго развитія, питающихся особыми сосудами, немогущихъ зарождаться нигдѣ, кромѣ соединительной перепонки вѣкъ, съ которою они прикрѣпляются основаніями (basis) своего организма. Организмы эти представляютъ въ

доказали дѣйствительность новой системы, и вы сами изъ, приложеннаго при этомъ письма, свидѣтельства князя Лихтенштейна, главнокомандующаго австрійскою арміею въ Тосканѣ, можете убѣдиться въ томъ.»

Извлеченіе изъ письма князя Лихтенштейна:

«Вы желаете знать мое мнѣніе о разсужденіи, написанномъ докторомъ Хейнрихомъ объ Египетскомъ-воспаленіи, господствовавшемъ въ арміи, находящейся въ Тосканѣ. Не имѣя специальныхъ познаній, чтобы судить объ этомъ ученоемъ разсужденіи, я упомяну только о результатахъ: они всѣ соответствуютъ цѣли стараній доктора Хейнриха. Дѣйствія его методы леченія изумительны. Опасность потерять зрѣніе не только не существуетъ болѣе, но даже страшное Египетское-воспаленіе излечивается теперь скорѣе, нежели простое воспаленіе глазъ.

«Мнѣ кажется, что успѣхъ методы доктора Хейнриха несомнѣтеленъ. Вы очень обяжете меня, сообщивъ о результатахъ, какіе эта методиченія будетъ имѣть въ Россіи.

«Подписано: Лихтенштейнъ.»

Намъ, съ своей стороны, остается покорнѣе просить господъ медиковъ прочесть эту статью со вниманіемъ. Мы съ удовольствіемъ примемъ всякое благонамѣренное замѣчаніе, и сообщимъ его изобрѣтателямъ методы.

Ред.

способъ зарожденія, существованія и размноженія фазисы ка-кого-то своеобразнаго существованія.

Дѣло, какъ можно уже догадаться, идетъ о новомъ видѣ класса *Entozoa*, (принадлежащихъ по системѣ п. Эйхвальда къ 2-му типу: *Gramazoa*) признаки котраго и способъ образованія общи съ другими видами класса *Entozoa* и подобны ему.

Особенная способность *вознаграждаемости возрожденія* жизне-дѣтельности, при содѣйствіи, можетъ-быть, еще другихъ, еще неизвѣстныхъ вліяній, дѣлаетъ возможнымъ изъ отдѣльныхъ частей организма, въ-слѣдствіе избытка жизненности, образова-ніе независимыхъ, полныхъ организмовъ, присущихъ однако только той или другой ткани, тому или другому органу выс-шаго организма, которому обязаны они своимъ происхождені-емъ, хотя не исключительно тому самому индивидууму, въ органа котораго они образовались.

Подобное образованіе организмовъ въ разсматриваемой нами болѣзни, можетъ-быть, и есть настоящая причина заразитель-ности ея.

Наукой допущено существованіе животныхъ, одаренныхъ свой-ствомъ, при разрѣзаніи ихъ, въ каждой части возстановляться и размножаться до безконечности.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ, всякій атомъ, отдѣ-тый отъ маленькихъ животныхъ подобнаго рода, (*animalcula*) можетъ, перенесенный въ среду, способную поддерживать его существованіе, возстановиться въ новое животное. Такъ въ нашемъ случаѣ въ отдѣленіяхъ глаза (слезахъ, гноѣ и т. п.) всегда должны содержаться тѣ же животныя, и перенесенныя пе-осторожностью на совершенно здоровые глаза—тамъ основаться, размножаться и служить причиною таковаго же Египетскаго воспаления.

Попадши на соединительную оболочку, животныя эти, по при-чинѣ большой легкости, всегда должны скопляться къ внутрен-нему углу глаза; заносимые слезами въ большой и особливо малый костяной носовой протокъ, тамъ они могутъ имѣть вре-мя и возможность до того размножиться, что современемъ по-крываютъ всю оболочку.

По этой-то причинѣ, если въ началѣ болѣзни изслѣдовать

малый носовой протокъ, то тамъ болѣе всего можно найти зернистости.

Такъ, способностью этихъ крошечныхъ животныхъ размножаться до безконечности, объясняется заразительное свойство эпидемическій характеръ болѣзни. Я назову *заразою* (contagium) малѣйшія частички, даже дѣйки животного, въ которыхъ заключается возможность превращенія ихъ, посредствомъ жизнедѣятельности *suū generis*, въ новые, полные организмы. Эти дѣйки, по своей чрезвычайной легкости, могутъ уноситься и находиться въ воздухѣ.

При благоприятныхъ обстоятельствахъ, какъ на-примѣръ тѣсная жизнь людей во множествѣ, какъ это бываетъ въ полкахъ, зараза легко можетъ переноситься отъ одного ко многимъ, и такимъ-образомъ становится *эпидеміею*. Это явленіе рѣже и безопаснѣе въ быту гражданскомъ, гдѣ индивидуумы живутъ отдѣльно, и много, много, что зараза можетъ быть только между членами одного семейства.

Я привелъ все вышесказанное собственно, чтобы показать, что явленіе заразительности этой болѣзни, до-сихъ-поръ такъ различно объясняемой, не должно искать въ другихъ причинахъ. Допустивъ же эту причину заразы, безъ сомнѣнія, можно понять, что зараза сильнѣе дѣйствуетъ на глаза, уже воспаленные или раздраженные прежде какою-нибудь другою причиною.

СТРОЕНИЕ И ВИДЪ ЗЕРНИСТОСТИ.

Форма и видъ грануляцій могутъ быть поведены подъ два типа, которымъ всѣ онѣ безъ изъятія подчиняются. Однѣ болѣе сжатыя къ зрачку, другія болѣе или менѣе острокопечивы. Первые, встрѣчающіяся рѣдко, бываютъ бѣловаты, желтоваты, прозрачны. Онѣ зарождаются и размножаются часто безъ какого воспаления, что заставляло смотрѣть на нихъ, какъ на продуктъ когда-нибудь прежде бывшаго воспаления. Другіе, именованъ тѣ, которые болѣе или менѣе раздражаютъ и воспаляютъ глазъ въ высшей степеніи своимъ давленіемъ, даже тогда, когда еще находятся въ такомъ микроскопическомъ объемѣ, что все незамѣтно невооруженному глазу, бываютъ красноваты и тусклы, и придаютъ соединительной оболочкѣ видъ ворсоватый.

Чѣмъ менѣе онѣ, тѣмъ болѣе раздражаютъ глазъ, этотъ чувствительный органъ, еще непривыкшій къ новому для него ощущенію. Чѣмъ болѣе, тѣмъ сильнѣе притупляются ихъ остроты, отъ давленія и тренія между вѣками и гладкой поверхностью зрачка.

Наконецъ ихъ механическое дѣйствіе не обнаруживается у сѣхъ субъектовъ одинаково, и случается часто, что онѣ долго уществуютъ вовсе не причиняя присутствіемъ своимъ воспаления.

Наконецъ, въ позднемъ и совершенномъ своемъ развитіи, рануляціи эти, изслѣдуемая особливо подъ отвороченной верхней вѣкой, принимаютъ видъ бородавокъ, *кондиломъ*, (*Condylomata*) и занимаютъ уже такое пространство, что постояннымъ давленіемъ на глазъ (*bulbus oculi*) причиняютъ воспаленіе, которое, конечно не можетъ быть излечено, если самая причина этого давленія не будетъ уничтожена.

Итакъ всѣ острия и хроническія воспаленія соединительной оболочки, какъ на-примѣръ *бленорея*, *блѣнна* и т. д., суть только послѣдовательныя явленія зернистости, оканчивающіяся азстройствомъ глаза и дѣлающія эту болѣзнь одною изъ самыхъ страшныхъ, какими только поражается человѣчество!

Л Е Ч Е Н І Е .

Первою заботою медика должно быть уничтоженіе, или, по-найней-мѣрѣ уменьшеніе самыхъ опасныхъ симптомовъ этой болѣзни, какъ бленорея и воспаленіе; но и та и другое легко ничтожаются при посредствѣ антифлогистической методы.

Предписываютъ, смотря по упорству болѣзни, отъ 12 до 20 капель къ вискамъ, катапlazмы изольда на глаза и освѣжающее слабительное (въ Тосканѣ обыкновенно двѣ унціи кастороваго масла— $\xi j j$ *Olii Ricini*).

Кровоусканіе никогда не употребляется. Если есть обильное отдѣленіе слизи или гноя, слѣдуетъ время отъ времени вспрыскивать глазъ холодной водою, и вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ во всѣхъ случаяхъ воспаленія соединительной оболочки) дѣлать инъекціи разъ или два въ день, изъ нѣсколькихъ капель холод-

наго раствора 10 грановъ азотнокислаго серебра въ 1 унціи перегнанной воды.

(*Вр. Lapidis infernalis gr. X
Aquaе distillatae ξξ*).

Средство это, хотя довольно *энергическое*, не имѣло никогда дурныхъ послѣдствій;—дѣйствіе его благотворно также и при катаральныхъ воспаленіяхъ и при бленорее; не слѣдуетъ только производить инъекцій волосяной кисточкой, потому-что волоски, всасывая отдѣленія глаза, при послѣдующихъ смачиваніяхъ совершенно парализуютъ свойства раствора.

По удаленіи главной опасности надлежитъ приступить къ уничтоженію грануляцій. Вѣрнѣйшее средство для этого есть снова ланисъ, но уже въ субстанціи (*Lapis infernalis in substantia*), но до-сихъ-поръ употребленіе его представляло много опасности.

Часть ланиса растворяется во-время прижиганія, (*coterisatio*) и дѣйствуетъ тогда разрушительно на самый глазъ. За нимъ слѣдуютъ часто сильныя воспаленія, результатомъ которыхъ бываетъ потемнѣніе розовой оболочки* (*tunica cornea pellucida*) которое уменьшаетъ способность зрѣнія. Но если воспаленіе это и не имѣетъ такихъ важныхъ послѣдствій на глазное яблоко, то самая продолжительность времени, раньше котораго нельзя повторить котеризаціи, уже даетъ возможность снова развиться зернистости, несовершенной еще уничтоженной.

Много средствъ было придумано для удаленія разрушительнаго вліянія этого лекарства на самый глазъ, на-примѣръ покрывали масломъ припимасмыя жѣста, полагая тѣмъ поставитъ преграду между яблокомъ глаза и несоединившимся избыткомъ ланиса.

Этотъ способъ однако не достигалъ своей цѣли. Пробовали также смѣшивать ланисъ съ гумми, или азотнокислой солью, но эта смѣсь, не имѣла пагубнаго вліянія на глаза, отнимая вмѣстѣ съ тѣмъ и большую часть силы прижиганія.

Итакъ слѣдовало изыскать средство, которое бы, не имѣя ланиса его разъѣдающаго свойства, въ тоже время парализовало бы его опасное вліяніе на глазное яблоко, или по-крайней-мѣрѣ, уничтожало бы послѣ прижиганія пагубныя его послѣдствія. Средство это очень простое: чтобы перемѣнить свойства

* Темная вода.

избытка лаписа, несоединившагося съ прижженнымъ мѣстомъ, надобно растворить этотъ избытокъ гидратомъ хлористо-водородной соды (средняя соль).

Чтобы уничтожить совершенно зернистость, надобно, чтобы прижиганіе захватывало ее всю. Вотъ какъ можно этого достигнуть:

Нижнюю вѣку отворачиваютъ, верхнюю приподнимаютъ; при этомъ не нужно никакихъ инструментовъ; не много навыка, и простою рукою можно это дѣлать гораздо ловчѣе: для праваго глаза сжимаютъ между большимъ и указательнымъ пальцемъ рѣспицу верхней вѣки, прикладывая въ тоже время указательный палецъ лѣвой руки къ наружному углу хряща вѣки, прижимая слегка книзу и вытягивая рѣспицы впередъ, тотчасъ можно приподнять вѣку. Больной во-время операціи долженъ смотрѣть на кончакъ носа.

Отвороченная такимъ образомъ вѣка останется въ этомъ положеніи, если лѣвымъ указательнымъ пальцемъ придавливать рѣспицы къ надбровной дугѣ, (*arcus superciliaris ossis frontis*) и въ то же время лѣвымъ пальцемъ опускается нижняя вѣка.

Для лѣваго глаза та же операція въ обратномъ видѣ.

Такимъ-образомъ держатъ вѣки, пока правой рукою производится прижиганіе всѣхъ грануляцій. Прижигаютъ болѣе или менѣе, смотря по степени развитія зернистости, потомъ проводятъ по котеризованнымъ частямъ кисточкой, смоченной, въ сконцентрированномъ растворѣ хлористо-водородной соды, — чѣмъ совершенно перемѣняютъ свойства азотнокислаго серебра, свободнаго и ненаходящагося въ органическомъ соединеніи.

Тогда получаютъ хлористое серебро, азотнокислая сода и избытокъ хлористо-водородной соды; — эти вновь образованныя соединенія не имѣютъ разрушительнаго вліянія на глазъ, потому-что хлористо-водородная сода составляетъ естественную часть отдѣленной глаза.

Какъ послѣднее предостереженіе, и чтобы охранить глазъ отъ ѣдкости хлористаго серебра, снова проводятъ по котеризованнымъ мѣстамъ кисточкою, обмоченною въ чистое оливковое масло, — послѣ чего опускаютъ вѣки въ ихъ нормальное положеніе. Боль, причиняемая этою операціею, непродолжительна; — по истеченіи нѣсколькихъ часовъ она разрѣшается порядочнымъ воспаленіемъ, во-время котораго выступаютъ разрушенныя грануляціи, какъ гангренозный струпъ — реакція съ первой раной, заставляющая зрителя содрогаться — но на самомъ дѣлѣ неопасная, потому-что мѣстность ея одни вѣки, а роговая

оболочка остается нетронутой. Черезъ сутки она почти исчезаетъ. Для ся облегченія прикладываютъ на глаза катаплазмы изъ холодной воды, предписывая больному лежать спокойно на спинѣ и не моргать.

Бываютъ случаи, когда при этомъ способѣ леченія бываетъ нужно употреблять еще нѣкоторыя мѣры предосторожности. Такъ въ болѣзни запущенной или застарѣлой, гдѣ зернистость и размягченіе соединительной оболочки такъ велики, что съ трудомъ можно открыть глазъ и, напримѣръ, видѣть роговую оболочку: въ такомъ случаѣ вышеописанная котеризація невозможна, если напередъ не сдѣлать надрѣзовъ, какъ для удобства при прижиганіи, такъ и для того, чтобы потерю крови воспользоваться, какъ антифлогистическимъ средствомъ.

Иногда встрѣчаются также субъекты сильные, полнокровные, вѣки которыхъ малы и очень липки, такъ что воспаления и застой крови для нихъ очень опасны.

Тогда должно предписать слабительное и, немедленно послѣ прижиганія, приставить пиявки къ вискамъ, чтобы предупредить слишкомъ дѣятельную реакцію. Въ слѣдующіе дни, если только остается малѣйшій слѣдъ реакціи, недолжно употреблять ничего, кромѣ всырыскиваній раствореннаго серебра, и только по уничтоженіи всѣхъ симптомовъ, можно повторять котеризацію, но повторять столько разъ, чтобы видѣть наконецъ совершенное уничтоженіе грануляцій, потому что въ очень короткое время грануляціи эти могутъ совершенно образоваться. Въ подобныхъ случаяхъ застарѣлости, котеризація можетъ часто повторяться до 10 и 12 разъ.

Когда зернистость только начинается и такъ мала, что можетъ быть замѣчена только опытнымъ глазомъ—для радикальнаго ея излеченія довольно одного или двухъ прижиганій, потому-то никогда не слѣдуетъ отлагать прижиганія ланисомъ, даже если мелкость грануляцій покажется совершенно безвредною и если они вовсе не раздражаютъ глазъ. Чѣмъ рановременнѣе будетъ совершенно прижиганіе, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе послѣдуетъ выздоровленіе.

У особъ съ малыми вѣками случаются возвраты болѣзни, и тогда излеченіе медленнѣе. Часто зернистость бываетъ замѣтна только подъ микроскопомъ;—котеризованная описаннымъ образомъ она совершенно исчезаетъ, что заставляетъ заключать, что если въ случаѣ, гдѣ воспаленіе повторяется, оно есть нечто иное, какъ произведеніе механическаго раздраженія грануляцій отъ давленія зрачка. По радикальномъ уничтоженіи зер-

вистности, образуется новая соединительная оболочка, остающаяся болѣе или менѣе чувствительною къ опаснымъ влияніямъ, особливо атмосферическимъ.

Возвращеніе къ естественному состоянію ускоряется инъекціями *tincturae opii crocata*, (*laudanum liquidum Sydenhamii*) также каждодневнымъ употребленіемъ душъ, которыя состоятъ изъ раздѣльныхъ и тонкихъ струй холодной воды, падающихъ въ теченіе одной или двухъ минутъ на закрытыя вѣки.

Долгое пребываніе на чистомъ воздухѣ много помогаетъ преобразованію оболочки.

Мало есть болѣзней, при леченіи которыхъ врачъ можетъ имѣть столько обезпеченій и увѣренности въ успѣхѣ, какъ при болѣзни, пользуемой описаннымъ мною способомъ. Онъ былъ испытанъ надъ 800 больными, и каждый изъ нихъ былъ котиризованъ отъ 5 до 6 разъ, слѣдовательно, произведено около 4,000 котиризацій,—и ни одного гибельнаго случая! Неужели эти отрадныя результаты не говорятъ въ несомнѣнную пользу этого спасительнаго способа леченія?

До введенія въ употребленіе этой методы, и при гораздо-мѣньшемъ числѣ больныхъ, считалось во Флоренціи, въ австрійской арміи, 26 человекъ солдатъ окривѣвшихъ и 22 совершенно ослабшихъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, отъ темной воды. Современн введенія описаннаго способа во всеобщее употребленіе, и еще въ самый разгаръ *эпидеміи*, нельзя было указать даже ни на одно потемненіе роговой оболочки!

Но каковы бы были старанія въ исполненіи леченія, никогда нельзя достигнуть благополучнаго исхода эпидеміи, если не будутъ употреблены средства предохранительнаго надзора по общественной гигиенѣ.

Едва только болѣзнь эта появится въ войскѣ, должно немедленно отдѣлять больныхъ, навѣщать, посматривать черезъ самыя короткіе промежутки всѣхъ, и всякій хотя сколько-нибудь подозрительный субъектъ долженъ быть отправляемъ въ госпиталь.

При осмотрѣ должно приподнимать верхнюю вѣку у каждаго солдата, даже если не замѣтно на глазѣ никакого раздраженія. Такимъ только образомъ можно распознать присутствіе болѣзни.

Постели, одежды больныхъ должны быть тщательно очищаемы. Войска должны перемѣнять квартиры. Если полиція, за стѣнами госпиталей, будетъ дѣйствовать за одно съ трудящими-

ся у косякъ больныхъ, то невозможно, чтобы болѣзнь эта утвердилась въ типѣ епидеміи.

Мы предлагаемъ нашъ проектъ всюду, въ видахъ пользы чело-вѣчества, но особенно обращаемъ на него вниманіе нашихъ собратій военныхъ медиковъ, какъ людей, которымъ случается часто имѣть дѣло съ описанною болѣзнію, появляющеюся въ многообразныхъ и различныхъ видахъ. Они же — малѣйшею безпечностью, могутъ быть причиною гибели сотни солдатъ, а вниманіемъ и усердіемъ могутъ сохранить для государства значительныя суммы, которыя израсходываются при отставкахъ инвалидовъ!

*Докторъ ХЕЙНРИХЪ главный медикъ И. К.
русарскаго полка.*

Флоренція,
19 іюля 1880 года.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1076 года.

82. *Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*. Москва. Томы 1. 2. 3. 4. 5. и 6. 1849 и 1850 г., in 8°.

Отечественная исторія, какъ наука въ строгомъ смыслѣ слова, сдѣлала въ послѣднее время большой шагъ впередъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что не малая часть въ этой заслугѣ принадлежитъ Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Оно, пользуясь щедрымъ пособіемъ отъ правительства и руководимое просвѣщенными предсѣдателями, всегда отличалось собенною дѣятельностію и любовью къ избранному предмету. Изъ изданій, одолженныхъ Обществу своимъ существованіемъ, оно составило отличную историческую библіотеку по всѣмъ отраслямъ отечественной исторіи, и особенно плодотворны были послѣдніе годы, когда издавались *Чтенія* Московскаго Общества. Единъ у нихъ былъ недостатокъ: это не всегда тщательный и важный выборъ статей для перваго ихъ отдѣла—*изслѣдованія*, то впрочемъ объясняется тѣмъ, что *Чтенія* были изданіемъ періодическимъ и срочнымъ, долженствующимъ печатать лучше изъ того, что есть подъ рукою. Съ прошедшаго 1849 года Общество вмѣсто того издаетъ *Временникъ*, книгами, выходящими въ свѣтъ въ неопредѣленные сроки. Желая познакомить нашихъ просвѣщенныхъ читателей съ трудами Общества въ наступающемъ учебномъ году, мы выждали выхода всѣхъ шести то-

мовъ этого изданія, и намѣрены представить краткій и по возможности полный очеркъ ихъ содержанія, сказавъ однако предварительно нѣсколько словъ о планѣ и объемѣ изданія, что, какъ извѣстно, въ ученomъ дѣлѣ занимаетъ по важности далеко не послѣднее мѣсто.

«Каждая книжка *Временника*», сказано въ предисловіи къ этому изданію, «состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: *Изслѣдованій, матеріаловъ и смѣси*. Въ первомъ изъ нихъ будутъ помѣщаться преимущественно статьи, объясняющія исторію внутренняго устройства Русскаго Государства, развитіе его права и администраціи, причѣмъ Общество не отказывается помѣщать здѣсь статьи, относящіяся къ разрѣшенію и другимъ вопросамъ отечественной исторіи, и въ особенности служащія къ объясненію историческихъ источниковъ, которые, благодаря просвѣщенному вниманію правительства, въ настоящее время излаются въ большомъ количествѣ, и требуютъ неумолимой, хотя внѣшней обработки, для того чтобы дальнѣйшимъ изслѣдователямъ можно было пользоваться ими съ большимъ убѣжденіемъ и довѣренностью. Въ отдѣлѣ *матеріаловъ* также преимущественно будутъ издаваться оффиціальныя и частныя памятники государственной и частной жизни нашего отечества. Наконецъ, отдѣлъ *смѣси* представляется статьямъ, или малымъ по объему, или по чему либо неподходящимъ къ разрядамъ, упомянутымъ въ первыхъ двухъ отдѣлахъ, но тѣмъ не менѣе сообразнымъ съ общою цѣлю изданія. «Уже съ перваго взгляду видна многосторонность этого плана, обнимающаго нашу науку. Соответствуетъ ли исполненіе такому предположенію покажетъ разборъ содержанія «*Временника*» по тремъ его отдѣламъ. Мы начнемъ по порядку съ *изслѣдованій*.

Большая часть статей въ этомъ отдѣлѣ принадлежитъ секретарю Общества г. Вѣляеву, и хотя не всѣ онѣ отличаются сликомъ тщательною отдѣлкою, хотя въ нихъ мы иногда встречаемъ парадоксы, которые, пожалуй, въ дѣлѣ науки новой аксиомы, тѣмъ не менѣе однакоже заслуживаютъ особеннаго вниманія и на нихъ то мы позволимъ себѣ преимущественно остановиться.

Двѣ статьи г. Вѣляева о *жителяхъ московскаго государства, ихъ правахъ и обязанностяхъ* посвящены предметамъ чрезвычайно важнымъ и не вполне яснымъ въ древней нашей исторіи, а именно: одна говоритъ о *дружинѣ и землицѣ* (кн. 1), а другая о *боярахъ* (кн. 3) О каждой нѣсколько словъ.

Въ Москвѣ и другихъ городахъ Руси жители прежде всего

раздѣлялись на земцовъ и княжцвъ, или на земщину и княжскую дружину. Первые носили названіе своего города или племени: москвитяне, любчане, обверяне и пр., а вторые назывались по имени Князя, Вячеслава дружина, Мстислава, Ярославля и т. п. Въ официальныхъ памятникахъ и летописяхъ различіе это ясно и постоянно существуетъ. Земцами или земщичною назывались племенные, местные жители города и его области, изъ нинягой же дружины принадлежали пришельцы, продолжавшіе Князя и съ ними вмѣстѣ принятыя городомъ. Пришельцы эти первоначально состояли преимущественно изъ Варяговъ, соплеменныхъ Рюрику, съ которыми онъ пришелъ въ Новгородъ и которые нѣсколько времени повелись новыми дружинами изъ Скандинавіи, но потомъ князья начали приидать въ свои дружины всѣхъ охотниковъ, безъ различія къ какому бы народу и племени они не принадлежали, и изъ Половцевъ, Печенеговъ, Торковъ, Угровъ и Ляховъ, только бы принадлежать были вѣрнымъ слугою и удалымъ воиномъ. При этомъ вмѣстѣ съ чужеземцами стали поступать въ княжескія дружины, по равнымъ разсчетамъ и жители городовъ, занятыхъ князьями, или земцы. Когда потомки Александра Невскаго утвердились въ Москвѣ, тогда княжескія дружины уже преимущественно состояли изъ земцовъ, приходившихъ служить князьямъ изъ разныхъ городовъ Русии... Въ они, составляя только дружину Князя, и кроме выгоды княжеской службы, ничѣмъ не привязываясь къ городу, жили тамъ только до тѣхъ поръ, пока жилъ самъ Князь; съ удавленіемъ или съ смертью его удалялись и дружинники, и прилагали къ его наследникамъ или же искали другихъ князей. Такъ по смерти В. К. Андрея Александровича, по свидѣльству Новгородской летописи, ибояре его, съ ними же Іакимъ бояринъ и др., по жельотъ его отъѣхали въ Тверь къ В. К. Михаилу Ярославичу Тверскому. Опрѣдѣленію взаимныхъ отношеній этихъ двухъ разрядовъ служилыхъ людей между собой, равно какъ къ боярству, народу и землѣ, посвящена статья г. Вадцова. Отдѣленіи эти, при различныхъ обстоятельствахъ, видоизмѣнялись, и хотя такое положеніе дѣлъ всегда сохраняло въ равновѣсіи выгоды обѣихъ сторонъ, тѣмъ не менѣе нигдѣ въ отечественной исторіи нѣтъ того критическаго перелома въ бытѣ народа, нѣтъ того напряженнаго состоянія, которое условливается внутреннею борьбою сословій и ихъ интересовъ, чего у насъ никогда не бывало и при мирномъ, тихомъ развитіи, составляющемъ отличительную черту нашей исторіи, быть не могло. Старшій, Великій, и Младшій Удѣльный князья, приходя

въ доставшуюся имъ по общему раздѣлу Государевой вотчины область, приводили съ собою дружину, которая въ мирное время составляла совѣтъ, думу Государя, а на войнѣ его ближайшую стражу. Вместе съ тѣмъ однако каждая область имѣла и свое туземное ополченіе. По мѣрѣ того, какъ Московскій В. Князь становился государемъ и обладателемъ всея Руси, во мѣрѣ того, какъ къ Москвѣ присоединялись одинъ за другимъ удѣльные княжества, и удѣльныя дружины и земщины теряли свое значеніе, и сливались съ московскою государевою дружиною, а продолжая существовать поврежнему въ городахъ и областяхъ составляли ихъ гарнизоны, подчинялись постановленному надъ ними отъ государя воеводѣ, и были въ полной отъ Московскаго Самодержца зависимости.

Тѣ же начала мы видимъ въ исторіи служилыхъ людей вообще и бояръ въ особенности: и тутъ нельзя не замѣтить различія ихъ по мѣсту службы тому или другому Князю и по мѣсту жительства, принадлежности по рожденію, владѣнію землемъ, по занятію, даже къ определенной общинѣ, что и называется *племутіемъ* къ извѣстному городу. Этимъ объясняется, почему переходы служилыхъ людей изъ одной области въ другую, или мѣрѣ, отъ одного удѣльнаго князя къ другому, обращали на себя постоянное вниманіе, и почему условія, до этого предмета касавшіяся, всегда подробно обозначались въ договорныхъ грамотахъ Князей между собою и въ договорахъ Великихъ Князей съ Новгородомъ. Первымъ классомъ служилыхъ людей въ московскомъ государствѣ были *бояре*, и на нихъ то г. Бѣляевъ преимущественно и останавливается. «Этимъ именемъ,» говоритъ авторъ, «въ нашихъ древнихъ официальныхъ памятникахъ означалось вообще все высшее, первенствующее сословіе служилыхъ людей въ государствѣ. По этому боярство было собственно родовымъ, незаконнымъ достоинствомъ извѣстныхъ фамилій и родовъ, каждый представитель боярскаго рода, безъ различія старшій или младшій, былъ уже бояриномъ, какъ скоро вступалъ на службу. Въ послѣдствіи же времени, съ болѣе развитіемъ государственнаго устройства, боярство сдѣлалось чиномъ, достоинствомъ лица, получавшаго это званіе своею службою, безъ передачи его потомкамъ.» Дѣйствительно, бояринъ былъ первоначально не болѣе, какъ старѣйшій представитель благороднаго семейства, туземнаго ли происхожденія или, напротивъ, семейства пришлаго, находившагося въ княжеской дружинѣ и тѣмъ приобретающаго почетъ. Наслѣдственность этого званія и нынѣ объясняется преобладавшимъ во всемъ нашемъ быту родо-

ннѣ элементомъ, по силѣ котораго сынъ благороднаго отца хотѣлъ быть ничѣмъ ниже своего предка, что и породило истинчество. Съ развитіемъ же государственнаго начала борскій санъ давался съ разборомъ, и г. Бѣляевъ думаетъ, что ружіе бояре, потерявшіе со времени В. К. Василя Васильевича Темнаго свое значеніе, стали означаться именемъ *боярскихъ дѣтей*. Такъ ли это, трудно донавать, во всякомъ случаѣ предположеніе вѣроятно.

Тому же автору принадлежатъ два жизнеописанія: Великихъ Князей, Константина Всеволодовича (кн. 3) и Александра Невского (кн. 4). Почему авторъ избралъ перваго, самъ г. Бѣляевъ объясняетъ такъ: «Князь Константинъ Всеволодовичъ представляетъ замѣчательнѣйшую личность на Руси въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка; онъ почти одинъ въ средѣ современныхъ ему князей—ратоборцевъ воителей является ангеломъ мира и ревностнымъ почитателемъ книжнаго ученія. Современники любили его названіемъ: «око слѣпымъ и нога хромымъ и рука юмущимъ угѣшенія». Они говорили, что «Богъ одарилъ его протостью Давыдовою и мудростью Соломонею.» Къ сожалѣнію истощены, занятые описаніемъ войнъ и междоусобій своего времени, оставили очень немного извѣстій объ этомъ замѣчательномъ Князѣ, и тѣ извѣстія, какія есть, разбросаны и разъединены такъ, что нелегко составить хотя приблизительное понятіе объ этомъ Князѣ.» Біографія составлена полно и отчетливо; но такъ гораздо болѣе понравилась біографія «Великій Князь Александръ Ярославичъ Невскій,» въ которой г. Бѣляевъ въ связи съ исторіею, современной неvesкому герою Руси, рассказываетъ жизнь этого замѣчательнаго Государя. Есть страницы, написанныя съ увлеченіемъ и знаніемъ дѣла. Вотъ совершенно правильное и съ исторіею согласное объясненіе характера Александра Невскаго и его дѣйствій. Этотъ характеръ Великій Князь Александръ Ярославичъ выдерживалъ во все свое правленіе, и г. Бѣляевъ не упускаетъ обстоятельства этого изъ виду въ продолженіе всего своего разсказа. Особенно хорошо описаны отношенія В. Князя къ Монголамъ, и прослѣдивъ труды его, подъятыя на пользу Россіи, нельзя не заключить дѣйствъ съ лѣтописцемъ, что онъ потрудился за Новгородъ и за всю Русскую землю. Справедливо замѣчаетъ г. Бѣляевъ, что заботы и попеченія Александровы принесли богатѣйшіе плоды. Государя русскіе, идя по пути, имъ продолженному, не только успѣли отстоять все права Россіи, выхлопотанныя Александромъ у Монголовъ, но даже совершенно освободили отечество отъ

зависимости иноплемениковъ, и покорили себѣ враговъ земь руской.

Къ объясненію исторіи составленія русскихъ лѣтописей и значенія ихъ въ нашемъ отечествѣ служатъ два изслѣдованія г-на же Бѣлскаго, изъ которыхъ одно — *русскія лѣтописи по Лаврентьевскому списку си 1111 по 1169 годъ* (кн. 2), а другое о *разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей* (кн. 5). Первая статья заключаетъ въ себѣ сравненіе Нестеровой лѣтописи по двумъ спискамъ, Лаврентьевскому и Ипатьевскому, при немъ указаны ихъ общія черты и различія въ хронологическомъ порядкѣ. Хотя трудъ этотъ полезень при дальнейшей работкѣ, но шель далеко ниже изслѣдованія о видахъ русскихъ лѣтописей, отличающагося искренностью и новостью взгляда на предметъ. Дюбо въ томъ, что авторъ хочетъ объявить, почему существуютъ такъ много русскихъ лѣтописей, которыхъ одна Археологическая Комиссія избрала 168, не говоря о томъ, что неизвѣстно сколько хранится ихъ въ разныхъ библіотекахъ, у собирателей старинныхъ рукописей, и сколько срывается во чердакахъ и кладовыхъ, въ старинныхъ домахъ, равно какъ при церквахъ и монастыряхъ? Совершенно справедливо утверждаетъ ученый изслѣдователь, что явленіе это не было слѣдствіемъ пристрастія къ историческому чтенію, или произволу, а требуетъ много, болѣе разумнаго объясненія. Дѣйствительно, задача эта разрѣшается встрѣчающимися въ самой же лѣтописи свидѣтельствами о томъ, что лѣтописи были необходимы для цѣлей государственныхъ; такъ въ 1471 году В. К. Иванъ Васильевичъ, отправляясь въ первый походъ на Новгородцевъ, признаетъ за лужичанъ брать съ собою дьяка Степана Бородатого, умѣющаго говорить по лѣтописцамъ; слѣдственно могущественный Государь, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, управляемымъ знаменитыми полководцами, не довольствуется этими преимуществами своего дѣла, но хочетъ, чтобы оно было подтверждено давними правами, и указанія на эти права ищетъ въ лѣтописяхъ: «егда, рече, принудитъ: я дьякъ вспоминаетъ, ему говоритъ противъ ихъ извѣдъ давнихъ, какъ они измѣняли Великимъ Княземъ въ предѣлы времена отцемъ его, дѣдамъ и прадѣдамъ.» Ясно, что въ древности отечественныя лѣтописи были кодексомъ правъ государственныхъ; государство тѣсно связывало свою жизнь съ исторіею и не иначе хотѣло поступать, какъ на правахъ, заслѣдствованныхъ лѣтописцами, какъ поступали отцы, дѣды и прадѣды государей. Выводъ этотъ подтверждается многими данными нашей исторіи. — Но и государственное значеніе лѣтописи

не долѣ объясняетъ распространеніе оя въ такрмъ объемѣ: для этого необходимо, чтобы лѣтописи имѣли значеніе семейное или родовое, чтобы семейства и роды видѣли въ нихъ основаніе или поддержку своихъ частныхъ правъ. И такое значеніе действительно принадлежало лѣтописи въ древней общественной жизни дащихъ предковъ: служба родовъ и семействъ основывалась на указаніяхъ разрядовъ и лѣтописей, которыя были справочною книгою въ дѣлахъ мѣстничества, и мѣстники не разъ основывали свои притязанія на «государевыхъ разрядахъ и на лѣтописцахъ.» Такимъ образомъ каждый родъ, каждое семейство имѣли особенную выгоду вести свой частный семейный лѣтописецъ, для справокъ о службахъ предковъ, для обороны, въ случаѣ нужды, родовой чести. Точно также въ каждомъ семействѣ для той же цѣли были свои частныя семейныя разрядныя книги разныхъ служебъ. Но сверхъ всего этого лѣтописи нужны были для монастырей и церквей, собственно по исторической любознательности иноковъ и священнослужителей и для увѣковѣченія церковныхъ и гражданскихъ событій. По этому лѣтописи наши, будучи вообще происхожденія мѣстнаго, заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія неодинаковыя; такъ напр. въ Софійскомъ Временникѣ помѣщены Русская Правда и Судебникъ Греческаго Царя Константина; въ лѣтописи, изданной Львовымъ, находятся ярлыки монгольскихъ хановъ, данныя разными русскими митрополитами. Третья Новгородская-лѣтопись говоритъ о разныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ, дѣланныхъ Софійскою-церковью въ пользу царя. Подобныхъ примѣровъ много, и г. Бѣляевъ совершенно правъ, видя въ подобныхъ сказаніяхъ вліаніе церкви или монастыря, которому лѣтописи обязана своимъ существованіемъ.—На основаніи такихъ соображеній, авторъ заключаетъ о существованіи слѣдующихъ видовъ лѣтописей: 1) лѣтописи государственной, 2) лѣтописи семейной и родовой, 3) лѣтописи монастырской или церковной, и наконецъ 4) лѣтописи литературной, т. е. писанной только по исторической любознательности составителей, къ каковымъ принадлежатъ наши лѣтописные сборники Троицкій, Никоновскій, Воскресенскій и др. Каждому изъ этихъ видовъ лѣтописи авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ, и на основаніи извѣстій, самую же лѣтописью сохраненныхъ, дѣлаетъ выводы о взаимномъ вліаніи каждого изъ этихъ родовъ источниковъ. Много высказано при этомъ лѣтдыхъ замѣчаній, и если предметъ не вполне исчерпанъ, то основаніе труду положено твердое, и образъ разсужденія автора на предметъ правдивъ.

За изслѣдованіями г. Бѣляева идутъ статьи г. Погодина. Такъ какъ у него, наперекоръ новѣйшей нашей исторической школѣ, любящей дѣлать выводы (если иногда и не на точномъ основаніи фактовъ, то вѣдь это вина изслѣдователя, а не какъ не науки), есть особенный образъ воззрѣнія на событія и на исторію, равно какъ на учебное изложеніе ея, то мы, чтобы не возвращаться болѣе къ тому же предмету, упомянемъ о немъ. Каждый можетъ смотрѣть на предметъ по своему—это его воля; дѣло же критики оцѣнить достоинство этой методы. Въ началѣ одной изъ своихъ статей ветеранъ историкъ говоритъ: «подвергнемъ междоусобія Князей Русскихъ строгому, подробному, химическому анализу или разложенію, и изслѣдуемъ, за что, какъ, гдѣ, когда, кѣмъ они велися, и какое могли имѣть вліяніе на дѣствующія лица, на всю землю и ея судьбы. Постараемся, оканчивая авторъ, вести наши изслѣдованія путемъ строгихъ *математическихкихъ*». Въ замѣтн *химическаго анализа*, предполагающаго внутреннее и существенное разложеніе предмета на стѣхійныя, если возможно, начала, мы встрѣчаемъ голый перечень взятыхъ изъ лѣтописей извѣстій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, и изрѣдка, какъ будто невзначай, попадаетъ общая фраза. Работа, мы это знаемъ по опыту, копотливая, но, признаемся, неблагодарная, и если фактъ останется неосмысленнымъ, если онъ не заговоритъ, если онъ не будетъ содѣйствовать къ выведенію началъ науки, онъ не принесетъ пользы и не привьется къ наукѣ. Да не подумаетъ кто, что мы отвергаемъ важность и значеніе въ наукѣ фактовъ: напротивъ, мы сознаемъ ихъ необходимость, но не какъ цѣль, а какъ средства къ достиженію другой, высшей, философской цѣли. Фактъ и мысль которая бы связывала отдѣльныя данныя, должны быть, по нашему мнѣнію, такъ же едины и нераздѣльны, какъ мысль и слово... иначе, воля ваша; явленіе остается не вполне гармоническимъ, и слѣдовательно, не совсемъ правильнымъ. Г. Погодинъ собралъ матеріалы съ такою отчетливостію, съ какою ихъ могъ бы собрать только человекъ, обладающій равнымъ съ нимъ терпѣніемъ и знаніемъ дѣла, что, какъ извѣстно, дается далеко не каждому, но додѣлывать придется другому, котораго заслугу наука признаетъ съ благодарностію. Переходимъ къ изслѣдованіямъ г. Погодина въ частности. Сюда принадлежатъ: 1) *междоусобія войны* съ 1055 по 1240 годъ (кн. 2 и 3). Важность этой эпохи отечественной исторіи авторъ объясняетъ такъ: «У насъ наследственное право состояло въ одномъ семейномъ обычаѣ, который искони передавался

отъ отцевъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ, безъ всякой опредѣленной формы, всего менѣе юридической. Присоедините, продолжаетъ авторъ, бравный духъ господствующаго племени, избытокъ физической силы, неукротимость первыхъ страстей, жажду дѣятельности, которая нигдѣ болѣе, по перемѣнившимся внѣшнимъ обстоятельствамъ, не находила себѣ поприща, и вы поймете, почему междоусобія занимаютъ самое видное мѣсто въ нашей исторіи, отъ кончины Ярослава до владычества Монголовъ, 1054-1240 г. Впрочемъ они были совѣтъ не таковы, какими у насъ, безъ ближайшаго разсмотрѣнія, представлялись и представляются.» По принятому плану, авторъ разбираетъ свой предметъ по отношенію времени—когда, и мѣста—гдѣ происходили междоусобія Князей, равно какъ лицъ, дѣйствовавшихъ и участвовавшихъ въ нихъ. Всѣ эти свѣдѣнія представлены безъ всякой дальнѣйшей критики, въ хронологическомъ порядкѣ и въ такомъ видѣ, какъ они слѣдуютъ одно за другимъ въ лѣтописи. Наконецъ разрѣшенъ тѣмъ же путемъ вопросъ о томъ: за что Князья воевали, и авторъ доходитъ до убѣжденія, что главною причиною, источникомъ, цѣлюю всѣхъ междоусобныхъ войнъ были *волости*, т. е. владѣнія. Былъ даже для означенія этого понятія особый глаголъ, вышедшій теперь изъ употребленія и опредѣляющій характеръ междоусобныхъ войнъ—*волоститься*; а Князья или Государя назывались въ этомъ отношеніи *волостелами*. Въ связи съ этимъ изслѣдованіемъ находится статья того же автора 2) *о сношеніяхъ Удѣльныхъ Князей между собою (1054-1240)*. (кн. 6). При помощи той же аналитической методы, авторъ исчисляетъ случаи, въ которыхъ Великій и Удѣльные Князья приходили между собою въ соотношеніе, и разобравъ ихъ, доходитъ до убѣжденія, что всѣ сношенія Князей между собою, всѣ ихъ договоры, союзы и ссоры шли главною причиною *владѣній*, кромѣ пемпогихъ частныхъ случаевъ. Какъ положеніе о главной причинѣ сношеній Князей между собою, такое мнѣніе справедливо; но конечно, ученый авторъ также согласится съ нами, что были другія, не менѣе важныя причины, о которыхъ и упоминается почти въ каждой договорной грамотѣ—общій миръ и союзъ, переговоры о служилыхъ людяхъ и т. п. 3) *О посадникахъ, тысяцкихъ и тиунахъ (1054-1240)*. Здѣсь (кн. 1.) авторъ исчисляетъ заключающіяся объ этихъ должностныхъ лицахъ въ лѣтописи извѣстія, и выводитъ, что собственно составляло назначеніе каждаго изъ нихъ. Если хотите, ничего новаго г. Погодинымъ не представлено, но онъ, какъ кажется, впадаетъ въ ошибку, общую и другимъ изслѣдо-

тедямъ, а именно, что современныи нашъ быть переносити на вѣка, давно минувшія, и потому саюовники тѣхъ временъ сравниваются съ существующими теперь, тогда какъ подобаго распредѣленія должностей ни у насъ, ни у одного народа въ младенческомъ состояніи администраціи не было и даже быть не могло: напротивъ, лицу поручалась область, вѣртался городъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на чиновника возлагалась самая разнообразная и всесторонняя обязанность. Все, что можно сказать, это то, что въ назначеніи одного лица прообладала дѣятельность судебная, другаго административная, но никакъ неболѣе; обыкновенно же кто судилъ, тотъ и радилъ, т. е. управлялъ. Вотъ выводы г. Погодина: «Посадники были у насъ во всѣхъ городахъ и даже волостяхъ, назначались Князьями, и даже заступали ихъ мѣсто, т. е. были ихъ намѣстниками, правителями, и соотвѣтствовали позднѣйшимъ воеводамъ или нынѣшнимъ гражданскимъ губернаторамъ. Тысячскіе начальствовали по городамъ отъ князей военными ихъ силами (тысячами), и предводительствовали ими на войнѣ (держали воеводство). Это были въ родѣ корпусныхъ генераловъ нашего времени. (?) Тіуны въ городахъ имѣли въ своемъ завѣдываніи преимущественно княжіе доходы, собирали разныя пошлыны, и соотвѣтствовали казначеямъ.» Всѣ эти опредѣленія вѣрны только отчасти, и никакъ нельзя отрицать, что каждое изъ исчисленныхъ лицъ завѣдывало и судомъ и расправою, что ясно даже изъ приведенныхъ самимъ же авторомъ свидѣтельствъ.

По принятому нами порядку, слѣдуетъ еще упомянуть объ остальныхъ помѣщенныхъ въ отдѣлѣ *изслѣдованій* «Временника» статьяхъ, а именно: 1) *Еще вопросъ о Несторѣ* (кн. 1). Авторъ ея, г. Казанскій, предположилъ разрѣшить вопросъ, можно ли думать, что писатель житія Преподобнаго Θεодосія Печерскаго и лѣтописецъ, извѣстной подъ именемъ Несторовой, есть одно и то же лицо? и разрѣшаетъ его отрицательно, въ доказательство чего приводитъ разнорѣчивыя свидѣтельства обонхъ этихъ памятниковъ. Главное изъ доказательствъ состоитъ въ слѣдующемъ: изъ житія видно, что писатель есть іеродіаконъ Печерскаго монастыря Несторъ, пришедшій при игумнѣ Стефанѣ въ обитель, что онъ не былъ самовидцемъ Θεодосія, но писалъ только то, что слышалъ отъ его современниковъ; и во всемъ житіи Несторъ не говоритъ, чтобы онъ былъ самовидцемъ Θεодосія, но ссылается на другихъ. Въ лѣтописи же, составитель ея, рассказавъ о началѣ Печерскаго-монастыря и о введеніи въ немъ уставу студійскаго, прибавляетъ: «Θеодосіемъ же живущу въ монасты-

рѣ правду добродѣтельное житіе и чернчяское правду и принимающу всякаго приходящаго къ нему. Къ нему же и азъ приидохъ худый и недостойный рабъ. И пріять ми лѣтъ ми сущю 17 отъ рожденія моего.» (Полн. собр. лѣт. I. 69). Такимъ образомъ составитель говоритъ о себѣ, что онъ былъ ученикомъ Феодосія, и начиная свою похвалу препод. Осодосію, по обрѣтеніи мощей его, лѣтописецъ повѣствуетъ: «Азъ же грѣшныи твой рабъ и ученикъ.» Есть и другія мѣста въ лѣтописи, которыя подтверждаютъ это показаніе. Всѣ эти несогласія между собою двухъ Несторовъ, несогласія которыя никакимъ предположеніемъ не могутъ быть устранены съ положительною достоверностію, заставляютъ заключать, что лѣтописецъ зналъ житіе Феодосіево, написанное Несторомъ, и не желая повторять того, что тамъ написано, только старался исправить извѣстія, которыя передалъ Несторъ, и дополнить имъ опущенное. Ближайшее сравненіе этихъ двухъ памятниковъ, мастерски сдѣланное г. Казанскимъ, дѣйствительно убѣждаетъ насъ въ справедливости этого вывода.—2) Исслѣдованіе г. *Ундольскаго* о значеніи вручьѣта въ каскаліи, способъ провѣрять имъ датины, и рѣшеніе посредствомъ вручьѣта того, что годъ сентябрьскій предшествуетъ году мартовскому 6-ю мѣсяцами. (кн. 4). Для этого ученый авторъ, посвятившій труды свои преимущественно развитію древней отечественной хронологіи, какъ науки, разбираетъ всю теорію *вручьѣтнія*, и положеніе свое, выраженное въ заглавіи статьи, подтверждаетъ свидѣтельствами, какъ греческихъ историковъ, такъ и Несторовой лѣтописи. Исслѣдованіе это такъ сложно и учено, что мы не беремся ближе разсматривать его, тѣмъ болѣе, что вопросы о хронологіи не всѣхъ занимаютъ; а любитель этого предмета конечно не расклется, прочитавъ и даже изучивъ сочиненіе г. Ундольскаго; и 3) статья г. *Смирнова*—о посольствѣ Ильи Даниловича Милославскаго и дьяка Леонтія Лазаревскаго въ Турцію въ 1643 году (кн. 6) заключаетъ въ себѣ подробный рассказъ объ этомъ посольствѣ, имѣвшемъ цѣлю уладить отношенія казаковъ къ Турціи и миръ послѣдней съ Россією.

Еще богаче второй отдѣлъ «Временника», заключающій въ себѣ *матеріалы* для отечественной исторіи, и въ главѣ ихъ конечно должно поставить чрезвычайно любопытный памятникъ, открывающій такъ много новаго въ жизни нашихъ предковъ и объясняющій какъ нельзя лучше внутренній бытъ нашего отечества во времена давно-минувшія. Мы говоримъ о *Домостропѣ Благовѣщенскаго Иона Сильвестра*, къ которому предисловіе написа-

но покойнымъ Д. П. Голохвастовымъ. Памятникъ этотъ принадлежитъ знаменитому Благовѣщенскому священнику Сильвестру, занявшему такое важное мѣсто въ исторіи Царя Іоанна Васильевича Грознаго. Тождество его съ авторомъ Домостроя, перешедшимъ въ Москву изъ Новгорода и имѣвшимъ единороднаго сына по имени Аноима, несомнѣнно доказывается: 1) словами Курбскаго въ первой главѣ исторіи Іоанна: «спринде къ весу единъ мужъ, презвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришедъ отъ Новгорода Великаго;» 2) словами самаго Іоанна въ отвѣтъ князю Курбскому: «Бога ради и чаду его (Сильвестра) сотвори хъ и по се время въ благоденствіи пребываютъ; точно убе лица нашего не зря;» и 3) надписью, открытою Стросомъ на рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, хранящейся въ Новгородской Софійской Библіотекѣ: «Сія книга Зерцало, государское данье, попа Селиверста Благовѣщенскаго, во иждѣхъ Спиридона, и сына его Аноима.»—Важность лица, которому Домострой обязанъ своимъ существованіемъ, ставитъ памятникъ этотъ въ глазахъ изслѣдователя еще выше, хотя онъ по самому содержанію своему есть явленіе чрезвычайно замѣчательное. Это кодексъ домашней жизни нашихъ предковъ по стародавнему обычаю, и въ самомъ заглавіи цѣль его выражена такъ: «Книга, глаголемая Домострой, имѣетъ въ себѣ вещи зело полезны, въ ученіе и показаніе всякому Христіанину, мужу и женѣ, и чадомъ и рабомъ и рабынямъ.» Должно признаться, что этому назначенію Домострой соответствуетъ какъ нельзя лучше полнотою изложенія, здравомысліемъ и самою доступностью излагаемыхъ правилъ. Чтобы дать понятіе о содержаніи Домостроя, мы выпишемъ оглавленіе, находящееся при подлинномъ Домостроѣ и составляющее слѣдственно часть его: 1. Наказаніе отъ отца къ сыну; 2. Какъ Христіаномъ вѣровати во св. Троицу и Пречистую Богородицу и Кресту Христову и Святимъ небеснымъ безплотнымъ Силамъ и всѣмъ Святимъ...; 3. Какъ Тайнамъ Божиимъ причащатися и вѣровати воскресенію мертвыхъ, и страшнаго суда чаяти и касатися всякой святини; 4. Какъ любити Господа отъ всея души, тако жъ и брата своего, и страхъ Божій имѣти и память смертнующую; 5. Какъ святительскій чинъ почитати, тако жъ и священнической и монашеской; 6. Какъ постыцати въ монастыряхъ и въ больницахъ и въ темницахъ и всякаго скорбна; 7. Какъ царя или князя чтити и повиноватися во всемъ, и всякому властелю покоритися и правдою служити имъ во всѣмъ, и къ большимъ и къ среднимъ и скорбнымъ и маломощнымъ, и ко всякому человѣку, какому

быти, и себѣ о всемъ внимати; 8. Како домъ свой украсити святыми образы, и храмъ чистъ имѣти; 9. Како къ церквамъ Божиимъ и въ монастыри съ приношеніемъ приходити; 10. Како священниковъ и иконовъ въ домъ свой призывать молитися; 11. Како кормить приходящихъ, въ дому, съ благодареніемъ; 12. Како мужу съ женою и съ домохадцы, въ дому своемъ молитися; 13. Како мужу въ церкви и женѣ молитися и чистота хранити и всякаго зла не творити; 14. Како чтити дѣтемъ отецъ своихъ духовныхъ, и повиноватися имъ во всемъ; 15. Како дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страхѣ Божіи; 16. Како дочь воспитати, съ надѣлкомъ замужъ выдати; 17. Како дѣти учити и страхомъ спасти; 18. Како дѣтемъ отца и мати любити и беречи, и повиноватися имъ, и поконти ихъ во всемъ; 19. Како всякому чловѣку руководѣннчати и всякое дѣло дѣлати благословяся; 20. Похвала женамъ; 21. Наказъ мужу и женѣ и дѣтемъ и людямъ: како лѣпо быти семь; 22. Каковы люди держати и какъ о нихъ промышлати во всякомъ ученіи и въ Божественныхъ заповѣдехъ, и въ домовномъ строеніи; 23. Како врачеватися Христіаномъ отъ болѣзни и отъ всякихъ скорбей; 24. О неправедномъ житіи; 25. О праведномъ житіи; 26. Какъ жити чловѣку смѣтя свой животъ; 27. Аще кто не разсуда о семъ живетъ; 28. Аще кто слугъ держитъ безъ строя; 29. Поучити мужу своя жена; 30. Добрыя жены руководѣльные плоды и береженье всему, и што скронти, и остатки и обрѣзки беречи; 31. Какъ всякая платье кронти; 32. Всякая порядня домашняя держати; 33. По вся дни государыни дозирати у слугъ всего; и домашней порядки и руководѣля; 34. По вся дни женѣ съ мужемъ о всемъ спрашиватися и совѣтовати о всемъ: какъ въ люди ходити и къ себѣ призывать и съ гостями что бесѣдовати; 35. Слугъ наказывати, какъ въ люди посылати съ чемъ доведется; 36. Женамъ наказъ о пьянствѣ и о пьяномъ питіи и слугамъ тако жъ; 37. Какъ платье всякое женѣ носити и устроить; 38. Какъ избная порядня устроить, хорошо и чисто; 39. Аще мужъ самъ не учитъ, онъ судъ отъ Бога приметъ; аще самъ творитъ и жену и домохадцовъ учитъ: милость отъ Бога приметъ; 40. Самому государю или кому прикажетъ, годовой запасъ и всякій товаръ купити; 41. Себѣ на обиходъ всякій товаръ купити заморскій и изъ дальнихъ земель; 42. О томъ же, коли что купитъ, у кого селъ пѣтъ, и великой домашній обиходъ, и лѣтъ и зимѣ, и какъ занасати въ годъ и дома животина всякая водити, и ѣства и питіе держати всегды; 43. А только мужъ принаестъ въ годъ

всякаго запасу и постяго и тому устрой; 44. О запасной при-
были впередъ; 45. Огородъ и садъ какъ водити; 46. Какъ че-
ловѣку запасное питье по себя и про гостя и какъ устрои-
ти при людехъ; 47. Тому же пивоваренной наказъ; 48. У по-
варовъ и у хлѣбниковъ и вездѣ всякой порядки ключнику доз-
рати; 49. Мужу съ женою совѣтовати: какъ ключнику при-
казати о столовомъ обходѣ и о поварнѣ и о хлѣбнѣ; 50. Ключ-
нику приказъ, какъ пирь лучшется; 51. Наказъ отъ государя ключ-
нику: какъ ѣства постная и мясная варити и кормити себя и
мясеѣдъ и постъ; 52. Въ житницахъ и въ зѣкромѣхъ о береж-
нн; 53. Въ сушиль также смотрити; 54. Въ погребѣхъ и въ лѣд-
никѣхъ и на погребницѣхъ всего беречи; 55. Въ клѣткахъ и въ во-
клѣткахъ и въ оябарехъ устроиши всякая порядки и ключнику, по
государеву наказу; 56. Въ сѣнницахъ сѣно и въ конюшнѣхъ
лошади, и на дворѣ лѣсовоѣ и дровиной запасъ устроиши и ко-
жай животныя; 57. Въ поварняхъ и въ хлѣбняхъ и въ дѣлнхъ
избахъ устроиши дѣланное; 58. На погребецехъ и на лѣдникахъ
и въ житницахъ и въ сушилахъ и въ оябарехъ и въ конюшнѣхъ,
часть самому государю смотрѣти; 59. Съ слугами государя
емѣтся во всемъ, потомъ ихъ жаловати, а худыхъ изказы-
вати; 60. О торговыхъ людехъ и о лавочныхъ, потому же съ
съ ними держати; 61. Какъ дворъ строити или лавка или са-
баръ или деревня; 62. Какъ дворовое тягло платити или съ
лаки поземъ или съ деревни подати или должниковъ всякой
долгъ платити; 63. Указъ ключнику и 64. Посланіе и наказ-
ніе отъ отца къ сыну.» Вы видите, что князь Сильвестръ не
упустилъ въ поученіи своему сыну ничего важнаго; напротивъ,
онъ обнялъ жизнь по возможности всесторонне, начиная отъ
предметовъ самыхъ возвышенныхъ, и кончая самыми простыми,
обиходными, и правила его воѣ такъ привычны къ нашимъ
современнымъ даже понятіямъ, что право не грѣхъ бы руко-
водствоваться имъ и теперь еще. Обращаемъ вниманіе ваше
преимущественно на статьи о воспитаніи мальчиковъ и о при-
ученіи дѣвицъ къ хозяйству. Образцовыми можно безъ преу-
мленія назвать главы, въ которыхъ дѣло идетъ объ устро-
еніи разныхъ частей домашняго хозяйства, и преимущественно
о запаскахъ въ прокъ. Для образца слога и чтобы показать
какъ вредки наши смотрѣли на болѣзнь и на врачеваніе ея,
и съ другой стороны, какъ глубоко въ убѣжденіи народа были
языческія вѣрованія и обряды, мы приведемъ слѣдующій отрывокъ
изъ «Домостроя»: «И всякому христіанину цѣлѣти себе отъ
всякихъ различныхъ ведугъ душеварныхъ а члѣсныхъ и душе-

тлѣнныхъ и болѣзненныхъ страстей жити по заповѣдмъ Господнимъ и по отеческому преданію и по христіанскому закону... А кто безстрашенъ и безчиненъ, страху Божию не имѣетъ и воли Божіи не творитъ, и закону христіанскаго и отеческаго преданія не хранитъ, и о церкви Божіи и о церковномъ пѣніи... и всяко скаредіе творять и всякіе богомерзкіе дѣла, пѣсни бѣсовскіе, бубны и трубы, сопѣли, всякое бѣсовское угодіе, и всякое безчиніе и безстрашіе; къ сему же чарованію и волхванію: и на узы, звѣздочеты, рафли, алмахи, чернокушаніе, ворогран, шестокрыль, стрѣлки громныя, топорки, усоники, два каменіе кости волшебныя, и иныя всякія козьні, бѣсовскія. Или кто чародѣйствомъ и зелиемъ и кореніемъ и травами на смерть или на потворство окормляетъ или бѣсовскими словами и мечтанными и кудесомъ, чаруетъ на всякое зло... Оставя Бога, создавшаго ны, и милости и прощеніе грѣховъ, отъ него не требуя, еже злѣ содѣяхомъ, и приступихомъ къ нечестыгмъ бѣсомъ, отъ нихъ же отрекахомся во святомъ крещеніи, и всѣхъ дѣлъ ихъ; и призываемъ къ себѣ чародѣевъ и кудесниковъ и волхвовъ и всякихъ мечетниковъ и зеленщиковъ и съ коренемъ: отъ нихъ же чаемъ душетлѣнныя и временныя помощи, и уготоваемъ себя діаволу, во дно адово во вѣки мучиться.» Слова эти дышатъ стариною, и такихъ мѣстъ множество. Исчисленіе яствъ и наставленія ихъ приготовленія чрезвычайно любопытны въ самомъ «Домостроѣ», но для болѣшей полноты изложенія этого важнаго предмета домашняго хозяйства *Полъ Сильвестръ* посвятилъ сыну особую книгу, подъ названіемъ: «Во весь годъ яствы подавать.» (Кн. 6.) Изъ этого любопытнаго дополненія къ «Домострою» мы узнаемъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Забѣлинъ въ предисловіи, весь столовый обиходъ нашихъ предковъ, ихъ гастрономическій вкусъ; совершенно отличный отъ нашего и сохранившійся до сего времени въ частности. Впрочемъ эти книги или росписи кушаній заключаютъ въ себѣ почти одни только наименованія блюдъ, безъ подробнаго, вообще говоря, наставленія, какъ ихъ приготовить. Относительно кушаній книги эти раздѣляются на три статьи, изъ которыхъ каждая въ распредѣленіи яствъ, начинаясь съ великаго и оканчиваясь великимъ постомъ, обнимаетъ такимъ образомъ цѣлый годъ. Статьи эти, при многихъ повтореніяхъ, различаются однако въ распредѣленіи, въ приготовленіи и перѣдко въ самыхъ названіяхъ яствъ. За ними слѣдуютъ указы, т. е. наставленія, о дѣланіи медовъ, ягодныхъ морсовъ, о пивахъ, объ овощахъ и пастыляхъ и наконецъ указъ свадебному чину.

Читая всё эти исчисления кушаний и припасовъ для ихъ приправы, нельзя надивиться количеству яствъ, равно какъ разнообразію ихъ приготовленія. Замѣчательно, что въ видѣ общихъ правилъ встрѣчаются какъ бы приказы въ извѣстный періодъ времени употреблять такія-то именно кушанья; напр. «А послѣ семени дни не подають сухіе рыбы, а прибудеть съ семени дня короваевъ, поросята тѣлныя, утки тѣлвыя; а съ Дмитріемъ дни прибудеть яствы рыбныя: ухи назимые всякіе;» или: «въ оспожинъ мясоѣдъ въ столъ ѣству подають: заецъ верченой дается всегда, голова свиная подъ чеснокомъ. Съ Покрова буженина» и т. п. Такое различіе въ кушаньяхъ по временамъ года и мѣсяца, бывшее, можетъ-быть, общимъ правиломъ объясняется тѣмъ, чего въ извѣстное время было больше, то и было въ ходу.

За «Домостроемъ» попа Сильвестра по степени занимательности слѣдуютъ сообщенныя и объясненныя г. Бѣляевымъ Разрядныя книги 7113,—7124 и 7125 годовъ (кн. 1, 2 и 3). Съ того времени, какъ стало организоваться управленіе Россією на твердыхъ основаніяхъ, начали вести записки служилыхъ людей въ *Разряды*, которыми завѣдывали разныя присутственныя мѣста и лица по различію службы, до которой они относились; но въ особенную обязанность было это вѣнено Разряду, въ завѣдываніи котораго былъ весь служебный механизмъ. Разрядъ дѣлился на нѣсколько столовъ, но основаніемъ и первообразомъ всѣхъ видовъ Разрядныхъ Книгъ служили книги Московскаго-стола: въ нихъ заносились общія распоряженія по службѣ по всему московскому государству, и изъ нихъ за каждый годъ составлялась особая книга, а иногда, по множеству общихъ распоряженій, и нѣсколько книгъ за одинъ годъ. Они обыкновенно начинались указаніемъ на причину или поводъ, по которому назначалось то или другое распоряженіе; далѣе слѣдовалъ приговоръ думы или царскій указъ о назначаемомъ распоряженіи, потомъ самое распоряженіе, опредѣленіе лицъ, долженствующихъ быть на той или на другой службѣ, наказы, имъ даваемые, съ подробнымъ наставленіемъ какъ, и гдѣ имъ дѣйствовать, и наконецъ отписки воеводъ и вообще увѣдомленія о ходѣ дѣла. Наконецъ въ эти же Разряды, почти какъ необходимая часть ихъ, записывались дѣла по мѣстничеству, встрѣчавшіяся при опредѣленіи служилыхъ людей въ той или другой должности. Книги Московскаго-стола, по полнотѣ и богатству сообщаемыхъ ими свѣдѣній, самыя любопытныя для исторіи нашего отечества и для изслѣдователя русской старинной адм-

инстраціи; но тѣмъ не менѣе не всегда могутъ быть оставлены безъ вниманія и книги другихъ Разрядовъ, какъ-то: владимирскаго, украинскаго, бѣгородскаго, сѣвскаго и иныхъ, нерѣдко временныхъ, учреждавшихся на данные случаи, т. е. на время какой-нибудь продолжительной и сложной войны. Эти разрядныя книги составлялись уже по общимъ распоряженіямъ, записаннымъ въ книги Московскаго-стола, и въ нихъ развивались общія предписанія въ частностяхъ, сообразуясь съ мѣстными обстоятельствами. За тѣмъ при главномъ воеводѣ велись свои разряды, еще болѣе мелкіе и дробные. Для этой цѣли всегда состоялъ при воеводѣ разрядный дьякъ, съ особымъ отдѣленіемъ Разряда, называвшимся Разрядною-избою. Это былъ не болѣе, какъ журналъ воеводскихъ распоряженій, дѣлаемыхъ вслѣдствіе общаго государева наказа. — Изданныя нынѣ Разрядныя Книги составляютъ отличное дополненіе къ обнародованнымъ уже до сего времени матеріаламъ этого рода; онѣ относятся къ числу самыхъ вѣрныхъ и полныхъ списковъ съ оффиціальной книги, писанной въ самомъ Разрядѣ: на это указываетъ, какъ почеркъ списка, относящійся къ половинѣ XVIII вѣка, когда уже не было нужды въ составленіи Разрядовъ, такъ и самое содержаніе и порядокъ изложенія, сходный съ оффиціальными Разрядными Книгами. — Помѣщенные въ «Временникѣ» Разрядныя Книги служатъ кромѣ-того хорошимъ источникомъ для исторіи Царя Михаила Феодоровича и дѣйствовавшихъ при немъ лицъ, равно какъ исторіи мѣстныхъ случаевъ и дворянскихъ фамилій, какъ мѣстничавшихся, такъ и тѣхъ, на права которыхъ дѣлались ссылки въ дѣлахъ этого рода.

Г-ну же Бѣлеву принадлежитъ сообщеніе *Записной книги Макарьевской ярмонки Большой Таможни по сибирскимъ отпускнымъ выпискамъ 1-й половины 724 года.* (кн. 2) Это пока единственный памятникъ своего рода, отлично объясняющій веденіе торговли въ древней Руси и администраціи, которая существовала при сборѣ торговыхъ пошлинъ. Изъ этой книги мы ясно видимъ, что въ прежнее время всѣ отпускные товары должно было записывать въ таможенной отпускной книгѣ того города, откуда они отпускались, гдѣ подробно означалось, сколько какого товару и куда ему отпускъ. Изъ этой книги хозяину выдавалась отпускная выпись, съ которою онъ свободно могъ везти свой товаръ до назначеннаго мѣста. Если по дорогѣ случалось хозяину дѣлать какую-нибудь продажу изъ записаннаго то-

вара, то эта продажа отмѣчалась въ таможенной таможи, на той же выписи, съ означеніемъ цѣны проданнаго товара и взятыхъ въ казну пошлинъ. Въ таможенной книгѣ на ярмаркѣ записывались всѣ привезенные товары, съ показаніемъ мѣста, откуда, и лица, къ кому привезены, и съ означеніемъ мѣры, числа и вѣса; цѣна же отмѣчалась только противъ названія тѣхъ предметовъ, которые проданы и съ которыхъ взята пошлина, которая тут же и записывалась, съ роспискою сборщика пошлинъ, или, какъ прежде говорили, *ларечнаю*. Остальной за продажей товаръ также вносился въ таможенную книгу, съ означеніемъ, куда отпущенъ, по указанію хозяина. Кромѣ-того обнародованная нынѣ таможенная книга имѣетъ неотъемлемыя достоинства относительно указаній чисто коммерческихъ и свидѣтельствъ о житейскихъ потребностяхъ того времени и способахъ ихъ удовлетворенія. Изъ этой книги мы видимъ, на какіе товары тогда было большое требованіе и откуда они получались, и кака цѣна была этимъ товарамъ на тогдашнихъ рынкахъ; такъ, соображая ходъ настоящей китайской торговли съ тогдашней, по указаніямъ обнародованной таможенной книги, видимъ, что покупка у Китайцевъ чаю, приводящая теперь въ движеніе огромные капиталы, въ первой четверти XVIII столѣтія составляла самую незначительную статью китайской торговли, и наоборотъ важнѣйшія тогдашнія привозныя статьи: камка, атласъ, кашемиръ, китайка, фарфоровая и ценная посуда, жемчугъ и китайскіе дѣланые цвѣты, въ настоящее время почти совершенно пали, и удовлетворяются или своими внутренними провазденіями или привозомъ изъ другихъ странъ, но не изъ Китая.—Редакція «Временника» обѣщаетъ и впредь сообщать подобныя для исторіи отечественной торговли важныя матеріалы, и мы заранѣе приносимъ ей за то искреннюю благодарность.

Къ числу замѣчательныхъ матеріаловъ, которыми такъ богата «Временникъ» и болѣею частью которыхъ онъ обязанъ Секретарю Общества г. Бѣлиеву, слѣдуетъ отнести еще: 1) *Исцозыя Новгородскія книги 7090 и 7091 годоу*. Изъ этого документа видно, какъ въ XVI столѣтіи раздѣлялась Новгородская земля на пятны и погосты, сколько въ каждой изъ этихъ составныхъ частей было церквей и монастырей, сколько за ними числилось земли и какія состояли угодья, какое количество земли было подъ пашнями, сколько было перелогу, сколько подъ сѣнокосами, лугами, лѣсами и болотами, какъ велико наконецъ было населеніе той или другой пятны или извѣстнаго

погоствъ, чѣмъ оно промышляло, и какъ между равными сосло-
выми были распределены земли. Для полноты и точности вы-
водовъ о Писцовыхъ Книгахъ необходимо бы подобное же изда-
ніе московскихъ Писцовыхъ Книгъ, равно какъ книгъ тѣхъ обла-
стей, которыя присоединены къ Москвѣ ранѣ Новгородъ и въ
учрежденіяхъ которыхъ болѣе отпечатались Москва и ея ад-
министрація. 2) *Указъ о хлѣбномъ и колачникомъ вѣсу 7134 года*
заключаетъ въ себѣ подробныя указанія на производство раз-
личной продажи хлѣба и опредѣленіе цѣны этого необходимаго
предмета потребленія. Точность, съ какою правительство ста-
ралося узаконить эту таксу, изумительна по разнообразію цѣнъ,
которыя въ ржаной муцѣ простирались до 26, а въ пшеничной
до 30 сортовъ. Мѣра эта волицейская, имѣвшая въ виду обез-
вечить продовольствіе гражданъ, приводилась въ исполненіе съ
чрезвычайною осторожностію, чтобы она не могла обратиться
къ вреду хлѣбопеконъ и продавцовъ. При назначеніи цѣнъ на
хлѣбъ, кромѣ лицъ отражаемыхъ къ тому Разрядомъ, присут-
ствовали выборные люди отъ торговыхъ сотецъ. Мука поку-
палась на торгу по торговымъ цѣнамъ, потому просѣивалась въ
дѣю, ржаная на хлѣбы сѣтные и рѣшетные, а пшеничная на
калачи тертые и ковришчатые. При этомъ накладывалась цѣна
по четвертямъ: на провозъ съ торгу въ пекарню, и обратно
изъ пекарни на торгъ, на подвасье, на соль, на дрова, на
помело, на сѣянье, на сѣвчи, за работу мастеровымъ, на про-
мыселъ, на пошлины и подати за право торговли. Все это раз-
лагалось на хлѣбы и калачи по вѣсу и по числу хлѣбовъ, и для
всего этого составлялась особая роспись или такса, по которой
торговцы хлѣбомъ и калачами должны были продавать свой то-
варъ, не отступая отъ таксы ни въ цѣнѣ, ни въ вѣсѣ хлѣбовъ
и калачей. Для наблюденія за точнымъ соблюденіемъ этихъ
правилъ, ходили по торгамъ опредѣленные правительствомъ над-
смотрщики съ цѣловальниками, при чемъ на торговцевъ, отсту-
павшихъ отъ такой и дѣлающихъ какой-либо подмѣсъ къ то-
вару, налагались вѣни отъ полушалтыны до двухъ рублей съ че-
тырьмя алтынами и подutoryя деньгами. Взысканныя суммы п
имѣла подтвержденная печать лицъ вносились въ особо заведенныя
книги, которыя хранятся у надсмотрщиковъ и въ извѣстные
сроки представлялись въ Разрядъ. 3) *Книга Сеуншей 7122 года,*
(см. 4) заключаетъ въ себѣ собраніе официальныхъ извѣстій
о военныхъ дѣлахъ за цѣлый годъ, хотя извѣстія эти кратки и
гораздо слабѣе тѣхъ, которыя встрѣчаемъ въ Разрядныхъ Кни-
гахъ, но изъ нихъ видна административная дѣятельность за цѣ

лый годъ, безъ пропусковъ, и кромѣ того обнаруживается, как приводились въ исполненіе распоряженія, въ Разрядахъ предложенныя. Въ этомъ отношеніи Книга Сеунчей важна для познания самихъ Разрядовъ и даже сказаній летописцевъ: здѣсь ошибки почти невозможна, такъ какъ Книга Сеунчей составлялась изъ допесеній сеунщиковъ или гонцовъ, присылаемыхъ отъ военачальниковъ, и изъ памятей о наградахъ, какъ сеунщикамъ, такъ и самымъ воеводамъ. Памяти эти обыкновенно присылались изъ Дворцоваго-Приказа или изъ Приказа Казеннаго или изъ Мастерской Палаты, смотря по тому, откуда выдавались награды, при чемъ иногда описывались и придворные обряды, наблюдавшіеся при раздачѣ наградъ. 4) *Помѣстный дѣла*, а именно: о пожалованіи князю Д. П. Пожарскому и Федору Стрѣшневу земли изъ помѣстья въ вотчину, и дѣло о передачѣ помѣстья Тимошею Еремѣевымъ внуку своему Павлу Бѣшенцову,—заключаютъ въ себѣ богатые матеріалы для исторіи нашего помѣстнаго права, которое обнимало важнѣйшіе интересы государственной и частно-гражданской дѣятельности. Кромѣ-того такіе дѣла служатъ необходимымъ пособіемъ для біографіи тѣхъ служилыхъ людей, которыхъ подвиги награждались Государемъ.—5) *Дѣла объ опредѣленіи губныхъ старостъ и воеводъ по городамъ* вѣрно и ясно опредѣляютъ значеніе этихъ лицъ въ іерархіи древней Руси и въ ея администраціи, тогда какъ до-сихъ-поръ сдѣлать это было почти невозможно: памятники, доселѣ обнародованные, только упоминали о губныхъ старостахъ, то воеводахъ, то отдѣльно отъ воеводъ, не опредѣляя ближе круга ихъ занятій и отношеній другъ къ другу. Изъ нынѣ же издаваемыхъ дѣлъ ясно видно, что губные старосты, по-крайней-мѣрѣ, въ XVII вѣкѣ, имѣли тотъ же кругъ занятій, какъ и воеводы, если они управляли городомъ отдѣльно отъ воеводъ, и что важнѣйшая между ними разница состояла въ томъ, что воеводы назначались правительствомъ, губные же старосты опредѣлялись по выборамъ городскихъ общинъ, и только утверждались въ своемъ званіи отъ правительства. Кромѣ того встрѣчающіеся въ этомъ официальном памятникѣ извѣстія о другихъ служилыхъ лицахъ—городовыхъ прикащикахъ, сотскихъ, десятскихъ, цѣловальникахъ и т. п., объясняютъ ближе и ихъ значеніе и отношеніе къ другимъ администраторамъ. 6) *Списокъ съ чертежа Сибирскія земли*, заимствованный изъ рукописнаго сборника XVII вѣка и объясненный г. Спасскимъ. Въ 1846 года Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ издало «Книгу, глаголемую большой чертежъ», и нынѣ въ дополненіе къ ней

обширодовало описаніе Сибири, составленное 1672 года, описаніе, въ которомъ заключаются любопытныя свѣдѣнія о Сибири, недостающія въ Книгѣ большого чертежа. Кромѣ важности этого памятника въ географическомъ отношеніи, имъ воспользуется и историкъ для повѣрки извѣстій о происхожденіи и подвигахъ Ермака, равно какъ вообще дальнѣйшаго покоренія Сибири. Теперь издано одно описаніе Сибири, т. е. какъ сказано въ заглавіи памятника, — «города Тобольска, окрестныхъ городовъ, и остроговъ и слободъ и погостовъ и урочищъ, и дорогъ и нѣскольку ѣзды отъ города до города, и отъ которыхъ до которыхъ мѣстъ; и то въ семъ чертежѣ написано, которыя земли царства и грады и урочища и рѣки и озѣра.» Чертежи же, которые, какъ видно изъ напечатаннаго описанія, существовали, неотысканы. Любопытны розысканія г. Спасскаго, въ предисловіи и примѣчаніяхъ помѣщенные, о разработкѣ географіи Сибири и постепенномъ увеличеніи точныхъ и подробныхъ объ этой странѣ свѣдѣній. 7) *Посланіе къ Римлянамъ Льва Митрополита Русскаго*, (кн. 5) съ предисловіемъ Филарета Епископа Рижскаго, который слѣдующимъ образомъ объясняетъ значеніе этого памятника:» Послѣ перваго митрополита русскаго, св. Михаила, прибылъ въ Россію Леонтій или Левъ. Это было въ 992 году. Много предлежало ему трудовъ на поприщѣ служенія Св. вѣрѣ. Надлежало приготовить способныхъ священниковъ, для укрѣпленія вѣры въ новыхъ христіанахъ; надлежало вводить прочный порядокъ въ управленіи новыми чадми вѣры; надлежало отыскивать способы для успѣшнаго противодѣйствія языческимъ суевѣріямъ, съ которыми не могъ скоро разстаться народъ. Добрый пастырь дѣлалъ все это, какъ показываютъ памятники. Но еще новый трудъ, новыя скорби доставилъ ему миссіонеры папы. Послѣ безполезнаго покушенія обратить язычника Владимира къ латинству, они не оставили замысловъ своихъ на Россію. Въ это самое время они успѣли ввести въ Богемію на мѣсто греческаго служенія свое легкое римское служеніе, при помощи оружія Болеслава Польскаго. Императоръ Оттонъ облекъ Болеслава властью (которой и самъ не имѣлъ) надъ всѣми Славянами. Сюда же включили и Россію. Болеславъ, выдавъ дочь свою за Святополка, Владимірова сына, послалъ въ Кіевъ Кольбергскаго бискупа Рейнберга, а Папа, съ своей стороны, отправилъ посла къ Владиміру. Рейнбергъ началъ съ того, что разными происками старался возстановить Святополка противъ Владиміра, и потомъ склонилъ его даже къ папизму. Преданный душою принятой Св. вѣрѣ, Владиміръ посадилъ Рейнберга въ

темницу, гдѣ онъ и умеръ. Святѡполкъ съ женою также посаженъ въ тюрьму. По настоянію Болеслава, Владиміръ освободилъ зятя и дочь его изъ темницы, но оставилъ Святѡполка безъ удѣла. Кровавыя дѣла пѣтомца Рейнбергова, слѣдовавшія за смертью Владиміра, извѣстны: Болеславъ приходилъ съ новыиъ бискупомъ жечь Кіевъ. Погибель Святѡполка окаяннаго пожелала конецъ замысламъ Болеслава на Кіевъ. Такія обстоятельства юной русской церкви, при извѣстномъ пастырскомъ усердіи втораго митрополита русскаго, сами по себѣ показываютъ, что преемникъ св. Михаила не могъ молчать о папизмѣ; а потому въ самыхъ обстоятельствахъ времени имѣемъ основаніе для увѣренности въ томъ, что извѣстное нынѣ посланіе Льва или Константія къ Римлянамъ есть подлинный памятникъ времени Рамбавстольнаго Князя Русскаго. Все посланіе состоитъ изъ догматовъ и возраженій, касающихся отличительныхъ чертъ православной вѣры отъ ученія западной Церкви, и отличается строгою послѣдовательностью доводовъ, кротостью изложенія и духомъ смиренія. Особенно подробно развито ученіе римской Церкви объ опрѣснокѣхъ, и приведены доказательства, почему слѣдуетъ употреблять при совершеніи литургіи хлѣбъ квасный. «Опрѣснокъ», говоритъ въ одномъ мѣстѣ посланіе, «есть памятникъ бѣдствія, погибели, умерщвленія, а хлѣбъ квасный служитъ напоминаніемъ жизни, воскресенія и пребыванія съ Тѣмъ, который есть свѣтъ и жизнь міра. И такъ для чего намъ сѣшивать то, чего надолжно сѣшивать? Кде общеніе свѣта со тьмою, жизни съ смертію, воскресенія съ умерщвленіемъ? Слова Христовы таковы: Сіе творите въ Мое воспоминаніе, т. е. приносите хлѣбъ квасный; ибо сіе, по Его слову, есть «Новый завѣтъ, а названъ его новымъ, онъ отжилъ ветхій, т. е. тотъ, къ которому принадлежали опрѣсноки»—

8) *Книга, глаголемая лѣтописецъ Оедера Кирилловича Пермскаго* (кн. 5). Это одна изъ семейныхъ лѣтописей, имѣвшихъ цѣлю сохрарить въ памяти потомковъ подвиги ихъ предковъ и тѣмъ опредѣлить то мѣсто, которое они должны занимать въ служебной іерархіи и неприкосновенность котораго она должна отстаивать противъ всѣхъ притязаній чужеродцевъ. По этому здѣсь вы встрѣчаете вышвыпки изъ лѣтописей и Разрядовъ государственныхъ, но при всемъ томъ не теряется изъ виду главная цѣль—упрочить память подвиговъ лица, его рода, и въ случаѣ мѣстническаго спора быть справочною для мѣстническаго князю. Такъ какъ было неизвѣстно, въ ссылкѣ на какое мѣсто встрѣтится когда-нибудь необходимость, то указавъ на Разр-

ды полковъ и вообще служебныя распоряженія отличаются полнотою и отчетливостію. Г. Бѣляевъ въ предисловіи къ этому памятнику помѣстилъ слѣдующія свидѣнія о родѣ Нормантскихъ:» Хозяинъ или составитель лѣтописи Фѣдоръ Кирилловичъ Нормантскій жилъ во 2-й половинѣ XVII вѣка; исторіи его и ближайшихъ его предковъ мы не знаемъ, потому-что лѣтопись, имъ или по его приказу писанная, дошла до насъ безъ конца, и до которыхъ поръ она была доведена, намъ неизвѣстно, но официальнымъ же записнымъ книгамъ встрѣчаются Нормантские: подъ 7064 годомъ, Семень Ярцовъ сынъ Нормантскаго, былъ у Рышгола противъ Манистра полковымъ воеводою; подъ 7071 годомъ Игнатій Нормантскій былъ воеводою въ Шатскомъ; подъ 7086 г. Шарапъ Нормантскій въ Москвѣ осаднымъ головою; въ 7104 г. дьякъ Иванъ Нормантскій встрѣчалъ кизилбашскаго посла; въ 7107 г. новыя чети дьякъ Иванъ Алексѣевичъ Нормантскій встрѣчалъ цесарскаго посла. Наконецъ по официальнымъ боярскимъ книгамъ значится, что «Фѣдоръ Кирилловичъ Нормантскій въ 7184 г. пожалованъ по московскому списку, (т. е. изъ ямьцовъ повышевъ въ московскіе дворяне), а въ 7186 г. по повѣстѣ на челобитной думнаго дьяна Василія Семеновова учиненъ ему окладъ вновь помѣстной 500 чети в девять двадцать два рубля.»

Если мы слишкомъ долго остановились на помѣщенныхъ во «Временникѣ» матеріалахъ, то мы сдѣлали это нарочно, чтобы ближе познакомить съ ними тѣхъ изъ читателей нашихъ, которые не станутъ читать ихъ въ подлинникѣ. За-то мы будемъ короче при изложеніи содержанія послѣднаго отдѣла этого изданія—*смыси*, не потому, чтобы онъ былъ незанимательнъ, а потому, что помѣщенные въ немъ статьи по большей части кратки и не имѣютъ такой важности для науки, какъ тѣ изслѣдованія и матеріалы, на которыя мы имѣли случай обратить вниманіе въ первыхъ двухъ отдѣлахъ. Тѣмъ не менѣе мы исчислили и всѣ статьи *смыси*, и покажемъ содержаніе важнѣйшихъ: 1) *Книжная старина южно-русская* (кн. 1 и 4). Подъ этимъ названіемъ г. Максимовичъ разсматриваетъ постепенное увеличеніе книгопечатанія въ Южной Руси и на Волыни, и показываетъ, какъ здѣсь, по большей части подъ руководствомъ московскихъ книгопечатниковъ Ивана Федорова и Петра Тимофѣева Метиславцева, основывалась типографія за типографіею, и какъ кругъ книгопечатанія мало-по-малу расширялся. Особенно любопытны сообщаемыя г. Максимовичемъ, извѣстія о книгахъ

отпечатанныхъ въ каждомъ году въ каждой изъ основанныхъ въ этомъ краю типографій. 2) *Образчикъ, какъ въ старину принимали въ службу иностранцевъ.* 3) *Письма Царицы Евдокіи Лукьяновны къ ея сестрѣ Федосѣ Лукьяновнѣ Стрѣшневой;— дагѣ Околыничьяго Хитрова къ Боярину Борису Ивановичу Морозову (1654 г.), Маіора Фонъ Кирхена къ Канцлеру Головкину и отвѣты послѣдняго (Кн. 1 и 2) о разныхъ предметахъ, до семейныхъ дѣлъ и службы касающихся.* 4) *Грамота Польскаго Короля Сигизмунда III къ Московскому Патріарху Филарету, 1610 года.* 5) *Извѣстіе о жизни и трудахъ Николая Витзена, (кн. 2) замѣчательнаго амстердамскаго бургоштра, который славился многосторонними познаніями и былъ въ-стень Петру Великому, любившему бесѣдовать съ нимъ во-время пребыванія своего въ Голландіи и ведшему съ нимъ переписку. — 6) Уставная грамота 1098 года, жалованная Патріархомъ Іовомъ патріаршескому Новинскому-монастырю, съ опредѣленіемъ правъ и преимуществъ, принадлежащихъ ея-ру этого монастыря, монастырскимъ слугамъ, крестьянамъ и землямъ, на которыхъ они поселены. Изъ этой грамоты видно, какія богатая угодья были за Новинскимъ-монастыремъ и какими онъ отличался привилегіями; 7) Подарки Патріарха Царю при вѣнчаніи. Это исчисленіе предметовъ подвешенныхъ Патріархомъ Іоакимомъ Царю Феодору Алексѣевичу, при вѣнчаніи его на царство, въ благословеніе (образа) и въ даръ. Послѣдніе т. е. подарки состояли изъ дорогихъ чашъ и кубковъ золотыхъ и серебряныхъ, изъ поясовъ, атласовъ, бархатовъ и объярн. Каждой вещи означена цѣна и противъ нѣкоторыхъ даровъ отмѣчено, что Государь изволилъ ихъ принять. 8) *Сказка Самодѣла Пунверичкаго Канцеллариста войсковаго 1701/1000 года о современныхъ въ то время событіяхъ въ странахъ, сосѣднихъ преимущественно съ Малороссією.* 9) *Два письма Преосвященнаго Іоны Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и Казначей ея Иеромонаха Вассіана, писанныя въ 1673 году въ Ярославль, къ священнику Дмитріевской церкви Іоаннію (кн. 3).* 10) *Грамота В. К. Витоста, 1390 года, о раздѣлѣ земель между членами его семейства.* 11) *Роспись воеводамъ въ тѣхъ ю-родахъ, гдѣ прежде были судьи и губные старосты.* Она выписана, какъ сказано, въ Разрядъ, и заключаетъ въ себѣ официальное извѣстіе о губныхъ старостахъ и ихъ обязанностяхъ, обнимавшихъ собою управленіе всѣми дѣлами. «Въ Переславлѣ губной староста Ермола Авсинъ, и въ 136 году въ октябрѣ вѣлово ему въ Переславѣ вѣдать всякіе дѣла.» 12) *Сообщенія**

Г. Кочуевымъ свидѣнія о древностяхъ въ Оренбургской и Казанской губерніяхъ. 13) Поправка (въ чтеніи) одного мѣста въ лѣтописи. Карамзинъ въ «Исторіи Государства Россійскаго» (т. VI. стр. 364, изд. 2-е) говоритъ, что въ 1490 году, вмѣстѣ съ братомъ Великой Книгини Софіи, съ итальянскими и нѣмецкими художниками, прибылъ въ Москву капланъ Августинскаго ордена, именуемый въ лѣтописи *Иваномъ спасителемъ*. Князь же Оболенскій, какъ кажется справедливо, утверждаетъ, что вмѣсто *спаситель* должно читать *писатель*, что значить иконописецъ, такъ какъ Иванъ Фрязинъ писалъ образа, и, по убѣжденію князя Оболенскаго, былъ основателемъ того способа исанія иконъ, который у насъ до-сихъ-поръ называется *фрѣжскими письмомъ*. Въ доказательство же того, что художниковъ того рода въ древности называли *писцами, писателями*, археологъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ житія Равноапостольныя Феклы: «Призва же соби иже тѣлеса *пишетъ* и рече ему: иде, напиши ми дѣвицу осьми лѣтъ... и егда нача образъ *писецъ* писати, наставленъ бысть силою и *написа* истый образъ.»

4) *Выписка изъ Денежнаго Приказу прислана въ Разрядъ* и кажется наказанія, которому подвергнутъ денежный мастеръ *Третьячко Горнаткинъ*, за дѣланіе фальшивой монеты. 15) *О амятникъ покорителю Сибири Ермаку*, поставленномъ въ 1838 году въ Тобольскѣ, на мысѣ Чукманъ, лежащемъ надъ рѣчкою Турдюжкою, текущею въ Иртышъ. Г. Спасскій сообщилъ подобно описаніе памятника, рисунокъ котораго приложенъ къ 1-й Кн. «Временника». 16) *Два любопытныхъ юридическихъ актовъ*. 4.) Оба они относятся къ царствованію Царя Алексѣя Михайловича, и суть: а) Кабала или заемное письмо ярославскихъ посадскихъ людей Мининныхъ, Щетинниковыхъ и Шапошкова, занявшихъ въ 1667 году у посадскаго человѣка Хохоншикова 120 руб. денегъ московскихъ, съ обезпеченіемъ недвижимымъ имѣніемъ, и в) челобитная ярославскихъ Земскихъ старостъ къ царю Алексѣю Михайловичу, по случаю неплатежа кабаль. 17) *Смѣтный списокъ* ¹¹²⁰/₁₆₂₁ года о военныхъ силахъ Россіи въ это время; съ росписаніемъ служилыхъ людей по городамъ, и съ подробнымъ означеніемъ, въ какихъ городахъ по различнымъ украинамъ Россіи кто былъ воеводою. 18) *ормы крестопроводныхъ записей на вѣрноподданство* лицъ раз-

ныхъ сословіи Царю Михаилу Феодоровичу. Документы эти важны потому, что показываютъ, въ чемъ состояли главнѣйшія, и крайней-мѣрѣ, требованія государства отъ каждаго сословія, и обязанности лицъ, къ нему принадлежавшихъ, и какъ, сообразно тому, видоизмѣнилась въ своихъ подробностяхъ присяга, оставаясь въ сущности конечно неизмѣнною. 19) *Изъяснительная челобитная* Царю Михаилу Феодоровичу отъ Кологривовыхъ и другихъ Бошковскаго, о томъ, что сей послѣдній ведетъ себя дурно в подложно, въ убытокъ своему роду отчуждаетъ принадлежащія ему недвижимыя имѣнія. Жалуясь на это, челобитчики обращаютъ вниманіе на свои частныя выгоды, и просятъ ихъ защитить, «чтобы его помѣстье и вотчина въ тѣхъ ево воровскихъ крѣпостяхъ у него и у дѣтей ево напрасно не пропала и впредь бы имъ царской службы не отбыть.» По этому поводу производилось слѣдствіе, добровольно ли отчуждены эти имѣнія изъ воли или заволя владѣльца до нынѣ. Дѣло, объ этомъ предметѣ производившееся и въ «Временникѣ» напечатанное, къ окончанію, не кончено, и не видно, какой результатъ имѣла доволна разслѣдованіе, изъ него возникшее. 20) Прекрасное доводеніе въ матеріалахъ для исторіи одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей въ Россіи XVII вѣка—Князя Василія Васильевича Голицына, составляютъ письма его самого къ разнымъ лицамъ и отвѣты на нихъ, по большей части по дѣламъ служебнымъ и иногда по семейнымъ—его матери брата, и другихъ родственниковъ и родственницъ, равно какъ справка, введенная въ Разрядѣ въ 1164 году, какъ наградить Кн. В. В. Голицына за окончаніе мирныхъ переговоровъ съ Польшою (кн. 5 и 6). Замѣчательно исчисленіе заслугъ князя Голицына и какое-то недоумѣніе, какъ бы достойно наградить ихъ; 21) *Сказка Царя Алексея Михайловича по мѣстническому дѣлу 1685 года Федора Александрова*, не хотѣвшаго идти вмѣстѣ съ другими «за образы въ ходъ къ церкви Св. Пророка Іліи что въ Воронцовскомъ полѣ», и удостоившагося слѣдующаго приговора «билъ челомъ не дѣломъ, не познавъ мѣры своей, и тѣмъ своимъ челобитьемъ ево (противника) обезчестилъ и въ церковномъ чину мѣста всталъ вновь, чего напередъ того не бывало и впредь не будетъ. А до того твоего челобитья никому не слыхать въ томъ мѣстѣ и челобитья ничьего никакого не бывало».—Другой памятникъ служить доказательствомъ, какъ и по уничтоженію

на ответственности по закону, оно оставалась въ обычаѣ у болгарскихъ родовъ даже въ правленіи царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, но притязаніе на невѣстность службы высказывается уже не такъ рѣзко и рѣшительно, какъ прежде, а обнаруживается, по большей части, въ уклоненіяхъ отъ службы, подъ благовидными предлогами. 22) *Акты, касающіеся до приѣзда Максима Грека въ Россію.* Въ нашей исторической литературѣ существуетъ мѣтвѣ, что В. Князь Василій Ивановичъ нарочно вызвалъ въ Россію Максима Грека, какъ извѣстнаго своею ученостію, для разбора княжеской греческой библіотеки; изъ изданныхъ же нынѣ княземъ Оболенскимъ двухъ актовъ, до этого предмета относящихся и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностранныхъ Дѣлъ, видно, что В. Князь посылалъ грамоту не Султану, а Проту Афонской-горы, прося пригласить въ Россію «книжнаго переводчика», старца Савву; Максимъ же Грека отправилъ къ В. Князю братія Ватопедской обители вмѣстѣ со Саввою, который не могъ совершить путешествіе по причинѣ «старости и ножныя болѣзни.» 23) *Древнія вещи, найденныя въ Лихвинскомъ уездѣ:* пять перстней чистаго серебра, три юсины, также серебряныя и по мѣстамъ золоченыя, и два оловянія подвеска, изъ смѣси мѣди съ серебромъ или съ какими-нибудь другими металлами. Вещи эти, которыхъ Общество представило изображенія и подробное описаніе, по удостовѣренію Общества, принадлежать къ первымъ вѣкамъ Русскаго государства, вѣдѣкъ не позднѣе XII столѣтія. 24) *Опись Суздальскаго паса-Ефиміева монастыря въ 1660 году и каталогъ хранящихся въ обители этой книги;* 25) *Извѣстія о библіотекѣ Павла Андрополюта Сарскаго и свидѣнія о книгахъ и имуществѣ Епископа Славинскаго* любопытны потому, что лица эти были главными поборщиками просвѣщенія въ XVII вѣкѣ и сообщенныя Ундольскимъ матеріалы могутъ служить полезнымъ пособіемъ въ составленіи біографіи этихъ дѣятелей на поприщѣ исторіи. 26) *Записная книга о продажѣ хлѣба ¹¹⁷⁹/₁₆₇₁ года и цѣны на хлѣбъ и другіе припасы въ 1751 и 1752 годахъ* (Кв. 6) важный матеріалъ для статистики Россіи и исторіи отечественной торговли. 27) *Дѣло о ссылкѣ свѣжскаго подвичато Ивашки Краплина и опись имѣнія его* показываютъ, какъ въ древней Руси принадлежали лица провинившіеся въ дѣланіи и въ чемъ состояло

имущество Рускаго: образа и книги, преимущественно богоу-
жебныя, стоять на первомъ планѣ, и 28) *Протоколы заседаній*
Общества, знакомящіе насъ своевременно съ дѣятельностью Об-
щества и нерѣдко съ его намѣреніями и предположеніями.

«Временникъ» по содержанію не только не уступаетъ прежнимъ
изданіямъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россій-
скихъ, изданіямъ, за которыя наука такъ благодарна пре-
ставителямъ Общества и дѣтелямъ въ средѣ его; но по стро-
гому выбору статей, въ составъ «Временника» входящихъ, пре-
восходитъ и *Историческій Сборникъ* и *Чтенія* Общества. Поэтому
мы желаемъ ему полного и заслуженнаго успѣха, и твердо убѣ-
ждены, что изданіе это, для науки столько полезное и необхо-
димое, будетъ продолжаться долго и долго въ томъ же духѣ и
на тѣхъ же правильныхъ началахъ.

Л.

83. *Вслухій постъ* или бесѣды на св. Четырехдесятнику.
Сочиненіе Инокентія Архіепископа Херсонскаго и Таврич-
скаго. Второе изданіе. С. Петербургъ; 1850 года.

Имя Пресвященнаго Инокентія, какъ духовнаго оратора и
превосходнаго писателя духовнаго, извѣстно всякому изъ читаю-
щихъ книги подобнаго содержанія. Не говоря уже о важности и
необходимости имѣть всякому сочиненіе Пресвященнаго Ино-
кентія, мы скажемъ со своей стороны, что полнота и ясность
изложенія этой книги не оставляетъ ничего лучшаго желать.

84. *Элементарное ученіе о больницахъ сочленій*. А. Нелатона, пе-
реводъ съ французскаго, доктора Я. Чистовича. Съ 9 политизи-
ками. С. Петербургъ, 1850.

Очень полезная и дѣльная книга для посвящающихъ себя ис-

медицинскому званію, переведенная добросовѣстно и съ званіемъ дѣла. При маломъ количествѣ медицинскихъ книгъ въ нашей ученой литературѣ, намъ остается желать, чтобы подобныя книги являлись почаще.

85. *Атласъ историческій, древнихъ среднихъ и новыхъ вѣковъ*, составленный Твелькейеромъ, преподавателемъ всеобщей исторіи въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Посвященъ Его Императорскому Высочеству, Государю Наслѣднику Цесаревичу, главному начальнику военно-учебныхъ заведеній.

Выпускъ первый, большого полулистоваго формата, на велевой бумагѣ. С. Петербургъ 1850.

Послѣдующіе выпуски изготовляются и выдуть въ непродолжительномъ времени.

Незья не поблагодарить г. Твелькейера за его полезный и необходимый для учащихся трудъ. При полнотѣ и разнообразіи фактовъ и событій, которыми наполнена исторія и которые съ большимъ трудомъ удерживаются въ памяти учащихся, атласъ историческій можетъ служить очень хорошимъ пособіемъ.

86. *Библиотека путешествій для маленькихъ читателей*. Путешествія вокругъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля, съ 45 картинками и портретами, гравированными на мѣди. 10 томиковъ, С. Петербургъ 1850.

Премиленькое дѣтское изданіе, которымъ советуемъ записать всѣмъ родителямъ. Разнообразіе странъ, жителей и нравовъ, которые такъ подробно описаны у Дюмонъ-Дюрвиля, здѣсь по-

иначею хотя кратко, но ясно, съ знаніемъ дѣла и съ широкою
выборкою. Книга эта можетъ служить дѣломъ пріятнымъ и
полезнымъ чтеніемъ.

СМѢСЬ.

ПРИ ЛУЧШОМЪ СВѢТѢ.

—
Повѣсть Евгения Вестина.

—
I.

ВСТРѢЧА СТАРЫХЪ ДРУЗЕЙ.

При часа пополудни пробило на церковной башнѣ Оливѣ, это-
мнннаго мѣстечка, которое близъ Орлеана стѣсняетъ двой-
гъ рядомъ домовъ своихъ дорогу изъ Парижа въ Тулузу, на
странствѣ четырехъ километровъ.

есмотря на июньское солнце, обливающее огнемъ мостовую,
ромъ Шарденъ, первый трактирщикъ во всемъ околдкѣ,
мъ печально и задумавшись у дверей своего заведенія. Гля-
на него, какъ онъ, съ надвинутымъ на глаза колпакомъ, сто-
на одной ногѣ, какъ журавль, который караулитъ неосто-
ную лягушку, всѣ сосѣди спрашивали другъ друга:

— Чтò это дядя Шарденъ печаленъ? Развѣ на рынкѣ дичи
остало?

— Ехъ, нѣтъ! Эти проклятыя желѣзныя дороги разоряють

...

— Какъ жаль! Какой славный домъ!...

— Вотъ онъ перемѣняетъ вывѣску, чтобъ привлечь путеше-
нниковъ.

И всѣ указывали пальцами на новую доску, висѣвшую на желномъ треугольникѣ передъ подъѣздомъ. Какой-то романтичскій живописецъ, непонятый своимъ вѣкомъ талантъ, нарисовалъ ему розоваго цвѣта быка, котораго рога были обвиты гирляндами васильковъ и цвѣтовъ желѣзняка. Два Турка, въ костюмахъ комической оперы, съ кастаньетами и турецкими барабанами, вели его на веревочкѣ. Подъ этою аллегоріею, вѣрно, ни Шамзайонъ, ни Рауль Рошетъ, не узнали бы въ намелюкахъ, съ вышитыми камзолами, древнихъ жрецовъ Озириса, если бы живописецъ не объяснилъ все это подписью :

Быкъ Аписъ.

Это служило разгадкою, если она кому-нибудь нужна была.

Равнодушный ко всѣмъ разговорамъ, вокругъ него происходившимъ, трактирщикъ продолжалъ стоять задумавшись. Не дичь ему не доставало, а путешественниковъ, такъ что всѣ кастрюли и вертела на кухнѣ были теперь въ совершенномъ бездѣйствіи. А трактиръ былъ дѣйствительно хорошій, — и у трактирщика кромѣ этого заведенія, было много луговъ и садовъ, простиравшихся за его домомъ. Садъ его былъ фруктовый, и давалъ столько яблоковъ круглымъ числомъ, что Шарденъ могъ ежегодно приготавливать до двѣнадцати боченковъ сидра, который и продавалъ за ожскій сидръ, рассказывая всѣмъ, что, по древней германской мифологіи, этимъ нектаромъ были угощаемы на томъ свѣтѣ храбрѣйшіе люди.

Парижская желѣзная дорога нанесла смертельный ударъ Замтому Быку (такъ прежде назывался этотъ трактиръ), который десять лѣтъ уже славился въ окрестностяхъ Орлеана. Причинъ этого несчастія была очень проста. Теперь ѣздили въ Шенанъ Артеней и даже въ Анжервилъ гораздо скорѣе, нежели прежде въ Оливе, — и теперь ѣзда была въ спокойномъ, комфортабельномъ вагонѣ, тогда какъ прежде были отвратительные санжики называвшіеся *кукушками*. Слѣдственно, всѣ львы, актрисы, гризетки, писцы и капиталисты — предпочитали теперь вкусномъ фрикассе изъ кроликовъ, который такъ хорошо приготавливалъ Шарденъ, холодную телятину и яичницу, подаваемую по ту сторону Лоары.

Такииъ образомъ желѣзныя дороги разорили Шардена и его *Золотаго Быка*. Вотъ уже прошла недѣля, какъ къ нему не заглядывалъ ни одинъ путешественникъ.

По временамъ выглядывала изъ кухни молодая и красивая женщина, и спрашивала у печальнаго Шардена :

— Чтò? никого не видать?

И Шарденъ печально покачивалъ головою, не имѣя даже силъ отвѣчать, какъ въ сказкѣ « Синяя-Борода » Вержи отвѣчаетъ :

« Вижу только солнце, позлащающее долины, и тропинку, окаймленную зеленою травю. »

Послѣ этого г-жа Шарденъ всякій разъ возвращалась въ кухню, дѣлая разныя приготовления и поправляя свой чепчикъ.

Наконецъ судьба сжалилась надъ новымъ Аписомъ. Вдали подымалась пыль отъ двухъ всадниковъ, — и они, вскорѣ прискакавъ къ трактиру, сошли съ лошадей.

— Жермень! сказалъ одинъ изъ нихъ : поставь лошадей и помы ихъ приди ко мнѣ.

— Вашъ слуга напрасно будетъ только беспокоиться , сударь, сказалъ Шарденъ, низко кланяясь прїѣзжему. Мой конюхъ служилъ у Массевы....

Поднявъ голову, трактирщикъ увидѣлъ, что онъ напрасно рѣшается цѣлты своего краснорѣчїа, потому-что слуга уже увелъ лошадей, а господинъ вошелъ въ кухню, не слушая его фразы. Видя, что въ кухнѣ встрѣтитъ его жена, Шарденъ пошелъ за лугою на конюшню, чтобъ вывѣдать что-нибудь.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, комнату, сказалъ прїѣзжїй трактирщикъ, и велите подать бумаги и чернилицу.

— Сейчасъ! сейчасъ! А въ это время я займусь вашимъ объемомъ, отвѣчала хозяйка.

— Не беспокойтесь, я пробуду здѣсь не болѣе пяти минутъ.

— Вотъ чтò! сказала г-жа Шарденъ, не стараясь скрывать своей досады. Марфа! проводи этого господина въ № 1 й.

Въ то время, какъ путешественникъ уходилъ въ одну дверь, Шарденъ входилъ въ другую торжественно.

— Ну, чтò, жена? сказалъ онъ, потирая руки съ удовольствїемъ. Дождались мы наконецъ!

— Ничего не дождались! Стояло и хлопотать: онъ не объѣдетъ.

— Какъ такъ?

— Да! онъ остановился, чтобъ только написать письмо. Да это и не удивительно: это вѣдь медвѣдь, невидимка, владѣтель знака надъ водоворотомъ. Онъ никого не принимаетъ и самъ нигда не ѣздитъ. Что въ немъ толку?

Трактирщикъ еще болѣе прежняго нахлобучилъ себѣ козла на глаза. Но судьбѣ угодно было, чтобъ онъ весь этотъ день провелъ въ безпрестанныхъ волненіяхъ. Едва онъ успѣлъ предаться опять печальнымъ своимъ размышленіямъ; какъ на горизонтѣ показалась четырех-мѣстная почтовая коляска, — и вскорѣ послышалось хлопанье бича.

— На этотъ разъ, кажется, настоящіе путешественники! вскричалъ онъ. Эй! вы, всѣ! разводите скорѣе огонь.

Дѣйствительно, карета остановилась у трактира, съѣхавъ съ шоссе, — и Шарденъ самъ бросился отпирать дверцы и опустить подножки.

Двое мужчинъ и двѣ дамы вышли изъ коляски, и, предводимые Шарденемъ, вошли въ кухню, гдѣ огонь уже пылалъ въ трнадцати разныхъ жерлахъ.

— Что прикажете приготовить къ обѣду? спросилъ трактирщикъ.

— Ничего, мой милый! отвѣчалъ одинъ путешественникъ. Мы завтракали въ Орлеанѣ. Довольно и одного дурнаго обѣда въ день. Развѣ отъ жара и пыли выпить что-нибудь! Есть ли у тебя шампанское?

— Какъ же, сударь! Лучшій *Моета*.

— Прекрасно! значитъ вы здѣсь образованные люди. Попробуемъ твоего *Моета*.

— Хозяйка! вскричалъ первопріѣхавшій всадникъ, выходя изъ своей комнаты: Отдайте, пожалуйста, эту записку моему слугѣ, и прикажите ему, чтобъ онъ тотчасъ же съ вею уѣхалъ. А нѣтъ между-тѣмъ велите тоже подвести лошадь...

При звукѣ этого голоса, новопріѣзжіе оборотились.

— Боже мой! да это Жоржъ! вскричалъ одинъ изъ нихъ.

— Кто зоветъ меня?

— Да ужъ ты не узнаешь старыхъ друзей своихъ, Виктора д'Аданкура и Карла Пелуци!...

— Виновать! отвѣчалъ Жоржъ: но два года разлуки такъ измѣнили наши черты, что скорѣе сердцемъ, чѣмъ глазами можно узнать другъ друга.

— Этакъ ты насъ увѣришь, что мы состарѣлись, — в дѣлѣ нашихъ это будетъ очень непріятное открытіе.... Да!... ты не знаешь, что я и Карлъ оба женились въ это время. Предлагаю тебѣ молодую маркизу.... а тебѣ, моя милая, графа Жоржа де-Синѣза.

— Рекомендуйте же меня, виконтъ! сказала другая женщина, бѣгая къ своему кавалеру.

— Да это почти не нужно, отвѣчалъ Пелуцци, пожимая руку Жоржа. Адель была уже моею невѣстою, какъ ты исчезъ изъ Парижа.

— Я имѣлъ честь встрѣчать, господа, вашихъ супруговъ и прежде. Очень счастливъ, если онѣ меня не забыли, — и поздравляю васъ обоихъ, Вы не могли сдѣлать лучшаго выбора.

— А помнишь прежде, Жоржъ? сказалъ Викторъ. Какъ мы когда смѣялись надъ мужьями.... Теперь ты можешь посмѣяться надъ нами.

— Боже сохрани! я совершенно перемѣнилъ мои мысли....

— Какъ! не женатъ ли ты? вскричалъ Карлъ.

— О, нѣтъ!... Но за будущее нельзя ручаться, и вашъ прирѣкъ можетъ всякаго увлечь....

— Сколько я помню, сказала маркиза: то всѣ въ Парижѣ говорили, что вы женитесь на молодой вдовѣ Рошбланшъ.

— Человѣкъ предполагаетъ, маркиза, а судьба располагаетъ....

— Однако растолкуй, пожалуйста, отчего и куда ты исчезъ къ внезапно изъ Парижа?

— На этотъ вопросъ могу я отвѣчать другимъ вопросомъ: кимъ образомъ вы, неразлучные съ Парижемъ, очутились на улицахъ Солонскаго департамента?

— Вино готово! вскричалъ Шарденъ, входя въ эту минуту.

— Такъ пойдемте въ залу, сказалъ Пелуцци, и, по древнимъ преданіямъ, возобновимъ наше знакомство *inter pocula et zcu-
la*.

— Ты спрашиваешь, графъ, сказалъ Викторъ, зачѣмъ мы носимся по полямъ и лугамъ провинціи? Боже мой! да Парижъ намъ несносенъ: асфальтъ на бульварѣ нестерпимъ; отъ цвѣтовъ *Саду Растеній* дѣлается дурно, — и мы рѣшились на отчаянное средство: сѣли на паровозъ и полетѣли въ неизвѣстныя мѣста. Но какъ быстро мы не мчимся, силнвѣ не отстаютъ отъ насъ ни на шагъ.

— Боже мой! вскричалъ Жоржъ: кто бы могъ подумать, что Викторъ и Карлъ когда-нибудь соскучатся!

— Напротивъ, другъ мой, отвѣчалъ Карлъ: я не понимаю какъ это раньше не сдѣлалось. Шестъ мѣсяцевъ баловъ и концертовъ! Да это утомить всякое терпѣнiе. Вотъ до чего дошло, что за два дни передъ нашимъ отъѣздомъ сидѣли мы съ женою въ ложѣ у Италiянцевъ. Гриси пѣла Норму, а я заснулъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, это точно былъ сплинъ, сказалъ улыбаясь Жоржъ.

— А потомъ, сказала виконтесса Пелуцци, когда проживешь, какъ на полюсѣ, шесть мѣсяцевъ въ ночи, то солнце такъ ярко и привѣтно свѣтитъ. Послѣ парижскихъ бульваровъ, какъ приятно бродить по тропинкамъ, поросшимъ болышникомъ! Какъ весело смотрѣть на стаи птичекъ, порхающихъ по лугамъ... я страстно люблю природу. Дворъ фермы съ романтическимъ своимъ беспорядкомъ восхищаетъ меня; куры, цыпляты, скачущiе по навозу, гуси, наслаждающiеся въ лужѣ,—это превосходно!...

— Когда хорошо зажарено, прервалъ ее маркизь.

— Ахъ, Боже мой! какая у васъ дурная привычка, маркизь, острить. Гдѣ вы это научились? Вѣрно за кулисами Пале-Рояля?

— Тамъ же, вѣроятно, виконтесса, гдѣ и вы пристрастились къ еклогамъ. Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь кузена, который вышетъ стихи? Поэты часто навѣваютъ на дамъ страсть къ буколкамъ.

— Нѣтъ, маркизь, сказалъ Карлъ: для размеченiя моей семейной жизни нѣтъ у меня даже ни кузена, ни домашнего друга... кромѣ тебя, разумеется!...

— Благодаренъ за комплиментъ, отвѣчалъ д'Аданкуръ... Но ны съ тобою, кажется, успѣли наговориться и дорогою, а милый нашъ Жоржъ все-еще не отвѣчалъ намъ на вопросъ: куда и зачѣмъ онъ исчезъ изъ Парижа?

— Можетъ-быть и меня выгнали, какъ и васъ, — вскалъ цѣты, отвѣчалъ графъ.

— Это очень вѣроятно, сказалъ маркизь: но на короткое время, а не на два года.

— Признаюсь! все сдѣлалось случайно. Скука праздности выгнала меня изъ Парижа. Я прiѣхалъ въ Орлеанъ... Тутъ продавался съ публичнаго торга какой-то замокъ... и печально слу-

блсѣ между зрителями.... печально надавъ сто франковъ — и золотокъ возвѣстилъ мнѣ, что я владѣлецъ замка....

— Какъ! здѣсь по близости?

— Небольше мнѣ....

— И ты живешь тамъ одинъ?

— Совершеннымъ пустыннокомъ.... никого не вижу, никуда не ѣзжу.... и надобно было удивительному случаю свести меня къ вамъ. Надобно было съѣздить въ Орлеанъ, къ нотаріусу, чтобъ прикупить клочекъ земли.... Сперва мнѣ показалось дорого, — и я уѣхалъ отъ него, не заключа ничего. Но дорогою раздумалъ, заѣхалъ въ этотъ трактиръ, написалъ къ нотаріусу письмо и отправилъ слугу опять въ Орлеанъ, чтобъ документъ покупки былъ написанъ.

— Да ты, вѣрно, умираешь со скуки, бѣдный Жоржъ?

— Сейчасъ и видно Парижанина! вскричалъ Жоржъ. Ему кажется, что кто не въ Парижѣ, тотъ погибъ. Нѣтъ, мой милый Коржъ. Когда я купилъ замокъ, тогда нашелъ паркъ въ самомъ калкомъ состояніи.... я тотчасъ же занялся передѣлками, выкопалъ пруды, составилъ горы, долины, ручьи, мостики, — и превратилъ печальную пустыню въ самое очаровательное жилище.

— Ты такъ разлакомилъ насъ своимъ описаніемъ, что мы рѣшимся провести у тебя весь сегодняшний день, если дамы согласны....

На лицѣ графа мелькнула тѣнь досады, въ то время, какъ дамы совѣтовались между собою, но свѣтскость и приличіе тотчасъ же превратили эту досаду въ улыбку.

— Я буду очень счастливъ, если ваши супруги удостоятъ насъ гостить холостяка.... И въ такомъ случаѣ я покорнѣйше попрошу позволенія отправиться впередъ, чтобъ распорядиться....

— Я очень рада, сказала маркиза.

— А я безъ ума отъ замковъ, прудовъ, парковъ и всей сельской природы. Графъ очень любезенъ, позволяя намъ полюбоваться своимъ имѣніемъ.

— Въ такомъ случаѣ, ожидаю васъ черезъ часъ. До свиданія.

Жоржъ вышелъ, вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ галопъ.

Графъ Жоржъ де-Симёзъ, вѣрно, не ожидалъ къ себѣ такихъ гостей въ этотъ день. Но что жъ было дѣлать? Всю свою вѣгрянную молодость провелъ онъ въ кругу этихъ людей, и знакомство съ ними составляло цѣль, которую нельзя было разор-

вать безъ видимой причины. Маркизь Викторъ д'Аданкуръ и виконтъ Карлъ Пелуцци принадлежали къ числу тѣхъ богатыхъ баловней, которые, промотавъ половину своего отцовскаго наследія за кулисами Большой Оперы, рѣшаются, въ тридцать лѣтъ, поправить свои дѣла богатою женитьбою, чтобъ потомъ пуститься въ служебное поприще, добиваясь званія депутата. Первая половина этой перемены совершилась у нихъ. Они женились на богатыхъ наследницахъ, но не успѣли еще выбраться изъ водворота прежней жизни. Всякой день дѣлали планы — и всякой день откладывали до слѣдующаго. Точно такъ же, какъ маркизь и виконтъ жили дружно въ холостой своей жизни, такъ жены ихъ были неразлучны въ дѣвическихъ своихъ лѣтахъ. А потому женитьба еще болѣе сблизила эти два семейства. У нихъ была одна ложа у Итальянцевъ и въ Большой Оперѣ; они вмѣстѣ сидѣли по баламъ и на гулянья, вмѣстѣ веселились и вмѣстѣ, соскучась, поѣхали посмотрѣть: живутъ ли люди за стѣнами Парижа? Не успѣвъ еще остепениться, мужчины сохранили легкомысленность холостой своей жизни, а жены ихъ, почитая, по всеобщему мнѣнію города, что мужа ихъ образцы ума, любезности и свѣтскости, старались къ нимъ поддѣлываться, — то есть, къ поверхностному и небрежному воспитанію дѣвицъ, присоединили свободу женщинъ, не ознакомившихся еще съ обязанностями заключеннаго союза. Онѣ воображали, что свѣтъ созданъ для того, чтобъ забавлять ихъ, и чтобъ надъ нимъ забавляться.

Маркиза была стройная и красивая женщина, съ нѣкоторою гордостію во взглядѣ и съ большимъ запасомъ кокетства въ глазахъ. Всегдашняя ея улыбка была очень любезна и даже ободрительна, но въ ней всегда замѣтна была и страсть къ прощанью, которая такъ несродна женской натурѣ. Диана д'Аданкуръ хотѣла все покорить и надъ всѣмъ смѣяться.

Юлія Пелуцци — была одарена романтическою головою и, можетъ-быть, нѣжными чувствами. Но въ Парижѣ и въ кругу богатства и разсвѣнности — романтизмъ ограничивался Тьюлерскимъ садомъ и мелодрамами театра Porte St-Martin, а нѣжность чувствъ ограничивалась тѣмъ, что въ театрѣ, въ раздирательныхъ сценахъ, часто подносила она платокъ къ глазамъ. Она была небольшого роста, съ прекрасными аквамаринными глазами, задумчивою фізіономіею, гибкою, роскошною таліею и дѣтскою нежностью.

Обѣ эти четы были молоды, хороши собою, богаты, извѣстны.

ны, счастливы, — и однако же они, казалось, уже отжили всё удовольствие, пресытятся ими. Чаша жизни была еще полна, но на дѣй сконпилось уже много осадки.

Черезъ часъ карета ихъ пріѣхала въ замокъ Симеза. Жоржъ стоялъ у подъѣзда и принялъ ихъ со всею свѣтскою любезностію, которая такъ похожа иногда на искренность.

II.

ВЫШНТЫЙ ПЛАТОКЪ.

Замокъ графа Симеза, — въ окрестности называли его замкомъ у водоворота, или замкомъ надъ бездною, — былъ прекраснымъ зданіемъ, времяя Людовика XIII. Онъ возвышался амфитеатромъ на обширной терасѣ, у подножія которой цвѣли лимонныя и померанцовыя деревья. Рѣка Луаре шумѣла вблизи, стѣсненная крутыми берегами. За замкомъ видны были обширные луга, испещренныя цвѣтами и окаймленные группами маститыхъ дубовъ, буковыхъ деревьевъ и тополей.

— Это въ-самомъ дѣлѣ прекрасно! сказалъ Пелуцци, осмотрѣвшись кругомъ.

— Сойдемте къ рѣкѣ, сказалъ Жоржъ, подавъ руку маркизѣ, и повелъ ихъ по лѣстницѣ, устроенной въ терасѣ, и спускающейся до самыхъ волнъ Луаре.

Эта рѣка имѣетъ самое странное начало, и едвали не единственное изъ всѣхъ рѣкъ. Она вытекаетъ изъ какой-то подземной бездны, вырываясь оттуда съ шумомъ и ревомъ и производя бездонный водоворотъ. Не болѣе, какъ въ пятидесяти туазахъ, эта струя воды, вырвавшаяся изъ бездны, составляетъ уже значительный и глубокий ручей, а въ ста туазахъ, это уже шумная и быстрая рѣка, текущая въ глубокомъ руслѣ. Удивительный источникъ этой рѣки названъ окрестными жителями *водоворотомъ* или *бездною*. Нѣсколько серебрястыхъ березъ свѣсились надъ этою бездною.

— Если вѣрить легендамъ, сказалъ Симезъ, остановясь съ своими гостями надъ этою бездною, то Боллингбрукъ бросилъ сюда однажды драгоценную золотую чашу, — и искусный водолазъ бродясь туда и досталъ ее. Но когда ему предложили огромную

сумму, чтобъ вторично туда броситься, онъ никакъ не согласился, объявляя, что тамъ идутъ пещеры огромныя, бездонныя, изъ которыхъ вода вырывается съ стремительною силою и оглушающимъ громами. Дѣйствительно, что бы не бросили туда, ничто не всплываетъ наверхъ опять. Хотите попробовать, маркиза? Бросьте туда свой зонтикъ.

— Покорно васъ благодарю, графъ. Ваше провинціальное солнце такъ сильно печетъ, что безъ зонтика нельзя быть на воздухѣ.

Оттуда пришли они къ рѣкѣ. Та текла очень важно и спокойно, какъ бы источникъ со всеми своими ужасами до нея не касался. Посреди русла возвышались мѣстами небольшіе острова, покрытые цвѣтами. По берегу простирался паркъ, съ своими тѣнистыми и прохладными аллеями.

Когда по парку пошли въ замокъ, тогда Юлія Пелуци, какъ страстная любительница природы, бѣгала по всемъ тропинкамъ и заглядывала въ каждый кустъ.... Вдругъ она испустила крикъ удивленія, который заставилъ всѣхъ сбѣжаться къ ней.

Проникнувъ въ одну купу липовыхъ деревьевъ, она вдругъ увидѣла скрытый тамъ мавританскій павильонъ, въ такомъ фантастическомъ родѣ, что она невольно вскрикнула.

— О! это не стоитъ того, чтобъ останавливаться, сказалъ Жоржъ.

— О, шѣтъ! вскричала маркиза: это прелесть.

Дѣйствительно, мудро было придумать что-нибудь красивое и своеобразное этого павильона.

— Для чего тебѣ служить такая игрушка? спросилъ маркизъ.

— Иногда я тутъ читаю....

Въ это время всѣ вошли въ павильонъ, и любопытная Юлія бросилась все осматривать, къ видимому неудовольствію и безпокойству графа.

— А въ-самомъ-дѣлѣ; здѣсь прекрасно читать! сказала маркиза, бросаясь на роскошный диванъ.

— И вышивать, твояненько шепнула ей Юлія, сѣвъ подлѣ нея. Посмотри!

Украдкою показала она ей платокъ, на одномъ углу котораго только что начаты были шелками вензель Жоржа.

— Гдѣ ты нашла его? спросила она ее шопотомъ.

— Тутъ, на диванѣ, подлѣ подушкою....

Вскорѣ всѣ вышли и воротились въ замокъ, гдѣ ихъ ожидалъ обѣдъ.

Долго продолжался этотъ обѣдъ на англійской манерѣ. Все было весело. Маркиза, которая, не смотря на свою видную гордость и неприступность, очень любила, чтобъ около нее ухаживались, съ досадою видѣла, что Жоржъ слишкомъ учтивъ и холоденъ съ нею. Это женщинамъ всегда не нравится, и чтобъ принудить его нѣсколько полюбезничать, она сама начала съ нимъ кокетничать.

По окончаніи поздняго этого засѣданія, графъ оставилъ своихъ гостей, пожелавъ имъ спокойной ночи, и взявъ съ нихъ обѣщаніе, не уѣзжать прежде завтрашняго вечера.

Каждой четѣ отведена была особенная комната, — и Юлія, вйдя въ свою спальню, открыла окно, чтобъ полюбоваться природою и луннымъ сіяніемъ. Вечеръ былъ прелестенъ; мѣсяцъ только что всталъ — и сребристый его свѣтъ пробивался сквозь листья, покрывая матовымъ своимъ блескомъ деревные дуга. У опушки парка влюбленный соловей нѣжно распѣвалъ, и оживлялъ этотъ меланхолическій пейзажъ.

— Поди, посмотри, Карлъ, сказала она мужу тихимъ голосомъ, какъ бы боясь нарушить гармоническій шопотъ листьевъ, журчанье воды и смѣлое арпеджіо филомелы.

— Что тамъ смотришь, моя милая? — лѣтливо спросилъ Викторъ.

— Да брось свою холодность и лѣтность! Неужели этотъ прекрасный вечеръ не одушевляетъ тебя?...

— О! полно, Жюльетта! Мужу съ женою смѣшно читать идиаллы...

Юлія пожала плечами и не отвѣчала ничего.

— Ну, ну, иду! продолжалъ Карлъ и, вставъ съ дивана, подошелъ къ ней и обнялъ ее.

— Не правда ли, что ночь прекрасна! — сказала Юлія. Это отдаленное пѣніе соловья заставляетъ поневолѣ задуматься!...

— А! пятый актъ Гевани! помню :

....Un oiseau qui chanterait aux champs;
Un rossignol perdu dans l'ombre et dans la moussé,
Ou quelque flûte au loin, car la musique est douce...

(птица, поющая въ полѣ; соловей, скрывающійся въ тѣни и во мху, или звуки отдаленной флейты... потому-что музыка всегда сладостна...)

— Эта сидна очель хороша, у Хюго, продолжалъ Виконтъ; а для молодыхъ судруговъ она очель пріятна.... Но мы, слава Богу, ужь два года женаты.

— Тс! замолчи! прошептаю Юлія... я что-то вижу....

— Гдѣ?

— Вотъ тамъ.... позади этихъ кустовъ маньолій.... на томъ концѣ террасы.

— Да! это правда!... чья-то бѣлая тѣнь.... Еслибъ мы сидѣли въ Комической Оперѣ, то, вѣрно-бы хоръ запылъ:

Quel est donc (bis) ce mystère infernal ?

(Какая тутъ адская тайма?)

— Отойдѣмъ отъ окна. Не надобно, чтобъ насъ видѣли. Это движеніе и давкшій платокъ.... все это имѣеть связь....

— Ты любопытна, Жюльетта!...

— Развѣ я не женщина?... Послушай, милый Карлъ.... вѣдь еще рано спать. Что, еслибы мы пошли прогуляться?... Право, не изъ любовитства.... но мнѣ больно, что твой лучшій другъ, этотъ графъ Синезъ, о которомъ ты и маркизъ уши мнѣ прожужжали, скрываетъ отъ насъ какую-то тайну.... гдѣ же эта дружба?...

— Впервыхъ, моя милая, онъ холостой, а мы женаты, и тайны наши теперъ не общія. При томъ же, еслибъ мы были оди съ нимъ, то намъ онъ, вѣрно, все бы открылъ, но когда вы тутъ то довѣренность холостяка была бы, право, не уместна.... Впрочемъ, я догадываюсь.... шалость молодого человѣка. Вѣдь въ-самомъ-дѣлѣ, не пустынноикомъ же онъ живетъ....

— И сдѣлаственно, еслибы мы узнали что-нибудь нечаянно, то ему не за что и обидѣться.... вмѣстѣ посмѣемся; вотъ и все... вѣдь мы, просто пойдемъ гулять и невиноваты, если съ нами встрѣтится что-нибудь любопытное.

— Пожалуй! пойдѣмъ.

— Надобно позвать и маркизу съ мужемъ. Они, вѣрно, будутъ рады случаю посмѣяться.

— Хорошо.

Юлія еще разъ взглянула въ окно. Бѣлое привидѣніе уже спускалось съ террасы, и скрывалось въ одной аллеѣ парка.

Комната маркизы была въ томъ же коридорѣ.

— Маркиза! Спишь ли ты? — спросила, постучавшись Юлія.

— Нѣтъ еще, Жюльетта! Что тебѣ надобно? спросила дѣвч.

— Тихо говори.... очень важное дѣло.... Я открыла, кому принадлежить давешній платокъ....

— Сейчас, сейчас!...

И дверь тотчасъ же отворилась. Путешественники опять всѣ вышли совмѣстно.

— Ну, чтожъ ты узнала? — спросила Маркиза.

— О! много!

Она пересказала ей все, и всѣ снова заключили, что тутъ есть тайна, которую Жоржъ не хотѣлъ вѣрить своимъ друзьямъ.

Вдругъ Юлія прервала общій разговоръ.

— Постойте! сказала она, я слышу чьи-то шаги на террасѣ...

Быстро бросилась она къ окну за занавѣску, старалась, чтобъ ей тѣнь была невидна.

— Да! продолжала она: — это самъ Жоржъ. И какъ онъ скоро бѣжитъ. Вѣрно догоняетъ бѣлое привидѣніе....

Всѣ бросились къ окну. Жоржъ былъ уже далеко.

III.

ТАЙНА.

— Поидемте же поскорѣе! — сказала маркиза, увлекая своего мужа.

— Нѣтъ, нѣтъ! — вскричала Юлія, останавливая ихъ. *Chi va piano, va sano.* Надобно подождать....

— Такъ мы немного узнаемъ, сказалъ ей мужъ.

— Бѣдная голова! какъ ты непонятливъ, Жоржъ съ бѣлымъ привидѣніемъ вѣрно не прогуливаются, а удалились въ тотъ павильонъ, гдѣ я давеча нашла платокъ. Дай же имъ усѣсться, расположиться, разговориться. Черезъ четверть часа пойдомъ и мы.

Маркиза покачала головою, но какъ всѣ остальные были согласны съ мнѣніемъ Юліи, то и она замолчала.

— Послушай, Викторъ, сказалъ Карлъ, обращаясь къ маркизу. Ты не подозрѣваешь, кто-бы это могъ быть?...

— Развѣ можно догадаться? отвѣчалъ Викторъ....

— Но не увезъ ли онъ кого изъ Парижа?... Не питалъ ли нѣкой страсти?...

— Да вѣдь мы всѣ трое ждали неразлучно, и ничего не скрывали другъ отъ друга. Въ ту минуту, какъ Жоржъ исчезъ, мы всѣ увѣрены были, что онъ влюбленъ во вдову Ромбланшъ и женится на ней. Еще накануне былъ онъ у нея, и вдругъ пропалъ. Всѣ изумились. Первый нашъ левъ, у котораго только графъ Д'Орсе оспаривалъ первенство, исчезъ съ блистательнаго своего поприща....

— И никто тогда не догадался куда онъ скрылся?... Я, впрочемъ, не помню.... у тебя лучше память.

— Нѣтъ! Сперва заговорили, что у него оказался соперникъ, но слухъ этотъ замолокъ, потому что не было дуэли... а Сидель вовсе не такой человѣкъ, чтобъ упустить случай подрасться...

— А что тогда говорила сама Ромбланшъ?

— Она рассчитывала на отчаяніе и... Всякій день она высылала узнавать: не вытасченъ ли кто изъ Сены?

— Странно!

— Господа! вскричала Юлія: четверть часа прошло. Теперь пойдемъ.

— Пойдемъ! повторила маркиза.

Всѣ тихонько сошли съ лѣстницы, и быстро прошли черезъ террасу. Дойдя до берега рѣки, они пошли къ водовороту, а оттуда по аллеѣ парка.

— Но вѣдь ты думаешь, милая Жюльетта, сказала маркиза, что они въ павильонѣ.

Та только кивнула, въ знакъ согласія, головою и продолжала идти впередъ.

— Но вѣдь павильонъ не въ этой сторонѣ...

Юлія оборотилась и съ видимою досадою сказала:

— Оттого-то я и веду васъ сюда. Вѣдь передъ павильономъ большой лугъ, а при свѣтѣ луны васъ увидятъ во ста шагахъ. Надобно зайти непріятелю въ тылъ.

— Ты всегда права, моя милая, отвѣчала маркиза: и всѣ вы окончательно выбираемъ тебя нашимъ предводителемъ и руководителемъ.

— И вы не будете раскаиваться въ своей довѣренности!

Сдѣлавъ большой обходъ, они достигли павильона, къ которому вела уже изъ темной аллеи маленькая тропинка.

— Теперь, сказала Юлія, прошу васъ сойти съ тропинки. Песокъ хруститъ подъ ногами и измѣнитъ намъ. Надобно идти по травѣ.

— Но, душенька, вспомни, что у тебя будетъ насморкъ, сказала ей мужъ.

— До того ли теперь! отвѣчала она съ живостію. Насморкъ можно вылечить....

— А женщину отъ любопытства — нельзя! проворчалъ Пелуци.

Всѣ однако же повиновались, и пошли по сырой и высокой травѣ.

Преодолѣвъ всѣ препятствія, они добрались до павильона и пританлись у самаго окна, которое было отворено.

— Такъ ты на меня не сердись, милая Говерина, за то, что я пригласилъ своихъ гостей остаться до завтра? сказалъ графъ Симёзъ.

— За что же мнѣ сердиться, милый Жоржъ? отвѣчалъ женскій голосъ. Я очень понимаю, что тебѣ должно быть пріятно увидѣть прежнихъ своихъ друзей....

— Что мнѣ въ нихъ? что мнѣ во всемъ свѣтѣ? вскричалъ Жоржъ. Ты одна для меня и свѣтъ и друзья....

— Очень учтиво! шепнула Юлія маркизѣ.

— Впрочемъ, у меня есть свой планъ, продолжалъ графъ. Сперва мнѣ ужасно какъ досадно было, что встрѣча съ этими людьми оторвала меня отъ тебя на весь день, и когда же? Наканунѣ вашей свадьбы! Но какъ нельзя же было уклониться отъ ихъ посѣщенія, то я и вздумалъ удержать ихъ до вечера завтрашняго дня, чтобъ, отпустивъ ихъ поутру на продолжительную прогулку по окрестностямъ, успѣть въ это время совершить церемонію нашего брака, а когда они воротятся, то уже представить имъ графиню де-Симёзъ.

— Боже мой! съ какимъ-то ужасомъ вскричалъ женскій голосъ въ павильонѣ. Что ты хочешь сдѣлать? Что эти люди скажутъ, увидя меня....

— Они слишкомъ хорошо знаютъ меня, чтобъ сказать хоть одно насмѣшливое или оскорбительное слово....

— О! какъ я боюсь! Чего? сама не знаю.... Но сердце мое стѣснилось.... Нельзя ли, милый Жоржъ, не представлять меня этимъ людямъ?...

— Другъ мой, Гонорина! я уже тебѣ далъ слово, что навсегда останусь съ тобою здѣсь.... Но бракъ мой долженъ быть извѣстенъ, — и эти люди послужатъ мнѣ газетами. Черезъ день узнаетъ весь Парижъ, и цѣлую недѣлю будетъ кричать объ этомъ.... но мало по-малу все утихнетъ. Поговорятъ, да и забудутъ. А я только этого хочу. Пусть они только знаютъ, что я счастлива, — и не хочу ихъ знать и видѣть....

— А если ты соскучишься со мною, милый Жоржъ?..

— Значить, ты перестанешь меня любить....

— Развѣ это можно? Значить, я перестану жить....

— Послушай, Юлія, шениула маркиза своей подругѣ: вѣдъ эта пастушеская сцена начинаетъ становиться очень скучною....

— Какъ быть, милая Діана, отвѣчала Юлія: надобно дочитать этотъ романъ, а главное — надобно видѣть героиню....

— Да вѣдъ ты слышишь, что намъ ее представлятъ....

— Да ты, кажется, не женщина! Развѣ можно брать, что даютъ? Надобно самой взять.... мнѣ что-то сдается, что мы завтра тихонько уйдемъ, не дождавшись представленія таинственной графини.... Но полно; давай слушать.

Разговоръ Жоржа и Гонорины продолжался.

— А я изъ любопытства, мелькомъ взглянула на пріѣзжихъ, сказалъ женскій голосъ. Дамы очень милы собою....

— Да! но сердце ихъ высохло, душа зачерствѣла въ Парижъ.... Любовь для нихъ тоже, что букетъ цвѣтовъ: потѣхали — привололи къ груди; воротились — сняли и бросили.... Мнѣ скѣсно было смотрѣть, какъ эта добрая маркиза кокетничала со мною.... какъ-будто чьи-нибудь на свѣтѣ прелести могутъ меня заставить забыть мою Гонорину.

— Да онъ предерзкій! сказала маркиза. О! за это надобно его проучить. Съ чего онъ это взялъ?

— Да перестань и успокойся, сказала Юлія, прерывая ее.... Ужъ будемъ все дослушивать....

— А эта сантимантальная Юлія, продолжалъ графъ: самое любопытное созданіе: вездѣ совала свой носъ, — и весь этотъ завильонъ перерыла.... О! какъ больно было видѣть, что всѣ эти чужія руки прикасались къ предметамъ, возрожденнымъ нашею любовью....

— Достается и тебѣ, милая Юлія, сказала маркиза.

— И можетъ ли это тихое уединеніе утомить нашу страсть?

Нѣтъ! здѣсь скука невозможна. Наши прогулки, наши работы, наши разговоры, наше ученіе : все это занимаетъ столько времени, что мало на все обыкновеннаго дня. О! какъ всѣ мои мысли измѣнились съ-тѣхъ-поръ, какъ я тебя узналъ. Какъ я жилъ въ этомъ называемомъ большомъ свѣтѣ? Скука, сплотивъ преслѣдовала меня повсюду. Я не смѣлъ заглянуть въ свою душу, болѣе нигдѣ тамъ отвращеніе ко всему, и даже къ самому себѣ. Теперь же дни бѣгутъ такъ быстро, что я самъ изумленъ этою поспѣшностію. Когда и тебя нѣтъ со мною, то я все-таки мечтаю о тебѣ — и мнѣ не скучно. Ты возвратила мнѣ молодость и жизнь; ты подарила мнѣ любовь свою, и съ нею все счастье.

— Но ты не можешь быть такъ счастливъ, Жоржъ, какъ я, вѣчала Гонорина. Не зная тебя, я была бѣдна и страдала, и отъ него не слыхала я ласковаго слова. Отовсюду одно сожалѣніе. Теперь же все измѣнилось. Ты будешь завтра моимъ другомъ, и только Богъ одинъ могъ произвести такое чудо, спасая надъ моею судьбою....

Въ это самое мгновеніе неожиданный порывъ вѣтра поднялъ завѣску навильона, — и женщина, разговаривавшая съ Жоржемъ, представилась любопытнымъ взорамъ подслушивающаго шества.

Раздался громкій хохотъ всѣхъ четырехъ лицъ. Невѣста графа Смигза была горбушня.

IV.

КАСМЪШКИ

Гонорина была дѣйствительно горбата, но красота ея была впечатлительна. Большіе черные глаза блистали дѣтскою наивною и невинностію; овалъ лица напоминалъ типы греческой соты древнихъ ваятелей; уста улыбались обольстительною избочкою, а свѣтлорусые локоны волосъ составляли рамку этой местной картины.

По несчастію, или своему равному случаю, уродливый горбъ лежалъ наброшенъ на это прекрасное, дѣвственное тѣло. Это былъ бы кусокъ мрамора, котораго ваятель не успѣлъ еще до-

дѣлать, и, создавъ такое очаровательное лицо, уренивъ рѣчь изъ рукъ.

Это было тяжкое и грустное зрѣлище, потому что душу учителя всегда поражаетъ глубокою печалью всякое недоконченное или непорочное образцовое произведение.

Минимъ образомъ графъ Сидмъ, одинъ изъ первыхъ владѣльцевъ львовъ, богатый, роскошный, избалованный, полюбилъ Гонорину, — это фзйологическая задача для человеческого сердца. Какъ это случилось, увидимъ дальше.

При шумѣ полувешія гостей, Жоржъ и Гонорина встали, и когда гости вошли въ павильонъ, бѣдная дѣвушка побѣдила и задрожала, упасть въ кресла. Расположеніе гостей, подгушавшихъ не очень ледныхъ для нихъ вещей, было довольно приязненно. Но и графъ, едва удерживая порывъ сальваго гнѣва, пошелъ навстрѣчу печальнымъ гостямъ, и съ тономъ тайной проины, спросилъ у нихъ:

— Что доставляетъ мнѣ честь такого позднего посѣщенія въ мой павильонъ?

— Совершенно печально, любезный Жоржъ, съ послѣдними отвѣчалъ маркизъ, боясь, чтобы жена его не сказала чего-нибудь колкаго. Мы пошли гулять по парку, увидѣли здѣсь свѣтъ...

— Вы сами виноваты, графъ, прервала его маркиза. Вы не за обѣдомъ такъ наполни шампанскимъ, что мы должны были освѣжиться....

— Въ самомъ-дѣлѣ! сказалъ Жоржъ, не отступая однако назадъ и стараясь доказать тѣмъ, что онъ не приглашаетъ ихъ остаться.

— Намъ изъ-дали послышался твой голосъ, сказала Пелуцини мы думали, что ты одинъ.

— Если бъ мы могли вообразить, что нарушаемъ какое-нибудь свиданіе, отвѣчала Юлія съ нѣкоторою застенчивостію, то никакъ бы не рѣшились придти, чтобы не показаться любопытцами....

— Что за любопытство! возричала Пелуцини, замкнула свои жены: мы съ Жоржемъ никогда другъ отъ друга ничего не скрывали....

Во время этого разговора, Гонорина пришла въ себя, и видя по лицу Жоржа, что въ сердцѣ его кипитъ ужасный гнѣвъ, котораго взрывъ будетъ ужасенъ, поспѣшила къ маркизу и Юлію и сказала имъ:

— Сдѣлайте милость, прошу садиться.

При звукѣ этого голоса, Жоржъ вдругъ успокоился, взглянулъ на нее и поклонился гостямъ, сдѣлавъ тоже знакъ рукою, приглашающій ихъ сѣсть.

— Намъ право совѣстно, что мы васъ обезпечили, сказала маркиза Гоноринъ, и потомъ, обратясь къ графу, прибавила: представьте насъ, графъ.

— Я хотѣлъ, маркиза, имѣть честь представить вамъ мою Гонорину завтра, отвѣчалъ Жоржъ: но если такой нечаянный и милый случай свелъ насъ.... (онъ сдѣлавъ удареніе на словахъ *милый* и *нечаянный*), то дѣлать нечего. Позвольте представить вамъ, — и вамъ, виконтеса, — мою обрученную невесту, которая завтра въ полдень будетъ моею супругою.

Всѣ разсыпавшись въ поздравленіяхъ, сивозъ которыхъ владима едвако была насмѣшка. Гнѣвъ Жоржа вспыхнулъ опять.

— Когда вы придете въ Парижъ, сказала Жоржъ: то прошу съ сообщать эту новость всѣмъ моимъ столичнымъ знакомымъ.

— Неизмѣнно исполнимъ ваше порученіе, отвѣчала маркиза, эта должность *газеты* и не такъ лестна....

Это слово доказало Жоржу, что весь разговоръ его съ Гонориною былъ подслушанъ. Кровь хлынула ему въ голову; руки и ноги задрожали.

— Что вы хотите сказать, маркиза! спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— То, графъ, что, обращаясь именно ко мнѣ съ подобнымъ реченіемъ, когда сказала маркиза: вы терзаете мое сердце. Я видя еще недавно такъ кокетничала, что, объявляя мнѣ о моемъ бракѣ, вы, просто, хотите привести меня въ отчаяніе.

— Понимаю, маркиза! вскричалъ Жоржъ. Вы воспользовались мнѣ гостеприимствомъ, чтобъ подслушать домашнія мои тайны....

— Жоржъ! сказалъ маркизъ: ты съ ума сходишь. Ты забывшь, что говоришь съ женщиною и что она жена моя.

— Ты бы лучше, маркизъ, напомнилъ ей, сказалъ Жоржъ: о она въ домѣ у меня....

— Жоржъ, ради Бога!... вскричала Гоноринда умоляющимъ голосомъ.

Это снова образумило графа.

— Ты правъ, Викторъ, сказалъ онъ, протянувъ руку маркизу.

Стыдно порядочнымъ людямъ и старымъ друзьямъ сердиться изъ за легкомысленныхъ словъ женщины....

— Вы забываете, графъ, сказала въ свою очередь Юлія, что если мы, нечаянно подойдя къ вашему гарему, услышали некоторые слова, то онѣ такъ были недружески сказаны на нашъ счетъ, что мы не могли за нихъ благодарить васъ. Но какъ мы полагали, что и слова ваши, и свиданіе съ *двигцею* Говориной — не что иное, какъ шалость молодого повѣсы, то, по увѣреніямъ старыхъ мужей, что между вами никогда не были тайны, мы и вѣрили посмѣяться надъ вашею затворническою жизнью. Дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ. Вы намъ представляете свою вѣсту и застрашную графиню, и поручаете намъ развести эту новость по Парижу. Вспомните собственные свои слова изъ нашего отчета, вы бы должны были почувствовать всю вредную вещь перученія. На подобныя вещи и самыя *сантимантальныя* женщины, — какъ вы меня называли, — могутъ только думать, что вы бы гораздо лучше сдѣлали, если бы сами потрудились свезти графиню въ Парижъ. Повѣрьте, что и безъ нашихъ газетъ — онъ весь бы сбѣжался посмотреть на такое чудо....

— Милосердый Боже! прошептала Говорина, и двѣ крупные слезы потекли по щекамъ ея.

Этотъ видъ увеличилъ ярость Жоржа.

— Вотъ большой свѣтъ Парижа! Вотъ образованный кругъ его! вскричалъ онъ. Что вамъ сдѣлало это доброе и великое созданіе? За что вы пришли оскорблять, убивать! за что съ такою жестокостью бросаете передо мною смерть и отчаяніе! Неужели не было у васъ въ вашемъ Вилонѣ, надъ чѣмъ бы мы могли острить свои зѣвныя языки?...

— Признаться, графъ, отвѣчала маркиза, вспыхнувши со злости и въ Парижѣ нѣтъ подобныхъ рѣдкостей, какъ будущая графиня де Симѣзъ, — развѣ когда дають Ричарда III....

Говорина, чувствуя все оскорбленіе, забыла его однако въ эту минуту, чтобъ только броситься къ Жоржу, который, какъ изступленный всталъ съ своего мѣста.... Но силы измѣнили ей, — и она безъ чувствъ опрокинулась на руки подосѣвшаго Жоржа.

Маркизъ тоже подбѣжалъ къ нему, и съ холодностію сказалъ

— Стыдись, Жоржъ, своей запальчивости.

— А! слава Богу! вскричалъ Жоржъ. Затѣмъ эти женщины терзаютъ меня безнаказанно....

— Довольно, Жоржъ! прервалъ его маркизъ спокойно. Мы идемъ въ замокъ, и тамъ ожидаемъ тебя въ залѣ.

V.

ПОСЛѢДНІЙ ПОДАДУЙ.

Жоржъ перебивалъ салъ, держа на рукахъ безчувственную вѣршину. Привнесъ ее въ свою комнату, онъ положилъ на диванъ и старался привести ее въ чувство.

Въ комнату приближала горничная.

— Нелли! вскричалъ Жоржъ. Бѣги скорѣй! скажи Жоржу, чтобъ онъ заложилъ лучшихъ лошадей и летѣлъ во весь опоръ въ Орлеанъ. Тамъ пусть отыщетъ моего доктора и привезетъ его съ собою. Но, чтобъ не терялъ ни минуты и уморилъ бы лошадей, но черезъ часъ чтобъ былъ здѣсь. А ты тотчасъ же вернись!

Горничная побѣжала, — и черезъ пять минутъ слышенъ былъ звукъ увѣжающаго экипажа.

— Боже мой! Да гдѣ же Нелли? вскричалъ Жоржъ и сильно звонилъ въ колокольчикъ.

Нелли вбѣжала съ чайникомъ горячей воды.

— Простите мнѣ, графъ, сказала горничная. Меня задержали эти гости. Они остановили меня и беспокоились о здоровьи вашей невѣсты.

— Благодарю ихъ! съ горькою улыбкою отвѣчалъ Жоржъ.... одаждъ доживицы.

Онъ разрѣзалъ корсетъ Гоноринны, и съ помощію Нелли сталъ тирать ее одеколономъ, и успѣлъ влить ей въ ротъ нѣсколько эманскихъ капель.

Она вздохнула, вздрогнула и открыла глаза.

— Гдѣ я? спросила она слабымъ голосомъ.

— Со мною, другъ мой.

— А эти женщины? онѣ уѣхали?

— Забудь о нихъ, бѣдное дитя мое, отвѣчалъ графъ. Ты ихъ се не увидишь больше.

— Благодарю тебя, милый Жоржъ!... но я была такъ счастлива, а тутъ....

— О! забудь это....

— Миѣ холодно...

Жоржъ бросился къ окну и заперъ его, поставилъ лангу съ матовымъ стекломъ на столъ — и долго смотрѣлъ на неистую свою, которая закрыла глаза. Потомъ, сдѣлавъ знакъ Нелли, чтобы она сѣла у кровати, самъ пошелъ на цыпочкахъ въ ближайшую комнату, и оставя дверь нарочно отпертою, чтобы тотчасъ явиться, если Говорина проснется, началъ на-скоро писать что-то на своемъ бюро.

Но Говорина все слышала. Она хотѣла только мнѣшнымъ слезъ своимъ успокоить Жоржа, — а теперь, поднявъ голову, съ безпокойствомъ всматривалась во все его движенія.

Графъ вложилъ написанную имъ бумагу въ пакетъ, и шепнулъ:

Друзица Говоринъ, послѣ моей смерти.

Послѣ этого, онъ взялъ пистолеты и шпагу, осмотрѣлъ ихъ, положилъ на столъ, и потомъ, подойдя къ портрету старей и почтенной женщины, склонилъ передъ нимъ колѣна и сказалъ:

— Добрая и почтенная моя мать! Ты тамъ, на небесахъ, молишь за своего сына. Вѣрно, ты же не послала мнѣ другаго гонителя хранителя, вмѣсто себя. Молись же теперь за насъ обоихъ и вѣду жертвовать моею жизнью....

— Жоржъ! тихо сказала Говорина, опустился на колѣна.

Жоржъ побѣжалъ къ ней, но она, казалось, не слышала его присутствія.

— Вѣрно во снѣ!... сказалъ онъ.

И склонясь надъ нею, напечатлѣлъ продолжительный поцалуй на губахъ ея. Она вздрогнула, но не открыла глазъ.

— Бѣдное дитя! прибавилъ онъ со вздохомъ. Можетъ быть, это уже послѣдній поцалуй....

Онъ бросился опрометью изъ комнаты, не слышавъ даже и рыданія, служившаго отвѣтомъ на его поцалуй.

VI.

РАЗСКАЗЪ.

— Извините, господа, сказалъ графъ де-Симезъ, вставъ изъ кресла, что я заставилъ васъ дожидаться. Въ подобныхъ случаяхъ

ю поучиво. Не вѣсть, почему случилось такъ неожиданно, и я принужденъ былъ на скорую руку написать записку. Притомъ же, кто не совсѣмъ еще сошелъ съ ума въ видѣ большаго свѣта, тотъ вспомнить тоже какую-нибудь молитву, которую ему зашептывала мать. Это самое случилось со мною.

— Я не могу похвастаться, графъ, тайнъ же благочестіемъ, какъ вы, сказалъ маркизъ; вѣ духовную я всегда ношу при себѣ. Это жена моя: она моя послѣдняя воля. Впрочемъ, вы ей мало оставили ждати себя. Мы знаемъ, что виноваты въ бездоловьи вашей невинности и искренно безпокоились о ней.

— Я принесъ собственное свое оружіе, продолжалъ Жоржъ. Это протѣвлю законанъ дуели, — но необходимость извѣстнасть.

— Вы правы, графъ. Провинціальный, загородный дуель экспромптъ, выводитъ изъ общихъ правилъ. Тутъ нельзя быть обыкновеннымъ.

— Сверхъ-того, я лягу съ вамъ честию французскаго дворянина, го я изъ этихъ пистолетовъ полтора года не стрѣлялъ, и уже на года, а именно съ послѣдней моей дуели, какъ не употреблялъ ихъ шпагъ.

— Я вѣдь былъ вашимъ секундантомъ, графъ, и помню какъ вѣднѣй Мартоинне остался на мѣстѣ отъ превосходнаго удара *шундой*...

— Я больше всѣхъ сожалѣлъ о его смерти...

— О! отдайте одолженіе, если со мною тоже случится, то бо ни въ не сожалѣйте... я лучше хочу быть убитымъ искуснымъ фехтовальщикомъ, но во всемъ правиламъ искусства, нежели медвѣкомъ, который рубить съ плеча.

— А потому-то я и представляю вамъ выборъ оружія, продолжалъ графъ: и если хотите принять совѣтъ мой, то выберите пистолеты.

— А какъ же мы сдѣлаемся съ секундантами?

— Я ужъ обдумалъ это. Вы, маркизъ, возьмете себѣ вилонта елуцца, а я его оупругу. Еще не было подобнаго примѣра; но мы исполнимъ букву закона, потому-что другаго секунданта и нѣтъ нисоткуда.

— Прекрасно! Можетъ-быть не доставало бы одного врача, го въ исполнить всѣ предписанныя правила...

— Я ужъ и за нихъ послать въ Орлеанъ.

— Вы очень милы, и я бы готовъ былъ нежать вамъ рукъ, еслибъ намъ понадобно было драться.

— Я за этицъ и являса, но намъ докторъ будетъ только черезъ часъ, то до тѣхъ-поръ я хочу разсказать вамъ все, что мною случилось въ эти два года. Садитесь же и слушайте.

— Пожалуй! Это будетъ очень оригинально.

— Пора, маркизъ, оставить ваши шутки. Положете все очень серьезно.

— Ошибаетесь, графъ, отвѣчалъ маркизъ. Я женатъ, у васъ есть невѣста, и намъ обомъ не хотѣлось бы умереть.

Жоржъ устремилъ на него испытующій взоръ, но маркизъ продолжалъ улыбаться съ такой же беззаботностію, какъ бы рѣчь шла о какой нибудь городской новости. Сцена въ павильонѣ, которую произвели любопытство Юліи и изсѣшливоськы жены ея, очень разстроила маркиза своими неожиданными и ужасными послѣдствіями.

Чувство самосохраненія составляетъ принадлежность всѣхъ животныхъ, и въ особенноти человека, потому-что онъ одаренъ умомъ, дающимъ ему чувствовать всю драгоценность дара жизни.

Всѣ услыавъ, — и Жоржъ, подумавъ нѣсколько минутъ, началъ:

— Супруга ваша напомнила мнѣ недавно, маркизъ, о такой ссѣхѣ моей жизни, когда я былъ вашимъ другомъ и не имѣлъ отъ васъ никакихъ тайнъ. Мы уже не въ тѣхъ обстоятельствахъ теперь, чтобъ безразсудно оскорблять другъ друга, но я все-таки скажу вамъ, что воспоминаніе этого времени для меня тягостно и постыдно. Сколько глупостей и проступковъ долженъ былъ я сдѣлать, чтобъ приобрести эту глупую славу: называться первымъ парижскимъ львомъ! Но и тогда, какъ теперь, у меня было друзей, которымъ бы я сообщалъ менъ сокровенными мыслями и чувствами. У меня были всюдневные товарищи во всѣхъ праздникахъ и удовольствіяхъ, но сердце мое оставалось при васъ. Существо мое раздѣлялось на двѣ половины: одна принадлежала вамъ — и вы могли поступать съ нею по произволу; до другой, никто не касался, кромѣ меня. Въ первой было столько веселья и смѣха, что вы бы никакъ не догадались, что во второй были тайныя слезы и отчаяніе!

Я былъ молодъ, богатъ, любезенъ, и казался побѣдѣнъ надъ

женщинами, — но я все искалъ любви, и не вѣрилъ въ нее, и жаждалъ ее, какъ Танталъ, — а она все убѣгала отъ меня. Песнь нашихъ буйныхъ оргій, душа моя тосковала. Какъ воронъ Прометей съ иѣднымъ клювомъ, терзала меня мысль о невозможности найти истинную любовь. Я приходилъ въ отчаяніе, въ изступленіе.

На минуту остановился я на г-жѣ Ромблангъ. О! умная кокетка — самое опасное созданіе въ свѣтѣ. У нихъ нѣтъ сердца, — а находишь одну хитрость. Изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я любилъ, она одна поняла подъ заемною маскою свѣтской жизни — и мое наивное отчаяніе поэта, и мой скептицизмъ верижскаго льва. А какъ ния мое было довольно въ славѣ, то она и хотѣла было взять меня въ мужья, какъ для посредственной картины берутъ золотыя рамы.... Къ счастью моему, прѣхалъ какой-то знатный господинъ, который немного долѣе обыкновеннаго засмотрѣлся на нее. Я былъ брошенъ, — и она пустилась жидкнзывать свои сѣти около новаго свѣтила. Я потребовалъ объясненій, — и она мнѣ откровенно сказала, что только дурачила меня и свѣлалась надъ моими романтическими мыслями.

Это было послѣднимъ громовымъ ударомъ, разсѣявшимъ мои мечты. Последняя звѣзда, блеснувшая на моемъ горизонтѣ, исчезла, и я очутился во мракѣ такой ночи, какую описываетъ Гомеръ такими гигантскими размѣрами.

— Вы сейчасъ упрекали меня, графъ, прервалъ его маркизъ: за мои безвременныя шутки, но признаюсь, и ваша поэзія не лучше. Вы такъ глубоко и краснорѣчиво описываете свое состояніе, какъ-будто ищете академической преміи, а не пуля своего противника.

— Это васъ удивляетъ, маркизъ, сказалъ Жоржъ, печально качая головою. А мнѣ такъ всѣ эти горестныя воспоминанія очень сладостны, потому-что эта ночь должна была озариться восходомъ свѣтлаго, животворнаго солнца.

Въ зтошь же самый вечеръ я шелъ по Вандомской улицѣ. Она была пуста. Никакой шумъ не нарушалъ тишины ночи. Проходя мимо одного магазина, я услышалъ свѣжій и серебристый женскій голосъ, поющій романсъ....

Я тихонько подошелъ къ окну, и сивозъ чепцы и пелеринки, развѣсившыя у окна, увидѣлъ прелестнѣйшую головку, которая вѣроятно, привидѣлась Бальзаку, когда онъ описывалъ свою красавицу.

лицу ее «Pau de chagrin». Она сидела одна в магазине: и рас-
плыла от всей души.

Вдруг вошла к ней грязная, отвратительная старуха и и-
привела ей сердитых гелосовъ:

— Ну, полно расставотъ. Ступай домой. Нездантъ жечь пош-
прасну масло. Пора заперать магазинъ.

Молодая дѣвушка безотвѣтно встала, сняла съ гвоздя тарте-
новую свою шаль, завернулась въ нее какетикомъ, и сказала су-
рухъ:

— Прощайте, г-жа Бизе.

— Завтра приходи въ семь часовъ утра, Клеретта, сказала
старуха: Нето, ты знаешь уговоръ, я возьму другую шаль...

Не дослышавъ угрозы, Клеретта отвергла дверь и пошла въ
улицъ Тампальской. Я пошелъ вслѣдъ за нею, и поровнявшись съ
нею, сказалъ ей:

— Г-жа Бизе очень сурово обходитя съ вами, Клеретта.

Дѣвушка вскрикнула отъ испуга, но подавъ глаза и осмотрѣвъ
меня съ ногъ до головы, вѣроятно, нашла въ мизантропн мой
столько добра, что отвѣчала мнѣ со вздохомъ:

— Да! это правда, сударь.

Это значило, что я могъ продолжать съ нею разговоръ; я ве-
пользовался этимъ и пошелъ подѣлать ее до самой ея квартиры
въ улицъ Дюпета Туаръ.

— Прощайте, Клеретта, сказалъ я ей, прощаясь съ нею.

— Прощайте, отвѣчала она съ приятною улыбкою. Благодарю
васъ за то, что проводилъ меня. Мнѣ всегда такъ страшно хо-
дить по вечерамъ. Прощайте.

— Боже мой! вскричалъ маркизъ, какъ охотно бы я расхо-
тался надъ этиаъ разсказомъ, еслибъ не боялся оскорбить васъ!
Графъ де Синьезъ, въ улицъ Дюпета Туаръ и съ гризеткой!

— На другой вечеръ, продолжалъ Жоржъ, какъ бы не зытъя
словъ маркиза: ровно въ шесть часовъ я былъ уже на углу Ван-
домской улицы и дожидался выхода Клеретты изъ магазина. Она
вышла, я опять дотрналъ ее, подаль ей руку и проводилъ ее.

Съ тѣхъ поръ я не пропускалъ ни одного вечера, чтобъ не
видѣть ее и не проводить. Я скорѣ увидѣлъ, что это была де-
бри, проткая, невпная дѣвушка, которой думаю не погрѣша
ни одна еще страсть, и которая даже не понимала, что такое
любовь.

Она мнѣ разсказала всю свою жизнь, которая состояла въ двухъ словахъ: Она была сирота — и работою рукъ пропитывала себя....

Что вамъ еще разсказывать о ней? Я полюбилъ ее тихую, чистую любовью, и мнѣ пришла въ голову мысль удивить весь вашъ фешенебельный кругъ, женясь на гризеткѣ и являсь съ нею въ большой свѣтъ, чтобъ кротостію и наивностію Клеретты притянуть нашихъ модницъ. Но прежде надобно было образовать ее. Для этого надобно было время и терпѣніе.

Я сообщилъ свой планъ Клереттѣ, и она согласилась, потому что любила меня. Я нанялъ ей домъ въ Шапель-Сен-Дени, и поехалъ изъ Парижа. Меня искали въ Англии, въ Италіи, въ Америкѣ, даже въ Сенѣ, а я былъ въ двухъ шагахъ отъ моихъ блестящихъ товарищей, и вовсе не завидовалъ имъ. Со мною случилась чудный переверотъ, я возненавидѣлъ всю свою прежнюю жизнь и хотѣлъ переродиться. Мнѣ казалось, что я нашелъ того некаль: истинную любовь.

Живя въ одномъ домѣ съ Клереттою, я уважалъ ее, какъ свое дитя, навѣщалъ ее только два раза въ день, присутствовалъ иногда при ея классахъ и гулялъ съ нею въ саду. Я навѣдалъ ей множество учителей, и любовался быстрыми ея успѣхами. Мнѣ казалось, что я новый Пигмалионъ одушевляю свою Галатею огнемъ своей любви.

Такимъ образомъ прожили мы полгода. Я любилъ Клеретту, но самъ удивлялся, почему во мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго нетерпѣнія, чтобъ ускорить нашъ бракъ. Я видѣлъ, что и она меня любила, но такъ кротко и спокойно, что самолюбіе мое страдало. Она знала, что я богатъ, а все-таки ежедневно хлопотала о экономіи, о лишнихъ издержкахъ. Любовь моя и мои мечты требовали поэзіи, и видѣли одну прозу жизни. Клеретта могла составить счастье всякаго благороднаго и благоразумнаго человека, а я былъ сумасбродъ съ своею восторженностію. Я иногда нѣсколько задумывался, печалился, а она не понимала меня.

Бѣдная дѣвушка! Какую прекрасную жизнь отравилъ бы и своими сумасбродными мечтами. Къ несчастію, судьба рѣшила иначе. Съ дѣтства она получила зародышь неумолимой болѣзни, которая теперь вдругъ быстро начала развиваться и истреблять жизненные ея силы. — Въстѣо учителей, создалъ я лучшихъ дог-

торовъ. Все было бесполезно. Наступила осень, а съ нею и ужасная развязка. Сама Клеретта предчувствовала свой конецъ.

Однажды всматривался я въ прекрасныя черты ея, когда она отдыхала въ саду въ бесѣдкѣ изъ капринолій. Солнца изливаю послѣдніе свои теплые лучи, я склонился къ ней, в уаидѣль, что слеза блеститъ на ея рѣсницахъ.

— О чемъ ты плачешь, милая Клеретта? спросилъ я ее.

— Вы будете бранить меня, если я вамъ скажу, отвѣчала она.

— Что за мысль?....

— Вотъ видите ли.... У меня была подруга дѣтства, такая же бѣдная сирота, добрая и милая дѣвушка.... она живетъ въ той же улицѣ гдѣ и я жилъ.... я бы желала увидѣть ее передъ смертию.... Она бы похоронила меня....

— Что за печальныя мысли у тебя, милый другъ мой. Ты опять выздоровѣешь и расцвѣтешь, какъ роза.... Подруга изъ твоя завтра будетъ съ тобою.

Я послалъ за этою дѣвушкою. Это была Гонорина, которую вы видѣли.

Сперва я не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Я видѣлъ въ ней только изуродованное созданіе, и изрѣдка говорилъ съ нею только нѣсколько словъ, хотя мы часто проводили вмѣстѣ ночи у изголовья страданцы.

Печальныя предчувствія Клеретты не обманывали ее. Въ одно блѣдное осеннее утро угасла она на рукахъ нашихъ.

Любовь моя къ этой доброй дѣвушкѣ и безсонныя ночи, проведенныя надъ нею, привычка видѣть ее всякой день, и вдругъ внезапная смерть ея, разрушившая всѣ мечты моей будущности: все это вмѣстѣ произвело во мнѣ жестокою болѣзнь. Вернувшись съ кладбища, гдѣ я похоронилъ ее, я упалъ безъ чувствъ, и мною овладѣла сильная горячка.

Цѣлые два мѣсяца продолжалась борьба моей жизни противъ разрушенія. Въ тѣ минуты, когда я приходилъ въ себя, мнѣ казалось, что надъ изголовьемъ моимъ склонилось какое-то прелестное неземное существо, которое смотрѣть на меня съ любовью и состраданіемъ. Тогда я почиталъ это видѣніе продолженіемъ моихъ лихорадочныхъ фантазій. Наконецъ, я совершенно пришелъ въ себя и началъ выздоравливать. Меня удивилъ сперва видъ блѣдой и изуродованной Гонорины. Но когда докторъ

видъ мнѣ, что ея заботливости и попеченіямъ одолженъ я жизнию, то я былъ тронутъ до глубины души, протянулъ къ ней руку и поцаловалъ бѣдное ея чело. На краю могилы былъ первый нашъ поцалуй, можетъ-быть и послѣдній. Подаль я ей сей часъ, тоже при дверяхъ гроба....

Во время моего продолжительнаго выздоровленія Гонорина часто читала мнѣ книги. Я тотчасъ же открылъ въ ней много образованности, чувства и воображенія. Она понимала поэтовъ и плакала вмѣстѣ со мною. Однажды мы читали Хюго: *Les rayons et ombres*, и когда она прочла: *Regard jeté dans une manarde*, я взглянулъ на нее съ удивленіемъ: глаза ея блистали, все лице горѣло восторгомъ, она была восхитительно-преlestва. Я полюбилъ ее.

Въ Гоноринѣ нашелъ я наконецъ идеалъ всѣхъ моихъ мечтаній. Въ ней видѣлъ я всѣ поэтическія высокія, благородныя чувства. Въ ней находилъ я ту неземную любовь, которая возвышаетъ наше существованіе....

Съ-тѣхъ-поръ выздоровленіе мое пошло быстро. Душа моя была теперь спокойна. Она нашла наконецъ пристань, послѣ бурнаго своего плаванія. Наступила весна. Мнѣ позволили выходить въ садъ и Гонорина поддерживала меня. Сперва въ теплой молитвѣ благодарилъ я Бога за возвращеніе мнѣ жизни. Потомъ склонилъ колѣно предъ Гонориною и сказалъ ей:

— Я люблю тебя.

— Благодарю тебя, Боже мой! отвѣчала она. — Я не ожидала такого счастья.

Вотъ, господа, вся моя исторія! — Я рѣшился навсегда оставить Парижъ; купилъ этотъ домикъ, и завтра назначена была моя свадьба. Вмѣсто ея будутъ, можетъ-быть, наши похороны, потому-что Гонорина не переживетъ меня....

— Помогите! помогите! — вскричала Нелли, вбѣжавъ въ залу рѣстрепанная и изстуженная.... Бѣдная госпожа моя!.... Тамъ, тамъ...

Не договоривъ, Нелли упала безъ чувствъ.

VII.

О Ф Е Л И Я.

Нелли, упавъ, указала на окно, и всѣ машинально туда бросились.

— Она съ ума сошла, сказала Пелудци. — Ничего не видеть!

Дѣйствительно, ничто не прерывало тишину ночи. Луна, полуподернутая прозрачнымъ облакомъ, изливала кроткій и таинственный свѣтъ; изрѣдка тихій дѣтерокъ колыхалъ листья — и рѣкъ только вдаль шумѣла....

— Нелли! — вскричалъ графъ, приподнимая ее и сильно трясъ за руку. Что случилось? говори скорѣе! Гонорина....

Крикъ ужаса маркизы и Юліи прервалъ слова его. Обѣ женщины вышли на террасу и закричали:

— Спаёте ее!

Всѣ бросились за ними,

— Что такое? — вскричалъ Жоржъ.

— Тамъ! тамъ! видите ли? — прошептала маркиза, едва держась на ногахъ, и указывая на рѣку или лучше сказать на рукавъ, проведенный изъ прудовъ парка въ водоворотъ и по искусственному склону, быстро текущій въ эту бездонную пропасть.

Всѣ взоры устремились туда, и посреди тѣни, отбрасываемой наами, склонившимся на воды, видно было что-то тѣло въ блонъ платьѣ, быстро несомое къ водовороту.

— Гонорина! вскричалъ графъ задыхающимся голосомъ, и бросился было къ рѣкѣ. Но Пелудци удержалъ его.

— Пустите, пустите меня!.... кричалъ онъ съ наступленіемъ.

— Вы видите, графъ, что уже поздно....

— Такъ дайте мнѣ умереть съ нею, злодѣи!..

— Оселія! Оселія! — закричалъ Жоржъ въ какомъ-то сумасшествіи.

Въ это самое мгновеніе Гонорина пала въ водоворотъ. Ясный взоръ ея обратился къ небу. Она успѣла бросить на берегъ цвѣтокъ, который случайно держала въ рукахъ и вскричала:

— Жоржъ! тамъ — мы увидимся!....

И мгновенно ее уже не стало, бездна закрылась, поглотила ее..

VIII.

Г А М Л Е Т Ъ.

— Прекрасные цвѣты прекраснымъ дѣвушкамъ! прошепталъ Жоржъ, проводя рукою по лбу, какъ бы стараясь что-то вспомнить. — Ступайте же, добрая мать моя.... Посыпьте гробъ Оселія цвѣтами....

При этомъ онъ толкнулъ маркизу, которая съ ужасомъ несколько повисла на немъ и пошла къ рѣкѣ.

— Горацио! продолжалъ Жоржъ: воротнися опять на кладбище, ты знаешь туда, гдѣ могилы наши чашъ неучтиво обращаются съ черепами и гдѣ ны видѣли этого бѣднаго Іорика.... Надобно присутствовать въ могилу умершей...

— Бѣдная дѣвушка! — прошепталъ Палуци.

— Да! я бы отдалъ собственную свою жизнь, чтобъ спасти ее, сказалъ маркизъ.

— Кто смѣетъ печалиться вмѣстѣ со мною? — вскричалъ графъ.... А! это ты храбрый Лаэртъ.... Наконецъ я тебя встрѣтилъ.... Мы будемъ сражаться....

Въ изступленіи онъ бросился на маркиза.

— Палуци! — вскричалъ маркизъ: освободи меня отъ этого сумасшедшаго....

— Нѣтъ! ты будешь драться....

— Я готовъ.... подайте пистолеты....

— Къ чему? это орудіе бандитовъ. Нѣтъ! у насъ есть шпаги....

Онъ схватилъ шпаги и бросилъ одну изъ нихъ маркизу.

— Защищайся!

— Палуци! я не могу драться съ сумасшедшимъ человекомъ....

— Онъ труситъ!...

.....

Маркизъ подвизая цѣптокъ, бременный Гоноринною, и подала его Жоржу.

— Ахъ! вскричалъ тотъ, собравъ остатки силъ. — На этомъ цѣпкѣ остановилась улетавшая ея мысль....

Онъ подавалъ цѣптокъ и упалъ безъ чувствъ.

Въ эту самую минуту вошелъ и докторъ, привезенный изъ Орлеана. Онъ подошелъ къ Жоржу и прислушивался долго къ его дыханію. Наконецъ очень спокойно объявилъ:

— За жизнь его я отвѣчаю.

IX.

ЭПИЛОГЪ. — ГОДЪ СПУСТЯ.

Годъ спустя послѣ описанныхъ нами происшествій, коляска остановилась у лечебницы доктора Клона, на госпитальномъ бульварѣ. Вышелъ оттуда старикъ дряхлый и печальный. Это

былъ Викторъ Пелуцци. Въ одинъ годъ состарѣлся отъ его угрызенія совѣсти и печали. Юлія уже умерла, а онъ....

— Я пришелъ съ вами проститься, сказалъ онъ доктору.

— Какъ? неужели? спросилъ съ недоумѣніемъ докторъ. — И вы не переѣхали своего страннаго наміренія?

— Нѣтъ! жизнь мнѣ тягостна; свѣтъ несносенъ. Потому еще надѣялся на выздоровленіе Жоржа, я терпѣливо жилъ близъ него. Но вы мнѣ не подаете никакой надежды....

Докторъ печально покачалъ головою.

— Вотъ видите ли! — продолжалъ Пелуцци. Чего же мнѣ ждать? Завтра же вступаю я въ Картезіанскій монастырь. Худу молитвами и раскаяніемъ умилостивить небо за свой проступокъ... Но, Боже мой! вотъ и онъ!

Кто то приближался съ сѣдою бородою и такими же волосами.

— Не выдали ли вы Офелію? — спросилъ онъ у нихъ. Онъ только-что пѣлъ свою пѣсню у ручья.

— Боже мой! какъ онъ переѣхнулся! — сказалъ Пелуцци, закрывая глаза рукою.

— Офелію мою грызутъ черви, вмѣстѣ съ Александромъ Макдонскимъ. Великая красота, геній, добродѣтель, могла погнѣщаетъ все! Уйдемъ, Гораціо. — Я тебѣ дамъ понюхать этотъ цвѣтокъ. Офелія съ поцалуемъ оставила на немъ свою дыса. Оттого онъ и свѣжъ до-сихъ-поръ....

Онъ вынулъ изъ-за жилета свѣжую розу, поцаловалъ ее — и тихо пошелъ въ общую залу сумасшедшихъ.

Вслѣдъ за нимъ хотѣла идти какая-то женщина, которая стояла до-тѣхъ-поръ въ углу, карауля его движенія и шагъ.

— А! вотъ наша сестра милосердія! — сказалъ докторъ.

— Здравствуйте, маркиза, сказалъ Пелуцци, протягивая ей руку. — Вы неослабно продолжаете исполнять высокую обязанность, принятую на себя.

— Кто совершилъ преступленіе, долженъ и страдать за него, отвѣчала маркиза. — Сдѣлавшись сестрою милосердія, я посвятила дня свои, чтобъ ходить за тѣми, кого мы сдѣлали такъ несчастными. Жребій мой рѣшенъ. Я здѣсь умру... однакоже ищите. Мнѣ надобно идти за моимъ Гамлетомъ. Скоро пора и ремѣнить ему въ свѣ розу и положить свѣжую.

— Прощайте маркиза, сказалъ Пелуцци. — Братъ Карлъ идетъ за васъ молить Бога....

АВСТРАЛІЯ. ПОРТ-ФИЛИППЪ. — Лѣтъ 12 не болѣе назадъ, говоритъ путешественникъ, страна, въ которой теперь находится городъ Мельбурнъ, столица новой провинціи, была еще пустынею, обитаемою многочисленными племенами дикарей и такимъ множествомъ рѣзвыхъ кенгуру, и дикихъ собакъ, что трудно было приступить къ серьезной обработкѣ земли. И какъ теперь все измѣнилось! Чего не произвелъ въ этой нѣкогда варварской землѣ британскій духъ предпріимчивости! Быть-можетъ, ни въ какой части свѣта опыты колонизаціи въ обширномъ видѣ не имѣли столь быстрого и столь блестящаго успѣха, какъ здѣсь, при основаніи города Мельбурна, съ народонаселеніемъ въ 15,000 человекъ. Мельбурнъ расположенъ прекрасно, на отлогомъ берегу, съ котораго видна часть губы, съ рѣкою Яра-Яра на сѣверѣ; на западной сторонѣ большое болото, которое скорѣе можно назвать зеромъ, потому-что оно почти всегда покрыто водою, и поверхность его, такъ-сказать, усыяна утками и другою дичью. Въ архитектурномъ отношеніи Мельбурнъ замѣчательнаго характера, неправильная наружность большей части строеній, же на самой главной улицѣ города, съ трудомъ подчиняется общимъ понятіямъ объ изящномъ; и хотя встрѣчаются, то и тамъ, то здѣсь, довольно порядочныя строенія, но симметрія и гармонія скоро нарушается дрянными досчатыми хижинами. Большая часть новѣйшихъ домовъ двухэтажныя и выстроены въ деревенскомъ стилѣ, но всѣ они подвержены одному недостатку — всѣ они низки и недоступны воздуху, что въ особенности дурно въ жаркомъ климатѣ. Большая часть ихъ крыты гонтомъ, которые черепицею, а другіе древесною корою. Наемная цѣна высока: домъ въ 6 комнатъ нельзя нанять дешевле 50 фунтовъ стер. Когда я оставлялъ Порт-Филиппъ, тамъ не было ни одной свободной квартиры, и приѣзжающіе должны были поневолѣ жить въ довольно дорогихъ гостиницахъ. За самую скромную хижинку въ 3 маленькія комнаты охотно платили 10 шиллинговъ въ недѣлю.

Вотъ что говорятъ путешественники, посѣщавшіе Австралію господствующихъ тамъ болѣзней. Лихорадки, удушье и нѣкоторыя другія болѣзни въ Австраліи вовсе неизвѣстны; но за тамъ сильно властвуютъ болѣзни печени и чахотка. Несмотря на то, страна эта лучшее мѣсто для всѣхъ тѣхъ, коихъ Провидѣніе наградило здоровьемъ и силою тѣлесною.

ШКОЛЫ ВЪ АМЕРИКЪ. Слѣдующія статистическія данныя, извѣстныя намъ изъ одной бостонской газеты, доказываютъ какъ успѣшно распространяется народное обученіе въ нѣкоторыхъ штатахъ Американскаго Союза. Въ штатѣ Массачусетъ (столица котораго Бостонъ), дѣтей, способнаго къ ученію возраста (отъ 4-хъ до 11-хъ лѣтъ, считается 215, 926, изъ нихъ 134, 734, т. е., болѣе нежели 62 на сто, посѣщаютъ различныя школы. Учителя получаютъ ежегодно не менѣе 836, 600 дол. 69 ц. да на отопленіе школъ и на учебныя матеріалы требуется ежегодно 35281 дол. 64 ц.

Въ особенности хорошъ для школъ Бостонъ; гдѣ за всякаго ребенка отъ 4 до 16 лѣтъ собирается школьной пошлины по 10 дол. 65 ц. (15 руб. сер.) За столлицею слѣдуетъ кантонъ (county) Суфолькъ, гдѣ пошлина положена въ 10 дол. 32 ц. Менѣе всего дѣлаютъ для своихъ школъ два маленькіе городка Сауи и Ашвольдъ-Варвикъ, гдѣ находится 8 большихъ бумагопрядильныхъ и гдѣ пошлины собирается только по 1 дол. 25 ц. съ каждаго ребенка. Учителя и школы содержатся правительствомъ.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МИРА.

Перечень замѣчательнѣйшихъ современныхъ открытій и изобрѣтеній — Важное усовершенствованіе въ выдѣлкѣ крахмала. — Новое приложеніе мучука или гумми-эластика. — Новѣйшій способъ очистки животныхъ и растительныхъ маселъ. — Водоподъемный кругъ.

Важное усовершенствованіе въ выдѣлкѣ крахмала. — Въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, англійское правительство выдало привилегію гг. Атулу и Рентону, на изобрѣтеніе, важное и особенно полезное для нашихъ хозяевъ и промышленниковъ. Оно состоитъ въ совершенно новомъ способѣ выдѣлки крахмала, и предъ всѣми, доселѣ извѣстными, имѣетъ существенное преимущество.

Доселѣ повсюду употребительное добываніе крахмала помощію броженія, или лучше сказать гноенія, дѣлается этотъ промыселъ, отъ смраданаго запаха промывной воды, до того вреднымъ для здоровья, что внутри городовъ и большихъ селеній заведенія эти не допускаются правительствомъ, и притомъ же самое производство требуетъ продолжительнаго времени, и значительная часть крахмала теряется.

Все это новымъ способомъ устраниено совершенно: въ двое сутокъ дѣлается тоже, что прежде дѣлалось въ шесть и болѣе; вредныхъ испареній вовсе нѣтъ, и крахмала получается, по крайней мѣрѣ, шестью процентами болѣе, нежели сколько получалось доселѣ изъ того же самаго количества обрабатываемаго матеріала, и при всемъ этомъ крахмалъ выходитъ наилучшаго качества. Здѣсь главные дѣйтели суть простая поваренная соль и известка.

Вотъ, въ подробности, какъ это дѣлается. Для примѣра положимъ, что въ крахмалъ выдѣлывается рисъ.

Сто десять фунтовъ обыкновенной извести съ тридцатью тремя фунтами соли растворяются въ двухъ-стахъ ведрахъ холодной воды. Десятая часть этого раствора наливается, въ неглубокомъ сосудѣ на три нуда рису, такъ, чтобы всѣ зерна были покрыты жидкостію. Впрочемъ, эта пропорція не есть необходимое условіе успѣха: она можетъ-быть и измѣняема; здѣсь показывается она потому только, что всегда давала на опытѣ хорошіе результаты.

Эта смѣсь должна стоять шесть часовъ, и каждые полчаса быть хорошо перемѣшивасма. По прошествіи этого времени жидкость должно слить, а на рисъ налить свѣжей, и опять продержать шесть часовъ, мѣшая попережнему. Послѣ этого втораго вымачиванія, вынутый изъ жидкости рисъ должно смолоть, обыкновеннымъ образомъ, въ грубую муку, и потомъ на муку въ такой же пропорціи, какъ и прежде, опять налить соленозвестковаго раствору, и продержать три часа, часто взбалтывая. Потомъ перелить все въ особый сосудъ и дать устояться часовъ шесть. Чтобы не терять напрасно времени, лучше всего расположить работу такъ, чтобы эта послѣдняя отстойка припала на ночь. Тогда утромъ окажется, что на днѣ сосуда осѣла бѣлая густая масса, а наверху плаваетъ совсѣмъ дру-

гаго цвѣта ястой. Первая есть крахмалъ, смѣшанный съ фибриною, второй глютенъ или клейковина.

Сливъ верхній, клейковинный слой, останется отдѣлать только фибрину, чему много способствуетъ то, что послѣдняя тяжеле крахмала, и держится на самомъ днѣ, и слѣдовательно, стоитъ только налить на оставшуюся бѣлую гущу свѣжей воды, и крахмалъ будетъ плавать наверху, и снимать его удобно.

Мокрый крахмалъ теперь должно отдѣлать отъ воды. Эта работа довольно хлопотлива, и вообще доселѣ производилась безъ потери, потому-что самыя тонкія части крахмала всегда при сливаніи воды болѣе или менѣе уносились ею. По новому способу она производится гораздо успѣшнѣе, посредствомъ очень простаго устройства.

Вода, въ которой плаваетъ крахмалъ, разливается въ ящикъ, глубиною не болѣе четырехъ дюймовъ, или съ небольшою двухъ вершковъ, поставленные въ наклонномъ положеніи, но такъ, что на сто футовъ или пятнадцать сажень длины, склонъ этотъ не превышаетъ одного дюйма или почти полвершка. Изобрѣтатели нашли опытомъ, что если по такому малому наклоненію, и слѣдовательно, при самой незначительной скорости, крахмалъ содержащая вода пройдетъ триста футовъ, (безъ малаго сорокъ—двѣ сажени) то самыя легчайшія части успѣваютъ отдѣлаться совершенно и осѣсть на дно, и вода стекаетъ чистая и свѣтлая.

Тогда остается только собрать осѣвшій порошокъ, и высушить.

При добываніи всѣхъ другихъ родовъ крахмала, приемы одни и тѣ же.

Новое приложение каучука или гумми-эластика.—Какъ много численны и ни разнообразны уже сдѣланныя въ искусствахъ приложенія свойствъ гутта-перчи и каучука или гумми-эластика (не-смотря на то, что первая стала известна въ Европѣ не далѣе, какъ за восемь предъ симъ лѣтъ), но еще трудно предвидѣть всю обширность пользы, ко торую эти вѣстиво благодѣтельные дары природы, принесутъ со временемъ чело-вѣку. Изобрѣтеніе Англичанина Годжеса, въ прошломъ году обнаруженное и испытанное въ Лондонѣ, служить тому самымъ доказательствомъ.

Здѣсь дѣло въ томъ, что всякій можетъ носить у себя въ

карманѣ, очень недорогой и вовсе неподверженный порчѣ пучекъ снурковъ, помощію котораго безъ всякаго механизма и безъ всякой посторонней помощи можетъ ворочать, поднимать и переносить тяжести въ пятьдесятъ пудовъ и болѣе, и вообще производить механическое дѣйствіе, требующее соединеннаго усилія двадцати-пяти, пятидесяти и болѣе человѣкъ.

Дѣло странное и съ перваго взгляду невѣроятное, но самое простое и очевидное и никакому сомнѣнію неподверженное.

Такое чудесное дѣйствіе производитъ простая трубка, сдѣланная изъ обработаннаго * каучука или гумми-эластика, длиною въ футъ, въ поперечникѣ три четверти дюйма, толщиною въ стѣнкахъ въ осмушку дюйма, вѣсомъ вся не болѣе четверти фунта.

Опытъ показываетъ, что такая трубка, безъ малѣйшей опасности разрыва или даже потери упругости, можетъ растянуться въ шесть разъ противъ первоначальной своей длины, и что на это надобно усиліе равное семидесяти-двумъ русскимъ фунтамъ, то есть такое, какое всякой человѣкъ легко произвести можетъ.

Въ оба конца трубки, расплывши достаточно стѣны, вставляются изъ крѣпкаго дерева выточенные вальки или деревянные, съ углубленіемъ или шейкою снаружи и сквозною дырою внутри. За шейку каучуковая трубка привязывается къ деревяшкѣ крѣпкою стеклядою или проволокою, а сквозь внутреннюю дырку проходитъ крѣпкій снурокъ, съ узломъ внутри трубки и съ петлею наружу.

Такимъ образомъ, вся наша подъемная снасть есть ни что иное, какъ тонкая трубка, около четверти фунта вѣсомъ и семи вершковъ длины, на обѣихъ концахъ имѣющая петли довольно крѣпкія, чтобы выдержать грузъ въ семьдесятъ-два фунта.

Употребленіе ея самое простое. Положимъ, что одному человѣку придется вытащить изъ ямы камень или какой-нибудь другой грузъ, вѣсомъ въ тридцать пудовъ.

Для этого ему стоитъ только найти какую-нибудь твердую о-

* Обработанный каучукъ доселѣ былъ тотъ, который по очищеніи отъ постороннихъ веществъ и по раствореніи въ вѣтви, терпентинномъ спиртѣ или сѣрниомъ углеродѣ (sulphure de carbone) наизтывался чистою сѣрою. Отъ этого онъ приобретаетъ качества, которыхъ отъ природы не имѣетъ. Нынѣ начинаютъ вмѣсто сѣры употреблять и многія другія вещества.

пору, коли такая въ близости найдется, а если нѣтъ, то можно положить перекладину или вбить одинъ или два кола, и которые бы можно было зацѣпить петли отъ каучуковыхъ трубокъ. Самый же камень или грузъ, опутать веревкою такъ, чтобы за шквль задѣть можно было другими концами трубокъ.

Теперь совершенно понятно, что если онъ, зацѣпивъ каучуковую трубку одною петлею за грузъ, вытянетъ его, сколько ему по силамъ, и вытянутый зацѣпитъ за перекладину или за какуюнибудь неподвижную опору, и такихъ трубокъ прицѣпить и вытянетъ одна за другою восемнадцать, то явно, что соединенное усиліе всѣхъ трубокъ съжившихся, одолѣетъ тяжесть камня или груза, потому что каждая поровнь произволитъ усиліе семидесяти-двухъ фунтовъ.

Это самый простой видъ употребленія великой упругости чугука; но онъ достаточно объясняетъ дѣло. Многія изъ измѣненій этого начала привели изобрѣтателя къ результатамъ, повстинѣ удивительнымъ.

Новѣйшій способъ очистки животныихъ и растительныхъ маселъ. — Растительныя очищаемыя масла, суть обыкновенныя масла изъ оливокъ, галиполи, испанское, португальское, сицилійское и нѣкоторыя другія. Всѣмъ извѣстно, что эти масла въ неочищенномъ состояніи употребленныя на смазку машинъ, скоро дѣлаются вязкими, дѣйствуютъ вреднымъ образомъ на вѣдныя части, и значительно вредятъ ходу машинъ. Это происходитъ отъ дѣйствія воздуха на нечистоты, находящіяся въ маслѣ, когда оно находится въ малыхъ количествахъ. Чтобы отдѣлать эти вредныя части должно подвергать масло, нагрѣтое до 90 и выше, дѣйствию сильного раствора поташа или соды, или въ состояніи углекисляковъ, или сдѣланныхъ ѣдкими посредствомъ извести. Вообще предпочитаютъ употреблять щелочи въ ѣдкомъ состояніи, по той причинѣ, что онѣ производятъ менѣе шума (effervescence) въ маслѣ и вся операція гораздо скорѣе кончается, чѣмъ при употребленіи углекислыхъ солей какой-нибудь изъ упомянутыхъ щелочей. Лучше всего употреблять щелочной растворъ удѣльнаго вѣсу 1,2, или даже еще крѣоче. Во все время прибавленія щелочи, масло должно безпрестанно вымѣнивать, чтобы первая совершенно смѣшивалась съ второю. Должно узнать, когда операцію можно кончить, и достаточно ли вліяно раствору, отливаютъ небольшое количество въ стекля-

ную бутылку или въ другой какой-нибудь приличный сосудъ, и прибавляютъ щелочнаго раствора въ избыткѣ, сильно взбалтываютъ и даютъ отстояться около четверти часа, или до тѣхъ-поръ, пока вся щелочь опустится на дно сосуда; если находящаяся внизу щелочь будетъ совершенно чиста, безъ всякаго осадка, то масло достаточно чисто; если же внизу подъ масломъ находящійся щелочный растворъ не совершенно прозраченъ и съ осадкою на днѣ мыломодобнаго вещества, то прибавляютъ еще щелочи къ маслу, до тѣхъ-поръ, пока при дальнѣйшей пробѣ, малое количество масла, по сказанному отлитое въ отдѣльный сосудъ и сильно взбалтываемое со щелочнымъ растворомъ въ избыткѣ, не измѣнитъ его прозрачности. Количество потребной щелочи на это производство совершенно зависитъ отъ количества масла подверженнаго очисткѣ. Но на практикѣ найдено, что нѣкоторыя масла требовали до 8 процентовъ щелочнаго раствора удѣльнаго вѣсу 1,2, между тѣмъ какъ другія не болѣе 3¼. Послѣ вышеприведенной операціи, даютъ маслу стоять въ покоѣ въ продолженіе двадцати-четырехъ часовъ, или до тѣхъ-поръ, пока маслоподобное вещество образуемое въ маслѣ щелочью, не опустится все на дно; тогда наверху плавающее масло можетъ быть слито и пропущено чрезъ сито. Масло такимъ образомъ обдѣланное, не будетъ дѣлать тусклыми самыхъ тонкихъ мѣдныхъ частей, ни дѣлаться густымъ и вязкимъ на воздухѣ. Животное масло, очищаемое для тѣхъ же употребленій, какъ и разныя оливковыя, есть масло выжимаемое изъ свиного жиру (Lard). Способъ очищенія этого масла совершенно подобенъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ вышеприведенному.

Водоподъемный кругъ.—Сначала текущаго года, въ Лондонѣ стало входить въ употребленіе, устройство для поднятія воды на произвольную высоту, совершенно новое и отличное отъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ. Изящная простота и великая, очевидная дѣйствительность ставятъ это изобрѣтеніе Англичанина Бисмира наряду первокласныхъ и полезнѣйшихъ успѣховъ механики.

Орудія, служащія для подниманія воды, послѣ орудій земледѣльческихъ суть самыя необходимыя и важныя. Ихъ великое множество, и каждое изъ нихъ имѣетъ свое преимущество, смотря по обстоятельствамъ и мѣстности, гдѣ оно употребляется:

Но самое употребительное изъ всѣхъ, доселѣ есть обыкновенный водяной насосъ, при хорошемъ устройствѣ, неоспоримо, соединяющій въ себѣ наиболѣе выгоду, изъ коихъ главнѣйшія суть: прочность, простота состава, дешевизна, малое мѣсто, которое онъ занимаетъ, и способность при достаточной силѣ поднимать воду на самыя большія высоты.

Ежедневныя услуги, оказываемыя насосомъ почти всѣмъ работамъ и всѣмъ родамъ промышленности, несчастливы, равно какъ и потери, происходящія отъ дурнаго его устройства и неумѣнья имъ пользоваться.

Какую огромную потерю несутъ пространныя степи Новороссійскаго края отъ засухи и неполиванія самой плодородной земли, тогда какъ съ умѣньемъ приспособленный насосъ, съ помощію воловъ, коихъ содержаніе не стоитъ вовсе ничего, превратилъ бы эти пустыни, покрытыя дикими, изсохшими травами, въ богатыя нивы и тучныя луга.

У насъ въ Россіи насосомъ называется тяжелое, дурно пробурванное бревно, въ которомъ на днѣ утверждена еще хуже сдѣланная кожанная захлопка, и въ которомъ таскаютъ вверхъ и внизъ еще хуже сдѣланный поршень или стаканъ.

Въ такой машинѣ, вовсе не дешевой и грузной, половина поднятой поршнемъ воды уходитъ назадъ, все скоро портится, засоряется и стирается, а для починки и чистки необходимо всю тяжесть вытаскивать вонъ. Очень часто можно видѣть обыкновенные наши насосы вовсе безъ дѣйствія.

Сколь ни просто кажется, съ перваго взгляда, устройству насоса, но надобны были тонкія соображенія искусства и опыта вѣковъ. чтобы довести его до той степени совершенства, въ которомъ онъ находится въ наше время. Но при всѣхъ его усовершенствованіяхъ, наилучшій новѣйшій насосъ не можетъ войти ни въ какое сравненіе съ изящнымъ орудіемъ Бисмара. Поршни, захлопки, сверленные и точеные стаканы, какъ бы хорошо сдѣланы ни были, подвержены засоренію и уже непременно истиранію и порчѣ. При томъ же хорошей насосъ требуетъ рачительной и искусной работы, слѣдовательно, и значительныхъ издержекъ.

Въ новомъ водоподъемномъ орудіи не можетъ быть ни засоренія, ни порчи, потому-что въ немъ вовсе нѣтъ ни захло-

нокъ, на поршней и ничего сверленаго. Сдѣлано же оно можетъ быть во всякомъ русскомъ промышленномъ селеніи.

Водоподъемный кругъ, или какъ называютъ его Англичане, центробѣжный насосъ (Centrifugal pump), есть не иное что, какъ ящикъ съ двумя трубками и съ быстровертящимся внутри ящика кругомъ, изъ двухъ досокъ склепаннымъ, если онъ желѣзный, и свинченнымъ на замазкѣ, если сдѣланъ изъ дерева.

Если воду должно поднимать на небольшую высоту, то все устройство точно также хорошо будетъ дѣйствовать, и такъ же прослужитъ долго, если лѣсъ употребленъ сухой, и всѣ спавы сдѣланы плотно и скрѣплены винтами на масляной съ бѣлками замазкѣ, вмѣсто клею, а по наружности, и ящикъ и трубы хорошо осмолены.

Оно такъ просто, что и безъ чертежей, смышленный столяръ сдѣлаетъ его съ перваго разу, и безъ ошибки, по описанію. Вотъ въ чемъ дѣло:

Въ дно и въ крышу четверугольнаго ящика, аршина полтора или около дліною и шириною, и вершка четыре въ вышину, вдѣланы плотно двѣ трубы, круглыя или квадратныя, вершковъ по пяти въ боку.

Труба, вдушая отъ крыши, проведена туда, гдѣ поднятая вода должна выплываться, а вдѣланная въ дно, опускается въ рѣку, прудъ или колодезь, откуда вода поднимается.

Эта послѣдняя труба имѣетъ внизу самую простую захлопку, которой все назначеніе есть удержать воду, когда ея, прежде приведенія въ дѣйствіе машины, наполнится нижняя труба, весь ящикъ и пол-аршина вышины верхней трубы. На самое дѣйствіе машины эта захлопка не имѣетъ никакого вліянія.

Тамъ, гдѣ нижняя труба проходитъ чрезъ дно внутрь ящика, надъ самымъ ея отверстіемъ, утвержденъ въ двухъ вертикальныхъ подшапникахъ водоподъемный кругъ, дѣйствующая часть всего устройства. Онъ состоитъ изъ двухъ досокъ, свинченыхъ помощію промежуточныхъ перегородокъ такъ, что отъ центра, гдѣ въ нижней доскѣ вырѣзана дыра, соотвѣтствующая отверстію нижней трубы, къ окружности разстоянія между обѣими досками дѣлается все уже и уже, и на самой окружности составляетъ отверстіе, равняющееся не болѣе, какъ половинѣ или двумъ третямъ поверхности отверстія въ центрѣ.

Этотъ кругъ насаженъ на веретено, на верхнемъ концѣ

котораго, плотно пропущенномъ сквозь крышку ящика, надѣтъ блокъ или штивъ, и этотъ штивъ, помощію веревки или ремня, приводится въ быстрое движеніе. Наполняющая ящикъ и внутренность круга вода, приобретаетъ центробѣжную силу или стремленіе къ окружности, напяраетъ на всѣ трубы и на стѣны ящика, и вездѣ находя себѣ сопротивленіе, кромѣ открытаго конца верхней трубы, въ нее поднимается и вытекаетъ; а въ центрѣ круга и слѣдовательно въ нижней трубѣ, дѣлается отъ убѣгающей къ окружности воды пустое пространство, которое отъ давленія наружнаго воздуха, чрезъ захлопки, безпрестанно пополняется изъ колодца или пруда поднимающагося водою.

ВАСИЛІЙ КАРЕЛИНЪ.

ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ.— *Домашній лечебникъ.* Отъ кроваваго поноса.—Отъ вольной болѣзни.—Отъ отеки.—Отъ свѣжихъ ранъ, даже съ воспаленіями.—*Хозяйство:* Что такое чистый доходъ въ хозяйствѣ?—О питательности кормовъ.—Тавельное дѣло.—*Домоводство:* Провѣтриваніе комнатъ.—Способъ собирать слявки болѣе обыкновеннаго.—Средство сохранять лимоны свѣжими.—Какъ стирать съ сукна пятна отъ масляныхъ красокъ.—*Сельскыя матеріи:* Воспитаніе вообще.—Физическое воспитаніе.—Нравственное и умственное воспитаніе.—Окончательное воспитаніе.—Благая цѣль.

Домашній лечебникъ. Отъ кроваваго поноса.—Я всегда съ отличнымъ успѣхомъ, и безъ малѣйшихъ вредныхъ послѣдствій, вылечивалъ кровавый поносъ сѣмяннами конскаго щавеля, слѣдующимъ образомъ:

Эти сѣмена собираютъ совсѣмъ созрѣлыя, досушиваютъ ихъ въ вольной печи, когда она уже нѣсколько начала остывать, чтобы удобно было ихъ истолочь; потомъ толкутъ ихъ въ мелкій порошокъ, и просѣваютъ сквозь частое сито, и такъ приготовленные сохраняютъ ихъ въ стеклянной банкѣ, въ сухомъ мѣстѣ.

Этого порошка даютъ взрослому человѣку принять столовую ложку, смѣшаннаго довольно жидко съ холодною водою, чтобы легче было его глотать; если чрезъ сутки поносъ не оставится, то даютъ вторую такую же порцію. Миѣ никогда не слу-

чалося прибѣгать къ третьему приему, хотя мнѣ попадались такіе больные, которые казались уже безнадежными. Однако-же если бы случилось, что послѣ втораго приема не прекратится поносъ, въ такомъ случаѣ надобно еще чрезъ сутки дать третій приемъ.

Это лекарство рѣшительно ничего не стоитъ, включая не большаго труда, ибо конскій щавель растетъ дико вездѣ, и по деревнямъ всѣ его знаютъ. Горячительныя же и крѣпительныя средства, которыя обыкновенно употребляютъ въ этомъ случаѣ, весьма не рѣдко имѣютъ послѣдствіемъ водяную болѣзнь и безвременную смерть.

Отъ водяной болѣзни.—Надобно взять сушенаго корня чернобыльной травы, (*Radix artemisiae vulgaris*) изрѣзать его мелко, накласть въ глиняный горшокъ, (всего лучше муравленный) до половины налить водою, накрыть крышкою, замазать края тѣстомъ; поставить его въ вольную печь, (т. е., тотчасъ по вынутіи изъ нея хлѣбовъ) и оставить его тамъ, пока печь остынетъ; тогда снявъ крышку, процѣдять жидкость сквозь сачетку, и дать больному выпивать по нѣсколько стакановъ въ сутки, до-тѣхъ поръ, пока болѣзнь пройдетъ.

Это лекарство такъ же ничего не стоитъ; ибо это растеніе растетъ вездѣ дико, особливо въ огородахъ; корень приходитъ въ надлежащую зрѣлость къ осени, и тогда должно его выкопать и просушить въ тѣни. По деревнямъ всѣ его знаютъ.

Этимъ лекарствомъ, я между прочимъ лечилъ одну 60 лѣтнюю старуху, которая послѣ 30-лѣтняго болѣзненнаго состоянія, уже три года не вставала съ постели, получила наконецъ водяную болѣзнь въ сильной степени, и уже три дня ничего не могла ѣсть.

Отъ отеки.—Изсушивъ сверчка, истолочь его въ мельчайшій порошокъ, и раздѣливъ его на два, или на три порошка, принимать каждый день по одному, съ водою, бульономъ, чаемъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ: вымечиваютъ даже отъ водяной болѣзни, давая больному пить кофе, чаю или бульону, сваренными вмѣстѣ со сверчкомъ.

Такого рода лекарства хотя конечно покажутся неаппетитными, но они весьма драгоценны для деревенскихъ жителей, болѣею частью лишенныхъ близкой помощи ученой медицины; при томъ нѣтъ надобности больному знать, изъ чего со-

ставлено лекарство, которое спасаетъ его отъ смерти; не зная о томъ, онъ и брезгать не станетъ, а когда дѣло идетъ о спасеніи жизни, тогда большая часть больныхъ будутъ готовы принимать и завѣдомо гораздо хуже этого.

Отъ свѣжихъ ранъ, даже съ воспаленіемъ.—Лучшее средство въ этомъ случаѣ, есть конечно простокваша, завернутая въ тряпку, и приложенная къ ранѣ, перемежная ее всегда свѣжее, какъ скоро нагрѣется: она не допускаетъ рану до воспаленія, а если оно уже оказалось; то уничтожаетъ его, и излечиваетъ даже отъ автонова огня; при чемъ зараженная часть отваливается, а прочее излечивается; но часто случается, что слишкомъ затруднительно, и вовсе нельзя достать простокваша; тогда надобно прибѣгнуть къ простѣйшему, но столько же спасительному средству, которое можно достать всегда и вездѣ, и которое ничего не стоитъ, что для бѣдныхъ людей имѣетъ свою важность. Это есть свѣжій конскій пометъ, или прикладывая его цѣликомъ, или выжимая изъ него сокъ, и смоченный или компрессъ приложить къ ранѣ, и перемежная то и другое свѣжимъ, какъ скоро прежде приложенное начнетъ подсыхать, продолжать такимъ образомъ до совершеннаго исцѣленія. Какъ скоро не допускается воспаленіе до раны, то естественно она скоро заживаетъ, ибо именно воспаленіе производитъ загноеніе; а когда уничтожается причина зла, тогда само-собою уничтожается и ея дѣйствіе.

Мнѣ никогда еще не представлялся случай, чтобы это средство осталось безъ полнаго успѣха; причемъ я никогда не употреблялъ ни кровопусканія, ни пивокъ; еще недавно я вылечилъ этимъ одного бѣднаго работника, который крѣпко ушибъ себя правое колѣно, которое отъ того сильно распухло, слѣдилось-было сильное воспаленіе, и начало нарывать: при употребленіи сока изъ конскаго помета, въ четыре дня опухоль и воспаленіе совершенно исчезли, нарывъ открылся и очистился отъ гноя, и остался только небольшой струникъ, который послѣ отвалился; на шестой день этотъ человѣкъ пошелъ опять на работу.—Я употребилъ разъ это средство самъ; будучи сброшенъ ночью съ дрожекъ лицомъ на мостовую, я имѣлъ все лицо разбитое, переносые переломлено, подъ правымъ глазомъ огромный натекъ крови, и какъ я оставилъ это безъ пользы до слѣдующаго утра, то прибавилось ко всему этому силь-

ное воспаленіе; тогда я принялся за описанное здѣсь средство, и совершенно вылечился имъ однимъ въ немногіе дни, безъ малѣйшихъ худыхъ послѣдствій, и даже не осталось никакихъ слѣдовъ отъ полученнаго ушиба.

Баронъ Александръ Бюде.

Хозяйство. *Что такое чистый доходъ въ хозяйствѣ?... Чистымъ доходомъ и чистою прибылью въ хозяйствѣ я называю выручку за сельскохозяйственныя произведенія, заключающую въ себѣ, кромѣ казенныхъ процентовъ, слѣдуемыхъ съ капитала, употребленнаго на приобрѣтеніе имѣнія, еще и сумму наличныхъ денегъ, которыя служатъ сельскому хозяину наградою за его предпріятія и труды, и чрезъ то самое поощряютъ его заниматься сельскимъ хозяйствомъ, какъ промышленностію, и такимъ образомъ повуждаютъ безпрестанно совершенствоваться эту вѣтвь народнаго благосостоянія и государственнаго богатства. Каждый помѣщикъ, приобрѣтая въ собственность имѣніе, хочетъ свой капиталъ употребить съ бѣльшею пользою; хочетъ при посредствѣ своего труда и своихъ знаній, выручать съ своего капитала бѣльшіе проценты, нежели какіе онъ можетъ получать отдавая свой капиталъ въ государственныя банки и кредитныя установленія. Если у него не достаетъ смѣтливости выручать бѣльшіе проценты съ капитала противъ государственныхъ кредитныхъ установленій; то пусть не покупаетъ имѣнія, и если уже имѣеть помѣстье, то пусть лучше продастъ его, потому-что такой хозяинъ, отдавъ свой капиталъ въ государственный банкъ, или другое кредитное установленіе, будетъ получать 4 процента, какъ говорится, лежа на боку. Итакъ имѣніе не даетъ чистаго дохода, когда оно не приноситъ ни малѣйшей прибыли, кромѣ процентовъ съ капитала. Объяснимъ прамѣромъ: положимъ, что покупка и устройство имѣнія стоить 100,000 руб. сер. Если имѣніе, за исключеніемъ издержекъ на поддержку, даетъ доходу только 4000 руб. сер., то эти деньги будутъ составлять только проценты съ капитала, употребленнаго на покупку и устройство имѣнія, но онѣ не будутъ составлять чистой прибыли, потому-что эту сумму можно получить безъ труда, отдавши 100,000 руб. сер., въ государствен-*

ный банкъ. Если тоже имѣніе будетъ давать, за исключеніемъ расхоловъ по хозяйству, 6000 руб. серебромъ, то изъ нихъ 2000 руб. будутъ составлять чистый доходъ. Чѣмъ больше хозяинъ получаетъ съ своего имѣнія чистаго дохода, тѣмъ онъ полезнѣе для государства, и тѣмъ большее имѣетъ право на наше уваженіе и вниманіе, потому-что онъ умѣетъ всѣ силы природы обращать въ наличный капиталъ и чрезъ то самое содѣйствуетъ умноженію народнаго богатства.

О питательности кормовъ. а) *Злаки.* До-сихъ-поръ изслѣдуютъ химическій составъ несъма немногихъ злаковъ, а потому и трудно опредѣлить ихъ дѣйствительную питательность. Впрочемъ, изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ опытовъ, мы знаемъ, что большая часть злаковъ содержитъ въ себѣ довольно значительное количество *сладко-горькаго вытяжковаго начала*. По различію мѣстоукорененія и другихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ прозябали злаки, измѣняется и ихъ питательность. Чѣмъ болѣе злаки во-время прозябенія были подвержены вліянію воздуха, свѣта, теплоты и умѣренной влажности, тѣмъ они доставляютъ и кормъ лучшаго качества. Вотъ одна изъ причинъ, почему злаки, прозябающіе на горахъ и ихъ склонахъ, бываютъ всегда гораздо питательнѣе злаковъ, выросшихъ въ низинахъ и равнинахъ; равнымъ-образомъ злаки, произрастающіе на южныхъ и восточныхъ склонахъ горъ, питательнѣе злаковъ, выросшихъ на сѣверныхъ и западныхъ склонахъ горъ. Кислымъ почвы производятъ и злаки кислые, вредные для здоровья животныхъ. Въ лѣсахъ прозябающіе злаки только тогда даютъ питательный кормъ, когда они росли въ поляхъ, открытых свободному дѣйствію воздуха, свѣта и теплоты; въ тѣни же прозябающіе злаки бываютъ менѣе питательны. Первые побѣги злаковъ и листья, находящіеся ближе къ корнямъ, имѣютъ болѣе питательности, сравнительно съ листьями, находящимися при ихъ вершинахъ. Блокъ оцѣниваетъ питательность весенняго прироста травъ въ 8—10% выше прироста лѣтняго. По наблюденіямъ многихъ хозяевъ, и особенно англійскихъ, одинаковымъ пространства земля, находящейся подъ лугами, доставляютъ больше пищи паствою скота, нежели посредствомъ двукратнаго укоса.

Чѣмъ старѣе трава, тѣмъ значительнѣе измѣняются ея составныя начала, а следовательно, и ея питательность; степныя

летья злаковъ, становятся деревянистѣе и суше, и чѣмъ больше образуется въ нихъ древесины, тѣмъ больше уменьшается ихъ питательность. Самые лучшіе злаки, выросшіе на хорошихъ и тучныхъ лугахъ, по своей питательности равны бываютъ клеверу и люцернѣ, а иногда даже превосходятъ ихъ 10—15%; дурные злаки, выросшіе на кислыхъ, сырыхъ и торфянистыхъ лугахъ, теряютъ питательность на половину. Всѣ злаки содержатъ въ себѣ $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ влажности и $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ сухихъ началъ. Чѣмъ лучше бываютъ злаки, тѣмъ удѣльный вѣсъ ихъ тяжелѣе, тѣмъ они вѣжнѣе и сочнѣе. Нѣкоторые полагаютъ, что злаки, прозябающіе по низинамъ, содержатъ въ себѣ болѣе воды, но это мнѣніе ошибочно. Изъ всего доселѣ сказаннаго ясно видно, что зеленые злаки во всѣхъ отношеніяхъ могутъ служить самымъ лучшимъ кормомъ для овецъ и рогатаго скота. Но самое лучшее сѣно не можетъ быть хорошимъ кормомъ для лошадей и замѣнить собою овесъ, потому что питательность сѣна меньше питательности овса, и изъ сѣна животный организмъ не въ состояніи выработывать животныхъ тканей высшаго достоинства.

б) *Красный клеверъ.* Если клеверъ даютъ въ смѣси съ злаками, то тогда онъ по своей питательности равняется самымъ лучшимъ изъ нихъ; чистый же клеверъ безъ всякой подмѣси животныя ѣдятъ не такъ охотно; во-время цвѣта клеверъ содержитъ въ себѣ гораздо больше влажности и имѣетъ болѣшій объемъ, нежели злаки, выросшіе на сухихъ лугахъ. Вотъ причина, почему животныя не могутъ ѣсть клевера много; вотъ причина, почему клеверъ не можетъ приносить такой пользы при откармливаніи животныхъ, какую приносятъ хорошіе злаки; потому-что главная цѣль откармливанія состоитъ въ томъ, чтобы животныя въ самое короткое время производили какъ можно больше мяса и жиру. Теперь понятно, что чѣмъ больше животное потребляетъ корму въ данное время, тѣмъ больше и выработываетъ животныхъ произведеній.

Если животнымъ даютъ чистый клеверъ въ зеленомъ состояніи, то тогда онъ производитъ пученіе; напротивъ, если животнымъ получаютъ его въ смѣшеніи съ другими кормами, то они рѣже подвергаются этой болѣзни. Равнымъ-образомъ и на пастбищахъ, гдѣ прозябаютъ породы злаковъ и клевера, почти

никогда или въ очень рѣдкихъ случаяхъ проявляется пученіе у домашнихъ животныхъ во-время паствы.

Чтобы предохранять животныхъ отъ пучевія, то а) не должно никогда давать въ кормъ зеленого клевера прежде, нежели онъ зацвѣтетъ. Если же, по недостатку корма, необходимость заставляетъ кормить животныхъ клеверомъ до его цвѣтенія, то тогда надо смѣшивать его съ соломою и дѣлать рѣзку. б) Не должно тощихъ и голодныхъ животныхъ пастить долго на клеверныхъ поляхъ, и не надобно дозволить имъ наѣдаться до сыта. Далѣе мы знаемъ, чѣмъ сочнѣе и жирнѣе растетъ клеверъ, тѣмъ онъ чаще производитъ пученіе. Замѣчено, что животныя отъ зеленого клевера подвергаются пученію, послѣ грозovýchъ тучъ. Всего опаснѣе клеверныя поля животнымъ утромъ, когда еще не сошла роса и когда листья кажутся еще какъ будто неблеклыми. Клеверъ, скошенный во-время росы рано утромъ и потомъ нѣсколько завялый, также производитъ пученіе.

с) *Люцерна*, относительно питательности, сходна съ клеверомъ; отъ нея только меньше животныя подвергаются пученію.

д) *Еспарцетъ* составляетъ самый лучший и здоровый кормъ для овецъ и рогатаго скота; вѣроятно, Французы по этому-то и называютъ его *rainfoin*. По своей питательности еспарцетъ стоитъ выше всѣхъ другихъ зеленыхъ растений. Онъ производитъ пученіе только тогда, когда употребляютъ его въ кормъ прежде, нежели онъ зацвѣтетъ; но гораздо въ меньшей степени, нежели клеверъ.

е) *Зеленый горошекъ* по своей питательности уступаетъ всѣмъ предъидущимъ кормамъ; по наблюденіямъ нѣкоторыхъ, онъ усиливаетъ отдѣленіе мочи у животныхъ.

ф) *Торица*. Поля, засѣяныя торицею, составляютъ весьма хорошія и пріятныя пастбища для рогатаго скота и овецъ; зеленая торица нѣсколько питательнѣе клевера; одна сама по-себѣ производитъ пученіе; торица, какъ сѣно, имѣетъ меньшую питательность.

г) *Зеленая кукуруза* составляетъ превосходный и очень сильный кормъ; такъ какъ въ ней много сахарнаго начала, то всѣ животныя ѣдятъ ее охотно; зеленую кукурузу всего полезнѣе давать дойнымъ коровамъ. Въ видѣ сѣна животныя также ѣдятъ кукурузу хорошо. Но листья, которыя засыхаютъ на стебляхъ, животныя ѣдятъ только въ случаѣ сильного голода.

В) *Зелень колосовыхъ хлѣбовъ* составляетъ весьма сочную и пріятную пищу для овецъ, когда она бываетъ вышиною въ нѣсколько вершковъ; впрочемъ зелень, которая всходитъ изъ зеренъ, осьшавшихся по жаяву во-время уборки хлѣба, по мнѣнію нѣкоторыхъ, производитъ различнаго роду болѣзни у овецъ. Далѣе, когда зелень ржи, овса, ячменя, будетъ вышиною въ нѣсколько футовъ, то тогда она уступаетъ по своей питательности другимъ кормамъ зеленымъ; но дойныя коровы отъ нихъ увеличиваютъ удои молока.

Тяжбное дѣло. — Нѣсколько лѣтъ тому я былъ проездомъ въ Нижней-Нормандіи; изъ любопытства я спросилъ, сколько адвокатовъ въ городѣ, въ которомъ было не болѣе двухъ тысячъ жителей.

— Человѣкъ съ пятнадцать будетъ, отвѣчали мнѣ.

— Чѣмъ-же они живутъ?

— Взятками съ нашего брата.

— Развѣ у васъ часто бываютъ тяжбы?

— Случается.

Случайно я прошелъ мимо судебного мѣста. Время было лѣтнее, окна отворены. Слышу, во всю улицу раздается звонкій голосъ адвоката. Я зашелъ въ судъ отъ нечего дѣлать.

Знаете ли о чемъ шло дѣло?

О мѣстѣ, на которомъ *долженъ былъ находиться* пограничный столбикъ, поставленный пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ!... Сколько словъ, сколько чернилъ и гербовой бумаги израсходовано на этотъ столбикъ!

Знаменитый багдадскій калифъ, Аарун-аль-Рашидъ, какъ извѣстно, самъ правилъ судъ и расправу; у него дѣло кончалось разомъ: правый получалъ то, что ему приходилось, а неправому тутъ же отсчитывали пятьдесятъ палочныхъ ударовъ. Впередъ не суйся! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ то время тяжбы были рѣже, чѣмъ нынче.

Въ одномъ изъ департаментовъ Франціи, гдѣ преимущественно господствуетъ страсть къ тяжбамъ, жили двое крестьянъ: Жанъ Леру и Пьеръ Готье. У каждаго изъ нихъ было хорошенькое виѣннице, отъ восьми до десяти десятинъ земли, вполнину пахатной, а вполнину подъ сѣнокосомъ. Земли раздѣ-

лела живая изгородь, которая лѣтомъ покрывалась бѣлыми цвѣтами.

И Жанъ и Пьеръ были женаты, отцы семейства, люди дѣльные, трудолюбивые. Они долго жили въ мирѣ; сходились потолковать о солнышкѣ, о дождѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ и сѣно, и обыкновенно вмѣстѣ отвозили свои произведенія въ ближній городъ. И хозяйки ихъ жили въ добромъ согласіи, не отказывая одна другой въ маленькихъ услугахъ, какъ то водится между добрыми сосѣдями. Дѣти тоже жили дружно, вмѣстѣ играли и рѣзвились, — словомъ, все шло какъ нельзя лучше.

На самой границѣ двухъ имѣній стояла яблоня.... На ней-то и росло яблоко раздора!

Яблоня росла на землѣ Жана. Но вѣдь яблоня не ель и не тополь, — прямо не растеть, а раскидываетъ вѣтви въ сторону, сгибается, извивается. Корни яблони находились въ трехъ или четырехъ футахъ отъ общей изгороди; но штампъ сгибался къ послѣдней, потомъ поднимался прямо, и вѣтви его осыпали в ту и другую сторону изгороди.

Однажды Жанъ Леру и Пьеръ Готье работали близъ изгороди, каждый на своей землѣ. Не оставяя заступа, и не поднимая головы, Пьеръ заговорилъ.

— Сосѣдъ, сказалъ онъ, пора бы намъ срубить эту яблоню.

— Зачѣмъ ее срубить? спросилъ Леру.

— Она бросаетъ сюда много тѣни.

— Ну, такъ я срублю сучья съ твоей стороны.

— Все-таки будетъ еще тѣнь отъ дерева. Экъ, сосѣдъ, лучше срубить совсѣмъ.

— Какъ бы не такъ! Мы жаль своей яблони.

Тутъ Готье пересталъ работать и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Жана.

— Скажи-ка лучше нашей яблони, сосѣдъ.

— Чего, нашей?

— А какъ же?... Дерево, которое растеть въ общей изгороди, принадлежитъ двумъ хозяевамъ. Какъ ты этого не знаешь!

Тогда и Леру пересталъ работать, и съ такимъ же изумленіемъ поглядѣлъ на Пьера.

— Вишь какъ! сказалъ онъ. Я, братъ, знаю, что мнѣ жаль слѣдуетъ; но въ томъ-то и бѣда, что яблоня растеть не въ изгороди.

— Какъ не въ изгороди?

— Разумѣется, вѣтъ; она фута на четыре отъ изгороди, на моей землѣ; стало-быть она моя.

— Пустяки! Коли она дошла до изгороди, вѣтъи сплелась— и дѣло съ концомъ! Общее.

— Ну, ужъ вѣтъ!

— Ну, ужъ да!

— Посмотримъ!

— А вотъ увидимъ!

Тѣмъ споръ и кончился; но два дня спустя Жана Леру потребовали къ мирному суду, по жалобѣ Пьера Готье.

На стану рассказывать, какъ упрямые сосѣди отказывались отъ всякаго примиренія, какъ дѣло переходило изъ инстанцій въ инстанцію, дѣлалось болѣе и болѣе сложнымъ, запутаннымъ.

И когда изъ-за пустой яблони, крестьяне должны были оставить работы, и отпрапляться каждый день въ городъ, совѣщаться съ стряпчими. Только начни, а тамъ ужъ пойдетъ! Не знаешь, когда и чѣмъ кончится. Это похоже на громадныя машины на фабрикахъ: сперва захватить край рукава, тамъ палець, тамъ руку, а потомъ и всего затащить....

Наконецъ дѣло поступило на очередь. Авдокаты израсходовавъ столько же словъ, сколько получили франковъ, были краснорѣчивы, убѣдительны, и дѣло кончилось—ничѣмъ.

Назначили только произвести слѣдствіе на мѣстѣ.

Опять дѣлалось, дѣлалось дѣло, и опять поступило на очередь. Яблоню объявили общимъ владѣніемъ.

Пьеръ Готье выигралъ.

Жанъ Леру подалъ аппеляцію.

Дѣло опять пошло своимъ чередомъ.

Цлузь и борона оставались безъ употребленія, поля были запущены. Въ домахъ, гдѣ прежде было скромное, счастливое довольство, стали появляться—недостатокъ, нужда.

Полгода спустя, аппеляціонный судъ пронавелъ рѣшеніе, совершенно противоположное первому. Яблоня была объявлена собственностью того хозяина, на чьей землѣ былъ корень ея.

Жанъ Леру выигралъ.

Оставался еще кассационный-судъ. Дѣло перешло туда, по требованію Готье.

Касаціонный судъ отыскалъ какую-то ошибку въ бумагахъ, и уничтожилъ рѣшеніе апелляціоннаго. Яблоню рѣшено срубить.

Пьеръ Готье выигралъ.

Чѣмъ же кончилось дѣло? Тѣмъ, что яблоня не досталась ни тому, ни другому.

Тажба совершенно разорила сосѣдей. Имѣніе ихъ, проданное съ молотка, перешло въ чужія руки.

Скажите, пожалуйста, неужели не было средства ковать это дѣло иначе?...

Доводство: Провѣтриваніе комнатъ. Затвердили мы по словицу «паръ костей не ломить», да и не думаемъ, не только о провѣтриваніи комнатъ, но при постройкѣ домовъ, даже и объ форточкахъ не помышляемъ. А если есть форточка, то все-равно, что нѣтъ, потому-что ея никогда не открываютъ.

Какъ не скажешь, что много еще есть между нами такого, въ пользу чего читая или слушая, убѣждаемся, но не исполняемъ его.

Провѣтривать комнаты необходимо: стоячій въ комнатахъ воздухъ, тоже, что стоячая въ прудѣ вода. Никто изъ насъ безъ крайности пить прудовой воды не станетъ, а что ежеминутно глотаемъ стоячій комнатный воздухъ, о томъ не заботимся и мало. Куреніе въ комнатахъ, не только не замѣняетъ провѣтриванія, но даже во многихъ случаяхъ вредно. Нѣкоторые воображаютъ, что достаточно старинной маленькой форточкы, въ видѣ вертящагося колеса, чтобы обновить въ комнатѣ воздухъ: это капля воды въ морѣ; то есть, почти ровнехонько ничего. Провѣтрить комнату—уже самое произношеніе слова намъ это объясняетъ, что тутъ допускается вѣтеръ. И потому-то и надобно, чтобы форточка была не скудная, и чтобы мы не боялись открыть ее ни въ 20 градусовъ мороза, ни въ самый сильный вѣтеръ, а соблюдали бы только слѣдующее: отворя форточку, въ этой комнатѣ не оставаться, а выйти въ другую, и дѣлать—поръ (зимою) не закрывать форточки, пока не слѣдится свѣжо, что зависитъ отъ состоянія атмосферы; иногда достаточно 10, 15, 20 минутъ, иногда болѣе, или менѣе. Закрывъ форточку, не входить въ эту комнату, пока она не нагрѣется, что при обыкновенной печи, черезъ $\frac{1}{4}$ часа и послѣдуетъ. Да если

бы нѣкоторая свѣжесть и осталась, то уже она ни мало не вредна, потому-что четверти часа, по закрытіи форточки, достаточно для уравненія колебавшагося воздуха. Медицинскія наблюденія въ Лондонѣ, много лѣтъ постоянно производимыя въ больницахъ, показали, что на кроватяхъ, по угламъ стоящихъ, куда провѣтриваніе не столько доступно, пациенты съ одинаковою болѣзнію и при одинаковыхъ условіяхъ возраста, тѣлосложенія, и прочихъ отношеній, медленнѣе выздоравливаютъ, чѣмъ на кроватяхъ, по другимъ мѣстамъ стоящимъ. Разъ въ недѣлю необходимо громоздкія у стѣнъ мебели отодвинуть, съ потолка и стѣнъ пыль смети, картины приподнять, выдвигныя ящики отереть, книги въ шкафахъ перебрать, постѣли и подушки выколачивать, а комнату провѣтрить. Поступая такимъ образомъ 52 раза въ году, можемъ сказать, что глотаемъ чистый воздухъ.

Способъ собирать сливочки болѣе-обыкновеннаго. Молоко долятъ въ обыкновенную посудину, но въ ту же минуту, какъ она наполнится, ее ставятъ въ другую деревянную калашку, въ которую, 24 часа спуска, наливаютъ кипятку, сперва пальца на три, абы посудина съ молокомъ нѣсколько согрѣлась, а потомъ спускаютъ восемь спуска, подливаютъ кипятку до самаго верха.— Когда это остынетъ, часа черезъ три или четыре, то все количество сливокъ, которое только могло быть доставлено молокомъ, будетъ собрано на поверхности его.

Средство сохранять лимоны съжими. Такой нѣжный плодъ, какъ лимонъ, скоро портится. Къ намъ привозятъ ихъ такъ быстро, а потому въ нашихъ лавкахъ и фруктовыхъ погребкахъ не всегда можно достать ихъ свѣжими. Но есть средство много сохранить лимонъ въ совершенной свѣжести. Для этого берутъ его только положить въ прованское масло, которое, впрочемъ, съ успѣхомъ можно замѣнить сывороткою. Въ обоихъ случаяхъ, лимонъ можетъ пролежать четыре и пять мѣсяцовъ, сохраняя свой первобытный видъ, свѣжесть и запахъ.

Какъ смывать съ сукна плтна отъ масляныхъ красокъ.— Потрите пятна фланелью или чистой тряпкой, напитанной скипидромъ. Если краска еще не высохла, то пятно сойдетъ немедленно; въ противномъ случаѣ надобно тереть долѣе. — Известная Eau de lavande также смываетъ масляную краску съ всякаго сукна, шелковыхъ матерій и мѣховъ, если краска не высохла.

Совѣты матерямъ. Отъ воспитанія ребенка зависить его собственное счастье, счастье его семейства, и даже цѣлаго общества. Тѣмъ, чѣмъ воспитаніе сдѣлаетъ человека, тѣмъ онъ и останется; поведеніе его есть слѣдствіе чувствованій и помысловъ, внушенныхъ ему при воспитаніи; судьба его—слѣдствіе поведенія.

Воспитаніе имѣеть цѣлю здравіе тѣла и души.

Mens sana in corpore sano.

Физическое воспитаніе должно начаться отъ самаго рожденія дитяти и продолжаться непрерывно до юношескаго возраста. Заботы о ребенкѣ въ первые часы, первые дни, первые тѣлы его, имѣють вліяніе на всю его жизнь. Малѣйшая безпечность, малѣйшій недосмотръ можетъ-быть причиною разстройства органа, подвергнуть ребенка неизлечимому недугу, а мать—неизгладимому раскаянію. Сколько слѣпыхъ, хромыхъ, недужныхъ, даже полуумныхъ страдаютъ изъ-за нещажества или безпечности кормилицы или няньки!

Нравственное, умственное воспитаніе должно начаться тогда, когда въ ребенкѣ пробуждается понятливость. Заботливая мать ждетъ этой минуты, она помогаетъ уму сбросить покрывало, и постепенно, мало-по-малу, и на бѣлой страницѣ свѣтаго ума она осторожно напечатлѣваетъ *первыя впечатлѣнія дѣтства*, которыя должны озарять, согрѣвать цѣлую жизнь....

Ребенокъ любитъ; онъ начинаетъ любить тогда, когда самъ не знаетъ, что любить; съ развитіемъ понятливости онъ начинаетъ обяснять себѣ это чувствованіе,

Онъ любитъ доброе, хорошее.

Чувствуетъ отвращеніе къ тому, что кажется ему дурнымъ, не хорошимъ.

Этотъ періодъ самый выгодный для направленія наклонности ребенка. Это дѣло матери: она должна угадывать причину любви и отвращенія ребенка, смыслъ смѣха и слезъ его; смыслъ ласкъ его....

Мама, папа, любовь, Богъ.

Богъ первыя идеи, которыя мать должна развить въ своемъ ребенкѣ; это *нравственное молоко* для его молодого, нежного сердца.

По мѣрѣ того, какъ ребенокъ растетъ, мать бережетъ его физическо членъ и чувствованія его отъ вреднаго, опаснаго влія-

ленія; она старается исправлять понятія и сужденія дитяти, и все это ей не только возможно, но даже легко, если она подкрѣпляет убѣжденія и просьбы, не наказаніями, а—*добрыми примѣрами*.

Когда ребенокъ начнетъ разсуждать, должно стараться вращать его быть полезнымъ; ему даютъ понять цѣну времени, вещей, необходимость труда; ему внушаютъ, что онъ нуждается въ другихъ, какъ и другіе будутъ нуждаться въ немъ; что онъ живетъ не для себя одного, а для своего семейства, для своего отечества, Государя и, преимущественно, для Бога, его Творца, его Высшаго Судьи, вознаграждающаго добро, сдѣланное другими, и карающаго зло; что ему недостаточно быть трудолюбивымъ и честнымъ, чтобы заслужить счастье на землѣ и на небесахъ, но что онъ долженъ быть добръ къ ближнимъ, и помогать имъ по мѣрѣ своихъ силъ....

Такимъ-образомъ ребенокъ начинаетъ понимать свои обязанности.

Окончательное воспитаніе или приготовленіе ребенка къ какому-либо званію, должно начаться тотчасъ, какъ только въ ребенкѣ проявится особенная склонность къ какому-либо занятію.

Окончательное воспитаніе мальчика — есть уже обязанность отца; но во всякомъ случаѣ любовь матери должна быть главнымъ средствомъ пробужденія въ немъ прилежанія, послушанія, усердія. Воспоминаніе о любви матери, должно вездѣ и всегда защищать его отъ обольщеній, встрѣчаемыхъ въ его лѣта.

Уваженіе къ отцу и любовь къ матери, спасаютъ юношу отъ несчастій, могущихъ растронить всю его будущность.

Первою цѣлю воспитанія должно быть улучшеніе человека. Оно ведетъ къ улучшенію общества, а слѣдовательно, и къ общему благополучію.

Ольга Петрова.

ПОХОЖДЕНІЯ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ СТОЛИЦѢ.

Осень. — Гризы и Персіани. — Безденежные пріатели. — Художникъ Захаровъ. — Выставка по 1 руб. сер. — Коммерческій расчетъ. — Заемное письмо и честное слово. — Обезпеченіе и ручательство. — Ловить мухъ. — Услуживый человѣкъ. — Самуилъ Самуиловичъ. — Свѣлка.

Деревья сбросили съ себя зелень, дачи опустѣли, и всѣ удовольствія снова сосредоточились въ самомъ Петербургѣ. Между новыми увеселеніями, готовившимися петербургскимъ жителямъ и увеселеніями, о которыхъ осталось лишь одно воспоминаніе, былъ такой промежутокъ, въ который некуда было ѣхать и нечего смотрѣть новаго. Петръ Александровичъ только тѣмъ и развлекался, что ходилъ слушать Гильмана, да прогуливался по солнечной сторонѣ Невскаго-проспекта. О танцовщицѣ Гризіи и объ Итальянской-оперѣ ходили только слухи, но представленія еще не начинались. Петръ Александровичъ съ нетерпѣніемъ ждалъ той минуты, когда Космополитскій, отъ котораго онъ не могъ никакъ отдѣлаться, придетъ объявить ему о дебютѣ Гризы и новоявленной итальянской примадонны Персіани. Но Космополитскій не являлся какъ парочно, тогда-какъ онъ былъ очень нуженъ Моккину въ отношеніи болѣе важномъ, чѣмъ новости артистическаго петербургскаго міра. Петръ Александровичъ попрожился, и въ кошелекѣ его началъ довольно сильно погуливать вѣтеръ. Напрасно онъ обращался слегка кое къ кому изъ своихъ знакомыхъ; они какъ-будто не понимали его намековъ, сильно издыхали сами и говорили:

— Теперь, Петръ Александровичъ, такія времена, что трудно достать денегъ безъ вѣрнаго обезпеченія. Вѣрите ли, у насъ самихъ въ карманѣ шевелятся послѣднія копейки, все бьемся и ищемъ у кого бы признаться—такое безденежье, что хоть съ голоду умирай...

А между-тѣмъ, въ тотъ же часъ эти же безденежные пріатели угощали Петра Александровича превосходнымъ, дорогимъ виномъ, ставили передъ нимъ чуть ли не всѣ лавки Смурова и Бабикова съ ихъ иностранною дороговизною, и говорили своимъ супругамъ и дочерямъ:

— Ну, что, какъ вамъ нравятся ваши сегодняшнія новыя шляпки и платья?

Петръ Александровичъ вздыхалъ въ свою очередь, и думалъ, кушая прилежно предлагаемое:

— Петербургъ, на все кажется и добръ и расточителенъ: и накормятъ и напоятъ; только одно въ немъ нехорошо — недо-вѣрчивъ онъ какъ-то, Богъ съ нимъ.

И онъ, покачивая головою, старался повеселиться за дешевую цѣну.

Но Петербургъ оставался передъ нимъ скучнымъ, и ничего не хотѣлъ показывать ему за дешевую цѣну.

Читая какъ-то газеты, Петръ Александровичъ узналъ, что прѣхавшій изъ путешествія художникъ нашъ Захаровъ, объѣхавшій почти всю Европу и часть Азій, выставилъ въ Пассажѣ копій съ тѣхъ портретовъ, которые онъ имѣлъ возможность снять съ Султана и дѣтей его, и многихъ другихъ знаменитыхъ лицъ. Предоставляя весь сборъ съ посѣтителей своей художественной выставки въ пользу немущихъ, г-нъ Захаровъ назначилъ за входъ 1 р. сер.

Петръ Александровичъ никогда не отказывался вспомоществовать общественной пользѣ, и потому тотчасъ же отправился смотрѣть выставку. Передъ дверьми пумера, въ которомъ находились картины, онъ нашелъ довольно большую толпу посѣтителей, изъ которыхъ бѣльшая часть только толковала и перетолковывала, нисколько не думая отворить дверь, скрывающую за собою портреты. Петръ Александровичъ началъ прислушиваться къ разговорамъ, вынимая кошелекъ и отсчитывая мелочь для входа.

Толкъ вели между собою коммерческіе люди.

— А что, говорилъ одинъ изъ нихъ другому: а что, Иванъ Карповичъ, кажись бы можно-съ, да одно воспрещаетъ-съ, цѣна-то, того-съ, немного дороговъка; иной бы-съ и съ радостью пошелъ-съ, да глядишь, рубля серебромъ не выѣсть—не достаетъ какой-нибудь гривны, глядь и поклонится лишь дверямъ.

— А, что же по вашему?

— По моему бы слѣдовало поменьше, знаете ли, иной разъ и есть лишній цѣлковый въ карманѣ, да какъ-то жаль бываетъ съ нимъ расстаться; вотъ, еслибъ четвертакъ, иное дѣло—четвер-

такъ у всякаго найдется—нуда ни шель! всякій бы тогда вошелъ, а иной, глядишь, и не одинъ, а нѣсколько разъ. Сборъ бы нѣсколько не уменьшился. По моимъ коммерческимъ выгодамъ выходило бы вотъ что:

Если бы по 1 рублю пришло сто человекъ, по полтинѣшло бы двѣсти—сумма сбора равна, по двадцати пяти, вѣроятно пришло бы пятьсотъ, и тогда сбору прибавилось бы двадцать пять рублей болѣе.

Петръ Александровичъ молча согласился, но однако не удержался и вошелъ смотрѣть картинную галерею. Не имѣя возможности судить о сходствѣ выставленныхъ портретовъ, Петръ Александровичъ остался очень доволенъ свѣжестью колорита и мастерскою отдѣлкою. Онъ не жалѣлъ, что заплатилъ рубль и только жалѣлъ о томъ, что, можетъ-быть, многіе любители, и столько щедрые, будутъ лишены удовольствія видѣть эту портретную галерею по слишкомъ дорогому входу, судя по незначительному числу выставленныхъ картинъ.

Едва онъ возвратился домой и принялся читать газеты, какъ раздался голосъ Космополитскаго.

— Петя, вскричалъ онъ: радуйся, поздравляю тебя!

— Чему радоваться и съ чѣмъ поздравляете, Францъ Францовичъ? спросилъ Мошкинъ.

— Съ прїѣздомъ Гризи и пѣвцовъ итальянской оперы.

— Bravo, bravo, смазалъ Петръ Александровичъ: какъ токъ начнется балетъ и опера, отправимся вмѣстѣ, Францъ Францовичъ.

Черезъ нѣсколько времени Петръ Александровичъ уже сидѣлъ въ Большомъ-театрѣ, и вооруженный двойнымъ лорнетомъ смотрѣлъ Жизель, которою начался дебютъ новой танцовщицы. Мошкинъ былъ очарованъ ея движеніями, и вполне соглашался съ Космополитскимъ, что только:

Нѣтъ у нея воздушныхъ крылій,

Чтобъ отдѣлится отъ земли

Но такъ-какъ пристрастіе и партіи никогда не перестаютъ существовать въ мїрѣ, то около Петра Александровича разсуждались разные толки. Иные отдавали предпочтеніе Францъ

смерть, другіе жалѣли, что вмѣсто Гриси не пріѣхала Фанни Черито.

За балетомъ послѣдовали музыкальныя наслажденія. Петръ Александровичъ не пропускалъ ни одного опернаго представленія, и отхлопалъ всѣ руки, аплодируя Персіани.

При разъѣздѣ, Мошкинъ встрѣтился съ Францомъ Францовичемъ.

— Ну, что? Что вы скажете о Персіани? спросилъ Петръ Александровичъ у Космополитскаго.

Францъ Францовичъ поднесъ къ губамъ пальцы.

— Чудо, отвѣчалъ онъ: по моему мнѣнію, гораздо выше Віардо-Гарціи!

Вотъ Маріо выѣхшій сезонъ совсѣмъ другое дѣло.

— А что?

— По моему мнѣнію, спалъ немного съ голоса; впрочемъ, говорятъ, былъ боленъ, такъ не мудрено; но безъ великаго сомнѣнія поправится и опять запоетъ соловьемъ... Ты аборигованъ, Петя, или нѣтъ?

Петръ Александровичъ вздохнулъ.

— И радъ бы, отвѣчалъ онъ: да средства не позволяютъ; поистратился, сижу почти безъ денегъ, все ишу у кого призавать, и не нахожу никого рѣшительно. Не знаете ли вы кого, Францъ Францовичъ?

— Странный вопросъ, перебилъ Космополитскій: не знаю ли я кого? Это можетъ у меня спрашивать только пріѣхавшій съ Алеутскихъ острововъ. Разумѣется, знаю я не одного, а десятки, сотни, что я говорю, тысячъ людей, почтенныхъ, пріятныхъ и обязательныхъ!

— Такъ будьте такъ обязательны, Францъ Францовичъ, нельзя ли какъ-нибудь, понимаете?

— Служить ближнему, моя обязанность, отвѣчалъ Космополитскій: тебѣ много ли нужно?

— Да рублей бы тысячу серебромъ было бы нужно до Нового-года, отвѣчалъ Мошкинъ.

— А какое обезпеченіе?

Петръ Александровичъ открылъ глаза.

— Какъ, какое обезпеченіе! прервалъ онъ: будто вы не знаете, заемное письмо и честное слово.

Францъ Францовичъ расхохотался.

— Какъ ты меня радуешь, Петя, началъ онъ: право, ты меня сердечно радуешь!

— Чѣмъ, Францъ Францовичъ?

— Тѣмъ, что въ тебѣ, не-смотря на то, что ты могъ бы поспорить съ любимъмъ бобромъ, сохранилось подъ сѣдною столъю еще юности и невинности дѣтскихъ лѣтъ.

— Я не понимаю васъ, Францъ Францовичъ.

— А я тебя и подавно не могу понять. Положимъ, зенное письмо, обязательство непереложное, и слово твое также ручательство неопровержимое, но развѣ ты бессмертенъ? Любезный другъ, въ Петербургѣ теорія вѣроятностей у всѣхъ въ большомъ ходу...

Петръ Александровичъ прервалъ Космополитскаго.

— Да, вѣдь у меня есть имѣніе, продолжалъ онъ.

— Но вѣдь оно у тебя не въ карманѣ, чтобы въ случаѣ необходимости можно было тотчасъ его взять и положить себѣ въ портфель, остановилъ Мошкина Францъ Францовичъ.

— Это такъ, отвѣчалъ Петръ Александровичъ: но какъ же быть?

— Утро вечера мудренѣе, отвѣчалъ Космополитскій, жди меня завтра, авось я тебѣ что-нибудь устрою.

— Очень обяжете.

— Я отнюдь тебя не хочу обязывать, и не думай, чтобы сдѣлалъ тебѣ эту услугу даромъ, отвѣчалъ Францъ Францовичъ: я вытребую отъ тебя за каждый мой шагъ приличный завтракъ. Последнее слово договорилъ Космополитскій, садясь уже на извозника и приказывая ему ѣхать куда-то на вечеръ, на которомъ онъ, по словамъ его, долженъ былъ изловить *преддорожную* муху и что именно для этого и былъ онъ званъ.

— Чего не выдумаютъ, думалъ Мошкинъ, возвращаясь домой: вотъ зачѣмъ собираются! ловить мухъ....

И ложась спать, онъ и самъ грезилъ, что былъ на какомъ-то вечерѣ и занимался ловлею мухъ, что доставляло ему большое удовольствіе.

Францъ Францовичъ оказался вѣрнымъ своему слову. Едва только Петръ Александровичъ собирался вспомнить про адмиральскій часъ, и проговорилъ по обыкновенію, съ свойственнымъ ему остроумнымъ выраженіемъ своему слугѣ:

— А что, любезный:

Вжалъ чижикъ въ лодочкѣ
Закутанъ въ овчинѣ,
Не выпить ли водочки
По этой причинѣ?

Какъ раздался звонокъ, и передъ Петромъ Александровичемъ явился Космополитскій съ какимъ-то цовымъ лицомъ.

— Здравствуй, Петя, сказалъ онъ: а я къ тебѣ самъ-другъ; рекомендую, Самуилъ Самуиловичъ, душа такая, которая готова броситься въ бездну, чтобы выручить только своего ближняго изъ напасти.

Петръ Александровичъ поклонился очень пріятно и обязательно, и сжалъ новому гостю руку съ большимъ чувствомъ.

— Это Петя, началъ Космополитскій: будетъ твой человекъ, душою и тѣломъ, только ты съ нимъ сойдись.

— Очень радъ, Францъ Францовичъ.

— Этотъ человекъ тебѣ безъ всякаго обезпеченія миллионы достанетъ, продолжалъ Космополитскій.

Петръ Александровичъ не переставалъ кланяться, и просить гостей быть, какъ у себя дома.

И вдругъ, взглянувъ на Франца Францовича, Петръ Александровичъ громко захохоталъ.

— Что съ тобою? спросилъ Мошкина Францъ Францовичъ.

— Да припомнилъ вчерашній вашъ вечеръ, отвѣчалъ Космополитскому Петръ Александровичъ: ну, какъ вы тамъ забавлялись? Кто больше изъ васъ переловилъ мухъ?... вотъ уже, право, вы петербургскіе, что не придумаете, все вамъ наскучило.

— Больше всѣхъ наловилъ мухъ, прервалъ Космополитскій: мой неоцѣненный Жано, три залпомъ, не отнимая отъ губъ.

— Вотъ опять я васъ не понимаю, Францъ Францовичъ, вы говорите такимъ языкомъ...

— Очень простымъ... Жано выпилъ три бутылки.

— Такъ это-то мухи! такъ вотъ оно что!... вскричалъ Петръ Александровичъ.

— А ты думалъ что-нибудь иное?... Это выраженіе иносказательное и придумано нами, журами, для дамъ. Впрочемъ дѣло не въ этомъ, а въ Самуилѣ Самуиловичѣ. Ну, начинай Петя.

И не-дожидаясь Мошкина, Францъ Францовичъ началъ самъ объяснять надобность Петра Александровича.

— Ему нужно десять тысячъ серебромъ, сказалъ онъ, под залогъ недвижимаго имѣнія....

— Что это вы, Францъ Францовичъ, вскричалъ Петръ Александровичъ: когда я объ этомъ просилъ?

— Молчи, не мѣшай мнѣ дѣйствовать; тебѣ нужно десять тысячъ серебромъ, и ты ихъ получишь. Проценты, Самуилъ Самуиловичъ, и за комиссію плачѹ я. Можешь, найди, моя радость!

— Можно, отвѣчалъ Самуилъ Самуиловичъ.

— Да вы не вѣрьте ему, виѣшался Петръ Александровичъ; онъ такой шутникъ; мнѣ всего какую-нибудь тысячку, до той поры, покуда не вышлютъ денегъ изъ деревни.

— Зажми уста, вскрикнулъ Францъ Францовичъ: какъ! ты хочешь острамиться на цѣлый городъ, хочешь, чтобы всѣ кричали мнѣ въ уши, что мой истинный другъ и пріятель побирается чуть ли не по грошамъ?... Если меня любишь, занимай больше, за одинъ разъ; повѣрь, что желая жить какъ слѣдуетъ, ты не увидишь, какъ пройдутъ у тебя между пальцевъ не только десять тысячъ, но и болѣе. Слушай, я перечту тебѣ по пальцамъ. Кресло въ первомъ ряду въ Итальянской-оперѣ, бенефисы нашихъ артистовъ, концерты, балы съ аллегри; а тутъ еще устрицы, свѣжіе огурцы, и то, и другое, и ты всего этого будешь лишена, если не перестанешь капризиться....

Но Петръ Александровичъ оставался неупросимъ. Онъ остановился на своемъ желаніи, и моталъ головою и руками на всѣ увѣщанія и лобызанія Франца Францовича.

— Право совѣстно говорить, что знакомъ съ тобой, заикнулъ Космополитскій: другой бы гордился такимъ кредитомъ, а ты!... Я стыжусь, что познакомилъ съ тобою Самуила Самуиловича. Онъ человѣкъ не мелочной, привыкъ дѣлать огромныя операціи, а ты заставилъ его пріѣхать изъ пустяковъ. Кончится тѣмъ, что онъ возьметъ шляпу и уйдетъ; будетъ смѣяться надъ нами, и тогда, что станется-съ моею репутаціей?

Францъ Францовичъ говорилъ это шутливымъ голосомъ, но по выраженію его лица видно было, что упрямство Мошкина ему очень не по сердцу.

— Такъ, такъ, такъ-то-съ, началъ Мошкинъ, вотъ если бы тысячу такъ или даже немного меньше могли бы мнѣ ссудить,

очень бы одолжили. Францъ Францовичъ говорилъ вамъ мои условія?

— Какъ же, отвѣчалъ Самуилъ Самуиловичъ.

— Заемное письмо и честное слово....

— Маленькую сумму, никто не рѣшится вамъ дать безъ того, чтобы не обезпечить себя.

— А большую-то? спросилъ Петръ Александровичъ; послѣ этого, какъ же дадутъ большую?

— Ну и большую не дадутъ, только ее найдемъ гораздо легче.

Петръ Александровичъ задумался.

— Что жъ, думаю оиъ, возьму большую, и чрезъ нѣсколько дней возвращу лишнее.

— Стало-быть нужно закладывать имѣніе? Ну, такъ и быть, по-рукамъ! У меня есть маленькій хуторокъ. Когда мы это сдѣлаемъ съ вами, Самуилъ Самуиловичъ? Когда вы можете мнѣ вручить — ну, пожалуй три тысячи?

— Да вотъ когда увидаюсь кое съ кѣмъ, нужно отыскать будетъ кое-какого человѣка.

— Такъ вы не сами меня одождаете?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ Самуилъ Самуиловичъ, я только коммисіонеръ.

— Вотъ оно что! проговорилъ Моцкинъ.

— Да братъ, подтвердилъ Францъ Францовичъ: оиъ добываетъ себѣ хлѣбъ благородными трудами, и добудетъ тебѣ человѣка.

Петръ Александровичъ поблагодарилъ и началъ ждать исполненіе обѣщанія познакомиться съ нужнымъ ему заимодавцемъ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЧТА, — Воспоминанія о Бальзакѣ. — Письмо и книга. — Постройка дома. — Лѣстницу забылъ! — Асфальтъ и ананасы. — Миллионеръ безъ денегъ. — Ваза съ золотыми монетами. — Подѣ и ельзеврское изданіе. — Таинственное блюдо. — Ротшильдъ. — Неограниченный кредитъ въ росчеркѣ. — Лондонъ. — Рекомендаціи. — Семейная и дѣловая жизнь. — Сити. — Еще миллионы безъ денегъ. — Завтракъ, полдникъ, обѣдъ. — Расположеніе дома. — Столовая. — Обѣдъ. — Тосты. — Безъ дамъ. — Троекратное ура.

Прочитавъ прекрасную книгу, мы обыкновенно задумываемся надъ нею... Сначала мысль, кѣторою она проникнута, мѣдетъ нашимъ умомъ; потомъ, мало-по-малу, пробуждаются въ нашей памяти и частности прочитанной книги, тѣ подробности, на которыхъ мы останавливались съ любовію, съ наслажденіемъ, и которыя нашли отголосокъ въ нашей душѣ или нашемъ умѣ.

Такъ точно, проводивъ близкаго намъ человѣка въ вѣчную обитель, мы сначала вспоминаемъ о всей жизни его вообще, а потомъ переходимъ къ частностямъ этой жизни, къ эпизодамъ ея.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ, мы вмѣстѣ съ вами отдали послѣдній долгъ Бальзаку, мы обозрѣли всю прекрасную жизнь его; вспомнимъ же теперь еще о немъ.

Въ одномъ журналѣ въ Парижѣ вышла замѣчательная статья о жизни и трудахъ Бальзака; я прочиталъ эту статью, и рѣскажу вамъ вкратцѣ нѣкоторые мѣста изъ нея.

Извѣстный романъ Бальзака «Сельскій докторъ» вышелъ въ свѣтъ въ 1833 году.

Однажды утромъ, въ томъ же году, Бальзакъ получаетъ съ почты пакетъ. Въ немъ находились книга и письмо.

Книга была: *Подражаніе Иисусу-Христу*; письмо было написано съ чувствомъ и достоинствомъ. Въ немъ незнакомаея ему особа просила принять эту книгу въ знакъ глубокаго уваженія, котораго она не въ силахъ была выразить иначе. Незнакомаея писала, что была бы вполне счастлива, еслибъ судьба позволила ей провести нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ человекомъ, высокое произведеніе котораго пробудило въ ней такіа прекрасныя, благородныя чувствованія. Разумѣется, она не могла,

не смѣла надѣяться, что одно желаніе незнакомки могло заставить писателя, столь занятого, оставить Парижъ; но если случай, счастливый для нея случай, приведетъ его въ Нешатель, въ Швейцаріи, то его почитательница надѣется увидѣться съ нимъ. Письмо было подписано:

Евелина Ханская, урожденная Ржевуская.

Бальзакъ отличилъ это письмо отъ безчисленнаго множества тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя насылали къ нему со всѣхъ концовъ Франціи. Какое-то невѣдомое чувство заставило сердце его дрогнуть: то было какъ-бы предчувствіе того вліянія, какое это письмо будетъ имѣть на судьбу его. Женщина, писавшая его, не была, не могла быть существомъ обыкновеннымъ. Чтобы такъ глубоко постигнуть такое сочиненіе, какъ «Сельскій докторъ», нужна была душа возвышенная, умъ необыкновенный, тонкій, проицательный. «Тридцатилѣтняя женщина» доставила ему болѣе двухъ десятковъ благодареній, вадушонныхъ и нацарапанныхъ каракульками; «Сельскій докторъ» же заслужилъ одобреніе только немногихъ лицъ просвѣщенныхъ, стоящихъ внѣ круга обыкновенныхъ почитателей романовъ. Кромѣ-того, божественная книга, сопровождавшая письмо, еще болѣе облагораживала послѣднее, и внушила Бальзаку то почтительное чувство, которое мы питаемъ къ благороднымъ натурамъ даже въ самыхъ эксцентрическихъ поступкахъ ихъ.

Для людей впечатлительныхъ, одаренныхъ пылкимъ, романтическимъ воображеніемъ, разстоянія не существуютъ. Бальзакъ бросилъ занятія, взялъ мѣсто въ дилижансѣ, и помчался въ Нешатель, мечтая дорогой о той, которая, вѣроятно, не ожидала, что желаніе ея, такъ робко высказанное, осуществится такъ скоро.

Госпожѣ Ханской было въ то время около тридцати лѣтъ. Она была хороша собой и въ полномъ цвѣтѣ такъ называемой второй молодости.

Они увидѣлись, и—не прошло четверти часа, какъ уже бесѣдовали точно давно знакомые. Бальзакъ увидѣлъ, что дѣйствительность превосходила даже ожиданія, предположенія его. Обладая почти универсальнымъ образованіемъ, госпожа Ханская отличалась еще умомъ тонкимъ и проицательнымъ.

Семейство ея постоило изъ мужа и дочери-наложки, которую Балзакъ держалъ на колѣняхъ, разговаривая съ матерью.

Не стану распространяться на счетъ перваго свиданія, которое послужило началомъ глубокой взаимной привязанности, прерванной только смертію; скажу только, что оно имѣло изчительное вліяніе на талантъ и произведенія Балзака, къ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ «Серафитѣ», посвященной г-жѣ Ханской.

Съ-тѣхъ поръ новые друзья видѣлись нѣсколько разъ. Г-л Ханская прѣзжала на короткое время въ Парижъ, да впрочемъ, самъ Балзакъ не обращалъ вниманія на разстопіе, когда дѣло шло о свиданіи съ женщиной, составлявшей нѣтъбы интеллеутуальную половину его самаго.

Однажды ночью, онъ прибѣжалъ къ одному изъ своихъ прітелей, который спалъ богатырскимъ сномъ.

— Вставай, вставай! вскричалъ Балзакъ.

— Чтѣ случилось? спросилъ испуганный пріатель.

— Хочешь ѣхать со мною?

— Ѣхать? Теперь?

— Сейчасъ; сію минуту!

— Да куда?

— Къ Ханской.

— Счастливый путь.

— Не хочешь ѣхать со мною?

— Спасибо!

— Ну, такъ спокойной ночи.

— Счастливаго пути.

Нѣсколько времени спустя, пріатель встрѣтилъ Балзака въ Парижѣ.

— Вернулся? спросилъ пріатель.

— На-двухъ.

— Не долго же ты ѣздилъ!

— Ахъ, другъ мой! возразилъ Балзакъ съ глубокимъ вздохомъ: я видѣлъ ее только нѣсколько минутъ, но какъ я счастливъ!

Прошло пятнадцать лѣтъ. Г. Ханскій умеръ.

Когда время траура прошло, Балзакъ пометѣлъ къ дѣвушкѣ. Увы! это трудное путешествіе имѣло пагубное вліяніе на его здоровье. Тутъ впервые появились признаки той ужасной болѣзни, которая свела его въ могилу.

Малютка, которую Балзакъ нѣкогда держалъ на колѣняхъ, сдѣлалась прелестною дѣвушкою; она вышла за-мужъ за барона Миншеха, ученаго ентомолога и, что тоже не мѣшаетъ, мадьяца огромнаго имѣнія.

Вдова устроила свои дѣла, привела ихъ въ порядокъ, вышла за Балзака, отправилась съ нимъ на его родину; въ Парижѣ супруги помѣстились въ небольшомъ, но красивомъ домѣ, купленномъ не задолго передъ тѣмъ г. Балзаккомъ.

На этотъ разъ знаменитый писатель удовольствовался покупкой, не пускаясь въ постройки. Видно опытъ научилъ его быть осторожнѣе. Надобно вамъ сказать, что нѣсколько лѣтъ тому, Балзакъ выстроилъ себѣ домъ, стоившій ему 80 тыс. франковъ и проданный за шестнадцать тысячъ!

Геніальный человекъ, создавшій столько живыхъ, вѣрныхъ типовъ, воображилъ, что послѣ такого подвига выстроить домъ — шутка! Онъ самъ пожаловалъ себя въ архитекторы, и приступилъ къ дѣлу.

Домъ конченъ, надо меблировать его. Явился обойщикъ. Балзакъ уговорился съ нимъ на-счетъ меблировки залы, столовой и кабинета.

— Теперь надобно посмотреть спальню, сказалъ обойщикъ.

— Конечно, отвѣчалъ Балзакъ: пойдете.

Прошли нѣсколько шаговъ; вдругъ Балзакъ остановился, и дарилъ себя по лбу.

— Вотъ тебѣ разъ! вскричалъ онъ.

— Что такое? спросилъ обойщикъ.

— Хорошъ же я!

— Да что случилось? Не забыли ли вы чего?

— Забылъ, рѣшительно забылъ!

— Но что именно?

— Бездѣлицу! Забылъ выстроить лѣстницу въ спальню!

Дѣйствительно, Балзакъ забылъ выстроить лѣстницу наверхъ, въ спальню, и впоследствии надобно было сдѣлать особую пристройку въ два окна, для исправленія этого промаха.

Садъ, окружавшій домъ, былъ очень малъ. Балзакъ взялся красить его: вмѣсто песку, которымъ обыкновенно посыпаютъ тротуары, онъ приказалъ покрыть ихъ асфальтомъ; отчего онъ ходилъ на тротуары. Вмѣсто цвѣтовъ и кустарниковъ, онъ разводилъ совсѣмъ иное.

— Ананасъ стѣитъ 20 фр., говорилъ онъ: если я насажу 10 тысячъ ананасовъ, то это доставитъ мнѣ ежегодный доходъ въ 400 тыс. франковъ.

Но спекуляція не удалась точно такъ, какъ не удаются ананасы въ климатѣ Франціи. Бальзакъ забылъ и это, какъ и былъ лѣстниду.

Эта забавная идея есть одно изъ проявленій постоянной идеи, *idée fixe*, Бальзака; идея, которую онъ никогда не оставлялъ ему непремѣнно хотѣлось разбогатѣть, сдѣлаться богатымъ, какъ иудейскій бабабъ. И не думайте, чтобы между настоящимъ посредственнымъ его состояніемъ и будущимъ богатствомъ, онъ полагалъ большой промежутокъ — совсѣмъ нѣтъ. Онъ всегда говорилъ, что черезъ три мѣсяца, много черезъ полгода онъ будетъ миллионеромъ, и это обыкновенно въ такіе минуты, когда не только бумажникъ, но и кошелекъ его былъ совершенно пусты.

Однажды онъ просилъ у одного пріятеля займы какую-то ничтожную сумму. Пріятель съ радостію исполнилъ его желаніе, но въ то-же время не могъ не выразить грустнаго сужденія на счетъ того, что такой человѣкъ, какъ Бальзакъ, долженъ былъ прибѣгать къ помощи пріятеля за такою ничтожною суммою.

— Что за польза быть первымъ писателемъ своего времени, сказалъ онъ: если это не доставляетъ, не говорю уже богатства, но даже того удовольствия, которое пріобрѣтаетъ даже малочинникъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда? Право, грустно.

— Напрасно, другъ мой, перебилъ его Бальзакъ: я совсѣмъ не такъ бѣденъ, какъ тебѣ кажется. Мнѣ стѣитъ только обтѣтить мое имѣніе въ наличныя.

Пріятель посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Это тебя удивляетъ? спросилъ Бальзакъ.

— Немножко.

— Напрасно, продолжалъ Бальзакъ очень серьезно: пріятель мой только. Я уже создалъ около пяти тысячъ типовъ въ *Комедіи Человѣчества*; остается еще создать болѣе десяти тысячъ. Положи же хоть по двадцати пяти франковъ на каждый круглымъ счетомъ — кажется не много? Изволь же составить уже это одно составляетъ 350 тысячъ франковъ. Скажи же: дѣль ли я?

Бальзакъ не только не скрывалъ своего желанія разбогатѣть, да же рассказывалъ о немъ всѣмъ и каждому.

«Иные называютъ меня богачомъ, другіе бѣднякомъ», писалъ въ *Revue parisienne*: «я же самъ объявляю, что всегда былъ бѣденъ, но желаю разбогатѣть тѣми же благородными средствами, которыя обогатили г. Скриба».

Между-тѣмъ Бальзакъ не могъ удержать у себя въ карманѣ денегъ: онъ тратилъ ихъ безъ всякаго разбора. Если бы онъ попался, въ-самомъ-дѣлѣ, милліонеромъ, то не на долго.

Онъ показывалъ однажды знакомому драгоцѣнную серебряную вазу, находившуюся у него въ столовой.

— Видите ли вы эту вазу? сказалъ онъ: когда я разбогатѣю, когда у меня каждую недѣлю будетъ два вечера, на которые я буду приглашать всѣхъ писателей и художниковъ. Эта комната моя будетъ наполнена до краевъ золотыми монетами, въ карманѣ у тѣхъ, которымъ понадобится занять у меня денегъ. Они будутъ брать сколько имъ заблагоразсудится, не подвергаясь ни какому изженію... Я по опыту знаю, какъ трудно просить денегъ у аристократовъ. Кто будетъ въ состояніи, тотъ возвратитъ деньги въ карманѣ у другихъ нуждающихся...

Вотъ еще черта его щедрости.

Бальзакъ пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ пріятелей, въ числѣ которыхъ былъ и Шарль Нодбѣ. Передъ обѣдомъ всѣ прогулялись по комнатамъ домика, выстроеннаго самимъ Бальзакъ.

Нодбѣ, какъ истый библіофилъ, отискалъ гдѣ-то книжечку *изъ свирскаго* изданія. То была книга такая рѣдкая, что Нодбѣ вышелъ отъ нея въ восторгъ, и за обѣдомъ только и толковалъ о ней.

Во время десерта одинъ изъ слугъ принесъ блюдо, накрытое салфеткой, и поставилъ его передъ Шарлемъ Нодбѣ.

— Вотъ, господа, рѣдкое блюдо, сказалъ Бальзакъ.

— Что это?

— Угадайте.

— Яйца въ смятку?

— Устрицы?

— Каштаны?

Догадка не было конца. Бальзакъ молчалъ, искоса поглядывая на Нодбѣ, улыбаясь и потиралъ руки.

Наконецъ Ноддѣ, выведенный изъ терпѣнія, отдернулъ салфетку.

На блюдѣ лежало *ельзевирское* изданіе, поднесенное въ подарокъ умному библіофилу!

Бальзакъ былъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Ротшильдъ. Отправляясь, нѣсколько лѣтъ тому, въ Германію, роженица попросилъ у банкира нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Ротшильдъ немедленно написалъ коротенькую записочку.

— Покажите только эту записочку, и васъ вездѣ примутъ, сказалъ онъ.

Бальзакъ ушелъ и прочиталъ записку; такъ какъ содержаніе ея показалось ему слишкомъ незначительнымъ, общедѣльнымъ, то онъ и не захотѣлъ воспользоваться ею.

Возвратившись въ Парижъ, онъ встрѣтился съ Ротшильдъ.

— Я слышалъ, что вы не воспользовались моимъ письмомъ? сказалъ послѣдній.

— Нѣтъ, оно показалось мнѣ неудовлетворительной рекомендаціей.

— Неблагодарный!

— Какъ такъ?

— Да, неблагодарный!.. Гдѣ записка?.. Видите ли вы этотъ значокъ въ росчеркѣ?

— Вижу.

— Этотъ значокъ значитъ, что я открываю вамъ *кредитъ* у всѣхъ моихъ германскихъ корреспондентовъ!

Лондонъ.

Въ будущемъ году откроется въ Лондонѣ всемірная выставка. Нѣтъ сомнѣнія, что многие изъ нашихъ соотечественниковъ отправятся туда; а потому считаю не безполезнымъ ознакомиться съ нѣкоторыми обычаями лондонскаго общества:

Чтобы быть принятымъ въ какой-либо домъ въ Лондонѣ, необходима рекомендація. Двери лондонскихъ домовъ не открываются ни передъ кѣмъ, ни даже соотечественникомъ, безъ рекомендательнаго письма или безъ recommendателя. Если вы не *сведены* (*introduced*) въ домъ, такъ никогда и не войдете въ него.

Разскажу вамъ на этотъ счетъ одинъ случай:

Два Англичанина путешествовали вмѣстѣ, въ одной каретѣ, сидѣли рядомъ, знали другъ друга по имени, ѣхали къ одному семейству, были даже родственники, а между-тѣмъ во всю дорогу, продолжавшуюся довольно долго, не помѣнялись ни однимъ словомъ,—отъ того, что не были *представлены*, рекомендованы другъ-другу.

Но пусть васъ представитъ родственникъ, другъ, короткій знакомый и вы становитесь немедленно домашнимъ другомъ Англичанина.

Вотъ какъ разсуждаютъ хозяева:

— Рекомендующій мнѣ другъ; слѣдовательно онъ не захочетъ компрометировать меня знакомствомъ съ человѣкомъ ничтожнымъ. Перваго я знаю двадцать лѣтъ, а потому и со вторымъ долженъ поступать такъ же, какъ будто знаю и его двадцать лѣтъ.

И вслѣдствіе такого разсужденія, новопредставленному предлагаютъ полное гостепримство, со всеми его комфортабельными утонченностями.

Положимъ же, что вы ѣдете въ Лондонъ, снабженные рекомендательными письмами. Вотъ какъ вы должны поступить, чтобы васъ хорошо приняли.

Во-первыхъ должно узнать *дѣловую* квартиру хозяина дома, къ которому у васъ письма.

Извѣстно, что Англичане, какъ люди преимущественно *дѣловые*, имѣютъ двѣ квартиры, ведутъ, такъ сказать, двоякую жизнь: семейную и *дѣловую*. Нѣтъ купца, нѣтъ адвоката, даже мелкаго торговца или маклера, у котораго не было бы въ восточной части Лондона частнаго жилища, этого непереводаемаго *sweet-home*, гдѣ онъ мыслить, молится и любить.... Но объ этомъ послѣ; поговоримъ сперва о *дѣловой* части.

На самомъ концѣ *Странда*, длинной и широкой улицы, по которой весь Лондонъ проходитъ дважды въ день, и которая

начивается въ *Черни-Кроссъ*, кончается въ *Тамль-Баръ*, находится промышленный городъ, входомъ въ который служатъ древнія ворота XV столѣтія, свято хранимыя Англичанами. Вся эта часть называется собственно городомъ, *Сити*.

Цѣлую ночь Сити безмолвна, пустынна. Съ девяти часовъ утра она внезапно оживаетъ. Лавки отпираются, выставляя на показъ произведенія, стекающіяся со всѣхъ концовъ свѣта. Тысячи пѣшеходовъ, каретъ, омнибусовъ, телегъ, перерѣзываютъ Сити по всѣмъ направленіямъ.... Но нигдѣ не замѣтно ни малѣйшей суматохи, ни малѣйшаго безпорядка.

Маленькое замѣчаніе: проходя мимо магазыновъ, любуйтесь выставленными вещами, сколько душѣ угодно, но не покупайте — разоритесь! Дороговизна неимоверная.

Въ Сити каждая промышленность имѣетъ свой особенный кварталъ.

Если вы ищете адвоката или агента, такъ отправляйтесь въ *Иини*, находящіяся въ самомъ началѣ Сити — *Линкольс-Иини*, *Грейс-Иини* и др. Это молчаливые кварталы, таинственные притоны *дѣльцовъ*.

Конторы ихъ убраны просто: дубовый шкафъ для актовъ, простой столъ краснаго дерева, стулья, крытыя черной кожей; но коверъ и занавѣсъ придаютъ убѣжищу закона *комфорты*, встрѣчающіяся въ Лондонѣ вездѣ.

Нуженъ вамъ банкиръ? Конторы ихъ, подобно сучьямъ колоссальнаго дерева, окружаютъ Биржу и Англійскій-банкъ. Торговые обороты такъ велики, что почти всѣ банкирскія конторы занимаютъ цѣлые дома; число служащихъ значительно.

Наконецъ, около банкирскихъ домовъ, находится безчисленное множество мѣняль, маклеровъ и другихъ непривилегированныхъ *дѣльцовъ*.

Каждый день все это оживаетъ въ девять часовъ утра; дѣла идутъ, развиваются, растутъ, принимаютъ гигантскіе размѣры.... Серебро льется изъ огромныхъ мѣшковъ, золото загибаютъ лопатами; корабли въѣзжаютъ въ доки и, въ подвижныхъ будочкахъ, скользящихъ на колесахъ по берегамъ Темзы, устрояются миллионныя дѣла! И все это такъ просто, такъ скоро, какъ-будто бы дѣло шло о сотняхъ! И первымъ нач-

ломъ, оживляющимъ элементомъ этихъ дѣлъ — *кредитъ*, въ самомъ пространномъ и обширномъ смыслѣ его.

Въ Сити Англичанинъ не отецъ, не братъ, не мужъ, не семьянинъ, а — *человѣкъ дѣловой*. Тамъ онъ живетъ только для дѣлъ, думаетъ только о нихъ, занимается только ими, почти безъ отдыха. Въ этой дѣятельной жизни только одинъ часъ уделяется для *лунча* — *lunch*. Сейчасъ объясню вамъ, что такое лунчъ.

Англичанинъ ѣстъ три раза въ день.

Первый — *breakfast* — завтракъ состоитъ изъ чая, кофе или шоколада, съ яйцами, ветчиною, холодною говядиною. Это семейный завтракъ и обстоятельства его очень интересны: одна изъ дочерей хозяина, которой ввѣрены ключи, встаетъ ранѣе всѣхъ другихъ членовъ семейства, потому-что *ровно въ восемь часовъ* завтракъ долженъ быть готовъ въ столовой, находящейся обыкновенно на задней половинѣ домъ; и называемой, — ужъ не знаю почему! — у Англичанъ *библіотекой* — *the library*.

Одѣтая съ утра, молодая дѣвушка сама распоряжается всѣми приготовленіями. Тутъ впервые проявляется уже утонченность англійскаго гостепріимства: молодая хозяйшка должна непременно узнать привычки гостя, что онъ любитъ, пьетъ ли чай или кофе, сколько кладетъ обыкновенно сахару, какъ любить яйца, въ смятку или крѣпкія и т. п. Ничто не можетъ быть трогательнѣе внимательности молодой хозяйшки, и гостю становится невыразимо пріятно, когда онъ замѣчаетъ, что она узнала уже всѣ его привычки.

Соединеніе всего семейства за первымъ завтракомъ, которому всегда предшествуетъ молитва, произнесенная вслухъ, можно назвать самымъ счастливымъ началомъ дня.

Лунчель называется второй завтракъ или *полдникъ*. Это для дѣловаго человѣка мнпута отдыха; въ это же время онъ принимаетъ рекомендованныхъ ему иностранцевъ, желаетъ имъ *благопрібытіе* — *welcome*, — предлагаетъ имъ свои услуги и, наконецъ, приглашаетъ на обѣдъ къ себѣ на домъ.

Во множествѣ переулковъ, перерѣзывающихъ Сити, находятся таверны, открывающіяся этой націи купцовъ для лунча. Иные, стоя передъ жестянымъ прилавкомъ, закусываютъ бутербродами, *сандвичами*, или, просто, хлѣбомъ и сыромъ, запивая все пивомъ *стоутъ* или *эль*, которое *стеуартъ* (половой)

наливаетъ изъ-бочки и подаетъ поспѣтителю, поднимъ стаканъ и торжественно произнося названіе напитка:

— Imperial! или

— Scotch ale!

Другіе не довольствуются простой закуской; они почти объдаютъ. Впрочемъ частое подкрѣпленіе силъ въ Лондонѣ почти необходимо: атмосфера, сосредоточенный воздухъ, разнообразныя газы, длинныя разстоянія, до того утомляютъ, ослабляютъ человѣка, что непременно нужно ѣсть, чтобы подкрѣпить себя. Вотъ почему плотная, тяжелая пища Англичанъ, пудинги и *ростбифы* необходимы въ Лондонѣ.

Третій разъ Англичане ѣдятъ за *обѣдомъ*.

Итакъ, прибывъ въ Лондонъ, вы прежде всего должны узнать знакомиться съ людьми, къ которымъ имѣете рекомендаціи, въ ихъ дѣловомъ жилищѣ, а потомъ уже получаете право обити въ семейное.

Расскажу вамъ, что такое англійскій домъ. Они почти все по одному плану, съ самыми незначительными измѣненіями.

Форма прихожей измѣняется смотря по ширинѣ дома; большею частію она состоитъ изъ длиннаго коридора, полъ котораго покрытъ блестящею, красивою клеенкою. Направо отъ входа находится столовая. Далѣе, маленькая библіотека.

Чистая, красивая лѣстница ведетъ на верхъ. Тамъ находятся двѣ смежныя залы; одна окнами на улицу, другая на обратный дворъ или въ садъ. Еще выше находятся комнаты слугъ.

Кухня находится вверху; изъ прихожей маленькая дверь къ конюшнѣ и сараямъ.

Таково расположеніе почти во всѣхъ англійскихъ домахъ. Вся разница только въ величинѣ или числѣ комнатъ. Мало-того, Англичане народъ такой методическій, что въ извѣстные часы дня вы застанете всѣхъ лондонскихъ жителей за одними занятиями.

Этикетъ соблюдается столько же со стороны хозяина, какъ и со стороны гостя. Чѣмъ приличнѣе вы одѣнетесь, тѣмъ больше чести окажете хозяину, и въ Лондонѣ каждый обѣдъ можно назвать семейнымъ праздникомъ. Дамы одѣваются къ обѣду чуть-чуть ли не такъ же, какъ на балъ, и это дѣлается совсѣмъ не для однихъ гостей: хотя бы отецъ семейства вер-

тѣлся домой одинъ, жена и дочери его будутъ такъ одѣты, какъ будто бы ожидали значительнаго гостя.

Многимъ это можетъ показаться слишкомъ церемоннымъ, мелочнымъ; на это я могу отвѣтить только то, что эта-та самая мелочная церемонность и есть первое условіе того порядка, той оборотительной опрятности, которою отличаются Англичане.

Англійское семейство принимаетъ *введеннаго* иностранца съ особенно-радушнымъ вниманіемъ. Всѣ члены его съ удивительнымъ тактомъ стараются облегчить, сдѣлать пріятными первыя, обыкновенно нѣскольکو тягостныя минуты знакомства. Хозяинъ за всѣмъ наблюдаетъ; онъ сблизилъ васъ, онъ намекнулъ вамъ, возлѣ кого вамъ сидѣть за столомъ; и когда двери столовой отворяются, когда васъ просятъ къ столу, вы знаете, которой изъ дамъ подать руку и гдѣ вамъ сѣсть.

Щегольство мужчинъ въ Лондонѣ проявляется преимущественно въ лифреяхъ, въ экипажахъ, въ лошадяхъ; щегольство женщинъ—во внутреннемъ убранствѣ дома и, особенно, столовой. По убранству послѣдней вы можете нѣкоторымъ образомъ судить о богатствѣ хозяина. На этажеркахъ краснаго дерева выставлено фамильное серебро; серебряныя вазы, самой изящной, художественной отделки, наполнены душистыми цвѣтами; хрустальныя или золотыя лшстры со множествомъ восковыхъ свѣчей; бросаютъ яркій свѣтъ на столъ, великолѣпно убранный золотомъ и серебряною посудомъ; прибавьте къ этому изысканныя наряды обѣдающихъ, богатые ливрен слугъ, и вы будете имѣть понятіе о зрѣлищѣ, представляемомъ лондонской столовою.

Всѣ садятся по указаннымъ мѣстамъ, и обѣдъ начинается.

Англійскій обѣдъ все одинъ и тотъ же съ незапамятныхъ временъ. Почти всѣ семейства ѣдятъ одно и то же, съ самыми незначительными измѣненіями, и въ одно и то же время; вотъ обыкновенный составъ обѣда:

Буллонъ, сильно приправленный перцомъ и пряностями.

Рыба, вареная въ водѣ.

Ростбифъ, или жареная баранья лопатка.

Пуддингъ или пирожное.

Пюре изъ картофеля, варенаго въ водѣ.

Десертъ: фиги, изюмъ, орѣхи.

Сыръ честерскій или другой.

Кромѣ-того, ко всѣмъ блюдамъ подаютъ множество разныхъ бутылочекъ и банокъ съ разными кисленькими, пряными, весьма ароматными холодными соусами.

Но оставимъ обѣдъ, и перейдемъ къ обычаямъ столовой.

Между ними есть одинъ, который пережилъ всѣ моды и даже охлажденіе къ старинѣ, эту болѣзнь нашего вѣка. Въ Лондонѣ не чокаются стаканами, когда пьютъ за здоровье, а пересылаютъ тосты слѣдующимъ образомъ: вы берете вашъ стаканъ въ правую руку, и обращаясь къ хозяйкѣ дома, говорите:

— May I take a glass of wine with you? то есть: Могу ли я выпить стаканъ вина съ вами?

Надобно стараться сказать это *по-англійски*, потому-что Англичане вообще предпочитаютъ свой языкъ всѣмъ другимъ.

Послѣ этой фразы слуга, стоящій за вашимъ стуломъ, и другой слуга, стоящій за стуломъ особы, къ которой вы обратились, наполняютъ ваши рюмки хересомъ или портьвейномъ; за тѣмъ вы биваете другъ-другу головой, и пьете. Встарину, необходимо должно было выпивать всю рюмку до дна, въ знакъ полного и совершеннаго пожеланія здоровья; но это имѣло свою маленькую непріятность: за большимъ обѣдомъ, гдѣ подобныя тосты, по необходимости, повторялись очень часто, вы, къ концу обѣду, теряли равновѣсіе вашихъ мыслительныхъ способностей и самый даръ слова спотыкался. По счастью, въ наше время это вывелось, хотя любителямъ предоставляется полное право

Осушать чашу всю, до дна ...

По окончаніи обѣда всѣ встаютъ, по знаку хозяйки; мужчины берутъ каждый свою даму подъ руку и провожаютъ ихъ, — но только до дверей столовой, тамъ раскланиваются. Дамы уходятъ въ залу, а мужчины возвращаются къ столу, на которомъ появляются бутылки, часто на маленькихъ подносахъ съ колесиками, для удобнѣйшей пересылки бутылки отъ одного къ другому.

Тогда начинается война противъ физическаго равновѣсія: отличнѣйшія французскія, рейнскія, венгерскія, португальскія вина смѣняются одно другимъ, и переходятъ отъ собесѣдника къ собесѣднику. Отказываться нельзя: надобно сдѣлать честь

погребу хозяина. Разговоръ оживляется: политика, торговля, промышленность занимаютъ всѣхъ и cadaго....

Но вотъ одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ собесѣдниковъ встаетъ, и громогласно произноситъ:

— J propose toast! то есть: Я предлагаю тостъ!

Всѣ умолкаютъ и встаютъ съ поднятыми вверхъ стаканами.

Ораторъ предлагаетъ выпить за зворовье хозяйки и гостеприимнаго хозяина; онъ высчитываетъ въ нѣсколькихъ словахъ добродѣтели всей семьи и оканчиваетъ торократнымъ:

— Ура! ура! ура! уш! уш! уш!

Всѣ гости повторяютъ этотъ возгласъ, поднимая и опуская стаканы.

Хозяинъ отвѣчаетъ на этотъ тостъ; опять начивается та же исторія, и, наконецъ, провозглашаютъ еще особенный тостъ за мововеденнаго иностранца. Если послѣднй въ состоянн отвѣчать по-англійски, то собесѣдники приходятъ въ настоящій восторгъ.

По окончанн всѣхъ тостовъ, собесѣдники оставляютъ столовую и идутъ въ залу къ дамамъ, куда, между тѣмъ, прибыли уже и другіе гости, приглашенные или сами прїѣхавшіе только на-вечеръ.

Окончиваю это длинное письмо обѣщаніемъ сообщать вамъ отъ времени до времени извѣстія о разныхъ особенностяхъ англійской, и, преимущественно, лондонской жизни.

МЫСЛЬ И УЛЫБКА. *Отрывокъ изъ невымысленныхъ путевыхъ записокъ грамотнаго матроса.*—Просмотрите, да припишите, что дополнить слѣдуетъ къ недостаткамъ моего разумннн.

15-го сентября. Пришли мы въ городъ *Купенгавань*. Купенгавань Короля датскаго. Хорошо и весело жить въ евоиъ городу. Что ни на есть дешево; шинки багатель.

11-го октября. Стали на якорь въ *Пордсмуть*. Онъ Короля Агледцова.

(Въ Англнн нашему матросу либо вовсе не понравилось. либо ужъ очень; только въ запискахъ нѣтъ ни слова объ этой странѣ).

25-го декабря. Пришли въ *Тририфъ* (Тенерифъ). Это тотъ островъ Шпанской. На немъ приболшущая гора. На-верху-то свѣтъ бѣлѣетъ, а внизу жарынь, терпѣть не можно. Изобилуетъ виноградомъ, абельцынамъ—

Второй артеди гороху принято 30 фунтовъ.

И разностнымъ фруктамъ. Народъ полуднякой и черной. А тутъ послѣ шли моремъ Акіаномъ и пришли на *сфатеръ*. Етъ что-то есть суть средняя середина свѣта.

Сухарей принято 2 пуда 5 фунтовъ.

Масла коровьяго 10 фунтовъ.

Здѣсь было празднество и шкипера, знашь, нарядили *Цетюномъ* что-ль какимъ, да ужъ и весело было, потѣшно; васте всѣхъ чернотью выпачкали, а въ тѣ, право, животы надорвали.

Видѣли *титосъ*.

Пришли въ Нибарскіе (Нибобарскіе) острова. Здѣсь уже совершенно дикій народъ. Изобилуетъ ананасами, *манустами* и хорошимъ лѣсомъ; здѣсь лѣсъ на стѣнѣги рубили и у дикихъ за холстъ и старыя рубахи поросятъ, куръ и фрукты покупади. Тяжела была работа въ Нибарахъ, а въ силы умалишь; впередъ и сынь пошли по тѣлу.

Солоницы принято въ артель 1 пудъ.

Графы Пурталѣ—*Pourtalès*—извѣстны въ Нѣшателѣ, въ Швейцаріи, своимъ богатствомъ. Отецъ ихъ былъ сперва комиссаромъ, потомъ сдѣлался банкиромъ.

Однажды онъ, по своему обыкновению, вошелъ утромъ въ свою контору.

Подъ столомъ одного изъ писцовъ, онъ увидѣлъ брошенное перо.

— Это что? спросилъ Пурталѣ, поднимая перо.

— Оно уже никуда не годится, отвѣчалъ писецъ.

— Пустяки! это перо можно еще очинить раза два, по-крайней-мѣрѣ. Прошу васъ быть впередъ побережливѣе; и, положивъ перо на конторку, банкиръ пошелъ далѣе.

Въ приемной ожидали его просители, и между ними, одна бѣдная вдова, просившая вспомошествованія. Пурталё выслушалъ ее, воротился въ контору, и взявъ только что поднятое имъ перо, написалъ на клочкѣ бумаги:

«Выдать вдовѣ N двѣсти франковъ».

— Ну что, спросилъ онъ плсца, указавъ на написавшее: годится ли еще это перо?

Араго сообщилъ Академіи Наукъ, что г. Рошель д'Ерикуръ привезъ изъ Абиссиніи корень, который, будучи истолченъ въ порошокъ, употребляется какъ вѣрнѣйшее средство противъ бѣщенства собакъ.

Объ этомъ растеніи рассказываютъ чудеса, но—оправдаются ли они на дѣлѣ? Дай-то Богъ, но вѣрится съ трудомъ.

Признательное потомство поставить памятникъ тому, кто откроетъ *вѣрное* средство отъ уязвленія змѣй и отъ укушенія бѣшенныхъ собакъ.

Вотъ хоть бы на счетъ послѣдняго: тьма *наивѣрнѣйшихъ* средствъ, а толку все нѣтъ!

Въ одномъ изъ номеровъ *Сѣверной Почты* 1817 года была напечатана слѣдующая статья:

«Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а особливо въ Орловской и Тульской, давно уже перестали бояться укушенія бѣшенныхъ собакъ. Тамъ во всеобщемъ употребленіи есть лекарство, посредствомъ котораго исцѣляются не только укушенные бѣшеною собакою, но и тѣ, въ видѣхъ изъ отъ такою укушенія уже успѣлъ произвести пагубное свое дѣйствіе; даже совершенно избѣсившіеся выздоравливаютъ, принимая оное. Сіе лекарство есть трава, извѣстная въ Тульской губерніи подъ названіемъ *водяной щиплики* или *чистуха*, *Alisma plantago*. Цѣлебная сила корня сей травы не подвергается никакому сомнѣнію. Двадцатипятилѣтніе опыты показали, что ни единого раза не случилось, чтобы врачеваніе симъ лекарствомъ было неудачно...»

За чѣмъ же дѣло стало? Отчего корень этотъ не вошелъ въ общее употребленіе? Забудьте еще, что извѣстный писатель П. П. Свиньинъ написалъ даже цѣлую брошюру объ этомъ предметѣ, подъ заглавіемъ:

Несомнѣнное исцѣленіе отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ.

А гдѣ же это несомнѣнное исцѣленіе? Не та ли самая участь ждетъ и новое, американское несомнѣнное средство?

Какъ бы то ни было, но подобныя явленія выѣютъ свою хорошую сторону, какъ опыты науки.

Гораций сказалъ:

Нѣтъ человѣка, у котораго бы не было недостатковъ; лучший человѣкъ тотъ, у кого ихъ менѣе.

У Г О Л Ъ .

Басня.

Разъ,

На доску мраморну горящій уголь упалъ,
И тщетно силясь замечь ее собою,

Погаасъ....

Но на него нечаянно ногою

Прохожій наступилъ

И уголь—прохожаго и доску зачернилъ.

..

Какъ углю этому подобенъ злой бываетъ!
Колн не жжетъ, такъ хотъ мараетъ!...

Какой-то философъ перетянулъ черезъ рѣку.

— Умѣешь ли ты читать? спросилъ философъ перевозчика.

— Гдѣ намъ, баринъ!

— Несчастный! ты напрасно потерялъ цѣлую четверть своей жизни! А писать умѣешь?

— Не про насъ писано, баринъ.

— Видишь! И другая четверть твоей жизни пропала! Считаешь, по-правдѣ-шврѣ, умѣешь?

— Деньги? Подумаешь маленько, да почемъ-то затылокъ, такъ и сосчитаемъ.

— Нѣтъ, не то; знаешь ли ты, что такое сложенеіе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе, — словомъ, арифметика?

— Не слыхивалъ, сударь.

— О! и третья четверть твоей жизни пропала даромъ.... Ай, батюшки, что это? Откуда это набирается вода? Гребни, гребни, живѣе, въ лодкѣ оказалась течь!

Дѣйствительно, вода быстро-просачивалась сквозь большую щель. Первозчикъ сталъ гребсти изо-всѣхъ силъ, но — тщетно. Философъ былъ въ отчаяніи.

— Ну, баринъ, сказалъ перевозчикъ, бросивъ весла, дѣло скверное! Но Богъ милостивъ, до берега не далеко, доплывемъ!

— Но я не умѣю плавать! горестно вскричалъ философъ.

— Неумѣешь! Ну, баринъ, такъ садись ко мнѣ на спинку, у меня сила станеть.... садись живѣе, а не то всѣ четыре четверти твоей жизни пропадутъ даромъ!...

Библиографическая записка. «Поэзия, собранія сочиненій русскихъ авторовъ», издаваемое Смирдинныиъ, не виѣстило нѣкоторыхъ напечатанныхъ уже трудовъ авторовъ, необходимыхъ въ полномъ собраніи ихъ сочиненій. Таинств. образомъ, просматривая «Сочиненія Батюшкова», (Смирдинскаго изданія) мы не нашли въ немъ (хотя оно и полнѣе двухъ первыхъ изданій) одного, очень милаго стихотворенія, написаннаго Батюшковымъ въ Римѣ, въ 1820 или 1821 годахъ. Оно напечатано было въ седьмой книжкѣ «Сина. Отечественн.» 1821-года. Переводываемъ его буквально, для пополненія Смирдинскаго изданія

В ВЪ ИТЪ РИМА.

Элегія.

Напрасно, вѣтреный поэтъ,
 Я васъ поиницѣ, други,
 Забывъ утѣхи юныхъ лѣтъ
 И мнѣ досуги!
 Напрасно изъ страны откоихъ
 Летѣлъ мечтой крыладохъ
 Въ отчизну пламеннѣхъ, плаещъ
 Петрарки и Торквато!
 Напрасно по лугамъ брожу
 Авзоніа прелестной,
 И въ сердца радости бужу,
 Смотри на своде небесной!...
 Ахъ! неба чуждаго красы

Для странника не жаль;
Не веселы забавы чужды,
И радости улыбки!
Я слышу вѣжливый звук рѣчей
И милые привѣты;
Я вижу голубыхъ очей
Знакомые обѣты:
Напрасно вѣга и любовь
Сулятъ мнѣ упоенья,—
Хладѣть пламенная кровь
И вануть наслажденья.
Веселья в любви вѣнецъ,
Я позабылъ забавы;
Я свелъ свой миртовой вѣнецъ
И дни влачу безъ славы.
Порой, на Тибръ склонивши взоръ,
Иль встрѣтивъ Капитолій,
Я слышу дружескій укоръ,
Стыжусь забвенной доли....
Забьется сердце для войны,
Для прежней славной жизни—
И я изъ дальней стороны
Лечу въ края отчизны!
Когда я возвращуся къ вамъ,
Отечески Пенаты,
И, снова, жрецъ вашъ, финіамъ
Зажгу средь низкой хаты?
Храните мечъ забвенный мой
Съ цѣвницей одинокой!
Я весь дышу еще войной
И жизнію высокой!
А вы, о милые друзья,

Простите ли поэта?
Онъ видитъ чуждыя поля
И бродитъ безъ привѣта!
Какъ нѣтъ ему въ странѣ чужой?
Узреть поля родныя —
И тронуть въ радости нѣмой
Онъ струны золотыя!

Р. Р.

О МОДАХЪ ВООБЩЕ И МОДНЫХЪ КАРТИНКАХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

У насъ каждый журналъ поставилъ себѣ за непремѣнную обязанность награждать подписчиковъ ежемѣсячно *модною картинкою*. Конечно, это очень мило, но какая въ томъ польза?..

— Прекрасное само по себѣ прекрасно, говоритъ одинъ мой пріятель: отъ добра добра не ищутъ.

Положимъ такъ: по насчетъ модныхъ картинокъ нельзя утѣшить себя и этимъ. На первый взглядъ онѣ, въ-самомъ-дѣлѣ, очень красивы; гравированы отчетливо и съ большимъ вкусомъ. Но, — не говоря уже о неправильности рисунка, — всмотритесь хорошенько въ лица, въ положенія и движенія изображаемыхъ типовъ модъ, и вы найдете въ нихъ много недостатковъ.

Начнемъ съ лицъ: не говоря уже о томъ, что они какъ бы всѣ вылиты изъ одной формы, въ нихъ-либо нѣтъ никакого рѣшительно выраженія, либо есть какое-то странное, рѣшительно несогласующееся съ положеніемъ. Положенія же и движенія вычурны, жеманны до приторности.

Итакъ искусства, изящнаго не ищите; остается польза. Гдѣ же она? Картинки модъ приходятъ изъ Парижа. Климатъ тамошній немножко разнится отъ нашего: когда тамъ грѣются еще на солнышкѣ, у насъ топятъ печи. Вообще самыя моды появляются у насъ гораздо прежде модныхъ картинокъ, предлагаемыхъ при журналахъ. Вотъ передо мною три картинныя.

Первая. Двѣ дамы. Одна въ амазонскомъ платьѣ и въ сѣрой шляпѣ съ широкими полями и съ перомъ. Другая въ бѣломъ кисейномъ, съ голубыми полосами платьѣ въ три юбки.

Замѣьте еще, что въ отдѣлѣ модъ вы рѣдко найдете описаніе картинокъ; словесность въ этомъ случаѣ добросовѣтнѣе рисованія: она, по-крайней-мѣрѣ, объявитъ вамъ, что теперь уже не гуляютъ по вечерамъ, *потому-что холодно*; что теперь бываютъ вечеринки, на которыхъ *танцуютъ съ большимъ удовольствіемъ*, и тому подобныя пріятныя извѣстія. О картинкѣ, которую я вамъ описалъ, въ печатномъ вѣтъ ни слова, какъ будто бы ея и не было.

Зачѣмъ же она *есть*?

Да такъ уже слѣдуетъ, чтобы не прогнѣвить читателейъ. А вѣдь вы знаете, какое онѣ имѣютъ вліяніе на супруговъ, т. е. читателей, т. е. подписчиковъ.

Возвратимся къ картинкѣ.

Мѣстоположеніе такъ-себѣ: кустарникъ, да столбъ въ четыре руки. Столбъ, извольте видѣть, тонкій намекъ на амазонку: куда хочешь поѣзжай, на всѣ четыре стороны поѣзжай!

Берегитесь, сударыня, гдѣ много дорогъ, тамъ легко заблудиться.

Кисейное платье, опершись на зеленую изгородку, смотреть куда-то въ даль.

— Конскій топотъ поражаетъ мой слухъ, говорятъ она: это онъ, избранникъ сердца моего, мой Апполиварій!

— А!... ты ждешь его, думаетъ амазонка, судорожно играя хлыстикомъ: о!... сердце мое кипитъ ревностью... и амазонка отворачивается съ негодованіемъ.

Замѣйте, что я нарочно старался приспособить слогъ снѣдамъ къ ихъ позиціямъ.

Итакъ, въ этой ничтожной, по-видимому картиночкѣ, разыгрывается страшная драма....

Утѣштесь.

Дама въ кисейномъ не ждетъ никакого Апполиварія. Она встала въ эту позицію единственно для того, чтобы вамъ удобнее было обогрѣть подробностями ея платья. Амазонка же отступилась въпередъ для того, чтобы вы могли видѣть какимъ образомъ принципалъ наизящнѣе въ дамного платья.

Вотъ и все, а драмы никакой тутъ нѣтъ.

Но такъ ли бываетъ часто въ жизни? Думая, ни о чемъ-то кой-глубокой, сокровенный смыслъ замыкается въ гонимой

то-то. Никуда не бывало: и то, и то-то делалось единственно для того, чтобы—

Шлима похвалитесь были.

Теперь посмотрите вторую картинку. Просто жалость берет! Ступайте домой, сударины, сделайте одолжение, уходите вскорь! Простудитесь, нраве, просгудитесь; мнѣ за васъ холодно становится. Не вѣрете роскошнымъ платьямъ, окружавшимъ васъ; это мифы, вы видите, что даже самъ художникъ не постыжился закрасить ихъ, а оставилъ въ торж... Не слушаетесь? Ну, такъ посылайте за докторомъ.

О, читательницы, не вѣрете моднымъ картинкамъ. Они кривы.

Текстъ ко второй картинкѣ совсѣмъ не таковъ, какъ къ первой. Тамъ лживость, здѣсь глубокомысліе.

«Слово *мода*, говоритъ онъ, — вышеупомянутый текстъ — получило въ наше время самое разнообразное, обширное значеніе. Съ этимъ словомъ не соединяется уже того ограниченнаго понятія, которое соединялось съ нимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Новый покрой фрака, придуманный изобрѣтательнымъ портнымъ, или картинка парижскихъ модъ съ подробнымъ описаніемъ *лѣтняго марла и получаемая русскими читательницами зимой*, далеко не исчерпываютъ собой всего значенія этого слова (еще бы!). Подъ нимъ мы привыкли (ужь?) понимать не только умѣнье одѣваться, — умѣнье, доступное, при нѣкоторомъ стараніи, всякому, но умѣнье держать себя въ свѣтѣ какъ слѣдуетъ. Это обширное значеніе моды даетъ ей нравственную цѣль, нравственное значеніе (*значеніе даетъ значеніе* — значитъ, и отъ добра можно искать добро), потому что теперь мода не ограничивается стремленіемъ къ хорошему стилю фраку (да вѣдь уже сказано), но поставляетъ непревѣзъимыя условія быть и хорошимъ фракъ (то есть какъ это?), и умѣть найтись въ обществѣ, и быть человекомъ образованнымъ.»

Что же касается до подробнаго описанія картинки, которое теперь уже *подоспѣло*, такъ его и вовсе нѣтъ. Запрашивается только, *по части дамскихъ модъ*, носить *яркіе платья*. Да это же новость: какая передовая модница надѣнетъ, мадемуазель, платье *одеждаго цвета*?

Но вы не замѣчаете, что въ текстѣ, приведенномъ нами, и заключается вся исторія картинки. Это тонкій намекъ.

Вотъ въ чемъ дѣло: у одной хорошенькой женщины былъ ревнивый мужъ. Хорошенькая женщина повадилась ходить въ одну часть своего сада, на которую выходили окна соседней дачи. Оказалось, по справкамъ мужа, что въ соседней дачѣ живетъ молодой человекъ. Мужъ, разумѣется, запретилъ ей ходить туда.

Въ одинъ прекрасный день хорошенькой женщины пришла странная фантазія. Она позвала служанку, хорошенькую дѣвушку, нарядила ее въ свое утреннее платье, надѣла ей на голову свою шляпку, и отправилась съ нею въ ту часть сада, куда доступъ былъ ей воспрещенъ.

Мужъ, не заставъ жены въ ея покояхъ, отправился на рекогносцировку.

Молодая женщина только того и ждала. Завидѣвъ своего супруга издали, она скрылась за кустомъ, и шепнула служанкѣ:

— Обернись спиною и стой смирно! а сама поспѣшно убѣжала.

Этотъ драматическій моментъ схваченъ художникомъ.

Хорошенькая женщина бросаетъ еще назадъ тонко-саркастическій взглядъ, и какъ-то странно закинувъ впередъ руки, точно будто бы играетъ на фортепіано, бѣжитъ.

Хорошенькая дѣвушка стоитъ какъ вкопанная. Вотъ тутъ-то и обнаруживается намекъ текста. Платье на служанкѣ сидитъ какъ-то неловко; она сама стоитъ *деревянно*, какъ говорятъ художники.

Служанка необразованна, она не умѣетъ найдтись въ обществѣ.

Не имѣя данныхъ для развитія этого эпизода, предоставляемъ это догадливости самихъ читателейницъ.

Это по части дамскихъ модъ; надобно же сказать нѣсколько словъ и по части мужскихъ.

По случаю осени надобно сказать, что *альтънія* брюки *дальше безъ денпасовъ*.

«Жилеты *всевозможныхъ* матерій и цвѣтовъ, за исключеніемъ яркихъ. Казмиръ и шике больше всего господствуютъ въ этотъ

отношеніи; *однакоже*, появилось много вегоневыхъ, довольно красивыхъ жплетовъ».

Совѣтую мужчинамъ держаться этихъ *положительныхъ* правилъ, и у нихъ будетъ не только хорошо смитый, но и хорошій фракъ.

Что же третья картинка? Это *идиллія*; *реминисценція* лѣта. Она толкуетъ уже не о брюкахъ съ лампасами и безъ оныхъ, а о томъ, что лѣтомъ были на деревьяхъ вишни. Весь текстъ къ этой картинкѣ заключается въ немногихъ, уже вышеприведенныхъ словахъ:

«Картинка парижскихъ лѣтнихъ модъ, получаемая русскими читательницами зимой».

Значеніе ея не имѣетъ никакого значенія.

Представленъ хорошенькій юноша, съ русыма кудрями, *эквивалентически* стоящій на спинкѣ садовой скамьи; одною рукою онъ поддерживается за сукъ вишневаго дерева, а другою подаетъ кисть вишенъ. Бѣлокурая молоденькая женщнна, въ платьѣ стального цвѣта, принимаетъ одною рукою вишни отъ юноши, а другою кладетъ вишни же въ корзиночку, уже переполненную пшп.

Къ корзинкѣ художникъ придѣлалъ маленькую дѣвушку, бѣлокурую тожъ, находящуюся въ положеніи танцовщицы, *сбп-рающей* сдѣлать пируетъ

Разговоръ между ними происходитъ слѣдующій:

Юноша, задумчиво. Возьмите еще.

Дама, двѣочки. Положить еще?

Дѣвочка, разспянно. Положите еще.

Всмотритесь хорошенько, и вы увидите, что они говорятъ именно это, а не что другое. Здѣсь вишня *идетъ*, около которой *вра-щаются* бѣлокурые.

Полезъ въ этой картинкѣ одна: подпись. По ней вы можете узнать положительно, что модистки D-lles Romain, живутъ rue de la Chaussée d'Antin, 18; что извѣстный портной Humann, живетъ г. N-ve des p-ts Champs 83, а что самую картинку, носящую номеръ 384 можно получать à Paris, chez Aubert et C-іe Place de la Bourse.

Все это очень любопытно и облегчительно; не зачѣмъ трудиться записывать; взявъ, посмотрѣвъ на модную картинку, узнаешь гдѣ живутъ D-lles Romain, гдѣ Humann, гдѣ Aubert и C-іe. Оно, конечно, толку мало въ знаніи этихъ адресовъ, а

все-таки оно новое познание, все-таки обогатить чѣмъ-нибудь новымъ свой умъ.

Картинки, описанныя мною, приложены не къ Сыну Отечества. Изъ этого, однакожь, нисколько не слѣдуетъ, что они гораздо лучше. Я говорю вообще, а не только о томъ, что у соседей, будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что ежемѣсячное приложеніе картинокъ парижскихъ модъ ни къ чему не ведетъ.

Какое же вывести заключеніе изъ всего сказаннаго? Такое, что ежемѣсячное приложеніе модныхъ картинокъ къ нашимъ журналамъ, существенной пользы вовсе не приноситъ для читательницъ и читателей. Возьмемъ хоть только пять журналовъ: каждый изъ нихъ прилагаетъ картинку. Каждая картинка изображаетъ особенныя моды.

Которыя же вѣрныя, настоящія?

Вѣрныя и настоящія моды тѣ, которыя скопированы не съ какой-либо картинки, сочиненной по прихоти такой-то модистки, а тѣ, въ которыхъ собственный вкусъ припроявленъ къ времену года и къ общимъ, въ настоящее время принятымъ формамъ.

Если у васъ, сударыня, много изобрѣтательности и вкуса, такъ вы сами сочините себѣ нарядъ, который наиболѣе вамъ къ лицу.

Зачѣмъ же вамъ эти картинки модъ?

Если вы, ни по вашему положенію въ свѣтѣ, ни по изобрѣтательности, не беретесь задавать тонъ, то вы, сударыня, будете выжидать, и потомъ уже, присмотрѣвшись къ новымъ формамъ, и посовѣтовавшись съ модисткой, опять-таки сами придумаете себѣ нарядъ.

Зачѣмъ же вамъ эти картинки модъ?

Не лучше ли редакціи употребить деньги, бросаемыя за картинки модъ, вовсе безполезныя, на что-либо другое, болѣе дѣльное?

Вотъ вопросъ, заданный себѣ Сыномъ Отечества, и—въ отвѣтъ:

Съ будущаго 1851 года, будутъ прилагаться только четыре картинки модъ, но выборъ ихъ будетъ гораздо строже и соответственнѣе цѣли: будутъ моды осеннія, зимнія, весеннія и лѣтнія. Картинки будутъ сочинены съ цѣлью, соответствующею потребностямъ нашего климата, и будутъ выходить со-врем-

Въ прочіе же восемь мѣсяцевъ, вмѣсто швейцарикъ, совершенно безболезненныхъ картинекъ модъ, будутъ прилагаемы, собственно по случаю модъ, рисунки для вышиванья по канвѣ и гонд, выкройки чепчиковъ, пелеринекъ и др. Изъ каждой выкройки будетъ прилагаемъ рисунокъ ея, въ совершенно окончательномъ видѣ, а не такъ-какъ дѣлается по-сіе-время даже въ специально модныхъ лѣсткахъ. Выкройка есть, а между-тѣмъ юная судитъ о томъ, краснѣе ли будетъ парадъ въ окончательномъ видѣ.

Таковы планшоны Сына Отечества на счетъ этого Отдѣла. Мы приглашаемъ о нихъ равне, чтобы имѣть время принять и обдумать всякое возраженіе или замѣчаніе.

Въ заключение скажемъ нѣсколько словъ о новѣйшихъ модахъ, соответственныхъ времени года:

Нарядъ для утреннихъ визитовъ. Платье изъ голубаго *гросенангл-гласэ* (*gros de-Naples-glacé*). Талія высокая, съ вырѣзомъ спереди; рукава несомнѣнно длинныя, изъ-подъ которыхъ выодитъ кружевной рукавчикъ. По краямъ талии и рукавовъ нашта собранная лента. Шемизетка съ вышивкой и кружевами. Передъ платья отдѣланъ въ видѣ передника, кружевами, нашими волпообразно. На каждомъ фестонѣ бантъ изъ голубыхъ ситъ. Мантилья бѣлая, съ концами напередн, отдѣлана очень широкими кружевами. На рукахъ браслеты съ камнями и малю. Мы видѣли одинъ браслетъ, въ которомъ были вѣдланы аленькіе, дамскіе часы. Это весьма изящно. Шляпка бѣлая глянзая, гладкая, украшенная перьями. Къ полямъ шляпки рѣшиты широкія кружева, перекинутыя на шляпку.

Поля шляпки шире прошлогоднихъ.

Другой нарядъ. Платье изъ шолковой зеленой клѣтчатою матеріи, фасона амазонки (*à l'amazone*), т. е., талія съ каракко, истегнута напередн большими пуговицами. Шляпка атласная вицоваго цвѣта, съ перьями. Подъ полями шляпки—пуговья ленты, перемѣшанныя съ блондой. На одной рукѣ браслетъ съ истежкой, эмальированной въ видѣ лѣстка. Въ другой рукѣ чаша на кольцѣ, надѣтомъ на палецъ. Цѣпь отъ часовъ обвита вокругъ руки, вмѣсто браслета. Перчатки шоколаднаго цвѣта. апожки—чорныя, атласныя, съ каблучками. Вмѣсто мантильи—орный, кружевной платокъ.

Бальный костюмъ: Платье изъ розоваго газа въ два тона. По краямъ обѣихъ юбокъ нашиты въ три ряда розовыя, распушенные бахромкой ленты. Талія съ длиннымъ шнуромъ открытая, отдѣланная драперн. Рукава короткіе, съ двумя велькими буфами по краямъ. Сверхъ этихъ рукавовъ идутъ другіе, довольно широкіе рукава, въ видѣ греческихъ, и доходятъ до локтя. Края этихъ рукавовъ обшиты распушенной ленточкой. На шеѣ—нитка жемчужныхъ бусъ. Серьги—бриллиантовыя безъ подвѣсокъ. На головѣ—гирлянда изъ листьевъ и бѣлыхъ цвѣточныхъ почекъ, положенная сверхъ буколь, завитыхъ вокругъ всей головы. На груди букетъ изъ зелени и бѣлыхъ цвѣточныхъ почекъ. Перчатки короткія, бѣлыя. На обѣихъ рукахъ по нѣскольку различныхъ браслетъ. Чулки узорчатые. Башмаки—французскіе, черныя атласныя, съ большими кокардами изъ лентъ.

Другой нарядъ: Платье изъ бѣлаго mousseline à vapeur, (шрообразной кисеи), украшенное кружевными фалбалами, довольно рѣдко одна отъ другой нашитыми. Между фалбалами выжешь рюшь въ два ряда. Талія украшена бертой, сдѣланной изъ кружевъ, положенныхъ въ два ряда. На груди бузетъ изъ пунсовыхъ цвѣтовъ. Волосы—спереди двѣ буки, одна надъ другою; назадъ—бантъ изъ неплетенныхъ волосъ, приколотый грѣбенкой. Гирлянда—изъ пунсовыхъ цвѣтовъ, положенная вокругъ головы, оканчивается вѣткой, спускающейся почти до шен. Сапожки—бѣлыя, атласныя. Въ рукахъ рѣзной вееръ.

Наряды эти списаны съ натуры, съ математическою точностью. Они очень понравились намъ, понравились тѣмъ болѣе, что дивно, увлекательно хороши были существа, оживляющія такъ—сказать, эти изящныя оболочки.... При видѣ ихъ

И старецъ изнуренный, хилый,
Стоящій на краю могилы,—
Вновь ощутить въ себѣ здоровье, прежни силы—
Еще его продлится вѣкъ.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ.

НА ПРИЗЪ.

ПОСЛОВИЦА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ;

СОЧИНЕНІЕ

Альфреда де-Мюссе.

Приложеніе къ журналу: Сынъ Отечества.

КАПРИЗЪ.

Пословница въ одномъ дѣйствіи, Альфонда де-Мюссе.

дѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

Де Шавиньи.—Матильда, жена его.—Г-жа де Лери.

Спальня Матильды.

СЦЕНА I.

МАТИЛЬДА одна, за работою.

Матильда. Еще пашаго, в я окончу (*звонитъ, выходитъ слуга*). Отъ Жаниле еще не приходило?

Слуга. Нѣтъ еще, сударыня.

Матильда. Это несносно! Сходить еще разъ; да поскорѣе (*слуга уходитъ*). Я должна была взять первыя поцавціася кисточки; восемь часовъ, онъ одѣвается, и я увѣрена придетъ, когда еще ничего не готово. Еще день пропадаетъ (*встаетъ*). Взять кошелекъ мужу—тайно, это въ глазахъ многихъ можетъ показаться слишкомъ романическимъ. И послѣ года замужства. Что скажетъ, напримѣръ, мадамъ Лери, если узнаетъ? Что наконецъ самъ онъ подумаетъ? Но... если его разсвѣшаютъ таинственность, то все-таки подарокъ будетъ ему пріятенъ. Къ

чему она въ-самомъ-дѣлѣ? Не знаю, но мнѣ кажется, что безъ нея я не работала-бы отъ чистаго сердца.

При немъ я, кажется, работая, говорила-бы ему: «видите, какъ я объ васъ думаю? Это походило-бы на упрекъ, между тѣмъ какъ, увидавъ оконченную работу, я увѣрена, онъ самъ сознается, что я объ немъ думаю.

Слуга (возвращается). Сударыня, прислали отъ ювелира.

(Подаетъ ей пакетъ).

Матильда. Наконецъ-то! *(садится).* Придетъ нужъ—сказать мнѣ *(слуга уходитъ).* И такъ, мой милый, маленькій кошелекъ, ны окончательно принарядился. Посмотрите-ка, какъ вы стали интересны. Не дурно. Какъ-то только будете вы приняты? Перескажете-ли вы все удовольствіе, съ какимъ васъ визали, всѣ заботы, которыя посвящали вамъ, чтобъ сдѣлать вашу маленькую особу интересною. Васъ хотѣли показать въ полномъ блескѣ—вы заслуживаете поцалуй *(цалуетъ кошелекъ и оставливается).* Бѣдное дитя! Ты недорого стоишь, за тебя не дадутъ и двухъ лундоровъ, но отчего мнѣ такъ грустно съ тобою разставаться?

Не былъ-ли ты начатъ съ тѣмъ, чтобы быть какъ некое скорѣе оконченнымъ? Ахъ! я начала тебя радостно, а какъ оканчиваю?... И только двѣ недѣли всего прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ я тебя начала; только двѣ недѣли, возможно-ли это? А сколько я перенесла въ эти двѣ недѣли.... Не поздравил ны явились, маляутка? Чтò за черныя мысли!... Кто-то идетъ.... это онъ; онъ меня еще любить.

Слуга (докладываетъ). Его Сіятельство, сударыня.

Матильда. Ахъ, Боже мой! Я пришла одну только кисточку... другую забыла. Какъ глупо! И сегодня я не могу отдать. Пусть подождетъ немножко.... минуточку, тамъ въ залъ.... поскорѣе, пока онъ не вошелъ.

Слуга. Онъ уже здѣсь.

(Уходитъ, Матильда поспѣшно прячетъ кошелекъ).

С Ц Е Н А II.

МАТИЛЬДА И ДЕ ШАВИНЬИ.

Шавиньи. Pourquoi, ma chère; я вамъ помѣшалъ?

Матильда. Мнѣ Генрихъ?... Что за вопросъ?

Шавиньи. Вы встревожены, озабочены. Входя къ вамъ по-снѣжно, я всегда забываю, что я вашъ мужъ.

Матильда. Въ вашихъ словахъ много злости; но въ нихъ также немного и любви, и за это нельзя не обнять васъ (*целуетъ его*). Чѣмъ же вы себя представляете, забывая, что вы мой мужъ?

Шавиньи. Твоимъ другомъ, моя крошка; не такъ ли?

Матильда. Другомъ, ты не ошибся (*Про себя*). Не отдашь-ли ему кошелекъ, какъ онъ есть.

Шавиньи. Въ какомъ-же ты платьѣ? Развѣ ты никуда не поѣдешь?

Матильда. Нѣтъ; я думала, я надѣялась.... что, можетъ-быть....

Шавиньи. Вы надѣялись?... Что такое?

Матильда. Нѣтъ, я только такъ.... Ты собрался на балъ... какъ ты сегодня хорошъ!

Шавиньи. Не совсѣмъ... Моя ли это ошибка или моего портнаго, но я сегодня не похожъ на самого себя.

Матильда. Невѣрный! Смотришь въ зеркало, вы и не думаете обо мнѣ.

Шавиньи. Ба! О комъ же? Неужели вы думаете, что я ѣду на балъ веселиться, танцовать? Увѣрю васъ, для меня это пытка и — я ѣду.... такъ, самъ не зная для чего.

Матильда. Тѣмъ лучше! Значитъ, если я попрошу, такъ вы не поѣдете. Оставайтесь, мы будемъ одни, а я вамъ скажу....

Шавиньи. Кажется, твои часы отстаютъ. Не можетъ быть, чтобы было такъ рано....

Матильда. Въ это время никто не ѣздитъ на балъ, часы идутъ вѣрно. Мы только-что вышли изъ-за стола.

Шавиньи. Я уже приказал закладывать... Мне нужно сделать кое-какие визиты.

Матильда. А, это другое дело.... я.... я не знала, я не лагала...

Шавиньи. Что такое?

Матильда. Я не лагала... носилъ твоихъ словъ... но часъ ходить вѣрно, теперь не больше вѣсьма. Посвятите мнѣ одну минутку. Я хочу сделать вамъ сюрпризъ.

Шавиньи (вставая). Вы знаете, что я предоставлю вамъ пользоваться вашей свободой какъ угодно и изъязать, когда вамъ захочется. Не мѣшайте же и мнѣ... Согласитесь, что услуги должны быть обоюдны. Какой сюрпризъ вы мнѣ назначаете?

Матильда. Я... никакой... развѣ я что-нибудь говорила... вамъ, вѣрно, послышалось...

Шавиньи. Можетъ-быть. У васъ есть Штраусовы вальсы? Дайте мнѣ ихъ, если вамъ неужно.

Матильда. Вотъ они... вамъ они нужны теперь?

Шавиньи. Ну да, конечно... впрочемъ если это васъ не стѣсняетъ. У меня ихъ просилъ дня на два. Я ихъ не продержу.

Матильда. Это, вѣроятно, для м-нѣ де Бланвиля?

Шавиньи (свертывая ноты). Что такое? Вы говорите о м-нѣ де Бланвиль?

Матильда. Кто, я? вовсе нѣтъ, я объ ней и не думала.

Шавиньи. Однако, теперь ужъ мнѣ не послышалось (*сидитъ*). Что вы это говорите о м-нѣ де Бланвиль?

Матильда. Я думала, что мои вальсы для нея.

Шавиньи. А почему же вы такъ думали?

Матильда. Почему... потому, что она ихъ любитъ.

Шавиньи. Да; впрочемъ и я тоже; да и вы, я думаю. Особенно одинъ.... какъ это.... Дайте припомнить.... я забылъ. Вы вѣрно знаете. Сыграйте.

Матильда. Не знаю, вспомню ли...

(*Сидитъ за фортепиано и играетъ*).

Шавиньи. Вотъ, вотъ! Превосходно. Подъ эти звуки какъ-то невольно вальсируешь; вы разыгрываете какъ артистъ.

Матильда. Неужели не хуже ея, Генрихъ?

Шавиньи. Кого это? мнѣ де-Блавиль? Кажется, вы очень занимаетесь ею.

Матильда. Ну, не совсѣмъ. Будь я мужчиною, она не вскружила-бы мнѣ головы.

Шавиньи. И вы были-бы правы. Мужчина никогда не долженъ позволить вскружить себѣ голову, ни женщины, ни вальсу.

Матильда. Вы будете сегодня играть, другъ мой?

Шавиньи. Е! дитя мое.... что за идея! Мы играемъ, но кто же рассчитываетъ играть?

Матильда. У васъ есть деньги?

Шавиньи. Можетъ-быть и есть. Развѣ вамъ нужно?

Матильда. Мнѣ, Боже мой! Что я съ ними буду дѣлать?

Шавиньи. Почему же и не нужно? Если дверь къ вамъ я отворяю очень скоро, то никогда не отворялъ вашихъ ящикковъ, и это удвоиваетъ мое преступленіе.

Матильда. Вы ждете, сударь; еще очень недавно я видѣла какъ вы ихъ отворяли, и оставили меня очень богатую.

Шавиньи. Нѣтъ, мой другъ, пока будутъ бѣдные—ты не богата. Я знаю, какое вы дѣлаете употребленіе изъ денегъ вашихъ, и прошу у васъ позволенія сотворить милостыню вашими руками.

Матильда. Милый Генрихъ! Какъ ты благороденъ и добръ. Ты поймишь то прекрасное утро, когда тебѣ приходилось расплачиваться съ кредиторами, и ты жаловался, что у тебя нѣтъ кошелька?

Шавиньи. Когда это? Ахъ, да, правда! Дѣло въ томъ, что прескверная вещь ввѣряться карманамъ, когда въ нихъ ничего нѣтъ.

Матильда. Любишь ты кошелекъ?... красный съ чернымъ?

Шавиньи. Нѣтъ, я не люблю красного. Ты мнѣ напомнила, что у меня со вчерашняго дня кошелекъ совсѣмъ новый.... Это подарокъ. Какъ вамъ нравится? *(показываетъ ей)* Со вкусомъ?

Матильда. Посмотримъ; покажите....

Шавиньи. Извольте.

(Показываетъ ей кошелекъ, она смотритъ и тотчасъ же возвращается).

Матильда. Это очень мило. Какого это цвѣта?

Шавиньи (смѣясь). Какого цвѣта? Вотъ нилый вопросъ!

Матильда. Я ошиблась.... я хотѣла сказать.... отъ кого онъ?

Шавиньи. А! Это мнѣ нравится; клянусь честью, ваши ошибки неподражаемы.

Слуга (докладывая). Мадамъ де-Лери.

Матильда. Я приказала отказывать.

Шавиньи. Нѣтъ, отчего-жъ, пусть войдетъ, зачѣмъ отказывать?

Матильда. Хорошо. Могу ли я наконецъ милостивый государь надѣяться, узнать автора этого кошелька?

СЦЕНА III.

Матильда, Шавиньи и мадамъ де-Лери (въ бальномъ нарядѣ).

Шавиньи. Войдите, м-ше, войдите, милости просимъ; нельзя было прѣхать болѣе кстати. Матильда сію секунду выказала такую вѣтренность, которая вполне выражаетъ ея золотую наивность. Вообразите, я показываю ей кошелекъ, вотъ этотъ...

Лери. Что же далѣе?

Шавиньи. Я ей показываю кошелекъ, она смотритъ, трогаетъ, перевертываетъ и, возвращая мнѣ, спрашиваетъ, знаете что? Спрашиваетъ, какого онъ цвѣта?

Лери. Ну что-жъ? Голубаго.

Шавиньи. Ну да, голубаго. Это-то и странно.... развѣ сіи трудно было разглядѣть.... нѣтъ, вѣдь вообразите, она спрашиваетъ!

Лери. Прекрасно. Bonsoir, chère Mathilde. Вечеромъ будете посланника?

Матильда. Нѣтъ, я думаю остаться дома.

Шавиньи. И вы не помпаете со свѣху отъ этой исторіи?

Лери. Какъ же.... Чей же работы этотъ кошелекъ? Да, я узнаю, это нѣтъ де-Блавиль.... Вы въ-самомъ-дѣлѣ остаетесь?

Шавиньи (быстро). Позвольте, почему вы такъ думаете?

Лери. Потому-что кошелекъ голубой. Я видѣла, какъ его взяли, чуть-ли не два столѣтія. Семь лѣтъ было употреблено на отдѣлку и, судите сами, сколько въ это время было перетнѣно назначеній! Въ мое знакомство съ нею, тронизъ принадлежитъ онъ по идѣ. Это у васъ сокровище, мосьё Шавиньи, вы сдѣлали истинное завоеваніе.

Шавиньи. Слушая васъ, можно подумать, что другаго кошелька нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Лери. Нѣтъ есть, но голубой—единственная вещь. Мнѣ притивенъ голубой цвѣтъ; онъ ничего не выражаетъ, это цвѣтъ самый глупый. И повѣрьте, я не ошиблась; подобную вещь довольно разъ видѣть, чтобъ узнать. Я обожаю лиловое, но голубаго терпѣть не могу.

Матильда. Это цвѣтъ постоянства.

Лери. Какже! Это—цвѣтъ парикмахеровъ. Я впрочемъ у васъ проѣздомъ, вы видите меня въ полной парадной формѣ. Въ эти страны должно вріѣзжать рано. Но почему-жъ вы не ѣдете?

Матильда. Я не расположена; теперь, впрочемъ, уже поздно.

Лери. Перестаньте, еще рано! Одѣньтесь! Мосьё Шавиньи ны спрячетъ за дверь, вѣстѣ съ его крошечною небелью. Я причешу васъ, уберу цвѣтами и сvezу въ каретъ. Не правда-ли вы согласны?

Матильда. Только не сегодня. Я рѣшительно остаюсь.

Лери. Рѣшительно, какъ будто это подписано. Мосьё Шавиньи, да упросите-же Матильду.

Шавиньи (сухо). Я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла.

Лери. Да, вѣдь вы любите голубое. Хорошо, слушайте-же: Знаете на что и я рѣшилась: дайте мнѣ чаю, и остаюсь у насъ.

Матильда. Какъ вы добры, моя милая Ернестина! Нѣтъ, я не хочу лишать балъ его лучшаго украшенія. Сдѣлайте туръ,

другой вальса, и въ одиннадцати часамъ возвращайтесь. Я васъ буду ждать, мы сидимъ у камина, будемъ болтать, вдвоемъ.... вдвоемъ, потому-что мосье Шавиньи насъ оставилъ.

Шавиньи. Я, вовсе нѣтъ; я еще не рѣшился.

Лери. Стало-быть, конечно—я ѣду. Да, знаете-ли мое несчастіе, меня обокрали, какъ въ лѣсу!

Матильда. Обокрали? Что вы хотите этимъ сказать?

Лери. Четыре платья, моя милая, четыре любимыхъ платья изъ Лондона погибли во время пересылки! Если бы вы ихъ видѣли, вы бы, вѣрно, заплакали. Пюсовое и зеленое съ синевагимъ отливомъ; никогда я не видала ничего подобнаго.

Матильда. Я вполне вамъ сочувствую. Развѣ ихъ испортили?

Лери. Представьте себѣ, они испортили мои платья, они испортили ихъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ?... Ужъ не знаю; вотъ что вчера случилось!

Шавиньи. Между ними не было голубаго?

Лери. Нѣтъ, мосье, ни одного. Прощай, дѣтя мое, я тамъ появлюсь, исчезну, и погружусь на весь вечеръ въ ваше кресла. Мы поболтаемъ о платьяхъ, поспѣемъ, не правда-ли? Нѣтъ, я вовсе не въ духѣ. Будемъ лучше разсуждать о чувствахъ, о страстяхъ... Впрочемъ все равно. Прощайте, рыцарь азбури. Если вамъ не нравится мое поѣзженіе, и, пожалуй, не вернусь.

СЦЕНА IV.

Шавиньи и Матильда.

Шавиньи. Какая болтливая сплетница! Вы превосходно выбираете друзей.

Матильда. Вамъ же было угодно ее пригласить.

Шавиньи. Держу пари, что вы думаете, что и-нѣ де-Бувиль взяла мой кошелекъ.

Матильда. Во все нѣтъ, вы вѣдь говорите, что это и правда.

Шавиньи. Я убѣждаю, что вы такъ думаете.

Матильда. Но почему вы убеждены?

Шавинь. Потому-что я изучилъ вашъ характеръ. Мнѣ дельери идогъ, которому вы поклоняетесь, и, сказать правду, въ этомъ нѣтъ ни на волосъ смыслу.

Матильда. Вотъ прекрасный комплиментъ; я его впрочемъ заслужила.

Шавинь. О, Господи! Заслужили-ли, нѣтъ-ли, я бы желалъ оубъ видѣть васъ откровенною, а не скрытною.

Матильда. Но если я этого не думаю. Нельзя же заставить себя думать такъ, для того только, чтобы показаться вамъ откровенною.

Шавинь. Я говорю вамъ, что вы такъ думаете — это... го—видно по лицу.

Матильда. Если это нужно, чтобы удовлетворить васъ—вольте, я согласна, я такъ думаю.

Шавинь. Вы такъ думаете? Еслибъ это такъ и было, го—жъ тутъ худаго?

Матильда. Ничего; я и не вижу, что тутъ скрытничать.

Шавинь. Я и не скрытничаю: это она вязала (*встаетъ*). ussoif; я, можетъ-быть, тотчасъ же возвращусь пить чай съ шею подругою.

Матильда. Непгі, не оставляйте меня такъ....

Шавинь. Чтѣ вы называете *такъ*? Развѣ мы поссорились? е знаю, что можетъ быть проще; илѣ подарилъ кошелекъ—я его ношу; вы спрашиваете кто—и я вамъ отвѣчаю. Ка-тея, нѣтъ ничего похожаго на ссору.

Матильда. Еслибъ я у васъ попросила этотъ кошелекъ, вы и принесли его илѣ въ жертву?

Шавинь. Можетъ-быть. Но зачѣмъ онъ вамъ?

Матильда. Нужно. Я васъ прошу.

Шавинь. Я думаю, носить его вы не будете. Спрашивается: ъ вы съ нимъ будете дѣлать?

Матильда. Я буду его носить.

Шавинь. Какой неловкій предлогъ! Вы будете носить ко-лекъ, работы и-мъ де Бланвиль?

Матильда. Почему же нѣтъ? Вы же его носите?

Шавиньи. Прекрасный отвѣтъ! Да я вѣдь не женщина.

Матильда. Ну что жъ?... Если не буду носить, такъ брѣшь въ камень.

Шавиньи. А! Наконецъ-то вы откровенны! И такъ — ревность за искренность, я его оставляю у себя, съ вашего позволенія.

Матильда. Какъ вамъ угодно; но увѣрю васъ, что мнѣ очень непріятно, что всѣ будутъ знать, кто его дѣлалъ, и вы всѣмъ будете его показывать.

Шавиньи. Показывать? Какъ-будто это трофей?

Матильда. Выслушайте меня, прошу васъ, и дайте мнѣ вашу руку (обнимаетъ его). Вы меня любите, Генрихъ? Отвѣчайте.

Шавиньи. Люблю и ввѣрю.

Матильда. Увѣрю васъ, что я вовсе не ревнива, но если вы отдадите мнѣ этотъ кошелекъ.... по дружбѣ, я вамъ буду отъ всего сердца благодарна. Я хочу предложить вамъ какой-нибудь промѣнъ, и я думаю, — даже надѣюсь, что вы тутъ ничего не потеряете.

Шавиньи. Посмотримъ вашъ промѣнъ; что это такое?

Матильда. Если вы согласитесь, такъ узнаете. Но... отдайте мнѣ кошелекъ на слово; вы меня осчастливите.

Шавиньи. Я ничего не даю на слово.

Матильда. Но если я васъ попрошу, Генрихъ?

Шавиньи. Ни за что.

Матильда. Если я васъ буду умолять — у вашихъ ногъ?

Шавиньи. Перестаньте, Матильда! Я, въ свою очередь, прошу. Вы знаете, что я терпѣть не могу подобныя сдѣлания. Я не могу вынести униженія, особенно въ настоящемъ случаѣ. Это слишкомъ отзывается ребячествомъ, и если вы серьезно требуете, то я брошу этотъ кошелекъ въ огонь самъ, въ вашу руку, безъ всякаго промѣна. Итакъ, встаньте, больше не говорите объ немъ. Прощайте, вечеромъ увидимся.

(Уходитъ).

С Ц Е Н А V.

Матильда (одна).

Мнѣ не удалось сжечь тотъ кошелекъ—такъ я сожгу этотъ! Подходитъ къ секретеру и вынимаетъ кошелекъ своей работы).

Бѣдное дитя! Давно ли я тебя цаловала; ты помнишь мое слово? Мы появились поздно—ты видишь это!.... Ты ему не нуженъ, ему больше и я не нужна.... (Садится).

Какъ глупо вѣрить мечтамъ: онъ никогда не осуществляютъ. Зачѣмъ же эта боязнь, это непобѣдимое очарованіе, которыми заставляютъ насъ лелѣять одну мечту. Зачѣмъ столько напущенія ее преслѣдовать, сохранять въ тайнѣ? Зачѣмъ все это? Чтобы потомъ плакать? Чего хочетъ безжалостный слушай? Сколько препятствій, сколько тайныхъ моленій на пути къ исполненію самаго чистаго удовольствія, самой завѣтной надежды!

Вы сказали правду, сіятельный графъ, я предавалась ребячеству, но мнѣ было отрадно предаваться ему, и вы, твердый въ своемъ вѣроломствѣ, много ли вамъ стоило удовлетворить этому ребячеству? Ахъ, онъ меня больше не любитъ, онъ меня больше не любитъ; онъ васъ любитъ, Madame де-Бланвиш!

(Плачетъ).

Довольно! Больше нечего думать объ этомъ. Бросимъ въ каминъ дѣтскую побрякушку, которая явилась такъ не своевременно. Если я подарю ему кошелекъ сегодня, завтра же онъ его потеряетъ. Ахъ, въ этомъ нечего сомнѣваться—это такъ. Онъ оставитъ мой кошелекъ валяться на столѣ, Богъ-знаетъ гдѣ, между бумагами, а другой будетъ съ нимъ неразлученъ; играетъ карты, онъ вынетъ его съ гордостью; я буду видѣть его на самомъ значительномъ мѣстѣ письменнаго стола—и догадываться, что въ немъ все богатство Генриха. Боже мой, какъ я несчастна! Я ревнива!... Только этого не доставало. (Хочетъ сжечь кошелекъ и останавливается).

Чѣмъ ты виноватъ? Зачѣмъ разрушать тебя, грустное произведеніе моихъ рукъ? Не твоя вина; и ты ожидалъ, и ты надѣялся! Твои свѣжіе цвѣта не поблекли отъ этой жестокой развязки; теперь ты ниѣ еще болѣе нравишься, я люблю тебя—сердце мое говоритъ ниѣ это; въ этой ничтожной бездѣлкѣ пятнадцать дней моей жизни; ниѣтъ, рука, тебя создавшая, не убьетъ тебя; я хочу сохранить, хочу одушевить тебя; ты будешь для меня самымъ заветнымъ воспоминаніемъ—тамъ ниѣсто у моего сердца; ты напомнишь ниѣ добро и зло моей жизни, мою любовь къ нему, его забвеніе, его капризы; кто знаетъ? можетъ-быть, и тебя, здѣсь сокрытаго, придется открывать....

(Садится и пришиваетъ послѣднюю кисточку).

С Ц Е Н А VI.

МАТИЛЬДА И МАДАМЪ ДЕ-ЛЕРИ.

Лери. *(За сценою).* Ни души! На что это похоже? Здѣсь ходить какъ на мельницѣ.

(Отворяетъ дверь и докладываетъ слыясь).

Madame де-Лери!

(Входитъ; Матильда встаетъ).

Еще разъ bonsoir, chère; ни одного человека у васъ ниѣтъ; я ужъ вездѣ перебыла, чтобы кого-нибудь найти. Уфъ, устал!

(Садится).

Матильда. Снимайте вашу шляпку.

Лери. Сію секунду, утомилась. Нравится вамъ эта лисица? Говорятъ она вывезена изъ Ефіопіи—не знаю откуда; ниѣтъ, привезъ это г. де-Лери изъ Голландіи. Я нахожу это страшнымъ, безвкуснымъ; всего только надѣну, изъ вѣжливости, раза три, и потомъ отдамъ Урсулѣ.

Матильда. Горничной не пристало носить такую вещь.

Лери. И то правда; я сдѣлаю маленькій коверъ.

Матильда. Ну, что? Весело было на балѣ?

Лери. Ну, Богъ съ нить, съ этицъ бадонъ, я вѣдь не была тамъ, Вы не знаете, что со мною случилось?

Матильда. Такъ вы туда и не ѣздили?

Лери. Почти что такъ. Я ѣхала, только не довѣхала. Это уморительно! Представьте себѣ самый великолѣпный поѣздъ! Однихъ каретъ я не знаю сколько... цѣпь... безконечная цѣпь... (*Громко смѣется*). Можетъ-быть вы боитесь подобнѣе вещей?

Матильда. Да, я терпѣть не могу екинажной суматохи.

Лери. Это ужасно, когда женщина одна. Я приказываю кучеру ѣхать—онъ хотъ бы тронулся съ мѣста; это меня изобресло! Я было вздумала сама сѣсть на козлы и, увѣряю васъ, прерѣзала бы весь цугъ. Но вѣдь какое глупое положеніе! Въ бальномъ нарядѣ, цѣлый часъ слушать, какъ дождь ударяетъ въ каретныя стекла и любоваться людьми подъ зонтиками, которые пробираются мимо каретъ, по грязи. Я приказала кучеру воротиться—и конченъ балъ!

Впрочемъ, я очень довольна, вашъ каминъ меня утѣшаетъ, я воскресая здѣсь.

(*Снимаетъ шляпку, Матильда звонить, входитъ слуга.*)

Матильда. Чаю!

(*Слуга уходитъ*).

Лери. Развѣ мосьё Шавиньн уѣхалъ?

Матильда. Да, и, я думаю, онъ будетъ настойчивѣе васъ.

Лери. Между нами: мнѣ кажется, онъ меня очень не жа-
луетъ?

Матильда. Ошибаетесь, увѣряю васъ, онъ сто разъ говорилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, вы одна изъ самыхъ прелестныхъ Парижанокъ.

Лери. Въ самомъ дѣлѣ? Это очень вѣжливо съ его стороны; я нахожу, что онъ тоже не дурень. Позвольте мнѣ булавку.

Матильда. Она возлѣ васъ.

Лери. Эта Пальмира дѣлаетъ платье такъ, что ихъ вовсе не чувствуешь на плечахъ; такъ и кажется, что оно сваливается. Это она вамъ дѣлала рукава?

Матильда. Да.

Лери. Очень мило, прекрасно, очень мило. Нынче только и говорятъ узкіе рукава, но я долго не рѣшалась на это. Я нахо-

жу, что не нужно быть очень жирною, чтобы носить ихъ, иначе будешь похожа на стрекозу на тоненькихъ лапкахъ, но съ толстыми туловищемъ.

Матильда. Мнѣ нравятся ваши сравненія.

(*Приносятъ чай*).

Лери. Не правда ли? Да, вотъ вамъ, mademoiselle Сент-Анжъ. Впрочемъ, худощавымъ это тоже не идетъ, потому-что тогда уже ничего ровно не останется. Теперь много говорятъ о маркизѣ д'Ермонтъ. Видѣла я ее! Я вамъ говорю, она такъ граціозно держится, будто нечаянно проглотила аршинъ. Это, если хотите, и хорошенькая головка, но въ цѣломъ будто вздернутая на кончикъ шеста.

Матильда (смѣясь). Вы не откажетесь отъ чая?

Лери. Я попрошу только чуть-чуть горячей воды, каменному чаю и крошечку сливокъ.

Матильда. (Наливая чай). Будете вы завтра у М-ме д'Егль? Если хотите, поведете вѣстѣ.

Лери. Ахъ! М-ме д'Егль! Вотъ еще другая съ своею прическою и ногами. Она удивительно похожа на метлу, знаетъ, которою сметають паутины. (*Прихлебываетъ чаю*). Однако, я поѣду завтра. Нѣтъ, я и забыла, что не могу, я завтра должна быть въ концертѣ.

Матильда. Правда, она довольно смѣшна....

Лери. Посмотрите на меня прямо, прошу васъ.

Матильда. Зачѣмъ?

Лери. Посмотрите на меня прямо, откровенно.

Матильда. Что вы находите во мнѣ необыкновеннаго?

Лери. Да, въ-самой-дѣль, у васъ глаза красные, вы плакали, это ясно, какъ день. Что съ вами, милая Матильда?

Матильда. Увѣрю васъ, ничего. Я не знаю, съ чего вы это взяли?

Лери. Я тоже ничего не знаю, но вы плакали, я вамъ повѣшала, и увѣжаю.

Матильда. Ахъ, нѣтъ! Я умоляю васъ остаться.

Лери. Вы отъ души это говорите? Извольте, я остаюсь, но вы мнѣ откроете вашу горе (*Матильда отрицательно качаетъ головою*). Нѣтъ? Стало-быть, я увѣжаю, потому-что повѣшала,

если и вамъ не нужна, я поневоля буду только надоедать вамъ.

Матильда. Останьтесь, ваше присутствіе мнѣ необходимо, вашъ разговоръ меня занимаетъ и, если бы я имѣла какую-нибудь неприятность, ваша веселость ее разсѣетъ.

Лери. Перестаньте; вы знаете, что я васъ люблю, и легко мнѣ повѣрите, что никто не можетъ быть серьезнѣе меня въ серьезныхъ дѣлахъ. Я не понимаю, какъ можно играть сердцемъ и; взглянувъ на меня, многіе во мнѣ обманываются. Я знаю, что значить страдать; меня очень рано этому научили. Я знаю также, что значать неприятности, и если то, что тяготитъ васъ, можно открыть другу, говорите скорѣе, потому-что меня побуждаетъ не простое любопытство.

Матильда. Я вѣрю вамъ, потому-что вы добры и открытосердечны, но позвольте мнѣ не повиноваться вамъ.

Лери. Ахъ, Боже мой! Это все я виновата! Это, вѣрно, голубой кошелекъ? Я сдѣлала непростительную глупость, назвавъ мнѣ де-Бланвилъ. Я уже думала объ этомъ, оставивъ васъ. Развѣ Шавиньи свелъ съ ней интригу?

Матильда встаетъ, не въ состояніи отвѣчать, отворачивается и прижимаетъ платокъ къ глазамъ.

Лери. Возможно ли? Продолжительное молчаніе. *Матильда сидитъ взадъ и впередъ, потомъ садится въ другомъ углу комнаты. М-мъ де-Лери что-то думаетъ. Она встаетъ и приближается къ Матильдѣ; Матильда подаетъ ей руку.*

Лери. Вы знаете, другъ мой, что дантисты, производя операцію, говорятъ чтобы пациенты кричали. Я тоже говорю вамъ: плачьте, плачьте! Отрадныя или печальныя слезы всегда облегчаютъ душу.

Матильда. Ахъ, Боже мой!

Лери. Но подобная вещь невѣроятна! Развѣ можно любить адамъ де-Бланвилъ, жалкую, отцвѣтшую кокетку, въ которой нѣтъ ни ума, ни красоты? Она вашего мизинца не стѣитъ!

Матильда (рыдая). Я убѣждена, что ее любить; въ этомъ я убѣждена.

Лери. Нѣтъ, мое дитя, этого не можетъ быть, это такъ, карнизъ, фантазія. Я знаю Шавиньи больше, чѣмъ онъ думаетъ;

онъ ласковымъ слѣнъ—это правда, но онъ не дурной человекъ. Онъ просто вспылалъ; вы передъ нимъ, вѣрно, плакали?

Матильда. О, нѣтъ, никогда!

Лери. И хорошо сдѣлала; меня бы не удивило, еслибы онъ былъ этихъ довазень.

Матильда. Доволенъ? доволенъ, види мени въ слезахъ?

Лери. Е, Боже мой, да! Вчера мнѣ только минуло 25 лѣтъ, но я очень хорошо знаю, что это въ порядкѣ вещей. Какъ было дѣло?

Матильда. Но... я не знаю...

Лери. Рассказывайте. Развѣ вы неслѣ бонтеесь? Я хотѣю тотчасъ же разузнать васъ; если нужно, чтобы заодужить эти довѣрие — довѣрие съ моей стороны, и докажу вамъ, что отъ васъ у меня вовсе нѣтъ секретова; но будьте и вы осторожны со мною; если это необходимо, и поблагодарю. Что вамъ угодно знать изъ моей жизни?

Матильда. Мой лучший другъ, и вамъ все открою, и эти предаюсъ вамъ. Забѣе нѣтъ ничего важнаго, но я сдѣлала глупость, которую никогда не прощу себя. Я вышлала г-ду Швиннѣ малевскій кошелекъ втайнѣ, и разсчитывала сегодня подарить ему. Пятнадцать дней я его не видала, онъ все это время проводитъ у м-ше де-Бланвилла. Предложить ему этотъ незначительный подарокъ все-равно, что сдѣлать тонкій упрекъ въ неосторожствѣ, и показать, что она всегда остается мнѣ одна. Только-что я хотѣла подарить ему свой кошелекъ — онъ вынулъ другой....

Лери. Я еще не вижу о чемъ тутъ плакать.

Матильда. О нѣтъ, есть о чемъ плакать, потому-что я сама сдѣлала страшную глупость; я попросила у него кошелекъ.

Лери. А! Это не дипломатически.

Матильда. Это еще не все, Ернестина. Онъ мнѣ отказалъ... И потомъ, Боже мой!.. и такъ унизилась...

Лери. Потомъ?

Матильда. Потомъ я просила его на колѣняхъ. Я хотѣла, чтобы онъ мнѣ пожертвовалъ этой дрянью, взявъ моего кошелекъ. Я просила... я умоляла...

Лери. И онъ отказалъ; это такъ! Бѣдная женщина! Онъ васъ не достоинъ.

Матильда. Ахъ, нѣтъ; несмотря на все, я не вѣрю....

Лери. Ваша правда, я не так выразилась. Онъ достоинъ и любить васъ, но онъ мужчина и мужчина, гордый. Какая жалость! Гдѣ же вашъ кошелекъ?

Матильда. Вотъ онъ, на столѣ.

Лери. (Разоматривая кошелекъ) Этотъ самый? Поздравляю васъ, милая, онъ вчетверо лучше того кошелька. Во первыхъ, онъ не голубой; во вторыхъ, онъ изященъ. Дайте его мнѣ, и я ручаюсь, что мужъ вашъ согласится, что онъ сдѣлалъ се вамъ сохъ.

Матильда. Возмите. Вы возвращаете мнѣ жизнь.

Лери. Поступить такъ, годъ послѣ свадьбы—это безчеловѣчно! Здѣсь, вѣрно, не обошлось безъ спасенъ со стороны этой Бланвиль. Я ненавижу ее съ ногъ до головы. Ея глаза, чуть-чуть не хватаютъ до подбородка. Матильда, хотите сдѣлать кое-что? Худаго отъ этого ничего не будетъ, вы только поправите свою ошибку. Вашъ мужъ вечеромъ будетъ здѣсь?

Матильда. Я за это не ручаюсь... но онъ обидѣлся.

Лери. Какъ вы разстались?

Матильда. Я была очень печальна, онъ былъ очень суровъ.

Лери. Придетъ. Рѣшитесь ли вы на то, что я предложу вамъ? Если я что-нибудь задумала, должно дать свободный полетъ моему фантазю; я себя знаю, и только въ такомъ случаѣ успѣваю.

Матильда. Приказывайте—я повинуюсь.

Лери. Ступайте въ этотъ кабинетъ, одѣвайтесь какъ можно поспѣшнѣе и садитесь въ мою карету. Я не совѣтую вамъ вѣхать на балъ; но пріѣхавъ назадъ, говорите, что вы тамъ были. Вы можете вѣхать, куда вамъ угодно, къ Инвалидамъ, въ Бастилію. Конечно все это не очень весело, но и тамъ можно не уснуть со скуки. Теперь возьмите вашъ кошелекъ и заверните въ эту бумагу; адресъ сдѣлаю я. Прекрасно. Теперь, вотъ въ чемъ дѣло. На углу этой улицы прикажите остановиться, велите моему груму принести сюда этотъ пакетъ, отдать первому встрѣчному человѣку, и исчезнуть безъ всякаго объясненія.

Матильда. Что-жъ изъ этого будетъ?

Лери. Что будетъ, дитя мое, сказать невозможно, я постою-

трудно можно-ли что сдѣлать. Разъ навсегда, вы мнѣ отрече-
тесь?

Матильда. Да, все на свѣтъ изъ любви къ нему.

Лери. Итакъ поѣзжайте! Карета готова.

Матильда. Это онъ; я слышу на дворѣ его голосъ.

Лери. Спасайтесь! Есть тамъ другой ходъ?

Матильда. Къ счастью. Но я не такъ одѣта; кто повѣритъ,
что я была на балу?

Лери. (Снимая съ головы гирлянду, отдаетъ ее Матильдѣ.)
Возьмите, на дорогѣ надѣнете.

СЦЕНА VII.

МАДАМЪ ДЕ-ЛЕРИ одна.

На колѣняхъ! Такая женщина на колѣняхъ! И этотъ госпо-
динъ отказалъ ей! Женщина двадцати лѣтъ, прекрасная, де-
жна просить, какъ милости, чтобы удостоили принять ве-
шелекъ ея работы, вмѣсто подарка ш-ше де-Бланвиль... Но
какая страшная бездна мужское сердце! А! Клянусь, мы заста-
вимъ ихъ цѣнить себя. Садится и развертываетъ попавшу-
юся на столъ брошюру. Минуту спустя за дверью раздаются
шаги.

СЦЕНА VIII.

Г-ЖА ДЕ-ЛЕРИ, ШАВИНЬИ.

Лери. (читая съ напряженнымъ вниманіемъ) *Vonsoig*, графъ.
Хотите чаю?

Шавиньи. Благодарю, я никогда не пью. (Садится и осма-
тривается.)

Лери. Весело было на балѣ?

Шавиньи. Такъ себѣ. Развѣ вы танъ не были?

Лери. Вопросъ не совсѣмъ учтивый. Нѣтъ, я не была танъ,
но отправила Матильду, которую, кажется, вы ищете.

Шавиньи. Вы шутите?

Лери. Съ какой стати? Извините, я читаю Revue; одна статья здѣсь меня очень интересуетъ. *Молчаніе. Шавиньи, встревоженный, встаетъ и начинаетъ ходить.*

Шавиньи. Такъ въ-самомъ-дѣлѣ Матильда на балу?

Лери. Развѣ вы не видите, что я ее жду.

Шавиньи. Это странно, она не хотѣла ѣхать, когда вы ей предложили.

Лери. Значитъ она передумала.

Шавиньи. Зачѣмъ же она не поѣхала съ вами?

Лери. Потому-что я не захотѣла ѣхать.

Шавиньи. Какъ-же она поѣхала безъ карты?

Лери. Она поѣхала въ мосей. Вы это читали, мосей де-Шавиньи?

Шавиньи. Чтѣ-такое?

Лери. Это Revue des Deux Mondes; тутъ очень-миленькая статья объ оранг-утангахъ.

Шавиньи. Объ комъ?

Лери. Объ оранг-утангахъ; это очень интересно.

Шавиньи. Я тутъ ровно ничего не понимаю. Чтѣ за идея ѣхать на балъ, не предупредивъ меня? Смолько ни думаю, не объюсю никакого толку.

Лери. Вы любите романы?

Шавиньи. Нѣтъ, не люблю.

Лери. Кого вы не любите?

Шавиньи. Вы надо мной смѣетесь.

Лери. Можетъ-быть; впрочемъ и не безъ основанія.

Шавиньи. Я объ женѣ своей говорю.

Лери. Развѣ вы преноручили низъ ее стеречь?

Шавиньи. Вы правы; я очень смѣшонъ. Я поѣду ее отыскивать.

Лери. Ба! Она къ тому времени, вѣроятно, воротится!

Шавиньи. Правда; объ этомъ я не подумалъ; я буду ждать дождусь (*садится у камина.*)

Лери (*бросивъ брошюру.*) Знаете, мосей Шавиньи, вы меня очень удивляете. Кажется, вы же говорили, что Матильда совершенно свободна и выѣзжаетъ во всякое время куда хотѣтъ?

Шавины. Развѣ это не правда? Вотъ вамъ и доказательство.

Лери. Нисколько; вы этииъ недовольны.

Шавины. Я? какое мнѣ до этого дѣла?

Лери. Вамъ не сидится на вреслѣ. Признаюсь, я считала васъ совѣтъ другиниъ человѣкомъ и, говоря откровенно, не дабы Матильдѣ своей кареты, еслибы знала, что изъ этого будетъ.

Шавины. Увѣрю, что нахожу это очень естественнымъ, и даже благодарю васъ.

Лери. Нѣтъ, увѣрю васъ, что вы меня не благодарите. Сказать правду, я думаю, она поѣхала, чтобы быть вистѣ съ вами.

Шавины. Это мнѣ очень нравится. Отчего жъ она не возила со мною?

Лери. Спросите; это и я ей говорила. Но вы, мужчины, не знаете женскаго сердца; вы совѣтъ другое дѣло — мы свободны и такъ и этакъ; мы не хотимъ и хотимъ. Вы дѣйствительно не пьете чаю?

Шавины. Нѣтъ, мнѣ вредно.

Лери. Такъ налейте мнѣ.

Шавины. Чтѣ вы говорите?

Лери. Налейте мнѣ чаю. (*Шавины встаетъ, наливаетъ чай и подаетъ г-жѣ Лери.*)

Лери. Прекрасно, поставьте. Много было гостей на балу?

Шавины. Не знаю.

Лери. Терпѣть не могу нынѣшнихъ баловъ; они ужасно похожи на трактиры; туда входятъ и выходятъ, сами не зная для чего. Настоящая нудольная комедія!

Шавины. Пейте же хоть вы чай; онъ почти кростыль.

Лери. Вы положили мало сахара. Дайте еще куса два.

Шавины. Смолдко угодно....

Лери. Хорошо, еще немного сливокъ.

Шавины. Довольны-ли вы наконецъ?

Лери. Теперь чашочку горячей воды. Налили? Дайте мнѣ чашку.

Шавины. Возьмите; только этииъ вы знаете чай не знаете.

Лери. Неужели?

Шавины. Безъ сомнѣнiя.

Лери. Почему же?

Шавиньи. Потому что это холодная перевалочная вода.

Лери. Если такъ, то чай нигуда не годится; вылейте. (*Шавиньи съ изумленіи беретъ чашку. Г-жа де-Лери смѣется, смотря на него.*)

Лери. Ахъ! Боже мой, какъ вы меня забавляете.

Шавиньи, выходя изъ террасы, выливаетъ чай въ каминъ, потомъ ходитъ взадъ и впередъ большими шагами, и говоритъ съ сердцемъ:

Вы правы, *parole d'honneur!* Я долженъ быть оцачъ сѣтшонтъ.

Лери. Я никогда не видала васъ ревнивымъ; но теперь вы настоящій Отелло.

Шавиньи. Цисколько; я не могу выдести, если кто стѣсняется, или изъ пустяковъ стѣсняется другихъ. Какъ-же вы хотите, чтобъ я былъ ревнивъ?

Лери. Подобно всѣмъ мужьямъ, изъ самолюбія.

Шавиньи. Ну, конечно. Всѣ женщины говорятъ: «Ревнивъ изъ самолюбія,» потому что фраза эта также изношена, какъ «вашъ покорный глуга.» Свѣтъ очень строгъ къ бѣднымъ мужьямъ.

Лери. Меньше однако, чѣмъ къ бѣднымъ женамъ.

Шавиньи. О! Боже мой, конечно; иначе быть не можетъ. Можно ли позволить женщинамъ жить на однихъ условіяхъ съ нами? Это явная несправедливость, которая сама бросается въ глаза. Тысяча вещей очень-важныхъ для нихъ, для насъ ровно ничего не значать.

Лери. Да, напримѣръ капризы.

Шавиньи. Ну, что-жь? хоть и капризы. Очень-естественно, что мужчина можетъ имѣть ихъ, и что женщина...

Лери. Иногда ихъ имѣть. Неужели вы думаете, что платье — талисманъ, отъ нихъ предохраняющій?

Шавиньи. Это барьеръ, которой долженъ ихъ удерживать.

Лери. Скорѣ вуаль, который ихъ прикрываетъ. Но, вы слышите шумъ; это, вѣрно, Матильда пріѣхала съ блану.

Шавиньи. Не можетъ-быть! Еще не перешло за полночь. Входитъ слуга и отдаетъ Шавиньи маленькій пакетъ.

Шавиньи. Что это? Откуда?

Слуга. Вашему сіятельству прислано (*Уходитъ. Шавиньи распечатываетъ пакетъ, въ которомъ кошелекъ Матильды.*)

Лери. Это не еще ли подарок вамъ прислали? Поздравляю.

Шавиньи. Что такое! Гей! Франсуа! Гей! Кто принесъ этотъ пакетъ?

Слуга. (входитъ) Что прикажете?

Шавиньи. Кто принесъ этотъ пакетъ?

Слуга. Швейцаръ, ваше сіятельство.

Шавиньи. И больше ничего? Письма нѣтъ?

Слуга. Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство.

Шавиньи. Давно это у швейцара?

Слуга. Только что принесли.

Шавиньи. Кто принесъ?

Слуга. Швейцаръ не знаетъ, ваше сіятельство.

Шавиньи. Не знаешь? Съ ума онъ, что-ли, сошелъ? Мужикъ или женщина?

Слуга. Человѣкъ въ ливреѣ, только онъ его не знаетъ.

Шавиньи. Онъ внизу, этотъ человѣкъ?

Слуга. Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, ушелъ.

Шавиньи. Ничего не сказалъ?

Слуга. Ничего, ваше сіятельство.

Шавиньи. Хорошо, ступай. (Человѣкъ уходитъ.)

Лери. Я думаю, графъ, васъ балуютъ. Если вы потеряете деньги, дамы въ этомъ не будутъ виноваты.

Шавиньи. Провалился я сквозь землю, если я тутъ хоть что-нибудь понимаю!

Лери. Переставьте, вы притворяетесь.

Шавиньи. Нѣтъ, честное слово, я не догадываюсь. Можетъ-быть, это насмѣшка?

Лери. Развѣ нѣтъ адреса?

Шавиньи. И въ самомъ-дѣлѣ есть. Это странно; я узналъ въ черкъ.

Лери. Позвольте взглянуть.

Шавиньи. Можетъ-быть, очень нескромно съ моей стороны вамъ показывать, но тѣмъ хуже для особы, приславшей мнѣ это. Возьмите. Я однако видѣлъ гдѣ-то подобный почеркъ.

Лери. Я тоже... даже очень-часто.

Шавиньи. Нѣтъ, не то... Что, это поддѣльный почеркъ?

Лери. Помилуйте это писано съ британскимъ хладнокровіемъ.

Взгляните, какъ закончены буквы, какая тоненькая бумажна. О! дама очень образована.

Шавиньи. Кажется, вы ее знаете?

Лери. (съ притворнымъ смущеніемъ) Я! Вовсе нѣтъ. (Шавиньи съ изумленіемъ на нее смотритъ, потомъ продолжаетъ ходить.)

Лери. Да, объ чемъ мы говорили? Кажется, о капризахъ; этотъ кошелекъ явился очень кстати.

Шавиньи. Сознайтесь; вы замѣшаны въ это дѣло?

Лери. Есть-же люди, которые ни за что не уиѣють взяться; на вашемъ мѣстѣ я бы давно угадала.

Шавиньи. Будьте такъ добры, угадайте.

Лери. Я думаю, это г-жа де-Бланвиль.

Шавиньи. Вы безчеловѣчны; знаете, что мы можемъ поспориться.

Лери. Очень вѣроятно, только не теперь.

Шавиньи. Вы ниѣ не хотите помочь рѣшить загадку?

Лери. Прекрасное занятіе! Перестаньте, можно подумать, что вамъ болѣе нечего дѣлать. Разгадаете ложась спать, и то только изъ вѣжливости.

Шавиньи. Тамъ еще есть чай? Миѣ хочется пить.

Лери. Я вамъ тотчасъ сдѣлаю; говорите-же послѣ этого, что я не добра.

Молчаніе.

Шавиньи, (прохаживаясь по комнатѣ.) Чѣмъ больше думаю, тѣмъ меньше понимаю.

Лери. Ахъ! Скажите пожалуйста, ужъ теперь больше ни о чемъ и думать нельзя, кромѣ этого кошелька. Я оставлю васъ съ этимъ сонникомъ.

Шавиньи. Рѣшительно, я терплюсь въ догадкахъ.

Лери. Я вамъ говорю, что это г-жа де-Бланвиль. Она раскаялась въ цѣлтѣ своего кошелька, и прислала вамъ этотъ, въ видѣ исправленія. Или еще лучше, она хочетъ испытать васъ, хочетъ видѣть, который вы будете носить, тотъ или этотъ.

Шавиньи. Конечно этотъ, это единственное средство узнать, кто его работалъ.

Лери. Я не ценю; для меня это очень глубокое слово.

Шавиньи. Я полагаю, что особа, мнѣ это приславшая, будет завтра въ моихъ рукахъ; вы думаете я лгу?

Лери. (защипывая змѣю.) Ахъ, какъ скоро; я этого не думаю.

Шавиньи. Не вы ли это наконецъ? *Молчаніе.*

Лери. Вѣтъ вамъ чай, приготовленный моего бѣлаго рукой; онъ повкусите чая вашей фабрикаціи. Да перестаньте такъ шутить на меня.

Шавиньи. Это вы; тутъ что-нибудь да кроется. Здѣсь есть заговоръ.

Лери. Заговоръ обдуманъ недурно.

Шавиньи. Сознайтесь, что это вы?

Лери. Не я.

Шавиньи. Прошу васъ.

Лери. Не я.

Шавиньи. Я васъ умоляю,

Лери. Просите на колѣняхъ. Мнѣ бытъ и я скажу.

Шавиньи. На колѣняхъ! Если хотите...

Лери. На колѣни! На колѣни!

Шавиньи. Серьезно? (Со смѣхомъ преклоняетъ колѣно.)

Лери. (сухо) Мнѣ нравится это положеніе; оно такъ идетъ къ вамъ. Впрочемъ совѣтую встать, чтобы не смѣшкомъ разжить меня.

Шавиньи. Итакъ вы не хотите сказать мнѣ?

Лери. Голубой големекъ у васъ?

Шавиньи. Не знаю, я думаю у меня.

Лери. Да и я тоже думаю. Дайте его мнѣ, я скажу, кто дѣлалъ другой.

Шавиньи. Такъ вы знаете?

Лери. Знаю.

Шавиньи. Женщина?

Лери. Разумѣется, не мужчина...

Шавиньи. Я хотѣлъ сказать: хорошенькая?

Лери. По вашему мнѣнію одна изъ самыхъ прелестныхъ Парижанокъ.

Шашины. Брикетка или блондинка?

Лери. Голубая.

Шашины. Съ какой буквы начинается ея имя?

Лери. Вы не хотите исполнить условія? Дайте мнѣ кошелекъ г-жи де-Бланвиль.

Шашины. Какого она росту?

Лери. Дайте мнѣ кошелекъ.

Шашины. Скажите, по-крайней-мѣрѣ, маленькая ли у нея ножка?

Лери. Кошелекъ или жизнь!

Шашины. Да вы скажете-ли мнѣ, если я вамъ отдамъ?

Лери. Скажу.

Шашины. Честное слово?

Лери. Честное слово. (*Шашины колеблется; г-жа де-Лери протягиваетъ руку, онъ на нее пристально смотритъ; потомъ садится возлѣ нея и говоритъ разсѣянно.*)

Шашины. Мы говорили о капризахъ. Итакъ вы утверждаете, что женщина можетъ имѣть ихъ?

Лери. Развѣ ваше дѣло объ этомъ спрашивать?

Шашины. Не совѣмъ; но вѣдь случается, что у женатаго челоука бываютъ два способа выраженій и до известной степени два рода дѣйствій.

Лери. Да, что-же нашъ договоръ? Вы, кажется, про него и забыли? Вы не помните наши условія.

Шашины. Женатый челоукъ остается все тѣмъ же челоукомъ; брачный контрактъ не производитъ метаморфозы, не измѣняетъ его; но обязываетъ иногда принимать на себя роль и разыгрывать ее въ обществѣ. Въ свѣтѣ должно только знать къ кому относится его дѣйствительный или предполагаемый разговоръ, къ обществу или къ отдельному лицу....

Лери. Хорошо, здѣсь можно выбирать любое; но какъ же это узнаеть общество?

Шашины. Я думаю, что для образованнаго общества это очень легко.

Лери. Стало-быть, вы не желаете узнать это знаменитое имя? Посмотримъ. Дайте мнѣ кошелекъ.

Шашины. Умная женщина на-примѣръ, — умная женщина такъ много знаетъ—по моему мнѣнью, что не должна ошибаться

въ истинномъ характерѣ мужнины; съ перваго взгляду она должна явственно видѣть....

Лери. Вы рѣшительно жалѣете кошелька?

Шавиньи. Кажется, вы слишкомъ о немъ беспокоитесь. Умная женщина, не правда-ли, должна распознавать особенности своего мужа и вообще мужнины. Но какъ вы теперь убраны? Прежде вы были въ цвѣтахъ.

Лери. Да, но это меня стѣсняло, а теперь нѣтъ свободы. Ахъ! Боже мой, какъ взбилась моя голова. (*Встаетъ и поворачивается передъ зеркаломъ*).

Шавиньи. У васъ самая стройная талія, какую я только когда-нибудь видѣла. Умная женщина, какъ вы....

Лери. Умная женщина, какъ я, не всегда найдется, когда нѣтъ дѣла съ умнымъ человекомъ, какъ вы.

Шавиньи. Пожалуй; я довольно изрядный нефиестосель.

Лери. Только, кажется, вовсе не для меня.

Шавиньи. Вѣроятно, этому обязанъ я сравненіемъ съ кѣмъ-нибудь другимъ?

Лери. Чтò вы этимъ хотите сказать?

Шавиньи. Я говорю, что если я вамъ не нравлюсь, значитъ другой уже предупредилъ меня.

Лери. Ваша скромность и учтивость не нѣшаютъ вамъ смѣяться; точно также, какъ никто не нравится мнѣ, и я не вѣнрана никого пѣвять.

Шавиньи. Въ ваши лѣта и съ этими чудными глазами, это невѣроятно.

Лери. Однакожъ, это чистая правда.

Шавиньи. Еслибы я вѣрилъ вашимъ словамъ, я получилъ бы самое скверное мнѣніе о мужнинахъ.

Лери. Я васъ очень легко могу въ этомъ увѣрить. Моя гордость не позволяеть мнѣ нѣтъ властелина.

Шавиньи. Однакожъ, она, вѣрно, согласится нѣтъ самого преданнаго раба?

Лери. Рабы или властелины, въ обоихъ случаяхъ мы тираны.

Шавиньи (вставая). Это отчасти справедливо, и признаться, въ этомъ отношеніи я всегда порицалъ поведеніе мужчинъ.

Не понимаю, откуда берется у них это сумасшествіе налагать оковы; оно заставляет их только ненавидѣть.

Лери. Это ваше задушевное интѣнсіе?

Шавины. Самое задушевное. Я не могу постигнуть, какъ можно воображать, что если мы сегодня правимся, то завтра мы уже имѣемъ право надеждать.

Лери. Однакожъ, это самое начало всеобщей исторіи.

Шавины. Да, и если бы мужчины руководствовались въ этомъ случаѣ здравымъ смысломъ, женщины не были бы такъ уныны.

Лери. И это возможно. Современныя связи сосредоточиваются въ бракахъ, но ужъ если дѣло коснулось до брачныхъ процессовъ, лучше объ нихъ и не вспоминать.

Шавины. Тысяча разъ справедливо! Но скажите же мнѣ, зачѣмъ все это такъ? зачѣмъ такъ много театральности и такъ много откровеннаго, задушевнаго? Молоденькая, хорошенькая женщина, которая встрѣтается свѣтскому человѣку, развѣ не должна его распознать? Воля ваша, но свѣтъ состоитъ изъ однихъ только глупцовъ.

Лери. Это вопросъ еще нерѣшенный.

Шавины. Положимъ теперь, что нашелся человѣкъ, который въ этомъ отношеніи, составляетъ исключеніе изъ человечества вообще; положимъ, что выискалась такая минута, что онъ можетъ высказать все, что у него на душѣ, безъ сожалѣній, безъ заднихъ мыслей, безъ недоразумѣній. (*Беретъ ее за руку*). Положимъ, что онъ говоритъ женщинамъ: Мы здѣсь одни, вы молоды и прекрасны, я вполне согласенъ съ вашими убѣжденіями, вполне сочувствую вашему сердцу. Тысячи минныхъ преградъ раздѣляютъ насъ, тысячи огорченій ожидаютъ, если мы рѣшимся завтра снова увидѣться. Ваша гордость не вынесетъ рабства, ваше благоразуміе не смесетъ оковъ; ни того, ни другаго у васъ и не спрашиваютъ. У васъ не требуютъ ни обѣщаній, ни клятвъ, ни пожертвованій. У васъ просятъ только одной свѣтлой улыбки этихъ розовыхъ губокъ, одного задушевнаго взгляда этихъ дивныхъ глазъ. Улыбнитесь, пока эта дверь затворена; ваша свобода за ея порогомъ; оставивъ коннату—вы ее снова найдете. Не думайте, что вамъ предлагаютъ наслажденіе, неодушевленное любовью; вамъ предлагаютъ

любовь без заботы, без сожалѣній. Одинъ словозъ, это капризъ, предметъ нашего диспута, но не слѣпой капризъ чувствъ, а капризъ сердца, который заражается мгновенно, но воспоминаніе о которомъ вѣчно.

Лери. Передъ этимъ вы говорили о театральности, хотя при случаѣ вы берете на себя довольно опасныя роли. Прежде, чѣмъ отвѣчать на вашъ вопросъ, мнѣ бы хотѣлось ~~вамъ~~ капризничать. Кажется, мое желаніе своевременно, потому что вы только что развили вашу теорію каприза. У васъ есть карты?

Шавиньи. Есть въ этомъ столѣ; что вы съ ними будете дѣлать?

Лери. Дайте мнѣ карты, это уже мое дѣло; вы должны виноваться, иначе будете самому себѣ противорѣчать. (Видергвакетъ карту изъ колоды.) Скажите, графъ, красная или черная?

Шавиньи. Позвольте узнать ставку.

Лери. Ставка будетъ по произволу выигравшаго.

Шавиньи. Идетъ! — Красная.

Лери. Валетъ пикъ; вы проиграли пари. Отдайте мнѣ голубой кошелекъ.

Шавиньи. Отъ всего сердца; но я сохранил краснѣй, и хотя дѣлать его извѣстна мнѣ, я никогда не сделаю ему ни малѣйшаго упрека, потому что теперь мнѣ извѣстна рука, сдавшая этотъ кошелекъ.

Лери. Это рука или ручка?

Шавиньи. Ручка, прелестная и вѣжная, какъ атласъ.

Лери. Вы ей позволите предаться вслѣпикъ ревности. (Бросаетъ въ каминъ голубой кошелекъ.)

Шавиньи. Ервостива! Я васъ обожаю!

Лери. (Наблюдаетъ горькіе кошелекъ; потомъ приближается къ Шавинье и кланяется говоря ему.) Вы больше не любите е-шу де-Бланшица?

Шавиньи. Но я никогда я не любилъ ее!

Лери. Мень еще меньше...

Шавиньи. Но кто могъ вамъ сказать, что я когда-нибудь думалъ объ этой... Не у нея мнѣ просить милостыню блаженствъ, но она въ состояніи мнѣ ее подарить!

Лери. Еще жене я. Вы сдѣлали для меня эту жертву, вы поступили очень вѣжливо; вѣжливость ваша не позволяетъ мнѣ васъ обманывать: красный кошелекъ не моей работы.

Шавицы. Не можетъ быть! Если такъ, чѣй-же?

Лери. Руки прелестнѣе и вѣжнѣе моей. Будьте такъ добры, вспомните свое прошедшее, и помогите мнѣ объяснить эту загадку. Вы объяснились мнѣ очень краснорѣчиво въ любви, вы стояли передо мною на коленяхъ—и при томъ замѣтите, подъ вами не было даже ковра. Я сказала одно слово—вы допустили меня съечь кошелекъ. Но, скажите, чѣмъ я все это заслужила? Чтò вы находите во мнѣ поразительнаго? Положимъ, я холода, недурна собою; дѣйствительно, нога моя очень маленькая—но все это наконецъ очень обыкновенно. Мы доказали другъ другу, что вы волокита, и что я кокетка, единственно потому, что теперь полночь. Этотъ поединокъ долго сохранится у насъ въ памяти. Кажется все. Вы смѣясь, принесли ничтожную жертву капризу, еще болѣе ничтожному; это не возбудило въ васъ даже сожалѣнія. Какъ-же объяснить ваше равнодушіе къ мольбамъ единственной женщины, которая васъ любить, единственной, которую любите вы? (*Слышенъ шумъ кареты.*)

Шавицы. Но... кто вамъ это сказалъ?..

Лери. Вы слышите шумъ, моя карета приѣхала за мною. У меня нѣтъ ни времени, ни желанія читать вамъ мораль; у васъ есть сердце—оно отзовется на мои слова. Если вы увидите Матильду съ заплаканными глазами, осушите ихъ этимъ носелькомъ—ея слезы узнаютъ его. Потому-что она, ваша прекрасная, добрая, вѣрная жена провела цѣлыхъ двѣ недѣли, безпрестанно объ васъ думая, чтобы сдѣлать вамъ пріятное—она связала вамъ этотъ кошелекъ. Прощайте, сегодня вы меня осудите, но завтра, разсмотрѣвъ свои чувства, найдете въ сердцѣ нѣкоторую дружбу ко мнѣ, и повѣрите, она стоитъ болѣе каприза. Вы хотите независимости—вотъ вамъ ваша Матильда; вы можете, не измѣняя высказаннымъ вами убѣжденіямъ, провести съ наслажденіемъ этотъ вечеръ. Я надѣюсь, она заставитъ васъ забыть ту, съ которою, нѣсколько минутъ

тому, вы были такъ откровенны, и которую никто никогда не узнаетъ.

Входитъ Матильда. Г-жа де-Лери идетъ къ ней на встрѣчу и ласкаетъ ее; Шавиньи на нихъ смотритъ, снимаетъ съ головы жены своей гирлянду г-жи де-Лери и возвращая ей, говоритъ:

Шавиньи. Простите меня—она все узнаетъ, а я никогда не забуду, что молодой проповѣдникъ читаетъ образцовыя проповѣди.

К О Н Е Ц Ъ .

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ КНИГЪ

ВАСИЛІА ПЕТРОВИЧА ПОЛЯНОВА,

КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛОВЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, ВАЗЫ И ЖУРНАЛА ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ.

*Въ С.-Петербурѣ, въ Гостинномъ-дворѣ, по Суконой-линіи
подъ № 17.*

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

НА 1851 ГОДЪ,

И ПРОДАЮТСЯ ВНОВЬ ВЫПЕДИШЯ КНИГИ.

(Цѣны на серебро).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, журналъ исторіи, политикъ,
словесности, наукъ и художествъ, 12 книгъ, съ
разными приложениями 16 р. 50 к.
ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕ-
СТВА 2 «
НАРОДНО-ВРАЧЕБНАЯ ГАЗЕТА, «Другъ Здра-
вія» 7 » 25 »

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ, 12 книгъ	7 » 50 »
СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА, издаваемая гг. Гречемъ и Бугарнымъ	15 » — »
РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ или Военныя Вѣдомости	15 » — »
С.-ПЕТЕРБ. РУССКІЯ ВѢДОМ. съ прибавлен.	15 » — »
— — — — — безъ прибавл.	12 » — »
— — — — — одинъ прибавл.	9 » — »
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, издаваемая О. И. Сенковскимъ, 12 книгъ.	16 » 50 »
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ	5 » — »
ВОЕННО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ ЛЕКSIKONЪ	3 » — »
ГИРЛЯНДА, журналъ шитья и вышиванья, 12 тет- радей съ картинками модъ	13 » — »
БОРНЫЙ ЖУРНАЛЪ, 12 тетрадъ	13 » — »
ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ	7 » 85 »
ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРО- СВѢЩЕНІЯ	13 » 50 »
ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕН- НЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ	8 » 50 »
ЖУРНАЛЪ КОННОЗАВОДСТВА и ОХОТЫ, 12 книгъ	10 » — »
ЖУРНАЛЪ ВЕТЕРИНАРНОЙ МЕДИЦИНЫ	13 » — »
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ СОЛДАТЪ, 6 книжекъ	3 » 85 »
ЖУРНАЛЪ МАНУФАКТУРЪ и ТОРГОВЛИ	7 » — »
JOURNAL DE S.-PETERSBOURG, французскій	15 » — »
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ, 50 номеровъ въ годъ	6 » — »
ЛУЧИ, журналъ для дѣвицъ	7 » 50 »
ЗВѢЗДОЧКА	6 » 50 »

Выписывающіе же оба журнала вмѣстѣ платятъ
11 р. сер. за журналъ, и только полтора рубля
сер. за пересылку.

ЛЪСНОЙ ЖУРНАЛЪ, 6 книжекъ	3 » 85 »
МОСКВИТЯНИНЪ, 24 книжки, съ парижскими кар- тинками модъ	61 » 50 »
МОРСКОЙ СБОРНИКЪ	4 » — »
НУВЕЛЛИСТЪ, музыкальный журналъ	14 » 50 »
ТИГОДНИКЪ	15 » — »

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА	2 » 11 »
КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА на русскомъ языкѣ	7 » 11 »
МАНУФАКТУРНЫЯ И ГОРНОЗАВОДСКІЯ ИЗВѢСТІЯ	3 » 11 »
ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ , научно-литературный журналъ, издаваемый А. А. Краевскимъ, 12 книгъ съ 12-ю картинками модъ	16 » 50 »
ПОСРЕДНИКЪ , газета промышленности, хозяйства и реальныхъ наукъ	5 » 50 »
REVUE ETRANGERE , безъ картинъ	19 » — »
— — съ картинами	23 » — »
ЭКОНОМЪ , хозяйственно-общепользная библиотека, 52 тетради, съ рисунками и образчиками сѣмянъ	7 » — »

ТАКЪ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ПАМЯТНУЮ КНИЖКУ на 1851 годъ	2 » 25 »
— — въ англійской папкѣ	2 » 75 »
КАЛЕНДАРЬ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ на 1851 годъ:	
въ бумажномъ переплетѣ	— » 85 »
— цвѣтной папкѣ	1 » 15 »
— кожаномъ корешкѣ	1 » 25 »
— сафьянномъ корешкѣ	1 » 55 »
— — chagrin	2 » 50 »
Въ полный сафьянъ на вел. бум. и зол. обрѣзомъ	3 » 50 »

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще какъ прежде издаваемыми, такъ и вновь выходящими замѣчательными произведеніями русской литературы, по всѣмъ отраслямъ наукъ в изящной словесности, находящимися въ моемъ магазинѣ, въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

Всѣ требованія будутъ выполняемы безостановочно, съ уступкою, соразмѣрною достоинству и количеству требуемыхъ книгъ.

Гг. завѣдывающіе полковыми и другими библиотеками могутъ высылать свои требованія съ частью причитающейся по сѣбѣ суммы; остальное же высылать по мѣрѣ скопленія суммъ, насколько не стѣсняясь.

Гг. иногородные, желающие иметь книги въ переплетѣ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожяномъ корешкѣ 20 коп. сер., въ сафьяномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. Если книги встрѣтятся форматомъ въ 4 д. листа или въ листъ, то плата за переплетъ удвоивается.

Ноябрь

1850.

Соломоръзки.

